

С.О. ШМИДТ

История
Москвы
и проблемы
московедения

КНИГА I

С.О. ШМИДТ

История Москвы
и проблемы
московедения

КНИГА I

Анон Вачнагова

С.О. ШМИДТ

История Москвы
и проблемы
москвоведения

В двух книгах

КНИГА I

Москва
Книжница – Русский путь
2013

УДК 908
ББК 63.3(2-2М)
Ш 733

ISBN 978-5-903081-31-8 (Книжница)
ISBN 978-5-85887-437-9 (Русский путь)
ISBN 978-5-903081-33-2 (Книжница, кн. 1)
ISBN 978-5-85887-442-3 (Русский путь, кн. 1)

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

На переплете:

А.М. Васнецов. Царская площадка и Красное крыльцо
Грановитой палаты в Кремле. 1904

На фронтисписе:

С.О. Шмидт.
Фотография И.М. Хилько. 2012

Шмидт, С.О.

Ш 733 История Москвы и проблемы москвоведения : в 2 кн. — Кн. 1 / Сигурд Шмидт. — М. : Книжница : Русский путь, 2013. — 576 с. : ил.

ISBN 978-5-903081-31-8 (Книжница)
ISBN 978-5-85887-437-9 (Русский путь)
ISBN 978-5-903081-33-2 (Книжница, кн. 1)
ISBN 978-5-85887-442-3 (Русский путь, кн. 1)

Новое издание избранных трудов видного российского историка, педагога, общественного деятеля, академика Российской академии образования, советника Российской академии наук С.О. Шмидта (1922–2013) объединяет в двух книгах свыше ста работ периода 1947–2012 гг. научного, научно-популярного, публицистического, мемуарно-автобиографического жанров по государственно-политической и социокультурной истории Москвы, проблемам развития краеведения и москвоведения.

Первая книга содержит работы, посвященные Москве со времен основания города до наших дней, историографии москвоведения, различным сторонам культурной и общественной жизни столицы. Особая тема — Арбат, малая родина автора. Издание адресовано историкам, архивистам, музейным работникам, краеведам; педагогам и учащимся; всем интересующимся историей и культурой Москвы и России.

УДК 908
ББК 63.3(2-2М)

© Шмидт С.О. (наследники), 2013

© Издание на русском языке, оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2007 г.

Автор — уроженец Москвы и постоянный житель Москвы — и по сей день уделяет Москве наибольшее внимание в своей деятельности исследователя, профессора, организатора работы по распространению исторических знаний. Из напечатанного в 2000 г. Биобиблиографического указателя* становится очевидным, что прошлому Москвы были посвящены и первая исследовательская статья, и первая документальная публикация, и даже первая газетная статья на рубеже 1940–1950-х гг., а 800-летию Москвы — и первые публичные лекции.

И затем, при заметном многообразии исследовательской проблематики, превалировало то, что прямо или косвенно связано с прошлым и настоящим Москвы, с проблемами москвоведения. События московской жизни — основная тема и монографий о России времени Ивана Грозного, и большинства исследований по историографии и истории культуры. А после семидесяти лет особо близкой темой стали «Арбат и арбатство», где исследовательским изысканиям сопутствуют впечатления памяти арбатского старожила. И когда автор увлеченно стал отдавать силы изучению жизни и творчества Пушкина, то и здесь самыми притягательными оказывались сюжеты, имеющие отношение к Москве.

Прошлое Москвы, московские историки, проблемы москвоведения — темы, на которые направлялось внимание и учеников по Историко-архивному институту. В последние десятилетия и организационно-редакторская работа связана не только с Археологической комиссией Академии наук (в изданиях которой много московского материала, а «Археологический ежегодник за 1997 год» был целиком отдан ему), но и с руководством изданием литературы по Москве и москвоведению, подготовкой «Московской энциклопедии».

Поскольку книга рассчитана и на исследователей, и на всех интересующихся историей Москвы и москвоведения, автор решил объединить в одном томе и работы строго исследовательского типа (с усложненным научным аппаратом), и доклады на конференциях, и статьи редакторско-рецензионного жанра, и журнально-газетную публицистику. Однако при отборе акцент делался на популярное по форме изложение — а это, прежде всего, публичные выступления на заседаниях перед широкой общественностью или обращенное к широкому читателю.

* Сигурд Оттович Шмидт: Биобиблиографический указатель / Сост. А.В. Мельников; вступ. ст. С.М. Каштанова. М., 2000. 195 с. (Ученые РГГУ).

В пяти разделах книги при распределении материала использован хронологический принцип. В разделе «Прошлое Москвы» — о Москве с XII в. до конца XX и о роли Москвы в истории и культуре России. В разделе «Москвоведение и очаги его развития» — только о XIX и XX столетиях и сегодняшнем дне. В разделе «Ревнители истории и культуры» преобладают материалы об историках, начиная с Татищева и Карамзина, о современниках и с мемуарной направленностью. Раздел «Представления изданий (предисловия, послесловия)» прежде всего должен напомнить об изданиях, обращение к которым важно для познания Москвы, ее культуры, привлечь внимание к биографиям замечательных москвичей.

В последнем разделе «Журналистские публикации бесед-интервью» объединено то, что имеет преимущественное отношение к собственно московской проблематике. Эти размышления передают восприятие историком и педагогом прошлого и настоящего дорогого ему родного города, особенностей повседневности московской общественной жизни и культуры. Естественно, в материалах этого раздела в наибольшей степени выявляется субъективность суждений, но преданная и в то же время пристрастная любовь к Москве — это тоже московская историко-культурная традиция.

Книга не вышла бы в свет без помощи Правительства Москвы.

В подготовке этого издания многим обязан руководителям Главного архивного управления города Москвы А.С. Киселеву, В.А. Манькину, М.М. Гориневу, сотрудникам Главархива Москвы Л.Н. Селиверстовой, Д.Б. Павлову и генеральному директору ОАО «Московские учебники и Картолитография» С.М. Линовичу. Особенно много сил вложили в эту работу редактор книги Л.Л. Пушкова и помощник в моих трудах последних лет А.В. Мельников. Душевная всем признательность.

Сигурд Шмидт

От редакции

В настоящем издании, как и в предыдущем, тексты публикуются без изменений, в порядке, установленном самим автором. В процессе редактирования по возможности полно проверены отсылки на источники, исправлены встретившиеся опечатки и унифицирована библиография.

Редакторские примечания сопровождаются пометой *Ред.* Пропуски в цитируемых автором текстах обозначены угловыми скобками. В квадратных скобках размещен восстанавливаемый автором текст, а также некоторые редакторские дополнения в настоящем издании. Список сокращений и именной указатель к обоим книгам издания размещены во второй книге.

Прошлое Москвы

ОСНОВАТЕЛЬ МОСКВЫ ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ

В связи с 800-летием Москвы решением правительства будет установлен памятник основателю города князю Юрию Владимировичу Долгорукому.

В 1147 г. Юрий Долгорукий пригласил в Москву своего союзника князя северского Святослава. «Прииди ко мне, брате, в Москов» — таково первое упоминание о Москве в историческом документе.

Через несколько лет на холме у слияния рек Москвы и Неглинной Юрий «заложил град Москву» — первые московские укрепления. Он строил новый город как крепость, предназначенную для обороны южной границы Суздальского княжества. Кроме того, Москва имела большое экономическое значение, так как здесь издавна проходили важные торговые пути. Позднее сказание повествует об основании Москвы следующим образом: «Князь великий Юрий Владимирович взошел на гору и обозрел с нее очами своими там и здесь по обе стороны Москвы-реки и за Неглинною. И полюбил же села оныя и повелел на том месте вскоре сделати малый деревянный город и прозвав Москва город по имени реки, текущей под ним».

Кремль Юрия Долгорукого был еще очень невелик и занимал лишь небольшую часть современного Кремля в районе Боровицких ворот.

Местность, где возникла Москва, была заселена задолго до Юрия Долгорукого. Об этом свидетельствуют данные археологических раскопок и письменные источники. Еще триста-четыреста лет назад русские писатели искали ответ на вопрос, «почему было Москве царством быти и кто знал, что Москве государством слыти?» Сказания о «начале Москвы» указывают на некоего боярина Кучку, владевшего «селами красными» в районе Москвы. Его будто бы победил и казнил Юрий Долгорукий. В этих преданиях истина переплетается с вымыслом, но и летописи еще в конце XII столетия также называли Москву — Кучково: «Москва рекше Кучково»; а местность вблизи Сретенских ворот долго именовалась «Кучковым полем». Известны и сыновья этого Кучки — Кучковичи, враждовавшие с Андреем Боголюбским.

Юрий Долгорукий — выдающийся государственный деятель XII столетия. В это время сильная и единая Киевская держава уже распалась на отдельные самостоятельные феодальные княжества, и политическое и экономическое значение

Впервые опубликовано: Ленинградская правда. 1947. 6 сент. Подпись: В. Боянов. В юбилейные дни 800-летия Москвы статья также публиковалась в газетах других городов. *Переиздано:* Московский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1996. Вып. 1. С. 336–340.

Киева ослабело. Причина этого процесса коренилась в общих условиях развития, в отсутствии экономической базы для существования большого государственно-го организма. Это была эпоха роста местной хозяйственной жизни; поднимались города, образовывались новые княжения — Черниговское, Волынское, Галицкое, Ростово-Суздальское и другие. Некоторые из княжеств по размерам не уступали европейским государствам.

Ростово-Суздальская земля была расположена в северной части волжского бассейна. В истории нашей страны она занимает особое место: здесь, на северо-востоке, образовался центр будущего национального объединения. Первым самостоятельным князем Ростово-Суздальской земли и был Юрий Долгорукий.

Юрий Долгорукий родился около 1090 г. Он происходит из славной плеяды первых киевских князей — строителей великой славянской державы Средневековья. Его отец Владимир Мономах остался в памяти народной как сильный и мудрый правитель, сумевший объединить под своей властью клонящуюся к упадку Киевскую Русь. Он, по словам современников, «много пота утер за землю русскую». Владимир Мономах был образованнейшим человеком своего века. Написанное им «Поучение» проникнуто народной мудростью и поэтической красотой. В нем Владимир призывает детей учиться: «Что вы уже умеете делать хорошего, то того не забываете, а что не умеете, тому учитесь...», «на войну выйдя, не ленитесь и не смотрите на воевод, не предавайтесь нитью, еде и спанью...»

Юрий был достойным наследником своего отца. С искусством искушенного дипломата он сочетал широту мысли, смелость, страстную любовь к родной русской земле. Юрий Долгорукий жил в трудное в истории родины время. Соседние народы угрожали славянским землям, а между русскими князьями шли распри и междоусобицы.

Князь Юрий Долгорукий неустанно стремился к усилению и укреплению Руси. Для этого ему прежде всего было необходимо укрепить свое положение внутри Ростово-Суздальского княжества. В борьбе с боярством за сильную самостоятельную княжескую власть Юрий нашел поддержку у горожан новых городов Северо-Восточной Руси. Сохранившиеся сооружения того времени являются как бы каменной летописью борьбы Юрия за подчинение княжеской воле местной знати старых городов — Ростова и Суздаля. Выражение спокойной, упрямой, подавляющей мощи и суровой простоты характерно для храмов, построенных по его повелению. В их числе — церковь Бориса и Глеба подле Суздаля. Строительство церкви Св. Георгия во Владимире предвещало уже перенос столицы во Владимир — следующий шаг к полной самостоятельности княжеской власти.

Молодое, быстро растущее Ростово-Суздальское княжество необходимо было обезопасить от нападений усиливающихся соседей — удельных князей и иноплемennых врагов. Юрий строит ряд пограничных крепостей, стараясь укрепить важные в торговом и экономическом отношении пункты. Он переводит на новое место город Переяславль, закладывает города Юрьев-Польский, Дмитров и, наконец, Москву. Почти одновременное строительство Дмитрова и Москвы имело целью укрепить подступы к Клязьме со стороны рек Яхромы и Москвы. Города эти строились на важных торговых путях. Постройка Москвы — западного передового поста Ростово-Суздальской земли — часть обширного плана Юрия Долгорукого. Пе-

ред его взором возникала широкая политическая и экономическая перспектива складывающейся русской государственности.

Юрий Долгорукий ставит перед собой задачу подчинить Великий Новгород — богатейший торговый город Европы — и успешно борется с другими князьями за политическое преобладание в нем. В этой борьбе его поддерживают и многие новгородцы, связанные с восточной торговлей.

Забываясь об укреплении своего княжества, закладывая новые города, борясь за Новгород, Юрий Долгорукий не расставался с мечтой овладеть Киевом. В этом он видел залог успеха своей объединительной политики. Юрий совершил несколько походов на Киев и в 1155 г. сделался киевским князем. В Киеве он и скончался в 1157 г.

Юрий Долгорукий — продолжатель политики славных древнерусских деятелей, носитель древнерусской культуры. Первый из выдающихся северных князей, он как бы переносит идеи величия и единства русской земли на север, олицетворяя собой живую традицию предшественников — киевских князей-объединителей. В Северной Руси продолжается общерусское летописание. Дети и наследники Юрия Долгорукого не оставили дела отца: Андрей Боголюбский возвеличил город Владимир, а Всеволод Большое Гнездо был так силен, что, по выражению автора «Слова о полку Игореве», «воины его могли Волгу веслами раскрепить и Дон шлемами вылить». Внук Всеволода — Александр Невский — отразил натиск немецких захватчиков на Чудском озере, окончательно отбросив немцев от русских земель, а правнук Александра Невского — Дмитрий Донской — возглавил борьбу русских людей за освобождение от татарского ига.

Юрий Долгорукий много сделал для усиления Северо-Восточной Руси. Своей политикой он содействовал созданию предпосылок для будущего национального объединения русских земель, центром которого и стала Москва.

Народ никогда не забудет того, кто заложил город Москву, сердце нашей Родины, город трудовой немеркнущей доблести и ратной славы, ныне столицу первой в мире великой социалистической державы.

РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ ИЗДАНИЯ «ИСТОРИЯ МОСКВЫ В ШЕСТИ ТОМАХ»

Сердцем Родины называет наш народ Москву — город великой трудовой доблести, немеркнущей ратной славы, знаменосца мира во всем мире. Велики исторические заслуги Москвы перед Родиной и перед всем прогрессивным человечеством. С чувством глубокой любви и уважения относятся к ней народы всех рас и наций.

Вполне понятен поэтому тот большой интерес, который вызвал у советской общественности выход в свет первого тома шеститомной «Истории Москвы», издаваемой Институтом истории Академии наук СССР¹.

Эта книга — итог длительной научно-исследовательской работы коллектива историков, изучивших многочисленные письменные и вещественные источники. К созданию ее были привлечены и известные ученые, уже зарекомендовавшие себя исследованиями по истории Москвы, и молодые научные силы. Совместная работа ученых старшего и младшего поколений привела к появлению серьезного научного труда.

Дворянские и буржуазные историки, писавшие о Москве, ограничивались, как правило, изучением ее территории. Авторы и редакторы вышедшей работы решительно отказались от такого узкого понимания вопроса. Они исходили из того, что история Москвы неразрывно связана с историей страны, что Москва исстари являлась центром национальной жизни русского народа, тем ядром, вокруг которого сложилось Русское централизованное государство. Это позволило им с большой убедительностью выявить и показать ведущую роль Москвы в хозяйственном, политическом и культурном развитии России.

Книга охватывает период феодализма и состоит из двух частей: «Москва в XII – начале XVII века» и «Москва в XVII веке».

О древнейших поселениях на месте нынешней Москвы рассказывает интересная подлывка, написанная А.В. Арциховским. Письменные источники XVI–XVII вв. сохранили лишь случайные упоминания о городищах в пределах Большой Москвы. Но на помощь историкам, изучающим письменные источники, пришли археологи, доказавшие, особенно раскопками последних лет, что в середине XII в. Москва уже была укрепленным пунктом, окруженным посадом, жители которого занимались ремеслом и торговлей. Таким образом, 1147 г. — год первого упоминания о Москве в письменных источниках — отнюдь не является годом ее первоначального заселения.

В 1156 г., по почину Юрия Долгорукого, на холме над Москвой-рекой строится «град мал и древян». Москва в то время была важным стратегическим пунктом на юго-западных границах Владимиро-Суздальской земли. Строительство московских укреплений происходило одновременно со строительством укреплений других городов этого края. Как правильно отмечает М.Н. Тихомиров, оно явилось прямым следствием экономического подъема, роста земледелия, ремесла и торговли Владимиро-Суздальского княжества.

Первый владими́ро-суздальский князь, сын Владимира Мономаха, Юрий Долгорукий как бы переносит сюда, на север, идеи единства и величия русской земли, олицетворяя собой живую традицию своих предшественников — киевских князей-объединителей. Владимиро-Суздальское княжество было сильнейшим из государств, образовавшихся на месте огромной древнерусской державы.

Кратки и отрывочны письменные сведения о Москве второй половины XII – начала XIII в., далеко еще не выявлены вещественные памятники этих лет, но и то, что нам известно, позволяет говорить о быстром росте Москвы, о повышении ее хозяйственного и политического значения.

Для возвышения Москвы имело большое значение то, что она занимала срединное положение на территории, где происходило формирование русской народности. В XIV–XVI вв. Москва, по определению И.В. Сталина, становится «основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством».

Вполне понятно, что наибольшее внимание в книге уделено истории Москвы в XIV–XVII в. Главы об экономике Москвы этого периода, написанные М.Н. Тихомировым, К.В. Базилевичем, С.В. Бахрушиным, Н.В. Устюговым, Е.И. Заозерской, С.К. Богоявленским, представляют серьезный научный интерес, показывая постепенное превращение Москвы в крупнейший торгово-промышленный город Восточной Европы, центр экономической жизни России.

В конце XIV – первой половине XV в. в Москве уже насчитывалось несколько тысяч дворов, и население ее постоянно пополнялось, главным образом за счет беглых крестьян и холопов, селившихся на посаде. К концу XV в. Москва по своим размерам превосходит крупные города Европы. Иностранцы путешественники первой половины XVI в. считали ее вдвое обширнее Праги и Флоренции, английский писатель конца XVI в. полагал, что она в целом больше, чем Лондон с предместьями.

Москва уже в XIV в. сделалась средоточием редких и сложных ремесел (в частности, оружейного дела), требовавших большого мастерства и длительной выучки. Начиная с конца XV в. московские ремесленники и торговые люди постоянно обслуживают уже не только местное население, но и отдаленные районы государства.

Разоренная в годы интервенции начала XVII в., Москва снова быстро восстанавливается, население ее достигает двухсот тысяч человек. В ней продолжает развиваться ремесленная специализация, память о которой до сих пор сохраняют названия московских улиц и переулков. Она становится местом возникновения первых мануфактур.

В книге приведены примеры постепенного развития рыночных отношений. С ростом производительных сил, с дальнейшим разделением труда, расширением товарного хозяйства, усилением обмена между областями появляются предпосылки для формирования класса купечества и создаются прочные основы «всероссийского рынка». Торговые связи Москвы расширяются. По данным новейшего исследования Д.И. Тверской, в Москве к концу XVII в. были 272 разновидности ремесла; сюда стягиваются товары из 157 городов и из 41 уезда. Это подтверждает выводы книги о важной роли Москвы в процессе объединения страны в единое экономическое целое и ликвидации остатков экономической раздробленности.

Москва XIV–XVII вв. — арена массовых восстаний, находивших отзвуки по всей стране. Составители книги безусловно правильно поступили, выделив в отдельные подглавки такие вопросы, как «Московское восстание 1382 г.», «Москва в годы восстания Болотникова», и в специальную главу — «Народные движения в Москве».

Впервые в исторической литературе уделено пристальное внимание восстанию 1382 г., когда народ поднялся на защиту родного города, осажденного татарами и покинутого митрополитом и боярами на произвол судьбы. Следовало бы также особо выделить восстание 1547 г. — «возмущение великое всему народу», вынудившее правительство провести серьезные преобразования, связанные с деятельностью «Избранной рады». Испуганный размахом этого восстания, Иван Грозный вспоминал впоследствии о нем: «...от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя».

Так называемые Соляной бунт 1618 г. и Медный бунт 1662 г., непосредственными поводами которых были правительственная политика безудержного повыше-

ния налогов и злоупотребления вельмож и богатых «гостей», — яркие проявления стихийного возмущения угнетенных классов в XVII в. Народные восстания в Москве — незабываемые страницы революционного прошлого русского народа.

С конца XV в. Москва становится столицей постепенно складывавшегося Русского централизованного государства. В ней сосредоточивается аппарат центрального управления огромным государством. Здесь заседает Боярская дума, работают приказы, собираются земские соборы, происходят смотры войск. Феодалы используют власть для усиления эксплуатации трудового народа: в Москве принимаются законы, закрепляющие бесправие и ограбление «черных людей».

Процесс образования централизованного государства ускорился потребностями обороны. Москва возглавила освободительную борьбу народа против чужеземного гнета. В XIV в. под ее знамена для совместной борьбы с татаро-монголами сходятся «от мала до велика» жители различных областей Руси.

Историческая победа на Куликовом поле в 1380 г. окончательно определила политический центр Руси — им способна была стать только Москва. Под ее руководством продолжается борьба с татарской ордой, закончившаяся в 1480 г.

В начале XVII в. под стенами Москвы в напряженных битвах с иноземными захватчиками решались судьбы Русского государства. Русские люди поднялись на борьбу с польско-литовским нашествием, поддерживая героическое сопротивление москвичей. Основную движущую силу освободительной борьбы, правильно утверждает А.А. Новосельский, составлял простой народ. Именно он довел освободительную борьбу до конца — Москва была освобождена от интервентов, упрочив за собой роль твердыни государственного единства.

Русское государство постепенно становится все более крупной международной силой, оказывающей влияние на политику европейских и азиатских государств. Представители этих государств все чаще появлялись в Москве, и голос московских дипломатов уверенно и твердо звучал при решении вопросов, затрагивающих русские интересы.

Москва делается центром притяжения братских славянских народов. Порабощенное население Украины, Белоруссии, Кавказа видело в Русском государстве освободителя от иноземного ига, обращалось в Москву за помощью и поддержкой. Выявление многосторонних связей русского народа с другими народами нашей страны — заслуга авторов соответствующих разделов книги: К.В. Базилевича, Е.Н. Кушевой, Н.В. Устюгова.

Большое внимание уделено в книге вопросам великой роли Москвы в процессе формирования русской национальной культуры.

Московская культура, истоки которой следует искать в народном творчестве, явилась наследником и продолжателем лучших традиций различных областей Древней Руси. Москве мы обязаны такими великолепными образцами живописи, как иконы (картины) Андрея Рублева, такими шедеврами зодчества, как храм Василия Блаженного, церковь и деревянный дворец в Коломенском, прозванный современниками «восьмым чудом света».

В московской литературе отразился процесс объединения русских земель и героической борьбы народа против иноземного гнета. В Москве велось общерусское летописание, проникнутое патриотическими представлениями о единстве и неза-

висимости русской земли. Здесь работала первая русская типография, здесь создавали свои произведения замечательные публицисты XVI в. Отсюда в XVI и особенно в XVII в. распространялись по всей стране научная и техническая мысль, зачатки светского просвещения. Годовые тиражи одних только букварей, выпускаемых Печатным двором, достигали нескольких тысяч экземпляров.

Таким образом, содержание первого тома «Истории Москвы» показывает, что авторы в основном справились со стоявшей перед ними сложной задачей — выявить и показать место Москвы в хозяйственной, политической и культурной жизни нашей страны. Москва предстает перед читателем как центр национальной жизни русского народа. Книга существенно обогащает также и представления читателя о России периода феодализма.

Необходимо отметить, что книга издана любовно и умело: напечатана красивым и удобным для чтения шрифтом, украшена заставками и иллюстрациями, удачно подобранными Н.А. Баклановой, снабжена указателями (именным, топографическим и географическим), обширной библиографией. К работе приложена папка с планами Москвы, выполненными главным образом И.А. Голубцовым.

Однако этому ценному и полезному изданию присущи отдельные недостатки.

Прежде всего вызывает возражение отсутствие единообразия в структуре разделов и в распределении материала внутри разделов и глав.

Так, о центральных правительственных учреждениях в XVII в. написано интересно и подробно, а правительственным учреждениям XV–XVI вв. уделено лишь несколько страниц. Неравномерно распределен материал о международных связях и об организации внешних сношений Русского государства. Тем самым у читателя не создается ясного представления ни об изменениях центрального правительственного аппарата, ни о росте международного престижа русского государства на протяжении XV–XVII вв.

Отдельные разделы книги перегружены излишними деталями, вряд ли нужными в издании обобщающего характера. Вместо того чтобы критически отобрать важнейшие факты, авторы стремились вместить в свои статьи буквально все, что обнаружено ими в архивах и накоплено специальными изысканиями. В результате явления второстепенного значения порой оказываются на первом плане. Так, в главе «Москва в годы крестьянской войны и интервенции начала XVII в.» об организации второго народного ополчения сказано значительно беднее, чем об организации польско-литовской интервенции. В главе упомянуто о встречах Лжедмитрия I с Мариной Мнишек и не нашлось места для рассказа о выступлении Минина перед нижегородцами. Деятельности замечательного русского просветителя Ивана Федорова уделено внимания меньше, чем переводным сочинениям XVII в., а о крупнейшем художнике своего времени Андрее Рублеве написано столько же, сколько о золотописцах Посольского приказа XVII в.

Авторы иногда слишком бегло останавливаются на вопросах, справедливо выделенных в предисловии как важнейшие. Вопрос о причинах возвышения Москвы, например, оказался сведенным к причинам образования Русского централизованного государства. Правильная мысль о связи возвышения Москвы с процессом складывания русской народности оказалась, по существу, нераскрытой. В том же плане написано о Москве как о центре складывающегося «всероссийского рынка».

Детальные описания торговли Москвы отодвинули на второй план анализ и оценку этого важнейшего процесса.

Иногда авторы ограничиваются только оценкой того или иного явления, не разъясняя его сущности. Например, упомянув о «прогрессивном войске опричников», авторы, прикрывшись цитатой, ничего не сказали о самом войске, не разъяснили, в чем заключалась его «прогрессивность».

Утверждение о том, что Москва — крупнейший русский город, с развитыми ремеслами и торговлей, было бы более убедительным, если бы авторы соответствующих глав показали разницу в этом отношении между Москвой и другими современными ей городами периода феодализма, не ограничиваясь лишь сравнением территории и количества населения.

Если в томе достаточно внимания уделено показу роли Москвы как центра русской государственности, зачинателя и руководителя борьбы за национальную независимость, то роль Москвы как центра антифеодального революционного движения осталась нераскрытой. Декларировав, что московское население выступало в авангарде классовой борьбы и что московское восстание 1547 г. «послужило сигналом, вызвавшим движение в различных частях страны», а московские восстания 1648 и 1662 гг. «нашли отклик по всей стране», авторы ограничились общими фразами, не показав, как же конкретно влияли восстания в Москве на распространение антифеодального движения в других городах.

В главах, посвященных истории общественной мысли, литературы, искусства, осталось невыявленным отношение к Москве как центру национальной жизни народа других городов страны. А ведь не случайно псковский монах Филофей, размышляя над судьбами родины, создал патриотическую теорию «Москва — Третий Рим». Не случайно и появление поговорок, вроде «Кострома городок — Москвы уголок», показывающих любовь к Москве и стремление к сближению с ней других городов России.

Говоря о многообразном значении Москвы в развитии русской культуры, авторы совершенно не отразили ведущей роли нашей столицы в создании общерусского литературного языка.

Книга является капитальным историческим трудом, снабженным большим справочным материалом и многочисленными сносками. Тем более досадно встретить в таком издании отдельные фактические ошибки, цитирование устаревших изданий, недостаточное использование новейших работ, указанных в библиографии.

Так, Посольский приказ как самостоятельное учреждение был основан не в конце XV в., а в 1549 г. До этого времени посольские дела были сосредоточены в Казенном приказе. Нельзя видеть в крепостничестве законодательстве 1580–1590-х гг. только лишь «ответ на отлив крестьянского населения из центра». Неверно утверждение, что крупные оборонительные сооружения возводились во второй половине XVI в., помимо столицы, только вблизи западных границ государства. Широко известно строительство городов и укреплений в это время на юге и востоке страны, где сохранялась еще угроза турецко-крымской агрессии. Непонятно, почему сведения по истории просвещения в Москве XVI в. приводятся главным образом по устаревшей работе В.С. Иконникова и т.д.

В целом книга написана простым, хорошим русским языком. Но ярких, запоминающихся страниц в ней обидно мало. Читатель редко встретит здесь увлекательные описания, живые характеристики, интересные, запоминающиеся сравнения и обобщения. Мало в книге выводов и объяснений, преобладают описания и перечисления.

Недостаточное внимание к научной популяризации исторических знаний, перегрузка исторических сочинений излишними подробностями, описаниями и отступлениями делают некоторые работы наших историков трудно доступными для неспециалиста, заставляя широкого читателя подчас обращаться к устаревшим и методологически неправильным работам.

История только тогда сможет выполнять свою задачу воспитателя и учителя современников, когда наряду со специальными изысканиями все чаще будут появляться книги обобщающего характера, рассчитанные на массового читателя, книги, написанные увлекательно и образно, пронизанные живой, критической, притягивающей к себе мыслью. Именно таким изданием и должна стать многотомная «История Москвы».

Вышедший из печати том — первый опыт создания марксистско-ленинской истории столицы СССР. Нет сомнения, что работы последующих лет расширят, дополнят, уточнят наши представления о Москве периода феодализма. Однако можно с уверенностью утверждать, что и тогда рецензируемая книга не утратит своего большого научно-познавательного значения.

¹ История Москвы: В 6 т. Т. 1: Период феодализма XII–XVII вв. / Ред.: чл.-корр. АН СССР С.В. Бахрушин, д-р истор. наук А.А. Новосельский, канд. истор. наук А.А. Зимин, канд. истор. наук Н.В. Устюгов. М., 1952.

В НАЧАЛЬНЫЙ ГОД МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

XVI в. — время не только политических катаклизмов, но и бюрократизации делопроизводства. Деловых документов становится все больше, и на многих из них почти непременно отмечали год, месяц, число и день недели, когда они были составлены, однако подавляющая часть этой датированной документации XVI в., в отличие от многочисленных документов следующего, XVII в., не дошла до нас: погибла от пожаров и небрежного хранения, была уничтожена за ненадобностью. Но и на основании сохранившихся (в подлинниках и копиях) документов и упоминаний о них, сопоставляя их содержание с различными повествовательными источниками, можно было бы попытаться восстановить типичный день работы дьяка и подьячего в приказе или монастырской служки (либо казначея), ведущего записи во вкладных и приходо-расходных книгах; описать, со ссылками на ис-

торические источники, день жизни воеводы или рядового воина в походе, крестьянина, ремесленника. Можно было бы представить и распорядок дня царя, и вопросы, какие он обсуждал на заседании Боярской думы или в «комнате» (т.е. личном кабинете) с ближайшими советниками. Еще в XIX в. большой русский историк Иван Егорович Забелин выявил для этого множество данных и нарисовал запоминающуюся картину каждодневной жизни московских царей и цариц; выводы и наблюдения ученых последующих поколений затем еще более детализировали наши представления. Однако это типологическое обобщение, облегчающее познание образа жизни людей той далекой поры, опирается на изучение источников разновременных и подчас возникших в удаленных друг от друга и от Москвы областях огромного государства. Перед нами же задача увидеть день века, точно датированный, и притом — в этой статье — день особо примечательный, сохранившийся надолго в памяти современников и даже потомков.

Памятные даты фиксируются и в письменных источниках, и в устных преданиях. Естественно, чем более значительным представляется событие, тем дольше живет в народной памяти воспоминание о нем. События, казавшиеся в те годы достойными сохранения в памяти, отмечались в летописях, где изложение велось в хронологической последовательности, по годам — «летам». Летописи называли тогда «памятными книгами времени», и справедливо: именно там сосредоточивались основные сведения о фактах государственно-политической истории.

Некоторым событиям посвящены в летописях особые повести. При составлении летописей, и прежде всего официальных (их вели при дворе государя или митрополита), использовали архивную документацию. В XVI в. летописное повествование становится более пространным, насыщается цитатами из документов: посольских книг, разрядных книг — записей служебных и придворных назначений, приговоров Боярской думы и соборов (земских или церковно-земских), уставных (законодательных) грамот, сыскных дел и т.п. Летописные известия используются в практике внутренней и особенно внешней политики: посольские переговоры дипломаты вели, «смотря в летописцы». В конце 1570-х – начале 1580-х гг. был составлен грандиозный лицевой летописный свод, где текст сопровождается иллюстрациями. Последняя часть его — отредактированная и дополненная копия официальной летописи о времени Ивана Грозного. Это так называемая Царственная книга, хранящаяся ныне в Государственном Историческом музее.

Летописи составляли не только в Москве, но и в других городах (причем в новгородских и псковских летописях явно обнаруживается иногда противомосковская тенденция), в монастырях. Появились и летописные записи полумемуарной формы, содержащие уникальные подробности, например, о событиях в Москве, при дворе. Распространение получают и «летописцы вкратце» или «летописчики». В основе их — зачастую более пространные летописи, что показывают и заголовки: «Сия книга, глаголемая летописец, сведенной вкратце» или «Летописец, написан из старых летописцев». К таким извлечениям сведений о прошлом иногда добавляли данные о более новых фактах (как местного, так и всероссийского значения). Отбор показателен — становится ясным, что именно, когда и где оценивали как «памятные события», как постепенно изменялось представление об историческом значении того или иного факта.

Применительно к России XVI в., видимо, можно говорить об исторической памяти, запечатленной на письме, и о фольклорной памяти. В письменных памятниках бóльшая точность в датировке, именах исторических, так как первоисточниками записей зачастую были подлинные современные документы. В устных же преданиях (где нередки фактические неточности, смешение дат разных событий) явственнее обнаруживается отношение в сравнительно широкой общественной среде к тем или иным историческим событиям и историческим деятелям. Упоминание каких-либо фактов, так сказать, общероссийского масштаба в летописях, составленных по прошествии немалого времени, или в летописчиках, содержащих преимущественно факты местной истории, опирается обычно на бытующие устные предания (и о недалеком, и о давнем прошлом), на фольклорную память; значит, именно эти исторические явления особенно крепко запечатлелись в народном сознании.

16 января 1547 или ноябрь 1552 г.?

16 января 1547 г. юный Иван Грозный (он родился 25 августа 1530 г.) стал первым царем всея Руси, а Москва сделалась царствующим градом. Ивана IV Васильевича венчали «венцом Мономаховым». «Шапку Мономахову» считали главной эмблемой царской власти вплоть до начала XVIII в. В этой короне изображали Ивана IV в лицевых летописях. По легендарным известиям — «древнему отеческому преданию», шапку Мономаха будто бы передал вместе с другими царскими регалиями византийский император внуку своему Владимиру II Всеволодовичу Мономаху, возродившему было в начале XII в. традиции подчинения всех князей Древней Руси власти киевского великого князя. Этот выдающийся государственный деятель, полководец и писатель признавался прародителем московских государей. И действительно, младший сын его Юрий Долгорукий был прадедом знаменитого Александра Невского — отца основателя московской династии Даниила, умершего в 1303 г. На самом деле, как выяснили ученые, шапка Мономаха — замечательный памятник ювелирного и прикладного искусства (хранящийся ныне в Оружейной палате Музеев Московского Кремля) — сделана не ранее рубежа XIII–XIV вв. Но в XVI и XVII вв. именно в шапке Мономаха видели символ царской власти и налагаемых на монарха обязанностей. Вспомним ставшую крылатой фразу из пушкинского «Бориса Годунова»: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!»

Венчанием на царство официально провозглашалось единодержавие государя всея Руси на всей территории государства. Это подрывало почву для притязаний отдельных областей государства на сохранение политической обособленности, а крупных феодалов (родственники царя и потомки полусамостоятельных удельных князей) на роль соправителей государя. Венчание на царство утверждало международное положение Российского государства; московский государь приравнивался, употребляя понятную нам терминологию, к государям великих держав прошлого и современного мира. В представлении современников понятия «государство» и «царство» становятся тождественными. Тогда в одном и том же смысле употребляли наименования «Российское царство» (или «Русское царство») и «Московское царство». (За рубежом Россию в XVI в. чаще именовали Московией, а русских — московитами.)

Акт венчания на царство 16 января 1547 г. казался историкам и государствоведам удобным для определения важной хронологической грани государственно-политической истории России. Венчание на царство стало зачином и знаменитого кинофильма С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный». Однако знакомство с летописями середины XVI в. и даже последующего времени убеждает в том, что современники не выделяли особо это событие из ряда других явлений государственной и придворной жизни. О нем упоминается кратко, и обычно вместе с рассказом о первой женитьбе Ивана IV 3 февраля 1547 г. Некоторые летописцы вовсе обошли вниманием это событие. В чем же причина?

Дело, видимо, не только в том, что свидетелями церемонии царского венчания (она происходила на небольшой территории в центральной части Московского Кремля) стало лишь весьма ограниченное число лиц, в основном приближенных Ивана IV. Главное в том, что этот торжественный акт никак не мог быть связан народом с каким-либо особо достойным уважением и запоминающимся поступком лично Ивана IV, которого уже тогда были основания осуждать за многое. Московский царский титул был многими фактически признан за Иваном лишь тогда, когда после падения Казанского ханства (в октябре 1552 г.) тот принял и титул царя казанского, тем более что возвращение Ивана IV после победоносного похода (хотя царь не обнаружил тут ни воинской доблести, ни стратегического таланта) ознаменовалось торжественными встречами его в старинных городах при большом стечении народа, а в Москве во время такой встречи царь (видимо, 17 или 18 ноября по новому стилю) «переменял» воинскую одежду и «положил царское одеяние», «на главу свою шапку Мономахову, сиречь венец царской», и в этом одеянии «пойде пеш в град», т.е. в Кремль. В тексте официальной летописи даже особо выделены слова заголовка «О пременении царьской одежи». Такой грандиозный триумф запомнился надолго. Это первый и даже, насколько известно, единственный случай публичного переодевания царя в торжественные царские одежды. И только тогда царя в этом одеянии и шапке Мономаха можно было долго лицезреть «множеству народа».

И потому-то подробное описание самого венчания на царство находим не в более ранних летописях, но лишь в Царственной книге, составленной уже в конце царствования Ивана Грозного. Оттуда узнаем, что в декабре 1546 г. Иван IV советовался с митрополитом не только о женитьбе, но и о желании «напред того на царство, на великое княжение сести», и о деталях церемонии 16 января 1547 г. Эти подробности, очевидно, были сразу же отмечены в разрядной записи церемонии венчания, но ее сведения не сочли нужным использовать при составлении официальной летописи даже в 1550-е гг. Зато не перешел в Царственную книгу из предыдущей летописи заголовок летописной статьи «О пременении царьской одежи» в 1552 г. Но поправки не могли ведь изменить суть событий.

Падение Казанского ханства, за спиной которого стояли могущественная в ту пору Османская держава со столицей в Стамбуле и ханства Восточной Европы, образовавшиеся на развалинах Золотой Орды, произвело ошеломляющее впечатление на современников и осталось едва ли не самой запомнившейся датой в истории России XVI столетия. В этом событии видели завершение многолетней борьбы с тяжким ордынским игом и с непрекращающимися набегами больших и

малых «орд» на южных и восточных рубежах Российского государства. «Казанское взятие» запечатлено во многих памятниках, изобразительных и письменных. В память об этой победе в Москве на Красной площади воздвигли прославленный Покровский собор — храм Василия Блаженного. Казанская победа стала излюбленной темой народных исторических песен. В них обнаруживается ясная идея: Иван только с завоеванием «Казанского царства» стал царем — взял у казанского «царя» царскую корону и снял царскую порфиру, он царский костыль в руки принял. И в то время князь воцарился и насел на Московское царство». В сношениях с другими государствами в обоснование прав Ивана IV на «титло царского имянованья» стали ссылаться не только на легенды, послужившие основой для чина венчания 1547 г., но и на то, что русский царь стал еще и царем казанским и астраханским, а «место Казанское и Астраханское извечно царское». Подобное объяснение начала «царства» в России повторяли и иностранцы — англичанин Горсей в конце XVI в., голландец Масса в начале XVII в., и даже в 1660-е гг. так говорили, писали и подьячие Посольского приказа, и русские послы за рубежом.

Акт 16 января 1547 г. был осмыслен и закреплен социальной памятью как значительная дата лишь в связи со всенародно прославленной победой, одержанной более чем пять лет спустя.

Конец июня 1547 г.

Между тем в начальный год Московского царства произошли события, которые сразу же и надолго врезались в народную память. Это — страшный пожар 21 июня и массовое восстание в Москве в конце июня 1547 г. Большие пожары обычно отмечали в летописях так же, как и природные бедствия — наводнения, землетрясения, засухи. Но о народных волнениях писали лишь тогда, когда они достигали особой силы.

Летописи — памятники феодального мировоззрения. Изображение людей там строго соответствовало представлениям об иерархии феодального общества; для описания действий простолюдинов место там находили редко. Составители официальных летописей действовали соответственно представлениям писателей того времени, склонных к обожествлению своего властелина: «Сего ради неправедно о царюющим худым многословити, ниже без муки, иже аще, что порочно, лепотнее бо есть царьское безобразие жития молчанием покрыти, якоже ризою» (слова дьяка Ивана Тимофеева). Если о церемониях придворного обихода и о военных походах узнаем много деталей, что позволяет иногда буквально по часам восстанавливать ход событий, то о фактах выражения народного недовольства в летописях оказываются далеко не полные, случайные сведения. Но тут перед нами такой случай, когда вовсе утаить факты было немислимо.

Однако составители официальных летописей, подробно описывая пожары, нарочито кратко и нечетко говорили о восстании народа, понимая, что изложение таких событий отнюдь не может способствовать возвеличению государя и прославлению его власти. Дополнительные сведения обнаруживаются в неофициальных московских летописях, в летописях других городов, в памятниках публицистики, в деловой документации. Эти данные, к сожалению, позволяют восстановить — и то

приблизительно — лишь фрагменты картины. Но все-таки дают представление о масштабах народного бедствия и о силе народного возмущения. Не стану утомлять читателя объяснением того, как можно сопоставить дошедшие до нас свидетельства, проверить степень их полноты и достоверности (попытка сделать это предпринята в посвященной «смятению» 1547 г. главе моей книги «Становление российского самодержавства»). Упомяну лишь о фактах, кажущихся несомненными. Их достаточно для того, чтобы понять, почему именно это событие запечатлелось более других в памяти Ивана Грозного и его современников и надолго осталось памятной датой и для последующих поколений.

Начало 1547 г. — трудное время для населения России. Тогда, по словам одного из летописцев, во всех городах «Московской земли и в Новгороде хлеба было скудно». Несмотря на это, велено было «имати» большую дань, и оттого жителям «тягота была велика». Наступила засуха, начинался голод. Весна 1547 г. ознаменована большими пожарами в городах. Особенно ужасные пожары бушевали в Москве. Пожар 12 апреля уничтожил большую часть Китай-города вместе с торговыми рядами. Через три дня, 15 апреля, вспыхнул пожар в Замоскворечье, точнее в Заяузье, где выгорели ремесленные слободы Гончары и Кожевники. Загорелось и в иных местах. Царь с семьей находился тогда в загородном селе Воробьеве (близ места, где ныне высотное здание университета). Не уехал ли он туда, спасаясь от пожара?

Сразу же поползли слухи, что виною пожара «зажигальники». Обвиняемых в поджоге хватили, пытали, вынудив, видимо, на пытке оговорить себя, а затем казнили: отсекали головы, сажали на кол и «в огонь их в те пожары метали». Возможно, что этой публичной казнью надеялись как-то успокоить посажан (термин «посажане» означал в XVI в. жителей городского посада) и предотвратить народное выступление. Не успели погорельцы восстановить свои жилища или даже только приступить к их восстановлению, как случился еще более страшный пожар — 21 июня. От свечи загорелась деревянная церковь, и «учало горети во все страны». Это послужило причиной такого многочасового пожара, что железо рдело, как в горниле, а расплавленная медь текла по земле. Огонь перекинулся и внутрь кремлевских стен; сгорели царский дворец, некоторые храмы, здания дворцовых служб и приказов, где погибло и множество документов. Загорелись кровли каменных соборов. Выгорело, видимо, все внутри Благовещенского собора — домовая церковь царя, а там был прославленный иконостас работы Андрея Рублева. Погибло и много книг на русском и греческом языках. Митрополит Макарий едва спасся из Кремля — ему «опалило очи», и он расшибся, сорвавшись с веревок, когда его спускали с кремлевской стены; сопровождавшие его погибли. Сгорело и задохнулось в этот день несколько тысяч человек. (Бедствия пожара запечатлены детально в миниатюрах Царственной книги.) Летописец — знаток и записей прежних лет — горестно заключил: «Таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоватися».

Сгорели, видимо, и хлебные житницы. А предыдущий год был неурожайным — цены на хлеб необычайно возросли. Дважды пострадавшие от пожаров, потерявшие близких и кров москвичи оказались еще и перед угрозой голода. Новгородский летописец заметил и более долговременные причины серьезного народного недовольства тем, что происходило в годы малолетства Ивана IV, охарактеризованные современником как время «безгосударства»: «Наипаче же в царствующей»

щем граде Москве умножившаяся неправда и по всей России от велмож, насилствующих к всему миру и не право судящих, но по мзде и дани тяжкие». Непосредственным поводом для «смятения» послужил ужасный пожар, как случалось и ранее, и позднее.

Царь, находившийся вне столицы, когда начался пожар, поспешил в нее. Пострадавшим была сразу же обещана помощь. А на следующий день (пожар прекратился ночью) царь и бояре отправились к больному митрополиту. Там, видимо, «поучали» юного государя «на всякую добродетель», «елико подобает царем быти», ибо пожары и другие бедствия, по средневековым представлениям, суть «божие наказание» государю и его государству за преступления.

Поведение Ивана IV давно уже вызывало недовольство, особенно опасное в такие дни. Не переставали говорить о том, что он, находясь в Коломне, где собралось русское войско в ожидании возможного набега крымского хана, внезапно казнил в июле 1546 г. знатнейших бояр, причем лишил их права причаститься перед смертью. В январе же, перед венчанием, царь казнил в Москве двух своих знатных сверстников, особенно близких ему доселе. С большой свитой он «гонял на подводах» по Новгородской и Псковской земле, грабил тамошние храмы, а 3 июня истязал в Подмоскovie семьдесят челобитчиков из Пскова, жаловавшихся на злоупотребления наместника. Именно между серединой 1546 и серединой 1547 г. появился, как убедительно показал академик М.Н. Тихомиров, остропублицистический памфлет, известный среди ученых под названием «Выпись о втором браке Василия III». В тексте было «предсказание» о рождении у Василия III (женившегося, в нарушение церковных правил, при живой жене, насильно постриженной в монахини, на юной княжне Елене Глинской) сына, который станет царем-мучителем, и «наполнится его царство страсти и печали». Эти поступки молодого царя вызвали задним числом такие прорицания...

Вероятно, «поучал» царя Ивана не старик митрополит, который едва ли уже оправился после всего, что перенес в день пожара, а близкий к нему священник кремлевского Благовещенского собора Сильвестр. И эти увещевания страшного в своих откровениях проповедника произвели сильное впечатление на нервного и восприимчивого молодого Ивана IV. Проповедь Сильвестра, видимо, была публичной, и это способствовало росту влияния его на окружающих царя. Впоследствии, очевидно, с этим событием князь Андрей Курбский, автор написанной в эмиграции «Истории о великом князе Московском», будет связывать и изменения в действиях царя, и начало деятельности нового правительства — «Избранной рады».

Рассказ Курбского о внезапном перерождении юного государя увлек своим пафосом историка Н.М. Карамзина, сформулировавшего тезис: «Для исправления Иоаннова надлежало стореть Москве». Описание Курбского покорило Карамзина с той большей легкостью, что укладывалось в облюбованную им схему русского исторического процесса, согласно которой «история народов принадлежит царю», а цари способны под влиянием мудрых советников изменять систему государственного правления. Рассказ Карамзина, в свою очередь, пленил последующие поколения, и мысль эта неоднократно повторялась и историками, и писателями, надолго сохранившимися в своих сочинениях мелодраматическую периодизацию времени правления Ивана Грозного.

На срочно созванном заседании Боярской думы говорили, конечно, о пожаре и о положении в Москве; и решено было пожаловать всех опальных, т.е. объявить всеобщую амнистию. В эти дни возникли вновь, как и в апреле, разговоры о «зажигальниках». На этот раз они обернулись против особо приближенных к царю князей Глинских — братьев его умершей матери. Тем более что дворы Глинских каким-то образом уцелели от огня. Глинских и их слуг называли виновниками катастрофы; обвиняли их и в измене, объясняя, что они делали зло, «норовя приходу» крымского хана. (Возможно, вспомнили, что Глинские находились в родстве с татарскими владетелями. И если по отцу Иван Грозный был потомком в пятом колене, т.е. прапраправнуком победителя на Куликовом поле Дмитрия Донского, то прапрапрадедом его матери был Мамай.) Поползли слухи о волшебстве — будто бабка царя колдовала, и «оттого Москва выгорела».

На заседании Боярской думы в покоях митрополита обсуждали, естественно, и вопрос, как реагировать на версию о поджоге Москвы Глинскими, и велено «того бояром сыскати». Вряд ли версия эта была выдвинута участниками собрания, но политическая гибель Глинских, вызывавших и прежде вражду старой знати, а теперь еще и новых родственников царя по жене, была предопределена. И Михаил Глинский, о котором Курбский писал, что он «всему злу начальник», и его мать постарались скрыться из Москвы (или — по другим сведениям — остались подо Ржевом, где тогда находились, и таились там в монастырях). Царь со своим двором был в эти дни в расположенном на горах селе Воробьево.

Возбуждение москвичей усиливалось. И, главное, они стали действовать организованно. О «множестве» людей писал впоследствии Иван Грозный. Курбский в 1570-е гг. отмечал: «Бысть возмущение велико всему народу, яко и самому царю утещи от града (т.е. Кремля. — С.Ш.) со своим двором». Особо выразительны и многозначительны указания неофициальных летописей на то, что москвичи собирались «вечем» и «миром».

Термины эти обозначали достаточно устойчивые понятия на протяжении XIV–XVII вв. «Вече» — организованное собрание, обычно созывавшееся колоколом. Значение слова «мир» менее определенное. Так называли вообще «общество» и в городе, и в деревне. В письменных памятниках XVI–XVII вв. «мир» часто выступает как значительная общественно-политическая сила. Такое понимание отразилось в фольклоре: «Коли миром все вздохнут, и до царя слухи дойдут», «Мир с ума сойдет — на цепь не посадишь», «Мир зинет — камень треснет».

Именно «вечем» двинулись москвичи в Кремль утром 26 июня, когда в Успенском соборе была торжественная служба. Само назначение такой службы может рассматриваться и как политический шаг, целью которого было не допустить народного волнения. Но «черные люди» все-таки оказались со своими требованиями на Соборной площади Кремля. Переговоры с духовником царя и боярами ни к чему не привели, и, ворвавшись в храм, они выволокли дядю царя (его воспитателя — «уя») Юрия Глинского, убили его и стали грабить дома Глинских и их слуг. Возможно, что Юрий Глинский был даже выдан боярами по требованию «черных людей», подобно тому, как в XVII в. пытались откупиться от восставших, выдавая им на расправу наиболее ненавистных лиц из правящей верхушки. Сцена расправы с Глинским запечатлена в миниатюрах Царственной книги.

Москва, как замечают писавшие об этом советские исследователи, фактически оказалась в руках восставших. Образовалось ополчение, вооруженное щитами и копьями, которое 29 июня «скопом» двинулось в Воробьево, требуя от царя выдачи его дяди Михаила и бабки. Это сильно испугало царя Ивана — он «удивился и ужасся». Царь или лица его окружения вступили в переговоры с восставшими. Убедив их в том, что Глинских не укрывают в царских покоях, вероятно, посулили поезжанам не только удаление Глинских от власти, но и удовлетворение других пожеланий и не стали, точнее не посмели, преследовать «черных людей», когда те ушли из Воробьева. Для замирения восстания имело значение и то обстоятельство, что так называемые «большие люди» — верхи посада — были напуганы размахом движения и постарались найти общий язык с правительством.

Московское восстание представляло собой, как и другие подобного типа восстания в Средние века, «примитивный бунт». А такие «примитивные бунты» были, по определению В.И. Ленина, «гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем борьбой». Идеи большинства участников восстания были значительно мельче объективного содержания их борьбы. Требования «черных людей» сводились прежде всего к расправе с Глинскими (олицетворявшими в их представлении произвол властей) и организации защиты от внешнего врага. «Большие» же люди, вероятно, имели более конкретную и деловую программу. Об этом позволяют судить проекты реформ и сами реформы рубежа 1540–1550-х гг., оказавшиеся выгодными и верхам посада.

Восстание побудило к временной консолидации разные прослойки класса феодалов (при поддержке, видимо, правительственных действий верхами посада).

Видимо, именно «вечу» — организованному собранию москвичей, возрожденной форме выражения народного общественного мнения, столь опасной для господствующего класса феодалов и самого государя, — феодальные верхи общества вынуждены были противопоставить свои довольно широкие по составу собрания — «соборы», которые стали собираться именно в это время.

Реформы в антагонистическом обществе, по определению В.И. Ленина, — «побочный продукт революционной борьбы». Об этом побуждают вспомнить факты русской истории, известные даже по школьным учебникам: «Правда Ярослава» (первые статьи древнейшей «Правды») появилась в ответ на волнения середины 1010-х гг. Статьи так называемой «Правды Ярославичей» в значительной степени были сформулированы после массовых восстаний конца 1060-х – начала 1070-х гг., Устав Владимира Мономаха — ответ на Киевское восстание 1113 г. Соборное Уложение 1649 г. вызвано к жизни прежде всего повсеместными восстаниями 1648 г. И реформы конца 1540-х – начала 1550-х гг., Судебник 1550 г. и уставные грамоты, предопределившие нормы местного управления, также обусловлены размахом классовой борьбы.

Созыв в середине XVI в. земских (точнее, церковно-земских) соборов, торжественная декларация планов государственных преобразований в 1549, 1550, 1551 гг. — знамение времени.

Через четыре года Иван IV говорил на заседании церковного Стоглавого собора, вспоминая июньское восстание 1547 г.: «От сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя». О восстании он напомним летом 1564 г. в ответном письме к

бежавшему в Польско-Литовское государство князю Курбскому. Его высказывания о восстании в этом письме окажутся затем включенными в приписку в Царственной книге, сделанную в последние годы жизни и едва ли не под его диктовку.

О том «народном смятении» многократно вспоминали историки, публицисты, государственные деятели и той эпохи, и более позднего времени. Вспоминали, обосновывая разные политические или историко-философские воззрения.

На многие годы запомнилось, отразилось не только в исторических источниках, но и в исторических судьбах страны самое большое народное восстание XVI в.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ НАЧАЛА МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

16 января 1547 г. великого князя московского Ивана IV Васильевича торжественно венчали на царство. Он стал царем и великим князем всея Руси. В представлении современников понятия «государство» и «царство» как бы отождествлялись. При этом одновременно употребляли наименования «Российское царство» (или «Русское царство») и «Московское царство». Словоупотребление «Московское царство» прочно вошло в обиход современников у нас в стране и за рубежом (Россию часто именовали «Московией»), а затем публицистов и ученых позднейшего времени. Выражение «в эпоху московского царства» встречаем у В.И. Ленина¹.

В появившихся позднее публицистических памятниках и в дипломатической документации особое значение придавали венчанию на царство юноши Ивана IV. Ученые постарались установить исторические и литературные обоснования этого акта и рассмотреть реальные политические предпосылки его в событиях 1546 г. Наиболее велико значение в литературно-идеологическом обосновании венчания на царство «Сказания о князьях владимирских», в котором повествуется о получении Владимиром Мономахом от византийского императора царских регалий. Часть «Сказания» послужила предисловием к чину венчания². При оформлении его опирались и на сведения о церемонии в феврале 1498 г., когда внука Ивана III Дмитрия провозгласили великим князем московским и всея Руси и возложили на него «шапку Мономахову и бармы». Уже отца Ивана IV Василия III и даже Ивана III иногда именовали царями, но это употребление царского титула имело скорее украшающее, чем официальное значение³. Обязательное и широкое распространение царский титул государя всея Руси получил лишь в 1547 г. Венчание на царство имело важные последствия для утверждения российского «самодержавства». «Самодержец» — «калька» греческого слова «автократор». Слово «самодержавство» (или «самодержьство») использовали тогда и для характеристики власти государя, и как обозначение суверенности государства.

Впервые опубликовано: Проблемы изучения культурного наследия: [Сб. в честь академика Д.С. Лихачева]. М., 1985. С. 167–176. *Переиздано:* Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 207–216.

Венчание на царство происходило в воскресенье в Успенском соборе Московского Кремля. Само место венчания — посреди собора, именно там, где благословляют архиереев («святителей ставят»), — должно было подчеркивать боговенчанность царей — «помазанников божиих». Вряд ли случайно и то, что днем венчания избрали тот, когда отмечали церковный праздник поклонения веригам апостола Петра. В честь этого апостола получил имя митрополит Петр, перенесший в начале XIV в. митрополичью кафедру в Москву и заложивший Успенский собор, ставший кафедральным собором главы русской церкви. Его считали объединителем земель вокруг Москвы, заступником московских князей; у его захоронения в Успенском соборе в день венчания была особая церковная служба.

Процедура венчания на царство, в частности, чин венчания и его редакции, изучены еще в конце XIX – начале XX в.⁴; особое внимание обращалось на значение «Мономахова венца» и предания, связанные с его происхождением. Именно в нем видели символ царской власти и налагаемых на монарха обязанностей. Вспомним ставшую крылатой фразу из пушкинского «Бориса Годунова»: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!» Шапка Мономаха хранится ныне в Оружейной палате Музеев Московского Кремля. Выяснено, что этот выдающийся памятник прикладного искусства конца XIII – начала XIV в. был поновлен в XVI в.: к древнейшей части добавили навершие — крест с жемчужинами — и большие рубины и изумруды. Быть может, это было сделано именно накануне венчания Ивана IV?

Однако особо памятной исторической датой венчание на царство утвердилось в сознании отнюдь не сразу. Первоначально акт этот не выделяли среди других явлений государственной и придворной жизни. Из событий начального года Московского царства сразу же и надолго врезались в память не венчание на царство, а «великие пожары» в Москве — в апреле и особенно в июне — и массовое восстание в конце июня 1547 г.⁵

Убедиться в этом позволяют летописи, а также дипломатические документы. Летописи называли тогда «памятными книгами времени»⁶. Составляли их и в Москве (официальные и иные), и в других городах, в монастырях. В большинстве из них об акте венчания в январе 1547 г. написано сравнительно скупо (и нередко вместе со сведениями о царской свадьбе в феврале 1547 г.) или вовсе ничего не написано.

Это обнаруживается в «летописцах вкратце», в которых сведения общерусского значения обычно извлекались из более пространственных летописей — самый отбор упоминаемых в кратких летописчиках фактов показателен и помогает понять: что именно, когда и где оценивали как «памятные» события и по каким причинам и как изменялись представления об их историческом значении.

Любопытно, что в местных летописях, составленных людьми, видимо, неблагоприятно относившимися к централизаторским тенденциям московского правительства, — в Четвертой Новгородской⁷, в Первой Псковской⁸, в компилятивном Соловецком летописце⁹, основанном на новгородских и псковских летописях, — о венчании на царство написано почти в одинаковых выражениях. Там отмечается «благословение святого великого чудотворца» митрополита Петра, венчание «по древнему царскому чину», поставление на великое княжение Владимирское, Новгородское, Московское и «всеа Руси», наречение царем и великим князем и «само-

держцем всеа Руси». Едва ли столь схожие тексты разных летописей не восходят к одному первоисточнику. Им мог быть текст послания митрополита Макария 1547 г. архиереям и в монастыри о венчании на царство, новом титуле государя (и быть может, и о царской свадьбе).

Однако этот (или подобный) текст оказался неиспользованным в официальной Степенной книге царского родословия, составление которой было завершено в 1560-е гг. Лаконичность сообщения Степенной книги о венчании на царство буквально бросается в глаза. Для монументального стиля этого «пышного исторического сочинения», по наблюдению Д.С. Лихачева, характерно «многословное изложение». Задачей автора было «представить историю как государственный парад»; идеализируются и государи, и события¹⁰. Последняя, 17-я степень Степенной книги посвящена времени правления «благородного и боговенчанного царя и государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси самодержьца». В этой степени 26 глав. Глава 8 имеет заголовок «О постановлении на царство и брак царя и великого князя». Но составители не выделили это событие особой летописной повестью и ограничились буквально несколькими словами. Об акте венчания написана одна фраза: «Доньдеже великий князь и царским веньцем веньчася рукою того преосвященнаго Макария митрополита всеа Руси». Не отмечена даже дата этого события, тогда как следующая же фраза начинается с указания на дату царской свадьбы. Упоминается о рождении трех сыновей и трех дочерей у Ивана IV и Анастасии¹¹. Завершается эта кратчайшая из глав 17-й степени Степенной книги словами: «Прочее же речется в степени сей в главе»^{*}.

Любопытно и то, что в так называемом Постниковском летописце середины XVI в., написанном в полумемуарной форме столичным дьяком Постником Губиным, о церемонии 16 января 1547 г. даже не упоминается. Между тем именно Постниковский летописец, как отметил впервые опубликовавший его М.Н. Тихомиров, поражает детальным знанием событий придворной жизни и уникальными известиями о том, что происходило как раз в 1546–1547 гг.¹⁴ (в том числе о подготовке к царской свадьбе)^{**}.

В официальной летописи, составленной в 1550-е гг. при царском дворе, в Летописце начала царства¹⁵ и в восходящих к его тексту в этой части летописных сводах (в Никоновской, в Львовской летописях¹⁶) венчанию на царство уделено уже больше места. И это понятно, так как задачей этого необычайного размера летописца было восхвалить первого русского царя в духе «идеализирующего биографизма XVI века» (определение Д.С. Лихачева¹⁷) и «изобразить начало царствования Ивана

^{*} Возможно, впрочем, что это означает отсылку к главе более ранней хронологически, 4-й степени, где излагается легенда о дарах византийского императора киевскому великому князю¹². Или здесь предполагалось изложить содержание соборной грамоты константинопольского патриарха 1561 г., утверждающей Ивана IV в царском сане (как это сделано было в позднем, так называемом Латухинском, списке Степенной книги, на текст которого ссылается Н.М. Карамзин¹³).

^{**} Правда, о содержании последних уцелевших листов Постниковского летописца следует говорить с осторожностью. Там оказались, как выяснил С.Е. Князьков, сшитыми не тетради, а отдельные листы. Это допускает и предположение об утрате листа (или листов) с изложением как раз событий середины января 1547 г.

как начало новой эры в мировой истории»¹⁸. «Описание чина венчания, — по словам Д.С. Лихачева, — напоминает текст церковного служебника. Весьма возможно, что в качестве составной части в описание вошло специально составленное на этот случай церемониальное руководство, причем при включении в Летописец будущее время изложения было переделано на прошедшее, но сохранились типичные для служебника заголовки: “Молитва”, “Возглас”, “И по молитве”, “И по многолетии” и т.п. Текст служебника начинался, очевидно, после фразы “Венчание же на царство великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси по отеческому древнему преданию сицево”. Составителю Летописца, по-видимому, принадлежит лишь вступительная часть, связывающая венчание на царство Грозного с преданием о мономаховых царских регалиях»¹⁹. Подробное изложение содержания документов, находившихся тогда в архивах — «хранилах» царских и митрополичьих, а иногда и включение полного текста таких документов в летопись — характерная черта официального летописания середины XVI в., особо отмеченная Д.С. Лихачевым²⁰.

Это описание венчания на царство Ивана IV близко — иногда даже текстуально — к описанию в официальной летописи венчания в 1498 г. внука Ивана III²¹. Чин венчания 1498 г. был, несомненно, использован при составлении церемониального руководства зимой 1546/47 г. (хотя сравнение летописных описаний обнаруживает заметные различия и в процедуре венчания, и в текстах произнесенных тогда слов)²².

Но подробнее всего события воскресного дня 16 января 1547 г., последовательные моменты церемониального действия, так же как и обсуждение вопроса о венчании на царство еще в декабре 1546 г., отражены в Царственной книге — официальной лицевой летописи, составленной в конце царствования Ивана Грозного²³, причем и в тексте, и в миниатюрах*. Лишь из Царственной книги (и ее копии — Александро-Невской летописи)²⁵ узнаем о совете Ивана IV с митрополитом 13 декабря 1546 г. не только о женитьбе (очень вероятно, что здесь — как и в других местах последней части Лицевого свода — использованы сведения Постниковского летописца), но и о желании его «наперед» того «на царство, на великое княжение сести» и о подробностях церемонии 16 января 1547 г.: о выходе Ивана IV в столовую брусяную избу дворца, об именах духовника государя Федора Бармина, конюшего князя М.В. Глинского**, казначеев Ивана Ивановича Третьякова и Федора Ивановича Сукина, дьяков Якова и Василия Григорьевичей Захаровых-Гнильевских, которым было доверено нести знаки царского достоинства из дворца в Успенский со-

* Царственная книга находится в Отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве (Синод, собр. № 149). Все миниатюры летописной повести «О венчании великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси на царство» (Л. 281 об. - 291 рукописи) воспроизведены в книге Фр. Кемпфера²⁴, отдельные миниатюры — в других изданиях.

** Дядя Ивана IV по матери — князь Михаил Васильевич Глинский — упомянут в конце описания венчания и в официальных летописях, составлявшихся в середине 1550-х гг., и в той же Царственной книге. Он «мису за ним (Иваном IV. — С.Ш.) злату со златыми денгами носил» и осыпал его деньгами. Видимо, М.В. Глинский был 16 января главным церемониймейстером. Это — показатель его особого значения при дворе, вероятно, проявившегося еще тогда, когда летом 1546 г. казнили знатнейших бояр по доносу дьяка В.Г. Захарова-Гнильевского (также названного в Царственной книге)²⁶. Курбский в «Истории о великом князе московском» писал, что именно М.В. Глинский «был всему злому начальник»²⁷.

бор²⁸. Следовательно, это было сразу же отмечено в разрядной записи церемонии венчания 1547 г.; но записи не сочли нужным использовать при составлении Летописца начала царства. К ним обратились более чем через 30 лет после событий января 1547 г. На особенности рассказа Царственной книги о венчании на царство обратил внимание уже автор первой монографии об этом памятнике А.Е. Пресняков, указавший и на пометы на рукописи («...да тут написать...», «...да тут же писать...»), свидетельствующие о том, что «рассказ составлялся, а не только переписывался»²⁹.

Таким образом, недостаточное выделение венчания на царство в 1547 г. из ряда других событий того же года в летописях, составленных в конце 1540 – 1560-х гг., очевидно. Быть может, это объясняется тем обстоятельством, что венчание царским венцом никак не связывали с каким-либо запоминающимся поступком лично Ивана IV — более того, во второй половине 1546 – первой половине 1547 г. не переставали говорить о недостойном поведении молодого государя, вызывавшем недовольство не только москвичей и нашедшем отражение в остропублицистическом памфлете, известном под названием «Выпись о втором браке Василия III»³⁰. Имело значение, видимо, и то, что церемония 15 января 1547 г. происходила на сравнительно небольшой территории центральной части Московского Кремля, где, помимо окружения государя, не могло находиться много народу.

Принятие московским государем царского титула было осознано многими лишь с принятием Иваном IV после падения Казанского «царства» (ханства) титула и царя казанского, тем более, что возвращение после победоносного похода в Москву в конце октября – начале ноября 1552 г. сопровождалось торжественными встречами при большом стечении народа: в Нижнем Новгороде, во Владимире, в Суздале, в Троице-Сергиевом монастыре, и эти встречи описываются в официальной летописи. Накануне «прихода царского к Москве» Иван IV ночевал в селе Тайнинском, где его встретили брат Юрий и остававшиеся в Москве бояре и «здоровствовали государю на царстве на Казанском».

В Москве (в районе нынешней ул. Сретенки) царь был торжественно встречен митрополитом, духовенством и боярами. Встречало царя такое «множество народу», что «поля невмещааху их», и «по обе страны пути бесчисленно народа, стари и уни, великими гласы вопиющий; ничтоже ино слышати токмо: “много лета царю...”» Царь и митрополит произнесли речи, а затем митрополит «со всем народом» стали на колени («пред царем на землю падает»). «И тут» царь Иван «переменил» воинскую одежду и «положил царское одеяние», «на главу свою шапку Мономахову, сиречь венец царьской», и в этом одеянии «поиде пеш в град», т.е. в Кремль. В тексте официальной летописи особо выделены слова «О пременении царьской одежи»³¹. В «Казанской истории», несмотря на расхождение в деталях с летописями (как уже отметил Г.З. Кунцевич)³², в описании встречи Ивана IV особо отмечено впечатление от одеяния его: «Бяше бо оболчен во весь царьский сан... в златная и сребряная одежа, и златыи венец на главе его с великим жемчугом и камением драгим украшен, и царьская порфира о плещу его. И ничто же ино видети и у ногу его развес и злата и сребра и жемчуга и камения многоценнаго — и никто же таких вещей драгих нигде же когда виде, удивляют бо сия ум зрящим нам»³³.

8 ноября в честь победы «был стол» у царя в Грановитой палате. День 8 ноября, можно полагать, избран не случайно. Это день архистратига Михаила и архан-

гелов. Архангел Михаил почитался как предводитель небесных сил, победитель сатаны³⁴. Пировали три дня. Раздавали награды — вотчины, поместья, кормления, деньги, дорогие одежды, ткани и сосуды, коней, доспехи, оружие. Ни о чем подобном летописцы не сообщали ни ранее, ни позднее.

Торжественно и публично отпразднованная победа, одержанная под предводительством Ивана IV, сделала понятной присвоение государю нового, более высокого титула. Это было закреплено публичным торжественным «пременением царьской одежды» — вся Москва увидела государя в Мономаховом венце. Это отвечало широко распространенным представлениям об этикете поведения и склонности к конкретизации их. Д.С. Лихачев справедливо указывает, закончив характеристику описания венчания на царство в 1547 г. в Летописце начала царства: «Такой церемониальный интерес имеют статья “О пременении царской одежды”, описание возвращения Грозного из Казани в Москву и т.д.»³⁵

Понятно, что такой грандиозный триумф запомнился надолго. Тем более, что напоминанием о нем стала заказанная для Ивана Грозного «шапка Казанская» — особая корона Казанского царства (также хранящаяся ныне в Оружейной палате). В описи архива Посольского приказа 1614 г. даже читаем о том, что в книгах, где приведены образцы титулования («начала») русских государей в грамотах, адресованных им «римским цесарем», и титулования русских государей в других грамотах, отправленных в «иные государства» или полученных оттуда, находилось и «венчанье» Ивана IV «на царство Московское в 64-м году»³⁶, т.е. в 1555/56 г.* Быть может, в середине 1550-х гг. произошло венчание Ивана IV с Казанской короной?

В русских посольских документах Ивана IV с 1550-х гг. величают уже и царем казанским, а затем и астраханским, и отмечают, сколько лет он является царем каждого из царств: «А царство наших Российского... Казанского... Астраханского...» лет. (Датой получения титула российского царя признавали 1547 г., казанского царя — 1552 г., астраханского — 1554 г.) И в сношениях с другими государствами в обоснование прав Ивана IV на «титло царского имянованья» стали ссылаться не только на легенды, послужившие основой для чина венчания 1547 г., но и на то, что Иван IV стал еще и царем казанским и астраханским**, а «место “Казанское и Астраханское” извечно царское»⁴⁰.

* Любопытно, что документальные материалы «поставления царского» 1547 г. были не в виде книги, а в виде «тетради». О такой тетради упоминают и опись Царского архива 1570-х гг. (причем ее в июне 1571 г. взяли в Александрову слободу³⁷), и, видимо, опись архива Посольского приказа 1626 г. В этой переплетенной (в «ырхе», т.е. в замше) тетради были «выписки из летописцев про великого князя Владимира Манамаха и чины поставления на великое княжество», «речи» — обращения Ивана IV к митрополиту Макарию и Макария к Ивану IV — и «венчание на царство царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси от Макарья митрополита»³⁸, т.е., очевидно, тот самый церковный служебник, который был использован затем при составлении летописи.

** Видимо, придавали значение и тому факту, что титулы российского царя и царя восточных царств оказались объединенными у наследственного государя, который одновременно являлся потомком (в пятом колене, т.е. праправнуком) и Дмитрия Донского — прославленного победителя на Куликовом поле — и Мамая (его крестившегося сына или внука признавали тогда родоначальником князей Глинских, из рода которых происходила мать Ивана IV Елена Васильевна)³⁹.

Вряд ли случайно и то, что рядом с новым царским моленным местом — «Мономаховым тронном», установленным в Успенском соборе 1 сентября 1551 г., — позднее поместили другое программное для того времени произведение — грандиозную 4-метровую икону «Благословенно воинство небесного царя» (или «Церковь воинствующую»⁴¹). На деревянных стенках трона изображены барельефные композиции, иллюстрирующие «Сказание о князьях Владимирских», в клеймах дверных створок — строки этого текста. В иконе в аллегорической форме прославляются ратные подвиги войска Ивана IV на Волге: на иконе изображены три царские короны (российская, казанская, астраханская), которыми венчают царя ангелы.

Падение Казанского ханства произвело ошеломляющее впечатление на современников и осталось едва ли не самой запомнившейся славной датой истории России XVI столетия. «Казанское взятие» запечатлено во многих памятниках — словесных и изобразительных. В память об этой победе воздвигнут на Красной площади знаменитый Покровский собор (храм Василия Блаженного). В Летописце начала царства последовательно и настойчиво проводятся два основных положения: необходимость утверждения самодержавной власти и историческая обусловленность победы Российского государства над Казанским ханством. Как торжество «самодержавства» Ивана Грозного и «всемирная победа» охарактеризовано «Казанское взятие» в Казанском летописце (или «Казанской истории»), составленном, видимо, в середине 1560-х гг. Именно это событие стало одной из излюбленных тем народных исторических песен. В них обнаруживается ясная идея: только с завоеванием Казанского царства Иван IV стал царем: он взял у казанского «царя» «царскую корону и снял царскую порфиру; он царский костыль в руки принял. И в то время князь воцарился и насел на Московское царство». Тем более, что царями принято было в то время — наряду с властителями, известными по Священному Писанию, государями древних монархий Средиземноморья и Ближнего Востока, государств Балканского полуострова в X–XIV вв. — после падения Византийской империи именовать официально только некоторых мусульманских государей — ханов Золотой Орды, позднее Казанского, Крымского, Астраханского, Сибирского ханств.

Подобное объяснение начала «царства» в России, видимо, крепко утвердилось. Его повторяли иностранцы: в конце XVI в. англичанин Джером Горсей, в начале XVII в. голландец Исаак Масса, основываясь, возможно, не только на бытовавших в России устных преданиях, но и на использовании этих фактов московским правительством в борьбе за признание титула русского государя⁴². И даже когда в 1667 г. в Испанию впервые прибыло русское посольство и переводчики царской грамоты спросили послов: «Что царь и самодержец разумеется?», им указали на два основания: первое — предание о присылке Владимиру Мономаху регалий византийского императора, и второе — то, что при Иване Грозном были покорены Казанское, Астраханское и Сибирское царства и «по тем великим царствам и государствам» русский государь в грамотах «царем и самодержцем описуется»⁴³. Немудрено, что основательно знакомый с документами архива Посольского приказа и порядками управления в России Григорий Котошихин примерно в то же время объяснял, что только с присоединением Казанского, Астраханского и Сибирского «царств» «учинился он, великий князь, над Московским государством, и над теми

взятыми царствы, и над прежними княжества царем и великим князем Иваном Васильевичем всея Руси; и таковым обычаем в Росийской земле началось царствование»⁴⁴. Такое же объяснение находим и в так называемой Вологодской летописи, составленной в конце XVI – начале XVII в.*

Таким образом, акт венчания на царство в январе 1547 г., столь удобный историкам и государствоведам для определения хронологических граней государственно-политической истории, сначала не был выделен социальной памятью из ряда других торжественных актов, происходивших в московской резиденции государя, и лишь закрепленный всенародно прославленной победой, утвердился как выдающаяся памятная дата. Даже в официальном летописании только к концу жизни Ивана Грозного сочли нужным и возможным подробно описать (в Царственной книге) и саму процедуру венчания на царство, и совещание, ему предшествовавшее, и устранить заголовок летописной статьи о «пременении царьской одежды» в 1552 г.

Наблюдения эти, думается, помогают конкретизации представлений об общественно-исторических воззрениях людей XVI столетия и понимании ими «памятных» событий, об изучавшемся Д.С. Лихачевым «летописном времени» и его внутренней и внешней «упорядоченности»⁴⁶ и связи с «эпическим временем».

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1967. Т. 1. С. 153.

² Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 49–53, 114–118, 154.

³ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 275.

⁴ Основная дореволюционная литература указана в кн.: Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901.

⁵ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. М., 1973.

⁶ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1906. Т. 13. С. 154.

⁷ Там же. Л., 1929. Т. 4, вып. 3. С. 619.

⁸ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 112.

⁹ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 193–194. См. также: Тихомиров М.Н. Малоизвестные памятники // Исторический архив. М.; Л., 1951. Т. 7. С. 20.

¹⁰ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 135, 136; Он же. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 99.

¹¹ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, втор. пол. С. 634–635.

¹² Там же, перв. пол. С. 188.

¹³ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 3 кн. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. 2, т. 8. Примеч. 163. О Латухинской степенной книге см.: Васенко Пл. Заметки к Латухинской степенной книге. СПб., 1902. Отд. оттиск.

¹⁴ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 168–173, 179–180; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 28.

¹⁵ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 49–50.

¹⁶ Там же. Т. 13. С. 150–151; СПб., 1914. Т. 20. С. 468–469.

* Известие: «В лето 7055-го благоверный великий князь Иван Васильевич царствия ради помазался на царство» — написано на полях со знаком вставки. Сообщение же о том, как Иван IV утвердился царем, связывалось со взятием Казани («В лето 7062-го. Царь великий князь Иван Васильевич всея Руси Казань взял, и царя Гедигера взяли в полон октября в 2 день, и сам стал царем, и царя Семиона Бекбулатовича понлил же»). В рукописи на полях возле этого известия нарисована мужская голова в царской короне⁴⁵.

- ¹⁷ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. Гл. 6.
- ¹⁸ Он же. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 364.
- ¹⁹ Там же. С. 367–368.
- ²⁰ Там же. Гл. 19: Архивы и летопись.
- ²¹ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 246–248.
- ²² Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. С. 275 и след.
- ²³ О времени составления Лицевого свода и последней его части — Царственной книги — см.: Амосов А.А. Из истории создания Лицевого свода: (Организация работ по написанию) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 212–227; Шмидт С.О. К изучению Лицевого летописного свода // Там же. С. 204–211. (В обеих статьях указана основная литература). См. также: Морозов В.В. Царственная книга как памятник летописания XVI века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- ²⁴ Kämpfer Fr. Das russische Herrscherbild von den Anfängen bis Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978. S. 193–197. № 106–118.
- ²⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 149–150.
- ²⁶ Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 239–255.
- ²⁷ Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 9.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 13, перв. пол. С. 451–453.
- ²⁹ Пресняков А.Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893. С. 13. Примеч. 22.
- ³⁰ См. о времени составления этого сочинения: Тихомиров М.Н. К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III // Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 78–82 (впервые статья опубликована в 1928 г.); Он же. Страница из жизни Ивана Пересветова // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 73; и в кн.: Русско-европейские литературные связи: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 402; Шмидт С.О. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 110–122.
- ³¹ ПСРЛ. Т. 13, перв. пол. С. 222–228; втор. пол. С. 517–522; Т. 29. С. 111–116.
- ³² Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец // Летопись занятий Археологической комиссии. СПб., 1905. Вып. 16. С. 494–495.
- ³³ Казанская история / Подгот. текста Г.Н. Моисеевой. М.; Л., 1954. С. 167.
- ³⁴ Об особом почитании архангела Михаила Иваном Грозным см.: Лихачев Д.С. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси: (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1972. С. 17–20.
- ³⁵ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 368.
- ³⁶ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 115.
- ³⁷ Там же. С. 36.
- ³⁸ Опись архива Посольского приказа 1626 г.: В 2 ч. М., 1977. Ч. 1. С. 209–210.
- ³⁹ Глинские // Русский биографический словарь. М., 1916. Т. 5: Герберский — Гогенлоэ. С. 317; Временник Общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 157, 195.
- ⁴⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 2-я (годы с 1533 по 1560). СПб., 1887. С. 437, 452 и др.
- ⁴¹ О наиболее вероятной датировке иконы см.: Морозов В.В. Геральдика на иконе «Благословенно воинство» // Советская археология. 1983. № 2. С. 247–253.
- ⁴² См.: Шмидт С.О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX вв.: Сб. ст. к 80-летию И.М. Майского. М., 1964. С. 538–539; Он же. Восточная политика Российского государства в середине XVI века и Казанская война // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России: Сб. ст. Чебоксары, 1977. С. 56–59.
- ⁴³ См. об этом: Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы. С. 397.
- ⁴⁴ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 1.

⁴⁵ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 173.

⁴⁶ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 263 и сл.

МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ МАКАРИЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVI В.

В докладе игумена Макария (Веретенникова) отмечены основные факты норм церковно-литературной деятельности митрополита Макария. Однако Макарий представляется современникам не только первым пастырем Православной церкви, церковным писателем и проповедником, но и крупнейшим деятелем культуры и государственно-политическим деятелем. Причем деятельность его протекала в годы, знаменательные для истории становления централизованного государства в России, в период утверждения основ государственного устройства и грандиозных внешнеполитических успехов, определявших во многом характер государственности, ибо присоединение Поволжья явилось важнейшим моментом образования в Восточной Европе многонационального государства. Это годы, по словам академика Д.С. Лихачева, «величайшего государственного торжества» в России XVI столетия¹.

О Макарии как о государственном деятеле писали более ста лет назад (Н. Лебедев, особенно К. Заусцинский), но утвердилось мнение, что мягкость характера помешала Макарию играть видную политическую роль в царствование Ивана Грозного. В последние десятилетия эта точка зрения изменилась: выявлено большое государственное значение культурной деятельности Макария (в трудах А.С. Орлова, С.В. Бахрушина, И.У. Будовница, Д.С. Лихачева и других), его активное участие в событиях политической жизни (в трудах, прежде всего, И.И. Смирнова)², особенно в деятельности церковно-земских соборов, в восточной (Казанской) политике государства³. Однако данные эти не обобщены. Задача этого сообщения — в тезисной форме показать некоторые аспекты темы, привлечь к ней внимание для дальнейшего исследования*.

К масштабной государственной деятельности Макарий приобщился не позднее 1526 г., став архиепископом Новгородским. Произошло это несомненно не без

* При этом необходимо иметь в виду состояние источниковой базы такой работы. До нас дошла лишь малая доля источников, даже из тех, которые известны по уцелевшим описям архивов XVI–XVII вв. Архив — «митрополичья казна» — с делопроизводственной документацией не сохранился, изменения внесены в летописные тексты, поновлен и текст многих публицистических памятников.

Впервые опубликовано: Тысячелетие крещения Руси: Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность» (Москва, 11–18 мая 1987 г.). М., 1989. С. 289–292.

воздействия иосифлянина митрополита Даниила. Если об участии Макария в соборе 1525 г., осудившем Максима Грека, нет прямых известий, то его участие в соборе 1531 г. очевидно.

Сан новгородского владыки был очень заметным в феодальной иерархии тех лет; в Новгороде при частой смене наместников постоянной реальной властью оставалась власть архиепископа. В Новгороде Макарий был убежденным проводником промосковской политики: уменьшилась степень самостоятельности и земельной независимости новгородских монастырей (что прослежено в трудах С.М. Каштанова, А.А. Зимина и других); Макарий решительно противостоял «мятежу» дяди Ивана IV князя Андрея Старицкого (1537 г.), рассчитывавшего на поддержку новгородцев.

Продолжая традицию новгородских иерархов (восходящую, по крайней мере, к Евфимию), Макарий также старался показать, что в централизуемом государстве именно Новгород — главный культурный центр. Но это не противопоставлялось центристскими тенденциям Москвы (характерны в этом плане написанные уже при Макарии послания Филофея, житие Михаила Клопского).

Перевод Макария в Москву в 1542 г. вряд ли можно рассматривать только в связи с борьбой княжеско-боярских группировок (близостью Макария с князьями Шуйскими). Макарий был тогда не только самым авторитетным и образованным пастырем, но и убежденным сторонником государственного единства. Необходим был и наставник юному Ивану IV. Макарий безусловно способствовал тому, чтобы Иван стал книгочеем; он же, вероятно, приохотил его к литературному труду. Однако на нравственные устои его Макарий оказывал влияние сравнительно недолго.

В Москве Макарий, по-видимому, старался опереться на такую традицию московского правления, когда при малолетнем государе особое значение — в частности, в делах внешней политики — приобретали митрополиты (Алексий в XIV в.). Макарий уже с середины 40-х гг. был сторонником активизации восточной политики и прекращения боярских распри. Он не был пассивным в борьбе группировок за власть: препятствовал удалению от Ивана IV Воронцовых, в конце 1546 г. призвал к себе во время приема Иваном IV опальных бояр и позднее пользовался правом «печалования» (1547 г. — после бегства М.В. Глинского и И.И. Пронского). Лишь при участии митрополита, а вернее всего, и по его инициативе мог быть переведен из Новгорода в придворный храм в Кремле протопоп Сильвестр. Фактически он был приставлен Макарием к юноше Ивану IV, хотя, можно полагать, и похитил у митрополита долю влияния на государя. Описанная позднее и царем, и Курбским обличительная речь Сильвестра после пожара в июне 1547 г., оказавшая столь большое воздействие на царя, была произнесена, видимо, в покоях митрополита⁴.

В том, что Макарий был если не инициатором венчания Ивана IV на царство (хотя это представляется наиболее вероятным), то руководителем этого мероприятия, предопределившим выбор места и дня и сам чин венчания, у ученых нет сомнений. С этим обнаруживается прямая связь и дальнейшей деятельности Макария — отражавшей официальную доктрину «святорусского государства» — по созданию памятников письменности, фресок и икон, украшению Успенского собо-

ра «Мономаховым тронem», по восстановлению храмов и библиотек после московского пожара 1547 г.

Хотя Макарий сильно пострадал во время пожара в июне 1547 г. («разбился велми», «опалеста ему очи от огня»), он беседовал с царем⁵; и Боярская дума и ближние люди собрались у его постели в Новинском монастыре, куда Иван IV «со всеми бояры к нему на думу приезжал». Опубликовавший текст Постниковского летописца академик М.Н. Тихомиров заметил в этой связи: «Оказывается, Боярская дума не собиралась без его участия»⁶. По позднейшей приписке в официальную летопись (отражавшей мнение Ивана IV), версия о виновности в поджоге Москвы родственников царя по матери князей Глинских была высказана в этих митрополичьих покоях царским духовником и группой бояр.

О характере участия Макария в повседневной правительственной деятельности судить трудно, так как до нас не дошли материалы заседаний Боярской думы и большинство документов приказного делопроизводства⁷. Но то, что осталось, показывает несомненную политическую активность Макария. Особенно показательны находка судного списка процесса Исака Собаки конца 40-х гг., соборы против еретиков (в частности, грозная реплика первому по положению дипломату дьяку И.М. Висковатому: «Не растеряй списков»)⁸. Макарий управлял Москвой во время отсутствия царя (что отражено даже в разрядных книгах), он единственный из митрополитов принимал (в середине 50-х гг.) послов Польско-Литовского государства и отправлял туда послания. Макарий был убежденным и деятельным проводником линии вмешательства главы Церкви в жизнь государства, в определение тенденций правительственной политики, и при этом отнюдь не всегда в унисон с намерениями царя и его окружения. Резко противопоставлять в этом плане Макария митрополитам Даниилу или Филиппу нет серьезных оснований.

Особенно заметна роль Макария в обосновании и осуществлении восточной политики Российского государства. Эти вопросы обсуждались соборно; Макарий выезжал к войску во Владимир, уговаривая воевод не местничать (1550 г.); писал послания царю и войску; организовал торжественную встречу победителей в Москве, знаменовавшую как бы утверждение Казанской победой венчания ранее Ивана IV царским венцом⁹. В Успенском соборе помещена была в конце 50-х гг. грандиозная икона «Благословенно воинство небесного царя» («Церковь воинствующая»), прославляющая подвиги на Волге.

В «Повести о свершении большия церкви Никитского монастыря», составленной в конце 1564 г., Иван Грозный рассчитывает на помощь «русских чудотворцев» и в их числе «новойшаго Макария митрополита» («новопреставльшагося архиепископа Макария митрополита»)¹⁰. Это показывает, как высоко ставили Макария в общественном сознании в самый канун опричнины. Но знаменательно и то, что Макарий не был канонизирован.

События опричнины отодвинули от власти тех, кто стоял близ трона в предшествующие годы. Предпочел покинуть митрополичью кафедру Афанасий. Сместились оценки: Макарий изображался так, как удобно было публицистам, писавшим уже после его кончины. Поэтому серьезная источниковедческая задача — выявление всех более или менее объективных данных о деятельности Макария, рассмот-

рение их в хронологической последовательности и в сопоставлении с другими фактами общественной жизни.

¹ Лихачев Д.С. Литература «государственного устройства» (середина XVI века) // Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. М., 1985. Т. 7: Середина XVI в. С. 5.

² Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.

³ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. М., 1973; Он же. Восточная политика Российского государства в середине XVI века и Казанская война // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России: Сб. ст. Чебоксары, 1977. С. 25–62.

⁴ Шмидт С.О. К изучению «Истории» князя Курбского (О поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь: Сб. к 60-летию акад. Б.А. Рыбакова. М., 1968. С. 366–374.

⁵ Жарков И.А. К истории московских пожаров // Исторический архив. 1962. № 3. С. 224, 225.

⁶ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 172.

⁷ Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.

⁸ Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Подгот. к печати Н.Н. Покровский. М., 1971.

⁹ Шмидт С.О. Памятные даты начала Московского царства // Проблемы изучения культурного наследия: Сб. ст. М., 1985. С. 167–176. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 24–33.]

¹⁰ Тихомиров М.Н. Новый материал об Иване Грозном // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 254, 255.

К ФАКСИМИЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Лицевой летописный свод второй половины XVI в. — вершинное достижение древнерусского книжного искусства. Ему нет аналогов и в мировой культуре этого столетия. Лицевой свод — и самое грандиозное по объему летописное произведение в Древней Руси.

«Лицевыми» в Средние века называли иллюминированные (иллюстрированные) рукописи с изображениями людей — «в лицах». В Лицевом своде около 10 тыс. рукописных листов, более 16 тыс. миниатюр. Лицевой свод давно уже привлекает внимание и искусствоведов, и книговедов, и историков — особенно тех, кто исследует проблемы развития общественного сознания, историю духовной и материальной культуры, государственно-политическую историю времени Ивана Грозного. Этот драгоценный памятник культуры необычайно богат информацией и для специально изучающих особенности исторических источников разных типов: словесно-письменных (а там, где приписки, — и устных, непосредственно запечатлевших разговорный язык), изобразительных, вещественных, поведенческих.

Работа по составлению Лицевого свода не была полностью завершена. Кипы листов оставались и в XVII в. переплетенными. Не позднее первой половины XVIII в. массивы листов колоссального летописного свода были уже рассредоточены. Переплетали их независимо друг от друга; и некоторые из этих образовавшихся фолиантов получили названия по имени их обладателя (или одного из обладателей на протяжении XVII–XIX вв.). Постепенно Лицевой свод стал восприниматься как монументальный корпус из десяти огромных томов. При этом выяснилось, что отдельные листы и даже массивы листов утрачены, а при переплетении в книги порядок листов местами нарушен.

Условно этот десятитомный рукописный корпус можно разделить на три части: три тома всемирной истории, семь томов отечественной истории; из них пять томов — летописание «лет старых» (за 1114–1533 гг.), два тома — летописание «лет новых», т.е. времени правления Ивана IV. Полагают, что не дошли до нас листы о начальной истории Отечества (до 1114 г.), возможно, и о всемирной истории X–XV вв., до времени после падения Византийской империи, а также листы с изложением событий отечественной истории последних полутора десятилетий царствования Ивана IV (или заготовки к ним), так как в середине XVIII в. еще сохранялись листы о венчании на царство Федора Ивановича.

Уже в XIX в. части («тома») Лицевого свода находились в трех государственных хранилищах, ныне имеющих наименования: Государственный Исторический музей (ГИМ) — в Москве, Библиотека Российской академии наук (БАН) и Российская национальная библиотека (РНБ) в Санкт-Петербурге. Приводим считающиеся общепринятыми еще около двухсот лет назад названия «томов» Лицевого свода и кратчайшие данные об их местонахождении и содержании:

Музейский сборник (ГИМ). 1031 л., 1677 миниатюр. Изложение священной, древнееврейской и древнегреческой истории от сотворения мира до разрушения Трои в XIII в. до н.э.

Хронографический сборник (БАН). 1469 л., 2549 миниатюр. Изложение истории Древнего Востока, эллинистического мира и Древнего Рима.

Лицевой хронограф (РНБ). 1217 л., 2191 миниатюра. Изложение истории древнеримской империи с 70-х гг. I в. до 337 г. и византийской истории до X в.

Голицынский том (РНБ). 1035 л., 1964 миниатюры. Изложение отечественной истории с 1114 до 1247 г. и за 1425–1472 гг.

Лаптевский том (РНБ). 1005 л., 1951 миниатюра. Изложение отечественной истории за 1116–1252 гг.

Остермановский первый том (БАН). 802 л., 1552 миниатюры. Изложение отечественной истории за 1254–1378 гг.

Остермановский второй том (БАН). 887 л., 1581 миниатюра. Изложение отечественной истории за 1378–1424 гг.

Шумиловский том (РНБ). 986 л., 1893 миниатюры. Изложение отечественной истории за 1425, 1472–1533 гг.

Синодальный том (ГИМ). 626 л., 1125 миниатюр. Изложение отечественной истории за 1535–1542, 1553–1567 гг.

Царственная книга (ГИМ). 687 л., 1291 миниатюра. Изложение отечественной истории за 1533–1553 гг.

Первой частью Лицевого свода, доступной изучению, стали листы о событиях отечественной истории 1533–1553 гг. Историк князь М.М. Щербатов велел их переписать и издал в 1769 г. этот текст под названием «Царственная книга». Специальным исследованием отдельных «томов» Лицевого свода и всего летописного свода в целом (и текста, и миниатюр, и бумаги) занялись лишь в конце XIX в. С рубежа XIX и XX вв. прижилось и определение его историком А.Е. Пресняковым — «историческая московская энциклопедия XVI века». Лицевой свод можно так называть не только из-за имевшихся там сведений об исторических (или казавшихся такими) явлениях, но и потому, что получаем представление и об общественно-историческом мышлении тех лет и о способах — «обычае», как выражались в окружении Ивана Грозного, — извлечения и демонстрации исторической информации.

Уже авторами древнейшего летописного общерусского свода, «Повести временных лет», в XI в. отечественная история мыслилась во взаимосвязи с всемирной историей, начинавшейся, по их понятиям, с описанного в Библии. При этом в Средние века выделялось то, что казалось наиболее значительным (а также и знакомым из предшествовавшей литературы). А общий путь развития мировой истории — по понятиям российских книжников XVI в. — это переход центра мира из Райского сада в Палестину, а затем последовательно через Вавилон и Персию, державу Александра Великого и императорский Рим, Византию и славянские государства на Балканах — в Россию, в Москву. В этой системе циклов мировой истории (присущей историческим обобщениям в средневековой Европе) Российское государство, особенно после венчания Ивана IV на царство, представлялось как высшая из достигнутых человечеством ступеней. При таком жестком и строго оценочном определении глобального пути мировой истории очевидно, что за пределами его многие страны, народы, эпохи. Но избранное для описания изображалось с подробностями; и для повествования о каждом историческом цикле отбирали наиболее известные тогда историко-литературные источники в переводной литературе и в литературе отечественного происхождения.

Текст Лицевого свода — компиляция из сочинений предшествовавшего времени. Однако постепенно выясняется, что не довольствовались копированием текста одной рукописи: привлекались зачастую и другие списки этих сочинений, вносились не только грамматические исправления и стилистические изменения. Кропотливая исследовательская работа по уточнению таких наблюдений — пока еще в начальной стадии. Зато значительную литературу — и во многом полемической направленности — вызвали приписки и исправления в тексте двух последних томов, тенденциозно изменяющие изложение и трактовку событий времени Ивана Грозного. И правка эта воспринимается как особо важный источник при изучении государственно-политической истории той эпохи и для ознакомления с политическими взглядами и моральными установками царя Ивана IV.

Несомненны и парадный характер Лицевого свода, и сложность работы по оформлению его белых листов с текстом, написанным каллиграфическим полууставом, и множеством миниатюр, к тому же во всех томах по единому принципу раскрашенных (в двух последних — о «летах новых» — миниатюры и заготовки к ним не раскрашены). Теперь все более уясняется, что первоначально составлялись черновики рукописей и заранее определялись и тематика миниатюр, и место их на листе

рукописи. Такую скрупулезную работу можно было осуществить только усилиями коллектива (или коллективов) и писцов, и художников, а в «артели» миниатюристов, видимо, было разделение труда, позволявшее в ускоренные сроки выполнять такое ответственное задание. Совершенно очевидно, что это — работа и не одного года.

В вопросе о времени оформления всего массива листов Лицевого свода нет единогласия. Исследование Н.П. Лихачевым в конце XIX в. водяных знаков (филиграней) бумаги листов этих рукописей вернуло памятник, относимый многими ранее к XVII столетию, ко второй половине царствования Ивана Грозного; хотя остается невыясненным: каким чудесным образом основной массив листов Лицевого свода, как и основной массив посольских дел конца XV–XVI в., уцелели в лихолетье «смуты» начала XVII в. Соображения историка Н.П. Лихачева сразу же были признаны образцово доказательными виднейшим филологом и языковедом А.А. Шахматовым, а в советские годы наблюдения эти как классический пример убедительного использования данных филигранологии для датировки рукописей приведены в учебных пособиях авторитетнейших специалистов по источниковедению (М.Н. Тихомирова), палеографии (Л.В. Черепнина), в книге о текстологии Д.С. Лихачева. Полистное изучение в 1980-е гг. А.А. Амосовым филиграней всех томов Лицевого свода подтвердило вывод Н.П. Лихачева: бумага листов его выделки — конца 1570-х – начала 1580-х гг. Тем не менее и по сей день некоторые историки, опираясь на содержание и публицистическую тенденциозность приписок и исправлений в последних двух томах Лицевого свода, продолжают придерживаться мнения, что эта фальсификация (а следовательно, и оформление белового текста) относится к предшествовавшим годам правления царя Ивана.

При этом не следует упускать из виду то, что датировка бумаги фиксирует лишь время, ранее которого не могла быть создана данная рукопись, текст же ее может быть и копией ранее написанного. Не исключено, что первоначальный текст листов этого летописного свода был подготовлен еще в 1550-е – 1560-е гг., а во второй половине 1570-х гг. царь Иван возвратился к этому замыслу и дал распоряжение подготовить беловой текст рукописи с миниатюрами, и правка, относящаяся к изложению времени его правления, была внесена именно тогда. Не установлены пока и имена руководителя (руководителей?) и исполнителей этой многотрудной и длительной творческой программы.

В то же время общепринятым стало представление о взаимосвязи замыслов таких огромных литературно-официальных предприятий, как создание Лицевого свода, Великих Четых-Миней и Степенной книги (задачей составителей которой было показать восхождение не только российской государственности, но и российской церкви по ступеням лестницы, ведущей к утверждению значения отечественной истории в мировой). И все это можно рассматривать и оценивать в контексте с другими начинаниями времени укрепления идеологии «самодержавства» и понятий о мировом величии России после победоносных достижений во внешней политике и реформ 1550-х гг., а также с церковно-просветительской деятельностью митрополитов Макария и Афанасия.

Несомненно и то, что Лицевой свод — показатель особо почтительного отношения в ту пору не только к значению изобразительного искусства — искусства фресок и икон (также и художественного шитья), но и искусства рукописной

книжности. Напомним, что это и время творческой деятельности первопечатника Ивана Федорова и его сподвижников, а первая датированная книга первопечатника «Апостол» признается — и по художественному оформлению, и из-за отсутствия печаток — шедевром печатного искусства.

В Лицевом своде миниатюры представляют зрителю такой же повествовательный рассказ, какой читателю передается словами. Потому-то редактировали и нарисованное. В фолиантах летописного свода изобразительный материал занимает около двух третей всего объема рукописного корпуса. Нерасторжимость словесного и изобразительного компонентов в Лицевом своде очевидна. Но каждый имеет и самостоятельное значение и ценность. И пока не всегда ясно, чем руководствовались при определении числа миниатюр, относящихся к тому или иному «отрезку» текста, и «повествовательных единиц» (определение Д.С. Лихачева) в одной миниатюре, а также отсутствие миниатюр в некоторых частях текста.

В рукописях томов Лицевого свода преобладают многофигурные и многоэпизодные композиции. И тематика изображаемого многоотнаменна (государственно-политическая и церковная история в событиях и лицах, памятники истории и культуры, бытовой обиход, пейзаж — особенно городской) и многожанровая.

Заметна учительно-назидательная направленность миниатюр. Это — «история в лицах», где заведомо предусмотрена необходимая для лучшего усвоения повторяемость изображения сходных однотипных явлений (ситуаций, людей, предметов). Недаром в XVII в. листы Лицевого свода, по мнению И.Е. Забелина, использовали как пособие для обучения царевичей истории. Возможно, что уже и в XVI – начале XVII в. Лицевой свод имел и такое предназначение.

Принято считать, что писателю Средневековья (летописцу) положено было следовать «обряду», литературному этикету — представлениям о том, как должен совершаться тот или иной ход событий (этикет миропорядка), как должно себя вести действующее лицо сообразно своему положению (этикет поведения), какими словами должно описывать совершающееся (этикет словесный). А в рукописях официального происхождения особенно заметна и церемониальность «действия». Эти наблюдения можно распространить и на «зрительный ряд» и говорить об «этикете изобразительном» («живописном»), особо осязаемым в лицевой рукописи парадного предназначения.

Словесный этикет и живописный этикет сопутствуют один другому, но живописное отображение иногда и дополняет словесное. В миниатюрах условным, заранее предопределенным композициям, позам и жестам, графическим изображениям тех или иных действий и ситуаций («государевых сидений» с думцами и «ездов», церковных служб, сражений, сцен крещения и кончины государей и др.), зданий (церковных и дворцовых, крепостных стен), отдельных предметов сопутствуют реалии, бытовые детали, переданные с большой степенью точности и своеобразия, что существенно важно для представлений о материальной культуре и бытовом обиходе далекого прошлого. Художник оказывался менее стиснутым рамками официального замысла, официозной идеологии. Тем более что художник, в отличие от писателя (летописца), чаще всего не имел перед глазами протографа (или черновика), которому надлежало следовать, и традиционно обязательные для миниатюры условности мог дополнять и тем, что почерпнуто из жизненных на-

блюдений. И потому миниатюры иногда оказываются источником более интересной исторической информации, чем летописный текст.

Великий филолог и искусствовед Ф.И. Буслаев еще в середине XIX в. отметил, что миниатюры Лицевого свода много дают для изучения «подробностей, любопытных для истории внутреннего быта» XVI столетия. Дальнейшие исследования, прежде всего книга А.В. Арциховского о древнерусских миниатюрах как историческом источнике, обогатили многообразным материалом, подтверждающим это суждение. Археолог А.В. Арциховский обратил внимание и на соответствие изображений с уцелевшими историческими памятниками Руси и предшествовавших столетий — следовательно, образцами для миниатюристов могли служить изображения и более древних иллюминированных рукописей. И в Радзивилловской летописи конца XV в. (факсимильное издание которой было осуществлено в 1994 г.) художники, по мнению исследователей, при иллюстрировании текста использовали более древние оригиналы, не сохранившиеся к настоящему времени.

Исследований, посвященных Лицевому своду, особенно его миниатюрам и соотношению текста и рисунков, становится с годами все больше: в недавнее время вышли в свет и книги (докторские диссертации) моих учеников А.А. Амосова и В.В. Морозова. В различных изданиях — и исследовательского типа и популярных — все чаще воспроизводятся миниатюры листов Лицевого свода. Стали уделять пристальное внимание не только содержательной стороне памятника — исторической и художественной информативности его, идеолого-политической направленности, но и проблематике кодикологии (особенно в исследованиях А.А. Амосова) и текстологии. Кодикология — сравнительно недавно оформившаяся историко-филологическая научная дисциплина, изучающая историю изготовления, состав и судьбу рукописной книги. Лицевой свод, и прежде всего два последних тома его, — и мое давнее исследовательское пристрастие. Первая работа, свидетельствующая об этом, была напечатана как раз 50 лет назад (статья «Миниатюры Царственной книги как источник по истории московского восстания 1547 г.»). Наши познания и об эпохе Ивана Грозного, и о памятниках истории и культуры его времени, по сравнению с тем, что было известно ученым конца XIX в., существенно возросли. Но Лицевой свод — по справедливому замечанию А.А. Амосова — «скрывает от нас еще гораздо более, нежели рассказывает».

Однако дальнейшее более углубленное исследование, «прочтение» и текста, и миниатюр Лицевого свода, изучение характера взаимозависимости текста и «зрительного ряда» существенно затруднено. Драгоценные рукописи должно оберегать от частого обращения к ним читателя, тем более от фото- и киносъемок (и потому трудно переоценить и охранное значение факсимильного издания!). Столь большой формат рукописных фолиантов усложняет работу исследователя, тем более возможность тщательного сопоставительного рассмотрения миниатюр, выявление особенностей изображения в том или ином рисунке и в его раскраске. К тому же тома Лицевого свода разрознены и находятся не только в трех хранилищах, но и в двух городах. И потому с середины XX в. все настойчивее стремились обеспечить подготовку фотокопий всех листов огромного Лицевого свода.

Когда по почину академика М.Н. Тихомирова была восстановлена Археографическая комиссия Академии наук и возобновилось многотомное издание Полного

собрания русских летописей, М.Н. Тихомиров обратился к виднейшим тогда историкам и филологам с просьбой изложить свои пожелания о планах работы в сферах археографии и источниковедения. Д.С. Лихачев предложил подготовить хотя бы 20–30 экземпляров фотокопий всех листов Лицевого свода для крупнейших библиотек и хранилищ рукописей. По инициативе выдающегося историка церкви и археографа отца Иннокентия (А.И. Просвирнина) в издательском отделе Московского Патриархата изготовили десять экземпляров набора микрофишей, воспроизводящих все листы Лицевого свода. На Всесоюзной научной конференции «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности» (в 1979 г.) особо указывалось на потребность в организации такой работы. В постановочного характера моем докладе «К изучению Лицевого летописного свода второй половины XVI века» (опубликованном в 1983 г.) призыв: «Необходимо принять меры к фототипическому воспроизведению всех листов Л[ицевого] с[вода], тома которого рассредоточены по разным хранилищам. Важно, чтобы эти воспроизведения были в натуральную величину и с достаточной степенью точности передавали чернильные и карандашные пометы и исправления. Папки с фотокопиями всех листов Л[ицевого] с[вода] должны находиться в тех хранилищах, где имеются сейчас отдельные тома Л[ицевого] с[вода], а также в хранилищах, наиболее богатых и лицевыми рукописями, и летописными текстами».

О подготовке требующего больших средств и использования новейшей издательской технологии факсимильного воспроизведения всех листов Лицевого свода мы тогда и не решались помышлять. И вызывает глубокую признательность щедрая инициатива председателя Совета директоров ОАО «Протек» В.Ф. Якунина и генерального директора издательской фирмы «Актеон» Х.Х. Мустафина, решившихся на собственные средства и на своей полиграфической базе осуществить столь сложное и дорогостоящее издание. Те, кому наука обязана этим замечательным научно-просветительским начинанием, по образованию не ученые-гуманитарии, а физики. Тем более отраднo, что они в такой мере осознают великое значение нашего историко-культурного наследия и с такой мудрой дальновидностью заботятся о дальнейшем развитии гуманитарных знаний и о возможности и в России, и во всем мире получить полное представление о великом памятнике отечественной культуры.

Многотомное издание убеждает и в том, что в России начинают возрождаться и славные традиции попечительства просвещенных богатых людей о сохранении памятников истории и культуры и ознакомлении с ними и ученого мира, и широкой общественности. Тем самым это начинание может рассматриваться и как показатель развития современной культуры. Уважение к памятникам прошлого и к их изучению — всегда показатель уровня современной культуры.

К каждому тому издания имеются научные приложения. Там сведения об истории составления и дальнейшего бытования рукописи, об ее описании и исследовании. Приводятся по возможности полные библиографические данные обо всем этом с использованием опыта составления «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг», хранящихся в нашей стране. (Работа эта с 1960-х гг. осуществляется Археографической комиссией РАН при участии многих хранилищ — библиотек, музеев, архивов.) Это — и транслитерация, т.е. передача текста современными алфавитом и орфографией. Издание сопровождается указателями — имен-

ным, географических названий, предметно-тематическим. Работа эта проделана в основном силами научных сотрудников отделов рукописей, где находятся рукописи, — Государственного Исторического музея, Библиотеки Российской академии наук, Российской национальной библиотеки (и в соответствии с правилами подготовки рукописей к печати, принятыми в каждом из этих хранилищ), а также сотрудника Археографической комиссии Российской академии наук В.В. Морозова.

Наконец имеется возможность всестороннего исследования всех листов летописного Лицевого свода учеными разных специальностей. Теперь можно будет детальнейшим образом выяснять историю и особенности составления этого монументального литературно-художественного свода исторических сведений — и в целом, и его фрагментов. Издание открывает путь приобщения к великому памятнику истории и культуры и всем интересующимся нашим культурным наследием.

Знаменательно, что эти книги — и притом почти одновременно — выходят в свет именно в год, признаваемый «годом Лихачева» (академик Дмитрий Сергеевич Лихачев родился сто лет назад — 28 ноября 1906 г.), когда особое значение придается свершаемому в сфере культуры. Стремление великого россиянина одарить ученый мир ознакомлением со всеми листами грандиозного Лицевого летописного свода осуществляется в наиболее совершенном виде.

СУДЕБНИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ*

В России в конце XV–XVI в. происходит процесс становления и укрепления централизованного государства. Показательной стороной его является и создание Судебников — 1497 года и 1550 года. И потому, размышляя над проблемами образования централизованного государства в России, опираются в той или иной мере и на Судебники, сопоставляют их с законодательными памятниками предшествовавшего времени. А те, кто специально изучал Судебники, рассматривали и законодательные памятники в целом, и отдельные нормы их в определенном соотношении с проблемой развития централизованного государства. Такая традиция — конечно, без употребления современной терминологии — восходит к творчеству историков и юристов еще первой половины XIX в.

При этом следует учитывать различие суждений о датировке процесса образования централизованного государства в России. Некоторые полагают, что он завершился уже в годы правления Ивана III; другие усматривают продолжение это-

* В основе статьи — доклад на Международной научной конференции «Судебник 1497 года в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв.». Москва, 16 декабря 1997 г.

Впервые опубликовано: Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 249–254. То же в кн.: Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв.: Сб. ст. М., 2000. С. 194–199; Переиздано: Шмидт С.О. После 75: Работы 1997–2001 годов. М., 2012. С. 69–75.

го процесса и в годы правления Ивана IV Грозного, т.е. во второй половине XVI в. Автор, опираясь на солидную историографическую традицию, придерживается убеждения в том, что процесс образования и укрепления централизованного государства достаточно длительный, относится и к XVI столетию. Мнение это обосновывается в коллективном докладе «Абсолютизм в странах Западной Европы и в России: опыт сравнительного рассмотрения» на XVI Международном конгрессе историков в Штутгарте в 1985 г., более детально — в книге «У истоков российского абсолютизма» (М., 1996).

Оформление суверенного централизованного государства — это, прежде всего, сложение единой системы центральных и местных правительственных учреждений (выполняющих административные, военные, судебные, финансовые и другие функции) и законодательства. В области развития правовой мысли и практики — это взаимопроникновение государственного и обычного права: часть обычаев (иногда восходящих еще к периоду государственности Древней Руси) становится составной частью государственного права, а новые вводимые государством нормативы начинают постепенно восприниматься обществом и как обычное право.

При характеристике системы административного управления и суда в Российском государстве XVI–XVII вв. в трудах историков, правоведов, публицистов часто употребляется термин «бюрократия» и производные от него. Термин «бюрократия» чаще всего понимается в буквальном смысле слова — как «господство канцелярии»¹. Господство канцелярии в системе управления (во всяком случае центрального) выявляется в разных источниках второй половины XVI в. Употребляя знакомые им термины «Kanzlei», «Kanzler», об этом пишут иностранные наблюдатели (немец Штаден, итальянец Барберини, датчанин Ульфельдт, англичане и др.). Канцеляриями они называют «приказы», а термин «приказ» в значении правительственного учреждения тогда стал постоянным в русском языке — в таком значении употребляется и в Судебнике 1550 г. Термин «канцелярия» употребляют для обозначения приказов и современные зарубежные ученые (к примеру, Л. Берри и Р. Крамми в словаре русских терминов, сопровождающем издание сочинений англичан о России XVI в., 1968 г.). Служащих приказов (и вообще правительственных учреждений) называли в XVI в. «приказными людьми».

Господство канцелярии возможно только при определенной законом системе административного управления, должностных лицах, занятых в сфере этого управления, и определенной системе делопроизводства, с которой связана деятельность таких лиц. А это подразумевает выработку и определенных правил составления, хранения и учета, обращения и использования документов. Лица, оказавшиеся в этой сфере государственно-общественных отношений (точнее сказать, допущенные туда) и владевшие соответствующими правилами делопроизводства, приобретают отличия, выделяющие их не только в обществе, но даже в среде его правящей верхушки. Обычно, с дальнейшим развитием аппарата государственно-го управления и сопутствующего ему бумаготворчества, они занимают фактически (хотя первоначально и не юридически) все более привилегированное положение в общественной иерархии, приобретают все более реальную власть над другими людьми.

«Делопроизводство» в Словаре русского языка С.И. Ожегова определено как «ведение канцелярских дел»; так же и в четырехтомном Словаре русского языка (издание 1985 г.). В Словаре архивных терминов (1982 г.) более развернутое определение: совокупность работ по документированию (т.е. созданию документов), управленческой деятельности учреждений и по организации документов в них. В немецком языке это обозначается термином «Schriftgutverwaltung».

Отмечено уже, что «делопроизводственная документация» — понятие историческое. Потребность в документировании первоначально удовлетворяется без помощи «канцелярий». Орган, специально предназначенный для производства документов и обеспечения их функционирования, появляется тогда, когда общество не может уже существовать без фиксации обыденного в жизни, а не только чего-то исключительного. Это происходит обычно в период образования централизованного государства. В это-то время и складывается в России (и в центре и на местах) приказная система делопроизводства, и делопроизводственная документация постепенно становится массовой документацией. С возникновением канцелярского делопроизводства как системы оно, подобно всякой другой системе, не только «обслуживает», но и «самообслуживается». И необходимость выполнения государственно-управленческих нужд приводит сразу же к резкому увеличению числа лиц, занятых в сфере делопроизводства, к формированию общественной прослойки чиновничества и, соответственно, к иерархии внутри ее.

Возрастание роли делопроизводства в общественной жизни прослеживается при сравнительном рассмотрении памятников эпохи — исторических источников конца XV—XVII в. Имперский посол в России в 1517 и 1526 гг. гуманистически образованный С. Герберштейн в описании «Московии», включавшем и передачу содержания Судебника 1497 г., не имел еще, видимо, оснований писать о приказном строе и вообще о характерных чертах делопроизводства. А через несколько десятилетий автор значительно меньшего историко-культурного кругозора, но близко знакомый с каждодневным ходом правительственного управления немец-опричник Г. Штаден в сочинении, тоже предназначенном читателям в Империи, счел нужным детально описать деятельность «канцелярий» и порядок их делопроизводства. Он отмечает, что во всех приказах дела — и большие и малые — записывались в книги, и отображает самый порядок письменной работы дьяков и подьячих.

В третьей четверти XVI в. уже был основной набор разновидностей правительственной документации, характерный для делопроизводства Российского государства XVI—XVII вв. (Отличительные черты видов и разновидностей таких документов отмечены в учебных пособиях по источниковедению².) В наименованиях их современниками не было первоначально четкости и устойчивости. Но постепенно закрепляются и определенные наименования, и особенности формуляров, и представления о документообороте (т.е. о движении документов с момента их создания или получения и до завершения исполнения или отправки), вырабатываются и формы хранения, учета и описания делопроизводственной документации.

В плане истории развития делопроизводства можно подойти и к Судебникам, хотя отдельные выводы и наблюдения такого рода остаются до сих пор не обобщенными, и в данной работе — лишь постановка вопроса. Сравнительное рассмо-

трение текстов Судебников 1497 и 1550 гг. убеждает в заметном возрастании роли дьячества в государственном управлении и общественной жизни. Это прослеживается при сравнении уже первых статей Судебников. А дьяки воспринимались тогда, прежде всего, как делопроизводители, их называли «писарями»³. В обоих Судебниках специально оговариваются правила оформления документов дьячей «подписью» и вознаграждения за это дьяков и подьячих.

В Судебнике 1550 г. появились новые — по сравнению с Судебником 1497 г. — положения: о порядке составления, хранения, использования документов. Особенно показательна новая статья 28⁴. Указывалось на необходимость документирования судебного дела («дьяку исцовы и ответчиковы речи велеть записать перед собою»), так же как и слов свидетелей («или о чем ся пошлют на послушество — велети то записывати перед собою ж»), и дьяку дела «держати у себя за своею печатью, доколе “дело” не кончится». Черновые записи дьяки давали подьячим «начисто переписывати», а после того по составам столбца и жалобницы и «дела» обязаны были дьяки расписываться («руки прикладывати»). Переписанный подьячим текст сверялся дьяком («дьяку те все дела справити самому») и удостоверился им («да к тем делом дьяку руку свою приложить»). «Дела» эти дьяк обязан был держать «у себя»; подьячим запрещалось держать у себя «дела». Если такое обнаруживалось, подьячего били кнутом. В случае выявления «списка или дела» «за городом» (т.е. вне Кремля) или «на подворье» подьячего не только казнили «торговою казнью», но и предписывалось его «выкинути ис подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти». Наказывался и дьяк, и очень строго: он обязан был возместить истцу ущерб, причиненный похищением или обнаружением «дела» (судебного протокола). Закреплялось правило, согласно которому лишь заверенный дьяком документ имел юридическую силу.

В новой статье 29 о «делах», которые «судят бояре», тоже предписывалось «тот суд велети записывати пред собою». Истцы не должны были «у записки стояти». Если надобно было истца или ответчика «воспросити», его звали к себе, но затем полагалось «от записки отослать». С окончательным текстом истцов не знакомили — только «судей» («А как дело их дьяк запишет, и того дела пред истцы не чести, а прочести его бояром»).

Делопроизводственного характера дополнения обнаруживаются и в статьях Судебника 1550 г., восходящих к Судебнику 1497 г. Статья 62 Судебника 1550 г. детально характеризует процедуру рассмотрения судебных дел наместниками. Статья эта опирается на статью 38 Судебника 1497 г., и дополнения к ней — по замечанию Б.А. Романова (автора комментария к изданию 1952 г.) — принадлежат «той же многоопытной в делопроизводстве руке, которая так заметна в ст. 28»⁵. Делопроизводство в наместничьем суде должно вестись параллельно и одновременно писцами и земским и наместничьим («в две пары рук», по выражению Б.А. Романова). Протокол («судное дело») обязан писать земский дьяк, а копию его («противень» «слово в слово») — наместничий дьяк. К подлинному документу прикладывают руки присутствующие на суде дворский, старосты и целовальник, к копии печать свою прикладывает наместник. Подлинник должен храниться у наместника, копия — у старост и целовальников. Предусмотрен и бытовой факт неграмотности местных деятелей («а которые старосты и целовальники грамоте не умеют») и то,

чтобы копия хранилась у неграмотного: с грамотным легче осуществить сговор наместнику и внести изменения в текст обоих экземпляров судного дела.

С новеллами статьи 62 связана новая статья 69 Судебника 1550 г. Уже отмечалось, что статья эта «показывает разработанную там “спору для” схему делопроизводства по составлению и хранению “судных дел” на местах в действии, когда судный список будет прислан в Москву “к докладу” и возникает самый спор, ради которого разработана эта схема»⁶, и что статья 69 «свидетельствует о крайне усилившемся значении письменных доказательств» в русском судебном процессе⁷. Если одна из сторон «оболживит» (т.е. объявит ложным, недостоверным) судный список, то в Москву вызывались присутствовавшие при рассмотрении этого дела в первой инстанции дворский, староста, целовальники. Доказательством достоверности (правильности) судного списка считалось подтверждение ее этими свидетелями и — главное — полное соответствие («слово в слово») подлинника и хранившейся у целовальников копии. В случае, если «судные мужи, которые грамоте не умеют», «порознятся» с мнением тех, «которые грамоте умеют», и представят «противень наместнича или волостелина дьяка» руки «и тот противень с судным списком не слово в слово», то виноватыми признаются «судья и судные мужи, которые по списку такали». Еще в середине XIX в. было отмечено, что «преимущество отдавалось» неграмотным, так как «их неучастие в подлоге было вероятнее»⁸. Делопроизводственные новации статей 62 и 69 имели тенденцию усиления контроля над наместниками, особенно актуальную в ту пору, но нормы эти закрепились вообще в системе судебного делопроизводства. Авторитетность этих решений 1550 г. демонстрировалась уже в Стоглаве 1551 г. со ссылкой на «царев Судебник»⁹.

Судебники играли немалую роль и во внедрении делопроизводственной терминологии в практику повседневности. Сравнивая словарь Судебников 1497 и 1550 гг., замечаем обогащение терминологии в «цареве Судебнике». Показательно в этом плане употребление в статьях Судебников термина «грамота» и объяснительных, уточняющих к нему. Это прослеживается по указателю слов к текстам Судебников по академическому изданию 1952 г. Обозначим при этом Судебник 1497 г. буквой С, Судебник 1550 г. буквами ЦС («царев Судебник»); указываются только статьи (в некоторых статьях термин встречается несколько раз). Грамота — беглая: С — 1, ЦС — 3; безсудная: С — 4, ЦС — 5; вольная: ЦС — 1; вопчая: ЦС — 1; вотчинная: ЦС — 1; губная: ЦС — 1; докладная: ЦС — 5; духовная: С — 2, ЦС — 3; жаловальная: ЦС — 1; купчая: ЦС — 1; льготная: ЦС — 1; откупная: ЦС — 1; отписная срочная: С — 1, ЦС — 1; отпуская: С — 7, ЦС — 4; полетная: С — 1, ЦС — 2; полная: С — 1, ЦС — 7; пошлинная: ЦС — 1; правая: С — 9, ЦС — 11; приставная: С — 4, ЦС — 5; срочная: С — 4, ЦС — 5; тарханная: ЦС — 1; уставная: С — 2, ЦС — 2. (При этом не учитываются термины оглавлений к Судебникам.) То же наблюдается в отношении термина «рука», означающего подпись (С — 2, ЦС — 5; дьячья рука: ЦС — 2; поповская рука: ЦС — 1); термина «список» (С — 2, ЦС — 7; безсудный список: С — 1; докладной список: С — 2, ЦС — 2; обыскной список: ЦС — 1; судный список: С — 1, ЦС — 3). В судебниках конца XVI — начала XVII в. поновление и в то же время закрепление новой терминологии становится еще заметнее.

Более детальное — постатейное — изучение Судебников, и особенно сопоставительное рассмотрение их с актами, еще очевиднее выявит роль Судебников — и их нормативов и их терминологии — в становлении и закреплении системы делопроизводства Российского государства. Но уже и сейчас очевидно, что Судебники могут восприниматься как источники изучения не только истории судопроизводства, но и истории делопроизводства.

¹ Подробнее см.: Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. Особенно: Приложение 2: «О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI века». На это исследование автор и опирается в данной статье.

² Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973; Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв.: Учеб. пособие. М., 1985. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 48–93.] С.О. Шмидтом написан текст учебного пособия, С.Е. Князьковым подобраны документальные приложения — «образцы» дел.

³ Подробнее см.: Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. С. 302–329 (разд. «Писари русские»).

⁴ Текст Судебников приводится по изданию: Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. В плане данной работы интересны комментарии не только к этому изданию, но и историко-правовой обзор к изданию: Памятники русского права. Вып. 4: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. М., 1956.

⁵ Судебники XV–XVI веков. С. 252.

⁶ Там же. С. 268.

⁷ Памятники русского права. Вып. 4. С. 310.

⁸ Судебники XV–XVI веков. С. 269 (ссылка на кн.: Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859).

⁹ Памятники русского права. Вып. 4. С. 309–310.

ДОКУМЕНТЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ XVI–XVII ВВ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Делопроизводство государственных учреждений России XVI–XVII вв. обычно называют приказным делопроизводством, по наименованию правительственных учреждений — приказов. Это словосочетание подчеркивает и отличие от системы делопроизводства, утвердившейся в России с начала XVIII в. в связи с реформами Петра I. В приказах вырабатывались нормы письменоводства и система оформления

Впервые опубликовано: Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв.: Учеб. пособие. М., 1985. С. 3–66. Текст пособия написан С.О. Шмидтом. Приложение «Памятники приказного делопроизводства», подготовленное С.Е. Князьковым под редакцией С.О. Шмидта, в настоящем издании не публикуется.

и хранения документов, становившиеся обычными и для центральных, и для местных учреждений.

Приказное делопроизводство описано (с большей или меньшей степенью подробности) современниками (немцем-опричником Г. Штаденем в XVI в., подьячим Г.К. Котошихиным в середине XVII в. и др.). Определенное представление о нем можно составить и по законодательным памятникам (особенно по Соборному уложению 1649 г.). Но важнее всего, конечно, ознакомление с подлинными документальными памятниками и их изданиями.

Отдельные виды, разновидности и комплексы документов, типичные для приказного делопроизводства, приемы их изучения и использования охарактеризованы археографами (описывающими или публиковавшими такие документы) и в многочисленных трудах историков (в частности, историков права и государственных учреждений), источниковедов, палеографов, языковедов. Однако монографий и учебных пособий о приказном делопроизводстве пока не появилось. В известной мере это объясняется тем, что нет и обобщающего типа монографии о приказном управлении в Российском государстве¹, хотя уже и изданы труды (книги и статьи) о становлении приказной системы управления, так же как и о становлении местных учреждений, об особенностях приказного строя и его эволюции, об отдельных приказах, о приказных «судьях».

Академик М.Н. Тихомиров читал лекционный курс о приказном делопроизводстве в XVII в. осенью 1956 г. на историческом факультете Московского университета и, видимо, предполагал подготовить на его основе учебное пособие. Но работа осталась незавершенной, и лишь фрагменты ее изданы посмертно². Соответствующие разделы имеются в учебных пособиях по источниковедению отечественной истории М.Н. Тихомирова и в учебнике «Источниковедение истории СССР» под редакцией И.Д. Ковальченко³. В первом издании учебника глава «Материалы делопроизводства государственных учреждений» (в части первой учебника «Источники по истории СССР с древнейших времен до XVIII в.») написана С.О. Шмидтом, и текст этот использован при подготовке данного учебного пособия. Во втором издании глава «Делопроизводственные материалы XVI–XVII вв.» написана Л.В. Миловым.

В данном кратком учебном пособии предпринята попытка охарактеризовать некоторые основные черты делопроизводственной деятельности государственных учреждений России конца XV–XVII вв. и их документации — и отдельных видов и разновидностей документов, и комплексов документов. О некоторых аспектах истории приказной документации, в частности о писцовом делопроизводстве, в пособии только упоминается. Этой документации посвящены отдельные главы в учебниках по источниковедению отечественной истории и изданные ранее в МГИАИ специальные учебные пособия А.Ц. Мерзона⁴.

Многие признаки делопроизводства, подобного приказному, обнаруживаются и в делопроизводстве крупных феодалов — церковных и светских, богатейших купцов-«гостей». Некоторые из них имели канцелярии — «писские избы», «приказчищи избы» — с налаженным письмоводством и архивами. Делопроизводители крупных феодалов старались следовать выработанным тогда типическим образцам различных видов официальной документации (даже в сфере хозяйственной отчет-

ности). Поэтому ознакомление с приказным делопроизводством государственных учреждений облегчает и работу с документами вотчинных архивов. <...>

Составители выражают признательность за советы и замечания кандидатам исторических наук Н.Ф. Демидовой, Б.Н. Морозову, А.Л. Станиславскому и Л.И. Шохину.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В процессе становления и укрепления Российского централизованного государства складывается постепенно и единая система центральных и местных правительственных учреждений, выполняющих административные, военные, судебные, финансовые и другие функции. В 1547 г. московский великий князь — «государь всея Руси» венчается царским венцом. В середине же XVI в. оформляются основные органы центрального и местного управления, просуществовавшие, конечно с изменениями, вплоть до рубежа XVII–XVIII вв.⁵

К русскому государственному строю уже второй половины XVI в. применимо, как полагает ряд советских ученых, определение, данное В.И. Лениным государственному строю России XVII в. (в отличие от государственного строя России XVIII–XIX вв.): «самодержавие с боярской думой и боярской аристократией»⁶. Само слово «самодержавие» («самодержавство») употреблялось тогда и для характеристики власти монарха, и как обозначение суверенности государства. В процессе оформления государственного аппарата и официальной идеологии Российского царства (или как его нередко именовали «Московского царства») сказалось освоение традиций не только древнерусских княжеств, но и наследия Византийской империи и общение с государствами Востока.

Проблема оформления централизованного государства в России смыкается с проблемой абсолютизма (особенно его возникновения). Более того, хронологическая грань, разделяющая эти процессы, не представляется достаточно четкой. В то же время проблема абсолютизма отнюдь не может сводиться только к сфере государственно-политической истории. Характеризуя «эпоху абсолютизма», советские ученые особое внимание обращают на социально-экономический аспект проблемы. Централизация управления в России была проведена успешно и совершенно в феодальном духе. По сути дела, это была концентрация власти силами приказной (и боярской) и военной бюрократии на всей территории единого государства⁷. Экономического единства страны тогда еще не было.

Имеются разные точки зрения о времени, к которому следует относить эпоху абсолютизма в России, и особенно о времени его становления, но все единодушны в том, что в годы активной деятельности Петра I (первая четверть XVIII в.) он уже утвердился. Немало ученых относят характерные для абсолютизма явления к середине XVII в. Истоки российского абсолютизма все чаще обнаруживаются уже во второй половине XVI в., в годы царствования Ивана Грозного, в событиях государственно-политической истории времени правления так называемой Избранной рады. Однако правительственная политика абсолютистской направленности до XVIII в. проводилась неровно, с зигзагами и отклонениями.

Для государственно-политической структуры абсолютизма в европейских странах (даже на самой ранней его стадии) типично наличие следующих признаков: глава государства (обычно наследственный) рассматривается с формально-юридической точки зрения как единственный источник законодательной и исполнительной власти, и исполнительная власть осуществляется зависимыми от него чиновниками. Характерно наличие постоянной армии (также зависимой от государя), развитых бюрократического аппарата и форм делопроизводства, всеобъемлющей системы государственного обложения, единого для всей территории государства законодательства, а также обычно и общегосударственной экономической политики, выражающейся в различных формах протекционизма и регламентации деятельности промышленников⁸.

В России XVI–XVII вв. высшим государственным органом признавали регулярно заседавшую Боярскую думу^{*}. Она не имела самостоятельной, раздельной от государя компетенции и была высшим законодательным органом и высшим органом управления страной. Боярская дума наряду с вопросами общегосударственной важности (проекты государственных преобразований и новых законов, вопросы внешних сношений) рассматривала дела о земельных пожалованиях и служебных назначениях, о деятельности различных «чиноначальников», о преступлениях по должности и об уголовных преступлениях (в том числе мелкие «дела» частного характера, особенно по Москве) и др. На рассмотрение Боярской думы могли вноситься («всходить на верх перед бояры») все дела, которые руководители центральных и местных учреждений не имели права или не решались рассматривать самостоятельно. Таким образом, сферой деятельности Боярской думы были вопросы внутренней и внешней политики государства во всем их многообразии. Для решения различных дел создавались и особые комиссии из «думцев» («думных людей»), в частности, для переговоров с иностранными послами, разбора местнических споров и др. Решения таких думских комиссий обычно приравнивались к решениям Боярской думы⁹. Значительную роль в составлении и редактировании решений Боярской думы и царских указов, в организации работы ее канцелярии (и соответственно архива)^{**} играли думные дьяки.

С середины XVI в. известна практика созыва земских соборов^{***} — эпизодических совещаний для обсуждения, а часто и разрешения важнейших вопросов внутренней и внешней политики. Земские соборы собирались нерегулярно: наиболее интенсивное время их деятельности 1610–1650-е гг.¹⁰ (Документация земских соборов рассматривалась тогда как часть документации Боярской думы.)

^{*} Словосочетание «Боярская дума», видимо, учено-литературного происхождения. В русских документах XVI–XVII вв. писали обычно «дума» или «бояре» («все бояре»). В Уложении 1649 г. этот правительственный орган обозначен словами: «бояре», «думные люди», даже «думные дьяки».

^{**} Н.П. Загоскин и В.О. Ключевский (а вслед за ними и многие другие ученые) полагали, что у Боярской думы не было своей канцелярии. С этим мнением еще в 1883 г. не соглашался крупнейший знаток архивных материалов Н.В. Калачов. Во всяком случае, в XVI в. Боярская дума, вероятнее всего, имела и канцелярию, и архив.

^{***} В современных документах обычно употребляли термины «собор», «великий земский совет», «земский совет», «совет для земского дела».

К концу XV – началу XVI в. относится зарождение приказной системы управления. В середине XVI в. особые центральные учреждения — «дьячьи избы» получили наименование «приказов»¹¹ (от слова «приказывать» — поручать). В них постепенно сосредоточивалось управление определенными отраслями правительственной деятельности или отдельными территориями. Непосредственно ведали деятельностью приказов царь и Боярская дума.

Важнейшими приказами признавались Разрядный, Посольский и Поместный. Разрядный приказ ведал обороной государства, учетом служилых людей, назначениями на военные и гражданские должности, позднее и управлением пограничными городами с уездами. Посольский — сношениями с иностранными государствами. Поместный приказ — вопросами феодального землевладения, судом по земельным спорам, описанием земель. Управление Москвы и Московского уезда находилось в ведении Земского приказа; управление территорий, присоединенных в результате завоевания Казанского и Астраханского ханств, — в ведении Приказа Казанского дворца, в 1637 г. из него выделился Сибирский приказ, ведавший управлением Сибири; дворцовое хозяйство — в ведении Большого дворца; сбор налогов — в ведении Большого прихода, Большой казны, Четвертей и других приказов; судебные дела служилых людей — в ведении судных приказов Владимирского, Московского и др. и т.п. В Печатном приказе хранили государственные печати, удостоверяли ими документы, взимали печатные пошлины, фиксировали эти сведения в особых книгах. Были и вовсе карликовые приказы, такие как Строения богаделен или Панихидный («Приказ у вечного поминка»), ведавший поминанием лиц царской фамилии¹².

Число приказов постепенно увеличивалось¹³, а функции их на протяжении десятилетий, или даже столетий, могли не изменяться. В приказах (прежде всего в крупных) постепенно выделяются структурные части — столы и повытья — по функциональному или территориальному признаку. Для сравнительно небольших приказов характерны два стола: денежный и судный. Термин «приказ» применялся затем не только по отношению к центральным, но и к некоторым местным учреждениям.

Конец XV–XVI в. — время оформления приказной бюрократии (и в Москве, и в больших городах), важнейшими звеньями которой были «приказные люди» — дьяки и подьячие. Возвышение этих влиятельных деятелей неаристократического происхождения особо отмечено современными публицистами. И первоначально оно вызывало недоумение и ненависть прирожденных дворян-«воинников» по своей основной службе. Боярин князь А.М. Курбский писал даже о том, что «писари» (т.е. дьяческая верхушка) подчинили своему влиянию государя. Выдвижение таких дельцов-специалистов в области делопроизводства — характерная черта истории утверждения централизованного государства во всех странах. Это одно из условий жизнедеятельности разраставшегося государственного аппарата власти. В современной зарубежной литературе, посвященной истории Европы XVI–XVII вв., характеризуя таких лиц, используют определение «функционер» (*le fonctionnaire*)¹⁴.

Приказная бюрократия принадлежала к правящим слоям общества, признавалась неподатным сословием. Прослойка приказных людей делилась на группы, среди которых выделялись особо привилегированные «думные» дьяки (их иногда в XVI в. называли «великими»). Число «избных» (или «палатных») дьяков зависе-

ло от значения приказа и масштабов его делопроизводства. В важнейших приказах один из дьяков был, как правило, думным. Дьяки были и в местных учреждениях крупных городов, фактически являвшихся центрами значительных территорий (областей, «земель»). Множество подьячих в приказах*, в свою очередь, разделялось на три статьи. Иерархия приказных людей — это иерархия канцелярского знания и положения и предопределенных этим социального статуса и материального обеспечения¹⁶.

Руководство приказами было коллегиальным. Лиц, стоявших во главе их, называли судьями (так как большинство приказов имело и судебные функции). В XVI в. среди «приказных судей» преобладали дьяки. В XVII в. некоторые крупные приказы возглавляли бояре (иногда даже сразу несколько приказов) и окольничие, более мелкие — думные дворяне. Но дьяки всегда входили в состав судебных коллегий. Дьяки долго оставались и руководителями трех самых важных приказов — Разрядного, Посольского, Поместного, главой сферы деятельности которых признавался сам государь.

Подьячие делились на три статьи — «старые» (старшие), «средние» и «молодые» («младшие»). Старшие вместе с дьяком руководили составлением документа, средние непосредственно составляли текст документов, наводили справки в архивах своего и других приказов, младшие осуществляли техническую работу, «перебелку», т.е. переписку документа с учетом того, что «чернил» (исправлял) дьяк или старший подьячий. Подобных обычаев придерживались и в местных правительственных учреждениях, ведавших управлением городов и уездов, — в «съезжих» («приказных», «судных») «избах», а также в «губных» и «земских» «избах» тех районов страны, где продолжало существовать местное «самоуправление».

Личный состав приказов, численность «приказных людей» (точнее, даже именно подьячих) колебались от нескольких человек до нескольких десятков (в Посольском, где было много переводчиков — «толмачей», в Разбойном), до более сотни (в Разрядном) и нескольких сотен (в Большой казне, в Большом дворце, особенно в Поместном приказе, где часть подьячих находилась «в отсылках» — командировках по делам этого приказа или выполняла поручения других приказов).

Устанавливаются обычаи организации делопроизводства и взаимодействия функций отдельных приказных людей (следует учитывать, что в правительственных учреждениях кроме дьяков и подьячих служили еще приставы, сторожа и др.); определяются объем и характер канцелярской работы. И в то же время выявляются особенности, показательные для функционирования (а соответственно, и истории) того или иного из таких учреждений. Все более заметной становится специализация подьячих, имеющих отношение преимущественно к определенным разновидностям дел и к соответствующей документации. Так, в Поместном приказе были подьячие в «столах», которым были «ведомы» только определенные города; в Разрядном приказе — подьячие «у боярских книг», «у жилицких книг» и т.п. Принятие челобитной для ведения дела не по тому ведомству, которое входило в предопределенную сферу деятельности подьячего, закон признавал служебным

* По «Списку всех приказов подьячим», составленному в 1667 г., в 37 названных там приказах служило 1928 подьячих¹⁵.

злоупотреблением, и подьячего надлежало жестоко наказать. (На самом деле нарушения такого рода, видимо, не были особой редкостью.)

Вершителями всей политики приказов были дьяки. Они ведали повседневным делопроизводством; и дела, находившиеся в «дьячьих избах» (т.е. в учреждениях и центральных, и местных), различались по скрепам дьяков, а ящики в составлявшихся тогда описях дел именовали по имени, фамилии или прозвищу дьяка (которые, как правило, дольше, чем бояре и окольничие, были причастны к приказной деятельности, и нередко одного и того же приказа).

Усилилось значение дьяков и подьячих и на местах — в областном управлении и в небольших городах. Наместники, а позднее воеводы (присылавшиеся из Москвы) менялись в городах сравнительно часто (через год или три года), приказные же люди достаточно прочно занимали свои должности, были в курсе всех административных дел и фактически являлись основными исполнителями правительственных распоряжений. Характеризуя деятельность одного из дьяков Великого Новгорода, еще в третьей четверти XVI в. в обращении к нему писали: «...а до тебя дела не делают у вас в полате никоторого». А воевода города Мценска через столетие, в 1635 г., писал о местном подьячем: «...а тот Родька у твоего государева дела во Мценску в съезжей избе с воеводы сидит лет с пятнадцать, и без того Родьки во Мценску в съезжей избе твоих государевых дел делать и писать будет некому».

В приказной переписке, а иногда и в документах самого учреждения название учреждения могло не упоминаться; называли лишь приказного судью (или судей). При этом нередко опускали его фамилию, ограничиваясь именем и отчеством, например «Иван Михайлов», без указания на фамилию Висковатый (знаменитый дьяк третьей четверти XVI в.). Поэтому особое научное значение для ориентации в архивном и печатном материале имеют составленные учеными списки дьяков, приказных судей¹⁷, а также «думных людей» (состава Боярской думы) и лиц «государева двора»¹⁸, воевод¹⁹, лиц, упоминаемых в книгах Разрядного приказа²⁰, в польских книгах²¹, в местнических делах²² и т.п.

Уже в Судебнике 1550 г. появились, сравнительно с прежним Судебником 1497 г., новые статьи, специально посвященные порядку составления и хранения документов в Москве и в других городах (особенно много подробностей в статьях 28 и 62). В условиях режима «средневековой регламентации» (определение К. Маркса²³) приказным людям принадлежала главная роль в составлении деловых бумаг, в выработке их формуляров и норм практической дипломатики (актового источниковедения) того времени, основ систематизации и описания архивных документов. Значителен, хотя отнюдь еще полностью не учтен, вклад дьяков в развитие деловой письменности XVI–XVII вв. и вообще в развитие русского национального языка²⁴.

СИСТЕМА ПРИКАЗНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

Система документирования, называемая приказным делопроизводством, создавалась постепенно. Сама техника документирования претерпевает изменения в сторону ее удешевления (бумага окончательно приходит на смену дорогому пергамену) и ускорения (распространение и утверждение скорописи).

В XVI в. определяются уже характерные формы бумажного делопроизводства: грамоты, столбцы («столпы»), тетради, книги. Разрозненные (или не подходящие под эти формы) материалы объединялись в «связки», «свертки», иногда с надписями «рознь», «всякая рознь», «сверток розницы всякой» и т.п.

В виде грамот оформлялись отдельные законодательные акты и правительственные распоряжения, пожалования, сделки частных юридических лиц и др. Среди материалов «деловой» документации в тетради объединялись (точнее, перепишывались) документы, близкие по содержанию или по месту и времени составления. Несколько тетрадей иногда связывались или даже подшивались друг к другу — так образовывалась книга. Обычно книги оставались без переплета — наличие переплета оговаривалось в названии («книга в коже», «книга в досках»)*.

Книги различали по формату, который по понятиям того времени обозначали так: в полный (или дестный — от слова «десть») лист, в полдесть, в четвертку (т.е. в четверть листа), в восьмушку (половина такого четвертного листа). В приказной практике наиболее распространены были книги в четвертку. Известны многообразные книги (в подлинниках и копиях). Копии составлялись и сразу (в центральных учреждениях — для других центральных и местных учреждений, для отдельных лиц и корпораций; в местных учреждениях — для центральных учреждений и т.д.), и тогда, когда старая книга «ветшала», оказывалась перегруженной пометами и неудобной для делопроизводства. Книги некоторых разновидностей (в частности, финансово-учетные книги) периодически заменялись новыми.

Первоначально наиболее распространенной формой деловой документации было столбцовое делопроизводство²⁵. В XVII в. все более увеличивается значение в правительственном делопроизводстве книг, особенно в 1660-х гг. Внешний признак столбца — соединение, склейка отдельных документов в единое «дело» в виде свитка. Документы писали на листах бумаги, разрезанных пополам; при этом ширина полос была значительно меньше, чем их длина. Эти полосы подклеивались одна к другой. Места склеек, а также составные части такой бумажной ленты называли «сставы» (т.е. составы, связи).

Писали такие документы обычно не на столе, а на коленях; чернильница висела на шее (в старинных металлических чернильницах имеются с обеих сторон ушки для шнура) или стояла на столе (когда писали документы «тетрадной» формы). Писали очень быстро, и каждый писец старался выработать довольно однообразный каллиграфический стиль, обычно лишенный особенностей почерка. Пометы же начальников — дьяков, напротив, отличались трудночитаемым почерком. По предположению В.О. Ключевского, дьяки «писали так нарочно, для большей важности»**.

«Дело» обычно представляло собой комплекс документов, подклеенных друг к другу в последовательности делопроизводства: например, челобитная или отпис-

* Книгами назывались и отдельные виды актов канцелярского делопроизводства (в отличие от грамот). Такого типа книги могли писаться на листах-склейках, входивших в состав столбцов, и на листах, входивших в тетради, переплетенные или непереплетенные; и в описях документов XVII в. упоминаются «книги в столбцах», «книги в тетратех» (и «тетраты в книгах»).

** «Эти резолюции дьяков — истинное бедствие для читателей древнерусских актов; обыкновенно такую резолюцию на две трети ее содержания прочтешь лишь по догадке»²⁶.

ка, запись устных объяснений («сказки»), материалы судебных допросов, «выписки» — справки и копии других документов, решения по делу, указная грамота²⁷.

Так получалась длинная лента — «столп» (меньшего размера столбец называли «столпик»). По окончании дела к столбцу могли подклеить (в том же или в другом учреждении, куда его передали) столбцы и других дел — и такой столбец становился уже комплексом (сборником) «дел». Длина некоторых столбцов достигала десятков и даже сотен метров. Столбцы писались, в подавляющем большинстве случаев, только с одной стороны листа, что давало возможность хранить их в свернутом виде. Обратная сторона сставов столбца служила для «рукоприкладств» лиц, привлеченных к рассмотрению дела: челобитчиков, свидетелей — «послухов», ответчиков и пр., а также для указаний адресов, по которым шла переписка, различных помет.

Столбцовая форма бумажного делопроизводства была узаконена Судебником 1550 г. и признана обязательной Соборным уложением 1649 г. Однако такая форма делопроизводства, удобная для концентрации материалов по тому или иному делу в одном месте и для наведения справок и требовавшая сравнительно мало места для хранения, имела и недостатки (ныне особенно ощутимые исследователями): при неоднократном раскатывании и скатывании столбцов им наносился немалый ущерб и отдельные сставы отклеивались. Это заметили уже современники, и поэтому содержание некоторых столбцов (включая и пометы на оборотах, в частности, подтверждающего характера) копировали в книги или даже параллельно составляли такие книги. Возникали и копияные книги указов (сборники царских указов и приговоров Боярской думы, а также и распоряжений приказных судей, относящихся к ведомству какого-либо центрального учреждения), актов*. Кроме того, написание основного текста только на одной стороне листа (или, точнее сказать, полулиста) вело к большому расходу бумаги. Замечено было и то, «что в приказах из столбцов многие дела пропадают подъяческим небережением, а иные и промыслом челобитчиковым»**. Все это повлекло отмену столбцовой формы делопроизводства в 1700 г.^{***}

Порядок составления деловых бумаг (делопроизводственной документации) обычно был таким. После «пометы» (т.е. резолюции) старшего по чину (в прика-

* Ознакомление с копияными книгами (составленными современниками или в последующее время) имеет особое значение, так как помогает реконструкции состава несохранившихся (или уцелевших не полностью, во фрагментах) первоначальных архивных фондов или даже отдельных «дел».

** К документам столбцовой формы, перешедшим уже на хранение из правительственных учреждений, от монастырских корпораций, частных лиц в специальные архивы, обращались в практических нуждах и позднее, вплоть до 1917 г. (в связи с выяснением вопросов о владении землей или другим имуществом, о происхождении или биографии родственников и пр.). При этом следует иметь в виду то обстоятельство, что в XVIII – начале XX в. в различных архивах, в частности, в крупнейших московских — Московском главном архиве Министерства иностранных дел (МГАМИД), Московском архиве Министерства юстиции (МАМЮ), Дворцовом (находившемся в Кремле), постепенно принята была система хранения столбцов неодинаковыми способами: в виде рулонов (т.е. так, как и в XVII в.); в виде частично разрезанных лент столбца, уложенных гармошкой; в виде отдельных сставов, иногда даже сшитых в тетради.

*** Впрочем, и после этого в приказах некоторое время продолжали писать на столбцах, «чтобы казне убытка не было», так как было заготовлено много гербовой бумаги столбцовой формы.

зах и больших городах — дьяка) «старый» подьячий составлял черновик («черный список», «черное письмо») документа. Обычно перед этим он (а чаще средний подьячий) выявлял документацию, необходимую для составления «выписи». Выпись — это выписка из документа (или документов), составленная в учреждении и удостоверенная соответствующим образом («за дьячьёу приписью»). Выписи в делопроизводстве придавали большое значение; частая помета о выписке: «Выписано на пример...»^{*}, «Выпись (выписка) в доклад» — справка по какому-либо делу для доклада руководителю учреждения, Боярской думе или даже самому государю.

С составленным подьячим черновиком знакомился дьяк, который его «чернил», т.е. вносил исправления. В сохранившихся «черных списках» документов обнаруживаем зачеркнутые и вписанные строки и слова, исправления отдельных слов, а иногда и особые пометы. Помета «чисто» над зачеркнутыми словами означает, что зачеркнутое надо восстановить; помета же «черно» показывает, что на зачеркнутое и впредь не следует обращать внимание^{**}. Встречается и знак крест в кружке ⊕ — крестик в кружке, означавший, что в этом месте в текст следует вставить слова или слово, написанное рядом с аналогичным знаком сбоку листа, внизу склейки или на ее обороте. Только после такой редакционной работы «молодой» подьячий переписывал текст набело («счерна начисто»), сверял его и часто при этом на обороте листа оставлял свою подпись (так называемая «справа»), удостоверявшую исправность беловика. Этот беловик «старый» подьячий сверял с черновиком (который также обычно долго сохраняли «впредь для спору»), о чем делал соответствующую помету: «смотрил» или «справил» такой-то. И лишь затем документ поступал на просмотр и подпись к дьяку или «подьячему с приписью» (исполняющему обязанности дьяка). Он «скреплял» столбец, расписываясь по местам «сставов» так, чтобы буквы, слоги или отдельные слова его «приписи» (т.е. подписи должности и имени — «диакъ» такой-то) растягивались по склейкам. Если столбец был длинный, «припись» несколько раз повторялась (впрочем, не всегда). Кончалась «припись» на лицевой стороне последнего листа столбца под основным текстом. Такой прием должен был предохранять от подлогов (изъятий отдельных листов, замены одного листа другим) и позволял определить полноту столбца и последовательность его «сставов», в случае если столбец расклеивался или листы его перемешивались^{***}.

Адрес писали на оборотной стороне столбца, в середине первого его «сстава» (листа), обычно вдоль листа. В учреждении, куда присылали документ, отмечали (часто ниже адреса): «такого-то года и числа подал ... такой-то». На обороте же документа сверху оставляли помету типа резолюции о том, что дальше делать с ним: «вклеить в столп» (т.е. присоединить «к делу»), «взять отписку к отпуску» (т.е. подклеить к отпуску того документа, ответом на который является полученный документ).

* Выписи могли иметь название — чаще всего от названий дел («книг» и др.).

** Для исследователя такая редакционная работа представляет особый интерес.

*** Такие случаи иногда особо отмечались. Например, на столбце «приговора» Земского собора 1653 г. о воссоединении Украины с Россией имеется приписка: «А закрепка розклеивана, для того, что рознимано в доли».

О процессе образования документов в приказе и последовательности этапов приказного делопроизводства можно судить на основании изучения деятельности крупнейшего из приказов — Поместного, где к концу XVII в. ежегодно выносили тысячи «приговоров» (решений) по спорным и неспорным земельным делам²⁸. Чаще всего такие дела начинались с челобитной просителя, поданной в приказ. Челобитные принимали подьячие обычно по столам, «в котором столе который город ведом», и фиксировали это в особых записных книгах. Вместе с челобитной подавали, как правило, и документы (или документ), подкреплявшие содержание челобитной, т.е. удостоверяющие основательность просьбы (грамоты, купчие, закладные, выписи из документов прежних годов и др.). С этих документов в приказе делали копии, которые подклеивали к челобитной. (Иногда подклеивали и подлинники документы, и среди них акты очень давних лет — даже XV в., такие части столбцов представляют особую ценность для историков.) После этого с образовавшимся уже столбцом «дела» (или только с челобитной) знакомили дьяка, который на обороте челобитной ставил дату (год, месяц, число), делал помету — часто одно слово «выписать», т.е. навести справку.

Ход дела зависел от того, было оно неспорным или спорным. Если дело казалось неспорным, то средний подьячий, согласно дьячьей помете, наводил справки в архиве приказа (по писцовым книгам и другим документам) и составлял «выпись» («выпись слово в слово»). Выпись подклеивали также к «делу». Затем, опираясь на соответствующие законодательные нормы (статьи Судебника, позднее — Уложения, новоуказные статьи, отдельные судебные казусы-прецеденты и др.), составляли записку, в которой не только излагалась суть дела, но и пересказывалось содержание отдельных документов. После этого дело поступало к судье приказа (обычно дьяку), который писал приговор-помету. В случае отсутствия предмета спора приговор сводился к тому, чтобы записать решение в книгу и взять пошлину. Вслед за этим столбец с «делом» снова передавали в тот стол или поштыть, которое ведало земельными владениями определенной территории. Там, в соответствии с дьячьим приговором, челобитчику выдавали грамоту или выпись из книг, а воеводе (по месту нахождения вотчины или поместья) часто посылали грамоту, или «память», черновик которой тоже подклеивали в столбец — он как бы завершал «дело».

Обширнее и сложнее по составу спорные дела, возникавшие тогда, когда происходила тяжба между челобитчиками. В таких случаях имели место допросы (для записи их в приказе была особая «записная книга»), к воеводе посылали грамоту, на основании которой допрашивали население округи; и такие «обыскные» книги тоже присылались в приказ, где для записи воеводских отписок и обысков завели также особую — «записную» — книгу.

О каждом «деле» молодой подьячий обязан был сделать запись в одной из записных книг приказа (так, на вотчины были заведены еще в XVI в. особые книги). Туда записывали подробно содержание всего столбца, т.е., по существу, всех частей «дела». В приказе заведены были также «приходные» книги; пошлины за разные виды сделок фиксировались соответственно в разных книгах. Во второй половине XVII в. в приказе существовали особые записные книги для записи дьячьих и судебных помет по неспорным делам и приговоров по спорным делам (книги «по-

мет», «слушанья дел», «вершений», «помеченным делам», «вершенным делам»). Книги обычно скреплялись подписью дьяков.

В деятельности приказов отлагались также постепенно документы, совокупность которых называют иногда просто «приказные дела». Это документы, характеризующие внутреннюю жизнь самого приказа (столбцы, книги, отдельные листы — «грамоты»): списки подьячих, переписка между столами приказа, распоряжения судей приказа, черновики отписок в другие приказы, расходные книги приказа, описи дел, хранившихся в архиве приказа, и др.

Обычно в учреждениях, где составляли документы, оставались их черновики; беловики же отсылали к адресатам. Поэтому царские грамоты, документы, составленные в центральных учреждениях, дошли до нас в виде беловиков чаще всего в фондах тех учреждений, духовных корпораций (монастырей) или лиц, которым они были адресованы. В самих же центральных учреждениях хранились черновики — «отпуски» таких документов. Отписки с мест в центральные учреждения, напротив, в виде беловиков сохранялись в архиве адресата, а в самих местных учреждениях оставались только черновики таких документов или копии отосланных документов.

Отличительной чертой подлинного документа, имевшего, так сказать, юридическую силу, являются дьячьи пометы; на памятях и грамотах — адрес и отметка о получении; на актах допроса — рукоприкладства допрашиваемых (или лиц, расписывавшихся в случае их неграмотности за них). Некоторые документы, прежде всего договорные записи, составлялись в двух или нескольких экземплярах с соответствующими аутентичными подписями.

СИСТЕМА ХРАНЕНИЯ И ОПИСАНИЯ ДОКУМЕНТОВ

Устанавливаются определенные нормы хранения, систематизации и описания документов правительственных учреждений. Документы находились либо в помещении этого учреждения (в «палатах» его, в особой «казенке», в подвале), либо в каменных церквях. Хранили документы в «ларях» или «сундуках», а внутри них — в «ящиках», «коробьях», «мешочках», текущую документацию держали на полках. Группы дел, связанных с деятельностью определенных приказных людей, обычно сосредоточивались вместе. Такие ящики (так же как и рукописные описи дел) часто назывались по имени дьяка. Описание документов думных дьяков обычно проводили во время смены руководства в приказе или в случае выдачи дел из архива.

В архивах учреждений вместилища документальных материалов (ящики, коробка и др.) обычно нумеровали. Иногда, и со временем все чаще, нумеровали (славянскими цифрами) и сами документы. В столбцах писали номера на обертках и на обороте первого сстава столбца. В книгах, тетрадях номер писали на заглавном листе, на середине его правого края, и в правом верхнем углу первого листа текста. Затем такие номера переносили в архивные описи при соответствующих описательных статьях.

В XVI в. составлялись и элементарные переписи хранившихся «дел» с указаниями названий их, а зачастую и со сведениями о том, «вершено» оно или «не вершено», о пометах, степени сохранности. От XVII в. дошли сведения о регулярном составлении описей дел и в центральных, и в местных учреждениях. Некоторые та-

кие описи сохранились. Степень подробности описания «дел» в «книгах переписях» («росписях») архивов учреждений (даже архива Посольского приказа) зависела от того, какое значение придавали этим документам в государственной жизни. Некоторые «дела», прежде всего утратившие государственно-политическую или экономическую актуальность, описывали суммарно.

Кроме описей, в архивах некоторых приказов (Разрядного, Поместного) составляли в XVII в. и другие виды справочного аппарата — «азбуки», «главы». Для того чтобы облегчить наведение справок, в описях архивных документов делали ориентирующие знаки на полях. Поскольку чаще всего возникала надобность в справках о лицах, на полях описей рядом с упоминанием фамилии какого-либо лица проставляли его инициалы. Таких инициалов (естественно, без алфавитного порядка) оказывалось немало, и описи эти называли «азбуки». Позднее и сами фамилии переписывали в отдельные книги уже в алфавитном порядке — так возникали «азбуки по алфавиту». В указателях при каждой фамилии отмечали номер и год того документа (или справочной книги), где имеются данные об этом лице. «Главами» называли перечни дел, соединенных в сборники-книги, т.е. внутренние описи сборников. Справочное значение «глав» так охарактеризовано в одной из книг Поместного приказа: «Указ главам: в книзе сей аще хоцещи вскоре изыскати, то по сем главам без труда обрящещи»²⁹. Подьячие повытий Поместного приказа, например, должны были периодически сообщать о количестве документов в повытье, и за какие годы, «и все ль в целости, и на росписи и в азбуки прописаны ль, и в книгах главы сделаны ль».

Дьяков и подьячих местных учреждений обязывали составлять «описные» (или «переписные», «росписные») книги, в которых все документы следовало описывать «в перечень имянно». Такие книги велено было готовить в двух экземплярах: один оставляли в местной приказной избе («съезжей»), а другой отсылали в столицу, в тот приказ, в ведении которого находилось это учреждение (эта территория). При назначении на воеводство нового воеводу обязывали составить для представления в приказ своего ведомства «росписной список», а затем посылать туда ежегодно «сметные книги». И в росписных списках, и в сметных книгах, наряду со сведениями о состоянии управляемого города (а часто и его округи), непременно — и иногда даже на первом месте — помещались и краткие данные о содержании дел, хранившихся в подчиненных воеводе учреждениях, состоянии их описей, способах хранения документов³⁰.

Старинные архивные описи не только помогают составить представление об организации архивов и практике делопроизводства XVI–XVII вв., но нередко содержат и уникальные исторические данные, называя имена администраторов центральных и местных учреждений (и тем самым позволяя выяснить круг их обязанностей и интересов), упоминая об утраченных исторических памятниках или даже в какой-то мере характеризуя их содержание³¹.

Из нескольких описей главного государственного архива России XVI в. (называемого в литературе «Царским архивом») сохранилась (и то не полностью) только черновая краткая опись середины 1570-х гг.³² Но во второй половине XVI в. составлялись и пространные описи дел этого архива в «книгах» (на это указывается и в дошедшей описи). Составителями (точнее сказать, редакторами) их были при-

ближенные к царю печатники и думные дьяки, начальники канцелярий государя и Боярской думы; иностранцы именовали их обычно «канцлерами».

В описи Царского архива перечисляются важнейшие документы политической истории, значительная часть которых не дошла до нас (среди них указ «о опричнине», посольские книги сношений с Казанским и Астраханским ханствами и др.). В описи названы рукописи, обнаруженные после кончины А.Ф. Адашева, — «списки черные, писал память, что писати в летописец лет новых». Таким образом, удостоверяется, что глава «Избранной рады» составлял или редактировал официальную летопись и продолжал эту деятельность и в Ливонском походе 1560 г. Узнаем и о многих решениях Боярской думы, служебных назначениях и местнических спорах, посольских и порубежных переговорах, жалованных грамотах и крестоцеловальных записях, описаниях земель и служебной переписке, «изветах», челобитных и судных делах, о которых в других источниках либо вовсе нет упоминаний, либо уцелели крайне смутные сведения.

В описи имеются пометы о поступлении документов из других учреждений (точнее, из архивов) и о передаче документов в другие учреждения. Только опись сохранила указания на то, в какое время Иван Грозный знакомился с архивными материалами и какие именно документы его заинтересовали. Оказывается, что накануне опалы, наложенной им на двоюродного брата, князя Владимира Андреевича Старицкого, царь затребовал к себе в 1563 г. документы об изменах бояр из окружения Старицких. В первые годы опричнины и сразу же после Земского собора 1566 г., на котором обсуждался вопрос о продолжении Ливонской войны и где недовольная репрессиями большая группа служилых людей обратилась к царю с челобитной, Иван Грозный извлекал из архива документы о внешних сношениях с Польско-Литовским государством, о междукняжеских распрях и прежних боярских изменах, духовные (завещания) и договорные грамоты предков. Некоторые из этих материалов интересовали царя, видимо, в связи с составлением духовной³³. Позднее важнейшие «государственные и посольские дела» Царского архива оказались сосредоточенными в архиве Посольского приказа XVII в., который иногда называли «хранила царские». От XVII в. дошло несколько описей архива Посольского приказа и фрагменты их черновинов³⁴. Сравнительное изучение упомянутых описей XVI–XVII вв., а также описей архивов других приказов позволяет составить представление об изменениях в архивной практике государственных учреждений (во всяком случае, центральных) — в системе хранения и описания документов³⁵.

Архивные описи засвидетельствовали плохую уже тогда сохранность документов даже важнейшего государственного значения, в их числе приговоров земского собора и Боярской думы, посольских дел, местнических дел. В описи архива Посольского приказа 1614 г. нередки пометы: «столп ветх добре, потлел и распался», «столпик весь росклеился», «многово места чести нельзя, и то згнило» и т.п. Даже столбцы, содержащие документы сношений с Польско-Литовским государством за 1580–1590-е гг., к 1614 г. частично «распались». Не дошла до нас и подлинная грамота Земского собора 1598 г., избравшего на царский престол Бориса Годунова (она не упомянута уже в описях архива Посольского приказа, составленных в 1614 г. и позднее). Документы ветшали от неумелого и небрежного хранения. Так, от «палатных сырости» к концу XVII в. «изгнили» дела времени Смоленской войны 1632–1633 гг.,

так же как и столбец с «сыскным делом» боярина и воеводы М.Б. Шеина. В составленной в начале XVII в. описи дел Тайного приказа (так называлась в третьей четверти XVII в. личная канцелярия царя, осуществлявшая контроль за деятельностью других государственных учреждений и ведавшая делами о политических преступлениях) значатся «2 коробы, а в них тетрати и листы, столпцы и лоскутки греческие и латинские, польские и русские, печатные и письменные всякие писма сгнили и мыши поели и разобрать не можно». Многие — и притом ценнейшие — документы утрачены были в годы польской и шведской интервенции начала XVII в.* Некоторые, впрочем, вывезли за рубеж, и по обнаружении они были частично возвращены (так, из Польши вернули в конце XVIII в. упомянутую опись Царского архива).

Страшным бедствием были «великие» московские пожары 1547 г., 1571 г., особенно 1626 г., когда, по словам летописца, «в приказах книги писцовые старые и приходные и расходные, и иные всякие приказные дела... выгорели без остатку». 1626 г. оказался трагической гранью для правительственной документации — исчезли архивы (полностью или частично) многих приказов. Погибали документы и во время пожаров XVIII–XIX вв. (в 1701 г. сгорел почти целиком архив Казанского дворца³⁶; видимо, в 1737 г. — архив Приказа каменных дел). Еще больше документов погибало от пожаров и плохого хранения в других городах.

Не сохранился архив Новгорода — ни за период феодальной республики, ни за XVI век. А архив был, видимо, огромный. О размерах архивного фонда местного управления можно судить по архиву, вывезенному шведским главнокомандующим в 1617 г. (Теперь эти документы в архиве в Стокгольме.) За 6 неполных лет целиком вывезенный фонд составил 28 000 листов. Таким образом, за год откладывалось в дьячьей избе около 5000 листов³⁷.

Документы, особенно такие, которые могли бы ныне стать ценным источником социально-экономической истории, уничтожались и за ненадобностью, вследствие реорганизации управления, назначения новых должностных лиц, перемен в системе делопроизводства, иногда через 8–10 лет использовались в виде черновиков (именно так удалось обнаружить некоторые документы об участниках движения под руководством И.И. Болотникова). В государственных учреждениях не сохраняли документы, составленные в лагере повстанцев. Документы истреблялись в учреждениях, а также в архивах феодалов и во время народных восстаний. С.Т. Разин в Астрахани «в приказной палате дела велел выдрать» и грозил, что и «в Верху у государя (т.е. в Москве. — С.Ш.) все дела передерет». Восставшие в XVI–XVII вв. старались истребить память о кабальных обязательствах и феодальных повинностях.

Таким образом, до нас дошла только часть обширной и многообразной документации государственных учреждений XVI – начала XVII в. Далеко не полностью представлены в архивах документы таких учреждений и за последующие десятилетия XVII в. В значительном количестве сохранился архивный материал Посольского, Разрядного, Поместного, дворцовых приказов. Однако по многим приказам уцелела случайная, отрывочная документация. Среди известной нам документации государственных учреждений, наряду с источниками политической истории и

* Сгорели многие документы государственных хранилищ и частных коллекций и в период нахождения в Москве войск Наполеона в 1812 г.

истории права, имеется немало и памятников социально-бытовой, даже экономической истории, прежде всего разнообразные челобитные и возникшие вследствие их столбцы дел, различного вида финансово-хозяйственные материалы и др.*

Большая часть документов приказного делопроизводства сосредоточена в ЦГАДА. Ценные документы — в подлинниках и копиях — имеются и в рукописных отделах Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде), Библиотеки Академии наук СССР (в Ленинграде), Государственного Исторического музея, Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, в некоторых областных архивах, музеях, библиотеках. Такие документы обычно учтены в путеводителях по хранилищам, некоторые охарактеризованы более подробно в описаниях и обзорах архивных материалов.

ВИДЫ И РАЗНОВИДНОСТИ ПРИКАЗНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Делопроизводственные документы правительственных учреждений XVI–XVII вв. («приказные дела») имели определенные распространенные тогда наименования³⁸, и их старались составлять по определенной форме: соблюдалась последовательность в расположении материала, употреблялись выработанные практикой формулы, причем формуляр документов на протяжении XVI и XVII вв. мог и изменяться.

В специальных «образцовых книгах» помещались образцы документов; типы «деловых» бумаг и писем приводились и в азбуках, «письмовниках», предназначенных для чтения и переписывания. Таким образцам пытались следовать и в правительственных учреждениях (центральных и местных), и в выборных земских учреждениях, и в канцеляриях крупных феодалов (светских и духовных), и «площадные подьячие»³⁹, писавшие челобитные и другие бумаги. (Впрочем, на практике отступления от этих нормативов были едва ли не повсеместными.)

Все это в определенной мере обусловило близость формы документов, исходящих от правительственных (т.е. публичных, официальных) и частных учреждений. Да и само деление документов на официальные и частные кажется для того времени нередко условным: некоторые документы, исходящие от частных лиц, составлялись в учреждениях; многие частные акты должны были подтверждаться или оформляться в учреждениях.

* Сравнительно полно сохранились сведения о документальных материалах некоторых монастырских архивов, ибо монастырское имущество было до середины XVIII в. фактически неотчуждаемым и в монастырях особое внимание уделяли выработке относительно стабильных форм делопроизводства и отчетности, составлению достаточно информативных описей документов и копийных книг документов. В фондах монастырей обнаруживают иногда немало и документов, составленных в правительственных учреждениях (прежде всего, жалованных грамот). Там отложились и некоторые документы светских феодалов, оставленные ими на хранение или переданные вместе с проданным, заложным, пожертвованным имуществом (обычно землей), в том числе и документы, происшедшие из государственных учреждений.

Делопроизводственные документы конца XV–XVII вв. публиковались, начиная с изданий XVIII в. В XIX в. были подготовлены фундаментальные — часто многотомные — публикации актов, предназначенные для изучения не только историками, но и юристами (историками права). В некоторых из них особо подобраны образцы видов и разновидностей документов («Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства», «Акты юридического быта», «Акты гражданской расправы»). В других напечатаны по тематическому, хронологическому признакам документы многих разновидностей («Акты Археографической экспедиции», «Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим», «Акты Московского государства»⁴⁰). Памятники такого рода (полностью или во фрагментах) напечатаны и в изданиях документальных материалов, выявленных отдельными исследователями (П.М. Строевым, Н.П. Лихачевым, Д.Я. Самоквасовым и др.) во время археографических экспедиций или работы в архивах и библиотеках, в описаниях коллекций рукописей (собрания графа А.С. Уварова и др.), в документальных публикациях (иногда серийных), подготовленных по фондовому или видовому признаку, в изданиях актов, писцовых книг, таможенных книг, посольских книг, разрядных книг, местнических дел и др.⁴¹ Отдельные документы опубликованы в «Трудах» и других изданиях губернских ученых архивных комиссий⁴², в томах «Чтений в Обществе истории и древностей российских», «Летописи занятий Археографической комиссии», в периодических изданиях недавнего времени («Исторический архив», «Советские архивы», «Археографический ежегодник» и др.). Изданы тематические сборники и серии документов (в годы советской власти особенно много по истории классовой борьбы⁴³). Филологами подготовлены документальные публикации с целью изучения истории языка⁴⁴. В плане познания характера документации учреждений конца XV–XVII вв. немало дает и ознакомление с учебными хрестоматиями и пособиями для высшей школы⁴⁵.

Многие документы приказного делопроизводства составлялись в форме актов. Определение «акт» для документов юридического характера вошло в употребление с XVIII в. (На языке XV–XVII вв. такие документы именовали обычно грамотами.) Известно очень много разновидностей актов — не менее 150. Число таких разновидностей возрастало на протяжении XVI и XVII столетий. Это объяснялось и развитием самой системы делопроизводства, и увеличением массива документации в связи с ростом населения страны. (Численность населения России в начале XVIII в. была в два раза большей, чем в середине XVI в.)

Акты в развитом виде имеют три основные части, которые ученые называют: протокол (начальный протокол), основной текст, конечный протокол, содержащие соответствующие распространенные в то время формулировки. Опыт исследования формуляра актов специалистами в области дипломатики (актового источниковедения) необходимо учитывать при описании и изучении таких разновидностей документов приказного делопроизводства⁴⁶. Но не следует при этом упускать из виду то, что до XVIII в., до реформ Петра I, одной из целей которых была всеобъемлющая регламентация жизни в рамках «регулярного государства», степень стандартизации письменного делопроизводства была еще сравнительно невелика и документы одной и той же разновидности отличались нередко различием фор-

мы: это зависело от уровня подготовки составителя документов (письмоводческого опыта и привычек), от местных особенностей и традиций⁴⁷.

В наименованиях определенных разновидностей документов, однако, не было еще четкости и устойчивости, и это также нельзя упускать из виду при описании и изучении документов, составлении терминологических указателей*. Одни и те же документы могли называть по-разному, даже в одном тексте.

В то же время одни и те же наименования имели подчас не одно значение: например, «письмом» называли и сообщение, извещение о чем-то, но это же слово обозначало иногда обобщающее название некоторых публичных и частных актов; под «записью» разумели и письменную передачу чего-то виденного, слышанного, и документ, фиксирующий какой-либо юридический акт, притом и обязательство в чем-либо, составлявшееся от имени одного лица, группы лиц, даже корпорации (отсюда выражения: «быть в записи» и «дать на себя запись»), и отдельные разновидности документов («запись духовная» — завещание; записи крепостная, меновая, отступная, порядная, разъезжая, сделочная и др.). Слово «записка» могло означать и официальное оформление, регистрацию чего-либо, и опись, список чего-либо, и документ с изложением какого-либо дела. Под «списком» разумели и копию документа — «список слово в слово», «список с грамоты», «список подписной» (заверенная копия документа), и перечень, «роспись», ведомость чего-либо; иногда даже обобщающее название некоторых публичных актов. Нечеткость терминологии в наименованиях документов препятствует подчас до ознакомления с их содержанием и отнесению некоторых из документов к входящим или исходящим, говоря современным языком.

Изучая документацию правительственных учреждений, необходимо учитывать особенности официальной терминологии. Так, обращаясь к государю, князю и бояре, должностные лица писались «холопами», просители из среды горожан и крестьян — «сиротами», даже знатные люди в обращениях к государю уничижительно употребляли имена Ивашка, Сенька и т.п., и в то же время имена лиц высокого социального положения писали с отчеством. Выступления против властей обозначались словами «воровство», «разбой»; участники таких выступлений — «воры», «воровские люди», «лихие люди». Соответственно именовали и документы, вышедшие из стана восставших: прокламации И.И. Болотникова, по терминологии «богомольных грамот» патриарха Гермогена, это «воровские листы» или «проклятые листы»; прокламации С.Т. Разина — «воровские памяти», «воровские и прелестные письма», «прелестные грамоты», поскольку они, с точки зрения феодалов, «прельщали» население, привлекая его на свою сторону**.

* Поэтому при составлении объяснительных указателей к изданиям документальных памятников значение термина поясняется выдержками из других источников и в том случае, когда речь идет о разновидностях документов приказного делопроизводства, например «Словнике», приложенном к изданному М.Н. Тихомировым и П.П. Епифановым в 1961 г. в качестве пособия для высшей школы Союзному уложению 1649 г.

** Но «воровским письмом» называли не только письмо, челобитную, воззвание, направленные против царя, представителей администрации, духовных властей, правящих классов в целом, но и поддельный документ.

Широкое распространение имели документы, носившие название грамоты. Они были чрезвычайно многообразны как по форме*, так и по содержанию⁴⁸ и не всегда имели историко-правовую форму: могли означать и акт (как документ с определенной юридической нормой), и деловое письмо, и другие документы, создававшиеся в государственных учреждениях. По существу, всякую бумагу, выходящую от имени царя или даже царской власти, т.е. правительственных учреждений, называли тогда грамотой. (В отличие от подобных документов, частные письма обычно назывались «грамотки».) Грамотами признавали и делопроизводственные документы, исходящие от частных лиц, в которых фиксировались привилегии, имущественные или иные права и обязанности, условия сделки. Некоторые грамоты являлись документами сложного состава, делились на части («статьи»). Встречаются термины «посыльные» и «присыльные» грамоты. Можно полагать, что «посыльными» называли преимущественно те, которые отправляли из Москвы (или с места пребывания государя или какого-либо достаточно высокопоставленного лица), «присыльными» — преимущественно получаемые в Москве (или в другом городе из его округи).

Особо выделяются указные грамоты, или указы**. Это распоряжения от имени государя. Если грамота написана в ответ на челобитную или отписку, то сначала кратко излагалось содержание этого документа («бил нам челом...»; «писали есте к нам...»), а уж затем следовала резолютивная часть («как ся грамота придет...» выполнить распоряжение). В этих распоряжениях отражена многообразная деятельность самого государя, Боярской думы, центральных приказов. Это — и законодательные решения, и пожалования, передачи другим лицам, и конфискации земельных владений, и служебные назначения, и распоряжения военного характера и о судебных расследованиях и т.д.*** Некоторые царские грамоты имеют по несколько черновиков, различающихся по содержанию (например, грамоты, написанные в период восстания в Пскове в 1650 г.). Грамота от приказа тоже обычно начиналась словами: «От царя и великого князя...»

Указная грамота обычно заверена «приписью» дьяка и датирована: «Написана» (или «писан», если указ) «на Москве» или в месте пребывания государя, такого-то «лета», месяца и числа****. Если грамота должна была передаваться владельцу (например, монастырю) после прочтения должностным лицом, на имя которого написана, ее называли «грамота с прочетом».

* Если грамота была украшена, ее могли называть «лицевой».

** Близок по форме к «указу» «приказ», данный от имени государя. Иногда отмечалось, что «государевым словом приказал думной дьяк».

*** Многие указы и приговоры до нас не дошли (даже в копиях), но сведения о том, что они были (об их содержании и даже датировке), обнаруживаются в ссылках на эти документы в других документах (нередко и частного происхождения).

**** До 1700 г. в России в употреблении была хронология от т.н. «сотворения мира» (5508 лет до нашей эры) и пользовались сентябрьским стилем (т.е. новый год начинался первого сентября). Поэтому при переводе дат на современное летоисчисление, если документ датирован последними четырьмя месяцами года (сентябрь – декабрь), следует вычитать не 5508, а 5509. Нередко при датировке опускали указание на тысячу и писали не 7125 год (т.е. 1616–1617 гг.), а просто «125-го году».

Царская грамота с объявлением кому-либо «милости» за заслуги называлась «милостивой»; грамота о пожаловании земли, крестьян, каких-либо (судебных, налоговых и т.п.) льгот — «жаловальной» (жалованной)⁴⁹ и, как правило, начиналась словами: «Божией милостью мы, великий государь, царь...»; грамота о наделении кормлением называлась «кормленной»⁵⁰.

Распоряжение от имени государя местным властям об отдаче («отказе») во владение определенному лицу вотчины, поместья или пустоши называлось «отказной», а распоряжение о конфискации («отписке») в пользу государства («на государя») земель и другого имущества — «отписной». «Ввозной» именовали документ, выдаваемый обычно в Поместном приказе на право владения поместьем и содержащий приказание крестьянам подчиняться владельцу. Распоряжение о новом разделе земель называлось «передельная»; письменное распоряжение верховной власти о пожаловании богатому купцу звания «гостя» — грамота «с гостиным именем»; распоряжение центральной власти о проведении местной администрацией судебного расследования («сыска») называлось «сыскной» грамотой, а документ протокола судопроизводства («судной список») и решение суда по делу, выдававшееся выигравшей («правой») стороне, — «правой» грамотой.

Документ, устанавливающий порядок управления, судопроизводства, привилегии и обязанности населения (а также и должностных лиц), назывался до XVII в. «уставной» грамотой.

Особые грамоты выдавались верховной властью в связи с введением на местах новых органов управления и определением порядка назначения или избрания должностных лиц (губные, наместничьи, земские грамоты и др.)⁵¹. Так, уставные земские грамоты — важнейший источник по истории земской реформы середины XVI в., отменявшей кормления и введившей на местах земские учреждения. В таких грамотах находим сведения о разорении местных жителей и запустении деревень «от насильства и продажи» властей, о борьбе правительственных агентов с «лихими людьми» (в эту категорию попадали и участники народных волнений), о мерах, предписываемых правительством «для управы», о путях освоения новых земель и др.

Некоторые документы, содержащие решения по тому или иному делу, имели форму «приговора». Иногда они назывались (во всяком случае, в литературе) «приговорной грамотой» (или «приговорным списком»). Таковыми были решения земских соборов. Документ решения земского собора об избрании царя назывался «утвержденной» грамотой.

Древнейшей из сохранившихся приговорных соборных грамот является грамота собора 1566 г., созванного для решения вопроса о продолжении Ливонской войны. На документе — подписи участников собора. Здесь же указаны те бояре, которые «рук к сей грамоте не приложили, что грамоте не умеют». Формуляр документа во многом сходен с формулярами решений земских соборов последующего времени. Там отмечается, что собор созван «повелением» государя (в документах XVII в. встречается формула «по государеву указу» или «государь указал быти на соборе при себе» — 1634 г., «государь указал быти собору» — 1642 г., «государь указал учинити собор» — 1651 г., 1653 г.). Перечисляются участники собора — в грамоте 1566 г. поименно по соборным «чинам»; в грамотах XVII в. обычно назы-

вают немногие имена и «чины». Тем самым дается понятие о сословном делении («чинах», «статях») общества. В грамоте указываются причины созыва собора и его задачи; иногда приводится «речь», которая была «говорена властям (т.е. освященному собору. — С.Ш.) и бояром и всяких чинов людям». «Речь» царя читали обычно думный дьяк и печатник.

Некоторые соборные грамоты могут рассматриваться и как памятник публицистики. Так, грамота избирательного собора 1598 г. не только содержит данные о ходе собора, роли патриарха Иова, тактике правителя Бориса Годунова, но и сведения исторического характера из летописей и других источников, приведенные в обоснование прав Годунова на «превысокий» престол. Грамота оказала определяющее влияние на более поздние летописные рассказы о воцарении Годунова, а также послужила литературным образцом для создания утвержденной грамоты избирательного собора 1613 г.

«Чины» собора высказывали мнения по отдельности. Иногда в грамотах приводятся высказывания («сказки») и отдельных групп внутри «чинов». Помимо выражения поддержки правительственной программы обнаруживаются, однако нечасто, и особые суждения о тех или иных явлениях. Так было на соборе 1642 г., созванном в связи с тем, что казаки отняли у турок крепость Азов и надлежало решить вопрос, воевать ли с Турцией. Дворяне и дети боярские разных городов жаловались на свое «разорение» и указывали на то, что приближенные царя («бояре и ближние люди», а также дьяки и подьячие) «обогатели многим богатством несправедливым своим мздоимством», что именно у них, высшего духовенства и богатых купцов, следует брать деньги, запасы и людей для ведения войны. Все доходы этих богатеев необходимо «счесть, чтоб государева казна у тебя, государя, без ведомости не терялась и тебе б, государю, была б прибыль ратным твоим государевым людям на жалованье». Другие группы дворян тоже заявили: «...разорены мы, холопы твои, пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправд и несправедливых судов». Гости и видные торговые люди сетовали на «обнищание» от воеводских поборов, конкуренцию иноземных купцов. Представители черных сотен и слобод говорили о том, что «оскудели» от налогов. К сожалению, до нас не дошли (и, быть может, не случайно) подобного рода «сказки» участников собора 1648 г., созванного в условиях обострения классовой борьбы*. Форму приговора имели обычно решения и церковных соборов, скрепленные подписями и печатями высшего духовенства, например соборный приговор 1584 г. об отмене тарханов.

«Приговорами» назывались и решения ополчений, собранных для борьбы с интервентами. Так, 30 июня 1611 г. «Московского государства разных земель царевичи, и бояре, и окольные, и чашники, и стольники, и дворяне, и стряпчие, и жильцы, и приказные люди, и князи, и мурзы, и дворяне из городов, и дети бояр-

* Многое можно извлечь и из материалов, относящихся к созыву соборов (например, о борьбе «больших» и «меньших» людей при выборах на собор 1648 г.), и из другой «соборной» документации. Так, документы собора 1650 г. показывают деятельность соборной делегации, отправленной в Псков для переговоров с восставшими горожанами, и свидетельствуют о высоком авторитете соборов у населения страны.

ские всех городов, и атаманы, и казаки и всякие служилые люди, и дворовые... выбрали всею Землею» Д.Т. Трубецкого, И.М. Заруцкого и П.П. Ляпунова «на том, что им, будучи в правительстве, земским и всяким ратным делом промышляти и расправу всякая меж всяких людей чинити в правду, а ратным и земским всяким людем их, бояр, во всяких земских и в ратных делах слушати всем». Этот, откровенно дворянский по своей классовой направленности, приговор и послужил поводом возмущения казачества, гибели Ляпунова и распада Первого ополчения.

«Приговор» — обычная форма решения Боярской думы. Функции Боярской думы считались неотделимыми от функций государя. В то же время часты были (особенно в годы правления Алексея Михайловича (1645–1676)) именные царские указы без приговоров Боярской думы. Это отразилось в формулах ее решений: «приговор царя с бояры», «по государеву указу и боярскому приговору». «Думцы» могли принимать решение и в отсутствие государя, и в документах XVI в. различаются формулы: «государь указал и бояре приговорили» (постановление в присутствии государя) и «по государеву указу (или приказу. — С.Ш.) бояре приговорили». Соответственно и грамоты за подписью государевых дьяков могли составляться «по государеву приказу» или «по боярскому приговору». Правда, думцы не всегда, особенно в годы царствования Ивана Грозного, осмеливались брать на себя ответственность решения и предоставляли это воле государя — для такого случая существовало даже особое выражение: «бояре приговорили». В XVII в. «приговоры» посылались и из соответствующего приказа.

Приговоры, фиксируя наиболее важные решения правительства, являются ценным источником по государственно-политической, а зачастую и социально-экономической истории Российского государства. Именно «приговорами» оформлены имевшие общегосударственное значение решения о сыске беглых крестьян (в конце XVI – первой половине XVII в.). Когда на заседании Боярской думы докладывали о «розных статьях», соответственно и приговор, составленный на основании «доклада»*, мог состоять из разных «статей» — разделов, имевших и самостоятельное значение. «Приговорами» (или «приговорными записями») назывались и решения правительственных учреждений (центральных и местных). Иногда полагалось решение по «судному делу» подписывать в земской избе и особым «приговорным мужам» из «добрых людей».

«Приговорные записи» составлялись и во время городских восстаний (в 1648 г. в южных городах, в 1671 г. в Астрахани); составлялись они и на севере («одиначные записи»). В таких записях предусматривались коллективные действия, иногда — проект местного самоуправления. Приговорные записи — важный исторический источник, на основании которого можно судить об идеологии определенных социальных групп.

После Судебника 1550 г., согласно 98-й статье которого определялся порядок дальнейшей кодификации правовых норм, царские указы и приговоры Боярской думы, относящиеся к сфере деятельности того или иного приказа и поступавшие

* Слово «доклад» употреблялось тогда и в смысле изложения дела вышестоящему лицу (инстанции) для решения («выписать государю в доклад»), и в смысле разбирательства судебного дела в высшей инстанции.

туда, затем в этих приказах объединялись. Так возникали указыные книги приказов, в которых указы подбирались, как правило, в хронологической последовательности. Книги, содержащие указы, переработанные в единый свод, иногда назывались уставными. Древнейшие сохранившиеся указыные книги — указыные книги ведомства «казначеев» и Разбойного приказа, в которых помещены указы начиная с середины 1550 г.⁵² Приговоры и указы относительно частного характера особенно интересны и потому, что позволяют проследить генезис законодательства общего характера: выяснить, что именно вызывало то или иное законодательное постановление, как использовались прецеденты для утверждения юридической нормы, уже употребительной на практике, но еще не воплощенной в законодательное решение.

Распоряжение правительственной администрации должностному лицу, посланному с поручением, правительственная инструкция должностному лицу (а также поручение выборным от выборщиков) именовались «наказом» (иногда «наказной памятью»). Обычно после точной даты (год, месяц, число) следуют начальные слова: «По государеву цареву и великого князя ... указу велено...» такому-то или «память» такому-то. Формуляры правительственного «наказа» и грамоты (указыной) во многом близки. Но в «наказах» нет формулы санкции, характерной для грамот («и, как к тебе ся наша грамота придет, и ты б велел...»). Наказы являются чаще всего и более сложным документом, иногда даже представляющим скорее идеальную картину явления, чем реальное отражение его. (В частности, степень централизации государственного управления и возможности вмешательства центральных властей в управление на местах, следования «чиноначальников» законодательным нормам на самом деле были гораздо меньшими, чем это предписывалось и изображалось в некоторых наказах⁵³.)

Документ, содержащий запись поручения должностному лицу (чаще всего посланному для проверки чего-либо), называли «доездной памятью» или просто «доездной». Он начинался обычно словами: «Лета» (указаны год, месяц, день) «по государеву указу от» таких-то (боярина, воеводы и т.п.) такому-то «ехать ему в ... и доправити...».

Обобщающее название документа служебной (текущей) переписки между учреждениями, равными по рангу (приказами, воеводами и т.п.), — «память». В начале ее всегда писали точную дату (год, месяц, число), затем указывали адресата*. На «памяти» обычно была «припись», или «скрепа», дьяка или подьячего из учреждения-отправителя. Если «память» адресовалась подчиненным должностным лицам, ее называли «наказной памятью». (В «памятях» нередки ссылки на царские указы.)

Основная документация, направляемая «снизу», это отписки и челобитные.

Отписки — обязательная форма письменных сношений должностных лиц с государем или центральными учреждениями, донесения (сообщения) представителя местной правительственной администрации (воеводы, губного старосты, таможенного головы и др.)**. Они писались на имя государя и начинались словами обращения к государю от таких-то лиц (или лица) с наименованием их. Поскольку в отпи-

* Нередко не указывалось учреждение и ограничивались только наименованием дьяка или другого должностного лица.

** Отписками называли и донесения высшему духовенству.

ске зачастую содержалась информация разного рода, порядок расположения материала мог быть произвольным. Зачастую они начинались с краткого изложения содержания ранее полученного распоряжения («ведал ты, государь...»), и далее сообщалось (уже с подробностями) об определенном событии. Кончались отписки нередко словами: «...и ты, государь, нам, холопом твоим, как укажешь» или «и вели мне, холопу своему, указ учинить». Отписки обычно не датировались, хотя в самом сообщении о событиях приводились даты (в такой-то день «в распросе показал»; тогда-то сделано то-то), а на обороте документа отмечали, когда и кто доставил документ, например, «111-го августа в 10 день привез...». Если с отпиской знакомили царя и бояр, на обороте столбца отмечали: «чтена, государь и бояре слушали», «государю чтена и бояром». Излагался иногда и «приговор» Боярской думы.

Велико историческое значение отписок, излагающих события, связанные с народными волнениями. В основе их сведений обычно протоколы допросов, но сведения эти чаще всего соответственно обрабатывались, дополнялись или сокращались: выпячивалась роль лиц (например, самого воеводы — как жертвы восставших или, напротив, умелого подавителя восстания), смазывались другие обстоятельства. Некоторые отписки представляли собой, по существу, более или менее детальные доклады. Иные отличались публицистическими особенностями, даже литературными достоинствами, как, например, отписка новгородского митрополита Никона (будущего патриарха), пострадавшего во время Новгородского восстания 1650 г. Обращаясь к царскому семейству и называя поименно даже царевен, он напоминает, что предупреждал «многожды» о «нестроении», сообщает о ходе восстания, о своих видениях (как «венец царской»), двигаясь по воздуху, «пришел, стал на (его. — С.Ш.) главе грешной»), о том, как его избили восставшие. Жалуясь на болезненное состояние («ныне лежу в конце живота и кашлею кровью, и живот весь запух, в ожидании близкой смерти»), просит разрешения принять монашескую схиму. Такое послание в форме отписки не могло не вызвать сострадания к Никону как к мученику и в то же время подводило суеверных людей к мысли, что Никону в будущем предназначена особо высокая роль. Много подробностей о размахе народных движений и о мерах борьбы с ним можно узнать из отписок воевод карательных войск (в частности, войск, направленных на подавление народного движения, возглавленного С.Т. Разиным).

Отчет должностного лица, посланного местной администрацией для сбора сведений по какому-либо делу, назывался «обыск». Распространенной разновидностью делопроизводственной документации в XVII и XVIII вв. были «сказки». Это записи в учреждениях объяснений, устных показаний несудебного характера (в отличие от «распросных речей») — отчеты должностных лиц о выполнении поручений, сообщения купцов о торгах и промыслах и др. Для наименования записей показаний определенного лица (лиц) употребляли и выражение «речи».

Различные прошения, заявления, жалобы называли челобитными или челобитьем (от слов «челом бить» — кланяться). Челобитные обычно подавали частные лица или корпорации («мирские» челобитные крестьян волости, посадской общины, челобитные монастырской братии и др.). Челобитные адресовали и непосредственно государю, и в правительственные учреждения (их тоже подавали на имя царя), и высокопоставленным лицам, и духовным властям. Право подачи

челобитной прямо государю все более ограничивали. Челобитные были самого разнообразного содержания. Челобитную с подписью или подписями («за руками») называли «заручной». Челобитную, записанную в учреждении со слов челобитчика, — «словесной».

Сообщение, объявление (как правило, должностному лицу) о каком-либо событии или даже незначительном происшествии давалось в «явочной» челобитной, или «явке». Особо выделяли «изветные челобитные» («извет»), извещавшие о каком-либо противозаконном деянии; обычно они становились поводом для расследования. «Наносными» челобитными (от «нанос беды», «наговор») называли такие, в которых обвиняемый выставлял несправедливыми предъявленные ему обвинения. «Повинными» — те, в которых челобитчик признавал свою вину, при этом в приказе часто требовали уточнения: дал ли обвиняемый челобитную добровольно или «не истерпя пытки» и челобитье у него «вымучили». Донос без подписи или с вымышленной подписью другого лица называли «подметным» письмом (чаще всего это были обвинения должностных лиц в служебных злоупотреблениях).

Челобитные в XVII в. начинались с обращения: «Царю государю и великому князю...»* («Государю архимандриту» такому-то «еже во Христе с братьею», если челобитная адресовалась монастырю). Такое обращение помогает отличить челобитную от отписки, которая начиналась в XVII в., как правило, иным порядком слов («Государю царю и великому князю...»). В челобитной обязательно указывалось вслед за обращением имя челобитчика («бьет челом холоп твой» такой-то). Челобитная, адресованная царю, а также и высокопоставленным лицам, заканчивалась словами: «Царь, государь, смилуйся, пожалуй» (или «Государь, смилуйся, пожалуй», «Государь, смилуйтесь, пожалуйте»).

Значительный интерес представляют коллективные («мирские») челобитные. Жители посадов, например, писали в 1550-е гг. о злоупотреблениях властей, неполадках в управлении (ответом на подобные заявления становились различные уставные грамоты, содержащие ссылку на челобитье или даже излагающие его содержание). Дворяне в 1620–1640-е гг. не раз били челом об отмене «урочных лет» для сыска беглых крестьян и об окончательном закрепощении крестьян. «Торговые люди» били челом на иностранцев-купцов, требуя оградить внутренний рынок от иностранного капитала. В таких челобитных (1627, 1646 гг. и др.) имеются детальные сведения об организации внешней торговли, перечисляются товары, указываются цены и пошлины, отмечаются пункты торговли. Коллективные челобитные подавались и в дни народных восстаний.

В форме челобитных сочинялись и публицистические памятники (челобитные Ивана Пересветова в XVI в., так называемая Калязинская челобитная XVII в., сатирически изображающая монастырский быт).

Некоторые разновидности документов принято было оформлять в виде «книг», особенно в XVII в. Наименования разновидностей «книг» — даже в

* В XVI в. более распространенным, видимо, было обращение в челобитных: «Государю царю и великому князю...». В конце XVI – начале XVII в. сосуществовали обе формы обращения. Таким образом, форма обращения становится и одним из датирующих признаков для челобитных⁵⁴.

XVII в. — не всегда отличались четкостью, хотя были более определенными, чем наименования «грамот», «записей».

В правительственных учреждениях — и в центральных, и в местных — вели приходные книги и расходные книги («книги приходу...», «книги расходу...»), которые признавались важнейшими документами отчетности.

Сохранились книги хозяйственного описания земель, переписей населения, податных окладов, составленные в основном в целях организации налогового обложения (писцовые*, переписные, дозорные, платежные и др.), и книги сошного письма, содержащие обзор поземельных мер и указания об их применении при измерении пашни⁵⁵. Они снабжены для практического руководства и удобства использования геометрическими чертежами, арифметическими выкладками и своеобразным геодезическим руководством. Такие книги получали писцы, направленные в города и уезды для составления писцовых книг.

Книги с описанием границ («меж») уездов, городских земель, земельных владений назывались «межевыми»; книги со сведениями о расстоянии от одного города до другого и о направлении дорог — «поверстными». В «засечных книгах» находим описания военных укреплений (засечных линий, «черт») пограничных уездов государства. Составлялись книги с данными о местоположении населенных пунктов, книги описания географических карт** и др.

«Даточные книги» — книги записей пожалований («дач») поместных земельных владений служилым людям; «отводные книги» — книги записей отдачи («отвода») во владение земель и промысловых угодий с установлением их границ; «отказные» — переписные книги крестьянских дворов и земель (или только земельных владений), отданных («отказанных») помещику или вотчиннику; «обыскные» — книги записи проведенного обследования земли («обыска») для определения, подлежит ли она раздаче в поместье (XVII в.) (так назывались иногда и книги других типов обследования); «раздельные» — переписные книги крестьянских дворов и земли, разделенных между владельцами; «свозные» — книги, содержащие поименный список беглых, сведения о тягле и времени побега, составившиеся при их сыске («свозе») в XVII в.; «отдаточные» — книги регистрации возвращения («отдачи») правительственными агентами («сыщиками») беглых крестьян их бывшим владельцам; «строельные» — книги «устройства»

* Писцовые книги — это документы долговременного хранения. Зачастую сохранялись и копии их или их частей, сделанные для различных потребностей (в том числе и бывшие в частном владении феодалов). Некоторые из них называли сотными выписями или сотницами. Особое значение имеют сотницы с писцовых книг конца XV–XVI в., большая часть которых не уцелела. (Многие сотницы опубликованы в начале XX в. С.А. Шумаковым.) О писцовом делопроизводстве подробно написано в учебниках «Источниковедение истории СССР», где указана и основная литература.

** «Книгой Большому чертежу» называли подробное описание карты Российского государства, составленное в Разрядном приказе в 1627 г. Составители ее воспроизвели в описании все особенности «Старого чертежа» (сделанного на основе прежних карт после 1595 г.), охватывавшего территорию от «Студеного моря» до Черного и от Финского залива до р. Оби, и «Большого чертежа поля» (1627 г.), охватывавшего территорию юга (от г. Ливны), включая Крымский полуостров. Карты эти не уцелели, и потому описание, дошедшее во многих списках, особенно ценно⁵⁶.

(«строенья»), закрепления населения на посаде⁵⁷ (так же называли и отчеты должностных лиц о строительстве городов, засек, каменных зданий) и др.

Особое внимание исследователей привлекают «кабальные» книги — книги копий актов закабаления (кабал полных, докладных, служилых), составившиеся в Приказе холопьяго суда, воеводами и дьяками в приказных избах городов с воеводским управлением, губными старостами в городах без воеводского управления и в других местах⁵⁸. В «кабальные» книги велено было записывать текст кабалы, а также внешние приметы и данные биографического характера о поступающих в кабальное холопство. При этом осмотр и опрос их должны были производиться во время регистрации сделки и в присутствии похолопляемых⁵⁹.

«Книги» всех таких разновидностей — ценные источники для изучения и практической деятельности правительственного аппарата принуждения, и истории землевладения и крестьянского закрепощения, борьбы отдельных представителей господствовавшего класса за рабочие руки, сопротивления крестьян и горожан усилившейся эксплуатации, истории народной колонизации земель, роста и изменения населения городов и других вопросов социально-экономической истории.

«Таможенные» книги — книги записей таможенных пошлин с торговых сделок и «явок» товаров, «ценовые» — описи имущества, товаров с оценкой их стоимости, так же как различные финансово-учетные книги правительственных учреждений и отдельных феодалов, являются первостепенной важности источником не только по истории торговли, но и истории производительных сил, социальных отношений, материальной культуры, бытовой истории.

Некоторые книги особенно важны для исследования истории финансов и системы налогового обложения. Помимо писцовых, переписных и таможенных книг, это «сметные» книги, содержащие сводные выписки из годовых отчетов воевод об исполнении местного бюджета по городам (подведомственным Разрядному приказу); «окладные» — книги записей государственных налогов тяглового населения^{*}; «домочные» — книги учета недоимок государственных налогов с тяглового населения; «ямские» книги — записи сбора ямских денег с тяглового населения и расходов на содержание ямщиков; «ясачные» — именные списки ясачных людей и записи о поступлении в казну собираемого с них «ясака» пушшиной. Расходы (денег, хлеба, каких-либо материалов и пр.) учитывались в различных «расходных» книгах; выдача жалованья (денежного, хлебного, соляного и др.) служилым людям, стрельцам — в «раздаточных» книгах. Все эти разновидности «книг» дошли до нас преимущественно от XVII в., а некоторые стали употребляться в деловой практике не ранее XVII в.

В форме книг велась обычно деловая документация и в монастырях. В некоторых из таких книг обнаруживаются и копии документов приказного делопроизводства (обычно касающихся монастыря или собственности светских лиц, перешедшей затем в монастырь).

«Вкладные» книги — книги записей вкладов (имущества, денег и др.) частными лицами в какой-либо монастырь — содержат нередко ценные сведения о феодальном землевладении, а также по политической истории, генеалогии и др. Важ-

* В том же XVII в. так назывались и книги с именными списками служилых людей, с указанием размеров их окладов — денежного, хлебного, соляного жалованья.

ное место среди источников по социально-экономической истории (особенно за XVI в.) занимают хозяйственные книги монастырских вотчин⁶⁰. Такие книги возникли, видимо, уже в 1520–1530-е гг. Это документы текущего «бухгалтерского» учета. При этом следует иметь в виду, что единообразных форм учета еще не было выработано и учет отраслей хозяйства зависел от местных особенностей вотчины. Подавляющее большинство сохранившихся хозяйственных книг монастырей XVI в. — приходо-расходные (или приходные и расходные отдельно), в которых текущие доходы и расходы (акты купли и продажи, вклады, поступления с промыслов и служб, получение оброка, сбор налога, выдача содержания и т.п.) вотчины учитывались обычно в денежном выражении. В особых книгах, чаще всего в XVII в., записывались установленные и подлежащие сбору с крестьян повинности (различные «окладные», «оброчные» книги), поступления государственных податей (например, в «полоняничных» — сбор на выкуп пленных), долговые, кабальные обязательства и т.д. Хозяйственные книги монастырей и регистрировали доходы от крепостнической эксплуатации зависимого населения, и сами были одним из средств дальнейшего его закрепощения.

К хозяйственным книгам монастырей обращаются как к источникам при изучении движения феодальной собственности на землю, форм зависимости и характера эксплуатации крестьян, вотчинного и городского ремесла, торговли, товарного производства, цен. В приходо-расходных книгах содержатся сведения и по истории классовой борьбы, например в книгах Иосифо-Волоколамского монастыря — о волнениях 1590-х гг., о восстании под предводительством Болотникова. О производственной жизни феодальной вотчины, уровне развития производительных сил помогают судить данные книг «посевных», «семянных», «ужинно-умолотных», «коситбенных» и др.

Документы монастырского делопроизводства близки по форме к материалам документации правительственных учреждений, и соответственно много общего в методике изучения этих групп источников. Здесь применимы и дипломатические методы актового источниковедения. А поскольку некоторые хозяйственные книги содержат массовую регистрацию повседневных явлений, они, подобно писцовым и таможенным книгам, дают материал для составления таблиц, для их статистического изучения⁶¹.

* * *

Массив документации правительственных учреждений по основному содержанию и целевому назначению* можно условно разделить на законодательные материалы («уложения», в том числе судебники, указные книги и грамоты, отдельные приговоры)⁶³, предназначенные для сравнительно долгого делопроизводственного обращения, и материалы текущего делопроизводства (к таким документам, например к посольским делам, конечно, могли обращаться и в течение длительного времени). Среди многообразных документов текущего делопроизводства выделяются относящиеся к текущему управлению судебно-следственные материалы,

* Л.В. Милов полагает правомерным применительно к средневековому делопроизводству выделение документирования общей деятельности и документирования специальной деятельности⁶².

материалы финансово-учетные, связанные с организацией службы, прежде всего военной, с организацией внешних сношений. Особую, и притом многочисленную, группу разнообразных документов составляют дела по феодальному землевладению⁶⁴. Можно отметить еще и другие группы документальных материалов. В настоящем пособии предметом специального рассмотрения будут судебно-следственные материалы и документальные материалы, связанные с организацией военной и придворной службы и внешних сношений.

СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Судебно-следственные дела в полном составе представляют собой обычно комплексы документов (иногда и разновременных). Переписанные (а подчас и соответственно обработанные) судебные дела в целом, так же как и протоколы судебного разбирательства, называли «судными списками»*. Во вступлении к судным спискам указывались факт судопроизводства, состав суда, место суда (когда суд вызван был земельной тяжбой, то мог происходить на спорном месте, из-за которого возникла тяжба), тяжущиеся стороны.

Записи показаний свидетелей во время следствия называли «сыскные речи»; при допросе — «расспросные речи» («в расспросе сказал», «в допросе говорил»). Если допрос сопровождался пыткой — «пыточные речи» (или «расспросные пыточные речи»). Расспросные речи точно датировались; отмечалось, например, в следственном деле о Московском восстании 1662 г. и число ударов кнутом «у пытки». Документы, привлекавшиеся по ходу судебного разбирательства, часто не пересказываются, а передаются дословно, даже памятники литературного характера (как, например, церковные сочинения в процессах против лиц, обвинявшихся в отступлении от догм православия). Дословно приводятся иногда и статьи «уложения» и указы, на основании которых выносятся приговор.

От XVI в. уцелели преимущественно отрывки судных списков. Некоторые из них свидетельствуют об обработке следственного материала: в судном списке Максима Грека (по копии конца XVI в.) сознательно смешаны данные о процессах 1525 и 1531 гг., и судный список напоминает скорее тенденциозный памятник политической публицистики⁶⁵. Нет единства мнений о подлиннике Угличского следственного дела 1591 г. (в связи со смертью царевича Дмитрия и вспыхнувшим там восстанием)⁶⁶, столбец которого оказался попорченным к XVIII в., когда его первый раз попытались привести в порядок: допросы подклеивались в столбец в хронологическом порядке их поступления делопроизводителям или показания подбирали по каким-то иным признакам, дошедший судный список включал все материалы допросов или были еще другие судные списки?

Судные дела показывают механику организации обвинений, использования следствия и суда в политических целях. Так, из следственного дела Берсена Бекле-

* Судным списком могли назвать и «правую грамоту» — документ, содержащий протокол судопроизводства (т.е. собственно судный список), и решение суда, выданное выигравшей дело («правой») стороне.

мишева и Федора Жареного (1525 г.) узнаем, что после ареста Максима Грека старались найти улики против него, провоцируя показания. Василий III передавал Жареному через подосланного верного человека: «Толко солжи мне на Максима, и аз тебя пожалую». Уцелел отрывок протокола допроса Иваном Грозным в 1574 г. русских пленников, возвратившихся из Крыма, — жуткий памятник произвола, свидетельство болезненной злобной подозрительности и жестокости царя. Находясь в пыточном застенке, он велел «пытати — огнем жечи, чтобы правду сказали», и, спрашивая: «Хто ж имянем бояр наших нам изменяет?» — стал называть самых приближенных к нему лиц.

Не дошедшие до нас материалы судебных дел 1560–1570-х гг. (частично упоминаемые в старинных архивных описях и в других источниках) использовались, видимо, при составлении приказного списка казненных, ставшего основой особого синодика (поминальной книги)⁶⁷, разосланного по монастырям в конце царствования Ивана Грозного⁶⁷. Синодик этот — ценный источник политической истории, особенно времени опричнины.

Частыми были судебные дела о непригожих речах, бесчестящих царя или его семью, о колдовстве (колдовские процессы, процессы суеверий — обычное явление в истории и Западной, и Восточной Европы XVI–XVII вв.). Возникновению следственных дел, касающихся особы государя, предшествовало обычно объявление «слова и дела государева» (или просто «слова государева»)⁶⁸. Подобные дела всегда рассматривались в Москве, и люди, долго томившиеся в тюрьме без следствия, иногда прибегали к такому способу в надежде найти управу в столице. Если «слово государево» заявляли против воеводы, тот должен был в ожидании решения передать на время ключи от города помощникам. За ложное челобитье полагалась «торговая казнь» — публичное битье кнутом. Но это не всегда смущало челобитчиков, обреченных на мучение в воеводской тюрьме. Знали они и о том, что оговариваемых ждала не только изматывающая силы и средства московская судебная волокита, но зачастую и пытка.

Особенно велико научное значение судебно-следственных дел о народных восстаниях⁶⁹. Такое дело в полном составе содержит обычно: отписку воеводы (или изветную челобитную) с донесением о выступлении; челобитные с жалобами пострадавших (как правило, тенденциозно освещающие ход восстания и действия его участников); царский указ (чаще всего воеводе ближайшего к месту восстания города) с изложением действий «воров» и «бунтовщиков» и о назначении сыска; документы сыска (расспросные и пыточные речи восставших, документацию самих восставших); памяти из приказа; отписки воевод; указ о наказании участников восстания. Полностью следственные дела сохранились лишь о немногих восстаниях «бунташного» XVII в.: сравнительно полно — о восстаниях 1648 г. в Великом Устюге, Сольвычегодске, Воронеже, Курске, Козлове, 1650 г. — в Новгороде и Пскове, 1662 г. — в Москве (так называемый «Медный бунт»), о восстании под предводительством С.Т. Разина (хотя пыточные речи самого Степана Разина не дошли), стрелецких восстаниях в Москве в конце века.

⁶⁷ Вообще, синодики имелись обычно при всех церквях. Там упоминались и отдельные лица, и семьи, даже целые роды.

Значительную ценность представляют «перечневые выписи» с пометой «выписано на перечень» и «докладные» с пометой «написано в доклад». Это составленные в Разрядном приказе справки с подробностями дела. Именно на основании таких справок готовили перечень вопросов для «сыщиков», на которые обязаны были отвечать (в «распросных речах») лица, привлеченные к следствию, и указ о дальнейшем ведении следствия. Перечень вопросов иногда сам уже содержит любопытные детали, даже если их стараются утаить допрашиваемые, например: ходил ли к земской избе? бил ли воеводу? истреблял ли приказные документы? грабил ли дома купцов? знает ли о содержании «воровского письма»? и т.д. Однако даже подробные показания самих восставших или свидетелей восстания требуют тщательной критической проверки — они даны под пыткой и могли в искаженном виде представить участие тех или иных лиц в восстании, да и самый ход событий⁷⁰.

Материалы сыска немало дают и для социально-экономической истории — о занятиях жителей, их социальной принадлежности, общественной организованности, образе жизни. Так, документы сыска, предпринятого для возвращения обратно в посады бывших посадских тяглецов, ставших закладчиками, показывают, что в Москве в 1637 г. более 20% допрошенных — выходцы из других местностей. Однако жили они в столице уже много лет и занимались в основном ремеслом или торговлей — тем самым конкретизируется наше представление об источниках роста и об изменении состава населения московского посада.

Дела о сыске беглых крестьян (которые в конце XVII в. вели и центральные, и местные учреждения) содержат разнообразные сведения о том, чем занимались крестьяне «в бегах», где оседали беглые, в частности, данные о социально-хозяйственном развитии осваиваемых тогда окраин государства (в Поволжье, в районах к югу от засечной черты) и др.

Судебно-следственные дела, да и вообще приказные делопроизводственные материалы, позволяют узнать о законодательных актах более раннего времени. Так, с обнаружением в судных делах конца XVI в. ссылок на неизвестный ранее закон о подаче исковых челобитных по вопросам владения крестьянами выяснилось, что закону 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян предшествовало схожее постановление. Судебные дела зачастую интересны и в плане истории социальной психологии, истории культуры, разговорного языка, тем более что распросные речи обязаны были записывать с возможной точностью⁷¹.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ВОЕННОЙ И ПРИДВОРНОЙ СЛУЖБЕ

Документальные материалы, связанные с организацией военной и придворной службы (отложившиеся большей частью в обширном фонде Разрядного приказа в ЦГАДА), многообразны.

Сведения о думных чинах и московских чинах — стольниках, стряпчих, дворянах московских или «детях боярских московских», жильцах, занимавших командные должности в войске (и высокие должности при дворе и в приказах) и составивших «государевы» «двор» и «полк», сосредоточены в различных перечневых

книгах: в «Дворовой тетради» 1550-х гг., испещренной пометами⁷², в боярских книгах и списках, жилецких списках.

Боярские книги⁷³ содержат именные списки высших чинов, с указанием наличия вотчинных земель, поместных и денежных окладов, с отметками о служебной деятельности, состоянии здоровья. Иногда и с генеалогическими сведениями. Боярские списки⁷⁴ — это списки членов государева двора со сведениями об их местонахождении и пригодности к службе. Жилецкие списки — списки представителей наиболее многочисленной части столичного дворянства — «жилцов». В таких документах очень любопытны и пометы о перемене служебного положения, пленении, опале, болезни, смерти. Сопоставляя учетные документы личного состава государева двора с другими источниками, удалось определить (на основании прежде всего изучения Боярской книги 1556 г.) состав кормленщиков середины XVI в. и выяснить их принадлежность не только к боярству, но и к верхушке столичного дворянства⁷⁵. Сравнение имен, упомянутых в боярских списках рубежа XVI–XVII вв. и в утвержденной грамоте Земского собора 1598 г., показало, что служилые люди — участники собора входили в состав государева двора (как «выборные» дворяне своего города для службы в Москве) и не были специальными представителями, избранными на собор на местах.

В городах (обычно с участием посланного из Разрядного приказа) составлялись десяти — именные военно-учетные списки дворян и детей боярских, т.е. служилых людей «по отечеству», отличавшихся от служилых людей «по прибору» (список которых называли часто «раздаточной книгой денежного жалованья»). Десяти составлялись систематически отдельно для каждого города с уездом (т.е., говоря современным языком, военного округа) с перечислением всех приписанных к городу по службе (но не всех испомещенных в его уезде, так как испомещение могло и не совпадать с припиской по службе). Цели составителей десятен: а) установление служебной годности дворянина («разбор»); б) денежное и поместное верстанье, раздача жалованья; в) поместное и денежное верстанье новиков. «Разбор» — описание служебной годности дворянина, т.е. обеспеченности землей, вооружением, людьми.

Десяти могли быть разного вида, в зависимости от целей составления. (Составление только «разборных» десятен, видимо, было связано с проведением общевоинских смотров по всем уездам.) Десяти служили основным документом, которым руководствовались при раздаче денежного жалованья. Состав верстальщиков (обычно полковых воевод), время и программа смотра определялись царским указом; и верстальщики получали особый наказ, в котором объявлялось: будет ли проведен разбор, поместное или денежное верстанье, денежная раздача (и размер ее), будут ли верстаться новики и на каких условиях. Для верстальщиков изготовляли в Москве «разрядный список» на основании «старой» десяти по этому уезду и других данных о прохождении дворянами службы (при составлении новой десяти обязаны были отмечать расхождения с этим списком). В период смотра писали сначала черновую десятию (в виде столбца), а затем, с учетом дополнений и исправлений, готовили беловую десятию в виде книги (в восьмую долю листа), которую отсылали в Разрядный приказ. (В уездной приказной избе, видимо, оставляли дубликат такой книги.) Функционировали десятии обычно в период между двумя смотрами, а затем заменялись новыми⁷⁶.

В десятнях могли записывать и людей, состоявших уже на службе, и «новиков», и даже «недорослей» (начиная с 2–3-летнего возраста). Таким образом, правительство узнавало не только наличный состав служилых людей, но и резервы на 12–15 лет вперед.

В десятнях отмечали реальное владение и оклад (земельный и денежный) служилого человека, вооружение его и его людей (холопов) и число сопровождавших его (каков он будет: «конен и оружен и люден»), каков он «отчеством и службою», в срок ли является на службу, и если не в срок, то почему («которые к службе ленивы за бедностью и которые ленивы не за бедностью»), поместья за недорослями (из отцовских окладов) и др. Данные десятен допускают возможность их статистического изучения (особенно в сопоставлении со сведениями писцовых книг и столбцов вотчинных и поместных дач) и помогают исследованию не только истории организации военной службы и военного дела, но и феодального землевладения, социальных отношений.

О составе и состоянии войска (особенно за XVII в.) можно судить по смотренным книгам (спискам) ратных людей. Это — именные перечни служилых людей, оказавшихся в «естех» (налицо) или в «нетех» (в «нетчиках») на смотрах, произведенных городовыми или полковыми воеводами. Выясняется, что к концу XVII в. неявка на службу и бегство с нее наиболее распространены были среди дворян, в то время как стрельцов являлось около 100%.

Отмеченные разновидности документов оказывались важными источниками и при составлении разрядных (служебных) и родословных книг, использовались в местнических спорах.

Разрядные книги (от слова «разряд» в значении — роспись) — книги записей правительственных распоряжений о погодных назначениях на военную, придворную и гражданскую службу. В XVI и XVII столетиях составлялись росписи придворных церемоний (свадеб государей или их родственников — «свадебные разряды»), приемов иноземных послов, расписания полков. Постоянное расписание полков было следующее: большой, передовой, правой руки, левой руки, сторожевой. Этот порядок определял старшинство полков.

Разрядные записи систематически составлялись уже в XV в. и объединялись затем в «книги». Записи — пространные и краткие — расположены там по хронологическому принципу; вносились сведения и о несостоявшихся походах, так как при местнических спорах важны были воеводские росписи и таких служебных назначений. В разрядные книги вносились (особенно с 1560-х гг.) и донесения о ходе и результатах военных действий (отписки воевод, «вести» с границ, дневники походов, обычно в сокращенном виде), приговоры Боярской думы, челобитные и решения по местническим делам, копии официальных документов (царских грамот к воеводам и др.). Данные разрядных книг, прежде всего росписи высшего командного состава, сведения о военных действиях включались в официальные летописи.

С середины XVI в. составлялись (задним числом за определенное число лет) официальные «государевы разряды», с сокращенным каноническим текстом, к которому обращались как к справочнику при местнических спорах. Первая такая книга с данными за 1475–1556 гг. датирована 1556 г. Известны редакции «государевых разрядов» 1584, 1585, 1598, 1605 гг.; с воцарением Романовых они составлялись

ежегодно (часто с подробными наказами воеводам и количественными росписями войск)⁷⁷. В XVII в. возникла и практика составления особых разрядных книг о службе на южных границах. В XVII в. были уже и перечни разрядных книг «для скорого прииску». В 1682 г. с уничтожением местничества официальные разрядные книги с наиболее подробными записями о местнических спорах были сожжены.

Представители отдельных фамилий заказывали копии официальных разрядных книг, составляли выписки из разрядов со сведениями о службе родственников. В такие «частные» редакции вносились иногда дополнения и изменения с целью повысить «честь» рода. Об одной подобной разрядной книге замечено в переписанном тексте ее (уже в XVII в.): «Книга не зело справчива, много и затеек написано. А писал затейки много Фома Иванович Квашнин, чево в государевых розрядах и не бывало, своими прилоги, для своего Квашнинных роду». В XVII в. появились и подложные разряды военных походов и посольств прежних времен.

Родословные книги⁷⁸ (или росписи) XVI–XVII вв. содержат только мужские имена. Это — делопроизводственные документы, восходящие в своей основе к официальной редакции, составленной не позднее первой половины XVI в. и оформленной в «Государевом родословце» стабильного состава в 1555 г. Государев родословец включал данные о происхождении и поколенные росписи княжеских и знатных и влиятельных нетитулованных фамилий. Во вступительной статье помещена легенда о происхождении русских великих князей (Рюриковичей) от римского императора Августа. Легендарны в значительной мере и сведения о происхождении многих русских знатных родов. Государев родословец с последующими дополнениями стал основой родословной книги знатнейших фамилий — так называемой Бархатной книги (название происходит от бархатного переплета), составленной после отмены местничества по родословным росписям, поданным в 1682–1687 гг. В личных архивах дворян сохранялись нередко копии официальных родословных книг и росписи отдельных родов (или групп их). В них встречаются любопытные подробности (иногда придуманные) о родстве, службе, землевладении*.

Обилие списков разрядных и родословных книг, зависимость их от определенных официальных редакций и в то же время различия и особенности отдельных списков допускают использование при их исследовании и приемов текстологического анализа — методики, особенно принятой при изучении литературных памятников.

Служебно-родовое местничество⁸⁰ — институт, официально регулировавший служебные отношения между членами служилых фамилий на военной и административной службе и при дворе.

Название местничества произошло от обычая считаться «местами» (за столом и на службе); «место» зависело от «отечества», «отеческой чести», которая слагалась из двух элементов — родословной (т.е. происхождения) и служебной — карьеры самого служилого человека и его предков. Положение служилого человека в ряду других определялось двояко: по отношению к родичам (на основании родословных книг) и по отношению к чужеродцам (на основании разрядных книг и другой до-

* Именно в копиях в составе родословных росписей дошла до нас большая часть кормленных грамот⁷⁹.

кументации). Для местничества характерно было служебно-родовое старшинство, при этом в местнических счетах служба по разрядам учитывалась в первую очередь, а лишь затем считались по родословцам: «...что от большова брата колено пойдет, а в розрядех малы и худы будут, а от меньшова брата колено пойдет, а в разряде велики живут, и те, государь, худые с добрыми по родословцу лестницею не тяжутся, тяжутся по случаем розряды». Равные по положению служилые люди считались «ровни», или «в версту». Служилый человек должен был «знать себе меру» и при назначении на должность следил за тем, чтобы «чести» его не было «порухи», а роду «потерьки», высчитывая, ниже кого ему служить «вместно», кто ему «в версту» и кому «в отечестве» с ним не доставало мест. Быть «выше» значило быть «честнее»⁸¹. В системе местнического счета опирались на прежде записанные «случаи».

Местнические дела — это разновидность судебных дел; судопроизводство по ним тесно связано с деятельностью Разрядного приказа. Поводом для возникновения местнического дела было челобитье недовольного назначением служилого человека «государю о местех» («били челом в отечестве», «искали отечество»). На местническом суде выясняли основательность претензии инициатора спора занимать более высокое «место»; показания спорящих сторон проверялись по другой документации, преимущественно разрядной. Назначенная царем думная комиссия «сего дела слушали, и по случаям, по разрядом: хто ково был больши или меньши или в версту, и по родословцу: хто к кому по родству к тем воеводам каков близок считали».

Местнические дела состояли из трех частей: начальной, текста разбирательства и приговора. В начальной части указывались дата начала местнического спора, имена спорщиков-«местников», дата царского указа о назначении судей и имена их. Из приговора узнаём о дате доклада царю результатов разбирательства, имена судей и местников, дату и текст самого приговора и о «сказке» решения местникам.

Сложнее и менее определена по составу структура разбирательства. Это и записанные подьячими вопросы судей, и ответы местников, споры местников между собой, указания на поданные ими документы («в отечестве счотные грамоты», на основании которых просили дать им «оборонь»), выписи из дел Разрядного приказа и других ведомств. Обычно эта часть местнического дела начиналась с челобитной инициатора спора, вслед за которой помещали челобитную ответчика «в бесчестьи». Затем в столбце помещали памяти-перечни «случаев» (из разрядных, родословных, других местнических дел и др.) и за ними выписки из разрядных документов, сделанные уже по распоряжению судей. Документы, представленные местниками и часто извлеченные из их личных архивов*, тщательно проверяли. И как показывает ознакомление с фамильными документами, представленными в конце XVII в. в Родословных дел палату (создана была при Разрядном приказе в связи с составлением официальных родословных книг), для сомнений такого рода имелись основания. Среди фамильных документов, призванных подтвердить родословие и высокое служебное положение служилых фамилий, оказывались — и в немалом числе — поддельные или такие, где в старинный текст внесены были изменения (вставки, подчистки, тенденциозные исправления).

* Местничество вообще, наряду с потребностью документального фиксирования землевладельческих прав и привилегий, было одним из поводов образования фамильных архивов.

Схема разбора дела такова: памяти инициатора спора, устные ответы второго местника, выписи из разрядных (официальных) документов, памяти второго местника, устные ответы инициатора спора, выписки. В период суда могли подаваться и дополнительные челобитные⁸². Схема ведения дела и, соответственно, формуляр его в зависимости от хода разбирательства (а также и настроения государя) могли изменяться.

Первоначально местническими нормами регулировались лишь взаимоотношения высших служилых людей — потомков удельных князей и исконных московских бояр; с середины XVI в. местнические нормы распространяются и на взаимоотношения московских чинов, а с XVII в. — на городских чинов и даже дьяков и гостей. Это привело к постепенной утрате в обществе уважения к местническим обычаям¹. В 1682 г. местничество было отменено, а официальные местнические документы сожжены; уничтожены были и многие местнические документы, хранившиеся в личных архивах служилых людей. Уцелевшие материалы — это лишь случайные остатки некогда огромного документального массива.

Учетные документы Разрядного приказа, родословные книги, документация местничества — незаменимые источники по истории личного состава господствовавшего класса, государственного аппарата, многих фактов политической и военной истории, истории феодального землевладения, общественно-политической мысли, социальной психологии.

ДОКУМЕНТАЦИЯ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

С конца XV в. постепенно возобновляются широкие международные связи России и соответственно упорядочиваются формы ведения дипломатических переговоров и письменного делопроизводства внешних сношений. Эти памятники делопроизводства в виде книг, столбцов и грамот оказались сосредоточенными (не позднее первой четверти XVII в.) в архиве Посольского приказа и назывались «посольские дела» или по наименованию государств — «дела польские», «дела швейские» (шведские), «дела крымские» и т.п. Однако дошли до нас они далеко не полностью, и уже в архивных описях XVII в. отмечалось отсутствие как целых групп посольских дел, так и отдельных «дел» или частей (листов) их.

С сравнительной полнотой сохранились в ЦГАДА памятники внешних сношений Российского государства с Польско-Литовским государством (с 1487 г.)⁸⁴, Ливонским орденом и городами Восточной Прибалтики (с 1509 г.), Курляндским герцогством (с 1561 г.), Австрией (Германской империей — с 1488 г.), Венгрией (с 1485 г.), германскими государствами и городами (Пруссией — с 1516 г., Голшти-

¹ Во второй половине XVII в. составили даже специальный справочник «потерек всякому роду по своему прозванию». Неизвестный составитель не без злорадства подобрал из приказных документов и генеалогических преданий сведения начиная с середины XVI в. в отношении 280 фамилий «для укоризны отечеству и потерки их»⁸³.

нией — с 1633 г., Саксонией — с 1663 г., Любеком — с 1584 г., Гамбургом — с 1614 г., Данцигом — с 1659 г.), Швецией (с 1513 г.), Данией (с 1516 г.), Англией (с 1556 г.), Голландией (с 1600 г.), Испанией (с 1667 г.), Францией (с 1595 г.), папским престолом (с 1485 г.), Венецией (с 1580 г.), Тосканой (Флоренцией — с 1602 г.), православным духовенством Греции, юго-славянских и других государств (с 1509 г.), Молдавией и Валахией (с 1574 г.), Турцией (с 1496 г.), Крымским ханством (с 1474 г.), ногайскими правителями (с 1489 г.), кабардинскими и черкасскими правителями (с 1559 г.), кумыцкими правителями (с 1614 г.), Грузией (с 1586 г.), Арменией (с 1626 г.), Персией и зависимыми от нее государствами Закавказья (с 1588 г.), калмыцкими правителями (с 1616 г.), Бухарой (с 1585 г.), Хивой (с 1590 г.), балхинскими правителями (с 1640 г.), Индией (с 1646 г.), сибирскими правителями (с 1570 г.), казахскими правителями (с 1595 г.), джунгарскими (ойротскими) правителями (с 1595 г.), монгольскими правителями (с 1608 г.), Китаем (с 1619 г.) и др. В фонде «Малороссийские дела» широко представлены документы времени, предшествовавшего воссоединению Украины с Россией. Документы внешних сношений России имеются и в архивах других государств, прежде всего подлинники отправленных туда царских грамот.

Посольские дела включают материалы о снаряжении русских посольств (во главе с послами или посланниками) или гонцов (напоминали по своим обязанностям дипломатических курьеров последующего времени), о приготовлении «поминок» (подарков), «вестей» (донесений, иногда пространных) от русских представителей за рубежом, указы русским посольствам, отчеты посольств, материалы о приезде иностранных посольств, гонцов, купцов, об организации внешней торговли. Договоры, устанавливающие «рубежи» Российского государства с соседними, содержат очень ценные данные для исторической географии.

Основные группы документов, на которые четко делятся по форме дела Посольского приказа: грамоты, столбцы, книги. В состав документации Посольского приказа входили: грамоты главам государств (подлинники и их отпуски); ответные грамоты (подлинники и переводы); наказ «черной» (черновик, оставшийся в Посольском приказе); наказ «белой» (вручавшийся послу и служивший ему руководством во время посольства); статейный список «черной» (составлявшийся во время посольства); статейный список «белой» (отредактированный черновик). Указы и статейные списки, а иногда и другие документы, переписывались в тетради, которые затем переплетались в книги, где обычно объединялась документация нескольких посольств в хронологической последовательности. При этом еще в начале XVII в. существовала смешанная форма белой документации — и столбцовая, и тетрадная (тетрадная постепенно становилась преобладающей). Однако не вся документация, связанная с организацией внешних сношений, признавалась документацией долговременного хранения и копировалась. В частности, не копировали, а возможно, и уничтожали вскоре за ненадобностью переписку Посольского приказа и Боярской думы с порубежными воеводами и приставами об устройстве иностранных посольств в пути к месту встречи с государем, об организации приема иностранных послов в Москве и др.

Отдельные документы копировались в нескольких экземплярах. Копии имеют подчас достоверительные скрепы, и сличение уцелевших в редких случаях под-

линников столбцов и копий их (и книжных, и столбцовых) позволяет утверждать, что копии с достаточной точностью воспроизводят оригинал⁸⁵.

Царские грамоты, отправляемые за рубеж, иногда писали на пергамене. Некоторые грамоты (и даже копии с них в книгах) украшались золотом и красками, для чего в Посольском приказе служили особые «золотописцы», привлекавшиеся и к украшению лицевых рукописей разного содержания.

Договорные (или перемирные) грамоты составлялись в двух экземплярах и подписывались лицами, выдававшими их или ведущими переговоры, предшествовавшие соглашению. Цари не подписывали грамот. К подписанным экземплярам привешивали печать, и правители обоих государств скрепляли их крестным целованием (мусульмане «шертью» — присягой; отсюда наименование — «шерстная грамота»). Послам предписывалось строго наблюдать за этой процедурой; например, послам к польскому королю в 1571 г. наказали, чтоб король целовал «не мимо креста, да и не носом».

Особое внимание уделялось титулатуре государей. Споры, возникавшие по поводу титула, могут сейчас показаться наивными, но на самом деле признание государственного титула выражало формальное подтверждение конкретных прав.

Составлялись особые книги образцов обращений к русскому и другим государям («книги, а в них писано начало, как пишется к великим государем московским... от римского цесаря, и как писаны грамоты от московских государей к римским цесарем и в иные розные государства и из государств»⁸⁶). Перед отправлением посольства за рубеж участников его знакомили с документами прежних посольств в это государство, а также с материалами об истории и обычаях страны (и, видимо, с имеющимися в Москве сочинениями иностранцев о нашей стране).

С 1560-х гг. постоянной становится форма посольского отчета в виде статейных списков (составленных по разделам — «статьям», обычно выделяемым абзацами); потому-то и посольские книги в литературе называют «статьейными списками». Они составлялись в столбцовой или — все чаще — в книжной форме⁸⁷. Статейные списки* обязательно включают наказ послам и отчет о посольстве, часто и тексты важнейших документов — посольских грамот, переписки и др. В наказах формулировались задачи посольства (в том числе и тайные, для чего составляли особые указы) и предусматривались ответы на возможные вопросы (в годы правления Ивана Грозного — и на такие нелегкие, как организация опричнины и причины опричного террора, отношение к бежавшему за рубеж боярину князю А. Курбскому и к его переписке с царем и др.). Тем самым посольские дела становятся важным источником по истории не только внешней политики и внешней торговли, но и внутренней политики Российского государства, в частности по истории общественного мнения, о характере организации общественной информации. А поскольку в посольских книгах отражались и вопросы общественно-поли-

* За сохранность посольской документации участники посольства несли особую ответственность. И когда в 1659 г. возвращавшиеся из Флоренции послы переправлялись в Швейцарии через перевал Сен-Готард, то «государеву казну и ружьядь с того стану повезли на волах, а Флоренского князя лист и статейный список несли подъячие для того, что лошадей со вьюкам, как ветр велик, бросает в глубокие пропасти».

тической мысли (например, в переписке Ивана Грозного с опричником Василием Грязным, плененным крымцами, в посланиях за рубеж, написанных тем же царем или от его имени, и др.), то некоторые из них могут рассматриваться и как памятники публицистики.

Отчет состоял чаще всего из последовательных ответов по всем пунктам наказа («про что проведено и про что не проведено») и дневниковых записей о пути посольства (с указанием: где, когда были, что видели, с кем и о чем говорили и т.п.), встрече и приеме послов (особое внимание уделялось вопросам этикета), ходе и результатах дипломатических переговоров. Здесь же, а иногда и отдельно, помещались «вести» (копии или пересказ документов и «речей», визуальные наблюдения) о государственных деятелях, о внутренней и внешней политике государств, где находились послы, а также и других стран.

Дневниковые записи вел подьячий* или даже дьяк, а посол правил («чернил»). Записи велено было составлять «тотчас подлинно, ничего не прибавлявая и не убавлявая». Потом (видимо, уже по возвращении посольства) дневник редактировался. Таким образом, переписанный в посольскую книгу отчет не был идентичным тому, который составлялся на месте, — в нем могли оказаться сознательные отступления от первоначального текста, зачастую более правдиво отражавшего события, что особенно отмечал Котошихин, хорошо знакомый с практикой посольского делопроизводства. В этом плане интересно сопоставить данные посольских книг со сведениями других документов, в частности записок иностранцев о тех же событиях.

Посольские книги содержат интересные сведения по истории международных отношений, касающихся не только России, о войнах и дипломатических переговорах различных государств, о попытках создания международных коалиций. Для истории стран, где произошли существенные утраты архивных документов, материалы русских посольских книг приобретают и большое самостоятельное значение (для Балканских стран, находившихся тогда под властью Турции, и др.). В делах Посольского приказа, а также и Сибирского, можно почерпнуть много сведений об обычном праве и истории народностей нашей страны, еще не имевших тогда письменности⁸⁸.

В посольских отчетах любопытны наблюдения о событиях политической жизни, известных по другим источникам. Так, в статейном списке посольства в Англию описывается казнь Эссекса в 1603 г. и отмечено, что «по нем в Лунде (Лондоне. — С.Ш.) было великое сетование и плачь великой во всех людех». Интересно замечание (передача слов королевских советников) о психически нездоровом шведском короле Эрике XIV: «не сам у себя своею персоною» (1537 г.). Обращалось внимание и на «обычности», и на диковинки. Посол во Франции и Испании в 1667–1668 гг. Петр Потемкин делился впечатлениями о Париже, где школ «безмерно много», а «люди во Французском государстве человечны и ко всяким наукам, к

* Посольские подьячие, исполнявшие обязанности секретарей посольства, были обычно людьми достаточно образованными, приметливыми, хорошо осведомленными об основных явлениях русской действительности. Именно перу посольского подьячего Григория Котошихина, сбежавшего в 1660-е гг. за рубеж, принадлежит написанное по заданию шведского правительства детальное сочинение о России, где подробно охарактеризованы государственный строй и придворные обычаи.

философским и рыцарским тщательны», а в «Испанском государстве, — по его словам, — воздух здоров и весел» и испанцы «в нравах своеобычны, высоки».

Передавая наблюдения о незнакомой стране, составители статейных списков переносили в ее описание привычные им понятия, нормы, термины⁸⁹: придворных иностранных государей (и христианских, и мусульманских) называли и перечисляли соответственно русской иерархии (бояре, дети боярские, думные дьяки и т.п.), названия и функции иноземных учреждений старались передать русскими определениями. Такое же явление характерно и для сочинений иностранцев о России. Для историков языка посольские книги интересны и сравнительным обилием иноземных слов, а также попытками их перевода и истолкования, и как памятники, где деловая письменность в известной мере смыкается с общественно-политической публицистикой и даже с художественной литературой (в описании путешествий послов)⁹⁰.

Для нужд дипломатической службы составлялись и краткие выписки из посольских книг (иногда тоже в виде книг), использовавшиеся для справок во время переговоров. Данные посольских книг резюмировались обычно и в официальных летописях. Сравнительное изучение летописных записей и сохранившихся посольских дел позволяет полагать, что основное содержание публичных дипломатических переговоров и главные условия договорных грамот переданы в летописи, как правило, более или менее точно. А это дает возможность примерного восстановления основного содержания не дошедших до нас посольских книг XVI в.

* * *

Делопроизводство правительственных учреждений России XVI–XVII вв. имело достаточно четко выраженные характерные черты, позволяющие говорить об определенной системе приказного делопроизводства. В то же время нормы и язык делопроизводства изменялись на протяжении этих столетий, и такие изменения (до сих пор, впрочем, еще не полностью выявленные и учтенные) становятся также датирующим признаком при обращении к документам приказного делопроизводства.

С ростом народонаселения, жизнь и деятельность которого получали документальную фиксацию, и с усложнением государственного аппарата, расширением его функций и сфер влияния приобретали все большее значение в общественной жизни процесс документирования и лица, причастные к этой сфере деятельности.

Организация делопроизводства, сложившаяся к концу XVII в., обусловила в известной мере направление соответствующих преобразований времени Петра I. Обычаи приказного делопроизводства оказали заметное воздействие на характер и даже язык делопроизводства XVIII столетия.

¹ Напечатанный более 70 лет назад в учебной книге для чтения очерк С.Б. Веселовского — работа научно-популярного характера. См.: *Веселовский С.Б. Приказный строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М.В. Довнар-Запольского. Киев, 1912. Т. 3. С. 164–198 (отд. изд.: Киев, 1912).*

² См.: *Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 348–383, 398; см. также: Муравьев А.В. Спецкурс М.Н. Тихомирова «Приказное делопроизводство в XVII в.» // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1968 год. М., 1970. С. 318–323.*

³ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1: С древнейшего времени до конца XVIII века. М., 1962; Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973 (2-е изд.: М., 1981).

⁴ Мерзон А.Ц. Писцовые и переписные книги XV–XVII вв. М., 1956; *Он же*. Таможенные книги XVII в. М., 1957; см. также: Журавлев С.В. Материалы о преподавании А.Ц. Мерзоном источниковедения отечественной истории в МГИАИ // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 232–240.

⁵ Подробнее об организации и характере деятельности этих учреждений см.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М., 1983 (указана литература); см. также: Леонтьев А.К. Государственный строй, право и суд // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 2. С. 5–32; *Он же*. Государственный строй // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 297–322; Мартысевич И.Д., Шульгин В.С. Право и суд // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 323–342.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1968. Т. 17. С. 346.

⁷ Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 14–16.

⁸ Шмидт С.О., Гутнова Е.В., Исламов Т.М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 42–58 (указана литература о русском абсолютизме).

⁹ Боярской думе посвящены вышедшие еще в XIX в. монографии Н.П. Загоскина «Дума Боярская» (Казань, 1879) и В.О. Ключевского «Боярская дума» (М., 1919. 5-е изд.). О Боярской думе XVI в. см. в кн.: Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 90–125.

¹⁰ Подробнее о земских соборах см. в кн.: Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978 (указана литература); Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 120–261 (указана литература).

¹¹ Подробнее о приказах XVI в. см. в кн.: Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961 (указана литература).

¹² О приказах середины XVII в. детально написано в сочинении подьячего Посольского приказа Г.К. Котошихина (см.: Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906; *Он же*. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984. С. 162–315).

¹³ Список приказов XVI–XVII вв. приведен в статье Н.Ф. Демидовой «Приказы» в Советской исторической энциклопедии (М., 1968. Т. 2. Стб. 563–566). См. также: Чернов А.В. О классификации центральных государственных учреждений XVI–XVII вв. // Исторический архив. 1958. № 1. С. 195–201 (указана литература); Маньков А.Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980 (разд. «Приказы»).

¹⁴ О дьяках подробнее см.: Шмидт С.О. О дьячестве в России середины XVI века // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 181–190; *Он же*. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984; Богоявленский С.К. Приказные дьяки XVII века // Исторические записки. М., 1937. Т. 1. С. 220–239; Устюгов Н.В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 134–167; Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Там же. С. 206–243; *Она же*. Государственный аппарат России в XVII в. // Исторические записки. М., 1982. Т. 108 (указана литература).

¹⁵ Чернов А.В. К истории Поместного приказа: (Внутреннее устройство приказа в XVII в.) // Труды Московского государственного историко-архивного института (далее — МГИАИ). М., 1957. Т. 9. С. 194–250.

¹⁶ См.: Сперанский А.Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930. С. 163–165.

¹⁷ Данные о дьяках и подьячих обобщены в трудах: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975 (работа осталась незавершенной и издана посмертно); Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1971. Т. 87. С. 219–286; Бо-

гоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М., 1946. Опубликованы списки дьяков отдельных приказов — Разрядного (Н.П. Лихачевым), Поместного (С.А. Шумаковым), Посольского (С.А. Белокуровым). Не только о дьяках и подьячих, но и обо всех лицах, причастных к организации внешних сношений в России XVI в., много сведений можно почерпнуть из труда В.И. Саввы: *Савва В.И. О Посольском приказе в XVI в.* Харьков, 1917. Вып. 1; Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справочник / Сост. В.И. Савва; Под ред. и с предисл. С.О. Шмидта. М., 1983.

¹⁸ *Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 41–87; *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 16–91; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 153–193. Данные о составе думных людей и придворных русских государей конца XV–XVI вв. приведены в работах Г. Алефа (G. Alef) о составе Боярской думы в 1613–1713 гг. в книге Р. Крамми: *Crummey R.O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia. 1613–1689.* Princeton, New Jersey, 1983.

¹⁹ *Барсуков А.П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII в. по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.

²⁰ *Иванов П.И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853; *Голицын Н.Н.* Указатель имен личных, упоминаемых в дворцовых разрядах. СПб., 1912. В опубликованных отдельными изданиями разрядных книгах имеются именные указатели.

²¹ В опубликованных отдельными изданиями посольских книгах имеются именные указатели.

²² Список местнических «случаев» приведен в кн.: *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. Одесса, 1888.

²³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.: В 50 т. М., 1962. Т. 27. С. 403.

²⁴ В многотомном продолжающемся издании «Словарь русского языка XI–XVII вв.» приведено множество примеров из текстов, сочиненных именно приказными людьми. О деловой письменности см.: *Ларин Б.А.* Очерки истории древнерусского языка. М., 1977; *Соколова М.А.* Очерки по языку деловых документов XVI века. Л., 1957; *Назаревский А.И.* О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1951; *Волков В.В.* Лексика русских челобитных XVII века. М., 1974 (указана литература о русской деловой письменности XVI–XVII вв.); *Черных П.Я.* Язык Уложения 1649 г. М., 1953, в сборниках материалов по лингвистическому источниковедению (издающихся под ред. С.И. Коткова) и др.

²⁵ См. об этом: *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 357 и след.; *Тихомиров М.Н., Муравьев А.В.* Русская палеография. М., 1966. С. 24–25; *Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956. С. 342 и след.; *Колесников И.Ф.* Столбцы (К методике работ по систематизации и описанию) // Архивное дело. 1939. № 2 (50) (в этой статье содержатся практические рекомендации, касающиеся систематизации столбцов и их описания в архиве); *Автократов В.Н.* К истории замены столбцовой формы делопроизводства — тетрадной в начале XVIII в. // Проблемы источниковедения (далее — ПИ). М., 1959. Т. 7. С. 274–286.

²⁶ *Ключевский В.О.* Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 6. С. 237.

²⁷ О содержании столбцов, последовательности документов в «деле» много можно узнать из «Описания документов и бумаг» Московского архива Министерства юстиции, книги которого издавались во второй половине XIX – начале XX в. (Ныне эти документы находятся в ЦГАДА.)

²⁸ Подробности об этом см. в статье: *Чернов А.В.* К истории Поместного приказа: (Внутреннее устройство приказа в XVII в.) // Труды МГИАИ. М., 1957. Т. 9. С. 194–250.

²⁹ О видах и приемах составления справочного аппарата в архивах приказов см.: *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960. С. 90–92.

³⁰ *Оглоблин Н.Н.* Провинциальные архивы в XVII в. // Вестник археологии и истории. СПб., 1886. Вып. 6. С. 74–206; *Самковасов Д.Я.* Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII веке. М., 1902. С. 9 и след.

³¹ *Амосов А.А.* Архивная опись как источник информации об утраченных актах // Советские архивы (далее — СА). 1975. № 1. С. 61–65.

³² Издана в кн.: *Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г.* / Подгот. к печати С.О. Шмидт. М., 1980 (опись 1614 г. подгот. к печати С.А. Левиной); Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подгот. текста и комментарии А.А. Зимина. М., 1978.

³³ О Царском архиве и организации архивного дела в России XVI – начала XVII в. см.: *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984. С. 5–186.

³⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. к печати В.И. Гальцов. М., 1977. Ч. 1, 2. В.И. Гальцовым подготовлена к печати и самая пространная опись этого архива — опись 1673 г.

³⁵ *Гальцов В.И.* Архив Посольского приказа во второй половине XVI – начале XVII в. // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 134–147; *Он же.* Архив Посольского приказа во второй половине XVII в. // СА. 1984. № 5. С. 19–24.

³⁶ Об архиве Казанского дворца и его делопроизводстве см.: *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. Казань, 1980.

³⁷ *Шаскольский И.П.* Судьба государственного архива Великого Новгорода // *Вспомогательные исторические дисциплины* (далее — ВИД). Л., 1972. Т. 4. С. 213–228.

³⁸ Основные наименования документов, употреблявшиеся в делопроизводстве Российского государства, приведены в подготовленном к обсуждению (Главархивом СССР, МГИАИ, ВНИИДАД) издании: *Материалы для словаря видов и разновидностей документов*. М., 1967. См. также: *Материалы для терминологического словаря Древней России* / Сост. Г.Е. Кочин; Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1937; *Терминологический словарь частных актов Московского государства* / Под ред. А.И. Андреева. Пг., 1922; *Будовниц И.У.* Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы. М., 1962.

³⁹ *Злотников М.Ф.* Подъячие Ивановской площади. К истории нотариата Московской Руси // *Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому*. Пг., 1916. С. 82–130.

⁴⁰ В статьях Советской исторической энциклопедии об этих изданиях указаны их полные наименования, даты издания, количество томов, охарактеризовано основное содержание.

⁴¹ Многие из публикаций указаны в кн.: [*Вознесенский С.В.*] *Материалы для библиографии по истории народов СССР. XVI–XVII вв.* Л., 1933. Сведения о некоторых изданиях приведены в учебных пособиях по истории археологии, изданных в МГИАИ; см. также в кн.: *Валк С.Н.* Советская археология. М.; Л., 1948.

⁴² См.: *Шведова О.И.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 377–433.

⁴³ *Восстание И. Болотникова. Документы и материалы*. М., 1959; *Городские восстания в Московском государстве*. М.; Л., 1936. *Документы Псковского восстания и Земского собора 1650 г. и Новгородского восстания 1650 г.* см. в изд.: *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969; *Восстание 1662 г. в Москве*. М., 1965; *Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док.: В 4 т.* М., 1954–1976; *Восстание в Москве 1682 года*. М., 1976; и др.

⁴⁴ *Московская деловая и бытовая письменность XVII века*. М., 1968; *Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край*. М., 1984; и др.

⁴⁵ *Хрестоматия по истории СССР. XVI–XVII вв.* М., 1962; *Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (Период феодализма)*. М., 1972. Ч. 3 (XVI в.); М., 1973. Ч. 4 (XVII в.); *Сборник документов для практических занятий по источниковедению истории СССР*. М., 1980. Вып. 1: Эпоха феодализма.

⁴⁶ См. об этом главы об актовых материалах в учебниках «*Источниковедение истории СССР*»; *Копанев А.И.* Советская дипломатика // ВИД. Л., 1968. Т. 1. С. 56–73 (указана литература); *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. Немало ценного можно почерпнуть в кн.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерки русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

⁴⁷ Об изменениях в характере документации в XVIII в. см.: *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979.

⁴⁸ В «*Словаре русского языка XI–XVII вв.*» (М., 1977. Вып. 4. С. 119–120) отмечено много названий грамот по цели их создания, характеру документа и приведены соответственно выдержки из источников.

⁴⁹ Жалованные и указные грамоты XVI в. опубликованы с комментариями С.М. Каштановым. См.: Памятники русского права (далее — ПРП). Вып. 4: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. М., 1956.

⁵⁰ Такие грамоты указаны в статье Б.Н. Флори «Кормленные грамоты XV–XVI вв. как исторический источник» (АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 109–126).

⁵¹ Некоторые грамоты изданы в кн.: Наместничьи, губные и земские грамоты Московского государства / Под ред. А.И. Яковлева. М., 1909; ПРП. М., 1956. Вып. 4; Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства.

⁵² Изданы с комментариями А.А. Зиминим (см.: ПРП. М., 1956. Вып. 4); Указные книги приказов XVII в. опубликованы — см.: ПРП. М., 1959. Вып. 5: Памятники права периода сословно-представительной монархии. Вторая половина XVII в.

⁵³ См. об этом: Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 367.

⁵⁴ Шмидт С.О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1950. Т. 7, № 5. С. 445–458.

⁵⁵ Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посощного обложения Московского государства. М., 1915–1916. Т. 1–2. В монографии много данных об организации приказного делопроизводства.

⁵⁶ Книга Большому чертежу / Подгот. к печати К.Н. Сербина. М.; Л., 1950.

⁵⁷ Об отдаточных книгах как источниках по истории изучения народной колонизации см. в статье А.А. Новосельского (Труды МГИАИ. М., 1946. Т. 2. С. 126–152), о строельных книгах — в статьях П.П. Смирнова (Труды МГИАИ. М., 1946. Т. 2. С. 100–123; М., 1947. Т. 3. С. 99–140).

⁵⁸ Литературу о кабальных книгах и перечень их см. в статье: Панях В.М. Кабальные книги первой половины XVII в. // ВИД. Л., 1979. Т. 11. С. 89–113.

⁵⁹ Такие данные (о «холопском портрете» в конце XVI – начале XVII в.) использованы в статье: Полосин И.И. Древнерусский литературный портрет // Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сб. ст. М., 1963. С. 240–262.

⁶⁰ Маньков А.Г. Хозяйственные книги монастырских вотчин XVI века как источник по истории крестьян // ПИ. М., 1955. Т. 4. С. 286–306.

⁶¹ Характерные черты приказного делопроизводства обнаруживаются и в делопроизводстве вотчин (и канцелярий) светских феодалов и купцов-гостей (Введенский А.А. Библиотека и архив у Строгановых в XVI–XVII вв. // Север. Вологда, 1923. Кн. 3/4. С. 69–115; Он же. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962; Новосельский А.А. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.; Л., 1929; Морозов Б.Н. Делопроизводство и архив в крупной боярской вотчине XVII в. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России: Сб. ст. М., 1981. С. 116–149 (указана литература).

⁶² См.: Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 107.

⁶³ Об этом в главе «Законодательные акты» учебника «Источниковедение истории СССР». В 1961 г. в МГИАИ было издано стеклографическим способом учебное пособие А.А. Зимина «Законодательные памятники Русского государства конца XV – начала XVII в.».

⁶⁴ О таких документальных материалах, так же как и о некоторых разновидностях документов текущего управления, см. в главе «Актовые материалы» учебника «Источниковедение истории СССР» (М., 1981) (указана литература).

⁶⁵ Судные списки Максима Грека и Исака Собака / Подгот. Н.Н. Покровский; Под ред. С.О. Шмидта. М., 1971 (указана литература).

⁶⁶ Клейн В. Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия 15-го мая 1591 г. М., 1913 (Ч. 1: Дипломатическое исследование подлинника; Ч. 2: Фототипическое воспроизведение подлинника и его транскрипция). См. также отзыв С.Б. Веселовского об этом труде В.К. Клейна в кн.: Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978; Князьков С.Е. Малоизвестные копии Угличского следственного дела // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 201–203.

⁶⁷ См. об этом: *Скрынников Р.Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 249, 289 (там же и реконструкция текста синодика).

⁶⁸ *Новомбергский Н.Я.* Слово и дело государевы[: В 2 т.]. М., 1911. Т. 1.

⁶⁹ *Чистякова Е.В.* Состав следственных дел о городских восстаниях на юге России в середине XVII века // АЕ за 1958 год. М., 1960 С. 91–98; *Буганов В.И.* Сыские дела о Московском восстании 1662 г. // ПИ. М., 1963. Т. 11. С. 322–337.

⁷⁰ О судопроизводстве в XVII в. см.: *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980 (Разд. 3: Право и судопроизводство); см. также: *Тельберг Г.Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912.

⁷¹ Основная литература указана в статьях: *Князьков С.Е.* Приемы использования и изучения судебно-следственных материалов XVI–XVII вв. в отечественной историографии // Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода. М., 1979. С. 99–113; *Он же.* Источники для предварительной реконструкции следственных дел конца XVI – начала XVII в. // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. ст. М., 1980. С. 39–43.

⁷² Документ начинается словами: «Тетрадь дворовая. В ней писаны бояря и диаки да и князи и дети боярские дворовыя Московские земли и приказныя люди». Опубликована в кн.: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1951. См.: *Флоря Б.Н.* Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 43–57.

⁷³ *Лукичев М.Л.* Боярские книги XVII в. // СА. 1980. № 5. С. 50–54; *Он же.* Сведения о боярских книгах в архивных описях XVII–XVIII веков // Источниковедческие исследования по истории феодальной России: Сб. ст. М., 1981. С. 49–61.

⁷⁴ *Станиславский А.Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение: Сб. ст. М., 1979. С. 123–152; Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г.: Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа / Подгот. к печати С.П. Мордовина и А.Л. Станиславский; Под ред. В.И. Буганова. М., 1979. Ч. 1–2.

⁷⁵ *Носов Н.Е.* Боярская книга 1556 г. (Из истории происхождения четвертчиков) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.; Л., 1960. С. 191–227.

⁷⁶ *Кротов М.Г.* К истории составления десятиен (2-я половина XVI в.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. ст. М., 1984. С. 56–72.

⁷⁷ *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962 (указана литература); *Альшиц Д.Н.* Об официальном характере «Книги розрядной великих князей и государей московских...» // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 62–68. Под редакцией В.И. Буганова (с середины 1960-х гг.) опубликованы официальные разрядные книги конца XV – первой половины XVII в. Разрядные книги 1612–1700 гг. изданы в XIX в. под названием «Дворцовые разряды».

⁷⁸ *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975 (указана литература); *Она же.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. Л., 1981. Т. 12. С. 90–109.

⁷⁹ Документы эти в кн.: Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены крепостничества. 1257–1613 гг. / Собр. и изд. А. Юшков. М., 1898. Ч. 1.

⁸⁰ О местничестве см.: *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства. С. 262–307 (указана литература); *Буганов В.И.* «Враждотворное» местничество // Вопросы истории (далее — ВИ). 1974. № 11. С. 118–133.

⁸¹ О местнической терминологии см.: *Василевская Е.А.* Терминология местничества и родства // Труды МГИАИ. М., 1946. Т. 2. С. 153–179.

⁸² *Мельников Ю.Н.* Местнические дела в разрядном судопроизводстве 80-х годов XVI в. // ВИД. Л., 1978. Т. 9. С. 222–236 (указаны издания источников и литература).

⁸³ Местнический справочник XVII в. / Изд. Ю.В. Татищев. Вильна, 1910.

⁸⁴ В скобках указывается дата самого раннего документа внешних сношений Российского государства в данном фонде. Краткое изложение содержания посольских дел имеется в труде выдающегося архивиста рубежа XVIII и XIX вв. Н.Н. Бантыш-Каменского «Обзор внешних сношений России с 1481 по 1800 г.», опубликованном в Москве в 1894–1902 гг. в четырех томах. С его деятельностью свя-

зано и распределение посольских дел по фондам. Некоторые посольские дела, особенно за XV–XVI вв., опубликованы. Многие публикации упомянуты в статье: *Рогожин Н.М.* К вопросу о публикации посольских книг конца XV – начала XVII в. // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 185–209.

⁸⁵ *Рогожин Н.М.* Посольские книги начала XVII в. и архив Посольского приказа // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период: Сб. ст. М., 1981. С. 99–114.

⁸⁶ В сочинении Котошихина этому посвящена особая — третья — глава «О титлах, как к которому потентату Московский царь пишетца».

⁸⁷ *Новосельский А.А.* Разновидности крымских статейных списков XVII в. и приемы их составления // ПИ. М., 1961. Т. 9. С. 182–194. Литература о посольских книгах указана в кн.: *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времен Ивана Грозного. М., 1984. С. 63–64.

⁸⁸ *Андреев А.М.* Очерки по источниковедению истории Сибири. XVII век. 2-е изд. М.; Л., 1960. Вып. 1. С. 136–176; *Кушева Е.Н.* Русские документы XVI–XVII вв. как источник для изучения обычного права кабардинцев // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 363–370; *Токарев С.А.* Памятник обычного права бурят XVII века // Исторический архив. М.; Л., 1939. Т. 2. С. 39–50.

⁸⁹ Для изучения терминологии посольских документов (как, впрочем, и другой документации Российского государства) много дают книги: *Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971; *Он же.* Формирование русского дипломатического языка. XI–XVII вв. Львов, 1978; см. также: *Юзефович Л.А.* Русский посольский обычай XVI века // ВИ. 1977. № 8. С. 114–126.

⁹⁰ Некоторые статейные списки изданы в серии «Литературные памятники»: Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1954.

ДОКУМЕНТЫ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ РУСИ ДОПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

В 1992 г. к ставшему традиционным Пушкинскому празднику в Музее А.С. Пушкина (тогда еще в выставочных залах дома в Денежном переулке) совместно с Архивом внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел была подготовлена очень интересная и по существу новаторская выставка «Русские литераторы и российская дипломатия XVIII – первой трети XIX века». Меня попросили выступить при ее открытии, и это побудило к специальным занятиям такой проблематикой¹, а затем и к детальному изучению темы «Пушкин в среде дипломатов».

На выставке, пожалуй, впервые с подобной убедительностью было показано, что линии развития российской дипломатии (и службы внешних сношений, и службы в архивах иностранных дел) и русской классической литературы, точнее сказать биографии ее творцов, как бы сопутствовали друг другу в этот период. Здесь имена литераторов и первого, и иных рядов. Славный ряд классиков нашей литературы начинает князь А.Д. Кантемир, ставший в 1730-е – начале 1740-х гг. высокопоставленным профессиональным дипломатом, послом в Лондоне и Пари-

же. Великий Грибоедов погиб в 1829 г., занимая высокий дипломатический пост. Да и у самого Пушкина единственным местом государственной службы была Коллегия иностранных дел, и круг дипломатов (и россиян, и иностранцев) был постоянной средой его общения, особенно в последние петербургские годы жизни. Это многожды отмечено в его дневниковых записях, а гибель Пушкина нашла отражение в переписке иностранных представителей в России, и дипломатический корпус был на его панихиде почти в полном составе.

Российские дипломаты в XVII – начале XIX в. — элитарная группа не только по служебному положению (а зачастую и богатству), но прежде всего по своей образованности и особенно заметной роли в культурной жизни России. А находясь за рубежами своей страны, они в определенной мере воспринимались как воплощение культуры России. Это и понятно: ибо дипломатия прежде всего сфера культуры — культуры общения и взаимопонимания, культуры освоения знаний и применения их. Дипломатию и определяют (в мемуарах и художественной литературе, в публицистике, даже в методических пособиях и рекомендациях) как «искусство ведения переговоров» (а также их письменного фиксирования), «науку о внешних переговорах» (оба раза подчеркнуто мною. — С.Ш.); хотя в европейских языках (а следовательно, и в русском) уже к концу XVIII в. слово «дипломатия» обрело значение и терминологическое, обозначая государственную деятельность (службу) в области внешних сношений государства.

Но хорошо известно и то, что в современном разговорном языке слова «дипломат», «дипломатично» получили и переносный смысл. И такое двойное толкование обнаруживаем уже в словаре В.И. Даля, т.е. в третьей четверти XIX в.: «дипломатия» — «наука о взаимных сношениях государей и государств вообще», и «дипломат» как «служащий по дипломатической части» и в то же время как «человек, тонкий, скрытный, изворотливый»². Переносное значение этих слов (и производных от них) отмечено и в послевоенных лет четырехтомном Словаре русского языка (под редакцией А.П. Евгеньевой), и в кратком Словаре русского языка, составленном С.И. Ожеговым³. А в двухтомном Словаре синонимов русского языка с цитатами из сочинений писателей XIX в. (среди них и такие великие, как Л. Толстой и Чехов) и XX в. подчеркнуто, что в разговорном языке слова «дипломатичный» и «дипломатический» имеют тот же смысл, что и «политичный»⁴. Ясно, что подобное достаточно широкое понимание на каждодневном бытовом уровне (а также употребление и применительно к женщинам — «дипломатка») свидетельствует не только об укоренении слова в языковом обиходе, но и об утверждении его для обозначения определенного рода занятий с характерными профессиональными чертами (государственного и политического деятеля). Такие понятия о профессиональных особенностях могли появиться не ранее конца XVIII в., когда закрепились новая организация службы внешних сношений и система постоянных представительств государства (государя) за рубежом со специализацией их обязанностей и должностными (ранговыми) различиями (и отличиями).

Между тем эти историко-культурные представления восходят еще к допетровскому времени, когда специализация в сфере собственно дипломатической службы заметна была прежде всего в организации делопроизводительной деятельности. И наблюдения эти могли относиться не столько к сановным главам дипломати-

ческих миссий, сколько к «функционерам» (если употреблять определение Ф. Броделя «le fonctionnaire» для Западной Европы XVI в.), сопровождавшим их, и к чиновникам (дьякам, подьячим, толмачам-переводчикам) Посольского и других приказов в России, которые обеспечивали делопроизводство в области внешних сношений Российского государства.

Это, безусловно, и сфера культуры. Причем та, которая в определенной мере — и тогда особенно — обуславливала представление разных народов о культуре других народов (стран) и их социальных (социокультурных) страт; а в недавнее время привлекла внимание исследователей, интересующихся проблемами имагологии и ее источниковой базы.

Однако тема не выделена как самостоятельная исследовательская проблема даже в сводных обобщающего типа трудах о культуре Древней Руси, хотя к настоящему времени накоплено уже немало выводов и наблюдений и в источниках, и в научной литературе (причем в трудах не только историков, но и филологов, правоведов, географов, искусствоведов), позволяющих предполагать допустимость уже и ее монографического изучения, особенно по материалам периода, когда началось образование централизованного Российского государства и появляется возможность сопоставительного рассмотрения источников и российского, и зарубежного происхождения. (Основной массив таких сочинений иностранцев о России и относящейся к ним литературы отмечен в книге 1995 г. Маршалла По⁵.)

Данная статья предварительного и постановочного характера является попыткой напомнить лишь о некоторых источниках исторической информации в данном плане и наметить возможные направления дальнейшей работы. При этом автор, опираясь на свои прежние труды о значении развития делопроизводства в процессе становления централизованного государства в России (где имеются указания и на источники, и на литературу⁶), преимущественное внимание уделяет письменной делопроизводственной документации внешних сношений россиян.

В Древней Руси до зарождения письменности закрепилась уже практика дипломатических переговоров «через устные передачи послов». (Д.С. Лихачев о дипломатическом обычае передачи устных посольских речей и отражении этого в письменных, а также и в фольклорных памятниках писал в специальной статье еще 1946 г.⁷) Но в Византийской империи к тому времени уже разработали систему оформления письменных договоров и записей посольских «речей». И в договоре 911 г. отношения между Византией и Русью Олега решено было закрепить «писанием и клятвою твердою», «не точью просто словесем». (Это взаимопроникновение устного и письменного обычаев внешних — дипломатических — сношений прослежено в монографии 1980 г. А.Н. Сахарова «Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в.».)

С появлением произведений письменности утверждалось и представление о них как о памятниках, достойных сбережения, связывающих прошлое с настоящим. Постепенно поняли и то, что должно сохранять не только тексты «священных писаний», но и памятники обыденной жизни — и публичной, и частной (прежде всего «духовные», т.е. завещательные распоряжения).

И можно полагать, что представление об архиве как о собрании документов, имеющих важное значение и по прошествии долгого времени, оформилось на Ру-

си не позднее X столетия. А с началом летописания осознали и то, что в сочинениях исторической тематики государственного значения должно воспроизводить и документы внешних сношений или пересказывать их содержание. Самые ранние свидетельства такого рода — договора «Руси с Греками», т.е. правителей древнерусских и византийских. Объединенные в «казну» документальных памятников (так можно называть, пожалуй, архивы той поры), они хранились среди особо ценных вещей и в помещениях, наиболее защищенных от пожаров (нередко в подклетах каменных храмов). Но в большинстве своем не избежали гибели во время нашествия кочевников с Востока во второй четверти XIII в.

О достижениях в дипломатическом искусстве счел важным написать в конце XI в. и знаменитый князь Владимир Мономах в своем «Поучении сыновьям». Это самое раннее из известных на Руси назидательных сочинений мемуарного жанра включено тоже в официальную летопись «Повесть временных лет». Владимир Всеволодович напоминает о «мирах» с разными государями: «А миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца». Тексты договоров не дошли до потомков: о датах и содержании этих «миров» в летописях немногие — подчас случайные — упоминания. (С приемами выявления сведений о подобных дипломатических актах в летописном тексте знакомимся в наибольшей мере в трудах о взаимоотношениях междукняжеских и с половецкими ханами уже через столетие — в последней четверти XII в. — по событиям, заинтересовавшим Б.А. Рыбакова при изучении «Слова о полку Игореве».)

По своей территории древнерусское государство — Древняя Русь (или Киевская Русь, как ее часто называют по стольному городу главного князя) была в конце X — начале XII в. крупнейшим государством в Европе, с обширными международными связями (государственно-политическими, торговыми). М.Н. Тихомиров, характеризуя в статье 1950 г. роль Древней Руси во всемирной истории, особо выделил международный аспект и полагал необходимым дальнейшее изучение этой тематики, чему положили начало еще немцы-академики XVIII — первой половины XIX в. (И странно, что В.Т. Пашуто в историографических разделах своей книги 1968 г. о внешней политике Древней Руси обошел молчанием — не преднамеренно ли? — постановочного типа работу М.Н. Тихомирова, напечатанную первоначально на украинском языке⁸.)

Понятно, что прежде всего постоянно заключали «ряды», «миры» (обычно после предварительных переговоров) с владельцами тех государств («княжеств», «земель»), на которые распадалась древнерусская держава, а также с непосредственными соседями на Востоке и Западе, т.е., как выразились бы сейчас, с ближним зарубежьем. Но многосторонние международные взаимосвязи, особенно в XI в., были и с дальним зарубежьем и нередко укреплялись династическими брачными союзами.

Упомянутый в «Поучении» отец Владимира — Всеволод Ярославич, «дома сядя, знал пять языков, оттого и честь от других стран». В той или иной мере он оказался в родстве со многими государями в ближних и дальних странах: мать его — жена Ярослава Мудрого — шведская принцесса; братья его отца были женаты на дочерях польского и датского королей; сестры Ярослава Мудрого замужем за чешским королем, венгерским королем, польским королем. Братья Всеволода Яросла-

вича женаты были один — на племяннице папы римского и другой — германского императора, сестры — Ярославны — жены королей Франции, Венгрии, Норвегии. Сам Всеволод был женат на византийской принцессе; сын его Владимир Мономах был супругом Гиты — дочери английского короля Гаральда, разбитого в битве 1066 г. Вильгельмом Завоевателем, а дочь Евпраксия (за рубежом названная Адельгейдой) стала женой германского императора Генриха IV⁹, и о ее взаимоотношениях с супругом, публичном выступлении о развратном поведении императора на соборе в Италии много написано в зарубежных источниках, так же как и о том, что она через Венгрию воротилась на Русь¹⁰. Узнав о смерти Генриха, Евпраксия 6 декабря 1106 г. постриглась в монахини, а 9 июля 1109 г. скончалась. В.Т. Пашуто именно в этой связи замечает: «Наша летопись, сохранив только эти две последние даты, дает повод с ужасом думать о той хрупкой фактической основе, на которой возводим мы здание средневековой истории русской внешней политики»¹¹. А эти почти тысячелетней давности фамильные связи князей Рюриковичей XI в., оказывается, привели к тому, что в XIX–XX вв. выявляются неожиданнейшие родственные сближения, охватывающие не один континент: как выяснили генеалоги США, среди потомков Анны Ярославны, королевы Франции, четыре президента США (по женской линии), и среди них Вашингтон и Линкольн, а также Уинстон Черчилль и Джон Рокфеллер¹².

Для процедуры династического брака (и сватовства, и бракосочетания) обязательна деятельность посольств, и иногда длительная. Когда король Франции решил просить руки дочери Ярослава Мудрого, на Русь с миссией отправилось большое посольство во главе с ученым епископом и знатными вельможами. Из Парижа выехали в начале 1048 г., а возвратились из Киева уже с Анной Ярославной в 1049 г. Бракосочетание отпраздновали в Реймсе лишь в мае 1051 г.¹³ — можно полагать, что во Франции в это время находилось сопровождавшее княжну посольство ее соотечественников.

Посольства, как правило, становились и ареной ораторского умения, даже искусства (это отражено во многих произведениях фольклора и всемирной художественной литературы соответствующей тематики, вплоть, по крайней мере, до середины XVII в.), а иногда и школой писательских навыков, ибо оставляли деловые записи (о времени и месте событий и о содержании сказанного), которые постепенно стали перерабатываться в посольские отчеты. Кое-кто пробовал силы и в составлении «путевых записок» о «хождениях» («хождениях») — первоначально, видимо, с паломническими целями. Но, как было тогда общепринято в Европе, у лиц из высшего духовенства эти поездки совмещались с выполнением и государственно-политических заданий. (Об этом — в обобщающего типа исследованиях Н.И. Прокофьева, подготовившего и издание записок русских путешественников XI–XV вв., и в недавней работе Е.И. Малето¹⁴.)

Естественно, что рассказы об увиденном за рубежом, встречах там становились достоянием и более широкого круга лиц: впечатления эти находили отражение и в фольклоре, и в новациях языка (и разговорного, и письменного). Широкий историко-географический и историко-культурный кругозор авторов дошедших до нас произведений древнерусской литературы той поры очевиден, особенно в «Повести временных лет» и в таких шедеврах, как «Слово о полку Игореве», «Сло-

во о гибели Русской земли», «Слово Даниила Заточника»; распространяется и переводная литература исторической тематики.

Однако до нас дошла лишь ничтожная доля памятников письменности, возникших до нашествия с Востока кочевников во второй трети XIII в.: уцелели только немногие поздние копии того, что было написано на территории, опустошенной завоевателями. (Это убедительно прослеживается по подготовленному Археографической комиссией описанию рукописей XI–XIII вв. в первом томе «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг», хранящихся в нашей стране.) Но совершенно очевидно, что письменность была распространена не только в северо-западных землях Древней Руси (менее затронутых нашествием) и грамотные люди писали не только на бересте. Более того, все увеличивающееся число найденных берестяных грамот (и не только в Великом Новгороде) убеждает в многообразии и репертуара, и разновидностей памятников письменности, а также и в возможностях сопоставительного изучения содержания памятников письменности на разной материальной основе и историками (прежде всего школой В.Л. Янина), и филологами (школой А.А. Зализняка).

Желательно, чтобы это стало стимулом и для попыток историков-медиевистов (т.е. специализирующихся на изучении документов Западной и Южной Европы) обнаружить в исследуемых ими источниках не только факты многообразных международных взаимоотношений Руси с другими государствами, но и выявить формы фиксации этого в зарубежных источниках и возможные отражения в сохранившейся документации. Если акты отечественного и зарубежного происхождения изучались сравнительно в социокультурном и даже в государственно-политическом аспектах уже давно (а в последние годы особенно результативно С.М. Каштановым), то документация внешних сношений не стала еще предметом компаративистской направленности штудий.

Хотя еще в досоветские годы привлекли внимание сходственные черты и церемониала, и посольского обряда средневековой Руси с Византией и с государствами (царствами, ханствами) Востока. В какой мере это отражалось в документации, оформлявшей посольские сношения, выяснено недостаточно. Не усилилось ли воздействие иноземных образцов с учащением сношений с татаро-монголами в XIII–XV вв.; не привело ли к смешению элементов византийского и восточного церемониалов и к созданию своеобразной амальгамы, воспринимаемой уже западноевропейскими современниками как «восточный деспотизм» (или «цезаризм»)? Детальные наблюдения над системой делопроизводственной документации (системой и образования, и функционирования, и хранения и описания документов) могут привести к небезлюбопытным выводам.

Ко второй половине XV в., когда в годы правления Ивана III вырисовываются контуры великой Российской державы со все умножающимися международными связями — а в XVI–XVII вв. тема «Московия» и «московиты» обретает нарастающий интерес среди читающей публики за рубежами нашей страны, — документация внешних сношений становится все более обильной, и, главное, в значительной своей части она сохранилась. С описания прежде всего такой документации (сберегаемой в наиболее безопасных для пожара помещениях) формировались приемы описания и терминология документов государственного архива — сначала

Царского, при Иване Грозном, затем Посольского приказа (об этом в послевоенные годы — в трудах С.О. Шмидта, под редакцией которого изданы и современные основные описи архивных документов XVI–XVII вв., А.А. Зими́на; об описаниях Посольского архива в статьях В.И. Гальцова, у других авторов — уже о документах сношений с отдельными государствами). Н.М. Рогожин обобщил сведения о сохранившихся посольских книгах сношений со всеми государствами и подготовил издания некоторых посольских книг по связям и с Западом, и с Востоком.

Все яснее определяется многообразный массив посольской документации, особенности его, и взаимосвязь развития собственно делопроизводства с совершенствованием делопроизводства в других российских учреждениях (прежде всего в Разрядном приказе), с информацией о зарубежном опыте бумажной «бюрократии», с распространением новаторских тенденций и в литературе, и в разговорном языке.

Становится очевидно, что с дипломатией как формой государственной деятельности в области внешних сношений, с выполнением собственно дипломатических служебных обязанностей во многом связано в конце XV–XVII вв. и развитие нашего просвещения, и воплощение в устной речи и на письме основных идей времени, новаторских тенденций. Причем заметно (особенно в XV–XVI вв.), что это связывается и на практике, и в общественном сознании не только с обиходом высших государственных учреждений («судом» государя и бояр) и Двора государя, но и высшего духовенства и купечества («гостей»). И это наблюдение относится и к самим россиянам, и к приезжающим в Россию с дипломатической миссией (или под видом дипломатов).

Это отразилось и в памятниках письменности — на их форме, в их содержании, в частности в статейных списках посольских книг. Статейные списки включали обязательно наказ посольству и отчет посольства, а затем все чаще и тексты важнейших документов — посольских грамот, переписки и пр. Отчет чаще всего состоял из последовательных ответов на пункты «наказа» и дневниковых записей о пути посольства (с указанием: где, когда были, что видели, с кем и о чем говорили и т.д.), встрече и приеме посольства, ходе и результатах дипломатических переговоров. Особое внимание придавалось вопросам этикета. Иногда — особенно с рубежа XVI–XVII вв. — помещались «вести» (копии или пересказ документов и «речей», визуальные наблюдения) о видных зарубежных деятелях и событиях, о взаимоотношениях государства, в котором находились, с другими государствами.

Дневниковые записи вел обычно дьяк (или подьячий), а посол правил («чернил»). Записи велено было составлять «тотчас подлинно, ничего не прибавляя и не убавлявая». Затем (видимо, зачастую уже по возвращении посольства) дневник редактировался. Таким образом, отчет, переписанный в посольскую книгу, необязательно идентичен тому, который составлялся на месте (следовательно, в нем могли оказаться отступления от первоначального текста, иногда более правдиво отражавшего события).

Дипломатические документы — не только высокие образцы делопроизводственной документации (влиявшие на уровень такой документации в рамках всей государственной службы), но и ценные памятники языковой культуры, а иногда и литературного мастерства. И выглядят отнюдь не инородным телом в серии «Ли-

тературные памятники», где напечатана в 1954 г. книга «Путешествия русских послов XVI–XVII вв.» — тексты статейных списков послов в Швецию, Турцию, Англию, Францию, а статья инициатора издания Д.С. Лихачева озаглавлена «Повести русских послов как памятники литературы». В ней настойчиво и убедительно проведена мысль о близости «литературного» и «делового» жанров, об особом значении «деловой письменности» для литературы в первые века развития литературы, в период перехода от условности церковных жанров к постепенному накоплению элементов реалистичности¹⁵.

Составленное в третьей четверти XV в. «Хожение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, во многом предвосхитившее форму составления статейных списков посольских книг, безусловно признается и выдающимся памятником литературы (показательно, что именно его изданием началась в 1948 г. престижная академическая серия «Литературные памятники»). В «Смиренного инокa Фомы слове похвальном о благоверном великом князе Борисе Александровиче», написанном в Твери незадолго до того, в описании Ферраро-Флорентийского собора (особенно в изложении сказанного его участниками) тоже многое напоминает стиль изложения в посольских книгах, самые ранние из которых дошли от последней четверти XV в. Ознакомление с биографиями лиц, включенных в тома «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (подготовленные в Пушкинском Доме), выявляет участие немалого числа этих «книжников» в дипломатической деятельности или описание ее в сочинениях.

В посольские книги считали допустимым включать и переписку царя Ивана с оказавшимся в плену опричником Василием Грязным. Да и вообще значительная часть изданной в той же серии «Литературные памятники» книги «Послания Ивана Грозного» — это его послания за рубеж (королям, литовским магнатам, князю Курбскому). И сочинения такие издавна привлекают при изучении не только общественно-политических воззрений царственного литератора, но и его стилистики, языковых особенностей.

Труды Ф.П. Сергеева «Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв.», «Русская терминология международного права XV–XVII вв.», «Формирование русского дипломатического языка XI–XVII вв.» (изданные в 1970-е гг.) существенно обогатили наши представления и о международных (межъязыковых) взаимосвязях, и о культурном кругозоре россиян тех столетий. Посольские документы обильно используются (и — главное — цитируются) в трудах о древнерусском языке и литературе, не говоря уже о трудах по истории права (особенно уместно М.А. Дьяконовым), общественно-политической мысли, а начиная с «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина — в обобщающих трудах по отечественной истории. Преимущественно по российским посольским документам (с привлечением, конечно, и сочинений иностранцев) написана новаторская по существу и яркая по форме книга Л.А. Юзefовича «Как в посольских обычаях ведется...» 1988 г. о российском посольском обычае конца XV – начала XVII в. (В основе ее — кандидатская диссертация, сделанная под моим руководством еще в конце 1970-х гг.)

Посольские книги — источник не только историко-культурных, государственно-политических, но и естественно-географических знаний. Некоторые посоль-

ские статейные списки отличались особой полнотой и информативной ценностью, прежде всего о странах, граничащих с Российским государством и не всегда доступных западноевропейцам. Содержащиеся в них данные сразу же привлекали внимание и иностранцев. Отчет о первой поездке русских в Китай — группы томских казаков во главе с Иваном Петлиным и Андреем Мадовым в 1618 г. — имеет название «Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам». В.С. Мясников, специально исследовавший этот уникальный документ, отметил, что уже в XVII в. «благодаря содержащимся в нем сведениям первостепенной важности о самом Китае и сухопутной дороге в него через Сибирь и Монголию документ вскоре после его составления был опубликован на английском, немецком, французском, латинском, а несколько позже на шведском и голландском языках, неоднократно издавался русскими археографами и историками и, наконец, был переведен на китайский язык...»¹⁶ В архиве Посольского приказа, вобравшем в себя документы Царского архива середины XVI в., хранились материалы, используемые при составлении летописей, а также документы, к которым обращались для обоснования не только внешней, но и внутренней политики, — Иван Грозный и его советники «смотрели яко в зеркало» в архивы прежних лет. Обнаруживается прямая зависимость официального летописания от написанного, сформулированного в посольских книгах (даже если ограничиться сравнением с теми цитатами и упоминаниями об участниках переговоров и их содержании, которые приведены в книгах В.И. Саввы о лицах, причастных к деятельности Посольского приказа в XVI в.)¹⁷.

Показательно то, что выдающейся образованностью и детальным знанием государственных порядков и обычаев российской жизни отличались не только лица, занимавшие особо заметное положение в дипломатическом ведомстве. Одним из зачинателей международной журналистики признают итальянского гуманиста первой половины XVI в. Паоло Джовио (в русском переводе с латинского — Павел Иовий). Он составил приобретающее сразу популярность сочинение о России, источником которого послужил рассказ образованного русского посольского переводчика Дмитрия Герасимова, побывавшего в Италии в 1525 г. Дмитрий Герасимов известен, впрочем, и другими литературными трудами¹⁸. Но серьезную осведомленность о современном состоянии России, системе ее управления (а также и литературный дар) обнаружил и подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин. Оказавшись в Швеции в 1660-е гг., он составил столь пространное и продуманное описание России времени царствования Алексея Михайловича, что оно до сих пор и переиздается, и комментируется в нашей стране и за рубежом (в Англии в 1960 г. вышло издание в английском переводе с лингвистическими комментариями). Понятно, что прежде всего лица, причастные к посольской службе, выступали основными информаторами иностранных авторов, писавших о своем пребывании в России, о ее прошлом и настоящем (начиная, во всяком случае, с сочинения С. Герберштейна, особенно популярного в Европе XVI столетия)¹⁹.

И к составлению официальных летописей и исторических (точнее, историко-публицистических) сочинений, обосновывавших и исторические традиции российской политики, и ее современные задачи, и к делу описания документов главного государственного архива имели прямое отношение самые высокопоставлен-

ные лица, связанные с дипломатической службой, — в середине XVI в. Алексей Федорович Адашев и Иван Михайлович Висковатов. В третьей четверти XVII в. — Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, позднее — Артамон Сергеевич Матвеев, игравший (как показал И.М. Кудрявцев²⁰) иницилирующую роль в «книгоиздательской» деятельности Посольского приказа. Сына своего даже в ссылке на Севере он стремился выучить греческому и латинскому языкам; и граф Андрей Артамонович Матвеев стал уже при Петре I крупнейшим российским дипломатом (послом в Голландии, Англии, Австрии) и видным историком и мемуаристом, как бы воплощая преемственность культуры Посольского приказа XVII в. и культуры уже Петровской эпохи.

¹ Дипломатический вестник. 1992. № 17/18. С. 60–61; Шмидт С.О. Русские литераторы и российская дипломатия // Международная жизнь. 1992. № 10. С. 111–117; Russian Men of Letters and Russian Diplomacy // International Affairs. 1992. № 11. P. 115–122.

² Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [В 4 т.]. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903. Т. 1. Стб. 1085–1086.

³ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985. Т. 1. С. 401; Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов. 3-е изд. М., 1953. С. 141.

⁴ Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. Л., 1970. Т. 1. С. 286.

⁵ Poe M. Foreign Descriptions of Muscovy. An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Columbus, Ohio, 1995.

⁶ Шмидт С.О. Документация внешних сношений Российского государства // Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв. М., 1985. С. 59–65 [То же в наст. изд., кн. 1, с. 48–93]; Schmidt S.O. Les diaks dans la Russie de la seconde moitié du XVIe siècle // Histoire sociale, sensibilités collectives et mentalités / Mèanges R. Mandrou. Paris, 1985. P. 551–560; Idem. Der Geschäftsgang in den russischen Zentralämtern der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1992. Bd. 46. S. 65–85; Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1966 (разд.: Писари русские (с. 302–329); О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI века (с. 439–446)); Он же. Россия Ивана Грозного. М., 1999 (ст.: Судебники и формирование системы делопроизводства в Российском государстве (с. 249–254); «Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства XVI–XVII столетий (с. 255–301); Посольские книги Российского государства XV–XVI столетий как памятник истории и культуры (с. 448–455)).

⁷ Лихачев Д.С. Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Исторические записки. М., 1946. Т. 18. С. 42–55.

⁸ Статья была опубликована в кн.: Наукові записки Інституту історії АН УРСР. Київ, 1950. Т. 3. С. 18–35. Перепечатана в книге избранных трудов М.Н. Тихомирова «Древняя Русь» (М., 1975. С. 22–41).

⁹ См.: Baumgarten N. de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle. Roma, 1927.

¹⁰ Розанов С.П. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071–1109) // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд-ние гуманитар. наук. Л., 1929. № 8. С. 617–646.

¹¹ Паушто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 127.

¹² Jordan D.S., Kimball S.L. Your Family Tree. N.Y., 1929. P. 136, 145, 240, 246 (цит. по ст.: Быкова Л.А. Из истории развития генеалогии в США // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 2000 год. М., 2001. С. 56–93).

¹³ Паушто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 132.

¹⁴ Малето Е.И. Русские средневековые хождения (издания и публикация) // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 255–267.

¹⁵ Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / Под ред. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1954. С. 319.

¹⁶ Мясников В.С. «Разбойный» корабль на Амуре (К вопросу об открытии Татарского пролива) // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 115.

¹⁷ Савва В.И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1: Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справ. / Сост. В.И. Савва; Под ред. и с предисл. С.О. Шмидта. М., 1983.

¹⁸ Дмитрий Герасимов (Митя Малый) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в.: В 2 ч. Л., 1988. Ч. 1: А–К. С. 195–196.

¹⁹ Ляйш В. О ранних переводах «Московии» Сигизмунда Герберштейна // Источниковедение и краеведение в культуре России. С. 76–79.

²⁰ Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы: Сб. 8. М., 1963. С. 179–244.

«МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО»: К ОБЪЯСНЕНИЮ НАИМЕНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI–XVII СТОЛЕТИЙ*

В наши дни для обозначения государства, особенно его политики, нередко употребляют наименование столицы государства или даже расположенного там правительственного учреждения. И в таком контексте употребление слов «Москва», «Кремль» не является исключением. Но это, как правило, удел публицистики или узкоспециальной литературы, а не официальной документации. Встречается иногда применительно и к современным государствам словоупотребление «Германское (Российское, Французское...) государство». Однако сочетание в одном терминопределиении слова «государство» и наименования его столицы («Парижское, Берлинское, Мадридское... государство») не принято — так и не говорят, и не пишут.

Между тем в исторической литературе и в публицистике уже более полутора столетий признается общепринятым словосочетание «Московское государство» (а также «Московское царство»). Оно употребляется обычно как тождественное терминам «Российское государство» («Российское царство») и «Русское государство»; и в указателях к некоторым изданиям эти словосочетания рассматриваются как разные написания одного и того же термина, как, к примеру, в географических указателях к академическим изданиям VI и VII томов «Истории Российской» В.Н. Татищева под редакцией С.Н. Валка (Л., 1966; 1968); «Посланий Ивана Грозного»

* В основе статьи — доклады на Юбилейной научно-общественной конференции «Первые московские градоначальники и московское боярство: традиции и современность» (Москва, Мэрия, 28 февраля 1998 г.) и на заседании Центра истории России в Средние века и раннее Новое время (Институт российской истории РАН, 31 марта 1998 г.).

под редакцией В.П. Адриановой-Перетц (М.; Л., 1951); «Московской хроники» К. Буссова (за 1584–1612 гг.), перевод которой издан под редакцией И.И. Смирнова (М.; Л., 1961); исследования В.И. Саввы о Посольском приказе XVI в. (Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справочник / Сост. В.И. Савва), изданного под редакцией автора настоящей статьи (М., 1983); в третьем томе серии «Российское законодательство X–XX веков. Акты Земских соборов», подготовленном под редакцией А.Г. Манькова (М., 1985), и во многих других книгах, даже в томах Полного собрания русских летописей.

Словосочетание «Московское государство» находим в «Истории Российской» В.Н. Татищева, в IV ее части, с которой читатели ознакомились лишь в 1840-е гг. Излагая события 1535 г., историк пишет, что наместник Смоленска «многих детей боярских Московскаго государства да и смольян выслал из града против литовских людей», а рассказывая об установлении в 1610 г. Семибоярщины, замечает: «...все указы от себя посылали и челобитные им подавали тако: “Тосударем бояром Московского государства”». Впрочем, у Татищева в той же рукописи словосочетания — «Русскому государству», «Росиского государства», «царство Руское»¹.

Встречается термин «Московское государство» и в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, причем не только в цитатах из исторических источников конца XVI – начала XVII в. (и из историко-публицистических сочинений, и из документов внешних сношений), но и в авторском тексте: в VI томе историограф пишет, что Иван III «исчисляет... в титуле своем все особенные владения государства Московского»; обнаруживаем в авторском тексте «Истории» и словоупотребление «Московская держава» (т. VIII) при описании венчания Ивана IV на царство².

Термин «Московское государство» есть и в словаре А.С. Пушкина, пришедшего к постижению образа России XV–XVII вв. первоначально по томам «Истории» Карамзина. Правда, это словоупотребление — в текстах, не напечатанных при его жизни. В письме П.А. Вяземскому из Михайловского от 13 июля 1825 г. Пушкин сообщает о заголовке, который намерен дать своему драматическому произведению, известному теперь под названием «Борис Годунов»: «Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать ее заглавия: *Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Воронице. Каково?*»³ Того же примерно времени автограф Пушкина из коллекции А.Ф. Онегина (Отто). На верхней части листа читаем: «Комедия. О настоящей беде Моск. госуд. О царе Борисе и о Гришке Отрепьеве...»⁴

В 1840-е гг. «Московское государство» — уже распространенное словоупотребление публицистики, научных трудов и, можно полагать, устной речи. В.Г. Белинский предпочитал высокопарный и более эмоционально насыщенный термин «Московское царство» («...Московское княжество сделалось впоследствии Московским царством, а затем Российской империей»; «быстрая централизация Московского царства»; «идея самодержавного единства Московского царства в лице Иоанна III...»; «Московское царство, возникшее силою обстоятельств при Иоанне Калите и утвержденное гением Иоанна III, жило до Петра Великого» и др.)⁵. Вслед за Белинским терминосочетанием «Московское царство» пользовался Н.Г. Чернышевский⁶. Можно полагать, к восприятию именно их сочинений восходит опреде-

ление молодого В.И. Ульянова «эпоха Московского царства» в неоднократно цитировавшемся положении его работы 1894 г. «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» о возникновении всероссийского рынка⁷. Профессор К.Д. Кавелин в изданном в 1847 г. труде «Взгляд на юридический быт Древней Руси», в основе которого курс лекций по истории русского права, читанный в Московском университете в середине 1840-х гг., употребляет (и не раз) термин «Московское государство», причем применительно и к первой половине XV в., и даже ранее. Напомнив об Иване Калите, он пишет: «Эта небольшая княжеская вотчина через столетие выросла в Московское государство», а о времени правления его сына Симеона говорит: «Вот каковы были первые зачатки будущего Московского государства, обнявшего всю Россию!»⁸ Едва ли не под воздействием мыслей Кавелина и Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» охарактеризовал Ивана Калиту и Симеона Гордого как «первоначальников силы Московского царства».

С.М. Соловьев широко пользуется термином «Московское государство» начиная с пятого тома многотомной «Истории России с древнейших времен», посвященного времени правления Ивана III и Василия III (изданного в 1855 г.). В предшествовавшем томе последняя глава о внутреннем состоянии русского общества в 1228–1462 гг. кончается фразой: «Общий ход русской истории до образования Московского государства». И вслед за тем «самостоятельные» «Русское государство» в Северо-Восточной Руси и «Московское государство» рассматриваются как тождественные понятия. Ивану III, по убеждению историка, «принадлежит почетное место среди собирателей Русской земли, среди образователей Московского государства». Комментаторы книги последнего издания «Истории» так отмечают: «Проблема Московского государства, его происхождения и закономерностей развития занимает главное место в общей исторической концепции С.М. Соловьева»⁹. С тех пор терминосочетание «Московское государство» прочно утверждается в общественном сознании (как и терминосочетание «Московская Русь») для обозначения Российского государства конца XV–XVII в. (обычно со времени правления Ивана III), «допетровской Руси»; тем самым уточняются и хронологические границы «московского периода» отечественной истории и истории российской государственности.

Такая терминология — в трудах Н.И. Костомарова, историков права М.Ф. Владимирского-Буданова и В.И. Сергеевича, основателя петербургской школы историков К.Н. Бестужева-Рюмина (в 1864 г. книге для народного чтения он дал название «О том, как росло Московское государство»), в заголовках подготовленных Русским историческим обществом изданий памятников дипломатических сношений (с Англией, с Польско-Литовским государством, с Швецией). В.О. Ключевский — глава школы московских историков — книге молодых лет дал название «Сказания иностранцев о Московском государстве»; этот термин — и в названиях разделов, и в тексте его знаменитого «Курса русской истории», и не раз переиздававшегося «Краткого пособия по русской истории». Он и в заголовках книг петербургских ученых — будущих академиков А.С. Лаппо-Данилевского («Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (СПб., 1890)) и С.Ф. Платонова («Очерки по истории Смуты в

Московском государстве XVI–XVII вв.» (СПб., 1899)). При этом словосочетания «Московское государство» и «Московская Русь» употреблялись, по существу, одно-значно, как, к примеру, в названиях книг петербургского историка Н.Д. Чечулина («Города Московского государства в XVI в.» (СПб., 1889)) и московского историка Н.А. Рожкова («Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» (М., 1899)). Термин «Московское государство» — в тексте обобщающего типа книг П.Н. Милюкова («Очерки по истории русской культуры») и Г.В. Плеханова («История русской общественной мысли»), в многочисленных работах историков права, в трудах по истории русской церкви, истории древнерусской литературы и древнерусского искусства, в названиях документальных публикаций и в текстах трудов по организации внешних сношений России (С.А. Белокурова, В.И. Саввы, С.М. Середонина и др.). Перечень дореволюционных изданий с термином «Московское государство» в заголовке, тем более в тексте, нетрудно продолжить.

Термин «Московское государство» имел широкое распространение и в первые советские десятилетия. Причем его встречаем и в трудах М.Н. Покровского (в прочитанном В.И. Лениным однотомнике «Русская история в самом сжатом очерке» и в других) и лиц его окружения, и в изданных тогда работах ученых старой школы — С.Ф. Платонова в Петрограде – Ленинграде, М.М. Богословского в Москве и их учеников; показательно, что и первый печатный труд Л.В. Черепнина — статья 1928 г. в седьмом томе «Ученых записок» Института истории РАН ИОН — имеет название «Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве в начале XVII в.». Наименование «Московское государство» — в заголовках разделов книги 1933 г. «Материалы для библиографии по истории народов СССР. XVI–XVII вв.». В 1938 г. статьи «Московское государство» появились и в первом издании Большой советской энциклопедии (т. 40), и в Малой советской энциклопедии (т. 7). Это — термин и эмигрантской русскоязычной исторической литературы (в том числе обобщающих трудов по истории России Е.Ф. Шмурло, Г.В. Вернадского*, С.Г. Пушкирева), и недавних зарубежных книг. Так, книга 1987 г. видного американского специалиста по истории России Р. Крамми (Crummey) имеет название «The Formation of Muscovy. 1304–1613». Показателен и подзаголовок очерка Ж.-К. Роберти «L'image de la Moscovie dans l'opinion française du XVIIe siècle» (1991) — «L'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles»¹². Следовательно, и в трудах зарубежных ученых подразумевается тождественность терминов «Московия» и «Россия» в XVI–XVII столетиях.

И после издания с конца 1930-х гг. стабильных учебников по отечественной истории для высшей и средней школы, где употребляется политоним «Русское государство», получивший широкое распространение в учебных программах и в учебно-популярной литературе, продолжают выходить монографии, в заголовках ко-

* Любопытна в этом плане дневниковая запись (от 20 декабря 1965 г.) Г.В. Вернадского, которого в Нью-Хейвене (там ученый много лет был профессором Йельского университета) посетил молодой тогда еще историк Р. Крамми: «Теперь он с одним англичанином подготавливает новое издание главных известий англичан о Московии XVI в. — советовался со мною по этому поводу»¹⁰. В заголовке книги, вышедшей в 1968 г., названа не «Московия», а «Россия», но в первой же фразе предисловия и на обложке-рекламе — термин «Muscovy»¹¹.

торых — словосочетание «Московское государство». Пример тому — книги А.И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» (М., 1943) и А.А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» (М., 1948). В словаре С.Б. Веселовского термин «Московское государство» — и в заголовке дореволюционного исследования о сошном письме, и в трудах 1940-х гг. о России времени Ивана Грозного. Термин «Московское государство» («Московская держава») сохранен в переизданиях в 1940-е гг. книги Р.Ю. Виппера 1922 г. «Иван Грозный». В изданном посмертно, в 1958 г., исследовании В.Э. Грабаря «Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917)» очерк первый озаглавлен «Московское государство (XVII век)». Б.А. Рыбаков дал своей книге 1974 г. название «Русские карты Московии XV – начала XVI века». В книге 1978 г. лексикографа Ф.П. Сергеева о языке древнерусской дипломатии одна из глав имеет заголовок «Название дипломатического ведомства Московского государства»¹³; С.А. Елисеев в серии издательства «Молодая гвардия» «История отечества в романах, повестях, документах» изданный в 1986 г. том о XVI в. озаглавил «Московское государство». Подготовленная в серии «Россия в мемуарах дипломатов» под редакцией и со вступительной статьей Н.М. Рогожина книга 1991 г. имеет такой заголовок: «Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов)». Примеры можно множить.

Термины «Московское государство», «Московская Русь», даже «Московская земля» воспринимались и как географическое (или историко-географическое) понятие, и как государственно-политическое, как политоним. С.М. Соловьев отмечает: «Можно сказать, что Северо-Восточная Россия, или Московское государство, для западноевропейских держав было открыто в одно время с Америкой»¹⁴. В другом месте он пишет о присоединении Малороссии в XVII в. «к России Великой, или Московскому государству». А.Е. Пресняков в книге 1918 г. «Московское царство» (в тексте которой не раз встречаются и термины «Московское государство», «Московская Русь») рассуждает: «Терминология грамот Ивана III колеблется в обозначении комплекса его владений. Понятие о великом княжении то суживается до пределов Московско-Владимирской области (Московского государства в тесном смысле слова, по обычному разумению XVI в.), то обнимает и Новгородский край: более широкое определение достигается употреблением термина “все великие княжения”»¹⁵.

Широкое бытование термина «Московское государство» в научной, публицистической и, главное, в учебной литературе объясняется тем, что он служил прежде всего для обозначения определенного периода истории России, когда на смену феодалной раздробленности пришло единое суверенное централизованное государство со столицей в Москве и в то же время еще не было реформ Петра I, повлекших за собой утверждение Российской империи со столицей в Петербурге, т.е. для обозначения допетровской Руси, государственности допетровского периода, отличающегося от последующего времени не только в социокультурном плане, но и системой организации управления, когда действовали приказы, Боярская дума, земские соборы. Это лаконично, как и свойственно энциклопедическим справочникам, объяснено в статье первого издания БСЭ: «Принятое в историч. работах название русского государства времен великих князей и царей московских (от конца 15 до 18 вв.), предшествовавшего образованию Российской империи»¹⁶. Ав-

тор статьи — С.В. Бахрушин, позже занимавшийся изучением прошлого Москвы, редактор первого тома многотомной «Истории Москвы» (изданного в 1952 г.).

Эти представления восходят к широко распространенным историческим воззрениям Н.М. Карамзина. В 1818 г. читающая Россия познакомилась сразу с первыми восемью томами его «Истории государства Российского», вскоре переведенной и на иностранные языки¹⁷. Первая глава шестого тома «Истории», озаглавленная «Государь державный великий князь Иоанн III Васильевич», начинается словами: «Отселе История наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, а деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической... Посольства великокняжеские спешат ко всем дворам знаменитым; посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице... приветствуют монарха российского, славного победами и завоеваниями, от пределов Литвы и Новагорода до Сибири... Москва украшается великолепными зданиями», Иван III властвовал «для величия и славы россиян»¹⁸. Характерно, что уже в этом фрагменте текста встречаем, по существу, в одном значении слова (или производные от них) «государство», «царство», «держава», «монархия» россиян.

Еще прежде, в 1811 г., те же мысли о ходе отечественной истории Карамзин сформулировал в записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», предназначенной для крайне узкого круга лиц императорской фамилии. В «Записке» Карамзин не раз напоминал о «князьях московских», об их «глубокомысленной политике», о том, что создание централизованного государства в России — «великое творение князей московских»: «Князья московские учредили самодержавие. Отечество даровало его Романовым»¹⁹. И именно такие взгляды, опираясь на суждения Историографа, на рубеже 1820–1830-х гг. друг и почитатель Карамзина В.А. Жуковский — наставник наследника российского престола — внушал своему питомцу (в будущем Александру II)²⁰.

В.О. Ключевский в разделе «Московское государство (1462–1598)», характеризуя «собрание Русской земли Москвою», отмечает его «ускоренный ход» со второй половины XV в., когда великорусская народность «соединилась под одной государственной властью», и «это сообщило новый характер Московскому княжеству» — «завершение территориального собрания Северо-Восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство и, таким образом, сообщило великому князю московскому значение национального великорусского государя»²¹. Та же мысль — в «Лекциях по русской истории» С.Ф. Платонова, неоднократно переиздававшихся: княжество московского великого князя «выросло в национальное государство Московское»²². А.Е. Пресняков в книге 1918 г. пишет: «Московия, выступившая в конце XV в. на европейском горизонте, в XVII в. входит в ряд европейских держав. Но это уже не то великорусское Московское государство. Великорусский центр — только опорный пункт для перестройки Московского царства в обширную империю»²³.

Постепенно закрепляются иные взгляды на этнические характеристики этого явления и хронологические рамки процесса — подчеркивается то, что централи-

зованное государство в России образовалось как многонациональное во главе с формирующимися в нацию тогда же великороссами, язык которых стал главенствующим и объединяющим жителей огромной государственной территории, и процесс оформления централизованного государства с едиными законами и системой управления был более длительным и растянулся и на XVI в.²⁴ Но ясно то, что наименования и «Московского государства», и «Русского государства», и «Российского государства» относили именно ко все более централизуемому суверенному государству, обретающему значительную роль в международных отношениях и Европы и Азии.

Это отражает и отсутствие единообразия в наименовании своего государства в России XVI–XVII столетий. В вышедшей в 1995 г. книге последовательницы школы Ю.М. Лотмана М.Б. Плехановой «Сюжеты и символы Московского царства» справедливо отмечается: «Наименования великорусского государства в XV–XVII вв. были многообразны и неустойчивы: Русь, Русия или Великая Русия, Росейская или Руская земля, Росейское, или Русское, или Московское царство, Московское государство и пр. Древнерусские книжники были далеки от терминологической определенности...»²⁵

Бытование в XIX–XX вв. в литературе наименования «Московское государство» объяснялось не только учебно-методическим удобством, выделяющим в истории России словоупотреблением «Московское» этот период и его особенности, но и тем, что процесс образования централизованного государства в России историки во многом сводили к возвышению Москвы, во всяком случае, связывали с ним (в чем можно было убедиться и по приведенным выше цитатам); хотя в оценке роли московских князей в этих событиях в дореволюционной литературе не было единообразия взглядов: это четко показано в книге М.А. Дьяконова об общественном и государственном строе Древней Руси, в разделе «Мнения о возникновении Московского государства»²⁶.

Самое существенное для нашей темы то, что политоним «Московское государство» не является изобретением ученых. Историки опирались на терминологию исторических источников XVI–XVII вв. — и отечественных, и зарубежных. Это — терминология современников.

В западноевропейских памятниках письменности и географических картах первоначально более употребительным было наименование «Московия», и соответственно жителей ее называли «московитами». Б.А. Рыбаков в упоминавшемся уже исследовании о картах дал емкое определение термину «Московия»: «Совокупность нескольких десятков русских княжеств, оказавшихся в короткий срок под властью Москвы»²⁷.

Такие термины — и в заголовках западноевропейских сочинений о России и о россиянах вплоть до конца XVII столетия, причем написанных и теми, кто побывал в России, и теми, кто писал с чужих слов или опираясь на ранее изданное. Это теперь нетрудно проследить после выхода в США в 1995 г. книги Маршалла По об иностранных описаниях Московии²⁸; библиографический труд американского ученого дает основание именно такому заголовку его книги — и государственно-политическая, и географо-этническая терминология. Впрочем, и она тоже — как и терминология русскоязычных источников — не отличается определенностью и ус-

тойчивостью: одновременно (и постепенно все в большей мере) фигурирует и термин «Россия» (или его модификации).

Термины «Московия» и «московиты», выявленные в зарубежной документации еще рубежа XV и XVI вв., — в заголовках трактатов голландского гуманиста Альберта Кампенского, состоявшего при папской курии (1523/24 г.), и немца Иоганна Фабри, советника австрийского эрцгерцога (1525 г.). В сочинении Фабри, основанном на рассказе возвращавшихся из Испании послов московского государя, утверждается: «...из-за того что царский град всей области назван Москвой*, они и сами приняли имя московитов»³⁰. Однако земли, подвластные московским государям, т.е. северо-восточную часть бывшей территории Древнерусского (Киевского) государства, называли в XV–XVII вв. также и «Великой Русью» («Великой Росией»), и «Белой Русью» («Белой Росией»). Сведения об этом обобщены в опирающихся на разноязычные источники статьях А.В. Соловьева еще 1940-х гг.³¹

В книге 1525 г. знаменитого итальянского гуманиста Паоло Джовио (Джиовио) о посольстве Василия III к папе римскому основное обозначение владений «великого князя Московского» — «Московия» («Москховия» — «Moschovia»). Сочинение это в значительной мере написано со слов посольского переводчика Дмитрия Герасимова — одного из самых образованных подданных московского государя³², информация которого, видимо, в основе и географической карты, составленной в 1525 г. Г. Аньезе и названной «*Moscoviae tabula...*»³³. То же название этой территории и в другой недавно изученной карте того же времени³⁴.

Сочинение историка Джовио, признаваемого одним из родоначальников публицистики и журналистики Нового времени, как и пространные записки гуманистически образованного имперского посла в Москву в 1517 и в 1526 гг. С. Герберштейна, напечатанные впервые в 1549 г., чаще других переиздавались, переводились с латинского языка на современные языки и во многом определяли представления западноевропейцев о нашей стране. Книга Герберштейна называлась «*Reum Moscovitarum Commentarij...*» (в русском переводе — «Записки о Московии», «Записки о московитских делах»).

Часто произведения Джовио и Герберштейна публиковались вместе³⁵, и понятно, что именно терминология этих сочинений — в трактате 1566 г. «Метод легкого изучения истории» знаменитого французского политолога-публициста Жана Бодена, где он полагает необходимым изучение истории «московитов, которые победоносно продвинулись от Волги и Дона до Днепра и недавно завоевали Ливонию»³⁶. Французский дипломат, описывая «бескорольеве» в Польше 1572 г., тоже называет Ивана IV «Московит»³⁷. Агент императора Максимилиана II, ведший в Польше переговоры с А.М. Курбским, в донесениях императору 1570 г. пользуется только терминами «Московия», «московиты» и применительно к царю Ивану IV — тоже «Московит»³⁸. С тем же встречаемся в дипломатической и иной документации скандинавских стран³⁹. Там фигурируют также термины «Мосх», «Моск» («Mosch», «Mosci»), встречающиеся и в сочинениях иностранцев о России,

* Венецианец А. Контарини, побывавший в России в 1476–1477 гг., называет г. Москву Московией. (Его сочинение напечатано впервые в 1487 г.²⁹) Подобное встретим в сочинениях иностранцев и более позднего времени.

и в сочинениях пишущих по-латыни польских поэтов (отсюда — «москаль»)⁴⁰. Это — и термины массовых изданий, к примеру, в анонимных сочинениях о россиянах и об их царе времени Ливонской войны, в частности в «летучих листках», детально изученных А. Каппелером⁴¹. Такого же стиля выражение — в «Послании» 1572 г. И. Таубе и Э. Крузе, ливонских дворян, бывших ранее на царской службе, — «московский враг»⁴². Можно утверждать, что термины «Московия», «московиты», даже «Московит» применительно к царю были широко распространены, даже общеприняты при Иване Грозном в международной дипломатии, международных торговых сношениях, в международной публицистике, пожалуй, и в международной науке. Потому вполне объяснимо, что организованная практически мыслящими английскими коммерсантами в 1555 г. компания для торговли с Восточной Европой и Азией получила наименование «Московской». И великолепный знаток разноязычных источников о России XVI–XVII вв. Ю.В. Готье, конечно, намеренно выбрал заголовком книги 1937 г. с переводами сочинений англичан о владениях Ивана Грозного такой: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке».

Герберштейн — автор наиболее обстоятельного труда о России, основанного и на визуальном знакомстве со страной, и на изучении едва ли не всей имевшейся к тому времени литературы, подразумевая под Россией территорию Древнерусского государства, писал: «Руссией владеют ныне три государя; большая ее часть принадлежит [великому] князю московскому, вторым является великий князь литовский... третьим — король польский, сейчас владеющий как Польшей, так и Литвой»⁴³. В другом месте своего сочинения автор счел необходимым отметить: «Итак, город Московия (Moscowia), глава и столица Руссии, и самая область, и река, которая протекает по ней, носят одно и то же имя: на родном языке народа они называются Москвой (Mosqua)»⁴⁴. Следовательно, Герберштейн выделяет еще домен московского великого князя (хотя, как установил Е.Е. Замысловский, он не во всем точен в определении границ Московского княжества)⁴⁵. Герберштейн указывает и на то, что Иван III «стал величать себя монархом всей Руссии». Фактически Герберштейн «Московией» называет владения, подчиненные власти («dominium») московского государя, и московитами — только его подданных. Но в то же время он пишет о городе Москве как о «главе и столице» России, о Новгороде Великом как о «самом большом княжестве во всей Руссии»⁴⁶, и под портретом Василия III — подпись: «Царь и государь русских» («Russorum rex et dominus sum»).

М.Н. Тихомиров замечает, что характер подписи от имени самого Василия III показывает, что это — латинский перевод русского текста, в котором сам Василий III называет себя русским, а не московским царем⁴⁷. И потому, хотя у Герберштейна и обнаруживается стремление дать и историческое (исходя из происхождения наименований, соотношения прежних и нынешних наименований местностей и их обитателей), и современное политико-географическое истолкование терминов «Россия» («Руссия») и «Московия» и их различий, все же заметно и совмещение понятий, определяющих (уже в соответствии с нашими современными представлениями) термины «Российское государство» и «Московское государство».

В сочинениях менее образованных (тем более в меньшей мере научно подготовленных) иностранцев, писавших о России XVI–XVII вв., подобная нечеткость

заметна еще в большей степени — и нечеткость терминологии, и нечеткость знаний о пределах территории, подвластной московскому государю. Г.К. Лукомский в очерке 1922 г. «Московия в представлении иностранцев XVI–XVII вв.» заметил, что Московия, по понятиям иностранцев, это не только центральная Россия, но и юг (с Киевом), и северный Архангельск, и Каспий, и Сибирь, и даже Кавказ — «все это, вместе взятое: границы не были четко очерчены»⁴⁸.

Эту очевидную нечеткость счел обязательным особо подчеркнуть еще в изданной в 1607 г. в Париже книге «Состояние Российской империи и великого княжества Московского» (*L'Etat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie*) капитан Жак Маржерет, несколько лет проведший в России. В «Предуведомлении читателю» сообщается, что «Российская империя представляет собой часть страны, которую издавна называли Скифией, и скифами еще и сегодня называют татар, которые прежде были повелителями России». Когда русские (*Russes*) сбросили иго татар и «христианский мир кое-что узнал о них», они «стали называться московитами — по главному городу Москве, который носит княжеский титул». И «ошибочно называть их московитами, а не русскими, как делаем не только мы, живущие в отдалении, но и более близкие их соседи. Сами они, когда их спрашивают, какой они нации (*quelle nation*), отвечают: “*Russac*”, то есть русские (*qui veut dire Russes*), а если их спрашивают: “Откуда?”, — они отвечают: “из Москова, Москвы (*is Moscova, de Mosco*), Вологды, Рязани или других городов”. И должно знать, что есть две России (*qu'il y a deux Russies*) — та, что носит титул империи, которую поляки называют Русь Белая (*la Russie blanche*), и другая — Русь Черная (*la Russie noire*), которой владеет королевство Польское». Господином ее величает себя польский король, когда говорит «великий князь Литвы, Руссии, Пруссии и т.д.». «Об этом я хотел предупредить читателя, чтобы он знал, что русские (*les Russes*), о которых здесь идет речь, это те, кого некогда называли скифами, а с некоторых пор ошибочно московитами (“*Moscovites*”), поскольку московитами могут называться жители всего лишь одного города; все равно как если бы всех французов стали называть парижанами по той причине, что Париж — столица королевства Франции; да и то с большим основанием, поскольку Париж — столица с незапамятных времен, а Москва является ею не более ста или двухсот лет. И сокращенный титул “Царь, государь и великий князь всея Руссия” можно толковать как “всех русских или всей Руссии” (*de tous les Russes, ou de toute la Russie*), но не “московитов или Московии”. Чтобы отличать Черную Русь от иной, поляки все расположенное по ту сторону Днепра называют Русью Белой. А в сочинении этом говорится о Руси Белой, ныне Московии (*et maintenant Moscovie*)»⁴⁹.

Сочинение Маржерета заинтересовало парижан, а знаменитый тогда автор универсальной «Истории своего времени» («*Historia suis temporis*») де Ту, главный хранитель королевской библиотеки, создавший именно в ту пору очерк по истории России, долго беседовал с Маржеретом⁵⁰. В его очерке о России находим рассуждение о происхождении «руссов» и «московитов» (опирающееся на мнение Герберштейна), словоупотребление терминов и «Московия» и «московиты» и в то же время и наименования «Россией» всей Восточной Европы (об Иване III, который присоединил Новгород «к своей империи и унижил всех других князей России») и «русскими» — подданных царя Ивана IV⁵¹.

Употребление наименований «Московия», «московиты» для обозначения «России» и «русских» находим в заголовках (не говоря уже о текстах) многих, если не большинства, западноевропейских сочинений XVI и даже XVII в. о современной им России (причем иногда в написании «Moshcovia», так как слово это пытались связать с наименованием полулегендарных «москов», «мосхов»).

Термины «Московия», «московиты» встречаются в трактате Михалона Литвина (видимо, это Венцеслав Николаевич, бывший многие годы латинским секретарем канцелярии Великого княжества Литовского⁵²), в написанном Кл. Адамсом сочинении о плавании англичанина Р. Ченслора в 1553 г. и о его пребывании в России, в рассказе венецианца М. Фоскарини о России 1557 г., в записках англичанина А. Дженкинсона (1557), венецианца Ф. Тьеполо (1560), в сочинениях итальянского купца Р. Барберини (побывавшего в России в 1565 г.), папского дипломата Ф. Руджиеро (1568), в знаменитых описаниях опричнины Ивана Грозного, составленных немцами А. Шлихтингом и Г. Штаденом, в труде французского космографа А. Теве (1575), в сборнике рассказов путешественников, подготовленном англичанином Р. Иденом (1577), в сочинениях итальянца на польской службе А. Гваньини (1578), папского дипломата А. Поссевино, участника походов польского короля Стефана Батория Р. Гейденштейна (1584), православного архиерея Арсения Елассонского, побывавшего в России в 1589 г., имперского дипломата Н. Варкоча (1593), Геррита де Веера, сопровождавшего голландца В. Баренца (1599), немецкого купца Х.-Г. Пейрле (1606), прожившего несколько лет в России голландского коммерсанта И. Массы (сочинение его впервые издано в 1612 г.), англичанина Т. Чемберлена (1612), шведского дипломата П. Петрея (его произведение напечатано в 1615 г.).

Встречаются эти термины и в сочинениях середины и конца XVII в. (в том числе и в наиболее обстоятельных) — голштинского дипломата А. Олерия (записки его изданы в 1647 г.), английского писателя и государственного деятеля, советника Кромвеля Джона Мильтона, имперского дипломата А. Мейерберга (1660-е гг.), голландца Я. Стрейса, побывавшего в Восточной Европе на рубеже 1660-х и 1670-х гг., польского агента Я. Рейтенфельста (издавшего свое сочинение в 1680 г.), польского дипломата Б.Ф. Таннера (жившего в России в 1678 г.), саксонского дипломата Л. Рингубера (посетившего Россию в 1684 г.), итальянца Э. Цани (1680-е гг.). И даже в 1698 г., в год Великого посольства в Европу, в Париже издали книгу побывавшего в России в 1689 г. де ла Невилля под названием «Любопытное новое известие о Московии...». В заголовке читаем и об «экспедиции московитов в Крым в 1689 г.». Любопытно, что хорошо знавший и Россию и россиян голландский ученый и государственный деятель Николай Витсен, тогда бургомистр Амстердама, сообщая великому немецкому ученому Лейбницу о недовольстве участников Великого посольства записками Невилля, называет их «московскими послами»⁵³.

И карта России, составленная в 1706 г. французским географом Г. Делилем, имеет название «Carte de Moscovie». Консультантом Делиля признают русского дипломата А.А. Матвеева, ведшего в Париже переговоры о заключении торгового договора⁵⁴. Матвеев был не только просвещенным деятелем, автором исторических сочинений, но и сыном главы Посольского приказа А.С. Матвеева, руководившего в начале 1670-х гг. работой по подготовке официальных трудов по истории России и ее государей, и, следовательно, знатоком современной исторической госу-

дарственно-политической терминологии. Наименование России Московией и россиян москвитами, видимо, настолько укоренилось в сознании, что было в речевом обиходе и в годы правления Людовика XV. Напомним о пушкинской «Пиковой даме», об описании Пушкиным пребывания в молодые годы графини в Париже, когда «народ бегал за нею, чтоб увидеть la Vénus moscovite».

Уже в XVI в. термины «Московия» и «Россия» начинают восприниматься как тождественные*, хотя в наиболее обстоятельных сочинениях о Восточной Европе и о владениях государя всея Руси стараются, как отмечалось уже, объяснить сосуществование или различие этих наименований, а также утверждение термина «Московия». Английский посланник, гуманистически образованный Дж. Флетчер, озаглавил свое сочинение, впервые изданное отдельной книгой в Лондоне в 1591 г., «О государстве Русском, или Образ правления русского царя, обыкновенно называемого царем московским...» («...the Russe Emperour (commonly called the Emperour of Moskovia)»). Он пишет: «...название Москвы сделалось славным, более известным свету, так что Московией стали называть не одно княжество, но всю Россию, по имени ее столицы»⁵⁶. Возвращавшийся вместе с Флетчером в Англию в 1589 г. Дж. Горсей, на информацию которого Флетчер в определенной мере опирался в своем сочинении⁵⁷, вспоминает в «Путешествии»: «...я прибыл в Московию, обычно называемую Россией (Russia)»⁵⁸. В заголовке сочинения наблюдавшего события Смутного времени немца К. Буссова — слова: «...in Moscoviter-Land oder Reussland» («в московитской земле, или России») ⁵⁹. В середине XVII в. А. Олеарий объясняет: «Россия, или, как некоторые говорят, Белая Русь (именуемая по главному и столичному городу Москве, лежащему в середине страны, обыкновенно Московией)»⁶⁰. Г.-М. Айрманн, получивший университетское образование в Германии, немец на шведской службе, побывавший в свите посольства в 1669–1670 гг. в Восточной Прибалтике и России, раздел с показательным в аспекте наших интересов названием «Великокняжество Московия, или Руссия» начинает словами: «Об этой огромной стране имеется так много в публичной печати не только по старым но и по новым описаниям путешествий...» Псков он называет «знаменитым городом в Московии»⁶¹. Мейерберг тоже пишет как об общепринятом: «Великая Россия, или Россия Московитская, обычно называемая Московией». Эту цитату приводит В.О. Ключевский в «Сказаниях иностранцев о Московском государстве» и констатирует: «Московское государство в XVII веке было самым обширным из всех европейских государств»⁶².

Понимание под «Московией» государства московского государя особенно явно заметно в написанном Антонио Поссевино, который был папским представителем в России в начале 1580-х гг. В трактате «Московия» термин этот объясняется в первой же фразе — «владения великого князя Московского». Большие города — некогда центры самостоятельных государств, названия которых входят в царский титул, — воспринимаются Поссевино как города Московии, и не только

* Иногда так же воспринимаются и термины «москвиты» и «русские». А. Шлихтинг — немецкий рыцарь, плененный при взятии литовской крепости, живший в Москве в 1565–1570 гг. и знавший славянские языки, — в докладе, написанном для польского короля, сообщал, что по имени «знаменитой реки Москвы» «называется обширный город Москва; она дала это имя москвитам, так как иначе они называются руссами или рутенами»⁵⁵.

Новгород, Тверь, Смоленск, но и Казань и Астрахань, т.е. все государство Ивана Грозного. Существенно и то, что Московией это государство Поссевино называет и в дипломатической переписке — в письмах, адресованных польскому королю, королеве, великому канцлеру, даже самому Ивану IV. Термин «Московия» — и в письмах канцлера Яна Замойского к Поссевино⁶³.

А.Л. Хорошкевич обосновывалось мнение, что название «Московия» в начале XVI в. стало господствующим в языке западноевропейцев под воздействием государственно-политических интересов Польско-Литовского государства и поддерживавшей его папской курии, и из Польши оно распространилось в Западную Европу. Это — тема опирающейся на многообразные источники статьи 1976 г. «Россия и Московия: Из истории политико-географической терминологии»⁶⁴. Повторив такой вывод в книге 1980 г., А.Л. Хорошкевич замечает: «В странах же Северной Европы, равно как и при дворе императора, сохранилось правильное этнографическое название — России или России»⁶⁵. Последнее утверждение, как нетрудно убедиться из предыдущего изложения, опровергается данными о наименовании владений («земли») московского государя во многих зарубежных сочинениях, появившихся отнюдь не только в Польско-Литовском государстве или в окружении папы римского. Замечание же, будто итальянцы если «записывали сведения о Руси со слов русских же дипломатов», то «уточняли, что речь шла о Руси», а не о Московии, находится в противоречии с первыми же сочинениями о государстве Василия III (Джовио и Фабри), основанными как раз на рассказах российских дипломатов.

По мнению А.Л. Хорошкевич, «внутри бывшего Московского княжества» укрепились «иное самоназвание», а «Московским государством» называли его в Литовском княжестве⁶⁶. В работе 1993 г. «Символы русской государственности», написанной популярно и не имеющей научного аппарата, эти положения сформулированы так: «...в Вильнюсе Ивана III упорно именовали князем “Московским”, а страну — “Московским государством”». Долго общаясь с польско-литовскими послами, эту терминологию усвоил и Иван Грозный, хотя официальным названием страны после его венчания на царство в 1547 г. стало «Российское царство»⁶⁷. История возникновения и распространения терминов «Московское государство», «Московия», «москвиты» не представляется, однако, столь однозначно простой.

Действительно, наименование «Русь» («Русия») имели и земли, подвластные тогда монарху Польско-Литовского государства, а титулатура его и позднее напоминала о том, что он «великий князь русский». (Этот титул воспроизводился и в российских посольских книгах.) Существенно и то, что эти земли, называвшиеся «русскими», — бывшие южные и западные земли Древнерусского государства XI столетия — стал рассматривать как свое наследственное владение московский великий князь, объявивший себя «государем всея Руси». Он настойчиво повторял, что «Русская земля от наших предков из старины наша отчина; вся Русская земля Божией волею наша отчина». В.О. Ключевский (а подобного содержания цитаты были в трудах и его знаменитых предшественников Карамзина и Соловьева) заключает: «Итак, вся Русская земля, а не одна только великорусская половина ее, объявлена была вотчиной московского государя. Эта мысль об единстве Русской земли из исторического воспоминания теперь превращается в политическое притязание, которое Москва и спешила заявить как свое неотъемлемое право»⁶⁸. Что-

бы не было сомнений, дипломаты Ивана III на переговорах о подписании «вечного мира» с Великим княжеством Литовским в начале XVI в. заявляли: «Ано не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные города... из старины, от наших прародителей наша отчина»⁶⁹.

Как отмечал К.В. Базилович, в понятие «отчина» вкладывался и «этнографический и историко-политический смысл». В соответствии со средневековой патримонической идеологией, не ведавшей различий между родовой собственностью и государственной территорией, земли, принадлежавшие «прародителям», являются с историко-политической точки зрения «отчиной»⁷⁰. Так пытались обосновать и освоение Среднего Поволжья, войну с Казанским ханством в середине XVI в.⁷¹ Но теперь «отчина» прародителей отождествляется уже и с понятием, которое мы называем этнографическим: «Русская земля» — это территория восточных славян, «держава словенского языка», как сформулируют в середине XVI в. составители Степенной книги⁷². Появится и версия, согласно которой литовские великие князья, под властью которых находились тогда многие земли Древнерусского государства XI в., в отличие от князей Рюриковичей, ведущих происхождение, мол, от самого Августа кесаря, потомки «служебника» одного из смоленских княжат или князей-«изгоев», лишенных своей доли в «Русской земле»⁷³.

Имело, конечно, значение и то, что термин «Россия» («Росия», «Росиа»), как убедительно показал М.Н. Тихомиров, распространяется в Северо-Восточной Руси уже с XVI в. Он «постепенно завоевывает себе место в официальных документах, и к концу XVI в. названия “Росия” и “Российское царство” начинают входить в обиход в совершенно определенном смысле, обозначая всю совокупность земель, объединенных Российским централизованным государством». «Русский», замечает исследователь, становится синонимом определенной народности, «российский» означает принадлежность к определенному государству. М.Н. Тихомиров счел необходимым отметить, что «Россия» в документах XVI в. не однозначна с названием «Московское государство». Хотя этот термин, более употребительный «у иностранцев», был в употреблении и в русских источниках XVI в., официальных и неофициальных⁷⁴.

Ясно, что те, кого непосредственно затрагивали политико-идеологическая концепция и внешнеполитическая программа Московского государства, не могли оставаться безучастными к изменению титулатуры московского государя, к наименованию его державы. В Польско-Литовском государстве не склонны были ни к признанию царского титула Ивана IV, ни к распространению в практике международных отношений официального наименования «Российское государство» («Российское царство»)*. (И об этом имеется, как известно, обильная литература.)

* Соответственно настроениям и правителей, и читателей в Польско-Литовском государстве⁷⁵ эмигрировавший туда боярин кн. А.М. Курбский дал заголовки и своим посланиям Ивану IV (во второй редакции Первого послания оно адресовано «к великому князю московскому»; Второе послание озаглавлено «Краткое отвещание Андрея Курбского на зело широкую епистолию князя великого московского»; Третье послание — «На вторую епистолию отвещание цареви великому московскому...»)⁷⁶, и знаменитому, написанному в мемуарном стиле, описанию жизни царя Ивана и России его времени — «История о великом князе Московском». Это было подчеркнуто нарочито и потому, что Иван

Несомненно, что выработывавшаяся с рубежа XV и XVI вв., и прежде всего именно в Польско-Литовском государстве, терминология, запечатленная в памятниках письменности, оказывала влияние на терминологию и официальной документации, и сочинений гуманистов о Восточной Европе. Заметно и то, что авторы сочинений последующих лет в определенной мере придерживались становившейся традиционной терминологии предшествовавших сочинений (а также приема обращений к далекой истории в поиске исторических корней современных наименований земель и народов).

Однако этого было недостаточно. Некоторые авторы (особенно из стран Северной Европы) не слишком дорожили обязательностью следовать языковой традиции сочинений гуманистов, писавших о владениях московского государя. Им важнее казались термины, уточняющие самим названием государственно-политические реалии владений («доминиума») московского монарха и одновременно способствующие устранению неясностей в наименовании государств и земель Восточной Европы, — ведь в употреблении были наименования и «Россия» («Русия», «Русь»), и отдельно — территорий бывшей Древней Руси — «Великая Русь», «Белая Русь» (эти термины обычно относили первоначально к одной и той же территории) и «Черная Русь».

При этом для иностранцев, особенно при организации государственно-политических отношений (да и при составлении историко-политических трактатов), первостепенное значение имело самоназвание государства, наименование владения государя подданными государя. А первичным наименованием государства, столь расширявшегося и укреплявшегося, было Московское княжество; и именно московский великий князь поглотил владения других великих князей и обрел титул государя всея Руси. Его владение, названное по имени столицы, где был княжеский стол, дало наименование и всему государству, а сама столица княжества стала столицей возрастающего государства, средоточием его общественной и религиозной жизни, культуры и экономики, его международных политических и торговых связей.

Должно иметь в виду и словоупотребление, и понимание термина «государство» в наши дни и в Древней Руси. «Государство» в современном понимании — это политическая организация общества с определенной формой правления (обычно — монархия, республика); при этом государственное устройство может быть унитарным и федерацией. И «государством» в таком смысле, конечно, было уже Московское княжество со времени его образования.

В языке Древней Руси слово «государство» имело несколько значений, как и производные от него. Тогда слово «государство» означало и государство в принятом современном понимании, и страну под управлением государя, и террито-

Грозный во Втором послании Курбскому писал о «скифетрах Росийского царствия», о «всей Руской земле», называя свои владения «Русью» («Яко же рекосте: “несть людей на Руси, некому стояти”, — ино ныне вас нет, а ныне кто предтвердя грады Германские вимает?»), и подписал свою «грамоту» так, как принято оформлять окончание в официальных документах, отправляемых за рубеж: «Писана... лета 7086-го, государствия нашего 43-го, а царств наших: Росийскаго 31-го, Казансково 25-го, Асторохансково 24-го»⁷⁷.

рию — страну, «землю» (словосочетания «Московская земля», «Московские земли» нередки и в посольских книгах, в описаниях летописцем событий внешнеполитической истории), и государство, «государствие», т.е. управление государством («царством»), шире — правление, царствование, а также владение «государя»⁷⁸. В словаре В.И. Даля при слове «государство» отмечено: «стар[инное] — государство, власть, сан и управление государя»⁷⁹. «Государствовати» означало управлять государством, быть «государем». Но заметно различие в значении слов «государство» (как «государствие») и «царство». Это четко выявляется в официальной документации внешних сношений — грамоты, отправляемые Иваном IV за рубеж, имели такую концовку: «Писана на нашем государстве дворе града Москвы — лета от создания мира» такого-то «государствия нашего» (т.е. от времени восшествия на великокняжеский престол государя всея Руси в 1533 г.) столько-то лет, «а царств наших» Российского (т.е. от времени венчания на царство в 1547 г.)... Казанского, Астраханского столько-то лет. Однако междуцарствие называли все-таки «безгосударным временем». Грамота кн. Д.М. Пожарского 1612 г. с призывом избрать царя имела такую концовку: «...чтоб нам в нынешнее злое время безгосударным не быть»⁸⁰. Но слово «безгосударный» имело значение не только «не имеющий государя», но и не имеющий владельца, т.е. неизвестно кому принадлежащий⁸¹.

Существовал и термин «безгосударство»⁸². О времени боярских усобиц в годы малолетства Ивана IV в 1539 г. говорили: «Промеж бояр великая рознь... в земле Руской великий мятеж и безгосударство». И почти через столетие, характеризуя годы польско-литовской интервенции, называли их «безгосударским временем»⁸³. (Словоупотребление «безгосударство» вообще было, видимо, принято и в документах делопроизводства, и в литературных произведениях для обозначения событий так называемого Смутного времени.)

Расхожее понимание слов «государство», «государь» и производных от них самим Иваном IV становится очевидным и из его сочинений, в частности из посланий и «речей», записанных в посольских делах, и из рассказа официальной летописи о начале опричнины: в грамоте, присланной из Александровской слободы в Москву, царь писал об «убытках государству его до его государьского возрасту», о своем «государстве в его государские несвершенные лета», о том, что он «оставил свое государство», а затем согласился «свои государства взяти и государьствы своими владети» и «учинити... на своем государстве себе опришнину», «государство же свое Московское, воинство, и суд, и управу, и всякие дела земские приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских...»⁸⁴ Следовательно, в данном словоупотреблении «государство Московское» означало и то, что в годы опричнины называли земщиной.

При этом в письменной речи Ивана IV допускалось и более широкое толкование слов «царствовать», «царство», в соответствии с библейскими текстами — как властвовать, владение. В Писании Стоглавому собору 1551 г. Иван IV употребляет такие слова для характеристики явлений, предшествовавших его официальному венчанию на царство в 1547 г. (о раннем детстве — «мне сиротствующу, а царству вдовствующу. И тако бояре наши уллучиша себе время; сами владеша всем царством самовластно»), и рубежа 1540–1550-х гг.: «...начя же вкупе устроить и управля-

ти богом врученное ми царство». В Завещании (1570-е гг.⁸⁵) и молитва («...Твоя бо есть держава неприкладна, и царство безначално и безконечно...»; «Глаголет господь: мною царие царствуют и сильнии пишут правду») с использованием слов «царство», «цари» в широком смысле и обращение к слову «государство»: Иван IV призывает сыновей Ивана и Федора («...всякому делу навыйкайте... московскому пребыванию... и как которые чины ведутся здесь и в иных государствах, и здешнее государство с иными государствами что имеет... а чего сами не познаете, и вы не сами стате своими государствами владети и людьми»), а обращаясь к младшему, Федору, подчеркивает различие понятий «государство» и «удел» («держи сына моего Ивана в мое место отца своего... а будет благословит бог ему на государстве быти, а тебе на уделе, и ты б государства его под ним не подыскивал... Иван сын государства не доступит, а ты удела своего... а будет тебе... на государство учнут звати, и ты б отнюд того не делал... и ты б на его службу ходил...») ⁸⁶.

Понимание под «государством» и «владения», и управления (т.е. «государствования») обнаруживаем в многообразных памятниках письменности, в том числе и в документации международных отношений московского правительства. Такой подход к подобной терминологии характерен для общественного сознания и зарубежных авторов той эпохи, что нашло отражение в терминологии документов внешней политики и сочинений о государствах Восточной Европы.

Особенно существенно то, что наименование «Московия» восходило к московской традиции, к московской документации, известной и за рубежом. Словоупотребления «Московское государство» и «московский государь», «Московское царство» и «московский царь», «Московская земля» были приняты во владениях московского монарха, государя всея Руси, т.е. в самой России в XVI и особенно в XVII в. (Но, конечно, не в латинизированной транскрипции — «Московия») Это подтверждается многообразными письменными источниками отечественного происхождения — и делопроизводственной документацией, и в еще большей мере памятниками публицистики.

Хотя проследить это далеко не просто. Терминосочетания «Московское государство» и «Московское царство» оказались не включенными в издающийся сейчас многотомный «Словарь русского языка XI–XVII вв.», а в указателях к академическим изданиям памятников письменности эти термины обычно, как отмечалось уже, не вычлняются из группы других, близких им. Так, в томе 31 Полного собрания русских летописей (ПСРЛ) с летописцами последней четверти XVII в., вышедшем в 1968 г. под редакцией В.И. Буганова, под словом «Русская» читаем: «Русская (Российская) земля, Русская держава, Русское, Российское, Московское гос[ударст]во, ц[арст]во, Россия, Россия Великая»; в томе 34 с летописцами середины XVI – первой половины XVII в., изданном в 1978 г. под редакцией В.И. Буганова и В.И. Корецкого, под словом «Россия» обозначены также термины: «Московская земля, Московское государство, Российская держава, Русская земля, Русская страна» ⁸⁷.

Это — свидетельство не столько даже недостаточного внимания нас, ученых (и филологов и историков), к нюансам политико-географической терминологии русского языка XI–XVII вв., сколько, прежде всего, несомненный показатель того, что современники (и те, кто писал, и те, к кому было обращено написанное) не прида-

вали существенного значения такой расхожей терминологии; только в терминологии титула государя старались придерживаться официально установленных нормативов. В целом же политико-географическая терминология оставалась долгое время настолько неустойчивой, что в одном и том же памятнике письменности обнаруживаем разные обозначения одного и того же явления (или пока еще кажущегося ученым таковым).

Словоупотребления в интересующей нас сфере терминологии еще не сведены в систему, тем более с учетом хронологической последовательности, местных особенностей и обстоятельств политической ситуации, литературно-проповеднической традиции. И поэтому наблюдения, а тем самым и выводы могут быть лишь предварительного порядка.

Однако, если ограничиться обращением к наиболее известным изданиям исторических источников XVI–XVII вв., иногда даже к хрестоматийным примерам в буквальном смысле слова (т.е. к напечатанному в хрестоматиях по отечественной истории и истории древнерусской литературы), нетрудно заметить, что более широкое распространение термин «Московское государство» получает с утверждением власти Б.Ф. Годунова, т.е. в годы царствования Федора Ивановича. Но встречается он и в памятниках письменности более раннего времени, во всяком случае, периода царствования Ивана Грозного.

Начнем обзор с документации внешних сношений. Эта терминология обнаруживается не только в переводах документов, составленных в Речи Посполитой (там употребляется и термин «Московское государство»), или в лексике подданных польско-литовского государя, как, к примеру, давно цитируемые слова примаса католической церкви, в 1585 г. сравнивавшего положение в правительстве А.Ф. Адашева в молодые годы Ивана Грозного с положением Годунова при дворе царя Федора: «...а преж сего был у прежнего государя Алексей Адашев, и он государство Московское таково же правил»⁸⁸. Любопытно отметить, что это цитата не из польских посольских дел, а из цесарских (посол к императору по пути обедал у гнезненского архиепископа).

Таковым было тогда словоупотребление и подданных царя Ивана, по крайней мере с 1560-х гг., причем это прослеживается по цитатам из посольских дел, давно введенным в широкий обиход. Так, в шестом томе «Истории» С.М. Соловьева — цитата из наказа гонцу в Польско-Литовское государство, которому велено было говорить о бегстве Курбского: «...езжали из государства и не в Курбского версту, да и те изменники государству Московскому не сделали ничего; божиим милосердием и государя нашего здоровьем Московское государство не без людей. Курбский государю нашему изменил, собакою потек, собацки и пропадет».

В 1573 г. термин «государство Московское» (так же как и «королевство Московское») фигурирует при ответах царя литовскому послу, в 1575 г. — при переговорах с послами императора о кандидатуре эрцгерцога для избрания польским королем (Иван IV желал при этом, чтобы «Литовское Великое княжество с Киевом было бы к нашему государству Московскому»⁸⁹). В последующих томах «Истории» Соловьева при описании отношений с Польско-Литовским государством не раз встречаем цитаты из посольских дел со словоупотреблением «Московское государство». Некоторые еще прежде приводились в «Истории» Карамзина, а с конца

XIX – начала XX в. — в трудах не одного ученого, как, к примеру, ответ послов царя Федора во время переговоров об избрании его на польский престол в 1587 г.: «Хотя бы и Рим старый и Рим новый, царствующий град Византия, начали прикладываться к нашему государю, то как ему можно свое государство Московское ниже какого-нибудь государства поставить?»⁹⁰ Немало подобных словоупотреблений и во фрагментах неопубликованных польских посольских дел последней четверти XVI в. в трудах В. Новодворского, Б.Н. Флори и других исследователей истории русско-польских отношений.

Но не нужно думать, что словоупотребление «Московское государство» имеется только в терминологии польских посольских книг. Это термин и посольских книг с документами сношений с другими государствами. Об этом тоже напоминает шестой том «Истории» Соловьева. Даже в столь часто цитируемом письме Ивана IV английской королеве Елизавете 1570 г., где, обвиняя ее в зависимости от «торговых мужиков», он пишет: «А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица», почти сразу вслед за тем фраза: «А Московское государство покаместа без аглинских товаров не скудно было»⁹¹. Любопытно в то же время, как передан разговор королевы и посла Ф. Писемского в 1582 г. Елизавета I спрашивает: «Земля Ваша Русская и государство Московское по-старому ли?..» Посол отвечает: «Земля наша и государство Московское, дай бог, по-старому, а люди у государя нашего в твердой руке...»⁹² Правда, С.М. Соловьев позволял себе передавать текст источника в какой-то мере и своими словами, даже при наличии кавычек.

С совершенной точностью (даже орфографии) передан текст посольских книг в издании «Путешествия русских послов XVI–XVII вв.» (1954) в серии «Литературные памятники». В статейном списке посольства в Швецию 1567 г. сообщается о том, что посол просил передать шведскому королю: «Нечто будет у него ссылка с некоторым недругом государя нашего, а хотя и учинит над нами которую хитрость, тем Московское государство безлюдно не будет»⁹³. (Любопытно, что в том же 1567 г. сам Иван Грозный в документе тоже внешних сношений — в послании от имени боярина И.П. Федорова гетману Г. Ходкевичу — использует термин «Московское царство»: «Также и того не бывало, што Литве Москву судити; полно, пане, вам и ваше месьцо справовати, але не Московское царство»⁹⁴.)

В списке посольства к турецкому султану 1570 г. неоднократно встречаем термин «московский государь», «московский»⁹⁵. В списке посольства Ф.А. Писемского в Англию 1582 г. имеется такое выражение: «...и быти б государству Московскому с Ангилейским государством с поможеньем всяким против всех своих недрузей общим заодно»⁹⁶. В статейном списке посольства в Англию Г.И. Микулина 1600–1601 гг. (возможно, составленном подьячим И. Зиновьевым) имеются словоупотребления «Аглинское государство», «Францовское государство», «Цесарское государство» («Цесарское государство от нашего государства далеко, и меж ими розошли многие государства»⁹⁷). В тексте, передающем «от королевы (Елизаветы I. — С.Ш.) речь», говорится о «государстве великого государя» Бориса Федоровича и о том, что он — «всеа Русии самодержец, богом избран, учинился на Московским государстве и на всех государствах Росийского царствия»⁹⁸.

Особенно часто встречаются термины «Московское государство» и «государство» применительно к другим государствам в статейном списке посла 1667 г. во

Францию П.И. Потемкина — следовательно, можно зафиксировать, по крайней мере, сто лет бытования такой терминологии в российской документации внешних сношений. Там встречаем и термины «Французское государство», «Наварское государство», «Ышпанское государство», «Персицкое государство», «ыные государства» («те товары из Французского государства повезут в Московское государство или в ыные государства...»). Написано и о «Московского государства купчинах», и о «судье Московского государства»⁹⁹. Показательны там и такие терминосочетания: «великое Московское государство», «Великое государство Московское»¹⁰⁰, послы «из великого Росийского царствия»¹⁰¹, «великие и преславные государства Росийского царствия».

В официальных документах внешних сношений, отправляемых в Англию, употребителен термин «Московское государство» и в первые годы после воцарения Михаила Федоровича, когда еще не вся территория, ранее подвластная московским государям, оказалась в их подчинении¹⁰², и в начале 1630-х гг. Так, в грамоте Михаила Федоровича Карлу I, датированной 16 декабря 1630 г., в рассуждении о событиях начала века читаем: о «панов рад польских и литовских перед Московским государством многих неправдах и разоренье», и тут же напоминание о том, как король Яков I поздравлял «нас, великого государя, на наших великих государствах Росийского царствия». В грамоте патриарха Филарета от марта 1632 г. речь идет о покупке англичанами хлеба «в Московском государстве» и о том, что «ныне в Московском государстве хлеб родился мало». В грамоте царя Михаила Карлу I от марта 1631 г. объявляется: «...у нас в Московском государстве многие рати; а к тому указали есмь наимовать ратных людей в вашем государстве шкоцких немец и в ыных в розных государствах»; в письме патриарха Филарета Карлу I от октября 1632 г., начинающемся словами «на ваших великих государствах нашего Смирения приятное поздравление», речь идет — и с неоднократными повторениями — о пребывании «в Московском государстве» задержанного иностранца¹⁰³.

В посольской документации в конце XVI в. встречаем и терминосочетание «Московское царство». Дьяк А. Щелкалов, принимая в 1593 г. крымских гонцов, говорил о «государя нашего Московском царстве»¹⁰⁴. Еще ранее, в 1588 г., в посольской книге так переданы слова едущего в Москву константинопольского патриарха Иеремии: «Пошел к тебе, ко государю, слышали: к твоей государеве державе, в Московском царстве...» А в передаче содержания грамоты Вселенского собора 1590 г., утверждавшего в России патриарха, — знакомый термин «Московское государство»: «...да будет новопоставленный патриарх Иов, и которые по нем будут в нашем великом Московском государстве, в царствующем граде Москве». Но тут же читаем: «И вперед поставлятися в нашем в великом Росийском государстве патриархом от митрополитов и архиепископов, от епископов и всего освященного собора нашего Росийского царствия...», и далее о молитве «в нашем Росийском царстве»¹⁰⁵. Подобное многообразие близких по значению терминов — одна из примет нарративных памятников конца XVI – первой четверти XVII в.

В Посольском приказе составляли и хранили описи находившихся там документов. Описи 1614, 1625, 1673 гг. опубликованы, и можно выяснить, как использовался термин «Московское государство» в архивном делопроизводстве. В описи Царского архива начала 1570-х гг. не находим еще этого термина. Но в описи архи-

ва Посольского приказа 1614 г. встречаем его не один раз: в описании грамот бухарского хана Ивану IV «о торговых людях, чтоб повольно было ездить в Московское государство и назад из Московского государства», в описании грамоты дожа Венеции 1582 г. о том, что «он писал ко всем своим людям, чтоб не наимовались против Московского государства людей на войну». Там хранились и «запись договорная» 1609 г. гетмана Жолкевского «з бояры», «как обрали на Московское государство королевича Владислава», и «столп аглинской — 121-го и 122-го году» (т.е. столбец 1613–1614 гг. — С.Ш.) о приезде в Архангельск посла «от аглинского Якуба короля Московского государства к митрополитом, и ко всему освященному собору, и к бояром, и ко всем людям Российского царства» (показательно, что оба наименования — «Московское государство» и «Российское царство» — в одной статье архивного описания!). Любопытно, что в той же описи имеется и словонаписание «Московское царство», причем рядом с описанием грамот «государям московским», где именно так назван «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси»: «...книги, а в них писано начало, как пишетца к великим государем московским блаженные памяти к великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, писаны грамоты от римского цесаря; и как писаны грамоты от московских государей к римским цесарем и в иные розные государства и из государств. Да в той же книге венчанье блаженные памяти царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси на царство Московское в 64-м году»¹⁰⁶ (т.е. в 1555/56 г. — либо ошибка в дате, что более вероятно, либо указание на какое-то малоизвестное событие государственно-политической биографии Ивана Грозного).

Знакомясь с описями Посольского архива 1626 и 1673 гг., детально изученными В.И. Гальцовым, подготовившим их к печати под редакцией автора настоящей книги, убеждаемся в том, что терминосочетание «Московское государство» все прочнее утверждается в делопроизводственной терминологии. Оно — и в описании грамоты папы римского 1584 г., грамоты панов рады польского короля Стефана Батория, договора польских послов 1585 г. И отнюдь не только при описании сношений с Речью Посполитой и стоявшей за ее спиной папской курией, но и в «выписке из аглинских книг 91-го» (т.е. 1582/83 г. — С.Ш.), «сколь давно аглинским гостем велено приезжать в Московское государство», и даже в «выписке, как учинился на Московском государстве царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси и в те поры посланы посланники государство ево обестить в розные государства»¹⁰⁷ (в этой фразе характерное употребление слова «государства» в значении и утверждения во власти, и государства-страны). Постоянно словоупотребление «Московское государство» в описании документов новейшего времени — уже XVII столетия. При этом особенно интересно описание грамоты о венчании на царство Михаила Романова: названа и грамота 1613 г.: «...како брали на Московское государство» его, и там же «чин царьского поставленья, как венчаютца на Российские государства царским венцом и диадимою цари и великие князи...» Термин «Российские государства» и здесь, и в описании поставления патриарха в 1589 г.¹⁰⁸ — во множественном числе. Очевидно, это все государства (т.е. и «царства» Казанское, Астраханское, Сибирское), упоминаемые в полном царском титуле.

В описи 1673 г. первым описан чин венчания «на превысочайший престол великого Российского царствия царским венцом и диадимою», а затем «чин поста-

новления на патриаршеский престол святейших патриархов в великом Российском царстве», книга с гербами «Российского государства» и «книга о избрании на пре-высочайший престол великих Российских царств» Михаила Романова — это знаменитые лицевые рукописи начала 1670-х гг., подготовленные под руководством А.С. Матвеева¹⁰⁹. Но там же читаем и такой текст: «В той же книге в конце написано венчание великого князя Ивана Васильевича всея Руси на царство Московское» в 1547 г., и в описании грамоты об избрании на царство Михаила — словоупотребление «обрали на Московское царство»¹¹⁰. О проезде имперских послов в 1600 г. (в Иран) и в 1672 г. (в Китай) написано одними и теми же словами — о «пропуске через Московское государство»¹¹¹. Россию и конца XV в., и конца XVI в. называли в годы правления царя Алексея Михайловича «Московским государством»: в описи узнаем о «книжице 6993-го году», т.е. 1484/85 г., упоминающей о полученной от Ивана III грамоте греком Юрием, отправленным в Венецию и в Рим «приговаривать в Московское государство лекарей, да пушечного и серебряного дела мастеров, да каменщиков добрых, чтоб которые умели церкви и полаты строить»¹¹². Так же переводится и название упоминавшейся уже книги Гваньини о времени Ивана Грозного: «Хроника Александра Гвагнина на польском языке: описание Короне Польской и княжеству Литовскому и государству Московскому и части татаров»¹¹³.

По архивным описям известно, что в архиве Посольского приказа находились и картографические материалы — карты («чертежи») и «рописи» их. Составленный на их основании «в давних летех при прежних государях» «Большой чертеж» был в 1626 г. в архиве Разрядного приказа и уцелел во время страшного пожара того года. Карты эти не сохранились, но описания («рописи») карт и работы над ними содержат ценную информацию в интересующем нас плане. Вместо обветшавшего «Старого чертежа... всего Московского государства» поручено было, «приме-ряя к тому старому чертежу, в тую же меру сделать новый чертеж всему Московскому государству». Следовательно, и прежний — «старый» — чертеж, время составления которого относят обычно к XVI в. (это, видимо, тот самый «чертеж земли Московской: наше царство из края в край», о котором идет речь в «Борисе Годунове» А.С. Пушкина — в сцене с царем и его детьми в царских палатах), и «новый» 1620-х гг. имели название «чертеж всего Московского государства». И в поздней неофициальной редакции 1679 г. он назван «Чертеж всему Московскому государству». В «старом» чертеже были данные и о южных землях, и о Сибири, хотя сведения о ее территории не простирались далее р. Оби. Как явствует из предисловия к «Книге Большому чертежу», рассчитывали, что будет сделан чертеж Сибири по р. Енисею. Заголовок одной из редакций (а все рукописи внимательно изучены К.Н. Сербиной) — «описание всего Московского царства градом и рекам и дорогам чертеж»¹¹⁴. Таким образом, наименование «Московское государство» и в конце XVI в., и через столетие в этой официальной документации относили ко всей территории, подвластной царю.

Термин «Московское государство», безусловно, был употребителен в документации учреждений, не ограничивавших свою деятельность сферой внешнеполитических отношений, военной службой. Применительно к явлениям преимущественно внутренней политики обнаруживаем такое терминосочетание в документа-

ции, введенной в научный обиход еще изданием в 1830-х гг. Актов Археографической экспедиции (ААЭ): в первом томе напечатаны таможенные откупные грамоты времени царя Федора, где читаем о волостях, городах, людях, товарах «Московского государства» (правда, там речь идет о «людях» и «Московского государства», и «Ноугородские и Псковские земли») ¹¹⁵.

«Московское государство» — термин деловой письменности агитационного характера межгородской переписки начала 1611 г. и документации Первого ополчения, напечатанной во втором томе ААЭ. Грамота, отправленная из Смоленска, начинается обращением: «Господам братьям нашим всево Московского государства», и там не раз повторяется призыв действовать так, чтоб «литовские люди из всее земли Московские вышли», «Московскою землею» не владели. Нижегородцы призывали «Московскому государству помочь... докаместа Московского государства и окрестных городех Литвы не овладела». В грамоте из Рязани, адресованной нижегородцам, лозунги: «Стаяти за Московское государство — заодин», «За Московское государство... стояли вместе». А воззвание москвичей начинается так: «Пишем мы к вам, православным крестьяном, общим всем народом Московского государства...», и в его тексте слова — «вся нашедшая пагуба на все Московское государство» ¹¹⁶.

Н.Ф. Дробленкова показала фразеологическое сходство московской и смоленской грамот и, вслед за С.Ф. Платоновым, усматривает стилистическую близость их со школой письма в Троице-Сергиевом монастыре ¹¹⁷, следовательно, это терминология, свойственная речи (вероятно, не только письменной, но и устной) и посадской и церковной среды. В то же время нельзя не отметить, что в грамоте, написанной в Казани, встречаем и такую формулировку: «Вся земля Казанского государства», и вятчане пишут в Пермь о грамоте, которую им «ис Казани бояря, и воеводы, и дьяки, — и всего Казанского государства прислали», а чуть выше упоминают, что целовали крест «бояре и воеводы, и дьяки, и вся земля Казанского государства» ¹¹⁸. А когда образовалось Первое ополчение П.П. Ляпунова, грамоту о «защите всей земли Московской» от 11 апреля 1611 г. послали от имени «всей земли» «Российского Московского великого государства» ¹¹⁹. Объединение в одном терминосочетании определений «Российское» и «Московское» показательны для образа мысли тех лет.

«Всероссийская» значимость понятия «Московское государство» явственно ощущается в законодательных памятниках, напечатанных в книге «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века». В известном Уложении 1 февраля 1597 г. о холопстве общее положение формулируется так: «Московского государства всяким людем холопьи имена и на них крепости всякие записывати с нынешняго нового уложенья безсрочно». Но затем следует важное для нас разъяснение: в «ближних городах» крепости писать на год, а тем, «которые на государевых на далных службах, в Астрахани, и на Тереке, и на Сушне, и в Сибирских городех, и на Таре», — на три года ¹²⁰. Тем самым утверждается, что и окраинные города царских владений тоже относятся к территории «Московского государства». Указ 1601 г. о разрешении служилым людям вывоза крестьян содержит формулировки об этом пожаловании царя и его сына «во всем своем Московском государстве». В указах 1619, 1620, 1623 гг. читаем уже о «всех

людях», «всем православном крестьянстве» «Московского государства», о приговоре, принятом царем по совету с патриархом, освященным собором, «и из бояры, и с окольниковыми, и со всеми людьми нашего Московского государства». В другом указе 1623 г. — о собирании «со всего Московского государства» у духовенства грамот всех «прежних государей»; в Соборном приговоре 1649 г. — об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян, со ссылкой на Соборное уложение, — говорится о «нашем Московском государстве»¹²¹.

В предисловии к Соборному уложению 1649 г. задача его составителей сформулирована так: «...чтобы Московского государства всяких чинов людем от болшаго до меншаго чину суд и росправа была во всяких делах всем ровна». В Уложении термин «Московское государство» обозначает наименование государства, кодексом законов которого является этот памятник права. В главе VII этот термин даже в заголовке — «О службе всяких ратных людей Московского государства». Однако в том же предисловии читаем: «...указал государь то все Уложение написать на список и закрепить тот список... людем Московского государства и всех городов Российского царства»¹²².

Терминосочетание «Московское государство» постоянно встречаем в документах, связанных с созывом и деятельностью земских соборов, но, правда, только в XVII столетии. В соборном же определении об избрании царем Годунова в 1598 г. читаем о «всех государствах Российского царствия» и о том, что стало «безгосподарно Российское царствие» и должно избрать «государя на царство и великого княженье Московскаго и на все государства Российского царствия самодержца». Термин «Московское государство» встречается в приговоре 30 июня 1611 г. земского собора Первого ополчения, когда «Московского государства разных земель» люди под Москвой «выбрали всею Землею» правительство; в грамоте указывается на разорение «Московского государства»¹²³. Окружная грамота кн. Д.М. Пожарского 1612 г. призывает «все города Московского государства» прислать «для общего земского совета на Московское государство государя... выбирать»¹²⁴.

Особенно интересна грамота собора февраля 1613 г. о наречении царем и великим князем всея Руси Михаила Романова, тем более что содержание и формулировки ее цитируются и во многих историко-литературных произведениях первой трети XVII в., а также и учеными в связи с рассмотрением вопроса о наименовании государства. В самом начале грамоты находим и словоупотребление «Российское царствие» (о молитвах святых заступников, «просиявших» там), и «Московское государство», и «Российское государство» («писали во все города» его). Задача «земского совета» — «выбрати на Владимирское, и на Московское, и на Новгородское государства и царства Казанское, и Астраханское, и Сибирское, и на все великия Российския государства» «государя, царя и великого князя, всея Русии самодержца». Все «для государскаго обирания в Московское государство, в царствующий град Москву на совет съехались» и получили благословение «Московского государства и всех городов всего великаго Российскаго царствия» иерархов. Далее повторяются подобные же терминосочетания, но преобладает термин «Московское государство»¹²⁵. Это и понятно, так как на «земском совете» присутствовали преимущественно те, кто жил на именно так называемой части территории огромного «Российского царствия». Но избран был Михаил Романов государем все-

го «Российского царствия», а не «лишь на Московское государство Российского царства», как полагает А.Л. Хорошкевич¹²⁶.

В грамотах земских соборов и о земских соборах XVII в. — словоупотребление «Московское государство»; но наряду с ним и другие («Великое Российское государство», «Великие Российские государства», «Великое Российское царствие» в документах 1613, 1616 гг.). В грамотах о соборе 1619 г. излагается приговор со «всеми людьми Московскаго государства» и формулируется задача «устроить бы Московское государство, чтоб пришло все в достоинство». Согласно грамотам собора 1621 г. и собора 1639 г., «всяких чинов люди всего Московского государства» обсуждали вопросы о взаимоотношениях «государства Московского» с Польско-Литовским. В документе Земского собора 1642 г., рассматривавшего вопрос о судьбе Азова, читаем: «...турские люди хотят идти... в Московское государство войною» (впрочем, в документации того же собора находим и наименование «Всероссийское государство»). В документах Земского собора 1651 г. — такие выражения: «всякие люди Московского государства», «титлы Московского государства», «война на Московское государство»; в документе Земского собора 1653 г. — «Московскаго государства всякие чины», «титлы Московскаго государства»¹²⁷.

Следовательно, для обозначения владения, «государства» «государя, царя и великого князя, всея Руси самодержца» не было устойчивой терминологии, обязательного единого термина (кроме, конечно, случаев написания титула государя в официальной документации), особенно в просторечии (как позднее и в фольклоре, где распространен был сказочный зачин: «В некотором царстве, в некотором государстве...»).

В то же время очевидно и то, что приводимые выше термины и не во всем тождественны. Так, содержание термина «Московское государство» не поглощает содержания термина «Российское государство» (тем более — «Российские государства»). Под «Московским государством» (особенно под термином «все Московское государство») подразумеваются и все владения царя, т.е. в термин вкладывается «всероссийский» смысл; но иногда обнаруживается территориальная ограниченность термина «Российское государство» (только «Московская земля»). А термин «царство» — особенно с оттенком официально-торжественным — шире термина «государство». (Как, впрочем, и в «Словаре современного языка», особенно если привносится элемент метафоричности: «зеленое царство», «царство холода», «царство красоты и вкуса», «царство нищих и рабов», как в поэме «Русские женщины» у Н.А. Некрасова, и т.д.).

Такая недостаточная определенность государственно-политической лексики в России XVI–XVII столетий (или, быть может, неуясненности ее нюансировки учеными XX в.?) обнаруживается даже у практика делопроизводства Посольского приказа, видимо, знакомого и с литературой той поры, Григория Котошихина. Написанное в Швеции его сочинение о России 1660-х гг. начинается с объяснения того, как «в Российской земле началось царствование»: Иван IV завоевал Казанское, Астраханское и Сибирское «царствы», пленил их «царей, с их государствы и з землями» «и с того времени учинился... над Московским государством, и над теми взятыми царствы, и над прежними княжества царем и великим князем... всея Руси». После его смерти «на Московском царстве учинился царем» Федор Ивано-

вич, который был «на Московском государстве зело тих и боголюбив... и некоторому велможу, зовомаго Борис Годунов, перваго конюшого боярина, учинил над государством своим во всяких делах правителем... и боярин, правивше государством неединолетно, обогатился зело...» Затем Годунов «на Московском царстве учинился царем», и вскоре «в Российском царстве начало быть в людях смятение», Дмитрий Самозванец («лживой царь») «достал Московское государство под свое владение и был царем... и в Российском государстве учал было заводить веру папжскую... царствовал неистинно». После того «на Московском царстве был» Василий Шуйский. Когда «учинился царем» Михаил Федорович, Филарет «при его царстве бысть на Московском государстве патриархом». Здесь же отмечено, что царевич Дмитрий, брат Алексея Михайловича, «уродился нравом» в «первого московского царя» Ивана Грозного.

Характеризуя деятельность Стрелецкого приказа, Котошихин замечает, что там собирают жалованье стрельцам «со всего Московского государства», а также и «Новгородского и Псковского государства и Казани, и Астарахани, и Сибири». В главе «О владетьстве царств и государств, и земель, и городов, которые под Российским царством лежат, и тех государств о воеводех» названы «Великий Новгород, царствы Казанское, Астараханское, Сибирское, государство Псковское, княжества Смоленское, Полотцкое, и тех государств в первые города посылаютца воеводы», но «без указа» из Москвы они «великих дел делати и докончати не смеют». Далее Котошихин разъясняет, что пишется «титла Великия и Малыя и Белья Росии самодержец не изтари» — и «Великою Росею прозвано Московское государство», а «Белая Росия — белорусцы, которые живут около Смоленска и Полотцка и в иных городех»¹²⁸.

Таким образом, сочинение Котошихина тоже подтверждает то, что термин «Московское государство» употребляется для обозначения и всего государства, и части его, когда напоминали о том, что «Российское царство» состоит из разных «царств» и «государств». Но при этом именно Московское государство казалось главным в Российском царстве и настолько все определяющим, что царя и великого князя, «всей Русии самодержца», называли именно «московским царем».

Особенно показательно то, что знаменитый А.Л. Ордин-Нащокин, который был не только знатоком языка делопроизводства, но и одним из создателей его официальной терминологии, однозначно употребляет в своих автобиографических материалах 1670-х гг. терминосочетание «Московское царство» («царство Московское»)¹²⁹.

Еще более заметно совмещение понятий «Московское» и «Российское» в словаре и фразеологии литературных памятников. Это отражает, по существу, и реалии государственно-политической жизни, и то, что в общем сознании не придавали слишком большого значения таким элементам государственно-политической терминологии. Жесткие нормативы терминологии вообще не были свойственны менталитету русского общества XVI–XVII вв., что, думается, в какой-то мере объясняет и характерное для той поры отсутствие единообразия в употреблении (не говоря уже о написании) даже распространенных терминов лексикона государственно-политической сферы жизни в сочинениях, дошедших до нас в разных редакциях (и даже списках одной редакции).

Это нетрудно обнаружить при сравнительном ознакомлении с памятниками конца XVI – первой трети XVII в. Даже если ограничиться наиболее известными — и прежде всего напечатанными в подготовленном С.Ф. Платоновым XIII томе «Русской исторической библиотеки» («Памятники древнерусской письменности, относящиеся к Смутному времени») и в книге «Конец XVI – начало XVII века» многотомного издания «Памятники литературы Древней Руси» (под редакцией Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева).

Выявляется раннее вхождение в речевой оборот терминов «Московское царство» и «московский царь» — еще у Ивана Грозного и Курбского. В направленном от имени своего боярина послании великому гетману литовскому в 1567 г. Иван IV употребляет терминосочетание «Московское царство», а Курбский Третье свое послание назвал «отвещанием цареви великому московскому» — 1579 г. (оба факта были отмечены уже в предшествовавшем тексте).

Характерно, что и в словаре Ивана Грозного-писателя не было единообразия в наименовании подвластного ему государства в посланиях Курбскому: «Российское царство», «Российское царствие», «Руское царствие», «Российская земля» (правда, это не только в текстах, переписанных в XVII в., но и в подлинной документации XVI в., «Российское царствие» в послании шведскому королю 1573 г.); «Российского царствия и иных многих государств и царств скифетродержатель...» в послании польскому королю 1581 г., но и «Московское государство» в послании английской королеве 1570 г. и «Московское царство» в послании 1567 г. в Польско-Литовское государство¹³⁰.

То же наблюдается в лексике «Казанской истории» — произведения, созданного, видимо, в 1560-е гг., но редактировавшегося в конце XVI – начале XVII в. и повсеместно распространившегося¹³¹. Там встречаем и такой текст: «Изначала же и исперва едино царство и едино государство, едина держава Руская»¹³² (что подчеркивается таким набором слов — различие или тождественность терминов? Не отражает ли это «условные литературные вкусы века», о чем писал более ста лет назад С.Ф. Платонов?¹³³). Находим термин «Московское царство» в описании событий еще 1487 г.; о начале правления мальчика Ивана IV читаем: «...восприимник бысть по отце своем во всей Русьской земли державе великаго царьства Московскаго»; Казань «великому царьству Московскому... повинуюся»¹³⁴; Ивана IV называю «московским царем».

Интересен для наших наблюдений компилятивный летописец частного происхождения первой четверти XVII в., известный под названием Пискаревского (по имени владельца рукописи в XIX в.).

Записи о событиях со второй половины XVI в. основаны на припоминаниях современника или даже впечатлениях очевидца-москвича. По мнению М.Н. Тихомирова, здесь «живая, почти простонародная речь», слышен московский говор XVII в.¹³⁵ В летописце постоянное употребление словосочетаний «Русская земля», «вся Руская земля» (но и «Немецкая земля», «Сибирская земля»). Рюрик — «первоначальник Руской земле», а царь Федор — «последнее светило Руской земле»¹³⁶. Иван Грозный Семюна Бекбулатовича «сажал на царьство Московское», а сам звался «Иван Московский», и челобитные писали так же, и сделал это, как «говорили нецьи», потому что волхвы предсказывали, что «в том году будет... москов-

скому царю смерть»¹³⁷. Неоднократно встречаем и термин «Московское государство»: с Мнишками самозванец договаривается, «как он будет на Московском государстве»; намеревались «все государство Московское в одну веру римскую всех привести», но рядом и о том, что Марине обещали дать «два великий государства — Великий Новгород да Псков»; и «Заруцкий хотел жениться на Марине, «и сести на Московское государство, и быти царем и великим князем»; К. Минин «почал советовати... с нижегородцы... како бы им пособити Московскому государству»; туда начали съезжаться «со всего Московского государства» и обсуждали, «ис каких чинов Московского государства» «на Московское государство царем не обирати»¹³⁸. Но в «записи» Василия Шуйского, «на которой он крест целовал», читаем: «учинился... на отчине прародителей наших на Российском государстве царем и великим князем...», «будучи на престоле Российского царствия» — и вслед за тем: «...на Московское государство иного государя из иных государств и ис своих никакова не хотети и не искати»¹³⁹. А в конце летописи, в разделе, озаглавленном «Царство государя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси», читаем: «во всем народе Руския земли глас глаголющъ», «прияти скипетр Руския державы Московскаго государства Михаилу Федоровичи»¹⁴⁰.

Небезынтересно отметить, что в повести о житии царя Федора Ивановича, написанной патриархом Иовом в годы царствования Бориса Годунова, нет словосочетаний «Московское царство» и «Московское государство» — там термины «великое Росиское государство», «Русийское государство», «Российское царствие», «Российская держава», «царский престол Великая Росия»¹⁴¹. Видимо, распространение терминов «Московское царство» и «Московское государство» в годы, когда у власти был Б.Ф. Годунов (с 1584 г. правитель государства при царе Федоре, затем царь), связано в большей мере с его деятельностью (или даже инициативой) и писарской практикой московских приказов, чем с деятельностью патриарха и духовенства из его окружения.

Написанная в начале 1611 г. агитационная повесть, оформленная как грамота-воззвание, призывающая к изгнанию интервентов и действительно по фразеологии своей близкая к документам межгородовой переписки накануне образования Первого ополчения (о котором речь шла выше), начинается словами: «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском...» Повесть известна только по копии 1630–1640-х гг. в сборнике, включающем и главы «Сказания» А. Палицына, составленного в Троице-Сергиевом монастыре, — значит, и к середине XVII в. троицким писцам совмещение терминов «Российское царство» и «Московское государство» в схожем значении в одном заголовке казалось вполне допустимым. Хотя в тексте повести не употреблен термин «Московское государство» — там термины «наше Российское государство», «Российское великое государство», «Российское царство», «великое Российское царство»; о Москве написано как о «матери градовом Российского царства»¹⁴².

В созданном, по-видимому, в 1612 г. «Писании о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина» встречаем словосочетания и «Московское государство», и «Московское царство»¹⁴³. Тогда же сочинен «Плач о пленении и о конечном разорении превысокаго и пресветлейшаго Московскаго государства», где читаем и о «врагах Московского царства», и в первой

же фразе о «падении... превеликия России»¹⁴⁴, заголовок псковской летописной повести — «О смятении и междоусобии и отступлении пскович от Московскаго государства...»¹⁴⁵.

Хронограф 1617 г. начинается с напоминания о царе Федоре, он якобы «благословил... и приказал быти по себе на престоле Московскаго государства Руския земли» боярину Ф.Н. Романову, который «возприим скифетро Росийскаго царствия»; затем рассказывается о том, что Борис Годунов «престол царства великия державы Русския возхити», что он совершил «во свое царство в Русийском государстве» и как он имел «мысль от семени своего воцарствити на престол царства Русскаго». И Бориса, как и Ивана IV, называют «царем московским». Рядом указано, что Борис Федорович «был на Московськом государстве... и по нем сяде на государство Московское» сын его, который только «два месяца бысть на Московском государстве». Самозванец стремился занять «престол Московьского государства», и ему помогали «доступати государства Московскаго». О Василии IV написано, что он «царствовал» «на Московьском государстве». Показательно название главки «О боярском державьстве Московьскаго государства», когда после свержения Василия IV «прияша власть государства Русьскаго семь московских бояринов», которые помыслили «на Московьское государство литовьского королевича... призвати», «седмочисленныя же бояре Московьския державы и всю власть Русьския земли предаша в руце литовьских воевод». Кончается изложение описанием того, как призвали «на престол царствия Московьскаго государства» Михаила Федоровича, который «приемлет богопорученное ему Московскаго государства скифетродержание» и украшает опустошенное «преславное же и великое место и многонароднаго христианства селение, еже есть мати Русьским градовом Москву»¹⁴⁶.

Среди произведений большого объема устойчивое употребление лишь одного термина «Московское государство» находим в знаменитом «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева, где этот термин в заголовках даже двух главок: 4-й — «Богупустное на Московское государство ростригино беззаконное царство» и 10-й — «О вдовстве Московскаго государства»¹⁴⁷, и в недавно изученном Г.П. Енинным сочинении «Повесть о победах Московскаго государства»¹⁴⁸.

В «Сказании» Авраамия Палицына встречаем словоупотребления и «Росийское государство» («Росийская держава»), и «Московское государство» («Московская держава»), по существу, как тождественные. И в то же время термин «Московское государство» может означать и наименование одного из государств Росийской державы. Особенно заметно это в описании избрания Михаила Романова на царство — самодержцем «на Московское государство и над прочими государствами Росийская державы», когда он «восприим скипетр Росийская державы многих государств»¹⁴⁹. То же обнаруживаем в тесно связанном с сочинением Палицына «Ином сказании» — «Московское царство», «Московское государство», «Московское государство и все государства Росийского царствия», но показательна концовка, где отмечается, что «царствова» Михаил Федорович «на Московском государстве» и сын его Алексей «венчан... на царство Московскаго государства»¹⁵⁰.

Схожая нечеткость терминологии и в летописной книге, автором которой ранее считали кн. И.М. Катырева-Ростовского, а теперь — кн. С.И. Шаховского¹⁵¹.

Она начинается словами: «Царство Московское, его ж именуют от давних век Великая Россия»¹⁵². В тексте, по существу, в тождественном значении используются термины «Московское государство» и «Российское государство» (в частности, в близких по смыслу фразах: Иван IV царем «Российскаго государства прозвася», «царский род на Российском государстве» пресекася, сын Б.Ф. Годунова заявил, что он «царь хочет быти Московскому государству» вместо отца своего), а о Василии Шуйском написано: «...бысть царь Московскому государству и всей Великой России», в другой редакции: «Московскому государству и всеа Руси»¹⁵³. То же наблюдаем и в употреблении терминов «Московское царство» и «Российское царство» («скифетр Российского царства», о самозванце: «и нача владетельно держати Российское царство», и почти тут же «боляре же и начальницы Московского царства», «царский корень ото Августа кесаря на Московском царстве пресекаем»; ополчение отправляет послание «во все грады Московского царства...» об избрании «царя Московскому царству») ¹⁵⁴.

Показательна лексическая и смысловая близость фрагментов текста об утверждении во власти Б.Ф. Годунова: «...утвердися рука Борисова на всем народе Российского царства», в другой редакции: «...утвердися рука Бориса оного на всенародном множестве Российскаго царствия»; после венчания царским венцом: «потом утвердися рука его на всем Московском царстве», в другой редакции: «потом утвердися рука его на Всероссийския власти»¹⁵⁵. Или такой текст: «...начальников всего Московскаго Российскаго царства и воевод... подручны себе учини». В заголовке читаем: «...О избрании на царствующицх градъ Москву и на все Российские государства царя Михаила Федоровича»¹⁵⁶.

В «Книге глаголемой Новый летописец» начала 1630-х гг., официального происхождения, явное преобладание терминов «Московское царство» и «Московское государство» (даже в заголовках глав), но есть и термин «Российское государство», и отмечено традиционно, что Михаила Федоровича (о котором написано: «...люб всем на Московское государство») избрали, «хотящу утвердити на Российскомъ государстве благочестивый корень», «на Московское государство и на все Российския царства»¹⁵⁷. «Новый летописец» (где излагаются события с конца царствования Ивана Грозного до 1630 г.) составляли в окружении патриарха Филарета, видимо, по его же заданию, используя и предшествовавшие летописи, памятники литературно-исторической публицистики Смутного времени, документацию архивов Посольского и Разрядного приказов. Большинство исследователей полагают, что составитель был из среды духовенства. Новый летописец — одно из самых распространенных исторических сочинений допетровской эпохи¹⁵⁸, и оно не только отражало, но и определяло лексику современников. А. Палицын, С.И. Шаховской, а также, можно думать, и составитель «Нового летописца» — из круга литературно образованных лиц, деятельно участвовавших в общественной жизни. Они были несомненно знакомы и с памятниками письменности (причем и с литературными произведениями, включая историческую публицистику, и с делопроизводственной документацией), и с устной проповедью. Фразеология их сочинений — это лексика лиц и их социокультурного статуса и тех, кого рассчитывали иметь читателями своих сочинений. Следовательно, в письменной речи той среды отсутствовала, если можно так выразиться, терминологическая дисциплина.

И такого рода лексическая ситуация сохранялась в течение всего XVII столетия. Тожественное значение вкладывалось в термины и «Московское государство», и «Московское царство» (как в «Повести об Азовском осадном сидении» 1642 г.). А терминосочетания «Российское государство (царство)» и «Московское государство (царство)» продолжали сосуществовать, имея во многом тождественное значение, при постепенно большем, пожалуй, утверждении в речевом обиходе термина «Московское государство».

В этом убеждает рассмотрение в интересующем нас плане летописцев последней четверти XVII в., опубликованных в 31-м томе ПСРЛ. В Мазуринском летописце под 1584 г. читаем о «подданных царства Московскаго» и что Федор «восприим скипетр Росийскаго царствия», а Иван IV перед тем ощутил, «яко не могуща управляти Росийскаго государства державство». В последующем изложении преобладает термин «Московское государство» («Московского государства бояре»; «град Смоленск... делаща многими городами Московскаго государства»; «выбрали на Московское государство царем» В.И. Шуйского; о Михаиле Романове: «возопиша велегласно, что люб нам на Московское государство»; о Поляновском мире 1634 г.: «государства Московскаго и Литовскаго людем быти... мирным навеки»; о комете 1681 г.: «на Московском государстве бысть знамение велие... звезда... хвост у нее велик», и «мудрые люди» толковали, «что та звезда на Московское государство стоит хвостом не к доброму делу... Также и збысться в Московском государстве: от стрельцов и от салдатов учинилося смятение великое»; после смерти Федора Алексеевича «того же часу избрали на Московское государство царем брата его государева, меньшова» Петра¹⁵⁹).

Однако термином «Московское государство» обозначали и управление, владение Москвой — пожалуй, так следует понимать его употребление при описании восстания в августе 1682 г.: «А на Москве в то время от стрельцов и от салдатов было волнение великое, владели всем Московским государством стрельцы, что хотели, то делали. С какими государскими обиходы к великим государем х Троице пойдут, и они не пропускали, ворочали назад. И всеми приказы около Московского государства по Земляному валу короулили накрепко...»¹⁶⁰

Подобные же неустойчивость и многообразие терминологии обнаруживаем и в Летописце 1619–1690 гг.: Алексей Михайлович «восприя царский престол Московскаго государства»; в 1667 г. — «всенародное сетование в Московском государстве» в период восстания С.Т. Разина, «во градех всяя Росийския земли бысть всемирное сетование и мятеж», «донской казак Стенка Разин возмутил Московским государством и всею Росийскою землею со единомышленики своими... пришел ко Астраханскому государству»; Федор Алексеевич «восприя Московское царство»; в дни волнений 1682 г. возмутители стремились «в Московском государстве царев синглит обругати»; избрали «в Московском государстве... царствовати двум царем и самодержцем», но рядом о молитвах «святых, просиявших в государствах Великоросийского царствия»¹⁶¹. Однако опять-таки и совсем узкое значение места «государствования» в Москве (как о том же событии в Мазуринском летописце) — в дни Московского восстания лета 1682 г.: «великим же государем шествующим тогда... в поход в село Коломенское; во дворе же царском, в Московском государстве оставлен бысть по обычаю боярин князь Иоанн Андреевич Хованской ради сохране-

ния царского дому». Быть может, в таком смысле должно истолковывать и термин сообщения о ярославце Ивашке Бизяеве, который повинился в том, что «хотел своровать, выжечь Московское государство и возмутить всем царством»¹⁶².

Возможно, что уже в XVII в. обнаруживается схожая ситуация и в лексике исторических песен, т.е. и устного народного творчества. В древнейших записях народных песен, сделанных англичанином Ричардом Джеймсом в 1619–1620 гг., фигурирует термин «Московское царство»: и в песне о нашествии крымских татар в 1572 г., и в песне о событиях совсем недавних — о возвращении патриарха Филарета из польского плена в 1619 г. (в этой песне уже усложненное определение: «царство Московское и вся земля Святорусская»¹⁶³). Термин «Московское царство» — в песне о взятии Казани (где обретение Иваном IV титула царя объясняется тем, что он «снял» царские регалии казанского хана — «царя»; «и в то время князь воцарился / И насел на Московское царство»¹⁶⁴). Но в нескольких песнях фигурируют рядом наименования и «Московское» и «Российское» («к сильну царству Московскому, государству Российскому» — в песне о Ермаке; «сильна царства Московского и великого государства Российского» — в песне о Скопине-Шуйском; «Посреде ль было Московского царства, / Среди было Российска государства» — в песне о взятии Смоленска в 1654 г.)¹⁶⁵, при этом показательно то, что собственно «царство» называется Московским.

Такое разнообразие лексики, обозначающей интересующие нас явления, понятия, термины государственно-политического (и одновременно и историко-географического) характера, почувствовал Пушкин, знакомый не только с трудами историков, но и с памятниками древнерусской письменности. Уже отмечено выше, что Пушкин воспользовался словосочетанием «Московское государство». Он мог его обнаружить и в «Истории» Карамзина, и в безусловно известной ему, изданной дважды Н.И. Новиковым так называемой «Летописи о многих мятежах», где даже в заголовке читаем: «О настоящей беде Московскому государству, о Гришке Отрепьеве»¹⁶⁶. В тексте трагедии «Борис Годунов» нет словосочетания «Московское государство». Но в 23 сценах этой драмы немало терминов близкого значения*.

И «Россия» («гробы почивших властителей России» — IV, 20–21; «погибель иль венец мою главу в России ожидает» — XIII, 82–183; «Россия и Литва» — XXI, 3; X, 97), и «Русь» (о правлении царя Федора: «Русь при нем во славе безмятежной утешилась» — V, 131–132; «Литва и Русь, вы, братские знамена...» — XI, 26; «Святая Русь! Отечество!...» — XIV, 2; «Вот наша Русь... твоя Москва» — XIV, 24, 26, 30), и «русская держава» — XIII, 66. Самозванец называет себя «русским царевичем» (XIII, 194), но, обдумывая разговор с Мариной, воображает: «как назову московскою царицей» (XIII, 15), и Марина готова отдать «руку наследнику московского престола» (XII, 77); сам самозванец говорит о доблестях, «достойных московского престола» (XIII, 126), который и Вишневецкий и Марина называют «троном мос-

* При цитировании в скобках отмечается римскими цифрами порядковый номер сцены (автор оставил их без нумерации), арабскими цифрами — порядковый номер строчки, указанный в подготовленном к печати Г.О. Винокуром тексте трагедии в VII томе академического Полного собрания сочинений А.С. Пушкина, изданном в 1935 г. (Это — единственный вышедший из печати том таким образом подготовленного издания¹⁶⁷.)

ковским» (XIII, 7, 208), а Курбский восклицает: «Сей добрый меч, слуга царей московских» (XIV, 9); а также передают слова Отрепьева: «буду царем на Москве» (VI, 12–13). Басманову предлагается от имени самозванца «первый сан по нем в Московском царстве» (XXI, 4) — небезлюбопытно, что такая фраза вложена в уста Пушкина. Показательно представление о территории этого «царства», выраженное в словах царевича Федора, обращенных к отцу:

Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

(X, 18–22)

То есть «землей московской» Пушкину представлялась вся территория «царства» — и центральная, и окраинные земли, выделяемые в царском титуле как особые государственные образования.

Такого рода наблюдения, как и множество подобных о языке Пушкина, используют обычно для подтверждения общепринятого положения о необычайном богатстве словаря пушкинского языка, обилии словообразов, глубоком проникновении Пушкина в дух речи и прошлых времен. И это признается, естественно, одной из достойных высокой оценки черт богатой творческой натуры Пушкина.

Не правомерно ли иметь подобный подход и к языку авторов XVI–XVII вв.? И, отметив очевидную близость языка «делового» и литературы той поры (это положение обосновано в трудах Д.С. Лихачева и других филологов), рассматривать многообразие терминов и неустойчивость норм словоупотребления политонимов как признак богатства древнерусского языка. М.В. Ломоносов писал о «богатстве и сильной в изображениях краткости» нашего языка, восхищенно сравнивая его с другими языками, еще в середине XVIII в., т.е. до того, как сформировался талантом и усилиями Державина и Фонвизина, Карамзина, Крылова, Жуковского, Грибоедова и особенно, конечно, Пушкина язык великой русской классической литературы. Строгость формульных выражений, элементы жесткой систематики в употреблении терминов языка в государственно-политической сфере были привнесены позднее — в век рационализма, с взаимопроникновением корневых традиций (и языка, и обычаев общежития) и нормативов рецепции римского права в практику государственной и общественной жизни и в «деловой язык» и с распространением правил обязательной однознаковой повторяемости, характерных для школьного обучения. В языке же жителей Российского (Московского) государства XVI–XVII вв. — языке и нарративных источников, и «деловом» — логическое и эмоциональное оставались еще нераздельны, не была еще закреплена осознанная терминосистема. Можно полагать, что немалое значение придавали метафоричности и воздействию «благозвучия» (тем паче, что тогда — при недостаточном распространении грамотности — текст в большей мере воспринимался на слух). Все это отражает ситуацию в письменности того времени, когда единого письменного литературного языка с упорядоченной системой норм еще не было.

Изучение такой проблематики — и более углубленное, и в более широком плане, в частности в контексте семиотики культуры, — задача специальных исследований на стыке наук (и не только истории и филологии и смежных с ними вспомогательных научных дисциплин), опирающихся, конечно, на значительно более обильную источниковую базу.

Пока же можно констатировать, что терминосочетание «Московское государство» широко распространено в языке XVI–XVII вв. Оно было самоназванием и всего государства, и части Российского государства и имело даже значение — управление Москвой. И это было характерной чертой времени, когда не определилась еще обязательность норм словоупотребления, в частности для политонимов.

М.Н. Тихомиров в монографии 1962 г. «Россия в XVI столетии», в подглавке с показательным заголовком «Российское, или Русское, государство», отмечая, что «мы вправе говорить одинаково как о Русском, так и о Российском государстве», пишет: «Существовало также третье название — “Московское государство”. Оно употреблялось в официальных документах XVI в. Под этим названием, по преимуществу, знали Россию в западноевропейских странах... термин “Московское государство” существовал в XVI–XVII вв., так как позже окончательно утверждается название “Россия” и даже производные от него — “росс” и “россиянин”». И далее приводит примеры обозначения термином «Московское государство» и России, и лишь части ее, и сосуществования обоих терминов¹⁶⁸.

«Московское государство» — это термин определенной знаковой системы. Причем такой системы, которая не только отражала явления, но и формировала представление о них и о шкале общественных ценностей. Самоочевидно, что такое наименование государства определяло роль Москвы и в создании государства, и в современной жизни.

Московское великое княжество стало основой централизованного государства в России. Государем всея Руси сделался московский великий князь, и именно он объявил себя наследником земель всея Руси, т.е. государственной территории своих предков, ведущих происхождение от Владимира Мономаха. Московское великое княжество, а не его столица Москва, дало наименование централизирующемуся государству. Но само-то княжество получило название, конечно, от Москвы.

Для утверждения в массовом сознании наименования «Московское государство» («Московское царство») имело значение, видимо, и то, что государь всея Руси после венчания на царство в 1547 г. именовался «царем и великим князем» в официальной документации (причем не только в делопроизводственной, но и в летописях). Он не только всегда оставался и «московским великим князем», но и ощущал себя таковым: Иван Грозный, разыгрывая спектакль передачи трона крещеному татарскому ханычу, объявил себя «князем московским»; «князем московским» именовал его, желая унижить, и нашедший приют в Польско-Литовском государстве беглый боярин князь Курбский*. А о событии 1613 г. писали, что Михаила Романа избрали «на царствующий град Москву и на все Российское царство».

* В запечатленной А. Шлихтингом сцене «игры в царя» в 1567 г., когда Иван Грозный заставил заподозренного в измене конюшего боярина И.П. Федорова надеть «свои одеяния» и сесть на трон, царь обращается к несчастному издевательски именно как к великому князю московскому («Ты имеешь то,

Еще существеннее то, что герб Москвы, герб московских великих князей воспринимался и как герб России («Московии») в XVI в. иностранцами и в определенной мере и в самой России; в конце XVII в., в Титулярнике 1672 г., определение «московский» дано изображению двуглавого орла; в 1699 г. на печати Петра I, на груди орла, — эмблема Москвы. И Петр сделал объяснительную запись: «... ц. Иван Ва[сильевич], когда монархию, от деда его собранную, паки утвердил и короновался, а княжеский герб в груди оного поставил». И позднее, как утверждает Н.А. Соболева, «Георгий-Победоносец прежде всего воспринимался как часть герба Российской империи»¹⁷⁰.

Не следует упускать из виду и то, что в Москве, до переноса столицы в новостроенный Санкт-Петербург, не было особого высшего управляющего, им считался сам царь и великий князь. Царь Иван наставлял сыновей в завещании «навыкать» к «московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу». А когда царь покидал столицу, «в обычае» было назначать кого-то из приближенных высокопоставленных лиц управлять ею — и это тоже называлось управлять «Московским государством». Воздействовало на сознание и то, что именно Московский кремль казался символом России и ее государственности. Облик замка, уникального по внешнему виду, резиденции государя и его правительства и одновременно первоиерарха, крепко запечатлевался. Показателен титул патриарха — «Московский и всея Руси». Подобным образом титуловали и царя иностранные властители, в государствах которых была вера православного толка, — имеретинский царь в 1649 г. обращался к Алексею Михайловичу как к «великому царю Московскому и всеа Русии» и поклонялся «царствию великие Москвы и всеа Русии»¹⁷¹. Утверждение патриаршества в столице имеющего международный авторитет суверенного государства заметно укрепляло представление о Москве как о надежде, даже средоточии всемирного православия, его государственном центре.

Можно думать, что большее, чем прежде, распространение с конца XVI в. и в делопроизводстве, и в литературе словосочетаний «Московское государство» и особенно «Московское царство» связано и с учреждением в Москве патриаршества. Тем более что подготовка этой акции совпала по времени с попытками подчинить власти российского государя (или его наследника) Польско-Литовское государство, где православные, тоже называвшие себя русскими, были заметной частью населения (а для них владения государя всея Руси — «Московское господство»). Знаменательно, что именно тогда получают все большее распространение на территории и государя всея Руси, и среди православных Польско-Литовского государства представления о «Святой Руси» («Святорусская земля», «царство»)¹⁷².

чего искал, к чему стремился, чтобы быть великим князем Московии и занять мое место; вот ты ныне великий князь...»). Допустимо предположить, что такое словоупотребление связано и с тем, что именно Федоров управлял Москвой в отсутствие государя: Шлихтинг называет его (причем дважды) «воеводой московским», которого царь «признавал более благоразумным среди других высших правителей всех и которого обычно даже оставлял вместо себя в городе Москве, всякий раз как ему приходилось отлучаться из-за военных действий»¹⁶⁹. «Московский воевода» на языке XVI–XVII вв., как отмечалось уже, управлял тем, что тоже называли «Московским государством».

Москву с конца XV в. величают «Царственным градом», признают преемником «царствующих градов» предшествующего времени (недавно А.И. Филюшкин попытался обобщить данные об объяснении в русской средневековой книжности перехода этого термина к Москве)¹⁷³. Москву уподобляют другим «великим городам» — Иерусалиму, Риму, Константинополю (напоминая и о том, что Москва столь же «седмохолмный город, как Царьград»¹⁷⁴), называют «Вторым Киевом» и соответственно «матерью городам российским».

Особое значение придают — и не только в публицистике (церковной и светской), но и в государственно-политических международных отношениях (что нашло отражение и в посольских книгах) — комплексу идей о происхождении московских государей от брата императора Августа («Августа кесаря»). Это же — период возросшего внимания к комплексу представлений, относимых к доктрине Москва — Третий Рим, воплощающей в себе и политический, и конфессиональный аспекты¹⁷⁵.

И в этой связи могло показаться знаменательным то, что в прошлом именно город Рим дал название и империи, и населению ее — «ромеям». Тем более что, как показала Н.В. Синицына, смысл идеи «Третьего Рима» не ограничивается тем, что Москва становится им, главное — в наименовании государства, «царства нашего государя», «Ромейским царством». Ключевое понятие теории — «Ромейское царство», зародившееся при императоре Августе; и к России (т.е. «Московскому царству») переходят функции этого «неразрушимого», «недвижимого» царства¹⁷⁶.

Эти и другие предположения подобного рода нуждаются еще в проверке на прочность. Но вне сомнений то, что словоупотребления «Московское государство» и «Московское царство» для обозначения и всего «Российского государства» — показатель исключительного значения Москвы и в государственно-политической реальности, и в понимании историко-культурных традиций нашей страны в конце XV–XVII в.

Обычай употребления для наименования государства в целом по-прежнему также названия и его исторического ядра укоренен в Европе. Англией часто называют и в официальной документации, и в литературе (в том числе в научной), и тем более в просторечии Великобританию (официальное название государства — Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии); Голландией — Нидерланды (Королевство Нидерландов). И даже в однотомном Большом энциклопедическом словаре (во втором, переработанном издании 1997 г.) отмечено в статье «Нидерланды»: «неофиц. назв. Голландия»; «иногда назв. “А[нглия]” употребляется для обозначения Великобритании в целом».

И понимание такой роли Москвы в России сохранялось и тогда, когда она стала на время — по определению Пушкина — «порфиросною вдовою»: в Москве венчались на царство императоры, в Москве собралась Уложенная комиссия, возводились триумфальные арки в честь и память военных побед, основали первый широкого профиля университет. Карамзин в «Записке о московских достопамятностях», предназначенной прежде всего для лиц царской фамилии, счел необходимым написать в заключение: «...Москва будет всегда истинной столицей России. Там средоточие царства, всех движений торговли, промышленности, ума гражданского... Кто был в Москве, знает Россию»¹⁷⁷. И видимо, не случайно избрали тогда

именно Кремль местом рождения первенца великого князя Николая Павловича — будущего Александра II. На таком понимании места Москвы в истории России воспитывались читатели «Истории» Карамзина. Самое раннее из известных нам сочинений Л.Н. Толстого — написанное мальчиком о значении Кремля в истории. Общественное понимание этого ясно выразил драматург А.Н. Островский — автор драм не только о современной жизни, но и из истории России XVI–XVII вв.: «...через Москву вливается в Россию великорусская, народная сила... которая через Москву создала государство Российское»¹⁷⁸.

В представлении и наших соотечественников, и иностранцев в XVI–XVII вв. Россия и Москва, российская государственность и власть в Москве казались неотделимыми друг от друга. Москва представлялась олицетворением России. Это отразилось и в языке того времени, в политонимах, обозначающих наименование государства. И к тому имелись исторические основания.

¹ Татищев В.Н. История Российская // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: 1966. Т. 6. С. 141, 339, 352, 368, 161.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 6. Стб. 217; Т. 8. Стб. 56. (Репринт. воспр. 5-го изд. 1840-х гг.).

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1979. Т. 10. С. 120.

⁴ См.: Фомичев С.А. Автограф из Пушкинского музея А.Ф. Онегина // Русское подвижничество: Сб. к 90-летию Д.С. Лихачева. М., 1996. С. 229.

⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 506–507 и др. См. также: Иллерицкий В.Е. Исторические взгляды В.Г. Белинского. М., 1953. Гл. 4; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 55 и след.

⁶ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1947. Т. 3. С. 570–571.

⁷ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1967. Т. 1. С. 153.

⁸ Кавелин К.Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 45, 46; Петров Ф.А. К.Д. Кавелин в Московском университете. М., 1997. С. 48–50.

⁹ Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 438, 439; М., 1989. Кн. 3. С. 9 и след.; 717.

¹⁰ Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. С. 433.

¹¹ Berry L.E., Crummey R.O. (ed.) Rude and barbarous Kingdom: Russia in the accounts of sixteenth-century English voyagers. Madison; Milwaukee; London, 1968.

¹² Mervaud M., Roberti J.-Cl. Une infinie brutalité: l'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. Paris, 1991.

¹³ Сергеев Ф.П. Формирование русского дипломатического языка, XI–XVII вв. Львов, 1978. С. 131.

¹⁴ Соловьев С.М. Соч. Кн. 3. С. 131, 615.

¹⁵ Пресняков А.Е. Московское царство // Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 344.

¹⁶ Большая советская энциклопедия. М., 1938. Т. 40. Стб. 451.

¹⁷ См. об этом: Шмидт С.О. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Всемирная история и Восток: Сб. к 70-летию С.Л. Тихвинского. М., 1989. С. 187–202. Переизд. в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 257–270.

¹⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 6. Стб. 5, 6.

¹⁹ Цит. по: Литературная учеба. 1988. № 4. С. 99, 100, 102.

²⁰ Шмидт С.О. Подвиг наставничества: В.А. Жуковский — наставник наследника царского престола // Русское подвижничество. С. 203 и след.

²¹ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. 6-е изд. М., 1908. С. 87–88.

²² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 196.

²³ Пресняков А.Е. Московское царство. С. 429.

- ²⁴ Шмидт С.О., Гутнова Е.В., Исламов Т.М. Абсолютизм в странах Западной Европы и России: Опыт сравнительного изучения // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 4; Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 441–443.
- ²⁵ Плоханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 7.
- ²⁶ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 3-е изд. СПб., 1910. С. 205–211.
- ²⁷ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974. С. 7.
- ²⁸ Pox M. Foreign Descriptions of Muscovy. An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Columbus, Ohio, 1995.
- ²⁹ См. об этом: Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 227, 229.
- ³⁰ Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 175.
- ³¹ Соловьев А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24–38.
- ³² Дмитрий Герасимов (Митя Малый) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в.: В 2 ч. Л., 1988. Ч. 1: А–К. С. 195–196 (автор Н.А. Казакова).
- ³³ См. об этом: Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. С. 71.
- ³⁴ Рыбаков Б.А. Новооткрытая карта Московии 1525 г. // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 3–8; Старков В.Ф. Описание карты 1525 г. // Там же. С. 8–15.
- ³⁵ Д'Амато Дж. Сочинения итальянцев о России конца XV–XVI века: Ист.-библиогр. очерк. 2-е изд. М., 1995. С. 80.
- ³⁶ Цит. по: Шмидт С.О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX вв.: Сб. ст. к 80-летию И.М. Майского. М., 1964. С. 540.
- ³⁷ Цит. по: Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 71.
- ³⁸ Лурье Я.С. Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А.М. Курбским в 1569 г.: По материалам Венского архива // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1957 год. М., 1958. С. 461–466.
- ³⁹ Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). [Т. 1–2]. СПб., 1893. Т. 1: Борьба из-за Ливонии. С. 481, 489, 548, 593, 605, 614, 616, 617, 627, 647, 654, 655, 663, 668, 669, 686, 687, 707, 711, 712; Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и Балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973. С. 25 и след.
- ⁴⁰ Базылев Л. Россия в польско-латинской политической литературе XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 145.
- ⁴¹ Karpele A. Ivan Groznyi in Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Frankfurt a/M., 1972.
- ⁴² Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Рус. ист. журн. Пг., 1922. Кн. 8. С. 29.
- ⁴³ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 59.
- ⁴⁴ Там же. С. 129.
- ⁴⁵ Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. С. 222.
- ⁴⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 66, 74, 147.
- ⁴⁷ Тихомиров М.Н. О происхождении названия «Россия» // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 15 (впервые напечатано: Вопросы истории. 1953. № 11. С. 93–96).
- ⁴⁸ Лукомский Г.К. Московия в представлении иностранцев XVI–XVII вв.: Очерки П.Н. Апостола. Берлин, 1922. С. 9–10.
- ⁴⁹ Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 49–50, 141–142 (пер. уточнен. — С.Ш.).
- ⁵⁰ Там же. С. 7.
- ⁵¹ Цитаты из сочинения де Ту приведены по: Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках. Л., 1978. С. 219, 223.

- ⁵² Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 15.
- ⁵³ Невилль де ла. Записки о Московии. М., 1996. С. 7, 8.
- ⁵⁴ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии. С. 87, 90–91.
- ⁵⁵ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С. 18.
- ⁵⁶ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. XVII, 1, 17.
- ⁵⁷ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891. Введение.
- ⁵⁸ Горсей Дж. Записки о России, XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 50.
- ⁵⁹ Буссов К. Московская хроника. М.; Л., 1961. С. 68, 70; Пое М. Foreign Descriptions of Muscovy. P. 146.
- ⁶⁰ Олсари А. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. М., 1986. С. 319.
- ⁶¹ Цит. по: Левинсон Н.Р. Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666–1670 гг. // Исторические записки. М., 1945. Т. 17. С. 289, 307.
- ⁶² Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 27.
- ⁶³ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 114, 115, 135; 128, 130, 133, 139, 142, 144; 93, 96, 147; 120; 141 (послед. цитат).
- ⁶⁴ Хорошкевич А.Л. Россия и Московия: Из истории политико-географической терминологии // Acta Baltico-Slavica. 1976. Т. 10. С. 47–57.
- ⁶⁵ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 83–84.
- ⁶⁶ Там же. С. 84 (примеч. 45).
- ⁶⁷ Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М., 1993. С. 40.
- ⁶⁸ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1908. С. 88.
- ⁶⁹ Цит. по: Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Вып. 35. С. 460.
- ⁷⁰ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: вторая половина XV в. М., 1952. С. 509, 540–541.
- ⁷¹ Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды МГИАИ. М., 1954. Т. 6. С. 237–239.
- ⁷² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1. С. 63.
- ⁷³ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. С. 17 и след.
- ⁷⁴ Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. С. 11–17.
- ⁷⁵ Шмидт С.О. К истории переписки Курбского и Ивана Грозного // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции: Сб. к 70-летию Д.С. Лихачева. М., 1976. С. 147–148.
- ⁷⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 9, 101, 106.
- ⁷⁷ Там же. С. 103, 105.
- ⁷⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 108–109.
- ⁷⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд. СПб.; М., 1903. Т. 1: А–З. Стб. 956.
- ⁸⁰ Собрание государственных грамот и договоров: В 4 ч. М., 1819. Ч. 2. № 281.
- ⁸¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1 (А–Б). С. 103.
- ⁸² Акты исторические: В 5 т. СПб., 1841. Т. 1. С. 203.
- ⁸³ Сыскное дело о ссоре межевых судей стольника кн. В. Ромодановского и В. Сукина 1635 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1848. Кн. 7. С. 86.
- ⁸⁴ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 392–395.
- ⁸⁵ Завещание обычно датировали 1572 г. Ныне имеются серьезные основания для датировки его 1577–1579 гг. См.: Юрганов А.Д. О дате написания завещания Ивана Грозного // Отечественная история. 1993. № 6. С. 125–141.

- ⁸⁶ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 523, 524, 525, 527.
- ⁸⁷ ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 259; М., 1978. Т. 34. С. 299.
- ⁸⁸ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. М., 1851. Т. 1. С. 933–934; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 4. С. 201.
- ⁸⁹ *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 3. С. 561, 604, 605, 616, 696.
- ⁹⁰ Там же. Кн. 4. С. 214; *Дьяконов М.А.* Власть московских государей: Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. СПб., 1889. С. 156.
- ⁹¹ Послания Ивана Грозного. С. 143; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 3. С. 653.
- ⁹² *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 3. С. 655.
- ⁹³ Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / Под ред. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1954. С. 19.
- ⁹⁴ Послания Ивана Грозного. С. 276.
- ⁹⁵ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 86–88.
- ⁹⁶ Там же. С. 123.
- ⁹⁷ Там же. С. 193.
- ⁹⁸ Там же. С. 203.
- ⁹⁹ Там же. С. 273.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 277, 300, 304, 305.
- ¹⁰¹ Там же. С. 235, 277.
- ¹⁰² Посольская книга по связям России с Англией, 1613–1614. М., 1979. С. 35, 44, 45 и др.
- ¹⁰³ *Kononov S.* Twenty Russian Royal Letters (1626–1634) // *Oxford Slavonic Papers.* 1958. Vol. 8. P. 139, 143, 146, 152.
- ¹⁰⁴ Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справ. / Сост. В.И. Савва; Под ред. и с предисл. С.О. Шмидта. М., 1983. С. 223.
- ¹⁰⁵ Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588–1592 гг. М., 1988. С. 22, 124–125.
- ¹⁰⁶ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 96, 86, 95, 124, 115 (послед. цитат).
- ¹⁰⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. С. 105, 107, 360, 372.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 70, 69.
- ¹⁰⁹ Опись архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990. С. 27, 28.
- ¹¹⁰ Там же. С. 107, 506.
- ¹¹¹ Там же. С. 114, 116.
- ¹¹² Там же. С. 106–107.
- ¹¹³ Там же. С. 524.
- ¹¹⁴ *Сербина К.Н.* «Книга Большого чертежа» и ее редакции // *Исторические записки.* М., 1945. Т. 14. С. 133, 134, 140, 142, 143.
- ¹¹⁵ Акты Археографической экспедиции (далее — ААЭ): Т. 1–4. СПб., 1836–1838. Т. 1. С. 401, 404, 414, 447, 452.
- ¹¹⁶ Грамоты перепеч. в кн.: *Дробленкова Н.Ф.* Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 230, 233–234, 227–228, 235, 228–229 (послед. цитат).
- ¹¹⁷ Там же. С. 75–76.
- ¹¹⁸ Там же. С. 221–222.
- ¹¹⁹ ААЭ. Т. 2. С. 315.
- ¹²⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. С. 64.
- ¹²¹ Там же. С. 94–96, 102, 111, 116, 117, 119, 135, 136, 202, 225, 226, 229.
- ¹²² Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарий. Л., 1987. С. 17, 18, 162. (Термин «Московское государство» в предметно-терминологическом указателе к тексту, с. 420.)

- ¹²³ Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1985. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 37, 38, 43, 44, 46.
- ¹²⁴ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 2. № 281.
- ¹²⁵ Акты, относящиеся к истории Земских соборов / Под ред. Ю.В. Готье. М., 1909. С. 15–18; Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. С. 14–17.
- ¹²⁶ Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. С. 40.
- ¹²⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 69; Акты, относящиеся к истории Земских соборов. С. 24, 26, 38, 51, 59, 60, 65, 67, 69.
- ¹²⁸ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 1–4, 89, 124, 126.
- ¹²⁹ Копреева Т.Н. «Ведомство желательным людям»: Из автобиографических материалов А.Л. Ордина-Нащокина // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 345, 347–349. См. также: С. 338, 339, 340.
- ¹³⁰ Послания Ивана Грозного. С. 9, 10, 71, 125, 127, 208, 209, 144, 213, 143 (послед. цитат).
- ¹³¹ Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в.: В 2 ч. Л., 1988. Ч. 1: А–К. С. 450–458 (автор Т.Ф. Волкова).
- ¹³² Казанская история. М.; Л., 1954. С. 54.
- ¹³³ Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 440.
- ¹³⁴ Казанская история. С. 58, 73, 144, 173 и др.
- ¹³⁵ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 4; Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 232–246.
- ¹³⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 194, 195, 197, 198, 200 и др.
- ¹³⁷ Там же. С. 192.
- ¹³⁸ Там же. С. 206, 208, 209, 211, 217, 218.
- ¹³⁹ Там же. С. 213.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 219.
- ¹⁴¹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 2, 3, 5–7, 9, 11, 14, 16, 18.
- ¹⁴² Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР). Конец XVI – начало XVII в. М., 1987. С. 24, 30, 32, 56, 546.
- ¹⁴³ Там же. С. 64, 66.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 142, 130.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 146.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 318, 324, 328, 330, 348, 350, 354, 356.
- ¹⁴⁷ Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1908. Т. 13. Вып. 1: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Стб. 268, 454.
- ¹⁴⁸ Повесть о победах Московского государства. Л., 1982.
- ¹⁴⁹ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 231, 132, 235, 237, 238.
- ¹⁵⁰ Иное сказание // Сокровища древнерусской литературы. Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984. С. 88.
- ¹⁵¹ Кукушкина М.В. Семен Шаховской — автор повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник: 1974. М., 1975. С. 75–78.
- ¹⁵² РИБ. Т. 13. Вып. 1. Стб. 1, 67.
- ¹⁵³ Там же. Стб. 3, 69; 16; 22, 96; 24, 101.
- ¹⁵⁴ Там же. Стб. 7, 47; 16, 89; 20, 45; 60, 148.
- ¹⁵⁵ Там же. Стб. 7, 75; 9, 78.
- ¹⁵⁶ Там же. Стб. 73; 61, 149; 64, 1.
- ¹⁵⁷ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 129.
- ¹⁵⁸ Летописец Новый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в.: В 4 ч. СПб., 1993. Ч. 2: И–О. С. 257–262 (автор Я.Г. Солодкин).
- ¹⁵⁹ ПСРЛ. М., 1968. Т. 34. С. 143, 145, 147, 151, 157, 162, 173.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 177.

- ¹⁶¹ Там же. С. 181, 184–186, 188, 199.
- ¹⁶² Там же. С. 201, 202.
- ¹⁶³ ПЛДР. Конец XVI – начало XVII в. С. 538, 539.
- ¹⁶⁴ Исторические песни XIII–XVI веков. М.; Л., 1960. С. 96–97; *Соколова В.К.* Русские исторические песни XVI в. // *Славянский фольклор*. М., 1951. С. 19 и след.
- ¹⁶⁵ Русская историческая песня. Л., 1990. С. 106, 129, 133, 155. (Библиотека поэта. Малая серия. 4-е изд.).
- ¹⁶⁶ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М., 1935. Т. 7: *Драматические произведения*. С. 466 (коммент. Г.О. Винокура к трагедии «Борис Годунов»).
- ¹⁶⁷ *Шмидт С.О.* Г.О. Винокур и академическое издание пушкинского «Бориса Годунова» // *Литературное обозрение*. 1997. № 3. С. 65–77.
- ¹⁶⁸ *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 25–27.
- ¹⁶⁹ *Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного... С. 21–23.
- ¹⁷⁰ *Соболева Н.А.* Старинные гербы российских городов. М., 1985. С. 17–19. См. также с. 32–33. Подробнее см.: *Соболева Н.А.* Герб Москвы: К вопросу о происхождении // *Отечественная история*. 1997. № 3. С. 3–22 (особенно с. 15, 17).
- ¹⁷¹ Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650–1652. Тифлис, 1926. С. 4.
- ¹⁷² *Schaeder H.* Moskau das dritte Rom: Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der Slawischen Welt. Darmstadt, 1957. S. 117–128.
- ¹⁷³ *Филошкин А.И.* «Царствующий град Москва...» // *Российская монархия: Вопросы истории и теории*. Воронеж, 1998. С. 10–23.
- ¹⁷⁴ *Забелин И.* История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 50–52.
- ¹⁷⁵ *Успенский Б.А.* Избр. тр.: В 3 т. 2-е изд., испр. и перераб. М., 1996. Т. 1: *Семиотика истории. Семиотика культуры*. С. 83–123 (статья «Восприятие истории в Древней Руси и доктрина “Москва — Третий Рим”»).
- ¹⁷⁶ *Синицына Н.В.* Учреждение патриаршества и «Третий Рим» // *IV centenario dell' istituzione del-patriacation Russia = 400-летие учреждения патриаршества в России*. Roma, 1991. P. 66; *Она же.* Два мира: Возможность взаимопонимания // *Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы*. М., 1997. С. 47.
- ¹⁷⁷ *Карамзин Н.М.* Записка о московских достопамятностях // *Наше наследие*. 1991. № 6. С. 46.
- ¹⁷⁸ *Островский А.Н.* Записка о положении драматического искусства в России в настоящее время // *Собр. соч.:* В 10 т. М., 1960. Т. 10. С. 180.

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ В КУЛЬТУРЕ РОССИИ

Понятно, что в период Московского царства именно Москва была центром развития культуры (и материальной и духовной) и общественно-политической мысли все более расширяющегося государства. Но и в XVIII в., когда стали утверждаться в России научные знания и столицей образовавшейся и получившей мировое признание империи стал новый град Петров, сохранялось представление о Москве как о символе величия российской истории, воплощении отечественных

Впервые опубликовано: Кремль России: Сб. ст. / Отв. ред. Н.С. Владимирская. М., 2003. С. 24–30 (Материалы и исследования / Федер. гос. учреждение «Гос. ист.-культур. музей-заповедник “Московский Кремль”»; Вып. 15).

традиций — и государственно-политических, и церковных (традиций российской державности и первенства в мире православия), и историко-культурных. А символом и святыней самой Москвы и средоточием ее государственно-общественной жизни издавна мыслился Кремль.

И после перенесения столицы в Петербург государи венчались на царство в Кремле, в Успенском соборе, остававшемся главным храмом России. И Уложенная комиссия собралась в Москве; и возглавившего самый массовый народный бунт Пугачева казнили не в официальной столице, а в Москве. В Москве образовали первый университет — и помещение его было рядом с Кремлем — сначала у Красной площади, позже за рекою Неглинкой, напротив Кремля; и, как отметил Пушкин, «просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова»¹. В Москве развернулась издательско-преподавательская деятельность, возникли первые журналы, предназначенные широкой публике, интересные и для читательниц, и для юношества. Здесь создавались и многотомные сочинения по истории России, вводящие в научный обиход многообразные архивные материалы. «В каком ты блеске ныне зрима, / Княжений знаменитых мать! / Москва, России дочь любима, / Где равную тебе сыскать?…» — восклицал в 1796 г. И.И. Дмитриев в стихотворении «Освобождение Москвы», строки которого стали первым из эпиграфов к седьмой — «московской» — главе пушкинского «Евгения Онегина», где назван и «старый Кремль».

Самый образованный россиянин рубежа XVIII и XIX вв., первый тогда писатель России Карамзин, готовивший себя к тому, чтобы стать и ее Историографом, в статье 1803 г. «Записки старого московского жителя» возглашал: «Кремль есть любопытнейшее место в России по своим богатым историческим воспоминаниям». И там же утверждал: «Кремлевская стена есть наш Палладиум»². «Палладиум» — одно из любимых слов языка Карамзина, слово самого возвышенного значения. Таким это слово, не попадающее ныне в наши словари и русского языка и иностранных слов, казалось и в конце XIX в. Согласно энциклопедии Брокгауза и Ефрона, слово «палладион» по-гречески или «палладиум» в латинском языке «употребляется для обозначения вообще всякого предмета, пред которым благоговеют, как перед приносящим могущество, славу и счастье».

События Отечественной войны 1812 г., когда происходившее в Москве определило — как и двести лет назад — судьбу России и даже всей Евразии и стало началом агонии могущественной империи Наполеона, положив предел его дальнейшим замыслам, еще более подняли значение Москвы и Кремля. Они воспринимались и как символ взаимосвязи прошлого и настоящего.

Это отражено и в написанной Карамзиным о Москве и Кремле в 1817 г. «Записке о московских достопамятностях», составленной для императрицы-матери Марии Федоровны, т.е. для царской семьи. Тогда Карамзин уже стал и лучшим знатоком прошлого России, в печати находились первые восемь томов «Истории государства Российского», где изложение доведено до середины правления Ивана Грозного. Описание достопамятностей Кремля завершается обобщающей характеристикой: «Кремль есть место великих исторических воспоминаний», и указывается, что там возникло «единодержавие» и «изготовлялись средства победы и свободы» от ханского ига и «священные тени добродетельных предков

изгнали Иоанна Грозного, когда он изменил добродетели. Кремль был душен для тирана!»; здесь избрали первого царя из Романовых и был «театр ужасов» и бунтов. Кремль и после Петра оставался «средоточием России»; «незабвенный» 1812 год — «славнейшие из всех воспоминаний Кремлевских стен для веков грядущих!» И в конце «Записки»: «В заключение скажем, что Москва будет всегда истинной столицей России. Там средоточие царства, всех движений торговли, промышленности, ума гражданского. Красивый, великолепный Петербург действует на государство в смысле просвещения слабее Москвы... Кто был в Москве, знает Россию»³.

Такое понимание исторической и социокультурной роли Москвы и исторической роли Кремля передалось и последующим поколениям, общеизвестно нам по произведениям Жуковского, Пушкина, Лермонтова, вошло в повседневное сознание. Жуковский в стихотворении на рождение великого князя Александра Николаевича, появившегося на свет в Кремле в 1818 г., особо отмечает это обстоятельство, называет Кремль и «вечным» и «державным» и, став воспитателем будущего Александра II, не раз напомним ему об этом и в письмах, и в программе воспитания историей. Для Пушкина в 1830-е гг. Москва — «первопрестольный град», «первопрестольная столица»⁴; она для него остается «сердцем России»⁵. Интересно, что Пушкин, знакомый, можно полагать, с «Запиской» Карамзина о московских достопамятностях, использует то же употребленное им слово «душно», характеризуя отношение Петра I к Кремлю, но с иным акцентом, чем это сделал Историкограф, вспоминая грозного царя: «Петр I не любил Москву, где на каждом шагу встречал воспоминания мятежей, закоренелую старину и мрачное, упрямое сопротивление суеверия и предрассудков. Он оставил Кремль, где ему было не душно, но тесно — и на дальнем берегу Балтийского моря искал досуга, простора и свободы для своего гения, беспокойного и могучего»⁶. В варианте другого сочинения Пушкин делает важное наблюдение: «Петр Первый был нетерпелив. Став главою новых идей, он, может быть, дал слишком крутой оборот огромным колесам государства»⁷. Показательно для общественного сознания и детей из высшего общества той поры, что самое раннее из дошедших до нас сочинений Л.Н. Толстого — написанное одиннадцатилетним мальчиком сочинение «Кремль» — о его величии как символе России и ее прошлого.

Таким образом, представление о прошлом Кремля лежит в основе представлений россиян о своей истории, о вершинных событиях ее, о средоточии исторической славы. А представления о прошлом во многом определяют понятие о настоящем и о будущем. Ведь именно память — в основе культуры.

Если из многих определений «культуры» выбрать то общераспространенное, которое приведено и в одноименном Большом энциклопедическом словаре (изд. 1997 г.): «сфера духовной жизни людей», что включает в себя «предметные результаты деятельности людей», «а также человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности», и попытаться приложить это определение к явлениям истории Московского Кремля, то даже при первичной постановке вопроса можно отметить несколько важных и всем очевидных аспектов.

После возвращения Москве в 1918 г. статуса официальной столицы Кремль и в нашей стране и за рубежом казался символом государственно-политического

властвования, особенно при Сталине, жившем и работавшем в Кремле. Там было средоточие и государственной власти, и идеологического влияния, и воздействия на мировую политику, и потому в зарубежных изданиях постоянно читаем: «Кремль решил...», «в Кремле сказали...», «позиция Кремля». И по сей день в уже демократической России представления о власти Кремля, ее формах, возможностях оценки во многом определяют основы нашей политологической культуры, причем и в ее научных категориях и терминологии, и в повседневном, так сказать, обывательском понимании.

Отмечу и то, что восприятие кремлевской власти, явлений, происходивших в Кремле, изначально обусловило представление о России за рубежом — еще в первых сочинениях иностранцев допетровской эпохи. Особенно детально (а подчас и с недоумением) описывали кремлевский обиход, и в то же время «анекдоты русской жестокости», которую — как верно заметил Карамзин — «иностранцы любили изображать яркими красками»⁸.

И уже тогда по существу тождественный смысл обретают термины «Российское государство» и «Московское государство»⁹, а в плане государственно-политической терминологии (прежде всего в сфере публицистики) — понятия «Москва» и «Кремль».

Именно с Кремлем связаны и представления об организации государственного и церковного управления, о системе делопроизводства, т.е. факторы государственно-политической культуры, причем в начальных ее вариантах. Кремль — это и деятельность Боярской думы, приказов, митрополитов и патриархов, земских и церковных соборов. Кремль — это и центр организации делопроизводства — и повседневного, и экстраординарного. Здесь закреплялись образцы делопроизводства, становившиеся обязательными для всего государства, и разновидности документов с присущими им формулярами, и внешняя форма документации: столбцы (свитки) с пометами дьяков, тетради, книги. В Кремле вырабатывались и становившиеся общероссийскими законодательные нормы судопроизводства и деловодства, обобщенные в судебныхниках, а затем в Соборном уложении 1649 г.

В кремлевских приказах приобретали знания и практические навыки те дьяки и подьячие, которые информировали о России иностранцев — и переводчик с латинского и немецкого языков Дмитрий Герасимов, на основе бесед с которым в Риме в 1525 г. итальянец Паоло Джовио — зачинатель международной публицистики — составил сочинение о Московии, и те, кто сообщали сведения авторам наиболее подробных сочинений о Москве и России в XVI в. — Герберштейну, Штадену, Флетчеру, и подьячий Посольского приказа при царе Алексее Михайловиче Григорий Котошихин, подробно охарактеризовавший (попав в Швецию) систему управления в России. Усилиями и опытом этих «писарей» формировался язык деловой письменности, отраженный особенно образно в посольских книгах и ставший одной из основ литературного языка россиян.

В Кремле написаны многие публицистические сочинения и исторические летописи (и официальные и частные). И недаром столь чуткий к восприятию исторических реалий Пушкин поселяет мудрого летописца Пимена в Чудове монастыре. В Кремле составлялись и первые в России карты — и опять-таки Пушкин изо-

бражает царевича, рассматривавшего такую карту России в начале XVII в. В Кремле хранился и главный — Царский — государственный архив XVI в. с документацией и всего времени правления московской династии, и внешних сношений, и современного делопроизводства в сфере внутренней политики. Там образовались затем и архивы приказов и сформировалась практика составления описей архивных дел, т.е. зарождалась элементарная археография. В Кремле были и первые библиотеки и государя, и иерархов, и монастырей. По преданию, находилась и библиотека древних рукописей на греческом, латинском и еврейском языках. Даже если это и миф, то территориально его относили уже в XVI–XVII вв. к Кремлю.

В Кремле формировались школы переписчиков рукописей и искусство каллиграфии. В Кремле создавались и лицевые летописи и другие иллюстрированные рукописи (где многократно изображен и Кремль). Все это значительные явления в истории развития книжности и изобразительного искусства. И первопечатником стал дьякон кремлевской церкви Иван Федоров.

Кремль оказался форумом, где развивалось ораторское искусство, он был своего рода школой диспутов (в годы правления царя Ивана Грозного — и с его участием). В XVII в. здесь были диспуты с раскольниками. Среди кремлевских иерархов — выдающиеся проповедники и писатели; и традиция эта характерна и для XVIII–XIX вв. — напомним о митрополитах Платоне и Филарете.

С Кремлем связывают рождение театра в Москве — началось с театрализованных представлений на евангельские сюжеты в Успенском соборе (еще в XVI в). В 1670-е гг. возник придворный театр. Особенно значительна роль кремлевских храмов в развитии музыкальной и певческой культуры России — на этот опыт опирались композиторы и певцы и в Новое время. В наши дни в рамках Международного фестиваля православной музыки проводятся конкурсы дьяконского и церковно-певческого искусства имени великого архидьякона начала XX в. Константина Розова.

Фрески и иконы кремлевских храмов воспринимались как образцы мастерами всей Руси. Здесь можно было познакомиться и с шедеврами византийской живописи. Особенно велико воздействие кремлевских сооружений на развитие архитектуры и градостроительного инженерного искусства России и, конечно же, архитектуры других российских кремлей с храмами как центрами их. Заметно влияние и кремлевских памятников зодчества XVIII–XX вв. на московскую и вообще российскую архитектуру их времени.

Кремль — и центр развития художественного шитья и вышивки, ювелирного мастерства, переплетного дела, мастерства работы с деревом и металлом. Здесь не только создаются шедевры, но зачастую и образцы для повторения массовыми тиражами. В Кремле было и средоточие лучших памятников материальной культуры и отечественного, и зарубежного происхождения, особенно в приемных покоях царского дворца. В допетровскую эпоху бытовой обиход государей и лиц их окружения не отличался столь резко, как позднее, от обихода подданных, и такой знаток прошлого, как историк И.Е. Забелин, начал изучение быта XVI–XVII вв. с быта проживавших в Кремле царей и цариц. Таким образом, роль Кремля в развитии духовной и материальной культуры России очень велика, так же как и в развитии представлений ученых последующих столетий о культуре XV–XVII вв.

В истории культуры России знаменательны и события, происходившие в Кремле, но не характерные для повседневности его культуры в XVIII – начале XX в. Так, именно сюда 8 сентября 1826 г. привезли из ссылки возвращенного волею нового императора Николая I Пушкина. Беседа в Чудовом дворце продолжалась более часа, после чего Николай I объявил Блудову, что разговаривал с «умнейшим человеком в России», и представил Пушкина приближенным как «прощенного» и «своего» поэта. Это во многом обусловило и обязанности, и поведение Пушкина, и направленность последующего творчества поэта, да и линию его жизни.

Конечно, и в годы советской власти значение творимого в Кремле для истории культуры было очень велико — особенно когда в первые годы там обитали Ленин и его виднейшие сподвижники, а затем принимались постановления, которые можно назвать судьбоносными (независимо от знака их оценки), а после кончины Сталина происходили форумы деятелей науки, искусств, литературы, подводившие итоги свершенного и определявшие перспективы дальнейшего пути. А это события иногда не только всесоюзного, позднее всероссийского, но и международного масштаба.

В плане тематики доклада выделил бы роль происходившего в Кремле в формировании советской системы законотворчества и делопроизводства. Это во многом определяло культуру и юридической мысли, и политологической, и форму организации управления в стране.

Особо важно отметить, и именно в сборнике, выпускаемом Музеями Кремля, роль кремлевского музея в развитии музейного дела в России, в сложении музейно-логических представлений и связанных с этим областей гуманитарных наук и искусств в XIX–XX вв.

Оружейная палата была первым историческим, точнее, историко-художественным музеем России. Она — прародительница других музеев нашей страны, и прежде всего Исторического. Здесь служил стоявший у истоков возникновения Исторического музея великий историк С.М. Соловьев. Профессор и ректор Московского университета, он также был директором Оружейной палаты и жил в доме Дворцовой конторы, как и писатель А.Ф. Вельтман, который с начала 1840-х гг. стал помощником директора, а затем директором Оружейной палаты и издал книги «Достопамятности Московского Кремля» (1843), «Московская Оружейная палата» (1844), исторические документы. При нем был приглашен работать туда юный И.Е. Забелин. Не пройдя университетской школы, он именно здесь сформировался и как непревзойденный знаток российских древностей, и как археограф, и как археолог. И к составлению фундаментальной истории Москвы, и к организации научной работы в Историческом музее Забелин приступил уже после того, как подготовил огромной ценности и насыщенности не только фактологическими, но и научно-методическими наблюдениями книги о быте московских государей. В основе их — изучение и прошлого Кремля, и материалов — вещественных и документальных, находившихся в Кремле — в соборах, дворцах, в Оружейной палате.

Неутомимы были в стремлении своем запечатлеть и внешний облик зданий Кремля, и их внутреннее убранство, и предметы, хранившиеся в музее Оружейной палаты, художник Ф.Г. Солнцев, а затем и мастера фотографии. В Кремле сформир-

ровалась школа изучения памятников древнего искусства и письменности Г.Д. Филимонова, определившая затем направленность трудов сотрудников Румянцевского музея. Здесь трудились и те, кто занимался изучением Кремля (как С.П. Бартенев, сын историка и археографа П.И. Бартенева) и прошлого Москвы в целом. Востоковед и нумизмат В.К. Трутовский выступил, в частности, на заседании общества «Старая Москва» с докладом о происхождении названия «Арбат» (от слова «рабад», означавшем на восточных языках «предместье»). А.И. Успенский — основатель Московского археологического института, преимущественно опираясь на документы хранилищ Кремля, создал фундаментальное исследование о царских иконописцах и живописцах. Работы в Кремле стали научной школой реставрации памятников архитектуры, искусства и материальной культуры. Со времен А.С. Уварова и И.Е. Забелина опыт работы в хранилищах Кремля и изучения памятников Кремля обогащал исследования и методику научной атрибуции сотрудников Исторического музея.

В годы советской власти ученые специалисты продолжали работу, но закрытый режим кремлевской жизни ограничивал их возможности и приток новых сил в сферу изучения кремлевских древностей. Тем не менее неизменно совершенствовалась практика научной реставрации, а изданный в 1954 г. фундаментальный сборник научных трудов «Государственная Оружейная палата Московского Кремля» может быть оценен как высокий образец исторических и искусствоведческих исследований. Значительным достижением музейного дела были подготовленные, но не опубликованные тогда справочные пособия и каталоги.

Но в те годы рассчитывать на возможность быстрого и регулярного приобщения к исследовательской работе по изучению памятников Кремля или хранившихся в Кремле не приходилось. Вспоминаю, как в конце 1940-х гг., во время экскурсии, подаренной нам, преподавателям и аспирантам истфака МГУ, Б.А. Рыбаков — уже лауреат Сталинской премии — наскоро зарисовывал что-то в залах Оружейной палаты. Тем более признательны специалисты сотрудникам этого музея за то, что и в годы навязываемого М.Н. Покровским господства вульгарной социологии, и позднее развивалось здесь ученое ремесло — мастерство атрибутирования, описания, источниковедческого изучения памятников истории и культуры.

С середины 1950-х гг. сделано очень много и в плане развития научных знаний, и в плане обогащения теории, методики и практики музейного дела, и в плане утверждения представления в России и за рубежом ее о Музеях Кремля не только как о сокровищнице памятников истории и культуры, но и как о выдающемся центре их изучения. Множество изданий, и сугубо специальных, и популярно-просветительских, множество выставок на родине и за рубежом, много научных конференций с широким привлечением специалистов других музеев, академических институтов, вузов. Конференции эти радуют не только научными результатами, отраженными в изданиях их материалов, но и участием научной молодежи, и все в большей мере из числа сотрудников самого комплекса Музеев Кремля.

Все больше работ и историографического типа — об изучении прошлого самого Кремля и его памятников, коллекций его хранилищ и документов его архива. В этом убеждает богатство содержания двухтомного указателя литературы «Мос-

ковский Кремль (1723–1987)». Часть этих данных я пытался обобщить еще в докладе 1985 г. «Роль музеев Московского Кремля в изучении отечественной истории и культуры» на Всесоюзной научной конференции «Стенам и башням Московского Кремля 500 лет»¹⁰. И радуется, что сведения эти уже устаревают.

Показатель такого осязаемого перспективного роста — подготовленное к печати издание по истории Архангельского собора. Главный хранитель Музеев Кремля Евгений Степанович Сизов, рано ушедший от нас в 1980 г., мой ученик и друг, занят был в последние годы жизни подготовкой к печати научно-популярной по форме, но по-настоящему исследовательской по существу книги об Архангельском соборе¹¹. Очень хотелось увидеть напечатанным этот почти завершенный труд, и Наталья Андреевна Маясова все сделала для этого. Но теперь уже издается вместе с ними сборник статей других авторов — о новых открытиях последних двух десятилетий. Это лишь один, но характерный для современного научного уровня работы Музеев Кремля пример.

Таким образом, можно утверждать, что роль Музеев Московского Кремля в изучении прошлого России и памятников культуры очень значительна, а деятельность его сотрудников воспринимается ныне как показательный образец современной культуры музейного дела.

¹ Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Полн. собр. соч. [: В 19 т.] М., 1996. Т. 11. С. 247.

² Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: Избр. проза. М., 1986. С. 263.

³ Там же. С. 314, 315, 321.

⁴ Пушкин А.С. Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов; Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 206, 213.

⁵ Он же. Черновая редакция главы «Москва» // Там же. С. 482.

⁶ Он же. Путешествие из Москвы в Петербург // Там же. С. 239.

⁷ Он же. Вторая редакция сочинения «О ничтожестве литературы русской» // Там же. С. 501.

⁸ Карамзин Н.М. О тайной канцелярии // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. С. 269–270.

⁹ Шмидт С.О. «Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства XVI–XVII столетий // Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 255–301. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 103–144.]

¹⁰ См. об этом: Владимирская Н.С. Стенам и башням Московского Кремля 500 лет: Всесоюзная научная конференция // Советское искусствознание. М., 1987. Вып. 22. С. 475–476.

¹¹ См.: Шмидт С.О. Светлый человек: к семидесятилетию Е.С. Сизова // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 228–235. [То же в наст. изд., кн. 2.]

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Рукопись, открывшая миру «Слово о полку Игореве», выявлена была в конце XVIII в. в Ярославле; хранили ее тогда в Спасо-Ярославском монастыре, близ места нашего заседания. А ныне находящийся на этой территории Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник стал одним из центров изучения великого литературного памятника и распространения знаний о нем. Издание двести лет назад «Слова о полку Игореве» сейчас может расцениваться как событие не только всероссийского, но и мирового значения.

И знаменательно, что посвященное юбилею наше торжественное заседание проходит именно в Ярославле, где так много делают для возвращения интереса к духовной культуре Руси.

Полагаю, однако, что ярославцы — патриоты своего города — не будут на меня в обиде, если публично скажу, что не признаю того, что «Слово о полку Игореве» якобы написано в Ярославле незадолго до 1791 г. монахом Иоилем, который в 1776–1787 гг. был архимандритом Спасо-Ярославского монастыря. У Ярославля и без того велика роль в развитии культуры России XVII–XVIII столетий: здесь еще в XVII в. была прославленная школа живописи и архитектуры, а церковь Ильи Пророка, и особенно ее фрески, признают одним из мировых шедевров изобразительных искусств. В послепетровское время здесь закреплялось представление об уникальной ансамблевости архитектуры XVII в. и классицизма XVIII в., а в годы губернаторства Мельгунова — и об ансамблевом оформлении в стране набережных многих рек; здесь сформировалось сценическое мастерство Федора Волкова — «отца русского театра» (как называл его Белинский), образовалась первая театральная труппа, ставшая основой постоянного театра в Петербурге, премьер которого ярославец И.А. Дмитревский стал и первым русским режиссером-педагогом, и первым актером, прославившимся и за рубежом. Напомним и о первых в XVIII в. провинциальных типографии и журнале.

Именно в Ярославле состоялась в 1985 г. организованная несколькими учреждениями и общественными объединениями научная конференция о «Слове», приуроченная к восьмисотлетию события, послужившего поводом к его созданию. Моему докладу на ней при печатании материалов конференции редакторы дали заголовок: «Невозможно вспоминать о прошлом, не думая о настоящем и будущем». Согласившись по просьбе фактического многолетнего руководителя ВООПИК Н.К. Королькова выступить с докладом именно как член Президиума ВООПИК и руководитель его секции документальных памятников, понимал, как трудно сказать существенно новое о самом «Слове» (особенно если с докладами выступают академик Д.С. Лихачев и корифеи в изучении памятников истории и культуры Руси до нашествия кочевников, а я специалист по истории России уже времени

Впервые опубликовано: 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России (Ярославль — Рыбинск, 27–29 августа 2000 г.). Ярославль, 2001. С. 11–22.

Ивана Грозного и в области источниковедения и историографии). И потому, стараясь найти не занятую исследователями нишу, сосредоточил внимание на том, что именно «Слово о полку Игореве» — и само создание «Слова», и его восприятие современниками и близкими к тому времени поколениями — стоит у истоков формирования представлений о памятниках истории, как и о памятниках культуры, и об оценочно-эстетических критериях применительно к сочиненному о прошлом; а тем самым и вообще первичных наших понятий о комплексе общественных и научных представлений, которые ныне определяют как «памятниковедение».

Реальные события, отраженные в «Слове», — не крупного исторического масштаба, главный герой Игорь Святославич — не из выдающихся князей. И воспринималось это произведение не столько как источник исторической информации о конкретных явлениях (событиях, лицах) или напоминание об особо важном в прошлом, а прежде всего как уникальный памятник художественного мастерства — языкотворчества, образности поэтического видения, масштабности историко-географического кругозора, как эталонный образец художественного произведения героико-исторического содержания; тем более что к тому времени уже складывались устойчивые представления об эталонных образцах и в архитектуре и живописи, и для проповеди и летописи (что прослежено с выявлением и особо характерных повторов, или зачастую попыток повторов, и подражаний историками изобразительных искусств, литературы, языка).

Необходимость выступления в Ярославле в 1985 г. побудила меня — о чем вспоминаю теперь с признательностью судьбе за так сложившиеся обстоятельства — к дальнейшим размышлениям о значении «Слова» в развитии культуры и роли его в восприятии Древней Руси в последующие времена, о месте «Слова» в жизни и творчестве Пушкина: труды такой тематики напечатаны и на русском, и на других языках¹. И хотя для фиксации этого в виде отдельной статьи не нашлось места в пятитомной «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»», изданной под редакцией О.В. Творогова в 1995 г., наблюдения вошли в научный обиход. А мне это помогло разглядеть ранее не отмеченное в историко-культурных представлениях людей и Древней Руси, и тех, кто познакомился со «Словом» после издания 1800 г.

Юбилей издания «Слова» может рассматриваться и как московский праздник культуры, ибо рукопись изучали в доме московского вельможи и ученого мецената, пригласившего к совместной работе московских знатоков памятников древнерусской письменности; впервые о рукописи сообщил самый знаменитый тогда московский писатель (Н.М. Карамзин); издали ее в Москве.

И как уроженец Москвы и историк Москвы, главный редактор однотомной энциклопедии «Москва» 1997 г., где напечатаны статьи о самом А.И. Мусине-Пушкине и об архитектурном ансамбле его усадьбы близ Богоявленского собора в Елохове, и начатой подготовкой двухтомной «Московской энциклопедии», где в первом томе «Лица Москвы» намерены поместить статьи и об Алексее Ивановиче с портретом его, и о Мусиных-Пушкиных, выражаю глубокую признательность москвичей за все то, что делают в Ярославле для увековечения «Слова о полку Игореве» и в Рыбинске во славу фамилии Мусиных-Пушкиных.

В биографии «Слова о полку Игореве» три этапа: период, близкий ко времени его создания, когда конкретное содержание вызывало интерес к недавним событиям и тревожные ощущения; в последующие столетия «Слово» побуждало к литературно-художественному подражанию и в стилистике, и в подходе к историческим явлениям с широким и пространственным, и временным кругозором (ведь «Слово» — памятник глубокой историко-философской мысли!). После издания «Слова» наступил период восприятия и оценки его в контексте развития и художественной литературы (отечественной, а затем и всемирной), и наших представлений об истории и культуре Древней Руси, и в то же время в контексте развития и научной мысли, и специальных методик гуманитарных наук, тем более что сразу же раздался голоса скептиков, полагающих, что это имитация более позднего времени.

В первый период «Слово» исполнялось как героическая «песнь» (даже если изначально было написано или сразу же и записано), воспринималось прежде всего на слух. (Видный петербургский лингвист В.В. Колесов называет его «поющим Словом», полагая, что исполнение «Слова» могло сопровождаться музыкальным аккомпанементом.) В последующие века особое внимание «Слово о полку Игореве» привлекало в годы знаменательных событий государственной истории, обусловивших повышенный интерес к взаимосвязи времен и к памятникам культуры, ее отражавшим. Так было после впечатляющей победы на поле Куликовом, оцененной как «Мамаево побоище», когда «Слово» использовалось как образец автором «Задонщины».

Это — по определению Д.С. Лихачева — «эпоха крутого подъема, время разнообразного и напряженного творчества, время интенсивного сложения русской национальной культуры»². Так было в конце XV – начале XVI в., в пору оформления централизованного государства в России, когда сочли необходимым сделать список «Слова», по которому готовили его издание в конце XVIII в. Небезлюбопытно, что список этот в рукописи из Северо-Западной Руси, ибо в период явственного усиления московской государственности и провозглашения именно московских государей наследниками международного величия государей Древней Руси на северо-западе Руси стремились представить носителями историко-культурных традиций Древней Руси Новгородскую и Псковскую земли.

То, что открытый в конце XVIII в. памятник культуры Древней Руси был тотчас же высоко оценен и как шедевр художественного творчества, и как важный исторический источник, объяснялось тем, что тогда — особенно после побед «екатерининских орлов» — общественная мысль образованных россиян была на взлете национального историко-культурного сознания, а историческая и филологическая науки в России приблизились уже к высокому уровню современных европейских знаний.

К тому времени были завершены многотомные труды В.Н. Татищева и М.М. Щербатова обо всей российской истории по начало XVII в. и созданы работы в области «местнографии» — самая значительная из них и совершенная по методике «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» Е. Болховитинова издана в тот же год, что и «Слово о полку Игореве». Имелся уже немалый опыт выявления исторических источников, их публикации и

исследования (особенно летописей), а описание старинных документов в Московской коллегии иностранных дел признавалось образцовым. Сохранению российских достопамятностей стали уделять внимание коллекционеры. Н.М. Карамзин уже погрузился в изучение памятников российской истории, готовясь стать «историографом Российской империи». Степень интереса и уважения к памятникам прошлого — всегда и признак современного уровня культуры и общественного сознания.

Издание «Слова» двести лет назад явилось событием, не только предопределившим многое в сфере развития науки, литературы, искусств, чему, собственно, и посвящен мой доклад, но и замечательным явлением в области, которую теперь характеризуем как научно-организационную.

Это едва ли не первый пример столь результативного творческого и организационного сотрудничества ученых (причем и историков, и филологов) с архивистами. (История этого содружества в течение не одного года детально рассмотрена в трудах В.П. Козлова.) Именно с тех пор берет начало практика совместной подготовки документальных публикаций сотрудниками хранилищ документов и исследователями (т.е., если употреблять терминологию наших дней, сотрудниками научно-исследовательских учреждений и вузов).

Традицией стало и то, что памятники древнерусской литературы изучают, описывают, готовят к публикации не только филологи, но и историки: среди занимавшихся изучением летописания и разработкой правил издания летописей самые знаменитые имена и филологов (А.А. Шахматов, Д.С. Лихачев), и историков (М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков), не говоря уже о многих других.

Первым исследователем и публикатором повестей о так называемом Смутном времени, введшим их в круг памятников литературы, был историк С.Ф. Платонов. Широко известную академическую серию «Литературные памятники» начали изданием в 1948 г. «Хождения за три моря» Афанасия Никитина: в книге текст, подготовленный к печати филологом В.П. Адриановой-Перетц, и статьи и комментарии историков. Такая практика изучения и издания нарративных памятников допетровского времени объясняется тем, что некоторые из них признаются памятниками и «исторической мысли», и «литературными».

Это и первый пример плодотворного творческого сотрудничества мецената и ученых, когда меценат не только обеспечивает издание материально, но и сам как ученый старается участвовать в его подготовке. Такое случается нечасто. Граф Н.П. Румянцев необычайно много сделал как собиратель и хранитель памятников истории и культуры, обеспечивавший их публикацию, как организатор работы ученых, заинтересованно помогавший им, но сам не пробовал силы в области исторических исследований. А.И. Мусин-Пушкин же был и автором самостоятельных научных трудов, и соучастником коллективных начинаний. Как авторы научных трудов о памятниках древности (и словесных, и вещественных, и изобразительных) позднее выступали и другие меценаты: из титулованной аристократии граф С.Г. Строганов, супруги граф и графиня А.С. и П.С. Уваровы; на рубеже уже XIX и XX вв. в среде коммерсантов Андрей Александрович Титов из Ростова Великого — коллекционер, историк, археограф. Сейчас ярославским историком, редактором «Ярославской старины» Я.Е. Смирновым подготовлен библиографический

указатель трудов Титова с очерком о его жизни и деятельности. Особенно велик вклад Титова и его тестя И.А. Вахрамеева в сохранение и изучение памятников истории и культуры Ярославского края.

Кажется, впервые публикация текста памятника предвлялась и сообщением о памятнике в периодическом издании, рассчитанном на широкого читателя, тем более зарубежного: в октябрьском номере гамбургского журнала «Spectateur du Nord» за 1797 г. в статье «О русской литературе» Н.М. Карамзин сообщил о находке «Песни воинам Игоря» и высказал соображения, что напоминание о Бояне свидетельствует о том, что и до конца XII в. «в России были великие поэты, творения которых поглощены временем».

«Слово о полку Игореве» сразу же стало восприниматься как вершинное воплощение духа отечественной древности. В 1801 г., предпринимая издание иллюстрированной периодической серии «Пантеон российских авторов или собрание их портретов с замечаниями», Карамзин в самом начале книги поместил стилизованное изображение Бояна. Образность «Слова», его художественная стилистика и лексика (употребление заимствованных оттуда лексем и фразеологизмов) обнаруживаются уже в первое десятилетие XIX в. в произведениях выдающихся мастеров (начиная с самого прославленного тогда поэта Г.Р. Державина). В 1808 г. к возобновлению после пожара работы в Москве Петровского театра С.Н. Глинка написал «пролог с хорами и балетами» — «Боян, русский песнопевец древних времен». Главный герой театрального действия Боян изображен был на Олимпе в окружении муз и античных богов; в патриотических стихах его явно обнаруживалась оценка политических событий современности. Ю.М. Лотманом отмечено, что Боян «прочно и безоговорочно вошел в литературу раннего русского романтизма», стал «нарицательным именем, обозначающим древнерусских поэтов вообще».

Это — показатель знакомства со «Словом о полку Игореве» и «широкой публики». Введение «Слова» изданием 1800 г. в обиход культуры имело большое значение для развития и науки, и литературы и искусств, и воспитания историей. Сфера наук, в той или иной мере отражающая значение «Слова», тем более знакомство с ним, очень широка. Естественно, что первая публикация «Слова» сыграла заметную роль в развитии специальных историко-филологических научных дисциплин — археографии, текстологии, кодикологии, палеографии, книговедения. Потому-то и самый факт издания (и его подготовка, и его особенности) давно уже стал темой и историографических исследований в этих областях знания, и монографии (как у Л.А. Дмитриева), и многих статей и трудов более общего характера (как признаваемая классическим трудом книга Д.С. Лихачева «Текстология на материале русской литературы X–XVII вв.», обойденная почему-то в списке литературы, приложенном к статье «Первое издание “Слова”» в пятитомной энциклопедии о «Слове»), а затем и учебной литературы для вузов.

Сейчас нетрудно обнаружить недочеты первого издания, если подходить к нему с критериями сегодняшних знаний и методик. И странно, если было бы иначе: это значило бы, что наша наука не развивается и методика не совершенствовалась за двести лет. Воспроизведение текста издания 1800 г. в большой книге 1805 г. А.С. Шишкова «Примечания на древнее сочинение, называемое “Ироическая песнь о походе на половцев, или Слово о полку Игоревом”» с дополнительными

комментариями Шишкова послужило поводом для новых разысканий и лингвистического, и историко-литературного характера, способствуя тем самым и изучению, и популяризации памятника. После того издания «Слово», как правило, сопровождалось и лингвистическими, и историческими комментариями. Этот опыт помогал выработке норм так называемых академических изданий, т.е. по всем спискам, с указанием разночтений, предисловием (или статьями) о происхождении и местонахождении памятника, текстологическими соображениями, с комментариями, примечаниями. К «Слову о полку Игореве» обращались филологи разного профиля — и языковеды, и историки литературы, и фольклористы, причем не только слависты, но и востоковеды (в 1970-е гг. даже в газетах рассуждали о выводах О. Сулейменова — в его статьях и книге «Аз и Я», — полагавшего, что исходный текст «Слова» «тюркский»). «Слово» рассматривали в сравнении с памятниками и древнерусской литературы, и литературы других народов, с самыми выдающимися произведениями средневековой литературы и Западной Европы («Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах»), и на восточных языках («Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели). Интерес к «Слову» побудил Пушкина к ученым занятиям филолога — он готовился написать о памятнике в стиле знаменитого тогда исследования Шлецера о «Нестеровой летописи».

Среди писавших о «Слове» специально, не говоря уже о характеристиках, упоминаниях «Слова» в трудах более широкой тематики, имена едва ли не всех видных филологов-славистов начиная еще с первой половины XIX в. (А.Х. Востокова, С.П. Шевырева, И.И. Срезневского, Ф.И. Буслаева) до фундаментальных трудов по истории «русского литературного языка старшего периода», С.П. Обнорского (в 1930–1940-е гг.), Л.А. Булаховского и других, — вплоть до наших дней.

Особенно много сделано было В.Н. Перетцом и его научной школой. В послевоенные годы изучение «Слова» — одна из ведущих тем научного творчества сотрудников обоих академических институтов — Пушкинского Дома и Института мировой литературы, ученых, группировавшихся вокруг В.П. Адриановой-Перетц, И.П. Еремина, Д.С. Лихачева в Ленинграде, Н.К. Гудзия в Москве. И ныне на нашей конференции выступают докладчики, приобщающие к дальнейшему изучению «Слова» и в научно-исследовательских учреждениях, и в высших учебных заведениях, и — что существенно важно — не только в обеих столицах российской культуры Москве и Петербурге или в столицах Украины и Беларуси, но и в провинциальных вузах и хранилищах памятников истории и культуры — музеях, библиотеках, архивах. О «Слове» писали ученые, отличившиеся особым многообразием филологических интересов, — А.Н. Веселовский и В.Ф. Миллер. Попытку ритмической и акцентной реконструкции «Слова» предпринял в 1909 г. Ф.Е. Корш — специалист по сравнительному и общему языкознанию, активно владевший многими языками. Крупнейшие ученые, известные фундаментальными исследованиями широкой проблематики, полагали важным подготовить издание текста с комментариями, как А.А. Потебня в 1877 г., или в учебных целях, как Н.С. Тихонравов в 1866 г., даже препарировав его (опуская «темные места» и систематизируя правописание), как Ф.И. Буслаев во много раз переиздававшейся «Русской хрестоматии». Буслаев же выполнил для обучения цесаревича прозаический перевод «Слова» с наивозможным сохранением художественных особенностей па-

мятника. Такое творческое участие видных исследователей в организации процесса преподавания в высшей и средней школе способствовало совершенствованию и приемов педагогики.

Комментаторами «Слова» выступали и ученые в области естественных наук: биолог Н.В. Шарлемань объяснил фенологические приметы «Слова», доказал великолепную осведомленность автора о повадках животных и птиц, даже высказал гипотезу об авторе памятника, приписывая его самому князю Игорю Святославичу (что позднее поддержал писатель В.А. Чивилихин). Следует особо указать и на то, что едва ли можно назвать другой памятник отечественной литературы (во всяком случае до времени творчества Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского), в изучение которого внесли бы такой серьезный вклад и иностранные ученые (что четко прослеживается по «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”»). А это имело немалое значение вообще для закрепления интереса к истории и культуре России в зарубежной научной литературе и в общественном мнении.

О «Слове о полку Игореве», конечно, много писали и историки. У Н.М. Карамзина только в книгах «Истории государства Российского» 17 выписок из древнерусского текста и перевод. Сразу же стал рассуждать о «Слове» и Евгений Болховитинов, с деятельностью которого связаны успехи специальных исторических дисциплин и «местнографии»: он не сомневался в древности «Слова», но первоначально полагал, что «это — памятник XIV или XV века». Показательно, что в работах собственно исторического содержания историки подходят к «Слову» и как к памятнику художественной литературы, используя приемы и собственно филологической «критики» (Н.А. Полевой, М.П. Погодин, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.И. Костомаров, выступивший в 1870 г. с публичной лекцией о «Слове», отстаивая его подлинность). С.М. Соловьев обращается к «Слову» как к историческому источнику при характеристике времени, предшествовавшего вторжению кочевников. О «Слове», месте его происхождения (и соответственно отражении локальных историко-географических обстоятельств) писали Д.И. Багалей, М.С. Грушевский и другие историки рубежа XIX и XX вв. М.Д. Приселков в 1941 г. опубликовал именно в историческом журнале («Историк-марксист») статью «“Слово о полку Игореве” как исторический источник», а М.Н. Тихомиров намерен был выступить на Всемирном конгрессе славистов в 1965 г. с докладом об историко-географическом крутозоре автора «Слова» (это — последняя по времени его заявка на тему доклада, сделанная незадолго до кончины, что не указано в статье о М.Н. Тихомирове в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”», так же как и то, что он возражал против приемов организации обсуждения гипотезы А.А. Зиминой). Оказывается, и младший любимый брат академика Борис Николаевич Тихомиров, начинавший путь в науку трудами краеведческой тематики, автор работ и о России XVI–XVII вв., и о советском периоде, павший жертвой репрессий в 1938 г., в анкете для поступления в аспирантуру Института истории РАНИОН в 1927 г. указал (как выяснил по архивным материалам А.В. Мельников) рукопись в два печатных листа «Стихотворная основа “Слова о полку Игореве”». Отмечавший в разговорах со мною особую талантливость погибшего Б.Н. Тихомирова А.В. Арциховский в своих работах показал соответствие реалий «Слова» наблюдениям археологов о предметах, бытовавших в период битвы Игоря Святославича.

Н.Н. Воронин рассматривал «Слово» в контексте с образностью памятников изобразительного искусства (и особенно архитектуры и прикладного искусства) рубежа XII и XIII вв., выявив близость и общественных воззрений их авторов. Не только широкого профиля филологом, но и историком-комментатором выступает зачастую и Д.С. Лихачев. Особенно много писал о «Слове», названных там лицах, связанных с ним событиях государственно-политической истории и истории летописания Б.А. Рыбаков. Это отражено и в заголовках некоторых его книг: «Слово о полку Игореве» и его современники», «Русские летописцы и автор “Слова о полку Игореве”», «Петр Бориславич: поиск автора “Слова о полку Игореве”». Таким образом, историки использовали текст «Слова» и как источник изучения Древней Руси и шире — Восточной Европы времени описываемых там событий и в то же время комментировали текст памятника данными, извлеченными из других источников той же эпохи. В контексте развития литературы и искусств в период до татаро-монгольского нашествия рассматривали его и филологи, и искусствоведы.

Однако сразу же после первого издания «Слова» раздались голоса сомневавшихся в том, что это произведение современное или очень близкое по времени к изображенным там событиям. Тотчас же возникло и противостояние тем, кого стали называть «скептиками». Но труды и такой направленности, как сейчас понимаем, способствовали дальнейшему росту исследовательского мастерства ученых и интересны для историографов в плане изучения развития методики работы историков и филологов и организации их совместных трудов. Небезлюбопытны эти факты и для изучающих историю общественного сознания, историко-культурных (а иногда и идеолого-политических) представлений, даже практику общественных отношений.

Прежде всего, возник вопрос о степени соответствия опубликованного списка «Слова» его первоначальному тексту. И не только потому, что с совершенствованием текстологической и собственно археографической культуры ученых со все большей очевидностью выявлялись вызывавшие недоверие элементы воспроизведения рукописи и в издании ее, и в копии, сделанной ранее для Екатерины II, а обратиться к самой рукописи после гибели ее в московский пожар 1812 г. невозможно. В период ознакомления с рукописью и подготовки ее к печати не обрели еще навыков в филигранологии и не умели использовать как важный датирующий признак водяные знаки: потому-то и по сей день сохраняется разноречие мнений о времени создания опубликованной рукописи «Слова». А это важно знать и для определения возможных поновлений и изменений в тексте, характерных для той или иной эпохи, — и собственно лингвистического плана (в произношении и написании слов), и показательных для стилистики письменности и уровня историко-культурной образованности, особенностей общественного сознания. Постепенно накапливаемый опыт сопоставительного рассмотрения памятников литературы Древней Руси убеждает в том, что поновления в тексте (не говоря уже о перестановках фрагментов и пропусках) — характернейшее явление для культуры письменности в Средние века. Это происходило чаще всего из-за непонимания словаря давних лет или написания собственных имен, неясности (для читателя через века) изложения и истолкования событий и т.д.

Но иногда были и поновления преднамеренные — из-за стилистической прихотливости переписчика (или заказчика копии) или даже в угоду политико-идео-

логической тенденции. Понятие об авторском праве тогда еще не сформировалось (так же как и представление об индивидуальном авторском стиле), точности в воспроизведении прежнего текста почитали обязательным придерживаться только при переписке тех рукописей, которые воспринимались как «священное писание». (И оттого-то исследование специфики поновлений в текстах средневековых рукописей, их происхождения, локальных и хронологически определяемых особенностей стало предметом специальных исследовательских штудий.) Это позволяет полагать, что и переписанный (или впервые записанный со слуха) текст сторевшей рукописи не был аутентичным первоначальному тексту «Слова», и тому обнаруживалось все больше подтверждений, причем зачастую исследованиями ученых, убежденно относивших время создания памятника к концу XII в. Предполагали, что из текста были устранены более заметные прежде фольклорные воздействия, что он был обработан в книжно-литературном стиле последующих веков. И потому А.А. Шахматов не решался, признавая древность литературного памятника, обращаться к нему как к собственно лингвистическому источнику. На это указывал в середине 1960-х гг. и В.В. Виноградов. Некоторые историки в недавнее время пытались обосновать мысль о создании «Слова» в XIII в., через несколько десятилетий после похода князя Игоря, под впечатлением столкновений не с половцами, а уже с татаро-монголами, и усматривали в «Слове» аллюзии, понятные современникам битвы на реке Калке (гипотеза Д.Н. Альшица) или Александра Невского (гипотеза Л.Н. Гумилева). Но объединяет этих ученых (начиная с Е. Болховитинова) то, что они рассматривают «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусской литературы, причем до времени Ивана Грозного. И все эти размышления к тому же оставались, как правило (за исключением, пожалуй, суждений Л.Н. Гумилева, падкого на публичность), достоянием сравнительно узкого круга ученых. Широкою же известностью и значительный общественный резонанс вызвали суждения тех, кто признавал «Слово» позднейшей имитацией, подделкой XVIII в., сделанной под впечатлением знакомства с мнимыми «поэмами Оссиана» 1760-х гг., тогда еще казавшимися подлинными и восторженно встреченными и в Западной Европе, и виднейшими литераторами и просвещенными людьми среди россиян, или даже в угоду государственно-историческим воззрениям современников Екатерины II.

Предположение, что «Слово» — имитация недавних лет, возникло, видимо, уже на рубеже XVIII и XIX вв., сразу же после статьи Карамзина, впервые возвестившего миру об этом памятнике культуры. В то же время показательно и то, что именно издание «Слова» в 1800 г. убедило едва ли не самого авторитетного тогда знатока источников по истории Древней Руси А.-Л. Шлецера в том, что «Слово» — «творение в поэтической прозе, древнее и даже подлинное». Пушкин писал позднее об этой рецензии 1801 г.: «Великий критик Шлецер, не видав “Песни о полку Игореве”, сомневался в ее подлинности, но, прочитав, объявил решительно, что он полагает ее подлинно древним произведением, и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидна казалась ему истина!»

Собственно «скептиками» должно называть среди «критиков» «Слова» лишь тех, для кого «Слово» — поздняя фальсификация. Остальные, признавая «Слово» памятником Древней Руси, сомневались лишь в первоначальной датировке памятника (XII или XIII в.?) и в степени соответствия дошедшей рукописи первоначальной.

чальному тексту памятника, а также в датировке этой копии или записи (XIV, XV, XVI вв.?). Среди скептиков называли и графа Н.П. Румянцева. Это могло быть и следствием (и отражением) соперничества знаменитых титулованных меценатов: они ревниво относились к успехам друг друга в сфере собирательской и научно-просветительской деятельности, и Румянцеву было отнюдь не неприятно отметить, что Мусин-Пушкин доверяет фальсификаторам рукописей и подбирает некомпетентных научных консультантов. Полагаю, что Румянцев не мог заподозрить участие самого Мусина-Пушкина в подделке и допустить, что аристократ по рождению, столь многим обязанный Екатерине II, способен представить императрице фальсифицированную рукопись, выдавая ее за драгоценный памятник древности; обнаружение подлога стало бы позором для фамильной чести и вельможных Мусиных-Пушкиных, и связанных с ними родством. Однако Румянцев, думается, опирался и на суждения знатоков старины, и молва могла ссылаться потому на мнение и его ученого «кружка». Напомним, однако, что самый научно подготовленный и даровитый из младших участников «кружка» К.Ф. Калайдович, изучавший язык «Слова», обнаружил уже в 1813 г. в рукописи псковского Апостола 1307 г. приписку, напоминающую фрагмент из «Слова».

Общественное внимание к вопросу о времени сочинения «Слова» обусловлено было и изменением отношения к познанию далекого прошлого россиян после победоносной войны с Наполеоном, особенно с появлением в 1818 г. первых восьми томов «Истории государства Российского» Карамзина, когда, по словам А.С. Пушкина, «все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом...»³ События и люди Древней Руси все в большей мере вследствие этого становились темой творчества в художественной литературе и в искусстве, т.е. в сферах, вызывающих интерес и широкой публики. Интерес к этому не ослабел и к середине 1820-х гг. Изучавший особенности ментальности и поведения высшего общества этих лет Л.Н. Толстой намерен был, готовясь писать роман о декабристах, сделать темой разговора в великосветском салоне в канун восстания выход в свет в 1824 г. X и XI томов «Истории» Карамзина, тех самых, к которым обращался «гением его вдохновленный» Пушкин, создавая трагедию «Борис Годунов»⁴. Известно и о публичном споре о времени создания «Слова» при посещении А.С. Пушкиным Московского университета 27 сентября 1832 г., когда, по воспоминаниям студента той поры писателя И.А. Гончарова, Пушкин «горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него беспощадный аналитический нож».

Сомнения в древности «Слова» первоначально базировались на распространенном тогда представлении о «варварстве и невежестве» Древней Руси — в начале XIX в. еще не знали восхищающих нас памятников архитектуры, скульптуры, живописи, созданных до нашествия кочевников; не развита была археология, принесшая нам к концу нынешнего века убеждение в массовом распространении тогда писем на бересте; мало осведомлены были и о развитии древнерусской литературы. Да и общепринятым было отношение к периоду Средневековья как к «темным векам», унаследованное от гуманистов эпохи Возрождения. Иное мнение начало утверждаться вместе с идейным и художественным направлением — «ро-

мантизмом», что следует иметь в виду и при объяснении восторженного отношения «публики» к «Истории» Карамзина, — и в Западной Европе, и в России популярнейшим писателем стал тогда Вальтер Скотт. В дальнейшем не соглашавшиеся с мнением «скептиков» опирались не только на все расширявшиеся знания о Древней Руси и ее культуре и о развитии древнерусской литературы, но и на углублявшиеся знания о науке и литературе XVIII в., уровне осведомленности в те годы об источниковой базе истории Руси XII–XIII вв. Убеждались в том, что до появления «Истории» Карамзина не было еще стольких сведений о князьях и междукняжеских отношениях в конце XII в. Незнакомы были и с памятниками древнерусской литературы (или именно такими их списками), которые введены были в научный обиход лишь в XIX в. Не знали и древние слова на восточных языках, выявленные учеными позднее. Стали понимать и то, что для создания памятника такого художественного совершенства необходима определенная литературно-художественная традиция — ведь предшественниками Макферсона, вольно обрабатывавшего в середине XVIII в. кельтские народные предания, приписывая их Оссиану, были Шекспир, Мильтон, Свифт и другие выдающиеся писатели.

Снова «скептический» взгляд на «Слово» стал предметом серьезных научных дискуссий после работ французского слависта А. Мазона (в конце 1930-х гг.), полагавшего, что сочинение это сфабриковано в окружении Мусина-Пушкина. Интересно отметить, что с обстоятельными возражениями сразу же выступили эмигранты из России (и старших поколений, и Р. Якобсон) и иностранные ученые и писатели. Мобилизовало это внимание к такой проблематике и советских исследователей, причем изучающих и культуру Древней Руси, и культуру XVIII в. Глубокий знаток этой эпохи Ю.М. Лотман в работе «“Слово о полку Игореве” и литературная традиция XVIII – начала XIX в.», используя многообразный материал, показал органическое несоответствие памятника представлениям россиян второй половины XVIII в.

В СССР проблема времени происхождения «Слова» приобрела общественный резонанс со второй половины 1960-х гг. в связи с источниковедческого характера исследованиями видного историка А.А. Зимины, выявившего недостаточную убедительность некоторых положений, казавшихся традиционными в историографии изучения «Слова». Соображения ученого близки к взглядам Мазона: создателем блестящей имитации древнерусского памятника был, по его мнению, знаток и древнерусской письменности, и фольклора; таким он видит Иоиля Быковского. Труды Зимины стимулировали активный интерес к изучению и самого «Слова» (причем в контексте с другими памятниками культуры), и бытования и издания рукописи (в конце XVIII в.), и соответственно всего, что имело отношение к рукописям, хранившимся в Спасо-Ярославском монастыре.

Пятитомная «Энциклопедия “Слова о полку Игореве”» демонстрирует заметное возрастание с тех лет числа и научных трудов, и публицистических сочинений, в той или иной мере касающихся «Слова». И доклады пленарного заседания нашей конференции обобщают как раз преимущественно выводы и наблюдения исследователей «Слова» в последние десятилетия. Последователей А.А. Зимины, склонных продолжать конкретные историко-филологические исследования в заданном им направлении, оказалось немного. И историю обсуждения, тем более осуждения этой концепции, следует рассматривать скорее в плане политической истории и

истории общественного сознания. Это — очевидный пример организации высшими партийными инстанциями противостояния неуютным суждениям ученого даже мировой известности. Потому и многие из тех, кто не согласен был с мнением Зимина, сходились в своем неприятии приемов обсуждения его труда и формулировок, однозначно негативно оценивающих — да еще зачастую с шовинистических позиций — сделанное им. Иным А.А. Зимин казался отверженным, даже «страдальцем» за идею. Это отражалось, конечно, на психике и самого ученого, его физическом самочувствии. Теперь, по прошествии десятилетий, к построениям А.А. Зимина допустимо подходить и в контексте эпидемии пересмотра устоявшихся датировок исторических памятников. (В области изучения истории древнерусской литературы наиболее известны попытки американского историка Э. Кинана доказать, что сочинения Курбского и Ивана Грозного созданы в XVII в.) Здесь сфера деятельности историографа сближается с тем, чем занимается психология; и интересно не только творчество ученого, но и восприятие его сочинений и другими специалистами, и широкой публикой.

«Слово о полку Игореве» привлекало в исследовательском плане не только ученых-профессионалов. Напомним снова о великом примере Пушкина. В советские годы среди изучавших язык и исторические реалии «Слова» — поэт Н.Н. Асеев, актер Московского художественного театра И.М. Кудрявцев, статья которого напечатана и в «Трудах Отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома. Известна их переписка о «Слове» с Д.С. Лихачевым: переписка с Асеевым опубликована, с Кудрявцевым готовится к печати в журнале «Отечественные архивы». Там в одном из писем (1948) Лихачев заметил: «Я всегда был убежден, что по-настоящему знают литературу не “литературоведы” (сухари, без чувства литературы — все, все без исключения), а читатели».

Понятно, что «Слово» очень много значило для передовых школьных учителей. В 1930–1940-е гг. одним из самых видных московских педагогов-словесников был И.И. Зеленцов, преподававший в бывшей Флеровской мужской гимназии близ Никитских ворот, ставшей школой имени Фр. Нансена (погибшим на войне учителям и ученикам ее поставлен широко известный памятник «Реквием. 1941»). Он переехал в Москву в годы революции из Рыбинска. Сейчас издана книга воспоминаний и статей «“Ты, солнце святое, гори”, книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцове», с большим разделом о его домосковском периоде жизни, где напечатана статья краеведа Ю.И. Чубуковой «О чем рассказывают архивы города Рыбинска». У нашего любимого и, как осознаю сейчас, необычайно одаренного учителя была лекционная манера занятий. И начинал он со «Слова», и темой первого сочинения, которое нам было неожиданно предложено написать в течение одного урока, было сочинение о Бояне: так учитель хотел узнать способности начинавших учиться у него в восьмом классе. А это то поколение выпускников школ предвоенных лет, о котором вскоре напишет С. Наровчатов: «В любой я бабе видел Ярославну, / В любом ручье Непрядву узнавал». Знаменитый московский учитель-методист, а затем профессор педагогического института М.А. Рыбникова сделала даже серию рисунков к «Слову», которые демонстрировались на уроках (в том числе и «открытых уроках» для учителей) и по-смертно были изданы.

Уже с первого десятилетия XIX в. стали появляться переложения и переводы «Слова» (или его фрагментов) и широко известных тогда авторов, и любителей. Среди них и Карамзин, и Шишков, и Капнист, и отец княгини Зинаиды Волконской князь Белосельский-Белозерский. Жуковский передал свой перевод Пушкину, когда тот имел намерение подготовить исследование о «Слове» (возможно, что он сделал это и для того, чтобы отвлечь Пушкина от тяжелых мыслей в преддуэльные месяцы). Переводчиками были и выдающиеся поэты (Аполлон Майков, Мей, Бальмонт, Заболоцкий и др.), и ученые-филологи (это обычно прозаический перевод), среди них видные историки древнерусской литературы (А.С. Орлов, Н.К. Гудзий, Д.С. Лихачев и др.). В развитии показательного для нашей словесности переводческого мастерства велико значение и работы по переводу «Слова о полку Игореве». «Слово о полку Игореве» переведено на многие языки: поэтические и прозаические переводы, полностью и во фрагментах. Как переводчики подвизались и самые знаменитые писатели: на немецкий язык переводил Рильке, на английский — Набоков, на польский — Тувим, на украинский — Шевченко, Франко, Рыльский, на белорусский — Купала, на армянский — Туманян. Переводы и переложения «Слова» включаются в труды о русской и мировой литературе (среди авторов которых и очень известные: поляк А. Мицкевич, датчанин Брандес, итальянец Ло Гатто). Тем самым «Слово» приобщало к познанию и начального этапа развития литературы, великие творения которой признаны были на рубеже XIX и XX вв. вершинными в мировой литературе. Оно обогащало и представления о Древней Руси, ее культуре. Тема «Воздействие “Слова о полку Игореве” на развитие художественной литературы и искусств» и отражение не только стилистики «Слова», но и его содержания в произведениях последующих веков может стать предметом специального историко-культурологического исследования. Ограничусь лишь наиболее известными именами: Державин, Херасков; Рылеев, Шевченко и другие в XIX в., Блок, Брюсов, Бунин, Волошин в досоветские годы, многие поэты советских лет.

Образы Бояна и Ярославны стали нарицательными, символами. Плач Ярославны известен в многочисленных переводах на русский и украинский языки. Ярославна — героиня стихотворений и поэм. В годы Великой Отечественной войны П.Г. Антокольский писал поэму «Ярославна». Ольга Берггольц в осажденном Ленинграде восклицала: «Так некогда друга отправив в поход, / на подвиг тяжелый и славный, / рыдая глядела века напролет / со стен городских Ярославна. / Молила, чтоб ветер хоть голос домчал / до друга сквозь дебри и выси...» Образ этот вдохновил челябинскую поэтессу Л. Татьяничеву на стихотворение «Ярославна» о вечном ожидании мужа-воина («Сколько дней, сколько длинных столетий / я тебя, мой единственный, жду <...> / И тебя я, твоя Ярославна, / в славе подвигов ратных дождусь...»). Образ Ярославны и в творениях мастеров живописи, графики, росписи по фарфору. Ленинградский композитор Б.И. Тищенко — создатель (в 1974 г.) новаторского по музыке балета «Ярославна», а хореограф О. Виноградов, осуществляя его постановку, ввел в партитуру хор, исполняющий строки «Слова о полку Игореве».

Сюжет и герои «Слова» вдохновляли многих живописцев и графиков. Особенно широко известны гравюры В.А. Фаворского и иллюстрации палешанина И.И. Голикова, с 1980-х гг. — гравюры Д.С. Бисти. К образам «Слова» обращались и художники эмиграции, причем не только к книжной иллюстрации, — И. Били-

бин создал также два панно. Великая опера А.П. Бородина «Князь Игорь» — и красочные постановки ее, и исполнение арий певцами и симфонических фрагментов оркестрами — много способствовала популяризации «Слова о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» вошло в корневую систему нашей отечественной культуры и в представления за рубежом о нашей культуре. «Слово» — то великое наследие, с которым мы с гордостью и радостью вступаем в новое тысячелетие.

¹ Шмидт С.О. «Слово о полку Игореве» и становление и развитие понятия о памятнике культуры // Памятники Отечества. 1986. № 1. С. 152–161 (также в кн.: Шмидт С.О. Археография. Архивоведение. Памятниковедение. М., 1997. С. 144–163); Он же. «Слово о полку Игореве» и развитие понятия о памятнике культуры: К 800-летию «Слова» // Наука в СССР. 1986. № 6. С. 94–103 (то же на англ., исп., нем. яз.); Он же. «Слово о полку Игореве» в жизни Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф., 13–14 нояб. 1987 г. Таллин, 1987. С. 88–89; Он же. А.С. Пушкин о «Слове о полку Игореве» // Древности славян и Руси: (Сб. к 80-летию Б.А. Рыбакова). М., 1988. С. 169–174 (также в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 227–232); Он же. Перед дуэлью: «Слово о полку Игореве» — спутник последних месяцев поэта // Неделя. 1989. 5–11 июня. № 23.

² Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV в.). М.; Л., 1962. С. 4.

³ Пушкин А.С. Из автобиографических записок 1826 г. // Полн. собр. соч. в одном томе. М., 1949. С. 1429.

⁴ Подробнее см.: Шмидт С.О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского [Репринт изд. 1842–1844 гг.]: В 4 кн. М., 1988. Кн. 4. С. 39 (сопроводительные статьи к репринтному воспроизведению пятого издания «Истории»).

МОСКОВСКОЕ ДЕТСТВО ПУШКИНА*

У истоков творчества Пушкина — московское детство, Москва и Подмосковье. Между тем распространено представление, будто Пушкин, когда «хотел оглянуться на начало жизни», «неизменно вспоминал только Лицей — детство он вычеркнул из жизни. Он был человек без детства». Эта цитата из много раз переиздававшейся книги 1980 г. выдающегося нашего культуролога-литературоведа Юрия Михайлови-

* В основе статьи — доклад «Московское детство Пушкина» на научной конференции «На пороге третьего тысячелетия. Пушкин: русский гений и духовные ценности человека», организованной 27 января 1999 г. в Актовом зале старого здания Московского университета Московским государственным университетом, Московской Патриархией и Институтом мировой литературы Российской академии наук. (Автор не имел возможности использовать данные, появившиеся в печати после завершения этой статьи. Среди работ этой тематики особенный интерес представляют: сборник статей ««Мое Захарово...»: Захаровский контекст в творчестве А.С. Пушкина» (М., 1999) и статья В.С. Листова «На тихих берегах Москвы...» в его книге «Новое о Пушкине: история, литература, зодчество и другие искусства в творчестве поэта» (М., 2000. С. 14–23). — *Примеч. к изд. 2004 г.*)

ча Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя (пособие для учащихся)»¹. Эффектная формулировка излишне категорична. Суждение это осталось и недостаточно обоснованным, хотя оно не соответствует тем знаниям, которые можно было почерпнуть и из первых биографий Пушкина, написанных еще младшими его современниками П.В. Анненковым* и П.И. Бартеневым, и уже тогда из наблюдений пушкиноведов последующих десятилетий об отражении детских, следовательно, московских (или подмосковных) впечатлений в творчестве Пушкина.

Из «новой яркой биографии поэта» «вдруг выяснилось, что про целую треть жизни Пушкина почти нечего сказать. Всех раззадорил Ю.М. Лотман» — так объясняет свое побуждение к изысканиям о московском детстве Пушкина В.Д. Берестов. Это мнение Лотмана оспаривает и Н.Н. Скатов в главе «Детство» книги «Пушкин. Русский гений», вышедшей в 1987 г. Статьи Берестова объединены были в издании, рассчитанном на массового читателя, — в книжечке «Ранняя любовь Пушкина» Библиотеки «Огонек» (№ 32 за 1989 г.)^{**}. Подход автора к теме особо интересен и своеобразен тем, что Валентин Дмитриевич выступает и как ученый-историк, и в то же время как поэт, имеющий личный опыт познания источников творческого воздействия и характерных черт творческой памяти при обращении к впечатлениям детства, к тому же поэт, много писавший для детей, следовательно, ощущающий и особенности детского восприятия.

Действительно, Пушкин как писатель (а книга Лотмана имеет четко определяющий ее направленность подзаголовок «Биография писателя») состоялся лишь в лицейские годы. Тогда только его и стали воспринимать как поэта: он обрел аудиторию и был принят как свой в среде литераторов (в литературно-общественном объединении — «Арзамасском братстве» — получает прозвище «Сверчок»). Именно тогда завязываются уже личные (а не по знакомству дяди и отца) близкие отношения с лицами мира литературы (с некоторыми — с Жуковским, Вяземским — на всю жизнь). Именно в лицейские годы закрепились и основы присущей Пушкину замечательной образованности и энциклопедической широты интересов, и убеждение в значении «дружества» (в XX уже столетии пленительный французский аристократ — и по душевному облику, и по фамильному происхождению — Сент-Экзюпери назовет его «роскошью человеческого общения»).

Соображения о начале писательского пути Пушкина именно в Лицее опираются на тексты и самого Пушкина — и не только поэтические (в обращениях к лицеистам, даже в «Евгении Онегине»: «в садах Лицея... являться Муза стала мне»), но и прозаические. В 1830 г. в не завершеном и не опубликованном при жизни «Опровержении на критики» он писал и о своей «16-летней авторской жизни», о том, что начал «писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени». И авторитетнейший знаток и биограф и текстов Пушкина Б.В. Томашевский, отмечая, что уже в стихах 1813 г. «чувствуется уверенность поэта, овладевшего техникой стихотворной речи», приходит к выводу: «По-видимому, именно написанное

* П.В. Анненков отметил: «Мы встречаемся еще в детстве Пушкина с предметами, которые впоследствии будут оживлены его гением»².

** По книге В. Берестова «Ранняя любовь Пушкина» (М., 1989) подготовлена была посмертно статья «Детство. 1799–1811» для книги 1999 г. «Пушкин и Москва» (С. 91–106).

в возрасте 13 лет явилось чем-то поворотным, значительным, решившим судьбу поэта. Все же, что написано до 1813 г., в глазах Пушкина было лишено всякого значения». «Можно заключить, что действительно колыбелью юной поэзии Пушкина был Лицей. Об этом неоднократно говорил Пушкин в своих стихах, и это, по-видимому, не поэтический вымысел, а исторический факт. Именно Лицей в какой-то мере стимулировал литературные занятия Пушкина»³.

Но «литературные занятия» могли стать постоянными и столь результативными только тогда, когда образовался достаточный для этого запас жизненных впечатлений и знаний. А процесс накопления происходил, конечно, не только со времени поступления Пушкина в Лицей.

Следует не упускать из виду и то, что Пушкин создавал (это отмечено уже и пушкинистами) несколько идеализированный облик Лицея, уподобляя его античному прообразу. И тем самым светлые лицейские годы («луч лицейских ясных дней» — слова послания И.И. Пущину) как бы противопоставлялись остальному и во времени (т.е. другим временам жизни поэта — и предыдущим, и последующим), и в пространстве даже («...нам целый мир чужбина, / Отечество нам Царское село» — в стихотворении «19 октября»).

Еще существеннее то, что при изучении биографии важны не только самооценка и вообще оценка какого-либо момента или периода жизни, его положительного (так же как и отрицательного) заряда, а прежде всего степень запечатления, воздействия (зачастую и невольного) на душу и разум. Особенно в детстве, когда возникают первичные представления о добре и зле, о долге и зависимости от внешних обстоятельств (хотя обычно пока еще в ощущении, а не в осмыслении), когда формируются привычки и вкусы, репертуар наиболее привлекательных и доступных знаний и занятий.

Сейчас считается общепризнанным, что все мы «вышли из детства», что именно в ранние детские, младенческие годы закладываются основы и характера человека, и его отношения к людям и к окружающему миру, направленность его интересов, проявляются ощутимые задатки наклонностей и способностей. Глубокий знаток детской психологии и один из крупнейших современных педагогов Ш. Амонашвили уверен в том, что «величайшая эпоха в жизни ребенка» совершается до трехлетнего возраста, и эта эпоха и нравственного возрастания. А в шесть лет «уже складываются образы, определяются вкусы», время кажется растянутым для ребенка, он устремлен в будущее.

Мы все, особенно люди почтенного возраста, можем по собственному жизненному опыту и при общении с близкими нам людьми убедиться в том, как надолго закрепляются в сознании нашем, в зрительной памяти, в памяти сердца впечатления первых десяти-двенадцати лет жизни — и события, и лица, и ландшафты, и сказанное нам (или нами), и прочувствованное тогда (и радости и обиды), и приметы повседневности, хотя это, как правило, явления не масштабного характера, и в оценке их теперь руководствуемся уже и последующим жизненным опытом — опытом увиденного, узнанного позднее. И нередко зароненное в душу в детские годы, запомнившееся десятилетия назад (слова, даты, обозначения на карте и тому подобное) всплывает через много лет в сознании и при совсем иных обстоятельствах. И, конечно, для Пушкина, такого впечатлительного и памятливого, столь

безмерно богатого мыслительными и зрительными ассоциациями, воспринятое в детстве не могло не играть формообразующую роль и человеческого характера, и литературного творчества. В творчестве классиков российской словесности немало следов отражения еще детских ощущений — примерно в те же годы у Лермонтова. Ограничимся произведениями тех, кто писал о московском детстве, — а это Герцен и Огарев, Островский и Салтыков-Щедрин, Достоевский и Л. Толстой, Шмелев и Андрей Белый, Пастернак и Цветаева, ближе к нам — Окуджава... Неужели Пушкин был обойден в этом?!

Пушкин утверждал: «Воспоминание — самая сильная способность души нашей»⁴. Пушкин уже «под старость молодости» (как он определял) был убежден, что душа живет воспоминаниями, а воспитание дается человеку «обстоятельствами его жизни и им самим — другого воспитания нет для существа, одаренного душою» (из письма А.А. Дельвигу, марта 1821 г.)⁵. И, думается, осознавал огромное значение для становления личности детских впечатлений и воспитания в детстве. Такое осознание и в системе ментальности людей его круга, и в дорогих ему традициях русской литературы. Пожалуй, отчетливее всего это выражено в незавершенном произведении Н.М. Карамзина «Рыцарь нашего времени». В этой автобиографической повести Карамзин впервые в нашей литературе задумал рассказать историю своего сверстника, показать «связи вещей и случаев» в его биографии, роль чтения в «образовании ума и чувства». Там и запоминающаяся формулировка: «Первое воспитание едва ли не всегда решает судьбу и главные свойства человека». Из этого убеждения исходил и старший друг Пушкина и учитель в поэзии В.А. Жуковский, согласившись стать наставником наследника российского престола и определяя для себя задачи своей деятельности⁶. Таким убеждением руководствовался и сам Пушкин, столь рано приступив к написанию «Воспоминаний» (текст которых затем уничтожил). Из набросков плана «Воспоминаний» ясно, что автор намерен был рассказать и о самых ранних впечатлениях — землетрясение в Москве произошло тогда, когда Пушкин был трехлетним (и тогда же это было отмечено Карамзиным).

О московском детстве, отражении его в сочинениях Пушкина писали и упомянутые ранее, и другие авторы трудов о Пушкине. Суммируя выявленные уже данные и добавив к ним дополнительные соображения (о чем и пойдет речь далее), допустимо утверждать, что ко времени лицейского поприща, когда всем очевиден стал замечательный поэтический дар Пушкина, он уже имел плодотворный для поэтического развития значительный запас жизненных наблюдений и отличался редкой в таком возрасте начитанностью и целеустремленностью мысли, воплощавшей все в литературные образы. Об этом можно судить на основании не только воспоминаний (отраженных на бумаге после кончины Пушкина, когда старались, быть может и невольно, усмотреть в его детских поступках и высказываниях предпосылки блистательного поэтического будущего), но и написанного самим Пушкиным, и прежде всего о Москве, москвичах, явлениях московского обихода. А также и ненаписанного Пушкиным — что не менее показательно!

У Пушкина нет описаний материнской любви, общения ребенка с матерью, детства в семейном кругу. Не встретим в стихах и упоминаний ни о матери, ни об отце. Случайно ли это? Думается, что нет. Пушкин не знал в детстве радости роди-

тельского очага. Родители его были в большей мере людьми публичной жизни, а не домашней, семейной, хотя и читали детям вслух, разыгрывали с ними театральные сцены, видимо, и шарады. К тому же мать имела вспыльчивый характер, не любила и не умела заниматься организацией домашнего обихода (это была сфера деятельности бабушки поэта по матери — Марии Алексеевны, к которой мальчик был очень привязан). А Пушкину свойственны были традиционные понятия и об уюте семейной жизни, и о родственных обязанностях — он любил старшую сестру, почитал необходимым проявлять заботу о младшем, по существу, непутевом брате; полагал обязательным жениться в срок, а женившись, достойно выполнять обязанности главы семьи соответственно общепринятым понятиям и защищать семейную честь (что и привело его к роковому концу). И сколько грусти и мудрости не по годам уже в письме Пушкина к брату 1820 г. о пребывании с семьей генерала Н.Н. Раевского на Кавказе и в Крыму: «...жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался»⁷. Тригорская приятельница Пушкина Н.Е. Вревская, вспоминая, как Пушкин ухаживал за умирающей матерью, пишет, что он «жаловался на судьбу», давшую ему лишь «такое короткое время пользоваться нежностью материнской, которой до того не знал»⁸.

Вероятно (это отметил еще П.В. Анненков), мать и любила будущего поэта меньше, чем других своих детей (видимо, в отличие от него, и более легких в общении, более понятных в своем поведении). Это отражено в воспоминаниях о стародворянской Москве Е.П. Яньковой — в знаменитых «Рассказах бабушки», записанных ее внуком Д.Д. Благово в 1850-е гг. Янькова была в дальнем родстве с Пушкиными (бабушка поэта Марья Алексеевна Ганнибал приходилась внучатой племянницей сестры ее мужа), они «между собой родством считались», были «знакомы», т.е. ездили друг к другу и «видались еще у Грибоедовых» (тоже дальних родственников Яньковой).

Старуха Янькова рассказывала: «В 1837 г., когда в феврале месяце пришло в Москву известие о печальной кончине славного сочинителя Пушкина, я тут вспомнила о моем знакомстве с его бабушкой и со всею его семьей». Пушкины жили «в 1809 или 1810 г.» у Елохова моста*, «нанимали там просторный и помещительный дом», кажется, у Бутурлиных. Янькова туда ездила с дочерьми «на танцевальные уроки, которые они брали с Пушкиной девочкой (т.е. Ольгой — сестрой поэта. — С.Ш.), с Грибоедовой (сестрой того, что в Персии потом убили)».

«Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведовала больше старуха Ганнибал, очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела вести дом как следует, и она также больше занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила. Старший внук ее Саша был большой увалень и дикарь, кудрявый мальчик лет девяти или десяти, со смуглым личиком, не скажу, чтобы слишком приглядным, но с очень живыми глазами, из которых искры так и сыпались.

Иногда мы приедем, а он сидит в зале в углу, огорожен кругом стульями: что-нибудь накуролесил и за это оштрафован; а иногда и он с другими пустится в плясы, да

* Мемуаристка либо неточно указала место жительства семьи Пушкина, либо это временное место жительства, не выявленное собиравшими сведения об адресах семьи Пушкиных, отраженных в делопроизводственной документации.

так как очень он был неловок, то над ним кто-нибудь посмеется, вот он весь покраснеет, губу надует, уйдет в свой угол, и во весь вечер его со стула никто тогда не стащит: значит, его за живое задели, и он обиделся; сидит одинешенек. Не раз про него говаривала Марья Алексеевна: “Не знаю, матушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком: то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что его ничем не уймешь; из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем все это кончится, ежели он не переменится”. Бабушка, как видно, больше других его любила, но журила порядком: “Ведь экой шалун ты какой, помяни мое слово, не сносить тебе своей головы”.

Не знаю, каков он был потом, но тогда глядел рохлей и замарашкой, и за это ему тоже доставалось... Мальчик Грибоедов, несколькими годами постарше его*, и другие их товарищи были всегда так чисто, хорошо одеты, а на этом всегда было что-то и неопрятно, и сидело нескладно»⁹.

Воспоминания Яньковой очень информативны. Маленький Пушкин рос, очевидно, не совсем обычным ребенком и казался медленнее других развивавшимся и физически, и умственно, а затем неожиданно быстро изменившимся — в Лицее он сразу же выделился и живостью ума, и физической ловкостью. Не напоминает ли это известное нам о раннем детстве А. Эйнштейна: гениальный ученый долго не начинал говорить, а в возрасте уже четырех-пяти лет заговорил сразу фразами. Не показатель ли это особо интенсивного раннего развития творческих задатков (первоначально потому внешне и не проявляемых в общепринятых нормативах)?

«Рассказы бабушки» подтверждают выясняемое и по иным источникам (прежде всего, воспоминаниям других лиц), и, главное, из сочинений самого Пушкина. В первой программе Записок, датируемой предположительно 1830 г., в кратком перечне «впечатлений» московского детства упоминаются «Первые неприятности», «Мои неприятные воспоминания», «Нестерпимое состояние»¹⁰, но согревала мальчика любовь бабушки. Можно полагать и то, что не только в память бабушки, но и с пожеланием быть похожей на нее первой дочери Пушкина дано имя Мария.

Становится очевидным то, что Пушкин с самых ранних лет имел общение и с детьми, и с взрослыми круга старомосковской аристократии, мог наблюдать и слышать разговоры лиц и окружения родителей, и поколения бабушки. Не забудем при этом, что круг знакомых Пушкиных — это московская аристократия именно той поры, которая отображена в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», где действие начинается в 1805 г. (таким было и заглавие романа в первом издании его начальной части).

Н.К. Телетова, исследовавшая женские линии в генеалогическом древе Пушкина, верно отметила: «Известно, что детские годы Пушкина определялись влиянием бабушки Марии Алексеевны в большей мере, чем чьим-либо иным. Она ввела внука в круг своей многочисленной московской родни, как бы расширив стены дома Пушкиных до пределов старой русской столицы»¹¹. И вряд ли случайно то, что юный Пушкин сблизился в Лицее изначально с теми, кто возрос в московской зна-

* Грибоедов родился в 1795 г. (или, по другим сведениям, даже в 1790 г.).

комой уже ему среде. Видимо, имели значение и притягательность привычного обихода повседневного общения, и воспитание на схожих локальных впечатлениях. Показательно также и то, что именно москвич Михаил Яковлев стал «лицейским старостой», организовывал ежегодные праздники Лицея — это в традициях исконно московского гостеприимства и поддержания давних знакомств.

Возможно, что мальчика «возили по родственным обедам» (характеристику которых находим в седьмой главе «Евгения Онегина») и он сопровождал взрослых в дневных визитах, — описание таких московских визитов с их бессодержательными разговорами и искусственностью поведения встречаем у Л.Н. Толстого (день рождения бабушки в «Детстве», «Натальин день» в доме Ростовых). Сходство тональности изображения и даже деталей в воспроизведении событий первого и четвертого десятилетий XIX в. позволяет думать, что, по мнению хорошо знавшего эту среду графа Толстого, за тридцать лет мало что изменилось в ритуале ее светского поведения, а также полагать, что в основе обоих описаний — врезавшиеся в сознание детские впечатления автора. Не возникало ли схожих ощущений и у мальчика Пушкина?

Безусловно, допускалось присутствие мальчика в гостиной и в кабинете родительского дома в часы прихода гостей — там-то он (судя по воспоминаниям) и поражал взрослых рано проявившейся склонностью к стихосложению и скоростью запоминания стихов, находчивостью остроумия, быстротой и непосредственностью реакции на слова и поведение других, своенравием.

Для познания мира первичного пушкинского восприятия важно учитывать и то, что в этой аристократической среде блюли традиции гостеприимства родственного общения (которое признавали — по мнению и коренных москвичей, и приезжих, и Герцена и Белинского — характерной чертой московских нравов): почитали фамильные связи, высоко ценили родословные (даже более, чем недавно возникшие роскошества людей «в случае»), любили напоминать об «исторических анекдотах» отошедших царствований. Обедневшие Пушкины по знатному происхождению и по родственной близости продолжали оставаться вхожими и в дома более богатых аристократов, даже титулованных вельмож. Выросший в схожих условиях князь П.А. Вяземский неизменно подчеркивал, что Пушкин — «родовой москвич».

В такой среде воспитывались сызмальства интерес к деятельности предков, гордость семейными преданиями; закреплялись еще в младенчестве генеалогические предрассудки. Полагают, что уважительный интерес Пушкина к собственной «родословной» пробудила бабушка Мария Алексеевна, и потому-то в неоконченной поэме 1832–1833 гг. «Езерский» он намеренно пишет об умершей бабушке в настоящем времени: «люблю», а не «любил» («Люблю от бабушки московской / Я слушать толки о родне...»). Впрочем, это может быть и литературным приемом, да еще с автобиографическим намеком, — указание на интерес автора к рассказам умных и памятливых старух-аристократок о преданиях и обычаях старины (как раз незадолго до того Пушкин расспрашивал дочь знаменитой княгини Е.Р. Дашковой о дворцовом перевороте 1762 г.).

В родственных связях (а возможно, и в богатстве фамильных воспоминаний) бабушка не уступала знаменитой рассказчице о прошлом Яньковой. По отцу она

из Пушкиных, возводивших род от сподвижника Александра Невского — родоначальника известных на рубеже XVIII и XIX вв. фамилий Мусиных-Пушкиных, Бобринцевых-Пушкиных, Бутурлиных, Мятлевых, Кологривовых, Каменских и других. Мать ее — урожденная Ржевская. В XVIII в. Ржевские были в приближении и у Петра Великого и у Екатерины Великой. Супруг ее — сын «арапа Петра Великого». Пушкин мог рано усвоить мысль о причастности его предков к значительным историческим событиям и о том, что их хорошо знали государи (и цари и императоры) и приближали и карали «род Пушкиных мятежный». С годами Пушкин все более дорожил «историческими» заслугами своих предков, подлинным аристократизмом своего происхождения («бойр старинных я потомок»)*.

Особенно существенно то, что родители поэта и их ближайшее окружение принадлежали к той сравнительно небольшой прослойке московской аристократии, которая отличалась не только «французской образованностью», но и тягой к литературно-художественным интересам. Дядя Василий Львович имел известность поэта, писавшего и на русском, и на французском языках, переводил на французский язык русские народные песни. Отец сочинял стихи на французском языке, мастерски читал французские драмы, особенно Мольера. В этом кругу изощрялись в каламбурах, эпиграммах, в искусстве рассказывать анекдоты. Общавшийся с семьей поэта дальний родственник камергер и генерал Алексей Михайлович Пушкин славился на всю Москву как актер-любитель — а это десятилетие особой моды на домашние театры, театрализованные шарады. В доме Пушкиных бывали литераторы — и самые знаменитые (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев), и начинавшие путь в литературу (К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский и другие). Пушкин имел с малых лет возможность слушать стихи в авторском исполнении, запоминать их «с голоса»**. И к юному Пушкину относится наблюдение А.И. Герцена в связи с характеристикой роли Н.М. Карамзина в развитии русской литературы и исторической мысли: «То, что наши первые писатели были светскими людьми, является большим преимуществом русской литературы. Они ввели в нее известное изящество, присущее хорошему тону, воздержанность в словах, благородство образов, отличающее беседу людей воспитанных. Грубость и вульгарность, встречающиеся порой в немецкой литературе, никогда не проникали в русскую книгу»¹⁶. Не тогда ли уже начало формироваться у Пушкина представление об «аристократизме» русской изящной словесности, о писателях-аристократах (отраженное в написанном им в конце 1820-х – начале 1830-х гг.)?

* В 1825 г. Пушкин пишет другу А.А. Дельвигу из Михайловской ссылки об «избрании Романовых»: «Неблагодарные! Шесть Пушкиных подписали избирательную грамоту, а двое руку приложили за неумением писать! А я, грамотный потомок их, что я? где я?»¹² И в объяснительном письме А.Х. Бенкендорфу по поводу стихотворения «Моя родословная» 1831 г. не без вызова сформулировано: «Признаюсь, я дорожу тем, что называют предрассудками... я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них»¹³. И в 1834 г. в автобиографических записках с гордостью замечает: «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории, не раз упоминается в томах «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (двадцать один раз!)»¹⁴.

** Н.Н. Скатов справедливо заметил, что Пушкин с самого раннего возраста «питался личными впечатлениями от своих литературных предшественников — подобного дара детства потом уже не получает ни один из русских поэтов и писателей»¹⁵.

В допожарное время улицы и переулки бывшей Немецкой слободы, где первоначально обитали Пушкины, были средоточием мест жительства московских литераторов и профессоров. Отец поэта вспоминал, как мальчик с особым вниманием вслушивался в беседу Карамзина. Пушкин еще мальчиком, видимо, не чувствовал особого стеснения в общении с известными людьми, т.е. и в таком обществе оставался самим собой.

Мог он рано осознать и то, как высоко ценится искусство слова и в письменной, и в устной речи — и остроумного живого разговора в многолюдстве гостиной, и беседы в тиши кабинета, и, конечно же, в стихотворном языке. Убедился и в том, сколь жаркой бывает полемика о литературном языке, стиле изложения: тогда уже разгорался спор шишковистов и карамзинистов; и поводом для поездки дяди в Петербург (когда он отвез в Лицей мальчика Пушкина) было как раз стихотворение Василия Львовича, созданное в пылу такой полемики. Думается, что замечание П.А. Вяземского в статье 1836 г., напечатанной в пушкинском журнале «Современник», о «спорах в гостиных», о том, что «в разговорах русских гораздо более ума, нежели в журнальных статьях», и «вообще ум наш природы изустной, а не письменной»¹⁷, восходит еще к московским детским впечатлениям и автора и Пушкина.

Имело значение и то, что среди гувернеров мальчика оказались склонные к стихотворчеству и рисованию, а эмигрант граф де Монфор был настоящим аристократом, поколение которых возрастало в атмосфере элегантных салонов французского Века Просвещения. В семье Пушкиных своим стал эмигрант, писатель и художник граф Ксавье де Местр (брат знаменитого тогда философа-политолога и политического деятеля Жозефа де Местра). Он читал там свои сочинения; сохранилось его работы изображение Надежды Осиповны.

Пушкин рано познал и радость чтения, познакомившись с литературой на французском языке — с сочинениями и французских авторов, и переводными (античные писатели, писатели Нового времени). Быстро научился сам выбирать интересующую его книгу — безусловно, в библиотеке отца и, вероятно, в богатой новейшими парижскими изданиями библиотеке дяди; оказался допущенным и в знаменитую зарубежными раритетами библиотеку Д.П. Бутурлина, следовательно, мог и наблюдать (а быть может, уже и предвкушать?) ощущения библиофила. Книжки с малых лет утвердились в жизни Пушкина. И не только как источник знания и наслаждения: он еще в Москве стал пробовать силы в сочинительстве (на французском языке) — и первоначально в сфере ассоциаций, воспринятых в книгах же.

Думается, что раннее усвоение богатств зарубежной литературы в какой-то мере предопределяло изначально компаративистский подход к отечественной литературе, которую он всегда рассматривал в сравнении с западноевропейской (и художественные произведения, и сочинения критиков) и как часть этой европейской литературы. Быть может, эта рано впитанная образованность в сфере зарубежной литературы и блистательное владение главным разговорным языком той эпохи делали общение с Пушкиным последующих десятилетий особенно привлекательным для иностранцев — Пушкин был и воспринимался человеком вершинной общеевропейской культуры (хотя никогда не выезжал за границы России)¹⁸.

Но Пушкин смог приобщиться рано и к иной культурной ориентации — и этому способствовали и особенности его домашней жизни, даже ее неустроенность.

Он душевно явно тяготел мальчиком к бабушке Марии Алексеевне и любимым им слугам — няне Арине Родионовне и ее зятю Никите Тимофеевичу Козлову, ставшему «дядькой» мальчика. А здесь господствовала русская стихия и разговорного языка, и общественно-исторических воззрений. Языком писем бабушки лицеисту-внуку восхищался друг его и тоже поэт А.А. Дельвиг. Она же знакомила мальчика с семейными преданиями и, как и няня, с русским фольклором. Позже не раз воспетая Пушкиным в стихах Арина Родионовна, которую пристроила к детям, взамен умершей первой няни, высмотревшая ее в своих псковских владениях бабушка Мария Алексеевна, по словам сестры поэта, «мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами и поговорками». Никиту Козлова называли «доморощенным стихотворцем» за стихи на тему народных сказок¹⁹. Представление о помещичьей усадебной жизни в летние месяцы также связывалось у мальчика с народной культурой песен, хороводов, игр в бабушкином подмосковном Захарове.

Особенно существенно то, что освоение простонародного начала русского языка, приобщение к народной повседневной обиходности происходило в атмосфере сердечного тепла и заботливого внимания, а к этому всегда чувствительна детская душа. С бабушкой, с няней и дядькой мальчик чувствовал себя естественно, в их обществе ощущал себя свободным и счастливым. А «счастье, — как напишет он позднее, — есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному»²⁰. В воспитании души (а для такой творческой натуры это всегда и воспитание культуры) Пушкин мальчиком прошел воистину народный университет.

Должно учитывать и то воздействие, которое мог оказать на мальчика и Александр Иванович Беликов, приглашенный преподавать Закон Божий, русский язык и арифметику. Этот московский священник был и церковным писателем. Раннее освоение правил российской грамматики обнаруживается в сочинениях юного поэта, отмечено это было и при поступлении Пушкина в Лицей. Можно полагать, что Беликов знакомил своего ученика не только с текстами Священного Писания, но и с образцами русской проповеднической литературы. А это ведь время, когда московским митрополитом был знаменитый оратор Платон (Левшин), прославившийся и сочинениями, написанными для детей и их обучения. Знакомство со словарем и стилистикой такого рода литературы заметно в поэтических произведениях еще юного Пушкина. Слова из Священного Писания обнаруживаем на всем протяжении творческого пути Пушкина.

Показательны оценки знаний Пушкина при поступлении в Лицей. На приемных экзаменах (12 августа 1811 г.) «в грамматическом познании языков: российского — очень хорошо, французского — хорошо». Запись директора в «Памятной книге Лицея» (23 августа): «Ветрен и легкомыслен, искусен во французском языке и рисовании, в арифметике ленится и отстаёт»²¹.

Таким образом, мальчик приобщался одновременно к культуре двух языков, усваивая своеобразие каждого из них и в звуковой форме, и в приемах словесного выражения мысли (и устно и письменно), — это обогащало его понятия о речевых (и, конечно же, поэтических) возможностях.

В то же время, несмотря на очевидные различия и в речи, и в каждодневном обиходе «образованного» общества и простонародья, мальчик улавливал у них об-

щее и в вере и ее обрядности, и в бытовой повседневности, и даже в разговорном языке (особенно у лиц бабушкиного круга). И толкователи сочинений Пушкина давно уже отметили, что в лицейских стихах «Сон» (1816) образ Музы передан в облике «мамушки», в котором слились и бабушка и няня. Так формировалось понятие вообще о российской женщине, о народе православном, о «русской душе», что позднее выплеснется в запомнившиеся всем слова в «Евгении Онегине» «Татьяна, русская душою...» (а затем, возможно не без влияния Пушкина, будет отображено в сцене русской пляски графинюшки Наташи в «Воине и мире»).

Взаимная любовь вызвала к жизни проникнутые сердечной теплотой образы няни и дядьки в литературных произведениях Пушкина, тем более что с ними он еще душевнее сблизился в последующие годы. А.П. Керн, наблюдавшая отношения Пушкина и Арины Родионовны в период ссылки поэта в Псковскую губернию, утверждала, что Пушкин «никого истинно не любил, кроме няни своей»²². Образа любящей матери нет ни в поэзии, ни в прозе Пушкина. Но особо выделена роль няни — «мамушки» — в жизни его литературных героев — и Татьяны Лариной, и Дубровского (в «Дубровском» Егоровну тоже зовут Ориной), что, в свою очередь, могло оказать воздействие на молодого Л.Н. Толстого в изображении Саввишны в «Детстве». А прообразом верного и мудрого Савельича в «Капитанской дочке» признают Никиту Козлова, преданно любившего Пушкина, провожавшего его в последний путь, на кладбище Святогорского монастыря. К Пушкину рано пришло ощущение «простого величия простых людей», отмеченное Н.В. Гоголем как его характерная и привлекательная черта.

Дядьке Никите Козлову Пушкин в наибольшей степени обязан и основательным знакомством с Москвой и ее окрестностями, с уличным (особенно праздничным) обиходом москвичей. Мальчика, несомненно, водили гулять в Кремль. Он поднимался не раз на колокольню Ивана Великого, откуда можно было обозреть всю Москву (указания на это и у мемуаристов), бывал в храмах, монастырях, дворцах Кремля, в незадолго перед тем открывшемся музее в Оружейной палате. Знаком был с окраинами города, где располагались монастыри, взбирался на Воробьевы горы (а оттуда открывался запоминающийся вид на Кремль и Приарбатье). Недалеко от дома Пушкиных последние годы его московского детства происходили Подновинские гулянья, привлекавшие и простонародье и господ. Это — массовая народная культура в ее карнавальной форме.

Но, конечно, больше всего знаком был мальчик с соседними местностями. Пушкины в те годы не раз меняли места жительства. В составленной М.А. Цявловским «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» указываются эти адреса. После кратковременного пребывания в Петербурге родители его с осени 1800 г. более чем на десять лет осели в Москве. Сначала это был район Чистых прудов и близ Красных ворот: в конце 1801-го – первой половине 1802 г. во владении князя Юсупова в Большом Харитоньевском переулке; в 1803 г. близ него, в 1803 г. тоже недалеко оттуда, в Малом Козловском переулке; в начале 1807 г. в Кривоарбатском переулке; с сентября 1807 г. на Поварской; с октября 1807 г. на Малой Бронной; с лета 1809 г. в Хлебном переулке; в конце года переезжают на Мясницкую улицу; летом — недалеко оттуда в Рыбниковом переулке; с сентября 1810 г. в доме священника церкви Николы «что на курьих ножках». Это небольшой дом на углу

Большой Молчановки и Борисоглебского переулка. Оттуда мальчик в июле 1811 г. выехал в Петербург²³. Следовательно, Пушкин имел возможность визуально наблюдать социокультурные особенности различных частей Москвы.

Мальчиком Пушкин лучше всего был знаком с местностями, где по преимуществу проживало дворянство, — бывшей Немецкой слободой с близлежащими переулками и улицами и с районом Приарбатя. Именно в районе Приарбатя происходит и действие в московских главах «Войны и мира» — помнивший московское детство Л.Н. Толстой там поселяет и графов Ростовых, и князей Болконских, и графов Безуховых. В этих местностях Москвы небольшие усадьбы соседствовали с дворцового типа зданиями, окруженными садами, с флигелями и подсобными строениями. Немногие из них уцелели (особенно после пожара 1812 г.), но о внешнем облике таких вельможных домов знаем по рисункам знаменитого тогда архитектора М.Ф. Казакова, по описаниям и самих россиян, и иностранцев. Офицер занявшей Москву наполеоновской армии Анри Бейль (ставший позднее прославленным французским писателем Стендалем) был поражен многочисленностью дворцовых палат («от шестисот до восьмисот дворцов, подобных которым не было ни одного в Париже»), их внутренним убранством («самое полное удобство соединялось здесь с блистательным изяществом»), богатством книжных собраний («отличные книги: Бюффон, Вольтер, который имеется здесь повсюду»).

Особенно много было таких владений на пути от дома, где жили Пушкины на Молчановке, к Кремлю: сначала вызывало восхищение окруженное колоннами деревянное здание театра на Арбатской площади (там, где ныне стоит памятник Гоголю) — это первый по времени создания шедевр молодого тогда еще архитектора К. Росси. Затем на Знаменке и в ближних переулках «чертоги» графов Апраксиных (в этом здании первоначально жил Бейль; об Апраксиных как раз ведут светский разговор визитеры дома Ростовых в Натальин день в «Войне и мире»; дворец этот — ныне сильно перестроенный — в основе здания Министерства обороны), графов Бестужевых-Рюминых, графов Воронцовых, князей Вяземских и др. Более всего, конечно, поражал воображение дом Пашкова — красивейшее здание Москвы, на холме напротив Кремля, сохранившееся и поныне великое творение архитектора Баженова. Тогда близ дома был сад с прудами и диковинными птицами, играли музыканты, вечерами горели огни. Упоминание о решетках сада, всегда облепленных любопытствующими мальчишками, в «Воспоминаниях старого москвича» П.А. Вяземского (князь был старше Пушкина на семь лет, и дом его отца был близко — в Колымажном переулке). Еще в раннем детстве могли произвести запомнившееся впечатление палаты вельмож и сады в бывшей Немецкой слободе: дворцы Юсуповых, Бутурлиных, Мусиных-Пушкиных, даже более скромный, но украшенный мифологическими скульптурами сад у дома гостеприимного И.И. Дмитриева, воспетый В.А. Жуковским (дом этот — ныне на его месте дом 12 в Большом Козловском переулке — сгорел в 1812 г.). В пушкинской программе автобиографии читаем: «Первые впечатления. Юсупов сад...»

Величие Кремля — его башен, храмов и близких к Кремлю вельможных дворцов и парков особенно явственно чувствовалось рядом и при сравнении с небольшими особняками усадеб Приарбатя. Такое зрительное ощущение отражено в первом масштабном стихотворении Пушкина «Воспоминания в Царском селе»

(1814 г.) — первом сочинении, подписанном полным именем «Александр Пушкин», опубликованном (как и более ранние) в московском журнале «Российский музей» и принесшем ему первую улыбку славы:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед <...>

Где ты, краса Москвы стоголовой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Все пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях берега и светлы рощи:
Все мертво, все молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель Пришлеца...

В стихотворении этом ощущается воздействие воспринятого в период патристического подъема месяцев Отечественной войны 1812 г., когда мысль Пушкина возвращалась к Москве, к ее исторической судьбе, — авторитетных исторических и языковых символов, тиражированных в ту пору в стихах и в прозе. Но явственно чувствуются и живые впечатления очевидца, и утвердившееся в душе осознание «прелести» родимой стороны.

Необычайно развитая слуховая и зрительная память Пушкина-мальчика является в полной мере в «Борисе Годунове». «Борис Годунов» — создание времени ссылки в Михайловское. Прошло уже четырнадцать лет, как Пушкин покинул родной город. Но как ярко и точно изображена Москва, с каким знанием ее внешнего облика и быта! И так воспринята была драма и знатоками прошлого Москвы (первыми слушателями ее чтения в Москве осенью 1826 г.). Такое детальное знание Москвы, памятников ее старины Пушкин почерпнул не из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, бывшей основным источником сведений поэта об изображаемых им событиях (о чем он и сам писал не раз). Усвоенное в кни-

гах «Истории» Карамзина — и в основном тексте, и в примечаниях — наложилось на детское еще восприятие Москвы²⁴ и подмосковных Вязем. Пушкин мальчиком с верным дядькой своим Никитой видел и Новодевичий монастырь, не раз бывал в Кремле, на Красной площади.

А желание узнать побольше о Борисе Годунове и событиях Смутного времени могло зародиться еще в подмосковном Захарове — там не было своей церкви, и к обедне ездили в соседнее село Большие Вяземы, где Борисом Годуновым был построен монументальный двухъярусный храм, поныне особо упоминаемый в трудах по истории древнерусского искусства. Митрополит Платон в путевых записках 1804 г. отмечает, что «снаружи и во внутренностях ее вся древность соблюдена», даже в росписях «ничего не переменено из древнего». Указывает он и на то, что сохранялись вырезанные острым оружием слова, написанные по-польски, «имена польских панов», изображенные «цифирью» даты. Следовательно, мальчик получал уже тогда повторяющееся впечатление о храме начала XVII в. В пушкиноведческой литературе уже высказывалось предположение, что мог он слышать и предания о прудах, вырытых при Годунове, «воинских потехах» Лжедмитрия, о том, что именно там на пути были селения, названия которых повторяет в драме.

Близко и долго знавший Пушкина, П.А. Вяземский, глубокий знаток московской жизни, утверждал: «Пушкин был... родовой москвич. Нет сомнения, что первым зародышем дарования своего... он обязан был окружающей его атмосфере, благоприятно проникнутой тогдашней московской жизнью...»²⁵

В Лицей Пушкин приехал с немалым запасом разнообразных впечатлений — и визуальных, и от личного общения, и с почерпнутым из книг творческим заделом. Пущин, едва ли не самый близкий Пушкину из лицеистов («мой первый друг, мой друг бесценный», — обращался к нему поэт!), много размышлявший над феноменом «Пушкин» и к тому же один из самых лучших по образованности и успеваемости его соучеников, вспоминал: «Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слышали, все, что читал, помнил...» — и объясняет: «Обстановка Пушкина в отцовском доме и у дяди, в кругу литераторов, помимо природных его дарований, ускорила его образование...»²⁶ «Поэзия бывает исключительную страстию немногих родившихся поэтами: она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни...»²⁷ Это пушкинское наблюдение, конечно же, относится и к нему самому в первую очередь, к его жизненным впечатлениям, а следовательно, и к детским в Москве и Подмоскovie, когда начиналось формирование человека, Личности.

Таким образом, отнюдь не занижая значение Лицея в самоутверждении Пушкина как поэта, можно полагать, что и долицейские ощущения — прочувствованное, увиденное, услышанное, вычитанное — стали одним из источников формирования и развития его дивного поэтического дара, обогащения его впечатлениями, находившими отражение и воплощение в творчестве. Зароненное в душу, задержавшееся в памяти в детские годы всплывало подчас позднее, при совсем иных обстоятельствах.

И Пушкин сам это сознавал. Воспоминания о Москве, о пережитом в Москве сопутствовали ему, его творчеству и позднее и выражены в его стихах — в стихотворении «Сон» (1816 г.): «детских лет люблю воспоминание», и в «Евгении Онегине» в XXXVI строфе седьмой «московской» главы окончательный вариант:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Варианты: «Москва! Как я любил тебя, / Святая Родина моя»; «Москва! Как помнил я тебя...»; «Москва! Как жаждал я тебя»²⁸.

Пушкин — москвич по рождению, первичному воспитанию, даже общественно-историческим воззрениям. В его творчестве, особенно 1830-х гг., ощутимо результативное совмещение московских и петербургских историко-культурных традиций (как ранее у Карамзина, Жуковского, братьев Тургеневых). Пушкин — составная часть культуры Москвы. И в последующие годы тоже. Даже во внешних проявлениях — первый памятник Пушкину воздвигнут в Москве. И Пушкинский праздник 1880 г. — первый всероссийский праздник литературы²⁹. А ныне памятник Пушкину работы Опекушина стал таким же символом Москвы, как и Кремль.

¹ Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя: Пособие для учащихся. М., 1980. С. 13.

² Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина [Собрание сочинений А.С. Пушкина. Изд. П.В. Анненкова. Т. 1. СПб., 1855. Факс. воспр.] // Материалы для биографии А.С. Пушкина + Комментарий к «Материалам для биографии А.С. Пушкина» [П.В. Анненкова] [: В 2 кн.]. М., 1985. Кн. 1. С. 5.

³ Томашевский Б.В. Пушкин: В 2 кн. М.; Л., 1956. Кн. 1 (1813–1824).

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1979. Т. 6. С. 431.

⁵ Там же. Т. 10. С. 23.

⁶ См. об этом: Шмидт С.О. Василий Андреевич Жуковский — великий русский педагог. М., 2000 (переиздание отдельной книжной статьи: Шмидт С.О. Подвиг наставничества. В.А. Жуковский — наставник Наследника российского престола // Русское подвижничество: [Сб. ст. к 90-летию академика Д.С. Лихачева]. М., 1996. С. 187–221).

⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 18.

⁸ Цит. по: Вересаев В. Спутники Пушкина: В 2 т. М., 1937. Т. 1. С. 15.

⁹ Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 337, 338.

¹⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 54.

¹¹ Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981. С. 13.

¹² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 117.

¹³ Там же. С. 303, 663.

¹⁴ Там же. Т. 8. С. 56, 376.

¹⁵ Скотов Н.Н. Пушкин. Русский гений. М., 1999. С. 27.

¹⁶ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 191.

¹⁷ Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным [: В 4 т.]. М., 1987. (Факс. изд.: СПб., 1836.) Т. 2. С. 289.

¹⁸ Об этом: Шмидт С.О. Русские литераторы и российская дипломатия // Международная жизнь. 1992. № 11. С. 115–117.

¹⁹ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1989. С. 524, 198.

²⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 363.

- ²¹ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826. 2-е изд. Л., 1991. С. 40, 41.
- ²² Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. С. 524.
- ²³ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина; Алексеев Е.В., Тюрикова И.К. Москвич Пушкин: Словарь-справочник. М., 1999. С. 4.
- ²⁴ Листов В.С. Москва XVI–XVII веков в трагедии «Борис Годунов» // Пушкин и Москва. М., 1999. С. 294–301.
- ²⁵ Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 229.
- ²⁶ Пушкин в воспоминаниях современников [: В 2 т.]. СПб., 1998. Т. 1. С. 633.
- ²⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 21.
- ²⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. [: В 19 т.]. М., 1995. Т. 6. С. 449–450.
- ²⁹ См.: Шмидт С.О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 года // Пушкин и Москва. М., 1999. С. 330–374. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 214–248.]

МОСКОВСКИЕ ЦЕРКВИ В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ» А.С. ПУШКИНА

Не только в допетровское время, но и в пушкинскую эпоху Москва поражала прежде всего обилием храмов. Это определяло как внешний облик «порфироносной вдовы», как охарактеризовал Пушкин «старую Москву», померкнувшую «перед младшею столицей», в «Медном всаднике», так и ее социокультурную топографию. И это явно прослеживается в седьмой главе «Евгения Онегина» (далее — ЕО), которую Пушкин в плане оглавления предполагаемого издания в одной книге всех глав «романа в стихах» так и озаглавил: «Москва».

Ларины прибыли в Москву на ярмарку невест поздней осенью. Той дорогой, которой и сам Пушкин приезжал сюда из Петербурга или из имения Псковской губернии. В XXXVI строфе описано его восприятие Москвы: «...Перед ними / Уж белокаменной Москвы, / Как жар, крестами золотыми / Горят старинные главы /» (здесь и далее в статье курсив в цитатах из А.С. Пушкина мой. — С.Ш.). Напомню, что здесь можно видеть и своего рода повтор из прославившего пятнадцатилетнего Пушкина стихотворения «Воспоминания в Царском селе» (1814), передавшего ощущение покинувшего Москву двенадцатилетнего мальчика: «...Где ты, краса Москвы стоглавой, / Родимой прелесть стороны...», и фиксацию впечатления от Москвы, открывшейся взору поэта, вызванного из ссылки в сентябре 1826 г. Так поэтически передано и расхожее представление о том, что Москва — это «сорок сороков» церквей (хотя на самом деле в этом крылатом выражении сильное преувеличение — в Москве было всего шесть «сороков»).

Далее, при воспроизведении облика Москвы сказано, в общем, о том же: «Ах, братцы! Как я был доволен, / Когда церквей и колоколен, / Садов, чертогов полукруг / Открылся предо мною вдруг!» Именно вслед за этими строками идут часто ци-

тируемые: «Как часто в горестной разлуке, / В моей блуждающей судьбе, / Москва, я думал о тебе! / Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нем отозвалось!» (В вариантах: «Москва! Как я любил тебя, / Святая Родина моя»; «Москва! Как помнил я тебя»; «Москва! Как жаждал я тебя».)

Пушкин — москвич по рождению, первичному воспитанию и даже общественно-историческим воззрениям¹. В Москве в то время еще существовал обычай обозначать место жительства (адрес) по приходу. В «московской» главе «Евгения Онегина» указаны два таких адреса: возок Лариных остановился близ ворот дома «у Харитонья в переулке», а хозяйка этого дома в разговоре с кузиной упомянула о новом адресе того, кем в юные годы была увлечена мать Татьяна: «В Москве, живет у Симеона».

Это отнюдь не случайные адреса. Оба храма были, безусловно, памятны Пушкину, жившему близ них в детстве. Кроме того, это «говорящие» адреса: они сообщали важную социокультурную информацию, многое объяснявшую первым читателям (во всяком случае, москвичам). В период сочинения седьмой главы (1827–1828) возвращенный из ссылки в сентябре 1826 г. Пушкин еще ощущал себя московским жителем и общался преимущественно с московским обществом, был окружен интеллигентной молодежью из среды московской аристократии.

Храм святого Харитония Исповедника в Огородниках (за пределами Белого города, между Мясницкими и Покровскими воротами) был приходской церковью семьи Пушкиных на рубеже XVIII и XIX вв. Церковь же Симеона Столпника стояла также за чертой бульваров, но достаточно далеко от «Харитонья» и гораздо ближе к Кремлю, на Поварской улице. Близ церкви Симеона (ныне еще существующей) семья Пушкиных проживала в течение полутора лет накануне отправки мальчика в столицу для поступления в Царскосельский лицей. Он должен был часто проходить рядом с этим храмом во время прогулок с дядькой Никитой Козловым, когда они шли к Кремлю и к Москве-реке. Именно с горки от этого храма открывался вид на Арбатскую площадь, на Знаменку (в конце которой был знаменитый архитектурой и садом с редкими птицами Пашков дом) и сам Кремль — на «здания вельмож и царей» (что и запечатлено в стихотворении «Воспоминания в Царском селе»). Таким образом, Пушкин назвал храмы местностей, наиболее знакомых ему в Москве, но в то же время — главных средоточий московского дворянства, притом обладавших заметными социотопографическими особенностями, даже различиями.

Исследователями подмечена и оценена показательная для «Евгения Онегина» точность «бытописания» (определение самого Пушкина — 1, VI*) и достоверность реалий — и хронологических, и локальных, особенно важных при изучении повседневной жизни и менталитета российского дворянства преддекабристской поры, и социокультурных традиций, восходящих к более ранним десятилетиям. Ю.М. Лотман, думается, верно определил принцип построения текста ЕО, обусловивший подход к нему комментатора: «Текст и внетекстовой мир органически связаны; живут в постоянном взаимном отражении, перекликаются намеками, отсылками, то звуча в унисон, то бросая друг на друга иронический ответ, то вступая в

* Здесь и далее арабскими цифрами обозначается глава ЕО, римскими — строфа.

столкновение. Понять “Евгения Онегина”, не зная окружающей Пушкина жизни — от глубоких движений идей эпохи до “мелочей” быта — невозможно. Здесь важно все, вплоть до мельчайших черточек»².

Ныне многолетний опыт комментирования ЕО в значительной мере обобщен и пополнен изданием новаторской по замыслу «Онегинской энциклопедии»^{*}. Однако в ней нет ссылок на попытки комментаторов обосновать упоминание Пушкиным именно двух вышеназванных храмов.

Быть может, это объясняется тем, что авторы книг исследовательского типа с наиболее полным комментарием к ЕО, В.В. Набоков (его книга на английском языке впервые издана в 1964 г.) и Ю.М. Лотман (книга которого впервые напечатана в 1980 г.), не ощущали особенностей социокультурной карты Москвы и ее изменений во времени или не придавали этому серьезного значения. Потому и счел небезопасным порассуждать об этой «карте» в докладах на научных конференциях юбилейного пушкинского года (1999). Эти соображения легли в основу статьи «“У Харитонья в переулке...”, “В Москве, живет у Симеона...” — социотопографические приметы Москвы в “Евгении Онегине”»³.

В последующем изложении кратко остановлюсь на подмеченных Пушкиным изменениях в социокультурной топографии Москвы, происшедших со времени юности Пашетт, ставшей затем матерью Татьяны, и о данных, позволяющих судить о принадлежности Пашетт по рождению к определенной группе московского дворянского общества.

Огородная слобода, где в детстве жил Пушкин, к моменту написания ЕО явно перестала быть «фешенебельным» жилым кварталом, каким могла казаться на рубеже веков и каким ее называет, не ведая истории социокультурных изменений на территории Москвы, в своем комментарии к ЕО В.В. Набоков⁴. Там, вблизи Немецкой слободы, приближенные Петра Первого, действительно, стали селиться еще на рубеже XVII и XVIII вв. Здесь воздвигались и дворцового типа усадьбы с обширными садами и огородами, и дома врачей, затем профессоров университета. В годы детства Пушкина там обитали богатая знать и первые писатели той поры М.М. Херасков, И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин. Сравнительно близко (в палатах, построенных еще для видного дипломата, думного дьяка Е.И. Украинцева) в конце 1760-х гг. помещался архив Коллегии иностранных дел, где со времен Павла I считались служащими многие юноши самых аристократических семейств («архивны юноши»)»⁵. Об аристократическом облике этой местности мы узнаем, знакомясь с иллюстрациями к книге Н.А. Домашневой⁶.

Однако еще до войны 1812 г. обнаружился все возрастающий отлив лиц «московского света» в Занеглименье, т.е. за реку Неглинку (Неглинную), на территории Тверской, Арбатской и Пречистенской частей. Туда переселяются и родители Пушкина, и Карамзин. Показательно, что все московское действие «Войны и мира» Л.Н. Толстого (в 1805 г. и в последующие годы) происходит именно в Занеглименье, где стоят особняки Ростовых, Болконских, Ахросимовой. Аристократы уже в начале XIX в. предпочитали жить недалеко от губернаторского дома и зданий прави-

^{*} По инициативе и под общей редакцией Н.И. Михайловой. Первый том, на буквы А–К, вышел в 1999 г., второй том, на буквы Л–Я, — в 2004 г.

тельственных учреждений, Благородного дворянского собрания и Английского клуба, императорских театров и университета. Близ Немецкой слободы по-прежнему оставались владельцы больших особняков, окруженных службами и садами (как князя Куракины, графы Мусины-Пушкины, Бутурлины), или люди, отошедшие от светской жизни, подобно больной и не выезжающей уже из дома княжне Алине, приютившей у себя на зиму «старушку»-сверстницу Ларину с дочкой.

Еще в большей мере проявилась тенденция аристократов обосновываться именно в Занеглименье после пожара 1812 г., когда многие погорельцы не имели средств построить свое жилище на старом месте. В центр Москвы, поближе к потомственным владениям фамильных людей еще XVI–XVII вв. (князей Волконских, Вяземских, бояр Шереметевых и др.) перебрался даже вельможный князь Н.Б. Юсупов, близ дворцовых палат которого семья Пушкиных жила еще в Огородной слободе (мальчика водили гулять в «Юсупов сад»). Оставаясь владельцем этого богатого городского дома, Н.Б. Юсупов, приезжая из подмосковного Архангельского, предпочитал теперь жить на Большой Никитской. В просторных особняках, стоявших на Тверской, Никитских, Поварской, Пречистенке и вдоль бульваров, давались балы, и, как отмечали очевидцы, огни в Занеглименье зажигали, когда остальная Москва их гасила и засыпала. Так что, когда Пушкин оказался в Москве снова (1826), большинство лиц из его близкого окружения были уже жителями Занеглименья.

Не следует упускать из виду и то, что расстояния и дурные дороги становились серьезными препятствиями в общении жителей центра с восточной окраиной Москвы. Об этом есть указания у мемуаристов и в художественной литературе; старуха Хлестова в грибоедовском «Горе от ума» восклицает: «Ташиться мне, племянница, мученье! / Час ехала с Покровки — силы нет: / Ночь — светопреставленье!» О том же вспоминает знатная московская барыня, богатая родственными связями, — Е.П. Янькова, оставшаяся в истории благодаря «Рассказам бабушки» (устным мемуарам, записанным внуком в 1840-е гг.). Она вспоминает: «Мостовые были предурные, особенно на Покровке — раствор грязи с камнями. Поехали, вот попытка-то...» Пушкин говорит примерно о том же в незавершенном сочинении «Роман на Кавказских водах» (1830-е гг.). К живущей на Арбате даме в начале апреля приезжает в гости богатая «старая дама» со старомосковской речью, которая так говорит, прощаясь: «Уж я тебя до сентября не увижу, далеко мне до тебя ташиться, с Басманной на Арбат...»⁷ Любопытно, что у гости старомодное имя Праксодия; и оно такое же, как у Хлестовой и у матери Татьяны.

К началу 1820-х гг. (ко времени действия «московской» главы ЕО) Огородная слобода утратила значение фешенебельного дворянского центра, и в приходе церкви Харитония мало осталось видных в обществе прихожан. Вероятно, именно об этой местности своего раннего детства напишет Пушкин в 1834 г. в «Путешествии из Москвы в Петербург»: «...огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного... Улицы мертвы: редко по мостовой раздается стук кареты»⁸.

Видимо, неслучайно подчеркнул Пушкин и то, что достигший благополучия и продолжающий вести светский образ жизни персонаж, которого действующие ли-

ца романа когда-то называли между собой именем баронета Грандисона (героя романа Ричардсона), «живет *теперь* у Симеона» и недавно женил сына (вариант: «Сенатор, сына он женил»), причем отмечено: «Меня в сочельник навестил» (в вариантах: «Меня вечер он навестил»; «Меня недавно навестил») (7, XLIV).

Не менее существенно, что ставший сановником «Грандисон» почитает должным поддерживать давние связи с немощной уже княжной Алиной. Они остаются людьми одного круга. Следовательно, к этому кругу потомков лиц, некогда приближенных ко двору до переезда его в новую столицу, принадлежит и Пашетт (мать Татьяны). Давние связи легко возобновляются, когда «по родственным обедам / Развозят Таню каждый день» (7, XLIV) — ведь, как выясняется, «бабушки» помнят ее маленькой девочкой. Пушкин изображает этих давних знакомых Пашетт нарочито в стиле комедии Грибоедова о московских нравах, похожими на ее стариков князей Тугоуховских, графинь Хрюминых, Хлестову, Фамусова, как людей одного и того же общественного круга.

А если это так, то московское родство Татьяны — свидетельство того, что возможный брак небогатой дочери бригадира и Онегина, сына петербургского барина, дававшего балы и владевшего домом близ Летнего сада, не мог казаться таким уж мезальянсом. Так же как и женитьба на Татьяне приближенного ко двору «важного генерала» (7, LIV) князя, обладателя особняка на Английской набережной (который Онегину — «родня и друг» (8, VIII)). Это, возможно, должно было объяснить врожденную аристократичность поведения Татьяны-княгини и, вероятно, выглядело особо привлекательным в глазах Пушкина, очень дорожившего своим потомственным аристократическим происхождением, своей родословной, своими московскими корнями.

Соображения поэта основывались на наблюдениях социокультурного плана. В данной статье важно отметить, что эти отсылки были осуществлены им прежде всего путем выбора храмов, позволявших легко представить общественное положение московских дворян по их приходу. Церкви эти в первоначальном виде были воздвигнуты еще в допетровскую эпоху. А изучение церквей того времени как памятников культуры, являющихся источником разнообразной исторической информации, — одна из главных тем плодотворного научного творчества Л.А. Беляева.

¹ Шмидт С.О. Московское детство Пушкина // Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 122–134. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 165–180.]

² Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1997. С. 474, 476.

³ Шмидт С.О. «У Харитонья в переулке...», «В Москве, живет у Симеона...» — социотопографические приметы Москвы в «Евгении Онегине» // Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения. С. 134–143.

⁴ Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб., 1998. С. 511.

⁵ Шмидт С.О. «Архивны юноши толпою...» // Вестник архивиста. 2003. № 5/6 (77/78). С. 130–148. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 185–213.]

⁶ Домашнева Н.А. Немецкая слобода на Яузе. 1652–2002. М., 2003.

⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1995. Т. 8. С. 413.

⁸ Там же. Т. 11. С. 246.

«АРХИВНЫ ЮНОШИ ТОЛПОЮ...»

[Созвал он] [всю] Москву на бал...

И всю Москву позвал на бал...

(Из черновых рукописей седьмой главы «Евгения Онегина»)¹

Вынесенные в заголовок слова — первая строка XLIX строфы седьмой главы «Евгения Онегина» (далее — ЕО) о гостиных и балах, куда вывозят Татьяну в период московской «ярмарки невест». Это — и начало четверостишия об «архивных юношах» (далее — АЮ):

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят.

В пушкинском образе «выражение» (определение самого поэта) «архивны юноши» неотделимо от слова «толпа». А «толпа» — по словарю Пушкина — это всегда скопление, большое количество, множество кого-то².

Между тем в пушкиноведческой литературе и в комментариях к ЕО обычно ограничиваются указанием на малочисленную группу тех, кого назвали бы сейчас аристократами-интеллектуалами (следуя при этом определению В.А. Жуковским в 1836 г. «русской европейской интеллигенции»)³, сблизившихся с Пушкиным в Москве сразу после его возвращения из ссылки. Почти все они считались служащими Московского архива Коллегии иностранных дел (далее — МАКИД). Такое толкование представляется единственным и настолько устоявшимся, что приведено даже при объяснении выражения «архивны юноши» в многотомном «Словаре языка Пушкина», впервые вышедшем в 1956 г.: «представитель группы молодой дворянской интеллигенции, служившей в начале 1820-х гг. в Московском архиве Коллегии иностранных дел, связанных общностью литературных и общественных интересов»⁴. В кратких комментариях С.М. Бонди к изданию ЕО в серии «Школьная библиотека» более осторожное и в то же время емкое объяснение: «шутливое прозвище образованных молодых людей, служивших в архиве Министерства иностранных дел»⁵.

Приводятся обычно и слова самого Пушкина в наброске критической заметки осени 1830 г. по поводу наглого намека в «Северной пчеле» Ф.В. Булгарина, претендующего на первенство в употреблении в литературе термина «архивное юношество»: «А [шутка] неправильное выражение Архивны юноши принадлежит не мне, а моему приятелю С[оболевскому]»⁶.

Общепринятое, казалось бы, толкование и в «Путеводителе по Пушкину», изданном в 1931 г. и переизданном в 1997 г. с предисловием, где написано, что к со-

Впервые опубликовано: Вестник архивиста. 2003. № 3/4 (75/76). С. 136–156; № 5/6 (77/78). С. 130–153. Переиздано: Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России: [В 2 т.; в 4 кн.] М., 2009. Т. 2, кн. 1. С. 510–540.

ставлению книги были привлечены «вообще все лучшие из лучших»⁷, и ко второму изданию (издательством «Воскресенье») в 1997 г. «переработанного и дополненного» академического издания Полного собрания сочинений Пушкина: «так П[ушкин] называет группу молодых дворян, служивших в середине 20-х годов» в МАКИД, «Среди них были: поэт Веневитинов, Шевырев, Погодин, Одоевский, Соболевский, братья Киреевские, Титов и др.» (укажем на неточность: историк М.П. Погодин и князь В.Ф. Одоевский не были служащими МАКИД). Отмечается, что «о них в ругательном тоне упоминает Булгарин» в романе «Иван Выжигин», что «все они участвовали в литературном обществе, основанном Раичем. И «этой группой» в 1823 г. основано «Общество любомудрия», ставшее «средоточием интересов к немецкой философии»; и «любомудры» при близком участии Пушкина основали в 1827 г. журнал «Московский вестник». И далее о В.П. Титове (1807–1891), изображенном Пушкиным под именем Вершнева⁸. Титов — впоследствии видный дипломат, член Государственного совета и даже председатель императорской Археологической комиссии (преобразованной при советской власти в академическую, которую ликвидировали в 1931 г. и возродили в 1956 г. усилиями академика М.Н. Тихомирова). В варианте незавершенной повести 1835 г. Вершнева — «один из тех убийственных людей, которые все читали и все запомнили»⁹.

В том же плане с указанием тех же или других имен об АЮ — в разъяснениях и комментариях к собраниям сочинений Пушкина 1930–1940-х гг. Г.О. Винокура, Б.В. Томашевского, Д.Д. Благого и др. Такое толкование (но, естественно, в более пространным виде и с научным аппаратом) — и в книгах, специально посвященных комментированию ЕО.

Небольшое исследование под заголовком «Архивны юноши» помещено среди «пушкинологических этюдов» Н.О. Лернера, опубликованных в 1935 г. Еще ранее Лернер в статье «Пушкин в Москве после ссылки» писал: «В “Онегине” поэт не отделил архивных юношей от всего пустого большого света; они не разделяют с автором его симпатий к Тане...» «Признавая благотворное значение последователей германской философии, Пушкин отметил, что “говорили они языком, мало понятным для непосвященных”... “Московскому вестнику” он ставил в вину его излишнюю серьезность»¹⁰.

Этюд «Архивны юноши» начинается с оценочной характеристики: Пушкин «слегка задел своих юных друзей, числившихся на службе» в МАКИД. И далее соображения ученого: «Задел он их добродушно, но наверно вычеркнул бы эти строки, если бы мог предвидеть, что Булгарин готовит злобное нападение на данную группу молодежи в своем романе “Иван Выжигин”». И приводится цитата из XVI главы романа, где описание «разрядов» московского света: «Чиновники, не служащие в службе, или матушкины сынки, т.е. задняя шеренга фаланги, покровительствуемой слепою фортунною. Из этих счастливых большая часть не умеет прочесть Псалтыри, напечатанной славянскими буквами, хотя все они причислены в причт русских антиквариев. Их называют архивным юношеством. Это наши пети-метры, фашьонебли, женихи всех невест, влюбленные во всех женщин, у которых только нос не на затылке и которые умеют произносить: ouï и поп. Они-то дают тон московской молодежи на гульбищах, в театре и гостиных. Этот разряд также поставляет Москве философов последнего покроя, у которых всего полно через

край, кроме здравого смысла, низателей рифм и отчаянных судей словесности и наук»¹¹.

Роман Булгарина опередил на несколько месяцев появление отдельным изданием в 1830 г. седьмой главы ЕО, и Булгарин заявил в «Северной пчеле», что, описывая там московское общество, поэт «взял обильную дань из “Горя от ума” и, просим не прогневаться, из другой известной книги. Из “Горя от ума” являются архивные юноши...» В «Литературной газете» вскоре появилось возражение, «носящее признаки личного участия Пушкина», где отмечено, что в «Иване Выжигине» «странное разделение московского общества на классы, в числе коих один составлен из архивных юношей», и указывается на то, что эти «московские» строфы главы ЕО были напечатаны «почти за год до появления сего романа». Сам Лернер полагает (видимо, неосновательно), что в комедии Грибоедова упоминание «архивов» не обязательно имело в виду МАКИД. В статье Лернера сказано и о возвращении к «выходке Булгарина» Пушкиным в черновике критической заметки, где раскрывается авторство «неправильного выражения» АЮ, и высказывается мнение, что чтение В.Е. Якушкиным «приятелю моему С-у», как «Соболевскому», «может быть и верно».

И далее следуют рассуждения о том, в каком отношении Пушкин счел выражение «архивны юноши» «неправильным»: «Едва ли в грамматическом? Пушкина, разумеется, забавляло сочетание двух слов, друг с другом не особенно вяжущихся: “архивные” и “юноши”. С архивом связано ведь представление старости и затхло-сти, а вовсе не юности и свежести». Далее важное наблюдение: «название было не только общепринято, но даже граничило с официальным термином», так как «издан был коллективный труд молодых людей с заглавием “Дипломатические статьи из Всеобщего Робертстонова словаря”, переведенного при московском Архиве служащими благородными юношами в 1802, 1803, 1804 и 1805 гг. под надзором статского советника А. Малиновского».

Лернер думает, что «Пушкин хотел (после “Ивана Выжигина” это было бы даже не совсем неуместно) взять обратно или по крайней мере ослабить свою шутку по адресу “архивных юношей”, но решил, что не стоит: слово не воробей, вылетело — не поймашь, да и онегинская шутка, притом в связи с вызванной ею полемикой, получила уже слишком широкую огласку и стала положительно неизгладимой...» Н.О. Лернер отмечает, что в «Мыслях на дороге» (видимо, имеется в виду «Путешествие из Москвы в Петербург» 1833–1834 гг.) Пушкин сочувственно пишет о «молодых последователях немецкой философии, и, таким образом, он воздал должное тем самым “архивным юношам”, которые когда-то со своей философской высоты так сурово смотрели на простодушную Таню».

Приводятся упоминания об АЮ «в старой нашей литературе»: у А. Марлинского мелькает (и тоже на бале!) — «освещенная добродушной иронией фигура “дипломата, поэта, кудрявого архивариуса коллегии иностранных дел”» («Фрегат “Надежда”», глава II). Мемуарист Ф.Ф. Вигель вспоминал, что «молодые децемвиры архива, коллегии юнкера, казались существами привилегированными; в московских обществах, на московских балах архивные юноши долго, очень долго заступали место екатерининских гвардии сержантов». А «перечитывая в старости» «Новую Элоизу» Руссо, друг Пушкина П.А. Вяземский «в летах почтенной прозы архивным юношей рыдал»¹².

Завершается этюд так: «С течением лет насмешливый оттенок, заключающийся в определении “архивные юноши”, перестал ощущаться, и теперешний читатель может его почувствовать лишь сквозь призму исторического комментария. Шутки, насмешки были тем, чем они были, т.е. шутками и насмешками, не больше. Правду сказал один из участников этой группы, что еще до появления седьмой главы “звание архивного юноши” сделалось весьма почетным» (и дана ссылка на «Записки. 1812–1883 гг.» А.И. Кошелева)¹³.

В книге с комментариями к ЕО Н.Л. Бродский знакомит и с неодобрительным отзывом современника об АЮ («Молодые люди балуются и не привыкают к труду»), приведены и слова из «Записок» А.И. Кошелева: «Архив прослыл сборищем “блестящей” московской молодежи, и звание “архивного юноши” сделалось весьма почетным, так что впоследствии мы даже попадали в стихи... А.С. Пушкина»¹⁴.

В изданной на английском языке в 1964 г. книге В. Набокова, переведенной к пушкинскому юбилею на русский язык под научной редакцией В.П. Старка, комментарий богаче ассоциациями. Указывается, что прозвище придумано другом Пушкина Соболевским «для его, Соболевского, коллег — молодых людей из хороших семей, пристроенных на необременительную службу в Московском архиве Коллегии иностранных дел». «Служба в архиве была чистой условностью; и молодые люди, не желая идти в армию, выбирали именно ее, поскольку из всех гражданских учреждений лишь одна Коллегия иностранных дел (к которой в Москве в то время принадлежали только архивы) считалась в 1820-х гг. достойным местом службы для дворянина».

Там же и наблюдение собственно историографического плана: «Пушкинисты делали робкие попытки объяснить, почему Пушкин посчитал, что эти юноши именно так воспримут Татьяну. Суть этих объяснений сводилась к следующему: в Архиве нашла себе приют группа литераторов (и среди них князь Одоевский, Шевырев и Веневитинов), блуждавших в потемках чуждой Пушкину германской идеалистической философии (особенно философии Шеллинга, популярной тогда в Москве). Тем не менее в черновике (стихи 1–4) Пушкин заставил архивных юношей с жаром восхищаться “милой девой”».

Особенно же существенно напоминание о том, что «умеренный и аккуратный лизоблюд Молчалин из грибоедовского “Горя от ума” тоже числился по архивам (действие III, стих 165), или, как выразился один английский комментатор, “числится среди служащих Архива”»¹⁵.

Ю.М. Лотман в книге-комментарии четко объясняет, что АЮ — это «выражение С.А. Соболевского для обозначения кружка московских литераторов-шеллингианцев (большинство них служило в Архиве Министерства иностранных дел), составивших общество Любомудров». Сообщает о том, что незадолго до выхода VII главы ЕО появился роман Ф.В. Булгарина со злобной характеристикой этого круга «молодежи», приводит цитату из главы XVI романа, и опровергает намек Булгарина, что пушкинские стихи об АЮ «плагиат». Лотман отмечает, что отношение Пушкина к Любомудрам «не было отрицательным — в определенные моменты между ними даже намечалось сближение». Однако «бытовой тип “архивного юноши” вызывал у него ироническое отношение»¹⁶.

В том же ключе рассуждения об АЮ и ЕО и других авторов. Приводят и слова Пушкина о «юношах», «которые воспитывались в Московском университете, служат в Московском архиве и толкуют о Гегеле»¹⁷.

Действительно, известно, что Пушкин по приезде в Москву быстро сблизился с ними. Именно эти лица были постоянными посетителями квартиры Соболевского, у которого поселился Пушкин, а юный поэт Д.В. Веневитинов был родственником Пушкина. По воспоминаниям тогда же познакомившегося с ним Н.В. Путяты, Пушкин «легко знакомился, сближался, особенно с молодыми людьми»¹⁸. Этим философствующим литераторам Пушкин читал новые свои сочинения, поверял впечатление от прежде написанного. А — по утверждению Соболевского (уже в 1855 г.) — «он терпеть не мог читать иначе как с глазу на глаз или в узком кругу»¹⁹. И потому Л.Н. Летагин в статье 1989 г. «Пушкин и “архивные юноши”» пишет: «“Архивны юноши”, впервые явленные читателю в московских строфах, — не случайная деталь. С изображенной частью “юношей”, членами “Общества любомудрия”, Пушкин сближается осенью 1826 г. Для вернувшегося из ссылки поэта это была примета новой московской жизни, в которую ему суждено было окунуться и которая его увлекла». И далее уточняет, что АЮ — одна из «современных периоду написания седьмой главы примет московской жизни. Таким образом, и сама их оценка — оценка из “будущего”»²⁰.

Напомним, однако, и о недоумении Г.Н. Поспелова, еще в статье 1941 г. отметившего, что в строфе об АЮ поэт «несколько преувеличил их численность»²¹. Это едва ли не единственный случай, когда к «выражению» «архивны юноши» подходили, не отрывая его от построения образа в целом, т.е. не отделяя его от слова «толпа».

Сводкой данных литературы об этом, видимо, можно признать статью «Архивны юноши» в «Онегинской энциклопедии». Автор ее В.А. Кошелев. Там упоминают цитату о славе МАКИД при Малиновском как «рассаднике для образования к статской службе лучшего в Москве дворянства», и отмечено, что 1824–1825 гг. — время «своеобразного расцвета и особенной популярности» МАКИД, где оказались тогда на службе (в низших чинах) полтора десятка талантливых и образованных людей, и названо более десяти имен. Цитируется характеристика этой службы в воспоминаниях А.И. Кошелева, и разъясняется, что «необременительная служба... становилась и своеобразной формой общения». «Образованные молодые люди задавали тон светской московской жизни», и «вместе с тем звание АЮ» «приобретало дополнительный оттенок: нарочитая ученость, склонность к отвлеченным рассуждениям, светское фрондерство». Последнее определило несколько настороженное отношение властей, что иллюстрируется отрывком из воспоминаний А.И. Кошелева. Так, 14 декабря 1825 г., во время принесения присяги Николаю Павловичу, «по распоряжению свыше военный караул при Архиве был утроен и солдаты снабжены патронами. Командовал не унтер-офицер, даже не простой офицер, а целый майор. Воображали, кажется, что архивные юноши произведут подражание петербургскому возмущению. Но у нас все прошло самым спокойным образом, и только Соболевский в шутку, вполголоса, при попарном нашем шествии в церковь, пропел Марсельезу».

Отмечено, что АЮ были участниками трех общественно-литературных объединений — «веневитиновского кружка», в котором были и молодые люди, не слу-

жившие в МАКИД (В.Ф. Одоевский, А.С. Хомяков, М.П. Погодин и др.), литературного общества С.Е. Раича и «тайного политического философского “Общества любобомудрия”». В научной литературе сложилась традиция смешивать АЮ и эти объединения (глава в «Истории русской философии» В.В. Зеньковского, посвященная философии конца 1820-х гг., названа «Архивные юноши»). Но «образ АЮ оставался, прежде всего, синонимом московского денди». «И именно вследствие этой “многомысленности” образа конкретных молодых людей отношение Пушкина к АЮ было очень нечетким». Это положение иллюстрируется приведением вариантов об АЮ в седьмой главе ЕО. И осенью в черновой рукописи «Опровержение на критике» Пушкин по памяти восстановил первые два стиха следующим образом:

Архивны юноши на Таню
толпою чопорной глядят.

В этом варианте, «восстановленном» задним числом, по мнению автора, «характеристика московских денди оказывается однозначно негативной».

Само выражение «АЮ», принадлежащее не Пушкину, впервые появилось в газетных и журнальных публикациях строф седьмой главы ЕО в 1828 г. А в начале 1829 г. вышел «нравственно-сатирический роман» Булгарина «Иван Выжигин», имевший «шумный успех». И там в XVI главе — «Рассказе Миловидова» — злобный пассаж об АЮ, отмеченный и критикой. Н.А. Полевой в рецензии на роман в «Московском телеграфе» (1829) заметил: «Видно, что общество московское ему (Булгарину. — С.Ш.) известно только понаслышке. Где у нас юноши-философы? Что за отдел Архивные юноши? Это кажется заметным только издали; вблизи это очень мелко». Реплика метила не столько в Булгарина, «сколько в тех же АЮ, издававших тогда “конкурирующий журнал” — “Московский вестник”». В свою очередь Булгарин «решил настоять на “приоритете”», и после выхода из печати отдельного издания седьмой главы ЕО откликнулся на это в марте 1830 г. отрицательной рецензией, где и намекнул, что выражение АЮ — плагиат. И цитируются слова Пушкина о принадлежности «неправильного выражения» не ему, а Соболевскому. Важны заключительные слова: «Обратим внимание: Пушкин называл выражение Архивны юноши “неправильным”, почувствовав, вероятно, тот шлейф пересечения различных смыслов, который не позволял отнести к этому противоречивому коллективному образу однозначно негативно»²².

Как бы заикнувшись на идее, что в ЕО выражение «архивны юноши» относится именно к малочисленной группе знакомых Пушкину аристократов-интеллектуалов, ограничились и круг источников, привлекаемых к комментированию этого текста. Обойденными оказались и труды о Московском архиве Коллегии иностранных дел и его служащих в первой трети XIX в., и некоторые воспоминания таких служащих, и данные о знакомстве Пушкина (причем с детских лет) с многими другими лицами, связанными в то или иное время служебными отношениями с МАКИД, даже характеристики служащих МАКИД в сочинениях самого Пушкина.

Примечательно, что в так обогащающем книгу комментариев Ю.М. Лотмана «Очерке дворянского быта онегинской поры» в разделе «Образование и служба дворян» не нашлось места для служащих МАКИД. Лотман неточен и в своих пред-

ставлениях по истории МАКИД в первой трети XIX в. В изданном посмертно тексте его «Бесед о культуре» читаем: «В Москве второй половины 1820-х гг., когда заботливые маменьки начали опасаться отпускать своих мечтательных и склонных к немецкой философии отпрысков в гвардейскую казарму, типичной фиктивной службой сделалось поступление в Архив Коллегии иностранных дел. Начальник архива Д.Н. Бантыш-Каменский охотно зачислял этих молодых людей (их в обществе стали иронически называть “архивными юношами”) “сверх штата”, то есть без жалованья и без каких-либо служебных обязанностей, просто по старомосковской доброте и из желания угодить дамам»²³. (Текст этот использован как пояснение к словам «архивные юноши» в «Словаре крылатых выражений Пушкина», изданном в 1999 г.²⁴) Тут явные фактические неточности: «типичной фиктивной службой сделалось поступление» в МАКИД не во «второй половине 1820-х гг.», а на самом рубеже XVIII и XIX вв. И не при Д.Н. Бантыш-Каменском, служившем недолго в МАКИД лишь в молодые годы, — известном историке (кстати, авторе первой биографии Пушкина, включенной в 1847 г. в дополнительные тома к изданным в 1836 г. томам «Словаря достопамятных людей Русской земли») и видном сановнике, а при его отце Николае Николаевиче Бантыш-Каменском, управлявшем МАКИД с 1800 г.

Ученые, конечно, понимали, что подобная хронологическая натяжка в противоречии с утверждением Пушкина в авторском примечании к ЕО: «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» (примеч. 17). И Ю.М. Лотман, «не придавая этому высказыванию слишком буквального значения», все-таки подчеркивает «принципиальную важность» точности соотносности событий романа с хронологией: «автор явно рассчитывает на то, что читатель непосредственно знаком с атмосферой эпохи, без пояснений чувствует ее меняющееся не по годам, а по месяцам и неделям дыхание»²⁵.

И так как романное действие ЕО явно происходит до восстания декабристов (о чем писал и сам Пушкин и в чем единодушны все пушкинисты), то Лотман даже счел необходимым подробно остановиться на ошибке Г.А. Гуковского, полагавшего, что появление Александры Федоровны на петербургском балу как императрицы «явный анахронизм», и убедительно доказывает, что она присутствовала на этом балу еще как великая княгиня²⁶. Однако в нашем случае Лотману, как и другим комментаторам ЕО, изменила вера в то, что Пушкин везде строго следует заявленной им же хронологии реальных исторических явлений.

Время «московских» строф романного действия — первые месяцы 1822 г. Придумавший шуточное выражение «АЮ» Соболевский действительно подал прошение о зачислении в МАКИД в апреле 1822 г., но Д.В. Веневитинов, А.И. Кошелев, В.П. Титов, С.П. Шевырев — в 1823 г., И.В. Киреевский — в 1824 г.²⁷, а «Общество Любомудрия» начало свое существование в 1823 г.²⁸ И в то же время — что не менее существенно — с конца 1826 г. В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, А.И. Кошелев, В.П. Титов служат не в Москве, а в Петербурге.

Объяснение всем этим несоответствиям, думается, в комментарии к строфам XLV–XLIX седьмой главы ЕО, где Ю.М. Лотман сформулировал наблюдение общего порядка о «московских» строфах этой главы: «Несмотря на очевидную ориентацию П[ушкина] на изображение Москвы в комедии “Горе от ума”, тон седьмой гла-

вы существенно отличается от тона комедии. Формально («по календарю») действие происходит в 1822 г., но время описания сказалось на облике изображаемого мира: это Москва после 14 декабря 1825 г., опустевшая и утратившая блестящих представителей умственной жизни. Не случайно в XLIX строфе упомянуты Вяземский и Любомудры — деятели культуры, уцелевшие после декабрьского разгрома»²⁹.

Соображения эти, однако, нельзя признать состоятельными. Конечно, Пушкин, продолжая работу над ЕО в течение нескольких лет, выражал в новых главах умонастроения, прежде всего, времени написания этого текста, и в седьмой главе — как отмечалось в литературе — «отражение разновременных впечатлений поэта»³⁰. Глава написана после пережитого, прочувствованного и продуманного Пушкиным вслед за разгромом декабристов и отражает эти его новые ощущения и мысли — и, конечно же, и то «неприятное впечатление»³¹, которое оставила в нем Москва последних месяцев 1826 г. Об этом он писал другу и единомышленнику П.А. Вяземскому, подразумевая, вероятно, прежде всего равнодушие «московского света» к судьбе декабристов, среди которых были не только знакомые им, но и родственники. Пушкин был поражен тем, что в московском «свете»

....не видно перемены;
Все в них на старый образец.
(6, XLV)

Более того, как тонко заметил Ю.М. Лотман, в московском «обществе Фамусовых» после «изъятия из его среды Чацких» «общественная безнравственность сделалась знаменем эпохи»³².

И потому-то Пушкин нарочито изобразил именно «грибоедовскую Москву» додекабристского времени, т.е. то общество, далекое от интеллектуальных, тем более нравственно-политических интересов, которое представляли собой московские родственники княжны Алины и матери Лариной — и «бабушки и деды», и более молодые. Для понимающих это была и публичная негативная оценка поэтом светского общества Москвы после 14 декабря 1825 г.

Кстати, Москва и не опустела, «утратив» «блестящих представителей умственной жизни». Арестов было сравнительно немного, Чацкие уже не смели высказываться вслух, тем более Репетиловы. Но умственная и литературная жизнь была более яркой, чем в столице после ареста декабристов. Не только московский патриот М.П. Погодин полагал, что тогда «в Москве наступило самое жаркое литературное время»³³, но превосходство московских журналов именно тех лет над петербургскими отмечали и Вяземский, и Пушкин. П.Н. Милюков удачно сформулировал: «Как-то сразу, с началом 1826 г., культурная роль петербургской гвардии перешла к Московскому университету»³⁴, и сам же Ю.М. Лотман в книге «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя», впервые изданной в 1981 г., пишет: «...петербургская словесность понесла наибольшие потери, и центр литературы временно переместился в Москву»³⁵.

Именно в период сочинения текстов седьмой главы ЕО Пушкин неотступно думает о судьбе декабристов — о взаимосвязях с ними (что отражено и в написан-

ном, и в его рисунках), однако в сочинениях, предназначенных для печати, Пушкин, после того как император объявил себя его цензором, не допускал возможности дать повод для небезопасных аллюзий с обществом декабристов или оппозиционными настроениями их московских единомышленников. Пушкин не мог не знать, что любомудры после восстания декабристов испугались, распустили свое «Общество», сожгли его устав и протоколы. Как писал в своих воспоминаниях о Пушкине Н.В. Путята, «покровительство и опека императора Николая Павловича тяготила его и душила»³⁶. Путята был особенно близок с Пушкиным как раз в период сочинения им седьмой главы.

В современной науке — особенно после исследований З.А. Каменского, Ф.З. Кануновой — творческая деятельность любомудров определяется как заметное направление в общественном сознании России 1820–1830-х гг., повлиявшее на развитие мысли и в период споров «западников» и «славянофилов». Но, — отмечает Л.Н. Летягин, — «направление это, оппозиционное по роду своих интересов, со всей полнотой проявилось уже после формального роспуска московского кружка. Оппозиционность любомудров имела более общественный, чем политический характер (не исключаяющий, правда, и откровенного юношеского фрондерства)»³⁷.

Близость любомудров и некоторых других молодых служащих МАКИД с декабристами несомненна. Они были из круга арестованных в Москве М.М. Нарышкина, В.С. Норова, генерала М.А. Фонвизина, начавшего служить в Москве И.И. Пущина. Председатель цензурного комитета в Москве послал «донос, выставляя “Московский вестник” отголоском 14 декабря». (А шефу жандармов Бенкендорфу доносили, что «партия, к которой принадлежит Соболевский, проникнута дурным духом. Атаманы — князь Вяземский и Полевой, а приятели: Титов, Шевырев, Рожалин и другие москвичи»³⁸.) Хотя смешаны в одно имена противостоящих журналистских (и собственно литературных) группировок, и Вяземский и любомудры выглядели в документации, поступавшей во властные структуры, как выразители политических настроений московской оппозиции. И у управляющего МАКИД А.Ф. Малиновского племянница была женой декабриста барона А.Е. Розена.

Кошелев передает в «Записках» впечатления юношей из МАКИД о событиях конца 1825–1826 гг.: «Никогда не забуду того потрясающего действия, которое произвели на нас первые известия о 14 декабря». В промежуток времени между получением известия о кончине Александра I и восстанием декабристов Кошелев вместе со своими друзьями АЮ часто собирались у его родственника М.М. Нарышкина, где обсуждались животрепещущие события дня, слушали и приехавшего из столицы К.Ф. Рылеева. «Предложениям и прениям не было конца; а мне, юноше, — вспоминает мемуарист, — казалось, что для России уже наступал великий 1789 год»³⁹ (знаменовавший начало Великой Французской революции). Показательно и приведенное выше описание в «Записках» А.И. Кошелева того, как проходила присяга служащих МАКИД императору Николаю I.

В мае накануне коронации в Москве от служащих МАКИД — двух инвалидов — поступил донос, «что главный над Конторой совещается по ночам истребить императорскую фамилию». По указу Николая I была назначена комиссия по расследованию «нелепых слухов», Малиновскому пришлось писать императору оправдатель-

ное письмо — инвалидов выслали из Москвы. Но и Малиновский оказался отставленным от заметной тогда должности главного смотрителя Странноприимного дома⁴⁰, т.е. «Шереметевской больницы» (ныне Институт им. Н.В. Склифосовского).

Безусловно, интересны в этом плане и воспоминания «о времени коронации» в Москве Д.Н. Свербеева — сверстника Пушкина из богатой московской аристократии, возвратившегося тогда из Швейцарии, где он был на дипломатической службе. С 22 января 1827 г. он был перемещен в МАКИД, отмеченный «как весьма способный и к повышению чинов достойный служащий»; с 1831 г. стал главным смотрителем Комиссии печатания государственных грамот и договоров и помощником Малиновского по изданию древних рукописей⁴¹. Вот этот текст: «Расскажу один загадочный случай, дошедший до меня по слухам в самое время событий и подтвержденный, но все-таки недостаточно разъясненный чиновниками того учреждения, коего оно касалось и где я вскоре потом начал мою службу.

Московский архив Коллегии иностранных дел, последняя из всех учрежденных еще Петром Великим коллегий, перешедшей в Министерство иностранных дел, находился под главным начальством Алексея Федоровича Малиновского, отца недавно умершей княгини Долгоруковой, моей приятельницы. Он добивался всеми средствами, чтобы новый император обратил на архив такое же высочайшее внимание, какое оказал ему покойный Александр, чтобы государь и императрица полюбостраивали посмотреть на хранившиеся там древние памятники, на грамоты об избрании на престол Бориса Годунова и Михаила Романова и на другие манускрипты и редкости. Государь благоволил обещать свое посещение. Начальник архива и чиновники готовились к торжественному приему и учредили, что называется теперь, выставку археологических драгоценностей. Все было готово и ничего не удалось. Какая-то архивская кухарка или прачка, жившая у одного из чиновников Ждановского, повела под пьяную руку в сумерки беседу с одним из архивских сторожей — на беду на улице, у самых архивских ворот — о том, как бы не случилось у них великого несчастья, как бы не убили у них в этом доме государя и государыню, что-де давно замышляют архивские юноши. К такой беседе издали долго прислушивался будочник, стоявший вблизи со своей алебардой, а потом и сам принял в ней участие. Движимый усердием к престолу и отечеству, верноподанный страж полиции заявил о том квартальному, тот — частному приставу, сей — обер-полицмейстеру, а этот по команде — генерал-губернатору князю Дмитрию Владимировичу Голицыну и одновременно шефу вновь учрежденного корпуса жандармов Бенкендорфу. Князь Голицын, сановник в управлении столицей опытный и в то же время человек порядочный и настоящий gentleman, сейчас же понял всю нелепость такого слуха и не обратил на него особенного внимания, но начальник недавно организованной полиции Бенкендорф приказал сделать самые подробные разыскания и, разумеется, убедился, наконец, в том, что никаких преступных замыслов не бывало, и все кончилось розгами болтунам с увещанием более не болтать пустяков и никому не рассказывать под страхом еще строжайшего взыскания, что они были посечены.

Государь, однако, отказался от посещения архива, и когда Малиновский узнал об этом высочайшем отказе, то вломился в амбицию и, как оскорбленный понапрасну, выхлопотал себе в утешение не следовавший ему чин тайного советника.

В министерстве и в тайной полиции догадывались, что весь этот пустой слух вышел на задний архивный двор от различных толков архивских юношей о 14 декабря и от бдительной подозрительности тайной жандармской полиции...»⁴²

Особенно важно именно в плане нашей темы суждение Свербеева о МАКИД того времени, когда он начал там служить. Здесь мемуарист вспоминает характеристики АЮ о ЕО: «В нем (МАКИД. — С. III.) встретил я не тех уже великосветских юношей, о коих Пушкин говорит в своем Онегине. Лучшие из них, изучив более или менее основательно философию Шеллинга, переходили тогда к изучению Гегеля. Между ними еще гораздо прежде моего приезда в Москву составилась литературный кружок, который еженедельно сходилась у Красных ворот, в доме Елагиной»⁴³.

Точный в своих определениях Свербеев подчеркнул, что уже не застал в МАКИД «тех великосветский юношей» (выделено мною. — С. III.), которые изображены в ЕО. Это может быть указанием и на преддекабристское время, и на время отъезда большинства «любомудров» в столицу, т.е. 1826 г. Но, во всяком случае, на время до выхода первого номера журнала «Московский вестник».

Пушкин знал о МАКИД с детских лет. Читал он, конечно, и «Записку о московских достопамятностях» Н.М. Карамзина (1817), написанную для вдовствующей императрицы Марии Федоровны. В ней историограф выделил историко-культурное значение МАКИД в жизни Москвы: «Говоря о Москве, забудет ли историограф то место, где собраны все наши государственные хартии пяти веков, от XIII до XVIII? Архив Коллегии иностранных дел есть один из богатейших в Европе. Его начальники, от незабвенного Миллера до А.Ф. Малиновского, с величайшею ревностью, с неописанным трудом привели все бумаги в наилучший порядок, которому удивлялся император Иосиф, сказав: “Я прислал бы сюда наших венских архивистов”. Там любопытные читают древнейшие грамоты новгородские и московские, Хартию Максимилианову, в которой отец Иоанна Грозного назван императором, письма славной английской королевы Елизаветы и проч. Там же можно видеть и портреты наших первых царей»⁴⁴.

Управляющий МАКИД А.Ф. Малиновский был братом первого директора Царскосельского лицея, отца близкого Пушкину лицеиста Ивана, женившегося на сестре «друга бесценного» И.И. Пущина. У семей Пушкиных и Малиновских были устойчивые близкие отношения⁴⁵. Тетка поэта Елизавета Львовна вышла замуж за служившего (ранее?) в МАКИД М.М. Сонцова. Так что представление о том, что именно МАКИД стал средоточием московской знатной молодежи, — одно из значительных в общественном сознании поэта, в восприятии им московского общества.

Изменение положения служащих МАКИД, придавшее им особое положение в московском «большом свете», произошло на рубеже XVIII и XIX вв. Мемуарист Д.Н. Свербеев, связанный родственными узами с московской аристократией и по родительским линиям, и по жене (урожденной княжне Щербатовой), рассказывает, что положило этому начало. Во второй половине XVIII в. мальчики из знатных и богатых фамилий зачислялись на службу еще в младенчестве и ко времени взросления имели уже офицерский чин (напомним об известном и не из исторических документов: о военном чине младенца Петруши Гринева в «Капитанской дочке» Пушкина и об изображении мальчика в сержантской гвардейской форме на

портрете в экспозиции Исторического музея в Москве). Но «Павел в первые дни своего царствования потребовал их (офицеров. — С.Ш.) списки; сержантов гвардии, находившихся дома в отпуску, оказалась целая тысяча, если не более. Всем им велено было явиться в Петербург на смотр императору. Можно себе представить великий страх батюшек и матушек, бабушек и мамушек везти грудных или ползающих детей на смотр Павлу. Государю доложили о такой невозможности, и он одним почерком пера всех их выключил, но в гражданскую службу долго еще записывали семилетних»⁴⁶. Указ был подписан 5 октября 1799 г.

Стали приискивать гражданскую службу повиднее и наиболее перспективную. Для юных аристократов такой признавали службу в МАКИД — необременительную и открывавшую дорогу к карьере дипломата. Так что год рождения Пушкина и социослужебного «разряда» аристократического «архивного юношества» — один и тот же.

Количество сразу принятых в Архив юнкеров (младшая должность Коллегии иностранных дел) превышало установленную императором норму. И управляющему МАКИД Н.Н. Бантыш-Каменскому пришлось подать докладную фавориту императора графу И.П. Кутайсову: «Да не устрасит Ваше сиятельство толь великое число чиновников! Все сии молодые благородные люди служат без жалованья, занимаясь переводами, описью дел и разными выписями по присылаемым из Коллегии указам, и сим приготавливают себя к дальнейшей для государства службе»⁴⁷. Как замечает С.В. Чирков, «понадобилось срочно производить этих юношей в переводчики и архивариусы (т.е. на более высокие должности. — С.Ш.), чтобы освободить место для новых волн недорослей»⁴⁸.

Появившийся среди служащих в 1800 г. четырнадцатилетний Ф.Ф. Вигель, характеризуя в мемуарах МАКИД тех лет, пишет: «По разным возрастам служивших в нем юношей и ребят можно было видеть в нем и университет, и гимназию, и приходское училище». «По большей части все они, — отмечает наблюдательный и ядовитый мемуарист, — закоренелые москвичи, редко покидали обширное и великолепное гнездо свое и преспокойно тонут или потонули в безвестности». Большинство из них не знали, «что уже есть русская словесность. Живши в одном городе с Дмитриевым и Карамзиным, они слыхали об них, может быть, встречались с ними, знали, что они что-то пишут, но читать их? — этого не приходило им в голову»⁴⁹. В МАКИД оказалось, таким образом, множество отпрысков знати, даже из самых старинных титулованных фамилий (князя Козловский, Гагарины, Долгоруковы, Горчаков, Голицыны (их было 14!) и другие, графы Мусин-Пушкин, Олсуфьев, Ефимовский и др.)⁵⁰. Мало кто обращал внимание на то, что об аристократическом составе служащих МАКИД идет речь и в первой части романа «Война и мир» Л.Н. Толстого, где рассказывается о событиях 1805 г.: граф Илья Андреевич Ростов уже подготовил — как он сам говорит — место для старшего сына Николая в Архиве, но тот предпочел, вслед за другом своим князем Борисом Друбецким, военную службу.

Занять всех этих юношей серьезным делом было невозможно. 18-летний Н.И. Тургенев (будущий декабрист и образованнейший мыслитель) писал: «Вчера был я в Архиве и занимался перетаскиванием столбцов из шкапов в сундуки. Какой вздор! Чем занимаются в Архиве... Там есть переводчики, которые не перево-

дят, а переносят... Следовательно, из переводчиков делаются переносчиками или перевозчиками»⁵¹.

Считаться служащим Коллегии иностранных дел было особенно престижно и достойно генеалогических (еще местнических в своей основе) предрассудков молодых аристократов и их родственников. Это была служба именно «благородных юношей», и «для поощрения служащего без жалования благородного юношества» представляли к «награждению их чинами». Так же оценивалась эта служба и в последующие десятилетия, что саркастически обыграно в гоголевском «Невском проспекте», где отмечено: «чиновники Иностранной коллегии отличаются благородством своих занятий и привычек» и восклицание: «Боже, какие есть прекрасные должности и службы! Как они возвышают и услаждают душу!»

Напомним, что, когда в «московских обществах и на московских балах» АЮ, по словам Вигеля, «заступили место гвардии сержантов», тот, по которому «вздыхала» в юности мать Татьяны, такими словами охарактеризован поэтом:

Сей Грандисон был славный франт,
Игрок и гвардии сержант.

(2, XXX)

То есть Пушкин использовал то же определение «франт», что и для АЮ в вариантах к седьмой главе ЕО.

Представление о служащих МАКИД как о светских шалопаях, «франтах» отражено и в неоконченном романе Пушкина «Рославлев» (1831), действие которого происходит зимой — т.е. в период «ярмарки невест» — в канун Отечественной войны. Дама, от лица которой ведется повествование, так характеризует своего брата: «двадцатидвухлетний малый принадлежал сословию тогдашних франтов: он считался в Иностранной коллегии и жил в Москве, танцуя и повесничая»⁵² (опять определение «франт»!).

Он, как и некоторые другие, реально существовавшие младшие служащие МАКИД, с началом военных действий пошел в армию. Известно немало таких, которые прославились на военной службе или погибли (подобно сыну просвещенного вельможи графа А.И. Мусина-Пушкина Александру, смертельно раненному в сражении при Люнебурге в 1813 г., — именно в нем видел отец продолжателя своих занятий по изучению прошлого России).

В «плеяде молодых архивистов» (определение С.Р. Долговой) были и хорошо знакомые Пушкину видные деятели первой половины XIX в. — многие участники петербургского общества «Арзамас» (младшим из которых по возрасту был лицеист Пушкин) — и писатели, и будущие декабристы, и будущие министры (позднее он близко познакомится с их сверстником дипломатом князем П.Б. Козловским). Такого рода связи Пушкина со средой лиц дипломатической службы прослежены в специальных работах⁵³.

Таким образом, Пушкин еще до знакомства с молодыми АЮ, сблизившимися с ним в 1826–1827 гг., имел достаточное всестороннее представление о служащих МАКИД и их образе жизни на протяжении четверти века и по приезде в Москву осенью 1826 г. тоже не только о деятельности АЮ в сфере науки и литературы.

С.А. Соболевский, его «друг и благодетель» (выражение в письме к П.А. Вяземскому от 9 ноября 1826 г.⁵⁴), пренебрегал службой, широко известен был как кутила, организатор светских развлечений, долгое время даже не показывался на месте службы. И за это решено было отчислить его от службы. А.Я. Булгаков сообщал брату в столицу 23 мая 1828 г.: «Завтра призываем мы в Архив молодца Соболевского объявить, чтобы подавал в отставку: рапортуется больным, а бывает на всех гуляньях и только что не живет на улице». С.Р. Долгова выявила и канцелярские документы, относящиеся к этому делу. До того, 13 февраля 1828 г. (т.е. как раз именно в то время, когда знакомились читатели впервые с интересующими нас «московскими строфами» седьмой главы ЕО) А.Ф. Малиновский послал архивного лекаря на квартиру Соболевского «освидетельствовать его, какая болезнь не допускает его долгое время явиться в архив». Служитель Соболевского сказал, что барин отсутствует. И позже посылали чиновников с ордерами «о непременно явке в архив», но тот к службе не приступил⁵⁵. Следовательно, самого изобретателя «выражения» «АЮ» никак нельзя отнести только к философствующим сумрачным литераторам-интеллектуалам!

Поставив перед собой задачу «позвать *всю* Москву на бал» (выделено мною. — С.Ш.) и даже изобразив постоянного посетителя балов, который «готовит элегию» Татьяне (XIX), нельзя было обойти молодых чиновников МАКИД — без них панорама московского света казалась бы обедненной, особенно при описании балов, где выставка невест. Еще в XXVII строфе седьмой главы предваряется: Татьяну ожидает общество «московских франтов и цирцей», а в черновиках строфы XLIX как раз показательны сочетания слов: «Архивны *франты* меж собою» (выделено мною. — С.Ш.), «В лорнеты *юноши толпою*» (выделено мною. — С.Ш.)⁵⁶.

Тем более что в «московских строфах» нарочито демонстрируется близость к комедии Грибоедова, где сказано и о характерной неизменности образа московских балов в восклицании Чацкого:

Что нового покажет мне Москва?
 Вчера был бал, а завтра будет два.
 Тот сватался — успел, а тот дал промах.
 (действие I, явление 7)

Думается, что в «Горе от ума» автором показано больше лиц, в молодые годы числившихся на службе в МАКИД, это было в обычае знати из круга Фамусова — пристраивать туда юных родственников и знакомых. Но Молчалин выделен как особый подтип типа АЮ, если использовать терминологию Белинского. Ведь в МАКИД были, конечно, и обычного образца неродовитые чиновники, действительно исполнявшие обязанности хранения, описания, подготовки публикаций документов, и также небогатые чиновники неаристократического происхождения, тоже уклоняющиеся от архивной службы или даже паразитирующие там, пользуясь этим служебным положением, как секретарь сановного и богатого управляющего в казенном месте Фамусова, который «в доме знатного барина допущен в его светский круг»⁵⁷. Пристроенный им в МАКИД (или взятый им к себе в дом из

МАКИД за «умеренность и аккуратность») Молчалин получает на этой службе чины и награды и сам хвастливо говорит:

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числось по архивам,
Три награжденья получил.
(действие III, явление 3)

Он становится вхожим в среду московской знати, прислуживает влиятельным старикам (по словам Софьи:

...от старичков не ступит за порог <...>
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет...

(действие III, явление I)).

Ближе знакомится и со знатными сверстниками, что тоже необходимо для карьеры. Идеал службы в Москве для Молчалина, как и для Фамусова: «И награжденья брать, и весело пожить» (действие III, явление 3).

Полагая, что линию Молчалина можно было бы в комедии развить еще более, Пушкин писал А.А. Бестужеву (с просьбой ознакомить с его суждениями Грибоедова): «Штатской трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог быть очень забавен»⁵⁸. Булгарин, вероятнее всего, знал и об обмене мнениями между писателями — первыми читателями комедии в рукописи, а потому важно его замечание: «Из “Горя от ума” являются архивные юноши»⁵⁹. Н.О. Лернер, видимо, безосновательно сомневается в том, что Грибоедов имел в виду именно МАКИД. В «большом свете» именно так говорили о нем; и всем было понятно, что, скажем, «архивный князь» — князь, служащий в МАКИД.

Это представление передано и Л.Н. Толстым, специально изучавшим обычаи и особенности разговора светских лиц начала XIX в.: старый граф Ростов в светском разговоре с «гостьей» в день именин его жены и дочери в присутствии старшего сына Николая сказал без каких-либо разъяснений: «Вот его друг Борис произведен в офицеры, и он из дружбы не хочет отставать от него: бросает и университет, и меня, старика: идет в военную службу, *machere*. А уж место в архиве было готово...» (выделено мною. — С.Ш.). И важное для нас уточнение в словах Николая: «...ежели вам не хочется меня отпустить, я останусь. Но я знаю, что никуда не гожусь, кроме как в военную службу: я не дипломат, не чиновник...» (выделено мною. — С.Ш.)⁶⁰.

«Архивное юношество» — заметная принадлежность московского «большого света», тем более его балов, где «взор смешенных поколений»⁶¹. Ю.М. Лотман обстоятельно охарактеризовал бал как «область общественного представительства, форму социальной организации, одну из немногих форм дозволенного в России той поры коллективного быта»⁶². Именно в те годы возникает мода и на изображение бала (или упоминание с достаточной детализацией) в художественной литературе — о московском бале в произведениях таких близких Пушкину авторов, как А.С. Грибоедов, Е.А. Баратынский, В.Ф. Одоевский. (Показательно, что как существ-

венная особенность общественного бытия лиц московского света это выгладит и у Л.Н. Толстого: и не только в «Войне и мире», но и при изображении современной ему эпохи в «Анне Карениной».)

«Архивное юношество» хотя и неоднородно, но выделяется некоей общностью и составляет в целом «толпу», отличающуюся от других «толп» завсегдаев московских балов и «московского общества» в целом. И у Пушкина в неточной цитате по памяти в наброске статьи 1831 г. (по поводу обвинения Булгариным его в плагиате) выражение «толпою чопорной»

(Архивны юноши на Таню
Толпою чопорной глядят)⁶³.

При этом указание на «толпу», т.е. множество, особенно важно. Именно так «архивное юношество», в сущности, изображено в «нравственном портрете» (определение самого автора в Предисловии — письме А.А. Закревскому)⁶⁴ и в романе Булгарина. Последний явно использовал при описании «московского общества» наблюдения-характеристики Пушкина во фрагменте седьмой главы ЕО, напечатанном «года 2 прежде появления Выжигина»⁶⁵ в редактируемой им же «Северной пчеле», и тем бессовестнее его намек на плагиат! (Впрочем, подобное обращение к тексту ЕО еще в большей мере будет заметно в очерках о Москве М.Н. Загоскина уже последующих лет⁶⁶.) Булгарин среди «чиновников, не служащих в службе» выделяет словом «также» (выделено мною. — С.Ш.) особую группу «философов» и литераторов, т.е. обособляя их от остального «архивного юношества»!

В мемуарах Ф.Ф. Вигеля, написанных в основном после его отставки в 1840 г., выражение «архивны юноши» употреблено применительно к служащим МАКИД первого десятилетия XIX в.⁶⁷ И показательно, что такой знаток истории и литературы конца XVIII – первой половины XIX в., как Н.Я. Эйдельман понимает выражение «АЮ» согласно расширительной — и более правильной — хронологии. В посвященной Н.М. Карамзину книге «Последний летописец» он пишет, характеризуя общественное сознание и литературные вкусы десятилетия, предшествовавшего Отечественной войне 1812 г.: «Читали и славили “Письма русского путешественника”, “Бедную Лизу” как раз те немногие, кто делал погоду в просвещении: студенты, молодые офицеры, чиновники, “архивные юноши”, вроде самого Карамзина лет 10–20 назад. Только теперь юноши назывались Тургеневыми, Жуковскими или как-то иначе»⁶⁸.

С.В. Чирков, специально изучавший архивные документы по истории МАКИД, верно, на мой взгляд, заметил о Пушкине: «Можно думать, что в чопорной толпе завсегдаев московских балов он запечатлел не столько конкретных своих знакомых, сколько тип»⁶⁹.

Видимо, первоначально Пушкин предполагал показать АЮ как одну из характерных и обязательных принадлежностей московского бала как бы нейтрально. В черновиках читаем:

Архивны юноши толпою
На Таню издали глядят.

О милой деве меж собою
Они с восторгом говорят

Ее находят идеальной, \ Они находят идеальной⁷⁰.

Однако затем был внесен негативный оттенок: «чопорно глядят», «неблаго-склонно говорят»⁷¹. (Напомним отношение автора к определению «неблагосклонно» в восьмой главе в характеристике Онегина:

Зачем же так неблагоприятно
Вы отзываетесь о нем? (8, IX).)

И Татьяну «находит идеальной» уже комический персонаж — поэт в следующем четверостишии (7, XLIX).

Это можно объяснить и отношением к Молчалину и «молчалинству», так как дочь сравнительно небогатых провинциальных помещиков без прямых связей с влиятельными московскими лицами казалась малопривлекательной выбивающемуся вверх карьеристу. Быть может, так показалось и Булгарину, связавшему появление АЮ в «Евгении Онегине» — с восприятием Пушкиным «Горя от ума»? Поэтому особенно он усиливает акцент на уничижительной характеристике близких Пушкину интеллектуалов из разряда АЮ. Он осведомлен был о сближении с ними Пушкина и опасался действий, направленных против влияния Булгарина («Пора Уму и Знаниям вытеснить Булгарина», — писал Пушкин 1 июля 1828 г. издателю «Московского вестника» М.П. Погодину⁷²). Изображение с подобной характеристикой этих лиц в булгаринском романе было и понятным многим выпадом против Пушкина — вот, мол, каковы «отчаянные судьи словесности и науки», которых Пушкин выбрал себе в сотоварищи!

Но похоже, что Пушкин, который тогда (по дневниковой записи М.П. Погодина в конце февраля – марте 1828 г.) «декламировал против философии»⁷³, в тексте об АЮ не ограничился рамками строгой хронологии остальных «московских» строф седьмой главы ЕО и, придав четверостишию XLIX строфы неоднозначный смысл, действительно намекал на близко знакомых ему философствующих литераторов, числившихся на службе в МАКИД, а также других лиц, связанных с «Московским вестником». То есть, как и в других местах ЕО, адресовался одновременно и к широкому читателю, и к немногим, знакомым с его системой намеков и ассоциаций, даже «тайнописи» (по определению А. Ахматовой). Тем более что все эти знатоки литературы и мастера замысловатого и эпиграммического устного разговора, подобно Грибоедову, полагали, что в «превосходном стихотворении» «все надо угадывать».

Вообще в этих строках была не одна линия развития образов. В черновике отмечена восторженность:

...о милой деве меж собою
Они с восторгом говорят.

В дружеском Пушкину кругу старших возрастом по сравнению с любомудрами литераторов подтрунивали не только над стилем их суждений «с надутостью поседелого профессора» (слова Д.В. Дашкова, близкого Пушкину со времен «Арзамаса», друга Жуковского)⁷⁴ и требованием поэзии, «неразлучной с философией» (формулировка Д.В. Веневитинова), но и над их восторженной чувствительностью — и Вяземский стариком уже писал, что «в годах почтенной прозы архивным юношей рыдал». Тут допустимо сравнение с изображенным в ЕО поэтом Ленским. И Д.Д. Благой сближает «пылкий и восторженный романтизм Ленского» и «многочисленных русских романтиков-идеалистов того времени типа “любомудров”, или так называемых московских “архивных юношей”»⁷⁵.

Пушкин остановился на известном нам напечатанном варианте. Л.Н. Летагин полагает, что «при рассмотрении смены авторского решения существенным здесь оказывается не столько текстологический аспект, сколько аспект исторический, биографический»⁷⁶.

Сыграло роль, видимо, и восприятие слова «чопорно» в поэме «Бал» особенно близкого Пушкину и почитаемого им как поэта Е.А. Баратынского. Они сходятся «короче прежнего» (слова Баратынского из письма Пушкину 1828 г.)⁷⁷ осенью 1826 г. Тогда их видели вместе в зале Благородного дворянского собрания юный Герцен и его кузина, описавшая это в своих мемуарах («Из дальних лет» Т.П. Пасек). Знаком союза двух поэтов станет издание «Бала» и «Графа Нулина» в одной книжке («Две повести в стихах». СПб., 1828). Вместе они присутствовали на обеде в честь основания журнала «Московский вестник» 24 октября 1826 г. И, видимо, при посредничестве Баратынского завязываются отношения Пушкина с «любомудрами»⁷⁸. Так что контекст намека, отраженный в слове строфы «Евгения Онегина», понятен всему этому кругу лиц.

О «волшебных напевах» стихов Баратынского, «певца Пиров и грусти томной», писал Пушкин еще в третьей главе ЕО, там, где «Письмо Татьяны к Онегину» (3, XXX). Цитата из «Пиров» любимого им поэта («Как не любить родной Москвы») — один из эпиграфов седьмой главы романа. В.Г. Белинский в статье 1842 г. полагал, что за «характеристику нашей доброй Москвы» поэта, которого «некогда величали» «певцом Пиров», следовало бы назвать «певцом Москвы»⁷⁹.

Пушкина восхищали и ум и слог Баратынского. (В незавершенном стихотворении, адресованном ему в 1827 г.:

О, ты, который сочетал
С глубоким чувством вкус столь верный.
И точный ум, и слог примерный...⁸⁰)

Таким образом, и личная взаимная приязнь, и особо уважительное отношение к поэтическому творчеству Баратынского и тематике его поэм делали особенно уместными реминисценции в ЕО со стихами Баратынского.

Пушкину так понравилось использование «чопорно» Баратынским, что он привел цитату с ним в статье 1828 г. «“Бал” Баратынского»⁸¹. Показательно и то, что у обоих поэтов обращение к этому выражению связано с описанием москов-

ского бала: «Писатель чопорно острится» (в вариантах: «политик чопорно острится»; «франт штатский чопорно острится»)⁸².

Но еще более существенно то, что у Баратынского это отнесено вообще к «штатским франтам», отличая их манеру поведения от офицерской:

Кавалерист крутит усы,
Франт штатский чопорно острится⁸³.

И тем самым это могло быть воспринято как характеристика и «архивных франтов» в целом, а отнюдь не только их незначительной по численности философствующей группы.

Читатели первого издания «московских строф» ЕО примерно тогда же познакомились и с поэмой «Бал». И такое «выражение» могло казаться одной из типичных для текста романа реминисценций с другими — и прежде всего современными — литературными произведениями.

Ассоциации со стихами Баратынского тем более очевидны, что в следующем четверостишии той же пушкинской строфы — изображение, видимо, князя Шаликова, упоминанием о журнале которого заканчивается поэма Баратынского:

Поэт, который завсегда
По четвергам у них обедал,
Никак с желудочной тоски
Скропал на смерть ее стишки.
Обильна слухами столица;
Молва какая-то была,
Что их законная страница
В журнале дамском приняла.

Усмотреть в первом четверостишии XLIX строфы намек на философствующих литераторов из АЮ позволяет и то, что следующее четверостишие посвящено московскому стихотворцу:

Один какой-то шут печальный
Ее находит идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегию готовит ей.

В черновиках: «поэт печальный и журнальный», «певец печальный и журнальный», «московских дам поэт бульварный», «московских дам поэт журнальный»⁸⁴. Н.И. Михайлова основательно полагает, что и в черновиках, и в окончательном тексте пушкинского романа это «эпиграммический портрет» князя П.И. Шаликова — редактора единственной тогда в Москве газеты «Московские ведомости», издателя «Дамского журнала». Этот «дамский угодник, — пишет исследовательница, — своего рода достопримечательность Москвы пушкинского времени»⁸⁵.

Причем заметна и тут прямая связь с Баратынским. Текст XLIX строфы переключается с эпиграммой, сочиненной Пушкиным совместно с Баратынским, где, в отличие от стихотворного романа, адресат назван по имени:

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал...⁸⁶

Эпиграмма датируется 15 мая 1827 г., а черновик пушкинской строфы ЕО — августом-сентябром 1827 г. При этом Пушкин относился к Шаликову благосклонно, хотя не раз подсмеивался над ним и отнюдь не ценил как поэта. Шаликов же был публичным обожателем Пушкина, писал рецензии в стихах и на его главы из ЕО и, когда еще не были написаны Пушкиным слова о «Татьяне милом идеале», прозорливо восклицал: «Нет! Поэт не рассказывает: он видел свой идеал и указывает другим, которые смотрят на него и забывают о поэте!»⁸⁷

Таким образом, получается как бы панорамный насмешливый обзор причастных к литературе лиц московского света из разных поколений. Это было в духе Пушкина и могло казаться скорее забавным, чем обидным. Для широкого читателя, особенно вне Москвы, это оставалось незаметным. Белинский же, возвращавшийся в литературных кругах, это сразу уловил, когда писал: «Москвичи так резко отличаются ото всех не-москвичей, что, например, московский барин, московская барыня, московская барышня, московский поэт, московский мыслитель, московский литератор, московский архивный юноша: все это — типы, все это — слова технические, решительно непонятные для тех, кто не живет в Москве»⁸⁸.

Понять замысел Пушкина в контексте изучаемой нами строфы помогают интереснейшие наблюдения Ю.М. Лотмана в лекционном курсе 1970-х гг. о романе «Евгений Онегин». Он акцентирует внимание на том, что «цитаты и реминисценции составляют один из основных структурообразующих элементов самой ткани повествования романа в стихах», но «выполняют разнообразные функции». Есть и «скрытые цитаты», освоение которых достигается «отождествлением некоторых мест текста» романа ЕО «с текстами, хранящимися в памяти читателя», а «объем культурной памяти и ее состав значительно колеблется даже в пределах читательской аудитории одной эпохи». И «цитата, особенно невыделенная, “работает” еще в одном направлении: она, создавая атмосферу намека, расчленяет читательскую аудиторию на группы по признаку “свой-чужие”, “близкие-далекие”, “понимающие-непонимающие”. Текст приобретает характер интимности по принципу “кому надо, тот поймет”»⁸⁹.

В отборе цитат и реминисценций и определении места их в поэтическом тексте романа в стихах, пожалуй, в наибольшей мере выделялись соучастие автора в романном действии и оценка им описываемого, выявлялась его авторская система ассоциаций. Автор, — что обосновано еще Г.А. Гуковским, — «самый центральный образ, проведенный через весь роман и объединяющий весь его текст»⁹⁰.

Выражение «архивны юноши» интересны для Пушкина как поэта и формой звучания — не «архивные», а именно «архивны». Оно предполагает многоплановость ассоциаций, привлекательную для автора и притягательную для читателя, имитируя старинную древнерусскую речь, принятую поэтами XVIII в. и начала

XIX в., что затем перешло в стихи и последующих поколений («красны девицы», «добры молодцы», «друзи» и т.д.) и выглядело как ирония по отношению к офранцуженной молодежи, не знавшей ни древнерусскую, ни русскоязычную художественную литературу Нового времени (напомним о характеристике служащих МАКИД знакомцем Пушкина Вигелем).

Соболевский, можно полагать, придумал это выражение применительно к узкому кругу немногих из служащих МАКИД, близких ему и причастных к литературной деятельности (сам Соболевский стал видным библиографом, знатоком книжности). Возможно, они так и обращались друг к другу и в квартире у Собачьей площадки, где жил у Соболевского Пушкин, и «болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!» (как вспоминал через десятилетия Соболевский в письме М.П. Погодину)⁹¹. И Пушкин именно так к ним обращался.

Уже отмечалось, что московское общество славилось умением давать прозвища и клички — лицам, группам их и даже зданиям. Так, в связи с тем, что огромный дворцового типа дом Апраксиных–Трубецких на Покровке называли «дом-комод», то владевших им князей Трубецких — в отличие от других ветвей этого рода — и в Москве и в Петербурге знали под ироническим прозвищем «Трубецкие-комод»⁹².

В изысканном пушкинском интеллектуальном окружении в ходу были каламбуры, эпиграммы, прозвища, вошло в привычку «сыпать острые слова» (1, XXXVII). Еще в послании 1821 г. Пушкин так характеризовал Вяземского:

Язвительный поэт, острая замысловатый,
И блеском [колких слов] и шутками богатый...⁹³

Система намеков характерна и для ученого разговора, и для написанного такими людьми. Возникшие подчас как экспромт, выражения эти повторялись (и самим «изобретателем», и другими), включались в обиходный лексикон «ежедневно-го разговорного общения» (слова Е.А. Баратынского)⁹⁴. И обычно забывали, когда и кто это впервые произнес.

В письме московского почтмейстера и близкого знакомого Пушкина А.Я. Булгакова брату от 21 марта 1829 г. сообщается и о Пушкине, и о том, что «были тут еще Вигель и наш архивный князь Платон Мещерский»⁹⁵. Видимо, о нем же пишет Пушкин в конце января 1830 г. Вяземскому: «Правда ли, что моя Гончарова выходит за Архивного Мещерского?»⁹⁶ Ясно, что прозвание князя Мещерского, начавшего служить в МАКИД с 1821 г., повторялось в этом узком кругу. Кто у кого перенял его — Булгаков у Пушкина или Пушкин у Булгакова? Или оба восприняли от кого-то еще?

«Московские строфы» были впервые напечатаны в «Московском вестнике» (в «Северной пчеле» — перепечатка). Пушкин сотрудничал в журнале с философствующими АЮ. Это — по его выражению в письме к М.П. Погодину от августа 1827 г. — «лоскуток Онегина ему (журналу. — С. III.) на шапку»⁹⁷. Неужели молодые литераторы не заметили обидный именно для них оттенок? Не хотели раздражать Пушкина, очень нуждаясь в его поддержке и участии в их литературных начинаниях, или считали, что рядом с характеристикой почтенного возрастом Ша-

ликова упрек в «чопорности» и неблагосклонности к молодым женщинам не должен был вызывать особое смущение?

Не следует упускать из виду, что, когда впервые появились в печати стихи об АЮ, вряд ли стали бы серьезно винить в том, что богатые и родовитые юноши, показавшиеся бы, вероятно, подходящими женихами и на вкус сватавших Татьяну московских «тегушек», не сумели оценить прелесть и достоинства героини романа. Именно тогда увлеченно знакомились с предыдущими главами ЕО — в феврале вышли из печати четвертая и пятая главы, в марте — шестая глава романа. Об этом записано в цитируемом здесь дневнике М.П. Погодина. И как раз 14 февраля после ужина у Погодина «Хомяков, Рожалин, Веневитинов, Киреевские» вели разговор и «об «Онегине», до третьего часа»⁹⁸. Говорили об этом в салонах светских дам, в гостиных⁹⁹.

Однако пленительный образ Татьяны и глубокие симпатии к ней автора стали особенно ощутимы читателям позднее — после знакомства с основным текстом седьмой главы (первой частью ее) и с восьмой главой. Тогда выявился четче и негативный момент оценки героини романа «архивными юношами». Этого Пушкин первоначально, думается, не предвидел. И, пожалуй, тогда-то и усмотрел в «шутке» «неправильное выражение» (выделено мною. — С.Ш.), о чем сожалел в 1830 г., когда тонкий намек Пушкина был опошлен Булгариным.

Случилось то, что он предвидел еще в 1822 г. (в полемике с Вяземским): «Горацианская сатира, тонкая, легкая и веселая, не устоит против угрюмой злости тяжелого пасквиля»¹⁰⁰. Тем более что Пушкин все в большей мере убеждался в «скверности Булгарина» (слова из дневниковой записи Погодина о разговоре с Пушкиным в январе 1830 г.¹⁰¹) и отнюдь не склонен был, чтобы тональность его оценок равняла с суждениями Булгарина о близких ему молодых московских знакомых.

К АЮ прилипла откровенно уничижительная характеристика в популярнейшем тогда романе Булгарина. И те, кому полюбилась Татьяна, не могли простить АЮ их отношения к ней. А это и Москва, и провинция, и уже не только мужчины, а еще в большей мере женщины из того дворянского общества, о котором так страстно писал Белинский в своих статьях о романе. Сам Пушкин отметил: «Теперь я понимаю, за что В[яземский] и П[ушкин] так любят уездных барышень. Они их истинная публика»¹⁰². И эта «истинная публика» почти одновременно знакомилась и с «Евгением Онегиным», и с булгаринским «Выжигиным».

Булгарин стремился представить общество России (и Москвы тоже) в особенно явственно ощутимом современниками его разрезе, с достаточно общеизвестными бытовыми подробностями. И потому его роман вызывал доверие читателей разных общественных слоев и обретал занимательность не только сюжетом, но и показом панорамы современной общественной жизни. Недаром первые читатели (даже однокурсник Пушкина по лицу, правда, не любивший его и нелюбимый им В.Д. Комовский) рассматривали роман ЕО, оцененный вскоре первым литературным критиком как «энциклопедия русской жизни», в одном плане с «Выжигиным»¹⁰³.

Даже если бы еще не было придумано выражение «архивное юношество», служащих МАКИД нельзя было игнорировать, претендуя на полноту основных сведений о московском светском обществе именно тех лет.

В более широкой общественной среде это выражение (причем в его развернутой современной языковой форме) узнали в большей мере не от Пушкина, а от Булгарина. Тиражи его переиздаваемого романа о Выжигине были большими, чем у «Евгения Онегина», в значительной степени известного в рукописных копиях, со сравнительно малотиражными и дорогими по цене книжечками его отдельных глав (об этом вспоминали и знаменитый Ф.И. Буслаев, возвращаясь к дням пензенской юности¹⁰⁴, и другие). Да и сам Пушкин заметил, что «стихотворения лирические читают токмо любители поэзии. А много ли их?»¹⁰⁵ Роман же Булгарина имел распространение и среди возрастающего числа читателей из среды «третьего сословия».

Булгарина тогда признавали видным писателем, В.Г. Белинский восклицал в 1842 г.: «Давно ли на “Ивана Выжигина” смотрели чуть-чуть не как на гениальное сочинение?»¹⁰⁶ (У нас же более столетия, до совсем недавнего времени, когда стали издавать и сочинения Булгарина, и книги о Булгарине, происходила абберрация представления о Булгарине; и сосредоточивались на его аморальном поведении и взаимной антипатии во взаимоотношениях с Пушкиным.) Показательно, что действительными членами Общества любителей российской словесности в Московском университете 23 декабря 1829 г. в один день избрали Пушкина с Баратынским и композитором А.Н. Верстовским и Булгарина¹⁰⁷. Причем, если первые были москвичами, то Булгарин — петербуржцем, а избрание иногородних в подобные общества всегда рассматривалось как особая честь. Пушкин, оскорбившись, вспоминал об этом в письме Погодину почти через пять лет, в 1834 г.: «...Общество Любителей поступило со мною так, что никаким образом я не могу быть с ним в сношении. Оно выбрало меня в свои члены одновременно с Булгариным, в то самое время, как он единогласно был забаллотирован в Английском клубе (NB в Петербургском), как шпион, переметчик и клеветник... В то самое время я читаю в газете Шаликова: Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея нашей словесности, удостоены etc., etc. Воля Ваша: это пощечина. Верю, что Общество, в этом случае, поступило как Фамусов, не имея намерения оскорбить меня.

Я всякому, ты знаешь, рад.

Но долг мой был немедленно возвратить присланный диплом, я того не сделал, потому что тогда мне было не до дипломов — но уж иметь сношения с Обществом Любителей, я не в состоянии»¹⁰⁸ (выделено мною. — С.Ш.).

Булгарин первым сумел напечатать фрагменты «Горя от ума» и горделиво выпичивал свою близость с Грибоедовым. Так же он попытался поступить и в отношении покойного знаменитого историографа Карамзина, особо уважаемого в обществе и как человек высоких достоинств, — передал А.А. Дельвигу, т.е. лицу из ближайшего пушкинского окружения, для напечатания в альманахе «Северные цветы» свои воспоминания «Вечер у Карамзина» (кстати, по-настоящему интересные). И Пушкин в своем письме из Михайловского от 31 июля 1827 г. советует Дельвигу не делать этого, объясняя: «...наше молчание о Карамзине и так неприлично; не Булгарину прерывать его. Это было б еще неприличнее»¹⁰⁹. Распространенным московским «типом» (как отмечалось уже) «архивный юноша» представлялся и Белинскому 1840-х гг.

Можно полагать, что утверждению представления об «архивных юношах» в тексте романа ЕО именно как о немногих аристократах-интеллектуалах из служа-

щих МАКИД, которые сблизилась с Пушкиным в Москве по возвращении его из ссылки, обязаны мы, вероятно, самим этим лицам.

И не сразу, а через десятилетия, когда А.И. Кошелев написал: «Архив прослыл сборищем “блестящей” московской молодежи, и звание “архивного юноши” сделалось весьма почетным, так что впоследствии мы даже попали в стихи начинавшего тогда входить в большую славу Пушкина»¹¹⁰.

Уже отмечено, что «впоследствии» — это необыкновенно скоро. В творческих планах поэта замысел новой главы рождается, возможно, еще в столице или сразу после отъезда из нее. И упоминание АЮ в тексте романа не может свидетельствовать, что выражение «архивны юноши» сделалось уже в ту пору «весьма почетным». Тогда придется в зарисовке московского «большого света» и изображение Шаликова признать почетным для него. В словах Кошелева дано по существу искажение исторической перспективы, но его «Записки», — отмечает Л.Н. Летагин, — «практически единственный мемуарный памятник, оставленный непосредственным членом “Общества любомудрия”»¹¹¹. Свои мемуары видный публицист и общественный деятель писать начал в 1869 г. Об «архивных юношах» — во второй главе. Первые три главы мемуарист прочитал М.П. Погодину уже в 1872 г.¹¹²

Хотелось остаться в истории с поэтическим определением из пушкинских стихов. Они уже были свидетелями того, как после стихотворения В.А. Жуковского 1821 г. «Лалла-Рук» имя это стало поэтическим прозвищем великой княгини Александры Федоровны (жены Николая Павловича). А у Пушкина оно упомянуто также в черновиках восьмой главы ЕО в изображении петербургского бала и в дневниковых записях, когда она уже стала императрицей. (Прусская принцесса во время бала-маскарада в Берлине блистала в маскарадном костюме героини поэмы Т. Мура.)

Молодым литераторам из близких к Пушкину чиновников МАКИД, людям высокой образованности и большого исторического кругозора, очень импонировало быть запечатленными в произведении поэта — особенно после уничижительной характеристики в романе Булгарина. В то же время они уверенно осознавали, что по прошествии десятилетий Булгарин забудется читающей публикой (о кончине его в 1859 г. было краткое сообщение лишь в «Северной пчеле»). А Пушкин все в большей мере воспринимался как великий писатель, национальная гордость.

Фигура Пушкина — в многофигурной композиции памятника Тысячелетию России. В юбилейные дни Царскосельского лицея заговорили об установке памятника самому выдающемуся его выпускнику. Хотя усилились выпады против литературного наследия классиков нигилистической критики из лагеря сторонников Писарева, но и левонастроенные сверстники его оставались под обаянием Пушкина (Н.К. Михайловский писал впоследствии: «Для многих Пушкин существует на уровне текста, а для меня на уровне жизни»). В широком общественном сознании преобладали представления Белинского о русском гении: пушкинские произведения укоренились в программах воспитания и обучения во всех типах средних и специальных учебных заведений. Аполлон Григорьев произнес крылатые слова: «Пушкин — наше все», а молодой Лев Толстой, избранный членом Общества любителей российской словесности в 1859 г., считал нужным говорить именно о значе-

нии и славе Пушкина. Уже наступил период формирования понятия значительного историко-культурного масштаба — «пушкинская эпоха».

Дальновидные знакомые Пушкина времени своей юности с возрастом «в годах почтенной прозы» (как выражался друг Пушкина Вяземский) сообразили одними из первых оказаться в колеснице пушкинской славы, среди названных им в своих произведениях, и дать этому высокую социокультурную оценку (даже несмотря на то, что «выражение» поэта было и не совсем благосклонным к ним). Ведь значение деятельности современников Пушкина начинали уже рассматривать в зависимости от соотношения с жизнью и творчеством Пушкина! Тем более с приближением к нашим дням.

А.А. Ахматова в 1961 г. с исторической (и даже источниковедческой!) проникновенностью сформулировала: «Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала именоваться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и указателях... пушкинских изданий»¹¹³. И в очерке о Соболевском точна его характеристика с позиции конца XX в., согласно которой с 1822 г. Соболевский числился на службе в МАКИД, «где решительно ничего не делал, если не считать, что он изобрел для себя и своих коллег выражение “архивные юноши”, увековеченное Пушкиным в “Евгении Онегине”»¹¹⁴.

Став после того «крылатым словом», выражение «архивны юноши» воспринимается давно уже в отрыве от конкретных обстоятельств 1820-х гг. и характеристик литераторов, чиновников, светских людей тех лет и от образа «толпы». И в художественной литературе, и в разговорном языке, и журналистами. И с иронической окраской, как в стихотворении О.Э. Мандельштама «Стансы»:

Я не хочу средь юношей архивных
Разменивать последний грош души,
Но как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу, и люди хороши.

Такой текст дан в его первом советском издании 1963 г. Составители четырехтомного собрания сочинений поэта (подготовленного в США на русском языке в 1967 г., а затем переизданного с дополнениями у нас в 1991 г.) отмечают в комментарии, что словами «архивных юношей» заменили авторский текст, где было: «юношей тепличных»¹¹⁵. Следовательно, это социокультурная характеристика пушкинских АЮ людьми, причастными к литературному редактированию в середине XX в.

И оба толкования зафиксированы в «Словаре крылатых выражений Пушкина»: ирон[ическое]: и «о сибаритствующих светских молодых людях с претензиями на высокое положение в обществе», и «об интеллектуальной светской московской молодежи первой четверти XIX в.»¹¹⁶. То есть перешедшее из текста романа ЕО выражение по существу имеет наибольшее распространение в том значении и с той оценкой, как в романе Булгарина. А второе, укоренившееся в трудах пушкинистов, восходит к толкованию Кошелева.

Выражение «АЮ» употребляется и для определения профессиональной специализации учащейся молодежи. Так, к примеру, статья Киры Лавровой о деятельности научного студенческого кружка источниковедения в Московском государственном историко-архивном институте в газете «Комсомольская правда» от 19 мая 1973 г. имела заголовок «Архивны юноши толпою...»¹¹⁷.

Первичное значение выражения «архивны юноши» и первичные возможности восприятия его смысла (или смыслов!) можно почувствовать — как заметил еще Н.О. Лернер — «лишь сквозь призму исторического комментария». И основной вывод данных комментариев таков.

Можно полагать, что образное выражение «архивны юноши», придуманное С.А. Соболевским и подхваченное Пушкиным, это самоназвание группировавшихся подле поэта молодых аристократов-интеллектуалов, большинство которых считались тогда служащими МАКИД. Это эпиграммического стиля *mot* в период их сближения с Пушкиным и, возможно, применительно именно к этим отношениям. Ибо остротность выражения не только в сочетании противоположных по значению слов (а это оксюморон!), в совмещении слова «юноша», воплощающего понятие и молодости, с понятием «архивный», что воспринималось как отдаленность от живой жизни, погружение в архивную пыль далекого прошлого, свойственные уже старости, но и в том, что рядом с приближавшимся к тридцатилетию и уже очень знаменитым Пушкиным они — двадцати-двадцатитрехлетние — казались совсем юными. Быть может даже, Пушкин так к ним и обращался.

По известным пока источникам (а все они — произведения художественной или публицистической, мемуарной литературы), расширение круга представлений, распространение определения «АЮ» на всю светскую молодежь, числящуюся на службе в МАКИД, произошло позднее и обрело более широкую популярность после романа Булгарина, где интеллектуалы-философы и поэты охарактеризованы лишь как малая часть «разряда архивного юношества». И уже сами лица, близкие к Пушкину во второй половине 1820-х гг. и выделявшиеся тогда литературными интересами и склонностью к интеллектуальным занятиям, напомнили об их интимном самоназвании и в период возрастания посмертной славы великого поэта публично соотнесли пушкинский образ «толпы» лишь со своей небольшой группой, так как даже не во всем лестное выделение их Пушкиным из среды современников становилось тогда уже предметом гордости. И литературоведы, и историки оказались на поводу такого претенциозного толкования. Шутливое же выражение Пушкина «архивны юноши толпою» относится отнюдь не только к ним, и даже не столько к ним. Это определение всей «толпы франтов» МАКИД пушкинской поры. Таким представлен служащий МАКИД и в пушкинской прозе середины 1830-х гг.

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. [: В 19 т.]. М., 1995. Т. 6: Евгений Онегин. С. 461.

² Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 2000. Т. 4. С. 553.

³ Шмидт С.О. К истории слова «интеллигенция» // Россия. Запад. Восток: Встречные течения: К 100-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева. СПб., 1996. С. 406–417.

⁴ Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 34.

- ⁵ Пушкин А.С. Евгений Онегин. М., 1947. С. 177.
- ⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 392.
- ⁷ Путеводитель по Пушкину. СПб., 1997. С. 5.
- ⁸ Там же. С. 47–48 (статья «Архивные юноши»); Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 912.
- ⁹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 980.
- ¹⁰ Лернер Н.О. Пушкин в Москве после ссылки // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. / Под ред. С.А. Венгерова. СПб., 1909. Т. 3. С. 343. (Библиотека великих писателей).
- ¹¹ См. новое издание: Булгарин Ф.В. Сочинения. М., 1990. С. 151.
- ¹² Вяземский П.А. Моя комната в Веде // Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1884. Т. 9. С. 181.
- ¹³ Лернер Н.О. Пушкинологические этюды. 15. «Архивны юноши» // Звенья. М.; Л., 1935. Сб. 5. С. 87–90.
- ¹⁴ Бродский Н.Л. «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина: Пособие для учителя. 3-е изд. М., 1950. С. 271. В первом издании 1932 г. цитаты из «Записок» Кошелева нет.
- ¹⁵ Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб., 1998. С. 513–514.
- ¹⁶ Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1997. С. 701–702 (Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий).
- ¹⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 990.
- ¹⁸ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 5.
- ¹⁹ Там же. С. 15.
- ²⁰ Летягин Л.Н. Пушкин и «архивные юноши» // Проблемы современного пушкиноведения: Межвуз. сб. науч. тр. Вологда, 1989. С. 75–76, 81.
- ²¹ Поспелов Г.Н. «Евгений Онегин» как реалистический роман // Пушкин: Сб. ст. М., 1941.
- ²² Онегинская энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. Н.И. Михайловой. М., 1999. Т. 1. С. 65–69.
- ²³ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 29.
- ²⁴ Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999. С. 46.
- ²⁵ Лотман Ю.М. Пушкин. С. 480.
- ²⁶ Там же. С. 524.
- ²⁷ Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский // Малиновский А.В. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 191–193; Она же. Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. М., 2002. С. 48–53.
- ²⁸ Манн Ю.В. Общество любомудрия // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1968. Т. 5. С. 374–375.
- ²⁹ Лотман Ю.М. Пушкин. С. 700.
- ³⁰ Летягин Л.Н. Пушкин и «архивные юноши». С. 79.
- ³¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 304.
- ³² Лотман Ю.М. Пушкин. С. 123–124 (Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя).
- ³³ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 36.
- ³⁴ Милюков П.Н. Живой Пушкин (1837–1937): Историко-биографический очерк. М, 1997. С. 139.
- ³⁵ Лотман Ю.М. Пушкин. С. 115.
- ³⁶ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 5.
- ³⁷ Летягин Л.Н. Пушкин и «архивные юноши». С. 85.
- ³⁸ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 40.
- ³⁹ Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1833 годы). М., 2002. С. 16.
- ⁴⁰ Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский. С. 196; Она же. Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. С. 59–60.
- ⁴¹ Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский. С. 193; Она же. Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. С. 54.
- ⁴² Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826) [: В 2 т.]. М., 1899. Т. 2. С. 375–376.
- ⁴³ Там же. Т. 1. С. 496.

- ⁴⁴ Карамзин Н.М. Записка о московских достопамятностях / Подгот. В.Ю. Афиани // Наше наследие. 1991. № 6. С. 43.
- ⁴⁵ Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский. С. 199–207. Гл. 5: «Жили и остались москвичами» (Малиновские и Пушкины); Она же. Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. С. 69–89.
- ⁴⁶ Записки Дмитрия Николаевича Свербеева. Т. 1. С. 115–116.
- ⁴⁷ Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский. С. 184; Она же. Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. С. 30.
- ⁴⁸ Чирков С.В. Хохловский переулок, 7 // У Покровских ворот: Сб. М., 1997. С. 188. (Биография московского дома).
- ⁴⁹ Вигель Ф.Ф. Записки [: В 2 т.]. М., 1928. Т. 1. С. 110.
- ⁵⁰ Чирков С.В. Хохловский переулок, 7. С. 189.
- ⁵¹ Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский. С. 185; Чирков С.В. Хохловский переулок, 7. С. 191–192.
- ⁵² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 8. Ч. 1. С. 149.
- ⁵³ См.: Шмидт С.О. Русские литераторы и российская дипломатия // Международная жизнь. 1992. № 10. С. 111–117; Он же. Русские литераторы и российская дипломатия // Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX века. М., 2002. С. 231–235.
- ⁵⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 304.
- ⁵⁵ Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский. С. 191–192; Она же. Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. С. 49–50.
- ⁵⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 457.
- ⁵⁷ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 3. С. 484.
- ⁵⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 138.
- ⁵⁹ Лернер Н.О. Пушкинологические этюды. 15. «Архивны юноши». С. 88.
- ⁶⁰ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 14 т. М., 1951. Т. 4. С. 51.
- ⁶¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 637.
- ⁶² Лотман Ю.М. Пушкин. С. 521.
- ⁶³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 392.
- ⁶⁴ Булгарин Ф.В. Сочинения. С. 28.
- ⁶⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 392.
- ⁶⁶ Шмидт С.О. «У Харитонья в переулке...», «В Москве, живет у Симеона...» — социотопографические приметы Москвы в «Евгении Онегине» // Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 134–143.
- ⁶⁷ Вигель Ф.Ф. Записки. Т. 1. С. 111.
- ⁶⁸ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983. С. 34.
- ⁶⁹ Чирков С.В. Хохловский переулок, 7. С. 197.
- ⁷⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 457, 458.
- ⁷¹ Там же. С. 160.
- ⁷² Там же. Т. 14. С. 21.
- ⁷³ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 22.
- ⁷⁴ Вацуро В.Э. Пушкин и общественно-литературное движение в период после декабрьской реакции // Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 213 и след.; Летагин Л.Н. Пушкин и «архивные юноши». С. 83.
- ⁷⁵ Цит. по: Летагин Л.Н. Пушкин и «архивные юноши». С. 85.
- ⁷⁶ Там же. С. 82.
- ⁷⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 6.
- ⁷⁸ Баратынский // Онегинская энциклопедия. Т. 1. С. 92–97 (автор А.М. Песков).
- ⁷⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 485.
- ⁸⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 85.
- ⁸¹ Там же. Т. 11. С. 75.

- ⁸² Баратынский Е.А. Полн. собр. соч.: В 2 т. СПб., 1915. Т. 2. С. 242, 243.
- ⁸³ Там же. С. 59.
- ⁸⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 456.
- ⁸⁵ Михайлова Н.И. «Шут печальный» (Из комментариев к «Евгению Онегину») // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Отговича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 154–156.
- ⁸⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 484.
- ⁸⁷ Михайлова Н.И. «Шут печальный»... С. 155.
- ⁸⁸ Белинский В.Г. Петербург и Москва // Физиология Петербурга: Сб. М., 1991. С. 29.
- ⁸⁹ Лотман Ю.М. Пушкин. С. 414.
- ⁹⁰ Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 166.
- ⁹¹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 13.
- ⁹² Данилова Л.И., Дудина Т.А. Покровка, 22 // У Покровских ворот. М., 1997. С. 47. (Биография московского дома).
- ⁹³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 175.
- ⁹⁴ Баратынский Е.А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 213. (статья «Антикритика», 1831 г.).
- ⁹⁵ Цит. по: Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский. С. 194.
- ⁹⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 62.
- ⁹⁷ Там же. Т. 13. С. 339.
- ⁹⁸ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 28.
- ⁹⁹ Подробнее см.: Михайлова Н. «Читали ли Вы Онегина?..» // Наше наследие. М., 1999. № 50–51. С. 33 и след.
- ¹⁰⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 43.
- ¹⁰¹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 28.
- ¹⁰² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 50.
- ¹⁰³ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3: 1829–1832. С. 978.
- ¹⁰⁴ Буслев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 79–80. См. также: Шмидт С.О. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в культуре российской провинции // Российская провинция XVIII–XIX веков: реалии культурной жизни: Материалы 3-й Всероссийской научной конференции (Пенза, 25–29 июня 1995 г.). Пенза, 1996. Кн. 1. С. 431.
- ¹⁰⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 154.
- ¹⁰⁶ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 464.
- ¹⁰⁷ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. С. 1023, 1032; Клейменова Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М., 2002. С. 77, 83–84.
- ¹⁰⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 124.
- ¹⁰⁹ Там же. Т. 13. С. 335.
- ¹¹⁰ Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 14.
- ¹¹¹ Летьгин Л.Н. Пушкин и «архивные юноши». С. 77.
- ¹¹² Пирожкова Т.Ф. А.И. Кошелев и его мемуары // Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 387.
- ¹¹³ Ахматова А. Слово о Пушкине // Светлое имя Пушкин: Проза, стихи, пьесы о поэте / Сост. В.В. Кунин. М., 1988. С. 426–427.
- ¹¹⁴ Друзья Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники: В 2 т. / Сост. и биографические очерки В.В. Кунина. М., 1986. Т. 2. С. 281.
- ¹¹⁵ Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. М., 1991. Т. 1. С. 217. См. также: Мандельштам О.Э. «Москва, сестра моя, легка...»: Стихи, проза, воспоминания. Материалы к биографии. М., 1990. С. 458.
- ¹¹⁶ Мокшенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. С. 47.
- ¹¹⁷ Перепечатано в кн.: Кружку источниковедения 50 лет. 1950–2000. М., 2000. С. 23–29.

ПУШКИН И ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК В МОСКВЕ 1880 ГОДА

Тема «Пушкин и Москва» — это и Москва в биографии Пушкина, и Пушкин в биографии Москвы. И едва ли не самым знаменательным в этой биографии после пушкинского триумфа в Москве по возвращении из ссылки 1826 г. был ставший всероссийским Пушкинский праздник 1880 г. по случаю открытия памятника поэту в Москве. Это событие стало одной из самых замечательных вех в истории культуры и общественной жизни Москвы.

В.О. Ключевский в статье-речи к пятидесятилетию со дня гибели Пушкина «Евгений Онегин и его предки» в 1887 г. нашел очень точную формулировку: «Жизнь поэта — только первая часть его биографии; другую и более важную часть составляет посмертная история его поэзии»¹. Это определение относится, конечно, ко всему творчеству Пушкина — не только к поэтическому.

Пушкин был возвращен из ссылки в сентябре 1826 г. И тогда уже было очевидно, что к Пушкину приходит признание первого писателя России. Гибель Пушкина была воспринята как национальная трагедия и вызвала стихотворные отклики не только в Петербурге. Ныне более всего памятли стихи М.Ю. Лермонтова «Смерть Поэта», написанные в Петербурге в два приема в январе 1837 г., и сочиненное в Воронеже А.В. Кольцовым стихотворение «Лес».

В сентябре 1837 г. стихи памяти Пушкина «На смерть поэта» написал в ссылке в Пензенской губернии и Н.П. Огарев. Имя Пушкина, цитаты из пушкинских произведений — во многих сочинениях Герцена. Общественное значение произведений Пушкина охарактеризовано Герценом и в сочинении, адресованном зарубежному читателю, — в книге «О развитии революционных идей в России», вышедшей в 1851 г. на французском и немецком языках и вызвавшей немало откликов в зарубежной публицистике.

Первую биографию Пушкина написал московский знакомый Пушкина, крупный историк Д.Н. Бантыш-Каменский, сын Н.Н. Бантыш-Каменского, многолетнего начальника Московского архива Коллегии иностранных дел, где позже служили сблизившиеся с Пушкиным «архивны юноши». Главное произведение Д.Н. Бантыш-Каменского — «Словарь достопамятных людей Русской земли». В 1836 г. в Москве вышли пять его частей с 502 биографическими очерками, в 1847 г. дополнительно еще три части со 129 биографиями — и среди них биография Пушкина.

Ставший в 1841 г. академиком, историк М.П. Погодин устраивал у себя дома, в знаменитой Погодинской избе (она до сих пор сохранилась близ Девичьего поля), вплоть до своей кончины в 1875 г., своеобразные поминования Пушкина в день его смерти: после всеобщей панихиды читали пушкинские сочинения, «передавали свои личные воспоминания». Это слова из письма присутствовавшего там П.И. Бартенева близкому другу Пушкина князю П.А. Вяземскому, который давно уже покинул Москву, но писал воспоминания и о Пушкине, и о Москве пушкинских времен.

Петр Иванович Бартенев — видный историк и археограф, основатель (1863) и бессменный редактор журнала «Русский архив», где публиковали материалы преимущественно по отечественной истории XVIII–XIX вв. и истории литературы того же времени, советчик Л.Н. Толстого при работе над художественными произведениями исторической тематики. Бартенев еще студентом Московского университета написал сочинение, в котором утверждал, что Пушкин — «поэт по преимуществу народный». Бартенев позднее подготовил более тридцати статей и публикаций, где впервые обнародовал тексты Пушкина и ввел в научный обиход множество материалов о Пушкине и его окружении. С начала 1850-х гг. он стал расспрашивать людей, знавших Пушкина, записывал их рассказы и побуждал их писать воспоминания. Он знакомится с современниками Пушкина — П.В. Нащокиным, П.А. Вяземским, С.А. Соболевским, П.Я. Чаадаевым, В.Ф. Одоевским, А.О. Смирновой-Россет, А.Н. Раевским, лицеистами А.М. Горчаковым, М.А. Корфом, с детьми Пушкина. При этом он давал записанное на просмотр другим лицам, знавшим Пушкина, которые уточняли, дополняли или, напротив, опровергали данные. Такая методика «организации» источников по теме вошла в арсенал археографии — науки о выявлении, собирании, описании и публикации письменных памятников. Как правильно заметил автор книги о Бартеневе А.Д. Зайцев, «деятельность Бартенева по разысканию, собиранию и изданию пушкинских материалов представляла собой в истории отечественного пушкиноведения период, так сказать, первоначального накопления данных о жизни и творчестве Пушкина, их первоначального освоения: период не столько решения, сколько постановки многочисленных вопросов, изучение которых, продолжающееся и поныне, невозможно без тщательного учета всего сделанного в этой области Бартеневым»².

Конечно, о жизни и творчестве Пушкина писали не только литературоведы и историки, создававшие новую отрасль научного знания — пушкиноведение, но в еще большей мере литературные критики. И показательно, что, когда на рубеже 1850-х гг. провозглашалось превосходство «сатирического» направления (называвшегося «гоголевским») над «пушкинским», а молодежь поколения Д.И. Писарева («тогдашние торопившиеся люди», как определит их позднее в «Бесах» Ф.М. Достоевский) стала заявлять о своем неприятии Пушкина, о том, что Пушкин устарел, именно воспитавшийся в московской литературно-художественной среде Аполлон Григорьев провозгласил не раз повторявшиеся с тех пор слова: «Пушкин — наше все», «Концы всего в Пушкине», «Пушкин не умрет, а будет развертываться все больше и больше»³. Молодой еще тогда московский писатель Л.Н. Толстой, принятый в 1859 г. в члены Общества любителей российской словесности при Московском университете, в своей вступительной речи счел необходимым высказаться в защиту Пушкина⁴.

А москвичи-эмигранты Герцен и Огарев в середине 1850-х гг. в Лондоне в Вольной русской типографии публикуют запрещенные на родине произведения Пушкина. Издания лондонской типографии оказывали немалое влияние и на общественное мнение проживавших в России и показывали, что даже в революционно настроенной среде не все склонны к нигилистическим построениям в отношении пушкинского наследия; в то же время они свидетельствовали и о том, сколь односторонней является характеристика Пушкина только как монархиста.

Творчество Пушкина все прочнее входит в обиход повседневной культуры: сочинения его в программах обучения всех средних и специальных учебных заведений, в хрестоматиях для классного чтения, все чаще в репертуаре и семейного чтения вслух, причем в многодетных семьях нередко чтецами выступали старшие дети. Ранее (и зачастую любовное) восприятие сочинений Пушкина оберегало от разрушительного воздействия однолинейно мыслящих «нигилистов».

Пушкин и официально признан высоким достоянием отечественной культуры, гордостью истории России (его фигура на памятнике «Тысячелетие России», воздвигнутом в Великом Новгороде в 1862 г.). Имя его постепенно утверждается как знаковое — как символ русской культуры. Имя Пушкина все в большей мере используют и на поприще общественно-политической деятельности, изображая его наставником, призывая его в союзники в общественно-политической борьбе. Это стало особенно ощутимо в период подготовки Пушкинского праздника в Москве в 1880 г. и еще более в момент самого праздника.

Первым предложил воздвигнуть «национальный памятник поэту» друг его В.А. Жуковский в письме императору Николаю I сразу после гибели Пушкина. В середине 1850-х гг. мысль об установке памятника была высказана служащими средних чинов Министерства иностранных дел, напомнившими о том, что и сам Пушкин был служащим Коллегии иностранных дел. Но осуществлением этого намерения мы обязаны выпускникам Царскосельского лицея. Готовясь отметить в 1861 г. пятидесятилетие Лицея (называвшегося с 1843 г. Александровским и переведенного в Петербург), они предложили объявить «повсеместно» подписку на памятник Пушкину.

Предложение поддержал родственник императора принц Петр Георгиевич Ольденбургский, бывший в то время попечителем Лицея. Сын любимой сестры Александра I Екатерины, покровительницы Н.М. Карамзина, передавшей брату-императору в 1811 г. его записку «О древней и новой России», он был близким другом Александра II. Известный попечительской деятельностью в сфере культуры, поклонник творчества Пушкина (он двадцатидвухлетним еще в 1834 г. перевел на французский язык только что изданную повесть Пушкина «Пиковая дама»), принц получил согласие Александра II на установку памятника. Первоначально предполагалось поставить памятник в Царском Селе, «в бывшем лицейском саду». О начале подписки на памятник газеты оповестили в начале 1861 г. и использовали для этого государственный аппарат. Но темпы подписки, заметные в начале 1860-х гг., постепенно снижались: это были годы влияния сторонников взглядов Д.И. Писарева, призывавшего к «низвержению» Пушкина и других литературных авторитетов прошлого, навязываемых, по их мнению, читающей публике.

На традиционном лицейском обеде 19 октября 1870 г. (встрече окончивших Царскосельский лицей) знаменитый филолог и педагог академик Я.К. Грот — лицеист VI курса, окончивший Лицей с золотой медалью в 1832 г., возобновил вопрос о памятнике. Его поддержали другие лицеисты. Из них в феврале 1871 г. был создан комитет из семи человек (в их числе и лицеисты первого, пушкинского, выпуска — М.А. Корф и Ф.Ф. Матюшкин), главой которого согласился быть принц Петр Ольденбургский. Возобновилась и подписка. Для братьев Гротов (младший, лицеист VII курса, принимал заметное участие в осуществлении реформ 1860-х гг.,

в 1870 г. он — член Государственного совета) и лицейстов ранних выпусков Пушкин был символом «лицейского культа». Собираясь на обеды и вечера воспоминаний, они неизменно читали стихи Пушкина. Среди принимавших участие во встречах был и М.Е. Салтыков (переведенный в Лицей в 1838 г. из Московского дворянского института), уже широко известный как писатель Н. Щедрин.

В новом комитете полагали, что «избранием удобнейшего для памятника места обуславливается и самый успех подписки». И по предложению адмирала Ф.Ф. Матюшкина избрали местом его установки Москву. Думается, что Матюшкин, один из ближайших лицейских друзей Пушкина, проведший, как и он, детство в Москве, понимал (и учитывал) не только значение Пушкина для Москвы, но и значение Москвы для Пушкина. Я.К. Грот в «Историческом очерке сооружения памятника Пушкину» — докладе в зале Московской городской думы в первый день Пушкинского праздника — сказал: «Нельзя было не согласиться с Матюшкиным, что постройка памятника Пушкину в Москве, где беспрестанно толпятся, сменяясь, уроженцы всех стран России, особенно была бы способна придать ему значение вполне народного достояния».

По «всеподданнейшему докладу» принца Ольденбургского император, согласно с ходатайством комитета, 20 марта 1871 г. повелел, «чтобы памятник Пушкину поставлен был не в Царском Селе, как прежде указано было, а в Москве, месте рождения поэта, где монумент его получит вполне национальное значение».

(Не будем забывать того, что главным наставником-воспитателем царя в юные годы был друг Пушкина Жуковский, а словесность ему преподавал тоже друг Пушкина, которому тот посвятил «Евгения Онегина», П.А. Плетнев. Предполагалось серьезное знакомство цесаревича с русской литературой.)

Надлежало выбрать место в Москве, где «всего приличнее воздвигнуть памятник». К.К. Грот в конце 1871 г. едет в Москву «для совещания с наиболее интересующимися делом местными жителями»⁵. До этого Я.К. Грот вел переписку с П.И. Бартеневым и о месте, пригодном для памятника, и о самом проекте. Изучая этот вопрос, нужно учитывать особенности взаимоотношений видных государственных и общественных деятелей столицы с московскими жителями и взаимоотношения группировок общественности в Москве. Большую роль играли личные взаимосвязи и симпатии. Существенным оказалось то, что старший из Гротов, академик Яков Карлович, приобрета в 1864 г. имение в Рязанской губернии, где стал проводить летние месяцы, по пути туда и обратно неизменно останавливался в Москве, поддерживая и расширяя свои знакомства с московскими литераторами и учеными. Он был тесно связан со Славянским благотворительным обществом в Москве и с его руководителями, а младший его брат Константин имел давнее знакомство с видными государственными и общественными деятелями, которым обязаны реформами 1860-х гг. (князем В.А. Черкасским и другими).

Имело значение и то, что в Москве всем этим занялся Павел Иванович Миллер. Сын генерала суворовских времен, лицейст VI курса (как и Я.К. Грот), он боготворил Пушкина и почитал себя счастливым знакомством с ним в последние петербургские годы его жизни. В 1833–1844 гг. Миллер служил личным секретарем шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, через которого осуществлялся надзор царя за Пушкиным. Миллер — что выяснилось уже после его кончины (он умер в 1885 г.) — не

только был адресатом писем Пушкина, но и помогал его друзьям сформировать сразу после его гибели правдивый комплекс документов о причине дуэли, сохранял у себя автографы Пушкина, изъятые из бумаг шефа жандармов, оставил воспоминания о встречах с Пушкиным, о его смерти. И при жизни поэта он оказывал ему немалые услуги, не давая хода опасным для него документам. Записку свою о гибели Пушкина (написанную не ранее 1852 г.) он начинает словами: «Некоторые подробности смерти Пушкина останутся навсегда интересными для тех, кто обожал его как поэта и любил как человека». Не сделав большой карьеры, Миллер вышел в отставку статским советником и камер-юнкером и поселился в Москве⁶.

Совещание конца 1871 г. с участием Я.К. Грота проходило в доме князя В.А. Черкасского, который в 1869–1870 гг. был московским городским головой и покинул этот пост из-за недовольства при дворе его заявлением о необходимости продолжения реформ: «простора мнению и печатному слову». Присутствовали новый городской голова купец-миллионер И.А. Лямин, М.П. Погодин и П.И. Бартенев, общественные деятели, авторитетнейшие не только в Москве: М.Н. Катков — издатель газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник», начавший уже отходить от прежних либеральных позиций, идеологи славянофильства И.С. Аксаков (связанный не только с литературными, но и с финансовыми кругами), Ю.Ф. Самарин (видный историк и философ был в то время гласным Московской городской думы и Московского земского собрания) и П.И. Миллер (на которого, очевидно, и намерены были возложить организацию работ по оформлению подписки на памятник).

В 1872 г. комитет объявил восьмимесячный конкурс, предлагавший российским ваятелям представить модели обеих частей памятника — и статуи, и пьедестала. В марте 1873 г. в Петербурге выставили пятнадцать моделей. Ни одну не признали удовлетворяющей требованиям и, отметив пять лучших работ, объявили новый конкурс. В марте 1874 г. представили уже девятнадцать моделей. Трех отметили премией, а двум скульпторам предложили изготовить модели в увеличенном размере. В мае 1875 г. эксперты (среди них был художник И.Н. Крамской) и комитет признали лучшей статую Александра Михайловича Опекушина, изображающую фигуру размышляющего Пушкина на прогулке и лишенную каких-либо аллегорических украшений, полагая, что она соединяет «в себе с простотой, непринужденностью и спокойствием позы тип, наиболее подходящий к характеру наружности поэта». Конкурсы широко обсуждались в обществе — это отражено и в художественной литературе: в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (пятая глава седьмой части). Архитектором скульптор пригласил уроженца Москвы И.С. Богомолова. Бронзовую статую отлили на заводе в Петербурге. Подрядчиком каменных работ был И.С. Баринов. Как отмечено Я.К. Гротом, «наблюдение за работами и извещение комитета о ходе их» принял на себя постоянно живший в Москве П.И. Миллер.

В газетах было оповещено о возобновлении пожертвований, и они стали сообщать о постепенном приращении суммы, переданной новому комитету при начале его деятельности. В итоге ко времени открытия памятника даже остались деньги, которые по предложению Я.К. Грота использовали для учреждения Пушкинской премии Академии наук за сочинения по изящной словесности и изыскания

по русскому языку и литературе (первое присуждение премии состоялось в день лицейской годовщины — 19 октября 1882 г.).

А.М. Опекушин родился крепостным в Ярославской губернии. Учился в Академии художеств, был привлечен М.О. Микешиним к работе над многофигурными памятниками «Тысячелетие России» в Новгороде и Екатерины Великой в Петербурге. В 1872 г. Опекушин «за портретные статуи» получает звание академика. После Пушкинского праздника установлены его работы: в 1884 г. памятник Пушкину в Петербурге на Новой улице, примыкающей к Невскому проспекту, недалеко от Московского вокзала (фигура стоящего Пушкина со скрещенными на груди руками гораздо менее выразительна, чем фигура московского памятника); в 1899 г. памятник Лермонтову в Пятигорске; снесенные позднее памятники императорам в Москве — Александру II в Кремле, Александру III возле храма Христа Спасителя. Московский памятник Пушкину остался вершиной творчества Опекушина. В многотомной «Истории русского искусства» верно отмечено: памятник «так прочно вошел в наше сознание, что образ Пушкина уже невольно ассоциируется с произведением Опекушина»⁷.

К тому времени местом памятника уже определили Страстную площадь (ныне называемую Пушкинской). Предстояло сделать выбор между Тверским бульваром и территорией подле Страстного женского монастыря (в 1930-х гг. постройки его были разобраны; ныне на этом месте сквер, куда в 1949–1950 гг. перенесли памятник Пушкину, и кинотеатр). Справедливо предпочли место в конце Тверского бульвара — монумент был виден еще в начале пути по самому любимому и парадному месту прогулок москвичей, и силуэт его по мере движения от Никитских ворот становился все отчетливее, формировал определенный настрой мысли. Расположение среди зелени бульвара придавало памятнику интимность, делало возможным побыть с Пушкиным наедине (этот стиль и подобное восприятие учитывал скульптор Н.А. Андреев, создавая к 1909 г. проект памятника Гоголю и планируя его расположение на той же бульварной линии, у Арбатской площади). Памятник не парадный, не рассчитанный на обозрение с большого расстояния, как знаменитые петербургские памятники Екатерине II в сквере, на фоне театра, и Медный всадник. И потому перенесенный на другое место, да еще на открытую площадку, в шуме людском, обтекаемый потоками машин, памятник Пушкину уже не во всем дает представление о первоначальном замысле.

Выбор Страстной площади свидетельствует и о знакомстве с биографией и творчеством Пушкина (Пушкин жил и бывал недалеко отсюда, это и описанная им дорога Лариных по приезде в Москву в седьмой главе «Евгения Онегина»), и о несомненно благожелательном отношении к затеянному делу и светских, и церковных властей Москвы: Тверская — главная улица Москвы, дорога из Петербурга, вблизи — резиденция генерал-губернатора (Тверская, дом 13, где и сейчас в перестроенном здании резиденция мэра Москвы), рядом Страстной монастырь, большой колокол которого в пасхальную ночь первым откликнулся на благовест большого Успенского колокола колокольни Ивана Великого в Кремле, давая тем сигнал к началу праздничного звона всех московских колоколен. Это встретило поддержку и московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукого, и митрополита Московского и Коломенского Иннокентия, и поныне одного из самых по-

читаемых православных пастырей, знаменитого просветителя алеутов и восточно-сибирских народов — тех самых «диких» тунгусов, о приобщении которых к российской словесности думал Пушкин, создавая стихотворение «Я памятник себе воздвиг...» (и слова эти — на пьедестале памятника).

Подготовка к открытию памятника Пушкину в Москве — значительная страница в истории и общественной жизни, и литературы и искусства, и науки и педагогики, и, конечно же, в истории Москвы. В Москве впервые воздвигался памятник не государственному деятелю или полководцу, но человеку, знаменитому свершенным им на ниве культуры, притом памятник, сооруженный по предложению общественности и в значительной мере на собранные пожертвования. Никогда подобное событие не вызывало столь широкого, всероссийского резонанса в печати. Важно и то, что благодаря открытию памятника Пушкину в Москве в те же начальные дни июня чествования памяти Пушкина состоялись в Петербурге (а также в Царском Селе) и в других городах Российской империи, хотя это и нельзя было приурочить к какой-либо юбилейной дате. Московский Пушкинский праздник стал всероссийским, и информация об этом событии (обычно достаточно пространная, с перепечаткой некоторых речей и материалов московских и петербургских газет) появилась в очень многих провинциальных периодических изданиях. Это возвышало и роль Пушкина, и роль Москвы в истории и развитии отечественной и мировой культуры.

Казалось бы, в желании осуществить этот замысел объединились все — и императорский двор, и министерства, и Академия наук, и высшие учебные заведения, и духовенство, и общественность разного толка, и пресса разных направлений. Но при этом преследовались цели не только увековечения памяти великого человека, воспитания общественного сознания, особенно молодежи, Пушкиным, расширения сферы воздействия культуры на общество во всей огромной стране, но и борьбы общественно-политических («партийных») взглядов и тенденций.

Изучая эти явления, следует иметь в виду и обстоятельства общероссийской жизни, и то, что было характерно именно для московского общества тех лет. Рубеж 1870–1880-х гг. — время революционной ситуации, беспримерной активности террористических организаций, обострения взаимоотношений в высших эшелонах власти, в правительственных и придворных группировках, противоборства столичной бюрократии и провинциальной общественности — земств, а также волнующей заинтересованности в судьбах южнославянских народов на Балканах. Московская общественность была тогда в значительной своей части оппозиционно настроена по отношению к правительству — в Москве осели (подобно «екатерининским орлам» на рубеже XVIII и XIX столетий) отставленные от дел реформаторы 1860-х гг. и начали уже интенсивную общественную деятельность будущие идеологи-основатели кадетской партии (прежде всего, «молодая профессура» университета). В то же время революционеры-террористы концентрировались уже в столице. В Москве же в большей мере, чем в чиновно-дворянском Петербурге, выявилась роль «купцов» (предпринимателей-фабрикантов, торговцев, банкиров, принадлежащих к купеческим гильдиям) в общественной жизни и становилось все заметнее их место в культурной элите города: уже с середины XIX в. можно говорить о династиях меценатов из среды московских капиталистов.

И московская общественность, и московские власти были заинтересованы в том, чтобы город первого в России университета оставался всероссийским средоточием общественной жизни и особенно сохранения и пропаганды историко-культурного наследия отечества. Это четко прослеживаемое направление деятельности московских властей в период правления Александра II — и губернатора, и городских голов, и городской думы, — направление, поддерживаемое, видимо, и самим императором.

В 1861 г. в Москву из Петербурга перевели Румянцевский музей, ставший основой нынешней Российской государственной библиотеки. П.М. Третьяков поставил перед собою цель создать художественную национальную галерею. Возникшее в 1864 г. Московское археологическое общество начало организовывать всероссийские Археологические съезды (первый состоялся в Москве в 1869 г.). В 1870-х гг. началось строительство Политехнического и Исторического музеев. В 1872 г. торжественно отмечали двухсотлетие со дня рождения Петра Великого. Именно Москва становилась средоточием Пушкинских торжеств.

Предполагалось приурочить открытие памятника в связи с восьмидесятилетием со дня рождения Пушкина в 1879 г. к лицейской годовщине 19 октября. Однако работы по сооружению памятника задержались, и датой его открытия утвердили день рождения Пушкина — 26 мая 1880 г.

Первоначально предполагали, что Пушкинские торжества будут напоминать те, которые устраивались Обществом любителей российской словесности (далее — ОЛРС) к другим юбилейным датам. Но постепенно представление о предстоящем Пушкинском празднестве обретало все большую масштабность. И склонились к тому, чтобы праздник напоминал организацию больших торжеств в память великих писателей в странах Западной Европы, традиция которых восходит к организации шекспировского юбилея в 1769 г. в Англии, где главным организатором был великий актер Дэвид Гаррик.

Избранная ОЛРС комиссия для организации торжеств начала свою деятельность с заседания 11 апреля 1880 г. Она состояла из девяти членов. Председателем ее избрали Л.И. Поливанова — педагога и историка литературы. Членами были председатель ОЛРС С.А. Юрьев — популярный в те годы литературный деятель, переводчик драм испанских авторов и Шекспира, публицист (редактор журнала «Беседа» в 1870-е гг., в 1880 г. основал журнал «Русская мысль»), мастер спичей и увлекательный собеседник. Он воспринимался как могикинин литературы и общественной мысли 1840-х гг., когда спорили славянофилы и западники. Терпимость и широта взглядов делали его симпатичным широкому кругу лиц. О Юрьеве писали, что он принадлежал к числу тех литературных деятелей, которые оказывают влияние на современников не столько литературной деятельностью, сколько личностью. Другие члены — П.И. Бартенев, директор Оружейной палаты Н.С. Чаев, секретарь ОЛРС, литератор и религиозный мыслитель Н.П. Аксаков, педагог и литератор П.Е. Басистов (в то время заведовал московскими думскими школами, много сделал для совершенствования их программ, особенно по русскому языку и литературе), поэт-переводчик и издатель юмористического журнала Ф.Б. Миллер (самый старший по возрасту) и сын его Всеволод Федорович, уже признанный видным представителем московской этнографической школы, знаток древнерус-

ских былин и «Слова о полку Игореве», востоковед и археолог, ставший впоследствии академиком. Он вместе с самым молодым членом комиссии М.М. Ковалевским издавал тогда «Критическое обозрение» — журнал научной критики и библиографии в области гуманитарных наук. Максим Максимович Ковалевский, крупнейший социолог, правовед, историк, тогда играл ведущую роль в группе так называемой «молодой профессуры» (биолог К.А. Тимирязев, физик А.Г. Столетов, экономисты А.И. Чупров и И.И. Янжул, юрист С.А. Муромцев и др.). Любопытно, что в 1880 г. Ковалевский жил в доме В.Ф. Миллера, домовладение которого по «Адрес-календарю» по Москве 1880 г. — «у св. Харитония что в Огородниках», т.е. в местности, где родился Пушкин.

Главным организатором подготовки к празднику, душой всего дела был Лев Иванович Поливанов (1838–1899) — педагог-просветитель, автор многочисленных, неоднократно переиздававшихся учебных пособий и хрестоматий и большой книги о В.А. Жуковском. Он подготовил комментированные издания сочинений русских классиков для школьного и семейного чтения (в 1887 г. — пятитомное издание сочинений Пушкина и статей о нем), переводил драмы Мольера, Корнеля и других французских писателей, организовал в 1870-е гг. шекспировский кружок, ставивший на сцене, иногда впервые в России, драмы английского драматурга. Выпускник Московского университета, он основал в 1868 г. совместно с группой педагогов первую частную мужскую гимназию, известную как Поливановская. В 1875 г. ее выпускники получили права окончивших государственную гимназию. Там он преподавал не только русский язык и словесность, но и латинский язык и другие предметы. Обладавший особым импровизационным даром («великий артист в обличье педагога»), высокий, стремительный, с горящими глазами и свисавшей до плеч гривой волос, он стал предметом обожания учеников (хотя есть и негативные отзывы в воспоминаниях главы первого Временного правительства князя Г.Е. Львова).

В Поливановской гимназии учились дети интеллигентных семей, аристократии, культурных коммерсантов, и не только из Приарбатья, но и из более далеких кварталов — Валерий Брюсов добирался сюда с Цветного бульвара. В гимназии был культ Пушкина. Сам директор мастерски читал его стихи. Сын Л.Н. Толстого Лев писал сразу после кончины Поливанова: «Кто из нас не помнит, с какой любовью, с каким пониманием Л.И., может быть, в сотый раз в жизни, но все с той же свежестью чувства читал перед нами какое-нибудь стихотворение Пушкина». По словам Андрея Белого (Бориса Бугаева, сына профессора Московского университета), «его требования рассказать не от себя, а от Пушкина, по Пушкину были апелляцией к процессу вашего вживания в стиль Пушкина». Позднее Андрей Белый напишет: «Скажу с гордостью: я ученик класса словесности Поливанова, и как воспитанник “Бугаев”, и как “Андрей Белый”»⁸. Педагоги и ученики Поливановской гимназии участвовали в организации юбилейных мероприятий, а участники торжеств посещали гимназию. В день двадцатипятилетия гимназии в 1893 г. Поливанов отмечал, что «это дало возможность многим нашим воспитанникам быть особенно воодушевленными слушателями всех корифеев русской литературы недавнего времени».

Открытие памятника Пушкину было намечено на день его рождения. Таким образом, на подготовку праздника оставалось всего полтора месяца. Комиссия

разработала детальную программу (в протоколах заседаний комиссии по несколько десятков постановлений): устройство Пушкинской выставки, публичные заседания ОЛРС с выступлениями знаменитых современных писателей и ученых, литературно-музыкальные вечера при участии артистов императорских театров, петербургских и московских. Учитывалось и то, что ожидается торжественное собрание в университете. Ответственность за организацию музыкальной части взял на себя знаменитый пианист, основатель и директор Московской консерватории Н.Г. Рубинштейн; театральной части — И.В. Самарин, ведущий актер Малого театра, педагог-руководитель драматического отделения Московской консерватории; художественно-декоративной части — К.А. Трутовский, плодовитый живописец-жанрист, академик Академии художеств (был тогда инспектором Московского училища живописи, ваяния и зодчества).

Составлялись списки приглашаемых на торжества лиц, учреждений, общественных объединений, рассылались приглашения, откликались на многочисленные, со всех концов России, просьбы о присутствии на празднествах. Необходимо было обеспечить размещение лиц, приглашенных персонально, и депутатов от различных учреждений и организаций (почетным гостям предоставили бесплатные номера в лучших гостиницах). Средоточием этой деятельности стала Поливановская гимназия, где была квартира Поливанова: там получали входные билеты в храм Страстного монастыря к заупокойной обедне, пропуска на Страстную площадь, билеты на утренние заседания (бесплатные), на литературно-музыкальные вечера, по желанию — и на подписной торжественный обед. Обязанностью Поливанова и его помощников сделалась колоссальная переписка. Некоторым зарубежным писателям от имени ОЛРС писал И.С. Тургенев, тоже введенный в состав юбилейной комиссии. Деятельное участие в подготовке праздника принимал писатель Алексей Феофилактович Писемский. На его адрес приходили письма писателей, желавших принять участие в торжествах. Туда же «почти каждый день» приезжали съехавшиеся в Москву многие «приятели и знакомые». Об этом мы узнаем из его письма от 20 мая 1880 г.: «Я лично весь поглощен предстоящим празднованием открытия памятника Пушкину. Это, положа руку на сердце, могу сказать, мой праздник, и такого уж еще у меня больше в жизни не повторится...» Подготовлены были к празднику изящные знамена белого, красного и синего цвета, обшитые золотой бахромой с золотыми кистями. Под знаменами укреплялись инициалы Пушкина — А.П., а по полотну серебряными буквами были изображены названия обществ и учреждений. С этими знаменами делегации должны были находиться на площади в день открытия памятника.

В Поливановской гимназии сосредоточивались и экспонаты готовящейся Пушкинской выставки. В короткий срок удалось собрать необычайно много. Это и произведения изобразительного искусства, и книги, и рукописи, и траурная карточка — пригласительный билет на похороны Пушкина, и вещественные мемории. В здание на Пречистенке доставили изображения Пушкина, его предков, родных, знакомых и самые знаменитые портреты — 1827 г. московской работы В.А. Тропинина, петербургской работы О.А. Кипренского, посмертную маску Пушкина, альбомы с рисунками и текстами, начертанными рукою Пушкина, автографы сочинений Пушкина, вещи, принадлежавшие Пушкину, перстень с изумру-

дом, оставленный В.И. Далю умиравшим на его руках Пушкиным (перстень дала дочь великого лексикографа), а кольцо с сердоликом, подаренное поэту графиней Е.К. Воронцовой и послужившее поводом к написанию стихотворения «Талисман», поступило на выставку от И.С. Тургенева. Там же были издания и переиздания сочинений Пушкина, иллюстрации к ним, изображения мест, где он бывал. Все это зафиксировано в сводной описи и нашло отражение в иллюстрированном альбоме, вышедшем в 1882 г. с предисловием и под редакцией Поливанова и с биографическим очерком о Пушкине, составленным писателем А.А. Венкстерном (Венкштерном), выпускником Поливановской гимназии. Ценность издания и в том, что часть экспонатов выставки не дошла до наших дней. А музейно-методическое значение выставки велико не только в плане пушкиноведения. Это один из первых опытов тематической выставки находящегося в частных собраниях. (При организации С.П. Дягилевым выставки русских портретов в 1905 г. в Петербурге опирались на опыт Поливанова и его сподвижников.)

С 25 по 28 мая предполагалось провести публичные заседания с выступлениями корифеев современной литературы. Уже известно было, кто из виднейших писателей примет личное участие в торжествах. Выступить пригласили И.А. Гончарова, Я.П. Полонского, М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина), Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.А. Фета, Ф.М. Достоевского. Список приглашенных был опубликован в газетах. Гончаров не мог присутствовать из-за нездоровья, его трогательное письмо зачитали на торжествах.

Гончарова надеялись видеть почетным председателем на обеде 6 июня в Петербурге, но по болезни он вынужден был покинуть столицу и прислал письмо организаторам празднества, где разъяснил: «Не случись невзгоды со мною, я счел бы святою своей обязанностью, без всяких напоминаний, у подножия памятника в Москве, вместе с другими писателями, поклониться памяти нашего общего великого образца и учителя в искусстве, и моего особенно. Объясню последние два слова. Я по летам своим старше всех современных писателей; принадлежу к лучшей поре расцветания пушкинского гения, когда он так обаятельно действовал на общество, особенно на молодое поколение. Старики еще ворчали и косились на него, тогда как мы все падали на колени перед ним». И потом, когда Гончаров почувствовал себя писателем, «чувство к Пушкину оставалось то же».

Салтыков-Щедрин тоже не приехал из Петербурга. Но не только по нездоровью (он действительно был болен), но и из-за явного нежелания публично участвовать в выражении общественных позиций. Он, безусловно, понимал великое значение творчества Пушкина (и это зафиксировано в его сочинениях), но великий сатирик предчувствовал, что праздник в память поэта превратится в демонстрацию позиций общественных группировок. Самые видные представители их, Тургенев и Достоевский, не сходясь между собою во взглядах, не приемлют позиции его «Отечественных записок», где ведущую роль играл тогда публицист-народник Н.К. Михайловский, и не вызывают симпатии у него самого. (Вскоре он назовет торжество «не Пушкинским, а Тургенева и Достоевского»⁹.)

Придерживавшийся совсем иных — более правых — общественных взглядов, Фет тоже отказался приехать, сославшись на нездоровье, но прислал стихи «К памятнику Пушкину», где отрицательно отнесся к общественному возбуждению,

вызванному праздником, «где гам и теснота. / Где здравый смысл примолк, как сирота». Стихи не стали читать публично.

Сложнее обстояло дело с Л.Н. Толстым, для приглашения которого Тургенев специально ездил в Ясную Поляну в начале мая, но безуспешно. Толстой напомнил об этом в 1908 г., когда объяснил, почему не дает согласия на празднование собственного восьмидесятилетия. В предназначавшемся для публикации в газетах письме Толстой заявил: «Как ни дорог и мил мне был тогда Тургенев, как я ни дорожил и высоко ценил (и ценю) гений Пушкина, я отказывался; знал, что огорчал Тургенева, но не мог сделать иначе, потому что и тогда уже такого рода чествования мне представлялись чем-то неестественным и не скажу ложным, но не отвечающим моим душевным требованиям»¹⁰. Удалившись в ту пору от публичной жизни, сосредоточившемся в Ясной Поляне на своих размышлениях великому писателю внутренне непреодолимо тяжелым казалось участие в Пушкинском празднике, обязывающее к подготовке публичного выступления, к общению с широкой публикой и прессой.

И дело в его душевном состоянии, а не в общественно-политической конъюнктуре, как старались объяснить это и публицисты — современники событий, и некоторые литературоведы последующего времени. Ведь именно в эти годы Толстым формулируются основы его религиозно-нравственной философии, идеи отказа от принадлежности к тому сословному кругу, к которому принадлежали и он сам, и Пушкин. Это — время создания таких произведений, как «Исповедь», «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырех Евангелий». Делиться волнующими его мыслями, публично демонстрировать состояние своей души перед участниками торжеств он не считал возможным, так же как отделаться общего характера приветственными, оценочного плана словоизлияниями. Скорее это знак уважения к Пушкину, нежелание вмешивать его бессмертное имя в рассуждения, касающиеся общественных проблем сегодняшнего дня.

Уже готовились к перевозке материалов Пушкинской выставки в здание Дворянского собрания, рассылали приглашения, утверждали порядок дня заседаний и программы литературно-музыкальных вечеров, как пришло известие о кончине тяжело болевшей императрицы Марии Александровны. Из Петербурга поступило высочайшее повеление отложить Пушкинские торжества. Согласно газетным сообщениям и слухам, предполагалось отодвинуть время открытия памятника (уже воздвигнутого на пьедестале и крытого полотнищем) до лицейской годовщины 19 октября или даже на год. Наступили волнительные дни, пока не установили близкую дату — 6 июня (18 июня по новому стилю). Таким образом, появилась возможность осуществить намеченную программу теми же силами.

В Москве собрались все дети Пушкина: Мария Александровна Гартунг — вдова генерал-майора, Александр Александрович — командир Нарвского гусарского полка, прославившийся как один из героев Русско-турецкой войны (впоследствии председатель Московского присутствия Опекунского совета), Григорий Александрович — статский советник в отставке, проживавший тогда в Михайловском, Наталья Александровна, своей красотой напоминавшая мать, она к тому времени имела титул графини Меренберг, была в морганатическом браке с немецким принцем, находившимся в родстве с английским королевским домом.

В Москву приехали и принц Петр Георгиевич Ольденбургский, академик Я.К. Грот, много лиц из Петербурга и других мест. Депутаций было 106 (включая московские), депутатов — 244 человека. Среди них — видные литераторы, ученые, музыканты, артисты, общественные деятели (большинство имен названо в книге «Венок на памятник Пушкину», с. 165–169). Живую заинтересованность в празднике проявляли широкая московская общественность, студенчество. Показательно поведение знаменитого ученого-биолога и прогрессивного общественного деятеля К.А. Тимирязева — профессора университета и Петровской земледельческой и лесной академии (ныне Сельскохозяйственная академия носит имя этого ученого). Как профессор академии, он перенес на другое время назначенный по расписанию экзамен по ботанике. Когда один из его коллег-профессоров возмутился, заявив, что это «совершенно постороннее дело, скорее имеющее значение удовольствия», Тимирязев парировал: «Было бы комично пускаться здесь в рассуждения о значении Пушкинского праздника. <...> Я поступил так, как поступил бы каждый грамотный русский человек, который имел бы на то возможность».

Московское торжество открылось в два часа пополудни 5 июня публичным заседанием высочайше утвержденного комитета по сооружению памятника под председательством принца Ольденбургского в присутствии московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова. Оно происходило в большом зале заседаний Московской городской думы (тогда это был дворец Шереметевых на Воздвиженке, дом 6, — ныне он во дворе здания бывшей Кремлевской больницы). В зале водрузили бюст Пушкина, декорированный цветами. Там находились члены комитета, родные Пушкина, высокопоставленные лица и московский городской голова Сергей Михайлович Третьяков — видный предприниматель, младший брат основателя Третьяковской галереи — крупнейшего в мире музея русского искусства, сам тоже коллекционер, особенно французской живописи XIX в., и «приглашенные лица обоюбого пола из именитых обывателей первопрестольной столицы».

Прием депутации происходил таким образом. Все депутаты собрались в соседнем зале, и член распорядительной городской комиссии вызывал их по имевшемуся у него списку. Фамилия распорядителя — Плевако. Видимо, это знаменитый московский адвокат и оратор Федор Никифорович Плевако, окончивший юридический факультет Московского университета и в молодые годы занимавшийся и научной работой. Приветствия были сначала от представителей дворянства. Это были — петербургский предводитель дворянства граф А.А. Бобринский, известный своими трудами по археологии Юга России, впоследствии председатель императорской Археологической комиссии, вице-президент Академии художеств, видный политический деятель начала XX в.; московский предводитель дворянства; уездные предводители дворянства Московской губернии (от Московского уезда — в будущем крупный земский и политический деятель предреволюционных лет Д.Н. Шипов). Затем приветствовали от университетов, академий, научных обществ, специальных и средних учебных заведений: от ОЛРС — его председатель С.А. Юрьев, Л.И. Поливанов и В.Н. Кашперов — композитор, основатель Общества хорового пения (писавший на эту тему); от Общества истории древностей российских — его председатель, знаменитый историк Москвы и археолог И.Е. Забелин; от московского Археологического общества — основатель и научный руково-

дитель Исторического музея археолог граф А.С. Уваров и секретарь общества В.Е. Румянцев — виднейший знаток начальной истории книгопечатания; от Общества любителей древней письменности — его основатель князь П.П. Вяземский, сын друга Пушкина, Павлуша, к которому поэт обращался со стихами. Используя богатый архив отца, он подготовил к печати в 1880 г. три книги о Пушкине с публикацией автографов Пушкина. От Московского общества испытателей природы выступил его председатель, старейший профессор-ботаник университета А.Г. Фишер фон Вальдгейм, который, вероятно, встречался с Пушкиным; от Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — его президент профессор Г.Е. Щуровский, основатель московской геологической школы, составивший сводку данных о геологии Московского края, видный популяризатор научных знаний; от Математического общества — профессор университета Н.В. Бугаев, математик и философ, отец писателя Андрея Белого (родившегося в тот год); от Петербургского университета — виднейший исследователь истории российской словесности и Академии наук академик М.И. Сухомлинов и востоковед В.Д. Смирнов — автор ценных трудов по истории Крыма, Турции и взаимоотношений с ними России (он дожил до Октябрьской революции и много сделал для включения памятников на восточных языках в планы издательства «Всемирной литературы»); от Казанского университета — профессор-юрист С.М. Шпилевский, автор исследований по археологии и истории Казанского края; от Дерптского университета — профессор П.А. Висковатый, начавший уже тогда составление ставшего классическим исследования «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество», автор либретто оперы А.Г. Рубинштейна «Демон». От Публичной библиотеки в Петербурге делегатом был библиотекарь ее юридического отдела, видный писатель и философ Н.Н. Страхов; от Румянцевского музея — В.А. Дашков, этнограф, меценат, коллекционер, А.Е. Викторов — хранитель отдела рукописей и старопечатных книг музея, выдающийся исследователь этих памятников, Е.Ф. Корш — последний видный деятель из окружения молодого Герцена, литератор, издатель, один из руководителей музея, трудам которого мы обязаны систематизацией и описанием книжных фондов его библиотеки. Московскую духовную академию представляли крупнейший специалист по литургике (науке о христианском церковном богослужении, его песнопениях) и церковной археологии Восточной Европы И.Д. Мансветов и знаменитый позднее историк русской церкви и ее взаимоотношений с православным Востоком Н.Ф. Каптерев.

Показательно, что среди депутатов были профессора, особо проявившие себя как общественные деятели, авторы трудов, написанных и для средней школы, — профессор университета математик А.Ю. Давидов — один из учредителей Московского математического общества, взявший на себя обязанности инспектора над частными учебными заведениями, автор много раз переиздававшихся школьных учебников «Элементарная геометрия», «Начальная алгебра», «Руководство по арифметике», «Геометрия для уездных училищ», «Начальная тригонометрия»; молодой тогда профессор В.Д. Шервинский, терапевт и патолог (был затем многолетним председателем Московского терапевтического общества, а уже в 1920-е гг. организатором Института экспериментальной эндокринологии); профессор Петровской академии В.Т. Собичевский — крупнейший организатор работы лесных

обществ, вузов и музеев по лесоводству. Известна и выдающаяся научная и общественная деятельность не названных в перечне депутатов — и упоминавшегося уже К.А. Тимирязева, и историка западноевропейской литературы Алексея Николаевича Веселовского (брата знаменитого филолога академика Александра Веселовского), в статьях того времени развивавшего мысль о том, что с Пушкиным русская литература утвердилась как часть мировой культуры.

Особое внимание обратили на себя две депутации, соединившиеся в одну: от Петербургского и Московского юридических обществ. Представителем от Петербурга был председатель Окружного суда, известный своими прогрессивными взглядами (в 1878 г. суд под его председательством вынес оправдательный приговор по делу Веры Засулич) знаменитый судебный оратор и писатель А.Ф. Кони (оставивший затем воспоминания о Пушкинском празднике) и от Москвы — Анна Михайловна Евреинова, председатель одного из отделений общества, первая из русских женщин, получившая за границей ученую степень доктора права (в Лейпцигском университете), известная своими научными трудами. «Появление дамы в качестве депутата от специального ученого общества — явление, во всяком случае, характерное», — отмечается в издании «Венок на памятник Пушкину». Среди депутатов от Московской консерватории были Н.Г. Рубинштейн, выдающийся композитор С.И. Танеев, Н.Д. Кашкин — друг и биограф П.И. Чайковского, музыковед, историк русской музыки, немало писавший о музыкальных произведениях на пушкинские сюжеты. От петербургских императорских театров (помимо тех, кто был участником концертов) прибыли Ф.А. Бурдин — известный автор переводов и перделок иностранных пьес, друг А.Н. Островского, мастерски исполнявший характерные роли в его драмах, и популярный тогда актер и режиссер А.А. Нильский — первый постановщик трагедии А.К. Толстого «Смерть Ивана Грозного», написанной в духе исторических представлений Карамзина, столь близких Пушкину.

Из Петербурга (от Петербургской консерватории и Петербургского отделения Музыкального общества) приехали не только профессора П.А. Зиновьев — пианист, композитор, музыкальный критик (составивший в 1888 г. «Биографический словарь современных русских музыкальных деятелей») и Л.В. Сакетти — впоследствии известный историк музыки, но также и председатель Литфонда В.П. Гаевский — видный литературный критик и историк литературы, автор многих трудов о Пушкине (выпускник Лицея 1845 г., он с особым интересом изучал тему «Пушкин и Лицей»). Депутатом от артистов и музыкантов провинциальных театров был В.Н. Андреев-Бурлак, популярный актер, режиссер, писатель, в 1880 г. один из руководителей открытого актрисой А.А. Бренко первого в Москве частного театра, вскоре, по приезду в помещение близ памятника Пушкину, получившего название Пушкинского. Известный московский пейзажист А.А. Киселев был депутатом от Общества любителей художеств, а довершавший строительство храма Христа Спасителя помощник К.А. Тона А.И. Резанов — депутатом от Академии художеств, где он был ректором отделения архитектуры.

Представлялись депутаты от множества обществ — Московского общества университетских воспитанников, Московского юридического общества, Российского общества любителей садоводства, Московского общества для содействия

русскому торговому мореходству, Русского общества акклиматизации животных и растений, правления Московского еврейского общества, Русского хорового общества, Общества распространителей технических знаний и других.

В заключение шли делегации от Литературного фонда, журналов, газет. Среди них был и старейший журналист А.А. Краевский, помогавший Пушкину в подготовке к печати журнала «Современник», и видный педагог и редактор педагогических журналов В.П. Острогорский, и знаменитый сотрудник журнала «Отечественные записки» Г.З. Елисеев — один из виднейших публицистов рубежа 1850–1860-х гг., и крупнейший писатель-народник Г.И. Успенский. Депутатами считались и виднейшие писатели и журналисты. Общество для пособий нуждающимся литераторам и ученым, так называемый Литфонд, представляли В.П. Гаевский, А.А. Краевский и такие знаменитые тогда писатели, как Д.В. Григорович и А.А. Потехин, и даже И.С. Тургенев. Ф.М. Достоевский был депутатом от Славянского благотворительного общества. Поэт, переводчик, автор переложенного на музыку А.С. Даргомыжским стихотворения «Он был титулярный советник», сатирик, писавший под псевдонимом «Гейне из Тамбова», П.И. Вейнберг (ставший затем почетным академиком) был депутатом от Петербургских женских курсов и гимназий ведомства императрицы Марии. Крупнейший очеркист-этнограф, очень много сделавший для изучения народного быта и фольклора, С.В. Максимов представлял «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства». Один из самых читаемых тогда литераторов, изображавших быт, писатель-юморист Н.А. Лейкин представлял «Петербургскую газету»; публицист и историк Г.А. Джаншиев (написавший позднее книги об «эпохе великих реформ» Александра II) — газету «Русские ведомости»; публицист и историк В.И. Михневич — петербургские «Новости» (его корреспонденции из Москвы 1880 г. выделяются полнотой информации); П.А. Гайдебуров — газету «Неделя». Среди депутатов «Русского вестника» были широко известные тогда как публицисты профессор физики Н.А. Любимов, прозаик В.П. Ключников. И.Ф. Василевский (выступавший под псевдонимом «Буква»), которого А.П. Чехов считал первым фельетонистом тех лет, представлял петербургские издания «Стрекоза» и «Молва» и одесский «Новороссийский телеграф». Не названный в числе депутатов зять А.А. Краевского В.А. Бильбасов числился корреспондентом фактически редактируемой им петербургской умеренно-либеральной газеты «Голос», но был тогда уже и профессором всеобщей истории. Позднее он написал первые тома задуманного им биографического исследования «История Екатерины II». От газеты «Новое время» депутатами были А.С. Суворин и В.П. Буренин — именами этих широко известных журналистов завершается «Список депутатов от разных учреждений и обществ при открытии памятника Пушкину», напечатанный в книге «Венок на памятник Пушкину».

В этом списке далеко не все «знаменитости», участвовавшие в празднествах. А мы знаем, что они присутствовали и на заседаниях, и на обеде, как, например, В.Д. Поленов, мастерскую которого посетил в те дни Тургенев. Художник подарил ему один из этюдов-вариантов широко известного жанрового пейзажа «Московский дворик». Это все лица, о которых помещены статьи в многообразных энциклопедических и других справочных изданиях, в незавершенном пока многотомном биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917». Ознакомление с их

жизнью и творчеством интересно в плане не только пушкиноведения, но и истории москвоведения, изучения истории.

Все говорили очень коротко. Потом Я.К. Грот ознакомил присутствовавших с приветствиями из России и из-за рубежа и сделал сообщение об истории создания памятника Пушкину.

В день открытия памятника, 6 июня, к десяти часам назначили съезд в Страстной монастырь. На площадь между монастырем и памятником допускались только принимавшие участие в торжестве по билетам. Дорога через монастырский двор в соборный храм была усыпана зеленью и живыми цветами. Обедню служил митрополит Московский Макарий (Булгаков) — знаменитый ученый (академик с 1854 г.), богослов, оратор, автор классического труда — многотомной «Истории русской церкви» (которую он сумел довести до середины XVII в.). Митрополит начал словами: «И сотвори ему вечную память. Ныне светлый праздник русской поэзии и отечественного слова». Он подчеркнул, что мы «чествуем не только величайшего поэта, но и поэта нашего народа. <...> Мы воздвигли памятник нашему великому народному поэту потому, что еще прежде он сам воздвиг себе “памятник нерукотворный” в своих бессмертных созданиях: и в этом памятнике воздвиг памятник и для нас, для всей России, который никогда не потеряет для нее своей цены и к которому потом “не зарастет народная тропа”. К нему будут приходить отдаленные потомки, как приходим мы и как приходили современники». Кончил он пожеланием «от лица всей земли русской, да посылает ей Господь еще и еще гениальных людей и великих деятелей — не на литературном только, но и на всех поприщах общественного и государственного служения!» Речь митрополита Макария напечатали во многих московских, петербургских и провинциальных периодических изданиях, особенно церковных, в «Чтениях для солдат» и т.п.

Служба, молебен и панихида длились около двух часов. В это время собирались депутаты и толпы народа. С раннего утра накрапывал дождик, но перед началом богослужения погода разъяснилась. Кругом памятника красовались гирлянды из зелени и на белых щитах названия пушкинских произведений. Депутации разместились у флагов (красных, белых, синих) с наименованием приславших их учреждений или обществ, публика — на амфитеатрах, воздвигнутых вокруг памятника. У церкви Дмитрия Солунского (на углу Тверской, ближе к центру, там теперь высокий дом) соорудили эстраду, покрытую красным сукном, где должна была произойти церемония передачи памятника Москве. За канатами, в окнах и на крышах ближних домов — множество людей. При звуках гимна «Коль славен» (оркестром и хором дирижировал Н.Г. Рубинштейн) вступают на эстраду участники церемонии: члены Пушкинского комитета, московский генерал-губернатор, городской голова, высокопоставленные лица. Из Петербурга прибыли важные сановники Министерства народного просвещения, статс-секретарь А.А. Сабуров (он тоже закончил Александровский лицей), статс-секретарь Д.М. Сольский (их в начале XX в. изобразит в полной парадной форме И.Е. Репин на громадной своей картине «Заседание Государственного совета»), Ф.Д. Корнилов — лицеист, член, как и Грот, Пушкинского комитета. На эстраде — и родные Пушкина. Корнилов от имени комитета произносит несколько слов, основной смысл которых во фразе: «Ныне, представляя на суд России окончанный сооружением памятник, комитет

счастлив, что уверяет охранение этого народного достояния заботливости городского управления древнепрестольной Москвы златоверхой».

Тотчас сняли веревки с пелены из парусины, окутывавшей памятник. Она заколебалась под ветром, спала сперва к ногам статуи, потом на землю. Писатель Г.И. Успенский, корреспондент которого в журнале «Отечественные записки» о празднике имеют настороженно-критическую направленность, об этом моменте писал явно с душевным волнением: «...упала скрывавшая памятник поэта холстина, и перед всеми собравшимися на площади зрителями явился простой, умный, с внимательным, умным взором, образ Пушкина, и все, кто ни был тут, пережили не подлежащее описанию, поистине “чудное мгновение” горячей радости, осиявшей сердце всей толпы». А.Ф. Писемский писал об опекушинском Пушкине: «Он на пьедестале своем не окаменел, а как бы двинуться хочет...»

На пьедестале были высечены слова из стихотворения «Я памятник себе воздвиг...», но с подмененной уже при первом, посмертном, 1841 г., издании строчкой — вместо «Что в мой жестокий век восславил я свободу» тогда написали: «Что прелестью живой стихов я был полезен». Пушкинский текст (впервые опубликованный П.И. Бартеневым в 1881 г.) появился на памятнике в 1937 г.

За первой минутой оцепенения грянуло «ура», долго перекатывавшееся по площади, овации. Вслед за тем Корнилов прочел акт, подписанный присутствовавшими членами комитета — принцем Ольденбургским, Гротом и им, — о передаче памятника в ведение Москвы. Городской голова С.М. Третьяков благодарил от лица Московской городской думы, заявив: «Приняв памятник этот в свое владение, Москва будет хранить его как драгоценнейшее народное достояние, и да воодушевляет изображение великого поэта нас и грядущие поколения на все доброе, честное, славное!» Высокопоставленные лица и члены семьи Пушкина обошли памятник, и началось возложение венков, которых образовалась целая гора. Этот момент запечатлен в карандашных набросках корреспондента журнала «Всемирная иллюстрация» Николая Чехова — брата великого писателя, затем — в широко тиражированных рисунках других художников.

Г.И. Успенский, тонко чувствующий воздействие памятников искусства (напомним его описание впечатлений от Венеры Милосской в парижском Лувре), так писал тогда о «том истинно новом и многозначительном, что внушала ему фигура Пушкина»: «Ново было именно это думающее доброе лицо, новое было торжество во имя человека, который и славен только работою своей мысли. <...> Эта дума, эта мысль, не сходящая с лица поэта, который удостоился быть увековеченным потому только, что “пробуждал чувства добрые”, — вот что ужасно ново, поучительно; а для народа, который непременно будет узнавать, за что и почему воздвигнут этот памятник, кто этот человек, что за достоинство “пробуждать добрые чувства” и т.д., для народа, который вчера еще смотрел на эту статую, как на идола, для него, если не сейчас, то впереди, статуя Пушкина будет иметь значение — без преувеличения — огромное...»

Участники церемониала торопились на торжественный акт в университет, а толпа кинулась разбирать на память листья и цветы с венков. Акт с двух часов пополудни начался в Большом зале университета в присутствии родных Пушкина и высокопоставленных лиц, представителей от всех депутаций. Хоры заняли студен-

ты. Открывший заседание ректор университета Н.С. Тихонравов объявил об избрании университетом своими почетными членами академика Я.К. Грота (за разработку истории русской литературы XVIII–XIX вв.), П.В. Анненкова (за издание собрания сочинений Пушкина и собрание материалов для его биографии и о литературном движении 1830–1840-х гг.) и писателя И.С. Тургенева, «обогатившего русскую литературу великими художественными произведениями». Присутствующие рукоплесканиями одобряли это решение, приветствовали родных Пушкина. Очевидец В.Н. Любимов вспоминал, как после слов ректора о том, что Пушкина особо трогало то, когда потомков чествовали за заслуги предков, «весь совет профессоров, сидевших на эстраде, а за ними и вся зала, как один человек, встала со своих мест и, обратившись в сторону Пушкиных, разразилась долго не смолкавшими рукоплесканиями», и «Пушкины страшно смутились...»

Тихонравов в своей речи характеризовал роль Пушкина в развитии нашей литературы, взаимосвязь его творчества с предшественниками и писателями последующего времени («без него Гоголь не мог бы явиться»), особо отметив заслуги Белинского в оценке сделанного Пушкиным.

После него выступил преемник недавно скончавшегося С.М. Соловьева по кафедре русской истории В.О. Ключевский. Отметив, что Пушкин — «наиболее выразительный образ» истории своего времени, Ключевский попытался объяснить значение написанного им и для историографии. Он сознательно обошел сочинения с историческими сюжетами («Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник»), так как «эстетическое наслаждение оставляет здесь слишком мало места для исторической критики». Он сосредоточивается на сочинениях, важных при познании истории XVIII – начала XIX в. («Арап Петра Великого», «Капитанская дочка», «Дубровский»), тем более что Пушкин «вырос среди живых преданий и свежих легенд XVIII века». Ключевский рассматривает пушкинских героев как «коллекцию художественно-исторических портретов», т.е. типологические исторические образы, раскладывая их «по историческим витринам». «Пушкин был историком там, где не думал быть им», и в «Капитанской дочке» «больше истории, чем в “Истории Пугачевского бунта”, которая кажется длинным объяснительным примечанием к роману».

Для некоторых (особенно приезжих) выступление Ключевского было и знакомством с великим историком-оратором. Его профессорский лекционный курс русской истории приходили слушать студенты других факультетов и сторонняя публика. Вот образчик характеристики князя Верейского из «Дубровского»: «Это — настоящее создание екатерининской эпохи, цветок, выросший на почве закона о вольности дворянства и обрызганный каплями росы вольтерьянского просвещения. <...> Подобными ему людьми до скуки переполняется русское общество с конца царствования Екатерины. За границей они растрчивали богатый дедовский и отцовский запас нервов и звонкой наличности и возвращались в Россию платить долги». Или о типологии образа Троекурова: «“Троекуровы” родились при Елизавете, процветали в столице, дурили по захолустьям при Екатерине II, но посеяны они еще при Аннах. Это — миниатюрные провинциальные пародии временщиков столицы, которых превосходно характеризовал граф Н. Панин, назвав “припадочными людьми”». Касается Ключевский и образа «недоросля» Гринева, и Онегина, который — «лицо столько же историческое, сколько поэтическое». И за-

вершает выводом: «Пушкин — не мемуарист и не историк, но для историка большая находка, когда он между собой и мемуаристом встречает художника». В этой речи — и важная в научно-методологическом и учебном планах постановка вопроса о произведениях художественной литературы как источнике изучения изображаемой эпохи, причем в ее повседневности, а не в событийном плане, и завязь будущих блистательных эссе Ключевского: «“Недоросль” Фонвизина. (Опыт исторического объяснения учебной пьесы)» и «Евгений Онегин и его предки». Итак, для некоторых ученых подготовка выступления в дни Пушкинского праздника стала стимулом для дальнейшей творческой деятельности.

О Пушкине и его отношении к зарубежной литературе говорил профессор по кафедре иностранной литературы Н.И. Стороженко, всемирно признанный шекспировед, а в Москве хорошо известный и как хозяин гостеприимного салона, где собирались и маститые, и начинающие преподаватели университета и писатели. Торжественный акт окончился в четыре часа.

А в шестом часу приглашенные лица съехались уже в здание российского Благородного собрания (нынешний адрес: Охотный ряд, дом 2) на обед, устроенный московским городским обществом депутациям, прибывшим в Москву на открытие памятника Пушкину. Главными гостями были дети и внуки Пушкина. Присутствовали более двухсот человек обоего пола (в числе гостей — московский гражданский губернатор В.С. Перфильев, близкий приятель Л.Н. Толстого, которого признают одним из прототипов Стивы Облонского в «Анне Карениной»). Принца Ольденбургского и московского генерал-губернатора в зале не было, и главные первые тосты произнес А.А. Сабуров. С.М. Третьяков высказал радость Москвы, получившей возможность приветствовать членов семьи Пушкина. Старший сын Пушкина Александр Александрович по полномочию всех своих родных выразил признательность москвичам за гостеприимство и радушие.

После того Иван Сергеевич Аксаков, видный публицист славянофильского направления, издатель и общественный деятель, зять великого поэта Ф.И. Тютчева, произнес речь о Пушкине как о поэте, познакомившем Европу с Россией, воплощающем «народность и просвещение» и объединившем именно в Москве представителей умственного развития России, закончив так: «От имени Москвы, по уполномочию ее представителей, подымаю бокал — не в память от нас отшедшего, но во славу не умирающего, вечно живущего среди нас поэта!»

Вслед за Аксаковым встал влиятельный публицист и издатель, преподававший ранее в университете, Михаил Никифорович Катков (в 1867 г. Катков стал одним из основателей московского лицея цесаревича Николая, называемого обычно Катковским лицеем, — сохранившееся здание его на углу улицы Остоженки и Крымской площади). Идеолог либерализма 1850–1860-х гг., Катков постепенно все более эволюционировал вправо, и к тому времени либералы (и в Москве, и в Петербурге, и за рубежом) были его антагонистами. В изящной, продуманной речи, произнесенной тихим голосом, Катков говорил о примирении «партий», о настоящей минуте, особенно удобной для примирения, так как «на празднике Пушкина, перед его памятником, собрались лица разных мнений, быть может, несогласных, быть может, неприязненных. Верно, однако, то, что все собрались добровольно и, стало быть, с искренним желанием почтить дорогую всем память». Он кончил

строфами «Вакхической песни» Пушкина. Но когда он протянул бокал, чтобы чокнуться с сидевшим напротив Тургеневым, тот прикрыл свой бокал рукой. Ему, многолетнему знакомому Каткова, популярнейший тогда издатель и публицист, отошедший от общих для них либеральных идей 1840-х гг., казался воплощением того, что препятствовало прогрессу. В письме к поэту А.А. Фету в 1874 г. он характеризовал Каткова как «самого гадкого и вредного человека на Руси», а Катков в изданиях своих не скупился поносить новые романы Тургенева¹¹.

Об этом эпизоде тогда особенно много говорили и писали, отмечая и то, что организаторы заседаний ОЛРС демонстративно не послали Каткову приглашающего билета. Это убеждало в том, что почитание Пушкина оказывается недостаточным для пресечения общественно-политических распри. Выступавший вслед за Катковым епископ Дмитровский и первый московский викарий Амвросий Ключарев (основатель московского ежемесячного журнала «Душеспасительное чтение») говорил о потаенном желании Пушкина, чтобы русские менее подражали Западу, провозгласил тост за объединение русских в своих воззрениях.

Эффектно начал свою речь петербургский губернский предводитель дворянства граф А.А. Бобринский: «...легко говорится, когда предвидишь, что за сказанною речью последует несмолкаемое “ура!”». Он предложил «выпить за здоровье представителей великой Москвы, любезных наших хозяев!» Академик Я.К. Грот передал сожаление оставшихся в живых двух лицейских товарищей Пушкина — канцлера светлейшего князя А.М. Горчакова и С.Д. Комовского, что они не могут лично присутствовать на этом торжестве. Приехавший из столицы А.Н. Майков прочитал стихотворение, написанное ко дню открытия памятника. Он приветствовал Пушкина

...как предтечу
 Тех чудес, что, может быть,
 Нам в расцвете нашем полном
 Суждено еще явить.

Предложил изящный тост за русскую литературу М.М. Ковалевский, несколько слов сказал В.Н. Кашперов, а преподаватель историко-филологического факультета Московского университета Н.П. Некрасов произнес речь о педагогической стороне деятельности Пушкина. В заключение С.М. Третьяков зачитал полученные телеграммы — среди них от городских голов больших городов.

Завершился день музыкальным и драматическим вечером в переполненном главном зале Благородного собрания. Под управлением Н.Г. Рубинштейна исполнены были увертюры к операм на пушкинские сюжеты — к «Руслану и Людмиле» М.И. Глинки и «Русалке» А.С. Даргомыжского. Была показана сцена вторая из «Скупого рыцаря» в исполнении И.В. Самарина и актеров Малого театра, прослушан отрывок из оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин». В роли Татьяны выступила М.И. Климентова — замечательная певица (супруга профессора-юриста С.А. Муромцева, в будущем председателя Первой Государственной думы). Она была душой кружка молодой профессуры и часто исполняла в гостиных романсы на слова Пушкина. В вокальной части участвовали и солисты Марининского театра:

М.Д. Каменская — исполнительница главных партий меццо-сопрано и И.А. Мельников — низкий баритон, знаменитый и как исполнитель партий в операх на пушкинские сюжеты (Руслан, Мельник, Борис Годунов). Особое впечатление произвело то, что стихи Пушкина читали П.В. Анненков, Ф.М. Достоевский (монолог Пимена из «Бориса Годунова»), Д.В. Григорович, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, А.А. Потехин, И.С. Тургенев (на бис читал стихи 1835 г. «Последняя туча рассеянной бури...»).

В заключение был «Апофеоз». На небольшой сцене стоял бюст Пушкина, окруженный зеленью и освещенный электричеством. Писатели и артисты, участники вечера, поочередно проходили мимо бюста и клали к подножию его венки под звуки торжественного марша. А в здании Политехнического музея были в тот же день народные чтения: рассказ о жизни Пушкина, отрывки из «Полтавы» с комментарием, хор певчих.

Второй день Пушкинского праздника открылся заседанием Общества любителей российской словесности, начавшемся в час дня в переполненном большом зале Благородного собрания. На авансцене — высокая кафедра, сзади ее — бюст Пушкина, вокруг него венки, кругом гирлянды из лавра. Перед сценой эстрада, покрытая красным сукном, где поместились все присутствовавшие члены ОЛРС. Первым взошел на кафедру председатель ОЛРС С.А. Юрьев. Его официальная речь отличалась изяществом стиля и содержала постановку важных проблем познания творчества Пушкина, отношения его к «седой старине» и реформам Петра Великого, восприятия нравственного идеала простого русского народа, со дна души которого он поднял образ старца Пимена, чувства «музыки народной и русской души» и через это — восприятия явлений зарубежной культуры, слияния общечеловеческого с природой русского духа в поэтическом синтезе. «Пушкин стоял на рубеже двух периодов развития русской жизни», когда государственная сила была поднята на высоту. Сказались результаты реформ Петра, но и ощущалась «ужасная бездна внутреннего нестроения». Далее цитировались призывные стихи об освобождении от крепостного ига с надеждой на приход «прекрасной зари» свободы просвещенной. Оратор перешел к «Борису Годунову», в котором «русский человек впервые явился в нашей литературе таким, каков он есть», а Пушкин с тех пор «погрузился в изучение русской жизни». «Изучаем ли мы Пушкина? — спрашивал Юрьев. — Не прикладываем ли к гиганту коротенькие мерки наших узких взглядов, страстные требования минуты? <...> Да будет иначе! <...> Не угашайте духа!» В этих кажущихся ныне общими словами — явный отзвук настроений тех дней, когда имя Пушкина использовали (быть может, и не всегда осознанно) для выражения современных общественно-политических ощущений и установлений, и опасение того, что это выявится и в праздничные Пушкинские дни.

Представитель Французской республики Луи Леже — профессор-славист, много сделавший для ознакомления Европы с языком, фольклором и литературой России и славянских народов, прочитал свой текст по-русски (хотя с сильным акцентом), чем пленил публику. Он сказал о возрастающей известности имени Пушкина во Франции сравнительно с именами других знаменитых писателей последнего столетия. Академик М.И. Сухомлинов попытался охарактеризовать взгляды Пушкина на поэзию, на долг и достоинство поэта, передать ощущение нравствен-

ного значения поэзии Пушкина для современника. Закончил он тем, что девизом русских университетов могут быть слова Пушкина: «На поприще ума нельзя нам отступить». Казанский профессор С.М. Шпилевский в короткой красивой речи, напомнив о стихотворении «Я памятник себе воздвиг», заметил, что сближение центра России с окраиной, ознакомление их жителей с Пушкиным расширяет область его вечной славы.

Затем секретарь ОЛРС сообщил о письмах и телеграммах, пришедших от иностранных писателей (Б. Ауэрбаха, В. Гюго, А. Теннисона). На имя Тургенева из-за рубежа ОЛРС получило поздравление от берлинского профессора В. Ягича (в 1881 г. знаменитого слависта, хорвата по происхождению, избрану российским академиком). Пришли поздравления от общественных объединений славянских стран, а также от Киевского и Харьковского университетов, от учителей народных школ и др. После чего было прочитано переданное Леже письмо французского министра просвещения о награждении академическими отличиями Франции С.А. Юрьева, Н.С. Тихонравова и Н.Г. Рубинштейна.

Академик Я.К. Грот выступил, по существу, с докладом на тему «Личность Пушкина», где ставился вопрос об особенностях развития его психологии, о возрастных изменениях склонностей, отношения к общественно-политическим явлениям и к собственным обязанностям, об устойчивых душевных качествах и об изменении в его умонастроении в последние годы жизни. Поэт Я.П. Полонский прочитал стихотворение «На памятник Пушкину». Л.И. Поливанов сообщил перечень учреждений и лиц, принесших на заседание венки (их было сорок): от обществ естествознания, любителей художеств и др., от военных гимназий, частных гимназий (в том числе от преподавателей и воспитанников гимназии Поливанова), от редакций периодических изданий, от Московского архива Министерства иностранных дел и др.

Наконец, на кафедре появился Иван Сергеевич Тургенев. Когда в ОЛРС составляли план организации торжеств, выработывали программы публичных заседаний, то осознали, что для широкой публики наиболее притягательны имена двух приезжих в Москву великих современных писателей — Тургенева и Достоевского. Учитывали, вероятно, и то, что юные годы их обоих, как и Пушкина, связаны с Москвой и они могут испытывать ностальгию, возникающую в связи и с безвременным уходом из жизни их великого старшего современника, и со встречей с городом детства. Знали и то, что у этих писателей, прижизненно признанных классиками, нет близких взаимоотношений, а общественно-политические и культурно-религиозные их взгляды несходны. Поэтому задумано было так, чтобы они выступили не в один день. И рассчитывали на то, что выступления именно Тургенева и Достоевского станут событием каждого из публичных заседаний.

Тургенев с начала 1860-х гг. жил за границей, и не только из-за романа со знаменитой певицей Полиной Виардо (кстати, сочинившей музыку к пятнадцати романсам на слова Пушкина), но и из-за неприятия политической и культурной атмосферы в России, приостановки политики реформ. Влияние на русское общество его новых сочинений уменьшалось (при том, что именно Тургенев был самым популярным тогда русским автором на Западе). Однако в 1879 г., когда он на короткое время приехал в Россию (у него умер брат), Тургенев снова оказался в цен-

тре общественного внимания, возможно, из-за нового политического кризиса, когда стали вызывать симпатии и его умеренно-либеральные взгляды, и сочувственное изображение в романе 1877 г. «Новь» революционеров-народников. В его честь устраивали заседания, обеды, встречи со студенческой молодежью, убеждали его возвратиться в Россию. Следя за событиями в России, он так формулировал свои представления: «Оттепель наступила сильная»¹² (распространившийся после повести И.Г. Эренбурга с таким названием 1956 г. термин восходит к Тургеневу). Тургенев желал, чтобы Пушкинский праздник стал бы в какой-то мере и повторением «либеральных демонстраций» предыдущего года, но более масштабным и с участием корифеев литературы. Об этой тенденции Тургенева и лиц его окружения (М.М. Ковалевский и другие), конечно, знали и те, кто придерживался иных позиций, прежде всего более правых, близких к взглядам К.П. Победоносцева. А так называемая широкая публика ожидала в этой связи столкновения мнений в дни Пушкинских торжеств.

Речь Тургенева была посвящена и проблемам биографии Пушкина, и определению его места в мировой литературе и общественной жизни России (в прошлом, в настоящем и в будущем), и общественным проблемам современности. По существу, главной темой выступления была тема «Пушкин и современность», во всяком случае так казалось современникам, переживавшим в те дни ощущения, вызываемые тем, что политологи определяют словом «революционная ситуация».

Начал писатель со слов о значении сооружения памятника, собравшего всех любящих Пушкина, затем обосновал мысль, что только искусство дает физиономию народу и способно пережить сам народ. Характеризуя восприятие Пушкиным и западноевропейской культуры, и народного обихода, он утверждал, что «поэтический дар Пушкина освободился от подражания европейским образцам и не подделывался под народный», ибо второе так же бесплодно, как преклонение перед авторитетами. Сравнивая великого русского поэта с великими писателями Западной Европы, Тургенев ссылается на отличительную особенность Пушкина, отмеченную и пропагандистом его творчества французским писателем Мериме: «Ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота является сама собою». Иван Сергеевич подчеркнул то, что на долю Пушкина выпало сразу две работы: установить язык и создать литературу.

Особое внимание Тургенев уделил объяснению того, почему последующие поколения охладели к так ценимому современниками Пушкину, объясняя это особенностями общественного развития. В период сосредоточения усилий на борьбе с крепостным правом было не до художественности, и поэтов стала вдохновлять муза мести и печали. Он подчеркнул (особенно в напечатанном позднее тексте) значение общественных взглядов Белинского и его роль в формировании оценки пушкинского наследия, сказал, что теперь, после реформ нового царствования, общество возвращается к Пушкину. Писатель закончил словами о памятнике: «Сияя же и гласи народу русскому о праве его называться великим народом! Пускай у памятника Пушкину остановится всякий и скажет, что ему он обязан свободой, свободой нравственной. Пускай сыновья народа будут сознательно произносить имя Пушкина, чтоб оно не было в устах пустым звуком и чтобы каждый, читая на памятнике надпись “Пушкину”, думал, что она значит — “учителю”...»

После вызвавшей громкие аплодисменты впечатляющей речи Тургенева пресным показалось чтение писателем А.Ф. Писемским сообщения об отражении исторических взглядов Пушкина в «Капитанской дочке». Хотя это было новым словом в пушкиноведении, публика собралась не для размышлений научного плана.

В тот же день был парадный складчинный обед, устроенный ОЛРС. Обедало 223 человека. Обеденное меню украшала виньетка работы Трутовского со строками Пушкина:

Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Обед, в отличие от думского, был без обстановочной роскоши и высокопоставленных лиц. Из тех, кто не принадлежал к миру литературы, науки и искусства, были только специально приглашенный городской голова С.М. Третьяков и некоторые провинциальные депутаты от земств и дворянства. Но это было застолье интеллигенции, праздник беседы, напоминавший встречи 1840-х гг. Тосты были и общие, и частные — и за императора, за семью Пушкиных, за живых еще лицейских товарищей Пушкина (им по предложению П.В. Анненкова послали телеграммы). С.А. Юрьев предложил тост за Францию, «первой провозгласившей всемирное братство и сделавшей первый шаг к нему», и за ее представителя. В ответ прозвучал тост профессора Леже.

Потом были тосты за депутатов (Поливанов), за славянские общества (Гиляров-Платонов), в память усопших и за здоровье живущих товарищей Пушкина (Тургенев), за переводчиков Пушкина (Басистов), за скульптора Опекушина (Грот), за композитора М.П. Мусоргского — творца оперы «Борис Годунов» (Бурдин).

Особое впечатление произвел спич писателя Александра Николаевича Островского. Великий драматург произнес речь не меньшего значения, чем речи двух других великих писателей — Тургенева и Достоевского. Его рассуждения, не имевшие налета сиюминутных общественно-политических воцелений и антипатий, в наибольшей мере остаются востребованными и нашими современниками. Вероятно, мудрый писатель понимал, что слово для вечности уместнее было произнести не перед широкой публикой любопытствующих, а в среде собратьев по перу, и «говорить не как человек ученый, а как человек убежденный»: «Мои убеждения слагались не для обнародования, а только про себя, так сказать, для собственного употребления; при мне бы они и остались, если бы не подошел этот радостный праздник». Доверительное, без изысков формы слово Островского («от полноты обрадованной души») — это урок восприятия и Пушкина, и литературы вообще как учителей жизни и радости жизни.

«Первая заслуга великого поэта в том, — формулирует Островский, — что через него умнеет все, что может поумнеть». Пушкин дает не только наслаждение от «форм для выражения мыслей и чувств», но и от «самой формулы мыслей и чувств»; «богатые результаты совершеннейшей умственной лаборатории делаются общим достоянием. <...> Поэт ведет за собой публику... <...> ...всякому хочется возвышенно мыслить и чувствовать вместе с ним».

«Пушкиным восхищались и умнели, восхищаются и умнеют». И наша литература обязана именно ему умственным ростом. Однако «этот прыжок был не так заметен» современникам Пушкина, которые, признавая его великим поэтом, считали своими учителями людей предшествовавшего ему поколения («он казался им еще молод и не довольно солиден»). А следующее за Пушкиным поколение, «воспитанное исключительно Пушкиным», уже ощущало это и осознавало, что русская литература, которую Пушкин «застал... в период ее молодости», на одном человеке выросла на целое столетие. Пушкин «дал серьезность, поднял тон и значение литературы, воспитал вкус в публике, завоевал ее и подготовил для будущих литераторов, читателей и ценителей».

Еще более важным и значительным для развития нашей литературы Островский считает «другое благоденствие» Пушкина. До Пушкина «наша литература была подражательной» в выборе тематики и в следовании «условным приемам», и «прочное начало освобождению нашей мысли положено Пушкиным»: «он захотел быть оригинальным и был, — был самим собой».

Как всякий великий писатель, он «оставил за собой школу и последователей», Пушкин «завещал им искренность, самобытность, завещал каждому русскому писателю быть русским» и «раскрыл русскую душу». Желая России больше новых талантов, «русскому уму поболее развития, простора», Островский предложил тост за русскую литературу, которая пошла и идет по пути, указанному Пушкиным: «Выпьем весело за... литературную семью Пушкина, за русских литераторов! ...Выпьем очень весело этот тост: нынче на нашей улице праздник!»

В этой по-человечески очень искренней, одновременно глубокой и простодушной речи много ценных наблюдений собственно историко-методологического порядка для историков литературы и культуры, и жаль, что эти мысли Островского редко приводятся в их трудах.

8 июня ознаменовалось вторым торжественным заседанием ОЛРС. Очевидец (Д.Н. Любимов) вспоминал, как выглядело Дворянское собрание в тот день: «Все места были заняты блестящею и нарядною публикою», «вход был по розданным даровым билетам», в зале же по особым приглашениям — родные Пушкина, почетные гости, представители литературы, науки, искусства и все, что было в Москве выдающегося, заметного, так называемая «вся Москва», рядом с дворянством именитое купечество, владельцы мануфактур, адвокатский мир, а вокруг зала «целое море голов преимущественно учащейся молодежи, занимающее все пространство между колоннами, а также обширные хоры».

Заседание открылось речью Н.С. Чаева. В малосодержательной декламации с цитатами из произведений Пушкина и напоминаниями о фольклорных мотивах, о близости с Мицкевичем (который тоже зашел «в заповедную глубь славянского духа») основное внимание было уделено обоснованию мысли, что Пушкин — «богатырь», сумевший, благодаря исключительности своего дарования, внести народный российский элемент в офранцуженную свою среду и ее литературу для чтения (начиная с «Руслана и Людмилы»). Положение молодого Пушкина в литературе сравнивается с положением воспетого им Гвидона, который без чьей-либо помощи в бочке «вышиб дно и вышел вон».

Наконец настало время выступления Федора Михайловича Достоевского, который находился тогда в зените прижизненной славы (это время печатания его итогового гениального произведения «Братья Карамазовы» и возрастающей популярности за рубежом). Речь его действительно по глубине содержания (и в то же время по политическому накалу), по оригинальности подхода к пушкинским образам, по ораторскому мастерству и, конечно же, по эмоциональному воздействию оказалась главным событием торжеств, начавшихся после открытия памятника. Это признали и сторонники, и противники взглядов писателя.

О самом памятнике Достоевский даже не упомянул (возможно, потому, что текст был подготовлен в Петербурге до того, когда у писателя могло сложиться впечатление о скульптурном воплощении образа Пушкина). Достоевский говорил о понимании Пушкиным России, о постижении русского человека через Пушкина, о месте Пушкина в русской и мировой литературе и, конечно, о своем восприятии Пушкина. В речи его, пожалуй, еще в большей мере, чем у Тургенева, отражена тема «Пушкин и современность». Речь эта оказалась последним столь широкого общественного резонанса публичным выступлением великого писателя. Потому ее называют и «лебединой песней» и «завещанием» Достоевского. Во всем мире и поныне обращаются к ней при изучении творчества и Пушкина, и Достоевского.

Достоевский как бы подводил итоги своим раздумьям, так как не раз до этого обращался к творчеству Пушкина, к его образу мышления. В «Дневнике писателя» в 1876 г. он убежденно повторил суждение: «У нас все ведь от Пушкина», акцентируя внимание на «повороте к народу», беспрецедентном и удивительном в столь раннюю пору творческой деятельности Пушкина.

И в то же время его речь — это мысли о России в современном мире и о ее будущем. Начал писатель так: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление Русского духа, сказал Гоголь. Прибавляю от себя: и пророческое». Далее он развивает эту мысль, соответственно обосновывая периодизацию творчества Пушкина и высказывая соображения в плане трактовки пушкинских литературных героев, особенно Татьяны в «Евгении Онегине», которая и «русская женщина вообще», и воплощение «высшей гармонии духа». Открытием Пушкина явилось изображение «типа несчастного скитальца в родной земле» (Алеко в «Цыганах», Онегин). Это совершенно русский характер, но ему свойственны «мировые идеалы». Он ищет «всемирного счастья» в современных условиях в идеях социализма, в революционной деятельности. Достоевский видит у Пушкина указание на пути решения «проклятых вопросов». «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве», правда в тебе самом. Это — решение по народному разуму. Апофеозом такого смирения представлена Татьяна. «Никогда еще, — утверждает Достоевский, — ни один русский писатель, ни прежде, ни после него, не соединялся так душевно и родственно с народом своим, как Пушкин». В последний период творчества Пушкина «засияли идеи всемирные, отразились поэтически образы других народов и воплотились их гении». По убеждению Достоевского, никто из великих гениев мировой литературы «не обладал такой способностью всемирной отзывчивости», проникновения в дух, своеобразии культуры других народов Запа-

да и Востока, как Пушкин. И в этом его «национальная русская сила», его народность, причем «народность в дальнейшем своем развитии», ибо «сила духа русской народности» — в стремлении ее «ко всемирности и всечеловечности», в братском («не мечом») стремлении «к воссоединению людей».

«Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, “всечеловека”, если хотите». Такова и «великая, общая гармония братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» Сам Достоевский сказал о том, что слова его могут казаться «восторженными, преувеличенными, фантастическими», но им «надлежало быть высказанными», и именно «в минуту чествования нашего гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего». Завершил Достоевский свое страстное слово так: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». Это — слово и о Пушкине, и о России, о ее прошлом и будущем.

Достоевского, внешне казавшегося нездоровым, встретили рукоплесканиями, долго не давали говорить и прерывали, по его словам, «решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий». Он сам отмечал, что «читал громко, с огнем». После окончания чтения, писал он, «зала была как в истерике... я не скажу... про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть друг друга, а любить», «петербургские успехи мои... ничто, нуль сравнительно с этим!» Полчаса не отпускали с эстрады: «гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты — все это обнимало, целовало меня».

И это подтверждается прессой тех дней. Писали, что Достоевский производил впечатление «средневекового аскета-проповедника», фанатика, что «у экзальтированного собрания не хватало средств, чтобы выражать свой восторг, и оно просто металось по зале» — «он победил, растрогал, увлек, примирил». Люди рыдали, даже падали в обморок. Писателя отвели в боковую комнату, чтобы избежать столпотворения. Г.И. Успенский, позднее резко отзывающийся о направленности этой речи, под непосредственным впечатлением писал: «...он “смирнехонько” взошел на кафедру, и не прошло и пяти минут, как у него во власти были все сердца, все мысли, вся душа всякого, без различия, присутствовавшего в собрании. Говорил он просто, совершенно так, как бы разговаривал с знакомыми людьми... <...> Достоевскому поднесли лавровый венок, который он позднее отвез к памятнику Пушкину».

Когда немного успокоились, выступил с чтением стихотворения «Памятник Пушкину» Алексей Николаевич Плещеев, поэт, переводчик, любимый и в Москве, и Петербурге. Плещеев, как и Достоевский, был осужден к смертной казни, замененной в последний момент каторгой за участие в петербургском революционно настроенном кружке М.В. Петрашевского (кстати, окончившего, как и Пушкин, Лицей). Именно Плещеев послал Достоевскому из Москвы в 1849 г. копию письма В.Г. Белинского Н.В. Гоголю, а его стихотворение «Вперед! Без страха и сомненья...» было программным для петрашевцев. Плещеев прочитал трогательное стихотворение, полное чувства преклонения перед Пушкиным и свидетельствующее о неизменности автора идеалам молодых лет. Там были такие строки:

Все лучшие порывы посвятить
Отчизне ты зовешь нас из могилы;
В продажный век, век лжи и грубой силы,
Зовешь добру и истине служить.

Вот почему неизгладимый след
Тобой оставлен в памяти народной;
Вот почему, возлюбленный поэт,
Так дорог нам твой образ благородный!

Это прочувственное стихотворение с привычными образами и оценками оказалось особенно уместным, успокоительным после вызывающей экзальтацию заглавной речи Достоевского. По требованию присутствовавших поэт прочел свое произведение вторично.

И.С. Аксаков, который должен был выступить следующим, произнес: «Я не могу говорить после речи Федора Михайловича Достоевского. Все, что я написал, есть только слабая вариация на некоторые темы этой гениальной речи», и охарактеризовал ее как «событие в нашей литературе», заметив, что если еще вчера могло казаться вопросом, «народный» ли, «национальный» ли поэт Пушкин, то теперь вопрос решен окончательно после «пророческих слов» Достоевского, и «собравшиеся здесь, какого образа мысли и какого бы направления они ни были <...> все должны единодушно признать Пушкина национальным поэтом». Так как Аксаков собирался говорить на тему, «отработанную Достоевским», то он выразил намерение ознакомить публику только с частью заготовленной речи. Публика же настоятельно требовала «всей» речи, что и было сделано.

Прежде всего Аксаков напомнил строки стихотворения 1837 г. «одного из лучших наших поэтов» Ф.И. Тютчева (биографию которого он составил): «Тебя, как первую любовь, / России сердце не забудет...», полагая, что формула эта — «верно схваченная, историческая черта отношений к Пушкину русского общества». Идеолог славянофильства уделил основное внимание «народности пушкинской поэзии», ее языка, «доведенного до изумительного совершенства», его образов (особенно няни — первом в русской литературе многогранном и уважительном изображении женщины из среды простонародья), его ощущению природы («никто до Пушкина не воспроизводил ни в стихах, ни в прозе нашей простой сельской природы с такою простотою истины и с такою теплотою сочувствия»), изображению «явлений русской бытовой жизни», ощущению современности «в исторической рамке, в пределах живой продолжающейся истории». Пушкин, по его словам, и «всемирный художник, и русский народный поэт». Закончил он, солидаризируясь с Достоевским, призывом «сподобиться наконец русской интеллигенции стать действительным высшим выражением русского народного духа и его всемирно-исторического призвания в человечестве!»

П.В. Анненков, развивая мысль Белинского о том, что впоследствии прибавятся новые черты в понимании Пушкина и влияние его на умы будет возрастать, подробнее обосновал тезис, что Пушкин был не только великим поэтом, но и высоко нравственным человеком. Он высказал соображение о том, что мешало Пушки-

ну продолжить историографическое служение России Карамзина и напечатать «Историю Петра Великого» — не обилие материала или недостаточность специальной ученой подготовки, а все более уяснявшееся представление о том, что преобразования гениального реформатора были страшной бурей, сметавшей на пути все, и совершались с помощью крутых и нравственно оскорбительных мер. И Пушкин был уже не в силах после «Медного всадника» создать апологетический труд о пращуре Николая I, как того требовал его царствующий правнук (такие положения развиты Анненковым и в статье «Общественные идеалы Пушкина» в журнале «Вестник Европы»).

С этим выступлением смыкаются по подходу к теме последующие речи ученых, но их серьезные и во многом оригинальные, ценные для науки суждения уже едва воспринимались так называемой широкой публикой. О таланте Пушкина как историка, особенно проявившемся и на профессиональном уровне в «Истории Пугачевского бунта», говорил профессор Н.В. Калачов (знаменитый историк, избранный позднее академиком, видный участник подготовки реформ 1860-х гг.; он возглавлял Московский архив Министерства юстиции и был инициатором образования губернских Ученых архивных комиссий). П.И. Бартнев, редактор журнала «Русский архив» и едва ли не первый в те годы знаток документации о высшем обществе пушкинской эпохи, постарался указать «те исторические явления, при которых взошло и сияло солнце русской поэзии». Он отмечал, что «великие писатели возникают обыкновенно во время возбуждения государственных сил».

«Главной струной в душе Пушкина всегда и до конца было чувство свободы, живая потребность независимости любой, народной и государственной». Отмечалось влияние «Истории» Карамзина, которая открыла Пушкину неиссякаемые источники своенародных вдохновений. «Имя Карамзина должно быть с благоговейной признательностью помянуто на Пушкинском празднике. Своим умиряющим влиянием он спас Пушкина от тесного заточения; своими наставлениями он указал на внутреннее совершенствование». Бартнев подчеркивает значение для творчества поэта годов ссылки в Михайловское, когда тот приобщился к мудрости Священного Писания и к «прелести простонародной речи». Далее он характеризовал взаимоотношения Пушкина и Николая I, явно переоценивая положительное в них, даже благодарил царя от лица потомков, тем закладывая основы подобного же преувеличения в литературе последующих лет.

В заключение на кафедру взошел А.А. Потехин, известный тогда драматург и прозаик-бытописатель, проживающий в Петербурге. Указав на великое значение для литературы воздвигнутого Пушкину памятника, он отметил, что пушкинское творчество обычно признают синтезом мысли и чувства и воплощением русского самосознания. Продолжателем его, сосредоточившим творческие усилия на анализе явлений российской действительности, был Гоголь. Потехин предложил, чтобы дни всенародного чествования памяти Пушкина стали бы и началом всенародной подписки на памятник Гоголю — «да будет Москва пантеоном русской литературы, да воздвигнется памятник Гоголю в центре России, в Москве!» После поддержавших это предложение аплодисментов Потехин заявил, что выступает от имени всех собравшихся здесь литераторов. И когда публика стала расходиться, в боко-

вых залах были положены листы для подписки на памятник Гоголю. В течение нескольких минут они покрылись подписями.

Вслед за тем состоялся литературно-музыкальный концерт с той же программой, что и предыдущий, но с добавлениями: И.В. Самарин прочел «Сказку о рыбаке и рыбке», а знаменитый чтец (а также и историк русского театра) И.Ф. Горбунов исполнил сцену в корчме из «Бориса Годунова». Тургеневу на вечере поднесли такой же венок, как Достоевскому утром.

В двух залах здания Дворянского собрания была развернута подготовленная Л.И. Поливановым и его помощниками выставка, организованная ОЛРС. Она обогащала представления о Пушкине, о его родных, писателях-современниках, о России пушкинской эпохи, о распространении сочинений Пушкина и иллюстрациях к ним. Становилось очевидно, что скульптор Опекушин, вглядываясь в изображение Пушкина, в наибольшей степени пользовался портретом работы Кипренского и посмертно снятой маскою. Альбом Пушкинской выставки был издан в 1882 г. Издание это частично репринтно воспроизведено в 1997 г.

Не только о Пушкинском празднике, но и о памятнике Пушкину писали и «с неевского берега» (так озаглавил свое стихотворение популярный поэт некрасовской школы, мастер каламбуров и переводчик Д.Д. Минаев), и в других городах. Любопытно стихотворение «На памятник Пушкину» графа В.А. Соллогуба, прозаика (автора популярной с середины 1840-х гг. повести «Тарантас», действие которой начинается в Москве, на той самой Собачьей площадке, где у Соболевского проживал Пушкин), мемуариста, близкого знакомого Пушкина в последние годы его жизни, даже приглашенного быть секундантом на несостоявшейся его дуэли с Дантесом в ноябре 1836 г.:

В столице, Пушкину любезной,
В Москве, в виду монастыря,
Поднялся ныне лик железный
Родного нам богатыря.

То Пушкин, наш поэт великий,
Задумчиво явился нам
И утешеньем и уликой
Наставшим смутным временам.

Теперь, когда стремлений злоба
Не знает, где искать добра —
Проснись, поэзия! Пора,
Чтоб Пушкин выступил из гроба!

Очень скоро после Пушкинского праздника издали книги, рассказывающие об этом событии. 1880-м годом датирована напечатанная в Петербурге книга Ф.Б. в 354 страницы «Венок на памятник Пушкину». На титульном листе раскрыто в виде оглавления-аннотации содержание книги: «Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции». Там по дням описано, что происходило в Москве 5–8 июня,

в Петербурге 6 июня, панихида на могиле поэта 26 мая, чествования в Киеве, Одессе, Варшаве, Риге, Туле, Самаре, в селе Балаково, в Пскове, Царском Селе, Кишиневе, Орле, Тифлисе, приведены подробные сведения о напечатанном в газетах и журналах, об открытии памятника и об итогах Пушкинского празднества. Вот подзаголовки книги: «Адреса, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину» (некоторые приведены полностью); «Отзывы печати о значении Пушкинского торжества»; «Пушкинская выставка в Москве»; «Новые данные о Пушкине» (перепечатки из новейших изданий стихотворения «Моя родословная» по автографу, отрывков из «Дневника» Пушкина, воспоминаний о Пушкине). Здесь же помещен доклад Я.К. Грота «Исторический очерк сооружения памятника Пушкину». «Ф.Б.» — это Федор Ильич Булгаков, журналист, историк литературы и искусства, переводчик, инициатор начинаний, важных для просвещения широкой публики.

В 1885 г. знаменитый библиограф В.И. Межов издал (тоже в Петербурге) отдельной книгой библиографический указатель «Открытие памятника А.С. Пушкину в Москве в 1880 году: сочинения и статьи, написанные по поводу этого торжества». Ознакомление даже только с двумя этими книгами убеждает в том, что ни прежде, ни позднее не было в дореволюционные годы праздника культуры, вызвавшего столь широкий интерес всей России, и Москва не становилась столь значительным средоточием культурных сил страны.

Средства массовой информации (в ту пору это только газеты и журналы) отмечали многословие и бессодержательность некоторых речей, излишек аплодисментов и поцелуев и, конечно же, с особым пристрастием — элементы противостояния. Это было воспринято как основная тональность теми, кто не присутствовал на торжествах, и даже нашло отражение в написанных много позднее мемуарах, как, к примеру, в воспоминаниях крупнейшего историка и политического деятеля П.Н. Милюкова. Он пишет об этом событии его студенческих лет: «Я был в эти дни в Пушкине (т.е. под Москвой. — С.Ш.) и намеренно не поехал на празднество. Я знал по “Дневнику писателя”, что может сказать о Пушкине Достоевский (за исключением “всечеловечности” Пушкина), и не хотел присутствовать при его вероятном торжестве над Тургеневым»¹³.

А вот что писал сразу же после Пушкинских дней в Москве живописец В.Д. Поленов, более стремившийся к приобщению к Пушкину, чем к наблюдениям над эффектами сиюминутных «партийных» столкновений, в письме сестре в Петербург. Он сообщает, что был «и на открытии монумента, и на обеде, и на заседаниях... Праздник был такой возвышенный, примирительный и вместе глубоко гражданский, что нельзя было не порадоваться»¹⁴.

Праздник 1880 г. в известной мере определил и характер последующих больших торжеств в дни пушкинских юбилеев — в 1887, 1899, 1937 гг.¹⁵ (Юбилей 1924 г., в период навязывания вульгарных социологических воззрений, отмечался слабо.) И всякий раз это стимулирует развитие пушкиноведения, издание сочинений Пушкина, исследования его творчества и биографии, его окружения, «пушкинской эпохи», истории самого пушкиноведения. Это способствует распространению представлений (или, точнее сказать, сведений) о Пушкине и его сочинениях среди широкой публики, в детской аудитории. Но это используется в своих

целях и общественно-политическими силами, так как Пушкин — знаковая фигура, символ понятий о русской культуре, русском духе, о России вообще, и многообразное наследие Пушкина стараются приспособить для нужд современной идеологии. В 1937 г. это приняло и международный характер, ибо Пушкин был объявлен «своим» и идеологами партийно-советского государства, и различными группировками российской эмиграции. Но основную массу тех, кто говорит по-русски, кому снятся сны на русском языке, Пушкин объединяет, поскольку творчество его, слово и образ — в корневой культуре нашей и останутся как драгоценное наследие нашим потомкам.

И, конечно, Пушкин объединяет и по-настоящему крупных писателей, ибо, как заметила именно в этой связи Марина Цветаева в статье «Поэт и время» (1932), рассуждая о том, что «Пушкин с Маяковским... по существу и не расходились»: «Враждуют низы, горы — сходятся»; «Под небом места много всем» — это лучше всего знают горы».

Опекушинский памятник Пушкину в представлении многих становится воплощением образа Пушкина, да и образа Москвы. Конечно, Москва — прежде всего Кремль, но и Пушкин — тоже воплощение Москвы, как Медный всадник — воплощение и образа Петра Великого, и Петербурга. Такое ощущение возникало и у приезжих, и у москвичей. Это одно из сильнейших впечатлений детства жившей вблизи Марины Цветаевой, дочери профессора университета — инициатора создания и устроителя Музея изящных искусств, ныне Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Пожелания выступавших в июне 1880 г. сбываются. К памятнику Пушкину обращаются и великие (и такие разные) поэты советской эпохи: Владимир Маяковский (в конце стихотворения 1924 г. «Юбилейное» — такая строчка: «На Тверском бульваре очень к вам привыкли») и Сергей Есенин (тоже в 1924 г.). Стихи Есенина, которому ныне тоже установлен памятник на Тверском бульваре, сейчас звучат пророчески:

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

<...>

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

В военные годы поэты приходили к памятнику Пушкину. У памятника радовались, возвратившись с кровавых полей войны. Сколько стихотворений, посвящен-

ных памятнику Пушкину в послевоенные годы, и на скольких языках¹⁶. А для оказавшихся в зарубежье россиян не только Пушкин, но и его знаменитый и любимый с детства московский памятник оставался символом России, русской культуры. М. Цветаева вспоминала детское восприятие «Памятник-Пушкина»: «...мне нравилось, что уходим мы или приходим, а он — всегда стоит. <...> наших богов иногда, хоть редко, но переставляли. наших богов, под Рождество и под Пасху, тряпкой обмахивали. Этого же мыли дожди и сушили ветра. Этот — всегда стоял».

Но памятник переставили. В Москве, едва ли не единственной из столиц, где в середине XX столетия порушили столько исторической ценности зданий, накапливался опыт разрушения и перестановки скульптурных монументов: подтащили из центра Красной площади к храму Василия Блаженного старейший в Москве памятник Минину и Пожарскому (мешал демонстрациям), а в ночь с 13 на 14 августа 1950 г. передвинули памятник Пушкину¹⁷. Об этом с грустью, как о «похоронах времени», тогда же написал стихи известный поэт и стиховед поколения Маяковского — Георгий Шенгели (среди его драматических поээм 1920-х гг. — «Пушкин в Кремле»).

Москвичи с памятником Пушкину знакомились «в том возрасте, когда гораздо слаще слушать чтение, чем читать самому». И как мудро заметил написавший это поэт Александр Твардовский, размышляя об освоении нами Пушкина: «Кто не обязан ему радостью приобщения на самой заре жизни к источнику, из которого потом пить всю жизнь! Но если Пушкин приходит к нам с детства, то мы по-настоящему приходим к нему лишь с годами». Почти то же сказал и другой благородный поэт — Булат Окуджава, и такое сходство суждений, конечно, не случайно. Ибо по-прежнему через Пушкина «умнеет все, что может поумнеть».

¹ *Ключевский В.О.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 85.

² *Зайцев А.Д.* Петр Иванович Бартенев. М., 1989. С. 98 (концовка третьей главы, имеющей заголовок «Старейший из русских пушкиноведов»).

³ *России сердце не забудет: Русские писатели — А.С. Пушкину.* М., 1986. С. 132.

⁴ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1935. Т. 5. С. 271–272.

⁵ *Венок на памятник Пушкину.* СПб., 1880. С. 199–200.

⁶ Подробнее см.: *Эйдельман Н.Я.* Десять автографов Пушкина из архива П.И. Миллера // *Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина.* М., 1972. Вып. 33. С. 280 и далее.

⁷ Об А.М. Опекушине и памятнике Пушкину его работы см.: *Суслов М.И.* Памятник Пушкину в Москве. М., 1968; *Шмидт И.М.* Александр Михайлович Опекушин // *Русское искусство* [: В 2 т.]. М., 1971. Т. 2; *Он же.* А.М. Опекушин: Жизнь и творчество. Ярославль, 1968; *Крейн А.З.* Рукотворный памятник. М., 1980.

⁸ Подробнее см.: *Шмидт С.О.* Арбат в истории и культуре России // *Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах.* М., 1997. Вып. 1. С. 105–106. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 253–343.]

⁹ Подробнее в кн.: *Левитт М.Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / Пер. с англ. СПб., 1994. С. 130 и далее.

¹⁰ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1956. Т. 78. С. 105.

¹¹ Подробнее в кн.: *Левитт М.Ч.* Литература и политика. Гл. 4 («Последняя трибуна Тургенева»).

¹² *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1967. Т. 12, кн. 2: 1879–1880. С. 236.

¹³ *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 82.

¹⁴ Цит. по: *Шмидт С.О.* Арбат в истории и культуре России. С. 103.

¹⁵ Истории восприятия Пушкина в русской культуре, в частности юбилеям Пушкина, посвящена книга Е.И. Высочинной «Образ бережно хранимый: жизнь Пушкина в памяти поколений», подготовленная как «книга для учителя» издательством «Просвещение» в 1989 г.

¹⁶ См.: России сердце не забудет: Русские писатели — А.С. Пушкину; *Крейн А.З.* Рукотворный памятник. С. 103 и далее.

¹⁷ См. об этом статью: *Приходько Вл.* «Вот взяли, Пушкин, Вас, и переставили» // Центральный округ. 1998. Февр. № 1 (88).

«НИЦЦА — РАЙ...» О КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ МЕЖДУ ЛАЗУРНЫМ БЕРЕГОМ ФРАНЦИИ И РОССИЕЙ*

Этим связям более полутора столетий. Обычно отмечают, что со второй четверти XIX в. на Французской Ривьере (тогда она еще входила во владения Сардинского королевства) начали проводить зимние месяцы петербургские аристократы, а с 1850-х гг. — лица царской фамилии.

Между тем еще в 1844 г. имели большой успех, вызвав одобрительные отзывы в печати виднейшего тогда литературного критика В.Г. Белинского и начинавшего литературную карьеру Н.А. Некрасова «Очерки Южной Франции и Ниццы: Из дорожных записок 1840 и 1842 годов» писательницы Марии Семеновны Жуковой, изданные в 1844 г. с иллюстрациями французского художника, почетного члена Российской академии художеств Филиппа Берже.

Примечательно, что в 1840-х гг. первыми избрали Ниццу местом зимнего пребывания наиболее образованные, известные и своей литературной деятельностью аристократы — мемуаристка Александра Смирнова (дочь французского эмигранта, коменданта одесского порта О.И. Росseta), писатели князь Петр Вяземский и граф Соллогуб, семья музыканта графа Виельгорского — люди из окружения Пушкина. И именно в их кругу оказался приехавший сюда в 1843 г. Гоголь, писавший поэту В.А. Жуковскому: «Ницца — рай. <...> Я продолжаю работать... набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание “Мертвых душ”». То есть лица, которых Жуковский в дневнике 1836 г. (поэт тогда был воспитателем цесаревича — будущего императора Александра II) охарактеризовал как «русскую европейскую интеллигенцию» (здесь мы находим первое по времени употребление в таком смысле слова «интеллигенция», перешедшего затем в другие языки: на русское происхождение обретшего всемирное распространение термина указывают и «Большой Ларусс»).

* Текст написан в середине 1990-х гг. по предложению А.И. Музыкантского — вице-мэра г. Москвы и префекта Центрального округа г. Москвы в связи с поездкой делегации москвичей на Лазурный берег.

Впервые опубликовано: Московский журнал. 2010. № 12. С. 76–81 (в рубрике «2010: Год Франции в России и России во Франции»).

Императрица Мария Александровна впервые прибыла в Ниццу вскоре после окончания Крымской войны, в октябре 1856 г. С тех пор здесь стали появляться виллы великих князей, высшей знати. Здесь же поселилась фактическая супруга Александра II в последние годы его жизни — княгиня Екатерина Юрьевская. В Ницце находилась и вилла побочной дочери императора Николая I Жозефины, вышедшей замуж за французского художника Фресино (полагают, что Лев Толстой, характеризуя в «Хаджи-Мурате» Николая I, имеет в виду именно то любовное приключение императора, которое привело к рождению Жозефины).

С Ниццей многое связано в жизни писателя, философа, революционера Александра Герцена. Здесь он жил в 1850–1852 гг., активно сотрудничая в радикальной зарубежной печати (часть его статей, как и огромного эпистолярного наследия, написана по-французски). В то же время он старается детей приобщать к русской культуре — сыну наказывает из Парижа: «Занимайся как можно больше русским языком. Ты никогда не забывай, что ты должен быть русский». Взяв на себя миссию «знакомить Европу с Русью», Герцен пишет книгу «Развитие революционных идей в России», вышедшую в 1851 г. на французском и немецком языках. Книгой этой восхищался французский историк Жюль Мишле, признававшийся Герцену, что считает его «одним из самых выдающихся писателей на нашем языке». В Ницце Герцен пережил трагедию гибели в корабельной катастрофе матери и младшего сына, а затем и кончину жены. Похороны ее — погребальное шествие при факелах по вечерней Ницце — превратились в демонстрацию революционно настроенных эмигрантов из разных стран и местных жителей. Тогда, в мае 1852 г., у Герцена зародился замысел создания мемуаров; и в знаменитых «Былом и думах» описано и его пребывание в Ницце. Приезжает сюда Герцен в 1860-х гг. Как вспоминала его вторая супруга, Н.П. Тучкова-Огарева, Александр Иванович «очень любил южную природу... в Ницце у него было много дорогих воспоминаний и могила, которую он никогда не забывал». Когда Герцен скончался в Париже (1870), прах его захоронили подле могил жены и детей в Ницце. К столетию со дня рождения Герцена, в 1912 г., у могилы произнес речь крупнейший российский социалист Георгий Плеханов; в 1909-м могилу посетил молодой Ленин.

Прибывший в Ниццу в 1864 г. Ф.И. Тютчев нашел здесь душевное облегчение после тяжелой утраты, что отразил и в стихах.

Со второй половины XIX в. Французская Ривьера утвердилась и как центр российского «зимнего аристократического туризма». В то же время здесь все больше появлялось лиц интеллигентских профессий, тем более что средиземноморский климат считался особенно благоприятным при легочных заболеваниях. Среди лечившихся в 1880-х гг. — популярный в дореволюционной России поэт Семен Надсон. В Ницце начала писать свой получивший всемирную известность «Дневник» юная Мария Башкирцева (уже в XX в. «Дневником» увлеклась и Марина Цветаева, много жившая во Франции); в Ницце собраны картины умершей в 1884 г. даровитой художницы. В построенном бароном фон Дервизом шато Вальроз со знаменитым парком меценат, стремившийся превратить Ниццу в «музыкальное святилище Европы», знакомил публику с русским музыкальным искусством. Несомненными свидетельствами того, что в Ницце была значительная русская колония, являются православные церкви: главный храм, созданный русскими архитектора-

ми в память скончавшегося в Ницце в 1864 г. наследника престола Николая Александровича — сына Александра II, посвящен святителю Николаю.

В Ницце останавливался для лечения Антон Павлович Чехов — зимой 1897/98 гг. и в начале 1901-го. Он сочинял здесь рассказы, по поводу чего в шуточном письме редактору газеты «Русские новости» В.С. Соболевскому от 17 октября 1897 г. заметил: «Здесьняя бумага (*papier ecoliez*) имеет такой аппетитный вид и так приятно покупать здесь перья, что трудно удержаться, чтобы не писать». В письмах своих из Ниццы он следующим образом характеризует французского писателя Эмиля Золя, привлеченного к суду за защиту Дрейфуса: «Как будто родился новый, лучший Золя. В этом своем процессе он, как в скипидаре, очистился от наносных сальных пятен и теперь засиял перед французами в своем настоящем блеске. Эта чистота и нравственная высота, каких не подозревали». Именно в этом письме публицисту А.С. Суворину от 6 февраля 1898 г. сформулирована особенно важная для Чехова мысль: «Большие писатели и художники должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно обороняться от нее». Здесь его портрет писал художник Иосиф Браз. Находящийся ныне в Третьяковской галерее портрет известен по миллионам воспроизведений — даже на обложках школьных тетрадок. В конце 1901 г. в период репетиций в Московском художественном театре пьесы «Три сестры» Чехова снова «погнало на юг» ухудшившееся здоровье. В Ницце он дорабатывал пьесу. К.С. Станиславский вспоминал: «“Бальзак венчался в Бердичеве” — было прислано оттуда. <...> Вдруг пришет маленькую сценку. И эти бриллиантики, которые он присылал, оживляли действие и подталкивали актеров к искренности переживаний». А в четвертом акте опустошившийся Андрей — брат сестер, разговаривая со старым лакеем Ферапонтом, произносил «великолепный монолог», объясняющий, что такое жена. И вдруг в театре получают записку, предлагающую заменить монолог «лишь тремя словами: — Жена есть жена!» В этой короткой фразе, по мнению Станиславского, «если вдуматься в нее глубже, заключается все, что было сказано в длинном в две страницы монологе». Чехова часто посещали русские старожилы этих мест — живописец В.И. Якоби, профессора М. Ковалевский и А. Коротнев, о чем Ковалевский написал воспоминания.

Вилла Батава в Болье, где лишенный права преподавания в Московском университете за свои либеральные взгляды Максим Максимович Ковалевский поселился в 1889 г., стала местом притяжения для российской научной интеллигенции. Сюда приезжала математик, первая женщина — член-корреспондент Петербургской академии наук Софья Ковалевская. Здесь выдающийся социолог, правовед, этнолог и видный общественный деятель Максим Ковалевский написал крупнейшие свои научные труды, разработал план организации в Париже Русской высшей школы общественных наук, отсюда он выезжал читать лекции во многие страны мира; а другой русский профессор, Алексей Коротнев, основал зоологическую станцию, традиционно возглавлявшуюся выходцами из России (Михаил Давыдов, Григорий Трегубов). В Ментоне жил и популярный на рубеже веков скульптор Лев Бернштам — автор множества бюстов выдающихся россиян и французов, а также известной скульптуры, изображающей встречу Петра I и мальчика Людовика XV.

На Лазурном же берегу, в Монте-Карло, утвердилась европейская слава Федора Шаляпина и постоянными стали сезоны «Русского балета» Сергея Дягилева, про-

славившие русских танцовщиков, композиторов, художников. Недаром площадь в Париже у Гранд-Опера называется «Пляс Дягилев». Конечно, русские посещали знаменитое казино в Монте-Карло — и Чехов, и его друзья — один из основателей Московского Художественного театра Владимир Иванович Немирович-Данченко, драматург и актер Малого театра Александр Сумбатов-Южин, писатель Игнатий Потапенко; позднее Владимир Маяковский, Владимир Высоцкий (это запечатлено в современных событиям документах и мемуарах).

В Ницце и близ нее творили выходец из России художник Марк Шагал (во время своего приезда в Москву в 1973 г. подаривший Третьяковской галерее 96 офортов — иллюстраций к поэме «Мертвые души» Гоголя, о сюжете которой писатель размышлял также в Ницце), французские живописцы Матисс, Фернан Леже — в жизни и творчестве обоих столь заметную роль играли женщины, выехавшие из России. То же можно сказать и о Пикассо (первая жена его, танцовщица Ольга Хохлова, похоронена в Каннах).

После 1917 г. Лазурный берег оказался средоточием российской эмиграции: аристократия, генералитет, литераторы, художники, ученые... В 1926 г. в Гримальди близ Ментоны организовал лабораторию с обширным питомником обезьян выехавший из России еще в 1880-х гг. хирург Сергей Воронов, работавший в области пересадки половых желез. В Грасе с 1925 г. по сентябрь 1939-го жил классик нашей литературы Иван Алексеевич Бунин, первым из российских писателей удостоенный Нобелевской премии. В Грасе же Бунин написал такие выдающиеся произведения, как «Жизнь Арсеньева», «Митина любовь». Среди похороненных на кладбище в Ницце — известный московский живописец Филипп Малявин (его большие полотна «Бабы» украшают и поныне Третьяковскую галерею), поэт и литературный критик Георгий Адамович.

В гостеприимных Каннах регулярно происходит престижный кинофестиваль. В 1958 г. Золотую пальмовую ветвь — высшую награду фестиваля — получил фильм Михаила Калатозова «Летят журавли» с Татьяной Самойловой в главной роли, а первым в истории Каннского фестиваля фильмом, удостоившимся сразу четырех призов (1986), был фильм Андрея Тарковского «Жертвоприношение». Часть этих сведений отмечена и в трудах французских авторов — прежде всего в путеводителе «Русские во Франции» (1990), составленном Раймоном де Понфилли, и в красочном издании Алена Герра «Прогулки по русской Ницце» (1995). В труде Понфилли имеются ссылки на другие книги о русских на Лазурном берегу. Очень приятно, что там приведены данные и о мемориальных знаках, и о музейных экспозициях, и о заседаниях, которые организовывались в память знаменитых россиян. Это особенно важно подчеркнуть сегодня, когда культурное наследие российской эмиграции стало восприниматься в нашей стране как существенная часть общенационального культурного достояния и вклада россиян в мировую цивилизацию.

Хочется отметить такой факт: многие упомянутые выше имена, а также другие, названные во французских изданиях, в той или иной мере связаны с территорией Центрального округа города Москвы, что не случайно. Это — исторический центр города, отметившего в 1997 г. свое 850-летие. Здесь расположены и Кремль, и Красная площадь, и первый в России университет, и знаменитые театры, музеи, главная библиотека страны, научные учреждения и дома литераторов, актеров, музыкантов,

художников, ученых. В конце XVIII в. Москва была территориально разделена на полицейские части. Близкие по расположению к Кремлю Тверская, Арбатская и Пречистенская части оказались средоточием дворянских усадеб и мест встреч знати (Благородное собрание, Английский клуб). Со второй половины XIX в. тот же ареал стал основной ареной жизни и деятельности и московской интеллигенции, оставшись таковым и в советские годы. Олицетворением сказанного представляется Арбат и прилегающие к нему улицы и переулки — Приарбатье, в котором особенно много мемориальных музеев и памятных досок. Здесь писатели часто селили своих героев и разворачивали действие своих произведений («Горе от ума» Грибоедова, повести о детстве и «Война и мир» Льва Толстого, романы много жившего во Франции Тургенева, стихи, проза и драматургия советских авторов послереволюционных лет — Алексея Толстого, Пастернака, Булгакова, Ильфа и Петрова, Окуджавы, Рыбакова, Арбузова и других, а также поэтов и писателей русской эмиграции — жившим во Франции Бунину, Зайцеву, Осоргину, Бальмонту, Цветаевой Арбат представлялся символом оставленной ими России, «дворянско-интеллигентско-литературной» Москвы). К.Д. Бальмонт называл рю Пасси, близ которой обитало особенно много русских эмигрантов, «парижским Арбатом». Выходцами из этого московского района являлись и руководители юбилейного Пушкинского комитета в Париже (1937) — видные политические деятели В.А. Маклаков и П.Н. Милюков. В 1993 г. 500-летие первого упоминания Арбата в исторических документах отмечали как праздник русской культуры; это было как преддверие юбилея Москвы.

Регион Центрального округа столицы, особенно Арбат и Приарбатье, представляет собой ареал, с которым преимущественно связаны упоминавшиеся выше «исторические лица». Приветствовавший издание «Очерков Южной Франции и Ниццы» Белинский учился в Московском университете и, проживая в Москве, обычно имел адресом дома этого ареала. Владимир Соллогуб начинает действие своей очень популярной в середине XIX в. повести «Тарантас» с описания Собачьей площадки. Гоголь последние годы жизни провел в доме близ Арбатской площади (где ныне библиотека и музей его имени) и являлся прихожанином Симеоновской церкви — единственной сохранившейся до нашего времени в этом районе церкви конца XVII в. У Арбатской площади и памятник Гоголю, давший название Гоголевскому бульвару. Поэт, публицист, мемуарист князь П.А. Вяземский, основавший библиотеку в церкви на улице Лоншан в Ницце, — друг и шурин Н.М. Карамзина (автора, в числе прочего, «Писем русского путешественника», запечатлевших Францию 1790 г.) и А.С. Пушкина (строка из его стихотворения — «И жить торопится, и чувствовать спешит» — взята эпитафией к «Евгению Онегину»), также проживал в разных домах этой части города. В сквере около храма Спаса на Песках, близ коего, полагают, жил одно время П.А. Вяземский, а позже брат И.С. Тургенева (которого посетил писатель в дни Пушкинского праздника 1880 г.), установлен в юбилейные дни Арбата (1993) небольшой, в рост, памятник Пушкину, потомки которого по линии дочери Наталии, графини Меренберг, обитали в великокняжеских виллах.

А.И. Герцен родился на Тверском бульваре, затем жил в переулке Сивцева Вражка — там теперь музей Герцена, в котором проходят научные заседания, выступления писателей, встречи с находящимися за границей потомками Герцена и другими зарубежными гостями. В центре Москвы в родительском особняке жил

Ф.И. Тютчев, близ Тверской — А.В. Сухово-Кобылин (похороненный в Ментоне). У Кудринской площади на Садовом кольце — Дом-музей А.П. Чехова. Подле Садового кольца — музей Л.Н. Толстого, а на самом Садовом кольце — здание лицея, основанного по подобию Царскосельского и названного в память скончавшегося в Ницце цесаревича Николая Александровича. Написанные в Ницце рассказы Чехов посылал редактору «Русских ведомостей», проживавшему на Воздвиженке, и актрисе Ольге Книппер (ставшей его женой), жившей у Арбатской площади. А.И. Куприн учился в военном училище на той же площади, о чем рассказал в своих повестях эмигрантского периода. Профессор М.М. Ковалевский имел в молодые годы квартиру в Кривоарбатском переулке (этот адрес записан русскими буквами в записной книжке Карла Маркса). Недалеко оттуда расположен Музей-квартира А.В. Луначарского — первого советского наркома просвещения, литератора и литературоведа, умершего в 1933 г. в Ментоне. Мемориальная доска И.А. Бунину установлена в 1993 г. на Поварской улице — отсюда он уезжал за рубеж. А познакомился Бунин со своей женой В.Н. Муромцевой в доме писателя Б.К. Зайцева, умершего в Париже. Зайцев жил в районе Арбата, наименование Арбата — «улица Святого Николая» (по трем Никольским храмам) он сделал заголовком своего сборника рассказов. На Новинском бульваре — Музей-квартира Ф.И. Шалапина. Знаменитые частные коллекции французских импрессионистов и постимпрессионистов находились в особняках Щукина и Морозова у Знаменки и на Пречистенке. Марк Шагал в московский период жизни (1919–1922) работал в возглавляемом А.М. Грановским Государственном еврейском Камерном театре и вместе с Е.Б. Вахтанговым — в еврейском театре «Габима»: все это рядом с бульварами и Арбатской площадью. Переводчица дневника Марии Башкирцевой писательница и театровед Любовь Гуревич жила в одном из переулков Приарбатья — Мансуровском. Дом кино и Театр киноактера, где впервые показывали фильмы, удостоенные наград Каннского фестиваля, расположены, соответственно, близ Тверской и Поварской...

Таким образом, Лазурный берег Франции и современный Центральный округ Москвы имеют между собой многолетние культурные связи. Отраднo, что это отражено и в памятных знаках Лазурного берега, и в изданиях и музейных экспозициях Москвы.

АРБАТ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ

В 1993 г. отмечалось 500-летие Арбата. Юбилей Арбата — преддверие юбилея Москвы.

Представление о территориальных границах местности с таким названием изменялось. Неоднозначным остается и понимание историко-культурного феномена «Арбат».

Впервые опубликовано: Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1997. Вып. 1. С. 17–122.

Арбат — это и улица Москвы длиной почти с километр, с конечными номерами домов 54 и 57, между Арбатской и Смоленской площадями. В годы моего детства — в межбульварье: между маршрутами трамваев А — «Аннушки» — по бульварному кольцу и Б — «Букашки» — по Садовым улицам. Арбат — знаменитая улица Москвы и России.

В то же время Арбат — не только улица в центре Москвы, но и ближние улицы с переулками («зигзагами кривых переулков», по Андрею Белому), с улицей Арбат посередине. Примерно от Никитских и Поварской до Пречистенки и даже Остоженки, переулочье и Собачьей площадки, и Сивцева Вражка, и близ Успенья на Могильцах. «В старых переулках за Арбатом совсем особый город» Ивана Бунина и «мир Пречистенки и Арбата» Бориса Пастернака. Арбат — это и Приарбатье.

Арбат — это и некая социокультурная общность, характерная для ареала, где с рубежа XVIII и XIX столетий преобладали дома-усадебные дворян, а со второй половины XIX в. оказалось средоточие московской интеллигенции, что формировало представление об Арбате как о своеобразном культурном пространстве, об особом месте Арбата и «арбатцев» (слово Андрея Белого) в истории общественной жизни и в развитии культуры, о характерном именно для них образе поведения и мировосприятии. В наши дни в речевой обиход вошло перенятое у Булата Окуджавы понятие «арбатство».

С этой местностью связана память о тех, кто прославил нашу отечественную культуру — начиная с самых великих, с Пушкина и Лермонтова. Именник знаменитых арбатцев, перечень сочинений, там написанных, произведений искусств, там созданных, научных открытий, там сделанных, обсуждений, там состоявшихся, мог бы составить энциклопедию. Потому-то здесь и средоточие мемориальных музеев и памятных досок.

Наконец, Арбат — это заповедное поле русской литературы, где писатели поселяли своих героев. Это Москва и романов Тургенева, повестей о детстве и «Войны и мира» Л. Толстого, и «Былого и дум» Герцена, место действия многих произведений художественной, мемуарной, публицистической литературы дореволюционного и советского периодов и российского зарубежья. В литературе, в живописи, в киноискусстве Арбат становится как бы типологическим образом московского, Москвы и в то же время типологическим отражением происходящего в России.

Все это породило миф об Арбате. Арбат, сохранивший в отличие от других ближних старинных московских улиц неизменным свое историческое имя, стал символом преемственности культурных традиций, «нравственной оседлости» (выражение Д.С. Лихачева) московской интеллигенции, памяти о достойном уважения и милом сердцу прошлом.

* * *

Местность современного Арбата впервые названа в древнерусских летописях при описании событий правления государя всея Руси Ивана III Васильевича. В 1493 г. (7001 г. по старому летосчислению) 28 июля, в воскресенье, случился ужасный пожар, испепеливший в один день московский посад и частично Кремль¹. Начался пожар в семь часов утра, когда «загорелся от свечи святой Никола на Песку, и в том часе воста буря велия зело, и кинуло огонь на другую сторону

Москвы-реки ко Всем Святым, а оттоле за Неглимну, и нечисленно начя горети во многих местех». Среди «многих мест» — в Кремле и на посаде, упомянутых при описании пожара, назван «храм Бориса и Глеба на Орбате». Особо запечатлелись в памяти огромные масштабы бедствия (описание кончается словами: «...а Летописец и старые люди сказывают: как Москва стала, таков пожар на Москве не бывал») и повод его (еще в XIX в. бытовала поговорка: «Москва от копеечной свечки сгорела»)².

Распространено мнение, закрепленное трудами П.В. Сытина³, будто пожар начался в церкви, название которой затем перешло к Николо-Песковским переулкам в середине современной улицы Арбат. (Большой Николо-Песковский переулок, где находилась снесенная в 1932 г. церковь, в 1924 г. переименовали в улицу Вахтангова.) Это повторялось не раз, особенно в связи с празднованием 500-летия Арбата, в том числе и в моих выступлениях (устных и в печати).

Действительно, в Москве каждый из многочисленных храмов Николаю Чудотворцу имел еще отличительное наименование; и понятно, что наименование «Никола на Песку» не могло быть одновременно у двух церквей. Имена церквей, сохраняющие обычно бóльшую устойчивость, чем другие топонимы, — ценные ориентиры в изучении прошлого исторических городов. Установлено и то, что летописные записи конца XV–XVI вв. отличались точностью, подчас почти протокольной, и использовались для архивных справок⁴. Описание пожара 1493 г. и, что особенно важно, последовательности распространения огня на территории Москвы совпадает в разных летописях даже в деталях: начавшись в церкви Николая, пожар перекинулся через Москву-реку к церкви Всех Святых. Местоположение церкви, упомянутой еще в 1365 г., хорошо известно — церковь Всех Святых на Чертолье (или «на берегу»)⁵. Она дала название Всесвятскому плавучему деревянному мосту (близ нынешнего Каменного) и находилась у левого берега реки, ближнего к Арбату, недалеко от Кремля. И потому-то выдающийся знаток церковной археологии Н.А. Скворцов еще в конце XIX в. утверждал, что огонь первоначально вспыхнул в Замоскворечье⁶.

Однако наименование «Николы на Песку» имела церковь в районе Арбата, известная с XVII в. и памятная тем, что там в 1915 г. отпевали А.Н. Скрябина, жившего в доме 11 на другой стороне переулка (где теперь музей композитора). И при упоминании летописной записи о пожаре 1493 г. мысль по ассоциации обращалась прежде всего к этой церкви. Лишь в 1945 г. М.Н. Тихомиров опубликовал фрагменты составленного современником Василия III (сына Ивана III и отца Ивана Грозного) так называемого Владимирского летописца, свидетельствовавшего о том, что в конце XV столетия так называли церковь в Замоскворечье. О пожаре 1493 г. там написано: «...был пожар на Москве велик зело, загореся за рекою церковь святыи Никола на Песку, и погоре весь посад около града (т.е. Кремля. — С. III.) от Черторьи...»⁷ Замоскворецкую церковь позднее (безусловно с начала XVII в., но очень возможно, что и ранее) стали называть Никола на Берсеневке⁸. Сохранились церковные строения (возведенные в XVII в. и позже) ныне на Берсеневской набережной близ так называемого Дома правительства («Дома на набережной»). Церковь Всех Святых находилась как раз напротив нее, на другом берегу Москвы-реки. И потому М.Н. Тихомиров — крупнейший в середине нашего столетия иссле-

дователь истории средневековой Москвы⁹ — убежденно писал, что пожар 1493 г. «начался в Замоскворечье» и уже потом «охватил все Занеглимень»¹⁰.

Топоним «Арбат» отнесен к месту нынешней Арбатской площади. Храм, стоявший ближе к улице Воздвиженке, в 1453 г. называли церковью Бориса и Глеба на Рву. Ров этот, видимо, тянулся по линии позднейших каменных стен Белого города (совпадая с линией современного кольца бульваров). Храм, с 1527 г. уже каменный, затем не раз перестраивавшийся, был снесен в 1931 г.¹¹

Академик М.Н. Тихомиров признает упоминание Арбата в 1493 г. случайным: «район, называемый Арбатом, — по его мнению, — вероятно, заселен был значительно раньше»¹². Археологические раскопки последующих лет¹³ подтвердили справедливость этого суждения, а также то, что пожар 1493 г. бушевал и на территории нынешней улицы Арбат: под четырьмя ярусами мостовых XVI–XVII столетий обнаружили слой золы и угля¹⁴. Следовательно, здесь было оседлое православное население. И люди эти строили церкви (первоначально, конечно, деревянные), где могли молиться, крестить детей, венчаться, отпевать покойников.

Более того, обратившись к указателям томов Полного собрания русских летописей, нетрудно заметить, что 1493 г. вовсе не первое летописное упоминание об Арбате. Еще прежде написано при изложении событий 1475 г. (и тоже в связи с пожаром): 27 сентября «в 3 часа ночи погорел совсем на Орбате Никифор Басеньков»¹⁵. Двор этого приближенного Ивана III находился напротив Кремля. Известие же 1493 г. — первое, которое относится к местности, ныне носящей «арбатское» название.

Следовательно, 1493 г. — не дата возникновения русского поселения на месте нынешнего Арбата, а лишь первое упоминание этой местности в памятнике письменности. Так же как в 1147 г. не на пустом месте, не в сыром бору (откуда имя Боровицких ворот) состоялась встреча Юрия Долгорукого с другим князем, от которой отсчитывают возраст Москвы, — «Москва уже существовала»*. Но празднуем юбилей Москвы исходя именно от этой даты. То же и с юбилеем Арбата!

В конце XV–XVI в. Арбатом (с написаниями «Арбат» и «Орбат») считали, видимо, обширную местность Занеглименя (так называли в XV–XVII вв. территорию на правом берегу реки Неглинной к западу от Кремля), вплоть до современного кольца Садовых. Срединную улицу местности называли Арбатской. В XVI в. такое наименование было у современной улицы Воздвиженка (т.е. улицы между Кремлем и Арбатской площадью); возможно, и у ее продолжения (т.е. современной улицы Арбат); с середины XVII в. — только у улицы Земляного города, т.е. нынешней улицы Арбат, начинавшейся с Арбатской площади. Это прослеживается по описаниям летописцами событий государственно-политической истории и в особенности пожаров.

* Это слова великого историка и писателя Н.М. Карамзина, написанные тогда, когда уже находились в печати первые восемь томов его «Истории государства Российского». Составленная им в 1818 г. «Записка о московских достопамятностях» начинается так: «Мы знаем по несомненным историческим свидетельствам, что в 1147 году Москва уже существовала: ибо в сем году, марта 28, Князь Суздальский Юрий или Георгий Долгорукий роскошно угощал в ней друга и союзника своего Князя Святослава Ольговича Северского...»¹⁶

В описании «великого пожара» июня 1547 г., когда выгорел весь Кремль и началось народное волнение, в летописях указывается, что вначале «загорелся храм Воздвижение честнаго Креста за Неглинною на Арбацкой улице»¹⁷. В краткой летописи, сообщающей об учреждении опричнины в 1565 г., отмечено, что Иван Грозный «перешел из Кремля города, из двора своего перевезся жити за Неглинну реку на Воздвиженскую улицу, на Арбат»¹⁸. В другой летописи указывается, что Опричный двор был «за городом, за Неглинною меж Арбацкие улицы и Никицкие», в опричнину царь взял «Арбацкую улицу по обе стороны и с Сивцевым врагом и до Дорогомиловского всполия»; а во время пожара 1560 г. «погоре... по Пречистую богородицу на Могильцах и Арбат весь и за Арбат по Новинской монастырь...»¹⁹ Немец-опричник Штаден, рассказавший подробнее других об опричнине, пишет об улице Арбат («Strasse Orbatta») в опричнине²⁰. Швед Петрей, описывая Москву начала XVII в., называет Арбатом («Norbat») «Стрелецкий город» с сильными деревянными укреплениями, где проживает до десяти тысяч стрельцов из великокняжеских телохранителей, а также «ремесленники и простой народ»²¹.

Поскольку по современным улицам Воздвиженке и Арбату шел путь из Кремля к Смоленску, то называлась эта дорога и Смоленской улицей*. Это была главная дорога, связывавшая Москву с Западной и Южной Европой, следовательно, и дорога в Кремль иностранных посольств, а встречи их обычно бывали торжественными и многолюдными.

Лишь в 1658 г. Воздвиженку царским указом запрещено было называть Арбатом, сохранив наименование только за улицей, уже за пределами Белого города. Но и в просторечии, и даже в официальной документации такое положение закрепилось, пожалуй, лишь к концу XVIII в. с разделением города Москвы на полицейские части, когда одна из них получила название Арбатской и названный в летописи еще в 1493 г. храм Бориса и Глеба сделался как бы воротами Арбата, «Арбатской страны».

Примерно тогда же начало формироваться и представление об Арбате как об особом социокультурном ареале Москвы, в пределы которого входит местность не только Арбатской части, но и Пречистенской, и даже ближних кварталов других полицейских частей. Уникальное значение существующего около двухсот лет историко-культурного центра Москвы и дает основание для празднования юбилея именно этой исторической местности столицы России (хотя в летописном сообщении о пожаре 1493 г. названы и другие). И при всей условности хронологии можно говорить о 500-летию Арбата в истории и 200-летию его знаменательной роли в развитии духовной культуры России.

Верно заметил любимый поэт Арбата: «Арбат — странное название». И нет ему однозначного объяснения (как, впрочем, и для многих других географических наименований действительно древнего происхождения). Вероятнее всего, слово

* Хотя название могло быть дано и по иконе Смоленской Божией Матери. Вопрос о границах территории, к которой относили в XV–XVII вв. (причем в разные периоды этих столетий) наименование «Арбат», остается недостаточно изученным. В последние годы это привлекает особое внимание тех, кто причастен к работе возобновившей свою деятельность комиссии «Старая Москва».

это пришло к нам из восточных языков. О значении его ученые рассуждали еще в первой половине прошлого века. Когда служивший в Оружейной палате видный знаток памятников материальной и духовной культуры В.К. Трутовский выступил в 1911 г. с докладом «О происхождении слова “Арбат”» в Комиссии по изучению старой Москвы*, он заметил, что уже к тому времени «образовалась небольшая литература» такой тематики. И попытался установить степень состоятельности суждений своих предшественников²³. Соображения Трутовского нашли подтверждение в наблюдениях последующего времени.

Предполагали, что слово «Арбат» напоминает о жертвоприношениях и, соответственно, о слове «арбуй» (знахарь, колдун, мерзкий язычник); однако в XIV–XV вв. татары приняли уже мусульманство. Слово же «арба», означавшее повозку, телегу, обоз, к которому относил название урочища Арбат историк князь М.М. Щербатов (в поданном в 1787 г. Екатерине II «Прошении Москвы о забвении ее»), вошло в язык православного населения лишь в XVII в. и более распространено было в южных районах страны. Напоминание о Колымажном дворе XVI–XVII вв. (находившемся тогда на территории нынешнего Музея изобразительных искусств) в данном случае тоже не имеет оснований, так как топоним «Орбат» употреблен в летописи прежде возникновения этого двора, да и само слово «кольмаг» в давние века означало не экипаж (что утвердилось в языке XVI–XVII вв.), а стан, т.е. укрепленное место или шатер, кочевая кибитка²⁴. Оспаривал Трутовский и мнение знаменитого историка Москвы И.Е. Забелина, искавшего объяснение топониму «Арбат» в родном языке и производившего его от слова «горб», которым обозначали неровность, кривизну местности, — отсюда «горбат» (перешедшее в написание «Орбат»). Забелин усматривал «горбавство рекше кривость» в искривлении линии вала, там, где позднее возник Никитский (Суворовский) бульвар: расстояние от стен Кремля до Никитских ворот многим больше, чем до Арбатских ворот²⁵.

Трутовский постарался обосновать гипотезу, согласно которой «арбад» (Арбат) — переиначенное арабское слово «рабад», означающее пригород, предместье (во французском языке — Faubourg, в немецком — Vorstadt), в таком значении не раз встречающееся в восточнойязычной письменности²⁶.

Действительно, обширный район за рекой Неглинной к юго-западу от Кремля в XV–XVII вв. был предместьем территории, огражденной крепостной стеной, т.е. собственно «города» (бурга) в понимании людей Средневековья; «загородным» садом московского государя считали тогда местность, где ныне переулок, к которому обращены задние стены нового и старого (Пашков дом) зданий Российской государственной библиотеки, а когда в конце XVI в. на месте земляного вала возвели

* Доклад был сделан на 13-м заседании комиссии 8 марта 1911 г., проходившем под председательством графини П.С. Уваровой. В протоколе заседания кратко излагается содержание доклада и отмечается, что в прениях выступали П.С. Уварова, П.А. Хребтович-Бутенев, И.Н. Бороздин, И.С. Беляев, Т.К. Линдеман, Б.С. Пушкин, С.О. Щербак. На том же заседании после предыдущего доклада о Кузнецком мосте и прилегающих к нему улицах Трутовским же был поднят вопрос об издании печатного органа комиссии, образовавшейся при Московском археологическом обществе. На следующих заседаниях обсуждались тип издания и содержание первого выпуска, куда сразу же включили и текст Трутовского. Статья опубликована в 1912 г.²²

крепостную каменную стену с воротами (Арбатские башенные ворота на месте современной Арбатской площади, снесенные в 1792 г.), образовав Белый город, то Арбатом стали называть и территорию с предместьем уже за стеной Белого города до нового земляного вала (воздвигнутого там, где теперь Садовые улицы), т.е. территорию современных улиц Арбат и Приарбатья (с его улицами и переулками).

Показательно, что позднее появились схожие названия, причем как бы уменьшительные, подле стен Крутицкого подворья на высоком берегу Москвы — улица Арбатец и Арбатецкие переулки. Можно полагать, что топоним «Арбат» отнесен к Занеглименью осевшими в Москве восточными купцами или приходившими воевать и торговать татарами из Крыма и Поволжья. Крымские купцы и торговавшие со странами Востока и с итальянскими колониями гости-сурожане занимали в Москве в XIV–XV вв. влиятельное положение. Слово «рабат» было привычно и для купцов-армян и особенно мусульман («басурман», «бесермен») Поволжья, Средней Азии, Ирана, связанных торговыми интересами с Москвой XIV–XVI вв.²⁷ И в XVII в. в Москве было много торговых людей с Востока, а войны с Крымом велись на протяжении всего столетия: тогда восточные термины были у всех на слуху, проникали и в разговорную речь, и в топонимику*. Мнение Трутовского не сразу вошло в широкий обиход — в многостраничном, рассчитанном на самого массового читателя справочном ежегоднике «Вся Москва» (за 1914 г. читаем: «Название получила эта улица от слова “арба” — телега, так как в этой местности по преимуществу жили мастеровые, работавшие телеги, или от того же слова, означающего жертвоприношение, и тут, по сказаниям, во время татарского владычества происходили жертвоприношения»). Однако самый эрудированный знаток московской старины, неутомимый в своих изысканиях П.Н. Миллер, фактически руководивший научной деятельностью общества «Старая Москва», склонился к гипотезе Трутовского. И со времени издания трудов П.Н. Миллера и П.В. Сытина о названиях московских улиц, с 1930-х гг., она обрела наибольшее распространение²⁹. Ее придерживался и М.Н. Тихомиров³⁰. Теперь обобщены и наблюдения о частых наименованиях словом «рабад» («рабат») поселений у внешней стороны городских стен, окраин города, предместий и в народных географических терминах восточных языков³¹. Авторы обобщающего труда по топонимике Москвы М.В. Горбаневский и Г.П. Смолицкая полагают, что «большинство ученых склоняется к тому, что в основе топонима АРБАТ лежит арабское слово АРБАД — форма

* Любопытно проследить отношение к названиям восточного происхождения на карте Москвы после триумфального успеха драмы «Дмитрий Донской» В.А. Озерова в канун Отечественной войны 1812 г. и по прочтении «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Участник литературного общества карамзинистов «Арзамас» (середина 1810-х гг.), ревнитель устоев православия публицист Ф.Ф. Вигель (автор знаменитых мемуаров) писал в памфлете 1840–1850-х гг. «Москва и Петербург» о «татарских названиях» в московской топографии (Арбат, Басманная, Таганка, Балчуг), что «это рубцы, излеченные раны героя-победителя, который с гордостью может их показывать»²⁸. (Название улицы Балчуг от тюркизма «балчык», означающего «грязь, болото»; улица находится в местности, которая издавна носила название Болото и дала наименование Болотной набережной: интересное и в какой-то мере характерное для топонимики Москвы смешение близких по смыслу русскоязычных и восточноязычных топонимов.)

множественного числа от РАБАД — со значением “пригород, предместье”^{*}. В Москву оно могло попасть либо через татарское посредничество, либо непосредственно от торговцев с Востока³².

Восточное происхождение топонима «Арбат» признают и те, кто придерживается иного толкования. Это убедительно показано в статье профессора-лингвиста И.Г. Добродомова 1991 г. «Арбат (этимологический этюд)», ценной и обобщением данных по историографии проблемы. В статье проводится мысль о сближении топонима со словом «ропать» («ропата»): так в Древней Руси называли мечеть (и вообще иноверческий храм), а также, видимо, и пограничное поселение (казарму, гостиницу, странноприимный дом), где могли происходить и религиозные действия неправославного культа. (Сближение слов «Арбат» и «ропата» сделано было востоковедом Н.И. Веселовским еще в докладе 1890 г., ставшем основой печатного сообщения 1896 г. Его находим и в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, составленном в значительной своей части в довоенные годы.) К мнению, будто название «Арбат» происходит от «рабаты» — гостиницы, постоялого двора на большой дороге, склоняется теперь вроде бы и Г.П. Смолицкая³³.

Небезынтересной представляется гипотеза, предложенная скончавшимся в 1991 г. Д.Н. Афанасьевым. Химик-минералог по роду основных занятий, он в последние годы жизни увлеченно занимался москвоведением. И, действуя методом аналогии, обратил внимание на то, что в восточных языках «арбат» — это и гидроним, обозначающий неровное место, изрезанное ручьями, стекающими вниз потоками воды³⁴. Подобные особенности местности близ ручья Черторыя, и прежде всего между нынешними улицами Арбат и Пречистенка, не могли не бросаться в глаза перешедшим Крымский брод (близ нынешнего Крымского моста). Современная топонимия напоминает и о спрятанном теперь в трубу ручье Сивце, протекавшем в глубине оврага, — это почти параллельный улице Арбат длинный переулок Сивцев Вражек. П.А. Кропоткин вспоминал Сивцев Вражек середины прошлого века «с его бурным ручьем, несшимся весною, во время таяния снегов, вниз по Пречистенскому бульвару»³⁵. А переулок, в конце XVIII в. называвшийся Малый Арбатец (и позднее получивший название Дурасовский), на Воронцовом поле как раз в районе одной из семи главных возвышенностей Москвы. Толкование, получающее впоследствии преобладание, не всегда бывает первоначальным; имеют место и случаи звуковых сближений разных по смыслу топонимов: народные географические термины нередко на протяжении веков претерпевают изменения смысла.

Это можно проследить, когда повторяют объяснение Забелина. Но исходя уже не из его представлений о неровности расстояния от стены, ограничивавшей Арбат XVI–XVIII вв., до стен Кремля, а из наблюдений о неровности рельефа этой местности. «Горбатость» местности к юго-западу от Кремля не такова, конечно, чтобы видеть здесь один из семи холмов, на которых стоит Москва. Но все-таки некоторая неровность, теперь почти не заметная для глаз после застройки зданиями

^{*} Причем именно в татарском произношении (как заверил меня крупнейший знаток памятников русско-татарских отношений видный казанский ученый М.А. Усманов. Беседа состоялась 14 декабря 1992 г.).

разной высоты, прежде еще просматривалась близ Арбатской площади, откуда начинался спуск к Кремлю, особенно по Знаменке. (Это отмечено в лучшем из путеводителей «По Москве» (1917), недавно переизданном.) В.М. Мешков полагает, что вершиной холма-«горба» — «горба Воздвиженки», по образному определению поэтов XX столетия, был «Остров» — место между Крестовоздвиженским и Староваганьковским переулками, откуда спуск и к Кремлю, и к Черторыху³⁶. Это и сейчас бросается в глаза при сравнении сторон Гоголевского бульвара — сторона с домами четной нумерации явно выше.

Да и сама современная улица Арбат не прямая, что придает ей особый уют, чего нет у длинных прямых улиц. И пока стояла на углу Серебряного переулка так укрывавшая Арбат колокольня церкви Николая Явленного, «кривизна» была явно ощутима и казалась особо привлекательной писателям и художникам, восхищенно наблюдавшим с поворота алый закат. Тем более что угол улицы в этом месте подчеркивался и выступающим на тротуар ампирным особняком (дом № 14; так называемый дом с привидениями), сгоревшим от попадания зажигательной бомбы в июле 1941 г.

Думается, однако, что попытка сближения слов «Орбат» (Арбат) и «горбат» — это образец народной географической этимологии, приспособляющей чужеродное слово к смыслу привычной родной речи и к визуально наблюдаемым явлениям. Так и в нашем столетии Галлипольский полуостров в европейской части Турции, куда поселили уехавших из Крыма в 1920 г. воинов русской Белой армии, довольно скоро превратился в русском разговорном обиходе в Голое поле.

Спор об истолковании названия московской улицы Арбат не закончен. Но ясно, что при появлении топонима «Арбат» его соотносили вначале не с одной только улицей, а с большей территорией Занеглименья перед Троицкими воротами Кремля, которая с годами меняла свои границы. Названию «Арбат» могли сопутствовать также другие наименования той же местности.

* * *

С Троицких ворот Кремля и соединенной мостом с его Троицкой башней отводной Кутафьей башни начинался западный луч Москвы. В наши дни привыкли к тому, что наиболее удобные направления путей из Москвы и в Москву закреплены в названиях вокзалов и шоссе (Курский, Казанский, Ярославский вокзалы, Минское, Рязанское шоссе). Тот же принцип еще прежде был отражен в наименованиях московских улиц (Тверская, Дмитровская, Калужская и др.). Но сами возможности передвижения были ограничены особенностями местных природных условий: лошадям (и торговых караванов, и военным) трудно было передвигаться в лесу, в овражистой или болотистой местности города «на семи холмах». Более удобны были районы песков (внимание к этому замечаем в стародавних наименованиях церквей и близлежащих мест: Николопесковские, Спасопесковские переулки в середине Арбата). Москву-реку конница относительно спокойно могла перейти лишь у Крымского брода. А лесистые сырые овраги Чертолья, Успенев овраг между нынешними улицами Никитской и Тверской, превращавшаяся в топь (особенно в половодье) часть сегодняшней Театральной площади были неприступными препятствиями. И потому-то именно Арбат стал военной дорогой. Этим путем

от Троицких ворот уходили на войну, этой дорогой возвращались с войны; и перед походами и после них служили молебен в храме Бориса и Глеба. Здесь пролегал путь и нападавших на Москву: в 1439 г. на месте нынешней Арбатской площади разбили войска хана казанского; в 1571 г. она видела крымских татар хана Девлет-Гирея, выжегших Москву. Свое стратегическое значение западная дорога сохраняла и после строительства стен Белого города: в годы польской интервенции с Арбатской площади войска, возглавляемые князем Пожарским, пошли в 1612 г. освобождать Кремль. Через двести лет тем же путем пройдут русские войска после Бородинского сражения, а затем конный авангард Мюрата, за ним Наполеон...

Занеглименье долгое время оставалось небезопасным в военном отношении. Родовые усадьбы знати располагались поближе к Кремлю, в пределах Белого города; дворцовые обслуживающие слободы теснились одна подле другой недалеко от городских стен. Стрелецкие же слободы — вдоль больших улиц и на периферии их, близ охраняющего их земляного вала. Причем больше всего стрелецких слобод было к западу от Кремля, так как дороги на восток считались в ту пору более мирными, и восточная часть Земляного города была жилым районом богатых людей (хотя и менее парадным, чем путь европейских посольств).

В XVI–XVII вв. Арбат — это кварталы поселений дворцовой обслуги (потому что эти части Москвы и включили в состав опричной территории царя Ивана), а затем стрельцов (фамилии их командиров до сих пор в уличных наименованиях — Зубовский, Левшинский, Каковинский). Еще в большей мере отражены в топонимии ремесленные занятия жителей: ближе к Кремлю — Кисловские переулки («кислошники» готовили для дворца кислую капусту, мочили яблоки, делали квасы); далее улица Поварская с переулками Столовым, Скатертным, Хлебным, Ножевым. Напоминают о царской охоте названия Собачья площадка, переулков Кречетниковского, возможно, Медвежьего; о конюхах — Староконюшенный, Остоженка (где заготавливали сено на приречных лугах), Власьевский (святой Влас — покровитель скота). Поблизости жили и мастера серебряного и денежного дела, плотники, о чем тоже узнаем из названий переулков и храма Николы в Плотниках (отсюда название переулка Никольский, позднее Плотников). Близ церкви Апостола Филиппа в Иконной слободе обитали «казенные» иконописцы. В XVII в. в районе современной улицы Арбат были и загородные садовые участки (пользуясь терминологией наших лет) знатных людей: у церкви Николы в Плотниках — владения Стрешневых, родственников царя Михаила Федоровича (женатого на Евдокии Стрешневой). В XVII в. нынешняя улица Арбат была настолько загромождена лавками, мелкими мастерскими, возами приезжих торговцев, что это казалось небезопасным и в пожарном, и в санитарном отношении. И кузницы, а также торговля сеном и мясом были выведены за границы Земляного города. Тогда надолго обретают особое значение Смоленский и Сенной рынки (по обеим сторонам современной Смоленской площади).

В XVI в., особенно в годы опричнины, иногда даже в XVII в. история Арбата в государственно-политическом плане обретала как бы индивидуальные черты. Но в социокультурном плане Арбату тогда еще не присущи были особенности, которые отличали бы его более или менее заметно от местностей, где сосредоточивались за границами (стенами) Белого города другие московские слободы. И потому

обобщенные в исследованиях ученых данные о каждодневной жизни московских посадских слобод допетровской Руси³⁷ можно отнести и к жителям Арбата. Отличия в образе жизни от других территорий разрастающегося города обнаруживаются с социальным возвышением Арбата, когда Москва стала, употребляя определение Пушкина, «порфиноносной вдовой». (Особенно после пожара 1736 г.)

Арбат решительно одворянился и соответственно стал средоточием бытовой культуры нового, западноевропейского образца. Точнее сказать, своеобразного совмещения такой культуры, прежде всего ее внешних признаков (архитектура зданий и их внутреннее убранство, одежда и манера прилюдного поведения, времяпрепровождение и круг чтения, иностранный язык в общении с подобными себе по социальному статусу и т.п.), и повседневных традиций укоренившегося крепостничества. Именно такой симбиоз характерен был для больших и малых усадеб Приарбатья. Новые черты повседневного образа жизни, сразу же становящиеся нормой в обживаемых дворянством кварталах строящейся новой столицы — Петербурга, в старой Москве в подобной степени концентрации более всего заметны были в местности между Остоженкой и Дмитровками, где сердцевиной станет та, которую с конца XVIII в. будут именовать Арбатской частью.

В XVII в. в Белом городе было много богатых усадеб знати. В годы правления молодого Петра I такого типа усадьбы стали заводить и в отдалении от Кремля — по дороге к селу Преображенскому и Немецкой слободе. Но именно в Занеглименье, между Остоженкой и Волхонкой, с одной стороны, и Тверской и Дмитровкой — с другой, владения «фамильных людей» находились буквально бок о бок: в районе Знаменки и Воздвиженки владения князей Голицыных, Долгоруковых, Трубецких, Волконских, Вяземских, Хованских, графов Шереметевых, Апраксиных, Толстых, еще ранее Нарышкиных и других именитейших фамилий.

С переводом столицы в Петербург дворцовые слободы утрачивают свои основные функции, и ремесленники покидают эти места. Дворянские же усадьбы со службами, жилищами для прислуги (обычно с огородом, садом) все в большей мере располагаются к западу от Кремля. Местность эту стала отличать особенно высокая степень социального однородства обывателей, т.е. постоянных местных жителей. Из этого не следует, конечно, что только дворяне были там землевладельцами и домовладельцами. Ими могли быть (или оставаться) священники, купцы, мещане. Но поселялись в принадлежащих таким собственникам домах обычно дворяне — на весь год или на часть его, особенно на зимний сезон московских балов. Собственных домов не имели ни родители Пушкина (часто менявшие московский адрес), ни бабушка Лермонтова (предпочитавшая район Молчановок и Поварской), ни семья Аксаковых.

Вехой в истории той местности Москвы, за которой позднее и закрепится представление об Арбате и соответственно об арбатском образе жизни, можно, пожалуй, признать грамоту 1762 г., освобождавшую дворян от обязательной службы. Второй важнейшей вехой допустимо считать уничтожение в 1861 г. крепостной зависимости крестьян. В течение столетия именно здесь сосредоточивается неслужившее (или отслужившее) дворянство, тяготеющее к своим «подмосковным» имениям в центральной России. Оттуда легче было доставлять припасы: жизнь в Москве была дешевле, чем в столице, а земли, близкие к Москве, более «хлебные»,

чем в северо-западных губерниях. В Москве оседали и столбовые дворяне, т.е. имеющие столбец генеалогического древа (род их был внесен в конце XVII в. в Бархатную книгу), и те, кто лишь недавно, согласно Табели о рангах, обрел дворянское достоинство, следовательно, и лица интеллигентских профессий — врачи, профессора университета, художники и др.

Если Петербург воспринимался как столица чиновной (и придворной) России, а Москва как столица помещицкой, неслужившей России, то сердцем и духовным средоточием такой России постепенно становилась вот эта местность дворянских усадеб и собраний, и это особенно четко выразилось при разделении Москвы на кварталы, когда стали заметны их особенности.

В 1782 г., незадолго до сноса стен Белого города, для наблюдения за порядком территория Москвы была разделена на полицейские части, а те, в свою очередь, на кварталы (отсюда и знакомые по литературе частные приставы и квартальные надзиратели). Московские адресные календари XIX в. указывают в качестве ориентиров названия бульваров, но установленные в XVIII в. официальные границы частей в основном сохраняются.

Части, получившие названия Арбатской и Пречистенской, — это территория Земляного города в межбульварье, т.е. между бульварным кольцом на месте стен Белого города (с конца XVIII – начала XIX в.) и бульварами, возникшими в 1830-х гг. на месте земляного вала (так называемое Садовое кольцо). Границы Арбатской части простирались от Арбатских ворот до Тверских, с одной стороны, и от Смоленского рынка за Кудрино (т.е. до пересечения Тверской улицы с Садовым кольцом) — с другой. В кварталах Арбатской части — улицы и переулки лишь по одну сторону Арбата.

Все переулки по другую сторону улицы Арбат были отнесены к Пречистенской части, границы которой шли от Пречистенского (Гоголевского) бульвара и Пречистенских ворот по Остоженке с переулками до Крымского моста, а оттуда до Смоленского рынка (т.е. по линии будущих Зубовского и Смоленского бульваров). А в начале XX в., судя по книгам «Вся Москва», не только храм, стоявший на нечетной стороне улицы Арбат, — церковь Святого Николая, что в Плотниках, был отнесен к Пречистенской части, но даже и территории Спасопесковского переулка, Собачьей площадки, Серебряного переулка.

Официально Приарбатье с его улицами и переулками оказалось разделенным и находилось в ведении разных частных приставов. Но в общественном сознании и в просторечии, а следовательно, и в литературе, рассчитанной на восприятие широкой публикой, кварталы Приарбатья представлялись включенными в некое характерное для Москвы социокультурное единство, разнящееся вместе с тем от всех остальных регионов города.

Ядром ареала подобной общности мыслились улицы и переулки с обеих сторон улицы Арбат, по которой проходила прямая дорога из Кремля, а затем, с начала XX в., и путь к вокзалу (его сперва называли Брянским, а с 1934 г. Киевским). Причем, когда сложились представления о характерных чертах этого ареала, некоторые кварталы, формально входившие в Арбатскую часть, перестают восприниматься как относящиеся к нему. Так, уже не вписывался в укоренившийся в сознании образ Арбата район Бронных с разночинным населением, студенческими зем-

лячествами предреволюционных лет^{*}, а в советские годы облюбованный как место обитания правительственной элиты. В то же время как арбатская периферия, а по существу, и принадлежность Арбата рассматривались некоторые кварталы Тверской части (переулки близ Воздвиженки, Знаменки и Волхонки — сначала с обширными дворянскими усадьбами, а затем с многоквартирными домами профессуры) и близлежащие места к западу от Садового кольца — у Зубовского и Смоленского бульваров, включая переулки Плющихи.

Арбат сохранял (да, пожалуй, и по сей день сохраняет) своеобразную независимость от официального районирования и как бы плавающие ограничительные линии своей территории. Родившемуся в Таганроге и переехавшему в Москву после окончания гимназии А.П. Чехову «одной из самых глухих местностей Арбата» мыслилась окраина не Арбатской, а Пречистенской части (к тому же наиболее отдаленная от улицы Арбат, т.е. границы Арбатской части); в рассказе «Страшная ночь» (1884) он пишет о переулках Мертвом и Могильцевских возле церкви Успения на Могильцах³⁹. Но и для родившегося в 1880 г. в доме на углу Арбата и Денежного переулка сына профессора математики Н.В. Бугаева, ставшего писателем Андреем Белым, «кривые переулки» Арбата, тоже прежде всего в Пречистенской части, и места детского знакомства с миром Арбата не ограничиваются территорией части, носящей название Арбатской: «...чуялось — там океан опоясывает, ограничивая “нашу” площадь: Арбат, Поварскую, Собачью площадку, Толстовский, Новинский, Смоленский, Пречистенку; домики, что над бульваром; и снова Арбат; круг — смыкался: арбатцы свершали свои путешествия в круте, прогуливаясь на бульваре Пречистенском и возвращаясь Сивцевым Вражком домой: на Арбат»⁴⁰.

Площадь Арбата, с которой знакомила няня меня в 1920-е гг., та же, что и у мальчика Бори Бугаева в 1880-е гг.: и Пушкинский сквер-«кружок», и зелень за церковной оградой соседнего с ним храма Спаса Преображения на Песках казались такими же арбатскими местами прогулок, игр, чтения, как по другую сторону улицы Арбат — Гоголевский бульвар, сквер у храма Христа Спасителя и Сивцев Вражек. И именно не сама улица, шумная и небезопасная, с трамваями, автомобилями, извозчиками, а переулочье. Это раздумчиво и ясно выразил Б. Окуджава в статье 1981 г.: «...Арбат — хитросплетение переулков и улочек, дворов и сквериков, где бабушки выгуливали нас то по весенней травке, то по зимнему снежку; хитросплетение заученных дорожек и извилистых мостовых... Все это, примыкающее к улице Арбат, и есть Арбат...»⁴¹

На рубеже XIX и XX столетий границами местности межбульварья, которую принято было считать Арбатом, представлялись, с одной стороны, Спиридоньевка (Спиридоновка) или даже Никитские, а с другой — Остоженка и первые дома переулков, отходящих от нее к Москве-реке. В тех же примерно границах воспринимался Арбат и в первые два советских десятилетия.

Таким образом, наблюдается несоответствие, подчас даже несовместимость за действованных воображением и вошедших в обиход нашей культуры представле-

^{*} Сосед Бугаевых по дому № 55 на Арбате, профессор-экономист и академик И.И. Янжул, вспоминая в начале XX в. свое студенческое время середины 1860-х гг., писал о «студенческом квартале на Патриарших прудах», где «тогда большей частью проживала вместе с цыганами студенческая беднота»³⁸.

ний об Арбате как социокультурном ареале и понятий об официальных границах местности (квартала, тем более улицы), формально установленных законодательным порядком.

Однако знаменательно, что формировавшееся представление о подобном социокультурном единстве и своеобразии определенного региона Москвы обозначалось словом «Арбат». Топоним получает особое историческое и социокультурное осмысление, становится не только географическим понятием, а знаком культуры.

Распространение наименования Арбат на большую местность, чем одноименная улица и даже территория полицейской части с таким именем, происходило тем легче, что короткий и звучный топоним этот отличается от других и в самой Москве и в иных городах* и уж тем самым хорошо запоминается; помогало и то, что его происхождение трудно объяснить привычным путем, исходя из наименований храмов или фамилий землевладельцев, направлений дорог в другие земли и города, природных примет или основных занятий жителей. Помогала и уникальная топонимическая устойчивость даже в советское время, когда все остальные большие улицы межбульварья изменили наименования: Тверская получила имя Горького, Спиридоновка — Алексея Толстого, Малая Никитская — Качалова, Большая Никитская — Герцена, Поварская — Воровского, Пречистенка — Кропоткина, а Остоженку стали называть Метростроевской. Все это способствовало закреплению понятий об Арбате как об отличительной особенности и московской топонимической лексики, и московской жизни, восприятию этих кварталов Москвы — и самими москвичами, а затем и другими россиянами — как социокультурного (а позднее и историко-культурного) феномена — и уникального и в то же время типологического.

Навязчиво подчеркиваю определяющую терминологию — «социокультурный» потому, что именно это обусловило представление об Арбате как историко-культурном феномене. Особенности жизненного уклада-бытия Арбата на протяжении более чем столетия предуготовили к рубежу XIX и XX вв. понимание его своеобразного места в истории культуры и прошлого и настоящего во взаимосвязи времен, что нашло отражение и в литературном образе Арбата.

Арбат послепожарный, т.е. восстановленный после пожара в войну 1812 г., воспринимался как аристократическое Сен-Жерменское предместье (подобно парижскому) — так определил, опираясь на литературу и устную традицию, район Староконюшенной уроженец этих мест князь П.А. Кропоткин, вспоминая в мемуарах начала 1890-х гг. предреформенные годы. А известный юрист и общественный деятель пореформенных десятилетий, близкий знакомый Л.Н. Толстого Н.В. Давыдов в мемуарах, написанных в начале XX столетия, тот же самый район переулков охарактеризовал как место средоточия «московской интеллигентской обывательщины». (Понятно, что слово «обыватель» употреблено в его буквальном и тогда общепринятом, хотя ныне и устаревшем, понимании: «постоянный житель какой-либо местности».)

* Ю.А. Федосюк справедливо заметил: «Если вы скажете: “Я живу на Арбате”, уже не надо добавлять: “...в Москве”». Показательны и наблюдения Г.П. Смолицкой и М.В. Горбаневского — авторов книги «Топонимия Москвы»: «...поистине можно сказать, что Москва так же немислима без Арбата, как и Арбат без Москвы!»⁴²

Понятие о «мире Арбата» закреплялось у вступивших в литературу в начале XX в. В воспоминаниях вынужденного покинуть Россию в 1922 г. писателя Б. Зайцева встает образ прежде всего «дворянско-интеллигентско-литературного» Арбата. Таким символом остался Арбат и у нескольких поколений советских людей. Им особо привлекательными казались именно традиции уклада арбатской жизни, что явственно выражено в творчестве Б. Окуджавы — в стихотворениях, художественной прозе, публицистике. В интервью 8 октября 1983 г. для польского еженедельника «Политика» он формулирует: «...для моего поколения Арбат — это, прежде всего, символ, идея, средоточие московской истории...»⁴³

В то же время в советской художественной литературе — и в прозе и в поэзии — Арбат еще в большей мере, чем прежде, избирался фокусом изображения важнейших и многообразных явлений (и позитивных и негативных), характерных для страны в целом и особенно отображающих соотношение и противостояние нового и прежнего в нашей жизни, в первую очередь в среде интеллигенции: в произведениях А.Н. Толстого, Андрея Белого, И. Ильфа и Е. Петрова, С. Кржижановского, Я. Голосовкера, М. Булгакова, Б. Пастернака, В. Луговского, позднее А. Рыбакова, А. Арбузова, Б. Окуджавы, Н. Глазкова, Б. Ямпольского и многих других. И даже когда, примерно в 1950-е гг., прежний образ арбатской жизни был основательно разрушен, и не только на Арбате, но на всей земле оставалось все меньше людей, воплощавших традиционные для российской ментальности представления о преемственности культуры и нравственного поведения, Арбат по-прежнему мыслился островком живучести этих традиций. Более того, утверждался миф о неистребимости «арбатства».

Питательной средой для подобных понятий об Арбате становился и все увеличивавшийся объем информации о славном прошлом Арбата, о выдающихся обитателях Арбата и об арбатской теме в литературе России*. Богатую информацию такого рода содержит книга «Литературные экскурсии по Москве» (М., 1948), особенно очерк Н.П. Анциферова «Литературная Москва 30–40-х годов XIX века». Велико значение новаторского труда Б.С. Земенкова «Памятные места Москвы: страницы жизни деятелей науки и культуры» (М., 1959), снабженного к тому же указателями имен, учреждений и организаций, топографическим указателем. Позднее были изданы путеводители Ю.А. Федосюка «Бульварное кольцо» (1972), «Москва в кольце Садовых» (первое издание в 1983 г., второе — в 1991 г.), К.В. Стародуб, В.В. Емельяновой, И.В. Краусовой «От Кремля до Садовых» (1984), тех же авторов — «Я люблю этот город вязевый...», путеводитель по литературным местам Москвы (1990), С.К. Романюка «Из истории московских переулков» (1988); беллетризованные очерки Л.Е. Колодного «Края Москвы» (1985), «Хождение в Москву» (1990); книжки серии «Биография московского дома»**, многие главы и пре-

* Для второго выпуска «Арбатского архива» В.М. Мешковым подготовлен обзор послевоенной литературы об Арбате. Интересные сведения об этом можно извлечь и из книги того же автора «Открытие Москвы: путеводитель по книгам» (изд. «Книжная палата». М., 1992).

** К сожалению, запланированные издания этой серии перестали выходить; грустно, что в издательстве «Московский рабочий» после ухода оттуда Д.В. Евдокимова утрачивается просветительская традиция печатания литературы по москвоведению и вообще краеведению.

дисловия в других книгах, журнальные и газетные статьи. Непреходящее значение сохраняют справочного характера материалы старейшего москвовед В.В. Сорокина «Памятные места Старого Арбата», напечатанные в журнале «Наука и жизнь» (№ 7 и 8 за 1985 г.)⁴⁴. В канун юбилея Арбата, в 1992 г., вышли из печати основанные на изучении разнообразных печатных и архивных материалов книга И.А. Желваковой «Тогда... в Сивцевом (Прогулки по Сивцеву Вражку и воображаемые путешествия в прошлое старого московского переулка)» и путеводитель «Арбат» моей однофамилицы О. Шмидт (благодаря которому я познакомился с Ольгой Рудольфовной). В 1994 г. вышел ее путеводитель «Пречистенка. Остоженка»⁴⁵. В 1993 г. издана книга И.И. Левина⁴⁶ «Арбат — один километр России»^{*}.

Все это закрепляет представление и о редком богатстве, и о непрерывности арбатской культурной традиции. Такого обилия памятных имен нет, пожалуй, в других местностях Москвы. Перекрестие, смешение эпох, судеб житейских и творческих, направлений общественного познания, художественной образности, научной мысли! Переплетение — подчас самое причудливое — нитей дальнейших исследовательских поисков! Открываются пути многообразнейших и иногда неожиданных ассоциаций. Все это поражает даже при самом беглом обзоре.

* * *

Избирательно остановимся лишь на некоторых примерах. Начать можно с нынешней Арбатской площади, местности, упомянутой в летописи еще пятьсот лет назад. С тех пор она знала события, связанные с именами Ивана III и Ивана Грозного, князя Пожарского (среди офицеров его войска был Лермонт — предок великого москвича М.Ю. Лермонтова), Петра Великого. Но ограничимся, и в данном случае и в дальнейшем, примерами последних двух столетий.

Сейчас, после всех реконструкций, с места, где стоял порушенный храм Бориса и Глеба, открывается обзор во все стороны. И сразу же приходят на память самые многообразные (и, конечно же, разномасштабные) исторические имена и факты из разных эпох и разных сфер культуры и напоминания из художественной литературы — тоже разных периодов времени.

Не станем ограничиваться только общеизвестными именами. История культуры — это не гряда вершин, которая остается видной из дали последующих столетий. Для познания климата, и особенно микроклимата, культуры необходимо последовательно изучать и менее масштабные факты, но типичные для той или иной эпохи и немало значившие для их современников. Эффективность развития науки, литературы, искусства и тем более распространения представлений о них в широких общественных кругах определяется отнюдь не одними выдающимися и памятными в веках творениями.

Пойдем, как в экспозиции музеев, по часовой стрелке. По направлению к Кремлю открывается вид на дом № 9** на углу Воздвиженки и Крестовоздвиженского переулка, получившего название от монастыря, монахи которого в середине

* О большинстве названных авторов сведения в кн.: Москвоведы: справочник о краеведах, обществах и научных учреждениях. М., 1995.

** Нумерация домов указывается согласно нынешнему расположению.

XV в. отражали на Арбатской площади нападение войска казанских татар. Этот построенный в XVIII в. и не раз перестраивавшийся дом некогда принадлежал деду Л.Н. Толстого по матери, князю Н.С. Волконскому; он описан в «Войне и мире» как дом Болконских («старый мрачный дом на Воздвиженке»). В 1858 г. молодой писатель встретил там на балу, который давали домовладельцы тех лет Рюмины, княжну Прасковью Щербатову, внешний облик которой запечатлен в прообразе Кити Щербацкой в «Анне Карениной». Прасковья Сергеевна вышла замуж за графа А.С. Уварова — археолога и коллекционера, основателя Исторического музея (и сына министра просвещения пушкинских времен), и, овдовев, продолжала начатую совместно с мужем деятельность — стала председателем Московского археологического общества, организатором Всероссийских археологических съездов, председателем общества «Старая Москва», в 1894 г. была избрана почетным членом Академии наук (умерла в эмиграции в Югославии в 1924 г.).

В советские годы в здании этом помещались различные учреждения, в их числе Агитпроп ЦК РКП(б), редакции газет и журналов, редакции покровительствуемых М. Горьким изданий: «История фабрик и заводов» (где заведующим секретариатом редакции стал Леопольд Авербах, бывший прежде руководителем РАПП — Российской ассоциации пролетарских писателей*) и «История Гражданской войны» (там руководящую роль играл историк И.И. Минц и формировалась его научная школа), а затем «История Великой Отечественной войны». Ныне в здании расположена Комиссия по делам ЮНЕСКО.

Ближе к площади находились дома, пострадавшие от фашистской бомбы и теперь снесенные, — там теперь сквер. В доме № 11 — последнее местожительство семьи Карамзиных до переезда историографа в 1816 г. в Петербург. Николай Михайлович Карамзин и прежде, в 1804–1810 гг., жил недалеко, в доме № 5 по Большому Знаменскому переулку, принадлежавшем князю Вяземскому (он женился на сестре писателя П.А. Вяземского Екатерине Андреевне). Когда Карамзин «постригся в историки», в 1803 г., он был самым популярным писателем России, сочинения его переводились на иностранные языки. Великий писатель и историк, реформатор русского литературного языка, он очень много сделал и для возвышения Москвы в сфере развития культуры и общественного сознания, и для изучения прошлого Москвы и определения ее места во всемирной истории. Основанный им «Московский журнал» (1791–1792) — первый в России литературный журнал, рассчитанный на широкий круг читателей (и что особенно важно, впервые и на читательниц) и в то же время публиковавший рецензии на новые издания. (Большой успех вызвало его переиздание в 1801–1802 гг.) Другой, основанный им в 1802 г., журнал «Вестник Европы» был первым в России литературно-политическим журналом.

* Ознакомление с деятельностью Л.Л. Авербаха (1903–1937) было бы интересно в плане истории и литературы, а также общественно-политической жизни первых двух десятилетий советской власти. Авербах — и виднейший из молодых троцкистов, и племянник Я.М. Свердлова (а следовательно, и усыновленного М. Горьким Зиновия Пешкова, ставшего затем французским генералом), и брат жены Г.Г. Ягоды, и муж дочери В.Д. Бонч-Бруевича, управляющего делами Совнаркома при Ленине, а затем основателя Литературного музея, много сделавшего для сохранения письменных и изобразительных материалов и по истории Приарбатья.

Именно в этих журналах опубликованы всемирно прославившие Карамзина «Бедная Лиза» и «Письма русского путешественника» и другие его прозаические и стихотворные сочинения. На Воздвиженке и в подмосковном имении Вяземских Остафьево Карамзин писал и отшлифовывал для печати первые восемь томов своей «Истории государства Российского» — великого памятника и художественной литературы, и исторической мысли, и готовил девятый том. Девятый том посвящен второй — зловещей для истории — половине правления Ивана Грозного, времени опричнины (а Опричный двор находился как раз на Арбате XVI столетия). Широко известны слова Пушкина об огромном впечатлении, произведенном изданными одновременно в 1818 г. восемью томами — «пример единственный в нашей земле... Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили». Еще больший резонанс произвел вышедший в 1821 г. девятый том. Декабрист В.И. Штейнгель (в ту пору руководивший строительством Москвы после пожара 1812 г. и построивший для себя замечательного изящества дом в Гагаринском переулке — ныне дом № 14) вспоминал: «Явился феномен, небывалый в России, девятый том “Истории государства Российского”, смелыми чертами изобразивший все ужасы неограниченного самовластия и одного из великих царей открыто именовавший тираном, какого подобных мало представляет история»⁴⁷.

В доме № 11 жил в 1893–1894 гг. в меблированных комнатах молодой композитор С.В. Рахманинов, написавший перед тем оперу «Алеко». На стене многоквартирного дома № 13 по Воздвиженке была доска, напоминавшая о том, что в январе 1894 г. в одной из квартир на нелегальном собрании выступал с критикой взглядов народника В.В. (Воронцова) молодой Владимир Ильич Ульянов, — именно после того о нем и в Москве заговорили как о восходящей звезде нарождавшегося российского марксизма. Дом этот в начале XX в. принадлежал коммерсантам братьям Арманд. Из этой семьи Инесса Арманд (жена — последовательно — двух из братьев), впоследствии знаменитая революционерка, друг В.И. Ленина.

В этом доме первоначально помещалась Московская консерватория (с 1866 г.). На торжественном открытии Консерватории собралась «вся Москва», П.И. Чайковский в речи своей заявил, что «первой музыкой» там должна быть музыка Глинки, и сыграл увертюру из «Руслана и Людмилы». Здесь происходили не только концерты: в 1867 г. был устроен торжественный обед в честь великого французского композитора Г. Берлиоза, на котором выступал с взволнованной речью П.И. Чайковский. Основатель и первый директор Консерватории Николай Григорьевич Рубинштейн жил в квартире флигеля дома, имевшего через пробитую стену прямой ход в один из музыкальных классов. Постоянные посещения преподавателей и учащихся стали помехой творческим занятиям знаменитого пианиста-виртуоза, и он переехал неподалеку, в дом № 14 по Знаменке. У Рубинштейна останавливался прославленный польский скрипач и композитор Генрик Венявский. У него жили и Чайковский (близкий друг, посвятивший затем ему трио «Памяти великого артиста»), и преподававший теорию музыки видный музыкальный критик Г.А. Ларош. Бывавший в гостях у Чайковского (в этой и других квартирах) композитор М.А. Балакирев полушуточно советовал ему, прежде чем сочинять музыку, «вперед воспламениться планом. Тогда вооружитесь мокроступами (калошами. — С.Ш.) и палкой,

отправляйтесь шествовать бульварами, начиная с Никитского (т.е. с Арбатской площади. — С.Ш.), проникайтесь Вашим планом; и я убежден, что, не доходя до Сретенского бульвара, у Вас уже будет какая-нибудь тема или какой-нибудь эпизод». Московвед Ю.А. Федосюк полагает, что в этом отрывке, по всей вероятности, упомянут привычный маршрут совместных прогулок обоих композиторов⁴⁸. Последним домом по Воздвиженке — под № 15 — числился храм Бориса и Глеба. О церковной службе там напоминают стихи Бориса Пастернака.

Кинотеатр на самой Арбатской площади построили в 1909 г., первоначально принадлежал он знаменитому кинопредпринимателю А.А. Ханжонкову и назывался «Электротеатр». Здание кинотеатра «Художественный» перестроено в 1913 г. по проекту Ф.О. Шехтеля. К творчеству этого классика российской архитектуры времени господства стиля модерн сейчас наблюдается все возрастающий интерес. По его же проектам построены в Приарбатье особняки знаменитого С.Т. Морозова на улице Спиридоньевке (дом 17), ныне дом приемов Министерства иностранных дел, и Ст. Рябушинского на Малой Никитской улице⁴⁹ (д. 2, Музей-квартира Максима Горького)*. В мае 1917 г. в зале кинотеатра происходила общегородская конференция большевиков**, в дни октябрьских боев юнкера содержали там пленных красногвардейцев. В 1931 г. в зале кинотеатра показали впервые звуковой фильм «Путевка в жизнь» режиссера Н.В. Экка, а пять лет спустя — первый советский цветной фильм «Соловей-соловушка» (или «Груня Корнакова») того же режиссера, в котором упоительно танцевала танго игравшая роль жены фабриканта красавица актриса Г.А. Егорова (арестованная вскоре супруга маршала А.И. Егорова). В 1954 г. там демонстрировали первый широкоэкранный фильм. В фойе в 1930-е гг. выступали выдающиеся мастера эстрады — певцы, музыканты. Осенью 1993 г. в связи с юбилеем Арбата там была фотовыставка.

На Арбатской площади перед нынешним зданием метро в начале века стоял собственный дом виднейшего московского врача-терапевта, организатора системы научного изучения клинических больных, профессора и любимца студентов университета Алексея Александровича Остроумова, именем которого названа московская больница № 33 (бывшая Бахрушинская). Когда он по болезни вышел в отставку, студенты, встречавшие его обычно овациями в Татьянин день и заставлявшие произносить речь (чего он, по его словам, не любил), в своем адресе называли Остроумова «другом учащейся молодежи». Об этом врачи говорили, что он покорял больных способностью становиться чуть ли не родным для них человеком. Возможно, что в том же не существующем теперь доме (во всяком случае, в доме на Арбатской площади) жил в 1903–1909 гг. композитор, дирижер и известный общественный деятель Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов. Он был директором Консерватории, музыкальным руководителем частной оперы Зимина, учите-

* В первые послереволюционные годы там помещался Госиздат (а следовательно, и кабинеты его руководителей В.В. Воровского, Н.Л. Мещерякова, О.Ю. Шмидта), затем детский дом-лаборатория «детей Кремля» (среди них и Вася Сталин), позднее квартира М. Горького. Там не раз бывали И.В. Сталин с соратниками (что запечатлено и в произведениях изобразительного искусства).

** В книге О. Шмидт «Арбат» (с. 10) неверно указано, что на конференции выступал В.И. Ленин — он находился в те дни в Петрограде.

лем многих композиторов, пропагандистом русской музыки. В советские годы одним из первых удостоен звания народного артиста. Супруга его — певица и педагог Варвара Михайловна Зарудная-Иванова.

На углу Знаменки и Гоголевского бульвара — перестроенный дворец графов Апраксиных, где в конце XVIII – начале XIX в. шли театральные представления, устраивались приемы в честь приезжавших в Москву императоров. О богачах Апраксиных говорила вся Москва: все, связанное с ними, — повторяющаяся тема разговоров визитеров графини Ростово́й в Ната́льин день в «Войне и мире» (а Л.Н. Толстой очень основательно был знаком с обычаями высшего московского общества!).

В дни нашествия наполеоновской армии в доме проживал служивший в интендантстве французский офицер Анри Бейль (в будущем великий писатель Стендаль). После 1812 г. это был самый гостеприимный дом Москвы; там возродился театр (1814–1818 гг.). Во время представления оперы «Диана и Эндимион» слышали лай охотничьих собак за сценой, гремели охотничьи рога, по сцене бегали живые олени. Особо популярен был дивертисмент «Праздник в стане союзных войск» с солдатскими песнями. «На театре» Апраксина выступали и императорские актеры, и итальянская опера, пел замечательный тенор Булахов — отец композитора. «В доме, — пишет автор «Старой Москвы» М.И. Пыляев, — бывали литературные вечера и чтения, концерты и так называемые благородные или любительские спектакли». Среди любителей выделялись заведующий русской сценой Ф.Ф. Кокошкин и заведующий французской сценой Алексей Михайлович Пушкин, родственник великого поэта. В помещении театра Апраксина в трагедии Озерова «Эдип в Афинах» 4 сентября 1817 г. дебютировал великий трагик П.С. Мочалов — по словам мемуариста, «вбежал первый раз на сцену... играл великолепно, рукоплескания не прерывались, триумф был полный»⁵⁰.

После смерти расточительного отца обремененный долгами сын (воспитывавшийся у петербургской бабушки по матери, властной княгини Н.П. Голицыной — «princesse Moustache» («усатой княгини»), ставшей прообразом пушкинской Пиковой дамы) вынужден был продать дом в казну — первоначально там был сиротский институт детей военных, погибших от холеры, а затем, с конца XIX в., Александровское военное училище. Среди его преподавателей выделялся математик генерал Е.М. Пржевальский*, «Таблицами логарифмов» которого пользовались еще и советские школьники. В начале XX в. в казенной квартире начальника училища проживал его сын-студент — ученик В.И. Вернадского, будущий знаменитый геолог и геохимик, популяризатор научных знаний, академик А.Е. Ферсман. В 1886–1887 гг. там учился виднейший москвове́д Петр Николаевич Миллер, которого называли душой общества «Старая Москва», автор множества трудов о прошлом Москвы, организатор в 1920-е гг. выставок археологических находок «Московский мусор»⁵¹. В 1888–1889 гг. в училище учился писатель А.И. Куприн. Когда он в 1889 г. дебютировал в литературе, его арестовали на несколько суток, так как юнкера не

* Домовладение его брата, известного тогда правозащитника В.М. Пржевальского, расположено было там, где нынешний д. 23 на Арбате. У него останавливался и третий брат — всемирно прославленный путешественник, исследователь природы Азии Н.М. Пржевальский.

смели, не испросив разрешения начальства, выступать в печати. (Вступление на литературный путь описано затем в рассказе «Первенец».) В созданном уже в эмигрантские годы романе «Юнкера» Куприн с тоскою вспоминает именно эту местность: «И вся эта молчаливая, тупая скорбь о том, что уже не плачешь во сне и не видишь в мечте ни Знаменской площади, ни Арбата, ни Поварской, ни Москвы, ни России». Позднее юнкерами Александровского военного училища были видные советские военачальники С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, актер Б.В. Щукин.

В октябрьские дни 1917 г. здесь находился один из главных пунктов сопротивления большевикам. В советские годы в здании разместились руководящие органы вооруженных сил. В 1920-е гг. его называли зданием Реввоенсовета, руководителями которого были Л.Д. Троцкий, М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилов... Там в 1923 г. высшие военачальники позировали петроградскому портретисту Юрию Анненкову, широко известному своими острохарактерными иллюстрациями к «Двенадцати» А. Блока. В книге воспоминаний вскоре эмигрировавшего за границу художника подробно описывается здание, приемная и кабинет Троцкого, его внешность (крепкий, энергичный). Троцкий сразу заговорил о том, что в искусстве живописи нет пафоса революции. Анненков возразил, сказав, что революция в искусстве есть прежде всего революция его форм выражения. Тот ответил: «Вы правы, но это — революция местная, революция самого искусства, и притом очень замкнутая, недоступная широкому зрителю. Я же говорю об отражении общей, человеческой революции в так называемом “изобразительном” искусстве, которое существует тысячелетия. “Тайная вечеря” — есть, “Распятие” — есть, даже — “Страшный суд” есть, да еще какой: микеланджеловский!» Особенно впечатляющим казался портрет заместителя Троцкого Э.М. Склянского — в кабинете у письменного стола, на фоне карты, воспроизведенный затем в статье об Анненкове в первом издании Большой советской энциклопедии. А.В. Луначарский писал о нем: «Портрет доведен при большом внешнем сходстве почти до абстрактной формы — вот вам центральный агент революционного государства»⁵².

Перед этим зданием был поворот с улицы Арбат на дорогу к Боровицким воротам Кремля. И когда ехали Сталин «со товарищи», шуршание асфальта от проносившихся на большой скорости машин слышалось на значительном расстоянии. О Сталине на Арбате читаем в стихотворении Бориса Слуцкого «Бог»:

Мы все ходили под богом,
У бога под самым боком.
Он жил не в небесной дали,
Его иногда видали...
<...>
Однажды я шел Арбатом,
Бог ехал в пяти машинах...⁵³

В торце бульвара в 1808 г. воздвигли, по проекту только еще входившего в славу молодого зодчего К. Росси, деревянное здание театра с колоннадой. На его сцене выступали актеры, как русские (супруги Сандуновы, Плавильщиков, крупнейшая трагическая актриса начала XIX в. Екатерина Семенова), так и французские —

среди них популярная трагическая актриса мадемуазель Жорж. При открытии театра в апреле 1808 г. поставили пьесу С.Н. Глинки «Боян — русский песнопевец», с хорами и балетами. Е. Семенова прославилась в патриотических драмах В.А. Озерова, напомним строки из «Евгения Онегина»: «Там Озеров невольню дани / Народных слез, рукоплесканий / С младой Семеновой делил...» В соревновании с Жорж в исполнении ролей классического европейского репертуара москвичи отдавали предпочтение Семеновой. В декабре 1809 г. театр посетил Александр I. В 1812 г. театр стал одной из первых жертв пожара.

До XVIII в. с Арбатской площади открывался вид на всю ширь Кремля; с застройкой дворцами улиц и переулочья между Никитской и Волхонкой остались видны только кремлевские башни. Но через Арбатскую площадь по-прежнему шел путь к Кремлю, а следовательно, и дорога прогуливавшихся детей, для которых она становилась границей архитектурных представлений. На Арбате и в его переулочье преобладали небольшие дома, в Белом городе — постройки дворцового типа (о них восхищенно писал Стендаль). И это отражено в «Воспоминаниях о Царском Селе», первом стихотворении, напечатанном за подписью А. Пушкина (в 1815 г.). Он пишет о послепожарной Москве:

Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни:
Москва, сколь русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Все пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей...

Мимо этих «чертогов» по Знаменке или Воздвиженке направлялся мальчик Александр Пушкин с верным своим дядькой Никитой Тимофеевичем Козловым (в какой-то мере прототип Савельича из «Капитанской дочки») к саду Пашкова дома и к Кремлю. Той же дорогой через 10–12 лет ходили к Кремлю и мальчики Лермонтов и Герцен, позднее Лев Толстой и Михаил Салтыков (Н. Щедрин), и показательно, что тема первых сочинений некоторых из них — Кремль, его слава.

Тихую и сонную площадь конца 1830-х гг. Л. Толстой опишет в повести «Отрочество», а революционные события декабря 1905 г. в этом районе запечатлятся в романе «Жизнь Клима Самгина» М. Горького.

Весной 1909 г., к столетию со дня рождения Гоголя, в торце бульвара был поставлен памятник писателю работы Н.А. Андреева (мастерская скульптора и рисовальщика находилась в Большом Афанасьевском переулке, в доме № 27, что отмечено памятной доской). Установке памятника предшествовал конкурс (проекты демонстрировались в саду дома художника-коллекционера И.С. Остроухова в Трубниковском переулке), широко собирались средства. К открытию монумента подготовили программы научных заседаний, спектаклей, концертов. На сохранившихся фотографиях Арбатская площадь буквально заполнена людьми*.

* События тех дней описаны и в воспоминаниях Б.К. Зайцева 1931 г. «Гоголь на Пречистенском».

На пьедестале памятника — барельеф, изображавший героев гоголевских произведений — от ранних до «Мертвых душ». Для фигуры Тараса Бульбы Андрееву позировал В.А. Гиляровский, король московских репортеров, «дядюшка Гиляй», тогда постоянно писавший о событиях и бытовых особенностях московской жизни, позже запечатлевший их в книге воспоминаний «Москва и москвичи».

Памятник изображал Гоголя именно тех мучительных для писателя лет, когда жилищем его был дом на другой стороне Арбатской площади (ныне дом № 7а по Никитскому бульвару; памятная доска сообщает о месте и дате кончины писателя). Памятник сразу же вызвал разноречивые оценки, правда, более в идейном, чем в художественно-изобразительном плане. Илья Репин, смотревший на него, конечно, прежде всего глазами художника и психолога-портретиста, оценил его очень высоко: «Трогательно, глубоко и необыкновенно изящно и просто. Какой поворот головы! Сколько страдания в этом мученике за грехи России!» Захотел увидеть памятник и Л.Н. Толстой, впервые после отъезда в 1901 г. в Ясную Поляну снова оказавшийся в Москве вечером 2 сентября 1909 г.* Уже утром следующего дня он по дороге на Брянский вокзал (откуда отправлялся в подмосковное имение у станции Крекшино, где жил В.Г. Чертков, которому запретили тогда въезд в Тульскую губернию) останавливается на Арбатской площади, внимательно осматривает памятник и говорит: «Мне нравится — очень значительное лицо» (по дневниковой записи пианиста А.Б. Гольденвейзера)⁵⁵.

Этот с детства хорошо памятный пожилым арбатцам памятник, изображавший сидящего в грустной согбенной позе мыслителя, установленный на особой площадке, украшенной четырьмя фонарями со львами у подножия их, в 1952 г., к столетней годовщине со дня кончины Гоголя, заменили другим, гораздо менее выразительным, работы скульптора Н.В. Томского, но зато явно более отвечающим понятиям о «социалистическом реализме» и о том, каким должен видеться советским людям классик литературы прошлого века, с надписью: «От правительства Советского Союза». В книге П.В. Сытина о московских улицах, изданной в 1952 г., в угоду официальному толкованию написано, что если на памятнике 1909 г. Гоголь изображен «большим физически и нравственно», то на новом памятнике — «во весь рост, в полном расцвете сил»⁵⁶.

Прежний монумент отправили сначала на кладбище отставленных скульптур в Донской монастырь (там уже были барельефы снесенного храма Христа Спасителя) и лишь в 1959 г. вернули на Арбатскую площадь, но уже в скверик у дома, где провел последние четыре года жизни и 12 февраля 1852 г. скончался Гоголь. Взаимодействие событий общественно-политической и культурной жизни, как и подчинение их вкусам одного властелина, здесь зримо очевидно! Недаром на заре «оттепели» этот эпизод послужил поводом публичного фрондирования московской интеллигенции. На одном из капустников архитекторов показывали московские памятники писателям в рост — Пушкину, М. Горькому, Маяковскому, а когда очередь дошла до Гоголя, последовала реплика: «Нет, лучше сядьте». Эта по нашим

* Утверждение в книге Я.М. Белицкого и Г.Н. Глезера, будто бы «на праздник открытия памятника приехал Лев Николаевич Толстой, которого власти “забыли” пригласить на торжества»⁵⁴, ошибочно.

временам более чем невинная сценка в те годы казалась дерзостной, и рассказ о ней был у многих на устах.

На Гоголевском бульваре просматривается ограда и за ней дома во дворе дома № 31. Там в перестроенном после пожара особняке открылась в 1872 г. первая в стране женская классическая гимназия С.Н. Фишер, где обучались гимназистки по полному курсу мужских классических гимназий, с двумя языками — древнегреческим и латинским (затем для нее выстроили здание в переулке у Остоженки). Этот педагогический эксперимент вызывал международный интерес — в числе иностранных гостей, посетивших гимназию, был бразильский император Педру II (в 1876 г.). Преподавать историю туда приглашали молодых людей, ставших позднее видными учеными и общественными деятелями: В.А. Гольцева (1873–1875 гг.), Н.И. Кареева (1875–1877 гг.)⁵⁷.

С 1910 г. в другом корпусе дома № 31 помещалось издательство «Мусагет», где готовили к печати произведения писателей-символистов (Андрея Белого и других) и труды московских философов. Появлялись и петербуржцы: А. Блок, Вячеслав Иванов (в начале 1910 г. «давали гостю ужин в “Праге”») ⁵⁸. Издательство после революции прекратило существование. Руководитель его В.В. Пашуканис много сделал для спасения в первые годы советской власти памятников культуры в оставленных владельцами усадьбах. В начале 1920-х гг. он пал жертвой репрессий.

В соседнем, тоже видном с площади, доходном доме богатых квартир № 29, в глубине бульвара, после переезда правительства в Москву в 1918 г. (левый подъезд, квартира 12) располагался Народный комиссариат национальностей, возглавляемый И.В. Сталиным. Здесь начала работать секретарем-машинисткой ставшая затем его женой Н.С. Аллилуева (мать Василия и Светланы Сталиных).

В доме № 1 по Арбатской площади поселился по окончании университета в 1860 г. и жил там до отъезда за границу (1862) будущий глава московской школы физиков, организатор первой в России учебно-исследовательской физической лаборатории А.Г. Столетов.

Первые дома нечетной стороны улицы Арбат не дожили до наших дней. Один из них (номер 7) многим интересен. В годы реформ Александра II там была открыта частная библиотека, где допускали к чтению даже запрещенной тогда литературы — эмигрантских изданий Герцена, книг, не дозволенных цензурой. В революционные 1905–1906 гг. там размещался профсоюз текстильщиков, затем один из первых московских кинематографов «Гранд Паризьен», где 18 сентября 1909 г. с новинкой техники и искусства знакомится Л.Н. Толстой, утром того дня возвратившийся из Крекшина и вечером оказавшийся у Арбатской площади. Появление его, по словам Гольденвейзера, сопровождавшего писателя, произвело сенсацию. Но по окончании первого отделения он ушел. Гольденвейзер отобразил* реакцию Толстого: «Он был поражен нелепостью представления и недоумевал, как это публика наполняет множество кинематографов и находит в этом удовольствие». По напечатанному в 1912 г. воспоминаниям другого современника писателя: «Москва,

* В книге И. Левина (с. 55) неточно указана дата: надо 1909 г., а не 1908-й, и дневниковая запись не самого Л.Н. Толстого.

чувствуя внутри себя Толстого, всколыхнулась... На другой день утром газеты описали каждую подробность его пребывания в Москве»⁵⁹.

Еще до революции здесь была кондитерская, а в первые послереволюционные годы кафе с характерным названием «Литературный особняк». Можно было видеть литераторов круга и Маяковского, и Пастернака, и Есенина. Видимо, тут имели место знакомство Пастернака с Маяковским и переговоры в мае 1914 г. от имени редакции «Центрифуги» (альманаха, в котором участвовал Пастернак) и «Первого журнала русских футуристов» (в редакции которого был Маяковский) — это описано Пастернаком («Охранная грамота» и «Люди и положения»). Есенин там впервые читал драматическую поэму «Путачев». Затем в доме обосновались молодежные театральные коллективы, среди которых выделялась любительская студия, называвшаяся грибоедовской, во главе с занимавшимся в школе третьей студии МХТ Иваном Михайловичем Кудрявцевым. С 1924 г. он — артист МХТ, исполнитель роли Николки в первой постановке «Дней Турбиных» М. Булгакова; в «Талантах и поклонниках» Островского в роли Мелузова в сцене с Негинной (а это едва ли не вершинная, сильно эмоционально воздействующая роль Аллы Тарасовой) трогательно запоминался привлекательной чистотой своей беспомощной порядочности. В послевоенное время актер увлеченно занимался «Словом о полку Игореве», полагая автором его видного архитектора-строителя и государственного деятеля древнего Новгорода Милонегга, публиковал статьи со своими соображениями и в академических изданиях*.

Художественным руководителем студии стал актер первого поколения Московского Художественного театра В.В. Лужский, проживавший неподалеку, в Малом Власьевском переулке (принадлежавший семье Калужских — настоящая фамилия актера — домик был одним из мест притяжения людей театрального мира в первые десятилетия XX в.). В студии читал лекции и проверял практикой разрабатываемую им систему К. Станиславский и началась артистическая деятельность первоначально писавшего там декорации М.Н. Кедрова — в 1946–1953 гг. главного режиссера МХАТ. А в образовавшейся при ней «малой студии», находившейся в дворе строении того же дома и руководимой тогда А.М. Лобановым (впоследствии главным режиссером Театра имени Ермоловой), начал театральную учебу и другой знаменитый мхатовец — П.В. Массальский. «Грибоедовцем» был в ту пору и М.М. Иловайский, «навсегда отравленный чудом театра». Он тревожил своими рассказами и сказками об актерской юности и студийцев Омска, среди которых был в середине 1940-х гг. наш прославленный современник, нынешний художественный руководитель Театра имени Вахтангова М.А. Ульянов (называющий его учителем в своих «Воспоминаниях»)⁶⁰.

* Артист увлеченно рассказывал и мне об этом, когда мы вместе оказались в Щельково (имении А.Н. Островского, ставшем домом отдыха). Интерес актера, постоянно занятого в основном репертуаре театра, к изучению истории и культуры Древней Руси, вероятно, подогревался и братом его, археографом Ильей Михайловичем Кудрявцевым, выдающимся знатоком древнерусских рукописей, публикатором памятников письменности и составителем их мастерских описаний, несколько десятилетий работавшим в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Тогда он помещался в крыле Пашкова дома, которое просматривалось с Арбатской площади, если стоять перед памятником Гоголю.

Еще в большей мере первые известные страницы творческих биографий видных деятелей советской культуры, причем разных ее сфер, связаны с находившейся в 1922–1924 гг. в этом здании экспериментальной театральной студией МАСТФОР, мастерской Н.М. Фореггера — в предвоенное десятилетие видного балетмейстера и оперного режиссера (на Украине, откуда он и родом), а тогда культивировавшего жанр своеобразного синтетического театра — драматического представления с музыкой, танцами, акробатикой и с пародийно-сатирической направленностью. В какой-то мере это предвляло и театры эстрады и сатиры, и будущие сценарии парадов физкультурников. В 1924 г. в пьесе Вл. Масса «Хорошее отношение к лошадям» (уже названием своим обращающейся к стихотворению Маяковского) актрисы вместо юбок имели проволочные каркасы, висящие на разноцветных лентах, расположенных с интервалами, допускающими лицезрение ног исполнительниц, а костюм поэта-имажиниста был разделен на две половины: на левой — крестьянская рубаха в горошек, шаровары и сапоги, на правой — стилизованный фрак и лаковый ботинок. «Народный» конферансье спектакля — прямой предок конферансье из «Обыкновенного концерта» в театре С.В. Образцова. Премьера этой постановки состоялась в Доме печати на Никитском бульваре⁶¹. На сцене МАСТФОРа в 1924 г. выступали Игорь Ильинский и Анатолий Кторов (вскоре на экраны выйдут с их участием и поныне популярные фильмы Я.А. Протазанова, а сами они станут ведущими актерами виднейших московских театров). Оформляли постановки будущие знаменитости мира киноискусства Сергей Эйзенштейн и Сергей Юткевич (он живо описывает студийное бытие в своих воспоминаниях). Музыку писал известный впоследствии композитор-песенник Матвей Блантер — автор «Катюши» и вальса «В лесу прифронтовом», боксировать обучал будущий кинорежиссер Борис Барнет, искусству чечетки — живописец Федор Богородский.

В доме № 9, где в 1879 г. в дворовом строении останавливался у племянницы Л.Н. Толстой, в 1920-х гг. было популярное кафе «Арбатский подвальчик». Читали стихи С. Есенин, В. Маяковский, В. Каменский. Как узнали из недавней телепередачи о проживающем в США диссиденте — профессоре математики А. Есенине-Вольпине, мать его — переводчица Надежда Вольпин — познакомилась с Есениным в том самом кафе. Поэт писал: «Когда мне бывает тошно, я направляюсь на Арбат и бреду мимо его домов». Описывая события 1930-х гг., А. Рыбаков привел сюда героев своего романа «Дети Арбата».

На стороне четной нумерации домов улица Арбат начинается закруглением углового дома ресторана «Прага». Здание, в котором еще в прошлом веке находился одноименный трактир, прозываемый извозчиками «Брага», было перестроено в начале нашего столетия архитектором Л.Н. Кекушевым, по проектам которого возведены многие дома Приарбатья — и особняки, и многоквартирные. (Следовательно, на Арбатской площади находятся здания, напоминающие о творчестве самых видных мастеров архитектуры русского модерна — и Шехтеля, и Кекушева.)

Ресторан с самого возникновения своего обрел особую популярность у московской интеллигенции. Здесь рассчитывали и на скромные возможности каждодневной еды, и на праздничное угощение, и на вкус гурмана. И главное, что привлекало, — не только общие залы с шумом и смещением гостей, а сравнительно много небольших зальцев и кабинетов. Ресторан «Прага» описан и в произведении

ях художественной литературы — от романов до журналистских очерков, и в дневниковых записях и мемуарах. К «Праге» возвращается в разные годы память писателя И.А. Бунина, в молодости жившего в недорогой гостинице «Столица» — в соседнем доме № 4. До революции здесь встречались на ежегодных «рубинштейновских обедах» преподаватели и выпускники Московской консерватории, основателем которой был Н.Г. Рубинштейн. В «Праге» чествовали гостей Москвы: в 1913 г. петербуржца И.Е. Репина, когда отреставрировали его картину «Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 года», изрезанную в Третьяковской галерее психически больным, и бельгийского писателя Э. Верхарна (которого так любили переводить московские поэты); отмечались знаменательные события университета, литературные юбилеи, театральные премьеры. Приходили просто поужинать и после обычных научных заседаний*.

После 1917 г. в здании помещались и библиотека, и кинотеатр, и магазины. Характерно для такой местности, как Арбат, с ее просветительским уклоном, что в библиотеке занимались и школьники (она получила затем имя поэта Некрасова); перемещенная на другую территорию — близ Пушкинской площади, она стала местом составления библиографий по москвоведению и персональных перечней трудов москвоведов. «Пражский» кинотеатр под названием «Наука и знание» много сделал для пропаганды информации, одновременно и художественной, и научной. Одно время здесь были книжные магазины, там же размещались и драматические курсы.

В довоенные годы «Прага» известна была москвичам прежде всего как столовая, так сказать, ресторанного пошиба (ее открыли в 1924 г.), которую в стихах рекламировал Маяковский («Там весело, чисто, светло и уютно, / Обеды вкусны и пиво не мутно!»). Остапу Бендеру она казалась «лучшим местом Москвы», а другой персонаж романа «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова — Киса Воробьянинов — угощал там юную Лизу. Хорошо помню, как в середине 1930-х гг. в столовой научных работников можно было пообедать, имея мамин пропуск. В 1955 г. там вновь открыли ресторан.

И «Прага» опять стала излюбленным рестораном арбатцев и работавших в приарбатских учреждениях. Там отмечали премьеры арбатского Театра имени Вахтангова, отмечали юбилеи и «обмывали» защиты диссертаций; у историков (особенно когда Институт истории Академии наук располагался поблизости — в доме № 14 на Волхонке) это вошло в обычай. Тогда еще не принято было приглашать иностранцев домой; обедали или ужинали с ними, ведя деловые беседы, обычно в «Праге». В «Праге» всегда можно было встретить академических или университетских знакомцев.

* Сами научные заседания, конечно, не могли происходить в ресторане. В те годы такое немисливо было даже вообразить. Утверждение И.И. Левина, будто «в "Праге" происходили заседания Общества истории и древностей России», возглавляемого В.О. Ключевским⁶², опирается, видимо, на полученную от меня устную информацию. Однако неточно передано не только название общества (правильное название его — Московское общество истории и древностей российских), но и суть запечатленной мемуаристами ситуации, тем более что на заседания этого, по существу, закрытого общества... могли попадать только его члены⁶³.

Там мы, выпускники 110-й школы в Мерзляковском переулке (бывшей Флевровской мужской гимназии, носившей в наше время имя Фритьофа Нансена), праздновали в 1984 г. 90-летие замечательной учительницы математики Веры Акимовны Гусевой, энергии, бесстрашию перед чиновниками и убежденности которой мы обязаны получением разрешения на установление памятника «Реквием 1941-го» (скульптор Д. Митлянский)⁶⁴ погибшим выпускникам и учителям нашей школы. Крохотную сухонькую старушку (в школьные годы прозвали ее Молекулой) подняли в зал на руках прославленные физики-лауреаты.

Каждый год 13 февраля, в день гибели ледокольного парохода «Челюскин» (1934 г.) в Чукотском море, в «Праге» стали встречаться все причастные к челюскинской эпопее — сами челюскинцы и их спасатели, а позднее потомки тех и других. Тогда, в конце 1950-х гг., всеобщий любимец, прославленный радист Эрнст Кренкель только еще приступал к написанию своих мемуаров «РАЕМ — мои позывные. Годы и люди», отмеченных незаурядным литературным мастерством, а летчики, ставшие генералами, не вышли еще на пенсию. Приходили на эти вечера встреч и воспоминаний и проживавшие неподалеку, в доме Главсевморпути — Доме полярников (Суворовский, бывший и снова Никитский бульвар, 9), тоже хорошо видном с Арбатской площади, — неумолимый первопроходец Арктики в 1930-е гг. Г.А. Ушаков и обладатель Золотой Звезды Героя Советского Союза под номером 1 генерал А.В. Ляпидевский (самолет молодого летчика первым прилетел в лагерь Шмидта, откуда он вывез всех женщин и двух девочек) — им обоим установлены барельефы на стене дома. Приходили и генерал М.И. Шевелев — заместитель начальника первой советской экспедиции на Северный полюс в 1937 г., и командир самолета, севшего тогда на полюс, А.Д. Алексеев, другие летчики и проживавшая в переулке (в здании за Домом полярников) метеоролог, участница нескольких полярных зимовок, с лучистыми до конца дней своих глазами, О.Н. Комова (она из семьи известных московских профессоров истории русского языка и литературы Сидоровых, в дни челюскинского похода обучала неграмотных полярников грамоте) и другая челюскинка, ихтиолог А.П. Сушкина, продолжавшая летать в Арктику на восьмом десятке лет и увлекшаяся в пожилом уже возрасте живописью и ваянием, художник полярных экспедиций, мастер шаржа Ф.П. Решетников (тогда уже вице-президент Академии художеств, автор всем знакомой картины «Опять двойка»), известный журналист 1930-х гг. Б.Н. Громов, кинооператор А.М. Шафран и другие. В последующие годы вместе с неизменными друзьями, весной 1934 г. обеспечивавшими подготовку аэродрома для посадки самолетов в ледовом лагере, Виктором Евсеевичем Гуревичем и Александром Ервандовичем Погосовым (недавно скончавшимися) собирались дети, внуки, правнуки героев тех лет и журналисты, музейные работники, увлеченные историей освоения Арктики. Встречи были трогательны и торжественны, наполнены согревающими душу воспоминаниями*.

Если продвинуться по площади вперед к Знаменке, видны за зданием ресторана «Прага» малопримечательные строения дома № 4, где теперь книжные магази-

* Впрочем, люди, причастные к челюскинской эпопее, были еще в 1934 г. как бы предопределены для мемуарного жанра. Тогда срочно подготовили книги «Поход “Челюскина”» (в двух томах) и «Как мы спасали челюскинцев», организовав помощь в составлении воспоминаний еще молодым людям.

ны. Они связаны с событиями и людьми, особенно значительными в истории попечительства о культуре. Там в 1865 г. врачи-филантропы открыли первую в Москве амбулаторию. Газеты писали о ней, и это повторяется обычно в путеводителях, что в весьма благодетельном заведении, лечебнице для приходящих больных, «каждый может получить советы врача, положивши в кружку 20 коп. серебром», а в аптеке ее покупать лекарства на 30 процентов дешевле сравнительно с другими аптеками. Некоторые пользовались и бесплатными услугами. Там проводили и научные заседания. Первым председателем Общества русских врачей стал профессор Ф.И. Иноземцев — самый знаменитый тогда врач Москвы, хирург, терапевт, невропатолог, пылкий, увлекающийся лектор, инициатор организации университетских клиник, близкий друг многих известных москвичей. В 1870-е гг. общество переместилось в другой дом, но тоже на Арбате, в дом № 25.

Адрес Арбат, 4 известен как квартира и музыкальная школа Б.В. Решке — директора Московских регентских классов, где обучали детей с семи лет. Среди преподавателей были и те, кто обучал студентов в Консерватории. Позднее в одном из строений дома № 4 проживал композитор С.Н. Василенко — основатель и дирижер утренников симфонической музыки — общедоступных «Исторических концертов» в 1907–1917 гг.

Имеются сведения, что дом одно время был адресом и выдающейся певицы и педагога М.А. Дейши-Сионицкой — первой исполнительницы в Москве партий Ярославны (в опере «Князь Игорь») и Лизы (в опере «Пиковая дама»). Она организовывала «Музыкальные выставки» — концерты камерной русской и иностранной музыки, была одним из инициаторов создания Московской народной консерватории.

Но наиболее существенно то, что владельцем большого участка земли со строениями между улицами Арбат и Молчановка в 1887 г. стал генерал Альфонс Леонович Шанявский, женатый на наследнице сибирских золотопромышленников-миллионеров. Супруги Шанявские стали инициаторами основания в Москве «вольного» университета и обеспечили это благое начинание материально. Лидия Алексеевна Шанявская была одержима идеей организации высшего женского образования. Первоначально Шанявские думали о возрождении в Москве Высших женских курсов, открытых в 1872 г., но спустя 16 лет закрытых. После восстановления работы курсов в 1900 г. планировалось создать учебное заведение, где могли бы обучаться лица обоего пола, независимо от национальности и религии. По мысли устроителей, оно должно было служить целям «распространения просвещения и привлечения симпатий народа к наукам и знанию». Шанявские были поддержаны в своих намерениях видными московскими интеллигентами. Особенно

(Опираясь, видимо, при этом на накапливающийся опыт работы над «Историей фабрик и заводов» и «Историей гражданской войны», письменные результаты которого концентрировались, повторяю, в близком доме № 9 по Воздвиженке, в ту пору называвшейся улицей Коминтерна.) И тогда — еще до убийства Кирова и последующей «обработки умов» — воспоминания эти были правдивыми, насыщенными подробностями и о событиях и о людях. Думается, что эти и другие издания середины 1930-х гг. как бы обязывали челюскинцев (среди которых впоследствии тоже оказались и репрессированные) следовать традициям их молодости.

деятельно помогал им известный молодой книгоиздатель М.В. Сабашников; председателем правления стал Н.В. Давыдов (слова которого об арбатских переулках приведены выше). Ухудшающееся состояние здоровья Шанявского ускорило его решение передать арбатское земельное владение (среди строений которого тогда было более десяти жилых домов в несколько этажей) в дар Московской городской думе, с условием устройства на получаемый от этого доход университета Шанявского*. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского (такое его официальное название) открылся в октябре 1908 г. с двумя отделениями — научно-популярным четырехгодичным (дававшим знания в объеме гимназии) и академическим трехгодичным (в объеме программы университета — и по гуманитарным, и по естественным наукам). Большое внимание уделялось организации лабораторий и семинаров для самостоятельной работы, для чего были привлечены к преподаванию виднейшие профессора. Когда в 1911 г. Московский университет покинули в знак протеста против реакционных действий министра Кассо прогрессивно настроенные ученые, то многие из них стали преподавать в университете Шанявского. Занятия проходили в разных зданиях города, пока в 1912 г. для университета не было построено здание на Миусской площади, где сейчас размещается Российский государственный гуманитарный университет, решением руководства которого внутри здания установлен бюст Шанявскому.

С Арбатской площади прежде видна была и колокольня храма Николы Явленного на углу Арбата и Серебряного переулка, дивный памятник отечественной архитектуры, составлявший самую большую привлекательность внешнего облика улицы. В 1931 г. колокольню безжалостно снесли. Место это дважды упомянуто в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. Храм был почитаемый, с прославленным хором. Церковь эта обрела «выдающуюся почетную известность» попечительством о бедных (особенно о детях священнослужителей). В связи с 300-летием династии Романовых рядом с храмом задумано было расположить благотворительный религиозно-просветительский центр Братства Святителя Николая, с библиотекой, училищем, залом для собраний.

Соседний участок получен был в приданое матерью А.В. Суворова; по одной из версий великий полководец там и родился. А дом № 14 — ампирный особняк с ко-

* Встречающееся в новейшей литературе утверждение, будто Шанявские жили в Москве в их арбатском доме и двери именно этого дома «были открыты для московской интеллигенции»⁶⁵, неосновательно. Действительно, приезжая в Москву из Сибири, Шанявская останавливалась в гостинице «Столица». Но Сабашниковы (сами выходцы из Сибири и давние близкие знакомые Шанявских) уговорили ее переехать в их дом. У них Шанявские впредь и проживали, пока не обосновались на постоянное жительство в доме на углу Дурновского переулка и Новинского бульвара, где генерал в 1905 г. и скончался. (Это все подробно описано в «Воспоминаниях» М.В. Сабашникова⁶⁶, в предреволюционные годы бывшего председателем правления университета.) Возможно, что сибирская миллионерша не случайно остановилась в сравнительно нереспектабельной гостинице и еще тогда присмотрела этот большой земельный участок для использования в филантропических целях. Неточна и формулировка, будто все обитавшие в доме № 4 известные писатели, ученые, музыканты останавливались именно в гостинице; некоторые из них постоянно проживали в домах, находившихся во дворе, как, например, историк литературы профессор С.К. Шамбинаго (в квартире его любили собираться университетские профессора).

лоннами — был заметно выдвинут на тротуар (о жителях его пойдет речь далее). В послереволюционные годы особняк называли «домом с привидениями» — о преданиях, связанных с ним, в 1927 г. рассказывал на заседании общества «Старая Москва» краевед Е.З. Баранов. Это отражено в его книге «Московские легенды». Дом погиб в 1941 г. от зажигательных бомб (в одну ночь с чудом нашей московской архитектуры стиля ампир — особняком, построенным О.В. Бове для князей Гагариных на Новинском бульваре; перед войной там располагалась Книжная палата).

Отсюда теперь хорошо видно первое из высотных зданий Новоарбатского проспекта, обезобразившего эту, казалось бы, заповедную часть Москвы. Там среди многих учреждений помещается радиостанция «Эхо Москвы», героическое поведение работников которой памятно пережившим дни октябрьского путча 1993 г. (Тогда, впрочем, радиостанция находилась на Никольской улице.)

В начале недавно возникшего Новоарбатского проспекта (называвшегося ранее Калининским) видим здание, где долгие годы был родильный дом имени Грауэрмана. (Его прежний адрес: Большая Молчановка, дом 5.) Там многие, в том числе и самые известные, арбатцы послереволюционных поколений впервые увидели свет Божий. В Приарбатье принято говорить: «Мы все — от Грауэрмана».

Напротив, на другой стороне проспекта, на подступах к Дому книги стоит изящная церковь Симеона Столпника — древнейшее и единственное допетровской постройки здание района (воздвигнута в 1679 г.). Расположенная на пригорке, она как бы господствовала в ту пору над соседними домами, сейчас же, как грустно замечает Ю.А. Федосюк, «выглядит миниатюрной сувенирной безделушкой»⁶⁷. В этой церкви нарочито скромно венчались граф Н.П. Шереметев и его бывшая крепостная актриса Параша Жемчугова (Ковалева). Там же позднее была свадьба писателя С.Т. Аксакова. От брака с О. Заплатиной родились известные писатели и общественные деятели Константин и Иван Сергеевичи Аксаковы. Жили молодые Аксаковы в снесенном доме № 2 на Молчановке. Затем часто меняли квартиры (которые снимали обычно лишь на зиму), но чаще всего в переулках Приарбатья*. Церковь была приходской для Гоголя в последние годы его жизни.

Упомянута она и в «Евгении Онегине», в VII главе, — в приходе ее поселил Пушкин знакомого юных лет матери Татьяны Лариной: в те годы он был «славный франт, игрок и гвардии сержант», а ныне, отвечает московская кузина, «в Москве живет у Симеона: меня в сочельник навестил, недавно сына он женил».

Указание знатока социальной топографии Пушкина отнюдь не случайно. Он мог наблюдать в те годы то, что в Немецкой слободе и близлежащих местах, как правило, оставались жить либо старомодные бары, обитавшие в больших унаследованных усадьбах с садом и многочисленными службами (как старуха Хлестова, тянущаяся час с Покровки к дому Фамусова), либо обедневшая знать (как отказав-

* С осени 1848-го до лета 1849 г. Аксаковы жили в особняке по нынешнему адресу: Сивцев Вражек, 30. Постоянными посетителями дома были писатели, актеры, там отмечал свое 40-летие Гоголь. В 1984 г. в доме открылась экспозиция Государственного Литературного музея о русской литературе XIX в. К юбилею — 500-летию Арбата — экспонировалась выставка «Люди Арбата. Очерк литературной жизни XVIII–XX веков».

шавшая от выходов в свет старая дева — княжна Алина)*. Остальные старались поселиться ближе к Дворянскому собранию и дому губернатора (так поступили и родители самого Пушкина). Соседние с церковью Симеона Поварская и Никитский бульвар были, по отзывам современников, в послепожарное время улицами дворцового типа особняков, где обычны бал и вечерний журфикс.

На углу Поварской и Большой Молчановки, в доме князя Гагарина (снесенном при прокладывании нового проспекта), помещалась 5-я мужская гимназия, единственная казенная мужская гимназия на две — Арбатскую и Пречистенскую — полицейские части. Там обучались философ и поэт В.С. Соловьев, психиатр С.С. Корсаков. В разные учебные годы преподавал гимназистам, как бы апробируя составлявшиеся им гимназические учебники по всеобщей истории, знаменитый профессор университета П.Г. Виноградов — знаток истории средневековой Англии (позднее, по переезде в Англию — еще до революции — он был удостоен титула сэра). Виноградов был и инициатором создания, и редактором многотомного издания конца 1890-х гг. «Книга для чтения по истории Средних веков», где немалое место отведено и отечественной истории. В 1870–1880-е гг. в гимназии учился проживавший в Денежном переулке будущий академик М.М. Богословский, оставивший о Виноградове воспоминания уже как о своем университетском учителе. Он особенно известен как автор наиболее подробной и научно основательной биографии Петра Великого. Гимназистом начала нашего века был Н.М. Дружинин, вспоминая, как Богословский вел университетские семинары, используя опыт Виноградова (семинары Виноградова признавали наивысшим образцом научного общения профессора со студентами).

В книге «Воспоминания и мысли историка» Н.М. Дружинин замечает: «Часто в основе ясно осознанного призвания лежат ранние впечатления отрочества и юности, в частности влияние школьного преподавания. Так было и со мною», — и далее характеризует годы учения в 5-й гимназии: увлечение историей, разбор по воскресеньям под руководством любимого учителя С.Г. Смирнова произведений русской классической литературы, самодеятельные гимназические подмостки, где разыгрывали пьесы и декламировали стихотворения, посещение театров, группы для совместного чтения интересующих книг, знакомство в домах гимназистов с нелегальной литературой и рождение в такой обстановке «первых опытов исторических сочинений» (впереди других названо посвященное возникновению и развитию Москвы): «...так закладывались основы моих взглядов на историческое прошлое и на его связь с настоящим и будущим... Я не колебался в выборе факультета...»⁶⁸ В середине 1920-х гг. Дружинин руководил составлением историко-топографического справочника-путеводителя по революционной Москве⁶⁹, где выяв-

* Доклад мой «Ларины и московская аристократия» о социотопографических приметах московской жизни в «Евгении Онегине», позволивших определить принадлежность матери Лариной к фамильной московской аристократии и тем самым показать, что брак Татьяны с генералом князем (так же, как и возможный брак с родственником его — столичным аристократом Онегиным) в глазах дворянского общества не выглядел мезальянсом, состоялся на научной конференции памяти Ю.М. Лотмана в Государственном музее А.С. Пушкина «Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»» 14 декабря 1993 г.

лен интересный материал и по Приарбатью. Впоследствии Дружинин стал академиком, прожив долгую жизнь: он скончался на 101-м году жизни в 1986 г.

Гимназические впечатления отражены в воспоминаниях другого видного историка — Георгия Вернадского, основателя школы изучения российской истории в США, в Йельском университете. Он вспоминает о поездке (вместе с В.Г. Сахновским, ставшим затем режиссером МХАТ, театроведом, ведущим педагогом ГИТИСа) к Л.Н. Толстому, рассказывает о живом интересе своего знаменитого отца академика В.И. Вернадского к его гимназической жизни⁷⁰. В той же 5-й гимназии, когда после смерти отца мать с сестрами переехали в Москву и «сняли квартирнку на Бронной», один год, с осени 1906 г., учился и В.В. Маяковский⁷¹.

5-ю гимназию, тесно связанную с университетом и его профессурой, отличало новаторство методики преподавания. И вряд ли случайно, что ее учителя предреволюционных лет впоследствии, уже в советский период, возглавляли работу по составлению методик обучения в пединститутах, заведовали там кафедрами. Инспектором гимназии был европейски образованный историк Н.Г. Тарасов — организатор первого в Москве показательного методического кабинета истории, пропагандист наглядности, экскурсионного метода^{*}, а географии обучал А.С. Барков — в советские годы автор широко известных учебников. По окончании университета он преподавал географию в Александровском военном училище, потом долгие годы, до середины 1920-х гг., был директором знаменитой высоким подбором педагогов и либерализмом частной мужской Флеровской гимназии близ Никитских ворот^{**}.

На Никитском бульваре уцелел дом № 7а, где жил Н.В. Гоголь с конца декабря 1848 г. до своей кончины 21 февраля (по старому стилю) 1852 г. Там в ночь с 11 на 12 февраля он сжег беловую рукопись второго тома «Мертвых душ» (сохранились в неполном виде только пять глав черновых редакций, изданных в 1855 г.). В последней квартире Гоголя у него бывали многие замечательные современники: литераторы Погодин, Шевырев, Аксаковы, Тургенев, Островский, актер Щепкин, живописец-маринист Айвазовский и другие.

Теперь там мемориальная квартира-музей. А стоящий во дворе памятник, перенесенный с Пречистенского бульвара, в 1924 г. названного Гоголевским, напоминает о Гоголевском празднике 1909 г. и о нравах 1950-х гг. Любопытно, что и в период более близкий к революции 1917 г. дом этот принадлежал лицам, обращающим нашу мысль к знаменитому деятелю литературы и общественной жизни, — вдове и сыну влиятельнейшего публициста М.Н. Каткова — издателя журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости», основавшего в 1868 г. единственный в Москве лицей (дом на углу Остоженки и Садовой, у Крымского моста).

В соседнем доме № 5, ближе к Арбату, в послереволюционные годы проживал один из основоположников патологоанатомии болезней детского возраста акаде-

^{*} Исторический отдел постоянного и передвижного Педагогического музея средних и низших учебных заведений уделял большое внимание ознакомлению провинциальных учителей с научно-популярной литературой, наглядными пособиями и новейшими методическими разработками.

^{**} В советские годы школа (получившая имя Ф. Нансена) стала именоваться 10-й, позже 110-й. Школа эта была одним из воплощений традиций Приарбатье.

мик Академии медицинских наук М.А. Скворцов. А с другой стороны, там, где ныне дом № 9, в прошлом веке жил литератор Н.В. Путята — автор сочинений о русских писателях и о политических событиях XVIII–XIX вв., председательствовавший одно время в Обществе любителей российской словесности, друг поэта Боратынского, близкий знакомый Пушкина, зять поэта Тютчева. В том же доме провел юные годы выдающийся историк и археолог академик Л.В. Черепнин[†].

Во второй половине 1930-х гг. на месте старого дома возвели Дом полярников, куда поселяли героев знаменитых тогда полярных экспедиций. Так, о будущем академике П.П. Ширшове — участнике экспедиций на «Сибирякове» и «Челюскине», возвратившемся туда после пребывания на дрейфующей полярной станции СП-1 (Северный полюс-1) в 1938 г., в домовых книгах было наивно написано в графе «Откуда прибыл»: «С полярной льдины». На рубеже 1970–1980-х гг. в доме жил писатель Юлиан Семенов.

У торца Никитского бульвара со стороны Арбатской площади стоял снесенный дом в несколько этажей. Перед ним Воздвиженка, круто поворачивая влево, как бы вливалась в Арбат — такой путь установился, видимо, еще в XVI–XVII вв. Когда решили совершить насилие над вековым образом Москвы и прорубили по живому телу уютного переулочья Приарбатья Новоарбатский проспект, сразу же названный москвичами «искусственной челюстью Москвы» (эти безобразные «зубья Москвы» исказили и вид с Москвы-реки на Кремль!), то продолжением идущей от Кремля Воздвиженки (тогда улицы Калинина) стал этот проспект.

На стороне бульвара с четной нумерацией домов скрыт от обозрения с площадью заслоняющим его зданием перестроенный особняк, ставший в 1920 г. Центральным клубом работников печати — Домом печати — ныне Центральный Дом журналиста (дом № 8а). Там находились редакции изданий, собирались и выступали виднейшие литераторы, часто бывал Маяковский. Там в конце 1925 г. провожали в последний путь Сергея Есенина; в 1926 г. прощались с Ларисой Рейснер, Д. Фурмановым... В Доме печати выступали общественные деятели, актеры эстрады, перебивали едва ли не все знаменитости⁷³. Помню впечатление юных лет — первое знакомство с Ираклием Андрониковым. В тот период люди интеллигентского круга уже опасались ходить друг к другу в гости, собираться большими компаниями — дух подозрительности и страха придавливал. И какими радостно-просветленными стали лица собравшихся в зале (я — мальчик — стоял около маминного стула и мог обозревать зал), как дохнуло на всех уходящей от нас раскованностью поведения! Сколь важно было в то время показать, что юмор как форма повседневного общения и критического выражения мыслей, даже в отношении известных людей, остается в нашем бытии. В годы сталинщины это имело и особое, так сказать, общественно-оздоровительное значение⁷⁴. В военные годы здание было временно передано Краснопресненскому райкому партии. В 1993 г., в дни арбатского юбилея, в ЦДЖ проявили немалую заинтересованность в привле-

[†] Сведения эти, а также и о некоторых других лицах, проживавших в Москве в XX столетии, любезно предоставил составитель уникальной картотеки московской биографики XX в. Дмитрий Иосифович Бондаренко⁷².

чении внимания к истории и современности Арбата — состоялись вечера воспоминаний, презентации фильмов, книг, пресс-конференции, выставки.

Сам дом перестроен до неузнаваемости. В основе его — одно из зданий большой усадьбы, главный фасад которой некогда выходил в Калашный переулок, а к бульварам тянулись флигеля и службы. Усадьба на рубеже XVIII–XIX вв. принадлежала одной из племянниц светлейшего князя Потемкина, княгине Варваре Васильевне Голицыной. Дядя называл ее Улыбочкой, Державин воспел как «златовласую Пленуру». Голицына переводила французские романы, а сыновьям своим пригласила в учителя И.А. Крылова, и великий баснописец имел там комнаты. В 1820-е гг., когда владелицей усадьбы стала графиня Головкина, среди ее квартир был полковник С.Д. Киселев — брат знаменитого государственного деятеля эпохи Николая I, графа П.Д. Киселева. С.Д. Киселев был близким знакомым Пушкина, в январе 1829 г. Пушкин у него читал поэму «Полтава». А серьезные перестройки дома затеяли уже в конце 1830-х гг. новые владельцы — Моллеры, к семье которых принадлежал известный портретист Ф.А. Моллер — автор знаменитого портрета Гюголя.

Есть предположение, что Пушкин был в этом доме на балу у А.М. Щербининой 20 февраля 1831 г., через день после своей свадьбы. Это представляется символическим для здания, где уже столько лет собираются журналисты. Однако уверенности в этом нет — Щербинина действительно проживала в ту пору в доме Головкиной, которой принадлежало это земельное владение. Но владение было большое, с тремя жилыми зданиями (Никитский бульвар, 88а, и Калашный переулок, 3), и в каком именно проходил бал, по мнению отметившего этот факт москвовед С.К. Романюка, установить сложно⁷⁵. При всех вариантах, однако, дом, где жила Щербинина, находился возле Арбатской площади. И существенно то, что Пушкины были не только там на балу, где все любовались красотой Наталии Николаевны, но что сам Александр Сергеевич говорил в тот вечер с А.И. Кошелевым о новейшем произведении близкого ему писателя князя В.Ф. Одоевского. Еще важнее то, что Пушкин в близкое к тому время посетил старуху Щербинину, чтобы послушать ее рассказ о событиях эпохи дворцовых переворотов, и оставил конспективные записи о заговоре, возведшем на престол Екатерину II. Щербинина, вероятно, могла рассказать многое — мать ее, знаменитая княгиня Екатерина Романовна Дашкова, была одним из организаторов этого переворота, а затем стала директором (или, как ее называли, президентом) двух академий (Петербургской академии наук и учрежденной по ее же предложению в 1783 г. Российской академии для изучения русского языка). Родная тетка ее по матери — Елизавета, фаворитка Петра III, а родные братья матери — графы Воронцовы, виднейшие сановники: Александр — покровитель Радищева, стал в начале XIX в., в период, который Пушкин охарактеризовал как «дней Александровых прекрасное начало», канцлером; другой брат, Семен, — многолетний посол России в Лондоне, прием у которого с особой уважительностью описан в «Письмах русского путешественника» Карамзина, и отец, пожалуй, даже слишком хорошо известного Пушкину в дни его пребывания в Одессе новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова. Пушкин тогда уже творил в себе историка, мыслил себя продолжателем дела «незабвенного» для него Карамзина и особенно интересовался событиями эпохи Петра I и последую-

щих царствований. И посещение дома Щербининой становится как бы иллюстрацией-комментарием его к стихам конца 1832 – 1833 г., напечатанным в 1836 г. («Родословная моего героя»):

...Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.
Мне жаль, что нашей славы звуки
Уже нам чужды, что проста
Из бар мы лезем в tiers état...⁷⁶

Тема государственно-политической истории России XVIII в. волновала Пушкина и накануне его ухода из жизни: об эпизодах этой истории он говорил на вечере в доме австрийского посланника Фикельмона в январе 1837 г.⁷⁷

Соседний дом в глубине бульвара (дом № 8) интересен тем, что после революции там обосновалось знаменитое издательство Сабашниковых в 1918–1930 гг. Дом на Тверском бульваре (у Никитских ворот), где находились в 1906–1917 гг. квартира Сабашниковых и контора издательства, сгорел в революционные дни 1917 г. Издатели после того сначала работали в заброшенной дворницкой при складе, по Калашному переулку, а с осени следующего года в освободившейся квартире того же владения, где продолжалось издание книг серии «Памятники мировой литературы» и началась новая серия «Записи прошлого (Воспоминания и письма)» под редакцией таких видных ученых, как С.В. Бахрушин и М.А. Цявловский. (Эти оба направления работы стали затем основой деятельности издательства «Academia».)

В доме в первое десятилетие своей славы, до революции еще, проживала великая певица А.В. Нежданова; в советские годы — знаменитый певец, тоже народный артист СССР В.А. Канделаки — солист Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко; главный режиссер Московского театра оперетты (до переезда в Ленинград), видный режиссер и актер мхатовской школы (во 2-м МХАТ) Б.М. Сушкевич; историк педагогики Н.А. Константинов — академик Академии педагогических наук; историк-славист И.С. Миллер (много сделавший для изучения русско-польских взаимосвязей в XIX в.); старая большевичка М.В. Фофанова, особенно памятная тем, что у нее в квартире в 1917 г. скрывался В.И. Ленин. Здесь же квартира известного московеда, историка и искусствоведа Н.М. Молевой (много писавшей и об этом районе Москвы).

Более близкий к площади дом № 6 примечателен не только своими жильцами, но и тем, что сам стал объектом краеведческого изучения. Один из жильцов дома, Алексей Феоктистович Родин, педагог-краевед, руководивший работой знаменитого на всю Москву кружка при Московском городском доме пионеров, организа-

* Подробности издательской деятельности этих лет описаны в полном издании «Записок Михаила Васильевича Сабашникова», вышедших под общей редакцией А.Л. Паниной в 1995 г. (с. 468 и след.). Книгой этой новое издательство имени Сабашниковых возобновило мемуарную серию «Записи прошлого».

тор Московского общества юных историков, автор методических пособий «История родного города» и «История родного села», решил в 1933 г. организовать и домовый краеведческий кружок из жильцов дома и ближайшей округи. Там выступали известнейшие знатоки Москвы Е.А. Звягинцев, П.Н. Миллер. Особенно деятельными его сотрудниками стали профессор соседнего Театрального института литературовед Д.Е. Михальчи и ранее упоминавшийся Н.Г. Тарасов, к тому времени уже заведовавший кафедрой в Московском государственном пединституте. Деятельность кружка отражена в главе «Дом на Никитском бульваре»^{*} в книге воспоминаний А.Ф. Родина «Из минувшего»⁷⁸.

Выяснилось, что во времена Грибоедова и Пушкина в доме, принадлежавшем тогда директору московских театров Ф.Ф. Кокоскину, играли любительские спектакли, организовывали лекции. Он был центром театрально-музыкальной жизни Москвы. А позже, уже в многоквартирном доме, в разное время проживали композитор А.Е. Варламов, автор знаменитых и поныне романсов-песен «Вдоль по улице метелица метет», «На заре ты ее не буди», «Красный сарафан»; герой и жертва революции 1905 г. фабрикант Н.П. Шмит, именем которого назван проезд на Красной Пресне; всемирно известный музыкант В.И. Сафонов; великий актер России первого послереволюционного десятилетия М.А. Чехов; виртуоз игры на балалайке, организатор первого профессионального ансамбля русских народных инструментов Б.С. Трояновский; советский драматург А.Н. Афиногенов (погибший от прямого попадания бомбы в здание ЦК партии летом 1941 г.); другие литераторы и деятели искусства**.

Естественно, что в те годы можно было только упомянуть о находившемся в эмиграции актере Михаиле Чехове, племяннике писателя. В квартире его постоянно бывали известнейшие люди не только из мира театра. Интересна в этом плане страница его воспоминаний о знаменитом арбатце Андрее Белом:

«В романе “Москва” профессор Коробкин, *рассеянный*, надел на себя вместо шапки кота. Я прочел, и мне стало неловко, что Белый позволил себе такую неправду. Но однажды, уходя от меня поздно ночью, он в передней схватил вместо шапки кота и (беру из его же романа): “...цап ее (мнимую шапку) на себя!

В тот же миг оцарапало голову что-то: из схваченной шапки над ярким махром головы опустились четыре ноги и пушистый развеялся хвост...”

И дальше было точь-в-точь как в романе: стоявшие около душились от смеха, а он “не смеясь, как-то криво им всем подмигнувши, почти со слезами в глазах громко вскрикнул:

— Забавная-с штука-с, да-с, да-с!” — и “побежал катышом прямо в дверь”.

* Там образно описано заседание этого своеобразного кружка: «Я никогда не забуду двор нашего дома, построенного колодцем, когда в теплый летний вечер значительная часть жителей собралась около мигающей свечи, горевшей на столе докладчика, а изо всех окон 5-этажного дома-колодца выглядывали лица тех, кто, точно из ложи, слушал гулко отдававшиеся во дворе слова докладчика».

** По данным картотеки Д.И. Бондаренко, в этом доме проживали известный скрипач, создатель (в 1920-е гг.) Персимфанса (Первого симфонического ансамбля Моссовета — оркестра без дирижера), профессор Консерватории Л.С. Цейтлин, драматический актер А.А. Ханов, игравший главные роли в ближайшем Театре Революции (ставшем затем Театром Маяковского), народный артист СССР.

Профессор Коробкин стал для меня кошмарной реальностью. Но Белый запомнил придушенный смех, и в другой раз, уходя от меня так же поздно с приятелем, он, хитро покосившись, подал приятелю шапку (дескать, вот видите, разбираюсь и в шапках, когда захочу!).

— Ваша? — спросил он.

— Нет, ваша, Борис Николаевич, — ответил приятель. Я видел, как Белый и тут обозлился.

И странности Белого были особые. Вот он говорит, развивает блестящую мысль и вдруг замирает надолго: на губах застывает улыбка, глаза смотрят вдаль, брови сдвигаются, лоб напрягается мыслью, руки раскинуты вправо и влево, плечи приподняты — боится спугнуть две-три одновременно вспыхнувшие мысли. Вихрь в сознании требует неподвижности в теле. Вихрь утихает, и первоначальную мысль он излагает так же стройно, картинно и ясно...»⁷⁹

В то время нельзя было даже намекнуть на то, что в этом же доме проживала и первая жена актера — О.К. Чехова, покинувшая его через несколько лет. Ольга Константиновна — воспитанница актрисы Художественного театра О.Л. Книппер-Чеховой (так две Ольги Книппер породнились с семьей Чеховых!) и сестра композитора Льва Книппера — автора известного «Полюшко-поле». О.Л. Книппер-Чехова первоначально очень противилась браку племянницы. Красавица Ольга Чехова уехала после революции за рубеж и стала звездой экрана гитлеровского рейха. Поговаривали, что она была и агентом советской разведки.

В этом доме одно время проживал видный пианист, дирижер, директор Московской консерватории В.И. Сафонов. Но, конечно, нельзя было и помыслить о возможности указать на то, что там прошли детские годы его средней дочери Анны Васильевны — возлюбленной адмирала А.В. Колчака в период его сибирской эпопеи 1918–1919 гг. Фамилия ее первого мужа — героя Порт-Артура — Тимирев. Ту же фамилию носил ее красавец сын Владимир — талантливый живописец, расстрелянный в двадцатипятилетнем возрасте в 1938 г. Она и после 75 лет поражала своей благородной красотой — серебрино-седая и смугло-румяная, с удивительно свежей при ее возрасте кожей и осанкой особого достоинства. Об Анне Васильевне Колчак вспоминал накануне расстрела, а она о своем непогасшем чувстве к Колчаку писала в стихотворении 30 января 1970 г.:

Полвека не могу принять,
Ничем нельзя помочь,
И все уходишь ты опять
В ту роковую ночь.
А я осуждена идти,
Пока не минет срок,
И перепутаны пути
Исхоженных дорог.
Но если я еще жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе⁸⁰.

За спиной остается виднеющееся с площади высокое здание в глубине на углу Калашного и Кисловских переулков. Помнится время, когда стены его имели окраску широкими синими полосами и называли его дом Моссельпрома, о котором писал Маяковский («Нигде кроме, как в Моссельпроме»). Там была последняя квартира скончавшегося в 1969 г. крупнейшего русского языковеда академика В.В. Виноградова, имя которого носит теперь Институт русского языка Академии наук, что отмечено памятной доской. Верхний этаж облюбовал под квартиру-мастерскую художник Илья Глазунов. А в доме № 3 по Калашному переулку жил 50 лет (1918–1968) москвовед П.В. Сытин.

Прошлое домов № 14 и 16 по Воздвиженке связано с династией промышленников и меценатов Морозовых, обитавших там с конца XIX в.⁸¹, а в советские десятилетия со многими событиями и людьми, памятными в истории международных связей и культуры. Хорошо просматривается решетка перед садом дома № 14, построенного по проекту Р.И. Клейна, автора здания Музея изящных искусств. Это был особняк миллионерши В.А. Морозовой. Гостями фабрикантши и ее гражданского мужа, редактора крупнейшей газеты либерального направления «Русские ведомости» В.М. Соболевского, были и видные писатели, и люди театрального мира (В.Г. Короленко, А.П. Чехов, Г.И. Успенский, В.Я. Брюсов, В.И. Немирович-Данченко, К.С. Станиславский), и общественные деятели (особенно кадеты). В 1905 г. владелица разрешила читать в своем особняке лекции лекторам МК РСДРП М.Н. Покровскому, И.И. Скворцову-Степанову и другим. В комнатах этого дома работал над портретом В. Морозовой великий Валентин Серов. Современник писал о ней: «Величественно-прекрасная жена, бойкая купчиха-фабрикантша и в то же время элегантная, просвещенная хозяйка одного из интеллигентнейших салонов в Москве, утром щелкает в конторе костяшками на счетах, вечером извлекает теми же перстами волшебные шопеновские мелодии, беседует о теории Карла Маркса и зачитывается новейшими философами и публицистами»⁸². В советские годы там помещались различные учреждения, дольше всего Международный аграрный институт (руководителями которого были видный болгарский коммунист Василь Коларов, польский революционный деятель Томаш Домбаль, видный советский историк С.М. Дубровский); в 1959 г. строение вошло в комплекс зданий Союза обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

Особое внимание обращает на себя соседнее здание в псевдомавританском стиле (Воздвиженка, дом 16). Этот участок В.А. Морозова подарила младшему сыну, заказавшему построить для себя такой особняк. Л.Н. Толстой в «Воскресении» описал картину строительства «глупого ненужного дворца какому-то глупому и ненужному человеку». А В.А. Морозова будто бы сказала: «Раньше только мы знали, что ты дурак, а теперь все об этом узнали».

В доме этом в первые послереволюционные годы находился Пролеткульт, и здесь не раз бывали и А.А. Богданов, и А.В. Луначарский, видные тогда деятели культуры, ставили спектакли В.Э. Мейерхольд и другие режиссеры новаторских направлений. С 1959 г. в Доме дружбы с народами зарубежных стран (ныне — Дом Европы) помещалось правление Союза обществ дружбы и культурных связей с этими странами. С 1987 г. его возглавляла первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова.

Легко убедиться в обилии и разнообразии памятных имен, которые приходят на ум, когда находишься на Арбатской площади. И это при том, что не произведено еще последовательного изучения ни домовых, ни исповедальных книг Приарбатья! То же обнаруживается и на самой улице Арбат, и в ближайших к ней местностях.

Присмотримся пока лишь к одному сравнительно небольшому отрезку улицы Арбат близ домов, где жили А. Пушкин, Андрей Белый, Б. Окуджава, имена которых названы в приветствии президента России собравшимся 1 октября 1993 г. на торжественном заседании, посвященном 500-летию Арбата. Дома эти по нынешней нумерации — 53, 55, 43. Попытаемся выявить то, что относится в той или иной мере к изучению жизни и творчества только лиц, причастных к истории литературы и просвещения.

При этом не станем ограничиваться «классикой» — должителями нашей литературы и вообще культуры. Для понимания путей развития историко-литературного процесса не менее существенно заметить и типическое, и движение в его каждодневности. История литературы и особенно восприятия ее — воздействие на общественное сознание, формирование нравственных навыков, эстетических вкусов — это история и писателя, и читателя (слушателя). И потому будем уподобляться скорее топографу, старающемуся запечатлеть местность так, чтобы не были упущены и подробности, чем альпинисту, стремящемуся одолеть преимущественно высокие вершины. Да и под литературой подразумеваются не только собственно художественная литература и литературная критика, но и публицистика, мемуаристика, просветительская литература (учебная, научная, религиозная); именно таким представлением руководствуются и составители ценнейшего многотомного словаря «Русские писатели. 1800–1917».

Итак, всего несколько домов по обеим сторонам улицы Арбат — между переулками Калошиным и Денежным, с одной стороны (дома с нечетной нумерацией), и Большим Николопесковским и Троилинским — с другой. Но сколько имен!

Дом на углу Арбата и Калошина, в сторону Арбатской площади (№ 33), соседствует с домом № 31, в левую часть которого вошли стены дома, где поселился в 1839 г. возвратившийся из ссылки Н.П. Огарев, и, как вспоминает Герцен в «Былом и думах», «дом его снова сделался средоточием, в котором встречались старые и новые друзья, Огарев был одарен особой магнитностью» (и сам Герцен, и Грановский, и В.П. Боткин, и другие тоже). В доме № 33 в начале 1920 г. жил писатель А.С. Неверов — автор повести «Ташкент — город хлебный». Особенно известен дом тем, что здесь жил и работал последний из моголан российской философской школы, ведущей начало от Владимира Соловьева, Алексей Федорович Лосев, сохранявший большой творческий потенциал до глубокой старости. Умерший в 1988 г., профессор Педагогического института имени Ленина Лосев был очень плодовитым писателем — и собственно философом, историком культуры; особенно много сделал он для изучения античной культуры. Сейчас в доме создается Лосевский культурный центр. Знаменательно, что В.С. Соловьев, проведший детские годы в Москве в семье отца — великого историка, проживавшего на казенной квартире в Денежном переулке, по переезде в северную столицу, бывая в Москве, часто останавливался в квартире обожавшего его брата Михаила на той же линии Арбата, в доме № 55.

В глубине Калошина переулка несколько лет назад можно было увидеть особняк, принадлежавший знаменитой актрисе Малого театра Н.А. Никулиной, поселившейся там с начала 1880-х гг. (Прежде она тоже жила поблизости — у Собачьей площадки в Дурновском переулке.) Ученица Щепкина, она была блистательной исполнительницей в пьесах Островского (лучшая Варвара в «Грозе») и ролей в «высокой комедии». Зал всегда бывал наэлектризован «ее здоровым, чисто русским смехом». Сам Островский писал о ней: «Лучшая блестящая ingenue (инженю), совсем мое создание»⁸³.

Здесь пролегал путь полета Маргариты в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова. По кажущимся основательными предположениям Б.С. Мягкова⁸⁴, прототипом особняка, где жила Маргарита (точнее сказать, его местоположения), был особняк Калужских в Малом Власьевском переулке. (Сын актера В.В. Лужского — Е.В. Калужский, актер и заведующий репертуаром МХАТ, был не только приятелем М. Булгакова, но и свояком — его жена приходилась сестрой Елене Сергеевне Булгаковой.) В романе маршрут Маргариты описан предельно точно: «...перелетев ворота, вылетела в переулок... Пролетев по своему переулку», попала «в другой, пересекавший первый под прямым углом. Этот заплатанный, заштопанный, кривой и длинный переулок с покосившейся дверью нефтелавки она перерезала в одно мгновенье, полетела медленнее... Третий переулок вел прямо к Арбату». Длинный переулок — Сивцев Вражек. Там действительно была памятная старожилам нефтелавка, как раз на углу переулка, ведущего прямо к Арбату, — Калошина. Далее она «пересекла Арбат», поднялась выше мимо «углового здания театра», «проплыла в узкий переулок с высокими домами». Театр — это несомненно Театр Вахтангова на другой стороне Арбата, а переулок с высокими домами — Большой Николопесковский, который тогда уже назывался улицей Вахтангова. А поднялась она повыше возле высокого дома на углу Калошина переулка и Арбата (дом № 35).

Об этом доме пойдет речь тогда, когда поведем рассказ о Кривоарбатском переулке, на который он выходит другой своей стороной. Пока же отметим, что дом стал одним из главных «героев» фильма «Дом с рыцарями»* кинодокументалиста Марины Голдовской по ее же сценарию; что здесь находился последний адрес видного большевика Г.Е. Зиновьева, известного и своими многочисленными сочинениями; что позднее там находилось Министерство культуры СССР (когда министром был Н.Н. Губенко); сейчас в доме нашло пристанище Всероссийское театральное общество, где нередко презентации новых изданий.

В единственном сохранившемся на Арбате особняке дворцового типа, построенном в XVIII в. и восстановленном после пожара 1812 г. (дом № 37), родился Д.Н. Свербеев — мемуарист, знакомец Пушкина, женатый на родственнице Чаадаева княжне Щербатовой. В доме Свербеевых начиная со второй половины 1820-х гг. собирались в дни известных в Москве литературных «пятниц», на которых витийствовали сначала писатели пушкинского поколения, а затем славянофилы и западники. Адреса салона менялись: один из многолетних — у Собачьей площадки (Большой Николопесковский, 15), где в 1857 г. бывал Л.Н. Толстой. В 1833–1835 гг.

* Дом был построен в 1913 г. Наверху в нишах, на особых балкончиках, стоят фигуры рыцарей. Изображение — на обложке путеводителя «Арбат» О.Р. Шмидт.

домом на Арбате владела Екатерина Семенова, тогда вышедшая уже замуж за князя Гагарина и не выступавшая на казенной сцене. Но и оставив сцену, она иногда участвовала в любительских спектаклях. Рассказывали об ее ответе на одном из вечеров у Апраксиных (т.е. на Арбатской площади) делавшему ей замечание директору московских театров, уже упоминавшемуся Ф.Ф. Кокошкину: «...Вы учите на этих досках не княгиню Гагарину, а Семенову». Дольше всего она жила в доме № 27 на Зубовском бульваре (тоже в районе Приарбатья). В начале артистического пути осваивать богатства культуры России — языка, литературы, изобразительного искусства — ее учили Жуковский и Гнедич; «великолепную Семенову» воспел Пушкин, подаривший ей с дарственной надписью «Бориса Годунова»: «Княгине Екатерине Семеновой-Гагариной от Пушкина, Семеновой от сочинителя». Литераторы всегда были желанными гостями салона княгини Гагариной, когда она в 1827 г. переселилась в Москву.

А дом № 39, перестроенный для кинотеатра «Ампир» из двух зданий в 1913 г., должен остаться памятным в истории нашего просвещения. До переезда в специальное здание в 7-м Ростовском переулке (между Плющихой и Москвой-рекой) здесь была частная Алферовская женская гимназия — одна из самых передовых в Москве по подбору педагогов, организации обучения и даже форме одежды гимназисток. Владельцами ее были Алферовы — начальница обучала математике, супруг преподавал российскую словесность. После революции супругов обвинили в участии в контрреволюционном заговоре. Накануне расстрела Александра Самсоновева написала трогательное письмо — жизненное напутствие любимым ученицам, которое сохранилось в их благодарной памяти. В гимназии начал преподавать в 1909 г. приехавший из Киева Г.Г. Шпет — в будущем светило русской и мировой философии. Тогда же он собирал материалы к замысленной книге по истории педагогики⁸⁵. Одним из первых в мире он приступил к разработке основ философии языка, семиотики. В работе «Внутренняя форма слова» философ писал, что «смерть имеет разное значение применительно к антропологическому индивиду и социальному субъекту: физическая смерть первого еще не означает смерти его как социального субъекта. Последний живет, пока не исчезло какое бы то ни было свидетельство его творчества». В 1920-е гг. профессор Шпет был вице-президентом ГАХН (Государственной академии художественных наук), помещавшейся в бывшем здании Поливановской мужской гимназии на Пречистенке. Как «идеалист» отлученный от преподавания философии, Шпет много сил отдал переводу классических произведений западноевропейской литературы, составлению словарей. Комментарий к «Запискам Пиквикского клуба» Диккенса (вышедший отдельным томом в издательстве «Academia») — непревзойденный образец комментаторского мастерства. Сосланный в Сибирь, он был там расстрелян в 1937 г. Сочинения Г. Шпета издали в одном из первых выпусков книг философского наследия русских мыслителей — серии «Из истории отечественной философской мысли» в 1989 г.

В 1936 г. находившийся в доме № 39 кинотеатр «Карнавал» превратили в первый кинотеатр для детей «Юный зритель», где демонстрировали и художественные, и учебные фильмы, проводили встречи со школьниками, викторины, устраивали «елки», детские праздники. Одним из руководителей этих утренников была

К.О. Вейнхельт — еще в 1911 г. соавтор виднейшего историка-методиста М.Н. Коваленского по созданию первого учебника истории для младших классов. На рубеже 1920–1930-х гг. она работала с М.Н. Тихомировым, когда будущий академик, преподававший тогда в средней школе и техникумах, выступал с рассказами по истории перед демонстрацией фильмов в кинотеатре напротив зоопарка. В кинотеатр «Юный зритель» приходили целыми классами, приспособив занятия к программам кинопоказа или даже специально заказывая фильмы определенной тематики. Такой практики придерживалась преподававшая историю в 59-й школе в Старокопюшенном переулке В.В. Сказкина — жена любимого лектора студентов исторического факультета Московского университета академика С.Д. Сказкина. (Среди ее учеников был В. Буковский.) Тогда еще не знали телевидения с его циклами учебных передач. И я, начиная в 1950-е гг. читать общий лекционный курс отечественной истории в Московском историко-архивном институте, старался тоже посещать такие киносеансы, помогающие визуально представить и памятники прошлого, и сами события тех давних лет. А потому, когда начал выступать с 1970-х гг. регулярно по телевидению в учебных сериалах «Беседы об истории» и с циклом телепередач по программе отечественной истории до XIX в., стремился ознакомить с фрагментами таких фильмов и телезрителей.

Дом № 43 вошел в историю поэзии XX в., пожалуй, даже в большей мере, чем дом № 53, где была квартира молодых Пушкиных и где великий поэт именно в те месяцы не писал стихов. Ранее в помещении нынешнего магазина «Свет» был писчебумажный магазин «Надежда», ставший как бы одним из символов Арбата и в прозе, и в стихах Андрея Белого:

И на Арбате мчатся в вечность:
 Пролеток черных быстротечность,
 Рабочий, гимназист, кадет...
 Проходят, ветром взвив одежды,
 Глупцы, ученые, невежды.
 Зарозовеет тихий свет
 с зеленой вывески «Надежды»
 Над далью дней и далью лет...

В этом доме прошли детские годы Б.Ш. Окуджавы. Там складывались его первые впечатления об Арбате, об «арбатском дворе», об «арбатстве». Тема эта присутствует и в его сочинениях — и поэтических⁸⁶, и прозаических, особенно в автобиографическом романе о детстве «Упраздненный театр», определенном самим автором как «семейная хроника»*. И живя в другом районе Москвы и в Подмоскovie, Окуджава называл себя «эмигрантом арбатского двора», возвращался к истокам и мыслил категориями привычного ему «арбатства»⁸⁷. В значительной мере именно под впечатлением стихов и песен Окуджавы сложились современные представления об Арбате и в нашей стране, и за ее рубежами, что признает и сам поэт. Сти-

* В 1994 г. роман был удостоен Международной премии Букера как лучший роман года на русском языке.

хотворение об Арбате «Ты течешь, как река...» — высочайшего, хрестоматийного значения классика отечественной поэзии. Образ Арбата, созданный Окуджавой, оказался удивительно исторически достоверным. Воистину прав был Пушкин, когда в споре о том, кому принадлежит история, царю или народу, заметил: история принадлежит поэту. Вошло в обычай 9 мая (День Победы и день рождения писателя) собираться в дворовом садике: те, кому дороги Булат Окуджава и его творчество, несколько вечерних часов исполняют его сочинения.

В доме № 45, построенном на месте разрушенной церкви Николы в Плотниках* в середине 1930-х гг., сразу же поселили потомков Пушкина и Л. Толстого. Предоставили квартиру и писательнице Мариэтте Шагинян (на доме памятная доска), и А.Я. Коцу, который еще в 1902 г. перевел на русский язык с французского стихотворение Э. Потье (1871) «Интернационал», ставшее пролетарским гимном, и знаменитой деятельнице «Народной воли» 1870–1880-х гг., шлиссельбургской узнице В.Н. Фигнер — автору многих литературно-публицистических сочинений и мемуаров «Запечатленный труд». Когда в военные годы ей предложили эвакуироваться и врачей тревожило, выдержит ли переезд почти не покидавшая постели девяностолетняя женщина, Вера Николаевна сказала: «Пусть заботятся о живых»⁸⁸. Здесь на ее квартире бывали многие знаменитости, пел И.С. Козловский. А житель этого дома (что тоже отмечено памятной доской) известный полярник И.Д. Папанин издал книгу «Жизнь на льдине» (1938) и воспоминания «Лед и пламень» (1977).

Много имен приходит на ум в связи с самым многоквартирным из дореволюционных домов Арбата — домом № 51. Прежде всего, это последнее место пребывания в Москве Александра Блока. В 1920 г. он жил в квартире видного в ту пору литературоведа левых воззрений профессора П.С. Когана, ставшего президентом Государственной академии художественных наук (ГАХН). О Когане с теплом вспоминала за рубежом М. Цветаева; запомнились и слова В. Маяковского из стихотворения «Сергею Есенину»: «...чтобы врассыпную разбежался Коган, встреченных увеча пиками усов». Там поселился автор очерка об Арбате первого послереволюционного десятилетия Н. Зарудин (репрессированный в 30-е гг.), жил Д.И. Ортенберг (известный и под псевдонимом Д. Вадимов), ставший затем главным редактором газеты «Красная звезда»; позднее — известный журналист-сатирик В.В. Веселовский, первый руководитель «Клуба “12 стульев”» «Литературной газеты».

Дом этот сделал местом действия своего романа живший здесь прозаик Анатолий Рыбаков. Переведенный на многие языки роман о столичной молодежи 1930-х гг. «Дети Арбата» начинается с описания «самого большого дома на Арбате», его трех восьмизэтажных корпусов, когда «Арбат кончал свой день». Здесь же жил популярнейший на рубеже 1920–1930-х гг. композитор-песенник А.А. Давиденко (памятная доска установлена в 1973 г.). Песни его разучивали все школьни-

* В храме Николы Плотника приходским священником был известный церковный деятель и писатель Иосиф Фудель. А настоятель храма рубежа 1920–1930-х гг. отец Владимир Воробьев был арестован в годы, трагические для судеб и храмов, и священнослужителей. Репрессированный тогда же философ А.Ф. Лосев (о котором уже шла речь) писал в декабре 1931 г. домашним, что повезли его из Москвы на этап в Кемь, а соседом по «вагонзаку» оказался отец Владимир.

ки довоенных лет. Здесь жили и видные историки, причастные к литературной деятельности. В конце 1920-х гг. там проживала молодая тогда М.В. Нечкина (впоследствии академик) — историк России XIX в. Она много писала и о русских писателях, получив Сталинскую премию за книгу «Грибоедов и декабристы», по разделу «Литературоведение». По возвращении из ссылки, в конце 1930-х гг., здесь жил знаменитый историк, академик Е.В. Тарле — мастер исторической прозы. Находившийся много лет в доме кинотеатр «Арс» всегда отличался просветительской направленностью отбираемых для показа кинофильмов; недаром именно туда переехали после восстановления ресторана «Прага» кинотеатр «Наука и знание». (Теперь там видеосалон; и улица Арбат, где ранее было несколько кинотеатров, сейчас не имеет ни одного.)

Дом № 53 — Музей-квартира А.С. Пушкина — слава Арбата! Естественно, что у Пушкина бывали и выдающиеся его современники и, конечно же, писатели: Денис Давыдов, Е.А. Боратынский, П.А. Вяземский, Н.М. Языков, И.В. Киреевский и другие. О пребывании Пушкина на Арбате имеется немалая литература. О музее и его экспозиции — книга организатора московского Музея Пушкина на Пречистенке Александра Зиновьевича Крейна «Жизнь музея» (1979). Там в главе VI «Квартира Пушкина на Арбате» подглавки — «Хранители даров» и «Пушкинский маршрут» — маршрут пешеходного пути между музеями на Арбате и на Пречистенке с указанием и домов, где бывал Пушкин, и исторических памятников не только пушкинской эпохи, но и иных, и домов, составлявших в пушкинские времена городскую среду. Открылись и выставочные залы в соседнем доме в Денежном переулке: в 1992 г. там прошла интереснейшая выставка «Русские литераторы и российская дипломатия XVIII – первой трети XIX века»⁸⁹, подготовленная совместно с Министерством иностранных дел; запомнилась выставка произведений (акварелей и рисунков) гениального арбатского мальчика (он жил в доме № 10 по Плотникову переулку) Коли Дмитриева, которому предрекали будущее великого Серова: он погиб шестнадцатилетним*. Именно там осенью 1993 г. открылась юбилейная выставка «500 лет Арбату», подготовленная Государственным Историческим музеем, Музеем Пушкина, а также Музеем истории Москвы.

В том же доме № 53 в 1884–1885 гг. у старшего брата останавливался композитор П.И. Чайковский. В первые годы советской власти там выступал театральный коллектив, где впервые раскрылось актерское дарование Эраста Гарина.

В соседнем доме № 55 родился в 1880 г. и прожил первую половину жизни Андрей Белый. Дом № 55 и соседние дома описаны им с детальными подробностями и в то же время с образной живостью и своеобразной знаковой системой символов. Здесь он подружился с соседом, внуком классика отечественной исторической науки Соловьева, названным в честь деда Сергеем. Воспоминания этого литератора и религиозного мыслителя опубликованы⁹⁰. С.М. Соловьев — племянник поэта и крупнейшего русского философа конца прошлого столетия Владимира Соловьева и троюродный брат А.А. Блока. В квартире Соловьевых Борису Бугаеву придумали его литературное имя — Андрей Белый. У быстро приобретшего литературную

* Сейчас (при помощи фонда Сороса) готовится к печати книга-альбом о Коле Дмитриеве. (Книга опубликована, см.: Николай Дмитриев / Сост. Е.Ф. Гиппиус. М., 1997. — Ред.)

известность писателя собирается литературный кружок «Аргонавты» — поэты, философы, музыканты (Н. Метнер и другие); не раз был гостем приезжавший из Петербурга А. Блок. Для собраний этих молодых людей характерно не только взаимопроникновение литературно-художественных и философско-религиозных интересов (что в те годы было нередким для мироощущения людей, объединявшихся и в других кружках и салонах обеих столиц), но и тесная взаимосвязь с современными музыкальными устремлениями. И еще особенно высокая, экзальтированная даже, степень интеллектуальной напряженности; тем более что в доме не было молодой хозяйки, умеющей ввести все в рамки салонного уюта.

А в квартире профессора университета академика И.И. Янжула — видного экономиста, историка, правоведа, автора мемуаров — постоянными были собрания либеральной профессуры (и гуманитариев и естественников — К.А. Тимирязева и других). Супруга академика, Е.Н. Янжул, не только неизменная сотрудница мужа, ею написано немало педагогических сочинений; она организовала в районе Арбата училище для девочек. Коллеги-ученые постоянно бывали и у отца Андрея Белого, профессора математики университета Н.В. Бугаева (среди них и знаменитые в области гуманитарных наук); посещал занимавшегося философией Бугаева и Л.Н. Толстой. В квартире у Бугаевых сейчас открыта музейная экспозиция^{*}, напоминающая и о профессорской Москве конца XIX в., и о русской художественно-литературной культуре периода расцвета символизма в начале XX столетия. Квартира до мельчайших деталей описана в прозе Андрея Белого (в воспоминаниях «На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций», в романной трилогии «Москва», в повестях «Котик Летаев», «Крещеный китаец»). Квартира стала «главным героем» автобиографической прозы писателя, и потому в музейной экспозиции предполагается присутствие и элементов художественности, театральности. Так как в период написания своих автобиографических произведений автор являлся уже носителем иного сознания, чем в описываемую эпоху, то основной идеей экспозиции музея «Мемориальная квартира Андрея Белого на Арбате» становится Борис Бугаев в сознании Андрея Белого.

С осени 1916-го по март 1917 г. в квартире 8 жил М.С. Грушевский (с 1929 г. академик Академии наук СССР). Сочинения классика украинской исторической науки, немало писавшего и об украинской литературе, признаются высоким образцом и украинского литературного языка.

^{*} В день открытия музея слово брали деятели культуры, особенно ярким и запоминающимся было выступление выдающегося литературоведа и литературного критика В.Я. Лакшина. Мое выступление было, видимо, настолько внешне эмоциональным, что газета «Коммерсантъ-Daily» сообщение на первой странице «В Москве открыт Музей Андрея Белого» в номере от 26 марта 1993 г. сопроводила фотографией экспрессивного вида с подписью: «Вчера в Москве на Арбате, 55, открылся Музей Андрея Белого — в квартире, где поэт родился и прожил 26 лет. На снимке: академик Сигурд Шмидт на открытии музея не скрывал своего ликования». И было приятно, что в том же номере газеты, на третьей странице, помещены информация о собрании акционеров ассоциации «ВЕСТ» и фотография с подписью: «Генеральный директор Международной ассоциации “ВЕСТ” Сергей Радоманов поздравляет учредителей с дивидендами в размере 100% годовых». «ВЕСТ» много сделал для организации празднования юбилея — 500-летия Арбата и на первых порах для подготовки этого альманаха.

В этом же доме провел юные годы и мой младший современник и в известной мере ученик по Историко-архивному институту (где он ныне профессорствует) киновед и кинорежиссер Лев Рошаль. Его фильм «Соло на трубе» о жителях «Дома на набережной», погибшем на войне школьном друге писателя Ю. Трифонова Антоне и его матери — удачная попытка отобразить судьбу поколений через прижизненные биографии жителей одного дома.

На другой стороне улицы Арбат, с четной нумерацией, тоже многое напоминает о значительных именах и явлениях нашей культуры, многообразных традициях литературы и просвещения.

В доме № 26, тогда еще не перестроенном, в первые послереволюционные годы устраивались выставки произведений искусства из национализированных коллекций. Ныне дом занимает Театр имени Евгения Вахтангова — один из лучших театров России, любимый театр арбатцев. Естественно, что роль театра велика для восприятия и распространения представлений в сфере литературы и просвещения. Сразу прославивший гениального Вахтангова и его учеников спектакль «Принцесса Турандот» (по сказке Гоцци) вот уже 75 лет остается в репертуаре театра. Следует особо отметить, что именно этот театр дал сценическую жизнь многим пьесам современного российского репертуара — в их числе «Егор Булычев и другие» М. Горького, «Виринея» Л. Сейфуллиной, «Зойкина квартира» М. Булгакова, «Интервенция» Л. Славина, «Разлом» Б. Лавренева, «Человек с ружьем» Н. Погодина. В театре происходило торжественное заседание, посвященное 500-летию Арбата.

В доме № 28 жил поэт П.Г. Антокольский, тесно связанный в своей деятельности и каждодневной жизни с Театром Вахтангова и вахтанговцами. Учитель многих поэтов, ставших известными в канун войны, он был, пожалуй, первым из признанных мэтров, который так радостно приветствовал вторгшееся сразу на вершины поэзии молодое поколение поэтов конца 1950-х – начала 1960-х гг.

С переулка во двор был вход (дом № 30) в квартиру, где поселилась семья переехавшей из Ленинграда в Москву певицы К.И. Дорлиак. Ей первой из профессоров пения была присвоена ученая степень доктора искусствоведения. Там же проживали в 1930–1940-е гг. ее дочь, тоже замечательная певица и профессор Нина Львовна Дорлиак (ставшая народной артисткой СССР)⁹¹, а также лучший пианист второй половины нашего века Святослав Рихтер.

В XIX в. на том месте, где в начале XX столетия был построен этот дом, проживали знакомые Пушкина и Герцена, известный поэт-петрашевец А.Н. Плещеев, потом размещалось Арбатское начальное (трехклассное) училище, попечительницей которого была уже упоминавшаяся Е.Н. Янжул. Здесь — и адрес редакции справочника-ежегодника «Вся Москва». Для интересующихся Москвой конца XIX – начала XX в. — это настольная книга.

В доме № 30 жил и работал (о чем напоминает и памятная доска с барельефом) художник С.В. Иванов. В 1890-е гг. он создал произведшую большое впечатление на общественность серию картин о крестьянах-переселенцах в духе воззрений народной литературы, в 1905 г. запечатлел события революции. А серия его картин по истории допетровской России, основанная на внимательном изучении первоисточников и научной литературы, по сей день остается непревзойденным по значе-

нию материалом познания прошлого нашей страны. Картины эти репродуцируются и в школьных учебниках, и в экспозициях историко-краеведческих музеев.

В.В. Сорокин указывает, что в квартире 9 этого дома останавливался знаменитый путешественник П.К. Козлов*, еще в молодые годы ставший сподвижником легендарного Пржевальского, которого почитал своим «великим отцом». На рубеже веков П. Козлов был руководителем экспедиций Русского географического общества, отправлявшихся в неисследованные районы Центральной Азии. Им сделаны и описаны значительнейшие открытия в области не только естественно-географических знаний, но и историко-культурных. В развалинах мертвого города Тангутского царства Хара-Хото, разрушенного войсками Чингисхана и засыпанного песками, он обнаружил уникальные памятники материальной культуры и свыше двух тысяч томов рукописей и печатных книг.

В том же доме прошли молодые годы талантливого писателя послевоенного поколения Ю.П. Казакова — лирика нашей прозы, с влюбленной душевностью говорившего и писавшего и об Арбате⁹³. А ушедший воевать житель этого дома Иммануил Левин описал довоенный образ жизни, настроения школьной молодежи в книге «Кажется, это было вчера... Записки офицера разведки». В последние годы жизни писатель немало напечатал об истории Арбата и сделал для организации празднования его 500-летия⁹⁴.

В доме № 30 знакомый с детства уже не одному поколению москвичей зоомагазин, сам ставший возбудителем поэтического творчества. Помните у Агнии Барто:

На Арбате, в магазине,
За окном устроен сад,
Там летает голубь синий,
Снегири в саду свистят...

Владельцем дома № 32 одно время был знаменитый в последние десятилетия XIX в. адвокат князь А.И. Урусов. Речи выдающегося судебного оратора, его прекрасная диалектика, а главное — голос, дикция, жесты оказывали захватывающее воздействие на слушателей. И хотя напечатанные речи Урусова признаются высокими образцами ораторской прозы, они, по мнению современников, могли дать «только бледное представление о том, чем они были в момент произнесения». Урусов известен был как писатель и знаток новой отечественной и зарубежной (особенно французской) литературы.

Дом № 36 также «обречен» остаться памятным местом в истории российского просветительства. В конце 1860-х гг. здесь жил профессор всеобщей истории университета В.И. Герье — организатор в 1872 г. Высших женских курсов в Москве и бессменный их ректор (до закрытия в 1888 г.). Высшие женские курсы профессора Герье — первое в истории русского общества общеобразовательное, с универ-

* Однако писать, что Козлов жил в этой «квартире в перерывах между своими путешествиями», некорректно. Козлов постоянно жил в Петербурге и его окрестностях, где хранились и привезенные его экспедициями коллекции⁹². Это прослеживается и по дореволюционным справочным изданиям о Петербурге, и по советскому изданию 1934 г. «Научные работники Ленинграда».

ситетским курсом, учебное заведение для женщин. К преподавательской деятельности он сумел привлечь лучших профессоров того времени — историков В.О. Ключевского, П.Г. Виноградова, историков литературы А.Н. Веселовского, Н.И. Стороженко, экономиста А.И. Чупрова, астронома Ф.А. Бредихина и других. Так как сам Герье читал лекции по истории европейских цивилизаций и слушательницы его изучали труды французского историка Гизо, их прозвали «гизотками Герье». Некоторые выпускницы стали впоследствии известными педагогами, например сестра А.П. Чехова Мария Павловна, учившаяся там в 1882–1885 гг. Она 18 лет преподавала историю и географию в частной гимназии⁹⁵. Владелец дома (с 1891 г.) профессор, хирург А.П. Рас(з)цветов был известен и как видный деятель высшей школы (в частности, как председатель экзаменационной комиссии у медиков), и своей благотворительностью на ниве просвещения (пожертвовал библиотеку Обществу русских врачей, учреждал на свои средства премии за научные исследования, оставил капитал на убежище для неимущих врачей). А профессор М.К. Турский, скончавшийся в этом доме в 1899 г., был крупнейшим ученым-лесоводом и пропагандистом знаний о лесе. Герой знаменитого послевоенного романа Леонида Леонова «Русский лес» выступает продолжателем его традиций.

В 1890-е гг. здесь помещалась редакция журнала «Вопросы философии и психологии», редактором которого был философ Н.Я. Грот, оригинально разрабатывавший проблемы взаимосвязи логики и психологии. В журнале уделялось внимание и критике выдающихся явлений художественной литературы.

Откровенно просветительской была направленность основанного по инициативе Л.Н. Толстого издательства «Посредник», с 1892-го (после переезда из Петербурга) и вплоть до 1935 г. пребывавшего в этом доме. В 1897–1925 гг. им руководил писатель И.И. Горбунов-Посадов. Издательство специализировалось на выпуске «копеечных» изданий, доступных и малоимущим, — художественной и нравоучительной литературы (с издательством тесно связан был не только Л. Н. Толстой, не раз бывавший в редакции, но и А.П. Чехов), книг по сельскому хозяйству, домоводству, ежегодного «Сельского и деревенского календаря», «Азбук-картинок» с подвижными разрезными буквами, первых книг для чтения. Неумолимой детской писательницей и верным помощником в издательской работе мужа была Елена Евгеньевна Горбунова-Посадова. Иван Иванович был одним из самых близких Л.Н. Толстому людей: «Очень умен и даровит. И чист. Легко полюбить его» (дневниковая запись Толстого)⁹⁶. После 1917 г. издательство в основном специализировалось на печатании книг для детей. С ним сотрудничало и переехавшее туда же преобразованное в издательство «Север» издательство Сабашниковых, правление которого возглавили историк Д.М. Петрушевский и литературовед и историк М.А. Цявловский.

В доме № 38 в начале века жил писатель Б.К. Зайцев, частым гостем которого был другой, тогда становившийся все более знаменитым писатель Л.Н. Андреев⁹⁷. Для Зайцева именно Арбат — «образ юности отошедшей», такими словами начинается очерк «Улица Св. Николая». С образом улицы связаны для него и образы двух арбатских поэтов — «бирюзоглазый» проносился, подобно облаку, по стороне улицы с нечетными номерами домов, а «златовласый», прихрамывающий, ходил по другой стороне, ближе к переулку, где он жил (в Большом Николопесковском, 15). Первый — это Андрей Белый, второй — К.Д. Бальмонт.

В доме № 40 в последние годы жизни работал М.С. Наппельбаум, замечательный фотопортретист, запечатлевший облик Ленина и его сподвижников, многих известных своих современников, в их числе и литераторов. Им написаны воспоминания «От ремесла к искусству». Он дожил до глубокой старости (умер почти девяностолетним в 1958 г.); внешний образ красивого бородатого старика в художественном стильном берете памятен пожилым арбатцам.

Небезлюбопытны для историка литературы и те, кто обитал в XIX в. в доме, имеющем ныне номер 42. Там жила графиня Н.А. Зубова — дочь великого Суворова. Своей любимой Суворочке полководец, несомненно обладавший недюжинным и оригинальным литературным дарованием (недаром сочинения его вышли в свет в такой престижной академической серии, как «Литературные памятники»), адресовал трогательные письма, интересные и как образцы эпистолярной прозы XVIII в. В конце 1860-х — начале 1870-х гг. там проживала Елизавета Николаевна Киселева — вдова упоминавшегося уже полковника в отставке Киселева, которому Пушкин в Москве читал «Полтаву», и сама близкая знакомая Пушкина. Когда она носила еще девичью фамилию Ушаковой, поэт ухаживал за ее сестрой Екатериной. В конце 1820-х гг. альбом Елизаветы Николаевны Пушкин заполнял стихотворениями и рисунками и именно там написал «перечень всех женщин» (имена или первая буква имени), которыми увлекался, — так называемый донжуанский список⁹⁸. Известно, что через 40–45 лет после этого в салоне Е.Н. Киселевой (среди посетителей его был и П.И. Чайковский) не раз вспоминали о Пушкине. Воспоминания ее, начатые в 1861 г., обрываются на 1826 г. Полагают, что последующая часть была ею уничтожена. В советское время дом № 42 был адресом экономиста академика П.П. Маслова, автора исследований по аграрному вопросу и многих публицистических сочинений. В молодые годы он был арестован по делу одного из ранних марксистских кружков (Н.Е. Федосеева), а затем стал идеологом аграрной программы меньшевиков.

А дом № 44 имеет и косвенное — и притом дальнейшее — отношение к биографиям классиков литературы XIX в., и прямое — к истории литературы советских лет. В XVIII в. владение принадлежало в разное время прапрадеду И.С. Тургенева и бабушке Ф.И. Тютчева, а после 1812 г. Кикину. Старик А.А. Кикин был знакомым бабушки юного Лермонтова — Е.А. Арсеньевой, проживавшей недалеко, на Молчановке, и бывавшей здесь вместе с внуком. В 1837 г. Лермонтов написал в Кисловодске портрет Кикина.

В советское время здесь жили писатели очень разные, но схожей судьбы: С.Д. Кржижановский и Н.И. Глазков. Обоих при жизни мало печатали, оба очень нуждались, и оба, быть может, именно потому были подвержены сильному воздействию «зеленого змия». Утонченнейший, высокообразованный Сигизмунд Кржижановский пробавлялся переводами, лекциями по истории театра, небольшими очерками. Из небытия его возвратила подготовленная В.Г. Перельмутером книга «Воспоминания о будущем: избранное из неизданного» (1989), преимущественно московской тематики 1920–1940-х гг. Книга предварена интересной статьей, заголовком которой стала цитата из записной книжки писателя: «Трактат о том, как невыгодно быть талантливым». Открывает книгу фотопортрет работы Наппельбаума, который избирал моделями только тех, кого высоко ценили со-

временники^{*}. В книге «Страны, которых нет» (1994) собраны статьи о литературе и театре, записные тетради.

Посмертно приходит все в большей мере слава и к Николаю Глазкову⁹⁹, при жизни известному больше по устному исполнению своих стихотворений. Помнится, тогда часто цитировали такие строки:

Я на мир взираю из-под столика:
Век двадцатый — век необычайный!
Чем он интересней для историка,
Тем для современника печальней.

Повторяли не без злорадства и четверостишие:

Люблю грозу в конце июня,
Когда идет физкультпарад
И мрачно мокнет на трибуне
Правительственный аппарат.

Внешне демонстративно чудаковатый, он был внутренне свободным человеком, «вечным рабом своей свободы», убежденно верящим в будущее своих стихов («Писатель рукопись посеял... Она валялась среди Расеи и начала произрастать...») и стихов других поэтов — «не вторителей, а творителей».

Одно из стихотворений дало название посмертно изданному сборнику стихотворений Н. Глазкова «Арбат, 44». Содержание его показательное:

Арбат, 44,
Квартира 22,
Живу в своей квартире
Тем, что пилю дрова.

^{*} Только теперь становятся мне понятными слова, сказанные моим дядей, философом и писателем, когда однажды в его комнате коммунальной квартиры дома № 26 по Трубниковскому переулку застал у него С.Д. Кржижановского: «Этого человека будут, как и Андрея Белого, называть одним из самых выдающихся писателей России, хотя ты о нем и не слышал». (В те годы в зазнайстве мальчишеской полуобразованности и быстрой памяти на внешне нахватанные знания я мнил себя осведомленным в известных именах литераторов.) Разговор происходил, видимо, после кончины Андрея Белого (он умер в январе 1934 г.), когда в печати осуждали авторов некролога в редактируемой Н.И. Бухариным газете «Известия» — Б. Пастернака, Б. Пильняка, Г. Санникова — за переоценку значения творчества умершего писателя. Но не позднее весны 1936 г., когда дядя был в той же комнате арестован за связь с руководством возглавляемого Л.Б. Каменевым издательства «Academia». У меня хранится книга из его библиотеки 1933 г. издания «Избранные произведения Бернарда Шоу» (два из них перевел Кржижановский) с надписью: «Многоуважаемому Якову Эммануиловичу Голосовкеру. М-р Шоу шлет свои best wishes (лучшие пожелания) герру Ницше. 15.IX.33. С.К.» Дядя тогда подготовил для «Academia» с комментариями полный перевод «Так говорил Заратустра» Ницше. (Перевод был издан лишь в 1994 г. в библиотеке журнала «Путь» в кн.: *Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Стихотворения / Подгот. текста, комментарии, предисловие А.В. Михайлова.*)

В деньгах нуждаюсь больше,
Чем в отпущении грехов,
И материальной пользы
Не вижу от стихов.
Но их писать не брошу
Ни за каким трудом...¹⁰⁰

* * *

Такое же перекрестие эпох, исторических лиц, литературных персонажей обнаруживаем, когда знакомимся с прошлым и переулков Приарбатья.

Взять, скажем, Кривоарбатский переулок, почти прилегающий к Арбату, где даже находящиеся в глубине дома имели проходные дворы, ведущие к главной улице. То же самое заметно и в исторической биографии переулков, удаляющихся от Арбата по перпендикуляру.

Кривоарбатский переулок, до середины прошлого века именовавшийся Кривым, уже названием своим обращает мысль к Арбату, хотя он изначально был на территории не Арбатской, а Пречистенской части. Собачья же площадка, отделенная Большим и Малым Николопесковскими переулками от улицы Арбат с домами четной нумерации, относилась к территории Арбатской части. Теперь ее сравнивали с асфальтом Новоарбатского проспекта — самой широкой магистрали столицы. И если наблюдения о прошлом Кривоарбатского переулка можно в известной мере проверить визуально, то составить представление поколениям, начавшим сознательную жизнь после середины 1960-х гг., о Собачьей площадке¹⁰¹ помогут только описания и изображения давних лет и воспоминания старших современников.

Название Собачьей площадки восходит, видимо, к тем временам, когда в этой местности располагался двор, где держали собак для царской охоты; двор назывался Кречетным и дал наименование соседнему Кречетниковскому переулку. (Кречеты — из семейства соколиных — уже тогда были редкими ловчими птицами.) Согласно бытовавшему в годы моего детства преданию, необычное название местности пошло от захоронения в сквере каким-то барином своей любимой собачки, которой он соорудил памятник в виде фонтана. Стертая ныне безликим асфальтом, Собачья площадка считалась уютнейшим, особо привлекательным и красивым местом дворянской Москвы. В путеводителе «По Москве» (1917) читаем: «В стороне от шумной жизни столицы лежат две небольшие площади, сохранившие старинный облик и обвеянные духом уходящей Москвы. Это Спасопесковская площадь и Собачья площадка, обе близ Арбата... Собачья площадка, неподалеку от Спасопесковской, сильнее искажена современными строениями, но все же отмечена старинными, хоть и не стильными особняками. Против старого дома Хомяковых сыном поэта-славянофила недавно поставлен классический фонтан, вполне соответствующий духу этого тихого уголка Москвы»¹⁰². Описание фонтана из восприятия его детьми рубежа 1920–1930-х находим в не опубликованных пока воспоминаниях Е.Б. Костяковой*: «В центре памятника возвышался граненый красный столб с чер-

* Астроном, доктор наук Елена Борисовна Костякова, обладая необычайно четкой памятью, отобрали многое из повседневной жизни арбатской интеллигенции.

ными собачьими мордами на гранях. Во рту у собак были трубочки, из которых когда-то били фонтанчики. В наше время фонтанчиков уже не было, мальчишки-“хулиганы” вставляли в эти трубки папиросы, тогда собаки “курили”. Бывший водоем вокруг столба тоже был граненый. На гранях были вылеплены амурчики с трубами; весь памятник окружали гранитные ступени. По бокам круглого сквера стояли лавочки, а у чугунной ограды росли ясени. Поскольку амурчики по углам барельефов были уже частично отбиты, по ним удобно было влезать внутрь фонтана и бегать там, что маленькие дети и делали с удовольствием».

Собачья площадка вошла в русскую художественную литературу. Здесь разворачивается действие популярной повести В.А. Соллогуба «Тарантас» (1845) — приезжий среднерусский помещик оттуда начинает свой путь. В романе И.С. Тургенева «Дым» «около Собачьей площадки, в одноэтажном деревянном домике, с полосатым парадным крылечком на улице, зелеными львами на воротах и прочими дворянскими затеями» автор поселяет семейство Осининых. Л.Н. Толстой, приехав в 1848 г. из Ясной Поляны, остановился у приятеля своего В.П. Перфильева (Васиньки), жившего на углу Малого Николопесковского и Собачьей площадки. Васиньку признают прообразом Стивы Облонского — характерной фигурой типологии дворянской пореформенной Москвы.

В послереволюционные годы Собачья площадка казалась средоточием образа прежней жизни состоятельных классов или, во всяком случае, негативной памяти о ней, обретая тем самым отрицательную социальную семантику, что отразилось в стихотворении Маяковского 1925 г.:

Образина милая,
 Как твоя фамилия?
 Петя стал белей чем гусь:
 — Петр Буржуйчиков зовусь.
 — Где живешь, мальчишка гадкий?
 — На Собачьей площадке.

Напротив, в последнем автобиографическом романе Андрея Белого «Котик Летаев» «Телячья площадка» (так зашифровал известное наименование писатель) имеет иной социальный статус.

В просторечии площадку ласково именовали «Собачка»: «Пойду посидеть (или погулять) на Собачку». Но прохлаждались там обычно лишь пожилые люди или мамы с колясками. Чтению мешало цоканье копыт со всех сторон по бульжникам мостовой. Это движение — особенно когда появились автомобили — делало ее небезопасной для заигравшихся детей: думается, потому-то М.И. Цветаева давала наказ маленькой дочери: «На бульвар можно брать с собой мячик, на Собачью площадку не бери и вообще там не гуляй». Спасопесковская площадка, с одной стороны почти примыкающая к ближним особнякам, казалась более приспособленной для детских игр.

В 1952 г. идущий от Новинского бульвара Дурновский переулок, Собачью площадку и вытекающий из нее переулок объединили в одну улицу, присвоив ей название Композиторской. Название возникло от дома № 10, где в бывшем особня-

ке, построенном в модернистском смешанном русско-готическом стиле для Мазуриных (старик Мазурин в конце XIX в. был видным коллекционером древнерусских рукописей), располагались Союз композиторов и Музфонд, а следовательно, бывали и многие деятели музыкальной культуры.

С этим районом Москвы, с Собачьей площадкой и близкими домами сходящихся к ней переулков, связана жизнь интереснейших людей.

Широко известно, что на Собачьей площадке, в доме № 12, на углу Борисоглебского переуллка, в одноэтажном особняке квартировал С.А. Соболевский — остро слов-эпиграммист, библиофил и библиограф, у которого в 1826–1827 гг. жил Пушкин после возвращения из ссылки в Михайловское. Спустя сорок лет Соболевский писал М.П. Погодину: «Мы ехали через Собачью площадку. Сравнявшись с углом ее, я показал товарищу дом Ренкевичевой, в котором жил я и у меня — Пушкин. Сравнялись с прорубленную мною дверью на переулок — видим на ней вывеску “Продажа вина”... Вылезли из возка и пошли туда. Дом совершенно не изменился расположением: вот моя спальня, вот кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин и где заседал Александр Сергеевич в самоедском ержаке. Вот где стояла кровать его; вот где так нежно возился и нянчился он с маленькими датскими щенятами. Вот где он выронил (к счастью, что не в кабинете императора) свое стихотворение на 14 декабря, что с час времени так его беспокоило, пока оно не нашлось... Вот где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, Рожалин, Мицкевич, Боратынский, Вы, я и другие мужи; вот где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!!» В ответном письме Погодин восклицал: «Помню, помню живо этот знаменитый уголок, где жил Пушкин в 1826-м и 1827 годах; помню его письменный стол между двумя окнами, над которым висел портрет Жуковского с надписью: “Ученику-победителю от побежденного учителя”».

В большом оштукатуренном деревянном доме № 12 (флигелем которого был дом, где обитал Пушкин) квартировали в конце прошлого века Мария Александровна Ульянова и дочь ее Анна Ильинична Елизарова с мужем. Владимир Ильич Ленин проездом в сибирскую ссылку останавливался здесь у матери 18–22 февраля 1897 г., что было отмечено памятной доской.

На другой стороне, ближней к Арбату, был дом известного мыслителя-славянофила и поэта А.С. Хомякова, наследники которого владели им вплоть до революции 1917 г. Там на рубеже 1830–1840-х гг. собирались лучшие умы образованной Москвы: и старшие по возрасту Чаадаев, Языков, Погодин, и более молодые Герцен, Грановский, Огарев, Аксаковы. Здесь происходили описанные в «Былом и думах» Герцена и во многих мемуарах жаркие споры западников и славянофилов. Рядом с кабинетом хозяина была небольшая комната, уставленная диванами, которая так и называлась «говорильня» (до закрытия на длительный ремонт Исторического музея она входила в его постоянную экспозицию). После революции в доме открылся уникальный музей дворянского быта 1840-х гг. (ведал им друг М.А. Булгакова Б.В. Шапошников). Философ и историк Г.П. Федотов в 1926 г. так описывал этот музей: «Хотите видеть теперь воочию, как жили в них (усадебных. — С.Ш.) поколения наших дедов? Войдите в дом Хомяковых на Собачьей площадке, где, все кажется, ни один стул не тронут с места с 40-х годов. Какой тесный уют, какая очаровательная мелочность! Низкие потолки, диванчики, чубуки, би-

серное бабушкино рукоделие — и полки с книгами; все больше немецкие романтики и Любомудры» (т.е. русские поэты и философы 1820–1830-х гг.).

Музей был закрыт, когда на рубеже 1920–1930-х гг., преследуя историков-краеведов, варварски закрывали многие музеи, особенно мемориальные историко-культурные «гнезда» прошлого. Затем здание было передано музыкальному училищу Гнесиных, основанному в 1895 г. и до того занимавшему небольшой двухэтажный домик на углу Большого Николопесковского переулка. В квартире при училище проживали его основательницы — сестры Гнесины и муж одной из них — видный историк зарубежной Европы XVI–XVII вв., профессор университета А.Н. Савин, оставивший дневник, насыщенный многими подробностями о жизни московской интеллигенции предреволюционных лет, а впоследствии и брат их, М.Ф. Гнесин — композитор и педагог, автор книг «Начальный курс практической композиции» и «Мысли и воспоминания о Н.А. Римском-Корсакове». Директор, пианистка-педагог Елена Фабиановна Гнесина, — автор фортепианных педагогических сочинений для детей (на Поварской улице в новом здании института, ставшего ныне Российской академией музыки имени Гнесиных, — ее мемориальные комнаты). Среди преподавателей музыки и вокала и выпускников немало имен в энциклопедических словарях.

На другом углу Большого Николопесковского переулка и Собачьей площадки в ампирином особняке в 1830-е гг. жил опальный генерал, декабрист М.Ф. Орлов, подписавший в 1814 г. по поручению союзного командования (подготовленный им же) текст капитуляции Парижа. Орлов был и даровитым публицистом. Декабристы предполагали поставить его во главе восстания, но в декабре 1825 г. его арестовали. Благодаря заступничеству брата, одного из самых приближенных лиц к Николаю I, Орлов сослан был в свое имение, а с 1831 г. поселился в Москве, находясь под надзором полиции. Герцен вспоминал в «Былом и думах»: «Бедный Орлов был похож на льва в клетке. Везде стукался он в решетку, нигде не было ему ни простора, ни дела, а жажда деятельности его снесла... Лев был осужден праздно бродить между Арбатом (так называл Герцен район Собачьей площадки. — С.Ш.) и Басманной (там жил Чаадаев. — С.Ш.), не смея даже давать волю своему языку». Друг его сына, студента университета, поэт Я.П. Полонский, ставший как бы домашним человеком в этом доме и остававшийся не раз в начале 1840-х гг. ночевать там на диване в комнате сына, замечал в своих мемуарах: «Вся тогдашняя московская знать, вся московская интеллигенция как бы льнула к изгнаннику Орлову; его обаятельная личность всех к себе привлекала... Можете вообразить сами, как это расширило круг моего знакомства. Там, в этом доме, впервые встретил я Хомякова, и профессора Грановского, только что приехавшего из Германии, и Чаадаева, и даже молодого Ив. Сер. Тургенева...»¹⁰³ Позднее в том же доме собирались гости упоминавшегося уже салона Свербеевых.

В нашем веке там жил до эмиграции поэт К.Д. Бальмонт. Об этом стихи грузинского поэта Тициана Табидзе:

Собачьей площадкой пройду я снова,
Минуя ограду церковки старой,
Замедлит рука у звонка дверного,
Тут — храм, где живут моей юности чары.

О бедствиях Бальмонта в дни Гражданской войны вспоминали и Б.К. Зайцев («...нищенствовал и голодал в леденевшей Москве, на себе таскал дровишки из разобранного забора, как и все мы, питался проклятой “пшенкой” без сахару и масла»), и М.И. Цветаева, делившаяся с ним тогда табаком и картошкой. В советские годы в доме жили драматург В.Н. Биль-Белоцерковский (спекулянтка в его пьесе «Шторм» — одна из коронных характерных ролей Ф.Г. Раневской) и старый социал-демократ П.Г. Дауте — инициатор создания (в 1928 г.) Института стоматологии*.

На Собачьей площадке после замужества предполагала снять квартиру Марина Цветаева (поселившаяся затем совсем рядом, в доме № 11 по Борисоглебскому переулку); на Собачьей площадке жила сестра ее Анастасия.

Между переулками, идущими к бульвару, стояло здание знаменитой бесплатной лечебницы имени князя В.А. Долгорукова, более 25 лет бывшего генерал-губернатором Москвы (1865–1891). Среди почетных консультантов ее — профессора университета, крупнейший хирург-гинеколог В. Снегирев (в советские годы больница стала носить его имя, в просторечии ее называли Снегиревкой), А.П. Губарев, директор терапевтической клиники медицинского факультета В.Д. Шервинский; прием вели известные всей Москве врачи С.И. Благоволин, М.П. Кончаловский и другие.

На Собачью площадку сверху глядели высокие здания, расположенные через дом, подле бывшей квартиры Соболевского в Борисоглебском. Один из них — доходный дом, принадлежавший дяде великой певицы Н.А. Обуховой, автору романа «Калитка» (да и действие романа могло происходить в этом районе особняков, окруженных садами). Со стороны Большого Николопесковского — дом Театра имени Вахтангова, где были квартиры тещи Д.Н. Журавлева, ведущего актера театра М.С. Державина, а затем и его сына, выступающего в дуэте с А. Ширвиндтом, и других. Не забудем и театральное училище театра, получившее имя Б.В. Щукина, откуда вышли многие корифеи театра и кино и прежде всего, конечно, пополнялся вахтанговский коллектив.

В Дурновском переулке обращал на себя внимание двухэтажный дом, где были квартиры академиков. Там жил виднейший микробиолог Г.А. Надсон, репрессированный уже стариком в конце 1930-х гг.; здесь была последняя квартира Владимира Ивановича Вернадского (в определенные часы его можно было видеть задумчиво гуляющим по переулкам, зимой с палочкой, в шубе темно-синего сукна с бобровым воротником), а также президента Академии наук, физика и большого книголюба Сергея Ивановича Вавилова. Там же получил квартиру известный языковед В.В. Виноградов.

* * *

Кривоарбатский переулок, в отличие от Собачьей площадки, уцелел, более того — сохранил свою конфигурацию. Однако в последние десятилетия на месте старых двухэтажных домов мы видим или новые высокие здания, или пустыри. Там тоже проживали лица, имена которых небезлюбопытны для историка, особенно

* Сведения о том, что там жила старшая дочь Пушкина М.А. Гартунг, видимо, неосновательны. По свидетельству потомков Пушкина, она жила неподалеку — в Среднем Николопесковском переулке.

интересующегося сферой культуры*. Когда Александр Иванович Герцен подыскивал себе семейную квартиру, он попросил своего друга, переводчика и врача Н.Х. Кетчера, осмотреть «дом Меншикова в Кривом переулке, также на Арбате»¹⁰⁴. Владение князя Меншикова расположено было между улицей Арбат и переулком, тогда еще называвшимся Кривым.

Угловой дом № 1 («дом с рыцарями», выходящий лицом на Арбат (№ 35) и в Калошин переулоч) уже упоминался. Это, по определению О.Р. Шмидт, «самый большой и импозантный дом на Арбате». С самого начала часть дома была предназначена его владелицей — крупной коммерсанткой (по имени которой старожилы и сейчас называют его «домом Филатовой», тем более что она жила здесь и после 1917 г.) — для учебных и образовательных заведений (частной женской гимназии с особым педагогическим классом и преподаванием танцев, почти как в балетных училищах, частного пансиона, а также детского сада) и для жилья (полностью сторона с Кривоарбатского). Со времени революции 1917 г. дом — только жилой; respectable квартиры его с высокими потолками и широченными коридорами после так называемого уплотнения превратились в знаменитые арбатские коммуналки. Судьба обитателей дома прослежена в кинофильме М.Е. Голдовской «Дом с рыцарями» (1993 г.) — это художественно впечатляющий и наводящий на глубокие размышления источник по истории Арбата и арбатовцев и вообще России нашего столетия (особенно устные воспоминания, рассказы бывших обитателей дома). А среди жителей «дома с рыцарями» — имена видных военных деятелей: Н.И. Подвойского, переехавшего затем в «дом на набережной» (на фасаде его памятная доска), бывшего одним из руководителей Октябрьского вооруженного восстания, председателем Петроградского военно-революционного комитета, и расстрелянного в 1938 г. командарма I ранга, командующего войсками Московского округа И.П. Белова (о нем в фильме рассказывает его дочь).

Еще до революции в филатовском доме поселился известный ученый-эндокринолог и широко практикующий врач, профессор Н.А. Шерешевский, женатый на хорошо знакомой московской публике виолончелистке А.С. Любошиц (до отъезда в середине 1920-х гг. в США ее сестры-скрипачки и брата-пианиста немалый успех имело трио Любошиц). Шерешевского арестовали в начале 1950-х гг. в связи с подготовкой так называемого дела врачей. Еще раньше, в годы ежовщины, арестована была актриса Театра имени Вахтангова В.Г. Вагрина, жена репрессированного ответственного работника. Она очень трогательно играла Луизу в «Коварстве и любви» Ф. Шиллера. (Помню, после спектакля в партере трое или четверо молодых людей растерянно утешали своих плачущих спутниц.) А вместе с Д.Л. Дорлиаком они были на редкость красивой парой молодых героев в пользовавшейся особым успехом постановке «Много шума из ничего» Шекспира, где главные роли блистательно исполнял дуэт Ц. Мансуровой и Р. Симонова.

В этом же доме прошла юность племянника мужа Вагриной, композитора Эдуарда Колмановского. В формировании его будущих композиторских пристрастий велика роль первых впечатлений от музыки, насыщавшей замечательные спектак-

* Тут нам опять помогают сведения из картотеки Д.И. Бондаренко.

ли вахтанговцев¹⁰⁵. Сочиненные Колмановским мелодии песен у всех на слуху — песня «Я люблю тебя, жизнь» была любимой песней первого космонавта планеты Юрия Гагарина.

Соседний семиэтажный дом № 3 интересен тем, что его построили в 1912 г. по проекту новатора домового строительства тех лет архитектора-инженера Э.К. Нирнзее, который был автором самого высокого московского «небоскреба» в Большом Гнезниковском переулке¹⁰⁶. В доме жили писатель А.С. Некрасов (его юмористическая повесть для детей «Приключения капитана Врунгеля», написанная в 1937 г., переведена на многие языки), ветеран научно-издательского дела О.К. Дрейер — многолетний руководитель издательства «Восточная литература», лауреат Государственной премии.

Рядом стоял тогда двухэтажный оштукатуренный деревянный особняк, где в третьей четверти XIX в. обитал знаменитый в ту пору врач-терапевт, профессор Г.И. Сокольский, который одним из первых стал пользоваться методом перкуссии — обследования больных путем выстукивания. Здесь же, в доме № 5, положил начало основанию своей галереи произведений русского изобразительного искусства (прежде всего, рисунков) Иван Евменьевич Цветков. Позднее для Цветковской галереи выстроили специальное здание на набережной Москвы-реки, на углу Соймоновского переулкa; в 1909 г. Цветков подарил свой музей городу Москве.

В Кривоарбатском переулке, в доме № 7, жили известные медики: в начале XX в. — крупнейший психиатр П.Б. Ганнушкин (именем которого названа больница), разрабатывавший учение об изменении характера человека на протяжении его жизни, суммировавший свои наблюдения в книге 1933 г. «Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика» (памятная доска установлена на доме в Хлебном переулке, где была его последняя квартира); в 1930-е гг. — видный психиатр В.П. Осипов, развивавший патофизиологическое направление в психиатрии. На месте нынешних домов № 9–11 был дом «девицы Пелагеи Александровны Вельминовой», где жила в начале 1807 г. семья Пушкиных, а следовательно, и маленький Александр Пушкин, что отмечено в исповедной книге церкви Николая Чудотворца, что в Плотниках¹⁰⁷.

В доме, где в начале века торговали скобяными товарами, жил в студенческие годы участник революционного движения Н.Н. Авдеев (партийный псевдоним — Алексей). В 1918 г. он вместе с женой О. Дилевской был арестован белогвардейцами в Сибири и приговорен к расстрелу (жену убили, а его тяжело ранили). В 1920-е гг. Авдеев работал в Истпарте и являлся одним из первых исследователей архивов коммунистической партии.

Построенный в 1906 г. доходный дом с красивыми эркерами мог запомниться многим по кинофильму режиссера Г. Данелии «Я шагаю по Москве». С этого фильма 1964 г. началась широкая известность тогда восемнадцатилетнего Никиты Михалкова. Там же жили в годы своей московской, всероссийской и всемирной славы чемпионы по скоростному бегу на коньках 1910–1920-х гг. братья Василий и Платон Ипполитовы, «по совместительству» победители многих состязаний по велоспорту.

В доходном доме № 13, построенном в 1911 г., останавливалась Марина Цветаева (в 1911 г.). В квартире № 9 с 5 декабря 1912 г. до начала мая 1913 г. жил поэт и

художник Максимилиан Александрович Волошин. Он поселился с матерью в квартире сестер мужа Марины Цветаевой — Сергея Яковлевича Эфрона. В январе 1913 г. Волошин записывает рассказы художника В.И. Сурикова для книги о нем. В феврале 1913 г. выступает с критикой картины И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван» — и на диспутах, и в печати. Богемный образ жизни обитателей и посетителей квартиры — людей, незаурядно даровитых, и впечатление от общения с ними респектабельной хозяйки одного из арбатских салонов Рашели Мироновны Хин-Гольдовской, писательницы и супруги преуспевающего адвоката, запечатлены в ее дневниковой записи от 18 февраля 1913 г.: «...волошинская компания... состоит из двух частей: “обормотников” — сюда входит своеобразная коммуна: мать Волошина (старуха в штанах и казакине!), он сам и две сестры Эфрон — Лиля и Вера. Они живут все на одной квартире, которую они сами окрестили именем: “обормотник”... Остальные: Марина Цветаева, двадцатилетняя поэтесса, жена 19-летнего Сережи Эфрона, ее младшая сестра Ася, тоже замужем за каким-то мальчиком (обе эти четы имеют уже потомство — у Марины девочка, 6 месяцев, у Аси такой же мальчик, причем каждый из этих младенцев перебивал у 6 кормилиц — по одной на месяц! Я называю эти “менажи” — “Детский сад”). Марина, Ася, Майя (18-летняя русская француженка, пишет — и как читает! очаровательные французские стихи) — так сказать — естественные сочлены “обормотника”. Толстые — хотя и тесно с ними дружат, но уже понемножечку “отодвигаются” от этого кочевого табора и стремятся занять более солидное положение. Кандауров и Богаевский — что-то вроде почетных, сочувствующих посетителей. Как зрелище вся эта компания забавна чрезвычайно. Сестры Эфрон — очень хороши собой, особенно Лиля. Марина и Ася вдвоем читают Маринины стихи. Стройные, хорошенькие, в старинных платьях, с детскими личиками, детскими нежными голосами, с детскими вздохами, по-детски нараспев они читают, стоя рядышком у стенки, чистые, трогательные, милые стихи...»¹⁰⁸

Упомянутые в дневнике лица: Лиля (Елизавета) Эфрон — впоследствии театральная педагог, режиссер; у нее, уже по другому адресу, поселится, возвратившись из эмиграции в Россию, Марина Ивановна Цветаева. Вера — актриса и режиссер. Прожившая долгую и во многом трагическую жизнь, Анастасия Ивановна Цветаева — автор интересных, написанных с художественным талантом «Воспоминаний». Майя (Мария Павловна) Кювилье, по первому браку княгиня Кудашева, потом вышла замуж за великого французского писателя Ромена Роллана; вместе с ним она посетила Москву в 1930-е гг. Толстые — это знаменитый уже тогда писатель Алексей Николаевич (который, как полагают, и придумал название «обормотник») и его супруга тех лет, актриса и художница С.И. Дымшиц-Толстая. Художник К.В. Кандауров был секретарем объединения «Мир искусства». Живописец К. Богаевский известен как автор картин, стилизованных в духе классических западноевропейских пейзажей XVI–XVII вв. (со многими зданиями и руинами). Богаевский и Цветаевы уже прежде жили в доме Волошина в Коктебеле. В мае 1911 г. он сочиняет стихи «Первое лето обормотов в Коктебеле».

Жилой ныне дом № 15 до революции был специально построен для женской гимназии Н.П. Хвостовой, происходившей из семьи либеральных профессоров истории и права Хвостовых. Председателем совета преподавателей гимназии был

профессор римского права университета Вен.М. Хвостов. Квартира Хвостовых находилась в этом же доме. (На их семейном месте на Новодевичьем кладбище захоронен прах их племянника — выдающегося советского историка и педагога академика Вл.М. Хвостова.) Среди преподавателей в справочнике «Вся Москва» находим имена Ивана Никаноровича Розанова — в советские годы профессора, несравненного знатока истории русской поэзии и библиофила (его уникальная библиотека, которой могли пользоваться интересующиеся и при жизни владельца, а затем переданная в дар вдовой ученого К.А. Марцишевой Музею А.С. Пушкина на Пречистенке, и по сей день открыта для исследователей); В.Ф. Ржиги — исследователя древнерусской литературы, издававшего и изучавшего сочинения публициста времен Ивана Грозного Ивана Пересветова. Историю преподавал будущий академик В.И. Пичета, а после него — живший в соседнем доме (№ 13) Г.А. Новицкий, в послевоенные годы декан исторического факультета университета, заведующий существовавшей тогда кафедрой музееведения. Врачом пригласили Г.И. Россолимо, основавшего в 1911 г. на свои средства Институт детской невропатологии и психологии (в 1961 г. именем скончавшегося в 1928 г. профессора Россолимо названа улица в районе клиник близ Пироговских улиц).

После перевода Алферовской гимназии за Садовое кольцо Хвостовская гимназия стала главной школой для младшеклассниц из приарбатских интеллигентских семей: там училась правнучка Пушкина Наталья Сергеевна Шепелева (ее мать В.А. Мезенцева — дочь старшего сына поэта, упоминавшегося уже Александра Александровича), писательница Наталья Петровна Кончаловская — автор книги в стихах «Наша древняя столица: картины из прошлого Москвы» (она дочь живописца П.П. Кончаловского и внука — по матери — В.И. Сурикова, самые великие картины которого «Боярыня Морозова» и «Утро стрелецкой казни» о Москве XVII столетия). В послереволюционное время школа, естественно, стала школой и для девочек и для мальчиков. В 7-й школе, носившей одно время имя видного историка-методиста М.Н. Коваленского, обучались президент Академии наук, знаменитый «главный теоретик» нашей космонавтики М.В. Келдыш и его одноклассник Г.Н. Бабакин, руководивший затем конструированием лунохода; актер М. Названов (этот видный актер театра и кино сыграл роль князя Курбского в фильме Эйзенштейна «Иван Грозный»). О школе и своих соучениках рассказывает в видеофильме «Роман об Арбате», сделанном режиссером А.Е. Берлиным к арбатскому юбилею, писатель Евгений Долматовский. А другой выпускник, писатель Анатолий Рыбаков, избрал свою школу местом действия литературных произведений — «Кортик» (преподавателя рисования и черчения Борфедя помним и мы, школьники 1930-х гг.), «Дети Арбата»...

Исчезнувший двухэтажный соседний особняк (тогда дом № 17) до революции был владением популярного московского врача В.А. Щуровского, к которому с особым доверием относился лечившийся у него А.П. Чехов. Его вызывали к Л. Толстому в Астапово в последние дни жизни писателя. В советские годы Щуровскому оставили для жилья часть второго этажа собственного дома; его приглашали лечить правящую элиту, и правительственные машины самых дорогих зарубежных марок отвозили неизменно старомодно и одновременно элегантно одетого старика с тростью и в котелке для консультаций в Кремль.

В угловом с Плотниковым переулком доме (№ 21/20) жил известный не одному поколению студентов своими учебниками по теоретической механике профессор Н.Н. Бухгольц. Когда в военный 1942 г. решено было наградить сталинскими премиями за многолетнюю деятельность некоторых особенно видных деятелей науки, искусства и литературы, среди них был и Бухгольц. Тот же адрес имел в 1930-е гг. В.В. Сахаров, с именем которого связано учение о химическом мутагенезе (процессе возникновения в организме наследственных изменений).

Небезынтересен набор имен и крут событий, связанных с домами по четной стороне переулка. Об угловом доме № 2 (по Арбату, 37), принадлежавшем одно время актрисе Е.С. Семеновой, уже шла речь. С недавних пор стена, выходящая на Кривоарбатский переулок, в просторечии стала называться «стеной Цоя»: там собираются поклонники рано погибшего Виктора Цоя — звезды отечественной рок-музыки; на стене (и даже на стенах домов противоположной стороны переулка) надписи и изображения Цоя.

А дом № 4 первых послереволюционных лет не раз упоминается — иногда со значительными подробностями — жившим там в то время в большой комнате второго этажа писателем Б.К. Зайцевым. Именно сюда приехал с ним проститься тесть, хранитель монет в коллекциях Исторического музея, крупнейший наш нумизмат А.В. Орешников.

Покинувший Россию писатель связывал свое представление о Москве прежде всего с Арбатом и его переулочьем при описании дома Бердяевых (в Большом Власьевском переулке) и своего временного пристанища в Сивцевом Вражке: «Все это недалеко от Арбата, место Москвы дворянско-литературно-художественной». В очерке «Прощание с Москвой» (вошедшем затем в книгу «Далекое») он писал: «Вспоминая московскую свою жизнь, видишь, что и началась она, и окончилась близ Арбата. На углу Спасо-Песковского было первое, юное наше пристанище, в этом Кривоарбатском — последнее. Вижу его теперь, через много лет, взором неравнодушным...»¹⁰⁹ Эссеистский очерк Зайцева «Улица Св. Николая» — лучшее и по глубине наблюдений и обобщения, и по прелести художественной стилистики из написанного об Арбате прозой.

В том же зайцевском доме жил театральный критик и драматург Н.Д. Волков — автор сценариев знаменитых балетов, музыку к которым сочиняли Асафьев, Прокофьев, Хачатурян, а также инсценировки «Анны Карениной» для МХАТа. В конце 1930-х гг. этот спектакль с Н.П. Хмельевым и А.К. Тарасовой в главных ролях вызывал необычайный интерес и особенно понравился Сталину. Женой Волкова была актриса Д.В. Зеркалова, с конца 1930-х гг. игравшая на сцене Малого театра и приобретающая особую известность в роли Элизы Дулитл в «Пигмалионе» Б. Шоу.

В квартире второго этажа, принадлежавшей Волковым (возможно, что в той же обширной комнате, где ранее обитали Б. Зайцев с женой и дочерью), позже поселились режиссер и педагог Московского художественного театра Н.М. Горчаков, автор книги «Режиссерские уроки К.С. Станиславского» (переведенной на многие языки), и его молодая супруга, артистка того же театра Ангелина Иосифовна Степанова (впоследствии народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда), из плеяды второго поколения замечательных актрис МХАТа. Она вспоминает:

«Шел 1928 год... Мы с мужем жили в Кривоарбатском переулке, дом наш — одну большую комнату — друзья любили за тепло и гостеприимство. К нам часто заходили коллеги-мхатовцы, писатели, художники. Всегда находилось, чем угостить их или просто накормить обедом, ужином. Частыми гостями были в доме Марков (заведовавший литературной частью МХАТа, видный театровед. — С.Ш.), Бабель, неразлучные тогда Олеша и Катаев, художники Дмитриев и Вильямс. Заходил и замечательный актер Театра сатиры Владимир Яковлевич Хенкин, остроумный, неотомимый рассказчик. Несколько раз мы принимали у себя Всеволода Эмильевича Мейерхольда с Зинаидой Райх и обязательно подавали на закуску соленые грузди, так любимые знаменитым режиссером. Много времени проводил у нас Владимир Захарович Масс: они с мужем работали тогда над инсценировкой мелодрамы “Сестры Жерар”. Владимир Захарович и познакомил нас со своим другом и соавтором Николаем Робертовичем Эрдманом и его женой Диной Воронцовой. Мы подружились и в свободное время ходили всей компанией на выставки, концерты, в теа-клуб. Было весело и интересно. Эрдман стал часто приходить к нам, приходил один, а потом стал приходить, когда я была одна... Возник роман, продолвшийся ни много ни мало семь лет. Первое объяснение, запомнившееся каждому из нас, произошло на 30-летию МХАТа в 1928 г. В то время Николай Робертович был уже знаменит, его пьеса “Мандат”, поставленная Мейерхольдом, имела шумный успех, вокруг заговорили о появлении талантливого драматурга. Чувство, возникшее к Эрдману, было так сильно, что заставило меня разойтись с мужем. Я переехала к подруге-актрисе...”¹¹⁰ Вскоре ее пригласили перебраться в особняк Калужских в Малом Власьевском переулке (о нем уже не раз упоминалось), где она прожила более года в отведенной ей отдельной комнате*.

В письмах Эрдмана упоминается не раз дом в Кривоарбатском переулке («...я проходил по Кривоарбатскому переулку и смотрел в ваши окна. До чего же мне было тоскливо...», «Нас выселяют из квартиры, великодушно предоставляя для жилья любую улицу под открытым небом. Я выбрал себе Кривоарбатский переулок. Буду жить на ступеньках твоего парадного...»). Переписка Степановой и Эрдмана издана с разрешения здравствующей девяностолетней актрисы в 1995 г. с предисловием и обширными комментариями Виталия Вульфа. Это памятник истории большой любви двух людей и самопожертвования женщины в те годы, когда ее любимый после ареста находился в сибирской ссылке. Степанова говорила через шестьдесят с лишним лет: «Прожив долгую жизнь и вспоминая разные периоды своей жизни, не могу найти ничего похожего на ту молодую порывистость, бесстрашие, безудержную смелость в преодолении преград, стремление к самопо-

* У В.В. Лужского — «прекрасного актера старшего поколения» (слова Степановой) — Ангелина Иосифовна чувствовала себя своей в доме. Еще прежде Степанова играла с Лужским в нескольких спектаклях. «После спектакля, — вспоминает актриса, — он обычно возвращался домой на извозчике и, зная, что я живу на Арбате, нередко подвозил меня. По дороге мы обычно обменивались впечатлениями о прошедшем спектакле, обсуждали удачи или погрешности в исполнении, реакцию публики. Когда у своего Кривоарбатского переулку я просталась, благодарила и соскакивала с пролетки, то Василий Васильевич неизменно говорил, обращаясь к извозчику: “Ох-ох, Семен! Сколько же я денег на эту артистку просадила!!!” Семен улыбался, кивал головой, и они ехали дальше».

жертвованию. Это бывает раз в жизни, это удел молодости!»¹¹¹ Степанова писала ссыльному Эрдману ежедневно; и уцелевшие письма (часть их не сохранилась) — это потрясающие документы, отражающие эпоху: и общественную жизнь, и быт, и театральные обиход (особенно МХАТа) 1930-х гг.

В домике, ныне снесенном, между зданиями № 6 и 4, жил в 1914 г. писатель Борис Садовской, сейчас становящийся снова (главным образом благодаря усилиям С.В. Шумихина) все более известным читателю¹¹². Сверстник Андрея Белого, сотрудник издательства «Мусaget», в то время он инсценировал для театра Н. Балиева «Летучая мышь» произведения Пушкина, Гоголя, Лескова. Еще в расцвете сил паралич приковал его к постели, он утратил способность передвигаться и последние годы своей жизни провел в бывшей келье первого этажа Новодевичьего монастыря.

В доме № 6 обитал драматург В.З. Масс, писавший и для постановок МАСТФОР и других театров. Вместе с Н. Эрдманом он был автором сценария кинофильма «Веселые ребята»; вместе их и арестовали в 1933 г. После возвращения в Москву Масс писал либретто оперетт, комедии-обозрения (часто совместно с М. Червинским), сатирические стихотворения.

Самый знаменитый дом в переулке — дом № 10, где над огромным многометровым окном фасадной стены на камне написано «Константин Мельников — архитектор». Это построенный в конце 1920-х гг. частный дом-мастерская К.С. Мельникова, прославившегося к тому времени на весь мир своими новаторскими выставочными павильонами, особенно советским павильоном на выставке в Париже в 1925 г. Необычный облик дома и его внутреннее убранство не раз воспроизводились в изданиях, посвященных и истории архитектуры, и самому архитектору и дизайнеру¹¹³. Поражает то, что в этих ультрасовременных, необычайно удобных для каждодневной жизни человека нашего столетия и в то же время аскетически скромных по внешнему оформлению комнатах замечательно смотрится тяжеловато-округлая мебель красного дерева, пришедшая сюда с рубежа XVIII и XIX вв. Человек неутомимой творческой изобретательности, не склонный следовать моде и тем более поддакивать вкусам властей, Мельников прожил долгую, но нелегкую жизнь. Объявленный формалистом, он не смог увидеть осуществления большинства своих творческих замыслов — новая волна признания пришла к нему лишь в глубокой старости. Сейчас его считают одним из выдающихся мастеров мировой архитектуры XX в. Живет в доме и бережет наследие отца сын Виктор — художник; в 1991 г. издан каталог его персональной выставки¹¹⁴.

В середине XIX в. на этом месте был дом, где проживал ученый-ориенталист Петр Яковлевич Петров — колоритнейшая фигура истории русской научной культуры. Однокашник В. Белинского по университету, участник кружка Станкевича, он обладал феноменальными способностями к овладению живыми языками. Пройдя великолепную филологическую и историко-культурологическую подготовку в университетах России и за рубежом, он после преподавания санскрита в Казанском университете занял кафедру в Москве, которая вскоре получила название кафедры восточных языков (санскрита, арабского, персидского, еврейского). Осваивая язык, Петров старался как бы преобразиться в настоящего индуса, араба, перса, изучал способ писания того или иного народа, употребляя при этом туземные

орудия письма, и, по словам знавших его, «не только говорил, но и писал, и пел, и молился, кланяясь в обе стороны и закрывая глаза». В библиотеке ученого, завещанной им Московскому университету, собраны книги более чем на 100 языках.

В конце 1870-х гг. в соседнем здании (на этом месте построен в канун Первой мировой войны шестиэтажный дом № 12) жил артист Н.И. Музиль — первый комик-простак Малого театра, отец замечательной комической старухи этого театра Рыжовой. Сын ее, Н.Н. Рыжов, тоже артист Малого театра и тоже народный артист СССР, издал в 1984 г. книгу «Рыжов о Рыжовой» с длинным и характерным подзаголовком «О своей матери Варваре Николаевне Рыжовой, народной артистке СССР, и о своей Семье — знаменитой актерской династии Бороздиных-Музилей-Рыжовых, о своем Доме — Малом театре, а также о друзьях этой Семьи и этого Дома». Музиль удивительно по-новому и, по сути, трагически играл даже самые общеизвестные роли — Митрофанушку из «Недоросля» (а это его дебют в Малом театре) как будущего изверга. А.Н. Островский, восхищавшийся дарованием Музиля, специально давал новые пьесы для его бенефисов. Станиславский вспоминал, как начинал артистическую деятельность: «Каков был мой тогдашний идеал? Мне хотелось только быть похожим на моего любимого артиста Николая Игнатьевича Музиля». В то время он жил в Кривоарбатском. Крут почитателей таланта Музиля был широк и разнообразен, и дом их посещали не только Островский и другие писатели и актеры, но и университетские профессора, художники, крупные меценаты.

В советское время в доме № 12 — первый московский адрес писателя и филолога Якова Эммануиловича Голосовкера, основные сочинения которого были изданы после его смерти — «Логика мифа» (1987), «Сожженный роман» (1991). Филолог-классик по образованию, он известен и как автор переиздающихся «Сказаний о титанах», переводчик, составитель огромной антологии переводов древнегреческих и римских поэтов поэтами России — от Ломоносова до наших современников. Проживавшая еще прежде там сестра его Маргарита Эммануиловна — одна из зачинательниц советского музейного дела, автор экспозиций первых больших исторических тематических выставок о Великой французской революции и о Парижской коммуне в музее Института Маркса и Энгельса, заведовавшая затем сектором художественных иллюстраций Института мировой литературы Академии наук, подготовившая к печати новаторского типа альбом-выставку «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество», изданный в 1941 г.¹¹⁵ Долго, около семи десяти лет, проживала в доме С.Ю. Гольдат, удостоенная за труды по подготовке лекарственных препаратов Сталинской премии. В середине 1920-х гг. у экономиста Макса Блюменфельда собирались молодые троцкисты, в том числе участники троцкистской демонстрации 7 ноября 1927 г. Позднее в том же доме жил Н.И. Корицкий — сын царского генерала и фрейлины, сам ставший генерал-майором в 1940-е гг. и начавший свою «советскую» карьеру начштаббармом М.Н. Тухачевского в 1918 г., когда Красная армия овладела городом Симбирском и уроженец его, Ленин, сказал после ранения, что это «самая целебная, самая лучшая повязка» на его раны.

В этом же доме, когда началась новая волна сталинских репрессий и решено было в одну ночь освободить столицу от детей «врагов народа», арестовали 22 апреля 1949 г. студенток — дочерей одного из самых даровитых и оригинальных на-

ших прозаиков Артема Веселого (погибшего еще в 1939 г.) Гайру и Заяру. Эти трагические события детально описаны в книжке воспоминаний З. Веселой¹¹⁶. Сейчас писательница — жена известного московеда В.Б. Муравьева — издает литературно-художественные произведения узников (и особенно узниц) ГУЛАГа.

В невзрачном двухэтажном доме № 16 на углу Плотникова переулка в 1876 г. снял квартиру молодой тогда профессор университета, этнолог, социолог, правовед, историк Максим Максимович Ковалевский (впоследствии академик и видный общественный деятель). Дом его был средоточием молодой либеральной профессуры. Здесь собирались К.А. Тимирязев, И.И. Янжул, А.И. Чупров, С.А. Муромцев и другие. Ковалевский был к тому времени уже известен и своими лекциями в зарубежных университетах, личными связями с зарубежной общественностью. Его арбатский адрес в записной книжке К. Маркса записан русскими буквами: «Москва. Дом Коротнева, близ Арбатских ворот»^{*}.

В советское время в доме № 16 (недавно снесенном) жил поэт и драматург Андрей Глоба, активно сочинявший в 1910–1920-е гг., но приобретший особенно широкую известность после войны, когда постановка его написанной в первом варианте еще в 1930-е гг. трагедии в стихах «Пушкин» в 1949 г. в Театре имени Ермоловой с Всеволодом Якутом в главной роли стала значительнейшим событием культурной жизни Москвы тех лет. Якут играл бесподобно. Передавали слова, будто бы сказанные посетившим спектакль старейшим нашим академиком химиком Н.Д. Зелинским (жившим рядом с театром): «Благодарю судьбу за то, что за мою долгую жизнь мне удалось познакомиться и с Пушкиным». В то же время повторяли строки с антисемитским душком, приписываемые мхатовскому остро слову актеру Еремееву: «Не ведал темный Еремеев, что он всю жизнь играл (читал) евреев». (Примерно в то же время в Театре имени Станиславского, тоже на Тверской, роль Грибоедова в пьесе С.А. Ермолинского с большим успехом исполнял Борис Левинсон. В том же спектакле обворожила всех исполнением роли Нины Лилия Гриценко.) В салоне Т.Л. Щепкиной-Куперник, в квартире великой Ермоловой, где жила и дочь актрисы М.Н. Зеленина, продолжали придерживаться стиля «тематических» вечеров-встреч. Якут необычайно интересно рассказывал, как он творил в себе Пушкина: просил оставить его одного в квартире на Мойке, учился ходить по Невскому с пушкинской быстротой и в то же время гармонией движений, не задевая прохожих^{**}. За ужином хозяйка преподнесла Якуту штоф времен Александра I.

^{*} Ковалевский был хорошо знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом; в их библиотеках сохранились книги русского ученого на разных языках с дарственными надписями. Они названы в составленном Марксом списке «Русское в моей библиотеке»¹¹⁷. Ученый переписывался с Марксом и оставил воспоминания о нем. Маркс доверительно рассуждал в письме к Ковалевскому 1879 г. в связи с книгой русского историка Н.И. Кареева о взглядах французских экономистов-физиократов и делился соображениями, так сказать, общеметодического порядка: «...сверх того, необходимо для писателя различать то, что какой-либо автор в действительности дает, и то, что дает только в собственном представлении. Это справедливо даже для философских систем...»¹¹⁸

^{**} Возможно, что такого рода рассказы становились как бы репетицией-черновиком написанных позже мемуаров артиста. См. о том же во вдохновенно написанном очерке «Главная роль»: Якут В.С. Мой мир — театр. М., 1987.

Образ Пушкина, воплощение его на сцене, сплывал все поколения. У дома № 16 по Кривоарбатскому и № 22 по Плотникову теперь общий проходной двор с домами 45 и 43 на Арбате, где жили и потомки Пушкина, и Булат Окуджава.

* * *

В дни арбатского праздника, 29 сентября 1993 г., был установлен памятник Пушкину в рост (скульптор Ю. Динес) в Пушкинском сквере подле храма Спаса на Песках. Сквер этот, созданный в 1871 г. в конце идущего от Арбата Спасопесковского переуллка, неслучайно его устройтелем был назван Пушкинским. Здесь особая атмосфера связи с Пушкиным, близкими ему современниками, с детьми его, с теми, для кого Пушкин — олицетворение русской литературы и России, кто изучал и изучает жизнь и творчество Пушкина, стремится воплотить его замыслы в своем творчестве. И арбатская Пушкиниана опять-таки убедительно подтверждает характерное для истории и культуры этой местности перекрестие эпох и памятных имен, направлений творческой деятельности.

Арбатская Пушкиниана, «Пушкин на Арбате» — это не только Арбат, арбатцы в жизни самого Пушкина, восприятие арбатского обывателя Пушкина его современниками и творчества Пушкина арбатцами тех лет. Это и Пушкин в жизни и культуре Арбата последующего времени, изучение творчества и биографии Пушкина арбатцами, воплощение ими «пушкинского» в своем творчестве, «пушкинское» в социокультуре Арбата, в представлении об арбатстве.

Для Пушкина Арбат — самая знакомая и самая близкая ему местность Москвы. Родился он близ храма Богоявления на Елоховской, где был крещен. Но семья Пушкиных, часто менявшая квартиры, жила в 1807 г. и на Кривоарбатском, а в сентябре 1810 г. — в небольшом деревянном доме священника близ церкви Николая на Курьих ножках. Это угол Борисоглебского переуллка и Большой Молчановки. Отсюда мальчика в середине июля 1811 г. дядя Василий Львович отвез в Царско-сельский лицей. Это время формирования поэтического дара Пушкина, а также и закрепления сознательных впечатлений о Москве. Прежде он был уже знаком с районами и Малой Бронной и Мясницкой, где в декабре 1809 г. стоял «на высоком крыльце» церкви в толпе встречающих Александра I. Величие Кремля — его башен, храмов — и близких к Кремлю вельможных дворцов и парков особенно явно чувствовалось рядом и при сравнении с небольшими особняками усадеб переулков Приарбатья. Такое зрительное ощущение, как отмечалось уже, передано в стихотворении 1814 г. «Воспоминания о Царском Селе».

Еще до отъезда в Лицей Пушкин, всегда столь наблюдательный и памятный в впечатлениях, мог убедиться в том, что отдельные местности Москвы отличаются своеобразием внешнего вида, состава населения, ритмом каждодневной жизни. Тогда еще была зрительно ощутима точность высказывания умной Екатерины II о Москве как «средоточии нескольких миров». Пушкин в раннем детстве жил в местностях основных гнездовых аристократии — и к востоку от Кремля, близ Немецкой слободы, и к западу, в Занеглименье. Пушкин, «родовой москвич» (выражение П.А. Вяземского), можно полагать, рано усвоил, что главным аристократическим урочищем Москвы к началу XIX в. стали кварталы к западу от Кремля, в Тверской, Арбатской, Пречистенской частях города, и что образ и ритм жизни от-

личают эти кварталы от остальной Москвы. Там жизнь начиналась, по словам современника, тогда, когда сравнительно близкие купеческое Замоскворечье и Китай-город (русский «Сити») уже засыпали. В этом ареале и дом Благородного дворянского собрания, и дом губернатора, и театры, и Английский клуб, и большие храмы с многолюдной службой. Это места и балов, и журфиксов, и вечеринок студентов-аристократов, встреч в книжных лавках, кофейнях, на бульварах. Именно межбульварье от Остоженки до Тверской (т.е. Арбат в нашем современном социокультурном толковании) описывается в разделе «Дворянская Москва» в путеводителе «По Москве» 1917 г.

В 1826 г., по возвращении из ссылки в Москву, Пушкин останавливается у С.А. Соболевского, жившего в домике на Собачьей площадке, и его приходской церковью, видимо, снова стал знакомый с детства храм Николы на Курьих ножках (кстати, в этом же храме прощался в «окаянные дни» с Москвой И.А. Бунин).

Показательно, что первые биографы Пушкина, писавшие еще в середине XIX в. о его детстве (П.И. Бартенев, П.В. Анненков), уверены были в том, что Пушкин родился в Приарбатье. Книга Анненкова начинается словами: «Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве, в 1799 году, мая 26, в четверг, в день Вознесения Господня, на Молчановке». Комментаторы переиздания книги пишут, что Анненков, как и Бартенев, опирался на предания, восходящие к словам самого Пушкина (в пересказе С.А. Соболевского и других¹¹⁹). Вероятно, «арбатство» тех лет казалось Пушкину более знакомым и родным, чем покинутая им в младенчестве Немецкая слобода. Да и первым биографам его, еще в большей мере ощущавшим тогда отличительные социотопографические особенности отдельных районов Москвы, особенно после публикаций сочинений об этом В.Г. Белинского, П.Ф. Вистенгофа, М.Н. Загоскина, М.П. Погодина, — естественным представлялось полагать, что Пушкин родом из Приарбатья.

Близ Собачьей площадки обитало особенно много приятелей Пушкина, не говоря уже о светских знакомых, и находились места жительства многих литераторов, профессоров университета, музыкантов, актеров той поры*. В Занеглименье можно было запросто ходить друг к другу в гости пешком, вместе прогуливаться, неожиданно встречаться на улицах. Пушкина после ссылки в Михайловское тянуло к такому образу жизни; особенно недоставало ему общения с крутом писателей; ибо, как заметил сам Пушкин, «с 1820 года, будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности». Собачья площадка стала местом встреч Пушкина с близкими ему людьми. И на знаменитом портрете работы Тропинина Пушкин изображен таким, каким его видели в жилище Соболевского: в халате. Интересно в этом плане замечание московского почтмейстера А.Я. Булгакова, проживавшего в доме № 20 по Арбату.

* Это выявлено еще в книге Б.С. Земенкова «Памятные места Москвы: страницы жизни деятелей науки и культуры» (1959). Земенков — одаренный художник и литератор, по-милому дотошный историк-эрудит, вдохновенно изучал и старался запечатлеть красками и карандашом следы внешнего облика зданий и образ жизни людей московской культуры¹²⁰. Понятие о методике его научной и просветительской работы дают публикации выступлений, подготовленные Д.А. Ястржембским для «Археологических ежегодников» за 1996 и 1997 годы.

Приглашенный молодыми Пушкиными на прием в их арбатскую квартиру 27 февраля 1831 г., он писал брату — петербургскому почтмейстеру: «Мы уехали почти в три часа ночи, куда рад я был, что это близехонько от нас, что можно было ото-слать карету домой часов на шесть».

Пушкин посещал палаты на Пречистенке, где жили его посаженная мать на свадьбе графиня С.П. Потемкина (сестра декабриста князя С.П. Трубецкого) и посаженный отец со стороны невесты обер-церемониймейстер М.А. Нарышкин; бывал он на Большой Никитской — у вельможного старца князя Н.Б. Юсупова, у молодой четы князей Долгоруковых (Оленька — дочь московского почтмейстера А.Я. Булгакова). На Новинском бульваре (дома № 19–21), близ владений семьи А.С. Грибоедова, устраивались литературно-музыкальные собрания у Н.А. Мельгунова — одноклассника по Благородному пансиону при Петербургском университете брата Пушкина Льва, у С.А. Соболевского и композитора М.И. Глинки. «Архивный юноша» (как и Соболевский), т.е. переводчик Московского главного архива Министерства иностранных дел, литератор, музыкальный критик, Мельгунов не раз встречался с Пушкиным. Сочинил в 1832 г. музыку на его стихотворение «Я помню чудное мгновенье» (прежде Глинки, гениальное произведение которого относится к 1849 г.). При его участии появилась книга немецкого исторического романиста Г.И. Кёнига (König) «Uterarische Bilder aus Russland», изданная в Штутгарте в 1837 г., с биографией и портретом Пушкина, характеристикой его творчества. «Русские литературные очерки», познакомившие Западную Европу с Пушкиным, вскоре были переведены на французский, чешский, голландский языки; почти во всех немецких журналах появились большие рецензии на это издание. Книга побудила к изучению русской литературы в подлиннике, переводам сочинений Пушкина, написанию ведущим немецким литературным критиком тех лет К.А. Варнгагеном фон Энзе статьи о Пушкине, перепечатанной затем — в переводе — в российских журналах. У внука самого Гёте возникло желание сочинить оперу на сюжет пушкинских «Цыган», и музыкант импровизировал за роялем ее мотивы¹²¹.

Консультант Пушкина в занятиях российской историей Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский проживал по адресам — Арбат, 23, а также Сивцев Вражек, 38. Он автор перепечатаваемых жизнеописаний знаменитых соотечественников и первой печатной биографии Пушкина, помещенной в 1847 г. в издаваемом им «Словаре достопамятных людей Русской земли». Совсем недалеко от Собачьей площадки, на Подновинских гуляньях, Пушкина видела «вся Москва», о чем читаем в письмах, дневниках, воспоминаниях*.

* Москва тех лет, когда там жил Пушкин, внешний облик города, образ мыслей и поведение москвичей отражены в произведениях Л.Н. Толстого (повестях о своем детстве, в «Войне и мире»): действие их московских частей — в Приарбатье. Литературная деятельность великого писателя начиналась в особняке Сивцева Вражка (дом № 34), где он снял квартиру на пять месяцев в конце 1850 г., описанную позднее как квартира обедневших графов Ростовых. Толстой неизменно восторгался написанным Пушкиным — и стихами, и прозой, к сорока пяти годам семь раз перечитал «Повести Белкина», советовал их читать другим. Он возвращался к Пушкину до конца своих дней — это отражено и в дневниковых записях самого писателя, и в записях разговоров с «великим старцем». Секретарь Толстого Н.Н. Гусев записал сказанное им 8 июня 1908 г.: «Я сегодня все время читал... «Евгения Онегина»».

При обращении к пушкинским местам Москвы, отмеченным в книгах Н.С. Ашукина, Н.М. Волович, С.Т. Овчинниковой, Л.А. Черейского¹²³, легко убедиться в том, что адреса лиц, которых посещал Пушкин в 1820–1830-е гг., находились в подавляющем большинстве в Арбатской и в Пречистенской частях и в близкой к ним по образу жизни Тверской¹²⁴.

В Арбатской части обитали Е.А. Боратынский, Гончаровы, И.И. Дмитриев, кн. Долгорукова, С.П. Жихарев, В.П. Зубков, С.Д. Киселев, П.В. Нащокин, М.П. Погодин, Римские-Корсаковы, С.А. Соболевский, Сушковы, князья Урусовы; в Пречистенской — А.Я. Булгаков, Д.В. Давыдов, М.Н. Загоскин, братья Мухановы, Нарышкины, М.Ф. Орлов, Потемкины, Сольдейн, Сонцовы, Ф.И. Толстой и другие.

Однако при этом не следует упускать из виду то, что к Пречистенской части с самого начала, т.е. с конца XVIII в., приписаны были земельные владения улицы Арбат с нечетной нумерацией домов; следовательно, и адрес Пушкина, написанный его рукою в письме Н.И. Кривцову: «Пиши мне на Арбат в дом Хитровой», относится не к Арбатской, а к Пречистенской части.

Показательно, что, когда Пушкин вздумал обустроить семейное гнездо, он избрал местом для квартиры дом на Арбате, где ныне Квартира-музей Пушкина. И венчание происходило недалеко отсюда. И дом, где жили Гончаровы, стоял на углу Большой Никитской и Скарятинского переулка. От всех этих мест недалеко до Собачьей площадки, а следовательно, и до нынешнего Пушкинского сквера.

Но приблизимся к нему еще больше, ограничиваясь местностью приходов ближайших церквей: Спаса на Песках, Николы на Курьих ножках и трех храмов Николая Угодника, которые дали Арбату символическое название улицы Святого Николая, — Николы на Песках (в Большом Николопесковском переулке), Николы Явленного (на углу Серебряного переулка и Арбата) и Николы Плотника (на углу Никольского — ныне Плотникова переулка и Арбата). Из них уцелел — увы! — только Спас на Песках. Именно в местности этих приходов тогда или в иное время — до пребывания Пушкина в Москве или после того — жили многие лица его окружения.

В 1820-е гг., когда Пушкин был еще в ссылке, в Карманицком переулке поселился дорогой ему лицейский товарищ Иван Иванович Пущин, о котором поэт писал: «Мой первый друг, мой друг бесценный». Это он посетил ссыльного поэта в Михайловском 11 января 1825 г., отправившись к нему из Москвы. Встреча длилась девятнадцать часов. Гость познакомил тогда Пушкина со списком полного текста «Горя от ума». О Пущине вспоминал Пушкин, умирая. Декабрист Пущин напишет потом о Пушкине воспоминания.

А в доме, который примыкает к скверу (Спасопесковская площадка, дом № 8), в усадьбе, принадлежавшей в начале XIX в. Щепочкиной и которой владел в мо-

И всем советую его перечесть. Удивительное мастерство — двумя-тремя штрихами обрисовать особенности быта своего времени. Не говорю уже о таких шедеврах, как письмо Татьяны»¹²². Воздействие литературного стиля, образа мыслей Пушкина на Толстого очевидно; ясно и то, что без Татьяны не появилась бы и Наташа Ростова (московская жизнь которой целиком связана с Занегиным, с местностью Приарбатья, где и «известный всей Москве» особняк графов Ростовых, и дом Офросимовой, и первый бал...).

мент образования сквера его устроитель Н.А. Львов, в 1821–1822 гг. жил очень близкий к Пушкину человек, князь П.А. Вяземский. Он был для Пушкина и связующим звеном с Карамзиным (сестра писателя — жена историографа). Эпиграфом из стихотворения Вяземского начинается «Евгений Онегин»: «И жить торопится, / И чувствовать спешит». Сохранилась часть их переписки — 74 письма Пушкина (больше, чем к другим корреспондентам, исключая лишь Н.Н. Пушкину) и 46 писем Вяземского. Имя Пушкина неоднократно фигурирует и в письмах Вяземского, и в сочинениях, предназначенных для печати. Он приглашен на мальчишник в канун свадьбы, а на самой свадьбе был посаженным отцом со стороны жениха.

Недалеко от нынешнего Пушкинского сквера жили в то или иное время и другие участники мальчишника. Так, любимый Пушкиным Воиных — П.В. Нащокин, как полагают некоторые московские краеведы, тогда обитал совсем рядом, в домике в Большом Николопесковском переулке, где ныне дом № 5; о встрече именно в этом доме вспоминала цыганка Таня — там Пушкин с горестью слушал ее пение за два дня до свадьбы. Поэт и генерал Денис Давыдов в середине 1820-х гг. проживал в Трубниковском переулке. А поэт Н.М. Языков в 1840-е гг. — в Рециковом.

В осенне-зимние месяцы 1826 г. Пушкин чаще, чем другие дома, посещал дом Василия Петровича Зубкова¹²⁵, где, по выражению П.И. Бартенева, он «проводил беспрестанно время». С Зубковым он только познакомился, но тот был из московского кружка И.И. Пущина, привлекался по делу декабристов, провел даже некоторое время в Петропавловской крепости (о чем оставил «Воспоминания»). Поэтому, вероятно, именно в его доме написаны Пушкиным «Стансы» с призывом милосердия к декабристам — на рукописи рукою Пушкина помечено: «22 декабря 1826 году у Зубкова». У Зубкова сохранился и лист с рисунками Пушкина, изображавшими некоторых декабристов. Адрес Зубкова в ту пору: Малая Никитская, дом № 2. Но позднее, с 1828 г., местом его проживания стал дом № 12 по Карманицкому переулку, проходя по которому можно видеть памятник Пушкину в Пушкинском сквере.

В ближний Серебряный переулок (дом № 3) привезла осиротевших маленьких братьев Чаадаевых заменившая им мать их тетка княжна А.М. Щербатова. В ее небольшом домике провел Петр Чаадаев детские годы на рубеже XVIII и XIX столетий. Мальчик Александр Пушкин проживал поблизости, но познакомились они в Царском Селе лишь в 1816 г. Это близкое знакомство очень обогатило обоих, став знаменательным событием в истории нашей культуры.

Рядом со Спасопесковской площадкой, но не тогда, когда Пушкин пребывал в Москве, а ранее или позднее, жили и другие знакомые Пушкина, имена которых важны для изучения его жизни и творчества.

Будущий декабрист Александр Бестужев (писатель, широко известный тогда под псевдонимом Марлинский), в письме к которому А.С. Пушкин в 1825 г. поделился впечатлением от впервые узнанного им полного текста «Горя от ума», оставившись в Москве совсем недалеко, в доме № 30 по Арбату. А рядом, в доме № 34, чуть раньше жила с сестрой-дансеркой (танцовщицей) драматическая актриса и певица Мария Васильевна Репина. Партнерша Щепкина и Мочалова, она исполняла роли в инсценировках пушкинских произведений — Земфиры в «Цыганах» (1829 г.), Лизы в «Барышне-крестьянке». Позднее вышла замуж за близко знакомо-

го Пушкину композитора А.Н. Верстовского — автора музыкальных сочинений на слова Пушкина (среди них чудесные романсы «Старый муж», «Черная шаль»).

Как уже отмечалось, семья декабриста генерала М.Ф. Орлова, с которым Пушкин был знаком еще со времен заседаний петербургского общества «Арзамас», в конце 1830-х гг. поселилась в доме у Собачьей площадки. Вблизи, по другую сторону от Большого Николопесковского переулка, обитал А.С. Хомяков, хорошо знакомый Пушкину и как литератор и как человек его круга, приглашаемый к сотрудничеству в организуемых им периодических изданиях. Возле Пушкинского сквера, т.е. Спасопесковской площадки, на углу Трубниковского и Дурновского переулков, стоял доходный дом, принадлежавший профессору университета И.И. Давыдову. В связи с его лекцией Пушкин в 1832 г. (как вспоминает писатель И.А. Гончаров) вступил в спор со сторонниками мнения профессора М.Т. Каченовского, отстаивая подлинность «Слова о полку Игореве». Известно, что в период пребывания Пушкина у Соболевского знаменитый московский портретист В.А. Тропинин написал портрет Пушкина, который находился с середины 1850-х гг. у князя М.А. Оболенского, проживавшего в доме № 14 по Арбату. Оболенский — директор Московского главного архива Министерства иностранных дел (упоминавшегося не раз), т.е. места службы «архивных юношей», среди которых немало близких знакомых Пушкина. Местонахождение тропининского портрета — отнюдь не единственная косвенная линия связи владельцев земельного участка домов № 12 и 14 (разделенного позднее), а точнее дома 14, с лицами, имена которых непосредственно напоминают о Пушкине. Считается, что это земельное владение — приданое матери великого полководца Суворова, возможно, и место его рождения. Пушкин писал в стихотворении «Бородинская годовщина» (1831) о «младом внуке» Суворова и был, видимо, лично знаком с князем А.А. Суворовым и уж безусловно был близким знакомым его сестры Марии Аркадьевны (ставшей затем княгиней Голицыной) по Петербургу и по Одессе, посвящал ей стихи. В конце XVIII в. владельцем земельного участка стал князь П.С. Гагарин — родной дядя жены П.А. Вяземского Веры Федоровны, урожденной Гагариной. После него землевладельцем был князь П.А. Шаховской из разветвленного рода князей Шаховских; из них драматург А.А. Шаховской был многолетним — с конца 1818 г. — знакомым Пушкина; встречался поэт и с другими Шаховскими. Домом же № 14 прежде владел генерал А.Д. Арсеньев — двоюродный дед М.Ю. Лермонтова*, после него — двоюродный брат особенно любимого Пушкиным лицейского друга поэта Антона Дельвига. И такого рода пушкинский «пучок» (или, быть может, точнее — «узел») связей личностных, родственных, но ведущих тем или иным путем к Пушкину, характерен для пушкинского Арбата.

Но когда Пушкин, а затем и его сверстники ушли из жизни, местность вблизи Пушкинского сквера многим напоминала о нем. Сквер стал любимым местом про-

* Бабушка Лермонтова арендовала особняк тоже близ Собачьей площадки — дом № 2 по Малой Молчановке, где сейчас Дом-музей М.Ю. Лермонтова. Свидетельства мемуаристов о личном знакомстве двух великих поэтов не все признают достоверными. Но несомненно то, что созданное Пушкиным оказало сильнейшее воздействие на творчество младшего поэта, а стихотворение его «Смерть Поэта» и по сей день предопределяет наши представления об отношении различных групп общества к дуэли Пушкина и его гибели.

гулок старшего сына Пушкина генерала Александра Александровича, особенно когда тот жил на углу переулков Дурновского и Трубниковского. В особняке были два входа — один вел к нему, другой в квартиру сына В.А. Жуковского — художника, статского генерала¹²⁶. В.А. Жуковский, один из самых почитаемых Пушкиным людей, едва ли не более других сделал для него и при жизни, и после кончины.

Совсем рядом жила и старшая дочь Пушкина Мария Александровна Гартунг, внешность которой передана Л. Толстым в облике Анны Карениной. Ее адрес в 1910–1913 гг. — Большой Николопесковский переулок, 15.

Устроитель общественного сада, названного Пушкинским сквером, Н.А. Львов, несомненно, был наслышан о том, что связывало Пушкина и лиц его окружения с этой местностью. И сам он — внук достойнейших наших соотечественников — был воспитан в представлениях о преемственности традиций российской истории и культуры, носителями которых были его знаменитые родственники. Дед его, тоже Н.А. Львов, человек блистательных и многосторонних талантов — архитектор, литератор, музыкант, инженер, скончавшийся, когда Пушкину было около пяти лет, был женат на сестре жены великого поэта XVIII в. Державина и считался близким его другом. А ведь именно Державин стоит у истоков славы Пушкина. Это он, прослушав чтение «Воспоминаний о Царском Селе», бросился целовать мальчика-лицеиста, по словам самого Пушкина, «и, в гроб сходя, благословил». В архиве Державина сохранился автограф стихотворения, поднесенный ему юным поэтом, вероятно, в тот же на всю жизнь памятный день 8 января 1815 г. Дед Львова по матери адмирал граф Н.С. Мордвинов, председатель Вольного экономического общества, был знаком с Пушкиным и очень высоко ценил им как человек глубоких моральных устоев и передовых общественных взглядов¹²⁷. Пушкин писал Вяземскому в 1824 г.: «Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию». Мордвинов единственный из членов Государственного совета поддерживал выдвинутое предложение об отмене «кнута и плети» как средства наказания, и поэт заклеил несогласных с адмиралом эпиграммой «Заступники кнута и плети» (1825). В 1827 г., после того как Мордвинов выступил против смертной казни и не подписал смертный приговор декабристам, Пушкин сочинил послание Мордвинову, избрав намеренно стилистику, близкую поэзии XVIII в., и цитируя ее образцы. Вряд ли случайно и такое совпадение, как употребление одинакового сочетания слов в первой строчке тогда же написанного послания декабристам («Во глубине сибирских руд...») и предпоследней строчки послания Мордвинову («и дань сибирских руд»). Пушкин, всегда такой неожиданный в откровенности своей поэтической мысли, такой богатый на выдумку, явно объединял в своем сознании представление о Мордвинове — государственном деятеле — и о судьбе декабристов. В 1832 г. Мордвинов подал свой голос за избрание Пушкина членом Российской академии.

Историк В.О. Ключевский в речи-статье «Евгений Онегин и его предки», написанной к 50-летию со дня кончины Пушкина, в 1887 г., сформулировал: «Жизнь поэта — только первая часть его биографии; другую и более важную часть составляет посмертная история его поэзии»¹²⁸.

Известно, каким значительным событием в истории культуры и общественной жизни стал Пушкинский праздник в Москве в июне 1880 г., торжественное от-

крытие памятника Пушкину¹²⁹. И оказывается, что лица, особенно заметные в те дни, в той или иной мере связаны с кварталами Москвы, прилегающими к Пушкинскому скверу.

Наибольшее впечатление произвели тогда, в дни Пушкинского праздника, речи Достоевского и Тургенева в зале Благородного дворянского собрания, получившие всероссийское звучание. Выясняется, что оба великих писателя бывали у места, где установлен был в 1993 г., в дни арбатского юбилея, еще один памятник Пушкину.

Наставником Достоевского в ранние московские годы его жизни был дядя его матери В.М. Котельницкий — доктор медицины, профессор университета. В 1829 г. он стал домовладельцем в приходе храма Спаса на Песках (дом № 4 по Рещикову переулку). Котельницкий — член нескольких ученых обществ, переводчик, коллекционер старинных рукописей и изданий (книг и лубков), картин, монет, «курьезов», знаток древностей допожарной Москвы, ее обычаев, преданий. Бездетные Котельницкие, по воспоминаниям брата писателя, «поставили родителям в обязательство, чтобы во время праздников и масленицы мы все приходили к ним на целый день»; детей водили и на соседние Подновинские балаганы. Воздействие всех этих впечатлений — и «высокой» культуры (деда, его коллекций), и народной культуры (причем в ее карнавальной форме) — на творчество писателя очевидно. Полагают, что характеристика искусства каллиграфии в «Идиоте» восходит еще к детским впечатлениям от памятников древнерусской письменности¹³⁰.

Знаменитые писатели выступали на торжестве также и с чтением стихотворений Пушкина. Федор Михайлович Достоевский читал стихотворение «Пророк». И знаменательно, что оно же прозвучало в исполнении великого Станиславского в день рождения ближайшего к Пушкинскому скверу Театра Вахтангова, а актер этого театра Василий Лановой прочел стихотворение «Пророк» у памятника Пушкину в этом сквере в день его открытия 29 сентября 1993 г.

В доме № 8 на Спасопесковской площадке в 1880–1890-х гг. жил двоюродный брат Тургенева С.П. Тургенев, поддерживавший материально храм Спаса на Песках. (В храме несколько десятилетий был настоятелем известный своим проповедническим даром отец Сергей Успенский, живописное изображение которого оставил арбатский житель — знаменитый художник Павел Корин.) Храм Спаса на Песках (к счастью, уцелевший до наших дней) знаком многим по прелестному пейзажу В.Д. Поленова «Московский дворик», ставшему одним из символов и внешнего образа Москвы, и ее культуры. Художник жил в небольшом деревянном доме в Трубниковском переулке (дом № 5 (17)); поленовский пейзаж 1877 г. — вид из окна этого дома. Приехавший на Пушкинский праздник шурин художника И.П. Хрущев (преподававший ему ранее литературу в Петрозаводской гимназии) пригласил и его принять участие в торжествах и писал в письме Е.Д. Поленовой в Петербург, что они оба «были и на открытии монумента, и на обеде, и на заседаниях... Праздник был такой возвышенный, примирительный и вместе глубоко гражданский, что нельзя было не порадоваться...» Тургенев после этого посетил мастерскую Поленова, «который ему поднес повторение «Дворика»». (В примечаниях к публикации писем уточняют, что это на самом деле повторение первого этюда к картине¹³¹.) Картину эту писатель увез с собой во Францию и, по преданию, со слов

Ф.Д. Поленова, умирая и уже не вставая с постели, просил поместить ее так, чтобы лучше видеть. С этим образом России, Москвы писатель уходил из жизни.

Тургеневы характеризуют как «посла от русской интеллигенции». Он старался познакомить западноевропейцев с литературой и историей России. Самый близкий ему человек, певица мировой славы, Полина Виардо-Гарсия сочинила 15 романсов на слова Пушкина¹³² и исполняла их. Небезлюбопытно и то, что родные Пушкина особо уважительно оценивали отношение Тургенева к памяти поэта: ведь именно Тургеневу доверила младшая дочь Пушкиных Наталья Александровна, тогда уже графиня Меренберг и жена принца Нассау, в 1876 г. публикацию писем Пушкина к жене.

Вероятно, уважительное и трепетное отношение к творчеству Пушкина, к его памяти особенно сближало Тургенева с художником Поленовым. Поленов и на старости лет не расставался с образами Пушкина. В 1921 г. в имении Борок он помогал детской постановке сцен из «Бориса Годунова» и тогда же писал: «Много читаю и перечитываю любимые отрывки из русской прозы. Составилось как бы ожерелье». Самым ярким его «камушком» Поленов назвал сцену на почтовой станции из «Дубровского», отметив, что «с этих немногих страничек начинается русская литература!»¹³³

И другие видные организаторы и участники Пушкинского праздника, выступавшие публично в эти торжественные дни, проживали недалеко от Пушкинского сквера (в чем убеждает адрес-календарь по Москве за 1880 г.).

Деятельное участие в подготовке Пушкинского праздника принимал писатель Алексей Феофилактович Писемский. Переехав в Москву в 1863 г., он обосновался в переулках Приарбатя (в Гагаринском, Нащокинском), а с лета 1865 г. в купленном им доме в Борисоглебском переулке (дом № 11), еще в недавнее время (в 1962–1993 гг.) носившем его имя. На его адрес (в летнюю пору дачный) приходили письма желавших принять участие в торжествах; туда же «почти каждый день» приходили съехавшиеся на праздник очень многие «приятели и знакомые». Об этом узнаем из письма 20 мая 1880 г.: «Я лично весь поглощен предстоящим празднованием открытия памятника Пушкину. Это, положи руку на сердце, могу сказать, мой праздник, и такого уж еще у меня больше в жизни не повторится...» Писемский выступал с докладом «Пушкин как исторический романист» на чтениях Общества любителей российской словесности (ОЛРС), читал стихи Пушкина на думском обеде.

С чтением стихов «Памяти Пушкина» выступил и поэт-петрашевец А.Н. Плещеев, автор популярнейших тогда стихов «Вперед! без страха и сомненья...», проживавший в 1870-е гг. в доме № 30 по Арбату. Его стихотворение 1880 г. начинается словами, напоминающими о детском восприятии Пушкина: «Мы чить тебя привыкли с юных лет...» Стихотворение «На памятник Пушкину» написал в том же году и близкий знакомец Пушкина В.А. Соллогуб, действие повести которого «Тарангас» начиналось с Собачьей площадки. На углу Малого Николопесковского переулка и Арбата была позднее квартира литературоведа (с 1890 г. академика) Н.С. Тихонравова, председательствовавшего в качестве ректора на собрании университета и открывшего его своей речью. Членами юбилейной комиссии были жившие в разное время в Приарбатье П.И. Бартнев и М.М. Ковалевский.

Председателем Пушкинского комитета, главным организатором подготовки и выставки, и юбилейных заседаний, душой всего дела был Лев Иванович Поливанов — педагог-просветитель, автор большой книги о Жуковском, постоянно приобщавший молодежь к творениям Пушкина в многочисленных, неоднократно переиздававшихся учебных пособиях и хрестоматиях. В 1887 г. к 50-летней печальной годовщине гибели Пушкина он откроет своей речью заседание памяти поэта в актовом зале университета, издаст сочинения Пушкина в пяти томах, с комментариями и сводом отзывов критиков, и будет удостоен за это премии Академии наук. Поливанов — основатель первой в Москве частной мужской гимназии, которая стала одним из центров Пушкинского праздника. Педагоги и ученики участвовали в организации юбилейных мероприятий, а участники торжеств посещали гимназию. В праздничный день 25-летия гимназии, в 1893 г., Поливанов отмечал, что «это дало возможность многим нашим воспитанникам быть особенно воодушевленными слушателями всех корифеев русской литературы недавнего времени»¹³⁴.

В гимназии на Пречистенке (дом № 32) царил культ Пушкина; сам директор мастерски читал его стихи. Сын Л.Н. Толстого Лев писал сразу после кончины Поливанова в 1899 г.: «Кто из нас не помнит, с какой любовью, с каким пониманием Л.И., может быть, в сотый раз в жизни, но все с той же свежестью чувства читал перед нами какое-нибудь стихотворение Пушкина». По словам Андрея Белого, «его требования рассказать не от себя, а от Пушкина, по Пушкину были апелляцией к процессу нашего вживания в стиль Пушкина». В 1899 г. учащимся гимназии была предложена тема сочинения о юбилее Пушкина: среди сохранившихся — сочинение гимназиста Бориса Бугаева. Позднее он напишет о себе: «Скажу с гордостью: я ученик класса словесности Поливанова, и как воспитанник “Бугаев”, и как “Андрей Белый”»¹³⁵.

В Поливановской гимназии учились дети интеллигентских семей, аристократии, культурных коммерсантов, главным образом аборигены Приарбатья. Конечно, были ученики и из других московских кварталов — Валерий Брюсов, например, добирался на Пречистенку с Цветного бульвара (Брюсов — издатель сочинений Пушкина, автор многих статей о нем; посмертно, в 1929 г., издана его книга «Мой Пушкин» с библиографическим указателем «Пушкинские работы В.Я. Брюсова»). Поливановцами были граф П.С. Шереметев — сын видного сановника и историка, председателя императорской Археографической комиссии С.Д. Шереметева (в перешедшем во владение Шереметевых подмосковном Остафьево ими был установлен памятник Пушкину); актер МХТ, исполнявший роли в пушкинском «Борисе Годунове» В.В. Лужский; актер столичного Александрийского театра Ю.М. Юрьев — племянник одного из устроителей Пушкинского праздника 1880 г., писателя и общественного деятеля С.А. Юрьева, произнесшего речь при открытии памятника.

В топонимо-культурном ареале пушкинского Арбата 1820–1830-х гг. оказываются места жительства и «средоточия общезитий» (выражение П.А. Вяземского) тех, кто позднее изучал сочинения и биографию Пушкина, кого поэт вдохновил на творчество в сфере искусств и художественной литературы.

Так, композитор Чайковский, три оперы которого сочинены на сюжеты произведений Пушкина, меняя адреса, никогда не уезжал далеко от Арбата (и, конечно, Консерватории). Удивительно, но и тех, кого можно называть пушкинистами (или, как ранее выражались, пушкиноведами), словно магнитом тянуло к арбатским пе-

реулкам. М.О. Гершензон жил в Плотниковом переулке (дом № 13), В.В. Вересаев — в Шубинском (там барельеф с его изображением), М.А. и Т.П. Цявловские — возле Плющихи, в Новоконюшенном переулке, Н.К. Пиксанов — в Кропоткинском, Л.П. Гроссман — на Пречистенке, М.А. Булгаков в период работы над пьесой «Последние дни (Пушкин)» — в Нащокинском (тогда он назывался улицей Фурманова); в том же доме, в так называемой писательской надстройке, в 1930-е гг. жил О.Э. Мандельштам, неизменным спутником творчества которого всегда был Пушкин: сохранился черновой вариант его статьи «Пушкин и Скрябин», топографически близкой к Пушкинскому скверу (Квартира-музей композитора — в доме № 11 по Большому Николопесковскому переулку).

Не раз изображавший Пушкина художник Н.П. Ульянов жил в доме № 37 по Староконюшенному переулку. В доме № 27 по Арбату до конца 1920-х гг. жил крупный историк (впоследствии академик) С.Б. Веселовский — автор генеалогических исследований о роде Пушкиных. Ранее речь шла о проживавшем в Кривоарбатском переулке драматурге А. Глобе.

На углу Денежного и Глазовского переулков жили академик П.Н. Сакулин — директор Пушкинского Дома и председатель Общества любителей российской словесности, изучавший эпоху Пушкина и много сделавший для поощрения интереса своих учеников и сотрудников к исследованию пушкинской проблематики, и сменивший его на посту директора Пушкинского Дома в 1931 г. академик А.В. Луначарский. Как нарком просвещения 1917–1929 гг., он убежденно отстаивал положение о непреходящей ценности пушкинского наследия, противостоя тем, кто склонен был сбросить Пушкина «с корабля современности», внушал «образованцам» мысль о том, что в основе фундамента социалистической культуры должен находиться и Пушкин, много писал и выступал устно о Пушкине, редактировал его сочинения.

Но ограничимся опять лишь близкой местностью — между Арбатом и Поварской, с одной стороны, и Садовой и Серебряным переулком — с другой, а на Арбате — немногими домами четной нумерации.

Там, где теперь на Арбате дом под номером 16, в молодые годы жил Петр Иванович Бартенев — известнейший археограф России, основатель и в течение почти пятидесяти лет неизменный редактор периодического издания «Русский архив», ставшего уникальным по ценности собранием материалов о России XVIII–XIX вв. М.А. Цявловский охарактеризовал Бартенева и как виднейшего пушкиноведа: «Один из основоположников пушкиноведения и последний хранитель устной традиции о Пушкине». Бартенев успел расспросить о Пушкине многих его современников и записать эти рассказы, сумел и побудить написать воспоминания о Пушкине и его времени, опубликовал многообразнейшие материалы о Пушкине. Бартеневу подарил Соболевский кушетку, на которой в его квартире на Собачьей площадке отдыхал Пушкин, и шкафчик, где хранил рукописи. Со «старейшим из русских пушкиноведов» (слова Ю.Г. Оксмана) почтительно консультировались пушкинисты вплоть до его кончины в 1912 г.*

* Подробнее об этом в главе 3, озаглавленной «Старейший из русских пушкиноведов», в книге А.Д. Зайцева «Петр Иванович Бартенев» (М., 1989), написанной с большой увлеченностью и опирающейся на богатейшую базу малоизвестных материалов.

Знаменитый адвокат А.И. Урусов, владелец дома № 32 на Арбате (ранее долго живший в доме № 15 по Плотникову — тогда Никольскому — переулку), в 1898 г. выступил с предложениями создать Словарь языка Пушкина (эта идея заинтересовала жившего в Ялте Чехова, о чем он писал Урусову 1 февраля 1899 г.), приобрести в национальную собственность у наследников библиотеку Пушкина, выпустить пушкинское лото (вроде викторины на пушкинские тексты), поставить памятник Пушкину в Петербурге. Внук декабриста В.Е. Якушкин (проживавший в доме № 17 по Трубниковскому переулку) 27 мая 1899 г. на торжественном заседании Общества любителей российской словесности произнес речь, которую невозможно было тогда напечатать: он обосновывал мысль о том, что Пушкин и после поражения декабристов сохранил революционные общественно-политические взгляды, изменив лишь тактику. Якушкин впоследствии редактировал тома академического собрания сочинений Пушкина.

В доме № 6 по Борисоглебскому переулку определила место своего семейного очага Марина Цветаева. Выбирая район Собачьей площадки, она думала, по ее же словам, о том, что «здесь Пушкин бывал. Вот по этим камням ходил». Оттуда Цветаева уехала за рубеж. Цветаева много и в разное время писала о Пушкине — ее пушкинские сочинения теперь составили целый том. Ныне в Доме Цветаевой, сохраненном в основном благодаря усилиям проживавшей там в послевоенные годы Н.И. Катаевой-Лыткиной, действительно поддержанной академиком Д.С. Лихачевым, сосредоточено уникальное собрание изданий российского зарубежья. Притягательное имя основателя Фонда культуры Д.С. Лихачева обеспечило передачу в фонд нашими зарубежными соотечественниками многих ценных письменных и изобразительных материалов¹³⁶.

В дореволюционные годы Большой Николопесковский переулок, дом 13 — один из адресов Ходасевича — поэта, эссеиста, литературоведа. В. Набоков называл его «гордость русской поэзии», «литературный потомок Пушкина по тютчевской линии». Заглавие второй книги стихов Ходасевича «Счастливый домик» (1914) навеяно стихотворением Пушкина «Домовой» (у Пушкина: «от недружеского взора / Счастливый домик сохрани»). В рецензии на этот сборник М. Шагинян писала: «Его счастливый домик — это совсем особый домик, в котором следовало бы хоть немного погостить каждому из нас». С весны 1918 г. Ходасевич читал лекции о Пушкине в Пролеткульте (в бывшем особняке мавританского стиля А. Морозова на Воздвиженке). Еще в советской России, до его отъезда за границу, вышла книга В. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Л., 1924), в Берлине — книга «О Пушкине»¹³⁷.

Мы уже упоминали двухэтажный дом академиков в Дурновском переулке. Там жил В.И. Вернадский — великий натуралист (он сам любил употреблять это определение) и опередивший своих современников мыслитель-провидец. В его сочинениях не раз встречаем имя Пушкина. В трудах по истории науки в России Вернадский выделяет роль Пушкина и отношение к нему современников и потомков как показатель уровня развития отечественной культуры и места ее в мировой культуре. Современники не всегда могут понять и оценить степень масштабности наблюдаемого ими во времени и пространстве исторического явления. По мнению Вернадского, «Пушкин не сразу выявился тем, чем он был через несколько поколе-

ний после своего рождения»¹³⁸. С.И. Вавилов после посещения Святых гор, Михайловского, Тригорского писал в юношеском дневнике летом 1913 г.: «Пушкину я верю, Пушкина я люблю... его фразы стали законом». Вавилов произносил вступительное слово во время празднования 150-летия со дня рождения Пушкина на заседании в здании Царскосельского лицея¹³⁹.

Позднее в том же академическом доме получил квартиру Виктор Владимирович Виноградов (до этого он жил неподалеку — в доме № 46 по Большому Афанасьевскому переулку). Среди многочисленных, поражающих разносторонностью научных трудов маститого языковеда и литературоведа — книги и статьи о Пушкине: книгу «Язык Пушкина» издала «Academia» (1935), монография «Стиль Пушкина» вышла в свет в 1941 г. В ночь на 8 февраля 1934 г., когда ученого пришли арестовывать по фабрикуемому «делу славистов», на его столе лежала незаконченная статья о стиле «Пиковой дамы». При переводе из Лубянки в другую тюрьму жена Надежда Матвеевна передала ему на прощание томик Пушкина, и он в одиночной камере продолжал писать прерванную статью¹⁴⁰. Пушкинская тема увлекала академика до конца его дней, а наблюдения над пушкинским языком легли в основу важных его выводов о развитии русского литературного языка.

Вблизи, в доме № 20 по Арбату, жил другой классик науки о языке российской литературы — Г.О. Винокур, как и Виноградов, принимавший действенное участие в составлении «Словаря языка Пушкина», точнее сказать, даже инициатор в те годы организации такой работы, после подготовивший к печати текст «Евгения Онегина» для девятитомника сочинений Пушкина в издательстве «Academia». Проблематика трудов Винокура на редкость широка — от особенностей древнерусского языка до стиха Маяковского и языка газет. Но тема докторской диссертации — язык и стиль Пушкина. К столетию со дня кончины Пушкина решено было выпустить новое академическое Полное собрание сочинений его, с приведением всех вариантов, редакций и с многообразным научным комментарием. Согласно плану, сумели издать в 1935 г. только драматические сочинения — том VII по нумерации собрания сочинений. Затем властным распоряжением сопроводить собрание сочинений столь солидным научным комментарием в тех же томах было запрещено¹⁴¹. «Бориса Годунова» в VII томе с обширными комментариями — текстологическими, языковедческими, литературоведческими, историческими — и насыщенной новыми данными статьей подготовил к печати Г.О. Винокур. Ныне часть тома переиздают отдельной книгой, подготовленной к печати заботами покойной дочери Григория Осиповича — доктора филологических наук Татьяны Григорьевны Винокур, проживавшей там же и известной многим радиослушателям по передачам из истории русского языка, где не раз обращались к «Словарю Пушкина».

В нескольких минутах ходьбы от Пушкинского сквера, еще в коммунальной квартире, в доме № 26 по Трубниковскому переулку (дом ЦЕКУБУ), где в каждой почти квартире обитало несколько профессорских семейств, жил Н.К. Гудзий. Наиболее известны его труды о древнерусской литературе и Л.Н. Толстом. Но имеются и работы о Пушкине и пушкиноведении, особенно по теме «Пушкин и “Слово о полку Игореве”». В 1949 г. вышла его книга «Пушкин. Критико-биографический очерк».

Неподалеку, в доме № 25 на Поварской, с середины 1930-х гг. помещается Институт мировой литературы (ИМЛИ) Академии наук, сотрудники которого, и это понятно, отдают много сил изучению пушкинского наследия и всего того, что относится к широкой сфере пушкиноведения. А на другой стороне Поварской, во флигеле старинной городской усадьбы, здание которой передали Союзу писателей, регулярно заседала Пушкинская комиссия, возглавлявшаяся М.А. Цявловским.

Первым директором ИМЛИ по рекомендации М. Горького был утвержден в июне 1934 г. Л.Б. Каменев, ранее уже назначенный на пост директора Пушкинского Дома (Института русской литературы) Академии наук в Ленинграде. Последняя квартира Каменева в доме № 3 по Карманицкому переулку видна из Пушкинского сквера. Опальный партийный сановник в то время руководил издательством «Academia», книги которого стали вершинным достижением книжного дела и по оформлению, и по сопровождавшим издания статьи и научному аппарату. В «Academia» было издано Полное собрание сочинений Пушкина в девяти томах, изящное, малого формата, а также отдельные произведения и труды о Пушкине — его языке, системе стихосложения («Метрический справочник к стихотворениям»), рисунках — и воспоминания с уникальными сведениями о Пушкине, его окружении, восприятии его творчества.

Отодвинутый от активной политической деятельности, Каменев со всей неутомимостью отдался литературоведению и организации работы в этой сфере науки. Только сейчас (усилиями более всего историка-архивиста В.В. Крылова) мы узнаем о незавершенных авторских трудах Каменева и о запланированных по его инициативе авторских работах. На первом плане Пушкин и Герцен (уцелела корректура предисловия к факсимильному переизданию герценовского «Колокола» — это большая статья, опубликованная в «Археографическом ежегоднике за 1994 год»^{*}).

По существу, именно Каменев был руководителем подготовки к Пушкинскому юбилею 1937 г., «Пушкинского фронта» (по определению Ю.Г. Оксмана). Предполагалось организовать конференцию, готовить разного типа издания и Пушкина, и о Пушкине. Оксман писал М.А. Цявловскому 23 августа 1933 г., что большую конференцию, «которая бы объединила пушкиноведов с писателями», будут «проводить Академия наук и А.М. Горький, академическое издание будет возглавлять Горький, а легкую промышленность в области пушкиноведения — Л.Б. Каменев». Каменев фактически руководил подготовкой нового академического издания Полного собрания сочинений Пушкина. Точнее сказать, всего написанного Пушкиным (включая деловые бумаги, выписки из прочитанного, маргиналии и пр.), сопровождаемого многообразным научным комментарием (помощником его был Ю.Г. Оксман — тогда заместитель директора Пушкинского Дома). В архиве (в РГАЛИ) сохранились соображения Каменева о примечаниях в сочинениях

^{*} Летом 1933 г. мы с мамой провели два месяца в Форосе, где тогда отдыхал Лев Борисович с женой Татьяной Ивановной и маленьким сыном. Он целые дни работал: писал, читал, сидя в единственной и именно ему предоставленной беседке парка. Делал со всеми, в трусах, утреннюю зарядку, но затем уединялся, не теряя времени на разговоры возле дома (и вообще почти ни с кем публично не общался), не видели его и лежащим на пляже. Не задерживался в столовой (наши столики были соседними), торопился...

Пушкина (указатели терминов, которые, на его взгляд, надлежит комментировать). Задумана была Пушкинская энциклопедия, к участию в которой привлекли специалистов Москвы и Ленинграда (сохранились протоколы заседаний с указанием ответственных за подготовку статей в ее разделах, с наименованиями самих разделов). Каменеву во многом обязаны музеефикацией пушкинских мест в Псковском крае. Даже в тюрьме, уже после убийства С.М. Кирова, он занят подготовкой биографии Пушкина. В письме от 24 сентября 1935 г. жене (сосланной в Сибирь) читаем: «В прошлом письме я написал тебе “диссертацию” об “Истории села Горюхина”. Сейчас я дошел уже до дуэли и смерти. Это собственно тема для трагедии...»¹⁴² Каменев побуждал заняться Пушкиным и своего соратника по партии Г.Е. Зиновьева*, тогда уже вовсе отодвинутого от какой-либо активной деятельности. (Последняя квартира Зиновьева тоже на Арбате, дом № 35.) Вдова его расстрелянного сына вспоминала, что свекор тогда «больше занимался литературой; я видела у него на столе многотомное собрание Пушкина»¹⁴³.

В Большом Николопесковском переулке, сначала на углу Арбата, затем возле Собачьей площадки, в доме № 12, жил поэт П.Г. Антокольский. В 1960 г. вышла его книга сочинений разных лет «О Пушкине», где стихи на пушкинские темы чередуются со статьями, содержащими анализ отдельных произведений Пушкина, «замечками на полях», предположениями о возможных толкованиях пушкинского текста, критическими наблюдениями о современной Пушкиниане. Написанное Антокольским о Пушкине отличает и просветительская направленность. И он сам декларирует подобный подход к литературе о Пушкине. Так, высоко оценивая новейшие труды И.Л. Фейнберга о Пушкине — историке и мемуаристе и И.Л. Андроникова о тагильской находке, Антокольский считает «очень важным и примечательным» то, что они, «оставаясь исследовательскими», обращены и к широким читателям. В 1937 г. вышел под его редакцией стихотворный сборник «Пушкину», подготовленный «коллективом молодых поэтов при Гослитиздате». В сборник вошли стихи К. Симонова, М. Алигер, М. Матусовского, Л. Ошанина и других, ощущается плодотворная связь времен. Но откровенно заметны и тягостные приметы зловещего 1937 г., особенно когда читаешь такие строки: «Прошло столетье. / Наш товарищ вольный / С тунгусами теперь заговорил <...> Встал Пушкин рядом с нашими вождями. / И наше счастье — Родина ему. / Он долго ждал, чтоб сделаться счастливым. / Теперь / сосредоточенны, тихи, / Районные партийные активы / До ночи слушают его стихи»**.

С Пушкинского сквера виден дом, где жил человек, ныне гораздо менее известный, чем названные прежде, но озаряющий и по сей день светом память многих, — один из виднейших тогда школьных преподавателей русской словесности

* Показательна запись Ю.Г. Оксмана 1960-х гг. о плане своих воспоминаний: «Обязательно надо написать о своих встречах летом 1934 г. с Л.Б. Каменевым в Ленинграде, о поездке с ним в Михайловское. О встречах с ним же осенью 1934 г. в Москве. Встречи с Зиновьевым, которого Л.Б. сватал на роль автора популярной брошюры о Пушкине к юбилею. Репетицией этой брошюры должна была явиться статья Зиновьева в пушкинском томе “Литературного наследства”».

** С.О. Шмидт приводит строки из стихотворения Евг. Долматовского «Современник» (1937). — *Ред.*

Иван Иванович Зеленцов. И именно этой дорогой, мимо Пушкинского сквера, провожали мы его в довоенные годы домой из нашей 110-й школы на углу Мерзляковского переулка (теперь там Центральная детская школа Московской консерватории). Не обиженный с детства близким знакомством с незаурядными людьми, я понимал, что соприкасаюсь с едва ли не гениальным дарованием, а став профессором — учителем высшей школы, осознал это еще в большей мере. Начав занятия с нами с восьмого класса, И.И. Зеленцов приобщал учащихся к лекционной манере и в то же время делал соучастниками этого действия. Им был организован литературный кабинет. Собирался кружок из школьников разных классов, где практиковали обсуждение докладов (чаще всего специально для того подготовленных)*. Высшим эталоном для него оставался Пушкин, и убеждение свое он старался внушить нам. Когда были первые массовые награждения орденами школьных учителей, И.И. Зеленцов среди немногих, как и директор школы Иван Кузьмич Новиков, был награжден орденом Ленина. С введением отдельного обучения Иван Иванович перешел в женскую школу, в помещение бывшей гимназии Брюхоненко (где преподавал ранее — после переезда из Рыбинска в Москву), и оставил такой след в душах своих учениц, что они (и прежде всего Г.Д. Понежевская) подготовили сборник статей и воспоминаний о своем учителе и о том, как он побудил некоторых из них вступить на преподавательскую стезю в школе. Затем к работе подключились выпускники школы совместного обучения, 110-й, а позже и рыбинский краевед Ю.И. Чубукова, выявившая много сведений о его преподавании до революции в рыбинских гимназиях, организации учителями общества, где слушали и доклады И.И. Зеленцова о Пушкине. Книге дано название «Ты, солнце святое, гори. Книга о московском учителе русской словесности Иване Ивановиче Зеленцове». («Вакхическую песню» Пушкина учитель просил исполнить в день похорон в оставленной им записке.)

Совсем рядышком, во дворе дома по Спасопесковскому переулку, — вход в подъезд, где была квартира, в которой прошла большая часть жизни выпускника нашей 110-й школы, но уже послевоенных лет, Натана Эйдельмана. Не сомневаюсь в том, что будущие авторы трудов о развитии советской науки признают его едва ли не крупнейшим исследователем истории России конца XVIII – первой половины XIX в., и особенно истории общественного сознания. Среди многих его сочинений и тем более устных выступлений (Натан был великолепным лектором, увлекающимся и вовлекающим в орбиту своей мысли, мастером устной полемики) «Пушкин» — одна из самых заметных тем. О Пушкине, его жизни и творчестве, его современниках, об изгибах его биографии, о путях поисков новых данных Эйдельман писал и рассказывал много и вдохновенно. «Я в состоянии заниматься только тем, что меня волнует», — говорил Натан. И эта взволнованность, тем более что у него была особая, призывающая к вопросам, манера письма, передава-

* Здесь, полагаю теперь, следует искать корни любимой мною кружковой работы в вузе, в Историко-архивном институте (на базе которого образовался Российский государственный гуманитарный университет), — там с 1949/50 учебного года руковожу студенческим научным кружком источниковедения отечественной истории, откуда вышло около двадцати докторов наук, более сотни кандидатов, а главное, так много друзей и науки и моих¹⁴⁴.

лась читателям и слушателям — к нему лично и к творчеству его никогда не относились безразлично. (И отношение это не было, конечно, однозначным.) Отдельными изданиями с 1963 г. вышли 28 его книг (не считая переизданий)¹⁴⁵. Имя Пушкина прямо обозначено в названиях некоторых из них: «Пушкин и декабристы», «Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта», «Пушкин. Из биографии и творчества. 1826–1837». В день, когда его сразила смертельная болезнь, Натан Эйдельман думал о публичном выступлении, в котором намеревался разъяснить тайну пушкинского стихотворения «Андрей Шеньев», пытался, уже бессвязно, говорить об этом в санитарной машине, увозившей его с последней (уже не арбатской) квартиры в больницу. Том сочинений Пушкина был с ним в реанимационной палате. С этим уходил из жизни...

Недалеко обитали и многие из тех, кто черпал вдохновение в сотворенном Пушкиным: композиторы С.В. Рахманинов, Н.К. Метнер (им сочинено 32 романа на слова поэта), скульптор В.В. Домогацкий (мастерская его в Серебряном переулке, что отмечено памятной доской) и другие. Рядом киностудия, откуда вышли фильмы пушкинской тематики. Совсем близко жили выдающиеся исполнители в операх на пушкинские сюжеты: певица Н.В. Салина, первой в Москве выступавшая в операх Чайковского (в доме № 4 по Большому Николопесковскому), а прославленный исполнитель партии Евгения Онегина П.А. Хохлов жил сначала в доме № 26 по Трубниковскому переулку, а затем в доме № 5 по уничтоженному ныне Кривоникольскому переулку, подле Собачьей площадки. В Большом Николопесковском (дом № 12) была квартира замечательного чтеца Д.Н. Журавлева, буквально завораживавшего слушателей своими пушкинскими программами.

Пушкин — знамя Отчизны, пароль ее языка, культуры и для тех, кто оказался после революционных лет за ее рубежами*. Задумав покинуть советскую Россию, В. Ходасевич в начале 1921 г. заметил: «...мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке»¹⁴⁶. Это последняя фраза доклада «Колеблемый треножник», поразительного по глубине мысли и красоте формы размышления о Пушкине и отношении к нему последующих поколений. В эмигрантском отлучении от родной земли с особым чувством обращались к Пушкину в пушкинские годовщины — в 1924-м и особенно в 1937 г., когда было создано много юбилейных комитетов. В руководстве Центрального комитета в Париже видим знакомых нам арбатцев — председателя В.А. Маклакова, заместителей И.А. Бунина, П.Н. Милюкова. Членами комитета были К.Д. Бальмонт, Б.К. Зайцев, В.Ф. Ходасевич, М.И. Цветаева.

Названы, конечно, отнюдь не все имена — даже из самых памятных в истории культуры. Связи многих из них с Арбатом и Приарбатьем еще не выявлены. Но об-

* Помню, как поразило и порадовало меня то, что увидел в 1958 г., когда первый раз оказался за рубежом, в Чехословакии. В фамильном замке князей Меттернихов, оставленном владельцами при приближении советских войск, сохраняли в неприкосновенности часть комнат. В одной из них на стене висел портрет молодой красивой дамы (кажется, работы Сорина), как сообщили, урожденной русской княжны Васильчиковой, и на столе лежала последняя книга, которую она читала, — том стихотворений Пушкина на русском языке (если память не изменяет, зарубежного, тогда мне не знакомого издания).

наруживается естественная для характера развития нашей культуры закономерность — в жизни большинства из них Пушкин значил очень много, и тому найдутся документальные подтверждения. Существенно и то, что даже если Пушкин и пушкинское не становились непосредственно темой творчества, то это влияло в той или иной мере (иногда очень значительной) на характер творчества, развитие мироощущения. Пушкиным проверялось собственное взросление.

Хотя растущее с годами внутреннее притяжение к Пушкину не всегда можно объяснить, ясно, что без продолжающегося осмысления пушкинского наследия трудно осознать происходившее и происходящее и в мире, и в самом себе. Сошлюсь на писателя, которого более других цитирую в этом сочинении, — на Булата Окуджаву, учившегося в школе по Рещикову переулку, у самого Пушкинского сквера. Он действительно поэт Арбата и сам полагает, что «рос истинным арбатцем», и все согласны в том, что его творчество особенно чувствительно отражает арбатство и изменения и в понимании арбатства, и в отношении к нему.

В одной из бесед с Б.Ш. Окуджавой было отмечено, что на вопрос, кого считаете своими учителями, он неизменно — и в прозе и в поэзии — первым называет Пушкина. Тогда сформулировали вопрос: «Что значит Пушкин в вашей писательской, человеческой судьбе?» Сказанное Б.Ш. Окуджавой примечательно: «Пушкина я по-настоящему открыл для себя поздно, в 40 лет. Хотя читал его с детства и думал, что люблю. Но именно думал. Оказалось, что я его не знал, не понимал, я просто участвовал в общем хоре. А в сорок лет я почувствовал Пушкина и стал перечитывать его другими глазами. Как стихи моего близкого хорошего знакомого, как стихи дорогого мне человека, чья трагедия аукнулась во мне очень сильно. Я не литературовед и не могу объяснить свое внутреннее притяжение к Пушкину. Я вижу в Пушкине для себя идеал. Он недостижим, но важно стремление к нему. И потом, Пушкин для меня колоссальная личность во всех отношениях — и в литературном, и в человеческом. Среди прочих у него есть еще одно достоинство, очень мне дорогое, которое заключается в умении смотреть на самого себя иронически. Пушкин — олицетворение русской культуры не одного века»¹⁴⁷.

Именно потому, что Пушкин действительно «олицетворение русской культуры не одного века», со временем, несомненно, выявятся еще факты связей с Пушкиным, с пушкиноведением жителей и этого, и иных районов Приарбатья: Пушкин в жизни стольких так много значил, хотя и осознается это зачастую с возрастом. И для каждого особое, иногда определяющее значение имеют факты сугубо личной биографии, только им памятные. Но ведь история народа и складывается из подобных биографий!*

* О моем детском восприятии Пушкина и вообще пушкинского напоминает и Пушкинский сквер. В зелени, за церковной оградой, Тата, няня моя (тогда еще совсем молодая), приобщила маленького мальчика к восприятию на слух читаемого ею текста и к самостоятельному чтению. И едва ли не самые запомнившиеся из первых книжек моей жизни — «Сказки» Пушкина с иллюстрациями И.Я. Билибина. Крупные буквы, сочные цвета картинок, реалистические, но в то же время и с долей условности изображения — это и начальные представления о силе изобразительного искусства и взаимосвязи его с искусством слова. Однажды мама повесила близ моей кровати — тогда еще детской — обрамленное, под стеклом, изображение юного Пушкина (по знаменитой гравюре Е. Гейтмана 1822 г.) — первое

Большей частью наше внимание фокусируется преимущественно на лицах, более или менее заметных, имена которых включены в словники энциклопедических словарей. И ясно, говоря словами Пушкина, что «историческая страница, на которой встречаются имена» таких людей, «не должна быть затеряна для потомства»¹⁴⁸.

Однако социокультурный подход к изучению прошлого Арбата (т.е. и улицы Арбат, и достаточно обширного Приарбатья — ближнего и дальнего) не допускает ограничения именами достопамятными, именитыми памятниками истории и культуры и событиями, которые признают историческими, т.е. значимыми (когда понятие «исторический» употребляется в оценочном смысле — «значительный»). Хотя полученные в результате плодотворной работы москвоведов данные такого рода особенно много дают и для объяснения феномена «Арбат в истории и культуре России»^{*}.

Как проникновенно заметил Б. Окуджава, характеризуя Арбат: «Пешеходы твои — люди невеликие». И дух «арбатства», и «арбатского романса старинное шитье», и своеобразие жизни недавнего «арбатского двора» олицетворялись прежде всего в обычных арбатских обывателях. Они-то — «дети Арбата» — и в девятнадцатом веке и в двадцатом!

Да и для великих Арбат не столько арена славы, сколько среда обитания и сфера бытовых наблюдений и жизненных импульсов. Здесь они оставались и «обывателями» Арбата, и становились творцами того, что принесло славу и им и Арбату. И следует уяснить, что побуждало тех из них, кто не возрос в этих кварталах, избирать именно Арбат местом жительства. Не сводить же все к понятию о престижности, тем более моде?

А писатели, наблюдая образ жизни арбатцев, нередко избирали Арбат местом действия героев своих сочинений, делали Арбат средой и их обитания. И коли им было дорого «арбатское» начало, то арбатолобие авторов (особенно если присутствовало и мемуарное начало) порождало арбатолобие и читателей.

Что же обусловило образование социокультурной атмосферы Арбата, ее особую благоприятность для развития интеллигентско-литературной жизни, форми-

изображение исторического лица в нашей с няней комнате. И это изображение до войны находилось на стенке первой полки «моих» книг. Получилось так, что и самые первичные понятия об информативных возможностях исторических источников, особенно мемуаров, о важности их сопоставительного рассмотрения восходят к теме «Пушкин». Первой книгой, побудившей об этом задуматься, была книга В.В. Вересаева «Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников». 5-е издание ее, подготовленное издательством «Academia» в 1932 г., мне подарил мой дядя. И это, видимо, так заворожило меня в 10 лет, что следующим летом в Форосе, где была хорошая библиотека, я преимущественно читал мемуары в издании «Academia». И тогда же почувствовал (хотя и не имел еще, конечно, понятия о предметах науки и о развитии представлений об этом), что сфера источниковедения истории общественной жизни и общественного сознания — на стыке наук истории и литературоведения.

^{*} Несомненно, что дальнейшие изыскания позволят установить связи с Арбатом и других исторических лиц и событий. Безусловно и то, что могут существенно расширяться наши познания о собственно арбатской жизни тех, чьи имена уже попали в труды об Арбате. Этому всему должна способствовать работа по созданию энциклопедии «Арбат».

рования столь своеобразного биополя* культуры? В публицистике, художественной и мемуарной литературе такой вопрос был, по существу, поставлен еще в 1830–1840-е гг., с элементами научной основательности — через 150 лет, на рубеже 1970–1980-х гг., когда стали обсуждать проблему реконструкции улицы Арбат и убедились в том, что строительство на месте переулочья, с его своеобразием, стандартного широкого проспекта Новый Арбат, сразу же прозванного Хрущатином, решительно порушило не только дома и зелень садилов, но особенность «арбатского» уклада жизни, приводило к утрате характерных для «арбатцев» настроения мысли, манеры общения.

Поиски ответа на этот вопрос в русле изучения вызывающей ныне особое внимание проблематики и социологии, и исторической психологии, и культурологии отражают возрастающий во всем мире интерес к роли ментальности (менталитета)** в нашей каждодневной жизни — и в прошлом и в настоящем. Особенно с распространением книжной грамотности и средств массовой информации.

Художественно запечатленный образ Арбата закрепился в общественной памяти, естественно, в большей мере, чем соображения историко-экономического характера. Следует попытаться рассмотреть то и другое в сравнительном плане — обратиться одновременно и к справочно-статистическим материалам, и делопроизводственной документации, к газетной и журнальной публицистике, к дневникам, переписке, мемуарам, к произведениям художественной литературы и искусства (включая и кинокадры). При этом желательно, конечно, избегать и быстро конструируемых схем, и соблазна слишком решительных выводов типологического характера на основании лишь немногих наблюдений, без проверки степени «представительности» таких данных и воздействия обаяния эффектных формулировок предшественников.

Тем самым мы приблизимся к возможности соотнести миф об Арбате и «арбатстве» с живым Арбатом, а следовательно, и уяснить реальный генезис арбатской «мифологии»: как складывались конкретные понятия о типологии явлений и их семантике? На основании чего, в какое время, в какой среде возникали такие представления? Что в них оставалось устойчивым, что и как изменялось? Как порождалась традиция и кем и какими путями она поддерживалась?

Это же позволяет наблюдать, как влияют представления, порожденные в устных разговорах и письмах, в художественной литературе и публицистике, и на составителей мемуаров, пишущих по прошествии лет и десятилетий, и, в конечном

* Очевидно, что специалистам в области естественных и других наук негуманитарного профиля предстоит еще выяснить, нет ли в этой местности каких-либо способствующих тому аномалий, обусловленных географическими, геологическими, астрономическими и иными особенностями. Ведь вряд ли случайно тут возводили так много храмов — церкви, как правило, не строят на случайных местах!

** От французского «mental» — «мысленный», «совершающийся в уме» и в то же время и «душевный», «психический»; отсюда — «mentalité» — направление мысли, умонастроение, умственное развитие, склад ума, индивидуальная психология. Эти труднопереводимые слова, отсутствующие в словарях и русского языка, и иностранных слов, и в энциклопедических, буквально вторглись в наш язык сегодняшнего дня.

счете, на формирование собственно исторических, т.е. научных в своей основе понятий. А это — лаборатория отбора (кем? когда? при каких обстоятельствах?) достойных истории явлений, а следовательно, и суд истории.

Средоточием культурной жизни Москвы Арбат начал становиться примерно двести лет назад. И поскольку автор обитает в арбатской среде треть этого отрезка времени, то конструкциям научного воображения на основе привычного опыта изысканий в хранилищах книг, рукописей, музейных предметов неизбежно сопутствуют впечатления памяти старожила — и свои, и воспоминания, заложенные в сознание теми, кого застал еще из старых поколений. Для арбатца-историка моего возраста Арбат не может оставаться лишь темой науки: это и пережитое — свое былое и думы о нем.

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1859. Т. 8. С. 226; СПб., 1901. Т. 12. С. 236–237; СПб., 1913. Т. 18. С. 278; Пг., 1921. Т. 24. С. 212; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 294 и др.

² *Михельсон М.И.* Ходячие и меткие слова. СПб., 1896. С. 214.

³ *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы [В 3 т.]. М., 1950. Т. 1: 1147–1762. С. 53; *Он же.* Из истории московских улиц. 2-е изд. М., 1952. С. 282.

⁴ Об этом см.: *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. Гл. 19; *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.

⁵ *Фехнер М.Б.* Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2. М.; Л., 1949. С. 120. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 12).

⁶ *Скворцов Н.А.* Уничтоженные церкви в местности Пречистенского сорока // Московские церковные ведомости. 1896. № 4. С. 44. О Н.А. Скворцове, его архиве и печатных трудах см.: *Авишаров Е.Г.* Материалы по истории Москвы и Московской области в личных фондах Н.А. Скворцова и М.И. Александровского // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1975 год. М., 1976. С. 294–295, 298–299.

⁷ *Тихомиров М.Н.* Из «Владимирского летописца» // Исторические записки. М., 1945. Т. 15. С. 290.

⁸ *Фехнер М.В.* Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в. С. 122.

⁹ О нем см.: *Шмидт С.О.* И краевед, и академик. Михаил Николаевич Тихомиров. 1893–1965 // Краеведы Москвы: Сб. М., 1991. Вып. 1. С. 216–236. Перечень работ М.Н. Тихомирова по истории Москвы см. в кн.: *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1992. С. 291–293. См. также: *Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965): Биобиблиографический указатель* / Сост. И.Е. Тамм. М., 1996.

¹⁰ *Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957. С. 52.

¹¹ О храме см.: *Козлов В.Ф.* Храм Св. Бориса и Глеба на Арбатской площади. История и судьба // Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1997. Вып. 1. С. 451–459.

¹² *Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. С. 50.

¹³ См.: *Векслер А.Г.* Арбат глазами археологов // Арбатский архив. Вып. 1. С. 182–190.

¹⁴ *Векслер А.Г.* И оживает прошлое... // Куранты: Историко-краеведческий альманах. М., 1987. Вып. 2. С. 170–173.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 12. С. 158; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 304.

¹⁶ Наше наследие. 1991. № 6. С. 39.

¹⁷ ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 152; М., 1965. Т. 29. С. 51, 151; М., 1968. Т. 31. С. 130; М., 1978. Т. 34. С. 29 и др.

¹⁸ *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 226.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 287, 350, 355.

²⁰ *Staden H.* Aufzeichnungen über der Moskauer Staat. Hamburg, 1964. S. 50; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 97.

- ²¹ Петрей де Эрлзунда П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 160. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.)
- ²² ОР РГБ. Ф. 177. Карт. 1. № 3. Л. 19 об.–20, 21 об.–22 об.; Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1989. С. 146.
- ²³ См.: Мартынов А.А. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 1888. С. 10–11. (Приведены и толкования из энциклопедического лексикона Плюшара и П.М. Строчева, производившего Арбат от слова «арба».)
- ²⁴ О слове «арбуи» см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [: В 4 т.]. М., 1964. Т. 1. С. 84; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1 (А–Б). С. 45; Там же. Вып. 1 (слово «арба»); Там же. М., 1980. Вып. 7 (слово «колымага».)
- ²⁵ Забелин И.Е. Опричный двор царя Ивана Васильевича. М., 1893. С. 8–12.
- ²⁶ Трутовский В.К. Происхождение названия «Арбат» // Старая Москва. М., 1912. Вып. 1. С. 34–41. Книга переиздана репринтным способом в 1993 г.
- ²⁷ См. об этом: Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. С. 235 и след.; Он же. Бесермены в русских источниках // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 84–90.
- ²⁸ Русский архив. 1893. № 8. С. 583.
- ²⁹ Миллер П.Н., Сытин П.В. Происхождение названия улиц, переулков, площадей Москвы. М., 1938. С. 23–24; Сытин П.В. Из истории московских улиц. С. 282; Имена московских улиц. М., 1979. С. 36. (В этой книге упоминают и о другой версии — происхождения топонима от «арбы».)
- ³⁰ Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV вв. С. 219; Он же. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 80.
- ³¹ Мурзаев Э.М., Мурзаева В.Г. Словарь местных географических терминов. М., 1959. С. 186; Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 472.
- ³² Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. М., 1982. С. 144; Горбаневский М.В. Арбат и Смоленский бульвар // Горбаневский М.В. Московведение. М., 1997. С. 55–57.
- ³³ Добродомов И.Г. Арбат (Этимологический этюд) // Топонимика и межнациональные отношения. М., 1991. С. 95–108; Веселовский Н.И. О названии «Арбат» // Древности восточные: Труды Восточной комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1896. Т. 2. Вып. 1. Протоколы. С. 66–67; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [: В 4 т.]. М., 1971. Т. 3. С. 502 (см. также: М., 1964. Т. 1. С. 83); Смолицкая Г.П. Названия московских улиц. М., 1996. С. 160.
- ³⁴ Ар и Бат: Беседа И. Кузнецова с Д.Н. Афанасьевым // Московский старожил. 1991. № 1.
- ³⁵ Леонтьев Я.В. Здесь родился «Дедушка русской революции»: Письма Петра Кропоткина // ЛГ-Досье. 1993. № 6. С. 29.
- ³⁶ Мешков В.М. Арбат горбат! // География: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 1996. № 14. С. 5–6.
- ³⁷ См.: История Москвы: В 6 т. М., 1952. Т. 1; Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города: горожане и общественный быт. М., 1978.
- ³⁸ Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. СПб., 1910. Вып. 1. С. 9.
- ³⁹ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1975. Т. 3. С. 139.
- ⁴⁰ Белый А. Старый Арбат // Белый А. Старый Арбат: Повести. М., 1989. С. 43.
- ⁴¹ Окуджава Б. ...Ты мое призвание // Декоративное искусство СССР. 1981. № 6. С. 20.
- ⁴² Федосюк Ю.А. Москва в кольце Садовых. М., 1991. С. 109; Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. М., 1982. С. 146.
- ⁴³ Окуджава Б. Музыка арбатского двора: Спектакль Московского камерного музыкального театра. Программа.
- ⁴⁴ Список трудов его напечатан в приложении к ст.: Сорокин В.В. Для того, чтобы спасти // Краеведы Москвы. Вып. 1. С. 270–287.
- ⁴⁵ Отклики на книги И.А. Желваковой и О.Р. Шмидт см.: Арбатский архив. Вып. 1. С. 503–516.

- ⁴⁶ Некролог И.И. Левина помещен в кн.: Арбатский архив. Вып. 1. С. 418–419.
- ⁴⁷ Венюк Карамзину: Сб. М., 1992; *Верховская Н.* Карамзин в Москве и Подмосковье. М., 1968.
- ⁴⁸ *Федосюк Ю.А.* Бульварное кольцо. М., 1972. С. 49.
- ⁴⁹ *Марченков А.М., Чернухина В.Н., Кириченко Е.И.* Улица Качалова, 6/2. М., 1990. (Биография московского дома). См. также: *Кириченко Е.И.* Большая Садовая, 4. М., 1989. (Биография московского дома). О доме, построенном Ф. Шехтелем для своего проживания.
- ⁵⁰ *Земенков Б.С.* Памятные места Москвы: страницы жизни деятелей науки и культуры. М., 1959. С. 246.
- ⁵¹ О П.Н. Миллере см. статьи М.Г. Рабиновича, С.К. Богоявленского, С.О. Шмидта (Краеведы Москвы: Сб. М., 1995. Вып. 2. С. 100–119) и Т.Д. Рюминой (АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 334–346).
- ⁵² *Анненков Ю.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий [: В 2 т.]. М., 1992. Т. 2. С. 261–263, 277.
- ⁵³ *Слуцкий Б.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 170.
- ⁵⁴ *Белицкий Я.М., Глезер Г.Н.* Москва незнакомая. М., 1993. С. 134.
- ⁵⁵ *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого. Записи за пятнадцать лет: В 2 т. М., 1922. Т. 1. С. 324.
- ⁵⁶ *Сытин П.В.* Из истории московских улиц. С. 202.
- ⁵⁷ Историческая записка о 40-летию женской классической гимназии С.Н. Фишер. М., 1912.
- ⁵⁸ *Садовской Б.* Записки (1881–1916) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1991. [Т. 1]. С. 164.
- ⁵⁹ *Родионов Н.* Москва в жизни и творчестве Л.Н. Толстого. М., 1948. С. 160.
- ⁶⁰ *Ульянов М.* Моя профессия. 2-е изд. М., 1976. С. 24.
- ⁶¹ *Юткевич С.М.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1990. Т. 1: Молодость. С. 136–138; *Молдавский Д.* С Маяковским в театре и в кино: книга о Сергее Юткевиче. М., 1974.
- ⁶² *Левин Им.* Арбат: один километр России. М., 1993. С. 46.
- ⁶³ Об этом см.: Воспоминания С.К. Богоявленского о В.О. Ключевском / Подгот. к печ. С.О. Шмидт // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 313.
- ⁶⁴ О памятнике см.: *Яковлева Т.* Памятник в школьном дворе // Куранты. Вып. 2. С. 84–91; *Брускова Е.* Долгое эхо. М., 1986. С. 84–102 (очерк «Реквием 1941-го»).
- ⁶⁵ *Левин Им.* Арбат: один километр России. С. 50.
- ⁶⁶ *Сабашников М.В.* Воспоминания. М., 1983. С. 237–250 (гл. «Университет Шаняевского»), 277–285 (гл. «Постройка здания университета Шаняевского»).
- ⁶⁷ *Федосюк Ю.А.* Москва в кольце Садовых. С. 127.
- ⁶⁸ *Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка. 2-е изд. М., 1979. С. 4–9.
- ⁶⁹ *Закс А.Б.* Три портрета... Николай Михайлович Дружинин. 1886–1986 // Краеведы Москвы: Сб. Вып. 1. С. 256–264.
- ⁷⁰ *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний // Новый журнал. 1970. № 100. С. 196–199.
- ⁷¹ *Земенков Б.С.* Памятные места Москвы... С. 205–206.
- ⁷² О картотеке Д.И. Бондаренко см. статью Д.Г. Юрасова в газете «Вечерняя Москва» от 10 февраля 1997 г. Подробнее см.: *Юрасов Д.Г.* Биографика москвичей (по материалам картотек Д.И. Бондаренко и Д.Г. Юрасова) // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 681–683.
- ⁷³ Подробно о том, что связано с этим домом, можно прочитать в книге Им. Левина «Арбат: один километр России» (С. 36–41).
- ⁷⁴ *Шмидт С.О.* Иракий Луарсабович Андроников // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 320. Перепечатано в кн.: *Шмидт С.О.* Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 463–464.
- ⁷⁵ *Романюк С.К.* «Пиши мне на Арбат в дом Хитровой» // Наука и жизнь. 1979. № 6. С. 113; см. также: *Овчинникова С.Т.* Пушкин в Москве: Летопись жизни А.С. Пушкина с 5 декабря 1830 г. по 15 мая 1831 г. М., 1985.
- ⁷⁶ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 4. С. 427.

⁷⁷ *Фейнберг И.Л.* Незавершенные работы Пушкина. 6-е изд. М., 1976; *Шмидт С.О.* Пушкин и Карамзин // Николай Михайлович Карамзин. Юбилей 1991 года. М., 1992. С. 73–91; *Он же.* Русские литераторы и российская дипломатия // Международная жизнь. 1992. № 10. С. 110–117.

⁷⁸ *Родин А.Ф.* Из минувшего: воспоминания педагога-краеведа. М., 1965. С. 127–132; см. также: *Кобрин В.Б.* Александр Феоктистович Родин и его воспоминания // Преподавание истории в школе. 1966. № 6. С. 101–104.

⁷⁹ *Чехов М.* Литературное наследие: В 2 т. М., 1986. Т. 1: Воспоминания. Письма. С. 199.

⁸⁰ *Перченко Ф.Ф.* О нем, о ней, о них // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...»: Сб. / Сост. Т.Ф. Павлова и др.; Вступ. ст. Ф.Ф. Перченка. М., 1996. С. 40.

⁸¹ Об этих зданиях и их владельцах см.: *Думова Н.* Морозовы-«Тверские» // Думова Н. Московские меценаты. М., 1992. С. 65 и след.

⁸² Цит. по: *Федосюк Ю.А.* Москва в кольце Садовых. С. 123.

⁸³ См.: *Земенков Б.С.* Памятные места Москвы. С. 263.

⁸⁴ *Мягков Б.С.* Булгаковская Москва. М., 1993. С. 182–183.

⁸⁵ Начала. 1992. № 1. (Выпуск религиозно-философского журнала, посвященный Г.Г. Шпету.)

⁸⁶ Материал «Арбат Булата Окуджавы» помещен в кн.: Арбатский архив. Вып. 1. С. 122–155.

⁸⁷ *Шмидт С.О.* «Не покупаются, не покупаются доброе имя, талант и любовь»: К 70-летию Булата Окуджавы // Шмидт С.О. Путь историка. С. 570–573. (Впервые текст был опубликован в сб. «Авторская песня» (1994. № 2. С. 13–14), посвященном юбилею Б.Ш. Окуджавы.)

⁸⁸ *Фигнер В.Н.* В борьбе. Л., 1966. С. 226 (послесловие).

⁸⁹ См. об этом: Дипломатический вестник. 1992. № 17–18. С. 59–61.

⁹⁰ *Соловьев С.М.* Детство: Главы из воспоминаний // Новый мир. 1993. № 8. С. 178–205.

⁹¹ Беседа с Н.Л. Дорлиак опубликована в «Арбатском архиве» (Вып. 1. С. 293).

⁹² *Левин Им.* Арбат: один километр России. С. 136; *Дмитриев В.В.* Русский географ и путешественник П.К. Козлов. Смоленск, 1951.

⁹³ Очерк В. Мешкова о Ю. Казакове «Отчий дом, или Арбат Юрия Казакова» опубликован в «Арбатском архиве» (Вып. 1. С. 383–398).

⁹⁴ В вып. 1 «Арбатского архива» опубликованы очерк Им. Левина о его школьных друзьях и их судьбах: «Война была за школьным порогом» (С. 413–415) и некролог писателя.

⁹⁵ *Боброва Л.А.* Высшие женские курсы профессора Герье в Москве (1872–1888 гг.) // Труды Московского историко-архивного института. М., 1961. Т. 16. С. 253–265.

⁹⁶ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 634–636.

⁹⁷ *Колодный Л.* Писатель Борис Зайцев // Колодный Л. Хождение в Москву. М., 1990. С. 205–209.

⁹⁸ *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1989. С. 400.

⁹⁹ О Н.И. Глазкове см. в кн.: *Левин Им.* Арбат — один километр России. С. 159–160. См. также: *Иванов А.Н.* Надо быть очень умным, чтоб сыграть дурака // Новая газета. 1997. № 12 (432). С. 15.

¹⁰⁰ *Глазков Н.* Арбат, 44. М., 1986. С. 9.

¹⁰¹ В журнале «Социум» (№ 7 (50) за 1995 г.) помещен очерк Николая Малинина «Собачья площадка: Москва, которую мы потеряли» (с фотографиями).

¹⁰² По Москве: прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям / Под ред. Н.А. Гейнике, Н.С. Елагина, Е.А. Ефимовой, И.И. Шитца. М., 1917. С. 342.

¹⁰³ *Полонский Я.П.* Мои студенческие воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 245–246.

¹⁰⁴ Цит. по: *Белицкий Я.М.* Забытая Москва. М., 1994. С. 45.

¹⁰⁵ См.: *Игнатьева М.* Эдуард Колмановский. М., 1983. С. 5.

¹⁰⁶ О доме Нирнзее см.: *Бессонов В.А., Янгиров Р.М.* Большой Гнездиновский переулок, 10. М., 1990. (Биография московского дома).

¹⁰⁷ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826 / Сост. М.А. Цявловский. 2-е изд. Л., 1991. С. 30.

- ¹⁰⁸ Хин-Гольдовская Р.М. Из дневников: 1913–1917 // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1997. [Вып.] 21. С. 526–527, 579–581.
- ¹⁰⁹ Зайцев Б. Далекое. М., 1991. С. 488, 452.
- ¹¹⁰ Николай Эрдман. Ангелина Степанова. Письма. М., 1995. С. 15–16.
- ¹¹¹ Там же. С. 24–25, 33, 36.
- ¹¹² См.: Шумихин С.В. Писатель из Новодевичьего монастыря // Садовской Б. Лебединые клики. М., 1990. С. 452–463.
- ¹¹³ Об этом доме и его зодчем вышла книжка в серии «Биография московского дома»: Хан-Магомедов Р. Кривоарбатский переулок, 10. М., 1985.
- ¹¹⁴ Виктор Мельников. Живопись, графика: Каталог выставки. М., 1991.
- ¹¹⁵ Айвазян М.А. Московские литературные архивы: краткий очерк. М., 1996. С. 47–48.
- ¹¹⁶ Веселая З.А. «7–35». М., 1990. С. 6–7.
- ¹¹⁷ Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979.
- ¹¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 287.
- ¹¹⁹ Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина [Собрание сочинений А.С. Пушкина. Изд. П.В. Анненкова. Т. 1. СПб., 1855. Факс. воспр.] // Материалы для биографии А.С. Пушкина + Комментарий к «Материалам для биографии А.С. Пушкина» [П.В. Анненкова] [: В 2 кн.]. М., 1985. Кн. 1. С. 1; Комментарий к «Материалам для биографии А.С. Пушкина» // Там же. Кн. 2. С. 64.
- ¹²⁰ См.: Муравьев В.Б. «Поправляйте и продолжайте». Борис Сергеевич Земенков. 1902–1963 // Краеведы Москвы. Вып. 2. С. 260–280.
- ¹²¹ Алексеев М.П. Пушкин на Западе // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Т. 3. С. 125–130; Он же. Пушкин. Л., 1972. С. 434–446.
- ¹²² Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 136.
- ¹²³ Ашукин Н.С. Москва в жизни и творчестве А.С. Пушкина. М., 1949; Волович Н.М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. М., 1979; Она же. Пушкин и Москва: Сб. ст., I и II. М., 1994; Она же. Пушкинская Москва. М., 1996; Овчинникова С.Т. Пушкин в Москве: летопись жизни А.С. Пушкина с 5 декабря 1830 г. по 15 мая 1831 г. М., 1984; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1989. Если сведения об адресах и адресах почерпнуты из этих изданий, в данной статье это особо не оговаривается.
- ¹²⁴ См.: Волович Н.М. «Пушкинские места Москвы и Подмосковья» (с. 222–230), где отмечены и наименования «частей».
- ¹²⁵ Романюк С. Документы утверждают // Куранты: Историко-краеведческий альманах. М., 1983. Вып. 1. С. 150–152; Декабристы: Биографический справочник / Подгот. С.В. Мироненко. М., 1988. С. 71.
- ¹²⁶ Лебедкова А. Павел Васильевич Жуковский, художник // Наше наследие. 1997. № 41. С. 40–44.
- ¹²⁷ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. С. 269–270.
- ¹²⁸ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 85.
- ¹²⁹ См. подробнее в кн.: Левитт М. Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / Пер. с англ. СПб., 1994.
- ¹³⁰ Федоров В.А. Отец и сын Котельницкие // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1979. М.; Л., 1980. С. 76–90.
- ¹³¹ Сахарова Е.В. Василий Дмитриевич Поленов. Елена Дмитриевна Поленова: Хроника семьи художников. М., 1964. С. 279–280, 736.
- ¹³² Пушкин в музыке: Справочник / Сост. Н.Г. Винокур, Р.А. Каган. М., 1974. С. 303–304.
- ¹³³ Сахарова Е.В. Василий Дмитриевич Поленов: Письма. Дневники. Воспоминания. 2-е изд. М.; Л., 1950. С. 421.
- ¹³⁴ Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л.И. Поливановым. 1868–1893. М., 1893.
- ¹³⁵ В пушкинские дни 1899 года (Странички из истории Поливановской гимназии) / Подгот. М.В. Рыбин // Встречи с прошлым. М., 1986. Вып. 3; Осипов Ю. Два очерка с одним героем // Осипов Ю. Любовь и скорбь. М., 1991. С. 193–220.

- ¹³⁶ См.: *Леонидов В.В.* Библиотека русского зарубежья близ Собачьей площадки // Арбатский архив. С. 340–348.
- ¹³⁷ Подробнее см.: *Сурат И.* Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994.
- ¹³⁸ *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 247, 251.
- ¹³⁹ *Сергей Иванович Вавилов:* Очерки и воспоминания. 2-е изд. М., 1981. С. 85, 273.
- ¹⁴⁰ *Малышева-Виноградова Н.М.* Страницы жизни В.В. Виноградова // Русская речь. 1989. № 4. С. 83–88; *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 15, 32, 85.
- ¹⁴¹ Подробнее см.: *Шмидт С.О. Г.О.* Винокур и академическое издание пушкинского «Бориса Годунова» // Литературное обозрение. 1997. № 3. С. 65–77.
- ¹⁴² *Крылов В.В.* «Прошу не оставлять литературной работой» // Советская библиография. 1989. № 2. С. 63–70; *Он же.* Финальный аккорд литературного творчества Л.Б. Каменева // Мир источниковедения. М.; Пенза, 1994. С. 181–185; см. также: *Зайцев А.Д.* Человек жизнерадостный и жизнедеятельный... (Набросок портрета Ю.Г. Оксмана по материалам его архива) // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 534–536.
- ¹⁴³ Информационный бюллетень Московского мемориала. 1993. № 2/3. С. 14.
- ¹⁴⁴ *Шмидт С.О.* Наш кружок // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 137–157. Перепечатано в кн.: *Шмидт С.О.* Путь историка. С. 407–423.
- ¹⁴⁵ Н.Я. Эйдельман: Библиография / Сост. А.В. Ратнер. Вятка, 1991.
- ¹⁴⁶ *Ходасевич В.* Колеблемый треножник: Избранное. М., 1991. С. 205.
- ¹⁴⁷ *Окуджава Б.Ш.* «На любовь свое сердце настрою...» / Беседу вела И. Ришина // Литературная газета. 1984. 25 апр. № 17. С. 6.
- ¹⁴⁸ *Пушкин А.С.* История Пугачева // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. С. 109.

ЦВЕТАЕВЫ В КУЛЬТУРЕ АРБАТА

Под Арбатом обычно понимается не только улица такого названия, но, как и 500 лет назад, когда впервые Арбат был упомянут в летописи (что и дало основание для празднования юбилея его 500-летия в 1993 г.), и Приарбатье с его улицами и переулочьем. Это межбульварье, между частью нынешнего Бульварного кольца и улицами на Садовом кольце, где прежде были бульвары Новинский, Смоленский, Зубовский, — от Тверской до Москвы-реки. Это — территории полицейских частей дореволюционной Москвы — Арбатской и Пречистенской (изначально разные стороны улицы Арбат были в разных частях) и примыкавших местностей Тверской части (ближе к Кремлю) и за Садовым кольцом (Плющиха с переулками).

Население здесь отличалось в XIX – начале XX в. социокультурной общностью. Это в основном регион частной жизни, причем преимущественно материально благополучных людей. Здесь не было до 1917 г. заводов, фабрик; мало было учреждений, казенных учебных заведений, но — наибольшее в Москве число переулков и небольших храмов, частных учебных заведений и лечебниц. Это средоточие жизни московской интеллигенции, особенно профессуры, врачей, музыкантов. И по-

Впервые опубликовано: «...Все в груди слилось и спелось»: Пятая цветаяевская международная научно-тематическая конференция (Москва, 9–11 октября 1997 г.): Сб. докл. М., 1998. С. 121–124.

тому Арбат к рубежу XX в. — не только историко-географическое понятие, но и знак культуры, один из символов отечественной культуры. Тогда и было пушено в обиход определение А. Белого — «арбатцы».

Местность и Арбатской, и Пречистенской частей воспринималась и прирожденными «арбатцами», и приезжими как некое социокультурное единство — А.П. Чеховым, И.А. Буниным, Б.К. Зайцевым, А. Белым, позднее — Б.Л. Пастернаком, как средоточие усадебного дворянства, о чем писал П.А. Кропоткин, и интеллигенции, как средоточие «московской интеллигентской обывательщины», т.е. аборигенов — лиц интеллигентских профессий, по определению юриста и писателя Н.В. Давыдова, как средоточие «дворянско-интеллигентско-литературной Москвы» (определение Б.К. Зайцева)¹.

Как уже отмечалось в ранее опубликованных работах автора, М.И. Цветаева в определении черт преэминентности в российской культуре и места России в мировой культуре и общественной жизни, осмысливая ход общественно-политического развития России, во многом опиралась именно на «арбатские» впечатления, причем в написанном и до и после эмиграции.

Подобный подход оказывается характерным для литературы ее времени — и зарубежной (ср. с сочинениями И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, М.А. Осоргина), и советской (ср. с сочинениями А. Белого, А.Н. Толстого, М.А. Булгакова, Б.Л. Пастернака, В.А. Луговского, даже И.А. Ильфа и Е.П. Петрова).

Думается, что профессор И.В. Цветаев, размышляя о месте для проектируемого им Музея изящных искусств, учитывал то обстоятельство, что Арбат имеет такой социокультурный облик, который позволяет полагать, что здесь сосредоточен главный контингент посетителей открывающегося музея — постоянно живущие, учащие, учащиеся. А Белый уже тогда говорил и писал о специфике «арбатцев» и об особенностях менталитета «профессорских детей», о чем вспоминает и М. Цветаева. Тем более что Трехпрудный переулок, где жила семья Цветаевых, — в Арбатской части, у ее границы с Тверской улицей, хотя Бронные улицы с их переулками не во всем отвечали утвердившимся понятиям об особенностях «арбатского» менталитета.

Близ места, где запланировали строить храм изящных искусств, находились не только самый большой храм Москвы — храм Христа Спасителя, но и хранилища памятников истории и культуры — главная библиотека Москвы (Румянцевская публичная библиотека), музеи — Румянцевский, Исторический, Политехнический, Оружейная палата, Третьяковская галерея, частные собрания живописи. Еще недавно в фамильном особняке, совсем рядом с местом, выбранным для музея, можно было познакомиться с коллекцией князя М.А. Голицына, надеявшегося на учреждение в родной ему Москве Публичного музея; в начале XX в. вблизи были и Цветковская галерея, и собрания произведений зарубежного искусства Морозовых и братьев Щукиных (собрание С.И. Щукина почти рядом, в Большом Знаменском переулке; И.А. Морозов реконструировал для галереи свой особняк на Пречистенке, где позднее был Музей новой западной живописи). Возле — учебные заведения, высшие и средние: Московский университет и Высшие женские курсы; Первая мужская гимназия, учение в которой описано видными политическими и культурными деятелями разных поколений — П.Н. Милюковым и Н.И. Бухари-

ным; казенные и частные гимназии (на Пречистенке — знаменитая мужская Поливановская); консерватория, театры — императорские, Московский художественный и другие. Показательно, что на одной уличной линии со зданием Музея изящных искусств находятся и здания Московского учебного округа, на углу с бульваром, и Первой мужской гимназии, и Румянцевских библиотеки и музея (там служил И.В. Цветаев), и Московского государственного архива Министерства иностранных дел (в палатах Нарышкиных; на этом месте ныне — новое здание Российской государственной библиотеки), и здания Московского университета (где И.В. Цветаев был профессором), и Дворянского собрания, где выступали с лекциями, проводили научно-просветительские заседания, проходили концерты.

Не следует забывать, что И.В. Цветаев имел и учебно-просветительские цели, заказал копии лучших памятников скульптуры. Ныне музей слепков — в помещении Российского государственного гуманитарного университета, в основе которого — здание Народного университета, построенного на Миусской площади в те же годы на средства арбатских меценатов Шанявских.

Конечно, не случайно обе дочери И.В. Цветаева, начав свою семейную жизнь, избрали местом жительства переулки Приарбатья. Здесь был крут их родственников (у сестер Эфрон в Кривоарбатском переулке в «коммуне» М.А. Волошина собирались «обормотники»), друзей, знакомых из литературной, артистической, профессорской среды. Здесь обитали философы-литераторы, в квартирах которых на журфиксах обсуждалось новое в умственной и общественной жизни.

В революционные годы М.И. Цветаева служила в ближних учреждениях, где сосредоточились тогда «арбатские» интеллигенты, и была тесно связана и с домом на Поварской улице, где сходились литераторы, — бывший дом графов Соллогуб, считавшийся домом толстовских графов Ростовых, и с самым «арбатским» из театров — с Театром Е.Б. Вахтангова. Это все нашло отражение в ее стихах и прозе в те годы и в последующие.

Заслуживает специального — и детального — исследования тема: ««Арбат» в творчестве Цветаевой». Что отразилось в ее творчестве (тогда и позднее)? Какие ассоциации возникали? Когда и почему возвращалась она и другие к Арбату в эмиграции? К.Д. Бальмонт, выехавший за границу после долгих лет жизни у Собачьей площадки, говорил об улице Пасси в Париже, где было особенно много российских эмигрантов: «Это парижский Арбат. Правда, похоже?» Для Б.К. Зайцева даже в последний год жизни Арбат олицетворял Москву².

Особая и совершенно неразработанная тема — что дали Цветаевы культуре Арбата? А ведь это и выстроенный усилиями И.В. Цветаева музей, ставший одним из главных центров культуры Москвы, особенно учитывая декабрьские музыкальные вечера, публичные лекции, если можно так выразиться, в их «арбатском» варианте.

Это и творчество сестер Марины и Анастасии Цветаевых, так обогатившее не только нашу культуру, но и представления о Москве, ее прошлом. И это, конечно же, Дом Марины Цветаевой.

Дом Марины Цветаевой, сохраненный прежде всего благодаря подвижническим усилиям Надежды Ивановны Катаевой-Лыткиной, постепенно становится выдающимся средоточием московской культурной жизни. Здесь имеется уникальное собрание по истории культуры российского зарубежья, создававшееся в ос-

новном благодаря авторитету и участию академика Д.С. Лихачева. Именно доверяя ему, зарубежные жертвователи стали передавать свои коллекции или приобретать их для такой же передачи. Собрание стало уже научным центром (его хранитель В.В. Леонидов не раз писал об этом, есть и его статья в первом выпуске «Арбатского архива»). Здесь ведется силами сотрудников значительная научная и издательская работа. В хранилище постоянно видим занимающихся и из России, и из других стран. Усилиями Н.И. Катаевой-Лыткиной и Э.С. Красовской здесь регулярно собираются научные конференции широкой проблематики. Тематика их — не только возвращенная россиянам литература и искусство эмигрантов, но и советская: к примеру, почти один за другим — вечера и памяти Б.К. Зайцева, и памяти М.Е. Кольцова. Здесь заседает возрожденное Общество любителей российской словесности, происходят интересные, всегда благородные по стилю (и бесплатные!) концерты лучших исполнителей. Теперь это один из самых заметных центров арбатской культурной жизни. И показательно, что вечер 12 сентября 1997 г. в Октябрьском зале бывшего Дворянского собрания «150 лет И.В. Цветаеву, 105 лет М.И. Цветаевой, 5 лет культурному центру Дому-музею М. Цветаевой» превратился в праздник нашей культуры.

¹ Подробнее об этом в моей статье «Арбат в истории и культуре России». См.: Арбатский архив. М., 1997. Вып. 1. С. 17–122. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 253–343.]

В определенной мере — причем именно в отношении Марины Цветаевой — то, что нашло отражение в заголовке настоящей статьи, уже было сделано в ранее напечатанном автором: *Шмидт С.О.* Два Арбата Марины Цветаевой // Творческий путь Марины Цветаевой: Первая междунар. научно-тематич. конф. (Москва, 7–10 сент. 1993 г.): Тез. докл. М., 1993. С. 7–8 (Тезисы доклада 1993 г. перепечатаны в буклете, подготовленном Домом Марины Цветаевой, см.: Дом Марины Цветаевой Москве и Арбату. Улица Арбат: Поэты, писатели, артисты, художники, философы, музыканты. Вып. 1. М., 1993). [То же в наст. изд., кн. 1, с. 346–347.]; *Он же.* Арбат в культуре российского зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 470–478 (перепеч. в кн.: *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 349–357]).

² Об этом см. в материалах о Б.К. Зайцеве: Арбатский архив. М., 1997. Вып. 1. С. 315–325.

ДВА АРБАТА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

На рубеже веков уже определилось представление об историко-культурном феномене Арбата (точнее — близлежащих улиц и переулочья Приарбатья), который воспринимался как очаг вековой традиции, восходящей ко временам Пушкина, Герцена, прославленных профессоров университета и Консерватории, и формирования традиции новой нравственной политологии и литературного новатор-

Впервые опубликовано: Творческий путь Марины Цветаевой: Первая международная научно-тематическая конференция (Москва, 7–10 сентября 1993 г.): Тез. докл. М., 1993. С. 7–8.

ства символистов. Миф об «арбатцах» утверждался как один из высоких символов культуры России.

«Арбат» тогда был средоточием семейного и дружеского круга «московской интеллигентской обывательщины» (выражение юриста Н.В. Давыдова), «дворянско-интеллигентско-литературной России» (слова Б.К. Зайцева). А рядом были главные культурные центры Москвы, и среди них детище И.В. Цветаева — Музей изящных искусств.

Выросшая в квартале близ Тверской и Тверского бульвара, Марина Цветаева по рождению принадлежала к «профессорским детям» (определение Андрея Белого в разговоре с ней) и уже тем самым — к кругу «арбатской» профессуры и художественно-литературной интеллигенции.

Неслучайно она избирает местом жительства своей молодой семьи арбатские переулки. Здесь круг ее духовной жизни, знакомств с философами, литераторами — и старших поколений (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, К.Д. Бальмонт, В.И. Иванов), и близкими по возрасту, самых близких дружеских связей. Здесь происходило становление Поэта.

Здесь же, после событий 1917 г., формировалось отношение к изменившейся жизни и произошли резкие социальные изменения в личной жизни ее семьи. Гражданская смута, противостояние «наших» и других, идеология «равенства» воспринимались на «нищем Арбате» (в стихотворении памяти А.А. Стаховича). В бывшем особняке Соллогубов познала она, что такое работа «советской служащей», и там же — во Дворце искусств — выступала с чтением стихов, бросив «монолог дворянина в лицо комиссару».

«Арбат» — это и сохраняющийся, а подчас и обогащающийся круг творческого и дружеского общения даже в эти дни, особенно с театральной (вахтанговцы) и литературной молодежью, и — побудитель творчества и размышлений о судьбах России.

Новый образ «Арбата» — это восприятие происходящего в стране в целом (что отражено и в стихотворениях, и в дневниковых записях, а позднее и в мемуарного стиля прозе). Изменение лика «Арбата» и арбатцев для Марины Цветаевой — изменение лика ее России.

АРБАТ БОРИСА ЗАЙЦЕВА

Родина, Москва, молодость для классика русской литературы Б.К. Зайцева (1881–1972), прожившего более половины долгой жизни за рубежом, во многом олицетворяются в Арбате, в арбатском. Без понимания этого непостижимы ни Зайцев-писатель, ни Зайцев-человек. Но и формирование представлений о социо-

Впервые опубликовано без названия как послесловие к рассказу Б.К. Зайцева «Улица Св. Николая» в кн.: Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1997. Вып. 1. С. 315–317.

культурном образе Арбата, о месте его в истории невозможно без осмысления созданного Зайцевым. Б.К. Зайцев, как и Андрей Белый, сделал Арбат героем русской литературы и тем самым ввел Арбат и арбатцев в сферу широкого общественного сознания.

Выходец из калужской провинции, Борис Константинович избрал в Москве местом самостоятельного обитания Арбат и остался верен первоначальному выбору. Он ощущал себя своим именно в среде «дворянско-интеллигентско-литературного» Арбата (его же определение), в сугубо жилом ареале существования преимущественно обеспеченных людей и в то же время литературно-художественной богемы. Арбатский образ жизни нашел отражение уже в рассказах дореволюционных лет.

Через судьбу знакомых улиц и переулков Арбата и Приарбатья осмысливал писатель судьбу России. С образом дорогого ему Арбата как воплощения России и происходивших в ней перемен покидал он Родину в 1922 г. И первому зарубежному сборнику рассказов, изданному в 1923 г., дал название по включенному туда одноименному московскому еще рассказу 1921 г. «Улица Св. Николая». В этом произведении, написанном нехарактерной для стиля писателя ритмизированной прозой, пронзительном по боли об отошедшем и поражающем глубиной обобщений, впечатляет совмещение деталей бытовой повседневности и глобальности обзора историко-социальных явлений.

Дав книге такое название, Б.К. Зайцев явно ожидал встретить понимание читателя — и думающего о России в зарубежной разлуке, и живущего в обновленной России (тогда эмигрантская литература еще доходила до Страны Советов). К образу Арбата «юности отошедшей» и «дорогого» его сердцу не раз возвращался писатель и в произведениях последующих десятилетий, в переписке — до последних дней своих. И многим другим, оказавшимся вдали от Родины, это казалось естественным. Ибо и для них Арбат оставался символом Москвы и России, прежней жизни. Так мыслили и такими себя видели эмигранты-интеллигенты, группировавшиеся в Париже вокруг улицы Пасси, находившейся возле православной церкви. В очерке «Возвращение от всенощной», вошедшем в сборник Б.К. Зайцева «Далекое» (1965), писатель напоминал о том, что говорил поэт К.Д. Бальмонт (выехавший за границу после многих лет жизни у Собачьей площадки) об улице Пасси: «Это парижский Арбат. Правда, похоже...» В романе о московской интеллигенции «Сивцев Вражек» М.А. Осоргин поместил именно туда типичный профессорский особняк. И для Марины Цветаевой изменение лика Арбата равнозначно изменению лика России. Б.К. Зайцев особенно много сделал для формирования образа Арбата в культуре русского зарубежья¹.

И делал это целенаправленно. Живя за границей, бывший глава московских писателей (в 1922 г. его избрали председателем Московского отделения Всероссийского союза писателей), став главой писателей российского зарубежья, чувствовал себя в Западной Европе прежде всего носителем традиций отечественной культуры. И полагал своим долгом приобщать к познанию России, ее прошлого, ее культурных достижений. И отбирал имеющее непреходящую ценность. Для него — знатока всемирной литературы, переводчика сочинений Данте, Флобера — это Сергей Радонежский, классики русской литературы (книги о Жуковском, Тургене-

ве, Чехове, множество очерков — в эссе о Пушкине сравнительное рассмотрение жизни и творчества его и великих погодков Рафаэля и Моцарта) и... Арбат.

В мироощущении Б.К. Зайцева, в его исторической памяти, в его литературно-художественном творчестве, в его представлении о Москве, в его понимании истории России и общественной роли российской интеллигенции Арбат занимал многоопределяющее место.

«Б.К. Зайцев и Арбат», «Арбат в творчестве Б.К. Зайцева»² — темы научно-перспективные, даже обязательные, при исследовании и творческой биографии этого светлого мастера русской прозы, и общественной мысли и культуры XX столетия (особенно взаимосвязей сфер культур российского зарубежья и советской), и, конечно же, феномена Арбата в истории и культуре, становления мифа об «Арбате» и «арбатцах». Ныне, когда настала пора изучения места «Арбата» в развитии общественного сознания, важно освоить опыт осмысления «Арбата» средствами литературно-художественной образности. Написанное Б.К. Зайцевым — и прежде всего перепечатанный в этой книге* рассказ «Улица Св. Николая» — у истоков и научного «арбатоведения». Хочется думать, что к темам этим мы еще будем возвращаться и на страницах «Арбатского архива».

¹ См.: Шмидт С.О. Арбат в культуре российского зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 470–478. Перепечатано в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 331–338. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 349–357.]

² Об этом неоднократно шла речь на заседаниях памяти Б.К. Зайцева в Доме-музее М.И. Цветаевой и в Библиотеке русского зарубежья.

АРБАТ В КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Первое упоминание об Арбате встречается в летописи 500 лет назад. В 1993 г. Москва праздновала юбилейную дату. Около двух столетий Арбат воспринимается как местность сосредоточения не только московской, но и российской интеллигенции, как своеобразный символ российской интеллигентности. Это — среда обитания многих известных в истории нашей культуры людей, место действия во многих произведениях художественной литературы и мемуаристики, начиная с А.С. Пушкина и А.И. Герцена, И.С. Тургенева, «Пошехонской старины» М.Е. Салтыкова-Щедрина, ранних сочинений и «Войны и мира» Л.Н. Толстого до издания

* Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1997. Вып. 1. С. 305–315. — Ред.

Впервые опубликовано: Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 470–478. Переиздано в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 331–338.

после революции 1917 г. произведений в России (Андрея Белого, А.Н. Толстого, И. Соболя, С.Д. Кржижановского, И.А. Ильфа и Е.П. Петрова, Н.Н. Зарудина, М.А. Булгакова, Б.Л. Пастернака, В.А. Луговского и др.) и за ее рубежами (И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, М.И. Цветаевой, М.А. Осоргина и др.); в стихах, прозе, драматургии советских послевоенных лет (Б.Ш. Окуджавы, Н.И. Глазкова, А.Н. Арбузова, Б.С. Ямпольского, Б.А. Слуцкого, А.Н. Рыбакова, Ю.П. Казакова, Л.А. Обуховой и др.).

Понятие «Арбат» издавна включало в себя не только одну улицу (до конца XVII в. нынешнюю Воздвиженку), но и близлежащие к ней улицы с переулками. Да само это слово, видимо, пришло к нам с Востока и означает, вероятнее всего, «предместье» (предместье крепости — Кремля). С конца XVIII в. Арбат — это и улица длиной около километра между площадями Арбатской и Смоленской, и территория двух московских полицейских частей — Арбатской (от улицы Арбат до улицы Тверской) и Пречистенской (от реки Москвы до улицы Арбат) в междубульварье (в кольце Садовых улиц было три бульвара — Зубовский, Смоленский и Новинский).

Представление об Арбате как о своеобразном социокультурном пространстве с отличным от других регионов Москвы стилем жизни сложилось уже ко второй четверти XIX в. и имело периодически меняющиеся микрогеографические границы. Не все кварталы, формально входившие в Арбатскую часть, воспринимались как относящиеся к Арбату. Так, не вписывался в укоренившийся в сознании образ Арбата район Бронных улиц, с разночинным населением, студенческими землячествами предреволюционных лет, а в советские годы облюбованный как место обитания правительственной элиты. И напротив, арбатской периферией, а по существу, и принадлежностью Арбата признавали некоторые кварталы Тверской части (переулки близ Воздвиженки, Знаменки, Волхонки сначала с обширными дворянскими усадьбами, а затем с многоквартирными домами профессуры), а также близлежащие к западу от Садового кольца улицы — у Зубовского и Смоленского бульваров, включая переулки Плющихи. Это все — ареал некоей социокультурной общности, противопоставлявшийся и купеческому Замоскворечью, и деловому московскому «Сити» у Китайгородской стены, и рабочим окраинам. Даже режимом дня выделялся Арбат. Этот район начинал жить особенно активной общественно-культурной жизнью именно в вечерние часы, когда в остальных частях города уже гасили свет (эта особенность подчеркивается в описаниях московской жизни уже со второй четверти XIX в.).

Подобное восприятие территориального понятия «Арбат» свойственно и А.П. Чехову. (В рассказе 1884 г. «Страшная ночь» он пишет о переулках возле церкви Успения на Могильцах как об «одной из самых глухих местностей Арбата», хотя это удаленная и от улицы Арбат, и от Арбатской части окраина Пречистенской части.) Прожившему 26 лет в доме на углу улицы Арбат и Денежного переулка сыну университетского профессора Андрею Белому в сладостных воспоминаниях («О незабвенные прогулки, / О незабвенные мечты, / Москвы кривые переулки...») места детского знакомства с миром Арбата не ограничиваются территорией части, носящей название Арбатской; это и Пречистенская: «океан» «нашей площади» простирается для него от Пречистенки до Поварской. Б.Л. Пастернак, восприняв-

ший, конечно, и стихи и мемуарную прозу почитаемого им Андрея Белого, писал уже о «мире Пречистенки и Арбата». Там, как сформулировал И.А. Бунин в стихотворении 1906 г. «О Москве»: «...в старых переулках за Арбатом / Совсем особый город...» Топоним «Арбат», обретая социокультурное осмысление, становится понятием не только географии, но и истории и социологии, знаком культуры.

Распространение наименования Арбат на большую местность, чем одноименная улица и даже территория полицейской части, происходило еще и потому, что этот короткий и звучный топоним отличается от других и в самой Москве, и в иных городах и поэтому проще запоминается. Помогало даже то, что его происхождение трудно объяснить привычным путем, исходя из наименований храмов и фамилий землевладельцев, направлений дорог в другие земли, природных примет или основных занятий жителей. Помогала уникальная топонимическая устойчивость и в советское время, когда многие улицы межбульварья изменили наименования.

Все это способствовало утверждению понятия об Арбате как отличительной особенности и московской топонимической лексики, и московской жизни, восприятию этих кварталов Москвы как социокультурного (а позднее и историкокультурного) феномена — и уникального, и в то же время типологического. В литературе и музыке, в живописи и киноискусстве Арбат становится как бы типологическим образом Москвы (от знаменитого жанрового пейзажа В.Д. Поленова «Московский дворик», где изображен храм Спаса на Песках, до послевоенного кинофильма «Я шагаю по Москве», основное действие которого происходит в Кривоарбатском переулке, по другую сторону улицы Арбат) и в то же время типологическим отражением событий в России.

С перенесением столицы в Санкт-Петербург Москва стала, по определению Пушкина, «порфиросной вдовой». Служители и обслуживавшие царский двор ремесленники (о занятиях которых напоминают имена переулков Приарбатья — Плотников, Серебряный, Денежный, Хлебный, Столовый, Скатертный, Старокошущенный, Кречетниковский и др.) покидают эту местность, и постепенно здесь (особенно после пожара 1736 г., испепелившего деревянные домики) сосредоточились дворянские усадьбы (прежде их было особенно много лишь в пределах Белого города, к западу от Кремля). После пожара в войну 1812 г. район был застроен достаточно одностильными особняками (так называемый московский ампир). В путеводителях XX в. именно этот район города называли «дворянской Москвой». Арбат казался ее «Сен-Жерменским предместьем» (это сравнение приведено в мемуарах родившегося здесь в 1842 г. князя П.А. Кропоткина — знаменитого ученого и писателя, теоретика анархизма). Именно Арбат — самый знакомый Пушкину район Москвы. Отсюда его увозили в Царскосельский лицей. Впечатления об этой близкой к Кремлю местности Москвы — в первом принесшем поэту славу стихотворении 1814 г. «Воспоминания о Царском Селе». По возвращении из ссылки он поселился у С.А. Соболевского на Собачьей площадке; венчался в храме у Никитских ворот; на Арбате молодожены выбрали себе квартиру (Арбат, д. № 53, ныне здесь Музей-квартира А.С. Пушкина).

Близко, в Серебряном переулке, прошло детство П.Я. Чаадаева, на Молчановке — М.Ю. Лермонтова. Арбат — это адреса и родителей москвичей-декабристов, и их самих по возвращении из Сибири. Арбат — это ареал сосуществования и вы-

сокой культуры салонов и кружков (Н.И. Станкевича, А.И. Герцена и Н.П. Огарева, А.С. Хомякова, Аксаковых), и затрапезного крепостнического быта, отраженного в «Пошехонской старине».

Средоточием родовитого дворянства эта местность оставалась вплоть до революции 1917 г. Когда в январе 1919 г. образовалось архивохранилище личных фамильных фондов (Хранчасар), то ему выделили помещение в бывшем особняке графа П.С. Шереметева (сотрудничавшего там), в доме на углу Воздвиженки и Шереметевского переулка, мотивируя тем, что именно «арбатско-пречистенский район богатый частными архивами», а это «при отсутствии транспорта представляло немалое значение».

Арбат — сугубо жилой район обитания относительно обеспеченных людей. Это самая отличительная черта региона, предопределявшая его социокультурный облик. Именно в Арбатской и Пречистенской частях — наименьший в городе процент жителей рабочих профессий. Здесь в основном жили лишь обслуживающие господ ремесленники. На Арбате больше, чем в других частях города, переулков, располагающих к усадебному быту, и небольших церквей, выстроенных и украшенных на пожертвования богатых прихожан. Здесь не было больших магазинов, только лавки, так как господа жили сезонно, уезжая летом в подмосковные и иные имения. Не было ни фабрик, ни заезжих дворов, ни гостиниц, ни значительных государственных учреждений и деловых контор, первоначально даже казенных учебных заведений. Но именно в этих кварталах проживало особенно много частнопрактикующих врачей и рано появились частные лечебницы, благотворительные приюты, частные пансионаты и гимназии.

В то же время средоточие московской государственной, политической и культурной жизни, а также торговли было совсем близко от этого района, ограниченного для прогулок бульварами. Неподалеку расположились Кремль с его знаменитыми соборами и храм Христа Спасителя, а также главные правительственные учреждения, а позднее и центры управления в сфере частного предпринимательства. Здесь же находились Дворянское собрание и Английский клуб, главные рестораны и центральные гостиницы, Манеж, театры и Консерватория, университет и здания учебного округа, Первая мужская гимназия, библиотеки, архивы, музеи Политехнический, Исторический и Музей изящных искусств. Близко расположены и больницы; в конце XIX в. у Девичьего поля был построен клинический городок. Сюда же перевели из района Приарбатья Высшие женские курсы. В то же время близко местоположение Охотного ряда, Красной площади и Никольской улицы, модных магазинов Кузнецкого моста (там же появился огромный магазин Мюра и Мерилиза — нынешний ЦУМ), а для каждодневных бытовых нужд — Смоленского сенного рынка.

Начиная со второй четверти и особенно к концу XIX в. в Приарбатье стала селиться российская интеллигенция — профессора университета и Консерватории, преподаватели гимназий, врачи (именно поэтому на Арбате находятся дом, приемные и амбулатории Общества русских врачей), юристы, литераторы (здесь много редакций, частных библиотек), актеры, художники, скульпторы.

Известный юрист и общественный деятель пореформенного времени, близкий знакомый Л.Н. Толстого Н.В. Давыдов в мемуарах (начало XX в.) охарактери-

зовал район переулков — ту самую «Староконоюшенную» (тихую жизнь которой описали Кропоткин, а еще ранее Тургенев и Салтыков-Щедрин) — как «средоточие московской интеллигентской обывательщины». (Понятно, что слово «обыватель» употреблено в его буквальном и тогда общепринятом — хотя ныне и устаревшем — понимании: «постоянный житель какой-то местности».) Именно здесь проходила жизнь «в достатке — средне-высшего круга интеллигенции русской»¹.

Мемуарист Н.В. Давыдов подробно пишет об интеллектуальной атмосфере, царившей в доме юриста М.А. Лопатина (Гагаринский переулок, 14), где сначала собирались люди его поколения (писатели Л.Н. Толстой, А.Ф. Писемский, историк С.М. Соловьев), а затем поколения его сына, профессора философии (философ В.С. Соловьев, историк В.О. Ключевский и др.). Для профессоров, писателей, музыкантов того времени были обязательны так называемые журфиксы — домашние собрания, собеседования-чаепития, а также солидные приемы гостей, как, например, в огромной казенной квартире историка С.М. Соловьева (в Денежном переулке), для бесед о реформах общественной жизни и системы образования (впрочем, как и у более молодых профессоров М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева, И.И. Янжула, К.А. Тимирязева, А.И. Чупрова и др.). Это были дни научных докладов (историков — в квартире профессора П.Г. Виноградова), встреч ученых с деятелями искусств (как у профессора физики Н.А. Умова), музыкальных вечеров (как у С.И. Танеева, А.Н. Скрябина, М.А. Олениной-д'Альгейм, С.А. Кусевицкого), домашних спектаклей. Особенно часто, едва ли не ежевечерне, имели место встречи в салонах писательниц и близких к литературе и искусству дам (в богатых особняках М.К. Морозовой или Цетлиных и в более скромных квартирах, как, например, у Р.М. Хин-Голдовской). Все это отражено в дневниковых записях, письмах, мемуарах (значительная часть которых написана в эмиграции).

На Арбате возникают первые, впоследствии самые знаменитые, частные гимназии. Первая мужская, Поливановская, на Пречистенке — там учились сыновья графа Л.Н. Толстого и С.Д. Шереметева, актрисы Г.Н. Федотовой, будущие писатели Валерий Брюсов и Андрей Белый (Б.Н. Бугаев), позднее шахматист А.А. Алехин. Именно там был центр подготовки к празднованию открытия памятника Пушкину в 1880 г. В Первой мужской гимназии преподавали профессора университета, так же как и в первой в этой местности казенной мужской классической гимназии на Поварской улице (Пятая гимназия), где преподавал по своим школьным учебникам знаменитый университетский профессор истории П.Г. Виноградов. У Арбатской площади (позднее — в переулке у Остоженки) размещалось здание первой в России женской классической гимназии Фишер. В предреволюционные годы широкую известность обрели частные гимназии: мужские (Флеровская у Никитских ворот, Медведниковская в Староконоюшенном) и женские (Алферовская на Арбате, затем переведенная в переулок близ Плющихи, Хвостовская в Кривоарбатском). Там также преподавали профессора университета и в молодые годы знаменитые философы Г.Г. Шпет и А.Ф. Лосев.

В районе Приарбатья формировались общественное сознание и круг представлений о русской культуре и служении ей, характерные для интеллигенции начала XX в. Здесь (чаще всего в квартире М.О. Гершензона в Никольском (Плотниковом) переулке) собирались авторы сборника «Вехи» и идеологи партий либера-

лов. Арбат — это адреса жительства и постоянные места встреч тех мыслителей, с именами которых связано развитие русской религиозно-нравственной философии. Их учения входят ныне в сферу культурологии. В квартире брата часто оставался В.С. Соловьев, квартира Н.А. Бердяева (во Власьевском переулке) оставалась местом постоянных собраний цвета российской интеллигенции и после 1917 г. Здесь жили меценат А.Л. Шанявский и те, кто осуществлял его идею основания Народного университета. В число арбатских жителей входили певица А.А. Дейша-Сионицкая и композитор и дирижер С.Н. Василенко, организовавшие в начале XX в. музыкальные выставки-концерты русской и зарубежной музыки. Здесь жили литераторы-символисты, даже внешний облик которых воспринимался как особая примета Арбата. Б.К. Зайцев впоследствии вспоминал, как стремительно летящей походкой по нечетной стороне улицы Арбат пронесился Андрей Белый, а по другой, прихрамывая, прогуливался Константин Бальмонт. В арбатских кафе собирались футуристы, там познакомились Борис Пастернак и Владимир Маяковский.

Выросшая в квартале близ Тверской улицы Марина Цветаева по рождению принадлежала к «профессорским детям» (определение Андрея Белого в разговоре с ней) и уже тем самым принадлежала к кругу арбатской профессуры и художественно-литературной интеллигенции. Неслучайно она избирает местом жительства после замужества арбатские переулки. Здесь крут ее духовной жизни, знакомств с философами, литераторами, как старших поколений, так и ровесниками, — самых близких дружеских связей. Здесь происходило становление Поэта. Отсюда начинала она путь знакомства с Москвой своих приезжих друзей (как Осипа Мандельштама). На памяти Марины произошло стремительное изменение внешнего облика Арбата (здесь построили высокие многоквартирные доходные дома рядом с новопостроенными особняками промышленников-меценатов и сразу же появились большие магазины). Все это нашло отражение в стихах:

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы.

Понятие «мир Арбата» (конечно, прежде всего его переулков) как мира семейного уюта и высокой культуры, устойчивых бытовых и интеллектуальных традиций (восходящих едва ли не к началу XIX в.) закреплялось в сознании литераторов, поселившихся там уже в XX в. В воспоминаниях Б. Зайцева, вынужденного эмигрировать в 1922 г., встает образ прежде всего «дворянско-интеллигентско-литературного» Арбата.

Естественно, что большинство «арбатцев», радостно приветствуя Февральскую революцию, не могло принять лозунги Октябрьской революции. А после событий ноября 1917 г. они особенно остро ощутили изменения и в бытовом обиходе. Эта тема многократно, с большим разнообразием нюансировки, отражена и в современных событиям документации (дневники, письма, художественные произведения), и особенно в произведениях, созданных по прошествии времени.

В Москве, в Приарбатье, встретил Февральскую революцию И.А. Бунин (он воспринял ее как пугающее предзнаменование крушения России), и отсюда же в конце октября 1917 г. начался его путь, закончившийся эмиграцией. Московские впечатления дневниковых записей «Окаянные дни» — это прежде всего арбатские впечатления. В эмиграции он часто обращался мыслью к Арбату, вспоминал символ красоты и связи с арбатской стариной — храм Николы Явленного на фоне предзакатного неба. Об арбатской жизни не раз писал в эмиграции Б.К. Зайцев, с запоминающимися подробностями описывая жизнь интеллигенции в трудные годы Гражданской войны и разрухи (комната его семьи была в доме № 4 по Кривоарбатскому переулку), особенно литераторов и ученых. Он же в замечательном по глубине мысли и художественной талантливости эссе «Улица Св. Николая» охарактеризовал на примере Арбата изменения, происходившие в Москве и по всей России на протяжении первых десятилетий XX в.

Для Марины Цветаевой изменение лика Арбата и арбатцев — изменение лика России. Здесь после событий 1917 г. формировалось ее отношение к резким социальным переменам в личной жизни и в укладе каждодневного бытия. Гражданская смута, противостояние «наших» и «других», идеология «равенства» на «нищем Арбате» нашли отражение в стихотворении памяти А.А. Стаховича. В бывшем особняке Соллогубов познала Марина Ивановна, что такое работа «советской служащей», и там же, во Дворце искусств, выступала с чтением стихов, бросив «монолог дворянина в лицо комиссару». Арбат в те дни для нее — это сохраняющийся, а подчас и обогащающийся круг творческого и дружеского общения с театральной (вахтанговцы) и литературной молодежью и побудитель к творчеству и размышлениям о судьбах России. К арбатским впечатлениям и думам она постоянно возвращается затем в стихах и в мемуарной прозе.

В очерке «Возвращение от всенощной», вошедшем в сборник «Далекое» (1965), Б.К. Зайцев вспоминал, как К.Д. Бальмонт говорил о rue de Passy: «Это парижский Арбат. Правда, похоже...» И действительно, неподалеку находились и русская православная церковь, и места нового обитания литераторов из Москвы и Петербурга: здесь жили Бальмонты, З.Н. Гиппиус с Д.С. Мережковским, И.И. Бунаков-Фондаминский, «премудрый Соломон» «Современных записок». Здесь же «процветало замечательное книжное сокровище» П.Н. Апостола — антикварные издания о России. «На rue de Bologne» прожили «первые две недели эмигрантской жизни в Париже» Зайцевы — «у Михаила Андреевича Осоргина, приятеля молодых лет»².

Арбат предреволюционных и революционных лет остался в памяти находившегося в эмиграции А.Н. Толстого. Катю, героиню своей знаменитой трилогии «Хождение по мукам», он поселил в переулке близ Молчановки, где когда-то жил сам. Живший в другом районе Москвы (правда, по существу «арбатском», на Никитской улице) М.А. Осоргин дал название своему роману «Сивцев Вражек» и поместил туда типичный профессорский особняк. И.А. Желвакова в книге «Тогда... в Сивцевом» приводит слова из письма живущей во Франции вдовы писателя Т.А. Осоргиной-Бакуниной — известного историка и библиографа: «Почему Осоргиным избран Сивцев Вражек? Да просто потому, что это наименование очень удобно для названия книги и находится в самом центре старой интеллигентской Москвы»³.

За рубежом напечатано немало воспоминаний об «арбатской» жизни «старой интеллигентской Москвы». Наблюдения эти пока еще должным образом не обобщены. Они относятся и к дореволюционным годам, в частности к тому, что связано с университетом и Высшими женскими курсами, изданиями и собраниями ученых, литераторов (особенно круга символистов), философов, музыкантов, и к годам революции (что воплощено и в художественной форме — и в издававшемся, и в написанном для себя, как, например, в стихах жены философа Н.А. Бердяева).

Особое место следует отвести мемуарной литературе. Для многих эмигрантов образ Арбата оставался воплощением покинутой ими Москвы и России, а воспоминания о дореволюционном бытии, общественной и культурной работе (в Помголе — Комитете помощи голодающим, объединениях писателей, ученых), о тяготах первых послереволюционных лет сопутствовали до конца дней. В мемуарах же (С.Е. Трубецкого и других) мы находим сведения и о попытках сопротивления советской власти.

Арбатская интеллигенция казалась идеологам советской власти особенно небезопасной. Не случайно, что в числе высланных москвичей в 1922 г. на «философском пароходе» было много «арбатцев». Это особенно заметно и по воспоминаниям возвратившейся в СССР дочери профессора А.И. Угрюмова, дом которого в Сивцевом Вражке (№ 38) признают прообразом особняка Громеко («Доктор Живаго»). (Б.Л. Пастернак и его родители действительно бывали там на концертах «брамсферайн».)

Любопытно отметить, что традиция собственно «арбатской» темы в воспоминаниях, написанных за рубежом, восходит к самым известным мемуарам: и в «Былом и думах» А.И. Герцена, и в воспоминаниях П.А. Кропоткина описывается арбатская жизнь в их юные годы.

Интересно, что впечатления арбатского уклада жизни — в основе и конструкции сравнительного рассмотрения Москвы и Петербурга, сравнении москвича и петербуржца (традиции, восходящей к Пушкину, Белинскому и Герцену). Показательна в этом плане характеристика в статье-воспоминаниях П.Н. Милюкова, в московский период жизни обитателя Приарбатья, скончавшихся один за другим в начале 1933 г. историков С.Ф. Платонова и А.А. Кизеветтера: «Давно вошло в обычай противопоставлять Петербург и Москву. Петербург — город чиновной бюрократии. В Москве на первом плане общественность — люди вольных профессий. Петербург официален и затянут в мундир. У москвичей — душа нараспашку. Петербург дисциплинирован. Москва вольнолюбива. Петербуржец — формалист. Москвич всегда склонен доискиваться причины причин и “смотреть в корень”. В Москве хоть отбавляй оригинальности: она выдумывает не боясь грешить отселятиной. Петербург осторожен насчет выдумки, зато раз придуманное он мастер приводить в порядок. Все эти характеристики, конечно, относятся к дореволюционному прошлому, но в этом прошлом и складывались особенности наших двух корифеев исторической науки. Достаточно взглянуть на их портреты, чтобы сразу заметить петербургский и московский отпечаток»⁴.

В послевоенные годы в советской литературе утверждается образ «арбатства». При подчеркивании многообразия лика Арбата использовался прием совмещения, как это и бывает в жизни, светлого и темного (особенно в произведениях

Б.С. Ямпольского и А.Н. Рыбакова, в прозе Б.Ш. Окуджавы). Прежде всего в душе закреплялось то, что символизировало доброе начало — образ Арбата в стихах Булата Окуджавы, которого называют «бардом Арбата». Арбат, сохранивший свое историческое имя, стал символом сохранения и преемственности культурных традиций, «нравственной оседлости» (если применить к данной ситуации выражение Д.С. Лихачева) московской интеллигенции, памяти о достойном уважения и милосердии к прошлому.

Когда литература российской эмиграции дошла наконец до читателя в России, впечатления, в ней отраженные, наложились на восприятие Арбата в произведениях советских авторов последних лет. В формировании сегодняшних представлений о феномене Арбата — феномене истории и культуры — о его прошлом, об уцелевших здесь традициях российской интеллигентности особенно заметно воздействие литературы российского зарубежья⁵.

¹ Зайцев Б.К. Молодость — Россия // Зайцев Б. В пути [: Рассказы]. Париж, 1951. С. 7.

² Зайцев Б.К. Голубая звезда. М., 1989. С. 501–502.

³ Цит. по: Желвакова И.А. Тогда... в Сивцевом. М., 1992. С. 112.

⁴ Милуков П.Н. Два русских историка // Современные записки. 1933. № 51. С. 314–315.

⁵ См.: Дом Марины Цветаевой Москве и Арбату. Улица Арбат: Поэты, писатели, артисты, художники, философы, музыканты. М., 1993. Вып. 1 [буклет]. В буклете перепечатан текст тезисов к конференции 7–10 сентября 1993 г.: Шмидт С.О. Два Арбата Марины Цветаевой // Творческий путь Марины Цветаевой: Первая междунар. научно-тематич. конф. (Москва, 7–10 сент 1993 г.): Тез. докл. М., 1993. С. 7–8. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 346–347.]; Он же. Это совершенно особый мир // ЛГ-Досье. 1993. № 6. С. 2, 9, 25. Подробнее в ст.: Шмидт С.О. Арбат в истории и культуре России // Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1997. Вып. 1. С. 17–121. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 253–343.]

БУЛАТ ОКУДЖАВА И «АРБАТСТВО»

В массовом представлении — и в России, и за рубежом — творчество Окуджавы неотъемлемо от восприятия Арбата. И если не становление, то оформление мифа об Арбате, его месте в истории и культуре России связывают с именем и творчеством Булата Окуджавы. Им необычайно обаятельно изображен Арбат; его признают певцом Арбата. Любовь к Окуджаве распространяется и на Арбат; а любящие Арбат, те, кому дороги арбатские традиции, любят и Окуджаву, гордятся Окуджавой и тем, что он одарил Арбатом мир читателей и слушателей.

Когда отмечали 500-летие Арбата в 1993 г. (а я был заместителем председателя юбилейного комитета, мэра Москвы Ю.М. Лужкова), не было ни одного заседа-

Впервые опубликовано: Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы Первой международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Булата Окуджавы (Переделкино, 19–21 ноября 1999 г.). М., 2001. С. 16–22; [Выступление С.О. Шмидта на круглом столе конференции] // Там же. С. 110–111.

ния, ни одного плаката, ни одного пригласительного билета, ни одной газеты, где бы не цитировали строки Булата. Названо его имя и в приветствии Президента России, оглашенном 1 октября на торжественном вечере в Театре имени Вахтангова. Окуджава был деятельным членом юбилейного комитета, инициативным участником его заседаний. Он поддержал идею установить в юбилейные дни памятник Александру Сергеевичу в Пушкинском сквере-кружке близ храма Спаса на Песках (об этом месте он писал: «У Спаса на Кружке забыто наше детство»¹) и восстановить памятник «Реквием. 1941» не вернувшимся с войны учащимся и учителям 110-й школы имени Ф. Нансена у Никитских воров, а также подготовить историко-краеведческий альманах «Арбатский архив». И сам подобрал для первого выпуска альманаха тексты об Арбате и фотографии. Речи на больших собраниях он не произносил, но стихи читал и мог ощутить любовь и уважение разновозрастной аудитории. Булат Шалвович проявлял живой интерес к юбилею, к отражению этих событий в СМИ. Полагаю, что его растрогало и ему было дорого то, что арбатский юбилей явился и утверждением особого значения его имени в биографии Арбата и в историографии арбатской темы в истории и культуре; и поколение его сына могло это «в воздухе арбатском обнаружить» (о чем он мечтал в посвященном Антону стихотворении «Арбатское вдохновение, или Воспоминания о детстве»²).

Последней книге самого избранного поэт дал заголовок «Чаепитие на Арбате», хотя к тому времени не жил там уже шестьдесят лет. Когда в 1982 г. в США издавали книгу «Булат Окуджава. 65 песен»³ (стихи по-русски и в переводе на английский язык, ноты, черно-белые фотографии), на обложке поместили фотографию автора, сидящего на стуле посреди улицы Арбат, — показатель неотделимости Окуджавы от Арбата, его пейзажа и ментальности. И в фильме режиссера А. Берлина, смонтированном к юбилею 1993 г., Окуджава во дворе своего дома — дома № 43 на Арбате, где не один год собирались те, кому близко его творчество, и каждое 9 мая — это не только праздник Победы, но и день рождения Булата, с таким мужеством приближавшего на фронте День Победы: там слышны и гитары, и песни, и стихи Булата, и произведения, ему посвященные. Упомянувшийся альманах «Арбатский архив», членом редколлегии которого он согласился стать, подготовленный к печати при его жизни, начинается страницей со словами Булата «Ах, Арбат, мой Арбат...». В книге, вслед за хроникальными материалами о юбилее 1993 г. (там же, конечно, и слова Булата, и его изображение) и статьей «Арбат в истории и культуре России», напечатана подборка написанного Окуджавой об Арбате — и стихи, и проза, с авторским предисловием⁴. И в предваряющей заметке «От редактора» сказано: «...начиная такое продолжающееся издание, как “Арбатский архив”, нельзя не напечатать материал “Арбат Булата Окуджавы...”»

И прощались всенародно с Булатом Шалвовичем 18 июня 1997 г. на Арбате в Театре имени Вахтангова, где с «Песенки об Арбате» начинался звуковой ряд касcеты с песнями в авторском исполнении. А грустная траурная очередь провожавших в последний путь дорогого им человека и поэта текла в тот день, «как река», по Арбату. И в проникнутой подлинной печалью телеграмме Б.Н. Ельцина после слов «Он был духовным наставником...» читаем: «А сейчас умолк, и опустел Арбат, его Арбат». И памятник Булату Окуджаве намерены установить на Арбате.

Впредь прогулка по Арбату, знакомство с самой всемирно знаменитой улицей Москвы будет и встречей с Булатом Окуджавой, напоминанием о его творчестве, а для молодых людей грядущего столетия — и о симпатиях, вкусах, идеалах ушедших и уходящих поколений. И потому важно, чтобы памятник, конкурс на проект которого объявлен, отражал это и находился бы на достойном месте. Позволю себе остановиться прежде всего на этом актуальном и волнующем нас сегодня вопросе.

Нынешний Арбат — его внешний облик «офонаревшей» улицы, где среди множества торговых заведений меньше всего внимания отводится знакомству с книгами и памятниками искусства и истории, а фланирующая толпа и не помышляет об этом, — вызывал горькое чувство у Булата: его обида, печаль и недоумение зафиксированы и в написанном им, и в устных выступлениях о днях, «когда в Москве еще Арбат существовал» (рефрен из стихотворения «Воспоминания о Дне Победы»⁵). И потому предлагаемое некоторыми место для памятника на углу улицы Арбат и Плотникова переулка представляется совершенно неподходящим для мемориала поэту Арбата.

Здесь, на небольшой площадке, памятник окажется среди потоков машин — и легковых, и грузовых. Хотя выезда на пешеходную улицу нет, но именно здесь въезды в два двора. В том, который ближе к дому Окуджавы, — средоточие транспорта, привозящего продукты в большой магазин (бывший «Диета») и в восточный ресторан, постоянное движение машин отделения милиции и, кроме того, еще строится здание с подземным гаражом. С другой стороны переулка — двор с небольшой свободной площадкой (образовавшейся на месте снесенного дома священника уничтоженной церкви Николая Плотника). Но там единственный подъезд машин к почтовому отделению, булочной, двум ресторанам и магазинам. Не говоря уж о том, что с обеих сторон переулка — многоквартирные дома (три больших корпуса дома 51 по улице Арбат хорошо известны по «Детям Арбата» А.Н. Рыбакова, а воздвигать памятник Окуджаве в ставшем ныне проходным дворе, описанном другим известным арбатским писателем, тоже вряд ли уместно).

Ссылка на то, что это место ближе других к дому 43 по Арбату, где прошло детство Булата, неубедительна. Воспетого им двора, не асфальтированного, с маленькими домиками и сараями, с зеленью деревьев и кустарников, скамьями, пространством для детских игр, больше нет — все застроено. Исчезли и посаженные Булатом деревца, о которых он вспоминает в стихотворении «Речитатив» («Тот самый двор, где я сажал березы, <...> образцом дворов арбатских слыл; <...> рай, замаскированный под двор»⁶). И собираться 9 мая теперь придется разве что в подворотне или под самыми окнами квартиры Булата. Потому достаточно будет напомнить о доме 43, укрепив там доску с указанием, что именно здесь в юные годы жил поэт Арбата.

Булату Окуджаве была несвойственна демонстративная публичность. При всем своем обаянии он был человеком сдержанным, даже замкнутым, никоим образом не навязывающим себя, тем более не помышляющим выделиться как-либо манерой поведения, внешним обликом, одеждой. Его выделяло благородство скромности. Поэт он был душевной и глубокой мысли, вызывающей потребность раздумий наедине с самим собой или с близкими людьми. Записи его песен, осо-

бенно в негромком авторском звучании, — не для площадей и улиц, не для больших сборищ, а для людей своего круга или тех, кто от этого становятся своими людьми. Памятник такому поэту должен отвечать подобным представлениям и вызывать подобные ощущения. У памятника должно быть удобно встречаться влюбленным, беседовать друзьям, слушать гитару, тихие пение и декламацию, а пожилым людям — возвращаться мыслями к прошлому. Должна быть обстановка, сближающая поколения («возьмемся за руки, друзья»), доверительная атмосфера, уют. К памятнику, расположенному между дверями ресторанов, среди движущихся машин, и не захочется, и будет небезопасно подойти, а для скамеек место найдется лишь впритык к постаменту. Следует учитывать и то, что посещающие нынешний Арбат и влекомые людским потоком от Арбатской площади к Смоленской (или от Смоленской к Арбатской) будут воспринимать новый памятник как некий зрительный образ между двумя другими, уже на самой улице Арбат, — имитацией принцессы Турандот у Театра имени Вахтангова и четой молодоженов Пушкиных напротив Дома-квартиры Пушкина. Внешняя стилистика обоих памятников, быть может, и соответствует эстетике арбатских фонарей, но уж слишком далека от духовности Окуджавы, от образа его Арбата.

Убежденный в том, что памятник Булату Окуджаве в Москве может быть установлен только на Арбате, полагаю, что наиболее подходящее в нынешних условиях место — на углу Денежного переулка и улицы Арбат, у стены здания Министерства иностранных дел. Там есть пространство и для сквера, и даже для строительства небольшого здания, предназначенного для выставок. На другой стороне переулка — аптека и выставочный зал Музея-квартиры Пушкина. (Быть может, после строительства комплекса зданий музея между Пречистенкой и Гагаринским переулком в этом выставочном помещении найдут возможным экспонировать и материалы о жизни и творчестве Окуджавы, о восприятии его творчества современниками и потомками.) Здесь нет ни магазинов, ни ресторанов, не ездят грузовые авто. Допустимо — как это было еще недавно — и закрыть движение машин по переулку в сторону Арбата. От места этого недалеко и до дома, где жил мальчиком Булат, и до школы, где он учился. Отсюда открывается Арбат вышедшим из метро. Рядом мемориальные квартиры Пушкина (в доме 53) и Андрея Белого (в доме 55); а дом 51 — последний московский адрес Александра Блока. Напротив, на другой стороне улицы, — здание нового культурно-музыкального центра; а ближе к Садовым — арбатский «Макдоналдс», где, как правило, обходятся без алкоголя и бывает много детей. Таким образом, оказавшись на Арбате со стороны Садового кольца это будет способствовать восприятию Арбата как улицы культурных традиций, т.е. такой, какой хотел представить родную ему улицу Окуджава.

О желательности установки арбатского памятника Булату Окуджаве именно на углу Денежного переулка, где и сейчас зеленый газон, я писал еще в 1997 г.⁷ — до застройки двора, образ которого запечатлен Окуджавой, и до сооружения скульптурных памятников на арбатской мостовой. Теперь такое предложение, думается, обретает еще большую целесообразность. И потому почитаю долгом своим предупредить непродуманное решение о месте для памятника: памятнику Булату Окуджаве место там, где осталось больше сближений с особенно дорогим ему на Арбате, с тем, что породило и его представление об «арбатстве».

«Булат Окуджавы и «арбатство»» для меня не только тема для размышлений и наблюдений историка и культуролога, но и память о личном общении с Булатом Шалвовичем. Мои соображения о представлениях Окуджавы об «Арбате» и «арбатстве», об изменении и обогащении этих представлений не ограничивались знакомством с творчеством Окуджавы и восприятием его другими (и прежде всего арбатцами, с их характерной арбатской ментальностью), но поверялись встречами и телефонными разговорами с Булатом Шалвовичем. Собственно, это и было главной сквозной линией нашего общения на протяжении всех лет знакомства, за исключением времени совместного пребывания — в течение примерно десяти или двенадцати дней — в писательском доме на Рижском взморье. В октябре отдыхающих на взморье немного, пляж пустой; и мы перед закатом, едва ли не ежедневно, гуляли, ходили по прибрежному песку. Тогда Окуджавы для меня раскрылся, конечно, более глубоко: я убедился и в масштабности его личности, и в его простоте, внутреннем неприятии всякой рисовки, эффектного позирования; в его честной открытости и любознательности — но и в его замкнутости в своем внутреннем мире, в неординарности восприятия им явлений: и общественного бытия, и культуры, и природы — и в способности выразить это в слове и одновременно в стремлении и умении найти для всего этого общедоступные формы. Общечеловеческое, традиционное даже, было ему дороже и ближе новаторской необычности, отдающей чуждой ему нарочитостью. Быть может, в этом отражались не только его душевный склад, естественность взаимосвязи с корневой культурой народа и литературные вкусы, но и опыт школьного учителя, желавшего и умевшего установить общность подхода к явлениям и их толкованию с теми, кого он образовывал. Естественно, что эти беседы и возможность видеть Булату в общении с другими — и в застолье, и с гитарой, и в рассуждениях на интеллектуальные темы — многое дали мне и в плане обогащения и углубления представлений о проблеме «арбатства», интересующей меня как исследователя и близкой душевно, и, конечно, для понимания того, что дало заголовок сегодняшнему сообщению: «Булат Окуджавы и «арбатство»».

Наше личное знакомство, по существу, и началось с «арбатской» темы. В квартире писательского дома близ метро «Аэропорт», у переводчика Владимира Михайловича Россельса, знакомого мне близко еще с детских лет, собрались послушать новые песни Окуджавы в авторском исполнении. Были писатели — соседи по дому, Аксенов. Окуджаву тогда еще мало печатали. Ольга Владимировна, если не ошибаюсь, лишь незадолго до того стала его женой, и меня как выходца из профессорской среды посадили за столом рядом с ней, чтоб занять беседой, соответствующей понятиям об общности нашего социокультурного происхождения. До застолья же был общий разговор в другой комнате, и там выяснилось, что мы жили с Булатом в столь близкое расположенных домах, что они ныне в одном проходном дворе. Но тогда наши дворы разделяли домишки и сараи, и с девочкой из его дома (как помнится, Таней Хейфец или Фейгус) я был знаком только потому, что учился с ней в одном классе, и мы, второклассники, даже вместе ходили на лыжах по мостовой нашего тихого тогда Кривоарбатского переулка. Когда Булат настроил гитару, он предупредил, что намерен исполнять только новое, малоизвестное. «Однако для вас, — сказал он, обратившись ко мне, — начну с «Песенки об Арбате»».

И затем нас тоже объединяли интерес и любовь к Арбату — мы встречались на заседаниях, круглых столах, организуемых в связи с определением судьбы улицы Арбат и трагедией строительства Нового Арбата, порушившего мир «арбатства» и исказившего внешний облик города великого прошлого и традиционной культуры. Это действительно «вставная челюсть» Москвы, безжалостно и насильственно внедренная в живое тело исторического города людьми, лишенными чувства исторической ответственности и эстетической добропорядочности. (И здесь, убежден, большая вина не государственных деятелей, а архитекторов и строителей, паразитирующих на бескультуре этих деятелей.)

Вскоре после нашего пребывания на Рижском взморье я встретил Булата, выходящего вместе со своим знакомым из переулка, где метро «Смоленская», на Арбат. В тот ноябрьский воскресный день выпал первый снег, и я вышел подышать, нагулять рабочий ритм. Булат предложил пройтись с ним до Арбатской площади. Он впервые увидел фонари, стал грустен и молчалив, только повторял: «Нет Арбата», «Ушел Арбат». На Арбатской площади стояла машина — он явно приезжал посмотреть (или показать) Арбат.

Потом участились встречи в канун юбилея Арбата. Когда я начал подготовку альманаха «Арбатский архив», Булат Шалвович сразу же согласился дать подборку своих произведений на арбатскую тему, сам отобрал фотографии. Принося это ко мне домой, смотрел мудро и грустно из окна нашей столовой на дом своего детства. Его предисловие для публикации в альманахе датировано августом 1993 г. Булат Шалвович, конечно, осознавал, что в таком издании, да еще в предъюбилейные дни, слова его обретут и историографическое значение, и декларативный смысл. Привожу полностью текст, напечатанный в альманахе: «Я много раз говорил о том, что Арбата больше нет. Я сетовал об этом. Действительно, его физическое существование так резко преобразилось, что ничего иного и не скажешь. И это, увы, не только мое мнение. Так думают многие арбатцы. Но, к счастью, Арбат стал символом еще задолго до своей физической гибели. Он продолжает им оставаться и до сих пор. Нельзя уничтожить историю, дух. Они продолжают существовать и подогревают и вдохновляют нас на деятельность. И то, что мы скорбим, засучиваем рукава, пытаюсь уберечь свое прошлое, то есть самих себя, — разве это не признак того, что истинный Арбат уже прочно в нашей крови.

А стихи об Арбате, написанные еще тогда, когда он существовал, что ж, это ведь частица моей жизни тоже. Стихи, как и жизнь, невозможно переписать заново...»⁸

Конечно, творчество Окуджавы отнюдь не ограничивается тем, что связывают с Арбатом; и культурное пространство Арбата — это не только Окуджавы и время Окуджавы. И в то же время тема «Окуджавы и Арбат» (и тем более «Окуджавы и «арбатство»») важна при изучении более широкого круга проблем истории и российской литературы, общественного сознания и истории Москвы, отношения к прошлому, историзма наших общественных идеалов.

При этом напомним, что под «арбатством» подразумеваем не только улицу с таким названием — «короткий коридор / от ресторана «Прага» до Смоленяги»⁹, т.е. от Арбатской до Смоленской площади (хотя в написанном и сказанном Булатом много именно об улице Арбат и утрате ею прежнего облика), — а местность Москвы с несколькими улицами и переулками межбульварья бывшей территории Арбат-

ской и Пречистенской полицейских частей. Дух Арбата, «арбатство» более всего выявляется в арбатских переулках. Окуджавы не раз подчеркивал, поясняя: «...при-
мыкающие к улице Арбат, и есть Арбат»¹⁰.

С годами детства связано формирование наших воззрений, корневых этических и эстетических представлений. Главные впечатления детства Булата — арбатские. Арбат остался спутником его творческой жизни: и арбатские реалии, и сотворенное воображением по ассоциации с другими реалиями современности либо узнаваемое о прошлом из прочитанного и увиденного. Понятие об «арбатстве» появилось и тем более было сформулировано Булатом Шалвовичем не сразу: представления об Арбате не оставались неизменными, отражая происходившее и в образе творчества писателя, и в его житейской биографии.

Вероятно, можно ожидать, что когда-либо напишут исследование об «Арбате» Окуджавы в стиле книги академика В.Н. Топорова «“Бедная Лиза” Карамзина. Опыт прочтения» (М., 1995), где с привлечением многообразнейшего материала рассматривается и персонологический, личностный тип писателя. Но предварительным условием такой работы является ознакомление со всем «арбатским» у Окуджавы — и в синхронном, и в диахронном планах. Когда, при каких обстоятельствах было написано или сказано? По какому поводу? Сразу, импульсивно (в ответ на вопрос) или в результате шлифовки сочиненного? В связи с какими ассоциациями: культурно-историческими, литературными, житейскими? Как соотносилось запечатленное в стихах, художественной прозе, публицистике, устных выступлениях, ответах на записки? Как изменялись подходы и оценки? Как воспринималось это публикой и в какой мере такое восприятие осознавалось и учитывалось Окуджавой? Лишь тогда можно будет с должной основательностью определять место представлений об «Арбате», его прошлом и настоящем в системе представлений Окуджавы о своей биографии, об эпохе и исторических традициях, о России и Москве, о процессе творчества, о поэзии, о мифах в жизни, в литературе и искусстве.

Думается, что это может быть сферой научных интересов не только историков литературы, хотя именно их наблюдения особенно важны при размышлениях о своеобразии и богатстве художественного языка Окуджавы, месте его произведений в мире отечественной и мировой поэзии. Я же, хотя и пытался размышлять об этом, и в печати, и устно, позволю себе утверждать — и как историк, и как арбатец, всю жизнь проживший в одном и том же доме арбатского переулка, — только то, что входит в сферу моих профессиональных знаний: написанное и сказанное Окуджавой об «Арбате» — первостепенной ценности исторический источник. Это источник для изучения и прошлого, и настоящего Арбата, как в реальности, так и в мифах общественного сознания. Тут и существеннейшие для образа «Арбата» представления о нем как о символе, знаке культуры (или даже симбиозе социокультурных и исторических обозначений), и много деталей, важных для понимания характерных топографических и исторических особенностей этой местности, с конца XVIII в. почти на два столетия утвердившейся как оазис частной жизни: ни фабрик, ни государственных учреждений при особом изобилии переулков, небольших храмов, частных учебных и лечебных заведений; до начала XX в. не было и больших магазинов.

Вспоминая ставшее расхожим определение «Евгения Онегина» как энциклопедии российской жизни, можно сказать, что запечатленное Окуджавой — это энциклопедия арбатской жизни: и ее реалий, и ее восприятия. Это исторически достоверное отображение «Арбата», причем в контексте взаимосвязи времен. «Арбат» Булата Окуджавы — река, текущая и в пространстве, и во времени. А словосочетание из «Песенки об Арбате» — «Ты течешь, как река. Странное название!»¹¹ — оказывается в нашей историко-культурной памяти столь же обязательной ассоциацией, как пушкинское «Невы державное течение».

Для Окуджавы «Арбат» — и начало сознательного существования, и первые содружества; и возвращение к мирной жизни с праздником Победы, и ностальгия высленного «арбатского эмигранта», лишённого возможности ощущать прелесть юношеского романтического идеала («заледенела роза и облетела вся»¹²); и согревающая душу память о том, как зарождалась «мелодия простая <...> из сердца вырастая»¹³, и боль от торжества «оккупантов», «московских наших дураков», воплощающих ныне «надменную столицу»; и символ круговорота жизни нашей, как в стихотворении 1969 г. «Романс» (за которым позднее закрепилось название «Арбатский романс»): «Вы начали прогулку с арбатского двора, к нему-то все, как видно, и вернется»¹⁴, и в пронзительных словах «Арбатских напевов» (1982 г.), где о том, что «все кончается неумолимо. Миг последний печален и прост»; «Я тоскую, и плачу, и грежу по святым по арбатским местам»¹⁵.

Не будем забывать о том, что «Арбат» для Булата Окуджавы — не только страна детства, малая Родина, память о теплоте заботы любящих взрослых и радостных открытиях мира, чудес природы, культуры, общественных отношений и, полагаю, красоты и глубины поэтических словосочетаний, а также и прошлое: довоенное (мирной жизни), до времени «большого террора», загубившего столько самых близких ему людей. И действительно, Арбат детских лет Окуджавы не знал публичной политической подозрительности (сопровождаящейся доношительством) и откровенно идеолого-политизированных антагонизмов (служивших нередко прикрытием внутриквартирных распрей из-за жилплощади). Годы арбатского детства Булата — время романтического строительства новой жизни самоотверженными и бескомпромиссными приверженцами идеи решительной перестройки общества, оказавшимися во второй половине 30-х гг., как и родители Булата Шалвовича, жертвами сталинского тоталитаризма, погибшими не на «той единственной гражданской»¹⁶, боготворить которую завещали сыну, а под обломками храма идеалов, порушенных самовластием. И тут уже факты личной биографии совмещались с общероссийским, общемосковским, даже — общечеловеческим. «Арбат» — и реальности, и воображения — оказывался фокусом и символом всего этого.

Уже в «Песенке об Арбате» 1959 г. («Ах, Арбат, мой Арбат...») эти чувства, мысли и ассоциации нашли свое первичное обобщение (хотя сначала во многом еще, вероятно, и интуитивное). Эти всем известные стихи можно ставить в один ряд с общепризнанными шедеврами стихотворных произведений малых форм: с «Ангелом» Лермонтова, «Лорелеей» Гейне, «Незнакомкой» Блока — по редкой естественности совмещения глубины мысли и художественной образности, по завораживающему обаянию музыкальности. В стихах 1959 г. — и многозначительные обяза-

вающие формулировки («мое призвание», «моя религия», «мое отечество»), и осознание пожизненной восторженно-болезненной любви («от любви твоей вовсе не излечишься», «ты — и радость моя, и моя беда») и единственности (среди «со-рока тысяч других мостовых»), и в то же время обычности («пешеходы твои — люди не великие»), столь близкой и необходимой душе Булата, не приемлющей эффектную и громкую исключительность. И здесь же программа для дальнейших размышлений о притягательном «странном названии», о сравнении с рекой, хотя и прозрачной, но полностью не познаваемой, и, главное, всегда текущей, изменяющейся, — понимание этого («никогда до конца не пройди тебя!»¹⁷). Но конечные слова стихотворения ведь и о стремлении поэта до своего конца ощущать «Арбат», познавать новое и более глубокое. Это звало к дальнейшим размышлениям и автора, и его читателей и слушателей.

Показательно, что повторяемое вслед за Окуджавой слово-понятие «арбатство» подсказано ему школьниками, как он сам это отмечает в стихотворении «Надпись на камне»¹⁸ («Пускай моя любовь как мир стара, — лишь ей одной служил и доверялся»), где и афористические формулы: «Я — дворянин с арбатского двора, своим двором введенный во дворянство» и «Арбатство, растворенное в крови, неистребимо, как сама природа». Но порождено представление об «арбатстве» освоением созданного самим Окуджавой, тем, что было воспринято от него о характерном и привлекательном в арбатском жизненном укладе, арбатском образе мысли, арбатской историко-культурной традиции, арбатском прошлом, чертах этого прошлого в современности.

Андрей Белый, родившийся на Арбате и воспроизведший в стихах и в прозе Арбат рубежа веков и, подобно Булату, всю жизнь возвращавшийся мыслью к Арбату, тяготевший душой к улице своей юности, ввел в обиход слово «арбатцы». Но вкладывал в него лишь социотопографический смысл (что и почувствовала также «профессорское дитя» Марина Цветаева). Булат Окуджавы утвердил в нашем сознании понятие «арбатство» уже и социокультурного смысла, и нравственного значения («арбатство, растворенное в крови»).

Это, пожалуй, самое дорогое и важное для самого Окуджавы и самое существенное для темы, обозначенной в заголовке сообщения. Однако, повторяю, сейчас становится все более очевидным, что предварительным условием серьезных выводов в плане этой проблематики на перекрестии и истории литературы, и истории общественной жизни, и социальной психологии, и даже микрогеографии должна стать основательная работа по изучению всего литературного наследия Окуджавы — и художественных произведений, и публицистики, и переписки, и заметок для себя. Ибо тема «Арбат» сопутствовала всей жизни Булата Шалвовича и в том или ином виде отражена во всем многообразии его творчества. Хочется надеяться, что тема «Арбат» как «символ» и «арбатство» («истинный Арбат уже прочно в нашей крови») в жизни и творчестве Булата Окуджавы будут предметом и моих размышлений историка-исследователя и старожила-мемуариста. И уж безусловно, это интереснейшая и научно перспективная тема исследований в грядущем столетии.

Потому пока ограничусь лишь некоторыми замечаниями предварительного характера. Представление Окуджавы об «Арбате» как знаке культуры, как «символе» в плане типологии социокультурных явлений не оставалось неизменным. Оно

отражало — причем и на внешне заметном, и на глубинном уровнях — путь развития его мироощущения и миропонимания, его историко-культурных представлений и пристрастий, изменения в направлениях его литературного творчества. Овладевая новым литературным мастерством, неизменно расширяя свой историко-культурный кругозор, проявляя тягу к новым формам или темам художественно-литературного творчества, писатель распространял эти новые знания и ощущения и на восприятие всего «арбатского».

Изначальные детские представления об «Арбате» обогащались и усложнялись затем все время и новыми впечатлениями из житейского опыта, и от ознакомления с многообразным историко-культурным наследием. Представление об «Арбате» в культурологическом аспекте, можно полагать, на первом этапе приближалось к тому, которое охарактеризовано в новаторских культурологических исследованиях профессора Георгия Степановича Кнабе¹⁹.

Ученый сосредоточивает внимание преимущественно на ситуации первых советских десятилетий и исходит прежде всего из этих наблюдений, объясняя формирование особенностей культурного феномена «Арбат». Это помогает понять, как формировался первичный образ «Арбата» у юного Булата.

Но, думается, что если не изначально, то с той поры, когда вернувшийся после фронта молодой человек почувствовал себя поэтом, и особенно в годы преподавания российской литературы (а значит, и нового приобщения к отечественному культурному наследию), а затем и все возрастающего интереса к истории России XIX столетия, «Арбат» все в большей мере воспринимался Окуджавой как воплощение взаимосвязи времен — взаимосвязи с ушедшей дореволюционной эпохой, ее культурой и повседневностью, с корневыми историко-культурными и нравственными традициями (и не только «Арбата», но и Москвы, всей России). С годами именно подобное представление о «символе» Арбата закреплялось и привело к осознанию историко-культурного понятия и историко-нравственной категории «арбатство», к стремлению «уберечь свое прошлое».

Вероятно, можно проследить, опять-таки опираясь на всю совокупность материалов творческого наследия писателя, как соотносилось изменение представлений Окуджавы об Арбате с углублением его познания образа Пушкина, душевным сближением поэта и гражданина второй половины XX в. с Пушкининым. О Пушкине Булат Шалвович писал и говорил не раз, Пушкин для него все в большей мере становился началом всех начал в литературе, близким его душе человеком²⁰.

Быть может, это стало особенно ощутимо, когда Окуджава обратился к созданию прозаических произведений о пушкинском времени, стремясь проникнуть в мир ментальности пушкинской эпохи, привлекавшей своей особой интеллигентностью и Александра Блока последних лет жизни (в речи «О назначении поэта» он говорил о ней как о «самой культурной эпохе XIX в.»). Писатель фронтового поколения (и одновременно шестидесятник) оказался более других литераторов-современников в русле классической традиции великой российской литературы: и, как Блок, в историко-культурной (а также историко-нравственной) сфере, и даже в плане литературно-художественной стилистики — им обоим были чужды нарочито демонстративные стилистические изыски (и в словаре, и в ритмике стиха). В этом, кстати, одно из объяснений того, почему именно Окуджава, едва ли не

единственный из поэтов-шестидесятников, оказался близок читателям сразу нескольких поколений, почему любовь и уважение к нему неизменно устойчивы. Его литературное творчество, как и созданный им образ Арбата, воплощали преемственность историко-нравственной традиции — традиции интеллигентности.

Это ощущали и за рубежом. Когда решено было пригласить на заседание Комитета по Нобелевской премии двух россиян, воплощающих представление об интеллигенции России (ведь само это слово латиноязычной этимологии пришло в западноевропейские языки из великой литературы России; русское происхождение его указано в словарях и английского, и французского языков), то пригласили из самого старшего поколения Дмитрия Сергеевича Лихачева и из поколения участников Второй мировой войны — Булата Шалвовича.

Показательно, что оба они очень понравились друг другу, очаровали один другого. Это запечатлено в надписи, которую оставил Лихачев на своей книге «Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст» (второе издание 1991 г.): «Дорогому Булату Шалвовичу Окуджаве — самому замечательному, самому любимому, самому благородному — на добрую память о незабываемой встрече в Стокгольме и с поздравлением. Д. Лихачев». И характерная приписка: обращение-пояснение творца творцу, большого ученого большому поэту: «Это книга хоби, — не по специальности, а по сердечной склонности».

В представлениях об образе Окуджавы как бы совмещались представления о российской интеллигентности и об «арбатстве». Это было особенно дорого и понятно литераторам российской эмиграции, для которой символом России оставался Пушкин и которых не покидало ностальгическое чувство «Арбата» — «улицы Св. Николая», как ее называл Борис Зайцев, — средоточия «дворянско-интеллигентско-литературной» Москвы. И бывают же «странные сближения»²¹ (как провидчески отмечал Пушкин): Булат Шалвович умер вдали от Москвы, от России, но близ Парижа, в Клармаре, где жил более двух десятилетий Бердяев, где собирались постоянно думавшие о Москве и об Арбате россияне, где снились московские розы и писали по-русски стихи о московских улицах в пасхальные дни.

Темы «Окуджавы и “арбатство”», «Восприятие “арбатства” Окуджавы в России и за рубежом, сверстниками его и молодежью» очень многоплановы. Не сомневаюсь в том, что интерес к ним сохранится у писателей и ученых разных отраслей знания и в будущем столетии. Если Окуджавы Арбатом «введен во дворянство», то Арбат введен Окуджавой в историю мировой литературы.

¹ Окуджавы Б. Чаепитие на Арбате: Стихи разных лет. М., 1996. С. 346.

² Там же. С. 443–444.

³ Окуджавы Б. 65 песен. Ann Arbor, 1982.

⁴ Окуджавы Б. Нет задворок у Арбата // Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1997. Вып. 1. С. 139–141; Он же. Ах, Арбат, мой Арбат — ты мое отечество... ты мое призвание // Там же. С. 142–144.

⁵ Окуджавы Б. Чаепитие на Арбате. С. 365.

⁶ Там же. С. 261, 262.

⁷ 500-летие Арбата: Хроника юбилея // Арбатский архив. С. 16.

⁸ Арбат Булата Окуджавы // Там же. С. 126.

⁹ Окуджавы Б. Чаепитие на Арбате. С. 262.

¹⁰ Об историко-культурном пространстве «Арбат» подробнее см. в моей статье в первом выпуске «Арбатского архива» (М., 1997).

¹¹ Окуджаву Б. Чаепитие на Арбате. С. 82.

¹² Там же. С. 378.

¹³ Там же. С. 481.

¹⁴ Там же. С. 254.

¹⁵ Там же. С. 376, 377.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ Там же. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 375.

¹⁹ Об этих соображениях, сформулированных еще прежде в публичных выступлениях ученого, см. подробнее в его статье: Кнабе Г.С. Арбатская цивилизация и арбатский миф // Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. ст. М., 1998. С. 137–197.

²⁰ См. нашу статью о культуре Арбата в «Арбатском архиве» (М., 1997).

²¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1978. Т. 7. С. 156.

*Выступление на круглом столе
Первой международной конференции,
посвященной 75-летию Булата Окуджавы*

После спектакля «Путешествие дилетантов» в Театре Луны я уеду, поэтому позволю себе высказать искреннюю благодарность организаторам конференции. Благодарность не только человека, которому дорого творчество Окуджавы, но и историка-профессионала, всегда подходящего к явлениям в двух планах: что оно означает для сегодняшнего дня, для наших современников, и будет ли оно что-то означать для потомков, которые отберут из нашего времени то, что для них будет определять их день? Я думаю, что, хотя прошло совсем мало времени, уже можно сказать, что мы наблюдаем нечастое, даже уникальное явление, когда писатель, только что ушедший из жизни, воспринимается в ряду классической литературы, «переходящей» в следующее столетие. Это первое. И второе: Окуджава, по-видимому, настолько многообразное явление, выходящее за рамки собственно литературы, что изучать нашу ментальность будут и по Окуджаве — хотя Окуджавы и не типичен для нее, уникален. В этой связи, думается, нужно многое сделать, чтобы облегчить потомкам понимание его творчества. Жизнь так стремительна, и все так быстро меняется, что, пока живы современники Булата, нужно спешить подготовить документы о его времени и о нем самом во времени. Очень хорошо, что выйдет его том в «Библиотеке поэта». Важно застолбить в общественном сознании: «Окуджавы — это классика». Видимо, нужно исподволь, не рассчитывая на быструю удачу, начать готовить и собрание сочинений. Уже сейчас. «Уже сейчас» не значит, что его срочно нужно издавать. В наше время классическое, академическое собрание сочинений требует скрупулезного ознакомления с вариантами, выяснения касающихся произведения деталей, обширных комментариев. Должны быть люди, знающие быт эпохи, ее лексикон, знающие близко автора, которые могли бы сказать, почему использовано то или иное выражение... Если даже Пушкин говорит: «Бегут меняясь наши лета, / Меняя все, меняя нас», — то Булат, больше живший, тем более изменялся! Мне кажется, что сейчас нужно хотя бы ксерокопировать все материалы, которые могли бы войти в

тома, напоминающие «Литературное наследство». Ведь ответы Булата на записки, его выступления, письма и прочее, и прочее, полагаю, будут свидетельствовать о том, что «благородство и достоинство» оставались и тогда, когда люди жили конъюнктурой. Это несчастный случай: опыт долгой жизни меня убеждает — я не могу назвать другого современника Булата, а значит, и моего (у нас три года разницы), который бы сохранял это внутреннее достоинство, не поддаваясь политическому идеологизированию. В то же время он очень остро реагировал на все общественные явления. И «как», «на что», «в какой ситуации» — могут объяснить близкие люди, ибо ученые домысливают, опираясь на какие-то модели, которые зачастую и не на русском материале даже или на материале другой эпохи, — от нашей историко-литературной образованности, от нашей идеологической ангажированности. Поэтому, пока живы близко знавшие Булата Шалвовича, надо прокомментировать этот многообразный материал. 50 лет я воспитываю историков-архивистов и понимаю, как необходим толковый обзор фондов. Наше, и даже более молодое поколение, вероятно, не доживет до времени, когда будет полностью освоено наследие Окуджавы. Ценность нашей конференции, кроме всего прочего, в том, что прозвучали интересные доклады молодых, вселяющие надежду, что они будут заниматься творчеством Окуджавы десятилетия, которые им отведены на их творческую жизнь.

Теперь по поводу некоторых тем. К сожалению, мы бездумно восприняли, как само собой разумеющееся, что Окуджавы — это прежде всего авторская песня. Окуджавы не только большой поэт, но, к счастью, и музыкант, и прозаик. А прозаик Окуджавы, по существу, в еще большей мере философ и мыслитель. Поэтому, вероятно, необходимо сопоставить «поэтического» и «прозаического» Окуджавы и выяснить, почему, в какое время он обращался к стихам, или к прозе, или одновременно к тому и другому. Это путь великой литературы. Двое самых великих — Пушкин и Лермонтов — так и поступали. Они были великие прозаики. С них начинается наша проза. Так поступил Гёте, т.е., понимаете, это суждено очень немногим, и если суждено, то усиливает масштаб их творчества, воздействия и на слушателей, и на читателей. Я снова возвращаюсь к Пушкину. Не только потому, что мы все, для кого пушкинский юбилей не просто возможность где-то поучаствовать, покрасоваться, а уже достигнув возраста, перечитывать Пушкина, с жизненным опытом, и по-другому его воспринимать, — мы все понимаем, что это действительно какая-то совершенно ни с чем не сравнимая гармония, широта интересов и нечто, притягивающее разные народы. У Окуджавы, который неизменно ссылался на Пушкина как на «первоначалие» для себя, говорил, что сначала обращался к Пушкину потому, что так принято, а потом Пушкин стал ему по-человечески близок (Булат подчеркивал: и как великий поэт и очень близкий мне человек), близок даже привлекательной самоиронией, — у самого Булата творчество неотделимо от жизни. По-видимому, это нужно проследить и в аспекте развития мировой культуры, тем более что сейчас за рубежом в произведениях Пушкина замечают не только красоту слова, но и волнующие всех мировые проблемы. У Булата есть то, что всегда может заинтересовать, независимо от исторического комментария, — еще обыгранная в шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта» проблема соотношения лучших человеческих чувств и закона, который губит эти чувства. Но когда возвращаются к образам Ромео и Джульетты — и в театре, и в кино, — всех

прежде всего интересует безмерная любовь: нет его — не может жить она, нет ее — не может жить он. Булат постиг именно эти, всех волнующие проблемы человеческих отношений. Видимо, на этом моменте следует акцентировать наше внимание. Поэтому мне внутренне ближе то, что говорил Александр Семенович Кушнер. Может, потому, что он, сам поэт, это особенно почувствовал. Птица не интересуется, в какой момент поет, — она не может не петь, это ее врожденное свойство. Вот Булат имел это богатство.

И наконец, еще одно, что влияло на наше восприятие творчества и личности Окуджавы. На это вроде не обращали здесь внимания. Булат выступил в век телевидения и кино. Ведь тех великих, которых мы называли — даже Александра Блока, даже Маяковского, даже Есенина, — видели лишь те, кто мог оказаться рядом. Их нельзя было показать всем по телевидению. А Булата стало можно. И конечно, просто мало было людей с таким большим обаянием. Когда мудрый Дмитрий Сергеевич Лихачев провел с Булатом несколько дней в Стокгольме, он был обворожен прежде всего личным обаянием Окуджавы, отражавшим его личность, — это же чувствуется! Мы вчера посмотрели эпизоды из разных фильмов с участием Булата: какие сдержанные движения, всё — в глазах, всё — в выражении лица; ни суетности нет, ни позы, всё настоящее — и сколько достоинства! Это внутреннее его богатство передавалось другим, действовало на всех: и на немцев, и на французов, и на шведов, которые, даже не понимая языка, чувствовали то, что он хотел выразить словом. Мне кажется, что, к счастью, наша конференция оказалась не совсем точно названной. Не «Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века», а, по крайней мере, в контексте культуры XIX и XX вв., в контексте отечественной и мировой культуры. И дай Бог, чтобы XXI в. продолжал эту традицию.

90-ЛЕТИЕ ЗНАМЕНИТОЙ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ

В этом году исполняется девяносто лет со времени основания Флеровской мужской гимназии, в советские годы превратившейся в 10-ю (позднее 110-ю) школу, широко известную не только в Москве. Как выяснила историк педагогики М.В. Михайлова, Министерство народного просвещения разрешило 16 февраля 1907 г. А.Е. Флерову преобразовать открытое им годом раньше учебное заведение второго разряда (с приготовительным и первым классами) в частную мужскую гимназию. В 1909/10 учебном году в гимназии числилось 176 учеников и 16 преподавателей. С 14 сентября 1910 г. занятия начались в новом, специально построенном здании на углу Мерзляковского и Медвежьего переулков, с оборудованными кабинетами для занятий природоведением, физикой, химией, т.е. совсем рядом с местом расположения в Столовом переулке Арбатской полицейской части.

Александр Ефимович Флеров, живший в собственном доме при гимназии (Медвежий переулок, д. 4), стал ее почетным попечителем. В книге «Вся Москва на 1914 г.» отмечено, что «мужская гимназия, учрежденная А.Е. Флеровым, пользуется всеми правами правительственных гимназий». В ней обучались преимущественно дети состоятельных родителей (причем разных вероисповеданий), многие из семей лиц интеллигентских профессий. При гимназии было общество вспомоществования недостаточным ученикам, выдававшее стипендии нуждающимся. Впечатления о гимназии предреволюционных лет, ее учениках и учителях находим в воспоминаниях биолога-генетика Н.В. Тимофеева-Ресовского (раздел на с. 58–74 его книги «Воспоминания» (М., 1995)) и его друга с гимназических времен филолога А.А. Реформатского, актера И.В. Ильинского и других прославленных ее выпускников.

А.Е. Флеров был редактором-издателем журнала «Педагогическое обозрение». Первый директор гимназии, известный географ Александр Сергеевич Барков (1873–1953), уже тогда имел репутацию выдающегося педагога-методиста (он преподавал в единственной казенной мужской гимназии Арбатской части — Пятой, на углу Большой Молчановки и Поварской). Когда в 1944 г. определили состав организованной в 1943 г. Академии педагогических наук РСФСР, профессор А.С. Барков оказался среди первых ее тринадцати действительных членов, и справочник Российской академии образования «Персональный состав. 1943–1993» начинается с его портрета.

Среди гимназических учителей были преподававшие в высших учебных заведениях, авторы научных трудов, учебных пособий, научно-популярных книг. Н.В. Тимофеев-Ресовский, пришедший в гимназию в начале 1914 г., а до того учившийся в Первой киевской классической гимназии (выпускниками которой были те, чья жизнь и творчество позднее оставили след в истории Москвы, — писатели М.А. Булгаков, К.Г. Паустовский, актеры И.Н. Берсенев, А.Н. Вертинский, ученые Н.П. Анциферов, А.А. Богомолец, Л.А. Зенкевич, Е.В. Тарле, первый советский нарком А.В. Луначарский и другие, некоторые из них тоже стали «арбатцами»), утверждал: «Флеровская гимназия была в те времена во многих отношениях замечательная. Во Флеровской гимназии был необычайно высокий даже для столичных гимназий... процент талантливых учителей». Он увлекательно рассказывает о том, как директором поддерживались кружки; хотя Барков и говорил, «что официально я не обязан знать, но устраивайте кружки», однако сам вне стен гимназии принимал участие в географическом кружке.

Преподаватель природоведения С.И. Огнев впоследствии стал автором много томного издания «Звери СССР», преподаватель физики профессор А.В. Зингер — автор учебников по физике и в то же время переведенной на иностранные языки «Занимательной ботаники». Эта книга стала эталоном для других «занимательных» пособий. Его ассистент по Коммерческому институту Я. Перельман сочинил «Занимательную физику» и «Занимательную математику». Преподаватель русского языка и литературы В.М. Фишер, тоже автор учебных книг и исследований и о русской, и о зарубежной литературе, рекомендовал учащимся некоторые учебники и хрестоматии, а сам «читал интересное», раз в месяц спрашивая то, что нужно было выучить, и — вспоминает Тимофеев-Ресовский — «всем, включая уже в то

время безнадежных математиков, физиков и естественников, привил любовь к настоящей хорошей литературе».

В советские годы школа получила имя знаменитого норвежского исследователя Арктики и видного общественного деятеля Фритьофа Нансена, организовавшего в 1921 г. международную помощь голодающим Поволжья; в 1923 г. он был удостоен Нобелевской премии мира. В 1921 г. Нансену присвоили звание почетного члена Моссовета, его портрет с автографом висел на стене кабинета директора школы (очевидно, еще со времен Баркова), а большой портрет маслом украшал актовый зал. В 1925 г. директором школы стал Иван Кузьмич Новиков (1891–1959), обретший известность как видный деятель советской педагогики. Десятилетие его работы в школе было отмечено статьей Карла Радека в газете «Известия». Он — автор вышедшей двумя изданиями учебно-методической книги «Организация учебно-воспитательной работы в школе: из опыта 110-й мужской средней школы Москвы» (во втором издании 1950 г. — около тридцати печатных листов). И.К. Новиков едва ли не первым из педагогов-практиков был избран в 1950 г. членом-корреспондентом Академии педагогических наук (по специальности «школоведение»).

Когда в 1944 г. состоялось первое массовое награждение учителей, двое из 110-й школы — И.К. Новиков и учитель русского языка и литературы Иван Иванович Зеленцов — получили высшую тогда награду — орден Ленина, а учительница математики Вера Акимовна Гусева — орден Трудового Красного Знамени. После введения раздельного обучения И.И. Зеленцов перешел в женскую школу № 100 — бывшую женскую гимназию Брюхоненко, где началась его преподавательская работа в Москве в революционные годы. Вскоре после возвращения к совместному обучению здание бывшей Флеровской гимназии было передано детским учебным заведениям Московской консерватории, 110-я и 100-я школы объединились, и название 110-й школы перешло к этой новой школе. (Правда, без имени Нансена, которое было заменено в предшествующие годы именем академика Н.Д. Зелинского, когда школа приобрела химический уклон.)

И уже во дворе новой 110-й школы, на углу Столового и Ржевского переулков, был поставлен памятник не вернувшимся после Великой Отечественной войны учителям и учащимся школы имени Нансена «Реквием. 1941» работы выпускника школы фронтовика Д. Митлянского, изобразившего пятерых своих соучеников. Это осуществлено было усилиями учителей и выпускников школы и на их средства. Больше всего приложила стараний В.А. Гусева. Фотография, изображающая пожилую учительницу в день открытия памятника, не раз воспроизводилась в печати. К ужасу нашему, с начала 1990-х гг. памятник стал подвергаться глумлению — выворачивали штыки и бронзовые буквы с доски с именами погибших. И потому в юбилей Арбата решено было перенести памятник на безопасное место — теперь он прикреплен к стене школы со стороны Ржевского переулка, над тротуаром, над головами прохожих. Выпускникам школы того же года, что и запечатленные в памятнике, посвящен недавний фильм известного кинодокументалиста М.Е. Голдовской «Дети Ивана Кузьмича». И памятную доску с изображением И.К. Новикова открыли тоже в вестибюле новой 110-й школы.

Выпускницы 100-й школы несколько лет назад начали готовить сборник статей и воспоминаний, посвященных Ивану Ивановичу Зеленцову (составитель Г.Д. По-

невежская). Затем к ним присоединились те, кто учился у И.И. Зеленцова в 110-й школе имени Ф. Нансена. Позже обратились к помощи рыбинских краеведов (там он преподавал до революции). Теперь сборник материалов, включающих и то, что было напечатано прежде об И.И. Зеленцове, озаглавленный «“Ты, солнце святое, гори!” Книга об учителе российской словесности Иване Ивановиче Зеленцове», подготовлен при содействии АО «Московские учебники и картолитография»^{*}.

Выпускники 110-й школы писали не только об Иване Ивановиче, но и о других своих учителях, о соучениках, о школьных годах, о влиянии школы на их дальнейшую жизнь.

Три статьи этого сборника помещаются и в нашем альманахе. Авторы их — геолог, профессор Московского университета, академик Российской академии наук Евгений Евгеньевич Милановский, физикохимик академик Российской академии образования и иностранных академий наук Евгений Дмитриевич Щукин, покойный профессор Всероссийского государственного института кинематографии доктор философских наук Артем Григорьевич Дубровин**.

История Флеровской гимназии — школы имени Нансена — несомненно может быть темой и исследовательских трудов, и научно-популярных в сфере не только истории педагогики, но и общественной жизни, тем самым и истории «арбатства».

ПРИЕМЫ В КРЕМЛЕ В ЧЕСТЬ ПОЛЯРНИКОВ

Юрий Александрович Поляков — не только виднейший специалист по советскому периоду нашей истории, умело использующий мемуары в своих многообразных исследованиях и публицистических трудах, но и даровитый мемуарист, формирующий источниковую базу этой истории и отечественной историографии. Воспоминания — по определению Ю.А. Полякова — «особый жанр, позволяющий мемуаристу... ограничиться теми чертами, которые особенно запомнились». А оказавшись на Пречистенке — улице своего «отрочества и юности», замечает: «...и вдруг щемяще и настойчиво ощутил глубину минувшего. Вдруг ощутил, что со мной какие-то штрихи десятилетий, приметы времени, которые проходили на моих глазах, отразив, как небо в лужице, целую эпоху»¹. И потому я позволил себе для сборника в честь академика Ю.А. Полякова предложить воспоминания о кремлевских банкетах периода сталинского террора, о деталях, врезавшихся в память человека, неожиданно оказавшегося в такой обстановке и потому обостренно примечающего необычное.

^{*} Книга вышла в 1997 г.; второе изд. — в 2000 г. — *Ред.*

^{**} Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1997. Вып. 1. С. 424–437. — *Ред.*

Заметкам можно было дать и подзаголовок: «Впечатления “сына Шмидта”». Ибо именно потому мог оказаться на кремлевских приемах, в тех обстоятельствах воспринимался только так и сам понимал это. О.Ю. Шмидт в ту пору был очень заметной фигурой общественной жизни. В таком плане подхожу к написанному мною сейчас и как ученый. Жизнь и творчество О.Ю. Шмидта продолжают вызывать интерес. Меня тоже вовлекли в работу такой тематики, предложив стать консультантом уникальной по замыслу и построению книги Г.В. Якушевой — краткой энциклопедии «Отто Юльевич Шмидт — энциклопедист», изданной к 100-летию со дня его рождения². Таким образом, текст этот в определенной мере — в русле исследовательских занятий автора, и внимание в наибольшей мере концентрируется на том, что связано с биографией О.Ю. Шмидта. Это не только воспоминания, но и работа историка и источниковеда, учитывающего извлеченное из воспоминаний других лиц, современной документации, научных трудов и опирающегося на представления об истории тех лет, соответствующие моему сегодняшнему умонастроению. Это предопределяет характер ассоциаций, отступлений, примечаний.

Присутствовал на двух приемах-банкетах: 25 июня 1937 г. — в честь возвращающихся участников первой экспедиции на Северный полюс, возглавлявшейся О.Ю. Шмидтом, и 17 марта 1938 г. — в честь возвратившихся участников первой зимовки на Северном полюсе — четверки папанинцев (И.Д. Папанина, Э.Т. Кренкеля, П.П. Ширшова, Е.К. Федорова). И мог сравнивать впечатления о самих приемах и о лицах, там увиденных. Прием 1938 г. казался, видимо, не совсем обычным, так как там взял слово И.В. Сталин (и речь его была зафиксирована) и были организованы танцы.

О дне 25 июня 1937 г. генерал-лейтенант авиации М.И. Шевелев в воспоминаниях «Арктика — судьба моя» пишет: «Мы, конечно, не ожидали такой встречи: ведь это был единственный раз, когда Сталин сам приехал встречать»³. На аэродроме (примерно напротив нынешней станции метро «Аэропорт») две трибуны: одна — налево, для руководителей партии — «вождей» и членов правительства, другая — направо, для родственников и знакомых участников экспедиции и остальных встречавших. Сталин и сопровождающие его лица прибыли, когда мы уже были на трибунах. Участники экспедиции, за которыми к самолетам прислали машины, сначала направились к трибуне с родными; отец в светло-коричневой замшевой куртке. Затем уже — к правительственной трибуне — там тоже поцелуи. И в кабинете квартиры Шмидта, в доме 3 на улице Грановского, и в кабинете квартиры Шевелева, в «Доме полярников» (дом 9 по Никитскому бульвару), были большие фотографии — Сталин обнимает и целует хозяина кабинета⁴. Сцены объятий особенно рьяно снимали для кино. Хроникальный фильм был показан очень скоро и почти сразу же сошел с экранов, так как там были лица, арестованные в промежутках между датами встречи и демонстрации киноленты.

Мы ехали с аэродрома в открытых машинах; тротуары улиц, балконы домов на Тверской заполнены людьми, сверху бросали листовки, с улицы — цветы; машины с «вождями» рванули первыми, а колонна машин с участниками экспедиции и их родными медленно двигалась к Боровицким воротам Кремля.

Прием (банкет) был в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Видимо, уже выработался отлаженный порядок организации подобных встреч. Сцена ос-

тавалась пустой. Перед сценой стол президиума (А.В. Ляпидевский — летчик, обладатель звезды Героя Советского Союза № 1, вспоминая прием челюскинцев и их спасателей 1934 г., так его и называет⁵) для членов и кандидатов в Политбюро и главных гостей, которых рассаживали между ними, и тоже по рангам. В центре члены Политбюро, по бокам кандидаты. Перпендикулярно к столу президиума продолжающиеся ряды столов (примерно восемь человек с каждой стороны); между такими столами одного ряда промежутки более широкие. Нам указывали номер стола и даже место (для семьи их места). Поскольку прием в честь экспедиции, возглавляемой Шмидтом, ему предложили сесть за столом президиума, между Сталиным и Молотовым, а его родным (Вере Федоровне — супруге Отто Юльевича, их сыну Волку и мне) — на первых местах ближайшего к президиуму стола (кажется, второго ряда), причем лицом к Сталину. За нашим же столом и на нашей стороне расположили семью М.С. Бабушкина во главе с самим летчиком. Напротив нас, на таких же почетных местах, но уже не лицом к Сталину, оказались родственники летчика В.С. Молокова. На ближайших к президиуму местах других столов находились М.М. Литвинов, В.И. Межлаук, с супругой, кажется, С.М. Буденный, который на исходе банкета подошел чокаться со Сталиным, и они обнялись. Накрыты столы были так, как никогда прежде не видел, поскольку не бывал в ресторанах. Но из того, что было на столе, особенно запомнил сосуд с розовыми черешнями, на которые и налегал.

В моей дневниковой записи отмечено: «...под гром аплодисментов в зал входят члены Политбюро. Продолжительные овации, крики: “Ура!”, “Ура!”... Т.т. Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Ежов, Калинин, Чубарь, Косиор, Микоян, Жданов, Андреев, Димитров, Эйхе и Постышев. Они занимают свои места. За этот же стол садятся папа, Янсон, Водопьянов, Молоков, Алексеев, Головин». Н.М. Янсон — тогда заместитель начальника Главсевморпути. М.В. Водопьянов, В.С. Молоков, А.Д. Алексеев — пилоты самолетов, совершившие посадку на лед полюса. П.Г. Головин — первый как разведчик долетевший до полюса и выбравший для него льдину. Отец говорил, что он особенно даровитый летчик.

День выдался очень жаркий, и в зале преобладали светлые тона одежды. В белом и К.Е. Ворошилов, бывший тамадой. Он выглядел крепышом, говорил с живостью и незамысловато, согласно клише тех годов, но о том, что Шмидт — «блестящий человек», искренно и темпераментно. Видимо, был какой-то зафиксированный письменно порядок тостов, потому что перед тостами он надевал роговые очки и что-то читал. Смеялся он громко, зазывающе. Это запечатлено и в книге воспоминаний М.И. Шевелева⁶.

Возле прибора Сталина на столе лежали розы. Он пил красное вино; стояли и бутылки с минеральной водой. Ворошилов же пил водку; перед ним на тарелке был куб масла, и после каждой стопки он отрезал ножом кусок его. Оказалось, что «вожди» роста ниже среднего, выше и шире в плечах казался Каганович, высоким и сутулившимся был Эйхе, и совсем низкорослыми — Ежов и Косиор; он казался еще ниже Ежова, которому добавляла рост великолепная тогда шевелюра свежесмытых волос. Сидевшие за главным столом разговаривали со своими соседями.

Обратили мы внимание на то, что Сталин касается плеча Шмидта, а тот не реагирует, вслушиваясь в то, что говорит ему Молотов. Когда потом спросил отца, как так получилось, он объяснил, что Молотов ему называл имена тех видных деяте-

лей, которых арестовали за время его отсутствия в Москве (с конца марта). Среди названных был и зам. председателя СНК СССР Н.К. Антипов. Это имя представляет интерес и в плане изучения освоения Арктики. Когда экспедиция отправлялась на Север, на аэродроме была представлена пресса, но отсутствовали официальные лица — об экспедиции впервые сообщили, когда в Кремль дошла телеграмма, отправленная уже с Северного полюса, т.е. через два месяца; и нам, родственникам, не рекомендовали болтать об экспедиции и ее назначении. Но Антипов оказался среди провожающих, поздоровался с отцом. Он и жена его сидели с супругами Папаниными в скромном домике на аэродроме. Оказывается, Антипов провожал Папанина как близкий родственник — их жены, кажется, были сестрами. (Впрочем, в книге «Лед и пламень», изданной в 1977 г., Папанин указывал и на то, что Антипов «очень помог» ему в организации экспедиции⁷.) Семейная близость подтвердилась по возвращении папанинцев.

В квартире Шмидта, на улице Грановского, был устроен прием в честь папанинцев. К тому времени Отто Юльевича удостоили права получения правительственной дачи в Горках-10; и к нему перешла как раз дача Антипова — последняя из дач на крутом берегу Москвы-реки, имевшая общий забор с дачей А.М. Горького, где тогда оставались жить родные писателя. На участке, помимо дома, было служебное помещение, где хранились спортивные принадлежности, и Папанин поинтересовался, спросив у брата Волка, обнаружено ли что-то спортивное, запрятанное им в подпол, т.е. хозяйственный Папанин ведал хозяйством этой дачи. Подобная близость с недавно высокопоставленным «врагом народа», да еще человека с большим партстажем, как правило, была чревата арестом. Обласканный самим Сталиным народный герой, казалось, мог этого уже не опасаться. Однако, полагаю, не только искренней признательностью Сталину за сделанное для него и традиционно-коммунистическим настроением своего общественного сознания, но и стремлением продемонстрировать свою преданность объясняется тот пыл и те недозволенные средства, которые стали характерны для Папанина, когда он, сменив Шмидта в Главсевморпути, в конце 1938 г. разоблачал «недостатки» в деятельности самого Шмидта и его сотрудников (к тому времени в большинстве своем уже репрессированных), квалифицируя их в духе времени как вредительские.

Папанин (как, впрочем, и некоторые другие участники экспедиции 1937 г.), после того как Шмидт оказался в опале (был снят распоряжением Сталина с поста руководителя Академии наук), стал утверждать (и в печати тоже), что не Шмидт — «настоящий организатор экспедиции и отвечающий за нее» (по определению М.И. Шевелева), задумывающийся об этом, как писали Э.Т. Кренкель и другие, еще в ледовом лагере челюскинцев, а Папанин якобы докладывал на заседании Политбюро план экспедиции на Северный полюс. Шевелев сообщает в мемуарах, что, когда прислали (видимо, в середине 1970-х гг.) ему на рецензию книгу Папанина «Лед и пламень» и книгу другого участника экспедиции с подобными утверждениями, он указывал, что «на самом деле все было не так», «Папанин не докладывал на Политбюро о планах полюсной экспедиции». «После моей рецензии в обоих изданиях («Советская Россия» и «Политиздат». — С.Ш.) был большой шум, поскольку это уже было напечатано во многих вышедших ранее книгах. Я посоветовал обратиться в ИМЭЛ, и все подтвердилось документально». В последние годы

жизни, замечает мемуарист, Папанин рассердился на него «и кричал: “Ты шмидтовец!” и добавлял невоспроизводимые слова из его любимого лексикона»⁸.

На Кремлевском банкете напряженность и настороженность явственно не ощущались (или пятнадцатилетний мальчик, возбужденный всем увиденным и испытанным в этот особенный день, не заметил этого), хотя прошли уже не только публичные процессы 1936-го и начала 1937 г., где главными обвиняемыми сделали бывших оппозиционеров, но и несколько дней назад состоялся уже закрытый процесс Тухачевского и виднейших военачальников иной партийной генерации. Правда, сидевших в зале я с моего места плохо видел. Но за столом президиума, в прямом поле моего обозрения, обращал на себя внимание образ поведения кандидата в члены Политбюро П.П. Постышева, с взъерошенными волосами, нервными движениями, не вступавшего в разговоры с соседями. И, действительно, уже попавший в опалу, он вскоре был и репрессирован.

На банкете, за спиной сидевших за столом президиума, выступали на сцене певцы, танцовщики, чтецы и музыканты. Явно довольную реакцию Сталина помню только при выступлении с куклами Сергея Образцова, придумавшего и куплеты о подвиге полярников. Образцов был, кажется, единственным, кто участвовал в концертной программе обоих кремлевских банкетов, на которых мне довелось присутствовать.

Когда мы двигались уже вместе с папой к выходу и затем стояли на ступенях дворца в ожидании машины, многие подходили к Отто Юльевичу, поздравляли его: запомнились А.Н. Туполев с супругой (собеседники благодарили друг друга — Шмидт за высокого класса самолеты, Туполев — за умелое их использование), наркомфин Г.Ф. Гринько, обнявшийся со Шмидтом, маршал А.И. Егоров, выделявшийся высоким ростом, и его красавица жена в необычном среди однотонных туалетов платье с большими яркими цветами. Она была известная киноактриса. К нам подошли участвовавшие в концерте певица Б.Я. Златогорова и С.Я. Лемешев, совершенно очаровательной тогда внешности. Хотя гнетущее нарастание террора сковывало уже тогда и чувства и мысли, победа полярников вызывала у многих и радость и гордость, казалось бы, очищала предгрозовую атмосферу.

Через девять месяцев на банкете в том же Кремле придавленность и утаиваемая напряженность были превалирующим впечатлением от наблюдаемого. Да и я, как и некоторые мои сверстники, быстро, сразу даже, повзрослел, стал более чутко воспринимать нюансы речи и поведения, овладевал и спасительным искусством мимики — «общего выражения лица», и даром интуитивного ощущения людей, которым можно доверять. Перестал вести тогда регулярные дневниковые записи — небезопасными казались и выражение своих мыслей, и упоминание о лицах, с которыми встречался или которых мог наблюдать. В сохранившейся переплетенной книге дневника вырезанные листы или части их — о чем шла речь в двух из вырезанных фрагментах, помню и сейчас. Это впечатления как раз от приема в Кремле в мае 1937 г. — недоумение от внешнего облика Н.И. Ежова, обаятельного, даже светлого при роде деятельности именно того времени, и о подкупающе симпатизирующем отношении к отцу начальника Политуправления Главсевморпути Сергея Адамовича Бергавинова, вскоре после того объявленного в печати организатором террористического акта против самого Сталина. Помнится, что пример-

но в то же время мама, пересматривая письма отца, вырезала часть письма из Крыма, передающего его рассуждения с академиком В.В. Осинским о философии Гегеля. (Члена «Общей редакции» Большой советской энциклопедии со времени ее основания, старого большевика Осинского тоже объявили врагом народа.)

Встреча папанинцев происходила сразу после окончания публичного процесса по делу «правотроцкистского антисоветского блока», убедившего в том, что судьба лиц из недавно выдвинувшейся государственно-политической элиты столь же чревата опасностями, как и сподвижников Ленина по революционному движению и первоначальному советскому строительству. Торжество встречи первопроходцев Северного полюса мыслилось как очередная демонстрация победоносного движения к светлому будущему советского народа, возглавляемого великим Сталиным, которому не могут помешать никакие происки «врагов народа», и потому должно было иметь место после «разоблачительного» процесса. Первоначально планировали начать экспедицию снятия папанинцев со льдины в конце марта. Но до того на практике не были еще знакомы с закономерностями дрейфа льдов и заранее не могли точно рассчитать место и время снятия папанинцев со льдины. И с появлением серьезной угрозы льдине стали принимать усилия к срочному и, главное, благополучному завершению экспедиции. Сняты со льдины участники экспедиции были 19 февраля. Но когда, уже на ледоколе «Ермак», добрались до Таллина, там пришлось задержаться, так как судебный процесс оказался более долгим, чем рассчитывали, ибо Н.Н. Крестинский отказался от первоначально вымученных показаний, и понадобилось время, чтобы государственный обвинитель А.Я. Вышинский смог снова сослаться на то же фальсифицированное обвинение. Осужденных расстреляли лишь 13 марта.

Только после этого можно было ледоколу с папанинцами и возглавлявшим экспедицию по их спасению Шмидтом направиться в ленинградский порт. Жены папанинцев и Мария Александровна Богуславская (жена заместителя Шмидта по этой экспедиции, переводчица, племянница актера А.И. Южина) и двое сыновей Шмидта (Вера Федоровна скончалась в июле 1937 г.) в ожидании их жили в предназначенных для полярников номерах гостиницы «Европейская». Тогда мы успели познакомиться с дворцами Царского Села, с Эрмитажем, даже с ощущением движения на буере. Затем на судне ледокольного типа «Трувор» выехали навстречу ледоколу «Ермак», и уже на нем все вместе прибыли в ленинградский порт 15 марта в 15 часов 50 минут (как указано в книге Папанина)⁹. Были и митинг, и колонна машин в городе. Э.Т. Кренкель вспоминал: «Машины двигались черепашьим шагом, с трудом протискивались через людское море»¹⁰. Машина Отто Юльевича с сыновьями была пятой, впереди четыре машины, где ехали с родными папанинцы.

Вечером 16 марта был банкет в здании напротив гостиницы, в зале Филармонии. Тут уже родственников не отделяли от героев дня; мы сидели вместе за столом, параллельном сцене, а остальные столы — перпендикулярно к этому, как в кремлевском зале. Прямо напротив нас, у ближнего края одного из столов, сидели А.Н. Толстой, его супруга Людмила Ильинична, тогда необычайно красивая, в серебристо-зеленом, с вишневыми узорами парчовом вечернем платье, и развлекавший их своими рассказами актер Н.К. Черкасов, незадолго до того прославившийся в роли профессора Полежаева в кинофильме «Депутат Балтики». Затем Толстые

подошли к нам, и подвыпивший уже писатель стал вдруг говорить о том, какой образцовый порядок и чистота в городе Берлине, и спрашивал, обращал ли на это внимание Отто Юльевич. К беседе Шмидта и Толстого вообще прислушивались вкруг, и у Толстого был великолепно поставленный от природы голос, артистизм произношения. Отец не склонен был поддерживать именно эту тему, а Людмила Ильинична, видимо, и испугалась, ибо Берлин в дни процесса фигурировал как цитадель вражды к СССР. Она пыталась остановить супруга, а затем и вовсе решительно увела его из зала, не дожидаясь, пока стали расходиться...

В поезде были салон-вагоны. Кренкель вспоминает, что на всем пути из Ленинграда папанинцев радостно приветствовали, и Папанин «выходил на остановках и произносил прочувствованные речи»¹¹. Я же помню то, что брат вскоре завалился спать в предоставленном нам с ним купе на двоих; я же остался у постели отца в большего размера помещении и рассказывал ему о том, что говорят в Москве о новых арестах. Хотя Шмидт вращался тогда «в высших сферах», обедал в кремлевской столовой, там о не объявленном публично старались не говорить, а по-настоящему дружески близких людей у него в этой среде не было (наибольшая близость была, пожалуй, с В.В. Куйбышевым, скончавшимся в начале 1935 г.). И помню, как незадолго до кончины отца, когда Отто Юльевичу, не встававшему уже с постели, прислали из райкома партии текст доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, он был особенно поражен тем, что не знал того, что Орджоникидзе умер не своей смертью. А случилось это накануне вылета экспедиции на полюс, когда Шмидт особенно часто общался с самыми «верхами». Такова была обстановка в кулуарах ЦК партии и Совнаркома!

С некоторыми обвиняемыми по процессу марта 1938 г. Отто Юльевич был хорошо знаком, особенно с Н.И. Бухариным. Показательно, что он счел возможным сохранять серию фото, изображавших встречу с ним в редакции газеты «Известия» после Челюскинской эпопеи: там и Шмидт с Бухариным, и Бухарин, целующий руку старейшей революционерке Вере Николаевне Фигнер, и Бухарин с другими лицами (потом эти фото я подарил Светлане Николаевне Бухариной-Гурвич, и их использовали как иллюстрации в книгах и статьях об ее отце). С особым уважением Отто Юльевич относился к Н.Н. Крестинскому, действенная роль которого как организатора партийной работы, наркома финансов и ведущего дипломата остается недостаточно выявленной. Помнится, как, показывая отцу помещенную в газете массовую фотографию участников какого-то съезда середины 1930-х гг., где в первых рядах выделялась его фигура с бородой, отметил тех, кого узнал, и он мне сказал: «Гораздо важнее то, что рядом такой выдающийся деятель, как Крестинский».

Последние месяцы были очень тяжелые для руководимого Шмидтом Главсевморпути. Были массовые аресты сотрудников. Помню, как Отто Юльевич, придя к концу дня (мама и я жили отдельно, но раз в неделю он обычно приходил к нам; нередко и оставался ночевать), буквально был, как говорится, сам не свой — поседевший, подавленный. Маму взволновало это, и он сказал, что его предупредили по телефону, что завтра многие его сотрудники (в их числе и заместители) не явятся на работу, так как массовый арест намечен на ближайшую ночь.

В 1937–1938 гг. сложилась тяжелейшая обстановка на трассе Северного морского пути, зазимовал не только торговый, но и ледокольный флот. Причину виде-

ли — в соответствии с установками тех лет — в неудовлетворительном подборе кадров, во вредительстве. Шевелев вспоминал: «Это был серьезный срыв всех работ в Арктике... Янсон, начальник морского управления Крастин, много второстепенных работников были арестованы. Шмидт практически остался один»¹².

Для нравов правительственной политики и системы управления показательно, что Шмидт в самый период публично демонстрируемой его славы имел и серьезные неприятности, особенно по партийной линии. Для Шмидта это время второго пика славы — и опять, как после Челюскинской эпопеи, в мировом масштабе. В огромном живописном панно для Всемирной выставки (или Выставки достижений народного хозяйства), изображавшем знаменитых советских граждан, был и Шмидт в светлом костюме (в нем он изображен в своем служебном кабинете и великим живописцем М.В. Нестеровым, которому заказали написать его портрет). Шмидта направляли в Париж на открытие Всемирной выставки и для доклада на Международном съезде по физике при выставке, и его докладу об исследованиях полюса предполагалось посвятить первое пленарное заседание съезда; затем намечен был доклад в Стокгольме (но Шмидт обратился с просьбой к Сталину и Молотову отменить поездку в связи с необходимостью участия в поисках самолета Леваневского, осуществлявшего перелет через Северный полюс)¹³.

Шмидта сделали в октябре 1937 г. заместителем председателя Центральной избирательной комиссии накануне первых выборов в Верховный Совет СССР. Утверждался порядок назначать председателем комиссии одного из руководителей профсоюзов (тогда П.Г. Москатова), секретарем — руководящего работника ЦК партии (тогда Г.М. Маленкова), заместителем председателя — видного интеллигента. Его приглашали на заседания Политбюро для обсуждения кандидатур и членов этой комиссии и в депутаты (и он рассказывал потом, что, когда при обсуждении вопроса, кого из писателей включить в комиссию, он назвал А.Н. Толстого, Молотов заметил: «Ну это было бы выдвижением от графов, давайте лучше включим Шолохова»). Его, как и Водопьянова, выдвигали кандидатом в депутаты во многих округах (это, видимо, была дозволенная форма самодеятельности), и об этом сообщали газеты. Депутатом ему предложили стать в Совете национальностей по Казанскому округу (что позднее облегчило ему организацию там работы эвакуированных учреждений Академии наук). В январе 1938 г. на открытии заседаний Совета национальностей ему поручили выступить с предложением о создании комиссии по иностранным делам, и он произнес такую блистательную речь, что из правительственной ложи сразу же поступило предложение (об этом сказал А.И. Микоян) пополнить состав комиссии самим Шмидтом¹⁴.

И в то же время после возвращения с Северного полюса, получения звания Героя Советского Союза (за руководство экспедицией) он имел и немало неприятностей и как руководитель Главсевморпути, и за «засоренность» редакции Большой советской энциклопедии (главным редактором которой оставался до весны 1942 г.), и по личной линии. В 1938 г. он получил на заседании Комиссии партийного контроля, возглавляемой М.Ф. Шкирятовым, строгое партвзыскание (оставшееся неснятым до конца жизни) за притупление бдительности и, кажется, непартийное поведение из-за романа с Асей Сырцовой, женой арестованного видного функционера 1920–1930-х гг. С.И. Сырцова, и, кажется, за ходатайство, когда ее

арестовали, об освобождении. О том, что осужденная Сырцова рассчитывала на помощь казавшегося тогда всемогущим Шмидта, узнаем из воспоминаний находившейся вместе с ней в заключении Анастасии Цветаевой.

Как отмечает И.Д. Папанин: «17 марта в четыре часа дня мы прибыли в Москву. Снова нас ждала дорога, усыпанная цветами»¹⁵. Э.Т. Кренкель пишет подробнее — и о митинге на Октябрьской площади¹⁶, о чем слабо помню. А вот о банкете в Кремле многое крепко запечатлелось в памяти.

Поскольку главными гостями в Кремле были папанинцы, а не Шмидт, то брату и мне предложили места за столом № 17, третьем от стола президиума, в одном из рядов. Соседкой моей была на крайнем месте нашего стола Клавдия Ивановна Николаева — видный тогда функционер, член ЦК партии и Президиума Верховного Совета СССР, секретарь ВЦСПС. В дальнем, противоположном углу нашего стола сидели актриса А.А. Яблочкина, главный дирижер Большого театра С.А. Самосуд. Знакомых лиц по газетам и кинохроникам было меньше, чем в 1937 г. Теперь, находясь не напротив стола президиума, а в «гуще» зала, увидел то, что незаметно было тогда. Актеры, принимавшие участие в концертной программе, сидели за столами для гостей, но не все вместе, а по два-три человека. В зале двигались или стояли крепкие мужчины, кажется, в белых кителях с золотыми пуговицами; и когда за соседним столом некто раскрасневшийся стал говорить слишком громко, к нему подошел один из этих людей и сказал так, что и мы слышали, что его ожидает машина, и ловко вывел из-за стола. Кажется, эти же лица разносили жульен.

Групповых тостов, перехода на другие места не наблюдал. Исполнялся ритуал достаточно замедленно, с концертными номерами между тостами; все определялось в президиуме, где находились и папанинцы, и Шмидт. Вскоре после начала банкета ему предложили быть тамадой. По свойственной ему ассоциативности мышления и быстрой реактивности он, видимо, пытался тосты по заранее распределенному порядку как-то связать с содержанием концертных номеров между ними. Запомнилось, как после украинской песни, исполненной тенором Большого театра И.Д. Жаданом, он заговорил о многонациональном государстве, особенностях национальных культур и как они обогащают друг друга, и, в частности, о культуре армянского народа, и потому выпили за здоровье члена Политбюро А.И. Микояна. Когда был тост за Ленинский комсомол и его руководителя А.В. Косарева и тамада порадовался тому, что комсомольцами являются и его «дорогие здесь присутствующие сыновья», К.И. Николаева сказала, что нам обоим следовало бы пойти чокаться со Сталиным и подошедшим к нему Косаревым. Но я не решился и брату отсоветовал. Напал страх оказаться неловким, неумелым в разговоре, продемонстрировать, что у Шмидта сыновья дебилы. Так я объяснял позднее журналистам, уже в сравнительно недавнее время. Тогда же, вероятно, действовало и какое-то интуитивное чувство самосохранения; была и скромность, чтоб не подумали, что полез чокаться с самим Хозяином (как уже все величали тогда Сталина) не за свои, а за чужие заслуги.

И вдруг эту напряженную и даже утомляющую размеренность нарушил сильно подвыпивший летчик Чкалов, сидевший где-то впереди в наших рядах столов (правых, если стоять лицом к сцене). Он выскочил к столу президиума, когда тамада формулировал тост либо за Аэрофлот во главе с В.С. Молоковым, либо за летчиков вообще. Поэтому появление впереди с бокалом самого любимого летчика

страны Валерия Чкалова казалось даже уместным. Чкалов чувствовал себя как дома, явно ощущал симпатию самого Сталина, был даже, кажется, в унтах. Могучая, очень широкоплечая фигура его на фоне стола президиума казалась монументально богатырской. И хрипловатым голосом провозгласил, что готов отдать жизнь за Сталина, эмоционально обосновывая этот постулат и призывая поддержать его стремление. Понятно, что его порыв вызвал массовые аплодисменты. Кажется, даже все встали. И тогда поднялся сам Сталин и начал говорить. Почти сразу установилась полнейшая тишина. Тем более что Сталин говорил негромко.

Текст выступления Сталина, извлеченный из подготовительных материалов для четырнадцатого тома его сочинений, опубликован М.А. Леушиным в 1998 г. с заголовком «“Пью за тех, которые хотят жить”: Тосты И.В. Сталина на приеме папанинцев в Кремле 17 марта 1938 года»¹⁷. Следовательно, все было подготовлено для возможной стенографической записи на заседании или даже звукозаписи. Полагаю, что в основе напечатанного текста — звукозапись, так как переданы интонационные особенности речи, нарочито подчеркнутое «тлидцать тли года» (вместо «тридцать три»), «дён на десять», — в стенограмме более вероятным было бы «дней на десять» (как и в дальнейшем тексте); отмечены даже особенности смеха (просто «смех», «общий смех», «шумный смех», «одобрительный смех»). Сталин говорил 25–30 минут, не менее.

Это выступление — интересный документ для изучения и личности Сталина, и общественного сознания и ментальности той поры, и конкретных исторических обстоятельств (в том числе, а быть может и особенно, имеющих отношение к судьбе О.Ю. Шмидта). Если Сталин даже заранее решил, что выступит на этой встрече и фиксировавшие его речи были об этом предупреждены, в выступлении его явственно заметны признаки экспромта, чувствуется даже несвойственная известным нам речам Сталина недостаточная организация материала, повторы. Сталин, можно полагать, до того уже и подвыпил. И его выступление скорее напоминало речи на дачных застольях в сравнительно небольшом кругу лиц, чем на большом официальном приеме в Кремле. Отец, не раз бывавший на приемах в Кремле, говорил мне позже, что не припомнит, чтобы Сталин там в такой манере и столь долго говорил. Возможно, что это было и разрядкой после напряжения в дни московского судебного процесса.

В выступлении Сталина — положения, характерные и для других его выступлений, и для пропаганды той именно поры: и о присущей только для руководителей СССР, в отличие от мира капитализма, заботе о простом человеке; и о высокой оценке советской властью наших героев («Героям нет цены, стоят миллиарды»; «Мы научились, как советские люди, ценить людей по их подвигам!»). С этого и началось выступление: с похвалы Чкалову и утверждения, что «там, на Западе, во Франции, в Германии, в Англии, в Америке, героев не создают, уверяю вас». И противопоставление Западу: «А что такое подвиг, чего он стоит? Никакой американец, никакой француз, никакой англичанин вам этого не скажет, потому что у него есть одна оценка — доллар, стерлинг, франк...», и потому нельзя было рассчитывать на иностранцев при спасении папанинцев. И тостового стиля формулировки: «...за то, чтобы европейско-американский критерий прибыли, выгоды, профита у нас был похоронен в гроб! За то, чтобы мы, советские люди, не пресмыкались перед за-

падниками (так в тексте. — С.Ш.), перед французами, перед англичанами и не заискивали перед ними! За то, чтобы мы, советские люди, усвоили, наконец, новую меру ценности людей...» с эффектной заключительной фразой: «Только мы, советские люди, поняли, что талант, мужество человека — это миллиарды миллиардов презренных долларов, презренных стерлингов, презренных франков!» Все восприняли это как конец тоста, тем более что до того были отмечены героизм папанинцев и спасавшего их капитана Ульянова и что денег готовы были израсходовать «страшно много», что «непонятно... европейцам и американцам». И потому «слова Сталина покрываются бурной овацией всех присутствующих».

Но Сталин, переждав, заявил: «Я еще не кончил. Товарищ Чкалов говорит — «Готовы умереть за Сталина»...» И начался своеобразный спектакль, вероятно, в какой-то мере предвиденный Сталиным, знавшим стиль поведения Чкалова. Сталин провозгласил, что должно жить как можно дольше, а не умирать, «что тяжело, но не так уж трудно» («Я очень извиняюсь за грубость, меня некоторые вообще считают грубым, — умереть всякий дурак способен»), и в стиле тоста: «Я пью за тех, которые хотят жить как можно дольше, за победу нашего дела!»

Неугомонившийся Чкалов от имени всех Героев Советского Союза заверил Сталина: «...будем драться, как даже он не знает» и «созывает всех присутствующих Героев Советского Союза» — как отмечено в тексте (видимо, из тех, кто сидел за небольшими столами, так как образовалась группа лиц, в основном летчиков, но находившиеся за столом президиума Папанин и Шмидт — тоже Герои Советского Союза, — кажется, оставались на своих местах). Сталин призывает выпить за здоровье этих Героев и «за здоровье молодежи, которая нас, стариков, переживет с охотой!». Чкалов под возгласы одобрения восклицает: «Никто из присутствующих здесь не захочет пережить Сталина, никто от нас Сталина не отнимет, никому не позволим Сталина от нас отнять», готовы отдать Сталину легкие, сердце, ногу...

Тогда происходит впечатляющий диалог:

Сталин: Сколько Вам лет?

Чкалов: Мое сердце здоровей Вашего; и я отдам его Сталину.

Сталин: Сколько Вам все-таки лет?

Чкалов: Тридцать три.

Сталин: «Дорогие товарищи большевики, партийные и беспартийные, причем иногда бывает, что непартийные большевики куда лучше партийных. Мне 58 лет, пошел 59-й. Товарищу Чкалову тлидцать тли. Так вот, я вам советую, дорогие товарищи, не ставить себе задачу умереть за кого-либо...» И призывает «жить и бороться», и развивает эту мысль, заканчивая словами: «За людей, идущих вперед, за наших храбрых, мужественных, талантливых товарищей! За Чкалова, ему тлидцать тли!» (смех, шум, аплодисменты).

Вслед за тем Сталин сделал еще «маленькую поправку к тосту Шмидта», предлагая выпить не только за В.С. Молокова-героя, но и за то, что он «скромный, простой человек, не требующий большого блеска». После театрализованной самостоятельности понятен был переход к актерам по профессии, начиная с И.М. Москвина (который как депутат Верховного Совета СССР находился, видимо, близко от него): «За людей, которые чувства народные передают на сцене. За Москвина!» (Привлекает Москвина к себе: «Таперича он попался, не уйдет от нас.») «За Стани-

славского! Стоит ли его здоровье выпить?» (Москвин: «Стоит».) «За Художественный театр! За Москвина, за Станиславского, за Немировича-Данченко и за всех тех, которые стараются через театр выражать чувства советского народа, чувства крестьян, рабочего класса, интеллигенции».

И это было еще не все. Хозяин явно разошелся и снова, обратившись: «Товарищи большевики, партийные и непартийные!», — стал говорить о том, что папанинцам должно «дать отдых дён на десять». А когда Папанин поблагодарил его за «отцовскую заботу», сразу же парировал: «Какую отцовскую? Я — комсомолец. Скорее он мне отец, а не я ему отец». И после нескольких еще фраз закончил так: «Дать папанинцам отдохнуть дней 10, а потом посмотрим».

Однако в этой оживившей всех, давшей явно положительную разрядку речи были, в начальной ее части, выражения, вызывавшие тревогу за Шмидта. И это было заметно не только Шмидту. Сталин сказал: «Папанин со своей группой переживал на льдине большой кризис. Стало нам известно — раньше мы этого не понимали, — что лед, идущий с полюса, прибывает к гренландским берегам, а если людишки имеются на льдине, они погибают (небезлюбопытно и употребление слова «людишки» из лексикона Ивана Грозного, фильм о котором по его заказу предлагал делать С. Эйзенштейну. — С.Ш.). Раньше мы об этом не знали, потом узнали, встрепетнулись. Шмидт говорит, что ничего опасного нет. Мы стали его ругать — неверно это. В конце марта он хотел начинать кампанию. А мы говорили: нет уж, извините, начинайте сейчас... Мы решили никаких денег не жалеть, никаких ледоколов не жалеть. Товарищ Шмидт, у вас там ледоколы застряли на Севере (смех), застряли там, застряли там, где им застревать не следовало бы! Поехал первым Ульянов — вот мужик, морской волк! Маленький бот у него, как он там трепыхался, — вы же знаете, ребята! Шмидт ему говорит: «Ты посмотри кромку. А черта ли в этой кромке, там люди сидят, четверо героев...» И после того как раз и переход к главной мысли тоста: «...за то, чтобы люди научились ценить смелых, талантливых, способных людей, малоизвестных, может быть, но цены которым нет».

Банкет продолжался и после выступления Сталина, но под впечатлением услышанного и увиденного, сразу начав ощущать тревогу за отца, ничего не запомнил. Но показательно, что если после завершения приема июня 1937 г., когда мы вместе с отцом смешались с толпой, к нему подходило много людей, затевавших разговор, то теперь мы оказались только троим. И тем более памятна встреча с подошедшей к нам — сзади и неожиданно — дамой, выделявшейся на этом фоне и особой холерностью, и свободой обращения. Отто Юльевич представил нас ей, кажется, поцеловал руку. Дама, склонная к полноте, была в черном длинном платье до щиколоток, без украшений, с красивыми каштаново-рыжими волосами и великолепным цветом лица (если это не был макияж). Напомнила Елену Фоурман, как ее изображал Рубенс. Это была жена наркома Ежова Евгения Соломоновна, в салоне которой бывал и мой отец. Как писал потом А.И. Ваксберг, лиц, связанных с этим салоном — и О.Ю. Шмидта тоже, — склонны были объединить в антисоветскую группу после падения Ежова и самоубийства его супруги. По этому именно делу успели арестовать писателя И. Бабеля¹⁸. Но зловещий замысел не был реализован.

На этот раз после банкета были танцы в меньшего размера зале, примыкающем к Георгиевскому (во Владимирском?). Э.Т. Кренкель неточен, когда вспоминает, что

танцы были «между официальной частью и концертом»¹⁹. Концерта как такового вообще не было, были концертные номера в часы самого банкета, между тостами.

Особенно же впечатляющим для брата и меня оказалось то, что в зал, примыкающий к Георгиевскому, сидевшие за столом президиума проследовали по проходу именно рядом с нашим столом. Сразу прибавилось мужчин спортивной выправки. Но проход между рядами столов был таким узким, что им пришлось стоять у другой стороны наших столов. Мы же, задвинув стулья под столы, стоя аплодировали проходившим медленно совсем рядом с нами. Первым шел Сталин и внимательно вглядывался в незнакомые лица, кивал тем, с кем был знаком (как К.И. Николаевой). У него была пружинистая, упругая походка горца. За время с июня 1937 г. он немного поседел, причем как-то продольными полосами. Следы оспы, рябины, были заметны близ ушей и глаз. Более всего запомнились глаза — желтовато-карие, приглядывающиеся, недобрые, и вспомнилось верное определение Н.Н. Крестинского (которое слышал когда-то в семье дипломата Б.Е. Штейна, очень близкой нам с мамой) о том, что много горя принесет (или много зла сделает) этот «человек с тигриными глазами». Все вожди были примерно такого же среднего роста, как Сталин. Выше всех Л.М. Каганович, квадратно-толстым был А.А. Жданов. Очень прямо и ровно держался В.М. Молотов. Поразило изменение во внешности Ежова. На первом банкете мы сидели напротив него. И его отличала какая-то (как ни странным покажется подобное определение при его функциональной деятельности) светлость, живой, любопытный взгляд больших глаз. Быть может, он был более других сидевших тогда в президиуме спокоен за свою личную судьбу или горделиво верил в то, что на него возложена особая миссия? Когда рассказывал об этом, те же Штейны подтвердили, что и на них он произвел приятное впечатление, когда жил в посольском доме в Риме. Теперь это был неузнаваемо изменившийся внешне человек — с серым, как у кокаинистов, лицом, с потухшим, тусклым взглядом ставших маленькими глаз, со слежавшимися волосами. Никогда в жизни — ни до того, ни позднее не видел, чтобы человек так заметно изменился за такой сравнительно небольшой срок. И это изменение не от болезни, как у сразу похудевших и пожелтевших раковых больных, а как бы другой человек.

Танцевали немногие, и вообще в этом сравнительно небольшом зале с музыкантами (кажется, ансамбля А.В. Александрова) на хорах оказалось немного участников банкета. Ближе к центру зала стоял Сталин, члены президиума полукругом возле него. Отец и мы, сыновья, по бокам его, были позади. Помню, как Наталья Петровна Кренкель тронула за руку отца и сказала: «Боже мой, что он делает?» Взволнованность ее была вызвана тем, что Э.Т. Кренкель, как он пишет в мемуарах, подвыпив, пригласил на вальс певицу А.В. Нежданову, и она, в длинном зеленом бархатном платье, стала выпадать из его рук²⁰. Великолепной парой были Е.С. Ежова и широкоплечий, с чубчиком русский красавец Алексей Иванович Назаров, только что ставший на короткое время председателем Комитета по делам искусств при СНК СССР.

Но в центре внимания всех была восхитительно красивая и изящная певица Большого театра Вера Александровна Давыдова, участвовавшая до того в концертной программе. Она была одета скромно — черная юбка до полу, серебристый парчовый запашной лиф, и только орден «Знак Почета» на груди. Прическа — черные волосы, прямой пробор. Кавалером ее был один из первых Героев Советского

Союза летчик Маврикий Трофимович Слепнев, вывезший моего отца после снятия с челюскинской льдины в Америку. Они танцевали разные танцы — и западноевропейские, и, кажется, и другие, чуть ли не грузинский. Сталин как бы руководил танцами, направлял их, делал руками движения, напоминающие хлопок. Он, как, впрочем, и другие мужчины, не сводил с Давыдовой глаз. Ее танец действительно был воплощением и чарующего женского обаяния, и искусства. Не с того ли вечера закрепилась легенда об особой близости певицы с Хозяином?

Уже очень скоро в «верхах» вплотную занялись делами ГУСМП — Главного управления Северного морского пути, или, как принято его называть, Главсевморпути. Первый проект решения о работе ГУСМП в 1937 г., подписанный его начальником Шмидтом, датирован еще 28 марта 1938 г. М.И. Шевелев в главе своих мемуаров, имеющей многое объясняющий заголовок «Трудный 1938 год», описывает совещание у В.М. Молотова по поводу вывода зазимовавших в Арктике судов. Там были, кроме него и Шмидта, Л.М. Каганович, И.Д. Папанин, летчик А.Д. Алексеев. «Говорилось на том совещании очень резко о Главсевморпути, о причинах, приведших к зимовке такого количества судов. В частности, Каганович говорил о зазнайстве, о том, что Главсевморпуть родился на дрожжах славы и закружилась голова. Молотов тоже резко говорил о руководстве, которое довело дело до трагического положения»²¹.

Хотя в Главсевморпути имели место массовые аресты уже в 1937 г., возбуждали новые дела — даже против полярных летчиков, имена которых недавно были на слуху. Шмидта обвиняли в том, что он не только препятствует разоблачению «вредительских элементов», но даже покровительствует им, представляет к наградам (как ленинградских географов-полярников, бывших в свое время сподвижниками А.В. Колчака по освоению Арктики). «Серьезное недоумение и тревогу вызывает поведение и позиция... начальника ГУСМП тов. Шмидта. Ведь он как руководитель-большевик должен задавать тон, показывать пример непримиримости и образец настойчивости в проведении мероприятия по оздоровлению системы, по выявлению и изгнанию из нее всего негодного, засоряющего, срывающего работу, по выполнению, наконец, прямого правительственного требования. В действительности мы видим обратное, и со всей ответственностью я заявляю, что если бы мы так же подходили к очищению организаций от чуждых и враждебных нам людей, если бы нам в этом не помогали органы НКВД, то не было бы сделано и десятой доли того, что есть. Тов. Шмидт подходит к этим людям с какой-то особой своей меркой, резко отличающейся от партийной. Казалось бы, что если дело уже о том или ином проходимце или чужаке доходит до руководства, то нужно бы быть спокойным, и дело будет доведено до конца. В действительности получается как раз наоборот. Все, кого начинают изгонять из системы, особенно матерых чужаков и врагов, обязательно пытаются отбивать от себя наступление именем Шмидта. Обязательно обращаются к нему за защитой и, как это ни странно, ее находят. Продолжают работать в системе до сих пор, пока НКВД не придет и не арестует. Это касается не только работников номенклатуры ГУСМП, но и рядовых, которых Шмидт сколько-нибудь знает... Получается так, что, когда дело в отношении того, кого нужно немедленно изгнать, попадает к начальнику ГУСМП, — пиши пропало. Начнется волокита, оттяжка, и, если органы не вмешаются, ничего не вый-

дет...» — читаем в «политдонесении» Ленинградского политуправления ГУСМП²². Против Шмидта собирали материал и допрашивая арестованных специалистов по техническим наукам — один из них (Б.Л. Фрадкин), крупный специалист по металлу для машиностроения, оказавшийся после ареста в «шарашке», рассказывал в середине 1950-х гг., на свободе, что его заставляли подписать документ о вредных указаниях Шмидта о металле для судов полярного флота.

В принятом, наконец, постановлении Совнаркома СССР № 950 от 29 августа 1938 г. «Об улучшении работы Главного управления Северного морского пути»²³ (дело об этом вместе с отчетом о деятельности ГУСМП за 1937 г. занимает в архиве несколько томов) отмечаются существенные недостатки в работе руководства ГУСМП²⁴, важность очищения ведомства от «авантюристических чуждых элементов», «самоуспокоенность». Хотя на постановлении — гриф «не подлежит оглашению», в официальную прессу запустили информацию, где фигурировали слова о «зазнайстве и самоуспокоенности». Эти слова в то время стали широко употребительными в лексиконе, характеризующем недостатки в работе учреждения и особенно его руководителя.

Именно со Шмидтом второй раз оказалось связано происхождение «крылатых слов» советской прессы и лексики советско-партийного делопроизводства. Первый раз — фраза о том, что нет таких крепостей, которые бы не могли взять большевики (это из телеграммы, подписанной Сталиным и другими вождями после прохода ледоколом «Сибиряков» Северного морского пути в одну навигацию в 1932 г.: «Успехи вашей экспедиции, преодолевавшей невероятные трудности, еще раз доказывают, что нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевистская смелость и организованность»)²⁵. Обретшие зловещую популярность новые «крылатые слова» ничего хорошего не сулили. Но от руководства ГУСМП Шмидта освободили только в декабре 1938 г. И тогда же, видимо, фольклор полярников (а может быть, и не только их?) пополнился частушкой: «Примеров много есть на свете, / Но лучше, право, не найти: / Снял Шмидт Папанина со льдины, / А тот его с Севморпути»²⁶. Шмидту было предложено руководить Академией наук СССР, сменив на посту первого вице-президента Г.М. Кржижановского. Уже в декабре его приглашали на заседание «наверх» (видимо, Совнаркома), так как сохранилась его переписка с В.М. Молотовым о возможных кандидатах в академики из республик Закавказья. Для самого Шмидта перемена работы (хотя и снизившая его положение на ступенях иерархии) была при тех обстоятельствах благом. Он был одновременно и романтиком-новатором, и практиком-организатором, привлекал к себе людей романтического склада, и ему особенно интересны были либо такие люди, либо наивысшего класса профессионалы (ведь высокий класс ремесла предполагает умение видеть и освоить новое). Руководство Главсевморпутем, главной задачей которого стало обеспечение регулярной работы этой транспортной трассы, да еще с учетом того, что делалось на северных территориях ведомства ГУЛАГа, переставало быть ареной творческого новаторства и научных замыслов. И эти присущие Шмидту черты могли быть даже помехой в организации строгой системы взаимозависимости сфер каждодневной деятельности у различных ведомств.

Шмидт в Академии наук начал работать с энтузиазмом и энергично. В те годы президент академии В.Л. Комаров, как и его предшественник А.П. Карпинский, ис-

полнял преимущественно парадно-представительные функции. Председательствовал на заседаниях президиума первый вице-президент; он же представлял интересы Академии наук в высших советских и партийных инстанциях. Известная журналистка Л.П. Маркелова в книге 1985 г. о работе ученых в годы войны так описывает внеочередное заседание президиума Академии наук 23 июня 1941 г.: «...в зал стремительно вошел вице-президент Отто Юльевич Шмидт. В довоенные годы он был столь же популярен, как в наши дни первые разведчики космоса... Шмидт занял председательское место...»²⁷

Хотя предпринимались попытки расправиться со Шмидтом и тогда, когда он отдавался полностью работе в Академии наук. А.Я. Вышинский, став академиком, на общеакадемическом собрании 1939 г. обвинял Шмидта в том, что Академия наук из-за попустительства Шмидта недостаточно разоблачает «врагов народа». Видимо, Вышинский использовал в таком направлении и свое новое положение зам. председателя Совнаркома СССР по вопросам культуры, давая определенные установки, как узнаем из недавно изданных воспоминаний видного музееведа А.Б. Закс. В 1939 г. готовилась художественная выставка «Индустрия социализма»; мемуаристка имела возможность ознакомиться с ней до открытия и запомнила громадное полотно Ф.П. Решетникова (еще 1937 г.), изображавшее ледовый лагерь челюскинцев — «лагерь Шмидта» весной 1934 г. Во главе группы был руководитель экспедиции Шмидт с характерной бородой. «Каково же было мое изумление, — пишет А.Б. Закс, — когда через несколько дней на вернисаже я увидела эту же картину, но... вместо Шмидта стоял дородный, но незнакомый парень... “Был приказ срочно перерисовать”, — шепотом пояснили мне. Очевидно, Шмидт попал в опалу»²⁸. Но пронесло и на этот раз. Шмидт, как и Папанин, оказался среди счастливиц, избежавших ареста, хотя опалы его не миновали.

От поста руководителя Академии наук И.В. Сталин освободил его волевым решением, выведя (не считаясь с Уставом Академии наук) из состава президиума Академии наук правительственной телеграммой в апреле 1942 г. Это побудило Шмидта отдавать основные силы разработке теории происхождения Земли и планет, наметки которой появились в его сознании еще в 1920-е гг. Знаменательно, что математические расчеты первого варианта работы этой проблематики — на листах большого блокнота депутата Верховного Совета СССР и сделаны, кажется, на заседании Верховного Совета. Отто Юльевич понимал, что в том положении, в каком он оказался, ему некому будет рассказывать о сессии Верховного Совета, тем более реализовать эти рекомендации в практической организационной деятельности, ограниченной возможностями директора Института теоретической геофизики Академии наук.

Наступил, на мой взгляд, самый героический период биографии О.Ю. Шмидта, когда он — уже без софитов славы и тяжело больной развивающимся туберкулезом (легких, а затем и горла) — старался использовать всякий момент облегчения физического состояния для научного творчества: писал статьи, делал доклады, даже выступал с лекциями (он был из тех, чья лекция начала занятия в новом высотном здании Московского университета), руководил на дому семинаром, сумел создать научную «школу Шмидта» не только алгебры (заведую с 1929 г. этой кафедрой в МГУ), но и по космогонии.

В начале 1951 г. при обсуждении вопроса о новом составе президиума Академии наук Сталин неожиданно задал вопрос: «Почему в президиум не включен Шмидт?» Кто мог посметь предложить его кандидатуру, если сам Хозяин вывел его из президиума?! Ответили, что Шмидт тяжело болен, что — увы — было правдой. Но засуетились, стали предлагать внешне заметные должности. Шмидт согласился только на пост главного редактора совершенно захиревшего журнала «Природа» — ежемесячного популярного естественно-научного журнала Академии наук СССР, объяснив, что при его редакторском опыте он рассчитывает на возможность выполнять такие обязанности и при постельном режиме. Но поставил два условия: ввести в существенно обновленную редколлегию наряду с ведущими учеными и директора издательства Академии наук (им был тогда упоминавшийся уже А.И. Назаров) и ответственным секретарем редакции сделать опытного редактора и журналиста еврейской национальности (им стал Яков Борисович Коган). Он понимал, что в период обретавшего государственные формы антисемитизма такой редактор расшибется в лепешку, делая все для улучшения издания и выполнения рекомендаций главного редактора. И журнал действительно обрел новый облик в соответствии с передовой статьей № 1 за 1952 г., подписанной президентом АН СССР А.Н. Несмеяновым, но в значительной мере подготовленной Шмидтом, заканчивавшейся словами: «...вдохновляющий процесс преобразования природы должен быть отражен преобразованной “Природой” для тысяч и тысяч читателей».

Показательно для нравов в годы тоталитарного режима и то, что его утверждают и редактором журнала «Известия АН СССР, серия геофизическая», членом редколлегии журнала «Известия АН СССР, серия географическая» и серии «Классики науки». Фамилии Шмидта положено теперь снова быть на виду.

Действительно, существенным оказалось то, что напоминание Сталина о Шмидте, при поддержке работавшего в ЦК партии Ю.А. Жданова, помогло избежать организации обсуждения космогонической теории Шмидта на созванном в Академии наук первом совещании по вопросам космогонии в том разгромном стиле, как это было на совещаниях физиологов, генетиков. Более того, в цветном фильме о новейших достижениях науки предложено было заснять и выступление Шмидта на кафедре с кратким изложением его научной гипотезы — он говорил уже с трудом, имел явно болезненный вид. Но манеры опытного, любящего это дело лектора еще ощущались.

Велено было изобразить Шмидта и на заказной громадной картине (как бы в подражание знаменитому «Заседанию Государственного совета» И.Е. Репина) «Заседание президиума Академии наук СССР». Осуществление этого официального замысла поручили бригаде живописцев во главе с В.П. Ефановым. Предполагалось, что в зале заседаний с обычными местами членов президиума добавят кресла для особо почтенных (и по возрасту) академиков — среди них назвали Шмидта. Он, как и Н.Д. Зелинский, В.А. Обручев и некоторые другие, уже не в силах был посещать и заседания, и мастерскую художника. И потому его заставили надеть парадный черный костюм со звездой Героя и сфотографироваться в таком виде и в соответствующей позе в своем кабинете. Придя к нему именно в то время, я оказался свидетелем этого действия. Картину подготовили к сроку, авторы ее получили Сталинскую

премию за 1952 г. В Третьяковской галерее была выставлена и картина, и этюды-портреты академиков, в том числе и Шмидта (сделанный у него дома).

Вскоре в том же костюме он лежал в этом кабинете в гробу. Отто Юльевич скончался 7 сентября 1956 г., в пятницу, а официальные похороны могли состояться только в понедельник 10 сентября. С Отто Юльевичем прощались в зале заседаний президиума Академии наук, в доме 14 по Ленинскому проспекту, где он в 1939–1941 гг. председательствовал на заседаниях, а незадолго до того был изображен на официальной картине.

¹ Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. С. 212, 360.

² В книге помещена достаточно представительная «Выборочная библиография работ О.Ю. Шмидта и об О.Ю. Шмидте». Позднее опубликованы были об О.Ю. Шмидте еще и книги: *Никитенко Н.Ф.* О.Ю. Шмидт. М., 1992. (Люди науки); *Матвеева Л.В.* Отто Юльевич Шмидт. М., 1993. (Научно-биографическая литература); и статьи, в том числе запись беседы со мной об О.Ю. Шмидте «Свет полярной звезды» (Общая газета. 1996. 10–16 окт. № 40).

³ *Шевелев М.И.* Арктика — судьба моя: Воспоминания первого начальника полярной авиации. Воронеж, 1999. С. 86.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Цит. по: *Романов П.В.* Герой 001 // Романов П.В. Застольная история государства Российского. СПб., 2000. С. 363.

⁶ *Шевелев М.И.* Арктика — судьба моя. С. 86–87.

⁷ *Папанин И.Д.* Лед и пламень. М., 1977. С. 116.

⁸ *Шевелев М.И.* Арктика — судьба моя. С. 79–82.

⁹ *Папанин И.Д.* Лед и пламень. С. 191.

¹⁰ *Кренкель Э.Т.* РАЕМ — мои позывные. М., 1973. С. 491.

¹¹ Там же.

¹² *Шевелев М.И.* Арктика — судьба моя. С. 88.

¹³ *Есаков В.Д.* О прославленном отце юбиляра // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 227.

¹⁴ Доклады и речи на Первой сессии Верховного Совета СССР. М., 1938. С. 17–19.

¹⁵ *Папанин И.Д.* Лед и пламень. С. 192.

¹⁶ *Кренкель Э.Т.* РАЕМ — мои позывные. С. 491–492.

¹⁷ «Пью за тех, которые хотят жить»: Тосты И.В. Сталина на приеме папанинцев в Кремле 17 марта 1938 года / Публ. М. Леушина // Источник: Документы русской истории. 1998. № 4 (35). С. 85–88.

¹⁸ *Ваксберг А.И.* Царица доказательств: Вышинский и его жертвы. М., 1992. С. 220.

¹⁹ *Кренкель Э.Т.* РАЕМ — мои позывные. С. 493.

²⁰ Там же.

²¹ *Шевелев М.И.* Арктика — судьба моя. С. 93.

²² *Крылов В.В.* Соглядатай. Донос на академика О.Ю. Шмидта и его сотрудников // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 11. С. 1024–1029.

²³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 500. Л. 30–148.

²⁴ Там же. Оп. 22. Д. 2073, 2077, 2078, 2079. (Архивными сведениями я обязан Е.Л. Луначарскому.)

²⁵ Правда. 1932. 14 окт.

²⁶ *Корякин В.С.* Стахановский дрейф // Природа. 1998. № 2. С. 126.

²⁷ *Маркелова Л.П.* Оружием творчества. М., 1985. С. 7.

²⁸ *Закс А.Б.* Эта долгая, долгая, долгая жизнь: Воспоминания: В 2 кн. М., 2000. Кн. 2 (1933–1963). С. 51.

Москвоведение
и очаги
его развития

РОЛЬ МОСКВОВЕДЕНИЯ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Слово «краеведение» и в языке науки, и в языке каждодневного обихода истолковывают по-разному, но нет сомнения в том, что его признают научным термином. И поначалу полезно определить, какой смысл вкладывается в этот термин, что объединяет краеведов в наших культурных (и специально научных) и общественных интересах.

Об этом нам не раз довелось говорить в печати (в основе некоторых статей были выступления на представительных конференциях краеведов — в Полтаве в 1987 г., в Пензе в 1989 г., на семинаре в Москве в декабре 1988 г., организованных при участии или по почину Советского фонда культуры). Пожалуй, наиболее пространно — в статье, открывающей посвященный историческому краеведению выпуск альманаха ВООПИК «Памятники Отечества» (№ 1 за 1989 г.): там размышления о судьбах российского краеведения, о его истории и сегодняшних задачах. Поэтому можно, не повторяясь, ограничиться соображениями самого общего порядка, сосредоточив внимание на том, что имеет непосредственное отношение к москвоведению как сфере краеведения при широком подходе к содержанию этого понятия.

«Краеведение» — термин многозначный и сравнительно недавнего происхождения. Его не встретим ни в словаре великорусского языка Даля, ни в энциклопедическом словаре Брокгауза–Ефрона. Это — термин XX столетия, особенно употребительный в первые десятилетия советской власти, а затем как бы снова на время утерявший свое общественное и научное значение. Восстановление этого термина в прежних правах становится и своеобразной формой возрождения ленинских традиций в этой области наших представлений о культуре вообще и особенно о современной культуре.

Краеведение — это и научная, и научно-популяризаторская деятельность определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо (чаще всего — своего, родного) края (местности) во всем многообразии тематики.

Краеведение — это и форма общественной деятельности, причем такой, к которой причастны не только ученые специалисты, а значительно более широкий

круг лиц, преимущественно местных жителей. По верному определению академика Д.С. Лихачева, краеведение — «самый массовый вид науки».

Изначальный смысл слова «ведение» подразумевает не только знание (чего-то, о чем-то), но и путь к познанию, «состояние ведающего» (как объяснено в словаре Даля). Краеведение — это и метод познания от частного к общему, выявления общего и особенного, метод, опирающийся, как правило, на междисциплинарные научные связи. Краеведение поэтому является (или становится) и школой познания методик мышления, и школой воспитания — воспитания культурой (а основа культуры — память, и, следовательно, можно говорить о «воспитании историей») и воспитания общения людей: разного уровня образованности, разной степени специальной (научной, профессионально-художественной) подготовки, разного возраста и общественного положения.

Краеведческое знание — комплексное знание, обычно одновременно и историческое (шире — историко-культурное, историко-экономическое), и географическое (точнее сказать, географо-биологическое). Это способствует формированию первичных представлений (и дальнейшему развитию их) и о взаимосвязи истории и культуры, и о взаимосвязи общества и природы, т.е. экологического кругозора.

Краеведение — не только познание края, а история краеведения — не только изучение данных о таком познании в прошлом. Это всегда и способ освоения и сохранения исторического опыта. Это — отбор, а зачастую и совершенствование того, что выдержало испытание временем, проверку практикой поколений — в быту, в природопользовании, в сельском хозяйстве и промыслах, в материальной и духовной культуре и, конечно же, в сфере нравственности.

Подлинное краеведение всегда — краелюбие. И воздействие его велико и на разум наш, и на душу, и на сердце. В этом-то главный смысл все чаще повторяемых слов Пушкина о любви к отеческим гробам и к родному пепелищу: «в них сердце обретает пищу». Потому-то особенно важно и для настоящего, и для нашего будущего возбудить краеведческий настрой у школьников, привить им навыки краеведческой культуры.

Краеведческая культура — одна из основ корневой культуры человека, а следовательно, и его нравственности, гражданственности. Такой она останется и в век высокой технической цивилизации, и даже тогда, когда он насыщен социальным реформаторством. И печально, что это поняли у нас слишком поздно — после того, как краеведению был нанесен на рубеже 1920–1930-х гг. невосполнимый урон, столь тяжело отразившийся на развитии нашей культуры и нравственности.

Интерес к тому и к тем, что ближе всего, — основа интереса ко всему остальному и путь к пониманию этого «остального», к развитию общих представлений о мире и о собственно исторических явлениях, о взаимосвязи явлений и времен. Это предопределяет во многом конкретику наших представлений и о научных знаниях и источниках их, и о возможностях научного познания и его проверки и использования на практике.

Если употреблять современную научную терминологию, то можно утверждать, что фактологической опорой и устной и письменной традиции являются прежде всего краеведные знания. Эпоха, к которой восходят устные и письменные предания о Москве, — XII в. А, по крайней мере, в XVI в. выявилось уже представление

о знаменательной или, как сейчас выразились бы, судьбоносной роли Москвы в ходе отечественной истории. Это прослеживается и по общерусским летописям (точнее сказать, летописям общероссийского содержания), где Москва — наследница исторического величия Киева и Владимира, а московские князья и митрополиты — продолжатели традиций общероссийской государственности. И по местным летописям (т.е. летописям местного происхождения), особенно кратким, что помогает уяснить, какие события, происходившие в Москве или при действенном участии москвичей (как, скажем, Куликовская битва), полагалось отражать и в таких летописях. Примерно с XVI в. осознается уже и роль Москвы во всемирной истории. Схема эта затем перейдет в обобщающие исторические труды, начиная с «Истории Российской» В.Н. Татищева.

Со времен распространения в России собственно научных знаний можно говорить уже и о том, что мы называем теперь москвоведением, и соответственно о его роли в развитии краеведения и науки в целом.

И здесь допустимо несколько аспектов рассмотрения в контексте заголовка доклада. Москвоведение как область, сфера краеведения: изучение города или Московского края в целом, отдельных местностей, промышленных предприятий, имений и деревень, учреждений, в частности культурных (учебных, научных, театров, музеев, архивов и др.), памятников истории и культуры, местных обитателей и их быта, деятельности известных уроженцев или жителей Москвы и т.д. И соответственно воздействие таких работ — и их содержания, и их формы — на развитие краеведения в целом (и прежде всего, той его области, которую в 1920-е гг. удачно называли «городоведение») и особо его методики в плане расширения научно-исследовательской и культурно-просветительской проблематики.

В то же время интересно выявить и воздействие краеведческих трудов на изучение проблем так называемой большой науки. Приведем элементарные примеры: установление отраженных в названиях улиц данных о ремесле, торговле, взаимосвязи города и округа, о новопоселенцах оказывается важным для обобщающего характера выводов по социально-экономической истории или демографии; наблюдения за картой города в развитии имеют существенное значение для понимания представлений людей и Средневековья и Нового времени о городе и городской жизни вообще, о системе укреплений обороны, об архитектурном ландшафте во взаимосвязи с природой и т.д., и т.п. Или данные о Пушкине и Льве Толстом, о Сеченове и Шаляпине в Москве, о пребывании в Москве Ленина и его адресатах, конечно же, имеют значение и для изучения жизни и деятельности великих людей и важных событий общественной жизни и истории культуры.

Москва — и древний город, и давняя столица великого государства. Поэтому изучение такого города как населенного пункта, средоточия хозяйственной, политической, культурной жизни неотрывно ни от понятия о городе как характерном явлении истории человечества, ни от истории важнейших событий в нашей стране, ни от представления о России за рубежом: уже в конце XV–XVI в. Россию называли Московией, а русских — москвитами. Распространено и в первоисточниках, и в трудах историков и публицистов наименование «Московское царство». Да и сейчас в зарубежной прессе, когда пишут о мнении (голосе, роли) «Москвы», подразумевают «Советский Союз».

Другой аспект: москвоведение в истории деятельности научных учреждений, обществ, изданий, в биографиях отдельных ученых, известных трудами иной (или и иной) проблематики. Особое значение имеют в этом именно плане организация и осуществление коллективных трудов по истории Москвы, по истории Московского университета и др., а также обобщающего типа трудов по истории всей страны или отдельных областей культуры, где выделены явления московской жизни.

В XVIII в. крупнейшие тогда историки придавали большое значение краеведческим знаниям, причем во взаимосвязи и исторических и географических (В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, программы академических экспедиций), — так формировалась «академическая» традиция в краеведении, а Г.Ф. Миллер был автором трудов более «узкокраеведческой» тематики по истории Московского края. В начале XIX в. самый знаменитый тогда историк и писатель Н.М. Карамзин (имевший звание Историографа) уже после огромного успеха первых томов «Истории государства Российского» (где, особенно в примечаниях, множество данных и о прошлом Москвы) составил записку о московских достопамятностях и там образно сформулировал мысль: «Кто был в Москве, знает Россию». Так закреплялась традиция «большой» исторической науки в плане изучения Москвы, которую можно условно назвать карамзинской. Наиболее глубокое воплощение она получила в XIX столетии в трудах И.Е. Забелина — автора исследований, посвященных именно Москве и народному быту России, материалом для которых послужили прежде всего данные о московской жизни.

Из работ послевоенных лет назову книги и статьи академика М.Н. Тихомирова и недавно скончавшегося М.Т. Белявского, известного своими трудами по истории России XVIII в., музееведению, памятниковедению и в то же время книгами и статьями о Московском университете (где он был аспирантом, а затем профессором), московских улицах, кладбищах.

Все это предопределяет и такой аспект: Москва как центр, лаборатория краеведческих знаний, целенаправленного формирования методики и практических приемов краеведческой деятельности в нашей стране, определения форм взаимодействия развития краеведения и так называемой большой науки (истории, литературоведения, искусствоведения, географии и других), музейного дела, архивного дела, библиографии и, конечно же, педагогики.

Известно, что главными центрами развития научной мысли и средоточия научных сил в период распространения понятия «краеведение» были Петербург (Петроград — Ленинград) и Москва. И когда научно-методическое руководство краеведением сделалось прерогативой Академии наук, а председателем Центрального бюро краеведения стал непреременный секретарь Академии академик С.Ф. Ольденбург, проживавший в Ленинграде (там же до 1934 г. находился и президиум Академии наук), влиятельнейшие силы краеведения (и в научно-методической, и в организационной сфере) были распределены по обоим городам. Но для развития науки краеведения особое значение имело то, что история Петербурга начиналась с XVIII столетия, труды же по истории Москвы и археологические раскопки в Москве и Московском крае давали материал для исследования многих проблем истории России с древнейших времен. Следует иметь в виду и то, что в ту пору, когда Москву именовали «порфиросною вдовою», там в большей мере, чем в официальной

столице, развивалась деятельность различных общественных организаций исторического уклона, а Московский университет и существовавшие при нем Общество истории и древностей российских, а затем и Московское археологическое общество, возглавляемое Уваровыми, имели более тесные и многосторонние связи с российской провинцией, чем петербургские научные и учебные заведения. Велика была роль и Московского архива Министерства юстиции (где сосредоточены важнейшие документы по истории феодальной России) и его директора академика Н.В. Калачова — инициатора организации губернских ученых архивных комиссий — в развитии краеведения на местах.

Историками и собственно историками-краеведами сделано много для изучения прошлого Москвы. Но постепенно все в большей мере выявляются и темы по истории Москвы и Московского края, которые оказались сравнительно слабо исследованными или изучались тогда, когда не были еще введены в научный обиход важные в этом плане исторические источники. Среди таких тем: московская жизнь в послепетровском XVIII в. и в начале XIX в., до войны 1812 г., т.е. «допожарной» Москвы. Книга М.О. Гершензона «Грибоедовская Москва» — блистательное сочинение, но сколько же новых первоисточников о той эпохе узнали мы после выхода его (достаточно напомнить хотя бы о томах «Литературного наследства»)! Только в 1989 г. вышла первая книга о культурной роли московских купцов-меценатов (книга А.Н. Боханова «Коллекционеры и меценаты в России»). Конечно же, до недавнего времени мы почти не имели представления или — что еще хуже — имели искаженное представление о государственно-политической жизни собственно Москвы тех лет, когда во главе Моссовета стоял Л.Б. Каменев. Нетрудно добавить и другие примеры. Но это может и должно стать предметом особого разговора.

Сейчас же следует отметить серьезное общественно-культурное значение и научно-популярных работ, когда они имеют серьезную научную основу (книги и статьи Ю.Н. Александрова, Н.М. Молевой, В.Б. Муравьева, С.К. Романюка, В.В. Сорокина, Ю.А. Федосюка и других), и переиздания для широкого читателя некоторых давних трудов по истории Москвы (и научно-популярного и научно-исследовательского характера), предпринимаемого нашими издательствами, и прежде всего издательством «Московский рабочий», которое все в большей мере становится очагом развития москвоведения. Особо отмечу его издания, так сказать, хрестоматийного типа (или материалов, подобранных по сравнительно узкой, но именно москвоведческой тематике) и все более завоевывающие симпатии читателя серии «Биография московского дома», «Биография московского памятника», «Памятники Подмосковья», «История Москвы. Портреты и судьбы». Большое внимание краеведной тематике, связанной с Москвой и Московским краем, уделено в изданиях Московского отделения Географического общества СССР.

В недавнее время, в связи с возрождением тяги к краеведению и изучению его прошлого, немало сделано и по истории москвоведения. Накапливается уже материал и для сводных обзоров и библиографий (здесь особо велики заслуги Библиотеки им. Некрасова), и для историографических обобщений — и о научном и о массовом краеведении.

Интереснейшая по содержанию и отлично изданная книга Ю.Н. Александрова «Москва. Диалог путеводителей» (с XVIII в.) важна и в том отношении, что там ед-

ва ли не впервые с такой последовательностью показано значение подобных изданий как историографических источников, их роль в культурной жизни, а это позволяет понять и значение московских путеводителей как образцов для составления путеводителей по другим местностям.

Богатейший материал по истории Москвы и округи и об изучении этой истории и сохранении ее памятников находим в исследовании С.Б. Филимонова об обществах «Старая Москва» и других по истории Москвы и Московского края. Книга-статья об обществах, обзоры архивных материалов, перечень тем докладов и указатели издавались дважды (ВООПИК и Археографической комиссией АН СССР) ротاپринтным способом и соответственно малым тиражом. Сейчас по линии Советского фонда культуры подготовлено третье — расширенное — издание большим тиражом, высокой печатью («Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края». М., 1989). Одновременно выходит и другая книга С.Б. Филимонова (тоже с моим предисловием) «Краеведение и документальные памятники. 1917–1929 гг.». В ней много существенного и по тематике краеведения. Архивные и печатные материалы, указанные в этих изданиях, несомненно должны стимулировать дальнейшую разработку москвоведческой тематики и вернуть нам память о московских краеведах 1910–1920-х гг.

В этом же плане особо важна работа Л.В. Ивановой и ее статья об Обществе изучения русской усадьбы, напечатанная в 1-м томе альманаха «Памятники Отечества» за 1989 г. Там в начале статьи очень верное наблюдение и одновременно печальная констатация нашего неуважения к трудам предшественников: «К примеру, энциклопедия “Москва” (1980 г.) при солидном своем объеме — около 140 листов — не содержит информации ни о краеведении, ни об экскурсионном деле, ни о видных москвоведах. И единственная заметка о краеведческом музее Первомайского района еще больше подчеркивает труднообъяснимое пренебрежение собственными хорошими традициями. Напомним, что в 1928 г. в Москве и Московской губернии было 209 музеев, значительная часть которых работала именно на краеведческих материалах. В 20-е гг. Москва вообще располагала богатым опытом краеведческой работы в самых разных ее формах, начиная от музейных и кончая экскурсионными».

Выявляется все больше материалов и об охране и об уничтожении памятников истории и культуры, особенно в первые десятилетия советской власти. Здесь выделяются работы Ю.Н. Жукова, выпустившего недавно книгу «Сохраненные революцией: охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917–1921 гг.», основанную на использовании и ценных архивных материалов. Близкой тематике посвящены и работы В.Ф. Козлова, специально изучавшего историю музеев Москвы и Московской области, в частности музеев-монастырей, и предлагающего такую тематику своим студентам (по Московскому историко-архивному институту).

Понятно, что с проблемами москвоведения тесно соприкасается проблематика трудов по истории московских музеев. Такая работа ведется — и все интенсивнее — в наших музеях общесоюзного значения (Музеях Московского Кремля, Историческом музее, Центральном музее Революции СССР, Политехническом и Театральном музеях, Музее изобразительных искусств), в Музее истории Москвы, в мемориальных и других музеях, в НИИ культуры.

История экскурсионного дела в Москве отражена не только в печатных трудах видного практика и историка советского музейного дела А.Б. Закс, но и в ее ярких, насыщенных любопытными фактами воспоминаниях. Как хорошо было бы, если бы ветераны нашей культуры тоже обнаружили склонность к написанию мемуаров! Как это важно для сохранения памяти о развитии нашей культуры и ее деятелях! Пример тому — воспоминания академика Н.М. Дружинина; там — интересные страницы о Музее революции, об экскурсионном деле (сам Дружинин руководил работой по составлению первого справочника-путеводителя «По революционной Москве»), о написании многотомной «Истории Москвы» (в Институте истории АН СССР). О москвоведении в школьном краеведении узнаем из работ замечательного педагога и историка А.Ф. Родина и статей, ему посвященных, из трудов В.Е. Туманова и других о школьных музеях, особенно о музеях, собирающих материалы о Великой Отечественной войне.

Подготовке книг по истории фабрик и заводов Москвы в 1930-е гг. и архивам, содержащим документы такой тематики, посвящены исследования С.В. Журавлева. Удалось выявить немало имен видных ученых, писателей, общественных деятелей, связанных с этим начинанием М. Горького и тем самым причастных к московскому краеведению.

Значительно больше знаем теперь о заметной роли духовенства в развитии краеведения, об изучении памятников церковного зодчества и живописи. Труды такой тематики все чаще появляются в изданиях Московской патриархии, ценные сведения содержатся в исследованиях Г.И. Вздорнова и других ученых.

Возобновилось ознакомление с московскими некрополями и историей их изучения. П.Н. Миллер и другие много сделали в этом направлении еще 40–50 лет назад: работу эту поддерживали академики Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, но она осталась незавершенной. Недавно обобщающие сведения об этом стали печатать М.Т. Белявский, М.Д. Артамонов. Студент МГИАИ А.В. Иванкив занялся изучением подготовленной еще до Октябрьской революции большой, рассчитанной на широкого читателя, рукописи «Прогулки по московским кладбищам» раменского краеведа А.Т. Саладина. Пример этот показателен и в том отношении, что есть надежда выявить труды и совсем забытых московских краеведов.

Издательством «Московский рабочий» изданы книги монографического характера и популярные одновременно: А.А. Формозова об И.Е. Забелине и А.Д. Зайцева о П.И. Бартенева, сборник материалов о художнике Аполлинарии Васнецове и статей самого Васнецова, который был выдающимся общепризнанным ученым знатоком старой Москвы. Появляются все чаще и статьи об историках Москвы, «любителях» московской старины, московских коллекционерах (здесь выделяются труды В.П. Козлова об археографах и коллекционерах конца XVIII – начала XIX в.). Тема истории москвоведения отражена в выпусках историко-краеведческого альманаха «Куранты», в работах организатора этого издания Е.В. Кончина, в статьях журналов, периодических изданий («Археографического ежегодника» и других), в трудах МГУ и других вузов, в материалах научных конференций.

Целенаправленная работа по изучению личных фондов москвоведов и архивных материалов о них ведется студентами в Московском государственном историко-архивном институте. Доклад К.Е. Новохатского (в 1973 г.) о В.В. Пассеке, с име-

нем которого связано создание краеведческого типа прибавлений к Московским губернским ведомостям, был единственной студенческой работой, напечатанной в трудах Всесоюзной конференции по историографии в Смоленске (теперь готовится уже книга о Вадиме Пассеке). Основой других студенческих работ стало изучение архивных и печатных материалов Н.П. Розанова, Н.А. Скворцова, М.И. Александровского, А.И. Успенского. В МАРХИ защищена диссертация Е.Б. Овсянниковой по материалам архитектора Н.Д. Виноградова, привлеченного еще в ленинские времена к делу охраны памятников Москвы. А сколько обнаруживается неизданных трудов — и подготовленных к печати, и находившихся в стадии оформления, ценных заготовок с выписками из несохранившихся архивов, с фотографиями и зарисовками нецелевых памятников! Причем интерес могут представлять и архивы краеведов, мало известных по печатным трудам. Например, в фонде О.В. Сваричевской-Мамет (статью о котором опубликовал В.Ф. Козлов в сборнике МГИАИ 1980 г.) — материалы заседаний общества «Старая Москва», не попавшие в архивный фонд общества, редкие фотографии могильных памятников, уникальные подборки газетных вырезок об улицах, зданиях Москвы. В ЦГАОР города Москвы очень разумно поступили, приняв на хранение такой фонд. Подобные материалы успешно выявляют и собирают в Музее истории Москвы.

Данные о личных архивах краеведов, об их материалах в других архивах учитываются в составленном «Каталоге личных фондов отечественных историков» (об этом начинании можно узнать из статей В.Ю. Афиани в журналах «Вопросы истории», «Наше наследие», в альманахе «Памятники Отечества» № 1 за 1989 г.). В Археографической комиссии АН СССР будут признательны за всякие дополнительные, новые данные (адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19).

Назрело время подготовить сборники очерков о краеведах Москвы. Л.В. Иванова и я сделали заявку на такое издание, и эта инициатива встретила поддержку в издательстве «Московский рабочий». Предполагаются две-три книги очерков и о широко известных, и о полузабытых ныне краеведах, с библиографическими данными и иллюстрациями (начиная с XVIII в.), и о выдающихся ученых широкого профиля, писавших о Москве (таких как Г.Ф. Миллер, Н.М. Карамзин, в советские годы С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, Н.М. Дружинин, М.Н. Тихомиров).

Данные о краеведах следовало бы помещать в путеводители, отмечать памятными досками в музеях. Надо сделать достоянием более широкого читателя факты прямого отношения к делу охраны и изучения памятников истории и культуры людей, более известных в других сферах общественной жизни и культуры. Например, старый большевик, руководитель Истпарта М.С. Ольминский в первые послереволюционные годы ведал охраной памятников дворцов Московского Кремля (об этом — в статье Г.А. Бугославского в «Исторических записках», № 100), тогда же занят был делом охраны памятников художник и теоретик конструктивизма К.С. Малевич. И люди эти действительно охраняли памятники. Гибельное время для памятников Москвы наступило со сменой руководства Моссовета и с ослаблением влияния А.В. Луначарского как наркома просвещения и отдела музеев Наркомпроса (возглавляемого Н.И. Троцкой). Еще ждет исследователя тема: русская интеллигенция и ее выдающиеся представители и защита памятников

Москвы. Здесь выявляются любопытные факты — и позитивные и негативные — в биографиях многих деятелей культуры.

Вероятно, можно было бы организовать циклы лекций по истории москвоведения (и об этапах его), об отдельных обществах, видных москвоведах, о месте москвоведения в краеведении и вообще в истории отечественной культуры, об истории — именно истории — отдельных музеев, об изучении выдающихся памятников истории и культуры. А потом — на основании этого — подготовить брошюры, буклеты, сборники статей. Так же как и подготовить издание о разрушенных памятниках (как сделали в Ленинграде).

Следует в большей мере пропагандировать имеющиеся в Москве музеи, ведь это и очаги краеведения. Уже устал говорить, и даже в печати (в интервью в «Известиях» 5 сентября 1988 г.), о краеведении (Московскому городскому отделению ВООПИК), о важности установки на Арбате щитов с указанием расположенных в Приарбатье музеев — в начале и в конце пешеходной улицы. По Арбату «влекутся» толпы приезжих из других городов или жители отдаленных районов нашей столицы. Отнюдь не всем приятно долго смотреть и слушать то, что они встречают на Арбате. В единственный на Арбате Музей-квартиру Пушкина не попасть. А посетителям даже не ведомо, что в немногих минутах ходьбы — музеи Герцена, Гоголя, Скрябина, чуть далее — Лермонтова, Луначарского, Голубкиной. Недалеко и более известные музеи — Пушкина, Льва Толстого, М. Горького. Хочется надеяться, что Московский фонд культуры возьмется за это благое дело!*

Стоит подумать об издании карманных путеводителей «Экскурсии по Москве». Особенно теперь, когда бессовестные халтурщики подчас позволяют себе безграмотно и кощунственно говорить о людях и памятниках нашего города, даже на кладбищах (особенно на Ваганьковском — близ могил Есенина и Высоцкого). Темы экскурсии — и исторические периоды в истории Москвы, и отдельные события (1905-й, 1917 г., Великая Отечественная война и др.), и памятники культуры, события культурной жизни, топонимические (названия улиц нынешние и прежние), облик и быт Москвы в то или иное время или в плане «биографической топографии» — о жизни в Москве знаменитых людей или в связи с «биографией» знаменитых литературных героев (произведений Пушкина, Л. Толстого, Булгакова и др.). И, конечно же, о совсем недавней и современной жизни Москвы. Следует попытаться возродить традиции Н.А. Гейнике и Н.М. Дружинина, подготовивших издания такой тематики, профессоров М.Н. Тихомирова и Н.Л. Рубинштейна в Московском университете, П.П. Смирнова в Московском историко-архивном институте, лично знакомивших с Москвой и ее памятниками своих учеников. Это делал недавно профессор М.Т. Белявский. Делает сейчас Л.В. Иванова. Но много ли еще имен докторов исторических наук можно назвать в этой связи?!

Хочется, чтобы и впредь в нашей стране старались равняться на краеведческую культуру москвоведения. Ранее это была одна из славных традиций и нашего города, и российского краеведения.

* Позже благодаря поддержке префекта Центрального округа г. Москвы А.И. Музыкантского такие щиты были установлены. — *Ред.*

РОЛЬ МУЗЕЕВ МОСКВЫ В СОХРАНЕНИИ И ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В канун третьего тысячелетия заметно возрастает во всем мире интерес к проблеме культурного наследия человечества. Этой тематике была посвящена и одна из дискуссий («круглый стол») XVII Международного конгресса историков в Мадриде в 1990 г., в основу этой дискуссии был положен совместный доклад советских ученых академика С.Л. Тихвинского и С.О. Шмидта «Историки и сохранение культурного наследия человечества»¹. Отдельно мои соображения были затем изложены в статье международного сборника 1991 г. «Музеи мира»².

Для наших дней характерно то, что, рассуждая об «исторических», т.е. знаменитых в истории, современных столицах и городах, оценивают их «историческое» значение не только по памятным событиям и именам известных уроженцев и обитателей и числу выдающихся памятников истории и культуры, но и по тому, как сохраняется там историко-культурное наследие, как оно изучается и используется, какова его роль в развитии современного просвещения. Отношение к памятникам культуры прошлого — один из важнейших критериев оценки культуры современной.

И если с таких позиций рассматривать роль Москвы, и особенно музеев Москвы, в развитии культуры и общественного сознания россиян, в приобщении к культуре России приехавших из-за рубежа, становятся очевидными и исключительная роль Москвы, и отражение в этой социокультурной сфере обстоятельств нашей государственно-политической жизни — ее светлых и темных сторон, уровня научных знаний и технологий, методики воспитательно-просветительской деятельности.

Известно, что в начале XVIII в. столицу перенесли волею Петра Великого в новопостроенный Петербург, и Москва, по образному определению Пушкина, стала «порфиносною вдовою». Но она оставалась сердцем России, средоточием ее историко-культурных традиций. Венчание на царство императоров происходило по-прежнему в «первопрестольной» — в Успенском соборе Московского Кремля, в Москве первоначально заседала при Екатерине II Комиссия об Уложении — собрание сословных представителей, в Москве основали в 1755 г. первый в России университет с тремя факультетами (и первым московским музеем стал созданный в нем в 1791 г. Кабинет натуральной истории, преобразованный позднее в Зоологический музей). Близ Москвы расположена Троице-Сергиева лавра с главным учебным заведением для священнослужителей. В Москве хранились и основные документальные материалы о прошлом России (описи их известны уже с XVI в.), а позднее там образовались первые исторические архивы. Эта особая роль Москвы

Впервые опубликовано: Исторические музеи в системе культуры города: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Музея истории города Москвы (Москва, 9–10 окт. 1996 г.). М., 1997. С. 14–29.

отмечена историографом и популярнейшим тогда писателем Н.М. Карамзиным в записке «О московских достопамятностях» (1817 г.)³. И показательно, что именно в Москве составлялись в XVIII–XIX вв. наиболее фундаментальные, обобщающего типа исторические сочинения о России — Татищева, Щербатова, Карамзина, позднее Соловьева, Забелина, Ключевского.

С Москвой связано предшествовавшее появлению музеев создание коллекций памятников истории и культуры — Оружейная палата в Кремле и частные собрания, которые все в большей мере становились доступными для обозрения. Составлялись описания памятников истории и культуры, публиковались сведения о них. На рубеже XVIII и XIX вв. особо примечательным было собрание вельможи графа А.И. Мусина-Пушкина, имевшего опыт знакомства с западноевропейскими коллекциями, а в петербургский период жизни бывшего президентом Академии художеств. В его огромном особняке сходились образованные аристократы, литераторы, ученые историки-архивисты. Там были и картины великих зарубежных мастеров, и памятники материальной культуры, и, главное, бесценная коллекция древнерусских рукописей (древнейший список летописи был подарен Мусиным-Пушкиным императору, текст «Слова о полку Игореве» издан им в 1800 г.). Граф намерен был передать остальное свое богатство Московскому архиву, но не успел сделать это до начала Отечественной войны 1812 г., и все погибло в пожаре 1812 г. Работая в собрании Мусина-Пушкина, Карамзин получал там первичные впечатления о многообразии источниковой базы истории Древней Руси. В начале XIX в. Карамзин разработал рекомендации тем картин исторического содержания для выпускников Петербургской академии художеств (и некоторые из таких картин затем стали украшением зданий Московского Кремля). Он выдвинул и идею установления памятника Минину и Пожарскому.

В 1806 г. Оружейная палата в Кремле была преобразована из ведомственного хранилища драгоценных предметов старины в музей, первое здание для музея построили уже в 1810 г. Показательно, что первым научным обществом в России было возникшее в 1804 г. при Московском университете Общество истории и древностей российских, созданное для изучения и публикации документальных материалов по российской истории. (В 1805 г. основано при Московском университете и Общество испытателей природы, много содействовавшее развитию естествознания и просветительской работе в области естественных наук.) О героических страницах борьбы с игом Золотой Орды напоминала и имевшая огромный успех у московских театральных зрителей трагедия В.А. Озерова 1807 г. «Дмитрий Донской». Причем историко-культурная ценность московских реликвий уже осознавалась в достаточной мере — кремлевские и иные «исторические» достопамятности были эвакуированы в 1812 г. при приближении неприятеля.

Участник наполеоновского похода, молодой тогда еще Стендаль поражен был памятниками культуры, наполнявшими многочисленные московские дворцы. Многие из них исчезли вскоре в дни пожара.

В обстановке общественного подъема после победоносной войны с наполеоновской Францией особое значение имело издание многотомной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, переведенной затем на многие языки⁴. Пушкин назвал Карамзина Колумбом российской истории, открывшим россия-

нам прошлое своего отечества. Расширение представлений о прошлом России и о всемирно-историческом значении многих явлений этого прошлого возбудили большее внимание к выявлению и изучению памятников московской старины. Значительные усилия для утверждения в общественном сознании этих сведений приложил профессор Московского университета И.М. Снегирев⁵. Историческая тематика характерна для многих художественных, а также и псевдохудожественных произведений, черпавших факты преимущественно из «Истории» Карамзина (и основного текста, и многообразнейших примечаний)⁶. Она стала преобладающей и в прибавлениях (неофициальной части) к газете «Московские ведомости». Ее редактировал (с 1841 г.) друг Герцена В.В. Пассек, одаренный неутомимым стремлением «завлекать в знание», — там напечатано немало исторических и архитектурных описаний дворцов и монастырей, церквей и улиц Москвы⁷. Хотя первые путеводители по Москве изданы еще в XVIII в., «москвоведение» оформляется как определенная отрасль и знаний, и просветительской деятельности позднее — после записки Карамзина и ученых трудов 1830–1840-х гг.⁸

Для изучения и соответственно охраны памятников древнерусской архитектуры плодотворно было влияние графа С.Г. Строганова — многолетнего попечителя Московского учебного округа. Он обратил внимание на значение для развития русского искусства храмов Владимиро-Суздальской Руси (наследниками строителей которых мыслили себя московские архитекторы XIII–XVII вв.) и поддерживал интерес к продолжению традиций древнерусских зодчих и мастеров каменного и деревянного ремесел в основанной им в 1825 г. «Школе рисования в отношении к искусствам и ремеслам» (так называемое Строгановское училище), положившей начало специальному художественно-промышленному образованию.

В 1861 г. из Петербурга в Москву был перенесен музей, открытый согласно завещанию канцлера Н.П. Румянцева и переименованный в Московский публичный Румянцевский музей, ставший затем основой и нашей главной российской библиотеки. Музею предоставили красивейшее здание в Москве — на холме, напротив Кремля. Румянцев формировал свою коллекцию и субсидировал экспедиции для сбора рукописей и других памятников старины, имея целью создание затем музея нашего историко-культурного наследия. Думается, что такое намерение бездетных братьев графов Румянцевых с самого начала поддерживали в родственном им императорском дворе (отец их — знаменитый полководец фельдмаршал П.А. Румянцев признавался незаконным сыном Петра Великого). Еще при жизни основателя этого собрания там помимо рукописей и книг были нумизматический кабинет, минералогическое собрание и этнографическое отделение. В Москве значительное место в собрании заняли и произведения изобразительного искусства.

В Румянцевском музее, как и в музее Оружейной палаты, формировались в ту пору и музееведение, и специальные научные дисциплины — исторические или, точнее сказать, историко-филологические и историко-искусствоведческие. Там трудились, причем зачастую именно как штатные сотрудники, видные знатоки искусств и старины — историки, искусствоведы, археографы, палеографы, археологи, нумизматы, и при этом не замыкались лишь в кругу тематики своей непосредственной служебной деятельности. И.Е. Забелин — непревзойденный знаток па-

мятников письменности и музейных предметов, сосредоточенных в Оружейной палате, стал руководителем археологических раскопок и на юге страны. А Музей изящных искусств (нынешний Музей изобразительных искусств имени Пушкина) обязан своим возникновением инициативе и настойчивости работавшего в Румянцевском музее профессора Московского университета И.В. Цветаева, ставшего его первым директором (1911–1913). И показательно, что заказанная им в зарубежных хранилищах великолепная коллекция копий (слепков) памятников искусства должна была служить прежде всего учебным целям. Знаменательно и то, что С.М. Соловьев, автор 29-томной «Истории России», — профессор (а одно время и ректор) Московского университета — был одновременно директором Оружейной палаты и жил в предоставленной ему, согласно этой должности, квартире дома дворцового ведомства.

В Румянцевском музее существенно расширен был этнографический раздел, причем именно по материалам, относящимся к России (привезенные кругосветной морской экспедицией начала XIX в., они сразу же оказались в собрании Румянцева). Основу этого раздела составили материалы московской этнографической выставки 1867 г., организованной В.А. Дашковым. Тот же Дашков пожертвовал музею и большую галерею изображений русских деятелей (портретов в натуральную величину).

В середине XIX в. недалеко от Румянцевского музея, на Волхонке, была преобразована в открытый для посетителей Голицынский музей коллекция князя С.М. Голицына, но в середине 1880 г. музей был закрыт и музейные предметы проданы с аукциона.

Если с организацией публичной художественной галереи (причем и для учебных целей) дело продвигалось нескоро и инициатива коллекционера-архитектора Е.Д. Тюрина не была поддержана городскими властями, то предприятия, в осуществлении которых особо деятельными организаторами и пропагандистами были профессора, оказывались более успешными. Так организованы были и Политехнический музей, и Исторический музей.

Предшествовала тому организация летом 1872 г. Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (образованным в 1863 г.) при Московском университете к 200-летию со дня рождения Петра Великого Политехнической выставки. Экспонаты выставки и стали основой обоих музеев. Экспозиция Политехнического музея призвана была демонстрировать современные успехи российской и мировой науки (впоследствии, уже после революции 1917 г., там появились экспозиции и по истории отечественной науки и техники). В аудиториях музея читались популярные лекции виднейшими учеными, устраивались общедоступные концерты (в советские годы музей стал и аренной диспутов на общественно-политические темы, и трибуной выступлений поэтов).

Исторический музей возник по почину археолога и коллекционера А.С. Уварова и видных ученых — сотрудника Оружейной палаты И.Е. Забелина, выпускника Московского университета петербургского профессора К.Н. Бестужева-Рюмина, московских профессоров истории С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других. Причем музей сразу же был организован так, чтобы не ограничиваться экспозицией (просветительно-учебного назначения) и хранением музейных предметов, но

стать и научным учреждением, где такие предметы изучают и работают в исследовательской сфере, с этим связанной.

По уставу создаваемый музей призван был «служить наглядной истории» главных эпох прошлого нашего Отечества. Материалы музея собирались как источники познания этой истории в соответствии с принципом «предметного показа» исторического прошлого. Историческим источником можно признать все то, что источает информацию, полезную для историка. Круг исторических источников многообразен, и именно в музейной практике особенно ощутимы возможности комплексного, синтетического, сравнительного (компаративного) источниковедения, о чем в последнее время все больше пишут и в России, и за рубежом, чему посвящаются конференции последних лет, организуемые кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета и Археографической комиссией Российской академии наук⁹. Такой многообразный комплекс исторических источников использован уже Забелиным в его обобщающих трудах о быте русского народа и по истории Москвы.

Оружейная палата была музеем особых ценностей, исторических редкостей, уникальных памятников, и это отвечало первоначальному представлению и о задачах науки истории, обязанной сохранять память прежде всего об «избранных» явлениях, лицах и событиях, поражавших современников и уже тем самым поучительных и интересных потомству. Постепенно понятие об «исторически значимом» изменялось, что нашло отражение уже и в источниковедческом введении к первому тому «Истории» Карамзина — как раз в той книге, которая в детстве еще, по словам самого Забелина, приохотила его к занятиям историей. В Историческом музее должно было сосредоточивать прежде всего памятники повседневной жизни, т.е. исторические источники массового распространения (а при своем появлении обычно и массового употребления). При этом собирали, конечно, и раритеты, более того, заказывали для экспозиции копии уникалов (каменная резьба Владимирских соборов, тронное кресло царя Ивана IV из кремлевского собора и др.) и картины и фрески с изображением событий старины, опирающимся на данные рекомендованных учеными первоисточников. Забелин еще в 1871 г. предлагал «представить несколько комнат в том виде, как жили предки». Положение об особом значении письменных массовых источников он сформулировал еще ранее — в 1860 г.: «Как важны, например, все акты, записи, называемые обычно юридическими или этнографическими, особенно все те бумаги, в которых записаны не правительственные действия и распоряжения, а живые дела народа. Сыскное дело, жалобная челобитная, домашний акт и записи духовные и рядные, частные письма, расходные книги и т.д. — все это самые добрые родники для исследователя и испытателя древней жизни»¹⁰.

И Забелин старался привлечь к музейной работе таких «научно-перспективных молодых» исследователей и испытателей: и к выявлению и собиранию, и к научному описанию музейных материалов, и к исследованиям разнообразной тематики, основанным на изучении этих материалов и сопоставительном рассмотрении их с другими. В Историческом музее работали археологи В.И. Сизов, В.А. Городцов, нумизмат А.В. Орешников, знатоки памятников древней письменности

В.Н. Щепкин и М.Н. Сперанский и другие будущие классики наших гуманитарных наук; вечерние беседы с Забелиным становились, как они вспоминали, их вторым университетом¹¹.

В своей просветительской деятельности музеи много способствовали восприятию широкой публикой (и учащимися) современных научных представлений о прошлом, памятниках истории России, методики их изучения. Ведь понятия о культурном наследии изменяются. Ценностная шкала их не остается неподвижной. С распространением интереса не только к государственно-политической истории, но и к социально-экономической, к истории материальной и духовной культуры внимание общественности притягивают уже не одни лишь высокие образцы художественного мастерства, драгоценные изделия ювелиров, монументальные памятники, но и орудия повседневного труда, остатки одежды, пищи.

Учитывается и то, что выдающиеся события находят отражение не только в памятниках выдающейся формы или объема. Пример новейших десятилетий — великое открытие археологов середины нашего века — новгородские берестяные грамоты, буквально перевернувшие наши прежние суждения о грамотности, о культуре в целом жителей Древней Руси. Теперь имеются уже свидетельства того, что подобные берестяные письма имели распространение и в Москве, но почвы нашего города менее благоприятны, чем в Новгороде, для сохранения таких образцов нашего культурного наследия. Расширяется благодаря музеям и возможность познания взаимосвязи между природой и обществом и влияния этого на исторический процесс: особенно явственно это ощутимо (причем уже детьми школьного возраста!) в небольших краеведческих музеях, где разделы природы и истории расположены обычно рядом.

Большое значение не только для изучения памятников прошлого, но и для воспитания уважения к ним и памятникоохранительных представлений имела деятельность научных обществ — особенно Московского археологического общества (МАО), созданного по инициативе графа А.С. Уварова, а затем долго возглавлявшегося его вдовой графиней П.С. Уваровой, избранной почетным членом Академии наук¹². В выработке программы деятельности и ее реализации велика роль ученых профессоров (историков, филологов, географов), архитекторов. Общество организовывало Всероссийские археологические съезды в «исторических» городах, к которым обычно приурочивали выставки по истории местных достопамятностей. Труды съездов издавались. Разрабатывалась, так сказать, рекомендательная методика и археологических раскопок, и описания и реставрации памятников старины, и музейных экспозиций. Тем самым утверждалась роль Москвы как организатора и руководителя такой деятельности во всероссийских масштабах. В МАО образовалась Комиссия по сохранению древних памятников, душой которой был архитектор И.П. Машков¹³. С именами в основном московских специалистов связаны изучение и реставрация не только старинных московских храмов и стен и башен московского Китай-города, но и кремлей (замков) в Смоленске, Коломне, Зарайске, Серпухове, Туле, Нижнем Новгороде.

Позднее, в 1909 г., возникла Комиссия по изучению Старой Москвы, объединившая и ученых специалистов, и лиц, заинтересованных в более углубленном познании Москвы — ее улиц и урочищ, ее памятников, ее жителей, уроженцев, лето-

писцев. После 1917 г. базой деятельности общества «Старая Москва» стал Исторический музей¹⁴. Неутомимым организатором деятельности Комиссии был П.Н. Миллер¹⁵.

В деле изучения источников по истории Москвы и сохранения представлений о внешнем облике — и ее старины, и современном — особенно велики заслуги просвещенного коммерсанта Н.А. Найденова. По его инициативе составлялись исследования по истории Москвы и публикации документальных памятников и создана иконографическая энциклопедия Москвы — 14 альбомов аннотированных фотографий (они содержат 680 листов) с изображениями московских зданий (в их числе всех храмов), площадей, улиц (изданы в 1882–1891 гг.)¹⁶.

Во второй половине XIX в. другим коммерсантом, П.М. Третьяковым, создается редкое по богатству и продуманности отбора собрание русской живописи (прежде всего, современной), превратившееся в великую национальную Третьяковскую галерею. Такая неутомимая деятельность в определенной мере провоцировала и императорский Русский музей в столице Петербурге обращать большее внимание на приобретение произведений современников. Менее памятно имя И.Е. Цветкова, собиравшего преимущественно рисунки русских мастеров (а также и живопись). Оба они пожертвовали свои коллекции городу. В нынешнее время цветковская коллекция в лучшей своей части растворилась в Третьяковской галерее. Ценным собранием, особенно иконописи, была коллекция консультанта Третьяковской галереи живописца И.С. Остроухова. В Третьяковской галерее формировались кадры и искусствоведов, и реставраторов.

Целенаправленно стали собирать произведения и современного зарубежного искусства. Брат Павла Третьякова Сергей начал приобретать работы французских живописцев предимпрессионистской поры. С.И. Щукин и И.А. Морозов едва ли не среди первых в мире обратили внимание на импрессионистов и постимпрессионистов. Щукин свое собрание — в бывшем барском особняке князей Трубецких — открыл и как музей для обозрения. На основе этих коллекций в советские годы был создан уникальный Музей новой западной живописи, коллекции которого после Второй мировой войны разделили затем между Музеем изобразительных искусств в Москве и Эрмитажем.

В конце XIX в. по инициативе городской думы основан Музей московского хозяйства, преобразованный затем в музей, столетие которого мы отметили в 1996 г. Основой собрания музея стали экспонаты павильонов Москвы на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Художественно-промышленная выставка 1882 г. была главным толчком к образованию московским земством в 1885 г. Кустарного музея — музея произведений народного (преимущественно крестьянского) искусства. В 1902–1904 гг. для него построили в Леонтьевском переулке здание в так называемом русском стиле.

Еще прежде в близком стиле были построены огромные здания Российского Исторического музея (на Красной площади) и Политехнического музея. В подобном стиле строились и здания музеев, возникших на основе частных коллекций: П.И. Щукина (брата С.И. Щукина), собиравшего памятники русской старины (особенно народных промыслов) и материалы о войне 1812 г., на Малой Грузинской улице; созданного другим богатым коммерсантом, А.А. Бахрушиным, уникально-

го Театрального музея (ныне носящего его имя) на Зацепе; галерей изобразительного искусства — Третьяковской в Замоскворечье и Цветковской на берегу Москвы-реки, близ храма Христа Спасителя. Это во многом влияло и на музейную жизнь российской провинции — местные власти и коммерсанты-меценаты выделяли средства на организацию музеев, а сами здания музеев тоже строились в русском стиле.

После революционных событий 1917 г. первоочередной стала задача спасения частных коллекций: после Февральской революции — лиц царской фамилии, покинувших Россию, после Октября 1917 г. — и остальных.

Стремление сохранить культурное наследие, обеспечить преемственность развития культуры, приобщить к культурным достижениям общество объединило интеллигентов разных политических убеждений. И те, кто отнюдь не склонен был поддерживать идеи социалистических преобразований (даже титулованные лица), включились в сферу деятельности музеев, библиотек, архивов, краеведческих обществ. Государственные хранилища необычайно обогащаются за счет частных собраний; в Москве проводятся выставки предметов из национализированных коллекций, организуются музеи в бывших усадьбах и монастырях Подмосковья, музеи специализированного профиля.

Работа эта оказывается тесно связанной с развитием краеведения, руководство которым сосредоточивается в окружении неперменного секретаря (т.е. фактически главного делопроизводителя) Академии наук академика С.Ф. Ольденбурга (Президиум Академии наук тогда находился в Петрограде). В Москве краеведению и музейному делу начинают обучать в университете. Издается многообразная литература: среди авторов и маститые ученые, и начинающие (ставшие в последующие десятилетия светилами нашей науки). Никогда ни прежде, ни позднее не было столь плодотворных научных и просветительских результатов краеведческой работы и творческой взаимосвязи Москвы, Петрограда и провинций, как в первое послереволюционное десятилетие, ставшее «золотым десятилетием» отечественного краеведения¹⁷.

Научно-методическое руководство работой местных музеев и охраной памятников истории и культуры осуществлялось из Москвы и Петрограда силами авторитетных ученых и многих молодых радетелей культуры. В организации провинциальных музеев и высших учебных заведений также очень заметна роль москвичей. К примеру, один из лучших местных музеев — в городе Дмитрове в Подмосковье — был основан молодым выпускником университета, уроженцем Москвы М.Н. Тихомировым, будущим знаменитым академиком, с именем которого связано и возрождение в 1956 г. прикрытой в начале 1930-х гг. Археографической комиссии, и почин пожертвования в провинцию, в Новосибирск, — уже в 1965 г., накануне кончины ученого, — огромной ценности личной коллекции — «Тихомировского собрания» рукописей, старопечатных книг и икон. Открытию музея в городе Дмитрове содействовали дочери князя Д.И. Шаховского, друга академика В.И. Вернадского, и проживавший тогда в Дмитрове всемирно прославленный теоретик анархизма и ученый-географ князь П.А. Кропоткин¹⁸. Командированные из Москвы музейные, архивные, библиотечные работники очень помогли в ту пору сбережению памятников культуры, хотя, конечно, многое так и не уцелело.

В то же время целенаправленная работа подвижников культуры встречала и заметное противодействие, даже в Наркомате просвещения. Если такие тенденции поддерживали нарком просвещения А.В. Луначарский и заведующая МУЗО (Музейным отделом) Наркомпроса Н.И. Троцкая (супруга влиятельнейшего тогда политика — Л.Д. Троцкого), то политический руководитель Наркомпроса историк М.Н. Покровский ядовито писал в 1919 г.: «Охрана памятников искусства и старины стала чем-то вроде официальной мании» в советской России (и победила — увы! — затем на время памятникаоразрушительная тенденция Покровского).

В Москве образуются музеи разнообразного профиля, зачастую определяемого типом национализированной коллекции (или усадьбы). Возникают музеи мебели, фарфора, музей «Арс азиатика» (преобразованный позднее в Музей искусства народов Востока), музей дворянского быта 1840-х гг. в бывшем особняке А.С. Хомякова, где сосредоточили много подлинных вещей и старались воссоздать обстановку времени споров западников и славянофилов. Н.С. Бартрам превращает в музей — центр воспитания детей и учителей — свою, все более обогащающуюся коллекцию игрушек¹⁹. Организуются специализированные музеи по тематике революционного прошлого: Музей каторги и ссылки, Музей П.А. Кропоткина. Старый большевик С.И. Мицкевич возглавил Музей революции (в здании бывшего аристократического Английского клуба); ученым секретарем его вскоре стал будущий академик Н.М. Дружинин, под руководством которого подготовили и путеводитель по революционной Москве. С открытием в руководимом Д.Б. Рязановым Институте К. Маркса и Ф. Энгельса музея там были организованы вызвавшие международный резонанс выставки о Великой французской революции и о Парижской коммуне. Существенно обновляется — и притом с помощью виднейших тогда историков и их учеников по университету — экспозиция Исторического музея.

Это был период активной разработки планов и методики реставрации памятников российской старины. Центром такой деятельности стали созданные в 1918 г. Центральные реставрационные мастерские во главе с историком искусства и живописцем И.Э. Грабарем. Особенно много было сделано там для изучения и реставрации памятников древнерусского изобразительного искусства (икон, фресок) и архитектуры. Важно отметить, что сотрудники этого и других учреждений — П.Д. Барановский, Н.Н. Померанцев и другие — отнюдь не ограничивались регионом Москвы и Подмосковья. Так, создатель особой методики реставрации, выпускник Московского археологического института П.Д. Барановский, сформировавший (уже в послевоенные годы) научную школу, работал и на русском Севере, и на Украине, и в Белоруссии²⁰. Позже в Москве возникло Общество изучения русской усадьбы во главе с В.В. Згурой и А.Н. Гречем²¹. Энтузиасты Общества исследовали усадьбы Москвы и Подмосковья и разрабатывали методику описания комплексных памятников такого типа. В те годы особое внимание привлекают экскурсии историко-культурной направленности. Такая деятельность под руководством Н.А. Гейнике оказалась замечательной школой для многих видных музейных работников и преподавателей вузов последующих лет²².

Широкая тематика прошлого Москвы и Подмосковья по-прежнему привлекала тех, кто группировался вокруг общества «Старая Москва», душой которого

оставался П.Н. Миллер. Здесь апробировались картины и рисунки А.М. Васнецова, воспроизводящие в деталях внешний облик допетровской Москвы²³, и составлялись перечни «исторических зданий», собирались данные о московском некрополе, велась разноплановая работа (М.И. Александровский, П.В. Сытин, Н.П. Чулков²⁴ и другие) по изучению улиц и строений Москвы, адресов известных людей и т.д.

С середины 1920-х гг. стали насильственно внедрять вульгаризаторские приемы изучения и преподавания истории — и в высшей школе, и в средней школе, где историю вовсе заменили так называемым обществоведением. И в этих условиях особенно велика плодотворная для будущего науки роль музеев, где продолжали культивировать конкретно-исторический подход к остаткам прошлого и соответственно совершенствовалась методика специальных исторических дисциплин.

В конце 1920-х гг. и краеведению, и музейному делу был нанесен невосполнимый ущерб. В зловещий для нашей истории год «великого перелома» были прикрыты краеведческие общественные организации и их издания, виднейшие краеведы арестованы (за связь якобы с фальсифицированным делом академик-историков, так называемым «академическим делом» С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и других), большинство музеев специализированного типа закрыли, рассредоточив или даже растеряв их коллекции, в других была заменена экспозиция — в исторических музеях вместо подлинников, воссоздававших повседневность прошлой жизни и высокие образцы ее культуры, — доходчивые примеры вульгарной социологии. В музеях исторического профиля история послереволюционного периода подавалась тенденциозно с вычеркиванием из «истории» имен и явлений, а Музей истории Москвы имел основной темой экспозиции воплощение в жизнь Генерального плана реконструкции Москвы, оправдывавшего утраты старинных памятников архитектуры, а следовательно, и исторического облика города «сорока сороков» церквей. Ведь именно за таким описанием Москвы следуют всеми повторяемые слова Пушкина из «Евгения Онегина»:

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукрут
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Неслучайно события эти совпали по времени с массовым уничтожением памятников архитектуры, прежде всего церковных зданий. Москва лишилась ансамбля Симонова монастыря, величественного храма Христа Спасителя, построенного в XIX в., многих храмов и особняков более раннего происхождения — среди них возведенный Петром Потаповым в конце XVII в. храм Успения на Покровке (так вос-

хищавший Наполеона), храм Николы Явленного на Арбате, создававший особо привлекательный облик этой знаменитой улице, храмы в Кремле и близ его стен.

Только после возвращения к практике преподавания гражданской истории (1934 г.) и воспитания на примерах обращения к образам носителей идей государственности (вторая половина 1930-х гг.) и патриотического подъема в период Второй мировой войны снова возрастает интерес к многообразным (а не только к революционным) традициям в прошлом нашего Отечества. Тем более должно отметить значение образования таких музеев, как Литературный музей и Музей архитектуры (1934 г.), существующих в расширенном виде и поныне.

В Литературном музее, основанном В.Д. Бонч-Бруевичем (управляющим делами Совета народных комиссаров при Ленине), удалось собрать уникальную коллекцию материалов по истории литературы и общественной мысли XVIII–XX вв., включавшую и материалы, поступившие из-за рубежа, и подготовить издания некоторых из них. В Музее архитектуры особенно полно представлено все, относящееся к творчеству московских архитекторов и XVII–XIX вв., и так называемого стиля модерн начала XX в. (Шехтеля и др.).

В те годы для сохранения традиционных направлений и форм музейной работы особую роль получили мемориальные музеи. Там допускались экспозиции предметов обихода высших классов, не было навязывающих мнение этикеток — а в Москве немало подобных музеев, и работа их воспринималась как образец для деятельности провинциальных музеев мемориального профиля. Число таких музеев заметно увеличилось в послевоенные годы. Мемориальные музеи помогают получить, так сказать, типологическое представление о бытовой обстановке XIX–XX вв., о взаимосвязи с повседневностью выдающихся писателей и ученых, музыкантов, деятелей театрального и изобразительного искусств. В залах некоторых музеев (Пушкина, Герцена и других) происходят научные заседания широкой проблематики, концерты, встречи с современными литераторами, учеными, музыкантами. Там ведется и просветительская, и научная работа.

Сохраняемый и даже в какой-то мере поддерживаемый официальными учреждениями интерес к памятным местам, связанным со знаменитыми людьми, нашел отражение в работах Н.П. Анциферова и особенно Б.С. Земенкова — автора большой книги «Памятные места Москвы: Страницы жизни деятелей науки и культуры», изданной в 1959 г.²⁵ Конечно, стимулирующее воздействие на изучение памятных мест Москвы оказал юбилей 1947 г., когда отмечали 800-летие первого упоминания Москвы в летописи и подготовили к печати академическую «Историю Москвы» в нескольких томах, а также много книг и брошюр.

С изменениями в общественной жизни, происшедшими в середине 1950-х гг., стала более творческой и научно-продуктивной деятельность государственных музеев и начали возникать «народные музеи», особенно в школах, вовлекавшие в собирательскую (а иногда и просветительскую) деятельность сравнительно широкую общественность, учащуюся молодежь²⁶. Развернулась и работа по истории музеев — обобщающие материалы по истории московских музеев напечатаны были в трудах Научно-исследовательского института музееведения (статьи А.Б. Закс, А.М. Разгона и других), Государственного Исторического музея²⁷ и др. Особо заинтересовались сопоставительным рассмотрением путеводителей по

Москве на протяжении столетий (книга Ю.Н. Александрова «Москва: диалог путешественников»). Стали издаваться книги серии «Биография московского памятника» (к сожалению, издательство «Московский рабочий» с коммерциализацией своей деятельности отказалось от этой полезной практики). Вышло немало книг о Кремле и его памятниках.

К середине 1960-х гг. Москва стала средоточием общественного движения, лозунг которого — охрана памятников истории и культуры, и прежде всего памятников старинной архитектуры. Это привело к основанию Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Общество издает альманах «Памятники Отечества», в выпусках которого много материалов о Москве и Подмоскowie, о тех, кто изучал памятники этого региона.

В 1961 г. открылись для посещения Музеи Кремля. В 1960 г. открыт Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. В 1981-м — Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства. В 1993-м — Музей личных коллекций. Действует немало исторических и краеведческих музеев, военно-исторических, историко-художественных, архитектурных и музеев-ансамблей, музеев литературных и театра, музыки, естественно-научных и технических музеев²⁸.

Постепенно существенно преобразовалась экспозиция Музея истории города Москвы, что нашло отражение и в изменении его названия — до 1987 г. он назывался Музеем истории и реконструкции Москвы. Новая экспозиция помогает созданию объективного представления о прошлом Москвы и ее памятниках, о событиях выдающегося историко-культурного значения и о повседневности. К сожалению, из-за малой площади она и излишне скромная, и подчас пунктирно отражает отдельные явления, больше во временных тематических выставках. Вскоре, если будет исполнено обещание предоставить музею новое помещение, достойное и его проблематики, и богатства, хранимого в запасниках, появится возможность организации уже новой, развернутой экспозиции по истории Москвы.

В Москве организуются тематические выставки разнообразного содержания, посвященные отдельным эпохам, событиям, лицам (особенно в связи с юбилейными датами), в той или иной мере демонстрирующие наше отношение к собственно историко-архитектурному наследию. Это, в частности, проявилось в выставках, подготовленных осенью 1993 г. в связи с юбилеем 500-летия Арбата. Арбат — это не только известная своими знаменитыми жителями старинная улица, никогда не изменявшая своего названия, Арбат — обобщающее название ареала улиц и переулков центра Москвы, где с конца XVIII — начала XIX в. преобладали дома-усадебные дворян («Сен-Жерменское предместье Москвы»), а со второй половины XIX в. он оказался средоточием московской интеллигенции. Арбат и заповедное поле русской литературы, где писатели поселяли своих героев — от романов Тургенева и «Войны и мира» Л. Толстого до произведений русской, советской и эмигрантской литературы (и в первые послереволюционные годы, и в послевоенное время). Выставки были организованы усилиями нескольких (в основном исторических) музеев в выставочных залах Музея-дома Пушкина (исторической направленности) и в Литературном музее. На памятниках, визуально наблюдаемых, стараемся воспитывать и подрастающее поколение — так, к юбилею 850-летия Москвы подготовили красочную иллюстрированную маленькую энциклопедию «Азбука Москвы для детей и их

родителей», где крупным шрифтом написано понятное и интересное юным читателям, а более мелким — справочная и научная информация для взрослых.

Возрождена деятельность общества «Старая Москва» (под руководством В.Б. Муравьева) и Общества по изучению русской усадьбы (под руководством Л.В. Ивановой), издана книга о московских усадьбах, издано немало других книг и статей (прежде всего, Мосгорархивом), облегчающих занятия по программе «Москвоведение», включенной в планы учебных заведений, справочных изданий о москвоведцах («Краеведы Москвы». Вып. 1 и 2 (М., 1991, 1995); «Историки-краеведы Москвы. Некрополь» (М., 1996); «Москвоведы: справочник о краеведах, обществах и научных учреждениях» (М., 1996)), о документах, сохраняющих сведения об историко-архитектурных памятниках и их судьбе (В.Ф. Козлов и другие), книга С.К. Романюка «Москва. Утраты» (М., 1992), о памятниках истории и архитектуры, уничтоженных после 1917 г., краткая иллюстрированная история всех московских храмов, подготовленная в четырех томах П. Паламарчуком. Зримо представить здания Москвы, историю их создания помогают экспозиции в Музее архитектуры, устраиваемые там выставки. В названных и других трудах заметен существенный вклад в науку сотрудников хранилищ — музеев, архивов, библиотек.

Немало делается музейными работниками для конкретизации наших понятий о взаимосвязи Москвы с зарубежьем, для создания более полного представления о значении Москвы и ее культуры в мировой истории. В этом убеждает и организация международных выставок в Музее изобразительных искусств: «Москва — Париж» и «Москва — Берлин» и там же — многих выставок менее масштабных, и демонстрация международного значения событий Второй мировой войны в открывшемся ко Дню Победы в 1995 г. Музее на Поклонной горе, и открытие недавно филиала Музея истории города Москвы — «Палаты Старого Английского двора» (на месте, где обитали в XVI–XVII вв. английские послы), и выставки, организуемые Музеями Кремля, где богатейшее собрание памятников зарубежного происхождения, и особенно, пожалуй, выставки экспонатов музеев Москвы за рубежом. И, конечно, это находит отражение и в многообразных по темам международных конференциях с научными докладами и российских и зарубежных специалистов.

¹ *Tikhvinski S.L., Schmidt S.O. Les historiens et la sauvegarde de l'héritage culturel de l'humanité (Pour la discussion à la «table ronde») = Тихвинский С.Л., Шмидт С.О. Историки и сохранение культурного наследия человечества (К постановке вопроса на «круглом столе») / 17th International Congress of Historians. Madrid, 1990. М., 1990; Тихвинский С.Л., Шмидт С.О. Историки и сохранение культурного наследия человечества // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 44–54.*

² *Шмидт С.О. Памятники в системе развития науки и общественного сознания // Музеи мира. М., 1991. С. 98–110.*

³ *См.: Афиани В.Ю. Путеводитель императрицы // Наше наследие. 1991. № 6. С. 36–47.*

⁴ *См.: Шмидт С.О. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Всемирная история и Восток: Сб. ст. М., 1989. С. 187–202.*

⁵ *См.: Иван Михайлович Снегирев: Биобиблиографический указатель / Сост. О.Ф. Войкова. М., 1994.*

⁶ *Шмидт С.О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского = Репринт изд. 1842–1844 гг.: В 4 кн. М., 1989. Кн. 4. С. 17–27.*

⁷ *Новохатский К.Е. «Прошедшее в настоящем...»: Вадим Васильевич Пассек. 1808–1842 // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 61–76.*

⁸ Шмидт С.О. Роль москвоведения в развитии отечественного краеведения // Краеведение Москвы: Научно-методические материалы в помощь краоведам. М., 1990. С. 7–16. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 393–401.]

⁹ Источниковедение. Теоретические и методические проблемы: Сб. ст. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1969; Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977; Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод. М., 1996; Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщений научн. конф. М., 1996.

¹⁰ Отечественные записки. 1860. Т. 133. Кн. 11. Отд. 1. С. 112; см. также: Сакович С.И. К истории формирования коллекции И.Е. Забелина // И.Е. Забелин: 170 лет со дня рождения: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 104–131. (Труды ГИМ; вып. 81); Шмидт С.О. И.Е. Забелин и русская культура // Там же. С. 15–30.

¹¹ См.: Воспоминания М.Н. Сперанского о И.Е. Забелине / Подгот. С.Б. Филимонов // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 277–278.

¹² См.: Полякова М.А., Фролов А.М. Ревнители московских древностей: Алексей Сергеевич Уваров. 1825–1884. Прасковья Сергеевна Уварова. 1840–1924 // Краеведы Москвы. М., 1995. Вып. 2. С. 65–84.

¹³ См.: Бранденбург Б.Ю., Татаржинская Я.В. «Душа» Комиссии по сохранению древних памятников Московского Археологического общества: Иван Павлович Машков. 1867–1943 // Краеведы Москвы. Вып. 2. С. 120–138.

¹⁴ См.: Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989.

¹⁵ О П.Н. Миллере см. статьи М.Г. Рабиновича, С.К. Богдавленского, С.О. Шмидта в кн.: Краеведы Москвы. Вып. 2. С. 100–119.

¹⁶ См.: Иванова Л.В. Издатель и писатель по старой Москве Николай Александрович Найденов. 1834–1905 // Краеведы Москвы. Вып. 2. С. 65–84.

¹⁷ Подробнее см.: Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 27–68; Он же. Краеведение и культура России первой трети XX столетия // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 496–505.

¹⁸ Шмидт С.О. И краевед, и академик: Михаил Николаевич Тихомиров. 1893–1965 // Краеведы Москвы. Вып. 1. С. 216–236.

¹⁹ Фролов А.И. Создатель Московского музея игрушек Николай Дмитриевич Бартрам. 1873–1931 // Краеведы Москвы. Вып. 2. С. 153–164.

²⁰ См.: Бычков Ю.А. Житие Петра Барановского. М., 1991.

²¹ Иванова Л.В. Общество изучения русской усадьбы // Памятники Отечества. 1989. № 1. С. 50–55; Она же. «Такой талантливый и так много обещавший человек...»: Владимир Васильевич Згура. 1903–1927 // Краеведы Москвы. Вып. 1. С. 167–188; Греч А.Н. Венок усадьбам // Памятники Отечества. 1994. № 3/4 (32).

²² См.: Закс А.Б. Три портрета (о Н.А. Гейнике, Н.М. Дружинине, А.Я. Заксе) // Краеведы Москвы. Вып. 1. С. 248–269.

²³ См.: Филимонов С.Б. Почетный председатель общества «Старая Москва» Аполлинарий Михайлович Васнецов. 1856–1933 // Там же. С. 111–120.

²⁴ См.: Авишаров Е.Г. «...Исключительный знаток истории города Москвы...»: Михаил Иванович Александровский. 1865–1943 // Там же. С. 121–131; Романиук С.К. Верность теме: Петр Васильевич Сытин. 1885–1968 // Там же. С. 189–199.

²⁵ Муравьев В.Б. «Поправляйте и продолжайте»: Борис Сергеевич Земенков. 1902–1963 // Краеведы Москвы. Вып. 2. С. 260–280.

²⁶ См.: Туманов В.Е. Документальные памятники в школьных музеях // Документальные памятники: выявление, учет, использование. М., 1988. С. 196–251.

²⁷ См.: Проблемы экспозиционной и фондовой работы. М., 1987. (Труды ГИМ; вып. 65).

²⁸ См. справочник со сведениями о музеях и их истории: Музеи Москвы — взрослым и детям / Авт.-сост. Е.Н. Крючкова, Н.Г. Макарова, М.Ю. Юхневич при участии Е.А. Богатыревой. М., 1994.

МУЗЕИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ XV–XVI ВЕКОВ

1. Проблемы художественной культуры России XV–XVI вв., взаимосвязанные с проблемами государственно-политической истории периода становления русского «самодержавства», привлекают в последние десятилетия все большее внимание ученых в нашей стране и за рубежом. Изучение комплекса этих проблем неотрывно от изучения Москвы и ее Кремля.

Московский Кремль в XV–XVI вв. был определявшим центром развития отечественной культуры. Кремль и тяготеющие к нему производственные центры во многом определяли уровень материальной культуры. Здесь с особой очевидностью было заметно воздействие государства на общественную жизнь, литературу, искусство.

2. Доклад примыкает по тематике к докладу «Роль Государственных музеев Московского Кремля в изучении отечественной истории и культуры» на Всесоюзной научной конференции 1985 г., развивая и конкретизируя некоторые его положения.

3. Музеи Кремля и сам Кремль (как целокупный памятник культуры и в то же время средоточие многих отдельных памятников) — существенное звено источниковой базы наших знаний о России XV–XVI вв. и искусства того времени.

4. Кремлевские здания и музеи Кремля способствуют формированию и закреплению представлений обобщающего характера о средневековых городах-крепостях («кремлях»), о столичном городе позднего Средневековья, о главных храмах государства и их роли в общественной жизни, о дворцах государей, об уровне развития материальной и духовной культуры, многообразных сведениях о конкретных явлениях отечественной истории XV–XVII вв. (прежде всего государственно-политической истории, истории общественного сознания, истории культуры — особенно искусств, ремесел), а также и типологических представлений о видах и разновидностях памятников культуры той эпохи.

5. Научные труды, опирающиеся на исследование памятников истории и культуры, созданных в Кремле и находящихся ныне в его музеях, занимают значительное место в историографии (особенно о роли Москвы в политических событиях и в мировой культуре XV–XVII вв.).

6. Велико значение таких трудов для развития специальных исторических дисциплин (палеографии, сфрагистики, геральдики и др.) и особенно источниковедения, изучения источников поведенческих (на которые опираются в трудах по исторической психологии), вещественных, изобразительных, письменных (или и письменных — словесных, — и изобразительных одновременно, как Лицевой летописный свод, или даже одновременно и вещественных, и изобразительных, и письменных, как «царское место» Ивана IV в Успенском соборе).

7. Музеи Кремля играют заметную роль в формировании представлений о музее, музейных «вещах» и экспозиции, о социально-просветительской функции музея. Система экскурсий, лекций, издания книг, буклетов, открыток и т.п., отображивших Кремль в его памятниках, — существенный фактор наших знаний о России и ее международных государственных и культурных взаимодействиях.

КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ МУЗЕЯ*

От души, с лучшими пожеланиями я приветствую участников научно-практической конференции музейных работников Москвы и Московской области, избравших темой обсуждения проблему «Музей и традиции». Конференция такого содержания важна для специалистов музейного дела не только как полезная форма обмена опытом, но и для определения перспектив многообразной деятельности в сфере культуры и просвещения.

Как имеющий уже немалый стаж работы ученый и педагог, председатель Археологической комиссии Российской академии наук и председатель Союза краеведов России, признателен инициаторам и организаторам научно-практической конференции — Министерству культуры Российской Федерации и Музею революции — и надеюсь на то, что конференция о музейных традициях закрепит традицию проведения музейных конференций. А как москвич, уроженец Москвы и историк Москвы, радуюсь тому, что в канун московского юбилея уделено особое внимание роли музеев в формировании историко-культурных традиций нашего общества. Ибо хочется, чтобы Москва воспринималась не только как город знаменательных исторических событий и деятельности выдающихся наших соотечественников, но и как средоточие просветительского творчества и памятникоохранительной практики.

Представление о значительной роли музеев в обществе и в развитии культуры — достижение нового времени. Но оно прочно вошло уже в массовое сознание. И потому музей ныне — это важный фактор и культурной политики, и общественной самодеятельности.

Память, исторический опыт, как известно, в основе всех наших представлений, а не только понятий об историко-культурном наследии. Памятники истории и культуры, отобранные для напоминания о прошлом и использования следов прошлого в настоящем, в значительной своей части сосредоточиваются в музеях. В музее, в отличие от другого типа хранилищ (библиотеки, архивы), возможно восприятие прошлого и настоящего, не ограниченное тем, что извлекается из сло-

* Текст является приветствием к участникам конференции работников музеев Москвы и Московской области по теме «Музей и традиции», проходившей в Музее революции 16 апреля 1996 г.

весной информации. Именно в музее можно получить наиболее доступную информацию — историко-культурную и естественно-научную — даже без знания иностранного языка. Конечно, глубина и многообразие ее зависит от уровня подготовки воспринимающего.

У детей с музея начинается знакомство, уже более или менее научно организованное, с культурным и природным наследием. В музее дети получают и первичные представления о многообразии источников познания прошлого. В практике подготовки школьных учителей выработка умения ориентироваться в музее, извлекать информацию из музейных предметов и доходчиво внушать такие сведения учащимся — одно из условий профессионального образования. Но в музей приходят с исследовательским намерением и высококвалифицированные ученые. Историк музей особенно важен для формирования источниковедческого кругозора, умения соотнести «предметные» фрагменты («следы») прошлого с тем, что воспринимается из произведений художественной литературы и искусства.

Музей сближает общностью интересов людей разных поколений, разных социальных страт, разной культурной (тем более научной) подготовки. Для широкой общественности именно музей — символ (знаковая категория) и культуры и старины, причем в сферах и искусства и науки. Для местных жителей и, уж безусловно, для приезжих музей — не только витрина прошлого данной местности (или данной сферы общественной жизни), но и визитная карточка современной культуры (уровня общественного сознания и научно-просветительской методики). Малоознакомую местность нередко воспринимают именно через музей.

Таким образом, у музея и очень многообразные, и очень ответственные культурные и общественные функции. И место музея в жизни общества и в развитии культуры определяется не только визуально наблюдаемым в музейной экспозиции, но и просветительски-издательской деятельностью, взаимосвязями с другими хранилищами памятников истории и культуры, научными и учебными учреждениями, общественными объединениями. В этом плане следует рассматривать и организацию по инициативе музеев, в помещении музеев, при участии сотрудников музеев заседаний общественности, научных конференций.

В России давние и славные, всемирно признанные традиции музейной деятельности и практики музейного дела и развития научной мысли в сфере музееведения. Давно закрепилось в сознании и представление о важности и плодотворности взаимосвязей работы музеев и академической и вузовской науки. Уже на рубеже XIX и XX вв. организация музеев и поддержка их деятельности воспринималась как одна из важных задач интеллигентской общественности и попечительства богатых людей в сфере культуры и просвещения. Эта добрая традиция стала приметой первых лет советской власти, когда создали множество музеев (главным образом, на основе национализированных частных коллекций и зачастую в помещениях, которые сами по себе были достойны музеефикации). В деятельности этой, организованной сотрудниками Наркомпроса (А.В. Луначарским, Н.И. Троцкой и другими), объединили свои усилия и убежденные в необходимости сохранения историко-культурного наследия интеллигенты старой формации, и особенно те, кто был причастен к краеведной работе. На местах образовались тогда музеи преимущественно историко-краеведческого типа, а в Москве и Петрограде — и по более

специализированной тематике. Среди энтузиастов музейного дела тех лет знаменитые будущие историки-академики: Н.М. Дружинин, много лет работавший в Музее революции, М.Н. Тихомиров — организатор музея в городе Дмитрове Московской губернии. В период, когда насаждали (в системе Наркомпроса М.Н. Покровский, Н.К. Крупская) вульгарно-социологический подход к прошлому и схематизм в вузовском и школьном обучении истории, в работе научных институтов, в политпросветработе, именно благодаря деятельности сотрудников музеев удавалось сохранять и даже совершенствовать навыки научного «ремесла» историка — без этого немислимо было ни атрибутировать, ни описать музейные предметы (особенно в музеях мемориального профиля).

На рубеже 1920–1930-х гг., в зловещее время «великого перелома», историко-культурное краеведение было разгромлено, тесные творческие взаимосвязи краеведения и «большой» науки порушены, многие музеи закрыты, а коллекции их рассредоточены или утрачены. Тем самым был нанесен огромный урон не только науке и образованию, но и моральному воспитанию общества, особенно юношества. И мы должны быть признательны музейным работникам и учителям тех лет, которые не дали полностью вытоптать этот драгоценный участок нашей культуры.

С демократизацией нашей общественной жизни, с возрастанием культурно-политической роли провинции постепенно возрождается краеведение как общественное движение и усиливаются взаимосвязи краеведения и музеев с вузовской и академической наукой. Существенно изменилась и работа музеев — стало допустимым отображать прошлое во всем его многообразии, а не односторонне, в угоду навязываемой тенденции; поощряются и самостоятельные поиски в плане музейной экспозиции и пропаганды музейных материалов. Пример тому и недавние разнообразные по тематике выставки, организованные сотрудниками Музея революции. Но желательно при этом больше внимания уделять выявлению, изучению, использованию культурного наследия музейного дела, прежде всего периода «золотого десятилетия» нашего краеведения — 1920-х гг., чтобы были возвращены читателю печатные труды тех лет, запрятанные в спецхран, появилась информация о неизданных трудах, статьи и книги о подвижниках нашей музейной культуры, чтобы о делах их напоминали и особые экспозиции в музее, где они трудились (тем более если были инициаторами основания музея), а вошедших в Музей революции встречали бы портреты Сергея Ивановича Мицкевича и Николая Михайловича Дружинина.

В наши дни, несмотря на нелегкие материальные условия, а подчас и отсутствие должного взаимопонимания с властными структурами, выделяющими средства на музейную деятельность, работники музеев, как правило, находят и творческие импульсы, и силы преданно служить избранному ими делу жизни, понимая, что сохранить Россию можно, только сохранив ее культуру.

Это тем более своевременно и необходимо, что, как полагают футурологи, грядущее столетие (а быть может, и тысячелетие) будет временем возрастания широкого интереса к гуманитарным знаниям (и использования при этом новейших технологий) и к проблемам экологии, и роль музеев станет еще более заметной в жизни общества.

Пусть же потомки в грядущем столетии помянут нас с благодарностью!

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ И ЕГО СОТРУДНИКИ В НАУКЕ И ПРОСВЕЩЕНИИ РОССИИ*

Знаменательно, что юбилей Государственного Исторического музея пришелся на юбилейный год Москвы. Музей — средоточие и исторической памяти России, и ценнейших материалов по истории Москвы и ее жителей. Музей и создан и развивается усилиями москвичей, расположен на главной площади и России и Москвы — Красной площади. Нам — историкам и хранителям памятников истории и культуры — особенно приятно то, что первые по времени юбилейные торжества в Москве 1997 г. — это праздники хранителей памяти о прошлом: Государственного Исторического музея, отмечающего свое 125-летие, и московских архивов, которые на этой неделе будут отмечать 200-летие¹, и то, что обоим научным конференциям, организованным в связи с этими событиями, придан международный статус. А осенью прошлого года схожим образом отмечалось и 100-летие Музея истории Москвы; и на той конференции мне тоже доверено было выступить с докладом «Роль музеев Москвы в сохранении и изучении историко-культурного наследия»², в котором особое внимание уделялось Историческому музею.

Известно, что в начале XVIII в. столицу волею Петра Великого перенесли в новопостроенный Петербург, и Москва, по образному определению Пушкина, стала «порфиросною вдовою». Но она оставалась сердцем России, средоточием ее историко-культурных традиций.

Венчание на царство императоров происходило по-прежнему в первопрестольной — в Успенском соборе Московского Кремля; при Екатерине II в Москве первоначально заседала Комиссия об Уложении — собрание сословных представителей; в Москве основали в 1755 г. первый в России университет с тремя факультетами (где первым московским музеем стал созданный в 1791 г. его Кабинет натуральной истории, преобразованный позднее в Зоологический музей). Близ Москвы расположена Троице-Сергиева лавра с главным учебным заведением для священнослужителей. В Москве хранились и основные документы о прошлом России и образовались первые исторические архивы.

Характеризуя особую роль Москвы, Н.М. Карамзин в «Записке о московских достопамятностях» 1817 г. отметил: «Говоря о Москве, забудет ли историограф то место, где собраны все наши государственные хартии пяти веков, от XIII до XVIII? Архив Коллегии иностранных дел есть один из богатейших в Европе»³. И показательно, что именно в Москве составлялись фундаментальные, обобщающего типа, многотомные исторические сочинения о России — Татищева, Щербатова, Карамзина, Соловьева, Ключевского, Забелина.

Показательно и то, что заседание наше (правда, не преднамеренно, а — увы! — из-за затянувшегося ремонта здания Музея) происходит в красивом и знаменитом

* В основе статьи — доклад в день открытия Международной научной конференции «Государственный Исторический музей — сокровищница российской и мировой культуры», 24 февраля 1997 г.

актовом зале старого здания Московского университета, так как в истории Музея и Университета теснейшие взаимосвязи: здание Музея построено на том месте, где вели занятия в открытом в 1755 г. Университете. Музей основан в значительной мере благодаря почину профессоров Университета и его выпускников (как профессор К.Н. Бестужев-Рюмин). Политехническую выставку 1872 г., экспонаты которой стали первичной основой двух музеев — Исторического и Политехнического, организовали профессора Университета. Первые устроители научной работы Музея — выпускники Университета; в этом зале они получали диплом о его окончании. Окончившие Университет и позднее составляли основной костяк научных сотрудников Музея, а школа работы в Музее стала школой исследовательской деятельности многих преподавателей Университета; экспозиция Музея, хранимые там сокровища обогащали университетское преподавание истории и других гуманитарных наук.

Когда в первой половине 1980-х гг. я выступал на научной конференции в Музее с докладом «Исторический музей и источниковедение истории СССР»⁴, специальных трудов по истории Музея и его коллекций было сравнительно немного, из работ обобщающего характера можно было опираться на статьи А.Б. Закс и А.М. Разгона. Теперь положение существенно изменилось: все большее внимание такой проблематике уделяется в статьях, публикуемых в «Трудах Государственного Исторического музея», в диссертациях. Сейчас к юбилею получили подарок — книгу «И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма» (М., 1997). Это заметно обогащает источниковую базу работы по теме, объявленной в заголовке доклада (основанного в значительной мере на материалах двух ранее упомянутых докладов).

Организация в 1870–1880-е гг. Исторического музея — важное и многое объясняющее явление не только научной, но и общественной жизни той эпохи. Понятие о своем прошлом на научной основе стало казаться необходимым и в системе образования, и для воспитания общественного сознания. Если еще в 1810-е гг. автор «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин воспринимался как первооткрыватель — Колумб прошлого своего Отечества, то с распространением книг его «Истории» (и переложений их) тематика отечественной истории приобрела особую популярность в художественной (а также псевдохудожественной) литературе и искусстве. Формируется государственная система охраны памятников истории и культуры; внимание ученых и публицистов начинает привлекать памятникоохранительная проблематика. В результате достижений археографических экспедиций образовалась Археографическая комиссия, издававшая акты и летописи. Историческая тема заняла видное место в начавших выходить губернских и епархиальных ведомостях, в деятельности губернских статистических комитетов. Русское географическое общество выступило инициатором экспедиций (с участием виднейших писателей) по изучению современного быта и составлению анкет со сведениями и об историческом прошлом и его памятниках; Московское археологическое общество созывало с 1869 г. всероссийские археологические съезды. Организуются кафедры отечественной истории, а затем в Петербурге и Археологический институт (главным образом, для подготовки археографов). Утверждается практика составления церковно-приходских летописей; история пронизывает школьное преподавание «родиноведения».

И широкая общественность, и власть имущие уверились в том, что России необходим национальный Исторический музей и местом его следует избрать Москву. Именно с Москвой связано предшествовавшее появлению музеев создание коллекций памятников истории и культуры — Оружейная палата в Кремле и частные собрания (причем и вельможной знати, и коммерсантов, и профессоров Университета), которые все в большей мере становились доступными для обозрения и ученых занятий. Создавались описания этих коллекций, публиковались как сами памятники, так и сведения о них. В 1806 г. Оружейная палата была преобразована из ведомственного хранилища в музей (первое здание для которого построили в 1810 г.). Показательно, что первым научным обществом в России было возникшее при Московском университете Общество истории и древностей российских, основанное в 1804 г. для изучения и публикации документальных памятников. В 1861 г. в Москву перевезли богатства, собранные Н.П. Румянцевым, и образован был публичный Румянцевский музей, ставший основой главной российской библиотеки. Музею предоставили красивейшее здание напротив Кремля.

Академик Л.Н. Майков на заседании памяти знаменитого коллекционера и ученого Д.А. Ровинского в 1896 г. заметил: «Забелин и Ровинский принадлежали к тем людям, молодость которых протекала в Москве, когда там высоко поднялась русская мысль, направленная преимущественно на изучение русской старины и народности»⁵. Живой интерес вызвала Этнографическая выставка, переданная затем в Румянцевский музей. Тома «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева получают отклик в самых популярных общественно-политических журналах. Величайший памятник художественной литературы 1860-х гг. «Война и мир» Л.Н. Толстого имеет собственно историческую основу. Драмы А.Н. Островского и других авторов, определявшие общественное значение репертуара Малого театра (называемого тогда вторым университетом Москвы), творчество передвижников и собирание современной живописи П.М. Третьяковым — все это в пореформенные годы характеризовало уровень общественного сознания и понимание роли Москвы в формировании исторических представлений о России.

Исторический музей призван был, согласно его Уставу, «служить наглядной историей» прошлого нашего Отечества и «содействовать распространению сведений» об этом, руководствуясь принципом «предметного показа» исторического прошлого. Конечно, концепция отображения прошлого во многом определялась формулой «православие, самодержавие, народность», близкой и организатору Музея графу А.С. Уварову (сыну проводника этой тенденции, министра народного просвещения С.С. Уварова), и тем более его августейшим покровителям, но в программе практической деятельности Музея акцент был сделан на последней части триады, притом обращалось внимание не только на быт народа, но и на его социальное сознание, в том числе проявления классовой ненависти к угнетателям.

Музей с самого начала — по мысли его организаторов — должен был стать и хранилищем памятников истории и культуры, и просветительски-учебным учреждением, и средоточием научно-исследовательской работы.

Установили, что вход в Музей бесплатный: Забелин противодействовал введению платы, более того, искал призывные пути привлечения в залы простолюдинов. В Музее образовалась библиотека широкого профиля, читались публичные

лекции (для чего выстроили особую аудиторию). За консультациями обращались и сам Лев Толстой, и, конечно, менее известные лица, часто актеры, участвовавшие в спектаклях исторической тематики⁶.

В своей просветительской деятельности Музей много способствовал восприятию широкой публикой (и учащимися школ) современных научных представлений о прошлом, о памятниках истории России и методике их изучения. Ведь понятия о культурном наследии изменяются: с распространением интереса не только к государственно-политической истории, но и к социально-экономической, к истории материальной и духовной культуры внимание общественности притягивают уже не одни лишь высокие образцы художественного мастерства, драгоценные изделия ювелиров, монументальные памятники, но и орудия повседневного труда, остатки одежды, пищи. Существенно и то, что выдающиеся явления находят отражение отнюдь не только в памятниках выдающейся формы, объема: пример новейших десятилетий — великое открытие новгородской экспедицией МГУ сотен берестяных грамот в мусоре древних мостовых. Это совершенно изменило наши прежние представления о грамотности и быте, о культуре в целом жителей допетровской Руси. Теперь имеются свидетельства того, что подобные берестяные грамоты писали и в других городах Древней Руси, и в Москве, но почвы нашей столицы менее благоприятны для сохранения таких образцов культурного наследия.

Самоотверженная и целенаправленная работа сотрудников Музея, а также официальное покровительство со стороны высшей власти способствовали росту престижа Музея и притоку даров. Коллекционеры все в большей мере склонны были к передаче или завещанию своих коллекций этому хранилищу. Особо значителен был дар московского коммерсанта П.И. Щукина; именем его намерены (в связи со 125-летием) назвать один из залов Музея, а его воспоминания, выходящие тиражом в 50 экземпляров, издаются сейчас с примечаниями и иллюстрациями, подготовленные к печати Н.В. Горбушиной, с моим предисловием. Естественно, что в Музей перешли коллекции и его основателей — А.С. Уварова и И.Е. Забелина.

Оружейная палата была музеем исторических редкостей, уникальных памятников; и это отвечало первоначальному представлению о задачах науки истории, обязанной сохранять память прежде всего об «избранных» явлениях — лицах и событиях, поражавших современников и уже тем самым поучительных и интересных потомству. Постепенно понятия об «исторически значимом» изменялись, что нашло отражение уже в источниковедческом введении к первому тому «Истории» Карамзина — как раз к той книге, которая в детстве еще, по словам самого Забелина, приохотила его к занятиям историей. В Историческом музее должно было сосредоточивать прежде всего памятники повседневной жизни, напоминающие о явлениях «несобытийной истории». А это преимущественно исторические источники массового распространения (при своем появлении обычно и массового употребления). Хотя собирали, конечно, и раритеты, более того, заказывали для экспозиции копии таких уникалов (каменная резьба Владимирских соборов, тронное кресло царя Ивана IV из кремлевского собора и др.), и картины и фрески с изображением событий старины, опирающимся на данные рекомендованных учеными первоисточников. Забелин еще в 1871 г. предлагал «представить несколько комнат

в том виде, как жили предки». То же предполагал сделать А.С. Уваров. Положение об особом значении письменных массовых источников Забелин сформулировал и того ранее — в 1860 г.: «Как важны, например, все акты, записи, называемые обычно юридическими или этнографическими, особенно все те бумаги, в которых записаны не правительственные действия и распоряжения, а живые дела народа. Сыскное уголовное дело, жалобная челобитная, домашний акт и записи духовные и рядные, частные письма, расходные книги и т.д. — все это самые добрые родники для исследователя и испытателя древней жизни»⁷.

И Забелин старался привлечь таких научно-перспективных молодых «исследователей и испытателей» к музейной работе: и к выявлению, собиранию, научному описанию музейных материалов, и к исследованиям разнообразной тематики, основанным на изучении этих материалов и сопоставительном рассмотрении их с другими. В Музее уже тогда формировалась атмосфера не просто трудолюбия и высокой профессиональной компетентности, а преданной любви именно к своему труду. На рубеже XIX и XX вв. в Музее работали археологи В.И. Сизов и В.А. Городцов, нумизмат А.В. Орешников, этнограф Н.Н. Харузин, знатоки памятников древней письменности В.Н. Щепкин и М.Н. Сперанский и другие будущие классики наших специальных гуманитарных наук. Вечерние беседы с Забелиным становились для них вторым университетом.

Любопытны в этом плане воспоминания М.Н. Сперанского о И.Е. Забелине: «...глубокий бытовой историк... не будучи учителем по профессии или профессором на кафедре, И[ван] Е[горович] был для нас тем и другим при общении с ним в стенах Музея, где благодаря ему создалась и прочно держалась та научная атмосфера, без которой немыслима серьезная научная исследовательская работа, которая составляла насущную потребность, когда мы находились в стенах Музея. Этой ведь атмосферой определялся круг наших интересов, вращавшихся почти исключительно среди вопросов научного характера, чаще всего в связи с предметами, тогда в обилии поступавшими в Музей либо служившими предметом изучения того или другого из нашей среды»⁸. Забелин прежде всего выделял работы, опирающиеся на изучение первоисточников (в этом плане показателен его отзыв о Д.И. Иловайском: «Мыльный пузырь, взмыленный рекламою приятелей... ловкий компилятор, никогда не работавший по первоисточникам»⁹).

В первые послереволюционные годы в работе Музея деятельно участвовали видные ученые, известные прежними исследованиями (М.М. Богословский, С.В. Бахрушин, А.С. Орлов, В.Ф. Ржига и другие), и университетские ученики и их, и прежних сотрудников Музея (Г.А. Новицкий, многие археологи). Академик М.Н. Тихомиров — мой учитель, именем которого решено в связи со 125-летием назвать один из залов Музея, возродитель Археографической комиссии РАН и организатор кафедры источниковедения МГУ, был основателем в 1918 г. и одного из лучших подмосковных музеев в городе Дмитрове. Несомненно, что он воспринял уроки собирательской деятельности и экспозиции Исторического музея; а затем именно Музей во многом помог ему стать знаменитым ученым: во второй половине 1920-х гг., в период господства социолого-политической вульгаризации в высшей и особенно в средней школе, М.Н. Тихомиров не склонен был преподавать обществоведение, предпочел преподавание географии; но он постоянно занимал-

ся в Отделе рукописей и старопечатных книг, безвозмездно описывал хранящиеся там памятники, потом приглашен был на работу штатным сотрудником, позже и заведующим отделом¹⁰. Там он накопил такое богатство знаний неизданных текстов, что в период, когда появилась возможность снова заняться гражданской историей и специальными историко-филологическими дисциплинами, с поразительной скоростью сумел подготовить к печати книги и статьи, первый учебник источниковедения отечественной истории до XIX в. со многими примерами из рукописей ГИМ.

Музей, его хранилища стали важной базой для дальнейшей работы многих археологов, этнографов, филологов, искусствоведов. Академик Б.А. Рыбаков говорил впоследствии: «Я вспоминаю с огромной благодарностью те 20 лет, которые я провел в стенах Исторического музея в Москве. Как много дали мне эти годы знакомства с фондами, знакомства с подвалами. Там хранятся такие сокровища, о которых знают лишь немногие. Это сокровища исключительной ценности — познавательной, научной, пропагандистской»¹¹. Профессор Н.Л. Рубинштейн, руководивший в 1943–1949 гг. научной работой Музея и изданием его трудов, в значительной мере в Музее сумел еще больше расширить круг своих многообразных знаний об источниках познания российской истории.

Музей всегда воспринимался как научное учреждение¹². И не потому только, что сотрудниками его были и остаются ученые, известные своими исследовательскими трудами, — так сказать, традиционного типа (книги, статьи, публикации памятников). Но и потому, что выявление, атрибутирование, научное описание памятников тоже является высокого класса исследовательской работой. Более того, научные описания и публикации обычно в большей мере долгожители, чем исследования той или иной тематики, перекрываемые позднее новыми работами по той же теме.

Особое значение для развития науки имела деятельность музеев, и прежде всего Исторического музея, в годы насаждения вульгарно-политической социологии — в музеях сохранялось «ремесло» ученого, продолжали культивировать конкретно-исторический подход к остаткам прошлого, и соответственно совершенствовалась методика специальных исторических дисциплин. И, быть может, потому-то виднейшие ученые были уволены из Музея в злоеший год «великого перелома», а некоторые пострадали по фальсифицированным «делам» академиков-историков, славистов и другим.

Очень заметна роль Музея в становлении и развитии культуры источниковедения, да и история самого Музея может рассматриваться как комплексный источник истории культуры, науки и просвещения в нашем Отечестве. Историческим источником можно признать все то, что источает информацию, полезную для историка; возможности обнаружения и извлечения такой информации зависят от научного кругозора и методического мастерства историка. Круг исторических источников многообразен. И именно в музейной практике особенно ощутимы возможности комплексного, синтетического, сравнительного (компаративного) источниковедения, о чем все больше пишут и в России, и за рубежом, чему посвящаются конференции последних лет, организуемые кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ и АК¹³.

Музей и развитие проблематики источниковедения — тема, заслуживающая всестороннего монографического исследования. В упоминавшейся выше постановочного характера статье 1987 г. я уже пытался наметить некоторые ее аспекты:

а) Музей как собрание, хранилище исторических источников; система выявления и собирания исторических источников в Музее и ее научные результаты; система хранения и описания исторических источников в Музее и их научно-методическое значение; система использования исторических источников Музея в экспозиции, в исследовательских трудах, в пропаганде исторических знаний и научно-методическое и общественное значение этой деятельности;

б) место исследовательского характера источниковедческой проблематики в деятельности Музея в целом и отдельных его научных сотрудников;

в) вклад Музея и ученых, работающих там, в развитие источниковедения; роль Музея в формировании общих представлений об исторических источниках и особенно об их типологии, о классификации и систематизации исторических источников, о разных уровнях источниковедения, в частности о прикладном источниковедении;

г) роль Музея в формировании представлений о музейном источниковедении: его предмете, истории, задачах¹⁴;

д) роль Музея и его ученых в формировании источниковой базы отечественной истории и общих представлений о такой источниковой базе и методах ее использования.

С Историческим музеем и вообще с музеями связаны традиции описания и публикации многих классов памятников истории и культуры — в виде печатных или рукописных (машинописных или на современной технической основе) трудов или экспозиций, которые тоже могут рассматриваться как форма публикации памятников истории и культуры.

В процессе дифференциации научных знаний и дисциплин формируются школы научного описания и изучения различных типов, видов и разновидностей таких памятников (изделий из камня, металла, дерева, керамики и стекла, тканей и костюма, оружия, мебели, монет, живописи, гравюр и рисунков, рукописей и старопечатных книг, географических карт и т.д.), опирающиеся на достижения отечественной дореволюционной и зарубежной науки, выводы современных исследований и опыт недавней музейной практики. Это нашло отражение и в выдающемся значении серийном издании «Памятники культуры», и в других изданиях, подготовленных в Музее (от массовых буклетов до книг подарочного типа). Существенно весом вклад А.А. Фомина, С.К. Просвиркиной, С.К. Жегаловой, А.Б. Салтыкова, Н.А. Ашариной, Н.Г. Левинсона, М.М. Постниковой-Лосевой, Т.Г. Гольдберг, М.М. Денисовой, М.Н. Левинсон-Нечаевой, Л.И. Якуниной, А.А. Сиверса, Н.Д. Мец, С.А. Яниной, А.И. Анисимова, Е.С. Овчинниковой, Т.Л. Вейнберг, М.Ю. Барановской, М.В. Щепкиной, Т.Н. Протасьевой, М.Е. Фосс, А.Я. Брюсова, А.П. Смирнова, М.В. Фехнер и других, ушедших уже от нас ветеранов Музея в развитие научных представлений о путях выявления и приемах описания, а также типологизации разнообразных памятников духовной и материальной культуры.

Это существенно обогатило и наши знания об информационном потенциале таких памятников для историка (или же — археолога, этнографа, искусствоведа,

языковеда и т.д.) и об их типологических особенностях. В это же время в условиях музейной работы, в процессе взаимоинформации и взаимопроверки научных соображений по «наглядно» наблюдаемым первоисточникам, происходило и расширение представлений о возможностях и методике источниковедческого синтеза (с использованием приемов, характерных для смежных отраслей знания и культуры) и об источниковой базе различных сфер (или форм) деятельности историка (научно-исследовательской, учебной, популяризаторско-пропагандистской). Ведь именно в музеях особенно ощутима теснейшая взаимосвязь развития материальной и духовной культуры; и не случайно то, что выводы и наблюдения удостоенных очень высокой оценки книг по истории русской культуры XIII–XVIII вв., подготовленных на историческом факультете МГУ, основаны в значительной мере на материале, изученном и экспонируемом именно в Историческом музее.

Многообразный комплекс исторических источников и историко-сравнительная методика использованы уже Забелиным в его обобщающих трудах о быте русского народа и по истории Москвы. Это заметно в творчестве ученых Музея и последующих поколений. Так, В.А. Городцов, разрабатывавший типологические основы систематизации коллекционных археологических материалов, отнюдь не ограничивался в своих построениях и конкретных наблюдениях материалами раскопок, но привлекал и иные, подчас более поздние памятники материальной и духовной культуры; А.В. Орешников данные монет (т.е. собственно нумизматические) сопоставлял с данными письменных (в том числе эпиграфических) и археологических памятников; В.Н. Щепкин (а позднее, вслед за ним, и М.В. Щепкина) особое внимание уделял изучению лицевых рукописей; М.Н. Сперанский — наряду с памятниками письменности — фольклору и т.д. В первые же годы советской власти, с существенным обогащением тематики экспозиционной и исследовательской работы, увеличением штата научных сотрудников, эти традиции еще более утвердились. Для 1920-х гг. это, пожалуй, особенно заметно в деятельности Ю.В. Готье — крупного исследователя истории XVI–XIX вв., написавшего обобщающие труды и о раннем периоде истории, основанные на изучении археологического материала, и ставшего одним из главных учителей целой плеяды выдающихся советских археологов. И археологи эти еще в годы работы в Музее стали, в свою очередь, специалистами в области и собственно археологии и истории, исследователями не только вещественных памятников, но и миниатюр лицевых рукописей, географических карт (А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков и другие).

Такой широкий сравнительно-типологический подход к историческим явлениям, к памятникам истории и культуры нашел, конечно, отражение и в самом процессе выявления и собирания памятников для коллекции Музея, в отборе их для экспозиции, в организации научных экспедиций, в выработке рекомендательной методики для других (прежде всего краеведческих) музеев.

Весьма значительна всероссийская роль Музея — помощь в организации музеев на местах, в реставрации памятников в других городах, участие в подготовке всероссийских археологических съездов и т.д., при этом самое существенное то, что его экспозиции воспринимались как образец для «меньших братьев». И тогда, когда не были распространены понятия «головной музей» (институт), Исторический музей, по существу, всегда в представлении и музейных работников, и широ-

кой общественности казался «головным» музеем, где можно и должно было учиться собиранию, изучению, экспонированию памятников истории и культуры.

Важно значение деятельности Музея в становлении и утверждении представлений об организации музейного дела (работы Г.Л. Малицкого и других), о музейной экспозиции (работы А.Б. Закс, С.Л. Марголина, П.Г. Рындзюнского, Д.И. Тверской и других). Разработка планов экспозиции, отбор материалов (памятников) и текстов для нее в Историческом музее — всегда значительного масштаба научная работа; а научный уровень экспозиции всегда отражает и уровень развития науки, и характерные черты общественно-политической жизни. И лишение возможности визуального приобщения к памятникам экспозиции и хранилищ Музея на протяжении времени ремонта, несомненно, нанесло ущерб не только в сфере просвещения и обучения молодежи, но и в сфере научной деятельности.

Научные работники Музея неизменно тесно связаны с научно-исследовательской работой и других учреждений, с преподаванием в высшей школе, а высшая школа их опыту во многом обязана выработке программ и методики преподавания археологии, палеографии, нумизматики и других специальных отраслей науки. При этом важно отметить, что приемы исследования и преподавания были основаны всегда на изучении первоисточников, и в первую очередь в собрании Музея.

Ученые Музея помогали и помогают в освоении источниковедческой методики, а их монографии и статьи, — в частности, напечатанные в серийном издании «Труды Государственного Исторического музея» (книги М.В. Фехнер, Д.И. Тверской и других) — отличаются особой источниковедческой насыщенностью. Вряд ли случайно (если ограничиваться примерами работы с близкими моим научным интересам письменными источниками), что исследования именно памятников Музея стали основой учебных справочных пособий по палеографии В.Н. Щепкина и М.В. Щепкиной, а также М.Н. Тихомирова, и что эти традиции успешно продолжают Т.В. Дианова и Л.М. Костюхина.

Приятно отметить постоянные творческие взаимосвязи в последние десятилетия Музея (особенно ОР и ОПИ) с Археографической комиссией РАН, участие сотрудников Музея в составлении Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, и Каталога личных фондов отечественных историков, в изданиях Археографической комиссии (Археографических ежегодников, трудов по филигранологии и др.). Ныне совместными усилиями с немецкими коллегами готовится издание Макарьевских Четых Миней¹⁵.

Важно указать и на просвещенное гостеприимство руководителей и сотрудников Музея. Музей — место открытых научных конференций и заседаний, в которых участвуют не только его сотрудники: особенно заметным явлением в общественной жизни были заседания общества «Старая Москва», душой которого был П.Н. Миллер¹⁶. Богатства Музея — это богатства для науки, открытые не только известным специалистам, но и начинающим исследователям. (Испытал это и на себе, в аспирантские годы, о чем вспоминаю с благодарностью.) И сами сотрудники Музея постоянно участвовали и участвуют в работе учреждений и научных советов Академии наук, связаны с вузами, другими хранилищами.

Музей был и остается школой обучения для студентов. Плодотворная связь его с высшей школой — славная страница нашей культуры. Это важно и для форми-

рования источниковедческой образованности, «источниковедческой культуры» студентов, понимания ими характера предстоящей им краеведческой и учебной работы, создания представлений о корпусе (или возможном корпусе) источников по истории того или иного края, города, об общем и особенном в источниковой базе отечественной истории. Опытные профессора всегда побуждали студентов изучать материалы Музея, помогали им на примере подхода к этим материалам постигнуть искусство извлечения информации из разнотипных исторических источников, обучали их умению доносить эту информацию до слушателей, интерпретировать данные источников в историческом построении. Занятия в Музее были обязательными для учеников профессора П.П. Смирнова в МГИАИ даже в дни войны¹⁷; тесно связан с Музеем был исторический факультет МГУ. Нельзя не вспомнить, как много получили в Музее и как часто бывали там ученики академика М.Н. Тихомирова и тогда, когда он руководил отделом рукописей и проводил там занятия по палеографии, приобщая к подлинным памятникам письменности, и позднее.

В Музее много сделано для приобщения к работе в музеях, к работе с историческими источниками школьников. Музей был общепризнанным методическим центром деятельности по созданию соответствующих методических пособий (работы З.А. Огризко, А.И. Шкурко и других). В этих пособиях особое внимание уделялось формированию первичных (но научных в своей основе) источниковедческих навыков.

Потому-то в циклах телепередач 1970–1980-х гг. «Беседы об истории» и «Отечественная история до XIX в.» я старался знакомить с богатствами Музея, а некоторые телезаписи были сделаны в экспозиционных залах Музея.

Увы, о многом приходится говорить в прошлом времени — столь долгий ремонт лишил старших возможности приобщения к тому, что стало их привычной потребностью, а молодежь и вовсе оказалась обкраденной в своих исторических знаниях. Филиалы — даже с новыми, умело подготовленными экспозициями — не могут заменить Музей в формировании целостных исторических представлений. Какой урон нанесен народному просвещению, патриотическому воспитанию!

Основное здание Музея уже много лет из-за затяжного ремонта недоступно для посетителей, хотя сотрудники отделов Музея ведут неустанно научно-описательную и научно-исследовательскую работу, организуют выставки и в России, и за рубежом, и как Музей действуют филиалы: Новодевичий монастырь, Собор Василия Блаженного, Палаты бояр Романовых, церковь Троицы в Никитниках и другие. (Но — увы! — лишились Музея декабристов в городской усадьбе Муравьевых-Апостолов.)

В канун третьего тысячелетия очевидно заметен возрастающий во всем мире интерес к проблеме культурного наследия человечества. Этой тематике была посвящена и одна из дискуссий — круглый стол XVII Международного конгресса историков в Мадриде в 1990 г., — предваренная совместным докладом советских ученых: академика С.Л. Тихвинского, председателя Национального комитета историков СССР, и С.О. Шмидта «Историки и сохранение культурного наследия человечества»¹⁸. (Основные мои соображения были затем изложены в статье международного сборника 1992 г. «Музеи мира»¹⁹.)

Для наших дней характерно то, что, рассуждая об «исторических», т.е. знаменитых в истории, современных столицах и городах, оценивают их «историческое» значение не только по памятным событиям и именам известных уроженцев и обитателей и числу выдающихся памятников истории и культуры, но и по тому, как сохраняется там историко-культурное наследие, как оно изучается и используется, какова его роль в развитии современного просвещения. Отношение к памятникам культуры прошлого — один из важнейших критериев оценки культуры современности.

В наши дни открытости отношения и к настоящему, и к прошлому России интерес к истории у наших соотечественников отнюдь не ослабевает. А для иностранцев, приезжающих в Россию не с «деловыми» целями, именно памятники истории и культуры особенно привлекательны. Ведь если прежде многие стремились в СССР, чтобы своими глазами посмотреть действие социалистического эксперимента, узнать новые для них социокультурные явления, то ныне наиболее любопытны для них сохраняющие свою ценность памятники культуры и реликты той повседневности, которая помогает понять признанные всем миром достижения гениев российской литературы и искусства — Достоевского, Л. Толстого, Чехова, Чайковского, Шостаковича, Эйзенштейна... И жаль, что лица, заинтересованные в коммерческих доходах от приезда иностранных туристов, не осознают этого.

Хочется надеяться, что у правительства России и у правительства Москвы хватит разума и культуры, чтобы изыскать средства на возрождение национального Исторического музея, помогающего составить наглядное представление о прошлом России, о взаимосвязи времен, о вкладе россиян в мировую историю и о величии истории Москвы, ибо Москва — столица Российского государства — средоточие национального самосознания. И если не откроются скоро для посетителей все залы здания Музея, то откроется хотя бы экспозиция в тех залах, которые подготовлены уже к тому, где имеются новые витрины и современнейшие технические приспособления (так, как это было первоначально в Третьяковской галерее).

А у научных сотрудников Музея и их друзей из других учреждений хватит сил (даже при условии реэвакуации музейных предметов в старое здание и организации новой экспозиции) на составление академического труда по истории Музея, о его многогранной деятельности, о творчестве и подвижничестве его сотрудников, не дожидаясь 150-летия Музея, а еще в нашем веке, в канун нового тысячелетия, чтобы в будущем могли широко знакомиться не только с залами Музея и его научными публикациями, но и со славной историей самого Музея.

¹ См. подраздел «200-летие архивов Москвы» в «Археографическом ежегоднике (далее — АЕ) за 1997 год» (М., 1997).

² См.: Шмидт О.С. Роль музеев Москвы в сохранении и изучении историко-культурного наследия // Исторические музеи в системе культуры города: Материалы Междунар. научно-практ. конф. к 100-летию Музея истории города Москвы (Москва, 9–10 окт. 1996 г.). М., 1997. С. 14–29. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 402–415.]

³ Карамзин Н.М. Записка о московских достопамятностях // Наше наследие. 1991. № 6. С. 43; см. также: Афиани В.Ю. «Кто был в Москве, знает Россию». Николай Михайлович Карамзин. 1766–1826 // Краеведы Москвы. М., 1995. Вып. 2. С. 7–25.

⁴ Проблемы экспозиционной и фондовой работы. М., 1987. С. 19–29. (Труды ГИМ; вып. 65).

⁵ Цит. по: Сакович С.И. К истории формирования коллекции И.Е. Забелина // И.Е. Забелин: 170 лет со дня рождения: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 118. (Труды ГИМ; вып. 81).

⁶ Станкевич А.И. Музей: Из воспоминаний первого библиотекаря / Подгот. к печ. Н.Л. Зубова // И за стройкой воспоминаний большая жизнь...: Мемуары, дневники, письма: К 125-летию Государственного Исторического музея. М., 1997.

⁷ Забелин И.Е. Размышления о современных задачах русской истории и древностей // Отечественные записки. 1860. Т. 133. Кн. 11. Отд. 1. С. 112. О И.Е. Забелине см.: И.Е. Забелин: 170 лет со дня рождения. Ч. 1, 2.

⁸ Воспоминания М.Н. Сперанского о И.Е. Забелине / Подгот. к печ. С.Б. Филимонов // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 272–278.

⁹ Цит. по: Формозов А.Л. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 187.

¹⁰ См. воспоминания М.Н. Тихомирова «Исторический музей» (АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 68–76).

¹¹ Рыбаков Б.А. О путях расширения пропаганды музейных реликвий // Музейное дело в СССР: Научные основы работы музеев исторического профиля: [Сб. ст.]. М., 1980. С. 23–24.

¹² См. статьи сб.: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1995. (Труды ГИМ; вып. 87).

¹³ Источниковедение. Теоретические и методические проблемы: Сб. ст. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1969; Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977; Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод. М., 1996; Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщ. научн. конф. Москва, 29–31 янв. 1996 г. М., 1996.

¹⁴ См.: Разгон Л.М. Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984.

¹⁵ См.: Вайер Э. Великие Миниеи Четьи в кругу московских политических, идеологических и культурных традиций // АЕ за 1997 год. С. 96–102.

¹⁶ См.: Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива общества по изучению Москвы и Московского края. М., 1989.

¹⁷ Козлов В.Ф. Материалы заседания Ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П.П. Смирнова // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 246.

¹⁸ Тихвинский С.Л., Шмидт С.О. Историка и сохранение культурного наследия человечества // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 44–54.

¹⁹ Шмидт С.О. Памятники в системе развития науки и общественного сознания // Музеи мира. М., 1991. С. 98–110. Перепечатано в кн.: Шмидт С.О. Археография. Архивоведение. Памятниковедение. М., 1997.

ЗАБЕЛИНСКИЕ ТРАДИЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Глубоко признателен организаторам и горд тем, что меня попросили выступить на Забелинских чтениях 2008 г.! Обрадован не только потому, что это связано с именем И.Е. Забелина, но и оттого, что Исторический музей сыграл важную роль в моей жизни. Именно здесь под руководством Михаила Николаевича Тихомирова начал приобщаться к изучению старинных рукописей 65 лет тому назад; и для меня «вхождение» в науку связано с историческим факультетом Московского университета и с Историческим музеем.

Впервые опубликовано: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры: Забелинские чтения — 2008. М., 2010. С. 4–9. (Труды ГИМ; вып. 182) (под назв. «Приветственное слово»).

И тем более приятно, что мне доверено начать выступление с чтения приветственного слова мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова:

«Дорогие друзья! От имени правительства Москвы и от себя лично сердечно приветствую организаторов, участников и гостей памятных Забелинских чтений в Государственном Историческом музее!

Уже 100 лет Москва бережно хранит память об Иване Егоровиче Забелине, истинном патриоте столицы, выдающемся ученом, неутомимом исследователе и хранителе истории нашего великого города. Начав свой подвижнический трудовой путь канцеляристом Оружейной палаты, Иван Забелин стал известен современникам и потомкам, российскому и мировому научному сообществу как один из ярчайших представителей русской исторической науки, создатель уникальной по научно-художественному уровню и полноте исследованного материала «Истории города Москвы». Книга выдержала много изданий и поныне является непереоценимо важным документом, до нынешнего времени востребованным источником знаний о Москве, подлинным украшением частных книжных собраний и библиотек.

Глубоко символично, что Памятные Забелинские чтения проходят в стенах Государственного Исторического музея, где он жил и работал во славу Москвы и во имя России.

Желаю вам, дорогие друзья, бережно сохранять и творчески развивать традиции исторической науки, заложенные Иваном Егоровичем Забелиным. Желаю вам успехов и достижений на пути исторического поиска, крепкого здоровья и счастья!

Юрий Лужков»

О Забелине уже приходилось говорить на научных конференциях и Забелинских чтениях 1990 г., и на заседании, организованном Археографической комиссией, Историческим музеем и Исторической библиотекой в 1995 г. в помещении этой библиотеки в связи с 175-летием со дня рождения С.М. Соловьева и И.Е. Забелина. Оба выступления стали основой статей, перепечатанных затем в сборниках моих трудов. Поэтому я постараюсь не повторяться.

Значение деятельности лиц, о которых напоминают историки, оценивается по двум критериям: чем они были (или казались) для современников и в чем значение содеянного ими для потомков, особенно в наши дни. Бывает так, что даже очень знаменитые при жизни люди в наши дни оказываются забытыми, так как действовали преимущественно в угоду сиюминутным потребностям, хотя и достигали порой значительных результатов. Иван Егорович Забелин был из тех, чья деятельность и при жизни вызвала всевозрастающий уважительный интерес, и в наше время воспринимается как славная страница отечественной культуры. Более того, с годами становится все заметнее, что Забелин, преимущественно исследовавший повседневность, стал в большей степени предтечей ученых конца XX в., чем виднейшие и тогда особенно почитаемые историографами ученые его времени.

Забелин — абсолютный самородок, по масштабу способностей и упорства едва ли не равный Ломоносову. Пожалуй, нет другого примера в истории отечественных гуманитарных наук, когда человек, не обучавшийся в высшем учебном заведении, не получивший даже гимназического образования, достиг бы столь широко-

го признания именно за научные заслуги. Он действительно создал сам себя и уже в молодые годы вызывал особое уважение и интерес у высокообразованных современников. Причем его почитали как и более молодые по возрасту, как Д.А. Ровинский, ставший позднее видным юристом, государственным деятелем, коллекционером и историком искусств, так и обретшие уже немалую известность. Любимый москвичами профессор истории Московского университета Т.Н. Грановский приглашал молодого человека к себе домой обедать, беседовал с ним и знакомил со своей библиотекой. Забелин, тогда более близкий по своим воззрениям к славянофилам, с благодарностью писал о том, каким «университетом» стало для него творческое общение с главой московских западников.

А на рубеже XIX и XX столетий Забелин всеми признавался как авторитетнейший знаток российской старины, один из «последних могикан» знаменитой когорты деятелей просвещения эпохи «великих реформ», почетный гражданин Москвы, уважаемый как аристократией и высшими чиновниками, так и в научной среде, общепризнанный патриарх музейного дела. Его образ запечатлен самыми выдающимися портретистами — Репиным и Серовым. Именно к Забелину обращались те, кто хотел удостовериться в исторических свидетельствах — причем не только о далеком прошлом, которое Забелин изучал как исследователь, но и о сравнительно недавнем времени. Л.Н. Толстой, задолго до этого уже познакомившийся с историком, консультировался с Забелиным при написании «Хаджи-Мурата».

Забелин — своеобразнейшая фигура в истории научного знания, его постижения и распространения. Ему присущи были редкостная быстрота и глубина восприятия, длительное сохранение освоенного в памяти, легкость в овладении приемами исследовательского мастерства и атрибутирования памятников истории и культуры. Забелин, не прошедший школы университетской выучки и не имевший опыта знакомства с зарубежными собраниями памятников культуры, не обладал также и достаточным уровнем владения иностранными языками, что не давало ему возможности с достаточной быстротой ориентироваться в новейшей зарубежной литературе. Но он сумел стать и новатором в науке, и замечательным эрудитом в познании истории допетровской России.

Можно предположить, что это объяснялось не только особенностями его творческой природы — цепкой приметливостью, наблюдательностью, способностью по фрагментам воссоздать в своем воображении целое, живой ассоциативностью, свойственной его мышлению, и в то же время умением ограничивать полет своей фантазии. Надо принять во внимание и то, что он руководствовался прежде всего соображениями обиходной житейской мудрости, здравого смысла, а не научными рекомендациями, и доверял своей интуиции, подпитываемой опытом непрерывной и разнообразной научной работы.

Особое значение, вероятно, имело то, что деятельность Забелина как историка началась с собственно источниковедческих штудий — выявления, атрибутирования и описания исторических источников, причем как письменных, так и вещественных, подготовки их к изданию либо к музейной экспозиции в Оружейной палате. В такой работе особенно ценятся указания на степень основательности выводов и наблюдений, точность, необходимая повторяемость и единообразие в определениях.

Труды Забелина находятся у истоков современных представлений и о комплексном источниковедении, и об организации работы археолога в России (не случайно премия имени Забелина учреждена в Академии наук «за выдающийся вклад в исследование проблем археологии»), о музейной экспозиции как источниковой базе исторических знаний, об организации научной работы сотрудников музеев, о проблемах изучения далекого прошлого современных городов, об истории древнерусского зодчества и о сфере исторических знаний, ныне определяемых как «история повседневности».

Забелин, не будучи профессором (он не мог им стать, не получив университетского образования), создал научную школу как археологов, так, с образованием коллектива сотрудников Исторического музея, и ученых более широкого профиля. Воспоминания филолога-слависта, академика М.Н. Сперанского об обсуждениях в конце рабочего дня тематики работы молодых ученых, проблематики атрибутирования музейных предметов, их источниковедческого потенциала дают возможность охарактеризовать эти собеседования как своеобразные «мастер-классы». Они так и воспринимались будущими знаменитыми учеными, поражающимися многосторонностью познаний Забелина, быстротой проявления его интуиции, живостью восприятия всего нового даже на восьмом десятке лет. Другой крупный филолог-славист, В.Н. Щепкин, еще в 1909 г. сказал о Забелине: «Он увековечил для нас быт нашего народа как своими печатными трудами, так не менее и своими трудами по собиранию памятников: обширные коллекции Исторического музея столь же непосредственный, ежедневный труд его жизни, как и его исследования». Повторяя еще раз эти слова, повторю и то, что Забелин разработал программу деятельности музея не истории Российского государства, а истории русского народа.

Традиции Забелина стали традицией повседневной деятельности Исторического музея. Следовали им и тогда, когда в первые десятилетия советской власти имя Забелина — монархиста по своим политическим воззрениям, автора трудов о быте русских царей и цариц, не было принято популяризировать. Здесь оттесненные М.Н. Покровским от преподавания в высшей школе так называемые «буржуазные спецы» создавали новую экспозицию, готовили издания по истории быта, по археологии, группировались вокруг академика М.М. Богословского и археолога В.А. Городцова молодые исследователи, ставшие затем, в 1930-е гг., ведущими учеными.

Именно Исторический музей первым напомнил о Забелине в год 125-летия со дня его рождения, в 1945 г. Ныне Забелин прочно занял место среди классиков и нашей науки, и нашего музейного дела. Его труды переиздаются, готовится к печати неизданное. Его жизни и творчеству посвящаются книги и статьи.

Думается, что в музейной сфере забелинская традиция — это не только хранение и описание памятников истории и культуры и многообразная по форме просветительская деятельность. Это и исследовательская работа сотрудников Исторического музея (я подчеркиваю это еще и потому, что последнее время во властных структурах обнаруживается тенденция ограничивать деятельность музейных сотрудников лишь хранительскими и просветительскими функциями). Сейчас, когда мы повсеместно наблюдаем подъем краеведения, а в местных музеях созданы

новые экспозиции и подготовлены интересные издания, Исторический музей должен по-прежнему во всем оставаться флагманом исторических, вернее историко-краеведческих, музеев России.

Исторический музей — дело последних десятилетий жизни Забелина — воспринимается как один из значительных центров современной мировой культуры, так как наша отечественная история — важная часть мировой истории, а многие памятники истории и культуры, хранящиеся в музее, пользуются всемирным признанием.

В последнее десятилетие все более заметно влияние того, что делается в Историческом музее, не только на развитие музейной культуры, но и нашего исторического сознания. Особенно хочется подчеркнуть значение неизменно интересных по тематике сравнительно кратковременных выставок и издание материалов, относящихся к ним.

Посмертной наградой великому россиянину Ивану Егоровичу Забелину стало то, что его родной музей по-прежнему следует забелинским научно-просветительским традициям. Новых вам свершений!

«ГОРКИ ЛЕНИНСКИЕ» И КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОДМОСКОВЬЯ

Научно-практическая конференция «Историческое краеведение Подмосковья: история, современное состояние и перспективы развития», материалы которой подготовлены для публикации в восьмом выпуске Музейного сборника, издаваемого Государственным историческим заповедником «Горки Ленинские», — показатель и современного уровня развития краеведения Подмосковья, и места в этом развитии работы заповедника.

Историческое, особенно историко-культурное, краеведение имеет давние традиции. В первые послереволюционные годы, в период «золотого десятилетия» нашего краеведения, Москва и Подмосковье были общепризнанной научно-методической базой работы краеведов всей страны. Здесь формировались основы экспозиционной культуры (о чем особенно много подробностей в воспоминаниях А.Б. Закс), составлялись описания усадеб, расположенных близ больших городов, и было создано Общество изучения русской усадьбы (что стало темой исследований Л.В. Ивановой, а затем уже и других историков и искусствоведов), занялись изучением истории фабрик и заводов, развивалось школьное краеведение (что стало темой исследования В.Е. Туманова). Много внимания уделяли изначально и прошлому, и настоящему Московского края, прежде всего в обществе «Старая Москва»

(как выяснено в трудах С.Б. Филимонова и других). Программу такой деятельности разрабатывал тогда и М.Н. Тихомиров — основатель музея в подмосковном Дмитрове (в 1918 г.). Уже став академиком, он выступил инициатором возрождения Археографической комиссии Академии наук. Краеведение Подмоскovie — тема занятий в 1920-е гг. и второго председателя Археографической комиссии В.И. Шункова, разработавшего в ту пору методические рекомендации для московских школьников «Как мы изучаем деревню» (об этих трудах моих предшественников на посту председателя Археографической комиссии напечатано в статьях, помещенных в книгах Археографических ежегодников). Отраднo, что порушенное на рубеже 1920-х и 1930-х гг. историческое краеведение возрождается и методика его снова обретает черты, характерные для «большой науки», академической и университетской.

В программе конференции привлекает широкий диапазон тематики, совмещение проблем исследовательских, учебно-просветительских, организационных, участие специалистов разного профиля и из разных учреждений и общественных объединений. Это еще раз убеждает в обоснованности и своевременности постановки вопроса о создании особого краеведческого общества Московской области и, соответственно, определении основных направлений его деятельности.

Планируя свою работу, объединяемые в это общество краеведы могут опереться на опыт творческой деятельности краеведов Москвы и Московской области в недавнее время и на опыт других регионов России, запечатленный в многообразных и все более многочисленных изданиях, в том числе в трудах конференций, организованных при участии или даже по инициативе Союза краеведов России. Необходимо учитывать специфику краеведческой тематики именно в Московском регионе, где наиболее заметной темой всегда остается взаимосвязь Москвы и ее окрестностей. Это накладывает особый отпечаток на методику краеведения Подмоскovie и выявление его источниковой базы.

Заповедник «Горки Ленинские» и особенно результаты работы его сотрудников в последние годы могут рассматриваться как полигон перспективной научной и просветительской деятельности в этом направлении. Первоначально музей был задуман только как мемориальный, и все внимание сосредоточивали на сохранении впечатления о пребывании здесь Владимира Ильича Ленина. Ленин и ближайшие к нему лица (Н.К. Крупская, М.И. Ульянова) были скромны, неприхотливы в своем житейском обиходе, что становилось особенно очевидно при ознакомлении с обстановкой их квартиры в Кремле. И потому Горки воспринимались лишь как Ленинские, а не как богатая усадьба с планировкой помещений и парками еще XIX в., тем более как образец дизайна стиля модерн начала XX в.

Теперь объектами исторического заповедника стало и то, что не связано с В.И. Лениным. И все же это место остается Ленинским мемориалом, особенно после перенесения сюда обстановки кремлевской квартиры семьи Ульяновых. И это очень существенно, ибо каковы бы ни были оценки свершенного Лениным, он остается навсегда одной из самых значительных фигур отечественной и мировой истории и для ученых, и для творцов художественных произведений исторической тематики. Интерес к личности и деятельности Ленина, а значит, и к повседневности его бытия будет сохраняться. Государственный исторический заповедник «Гор-

ки Ленинские» ныне комплексный исторический музей. Это и Ленинский мемориал, средоточие подлинных предметов жизненного обихода Ленина в советский период его жизни, и ценный источник изучения быта интеллигентской верхушки советских правительственных кругов, и музей политической истории нашей страны в 1917–1924 гг.

Но посетители теперь уже воспринимают Горки и как музей-усадьбу богатой и просвещенной московской барыни в канун революции 1917 г., и как пример мастерства выдающегося архитектора и дизайнера Ф.О. Шехтеля. Создана и экспозиция крестьянского быта. Усадьба Горки становится музеем истории Подмосковья. Благодаря тому что здесь постоянно устраиваются тематические выставки, собираются научные конференции и семинары, издаются научные труды, заповедник утверждается в нашем сознании и как один из важных, всероссийского масштаба центров музейного дела и краеведения.

Выражая признательность организаторам конференции, руководителям заповедника, уверен в том, что таким средоточием музейных традиций Государственный исторический заповедник «Горки Ленинские» останется и в наступающем новом столетии.

АРХИВЫ МОСКВЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Тихомировские чтения, проводимые ежегодно с 1968 г. Археографической комиссией, традиционно посвящены либо жизни и творчеству первого председателя Комиссии академика М.Н. Тихомирова, либо актуальным, широкого общественного звучания проблемам археографии и смежных с ней научных дисциплин. Естественно, что чтения 1997 г. посвящаются юбилею Москвы. Прошлому Москвы и истории его изучения, документальной базе москвоведения целиком посвящен и «Археографический ежегодник за 1997 год». Это можно рассматривать и как практическое осуществление собственно тихомировских традиций. Ибо М.Н. Тихомиров — и уроженец Москвы, преданно любивший свой город, и неутомимый исследователь прошлого Москвы, и непревзойденный знаток материалов московских хранилищ. Он очень много сделал не только для выявления, описания, использования документальных богатств московских музеев и архивов, но и для охраны недвижимых московских памятников истории и культуры.

Общепризнана великая роль Москвы в культуре России. Это заметно и при изучении культуры архивного дела и истории развития археографии, архивоведения и смежных областей научного знания и практической деятельности. В Москве составлены самые ранние из известных нам описей архивных документов (описи

Впервые опубликовано: Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 233–235 (в разделе «Тихомировские чтения 1997 года «Архивы Москвы: прошлое и настоящее»»; под назв. «Вступительное слово»).

Царского архива второй половины XVI в. и архивов Посольского и других приказов XVII в.), в Москве имелся значительный опыт использования таких документов при составлении летописей, посольских книг, делопроизводственной документации Разрядного, Поместного и других приказов, сочинений исторической тематики. Московский архив Коллегии иностранных дел в XVIII в. ставил перед собою уже научные задачи; и во главе его находился образованнейший историк и археограф той поры академик Г.Ф. Миллер. Из московских архивов черпали материалы издатели «Древней российской вивлиофики» и авторы первых, сводного характера, обобщающих сочинений по истории России с древнейших времен — особенно великий писатель и историограф Н.М. Карамзин, который счел необходимым, подготовив уже к печати первые восемь томов своей «Истории государства Российского», отметить в «Записке о московских достопамятностях»: «Говоря о Москве, забудет ли историограф то место, где собраны все наши государственные хартии пяти веков, от XIII до XVIII? Архив Коллегии иностранных дел есть один из богатейших в Европе. Его начальники, от незабвенного Миллера до А.Ф. Малиновского, с величайшею ревностью, с неописанным трудом привели все бумаги в наилучший порядок, коему удивлялся император Иосиф, сказав: “Я прислал бы сюда наших венских архивистов”. Там любопытные читают древнейшие грамоты новгородские и московские, хартию Максимилианову, в которой уже отец Иоанна Грозного назван императором, письма славной английской королевы Елизаветы и проч. Там же можно видеть и портреты наших первых царей».

С этим архивом связано явление, очень интересное для понимания общественных представлений времени Карамзина. Реформы Петра Великого создали такую общественную атмосферу, что занятия наукой не казались недостойными даже для вельмож. В области исторических наук показательные примеры: Татищев, «птенец Петров» и родственник императрицы Анны Иоанновны; во второй половине XVIII в. — Рюрикович князь Щербатов, видный придворный Елагин; интересующиеся историей группировались вокруг меценатов-коллекционеров графов Мусина-Пушкина и Румянцева. Этим объясняется и новое социокультурное явление начала XIX в.: образованная аристократическая молодежь Москвы отнюдь не считала зазорным для себя службу в Московском архиве Коллегии иностранных дел, т.е. работу с историческими документами. «Архивные юноши» были тогда в чести не менее, чем гвардейские офицеры времен Екатерины II. Отражение того находим и в литературе тех лет, прежде всего у Пушкина. Некоторые «архивные юноши» оставили позднее немалый след в истории литературы, науки, просвещения. (Подробнее об этом — рассуждения в моей статье 1992 г. «Русские литераторы и российская дипломатия», опубликованной в журнале «Международная жизнь».)

Оказавшая огромное воздействие на умы первых читателей и определившая на долгое время основной комплекс представлений не только об отечественной истории допетровской эпохи, но и о характере исторических знаний вообще, «История» Карамзина поражала богатством и многообразием примечаний и существенно способствовала формированию понятий о научном аппарате исторических сочинений, о роли архивных документов в работе историка. Первые девять томов «Истории» Карамзиным созданы в Москве (или в подмосковном Остафьеве), по-

следующие три хотя и в Петербурге (или в Царском Селе), но в основном на фундаменте московских архивных материалов.

Документы московских архивов еще в XVIII в. начали публиковать в научных изданиях (конечно, на уровне научного опыта тех лет). Они стали основой и издания «Собрания государственных грамот и договоров» в начале XIX в., а затем и многообразного актового материала и нарративных памятников российской истории допетровского периода. Издание их — школа становления отечественной археографии, причем и эдиционной, и описательной (еще со времени работы в Архиве Коллегии иностранных дел Миллера и Н.Н. Бантыш-Каменского). В Москве образовался в середине XIX в. и Московский архив Министерства юстиции, ставший источниковой базой изучения социально-экономической (а в значительной мере также и государственно-политической) истории России.

Тем самым определяются направления нынешних собственно историко-архивоведческих исследований: архивы Москвы (в целом и отдельные архивохранилища) и развитие исторической науки; архивы Москвы и развитие архивоведческой и археографической культуры и как особая тема — роль сотрудников архивов в развитии этих обоих направлений. (Иногда эта роль была очень значительна и плодотворна, как у Н.В. Калачова.) В последние годы в этом плане проводятся интенсивные исследования сотрудниками РГАДА Л.И. Шохиным (о МАМЮ), В.Г. Бухертом (о Межевом архиве, а теперь уже и о МГАМИД) и другими историками. Научно-перспективная работа велась и в хранилищах иного типа — в Оружейной палате (еще И.Е. Забелиным в середине XIX в.), в Румянцевском музее, в Историческом музее — там особенно много было сделано для описания, изучения и издания документальных памятников, имеющих и литературно-художественное значение, а также материалов личных фондов. При этом творчески воспринимался опыт и петербургских хранилищ — Публичной библиотеки и Библиотеки Академии наук.

Вехой в развитии архивного дела и взаимосвязей его с «большой наукой» стали события революционных лет — образование Союза российских архивных деятелей и после октября 1917 г. образование Управления архивным делом во главе с Д.Б. Рязановым, которому мы в наибольшей степени обязаны привлечением к практической архивной деятельности виднейших ученых и их учеников и подготовкой с их помощью декретов об архивах.

С начала 1920-х гг. за Москвой укрепляется положение ведущего для всей страны центра архивно-организационной и архивно-методической деятельности, а с образованием в Москве Историко-архивного института — и учебно-научной деятельности. И именно в Москве предопределялись и достоинства и недостатки в основных сферах такой деятельности. В Москве устанавливалась и возможная степень вовлечения в такую работу крупных ученых из других городов. Так, по инициативе московских научно-партийных учреждений в 1920-е гг. был привлечен для консультации выдающийся ленинградский археограф С.Н. Валк (воспринимаемый ныне как классик археографии и источниковедения), ему предложил М.Н. Тихомиров возглавить уже в 1960-е гг. первое из отделений Археографической комиссии — Ленинградское, но из Москвы шла и инициатива недостойной критики Валка в годы массовой борьбы с так называемыми космополитами и — уввы! — позднее.

Об истории архивов Москвы в прошлые века, об организации архивного дела и развитии археографии в Москве, о деятельности главных московских архивов и архивного ведомства в целом, о Московском историко-архивном институте и московских ученых-архивистах и особенно о документальных богатствах хранилищ Москвы в «Археографическом ежегоднике» напечатано очень много материалов. Этому посвящались и Тихомировские чтения, и другие научные конференции, организуемые Археографической комиссией (и зачастую совместные с архивными учреждениями). Потому сочли целесообразным не повторять ранее напечатанного и сказанного, а ограничиться напоминанием об этом в обзорном сообщении ученого секретаря Комиссии В.А. Черных; тем более что, как известно, материалы Тихомировских чтений публикуются всегда в специальном разделе «Археографического ежегодника» под таким названием, а нынешние являются своего рода юбилейными — тридцатыми.

На нынешних чтениях основное внимание уделяется ранее слабо освещенным на страницах ежегодника начальным периодам работы главных архивов дореволюционной Москвы — МГАМИД и МАМЮ. И поскольку ведущим центральным государственным архивам, находящимся в Москве, так же как и Архиву Академии наук, хранилищам Исторического музея и Российской государственной библиотеки, уже посвящались специальные доклады и статьи, полагали целесообразным уделить особое внимание Мосгорархиву — и его истории, и сегодняшнему дню. Это объясняется и тем, что именно в Мосгорархиве особенно много сделано в связи с подготовкой к юбилею Москвы.

МОСГОРАРХИВ И ГОДОВЩИНА БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ*

Прежде всего благодарю руководителей Мосгорархива за организацию совместной конференции и решение подготовить сборник ее материалов (т.е. полных текстов докладов и сообщений, включая и написанное теми, кто не имел возможности присутствовать на заседании).

Совместные конференции и пленарные заседания с главными хранилищами памятников истории и культуры — архивами, музеями и библиотеками, научными учреждениями и вузами — стали постоянной практикой в деятельности Археографической комиссии; и это всегда находит отражение на страницах Археографических ежегодников, а нередко и других изданий (прежде всего, журнала «Отечественные архивы»). Понятно, что конференция, приуроченная к годовщине битвы под

* Текст является вступительным словом на совместном заседании 20 декабря 2001 г. Мосгорархива и Археографической комиссии РАН, посвященном 60-летию битвы под Москвой.

Москвой, имевшей столь большое значение в ходе Второй мировой войны и обусловившей падение фашистской Германии, проводится совместно с Мосгорархивом, гостеприимно предоставившим для этого свое помещение и организовавшим интересную выставку документальных материалов о времени Великой Отечественной войны и свидетельств многообразной работы — собирательской, описательной, издательской, — проводимой в этом плане в Мосгорархиве его сотрудниками и привлеченными к такой деятельности ветеранами войны и учеными-специалистами из Института военной истории, ИРИ, ИДИ РГГУ и других учреждений. О результативной деятельности Мосгорархива в журнале «Отечественные архивы», в № 6 за 2000 г., помещено (на с. 13–19) насыщенное информацией интервью его руководителя А.С. Киселева в рубрике «Архивы служат городу». Существенно и то, что особое внимание там уделено подготовке документальных изданий по проблематике «москововедение», причем и широкой, так сказать всемосковской, и более локальной (об отдельных регионах нашего огромного города).

Планируя конференцию, посвященную изучению Московской битвы и жизни в Москве в первый военный год, Археографическая комиссия решила скооперироваться с Мосгорархивом потому, что именно усилиями Мосгорархива при поддержке Правительства Москвы и его издательских структур проведена особенно результативная научно-публикаторская работа (достижения которой всем очевидны и на днях были продемонстрированы на зональном совещании архивистов России с участием виднейших наших ученых — академиков РАН и зарубежных архивистов).

Ведь Мосгорархив по месту, которое он занимает в системе архивов, приравнивается к центральным архивам и по богатству сосредоточенных там архивных документов, и по формам и результатам работы его сотрудников. Но хотя Москва — столичный город и очень многое, происходящее в Москве, имеет общегосударственное, а подчас и общемировое значение (особенно имеются в виду взаимосвязи с другими регионами нашей страны и с зарубежьем), у Москвы схожие с другими большими городами управленческие, хозяйственные, многообразные общественные функции, и основная документация об этом сосредоточивается в Мосгорархиве. Мосгорархив — это и методический центр для множества разного профиля ведомственных и иных архивов нашего огромного города, а в последние годы все в большей мере и для держателей личных архивов. Мосгорархив, наработки его сотрудников — это и школа повышения квалификации для архивов всей России.

На конференции, в соответствии с главными направлениями деятельности Археографической комиссии как научно-проблемного совета Российской академии наук, преимущественное внимание уделяется истории выявления и изучения документов периода битвы под Москвой или об этом времени, их источниковедческой характеристике и особенно их публикации, так как именно публикации по этой тематике имеют особое значение и для исторической науки, и для популяризации архивных документов и, соответственно, распространения знаний об архивной (и собственно археографической) культуре. Особо отметим, что московские архивы не ограничиваются официальной документацией, широко привлекают документы о повседневности военных лет, организуют материал, побуждая ветеранов войны к обработке своих личных архивов, написанию воспоминаний (с ис-

пользованием и современных приемов «устной истории»). Это способствует и дальнейшему комплектованию архивных коллекций. Очень существенны здесь нравственный и учебный аспекты: пожилые люди чувствуют интерес к сохранившимся у них памятникам прошлого России и уважение к их личному жизненному подвигу. А благодаря доступной широкой публике форме публикаций (в частности, в тематических сборниках — в книге «Москва прифронтовая» и других) их удобно рекомендовать и учащимся средних школ по программе «Москвоведение». Поэтому позволю себе выразить признательность всем, кто причастен к подготовке таких изданий от имени возглавляемых мною советов — Городской экспертной комиссии по книгоизданию и Московского городского совета по москвоведению (по изданию литературы для школьников и учителей).

Понятно, что тема истории Великой Отечественной войны, вопросы сохранения и изучения памятников этой истории занимают немалое место в работе и других хранилищ памятников истории и культуры, научных учреждений и вузов, и потому сотрудники таких учреждений тоже привлечены к участию в совместной конференции Археографической комиссии и Мосгорархива. Еще в годы войны в этом направлении проводилась большая работа в Государственном Историческом музее — была даже организована выставка свежесобранных материалов, сумели сосредоточить в ГИМе разнообразный документальный материал — печатный и рукописный, коллекцию личных фондов участников войны. В «Археографическом ежегоднике» уже публиковались статьи об этой собирательской деятельности (А.Б. Закс — АЕ за 1975 год) и сообщения, основанные на документах фонда ОПИ ГИМ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг.».

Понятно, что материалы такой тематики оказались и в ГАРФ, и в РГАЛИ, и в других хранилищах и уже ранее вызывали интерес ученых. Так, очень информативным оказался подготовленный покойным А.Д. Зайцевым для ежегодника за 1985 год обзор фонда писателя П.А. Лидова — автора взволновавшего всех газетного очерка «Таня», поведавшего миру о подвиге Зои Космодемьянской. Особое значение имеют дневниковые записи историков о Москве военных лет — к этим прежде знакомым им темам возвращаются В.Ф. Козлов, в сообщении о дневниках профессора П.П. Смирнова (ставшего тогда директором Историко-архивного института), и С.А. Уваров, готовящий диссертацию об архивном фонде виднейшего москвовед П.Н. Миллера.

Важным собственно историографическим фактом была деятельность выдающихся наших соотечественников, опиравшихся на личный военный опыт и использовавших свой высокий авторитет для организации создания воспоминаний о войне и сохранения документации военных лет. Это тоже в определенной мере находило отражение в практической деятельности Археографической комиссии и на страницах «Археографического ежегодника». Писатель К.М. Симонов стал инициатором создания специального архива такой документации и консультировался незадолго до кончины с сотрудниками Археографической комиссии. И тогда сотрудник Комиссии А.А. Курносов, известный уже трудами об источниках по истории военных лет, подготовил записку с соображениями по этому поводу¹, состоялась встреча писателя с сотрудниками Археографической комиссии. Важно было бы сообщить данные и о большой работе, проводившейся историком академиком

А.М. Самсоновым по сбору документов о повседневности военной жизни, и прежде всего солдатских писем. Помощником его был В.А. Невежин — ныне доктор исторических наук, сотрудник ИРИ РАН. Полагаю, что долг его совести опубликовать сообщение об этом и о судьбе документов, изучавшихся А.М. Самсоновым.

Документам военных лет, воспоминаниям об этих героических годах уделяется внимание в работе и с тянущимися к занятиям историей школьниками (в определенной степени это продолжает добрые традиции предшествовавшего времени). Об опыте работы школьников на протяжении уже десятилетий предполагается сообщение первого заместителя председателя Совета Союза краеведов России В.Е. Туманова, о документах, поступающих в редакцию газеты «Первое сентября» для рубрики «Домашний архив», расскажет инициатор создания подобного раздела в газете, издающейся преимущественно для учителей, журналист Д.Г. Шеваров.

Это важно и потому, что при создании сравнительно полного и целостного представления об источниковой базе истории Великой Отечественной войны, и особенно о повседневной жизни тех лет, нельзя ограничиться только материалами, сосредоточенными в центральных хранилищах. Необходимо и сопоставительное рассмотрение их с тем, что имеется в других хранилищах, сохраняется в личных фондах. И главное — не ослаблять усилий по выявлению и обеспечению дальнейшего хранения такой документации, ибо с годами величие и историческое значение для будущего человечества свершенного участниками Великой Отечественной войны становится все очевиднее.

¹ Записка А.А. Курносова К.М. Симонову об Архиве участников Великой Отечественной войны / Подгот. О.В. Турбина; послесл. С.О. Шмидта // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 445–450.

50 ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Для нас, сотрудников Археографической комиссии, большая радость и честь, что юбилей Археографической комиссии, юбилей нашей работы отмечается совместным заседанием с Отделением историко-филологических наук, и юбилейные Тихомировские чтения 2006 г. открылись вступительным словом академика-секретаря Отделения исторических наук и филологии академика Анатолия Пантелеевича Деревянко, причем выступлением таким содержательным, с теплотой напомнившим о содеянном организатором и первым председателем Археографической комиссии академиком Михаилом Николаевичем Тихомировым. Когда Археографическая комиссия создана была по его почину 13 апреля 1956 г., М.Н. Тихомиров был академиком-секретарем Отделения (тогда оно называлось Отделение истори-

ческих наук) и членом Президиума АН СССР. Ставший после кончины М.Н. Тихомирова 2 сентября 1965 г. председателем Археографической комиссии член-корреспондент В.И. Шунков тоже принадлежал к элите Академии наук, был и заместителем академика-секретаря. Но и после ухода из жизни В.И. Шункова в ноябре 1967 г. в Археографической комиссии неизменно ощущали внимание и заботу Отделения (сотрудники Археографической комиссии были даже в одной партгруппе с сотрудниками Отделения истории), уважение и доверие к нашей деятельности. И мы глубоко признательны за это. Пятидесятилетие деятельности Археографической комиссии — это и пятидесятилетие плодотворных контактов ее с Отделением и его руководителями. Отделение истории и филологии обеспечило и издание книжки «50 лет Археографической комиссии», а также пригласительного билета на сегодняшнее торжественное заседание.

Можно сказать, что Археографическая комиссия была воссоздана, так как с 1834 г. существовала Археографическая комиссия, изменявшая затем наименование. Ее работа фактически прекратилась с арестом председателя академика С.Ф. Платонова, ученого секретаря А.И. Андреева и члена-корреспондента В.Г. Дружинина, когда сфальсифицировали так называемое академическое дело, «дело» академиков-историков.

М.Н. Тихомиров не подчеркивал элементы преемственности, видимо, из политических соображений (процесс политической реабилитации лишь начался, в академических званиях арестованных тогда историков посмертно еще не восстановили), но имел это в виду. Прежде всего, он подразумевал под археографией как наукой — в соответствии с представлениями ученых XIX – начала XX в. и тех, кто был связан с дореволюционной Археографической комиссией, — отнюдь не только публикаторскую работу (как принято было в середине 1950-х гг. считать в архивном ведомстве и в учебных программах), но и полевую и описательную. В то же время М.Н. Тихомиров не намерен был сосредоточиваться на подготовке научных публикаций, как прежняя Археографическая комиссия, первой задачей которой и было напечатание материалов, выявленных археографическими экспедициями (причем и без комментариев, даже легенд), так как утвердился успешный опыт публикаторской работы в научных учреждениях Академии наук, в хранилищах документов. Археографическая комиссия должна была стать центром подготовки к печати лишь совсем немногих уникальных памятников, сосредоточившись на выработке методики выявления, собирания и описания, источниковедческого изучения памятников письменности и истории этих отраслей знания, подготовке справочных изданий, выпуске регулярного сборника материалов такой проблематики — «Археографического ежегодника», организации научных форумов. А это было, по существу, реализацией намерения последнего председателя прежней Археографической комиссии академика С.Ф. Платонова создать в Академии наук институт археографии и источниковедения, т.е. исследовательских технологий (в противовес социологизированному схематизму, насаждаемому М.Н. Покровским).

Дата возникновения Археографической комиссии не случайна. М.Н. Тихомиров был уже два с половиной года академиком-секретарем, но произошло это весной 1956 г., через два месяца после XX съезда КПСС, и может рассматриваться как одно из проявлений благотворных перемен в общественной жизни. Распространено

представление, особенно у молодежи, что эти перемены связаны прежде всего с именами громогласных публицистов, поэтов и — преимущественно молодого возраста. Действительно, тогда они были ярко заметны и любили (а то и по сей день любят) напоминать о своих заслугах тех лет. Среди проявивших себя как «шестидесятники» (как их теперь именуют) были лица и старшего возраста, даже шестидесятилетние, и слово «оттепель» введено в обиход как типологическое шестидесятипятилетним И.Г. Эренбургом. Для нашего поколения — тогда тридцатипятилетних — эта дата из самых важных в жизни. А мудрые и общественно чуткие люди старших поколений тоже, ощущая свежий воздух и открывшиеся возможности, старались, не декларируя свои новации (предыдущие десятилетия тоталитаризма убеждали в том, что безопаснее «не высовываться!»), восстановить достойные традиции отечественной культуры, порушенные ранее, поруганную честь славных направлений нашей науки. Для образа мыслей и действий М.Н. Тихомирова было характерно высокоразвитое ощущение долга «сеять разумное, доброе, вечное», а достигнув высокого положения в академических сферах, он чувствовал и как бы личную ответственность за развитие науки нашей и сохранение культурного наследия, потребность показывать пример другим — это и его предложение о сохранении полей военной славы, некрополей, издании сочинений В.Н. Татищева и «Полного собрания русских летописей», изумительной щедрости дар своего собрания рукописей, старопечатных книг и икон именно недавно образованному Сибирскому отделению Академии наук (вопреки отговаривавшим его от этого москвичам и ленинградцам, В.И. Мальшеву и др.), дабы и там развивалась археографическая работа.

Можно полагать, что думал М.Н. Тихомиров и о себе, направленности своей личной работы в дальнейшем. Он уже привык к командному положению в системе Академии наук и желал себе по освобождению от должности академика-секретаря интересной работы по душе, научно-перспективной, привлекательной для молодежи. Недаром он переманил в Археографическую комиссию из Отделения такую умелую в работе и коммуникабельную, красивую сотрудницу, как Н.А. Долдобанова, самоотверженному труду и творческой неутомимости которой мы обязаны подготовкой всех книг «Археографического ежегодника», ответственным секретарем редакции которого она является с первого же выпуска этого издания.

Показательно, что группу по изданию «Полного собрания русских летописей» М.Н. Тихомиров организовал в Институте истории, а сотрудники Археографической комиссии изначально были сотрудниками Института славяноведения. Полагаю, что руководствовался М.Н. Тихомиров при этом и тем, что памятники древней письменности (а он, видимо, сразу помышлял о широкой программе их обобщающего типа описания) воспринимаются и как исторические памятники, и как памятники литературы (и «священные тексты» и летописи и др.), и их изучают и историки, и литературоведы, и лингвисты, и очевидна их теснейшая взаимосвязь с южнославянской письменной языковой культурой. А Институт славяноведения — средоточие творчества и историков, и филологов. Могло иметь значение и то, что этот институт в плане изучения давних периодов истории, тематики, непосредственно не связанной с социалистическими преобразованиями и их предпосылками, менее подвержен вмешательству ЦК партии, чем Институт истории с его традициями сервизизма. Для Археографической комиссии эта мудрость ее осно-

вателя явилась условием обеспечения ее дальнейшей плодотворной работы. Мы глубоко признательны руководителям и коллективу Института славяноведения за уважительное отношение к нашим сотрудникам, понимание значения для результативной деятельности опыта старшего возраста специалистов.

При жизни М.Н. Тихомирова с образованием в 1961 г. в Академии наук системы научно-проблемных советов Археографическая комиссия стала таким Советом по археографии и смежным историко-филологическим дисциплинам. Это единственный научно-проблемный совет при нашем Отделении, где заняты не только исследованиями определенной тематики, но и разработкой методов широкой историко-филологической проблематики. И в дальнейшем пойдет речь об обоих направлениях деятельности Археографической комиссии — и коллектива сотрудников ее, и сотрудничающих с нами научных учреждений, вузов, хранилищ памятников письменности (архивов, библиотек, музеев) — и о координационной деятельности (всесоюзные, всероссийские, региональные, международные программы; организация форумов и конференций с секциями и пленарными заседаниями, однодневные заседания; коллективные издания с грифами Археографической комиссии и других учреждений и общественных объединений).

О деятельности Археографической комиссии написаны статьи обобщающего типа (информационно-историографические) в периодических журналах («Вестник Академии наук», «Славяноведение», «Отечественные архивы»), в «Археографическом ежегоднике». И потому можно ограничиться кратким напоминанием о немногом.

М.Н. Тихомиров изначально обратил внимание на подготовку справочных изданий, причем разного масштаба — от справочника сокращений, принятых в исторической литературе, и книги А.И. Рогова со сведениями о небольших собраниях славяно-русских рукописей до грандиозного проекта описания всех древних рукописных книг. Определена была структура и многообразная тематика «Археографического ежегодника» — от древности до наших дней: I. Статьи и сообщения; II. Обзоры, описания, библиография; III. Публикации; IV. Хроника. М.Н. Тихомиров — инициатор подготовки «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг» (на древнерусском языке и языках южных славян), находящихся в хранилищах СССР, и целых рукописей и их фрагментов. В долговременную работу вовлечены были архивы, библиотеки, музеи, другие хранилища всей страны. Это — совместный труд многих историков и филологов, архивистов. Предварительный список был подготовлен еще при жизни М.Н. Тихомирова Н.Б. Шеламановой — первой зачисленной в штат Археографической комиссии. М.Н. Тихомиров предусмотрел программу совместной работы, обмена опытом со специалистами по изучению древних рукописей и не на славянских языках и поехал в Армению, где была совместная конференция с Матенадараном.

Было организовано первое из отделений Археографической комиссии — Ленинградское во главе с таким авторитетным ученым, как С.Н. Валк, и под его редакцией стали выходить ежегодники «Вспомогательные исторические дисциплины», где меньше, чем в «Археографическом ежегоднике», уделяется внимания археографии и архивоведению, но зато много материала по нумизматике, сфрагистике и другим специальным дисциплинам (причем и по всеобщей истории).

Когда меня утвердили председателем Комиссии, предложил на титульном листе «Археографического ежегодника» указывать: «Основан в 1957 г. академиком М.Н. Тихомировым», и начиная с «Археографического ежегодника за 1968 год» это отмечается на всех книгах нашего издания. Хотя не обошлось без сложностей. В Отделе науки ЦК партии, возглавляемом в ту пору С.П. Трапезниковым, сказали, что такое не принято в практике изданий Академии наук. Пришлось опровергать это мнение наглядным способом, показать продолжающееся издание «Известия АН СССР. Серия геофизическая», где на титульном листе напечатано: «Основан в 1951 г. академиком О.Ю. Шмидтом», заметив, что «подобное в обычае Академии наук и полагаю, что академик М.Н. Тихомиров в области специальных исторических наук сделал не меньше, чем академик О.Ю. Шмидт в геофизике». С 1968 г. (года 75-летия М.Н. Тихомирова) проводим ежегодно в конце мая – начале июня приуроченные ко дню рождения М.Н. Тихомирова «Тихомировские чтения», материалы которых публикуются в «Археографическом ежегоднике», как и ежегодных пленарных заседаний (или конференций), в декабре.

Завещанная М.Н. Тихомировым работа по подготовке «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг» стала особенно интенсивной — издание методических пособий (а по существу зачастую первых статей о памятниках церковной литературы как исторических источниках и приемах их изучения и описания), несколько конференций в Москве и Ленинграде (при неизменном участии академика Д.С. Лихачева); особенно действенно трудились помимо Н.Б. Шеламановой покойные ныне Л.П. Жуковская, Н.Б. Тихомиров, Ю.А. Неволин. Сейчас это — основная работа Н.А. Кобяк и А.Л. Лифшица под руководством А.А. Турилова, с этим во многом связаны исследования О.А. Князевской, а для рукописей XVI–XVII вв. — Б.Н. и В.В. Морозовых. Издание первого тома о рукописях XI–XIII вв. имело значительный и международный резонанс (доклад на Всемирном конгрессе славистов в Киеве в 1983 г., рецензии, обсуждение на заседаниях СИБАЛ), побудило к подобного типа изданиям в балканских странах, к изданию каталогов древних рукописей на древних языках в СССР, к описанию всех рукописей в музеях Вологодской области под руководством П.А. Колесникова с действенным участием сотрудников Археографической комиссии, Библиотеки Академии наук (А.А. Амосов), МГИАИ. Вышла первая часть второго тома — о рукописях XIV в. Работа продолжается. Такое фундаментальное издание — на века.

Это способствовало налаживанию творческих контактов и с учеными священнослужителями. Замечательный археограф и историк о. Иннокентий (Просвирнин) стал первым кандидатом богословия среди членов научно-проблемных советов РАН. Археографической комиссии поручили и организацию совместно с Московской патриархией первой археографической экспедиции на Афон, и были описаны рукописи Пантелеймонова монастыря.

Интенсивно началась — под руководством академика Андрея Николаевича Кононова — организация конференций по описанию рукописей на восточных языках: Международная конференция в Ленинграде (Институт востоковедения), совместные конференции в Тбилиси (Институт рукописей) и опять в Ереване.

Начал осуществляться и другой проект долговременной работы, также информирующей о документах многих хранилищ в архивах, музеях, библиотеках и

др., — «Каталог личных архивных фондов отечественных историков», куда включаются данные и о прижизненно не широко известных архивистах, краеведах и др. Издан Каталог о фондах историков XVIII в., подготовлена к печати книга об историках первой половины XIX в.* Эту работу начинали В.Ю. Афиани и М.П. Мироненко, затем подключилась к ней Т.В. Лохина (Медведева).

Тематика и масштаб изданий Комиссии разнообразны: и составленные в XVI и XVII вв. описи документов Посольского приказа, и судные списки Максима Грека, и обзоры материалов по истории краеведения, и методическое пособие «Как сохранить Ваш семейный архив: Как написать (записать) воспоминания». В «Археографическом ежегоднике» и в других изданиях Комиссии печатают труды и мастиных ученых, и начинающих, для которых это — путевка в «большую науку». Книжки ежегодника тоже разнообразны по содержанию, только том за 1997 г. был посвящен лишь московской тематике. Д.С. Лихачев еще в 1970-е гг. писал о ежегоднике как о «главном и руководящем органе в области археографии».

Подготовкой к печати материалов «Археографического ежегодника» изначально занята Н.А. Долдобанова, с 1968 г. самоотверженно работает и Ю.В. Андрушайтите. Ранее подготовка издания была плановой работой И.Е. Тамм и В.Б. Павлова-Сильванского (увы, покойных), позднее С.В. Чиркова, теперь это плановая работа и Е.Н. Швейковской, и А.В. Мельникова.

Практикуются совместные издания с научными учреждениями, вузами, хранилищами. В проведении конференций, реализации издательской программы помогали фонды (РГНФ и др.), местные власти (особенно в Пензе), издательская программа Правительства Москвы.

Мы благодарны славному своей издательской культурой издательству «Наука» (эти эпитеты в тексте интервью в «Литературной газете» сократили, оставили только «славное издательство». Но это тоже неплохо!). Рады, что в книжке «50 лет Археографической комиссии», изданной к юбилею, В.И. Васильев впервые в программе наших Тихомировских чтений обозначен «членом-корреспондентом РАН», а первое его выступление с этим высоким званием — на нашем сегодняшнем заседании. Слова особого признания и нашим редакторам — заведующей редакцией Наталье Леонидовне Петровой, Людмиле Максимовне Кузнецовой, заместителю директора издательства Татьяне Ефимовне Филипповой, типографии РАН.

В деятельности и особенно изданиях Археографической комиссии все заметнее проблематика источниковедения историографии. Это — выявление, изучение, публикация архивного наследия историков. Полигоном стала работа над наследием М.Н. Тихомирова. В «Археографическом ежегоднике» значительное место уделяется обзорам фондов историков и их отдельных трудов, библиографическим данным, созданию «Каталога личных архивных фондов историков». Готовятся к печати первое шеститомное собрание сочинений академика С.Ф. Платонова и его переписка, освобожденный от цензурной правки многотомный труд академика М.М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» (первый том,

* Книга издана, см.: Каталог личных архивных фондов отечественных историков / Отв. ред. С.О. Шмидт; сост. Т.В. Медведева, М.П. Мироненко. М., 2007. Вып. 2: Первая половина XIX века. 719 с. — Ред. «Археографического ежегодника».

подготовленный к печати А.В. Мельниковым, вышел в 2005 г.). В томах «Археографического ежегодника» напечатаны материалы научных конференций, посвященных историкам, о которых насаждалось искаженное представление: А.С. Лаппо-Данилевскому, С.Ф. Платонову, М.М. Богословскому, А.Е. Преснякову, Н.Л. Рубинштейну. Выполнил и печальный долг, опубликовав труды моих ушедших из жизни учеников: А.А. Амосова о Лицевом летописном своде времени Ивана Грозного, А.Д. Зайцева о П.И. Бартенева и его журнале «Русский архив».

Археографической комиссией организованы были конференции (иногда и многодневные), а также и совместные с другими учреждениями заседания памяти выдающихся историков XIX – начала XX в. (С.М. Соловьева, И.Е. Забелина, две конференции в Пензе о В.О. Ключевском и его времени) и наших старших современников — не один раз памяти М.Н. Тихомирова, С.Н. Валка, В.И. Шункова, Н.Л. Рубинштейна, а также К.Н. Тарновского, ушедших молодыми А.А. Амосова и А.Д. Зайцева. Первая конференция памяти Д.С. Лихачева — о чем должно напомнить в Год Лихачева — была в Москве, в Доме-музее Цветаевой, в день рождения ученого 28 ноября 1999 г., материалы ее и стенограмма изданы отдельной книжечкой, а в переработанном виде — в «Археографическом ежегоднике за 1999 год».

Регулярно — не менее двух раз в год — весной и в декабре проводятся заседания об актуальных проблемах археографии, архивоведения, источниковедения (о факсимильных изданиях, подготовке хроник жизни и творчества, филологии и др.), по тематическому признаку (о декабристах, революции 1917 г., не раз о Великой Отечественной войне и участии в ней историков и др.), о деятельности АРАН, РГАДА, ГАРФ, ГИМ, МГИАИ и др. Многие конференции были организованы совместно с другими учреждениями и в других городах — иногда с отделениями Археографической комиссии в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Уфе, Свердловске, Вологде.

Отделения Археографической комиссии (Санкт-Петербургское, Сибирское, Уральское) ведут значительную самостоятельную работу. Сообщения об этом в планах наших Тихомировских чтений и, конечно же, подробно в «Археографическом ежегоднике за 2006 год». Особенно интенсивно в Сибири, и потому два доклада и руководителя Отделения академика Н.Н. Покровского, и ученых из Университета и Библиотеки.

В прошлом веке велась большая координационная и методическая работа в сфере полевой археографии, причем в плане собирания и памятников древности, и Нового и Новейшего времени, и на русском и на других — особенно восточных — языках. Была проведена Первая Всесоюзная конференция по полевой археографии (1976), материалы ее изданы, напечатаны пособия. В работе покойной сотрудницы Комиссии Д.И. Тверской обобщена информация обо всех экспедициях до середины 1970-х гг.

Все больше внимания уделяется проблеме краеведения, преимущественно историко-культурного, тем более что С.О. Шмидт — председатель Союза краеведов со времени его создания в 1990 г. Это и научные конференции и заседания, и издания, и реализация в пяти конференциях и изданиях материалов программы «Культура российской провинции XVIII – начала XX в.», совместные конференции и издания с Союзом краеведов, кафедрой региональной истории и краеведения РГГУ, РНБ и др. в Москве, Санкт-Петербурге, других городах, последние два года по ини-

циативе Председателя Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации С.М. Миронова и с его участием.

Сотрудники Комиссии работают и по индивидуальным программам. И там разноматемье: и рукописные сборники XVI–XVII вв., и водяные знаки бумаги, и составление (ученым секретарем Комиссии с 1972 г. В.А. Черных) «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой» и др.; на ближайшее время назначены защиты диссертаций сотрудниками — в мае кандидатской об архивном наследии историка М.М. Богословского А.В. Мельниковым, в июне — докторской о Лицевом летописном своде XVI в. А.В. Морозовым.

В 2002 г. я, отметив восьмидесятилетие, просил освободить от должности, рекомендовав в председатели своего заместителя, всемирно признанного знатока актового источниковедения Средневековья члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова, но продолжаю оставаться редактором изданий Комиссии, руковожу и ее конференциями.

В конце доклада приятно повторить заключительные абзацы статьи 1995 г. о Комиссии в юбилейном сборнике Института славяноведения: «...несмотря на переживаемые трудности, Археографическая комиссия сохранила свои квалифицированные кадры, научные связи с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья и остается ведущим международно признанным центром в области археографии и смежных историко-филологических дисциплин», и моего доклада к 40-летию Археографической комиссии: «Если можно говорить об определенных достижениях Археографической комиссии, то обусловлено это, пожалуй, в наибольшей мере характерной для коллектива ее сотрудников атмосферой дружелюбия и преданности своему делу. Пожелаем же, чтобы это сохранялось на долгие годы».

К ИСТОРИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАУЧНЫХ КОНТАКТОВ РОССИИ С АФОНОМ

Нынешняя научная конференция — очевидное свидетельство продуктивного творческого сотрудничества академических учреждений России и православной церкви, явственного продолжения линии взаимодействия, определившейся в период празднования крещения Руси в конце 1980-х гг. Такое сотрудничество оформилось, однако, лишь незадолго до тех торжеств. И позволяю себе напомнить о том, как это начиналось, рассказав о некоторых событиях тридцатилетней давности и близкого к тому времени, используя напечатанную тогда информацию и предоставленную мне ведущим научным сотрудником Института славяноведения Российской академии наук А.А. Туриловым — участником первой советской археографической экспедиции на Афон.

13 января 1982 г. в «Литературной газете» на странице 13 напечатали пространную информацию А.Н. Латыниной «Как открыть неоткрытые острова сокровищ» о беседе за круглым столом о памятниках культуры за рубежом. Участников ознакомили с письмом академика Д.С. Лихачева, в котором выражалась особая тревога о судьбе древнерусских рукописей на Афоне и отмечалось, что сербы занимаются изучением рукописей в монастыре Хиландар, издали два тома описания их, «а крупнейший на Афоне русский Пантелеймонов монастырь не привлекает наших ученых». Из девяти приглашенных к участию в этом круглом столе трое — З.В. Удальцова (директор Института всеобщей истории Академии наук, член-корреспондент Академии наук), С.О. Шмидт (председатель Археографической комиссии Академии наук) и В.Л. Янин (заведующий кафедрой археологии Московского университета, тогда академик В.Л. Янин был еще членом-корреспондентом Академии наук) — говорили о желательности и научной целесообразности возобновления работы наших ученых в Пантелеймонове монастыре.

Вскоре предприняты были шаги к реализации такого намерения. Душой подготовки поездки с научными целями на Афон был архимандрит Иннокентий (Анатолий Иванович Просвирнин), который тогда был заместителем главного редактора «Журнала Московской патриархии» и еще в 1976 г. выпустил книгу «Афон и Русская церковь. Библиография». Отца Иннокентия уже в ту пору признавали авторитетным знатоком церковной истории, старославянской книжности и иконописи. В нем было то, что можно, вслед за академиком Д.С. Лихачевым, охарактеризовать как «Рублевское начало»: «Писание икон, как и литературный труд, было особой формой молитвы» — эти проникновенные слова Д.С. Лихачева он не раз приводил затем в своих печатных трудах.

Задумано было организовать поездку на Афон, чтобы собрать материалы для иллюстрированной книги-альбома о Русском Пантелеймонове монастыре (так определялась формальная цель ее), ознакомиться с собранием рукописей и старопечатных книг монастыря, узнать, в каком состоянии находятся там эти и иные памятники истории и культуры. Внимание к памятникам культуры Афона — показатель того, что осознавалось возрастающее значение в сфере культурного наследия и уцелевших «памятников традиционной письменности», как деликатно определяли тогда памятники церковного происхождения.

В подготовке научной экспедиции в Пантелеймонов монастырь на Афоне и разработке ее программы принимали участие и Академия наук СССР (ее Отделение истории, Национальный комитет историков), и Министерство культуры СССР, и, конечно, Совет по делам религии при Совете министров СССР. Конкретизация программы, обоснование сроков ее выполнения, отбора участников первой экспедиции — результат совместных усилий Издательского отдела Московской патриархии и Археографической комиссии Академии наук (которую с 1968 г. доверено было возглавлять мне). Приходилось не раз встречаться и с владыкой Питиримом, и с функционерами Совета по делам религии, и с приезжавшими в Москву представителями греческой стороны. В Академии наук много сил отдавал руководству этим делом академик С.Л. Тихвинский — тогда академик-секретарь Отделения истории и член Президиума Академии наук и глава Национального комитета советских историков.

Поручение Археографической комиссии непосредственной подготовки экспедиции и, соответственно, общения и с Московской патриархией и с другими учреждениями объясняется и тем, что организация археографических экспедиций — одно из главных направлений ее деятельности как научно-проблемного совета Академии наук, и, можно полагать, некоторыми другими обстоятельствами.

Именно Археографическая комиссия в Отделении истории имела прямую прикосновенность к изучению церковных памятников письменности: по почину возродившего ее в 1956 г. академика М.Н. Тихомирова велась работа по составлению многолетнего «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР», и первый том с информацией о рукописях X–XIII вв. был к тому времени уже подготовлен к печати. А уцелевшие рукописи того времени и фрагменты их — в подавляющем большинстве своем рукописи религиозного содержания и написаны в монастырях и храмах. В Археографической комиссии подготовили к изданию книги и методических рекомендаций для описания разновидностей таких рукописей — правда, определять их допустимо было в те годы как «нарративные источники истории Средневековья» или «традиционные памятники письменности». Археографическая комиссия координировала в масштабах всей страны деятельность в сфере полевой археографии, а археографические экспедиции выявляли и собирали — особенно в районах, где обитали старообрядцы, — тоже именно такие памятники письменности. Результатам изучения памятников средневековой культуры посвящались разномасштабные конференции, организованные Археографической комиссией или с ее участием, и материалы их издавались. Такая проблематика была неизменной в выпусках «Археографических ежегодников». В Археографической комиссии могли помочь и в подборе квалифицированных специалистов, способных выполнить на Афоне работу по выявлению, описанию, использованию таких памятников истории и культуры. Возможно, имело значение и то, что председатель Археографической комиссии был представителем СССР в образованном в 1976 г. Международном центре информации об источниках истории Балкан и Средиземноморья (СІВАЛ — СИБАЛ) при ЮНЕСКО и председателем в СИБАЛ как раз Комиссии по описанию рукописей. В 1981 г., будучи в Фессалониках, ознакомился с работой Патриаршего института патристических исследований и хранящейся там картотекой микрофильмов рукописей Афона (об этом — в упомянутом выше материале «Литературной газеты»).

Готовясь к поездке на Афон, ознакомились детально с печатными и архивными материалами о работе тех исследователей, которые уже ранее ознакомились на месте с хранящимися там памятниками письменности, особенно с неопубликованным наследием русских ученых, занимавшихся этими рукописями, что позволило затем проверить на месте их археографические наблюдения.

В направляющуюся на Афон группу под руководством архимандрита Иннокентия входили Виктор Петрович Казанцев — племянник его, фотограф Издательского отдела Московской патриархии; Андрей Валентинович Лебедев — старший научный сотрудник Института философии Академии наук, исполнявший и обязанности переводчика. Член Археографической комиссии Николай Борисович Тихомиров — старший научный сотрудник Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина (ныне — Российская государственная библиоте-

ка) — замечательный знаток рукописного наследия Средневековья. О выдающихся научных заслугах Н.Б. Тихомирова, и прежде всего об описании им рукописей, написано в некрологе, помещенном в «Археографическом ежегоднике за 2000 год» (автор А.А. Турилов); список трудов ученого помещен в «Археографическом ежегоднике за 1989 год».

Пятым участником экспедиции был докладчик на нашей конференции Анатолий Аркадьевич Турилов, тогда старший научный сотрудник Археографической комиссии. Ныне он — ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук и хорошо известен и в нашей стране и за рубежом как автор книг и статей о памятниках средневековой культуры славянских народов.

На Афоне экспедиция находилась с 16 сентября по 13 октября 1983 г. Об этой экспедиции упомянуто в статье «Афон» в четвертом томе Православной энциклопедии (М., 2002. С. 165).

В период пребывания на Афоне Н.Б. Тихомировым и А.А. Туриловым было описано (либо собраны материалы для более обстоятельного описания) 158 славянских рукописей XIII–XIX вв. Были изготовлены копии (микрофильмы и ксероксы) всех важнейших славянских памятников в собрании Пантелеймонова монастыря. Кроме того, занимались выявлением славянских рукописей в библиотеках некоторых других афонских монастырей (Дохнар, Ксенофонт, Пантократор, Ставроникита), но нашлись они только в Дохнаре.

7 декабря 1983 г. состоялось научное заседание Археографической комиссии с повесткой дня «Предварительные наблюдения над памятниками письменности, хранящимися в Пантелеймонове монастыре на Афоне». Подробная информация о заседании имеется в разделе «Хроника» «Археографического ежегодника за 1983 год» (М., 1984. С. 333–336), составленном В.Ю. Афиани (ныне он профессор, директор Архива Российской академии наук). В дальнейшем изложении приводятся фрагменты этого текста.

После вступительного слова председателя Комиссии были продемонстрированы слайды, сделанные для альбома «Пантелеймонов монастырь на Афоне» В.П. Казанцевым и участники экспедиции выступили с научными докладами о результатах их работы.

А.А. Турилов отметил:

...до поездки славянское собрание Пантелеймонова монастыря во многом представлялось загадочным, так как отсутствовало его полное описание, а существующая литература приводит разноречивые данные. В работах А.А. Дмитриевского (1912) говорилось о наличии около 300 славянских рукописей, в альбоме-каталоге иллюминированных рукописей Афона (1976) называлась цифра — 600, а в каталоге профессора А.-Э. Тахиаоса (1981) описано 74 рукописи. Первоочередная задача заключалась в том, чтобы составить ясное представление об объеме и характере собрания.

В процессе работы в библиотеке и других помещениях монастыря было выявлено 84 славянские рукописные книги (включая фрагменты) XIV – начала XX в., не вошедшие в каталог профессора Тахиаоса. Общее число славянских рукописей (вместе с Синодиком 1705 г., хранящимся в сейфе ризницы

монастыря) составляет 158 книг и фрагментов XIII – начала XX в., из них 20 пергаменных. Находка рукописного инвентаря славянского собрания позволила установить происхождение печатного известия о 600 рукописях библиотеки. В это число были включены, помимо рукописей, переплетенные архивные материалы издательского характера. В настоящее время можно говорить, что собрание славянских рукописей Пантелеймонова монастыря занимает третье место по количеству рукописей после сербского Хиландарского (830) и болгарского Зографского (320) монастырей. От последних оно отличается тем, что формировалось не исторически, в течение столетий, а было собрано во второй половине XIX – начале XX в. В.И. Григорович, посетивший русский Пантелеймонов монастырь в 1843 г., видел в это время всего лишь шесть рукописей. Начало собранию было положено библиотекарем иеромонахом Азарией, а большую часть рукописей приобрел его преемник, иеромонах Матфей, названный Дмитриевским «русским самородком». В целом собрание составлялось путем покупки рукописей на Афоне, в России и, возможно, на международных аукционах. Некоторые рукописи были пожертвованы.

Большинство славянских рукописей Пантелеймонова монастыря было описано членами группы на месте, в отдельных случаях (преимущественно это относится к отрывкам) были собраны материалы для последующего описания.

Среди хранящихся рукописей древнейшая — «Драгыно евангелие» болгарского происхождения XIII в. Старейшая рукопись восточнославянского происхождения — евангелие середины XVI в. Из русских рукописей исторического содержания наиболее ранний памятник — «Летописец начала царства» в списке середины XVII в., принадлежавший Очиным-Плещеевым. Можно назвать также летописный свод 1652 г., в списке середины XVIII в., две разрядные книги пространной редакции XVII в., одна из которых была пожертвована в библиотеку, сборник родословных и летописных статей рубежа XVII–XVIII вв., ряд житий XVI в. в списках XVIII в. и ранний список (30-х гг. XVII в.) «Хождения Трифона Коробейникова». Южнославянская часть собрания более значительна. Одна из наиболее интересных находок — два черновика сербских хрисовулов XIV в. в греческой рукописи «Слов» Анастасия Синаита 1347 г., кроме того, можно отметить список хроники Григория Амартола 1387 г. Найденные исторические материалы были в основной своей массе ксерокопированы.

Каталог библиотеки монастыря погиб при пожаре 1968 г., потому трудно судить о составе ее в целом. Справочники насчитывают 25 тыс. томов, но на самом деле книжный фонд, по-видимому, больше. Библиотека содержит значительное число славянских и греческих старопечатных книг, с которыми не удалось ознакомиться в полном объеме из-за недостатка времени. Был составлен инвентарь на 114 книг XVI–XVIII вв., хранящихся в двух шкафах. Среди них имеются валашские, венецианские издания 1540–1570-х гг. Самое старое из восточнославянских изданий — Новый Завет, изданный в Остроге в 1580 г., включающий «Книжку вещей нужнейших». Имеются и другие редкие издания: Дерманский Октоих 1604 г., Евангелие 1600 г. виленской типографии Мамоничей. Большой фонд и московских, и украинских, а также старообрядческих и униатских изданий. А.В. Лебедев обнаружил глаголическое издание Ми-

сала (Рим, 1632 г.), происходящее из западноевропейской коллекции. Около 200 томов старопечатных изданий XVI–XVIII вв. насчитывает библиотека сикста Ксилургу.

Выступление другого члена группы, Н.Б. Тихомирова, было посвящено древнейшим рукописям библиотеки. Отмечалось, что в них имеется ценный материал о культурных связях народов Балканского полуострова между собой и с восточными славянами. В месяцеслове Драгыина евангелия болгарского извода, например, есть памяти русским святым и праздникам. В Минее служебной находятся краткие жития, в том числе Саввы Сербского, ранний список службы Константину Философу. В этой связи большой интерес представляют и памятники собственно церковного происхождения, литургические рукописи, прежде всего в типологическом отношении. Это ряд Октиохов, не встречавшихся ранее в таком составе, сборник апостольских и евангельских чтений и др. И в этой части собрание рукописей предстает более значительным, чем по каталогу Тахиаоса, в котором допущен ряд неточностей при определении рукописей и их датировке. Описанные памятники важны и для лингвистов, особенно для акцентологов, так как содержат ярко выраженную систему ударений в рукописях XIV в. Рукописный сборник служб Пантелеймону отличается от известных. Одна из этих служб билингва — написана на греческом и славянском языках (сербского извода). Следует отметить, что многие памятники находятся в плохом физическом состоянии: на одних имеется плесень, тексты пергаменных рукописей выцветают. Необходима их реставрация.

А.В. Лебедев рассказал о работе с собранием греческих рукописей, насчитывающим 1300 рукописей. Оно занимает четвертое место на Афоне. Большой объем собрания изменил задачи работы по сравнению со славянской частью. Была проведена проверка наличия. Составление инвентарной описи было облегчено тем, что обнаружился монастырский инвентарь. В греческом отделе собрания отсутствует какой-либо порядок. Одна из первоочередных задач будущей работы с греческими рукописями — наклеить инвентарные номера, так как поиск рукописей без этого очень затруднен. Сравнение рукописного описания собрания Порфирия Успенского (архив ЛОИИ) и печатного С. Ламброса (1900) показало, что за прошедшее время произошли некоторые изменения. По последнему описанию в библиотеке значилось 1027 греческих рукописей. В 1924 г. было продано три пергаменных кодекса. 56 бумажных кодексов, в большинстве своем XIX в., сгорело при пожаре. Помимо потерь, имеются и существенные прибавления — 300 кодексов, из них 6 пергаменных X–XIV вв. Всего насчитывается 103 пергаменных рукописи IX–XIV вв.: 3 лицевых (два евангелия и Слова Григория Богослова), один палимпсест VII в. — сборник житий. Среди рукописей на бумаге исключительно интересны автографы епископа Максима Маргуния рубежа XVI–XVII вв. В фонде хранится большое количество музыкальных рукописей XVI–XIX вв.

Руководитель группы А.И. Просвирнин сказал, что состояние памятников Пантелеймонова монастыря вызывало озабоченность еще в начале 1970-х гг. Работа группы продолжила традиции изучения памятников на Афоне, прежде всего трудами Порфирия Успенского, роль которого представляется все более

значительной, а описание его более глубоким, чем Ламброса. По замечаниям Успенского были сделаны ксерокопии, к которым были прибавлены копии обнаруженных листов с записями. Дальнейшая задача — продолжить работу и над материалами наследия ученого, шире ввести их в современную науку. Собранные группой материалы будут переданы в БАН СССР, где хранятся материалы, привезенные Успенским. В материалах архива XIX – начала XX в. освещается история складывания коллекции. Выясняется, что иеромонах Матфей получил хорошую школу, прежде всего в общении с русскими учеными, работавшими на Афоне. Об этом свидетельствуют и интереснейшие альбомы с их автографами. Заслуживает внимания и другая сторона деятельности Матфея — издательская. Типографский архив монастыря сторел, но сохранился издательский. В нем хранятся оригиналы издававшихся книг, рукописи, по которым видно, какие изъятия были сделаны при подготовке изданий чиновниками дореволюционной России. Обнаружен и ряд неизданных рукописей, например А.А. Дмитриевского, большая переписка с русскими учеными. Научные сотрудники, используя богатейшее наследие русской дореволюционной науки, доказали, что очень высок и уровень современной отечественной науки.

Изучение памятников письменности Афона имеет значение и в связи с исследованием отечественной культуры и письменности и взаимосвязей их с культурой балканских народов. По-видимому, нужно поставить для научных исследований тему «Афон и Россия», рассмотреть и давние связи между ними и многочисленные памятники, привезенные с Афона начиная с XVI в., и работу многочисленных русских ученых на Афоне, таких как Порфирий Успенский, В.И. Григорович, Антонин Капустин, А.А. Дмитревский и др.

Выступления участников поездки на Афон вызвали большой интерес и многочисленные вопросы присутствовавших на заседании. Были и запоминавшиеся прения с соображениями и о результатах работы, и о дальнейших перспективах развития научных контактов с Афоном. Выступали старший научный сотрудник Археографической комиссии О.А. Князевская — авторитетнейший специалист по палеографии древних памятников славянской письменности и истории языка их, выдающиеся византологи старшие научные сотрудники Института всеобщей истории Академии наук Б.Л. Фонкич и М.В. Бибиков (доклады этих видных ученых в программе нашей конференции), профессор С.М. Каштанов — крупнейший у нас специалист по дипломатике, тогда старший научный сотрудник Института российской истории, ныне работающий в Институте всеобщей истории и лет десять назад сменивший меня на посту председателя Археографической комиссии (я с тех пор стал почетным ее председателем); заместитель директора Архива Академии наук Н.М. Митрякова.

Привожу хроникальный текст, излагающий содержание выступления Б.Л. Фонкича с конкретными наблюдениями о рукописях на греческом языке.

Б.Л. Фонкич сказал, что, несмотря на ограниченность первоначальной задачи, результаты работы группы оказались значительными. Афон занимал заметное место в истории России, и многие рукописи в отечественных хранили-

цах происходят с Афона. В этом и заслуга десятков русских исследователей. В монастырских хранилищах на Афоне можно будет найти еще интересные памятники. Очень ценен тот факт, что удалось выявить значительное число новых греческих рукописей, по сравнению с каталогом Ламброса. Особый интерес представляет сборник XVI в., начатый известным писцом Николаем Хониатом в Венеции и законченный Маргунием, что позволяет теперь совершенно определенно говорить об их контактах. Среди найденных фрагментов важен в палеографическом отношении отрывок, происходящий из константинопольского скриптория монаха Ефрема середины X в. Важны также материалы XIX – начала XX в., рукописи школы Паисия Величковского, житие и службы Антония Печерского.

Привезенные копии архивной документации были переданы в Отдел рукописей Библиотеки Академии наук в Ленинграде. В Ленинграде состоялось и выступление архимандрита Иннокентия о научных результатах поездки на Афон на организованной Институтом востоковедения Академии наук совместно с СИБАЛ Международной конференции по изучению памятников средневековой книжности. Об экспедиции на Афон и о конференции в Ленинграде была информация в научной прессе и нашей страны, и за рубежом (в изданиях СИБАЛ), в том числе в моих статьях в «Вестнике Академии наук» — в статье 1984 г. (в № 10) о деятельности Археографической комиссии и в статье 1985 г. (в № 12) о Международной конференции.

Основные научные публикации по материалам экспедиции:

а) Описания

Славянские рукописи афонских обителей / Сост. А.А. Турилов, Л.В. Мошкова; под ред. А.-Э.Н. Тахиаоса. Фессалоники, 1999. 490 с., указ. Включает (в алфавитно-хронологическом порядке) краткое описание 1109 рукописей XI–XVIII вв. 12 хранилищ Афона, в том числе 95 рукописей 2-х собраний Пантелеймонова монастыря. В настоящее время в Белграде готовится уточненный и дополненный сербский вариант издания.

Турилов А.А. Сербские отрывки XIII–XVI вв. библиотеки Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне. Ч. 1 (Рукописи XIII–XIV вв.) // Археография прилози. Београд, 2006. Кн. 28. С. 56–104 (подробное описание отрывков 8 рукописей, найденных в 1983 г.).

б) Статьи

Турилов А.А. Малоизвестные системы восточнославянской книжной тайнописи // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 104–108.

Он же. Последний отголосок идеи «Царства сербов и греков» (Градозданная надпись Вука Бранковича 1378–1379 гг.) // Славяне и их соседи. Вып. 8: Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998. С. 126–140 (публикация сербской грамоты XIV в., записанной в греч. кодексе).

Научное значение экспедиции на Афон очевидно. Но в ту пору это имело и особое общественное значение, как первый опыт совместной деятельности Академии наук и Московской патриархии. С тех пор архимандрит Иннокентий стал по-

стоянно бывать на заседаниях академических учреждений в Москве и Ленинграде (сначала в гражданском костюме, а затем уже и в рясе). В марте 1988 г. при переустройстве состава Археографической комиссии как научно-проблемного совета (Комиссии по археографии, архивоведению и смежным историко-филологическим дисциплинам Академии наук) в ее состав был включен и кандидат богословия А.И. Просвирнин — отец Иннокентий. Такое было впервые в практике тех лет. А когда архимандрит Иннокентий скончался, написал его некролог для напечатания в журнале «Отечественные архивы» — официальном органе Государственной архивной службы РФ. В № 6 за 1994 г. была напечатана статья «Памяти архимандрита Иннокентия», где охарактеризован вклад этого выдающегося ученого многообразных научных интересов в развитие археографии и специальных историко-филологических дисциплин.

Организация первой после длительного перерыва поездки российских ученых на Афон положила начало регулярному взаимодействию учреждений Академии наук с Московской патриархией и способствовала расширению и многообразию контактов советских и церковных учреждений (знаю это и по опыту деятельности и Московского государственного историко-архивного института, ставшего основой для образования Российского государственного гуманитарного университета, и Союза краеведов России). И в наши дни, когда подобные научно-плодотворные связи воспринимаются как само собой разумеющиеся, приветствуя инициативу организаторов нашей конференции и благодаря их за это, позволил себе напомнить о времени, когда все было отнюдь не так гладко в системе наших взаимоотношений.

СЛОВА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

(К юбилею Института славяноведения Академии наук)

Сотрудником Института я стал лишь в 2001 г., будучи уже (с 1986 г.) главным научным сотрудником РАН, где работаю с конца 1956 г. Но с 1968 г. руководил коллективом сотрудников Археографической комиссии, изначально находившихся в штате Института славяноведения. Поэтому мои представления о прошлом и настоящем Института в большей мере не воспоминания очевидца, а взгляд как бы со стороны.

Прежде всего, испытываю ощущение признательности его руководителям и коллективу, с годами все укрепляющееся, и неизменное преклонение перед мудростью и прозорливостью основателя и первого председателя Археографической комиссии академика Михаила Николаевича Тихомирова, избравшего именно этот

академический институт местом работы организованной им в апреле 1956 г. Комиссии. И особенно приятно было услышать на Тихомировских чтениях 1996 г., посвященных 40-летию Археографической комиссии РАН, слова директора Института В.К. Волкова, отметившего, «что все 40 лет сотрудничества» Института с Комиссией «были чрезвычайно плодотворными и что М.Н. Тихомиров не ошибся, доверив свое “детище” существовавшему тогда еще только 10 лет институту»¹. И мы — сотрудники Комиссии — радуемся и гордимся тем, что схожую мысль формулировали, приветствуя Комиссию в день празднования ее 50-летия на заседании совместном с Отделением историко-филологических наук в 2006 г., и академик-секретарь Отделения А.П. Деревянко, и нынешний директор Института К.В. Никифоров.

М.Н. Тихомиров, задавшись идеей возродить Археографическую комиссию, размышлял не только о программе ее деятельности, но и о возможностях практической реализации планируемой программы, а следовательно, и об условиях работы создаваемого подразделения Академии наук, о его будущем. М.Н. Тихомиров был в ту пору академиком-секретарем Отделения исторических наук, членом Президиума Академии наук, следовательно, имел возможность выбора института, к штату которого целесообразнее всего «приписать» сотрудников Комиссии. Ознакомившись с системой работы институтов возглавляемого им Отделения Академии наук, М.Н. Тихомиров счел за благо ориентироваться именно на Институт славяноведения, где и сам стал штатным сотрудником с 1957 г. Можно полагать, что М.Н. Тихомиров учитывал не только проблематику научной деятельности Института, но и характер взаимоотношений с руководящими партийными и государственными учреждениями. М.Н. Тихомиров более всего думал о выявлении, описании и изучении рукописных материалов исследуемого им самим периода истории, т.е. допетровской Руси, и, вероятно, сразу же намерен был начать подготовку «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг». А это — сфера научных интересов и историков, и филологов. И лишь в одном институте Отделения исторических наук много и в плановом порядке занимались проблемами филологии. Более того, филологи могли — в отличие от историков тех лет — сравнительно беспрепятственно ориентироваться на изучение средневековых памятников церковного происхождения и религиозного содержания, которые, как понимал М.Н. Тихомиров, составят основной массив рукописей «Сводного каталога» древней книжности и возможных находок организуемых по его почину археографических экспедиций. Учитывалось, можно думать, и то, что на Руси бытовали рукописи южнославянского происхождения, и культура народов славянского мира и Византии у истоков древнерусской письменности и литературы.

Нельзя было не думать в то время и об обеспечении допустимых форм независимости от вмешательства в работу высших партийных органов. Институт истории всегда находился под особым надзором самого ЦК партии: контролировали работу всех его секторов, да и руководители Института подчас стремились продемонстрировать показательную активность в проведении партийной линии. В Институте славяноведения внимание ЦК было сосредоточено на тематике периода Нового и особенно Новейшего времени в истории и культуре стран социалистического лагеря. К тому же с властным и инициативным директором Института

истории А.Л. Сидоровым у М.Н. Тихомирова отношения не складывались. И в то же время были не близкие, но благожелательные отношения с директором Института славяноведения П.Н. Третьяковым. Давние взаимоуважительные отношения были и с С.А. Никитиным: еще в довоенное время они подготовили к печати первый учебник по источниковедению отечественной истории (Тихомиров написал том об источниках до XIX в., Никитин — том по XIX в.); в годы моей аспирантуры на истфаке МГУ (в 1945–1946 гг.) научный руководитель М.Н. Тихомиров просил именно С.А. Никитина стать куратором моей темы по XIX в. Определенная эмансипированность проявилась и в том, что сотрудники Археографической комиссии — члены партии — изначально оказались в партгруппе Отделения общественных наук Президиума Академии наук, где их научной работой мало интересовались. В итоге Комиссия сформировалась как «самостоятельное подразделение в структуре Института»², что нашло отражение и в книге, посвященной 50-летию Института славяноведения и балканистики, где «Список научных сотрудников» Комиссии опубликован отдельно³.

Как теперь становится все яснее, это создало особо благоприятные условия для творческой деятельности сотрудников Комиссии и для меня, когда я был утвержден ее руководителем. Ставший после кончины М.Н. Тихомирова (2 сентября 1965 г.) председателем Комиссии член-корреспондент В.И. Шунков, будучи также директором ФБОН и заместителем академика-секретаря Отделения, к работе Института славяноведения вовсе не имел касательства. Я считал своим долгом поддерживать деловые контакты с дирекцией Института, но сам оставался в штате и на партучете в Институте истории СССР. Это обеспечивало достаточную свободу действий и самостоятельность работы и руководимого мною коллектива, и моей личной. И, хотя я не мог получать жалование руководителя подразделения и до установления категорий у меня была ставка рядового доктора наук, не шел на предложения дирекции Института истории СССР повысить мне зарплату, если соглашусь на перевод Комиссии в штат этого института. Тем самым удалось избежать присутствия на заседаниях дирекций обоих институтов (и, соответственно, участия во всякого вида «разборках») и заниматься преимущественно тем, что казалось привлекательным как ученому.

В Институте славяноведения поддерживали на заседаниях Ученого совета подготовленные в Комиссии издания, считались с нашими пожеланиями при подборе кадров. Сотрудники Института помогали и помогают в создании «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг» (прежде всего А.А. Турилов, ранее бывший в штате сотрудников Комиссии). В.А. Дьяков принимал действенное участие в работе редколлегии «Археографического ежегодника», в организуемых Комиссией конференциях. Научная работа Комиссии воспринималась как достойная особаго внимания часть большого комплексного плана научной деятельности Института⁴. И потому были все основания во вступительном слове на упоминавшихся уже Тихомировских чтениях к 40-летию Комиссии сказать: «Особо нужно отметить поддержку со стороны руководителей Института славяноведения и балканистики, уважительное и заинтересованное отношение к работе сотрудников Комиссии, сохранение в штатах преданных делу работников высокой квалификации, достигших пенсионных лет, и в то же время поддержку наших просьб о пополнении

штатов Комиссии молодыми сотрудниками. И приятно и почетно видеть здесь директора Института В.К. Волкова, который пришел на собрание ветеранов и друзей Комиссии»⁵.

Став по настоянию болгарского академика Н. Тодорова представителем СССР в Международном центре информации об источниках истории Балкан и Средиземноморья (СIBAL — СИБАЛ) при ЮНЕСКО, членом его Бюро и председателем Комиссии по описанию рукописей, участвуя во многих международных конференциях и заседаниях (в 1976–1991 гг.), я мог убедиться, как уважительно относились зарубежные коллеги к трудам ученых Института. Явственно ощущал это и на международных конгрессах славистов, и на конференции «Историография на переломе эпох» в Варшаве в 1995 г.

Когда в начале уже нынешнего столетия стала труднопереносимой мешавшая творческой деятельности атмосфера, создавшаяся в Институте российской истории, из-за действий директора и его заместительницы, и я, как и некоторые другие научные сотрудники (в их числе и член-корреспондент РАН С.М. Каштанов, ставший с 2002 г. председателем Археографической комиссии), предпочел покинуть институт, то просил перевести мою ставку в Институт славяноведения. Здесь я смог еще в большей мере почувствовать благоприятность его микроклимата для научной работы. И очень согрели душу слова директора Института В.К. Волкова на заседании в апреле 2002 г. в день моего 80-летия (отмечавшегося в здании Мэри на Новом Арбате), хотя и сознавал, конечно, красоту преувеличения, свойственного юбилейному приветствию: «Обычно в такие дни мы что-то дарим юбиляру, но в этот год, в 80-й год своей жизни, Сигурд Оттович сделал подарок Институту, где долгие годы, возглавляя Археографическую комиссию, не был сотрудником, а с этого года стал сам его сотрудником...»⁶

Как говорится: «Здесь мой причал». И мне покойно от того, что пока остаются силы для работы в наследственно близкой мне Академии наук, могу ощущать себя сотрудником именно Института славяноведения. Душевная признательность тем, кто помогает мне в мои годы сохранить творческий потенциал.

¹ Археографический ежегодник за 1996 год. М., 1998. С. 3.

² Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 39.

³ Там же. С. 363–370.

⁴ См.: Черных В.А., Шмидт С.О. Работа Археографической комиссии за 40 лет (1956–1996) // Там же. С. 269–282.

⁵ Археографический ежегодник за 1996 год. С. 7.

⁶ Археографический ежегодник за 2002 год. М., 2004. С. 291.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ 1960–1990-х ГОДОВ И РАЗВИТИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Наша конференция — праздник и Московского университета, и всех причастных к археографической деятельности. И потому для меня — питомца университета, защищавшего на историческом факультете, тогда еще по соседству отсюда — в доме 5 по улице Герцена, ныне снова ставшей Большой Никитской, первую свою диссертацию, — это двойной праздник. Знаменательно, что мы собрались в бывшем Актовом зале, где происходили самые значительные события университетской жизни. Тем более что среди профессоров и диссертантов университета были и те, чьи личные библиотеки бережно хранятся и изучаются теперь в этом и смежных помещениях, ставших средоточием историко-культурной памяти первого университета России. И не могу еще раз не посетовать на то, что у руководителей исторического факультета того времени, когда переводили гуманитариев на Воробьевы горы в «коробку» около высотного здания, не хватило разума или настойчивости сохранить наш факультет на Моховой — близ главной библиотеки страны и Исторического музея, близ старых зданий университета и библиотеки: здание напротив Манежа вследствие безответственной недальновидности перешло к факультету журналистики.

Прослушанные нами приветственное слово декана исторического факультета, доклад организатора и бесменного руководителя группы археографов университета, выставка в этом зале, дающая зримое понятие о масштабах содеянного и перспективах дальнейшего изучения собранного материала, широкий — и международный, а в научном плане междисциплинарный — состав участников конференции еще более утверждают в горделивой радости.

Термин «археограф» (от греческих слов «архео» — древний и «графо» — пишу) известен издавна и на протяжении времени менял свое значение, что подробно прослежено классиком и практики и теории археографии и ее истории С.Н. Валком¹. В раннее Средневековье так называли переписчика рукописей; в конце XVII – начале XIX в. в Западной Европе под «археографией» подразумевали изучение памятников древности, но сначала за этой отраслью науки упрочилось название «археология» (потом и этот термин тоже изменил или, точнее, обогатил свое значение), и термин «археография» исчезает из языка западноевропейской науки; причем уходит настолько основательно, что зарубежным коллегам приходится истолковывать смысл слова, написанного на моей визитной карточке председателя Археографической комиссии Академии наук.

В России же с 1820-х гг. постепенно стали так называть науку о выявлении, собирании и описании только письменных памятников, а затем и об их издании. Это нашло отражение в наименовании в конце 1820-х гг. археографических экспедиций по выявлению и описанию памятников древнерусской письменности. С обра-

Впервые опубликовано: Мир старообрядчества: Сб. науч. тр. М., 1998. Вып. 4: Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества: Материалы Международной научной конференции, состоявшейся 21–24 ноября 1995 г. в Старом актовом зале МГУ. С. 21–29.

зованием в середине 1830-х гг. Императорской Археографической комиссии, главной задачей которой первоначально была подготовка публикации памятников, собранных археографическими экспедициями, а затем и тех, которые находились уже в государственных хранилищах, термином «археография» стали обозначать и научное издание памятников письменности. Со второй половины XIX в. многие видные исследователи (историки, литературоведы, языковеды) являлись одновременно и видными археографами-публикаторами.

К началу XX столетия задачами археографии как исторической (или далее историко-филологической) научной дисциплины полагали собирание, описание и издание письменных исторических источников. И этим традициям, восходящим к деятельности академиков А.А. Шахматова, А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова — последнего председателя старой Археографической комиссии, прикрытой вскоре после его ареста, когда сфальсифицировали так называемое «академическое дело» по обвинению академиков-историков в контрреволюционных действиях, следовал, возрождая в Академии наук в 1956 г. Археографическую комиссию, мой университетский учитель академик Михаил Николаевич Тихомиров, явившийся основателем и университетской кафедры источниковедения. Именно из такого широкого понимания он исходил, планируя работу Археографической комиссии и издание «Археографических ежегодников».

Сферы археографии: полевая археография — поиск и собирание документальных памятников в среде бытования; описательная (или камеральная) — научное описание документальных памятников в стационарных (по сравнению с полевыми) условиях; эдичионная — комплекс работ, связанных с подготовкой документальных публикаций. В среде архивистов распространено представление об археографии как о научной дисциплине, разрабатывающей только вопросы теории, методики и практики публикационно-издательской работы и проблемы ее истории. Археография в широком понимании тесно взаимосвязана с текстологией, кодикологией, палеографией, архивоведением и, конечно, с источниковедением, а полевая археография — с этнографией, фольклористикой, книговедением.

Об археографии, ее истории, задачах, современных возможностях, перспективах приходилось уже немало говорить и писать². Потому лучше сосредоточиться на том, о чем хотя тоже не раз и писал и говорил как о специальной теме, и попытаться вкратце показать роль Московского университета последних десятилетий в развитии археографии и культуры и культуры археографии, а также в возрождении историко-культурного краеведения. Ибо область научной деятельности «полевых археографов» — культура российской провинции, причем корневая, народная культура. А это — важнейший предмет занятий именно краеведов. И труды проблематики — важнейший показатель научно-результативного сотрудничества «большой науки» — академической и университетской — с краеведением.

Наибольшее внимание при этом я намерен уделить периоду становления школы археографии в Московском университете, когда еще не пришли народные известность и признание, отмечая значение работы археографов Московского университета для развития археографической культуры России, воспитания археографов и воспитания археографией, выявляя линии соприкосновения с другими явлениями научной и общественной жизни. Тем более что о собственно научно-

исследовательских и научно-методических достижениях археографов МГУ свидетельствуют и осуществленные ими издания, и созыв нашей юбилейной конференции, и об этом напечатано (в том числе и в изданиях Археографической комиссии) столько, что впору составить особую библиографию; и надеюсь, что такой библиографический труд опубликуют (с учетом, естественно, и той литературы, которая вызвана нынешним юбилеем).

Важно сразу же подчеркнуть то, что деятельность археографов Московского университета развивается в русле широкого, традиционного — от Строева до Тихомирова — понимания предмета и задач археографии. Археографы МГУ во всех трех сферах археографии продемонстрировали научную плодотворность ощущения такой взаимосвязи.

Становление полевой археографии именно в 1950–1960-е гг. и именно таким путем обусловлено обстоятельствами и общественно-политической, и научной жизни, когда выявилась возможность синтезировать многообразное научно-культурное наследие на уровне современных знаний и исследовательской технологии. Это явление, тоже относящееся к культуре так называемых шестидесятников, которую не следует сводить лишь к деятельности модных и громких публицистов и поэтов и тех, кому в те годы исполнилось 25–30 лет, ведь даже среди поэтов самый долговечный из них в наших душах Булат Окуджава — участник войны! И то, что Археографическая комиссия была воссоздана в апреле 1956 г., через два месяца после XX съезда КПСС, отнюдь не случайное сближение дат. «Оттепель» обнаруживали и в научной жизни, и в сознании научной молодежи тех лет. И среди профессоров, причем разных поколений, оказались такие, усилиями которых формировалось новое в гуманитарных науках. Да иначе и быть не могло; ибо научное знание совмещено всегда с обучением, овладением молодежной культурой этого научного знания. А это происходит под руководством, во всяком случае, с участием более опытных специалистов старшего возраста: и потому-то прогрессивное развитие науки всегда результат творческой деятельности ученых разных поколений (в идеальном варианте — научных школ во главе, чаще всего, со старшими по возрасту). Высвобождение от идеологического диктата (государственно-политического по своей форме и, как правило, вульгарно-социологического по идейной направленности) предопределяло большой интерес и большее уважение к фундаментальным основам исследовательского ремесла, т.е. той сферы, к которой относятся специальные историко-филологические научные дисциплины.

В Московском университете направленность работы в области полевой археографии и вообще археографии обуславливалась особенностями университетских традиций, и характерных для всех высших учебных заведений университетского типа, и свойственных именно старейшему университету России, традиций научно-исследовательских, учебных, просветительских, общественных связей. Имели значение и конкретные обстоятельства тех лет: уровень научной работы (и ее организации) в близких к археографии областях знаний, специфические свойства лиц, оказавшихся в той или иной мере причастными к такой деятельности (и не только в университете).

В университетах характерны междисциплинарные научные связи и в системе обучения, и в самой атмосфере общения. А археография находится на стыке наук; и

уровень культуры археографии во многом определяется степенью проникновения в нее разнородных культурных и научных элементов. В университете того времени не изжиты еще были благотворные для гуманитарной науки рудименты широкого образования, которое получали на историко-филологическом факультете, когда на формирование историков оказывали заметное воздействие филологи (и не зря по сей день дискутируют о том, кто был определяющим учителем Ключевского — филолог Буслаев или историк Соловьев), а на филологов — историки. Только в университете так широко поставлено преподавание и всеобщей истории, и этнографии, и археологии; и тем самым облегчается историко-сравнительное изучение исторических явлений, обогащается методика выявления и исследования исторических памятников и обучение специализирующихся по отечественной истории.

Для творчества профессоров, занимавшихся проблемами отечественной истории (а ведь именно с этой проблематикой связаны в России «полевые археографы»), особенно ранних периодов, были характерны тогда широта научных интересов, склонность к многотемью. Показательно, что это свойственно было и научной молодежи тех лет. Н.Н. Покровский, специализировавшийся по актовому источниковедению средневековой Руси, преподавал накануне своего ареста по так называемому «университетскому делу» источниковедение советской истории. И сейчас академик Н.Н. Покровский — глава сибирских археографов и заместитель председателя Археографической комиссии, автор многих трудов по истории периода феодализма — публикует исследования о протоколах Политбюро как историческом источнике³, а заведующий кафедрой археологии академик В.Л. Янин — высочайший авторитет по истории создания отечественных грампластинок⁴.

Не менее существенна в интересующем нас плане и склонность профессоров к сопоставительному изучению разнотипных исторических источников; именно на такой источниковой базе построены исследования М.Н. Тихомирова и Б.А. Рыбакова и более молодых А.Д. Горского и В.Л. Янина. А.А. Арциховский — автор монографии о древнерусских миниатюрах как историческом источнике, главная задача которой — сравнительное рассмотрение изобразительных, вещественных и словесных источников. Такому всестороннему подходу к источникам исторической информации особо способствовали великие открытия Новгородской экспедиции и то, что исследованию берестяных грамот с увлечением отдали свои силы специалисты разных отраслей знания. Результаты Новгородской археологической экспедиции тогда воспринимались как самое значительное научное достижение гуманитариев университета; и, пожалуй, ничто так не содействовало в ту пору подъему престижа гуманитарных наук вообще и возбуждению интереса к работе научных экспедиций гуманитариев.

В это время как раз наблюдался определенный общественный подъем внимания к памятникам прошлого, обсуждались вопросы сохранения их, образовалось Всероссийское общество охраны и использования памятников истории и культуры. Думается, что нельзя упускать из виду и то, что организация экспедиции по выявлению и собиранию памятников старинной письменности восходила к давним славным традициям Московского университета, к счастью, еще сохранившимся в те годы: помнили и о коллекциях рукописей московских профессоров, сгоревших в пожар 1812 г., и о рукописных собраниях М.П. Погодина, Ф.И. Бусла-

ева, Н.С. Тихонравова, знали и об уникальной коллекции рукописей, старопечатных книг и икон, собранной М.Н. Тихомировым и пожертвованной им еще при жизни Сибирскому отделению Академии наук⁵.

Научный уровень, размах, успех работы какого-либо организационного подразделения в области полевой археографии во многом зависит от взаимоотношений с полевыми археографами иных подразделений и вообще с кругом близких к такой проблематике специалистов. У исторического факультета был налаженный творческий контакт с учреждениями Отделения истории Академии наук и по выполнению совместных научных программ, и многие академические сотрудники преподавали в МГУ. Особенно тесным было содружество с научно-проблемными советами, сформированными в Академии наук в 1961 г. (им стала и Археографическая комиссия) и координировавшими в пределах всего государства работы определенной проблематики. Московский университет воспринимался как «головной» среди вузов страны, имел устойчивые взаимосвязи с другими вузами, причем не только с университетами, но и с пединститутами. Председатель Археографической комиссии обосновал и «археографическое открытие Сибири», и необходимость развертывания и в других регионах археографических исследований, близких по характеру к таким, которые в те годы вел В.И. Малышев, создавший коллекцию памятников древней письменности и школу полевых археографов в Пушкинском Доме.

Велико, несомненно, значение и личностного начала. Когда говорят о зачинателе, энтузиасте и руководителе археографических работ МГУ И.В. Поздеевой, отмечают ее научно-исследовательские и организаторские дарования, неукротимую энергию, убежденность в правильности дела, победы в котором достигались в длившейся не один год борьбе (чему помогал, пожалуй, как и у М.Н. Тихомирова, и ее нелегкий характер). Полагаю, однако, что не меньшее значение имеют свойственная И.В. Поздеевой широта научных интересов, пройденная ею научная школа. А это школа крупнейшего антиковеда и знатока передовой методики научной работы К.К. Зельина, и первая ее диссертация защищена о Греции IV в. до н.э. Я могу составить себе представление об этой школе и потому, что первый мой печатный труд, а если говорить точно, то первая — и тогда единственная — страница — это тезисы подготовленного в семинаре К.К. Зельина доклада студента-второкурсника, изданные в самый канун войны. Обращение к античности приучило к пониманию того, что произведения художественной литературы и искусства являются ценнейшими источниками о событиях прошлого и об общественном сознании. В молодые годы И.В. Поздеева прошла школу работы и с археологами. А так как она никогда не склонна была замыкаться в изучении лишь отдаленных эпох и уже в недавнее время продемонстрировала это, организовав в 1985 г. глубоко впечатляющую выставку книг, плакатов, графики, личных документов времени Великой Отечественной войны «Книга сражается» из собрания книголюбов⁶, то оказалась способной сразу же ощутить линии связи изучаемых археографами в полевых условиях памятников старины с современностью, выявить глубинные корни мировоззрения и народной культуры — и этической, и эстетической — последующих времен. И.В. Поздеева попыталась сразу же синтезировать (вернее было бы даже сказать, амальгамировать) воспринятое из воззрений и новейшей методики и историков (в широком понимании, т.е. включая и археологов и этнографов), и филологов,

или — как она сама определила — «рекомендации Тихомирова, идеи Лихачева, практику Малышева». А этим выдающимся знатокам древнерусской книжности было очевидно — и это всесторонне развито в трудах академика Д.С. Лихачева, — что традиции книжности рукописной и старопечатной неотторжимы одна от другой и воспринимались как культурное единство в среде бытования.

И.В. Поздеева сразу же поставила задачу организации комплексных археографических экспедиций, стала разрабатывать и теоретически обосновывать их методику и была поддержана и в Москве, и археографами других городов — Н.Н. Покровским, В.Н. Алексеевым и остальными новосибирцами, Р.Г. Пихоей в Свердловске, А.А. Амосовым в БАН и наследниками традиций В.И. Малышева в Пушкинском Доме. И на организованной по инициативе Археографической комиссии в декабре 1976 г. Первой всесоюзной конференции по проблемам полевой археографии именно И.В. Поздеева выступила с обобщающе-постановочного характера докладом «Задачи и методика комплексных археографических экспедиций», а в Археографическом ежегоднике за 1977 год вслед за итоговой коллективной статьей о состоянии и задачах советской полевой археографии была помещена ее статья «Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности (Из опыта работы археографов Московского государственного университета)». Ведущие наши периодические издания, журнального типа и ежегодники, не раз публиковали статьи сотрудников археографических экспедиций МГУ. И очень существенно то, что они не обязательно являлись сотрудниками университета — они работали и работают и в других научных учреждениях и хранилищах Москвы и других городов.

И это пример содействия распространению культуры археографии: благодаря помощи коллег из Московского университета возникли и укрепились центры археографии в других вузах страны — и на севере, и на юге. Московские ученые помогли и научной организации на местах коллекций (оставляя там нередко и перешедшее к москвичам во время экспедиций). Важным стимулом работы полевых археографов становились научные конференции — всероссийские и региональные — в разных городах. И почти во всех принимали самое деятельное участие археографы Московского университета. Значителен их вклад и в выработку нормативов организации археографической работы и форм ее отчетности. Это отмечено было еще в обобщающей и определяющей одновременно дальнейшие перспективы работ статье Д.И. Тверской, напечатанной в 1976 г. в журнале по отечественной истории⁷.

В последующие годы, особенно с изданием книг трудов участников археографических экспедиций и сотрудников МГУ, значение их деятельности в развитии археографической культуры ощущается еще сильнее, и в последние годы Московский университет все в большей мере признается одним из крупнейших центров и полевой археографии, и изучения культуры старообрядчества, и исследования старопечатной книжности.

Работе полевых археографов, как, впрочем, и всех других, кто самозабвенно сохранял и изучал памятники древнерусской духовности, мы обязаны тем, что они не только уцелели, но и стали восприниматься как ценные памятники культуры еще в период, когда господствующей официальной идеологией был воинствующий атеизм. Особенно велика нравственно-просветительная роль в этом плане

музеев, благодаря которым мысль о важном историко-культурном значении памятников церковного происхождения внедрялась в сознание широкой публики, детей. И Православная церковь, получившая лишь сравнительно недавно официальную государственную поддержку своей деятельности, должна бы, на мой взгляд, быть признательной тем, кто сумел, несмотря ни на что, и часть этих памятников сохранить, и продолжать их научное изучение. А это было отнюдь не безопасно, даже в послевоенные годы. Напомню трагедию, когда на историческом факультете МГУ летом 1949 г. довели до самоубийства даровитейшую аспирантку академика Б.Д. Грекова Ирину Львовну Перельман; она, будучи кандидатом в члены партии, ходила в церковь. И людям старших поколений, десятилетиями связанным с учреждениями культуры, горестно наблюдать, как, возвращая Церкви храмы, закрывают музеи, складировать их экспозиции, не заботясь о предоставлении им нового, подходящего помещения. Полагаю, что это недальновидно, ибо восприятие культуры и ее памятников не должно прерываться в народе, и, по сути своей, это и не по-христиански. Отмечая сделанное полевыми археографами, не забудем о том, чем обязана им возрождающаяся культура православия.

Очевидно, и это не раз отмечалось, что в фундаменте современной археографии (а следовательно, и полевой археографии) заложено воспринятое из исследований ученых-гуманитариев, особенно в области источниковедения и смежных с ним специальных историко-филологических научных дисциплин. Но для полевой археографии, повторяю, велико значение и освоения опыта краеведов 1920-х гг., особенно с использованием новых, по сравнению с тем временем, достижений в области гуманитарных знаний и современной технологии научной работы, обуславливающей более тесное, чем ранее, взаимопроникновение гуманитарных и иных — прежде всего технических — наук.

В 1920-е гг. краеведами многих культурных гнезд России на практике, пока еще зачастую без теоретических обоснований и обобщений, но с учетом новейших выводов и наблюдений российских историков, социологов и философов, опытным путем определялись элементы такого источниковедческого подхода к познанию прошлого и обращения к междисциплинарной методике всех аспектов наук о человеке (и социальных, социоэкономических, государственно-политических, историко-культурных, идеологических, и психологических, и географических), которые ныне объединяют под наименованием комплексного источниковедения, компаративного источниковедения. (Этой привлекающей все большее внимание проблематике посвящается научная конференция, традиционная для кафедры источниковедения и вспомогательных дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, организуемая в январе 1996 г. совместно с Археографической комиссией: «Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании»; в ее программе есть и сообщение в таком плане о краеведении 1920-х гг.⁸)

В 1917 г. и в последующие годы именно краеведам в первую очередь мы обязаны и сохранением памятников истории и культуры, и организацией новых музеев, библиотек, архивов, и сохранением традиций научно-просветительской работы в провинции, направлявшейся тогда во многом Академией наук, непрменный секретарь которой академик С.Ф. Ольденбург стал руководителем Центрального бюро краеведения и его изданий. В краеведческую деятельность включились образо-

ванные интеллигенты, почитавшие своим долгом сохранить культурное наследие и приобщить других к овладению им. Возникали и краеведные общества. Некоторые из них воспринимались как «Академии наук на местах», где организовывались научные конференции, экспедиции, выставки, выходили разнообразные издания, разрабатывались новые научные методики (в частности, выявления, атрибутирования, сопоставительного изучения памятников культуры) и приемы вовлечения в научное творчество. Подробнее об этом золотом десятилетии нашего краеведения можно узнать из книг, изданных в конце 1980-х – начале 1990-х гг. при помощи Фонда культуры, когда его возглавлял Д.С. Лихачев⁹.

Школу краеведения прошли и оба первых председателя возрожденной Археографической комиссии — М.Н. Тихомиров и В.И. Шунков.

Когда стремились все стандартизировать, краеведы старались выявлять своеобразие, когда провозглашали лозунг противостояния по социальному признаку, они стремились объединить людей разного возраста, разного уровня образования, разного социального происхождения в краелюбии, приобщая их к историко-культурным традициям и к новому культурному строительству. И с утверждением режима тоталитаризма краеведение стало одной из первых его жертв. Это нанесло большой ущерб и развитию науки, особенно в провинции, привело к отрыву историко-культурного краеведения от так называемой большой науки. Велик был и нравственный урон.

В последние десятилетия, в связи с демократизацией нашей общественной жизни и возрастанием роли провинции в России, все более ощутимы признаки возрождения краеведения. И в этом обнаруживается вклад и полевых археографов. Примеру московских и ленинградских археографов следовали и на местах, взаимосвязи со столичными центрами помогали им найти поддержку местных властей. Восприятие методики научной, учебной, просветительской работы столичных специалистов содействовало подъему научного уровня творимого в этом плане в провинции; и все это становилось фактором развития современной культуры российской провинции, осознания ее корневых основ, способствовало уважению к краеведной деятельности.

Конференция организована в канун нового столетия, даже тысячелетия. Накануне каждого нового года обычно подводят какие-то итоги, размышляют о перспективах будущего. Не сомневаюсь, что еще в большей мере будут думать в таком плане через пять лет. И можно с уверенностью утверждать, что содеянное археографами Московского университета будет восприниматься как важное и доброе достижение нашей культуры, которое постараются продолжить и в грядущем веке.

¹ Статья С.Н. Валка «Судьбы археографии», опубликованная впервые в 1960 г. в «Археографическом ежегоднике за 1958 год», напечатана и в книге: Валк С.Н. Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991. С. 225–240.

² Часть трудов такой проблематики объединена в книге: Шмидт С.О. Археография. Архивоведение. Памятниковедение. М., 1997.

³ Покровский Н.Н. Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) первой половины 1920-х годов // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1994 год. М., 1996. С. 18–46.

⁴ Янин В.Л. Старая граммафонная пластинка как объект источниковедения // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 27–37.

⁵ См.: Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968; Шмидт С.О. Издание и изучение наследия М.Н. Тихомирова. Тихомировские традиции // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 5–21.

⁶ Поздеева И., Самсонов А. Книга грозных лет // Коммунист. 1985. № 17; Поздеева И.В. Предисловие // Книга сражается: Каталог выставки книг, плакатов, графики времени Великой Отечественной войны из личных собраний коллекционеров Москвы, Подмосковья и Ленинграда. М., 1987.

⁷ Тверская Д.И. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // История СССР. 1976. № 1. С. 106–124.

⁸ Шмидт С.О. Компаративный метод в отечественном историческом краеведении (до 1930-х гг.) // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Москва, 29–31 янв. 1996 г.). М., 1996. С. 412–415.

⁹ Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1989; Он же. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989; Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992.

АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И РАЗВИТИЕ АРХИВОВЕДЕНИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ*

Архив Российской академии наук (РАН) — сокровищница истории не только нашей Академии наук, но и истории отечественной и мировой науки. 275 лет РАН — важная веха в истории Академии наук. В то же время его биография — и заметная составляющая истории архивной культуры России — организации архивного дела, развития отечественной архивной мысли, археографии. Проблематика эта важна для изучения многообразных тем науковедения и вопросов историографии — прежде всего источниковедения историографии. А образование Архива в XVIII в. для историков России — показательный факт в истории развития государственной мысли, общественного сознания, культуры начальных лет Российской империи. История Архива, документы, в нем хранящиеся, представляют интерес не только для истории отечественной науки и архивного дела. Документы РАН — и в фондах учреждений, и в личных фондах — с наибольшей полнотой выявляют международные научные связи россиян и уровень международного престижа российской науки.

* В основе статьи — вступительное слово на научной конференции в ИИЕТ РАН 18 декабря 2003 г. «Архив Российской академии наук и развитие научных исследований в Академии наук. К 275-летию Архива РАН», организованной РАН, ИИЕТ РАН, АК РАН. См. о ней: Афиани В.Ю., Краснова Т.Г. Научное заседание, посвященное 275-летию Архива РАН // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 385–393.

Мы признательны за то, что заседание, отмечающее такой достойный юбилей, организовано при соучастии Археографической комиссии РАН. Совместные заседания с научными учреждениями, вузами, хранилищами памятников истории и культуры, особенно посвященные знаменательным годовщинам, стали уже давней традицией в деятельности Археографической комиссии. Поводом к последним по времени таким заседаниям были 10-летие ГАРФ, 300-летие Петербурга, годовщины со дня смерти выдающихся историков конца XIX – начала XX в. академиком С.Ф. Платонова (в 2003 г.) и М.М. Богословского (в 2004 г.).

Тематика нынешнего заседания особенно близка Археографической комиссии по многим причинам. И потому, что возродивший в 1956 г. ее деятельность и первый ее председатель академик М.Н. Тихомиров был одновременно председателем Научного совета Архива АН СССР, и потому, что его усилиям мы во многом обязаны решению Президиума АН СССР о строительстве для Архива в Москве специального здания, и потому, что по завещанию Тихомирова его личному архиву определено храниться именно в этом Архиве. В 25-м томе «Трудов» Архива было опубликовано описание личного фонда академика Тихомирова; совместно с Архивом подготовлено издание шести томов избранных его сочинений.

Археографическую комиссию и Архив связывают тесные узы: в «Археографическом ежегоднике» (далее — АЕ) не раз помещались материалы о прошлом и настоящем Архива, напечатано несколько статей многолетнего директора Архива, а ныне советника РАН Б.В. Левшина. В АЕ за 2002 год помещена статья, посвященная памяти энергичной заместительницы директора Архива по научной части, работавшей в Архиве более тридцати лет, — Наталье Марковне Митряковой¹. Во многих томах АЕ публиковались документы, выявленные в АРАН в Москве и в его филиале в Санкт-Петербурге, исследования, основанные на их изучении, а АЕ за 2003 год начинается статьей директора Архива В.Ю. Афиани, посвященной юбилею Архива².

Юбилей обычно дает основания и для подведения некоторых итогов, и для определения перспектив дальнейшей работы. В своем выступлении сосредоточу внимание преимущественно на том, что предусматривает совместную работу АРАН и Археографической комиссии.

Наше заседание является к тому же и первым научным заседанием, в программе которого доклад нового руководителя АРАН, сразу же энергично взявшегося за работу. И, обращая внимание на возможность включения в планы деятельности Архива моих предложений, исходил и из представлений о потенциальных возможностях, научных интересах и опыте руководителя Архива; а я мог наблюдать его рост как ученого и организатора науки едва ли не дольше, чем кто-либо из присутствующих, заметив его — тогда еще златокудрого — уже студентом первого курса МГИАИ. Виталий Юрьевич Афиани был затем и моим дипломником (написав работу по материалам личного фонда филолога и искусствоведа академика Ф.И. Буслаева), и аспирантом (его диссертация о журнальной археографии начала XIX в.³). Будучи сотрудником Археографической комиссии, он стоял у истоков и составления «Каталога личных архивных фондов отечественных историков», и деятельности Научного совета по изучению культуры российской провинции XVIII – начала XX в., организовавшего несколько конференций такой тематики⁴.

Полагаю, что накопленный опыт в изучении исторических и собственно историографических источников XVIII–XIX вв. помог ему позднее плодотворно включиться в работу по выявлению, исследованию и публикации документов уже Новейшего времени, XX столетия, — и по истории культуры, и по государственно-политической истории, когда он приобщался и к практике организаторской работы как заместитель директора РГАНИ.

В АРАН сосредотачиваются преимущественно фонды научных учреждений, административных подразделений Академии наук, причастных к ее деятельности общественных объединений и издательских центров и, конечно, личные фонды видных ученых. В подходе к системе описания и использования документов академических учреждений в Архиве ощутимо единообразие и старание следовать методическим рекомендациям ведущих архивных учреждений страны. В отношении личных фондов такое единообразие менее ощутимо, и не всегда реализуются на практике достижения недавних лет в работе других хранилищ документальных памятников.

Попытка обобщения данных о методике и результатах работы в разных архивах и хранилищах нашей страны была предпринята в статье В.А. Черных, С.В. Житомирской, А.С. Мыльникова и Б.В. Левшина «Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства»⁵. За более чем тридцать лет накопился дополнительный опыт и оправдали себя и некоторые другие новаторские установки, и потому полезно было бы АРАН вместе с другими хранилищами документов (и прежде всего с теми, где сосредотачивается документация научной и научно-учебной проблематики) инициировать организацию научно-практического семинара для рассмотрения этих вопросов уже на новом уровне архивоведческих и науковедческих знаний. Археографическая комиссия готова приложить усилия в деле координации работы такой направленности.

Целесообразно обобщить (первоначально, видимо, в лапидарной форме) данные о содержании личных фондов в Архиве, а еще лучше и в архивах учреждений РАН, в сводного типа обзорном издании, подобно тому, как это сделано было ГИМ, РГБ, РГАЛИ, используя (даже повторяя) уже напечатанное в «Трудах» Архива и в других изданиях, указав и труды ученых, и документы об их жизни и творчестве, и материалы этой тематики (книги, статьи, тезисы докладов, авторефераты диссертаций). На заседаниях, организованных Археографической комиссией и при ее участии, в АЕ и в других ее изданиях постоянен интерес к такого рода материалам, но, естественно, по проблематике преимущественно гуманитарных наук.

При этом не должно упускать из виду и выявление, так сказать, непрофильных материалов, которые без такой информационной подсказки не станут искать именно в академическом архиве. Так, например, в архиве академика С.Ф. Ольденбурга находится ценный материал о развитии краеведения в первые годы советской власти. В личных фондах многих ученых имеется информация не только о их работе в более молодые годы в провинции, но и о провинциальных учреждениях и общественных объединениях тех лет. В фонде моего отца, академика О.Ю. Шмидта (небольшом по объему), отсутствует документация, связанная с его работой руководителя Главсевморпути и даже первого вице-президента Академии наук (они оставались в архивах учреждений), но сохранились небезлюбопытные

материалы о работе Наркомпрода, Наркомпроса, общественных организаций. Вероятно, при определении набора даже кратких данных, которые следовало бы отразить в описании, поможет обращение к рекомендациям, разработанным Археографической комиссией для составителей пространного «Каталога личных архивных фондов отечественных историков».

Помимо традиционных уже обозрений фондов Архива (прежде всего личных), опубликованных в его «Трудах», в различных периодических и продолжающихся изданиях, сейчас готовятся издания по материалам Архива (его Санкт-Петербургского филиала) и более широкого плана. Особо отмечу предпринятое под руководством члена-корреспондента РАН И.П. Медведева многотомное описание фондов византинистов. О новаторском значении этого издания в контексте развития архивоведения и археографии интересны наблюдения в статье И.Н. Лебедевой⁶. Вероятно, стоит подумать о планировании такого типа изданий и по иной тематике, причем не только отделений гуманитарных наук. На основании этого и других менее масштабных, но близких по методике подготовки изданий, хорошо бы АРАН и Археографической комиссии подготовить такой направленности методические рекомендации.

Для осмысления и анализа представляют интерес и другие издания, так или иначе связанные с Архивом. Уникально, в том числе в археографическом плане, издание томов «Научного наследия», редколлегию которого возглавляет академик В.С. Мясников, где систематически публикуются материалы из АРАН. Издаются не только научные труды, но и материалы организационной и общественной деятельности ученых, их дневниковые записи, переписка. Многообразна по тематике, да и по разновидностям документальных материалов, публикация написанного В.И. Вернадским. Материалы эти уже используются и специалистами в областях естественных наук, и философами, и историками. Результаты работы готовящих к печати наследие великого нашего соотечественника столь плодотворны, что могут быть поучительными и в плане археографии и архивоведения, и потому желательно было бы поместить статью об этом опыте в «Археографическом ежегоднике» или в журнале «Отечественные архивы».

Обращение к архивным фондам ученых-негуманитариев и к материалам других фондов, отражающих их деятельность — прежде всего издательскую, — позволяет определить их творческую роль и в развитии археографии, в совершенствовании ее методики⁷.

Желательно было бы иметь в виду и продолжение работы по составлению картотек упоминаний тех или иных лиц в документах Архива, и прежде всего из личных фондов, опираясь и на опыт некоторых других известных хранилищ. Это не только обогатило бы нас многообразной информацией, но существенно расширило бы и представления о ценности материалов АРАН. Быть может, попытаться получить на такую работу какой-либо грант и привлечь для ее исполнения опытных пенсионеров-архивистов, которые, не отягощенные графиком работы и обязательствами, зафиксированными в планкартах, почувствуют радость обретения возможности хоть в какой-то степени заняться снова привычным и любимым ими делом.

Важная задача АРАН — способствовать подготовке собраний трудов академиков в областях и гуманитарных, и иных наук. Текстологический опыт академического типа комментированных изданий классиков художественной литературы начинает осваиваться и при издании собраний ученых трудов. Вероятно, небезынтересно было бы и в обобщающе-сопоставительном аспекте рассмотреть методику подготовки собраний сочинений ученых гуманитариев и негуманитариев.

Труды, ранее неизвестные читателю, материалы лаборатории исследования ученого, варианты (редакции) и т.д. выявляются именно в архивах. Обращение к архивным материалам позволяет установить отступления от авторского текста при издании и внесенные автором изменения в ранее изданный текст. Так, А.В. Мельников выявил при ознакомлении с личным фондом ученого в АРАН серьезную конъюнктурной направленности правку при подготовке первого посмертного издания многотомного исследования академика М.М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» в конце 1930-х – 1940-е гг., начиная с изменения заголовка, устранения эпиграфа и второй части первого же абзаца первого тома. Ныне готовится по-настоящему академическое, соответствующее подлиннику и в то же время отмечающее и авторскую правку, издание этого фундаментального труда. Это издание — совместное Археографической комиссии и АРАН (что и обозначено в грифе), осуществляемое издательством «Наука» по издательской программе Правительства Москвы⁸. Подготавливая второе издание книги А.В. Арциховского 1944 г. «Древнерусские миниатюры как исторический источник», сотрудник Археографической комиссии В.В. Морозов обнаружил в архиве Института археологии РАН ненапечатанные части монографии и смог определить ход работы ученого по этой тематике, начиная с этапа написания первых небольших статей⁹. Сейчас, готова к печати труды С.К. Богоявленского о московских учреждениях допетровской Руси (книгу «Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков»), молодой исследователь А.В. Топычканов учитывает исправления и дополнения, внесенные автором в изданный текст книги о приказных судьях XVII в.; включаются в издание и ранее не напечатанные исследования С.К. Богоявленского, и пародийного стиля имитации языка памятников XVII в. в его сочинениях, посвященных современности, — большинство этих материалов из личного фонда историка*. Я привел примеры изданий, подготовленных или готовящихся к печати моими учениками и под моей редакцией, но число их нетрудно умножить.

Архивные материалы вносят подчас существенно новое в представление о жизни и творчестве даже самых крупных ученых, таких как академик С.Ф. Платонов. В фонде академика М.Н. Покровского в РГАСПИ (он был академиком не столько от науки, сколько от политики, и поэтому, наверное, значительная часть его фонда попала в хранилище вне системы Академии наук) выявлена работа С.Ф. Платонова. Это доклад 1926 г. к 100-летию со дня кончины Н.М. Карамзина, опубликованный в 1993 г. А.Н. Артизовым и Б.В. Левшиным¹⁰. Доклад, убедивший нас в том, что Платонов решался открыто противоборствовать, придерживаясь

* Книга вышла из печати в 2006 г. в серии «Наследие москвоведения» издательства «Языки славянской культуры».

давних традиций отечественной исторической науки, вульгаризаторскому политиканству Покровского.

Эта публикация имела особое значение и, если можно так выразиться, в моей научной биографии, побудила к написанию большой статьи¹¹, а затем заняться изучением жизни С.Ф. Платонова и его наследия с не меньшим увлечением, чем до того отдавал силы карамзинской тематике. Это отразилось и в планах издательской деятельности Археографической комиссии: началась подготовка шеститомного издания сочинений Платонова (совместно с Российской национальной библиотекой, где находится личный фонд историка) и томов его переписки. Первый том включает 624 письма за 1883–1930 гг., последнее из которых, адресованное вице-президенту Академии наук В.Л. Комарову, написано в день ареста Платонова в январе 1930 г. Публикуются материалы из многих архивов; в томе полного издания двусторонней переписки ученого с московскими историками П.Н. Милюковым, М.М. Богословским, А.И. Яковлевым подавляющая доля писем из личных фондов Богословского и Яковлева в АРАН¹².

Думается, что настала пора подготовить академическую по типу историю Архива Академии наук, в стиле, близком к изданию по истории Библиотеки Академии наук. Вероятно, к составлению плана, а тем более реализации такой работы целесообразно привлечь и другие учреждения Академии наук и, прежде всего, организаторов конференции, посвященной юбилею Архива, — Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова. В Археографической комиссии сумели бы, вероятно, оказать помощь в освещении роли АРАН в развитии исторической науки, археографии и архивного дела, в Совете по истории мировой культуры — в обобщении данных о роли Архива в развитии книжной культуры. Сотрудники ИНИОН облегчили бы работу по систематизации сведений о публикации материалов Архива и использовании их в научных трудах.

Изучение истории Архива предполагает не только изучение формирования архивного комплекса и организации работы Архива (началом чего в определенной степени явится подготовка к празднованию 300-летия со дня рождения академика Г.-Ф. Миллера в 2005 г.), но и определение места Архива в системе учреждений Академии наук и отношения к Архиву в среде академиков и более широкой общественности. Должно выяснить и значение сделанного архивистами Академии наук в развитии методики архивного дела и археографии — так в советские годы методическим и учебным пособием для всех архивистов страны стала книга первого директора Архива АН СССР Г.А. Князева¹³.

При этом, думается, не следует ограничиваться кругом лиц, бывших в то или иное время служащими Архива, но и других академиков и сотрудников Академии наук, причастных к собственно архивной и археографической работе, и прежде всего в учреждениях Академии наук — ОР БАН, в Пушкинском Доме, Институте востоковедения, в дореволюционные годы в Археографической комиссии и в др. Вообще интересно было бы обобщить данные о работе ученых, уже избранных членами Академии наук, в сфере археографии и архивного дела, особенное внимание обращая на то, как это отражено в фондах Архива. Напомню о том, что в первые десятилетия XX в. академик А.С. Лаппо-Данилевский с целью совершенствования работы губернских ученых архивных комиссий изучал опыт зарубежных

архивистов, выступал с докладами и статьями об архивном деле, не случайно его избрали в 1917 г. председателем Союза российских архивных деятелей. Академик С.Ф. Платонов в советские годы стал не только председателем Археографической комиссии, но и руководителем работы петроградских архивов. Помощником его и автором статей об архивной реформе был А.Е. Пресняков; в Москве к организации архивной работы были причастны М.М. Богословский, М.К. Любавский. Это давняя академическая традиция. В XIX в. развитие археографии — причем и полевой, и камеральной, не только эдиционной — связано с именами академиков П.М. Строева, Я.И. Бередникова, А.Ф. Бычкова, позднее А.А. Шахматова. В советские годы большинство документальных публикаций осуществлялось под научным руководством членов Академии наук, а в молодые годы такая работа была школой становления их исследовательского мастерства.

Обобщение и осмысление в методическом плане работы академических архивистов Москвы и Петербурга, описания и изучения ими материалов из фондов научных и культурно-просветительских объединений и личных фондов сейчас представляются особенно своевременными при возрождающемся интересе к истории изучения прошлого и настоящего своего края во всех регионах России. Этот опыт может быть использован и теперь. Все интенсивнее исследуются фонды краеведческих обществ и музеев, отдельных краеведов. Переиздаются давние труды, выходят из печати книги и статьи по истории краеведения, справочники о видных местных деятелях и уроженцах, сборники краеведческих трудов. Результаты такой деятельности нашли воплощение в новых экспозициях и изданиях местных музеев, в подготовке солидных по объему региональных энциклопедий (опыт этот был темой масштабного международного научно-практического семинара по региональным энциклопедиям в 2003 г.¹⁴, а годом ранее по биографике¹⁵, организованных в Петербурге по почину сотрудников РНБ и Союза краеведов России (председателем которого являюсь со времени его основания в 1990 г.). Наша отечественная методика изучения культурного и природного наследия и особенностей повседневности, сложившаяся в период «золотого десятилетия» нашего краеведения до его разгрома в зловещий год «великого перелома» в 1929–1930 гг., и намечающееся с недавнего времени возвращение к ней, кажутся поучительно интересными и зарубежным ученым, о чем свидетельствует собравшаяся во Франции по инициативе парижского университета Сорбонны международная конференция 2000 г. об итогах и перспективах работы российских краеведов за сто лет (в 1890–1990-е гг.)¹⁶. Достижения краеведения первых послереволюционных лет во многом обусловлены тогдашними взаимосвязями с Академией наук, характерными именно для того времени. И в архивах академических учреждений, и в личных фондах АРАН несомненно можно выявить интересные дополнительные материалы о развитии культуры краеведения не только в XVIII в., когда организовывались знаменитые «академические» экспедиции, но и в новое время.

Как известно, в связи с 25-летием деятельности великого князя Константина Константиновича — знаменитого К.Р. — на посту президента Академии наук, было задумано издание двухтомного биобиблиографического словаря академиков, включавшее автобиографии (о покойных уже — небольшие биографические очерки, написанные их коллегами по «академическому корпусу») и перечни тру-

дов. В период Первой мировой войны книги были сданы в печать и затем изданы небольшим тиражом. Полагаю, что, руководствуясь тем же принципом, целесообразно и достойно нашей Академии наук было бы подготовить продолжение издания за последующие девяносто лет. Может быть, необходимо будет внести некоторые изменения в концепцию издания, из-за большого объема издания не помещать полную библиографию ученых, а названия лишь основных трудов со ссылками на напечатанные перечни трудов: такие библиографии имеются у подавляющего большинства академиков XX столетия; они были подготовлены в связи с их юбилеями, кончиной. Некоторые вышли отдельными книжками в продолжающихся изданиях типа серии «Материалы для библиографии ученых СССР».

Конечно, такую трудоемкую и требующую обусловленной полноты работу можно осуществить лишь при поддержке руководителей Академии наук, к которым и необходимо обратиться. Это работа всех Отделений Академии, требующая контроля их руководителей. Однако основой должно стать то, что может быть выявлено именно в АРАН, где сосредоточены личные дела академиков. Консультантами-координаторами могли бы стать организаторы нашего совместного заседания ИИЕТ, АК, а также ИНИОН. В отличие от издания начала прошлого века, можно было бы поместить и портреты академиков; и в их поисках без АРАН тоже не обойтись. Зная высокий уровень издательской культуры — и редакторской и полиграфической — издательства «Наука», убежден в том, что издание и по внешнему своему виду смогло бы стать украшением книжных полок библиотек всего мира.

Полагаю, что Научному совету АРАН следовало бы разработать долгосрочный план совместных изданий с другими учреждениями и совместных научных конференций и заседаний, причем хотя бы одну конференцию широкомасштабную ежегодно. В 2005 г. сплывающей темой станет юбилей академика Г.-Ф. Миллера, который соберет вместе и россиян разных городов, и иностранцев. Стоит наметить, не слишком откладывая, темы следующих подобных конференций, закрепляющих представление о роли АРАН в изучении прошлого и настоящего отечественной науки, ее историографии, а задачи историографии — исследовать не только историю развития научной мысли, но и организационную и просветительскую научную деятельность, и жизнь и творчество деятелей науки во всем их многообразии.

¹ Осипова Н.М. К 70-летию со дня рождения Н.М. Митряковой // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 2002 год. М., 2004. С. 206.

² Афиани В.Ю. Архиву Российской академии наук — 275 лет // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 3–11.

³ См.: Афиани В.Ю. Публикация исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX века (Опыт историографического изучения): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1982.

⁴ См. об этом: Афиани В.Ю. Десять лет программе «Культура российской провинции» // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Материалы науч. конф. (Пенза, 25–26 июня 2001 г.): В 2 кн. М., 2005. Кн. 2. С. 24–34.

⁵ См.: АЕ за 1972 год. М., 1973. С. 82–97.

⁶ Лебедева И.Н. Проект «Архивы петербургских византистов» (У пантеона петербургской византистики: некоторые размышления) // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 44–60.

⁷ См.: Суриков В.М. Публикаторская деятельность Н.И. Вавилова // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 219–231.

⁸ Богословский М.М. Петр Великий: Материалы для биографии: В 6 т. М., 2005. Т. 1: Детство. Юность. Азовские походы 30 мая 1672 – 9 марта 1697.

⁹ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 2004.

¹⁰ Неизданная статья С.Ф. Платонова [«Карамзин — историк»] / Подгот. А.Н. Артизов, Б.В. Левшин // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 46–55.

¹¹ Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 39–76.

¹² Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. М., 2003. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова 1883–1930 гг.

¹³ Князев Г.А. Теория и техника архивного дела (Опыт систематического руководства). Л., 1935.

¹⁴ См.: Проблемы создания региональных энциклопедий: Материалы междунар. научно-практ. семинара (Санкт-Петербург, 14–16 окт. 2003 г.). СПб., 2004; Раздорский А.И. Международный научно-практический семинар «Проблемы создания региональных энциклопедий» (Санкт-Петербург, 14–16 октября 2003 г.) // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 396–400.

¹⁵ См.: Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сб. материалов научно-практ. семинара. СПб., 2002; Раздорский А.И. Научно-практический семинар «Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований» (Санкт-Петербург, 4–5 июня 2002 г.) // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 450–453.

¹⁶ См.: Les études régionales en Russie (1890–1990): origines, crise, renaissance. Paris, 2002. (Cahiers slaves; № 6: Civilisation russe).

ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОДРУЖЕСТВА ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА И АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ*

Нынешние традиционные Тихомировские чтения посвящены юбилею Московского государственного историко-архивного института. Это — совместное заседание с Историко-архивным институтом (ИАИ) в ставшем родным его помещении — в издавна знаменитом здании Печатного двора на Никольской улице. Творческие взаимосвязи Археографической комиссии (АК) и ИАИ начались отнюдь не с приходом к руководству нынешнего председателя АК, преподающего с 1949 г. в ИАИ, где и формировалась его научно-педагогическая школа источниковедения. В первой же книге основанного академиком М.Н. Тихомировым Археографического ежегодника — АЕ за 1957 год — публикуются статья доцента ИАИ И.А. Мироновой о записках декабриста И.Д. Якушкина и Хронологический перечень имунитетных грамот XVI в., составленный С.М. Каштановым в период работы (под

* Текст является докладом на Тихомировских чтениях 2001 г. «Вклад Историко-архивного института в развитие источниковедения и историографии специальных исторических дисциплин (К 70-летию Историко-архивного института РГГУ)».

руководством А.А. Зимина) над кандидатской диссертацией, а в АЕ за 1958 год — уже пять статей преподавателей ИАИ (Е.А. Каменцевой, А.Т. Николаевой, М.Н. Черноморского, Е.В. Чистяковой, С.О. Шмидта).

Конечно, для первого председателя возрожденной его усилиями АК главным местом преподавательской деятельности и очагом формирования его научной школы всегда оставался Московский университет; и Тихомиров гордился тем, что он и выпускник, и профессор университета. Но во второй половине 1930-х гг. Тихомиров преподавал и в ИАИ; в 1937 г. составил «Записку о задачах историко-архивного образования» (выявленную и изученную С.В. Чирковым, о чем статья в АЕ за 1982 год), где и четкое определение — «специальные исторические дисциплины» (которые, на взгляд Тихомирова, «неправильно называют вспомогательные исторические дисциплины»). И именно в ИАИ был впервые в нашей стране прочитан в таком объеме лекционный курс источниковедения отечественной истории. Лекции М.Н. Тихомирова стали основой его книги 1940 г. «Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.», утвержденной в качестве учебника для исторических факультетов университетов и педагогических институтов; ее редактором от Историко-архивного института был академик Ю.В. Готье (что указано на обороте титульного листа).

Михаил Николаевич Тихомиров и позднее был в определенной мере связан с ИАИ: согласился по просьбе А.С. Рословой стать членом Ученого совета, руководил аспирантом В.И. Бугановым (о Буганове как моем дипломнике и о приобщении его к «тихомировцам» см. подробнее в статье сборника памяти В.И. Буганова, изданного в ИАИ в 2001 г.). При Тихомирове сотрудником АК стала выпускница ИАИ Ирина Евгеньевна Тамм, которой доверили участок работы, требующий особой эрудиции и деликатности, — раздел библиографии. Она же позднее составила новаторского типа уникальный по полноте биобиблиографический указатель «Михаил Николаевич Тихомиров», изданный РГГУ в 1996 г. С 1970-х гг. число выпускников ИАИ среди сотрудников АК возрастает — и это понятно, так как специальность «историка-архивиста» особенно подходит к сфере занятий АК.

Между деятельностью АК и ИАИ выявляются долгие творческие взаимосвязи. На страницах АЕ отражена научно-методическая работа ИАИ, опубликованы перечни диссертаций, защищенных на заседаниях ученых советов ИАИ, материалы, подготовленные многими его преподавателями, аспирантами, даже студентами; постоянно их участие в заседаниях АК, организуемых ею конференциях. Сотрудники АК преподают в ИАИ, выступают на заседаниях, на научных конференциях. Широкого профиля конференции, собирающиеся по инициативе кафедр ИАИ, становятся нередко и совместными с АК: и в сфере архивоведения, и ежегодные по проблемам источниковедения и методологии истории (тезисы к печати готовят на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин — ИВИД), и по проблемам краеведения и провинциальной культуры (в организации которых заметны усилия кафедры региональной истории и краеведения). Информация об этом помещается в АЕ, а о регулярных (не реже раза в месяц в течение учебного года) заседаниях с обсуждением новинок московведческой и краеведческой литературы (при участии Научного центра краеведения и московведения, возглавляемого мною) — в журнале «Вестник архивиста». О наиболее значи-

тельных совместных начинаниях АК и ИАИ всегда имеется информация в журнале «Отечественные архивы».

Творческие взаимосвязи АК и ИАИ сохранялись даже тогда, когда руководители ИАИ С.И. Мурашов и М.С. Селезнев в первой половине 1970-х гг., при поддержке некоторых сотрудников Отдела науки ЦК КПСС, пытались бросить тень на работу АК и особенно ее председателя. Тогда ИАИ сделался цитаделью трапезниковщины, т.е. проведения в жизнь установок в исторической науке, исходящих от зав. Отделом науки С.П. Трапезникова, близких к историческим взглядам сталинских времен. ИАИ вынуждены были покинуть многие высококвалифицированные и преданные делу преподаватели (все они перешли на работу — иногда заняв и более высокое служебное положение — в институты АН СССР или в другие вузы); препятствовали и оставлению в аспирантуре научно-перспективных выпускников. Понятно, что я выражал несогласие, опираясь при этом и на должностной авторитет; и поэтому меня не только лишили полставки, но и за подписью заведующих кафедрами ИАИ П.С. Смирнова, С.П. Люшина, В.И. Вяликова и доцента В.М. Хевролиной написали письмо, дискредитирующее Шмидта, в Президиум Академии наук и в партком Института истории АН СССР. Соответствующей тональности был и доклад Хевролиной в ИАИ при обсуждении АЕ за 1968–1970 годы. И тогда не только в Отделении истории АН СССР, но и на истфаке МГУ постарались защитить честь АК и Шмидта, и при обсуждении АЕ в ИАИ в марте 1972 г. наиболее авторитетные в ученом мире преподаватели ИАИ в основном положительно оценили деятельность АК и ее издания, за что им по сей день признателен. Сейчас обстановка в ИАИ, конечно, изменилась; и в юбилейные дни его 70-летия названные малодостойные имена обычно не принято было упоминать. Но в ту пору это стоило сотрудникам АК и ее доброжелателям немалых сил, мешало заниматься настоящим делом, а меня довело до болезни.

Так как заседание приурочено к юбилейной дате, должно отметить и синхронное восприятие деятельности ИАИ, и результаты, ощутимые в последующие годы. Уже приходилось делиться — и устно и письменно — некоторыми соображениями по этому поводу. Сейчас же ограничусь напоминанием о немногом, прежде всего в плане, так сказать, историографической оценки. И за период существования РГГУ речь пойдет только о ныне существующем факультете архивного дела (ФАД) в Историко-архивном институте, сохранившем свое прежнее название и в системе РГГУ.

На рубеже столетий наиболее видные сотрудники хранилищ документальных памятников в России (да и в государствах бывшего Советского Союза) — выпускники ИАИ; и отечественная архивная и археографическая культура всемирным сообществом архивистов и историков высоко оценивается. Заметно место выпускников ИАИ и в научно-исследовательской работе академических учреждений. Выдвинулись они и как вузовские преподаватели. Выделяется роль окончивших ИАИ в провинциальных культурных центрах; и они оказались особо востребованными теперь с начавшимся возрождением краеведения.

Уже утвердилось представление, что в значительной степени все мы обязаны ИАИ сохранением навыков преподавания специальных исторических дисциплин и дальнейшим развитием их на традиционном для отечественной науки высоком

уровне: в ИАИ, помимо уникальных в СССР собственно архивоведческих кафедр, возникла и первая кафедра подобного назначения, и еще в 1930-е гг. стали готовить соответствующие учебные пособия. Постепенно определились и взаимосвязи преподавания таких научных дисциплин с методологией истории: после пресеченной на рубеже 1940-х и 1950-х гг. попытки А.И. Андреева восстановить обращение к источниковедчески-методологическим штудиям А.С. Лаппо-Данилевского с 1960-х гг. возобновилась деятельность и учащихся и учащихся в сфере теоретического источниковедения и развивается интерес к новой тогда еще сфере источниковедения — историографии, и — что важно — к этому было привлечено внимание молодежи. Приятно вспоминать, что споры после докладов подобной тематики оживляли мысль участников руководимого мною Научного студенческого кружка источниковедения (50-летие которого отмечали в 2000 г.), и первые печатные труды об этом опубликованы в сборниках НСО (Научно-студенческого общества) ИАИ. Такую работу направляли, помимо преподавателей кафедры ВИД (Е.А. Луцкого, А.Ц. Мерзона, А.А. Зимина, И.А. Мироновой, С.И. Якубовской и др.), преподаватели кафедры истории СССР Л.М. Зак, В.Е. Иллерицкий, И.А. Кудрявцев. Затем появились и новаторские труды О.М. Медушевской о развитии источниковедения за рубежом, причем в контексте методологии широкого спектра гуманитарных знаний.

А когда снова обратились к генеалогии, традиционной для России XVIII – начала XX в. отрасли исторических знаний, по инициативе А.Л. Станиславского именно в ИАИ состоялась в 1989 г. первая всесоюзная конференция такой тематики — «Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования». Е.И. Каменцева много лет руководит семинаром по геральдике и смежным с ней областям научно-прикладных знаний (фалеристике и др.), привлекающим и немосквичей. Имели место и первые попытки разработки вопросов источниковедения истории советского общества, с опорой и на методику, апробированную опытом изучения источников по истории более далекого прошлого (в трудах Е.А. Луцкого даже при подходе к документам ленинианы). Развернулась деятельность профессоров и выпускников ИАИ (и прежде всего, этой кафедры) С.М. Каштанова, В.В. Кабанова, В.А. Муравьева, А.Л. Станиславского. Уже 13 лет созываются ежегодные научные конференции (всероссийские, а часто и международные) по важным проблемам источниковедения и смежным с ним научным дисциплинам, существенно способствующие контактам преподавателей ИАИ и других вузов, взаимосвязям с академической наукой и архивами и вовлечению в такую сферу деятельности научной молодежи. Конференции культивируют интерес и к научному наследию профессоров кафедры (А.И. Андреева, В.К. Яцунского, А.А. Зимина, А.Л. Станиславского и др.).

Деятельности преподавателей ИАИ обязаны разработкой в таком широком масштабе и на столь значительной архивной базе и проблематики по истории государственных учреждений и общественных организаций, а также делопроизводства (труды А.В. Чернова, Н.П. Ерошкина, А.Д. Степанского и др.). Чтения памяти выпускницы ИАИ профессора Т.П. Коржихиной, особенно много сделавшей для возбуждения внимания к этой проблематике при изучении советского периода истории, приобрели всероссийский характер. А возглавляемая Т.В. Кузнецовой кафедра документоведения помогла связать с научной проблематикой работу современ-

ных учреждений. На кафедрах архивоведения и археографии изначально предметом и преподавания и исследования были и современная практика и история собственно архивов и других хранилищ документальных памятников (музеев, библиотек, научных учреждений — об этом труды Ю.Ф. Кононова и др.). Преподаватели ИАИ были всегда участниками работы по составлению архивных справочников — и по отдельным архивам, и сразу по нескольким архивам (как изданная в 1997 г. книга «Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель»), и тематических. Специальное внимание уделялось научно-техническим архивам и архивам кино-, фото-, фотодокументов.

По окончании войны ИАИ стал инициатором преподавания предметов, вошедших затем в программы других вузов, — истории науки и техники (главным образом, об их источниковой базе и ее особенностях) и исторической географии (В.К. Яцунский читал лекции, в которых данные по отечественной географии рассматривались в контексте истории всемирной географии, исторической библиографии). С недавнего времени ИАИ, и прежде всего возглавляемая В.Ф. Козловым новая кафедра региональной истории и краеведения, становится средоточием разработки проблем по истории и методике историко-культурного краеведения (это было продемонстрировано и на международных конференциях в парижском университете Сорбонна в 2000 г. «Краеведение в России: истоки, проблемы, возрождение» и по региональной истории — в Рязани (1999) и Петербурге (2000).

И, наконец, очень существенно то, что опыт ИАИ был использован при организации и определении задач и направлений историко-архивного образования в других вузах СССР, а сам ИАИ стал базой для основания его ректором Ю.Н. Афанасьевым первого в России нового типа гуманитарного университета. Сейчас предметом внимания и у нас, и за рубежом являются результаты деятельности самого Российского государственного гуманитарного университета — РГГУ, его взаимосвязи с отечественными и зарубежными учреждениями образования и науки. (Об этом имеются сведения в книге Ю.Н. Афанасьева «Universitas humana: гуманитарный университет третьего тысячелетия», выпущенной в 2000 г.) Но ветераны РГГУ помнят и о том, что на рубеже 1980–1990-х гг. в ИАИ было одно из важнейших средоточий общественно-политической жизни, состоялись первые встречи с теми деятелями России и зарубежья, которые не имели ранее возможности публичного общения с советскими гражданами, происходили собрания интеллигенции, группировавшейся вокруг академика А.Д. Сахарова и его сподвижников.

На рубеже тысячелетий возрос интерес к истории и в России и во всем мире; и те, кто верят в оптимистический прогноз развития человечества, полагают, что в наступившем веке наибольшее внимание будет привлечено к проблемам биологии и медицины, экологии и гуманитарных знаний, при продолжающемся, конечно, прогрессе в сфере технических возможностей человечества и обуславливающих его научных достижений. Признаком усилившейся потребности в познании прошлого, и прежде всего правды о нем, можно признать и результаты конкурсов исторических работ старшеклассников. Некоторые собрания участников всероссийских слетов школьников, организуемых Центральной детской туристической станцией краеведения (ЦДТСК), происходили в здании ИАИ, а конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников организуется с 2000 г. обществом

«Мемориал» совместно с РГГУ, преподаватели РГГУ — в составе жюри конкурса; на опубликованные статьи победителей конкурса — ссылки в научных трудах.

И в то же время число желающих учиться на факультете архивного дела по сравнению с 1990-ми гг. уменьшается. Полагаю, что это объясняется и социально-экономическими причинами (зарплата окончивших факультет невысокая, да еще при режиме обязательного присутствия на служебном месте в течение всего рабочего дня), и тем, что нет должного контакта с руководителями ведомств, в подчинении которых находятся учреждения, нуждающиеся в специалистах, окончивших ФАД, т.е. с Главархивом, Министерством культуры (в ведении которого музеи и библиотеки), а также с Министерством образования, не налажена и целевая подготовка таких специалистов.

Тенденция ущемить в ИАИ подготовку историков-архивистов и начать за счет этого подготовку специалистов других, более распространенных или широких профилей и даже изменить наименование вуза, уникальное не только в нашей стране, но и в мире, — и не дальновидна и не перспективна. Главная привлекательность ИАИ в его уникальности и в давних творческих взаимосвязях с академическими учреждениями и учреждениями архивной службы. И должно, продолжая по-современному совершенствовать технологическую базу обучения, как это успешно делается в последние годы в РГГУ в целом, в большей мере превращать ИАИ в лабораторию выращивания специалистов высшего уровня по документальным памятникам (быть может, договориться и о создании института стипендиатов от регионов).

В этом плане важно было бы предусмотреть и специальное обучение с краеведческим уклоном. Вероятно, следует принять меры к тому, чтобы именно ИАИ стал базой подготовки не только краеведов-документалистов, но и таких историков края, которые смогут проявить себя в деятельности туристического плана. Индустрия туризма — одна из самых развивающихся сейчас в мире. К туристским группам — и специализированным на историко-культурной тематике, и общепринятого типа — обычно прикрепляют для чтения лекций об истории и культуре края, памятниках культурного и природного наследия, проведения экскурсий и ознакомления с музеями на более научной основе профессиональных историков (в некоторых странах этим заняты в туристский сезон и профессора). Стоит предусмотреть акцент на подобную терминологию и при обучении иностранным языкам и даже подготовить к изданию под грифом РГГУ словари-справочники иностранных слов историко-культурной и краеведческой направленности. Характерные при обучении в РГГУ система междисциплинарных научных связей и широкая общегуманитарная нацеленность будут способствовать высокому уровню подготовки и таких специалистов. (Важность развития этой области гуманитарного образования в РГГУ подчеркнута мною на с. 389–392 названной книги «Universitas humana».) Должно приложить усилия к тому, чтобы именно ИАИ стал школой повышения квалификации и для специалистов по документальным памятникам (хранящимся в архивах и музеях), и для краеведов (тем более что многие из них являются сотрудниками хранилищ памятников истории и культуры), и для методистов школьного образования. Можно было бы попытаться, чтобы это стало совместным делом ИАИ РГГУ и Института культурного и природного на-

следия имени Д.С. Лихачева (тем более что в здании этого НИИ есть и помещение для занятий, и условия для проживания) и учреждений, направляющих работу школьных учителей.

Соответственно, главной задачей вуза такого типа, как ИАИ, на мой взгляд, является оказание действенной помощи в овладении вершинными достижениями ученых «ремесел». Слово-термин «ремесло», именно в таком понимании употребленное, стало заглавием последнего, незавершенного труда Марка Блока «Апология истории, или Ремесло историка». Именем этого великого ученого и героя французского Сопротивления назван Международный научный центр РГГУ. М. Блок почитал своим долгом помочь приобщению к методике исторической работы широкого круга лиц, проявляющих интерес к познанию прошлого, юношества. Сочинение это — и высокий образец доступного всем изложения сложной научной проблематики с ориентацией прежде всего на общепринятый лексикон, а не специфический жаргонный конгломерат терминов, к тому же обычно не из родного языка.

Напоминаю об этом и потому, что в изданиях ИАИ (и РГГУ в целом) обнаруживается, увы, такая же модная ныне манера излишеств в употреблении нерусскоязычной научной терминологии. Студенты к ней не привыкли еще, тем более что не уясняется ее соотношение с терминами прежней научной и учебной литературы. Более того, при наименовании «теорией» склонности к наукообразным рассуждениям (или даже декларациям) и к неуместному обращению к подобной терминологии происходит, по существу, девальвация научных ценностей. В литературе последних лет заметна и другая настораживающая тенденция: сохраняется обязательность приведения цитат авторитетов (особенно в авторефератах диссертаций), но необходимые прежде (в целях безопасности) цитаты из сочинений «классиков» марксизма-ленинизма подменяются формулировками из трудов мыслителей нарочито иного толка — из недавно еще недоступных сочинений русских философов-идеалистов начала XX в. или высказываний зарубежных мыслителей-методологов (и зачастую уже не первой свежести). Не избежали этой «детской болезни» и некоторые преподаватели ИАИ.

В наши дни явственно ощущаем вину и высшей и средней школы в недостаточной конкретности исторических знаний у тех, кто считает себя образованными людьми, — явления и памятники прошлого воспринимаются ими зачастую вне системной взаимосвязи, как бы вне контекста и времени и пространства, как некая случайная коллекция. По существу, это те, кого А.И. Солженицын охарактеризовал как «полуобразованцев» — у них специальные серьезные знания только в сфере их профессиональной деятельности и отсутствует глубина исторического кругозора. Это обнаруживается, в частности, в некритическом восприятии антиисторических сочинений математика академика А.Т. Фоменко и его сотрудников по организации доходного книжного бизнеса. Поклонники таких писаний оказываются совершенно неосведомленными ни о далеком прошлом, ни о более близких к нам столетиях, если уверовали в то, что 400–300 лет назад имелись возможности и знания для организации такой индустрии исторических подделок. (Об этом убедительные данные в статьях книги «История и антиистория: критика “новой хронологии” академика А.Т. Фоменко», вышедшей в 2000 г., но, к сожалению, тиражом значи-

тельно меньшим, чем книги Фоменко, — и особенно в блистательной статье академика А.А. Зализняка «Лингвистика по А.Т. Фоменко»).

И потому тревожит, что в ИАИ (видимо, и на других факультетах РГГУ) пытаются навязать вместо современного уровня программы конкретного источниковедения некий симбиоз теоретического источниковедения и методологии истории. Это небезынтересно, но доступно и привлекательно лишь немногим. В итоге новаторское по замыслу учебное пособие 1998 г. по источниковедению отечественной истории лишено необходимых учебнику достоинств и справочного издания, а иногда и методического руководства, и не содержит четких и сравнимых с другими учебными пособиями определений понятия «исторический источник» и принципов классификации их. (Об этом подробнее в тексте моего доклада на конференции в 1999 г. в РГГУ «Точное гуманитарное знание»¹.)

В докладе этом и в выступлении на страницах журнала «Отечественные архивы» отмечена и претенциозность постановки вопроса о противопоставлении толкований М.Ф. Румянцевой представлениям традиционного источниковедения — просто толкуем о «различных уровнях методологии» (если пользоваться определением И.Л. Беленького) и о различных «технологических» возможностях и создания и восприятия исторических источников. Действительное различие лишь в том, что Шмидт не ограничивает круг исторических источников, т.е. всего того, что может дать информацию, полезную и для историка, источниками собственно исторического происхождения, памятниками материальной и духовной культуры, т.е. результатами целенаправленной деятельности человека.

После того в 2000 г. в сборнике трудов Воронежского университета появилась усложненного наименования статья М.Ф. Румянцевой, где предпринята попытка защитить свои позиции авторитетом А.С. Лаппо-Данилевского. В статье снова сформулирован надуманный тезис о противопоставлении разного гносеологического уровня подходов к задачам источниковедения (соответственно и к определению понятия «исторический источник») и обнаруживается нежелание (или неумение?) вдуматься в то, что пишут и говорят предшественники (судя по раскавыченной цитате, это слова Шмидта, причем повторенные им с большей или меньшей четкостью неоднократно, по крайней мере, начиная со статьи в сборнике 1969 г. «Источниковедение: Теоретические и методические проблемы»). Заметно и обращение к лексике времен партийного диктата².

Ведь на самом деле сосредоточение внимания на историческом источнике в системе исторических знаний для историка тоже имеет основной целью определение степени точности отражения историческим источником исторической действительности, возможностей выявления и использования собственно исторической информации. Это взаимосвязанные этапы исторического познания, все усложняющегося — с накоплением наблюдений (и фактологических, и методических) — процесса исторического знания. Первая задача при подходе к историческим явлениям (и исследователя-профессионала, и школьника тоже) — выявить то, что может источать нужную, искомую историческую информацию. Только после этого пытаемся определить, какова эта информация, степень ее полноты, соответствия времени изучаемого явления, «остатки» это или «предания», по терминологии Лаппо-Данилевского. И, как правило, лишь затем: какими объективными и субъектив-

ными факторами объясняются особенности исторической информации в данном источнике. Конечно, с углублением знаний источника учитываются и социопсихологические моменты, и воздействие традиций мышления создателя источника, воспринимавших его в момент создания и воспринимающих его позднее, следовательно, и историков. Это все в большей мере уже в сфере не конкретного, а теоретического источниковедения, а также методологии истории, философии, к занятиям которыми не всегда склонны даже крупные историки, собственно источниковеды.

М.Ф. Румянцева, по существу, утрачивает представление о работе в сфере (или на уровне) конкретного источниковедения. Автор «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевский не допускал подобного высокомерия, и в предназначенных для историков-практиков (притом получивших, как правило, уже и высшее образование!) лекциях по русской дипломатике частных актов философ-методолог не считал возможным смешивать теоретические рассуждения с практическими рекомендациями. В то же время развитие методики исследований и расширение научных междисциплинарных связей в век науки о науке, т.е. за время, прошедшее после кончины Лаппо-Данилевского, убеждает в необходимости внесения в большей мере элементов теоретического источниковедения в современное конкретное источниковедение и в методiku обучения ему.

К сожалению, пересмотром терминологии (а по существу, и задач археографии) занялся и заведующий этой кафедрой ИАИ В.П. Козлов, так много обогативший наши знания по истории российской археографии XVIII – начала XIX в. При чем сделано это пока без сопоставительного рассмотрения новых терминов, давно вошедших в обиход и археографии, и других отраслей историко-филологических знаний, и без учета нововведений последних десятилетий (к примеру, принятый в мировой науке предложенный Д.С. Лихачевым термин «конвой» — в ином употреблении, чем у В.П. Козлова). Не внесет ли это осложнения и путаницу и в практику археографов, и в преподавание предмета «археография»?

Тематику Тихомировских чтений, посвященных юбилею ИАИ, ограничились проблематикой источниковедения и историографии, но в контексте со всем комплексом научных дисциплин, преподавание которых ведется в ИАИ РГГУ, — это и источниковедческие, и историографические элементы в преподавании этих дисциплин и в научной работе ИАИ, и архивная основа работы в сферах источниковедения и историографии.

Постепенно все в большей мере утверждается представление о том, что история исторической науки и исторической мысли не сводится по преимуществу к концепциям и выявлению их идеологической (т.е., по существу, общественно-политической) направленности. Не менее значимы (и тем более востребованы потомками) и результаты исследований фактологического типа, и развитие самой методики исследовательской работы, а следовательно, и источниковедения, и смежных с ним специальных научных дисциплин — археографии, архивоведения. Важны — особенно в контексте истории культуры и общественного сознания — преподавательская и научно-популяризаторская деятельность историков; а в научном наследии историков — не только труды, опубликованные при жизни, и вообще не только завершённые сочинения, но и все то, что относится к лаборатории исследования, т.е. материалы, отложившиеся в архивах. Многие определяют и осо-

бенности личности историка. Об этом приходилось писать не раз, и специально — при обосновании и характеристике работы АК по составлению Каталога личных архивных фондов отечественных историков³.

Обращение к архивным материалам при изучении истории архивного дела закреплено было в практике работы преподавателей и аспирантов ИАИ И.Л. Маяковским. С 1960-х гг. это становится все более частым и при изучении истории отечественной исторической науки, особенно жизни и творчества отдельных историков; и уже в 1973 г. на Всесоюзной конференции по вопросам историографии в высшей школе (в Смоленске) можно было выступить с докладом «Опыт работы со студентами по проблематике источниковедения историографии». Ныне — это общепринятая тематика и диссертаций, и дипломных работ и по всеобщей истории тоже (в 1964 г. Е.В. Старостин защитил дипломную работу «П.А. Кропоткин как историк Великой французской революции»; ныне подобная тематика — в работах, написанных и под руководством Н.И. Басовской и ее коллег по кафедре всеобщей истории). Преимущественно на архивном материале базируется исследование С.В. Чиркова, выполненное как плановая работа АК и ИАИ «Археография в исторической науке России рубежа XIX и XX веков. (По материалам изучения древнерусских письменных источников)», новейшие работы Т.И. Хорхординой и по истории самого ИАИ, и по истории архивной мысли. Е.В. Старостиным подготовлен к печати труд М.К. Любавского по истории архивного дела в России и т.п.

Архивные материалы существенно обогащают источниковую базу историографии и убеждают в необходимости в большей степени учитывать — и не только в трудах собственно биографической тематики — личностный фактор (причем во всем многообразии его проявлений); хотя это, в свою очередь, накладывает (подчас невольно даже) черты субъективизма на историографические труды, особенно при оценке историографических фактов (и прежде всего, поведения историков)⁴.

Долгие жизненные наблюдения, в сопоставлении с собственно историографическими, убеждают в том, что те, кто склонен и способен к отступлению от истины в характеристике и оценке жизненных явлений и других лиц из-за соображений общественной выгоды, идеологической настроенности, личных удобств, остаются такими же и в своих научных трудах. И к их выводам, характеристикам следует относиться с настороженностью, проверять состояние источниковой (и собственно историографической) базы их трудов, приемы истолкования извлеченного из источников. Историки поступают так не только в угоду политической или идеологической конъюнктуре, но и ради утверждения представлений о целостности и красоте их концепции, построений и обобщающего типа, и конкретного. Такое заметно в творческой биографии ученых и крупного масштаба — у М.Н. Покровского (о чем писали уже многие; не раз и я, особенно об его историографических суждениях об историках и прошлых эпох и современниках из среды так называемых буржуазных специалистов), у П.Н. Милокова (в частности, в оценке сделанного Н.М. Карамзиным в историографии), даже у В.О. Ключевского (он счел возможным умолчать о недавней докторской диссертации Н.П. Загоскина «Дума Боярская»; а соображения Ключевского в его «Боярской думе», блистательной и по художественной образности, и в конструировании хода государственно-политической истории, не показались источниковедчески основательными

самому крупному в те годы знатоку архивного и печатного материала именно по этой тематике — Н.В. Калачову)⁵.

Вообще, нельзя не учитывать при занятиях проблемами историографии личностные моменты. Это всегда в той или иной степени отражается в творческой деятельности (исследовательской, преподавательской, публицистической, общественной, даже организационной). И определяется не только общественно-политическими взглядами, идеологическими или научно-методологическими установками, но и личными симпатиями и антипатиями, опасениями и др. Историки литературы, искусства, науки обычно в трудах последних десятилетий при публикациях научного и литературного наследия (особенно переписки, дневниковых записей, мемуаров) обращают на это внимание в статьях и комментариях; думается, что элементы такого, в определенной мере субъективного, и восприятия, и самовыражения должно проследить и в памятниках творчества (причем во всем его многообразии) историков. В деятельности АК значительное внимание уделяется изучению и публикации научного наследия наших историков и их переписки. И приятно заметить, что осуществляется это главным образом силами прошедших школу учения в Историко-архивном институте. А будущее Археографической комиссии — это и совершенствование контактов с научными учреждениями, вузами, хранилищами документальных памятников, и работы ее ныне молодых сотрудников.

¹ Шмидт С.О. Традиции «точности» источниковедческого знания // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Москва, 4–6 февр. 1999 г.). М., 1999. С. 23–32.

² «Все это заставило перенести внимание с системы “историческая действительность — исторический источник” на систему “историческое знание — исторический источник”. При таком подходе исследователей мало интересовала природа самого источника, что и породило господствующее до сего дня в нашей науке определение: исторический источник — это все, из чего можно почерпнуть информацию об истории человечества. Такое понимание предмета источниковедения, а точнее, такое невнимание к предмету источниковедения (невнимание — потому, что слово “все” на самом деле не может указывать ни на какую субстанцию) имело разные основания и разные последствия для истории разных стран и периодов. Там, где корпус источников был хорошо разработан еще на позитивистской основе (история средневековья в Западной Европе, в какой-то степени российская история допетровского периода), создание новых концепций во многом шло на этой разработанной источниковедческой базе. При неразработанности корпуса источников и тем более в условиях нарастающего идеологического давления такой подход вел к догматизации и идеологизации исторического знания» (Румянцева М.Ф. Эпистемологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского и современная источниковедческая парадигма // Источниковедение: Поиски и находки. Воронеж, 2000. Вып. 1. С. 5). Утешает в этом наборе фраз, однако, то, что господствующим в нашей науке признается определение исторического источника, сформулированное в 1983 г. (см.: Ковальский Н.П. Выступление С.О. Шмидта в 1983 г. в Днепропетровске на IV Всесоюзной конференции по источниковедению и специальным историческим дисциплинам // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Отговича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 17).

³ Шмидт С.О. Архивный документ как исторический источник // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступл. на Всерос. конф. 20–22 дек. 1994 г. М., 1995. С. 50–76. Перепечатано в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 177–205.

⁴ Одним из самых насыщенных архивными открытиями исследований по историографии является книга Л.И. Шохина «Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука:

Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века» (М., 1999). Там ощутимы и пристрастия автора, например, в подходе к деятельности Д.Я. Самоквасова. Я еще успел быть знакомым с учеными поколения учеников В.О. Ключевского, у которых и тогда не остыла личная антипатия к этому руководителю МАМЮ; однако понимая немалое значение сделанного ученым, в частности, в развитии археологии, предоставил страницы «Археографического ежегодника за 1998 год» для публикации впервые полного списка печатных трудов Самоквасова (составленного в то же время Б.Б. Лебедевым). Но как ответственный редактор книги Шохина, не считал возможным внести изменения в его авторский текст. Огорчило меня в этом издании другое — то, что без уведомления меня было напечатано авторское Послесловие. Там слишком много о Шмидте, приводятся его высказывания, не рассчитанные на прижизненную публикацию. Отнюдь не отказываюсь от своих давних слов, но в книге под моей редакцией это выглядит не совсем удобно.

⁵ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 388 и след.

КРАЕВЕДЕНИЕ В ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ

Создание на основе Московского государственного историко-архивного института первого в стране гуманитарного университета — РГГУ — значительно расширило возможности изучения исторических явлений на стыках наук и обращения к новым методическим приемам международного класса. Это предопределило и характер занятий в сфере региональной истории и краеведения.

Усиливающийся повсеместно интерес к такой проблематике объясняется обстоятельствами общественной жизни России (возрастание роли провинции и, соответственно, внимания к особенностям и прошлому регионов, к локальной истории) и ходом развития современных социальных наук во всем мире (большее внимание к социокультурной проблематике, к истории повседневности, к микроистории, чем к государственно-политической истории; образование новых направлений исторического изучения на стыках наук, причем не только гуманитарных, но иногда и гуманитарных и естественных).

В МГИАИ уже был накоплен значительный опыт выявления и изучения источников, используемых в трудах по локальной истории и истории повседневности. Это были преимущественно источники по феодальному периоду отечественной истории, отдельные их виды и разновидности по делопроизводству и по истории отдельных владений — светских и церковных, местностей, сообществ. С изменением общественно-политического микроклимата, явно ощутимым в МГИАИ, а тем более в РГГУ, и воспринимавшимся и со стороны как одно из средоточий начавшейся перестройки, больше внимания стали уделять явлениям новой и особенно новейшей истории, возвращая народу вычеркивавшиеся при советской власти имена, события прошлого, даже общественные категории.

Впервые опубликовано: Шмидт С.О. [Без названия] // Афанасьев Ю.Н. Universitas humana: Гуманитарный университет третьего тысячелетия. М., 2000. С. 389–392.

Результативны были уже и ранние работы по истории краеведения: на Второй всесоюзной конференции по историческому краеведению в г. Пензе (1989 г.) заметное место заняли доклады выпускников МГИАИ недавних лет. Это же обнаружилось и на Всероссийской конференции «Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни», состоявшейся также в Пензе в 1995 г. Краеведческая тематика закрепилась и в исследованиях по источниковедению историографии: интенсивно изучались и архивные материалы — личные фонды краеведов, фонды краеведческих обществ, издания, материалы о репрессиях, которым подверглись краеведы в конце «золотого десятилетия» краеведения на рубеже 1920–1930-х гг.

Именно на пленарном заседании проходившей в РГГУ в апреле 1992 г. Всероссийской конференции «Гуманитарная подготовка студентов негуманитарных вузов и специалистов гуманитарного профиля» был заслушан доклад «Краеведение в гуманитарной подготовке студентов» — и РГГУ постепенно становился методическим центром преподавания краеведения, работающим в тесном творческом контакте с Союзом краеведов России и научно-проблемным советом Российской академии наук — Археографической комиссией, имевшей и ранее с ИАИ тесные взаимосвязи.

Все это привело к созданию в РГГУ (прежде всего на базе факультета архивного дела Историко-архивного института) в 1997 г. научного центра по историческому краеведению и москвоведению и кафедры региональной истории и краеведения. Работа их связана с программами других кафедр и даже факультетов и не ограничивается преподавательской деятельностью и личной научной работой преподавателей. Постоянное внимание уделяется широкой совместной работе с вузами, хранилищами памятников истории и культуры (музеями, архивами, библиотеками), научными учреждениями, общественными объединениями Москвы и других городов, развитию взаимосвязей с организациями, причастными к преподаванию краеведения в средней школе (где оно стало, как правило, обязательным предметом).

В конце 1997 г. в Историко-архивном институте была проведена Межвузовская всероссийская конференция по преподаванию краеведения в высшей школе. Регулярно проходят всероссийские же конференции с участием как преподавателей, так и учащихся, организованные совместно с Центром детско-юношеского туризма Министерства образования. Кафедра сыграла ведущую роль в организации съезда Союза краеведов России и Всероссийской научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России» в декабре 1998 г. (она проходила в Институте природного и культурного наследия Министерства культуры, с которым также имеется тесный и плодотворный контакт). А еще ранее, в октябре 1998 г., — в организации Международной научно-методической конференции «Малые города России: проблемы истории и возрождения» в Переславле-Залесском. Большая часть материалов этих конференций издана.

Особое значение приобрело участие преподавателей РГГУ в разработке проблематики москвоведения и его преподавания в средней школе. В помещении Историко-архивного института на Никольской улице, 15, происходят не только научные и научно-практические конференции (обычно организованные совместно с Мосгорархивом, Департаментом образования правительства Москвы, общественными объединениями), но и ставшие регулярными открытые вечерние заседания, на которых в присутствии авторов и издателей обсуждаются новинки краеведчес-

кой, и прежде всего москвоведческой, литературы. Участие РГГУ в разработке концепции развития и совершенствования курса москвоведения в средних учебных заведениях г. Москвы отмечено присуждением в 1999 г. премии Правительства Российской Федерации в области образования руководителю Центра исторического краеведения и москвоведения С.О. Шмидту и заведующему кафедрой региональной истории и краеведения В.Ф. Козлову.

Очевидна своевременность узаконения особой специальности краеведческого уклона «Музейное дело и охрана памятников» на кафедре региональной истории и краеведения. Кафедра могла бы действительно включиться в работу по составлению учебных пособий и методических рекомендаций такой проблематики и для других вузов, и прежде всего — провинциальных, где серьезное внимание уделяется ныне краеведческой тематике и изучению культуры российской провинции, причем делается это на стыке с такими обретающими все большее значение в вузовском обучении областями знания, как историческая психология, социология, памятниковедение, историческая география. На самой же кафедре целесообразнее всего было бы сосредоточиться на обучении специалистов для работы с документальными памятниками, находящимися в музейных собраниях.

Подготовке специалистов такого профиля помогут и опыт обучения историков-архивистов, и результативные работы кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, уже более десяти лет организующей межвузовские научные конференции (всероссийские и даже международные) по источниковедению и смежным с ним научным дисциплинам, и Российско-французский центр исторической антропологии имени Марка Блока, и наличие в РГГУ новейшей технически оснащенной методики выявления, сохранения и передачи исторической информации, и — главное — характерная для программ обучения в РГГУ система междисциплинарных научных связей.

ПРОФЕССОРА ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ*

Конференция наша посвящена проблематике исторической географии и междисциплинарным связям этой специальной научной дисциплины. Ежегодные научные конференции всероссийского, а часто международного состава участников, организуемые кафедрой, одно из особо значимых явлений в истории Историко-архивного института и даже РГГУ, показывающее творческие взаимосвязи нашего института и университета с широким кругом научной общественности и с разны-

* В основе статьи — выступление на XXIII Международной научной конференции «Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве» 27 января 2011 г.

ми поколениями специалистов. Это замечательная традиция, заложена еще профессором Александром Лазаревичем Станиславским, который был и инициатором, и организатором первых конференций. Тогда же были определены два характерных момента: конференции посвящались какому-то комплексу проблем, связанных с изучением обычно одной из вспомогательных (или специальных) исторических дисциплин, и в то же время зачастую оказывались приуроченными к юбилею или напоминанию о выдающихся историках — профессорах кафедры. Сегодняшняя связана с именем профессора Виктора Александровича Муравьева, которому реализацией этого начинания обязаны, по-моему, в наибольшей мере, потому что его широкая эрудиция, благожелательность, коммуникабельность, человеческое обаяние, личная заинтересованность в развитии науки и в привлечении новых людей к научной деятельности — существенный фактор результативности этой деятельности. Очень трудно удерживать такую планку; и очень желательно к тому стремиться.

В 1997 г. в память профессоров А.И. Андреева и В.К. Яцунского проведена была организованная кафедрой конференция близкой тематики «Исторический источник: Человек и пространство». В изданных материалах ее — постановочного типа статьи О.М. Медушевской, В.А. Муравьева, И.Л. Беленького и других с обзором сделанного в этой сфере знаний и определением возможных перспектив дальнейшей работы. В начальном разделе «От редакции» приведены данные о преподавании исторической географии в МГИАИ, но не оказалось статей о тех ученых МГИАИ, памяти которых посвящена конференция, — о них специально написано лишь в разделе статьи профессора О.М. Медушевской, озаглавленном «Источник, человек и пространство в трудах А.И. Андреева и В.К. Яцунского», где акцентируется внимание на том, что «в качестве существенного признака, важной отличительной чертой научной деятельности двух, очень разных ученых... отчетливо выступает взаимодействие историко-культурного и географического подхода»¹.

И потому полагаю позволительным вернуться к схожей тематике, сосредоточиваясь на сделанном в области исторической географии и в контексте ее взаимосвязей с источниковедением теми видными учеными, которые преподавали в МГИАИ. Тем более что на рубеже 1940-х и 1950-х гг., когда начинал преподавание в МГИАИ, особенно очевидны были достижения его профессоров в плане развития исторической географии и живыми казались предания о занятиях исторической географией в предшествующие годы.

Утверждение исторической географии как учебной дисциплины, да и вообще самостоятельной отрасли исторических знаний и одной из специальных (вспомогательных) исторических дисциплин в советской России во многом обязано тому, что было сделано именно в Историко-архивном институте. При этом должно подчеркнуть то, что исторической географией в МГИАИ занимались историки, выделявшиеся многообразием проблематики своих исследований и определявшие значение (а в какой-то мере и предмет) исторической географии в контексте источниковедения и в преподавательских рекомендациях как вспомогательную историческую дисциплину. Называя имена ученых, стоявших у истоков формирования такого научно-педагогического направления в МГИАИ, ограничиваюсь упоминанием лишь тех их трудов, где отражены историко-географические интересы

авторов, и особенно во взаимосвязи с развитием источниковедения и его методики.

М.Н. Тихомиров до войны, будучи научным сотрудником Академии наук, преподавал не только в МГУ и МИФЛИ, но и в МГИАИ. Именно на основе его лекционного курса там издали в 1940 г. первый учебник по источниковедению отечественной истории до XIX в. «для исторических факультетов университетов и педагогических институтов», и на оборотной стороне титульного листа даже указано: «Редактор Историко-архивного института акад. Ю.В. Готье». В разделе шестом, озаглавленном «Источники по истории России в XVIII в.», глава XVII имеет параграфы «Географические описания» и «Картографические материалы», где характеризуются и карты XVI–XVII вв. Осенью 1937 г. М.Н. Тихомиров, как и некоторые другие преподаватели, откликнувшись на обращение дирекции института, подготовил записку о задачах историко-архивного образования, обзор которой сделал С.В. Чирков (выпускник, а одно время и преподаватель нашего вуза) для публикации в «Археографическом ежегоднике». Там М.Н. Тихомиров рекомендовал в преподавании исторической географии больше внимания уделять данным о России XVIII–XIX вв., без которых «старые архивные фонды, исходящие из прежних географических границ (губерний, уездов и пр.), будут во многом непонятны»².

Это было новаторское предложение, так как до того преимущественное внимание уделялось при подготовке историков-архивистов исторической географии допетровского времени (об этом подробности в обстоятельной статье А.М. Пашкова «Историческая география в отечественном архивном образовании конца XIX – начала XX вв.» в книге материалов нашей XXIII Международной конференции). М.Н. Тихомиров опирался, очевидно, на опыт работы краеведов 1920-х гг., отраженный в изданиях книг (М.И. Смирнова в Переяславском крае и др.), статей, докладов в краеведческих обществах. Возможно, он был осведомлен и об исследованиях академика М.К. Любавского по истории русской колонизации с древнейших времен до XX в. (изданных посмертно уже в конце XX в.), т.е. о расселении русского, украинского и белорусского народов, с особым вниманием к исторической географии народного хозяйства³.

В студенческие годы, в МГУ, М.Н. Тихомиров записался слушателем спецкурса М.К. Любавского по исторической географии и отметил это в своих «Воспоминаниях». Обращение М.Н. Тихомирова к исторической географии прослеживается на всем его пути историка⁴. Став организатором краеведческого музея в подмосковном Дмитрове, он начал разрабатывать проблемы местной исторической географии и топонимики, проверял визуально, на местности, данные словесных источников (письменных, устных), то же делал и оказавшись в Самаре. Возвратившись в Москву, с середины 1920-х гг. выступал по такой тематике на заседаниях обществ «Старая Москва», готовил там историко-географический атлас Московской губернии⁵.

Для Тихомирова тех лет занятия исторической географией неотторжимы от краеведческих штудий. В годы навязывания историкам вульгарных социологических схем М.Н. Покровского М.Н. Тихомиров, не имея возможности знакомить в печати с результатами своих неутомимых архивных разысканий, выступал в печати как автор учебных пособий по географии — учебник по физической географии

(подготовленный совместно с П.П. Счастневым) в 1936–1939 гг. издавался трижды⁶. В 1952 г. им издан «Список русских городов дальних и ближних», сопровождаемый историко-географическим исследованием. Некоторые из его выдающихся монографий, изданных в послевоенные годы, на стыке с проблематикой исторической географии — особенно о городах Древней Руси и «Россия в XVI столетии».

Профессор Е.В. Чистякова — любимая ученица М.Н. Тихомирова, преподававшая и в МГИАИ в 1952–1971 гг., автор книги о нашем общем учителе, справедливо заметила: «Все без исключения сюжеты работ Михаила Николаевича были “привязаны” к определенной местности», и приводит примеры его «историко-географических наблюдений» даже при характеристике и выявлении авторства литературных памятников («Слова о погибели Русской земли» XIII в.)⁷.

Михаил Николаевич ощущал потребность визуально ознакомиться с местностью, историю которой изучает, и был подлинным знатоком города своего рождения Москвы. Он любил экскурсии по Москве — занимался этим в 1920-е гг. и даже знаменитым уже профессором проводил со студентами своего семинара такие экскурсии — на одну из них в середине 1940-х гг. пригласил и меня — уже его аспиранта. Это была экскурсия по Никольской улице (тогда называвшейся «улицей 25 Октября»): впервые побывал во дворе и здания Славяно-греко-латинской академии и увидел «теремок» во дворе Историко-архивного института, где затем с 1949/50 учебного года заседал руководимый мною студенческий научный кружок источниковедения, и изображение теремка стало книжным знаком издания трудов кружковцев. Позже М.Н. Тихомиров предложил мне, тогда уже доценту МГИАИ, сопровождать его в экскурсии по северным городам в Великий Устюг, Сольвычегодск и Архангельск. После Великого Устюга к нам присоединилась Е.В. Чистякова, в ту пору доцент Воронежского университета. И мог наблюдать как бы восприятие ученым новой для него исторической местности — начиналось с проникновения в особенности природных условий, так как М.Н. Тихомиров справедливо полагал, что они — особенно в период Средневековья — обуславливают местные черты социокультурного обихода, преимущественные занятия населения. В краеведческом музее он начинал осмотр с отдела природы. На рынке не только делал необходимые покупки, но и знакомился с ассортиментом и качеством продуктов. Помнится, как, вставив ложку в жбан со сметаной и увидев, что она стоит, воскликнул: «Потому-то Устюг и Великий», как и Ростов, «здесь при таких заливных лугах так произрастают травы и овощи». В ежедневных записях отмечал и свои наблюдения не только над памятниками истории и культуры, но и природными условиями и использование создателями памятников этих обстоятельств. И там читаем: «Музейная карта почвы и селений еще раз убеждает меня, что Устюг — это оазис среди лесов, подобный Новгороду. Аллювиальные почвы дают возможность возделывать овощи и отчасти хлеба, множество богатых рыбами рек. Недаром селения ютятся вокруг реки и так малочисленны в ее отдалении»⁸.

Показательно, что и работа тех, кого относят к научно-педагогической школе академика Тихомирова, формировавшейся на историческом факультете МГУ, в той или иной мере связана с проблематикой исторической географии⁹. А.Н. Мальцев (преподававший в МГИАИ) читал лекции и по исторической географии, а А.В. Муравьев стал одним из авторов учебных пособий по исторической геогра-

фии (в 1970-е гг.). Тема диссертации Н.Б. Шеламановой, ставшей в 1956 г. первым сотрудником восстановленной по почину М.Н. Тихомирова Археографической комиссии Академии наук, историко-географическая: «Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой» (1971 г.). То же заметно и в кандидатской диссертации Л.В. Милова 1957 г. «Экономические примечания к Генеральному межеванию второй половины XVIII – начала XIX вв. (некоторые вопросы источниковедения)». Воспринятый у своего учителя историко-географический подход к теме еще в большей мере выявился в выдающихся обобщающего типа трудах академика Л.В. Милова, и прежде всего в монографии «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (второе издание вышло в 2006 г.). Обнаруживается это с несомненностью в монографиях и аспиранта нашего с Е.В. Чистяковой набора (1944 г.) В.А. Александрова, прославившегося трудами о русском населении Сибири XVII – начала XVIII вв., и В.А. Кучкина о формировании государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. Таким подходом определяется во многом и направленность трудов академика Н.Н. Покровского и об актовом источниковедении и по истории Сибири, Д.И. Тверской о Москве XVII в. как центре складывающегося всероссийского рынка, а также и о местных особенностях развития полевой археологии, А.П. Пронштейна и о Великом Новгороде XVI в. и о Земле Донской в XVIII в., Ш.Ф. Мухамедьярова о Казанском ханстве, М.В. Фехнер о торговле со странами Востока, А.Л. Хорошкевич о торговле с Прибалтикой и Западной Европой и других учеников М.Н. Тихомирова. В работах Е.В. Чистяковой это тоже заметно — и в исследованиях о народных движениях XVII в., и о контактах России с народами Латинской Америки. Не без влияния М.Н. Тихомирова и знакомства с его трудами неизменное внимание к историко-географическим элементам проявлялось и в моих работах, особенно источниковедческой тематики, а также историографической и краеведческой¹⁰ тематике работ моих учеников. Внимание к сюжетам на стыке с исторической географией особенно заметно в сборнике статей памяти академика М.Н. Тихомирова, подготовленном его учениками — «тихомировцами» сразу после кончины ученого — в книге 1967 г. «Новое о прошлом нашей страны».

Историческую географию в МГИАИ преподавали еще в довоенные годы. В документе, датированном 28 октября 1939 г. и составленном в связи с постановкой вопроса о 5-летнем сроке обучения в ИАИ, признавалось «необходимым» расширение программы и по исторической географии¹¹.

Историческую географию с 1939 г. (или только в 1939/40 учебном году) преподавал профессор Иван Иванович Полосин, однако программа его занятий мне неизвестна. И.И. Полосин был не только исследователем многообразных научно-исследовательских интересов и оригинальным во многих своих суждениях, но и высокоталантливым педагогом — в чем мог убедиться по лекциям его о методике преподавания истории в Среднеазиатском университете в Ташкенте в военные годы. Впечатление от этих лекций и от личного общения (преимущественно в связи со сближавшим нас интересом к эпохе Ивана Грозного и источникам ее изучения) побудило затем к участию в подготовке издания посмертно книги трудов его «Социально-политическая история России XVI – начала XVII вв.» (М., 1963) и к пуб-

ликации «Проспекта курса “Источниковедение и историография”» 1941 г. с введением, в котором охарактеризованы и другие материалы по методике источниковедения в архиве ученого (переданного в Отдел рукописей РГБ), и предложить темы по материалам этого архива двум дипломницам, окончившим МГИАИ в 1968 г.

И.И. Полосин различает исторические источники по их происхождению на три класса: 1) собственно исторические источники, 2) историко-географические источники, 3) естественно-исторические источники. Далее ученый разъясняет: «*Естественно-исторические источники* (данные геоморфологии, гидрографии, географии растений и животных, климатологии и т.д.) отличаются тем, что в их создании человеческий труд не играл никакой роли», а «*историко-географические источники* — это источники природного, естественно-исторического происхождения, в видоизменении и оформлении которых известную роль сыграл человеческий труд. Например: географическое размещение пустыни или болот, граница лесной и степной зоны и т.д.»¹².

Сохранилась и стенограмма лекции, прочитанной И.И. Полосиным методистам и учителям Москвы в 1944 г., — «Источники и их анализ». Тема ее сформулирована так: «Вопросы об источниках, которыми мы пользуемся при подборе соответствующего материала». Там профессор специально останавливается на характеристике «историко-географических источников», подчеркнув особую необходимость подобных характеристик и отметив с сожалением отсутствие их в вузовских учебниках истории: «Прошу найти хотя бы одну историко-географическую характеристику в двухтомнике [учебника истории] СССР, рассчитанном на студентов вузов. Их нет! История протекает вне пространства!» И показывает, как «исторический источник, связанный с географической средой, превращается в историко-географический источник», рассказывая об академике М.К. Любавском: «В вопросах историко-географических он обладал большим чутьем, но в то же время никак не мог понять, что помогало одному очень маленькому княжеству в системе Белозерских княжеств так долго сохранять свою самостоятельность. Помимо других факторов, помогавших этому княжеству сохранить самостоятельность, была, между прочим, и география района. И достаточно было бы Любавскому проехать на территорию этого княжества, посмотреть на эту цепь болот и топей, окружавших его со всех сторон, и на это маленькое блюдечко-княжество, возвышавшееся среди почти неприступных районов, как многое уже разъяснилось бы. География не определяет историю, а влияет на нее, и это влияние нужно установить»¹³.

Ознакомление с такими архивными материалами укрепляло складывавшиеся тогда мои представления об исторических источниках и их классификации, сформулированные и в беседах со студентами-кружковцами, и в статьях конца 1960-х – 1980-х гг., особенно четко в статье 1981 г. «Проблемы взаимодействия общества и природы в источниковедческом аспекте» и предшествовавшем ей докладе 1978 г. на 1-й Всесоюзной научной конференции по проблемам взаимодействия общества и природы¹⁴.

Когда читал первокурсникам МГИАИ лекционный курс отечественной истории (с 1949 г. до начала 1970-х гг.), имел возможность пользоваться картами, составленными С.Б. Веселовским. В отчете о работе Института за 1944/45 г., датированном июлем 1945 г., отмечено, что в кабинете кафедры истории СССР «большое

количество карт по истории СССР. Ряд карт, составленных членом-корреспондентом Академии наук СССР С.Б. Веселовским (академиком его избрали в 1946 г. — С.Ш.), носят исследовательский характер и являются уникальными»¹⁵.

С.Б. Веселовский обращался к данным исторической географии, особенно топонимике, изучая актовый материал и комментируя издания актов, в трудах по истории землевладения и сел Северо-Восточной Руси XVI–XVII вв., по истории памятных мест Подмосковья. Особое внимание он уделял топонимике, и реферат такой тематики имеет показательное название — «Топонимика на службе у истории»¹⁶. В лекциях аспирантам Историко-архивного института весной 1939 г. профессор, рассуждая о методике научных исследований, прежде всего обратил внимание на топонимику и картографию и лишь затем перешел к дипломатике¹⁷.

Когда, в феврале 1949 г., оказался преподавателем кафедры вспомогательных исторических дисциплин, в Институте преподаванию исторической географии и направленности к таким занятиям перспективных студентов и аспирантов придавали больше значения, чем на истфаке МГУ, где я до того был студентом и аспирантом, хотя в семинарах профессоров С.В. Бахрушина, Н.Л. Рубинштейна, М.Н. Тихомирова особенности местной истории, во многом предопределенные историко-географическими условиями, становились темой специальных исследований. Профессорами кафедры ВИД, много внимания в своей творческой деятельности уделявшими исторической географии, были заведующий кафедрой Александр Игнатьевич Андреев и читавший такой лекционный курс Виктор Корнельевич Яцунский, основным местом работы которого был Институт истории Академии наук. Там, впрочем, работал и А.И. Андреев, возглавляя группу по изучению времени Петра I и подготовке издания его «Писем и бумаг». Но для него основным местом работы был МГИАИ; и проживал он с супругой на втором этаже нашего здания, так что общение с ним было не только в «теремке», где располагалась кафедра, но и в отгороженной книжными шкафами, так сказать, кабинетной части его комнаты. Атмосфера, благоприятствующая творчеству и учащихся и учащихся на кафедре вспомогательных исторических дисциплин той поры, хорошо передана в статье 1989 г. и в книжке 1990 г. Л.Н. Простоволосовой и А.Л. Станиславского¹⁸.

Обратившись к списку печатных трудов А.И. Андреева, напечатанному к 70-летию его в первом выпуске «Археографического ежегодника» — ежегоднике за 1957 год, убеждаемся, что историко-географическая проблематика, начавшая привлекать его еще в 1920-е гг., ставшая едва ли не основной в его исследованиях и научной публицистике после ссылки в Сибирь в 1930-е гг., оставалась одной из ведущих тем его творчества в 1940-е гг. Изданные в 1940 г. «Очерки по источниковедению Сибири. XVII век», относимые ныне к классике нашего отечественного источниковедения, начинались главами «Биографические источники о Сибири XVII в.» и «Труды С.У. Ремезова по географии Сибири XVII в.». В 1940-е гг. вышли в свет труды ученого и об экспедициях полярных, к берегам Америки и в Тихом океане, и о трудах М.В. Ломоносова по географии, о сочинениях Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, А.И. Радищева о Сибири, об архивах знаменитых русских путешественников-первооткрывателей, статья «Ньютон и русская география XVIII в.». А.И. Андреев был инициатором и руководителем работы по подготовке документальных сборников и книг, статей о плаваниях русских в Северном Ледовитом и в Тихом океанах в

XVIII–XIX вв., о русских открытиях в Тихом океане и в Северной Америке, Антарктике. Именно в то время, когда имел возможность общаться с А.И. Андреевым на кафедре, он был занят подготовкой книги трудов В.Н. Татищева по географии и публиковал труды не только в периодических изданиях исторического профиля, но и в таких, как «Вопросы географии», «Летопись Севера» и др.

А.И. Андреев, став заведующим кафедрой в 1942 г., настоял на возобновлении занятий исторической географией и пригласил читать лекционный курс В.К. Яцунского (тогда еще доцента). В.К. Яцунский расстался с МГИАИ лишь в 1959 г., удержавшись там даже тогда, когда вынудили в 1949 г. покинуть МГИАИ (нанеся тем самым несомненный урон и кафедре и Институту) таких выдающихся ученых и педагогов, как профессора А.И. Андреев и Л.В. Черепнин (в 1949 г.), а его самого обвиняли в «буржуазном космополитизме».

Подобно А.И. Андрееву, В.К. Яцунский был тоже исследователем многообразных научных интересов, печатавшим, как и он, в одно и то же время труды разной тематики. Но если в трудах Андреева — и источниковедческих, и собственно исторических — преобладало внимание к проблемам государственно-политическим и к истории культуры, то у Яцунского — к социально-экономической истории.

В.К. Яцунский еще в 1920-е гг. подготовил наглядные пособия по экономической географии, в 1943 г. выступил со статьей «Предмет и задачи исторической географии» («Историк-марксист», № 5), в 1948 г. со статьей «Историко-географические моменты в работах В.И. Ленина», в 1950 г. со статьями в сборниках «Вопросы географии» «Значение исторической географии в подготовке экономико-географа», «Историческая география как научная дисциплина» и в том же 1950 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Историческая география. История ее развития в XIV–XVIII вв.», ставшую основой книги 1955 г. Ученый показал, что представление об исторической географии — одна из характерных черт культуры эпохи Возрождения (еще до оформления соответствующего лексикона научной терминологии). В.К. Яцунский одну из своих статей 1956 г. озаглавил так: «К вопросу о месте историко-географического анализа в страноведческих работах по экономической географии», пропагандировал труды о взаимосвязях исторической географии с краеведением, был инициатором заказа такой тематики статей в начавшем выходить в 1957 г. журнале «История СССР», где был очень действенным членом редколлегии (а я был заместителем главного редактора, с чего и началась моя служба в учреждениях Академии наук).

Для понимания самим В.К. Яцунским предмета исторической географии много дает его статья «Историческая география» в Советской исторической энциклопедии. Это — вообще образцовая энциклопедическая статья по емкости и в то же время насыщенности информацией о современных задачах науки и о ее историографии и по ясности изложения. «Историческая география, — пишет В.К. Яцунский, — отрасль исторического знания, изучающая географию исторического прошлого человечества. Историческая география имеет те же основные разделы, что и география современности, т.е. она распадается на: 1) историко-физическую географию, 2) историческую географию населения, 3) историческую географию хозяйства, 4) историко-политическую географию. В последний раздел входит география внешних и внутренних границ, размещение городов и крепостей, а также

исторические события, т.е. пути военных походов, карто-схемы сражений, география народных движений и т.п.»¹⁹ В статье И.Л. Беленького и В.Н. Стрелецкого «Историческая география», написанной для тома Большой российской энциклопедии, вышедшего в 2008 г., высоко оценивается «схема Яцунского» — «лидера» исторической географии «в науке своего времени»²⁰. Однако теперь большее внимание уделяется и историко-культурному аспекту этой отрасли научного знания и — соответственно — учебной дисциплины (особенно в трудах ученицы В.К. Яцунского, выпускницы МГИАИ, а теперь и профессора его кафедры региональной истории и краеведения Э.Г. Истоминой).

В.К. Яцунскому было нелегко пропагандировать занятия исторической географией в вузе исторического профиля. Ведь сам И.В. Сталин в четвертой главе «Краткого курса истории партии», объявленной вершинным достижением в философии истории, заявлял, что нельзя преувеличивать значение географического фактора в истории; и нашлось немало число историков, которые после того предпочитали вовсе обходить историко-географическую проблематику (и, соответственно, и специфику) в трудах общеисторической тематики. Это особенно заметно в учебниках для средней и высшей школы, когда приступали к характеристике классового общества, отмечая лишь геополитические моменты. В.К. Яцунский, как принято было в то время, умело использовал написанное классиками марксизма-ленинизма, и в наибольшей мере В.И. Лениным. Он, конечно, отнюдь не противопоставлял авторитет Ленина авторитету Сталина — такое было в ту пору немислимо. Но не раз и специально писал о трудах Ленина соответствующей тематики, прежде всего о книге «Развитие капитализма в России», и это выделялось уже в названии «Историко-географические моменты в работах В.И. Ленина» (1948 г.), «Вопросы экономического районирования в трудах В.И. Ленина» (1953 г.), «Ленинские идеи в области экономической географии» (1954 г.), и в статьях по тематике экономической истории России Нового времени и по проблематике источниковедения и историографии²¹. По трудам Яцунского поучительно проследить, как использовалась учеными практика цитирования классиков марксизма для утверждения в исторических представлениях нового в их исторических построениях (об этом более подробно в моей статье «Размышления об “историографии историографии”»)²².

В.К. Яцунский добился признания авторитетности трудов по исторической географии для историков, начала работы по созданию первого академического исторического атласа СССР и мог ощутить признание своих заслуг, выступая с докладами на международных форумах и в нашей стране. О сделанном В.К. Яцунским в области исторической географии обстоятельнее всего в материалах 83-го сборника «Вопросов географии» — в книге «Историческая география России», посвященной памяти В.К. Яцунского и изданной в Москве в 1970 г.

В.К. Яцунский был и смелым в своих построениях, и источниковедчески основательным историком, обладавшим — как отметил Б.Г. Литвак — особой «силой исследовательской интуиции»²³, и ученым-просветителем (в печатных и устных выступлениях, в организаторской деятельности), и очень вдумчивым и заботливым педагогом, улавливавшим перспективные для молодых ученых темы, соответствующие направленности их ума; так, если нашим выдающимся выпускникам Б.Г. Литваку и Ю.Я. Рыбакову он предложил темы экономико-социального аспек-

та, то в В.М. Кабузане предугадал непревзойденного специалиста по географии населения и исторической демографии. Существенным было, конечно, и то, что и на других кафедрах ИАИ поддерживали интерес к изучению особенностей местной истории и источников такой информации — так, ученик В.К. Яцунского Я.Е. Водарский, выпускник МГИАИ 1952 г., своими учителями называл и А.А. Новосельского, и Н.В. Устюгова.

Сам Яцунский еще юношей поражал своими дарованиями и умом — профессор М.М. Богословский, в январе 1916 г. заведовавший в Московском университете кафедрой русской истории, отмечал в своем дневнике, прочитав сочинение студента Яцунского «о столкновении Софьи с Петром»: «Талантливый человек, смелый и ясный ум» (дневники Богословского должны выйти из печати весной 2011 г.¹). Забота профессора В.К. Яцунского об обеспечении научного будущего своим даровитым ученикам восходит к традициям и его университетских профессоров.

У профессора Яцунского была своеобразная манера принимать экзамены: нередко он помимо вопроса, доставшегося по билету, спрашивал, откуда приехал сдающий экзамен (а тогда в МГИАИ преобладали среди студентов немосквичи), и они обычно узнавали от профессора немало неизвестного им о месте своего обитания и зачастую по-другому начинали воспринимать положение своего региона в истории нашей страны и историческое значение его особенностей.

В книге очерков и воспоминаний «Учителя учителей», подготовленной Центром визуальной антропологии и эгоистории РГГУ, один из самых привлекательных по форме изложения и широких по кругозору очерк В.А. Муравьева о В.К. Яцунском, лекции которого по исторической географии он слушал в 1958/59 учебном году. И лекции, и «знаменитая книга» «Историческая география, история возникновения и развития в XIV–XVIII веках» ассоциировались у студентов с высоким представлением об «академизме». Стоит привести большой фрагмент этого текста, имея при этом в виду, что первичное студенческое восприятие переосмыслено (и переоценено) уже обретшим немалый опыт профессором: «Строжайшая выверенность, логичность, последовательность мысли и слова. Богатейший русский лексикон и обращение “на равных” к немецким, французским, итальянским, английским авторам и трудам. Свободное владение латынью, что проявлялось не только в цитировании, но и в кратком подведении итогов рассуждений. Странно, не изучая специально латыни, мы нередко понимали его до или без перевода. Ни единой небрежности или незавершенности в устной и письменной речи. Феноменальная научная эрудиция. Она проявлялась и тогда, когда Виктор Корнельевич, даже не называя трудов, имен, фактов, говорил о какой-либо проблеме: в самом построении размышления ощущались лежащие под ним пласты знания. Строжайшее разделение предположений и доказательств, отточенное внимание к мельчайшим деталям изложения. И постоянная структуризация знания — только так его можно было усвоить и сохранить.

Курс “Историческая география” был семестровый — 18 лекций. Одна из важнейших забот Виктора Корнельевича, не только универсального историка-геогра-

¹ Книга вышла: *Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея.* М., 2011. — Ред.

фа, но и специалиста по истории размещения российской промышленности и рынков в XVII–XIX вв., состояла в том, как разойтись с общим курсом, не превращать его в историю страны, разыскать его специфику. Реконструкция среды исторической жизни — это главный принцип, заложенный им в курс. Реконструкция совершалась в аудитории на наших глазах... Он системно “заполнял” пространство определенного времени историческими реалиями, имевшими пространственные характеристики, — сообществами людей, пашнями, городами, речными и сухими путями, мануфактурами и горными заводами, ярмарками и торжками. Воздействие на аудиторию было огромным. История из абстрактных наборов обязательных и однообразных фраз о социально-экономических отношениях, классовой борьбе, политических событиях превращалась в конкретную пространственно-временную связь. Много наших воспитанных школой представлений подверглось коренному пересмотру: мы учились оценивать фактор расстояний в Средневековье и в Новое время, мы начинали видеть пространственную конфигурацию исторического процесса, мы начинали понимать, почему далекий сибирский Томск основан чуть ранее столь близкого черноземного Орла»²⁴.

После В.К. Яцунского лекционный курс исторической географии не читали в МГИАИ почти три десятилетия. Но продолжателем достойных традиций кафедры в этой сфере научно-педагогической деятельности успешно выступала Ольга Михайловна Медушевская, позднее получившая широкую известность своими выдающимися трудами по теории и истории источниковедения, методологии истории, «науке о человеке». На начальном этапе научного творчества О.М. Медушевская была ученицей и А.И. Андреева, и В.К. Яцунского. А.И. Андреев еще в 1943 г. в списке утвержденных кафедрой тем для аспирантов рекомендовал и такую: «Русские историко-географические источники XVIII в.». Когда формулировалась тема диссертации О.М. Медушевской, в 1948 г., историографическая ситуация не позволяла сосредоточиться на специально источниковедческой тематике, и диссертация была защищена в 1952 г. по теме «Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50-е – начало 80-х гг. XVIII в.)». После ухода А.И. Андреева из МГИАИ и переезда снова в Ленинград, научным руководителем просили стать В.К. Яцунского — он согласился, но руководил до того начатой работой, советуясь с А.И. Андреевым и исходя из предложенного им плана, и в библиографическом справочнике А.А. Чернобаева «Историки России XX века» учителями профессора О.М. Медушевской указаны и А.И. Андреев, и В.К. Яцунский. Учителями ее эти ученые были и в прославившей О.М. Медушевскую сфере источниковедения, она изначально сочувственно воспринимала сетования В.К. Яцунского на «недооценку у нас роли методики исследования в научной работе историка»²⁵.

О.М. Медушевская публиковала статьи и подготовила учебные пособия о картографических источниках XVII–XIX вв., и как указал И.Л. Беленький, эти «в общем немногочисленные работы О.М. Медушевской прочно входят в «зону обязательного цитирования» в литературе вопроса»²⁶. О.М. Медушевская выступала со статьями и докладами об источниках о плаваниях русских мореходов XVIII в., приняла участие в написании учебного пособия по исторической географии (1959 г.), подготовила обстоятельный и совершенно в стиле В.К. Яцунского обзор «Вопросы исторической географии в трудах по истории СССР» в журнале «История

СССР», № 1 за 1960 г. (и помнится, с какой заинтересованностью В.К. Яцунский рекомендовал этот материал к быстрейшему напечатанию). О.М. Медушевская сочла своим долгом позднее — в 1975 г. — написать и небольшую, но весомую по формулировкам статью «В.К. Яцунский и преподавание исторической географии»²⁷.

Особое внимание на кафедре вспомогательных исторических дисциплин в те годы к исторической географии и смежным с ней отраслям знаний (топонимике и др.) обнаруживается в проблематике трудов, причастных близко к работе кафедры в те годы, — в написанной под руководством А.А. Зимина диссертации Е.П. Маматовой об источниках по истории населения, землевладения, хозяйства Рузского уезда в период позднего Средневековья, пожалуй, и в рассуждениях профессора Е.И. Каменцевой об особенностях местных мер, в моих краеведческих штудиях.

Это ярко проявилось и в творчестве Сергея Михайловича Каштанова — ныне члена-корреспондента РАН и заслуженного профессора РГГУ, особенно в его подходе к изучению актового материала и писцовых книг. Именно в книге материалов организованной кафедрой конференции 1997 г. появилась его статья схожего содержания со статьей «На путях к Москве (по запискам англичан середины XVI века)», напечатанной в «Археографическом ежегоднике за 1997 год», подготовленном к юбилею 850-летия первого письменного упоминания о Москве. В статье со скрупулезностью сопоставляются данные отечественных и зарубежных источников того и последующего времени и продемонстрирован и высокий образец научной методики, показательный для исследований историков-географов. В статье удалось идентифицировать многие населенные пункты, составить конкретное представление и о длине перегонов, и о скорости передвижения, да еще в сравнении со скоростью передвижения в странах Западной Европы. К топографическим сюжетам С.М. Каштанов вернулся и в докладе 2001 г. о казанской топографии XVI в.²⁸

Безусловно, возобновляя преподавание исторической географии в МГИАИ и готовя курсы лекций такой тематики, профессора А.Л. Станиславский и В.А. Муравьев исходили и из воспринятого ими из лекций В.К. Яцунского и из ощущения атмосферы поддержки историко-географического подхода к изучению прошлого и в источниковедческих исследованиях, характерной для кафедры в середине прошлого века.

¹ Медушевская О.М. Исторический источник: Человек и пространство // Исторический источник: Человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Москва, 3–5 февр. 1997 г.). М., 1997. С. 54.

² Цит. по: Чирков С.В. Записка М.Н. Тихомирова 1937 г. о задачах историко-архивного образования // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1982 год. М., 1983. С. 223.

³ Дегтярев А.Я., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В. Академик М.К. Любавский и его наследие // Академик М.К. Любавский и его наследие: К 150-летию со дня рождения. М., 2010. С. 52–54 (разд. 2: «История до-революционной России в историко-географических трудах М.К. Любавского»).

⁴ Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987; Шмидт С.О. М.Н. Тихомиров как историк-географ // Исторический источник: Человек и пространство. С. 61–62.

⁵ Шмидт С.О. Работа М.Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края (Новые материалы) // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 167–177; Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изучения истории советского исторического краеведения / Сост. и автор статьи С.Б. Филимонов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980.

⁶ См.: Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965): Биобиблиографический указатель / Сост. И.Е. Тамм. М., 1996.

⁷ Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров. С. 52–54.

⁸ Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII веков: Избр. труды. М., 1968. С. 410–412; Шмидт С.О. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 14–16 (перепечатано в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 352–354); Чистякова Е.В. Белые ночи над Северной Двиной // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 472–474.

⁹ См.: Чистякова Е.В. Школа академика М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма: [Сб. к 60-летию Н.Н. Покровского]. Новосибирск, 1990. С. 352–367.

¹⁰ Шмидт С.О. Региональная история России XVI–XVII вв. в российской историографии // Die geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus des Perspektive seinen Regionen. Wiesbaden. 2004. S. 15–37; Он же. Изучение местной истории и развитие исторической науки и общественно-исторического сознания // В едином историческом пространстве: [Сб. к 60-летию Е.И. Пивовара]. М., 2009. С. 24–63.

¹¹ Московский ордена «Знак Почета» государственный историко-архивный институт (1930–1980): Сб. документов и материалов. Пермь, 1984. С. 101.

¹² Цит. по: Шмидт С.О. Материалы по методике источниковедения в архиве И.И. Полосина // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 319.

¹³ Там же. С. 317–318, 322.

¹⁴ Работы эти включены в кн.: Шмидт С.О. Путь историка. (Статьи «Современные проблемы источниковедения», «О классификации исторических источников».)

¹⁵ Московский ордена «Знак Почета» государственный историко-архивный институт. С. 139.

¹⁶ Веселовский С.Б. Топонимика на службе у истории // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 год. Отделение истории и философии АН СССР. М.; Л., 1947. С. 9.

¹⁷ Он же. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 190 и след. (Статья «Из курса лекций аспирантам Московского государственного историко-архивного института о методике научных исследований».)

¹⁸ См.: Простоловцова Л.Н., Станиславский А.Л. «Мы учим советских людей, а не древних греков» (Из истории вузовской исторической науки конца 30-х – 40-х годов) // История СССР. 1989. № 6. С. 92–104; Они же. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990.

¹⁹ Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. С. 514.

²⁰ Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 12. С. 116.

²¹ См.: Список научных трудов В.К. Яцунского // История СССР. 1967. № 2. С. 240–245.

²² Шмидт С.О. Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки. М., 2005. Т. 8 (126). С. 326 и след.

²³ Литвак Б.Г. Вклад В.К. Яцунского в источниковедение и историографию // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 160.

²⁴ Муравьев В.А. Виктор Корнельевич Яцунский // Учителя учителей: Очерки и воспоминания. М., 2009. С. 222–223.

²⁵ Яцунский В.К. Приемы научного исследования в работах В.И. Ленина по социально-экономической истории // История СССР. 1960. № 2. С. 186.

²⁶ Бельский И.Л. Путь научного поиска (к юбилею О.М. Медушевской) // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 213. Примеч. 8.

²⁷ История географии и историческая география. М., 1975. С. 10–11.

²⁸ Каштанов С.М. К изучению казанской топографии (острова Коровнич и Ирыхов) // Великий Волжский путь: Материалы круглого стола Международного научного семинара (Казань, 28–29 авг. 2000 г.). Казань, 2001. С. 293–307.

НАШ КРУЖОК

Научному студенческому кружку источниковедения истории СССР в Московском государственном историко-архивном институте исполнилось тридцать лет. Кружок стал заметной составной частью института. Кружок обогатил его ветеранов радостью научного и человеческого общения, оказался значительным фактом их биографии. Он стимулирует творчество не только вступающих на путь науки. Кружок и кружковцы очень много дали и его научному руководителю.

Начало деятельности кружка через столько лет представляется уже полулегендарным, что еще раз показывает, сколь избирательна наша память и как важно для источниковедов верить мемуары современными событиями свидетельствами. Обычно для определения начальной даты чего-то давно возникшего ищут документальные подтверждения (вроде первого упоминания в летописи). Это-то и позволяет обосновать право на юбилей со всеми сопутствующими ему приятными обстоятельствами. Для нас таким датирующим источником является изобразительный — прежде всего первая «историческая» фотография заседания кружка 13 апреля 1950 г. Но «культурный слой» истории кружка старше: мы начали собираться зимой 1949/50 учебного года, и в работе кружка участвовали Владимир Николаевич Автократов и Всеволод Васильевич Цаплин, ставшие в наши дни видными архивистами.

В МГИАИ уже были добрые традиции студенческих научных кружков. Душой знаменитого в 1940-е гг. кружка отечественной истории периода феодализма был Павел Петрович Смирнов, скончавшийся в 1947 г. Успешно действовал и другой замечательный кружок такой же тематики, которым вдохновенно и энергично руководил Николай Владимирович Устюгов. Из среды этого кружка вышло немало видных специалистов — сотрудников Академии наук СССР, архивов, преподавателей вузов. Руководили во второй половине 1940-х гг. кружковой работой и на других кафедрах: на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Александр Игнатьевич Андреев и Лев Владимирович Черепнин, к началу 1950 г. уже покинувшие МГИАИ, а также Виктор Корнельевич Яцунский и Александр Александрович Зимин¹. Инициативные студенты из этого кружка стояли у истоков нашего. Именно активной его участницы Светланы Левиной начинается список старост нашего кружка. Организация нового кружка отвечала и потребностям молодежи в таких формах научного творчества и творческого общения, и представлениям об этом тогда еще молодого научного руководителя. Намерению этому сочувствовали и другие преподаватели кафедры. Кружок возник в обстановке творческих поисков, характерных для института в то время. 1950 г. — переломный год в истории МГИАИ. Тогда введен был пятилетний срок обучения и ясно определились задачи института как высшего учебного заведения широкого профиля с обширным и разносторонним кругом знаний как в области истории и специальных (или вспомогательных) исторических дисциплин, так и в области архивоведения².

Впервые опубликовано: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. ст. М., 1980. С. 137–157.

Весной 1950 г. готовились отметить 20-летие МГИАИ и решено было фотографировать для предстоящей юбилейной выставки лекции, семинары, заседания кафедр, научных студенческих кружков и т.д.* И оказалось, что на фотографии заседания нашего кружка в аудитории второго этажа (где сейчас щиты с экспозицией по истории института) запечатлен момент, когда немногие слушатели и два преподавателя — Ирина Александровна Миронова и я — слушают доклад о сочинениях Курбского первокурсницы Ванды Белецкой (теперь она известная журналистка, член редколлегии журнала «Огонек», заведует там отделом науки и техники). А на другой фотографии тех же дней — мой семинар по отечественной истории в 4-й группе I курса. Занятия его проходили в лекционной аудитории, и на кафедре — вероятно, впервые в жизни — читает первый свой студенческий доклад о «Хождении за три моря» Афанасия Никитина Сергей Каштанов, вскоре ставший верным членом и историографом кружка, его гордостью (сейчас он видный ученый, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР). Там же видим и Льва Дьяконицына — деятельного кружковца первого поколения и первого из художников кружка (ныне он известный искусствовед, член Союза художников СССР). Таковы изобразительно зафиксированные моменты начальной истории кружка и студенческой жизни людей, связанных с его становлением. Так апрель стали признавать месяцем рождения кружка. Это приятно и, пожалуй, знаменательно: апрель — месяц весны, месяц, когда отмечают День науки. А для большинства кружковцев представление о начале дней науки в их жизни — это кружок.

Кружок довольно скоро превратился в достаточно сплоченный коллектив людей, вовлеченных в научное творчество, — в вышедшем в 1957 г. томе студенческих научных работ института (10-й том «Трудов МГИАИ») значительное место занимали уже работы кружковцев. Рано стали утверждаться и кружковые традиции товарищества.

Ректор МГИАИ Анна Сергеевна Рослова, опытный партийный работник и очень душевный, благожелательный человек, много способствовала поддержанию жизнедеятельности кружка. И если пятилетие его отмечалось в камерной обстановке и следы этого только в кружковом юморе незабвенного любимца кружка Евгения Сизова (традиции юмора, запечатленные в письменных, изобразительных источниках, даже в песенном творчестве — тоже характерная черта кружка), то десятилетие кружок уже праздновал в актовом зале МГИАИ. Это был первый «торжественный» юбилей кружка, награжденного тогда поездкой в Новгород. Десятилетие кружка отмечено было выходом первого сборника научных трудов кружковцев — изданием типографским способом 16-го тома «Трудов МГИАИ» (более 30 печатных листов). Издание было высоко оценено в печати; первые «взрослые» шаги кружка приветствовали такие выдающиеся ученые, как В.П. Андрианова-Перетц, С.Н. Валк, М.Н. Тихомиров, Н.М. Дружинин, Д.С. Лихачев, Б.А. Рыбаков. Ссылки на опубликованные в сборнике статьи, особенно Михаила Макарова о классификации письменных источников и Игоря Фесуненко о кино-, фото-, фотодокументах как историче-

* Материалы выставки (подготовка экспозиции которой была поручена мне) — схемы, копии документов, фотографии и др. — долгое время бережно хранил Глеб Вадимович Тронин, заведующий библиотекой МГИАИ, сделавший много полезного для нашего института.

ском источнике, — встречаются во многих научных трудах, в диссертациях. В этой книге была напечатана и первая из статей по истории кружка.

Теперь мы дожили до 30-летия кружка, до широкого признания его. Немало людей чувствуют себя частицей кружка. Тридцать лет — это около пятисот заседаний с докладами кружковцев; обсуждение многих опубликованных научных трудов, учебных пособий, нередко в присутствии авторов; десятки встреч с «интересными людьми» нашей науки; регулярные многочасовые кружковые «среды», посещения музеев, архивов, исторических мест; студенческие работы, отмеченные на всесоюзных и городских конкурсах, перерастающие в диссертации, опубликованные не только в изданиях МГИАИ и в молодежных сборниках Института истории СССР АН СССР, но и в таких изданиях, как «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Советские архивы», «Исторический архив», «Археографический ежегодник», «Исторические записки», «Труды Отдела древнерусской литературы» (Пушкинского Дома), в тематических сборниках статей, в местных периодических изданиях и др.; участие во многих научных конференциях — и молодых специалистов и «взрослых» — всесоюзных и региональных, по определенной тематике — особенно в области историографии, архивоведческих наук, источниковедения и других специальных исторических дисциплин. К деятельности кружка и кружковцев обнаруживают интерес академические научно-исследовательские учреждения, архивы, вузы, видные ученые. О кружке немало писали в научных периодических изданиях и в широкой прессе — в газетах и журналах³, в учебном пособии⁴, с кружком знакомили телезрителей и радиослушателей.

Образовался уже архивный фонд кружка — протоколы заседаний (обычаи кружкового делопроизводства формировались еще тогда, когда секретарем кружка, а кстати и «хозяйкой» во время кружковых поездок, была Ирина Покровская); стенгазеты с информацией о заседаниях (с недавнего времени они стали регулярными); тексты многих докладов и дипломных сочинений; ответы на юбилейные анкеты к 20-, 25-, 30-летию кружка с приложениями списков печатных трудов кружковцев и другие юбилейные материалы; зафиксированные письменно впечатления о кружке и работах его питомцев; юмористические газеты, рисунки, альбомы (подготовленные Сергеем Каштановым, Евгенией Маматовой, Светланой Киницкой, Львом Дьяконицыным, Вандой Белецкой, Игорем Фесуненко, Алексеем Орешниковым, Верой Кулешовой, Владимиром Петуховым, Виталием Афиани, Александром Амосовым, Сергеем Чирковым, Константином Новохатским, Валентином Морозовым, Андреем Зайцевым, Михаилом Филиным, Владимиром (Фотиевичем) Козловым и др.), фольклор кружка, фотографии (даже серии фотографий, начиная с «Владимирских проселков» Маргариты Бычковой) и т.д. Похоже на то, что история кружка имеет источниковую базу, достаточную для серьезного научного осмысления ее. Наблюдения такого рода могут добавить любопытные подробности при изучении более широких проблем историографии, источниковедения (с обращением, применительно к деятельности кружка, к соответствующей современной научной терминологии), истории общественно-культурного сознания, социальной психологии, истории высшей школы и т.д. (ведь обращение к микротемам всегда предваряет макроисследования обобщающего характера). История кружка интересна и по-своему даже поучительна в плане изучения культурной

преемственности и взаимодействия поколений, роли молодежи в развитии науки и науки в жизни молодежи, ценностных ориентаций молодых людей, значения междисциплинарных научных связей в вузовском образовании.

Научных кружков в вузах множество. Чем же объясняется интерес общественности к нашему кружку? Дело не в солидном возрасте кружка (хотя он и уникален) и не в очевидных научных результатах деятельности кружка и творчества его ветеранов по окончании института (участие в многообразнейшей работе, ведущейся в хранилищах документальных памятников, десятки книг, сотни научных статей, документальных публикаций, публицистических очерков, газетных корреспонденций; три докторских и более пятидесяти кандидатских диссертаций, подготовленных ветеранами кружка; многие сотни специалистов, обученных ими в родном МГИАИ и в других вузах). Есть, видимо, нечто особенное, побуждающее публиковать статьи о кружке и «его плодотворном долгожительстве» в популярнейших изданиях. И тут обращают на себя внимание не только названия статей («Разведчики старины», «Из первых рук», «Голоса минувшего», «Архивны юноши толпою...»), но и названия газетных рубрик, где помещены эти статьи: «Человек среди людей», «Человек и его работа», «Самообразование — ускорение века», «Студент и наука». Своеобразие кружка — в тематике и методах работы, в его составе, в атмосфере его заседаний.

Для кружка характерны широта тематики и творческой ориентации, многообразие научной методики. Источниковедение — это наука об исторических источниках и приемах их выявления, изучения и использования в работе историка, а историческим источником может быть признано все, что источает историческую информацию, всякое явление, дающее возможность познания прошлого человеческого общества. Естественно, что будущие историки-архивисты преимущественное внимание уделяют документальным памятникам и прежде всего письменным источникам. Однако кружковцами не раз обсуждались вопросы, связанные с изучением и других типов источников (изобразительных, вещественных и т.д.) и с систематизацией всей совокупности многообразных источников.

Интерес вызывали письменные источники разных эпох — от Древней Руси до наших дней, темы, связанные с источниковедением исторической проблемы и с источниковедением вида, разновидности или даже отдельного исторического источника, общетеоретические вопросы источниковедения и методологии истории. При этом с самого начала кружок не ограничивался исключительно источниковедческой тематикой. В повседневной деятельности кружка сочетаются темы конкретно-источниковедческие — или конкретно-историографические, конкретно-архивоведческие, даже конкретно-исторические (или историко-психологические) — и собственно методико-теоретические.

В работе кружка определенное отражение получили пути развития нашей науки в целом, искания видных ученых. Это обнаруживается и в тематике выступлений кружковцев и «гостей» кружка и в выборе исследовательских приемов, в постепенно все более заметном переходе исследований с эмпирического уровня на системный.

Такая зависимость наблюдается в плане не только конкретного, но и теоретического источниковедения. Так, вряд ли случайно преобладание в конце 1950-х гг.

и в 1960-е гг. интереса к общим теоретическим проблемам широкого профиля, таким как понятие «исторический источник», принципы систематизации исторических источников, исторический источник и исторический факт и т.п. (в частности, в основе сыгравшей заметную роль в развитии источниковедческой мысли статьи Сергея Каштанова и Алексея Курносова «Некоторые вопросы теории источниковедения», опубликованной в № 4 за 1962 г. журнала «Исторический архив», — доклады, обсуждавшиеся на кружке). После же выхода в свет в 1969 г. сборника «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы» и таллинского симпозиума 1972 г. по актуальным вопросам источниковедения, ознакомления с трудами академика Д.С. Лихачева о культуре исследовательской работы и по истории культуры, с другими новейшими работами — больше внимания привлекают вопросы соотношения теории и методики в конкретном источниковедении, междисциплинарных научных связей — источниковедения и историографии, источниковедения и археологии, источниковедения и архивоведения, археологии и архивоведения, текстологии и других специальных исторических и филологических дисциплин и др., проблема специфики подхода к изучению различных тематических комплексов и разновидностей письменных источников, соотношения отображения и восприятия явлений в исторических источниках (работы Иосифа Беленького, Сергея Чиркова, Александра Амосова, Сергея Мякушева, Сергея Морозова, Сергея Князькова, Евгения Наумова и др.). Обнаруживается стремление выяснить взаимодействие источника и общественной среды — и влияние не только среды на порожденный ею источник, но и самого источника на воспринимающую его среду; источник рассматривается в системе общественно-культурных представлений эпохи (и современной ему и последующего времени).

Работа в кружке — не дополнительное занятие, облегчающее освоение учебного материала (хотя и такое воздействие кружка несомненно), а прежде всего самостоятельное участие в научной деятельности. Кружок — не расширенный научный или научно-методический семинар с достаточно очерченной темой, имеющей, соответственно, временные рамки исполнения и predetermined последовательность процедур: «обосновать», «начать», «проверить», «завершить» и др., т.е. «ответить на поставленный вопрос». Главная тема — сама методика научного поиска, совершенствование этой методики. А оно реализуется на практике чаще всего на стыках наук, когда сочетаются традиции и новаторский эксперимент. В процессе самого познания дифференциации явлений (и методических приемов их детального осмысления) сопутствуют при этом и попытки интеграции.

Все это, думается, способствует расширению общеисторического и общекультурного кругозора научной молодежи (и кружок можно рассматривать в этом плане как культурно-формирующий фактор) и расширению представлений о возможностях использования междисциплинарных научных связей. В наши дни, в век развития науки о науке характерен интерес не только к результатам исследования, но и к самой процедуре его — история научного поиска оказывается не менее привлекательной, чем итоговые данные исследования. И кружок в определенной мере отвечает этому запросу времени (что нашло любопытное отражение и в ответах на вопросы юбилейных анкет кружка, где чем ближе к нашим дням, тем больше рассуждений науковедческого порядка).

Обеспечить многообразие проблематики кружка можно только благодаря участию не одного, а нескольких преподавателей в непосредственном руководстве кружковыми работами (особенно в рамках учебной программы), во многих заседаниях кружка, т.е. специалистов по изучению материалов разной тематики и разными приемами. И мы все обязаны преподавателям кафедры вспомогательных исторических дисциплин, а также другим кафедрам за их деятельное участие в работе кружка.

Научным руководителем виднейших кружковцев «первого поколения», изучавших статистические и демографические материалы, источники по социально-экономической истории России XVI–XIX вв., был образованнейший ученый, выдающийся исследователь-новатор и педагог Виктор Корнелевич Яцунский. Научным руководителем и другом многих кружковцев был и такой высокоталантливый, яркий и многосторонний ученый, как Александр Александрович Зимин, связанный с кружком со времени его основания. В кружок направляли своих учеников и дорожили мнением кружка о своих печатных трудах Александр Цезаревич Мерзон, разработавший оригинальный лекционный курс источниковедения отечественной истории периода феодализма, и Моисей Наумович Черноморский — автор первого в нашей стране обобщающего учебного пособия по источниковедению истории советского общества. Заинтересованность в работе кружка всегда обнаруживал Владимир Евгеньевич Иллерицкий, воспитавший в МГИАИ целую школу историографов. Сотрудничали с кружком, помогали кружковцам и Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн и Иван Архипович Кудрявцев, хотя и сами руководили работой других научных студенческих кружков. Этим покойным ученым и педагогам кружок очень многим обязан.

Кружку и кружковцам отдавали свои силы Софья Иосифовна Якубовская, заинтересовавшая молодежь вопросами методики изучения источников по истории советского общества, Евгений Алексеевич Луцкий, не только руководивший работами кружковцев по источниковедению истории нашего столетия, но и самоотверженно и убежденно отстаивавший интересы кружка, Ирина Александровна Миронова — давний друг кружка, неизменно поддерживающая любовь к познанию источников по истории России XIX в., Елена Ивановна Каменцева, способствовавшая привлечению внимания к традиционно смежным с источниковедением научным дисциплинам. В последние годы особенно много делает для кружка Ольга Михайловна Медушевская, направляющая работу кружковцев по широкому комплексу проблем конкретного и теоретического источниковедения и археологии. Без заинтересованного участия этих и других преподавателей трудно было бы вовлечь в кружковую работу молодое пополнение, особенно в последнее десятилетие, когда руководитель кружка не имел возможности читать лекции по отечественной истории, вести семинары и принимать экзамены на младших курсах, т.е. регулярно непосредственно общаться с младшекурсниками.

Участвовали в работе кружка и преподаватели кафедры отечественной истории Людмила Марковна Зак, Елена Викторовна Чистякова, преподаватели кафедры истории государственных учреждений Николай Петрович Ерошкин, Александр Давидович Степанский и другие, преподаватели других кафедр. Отраднее, что среди руководителей кружковцев и те, кто в свои студенческие годы были деятельными участниками кружка: преподаватели факультета архивного дела МГИАИ Ев-

гения Платоновна Маматова (бывшая старостой кружка), Борис Семенович Илизаров, Виктор Александрович Муравьев (также бывший староста кружка), Лев Моисеевич Рошаль, Евгений Васильевич Старостин. Все более входят в практику совместные заседания с другими студенческими научными кружками — отечественной истории периода феодализма (руководитель Аркадий Иванович Комиссаренко), археографии (руководитель Дора Михайловна Эпштейн), теории и практики архивного дела (руководитель его — ветеран нашего кружка Б.С. Илизаров, по-прежнему «рядовой» участник и некоторых кружковых заседаний). Особенно устойчивое и плодотворное сотрудничество ныне с кружком истории Древнего мира и Средних веков, которым руководит Наталья Ивановна Басовская.

Тематика работы кружка приспособлена именно к историко-архивному образованию. Архивист вообще всегда историк; в дипломе выпускников МГИАИ написано — «историк-архивист» (для того, чтобы стать архивариусом-делопроизводителем, достаточно было бы окончить соответствующий техникум). Но настоящий архивист не просто историк, он еще и источниковед. Ибо выявить, систематизировать, описать, а тем более опубликовать документальные памятники можно только при соответствующей источниковедческой подготовке. Работы кружковцев (особенно на IV и V курсах) основаны, как правило, на выявлении и изучении прежде всего архивных материалов, связаны с научным описанием таких материалов, подготовкой их публикаций. Темы их тесно увязаны с тематикой архивоведческой и археографической практики студентов. Эти работы — и тематика их и форма исполнения (дипломные работы обычно включают специальные разделы: обзор архивных материалов и даже целых фондов, публикация части таких материалов в приложении) — не противостоят тому, чем призваны заниматься на архивоведческих кафедрах (как полагают иногда те, кто недостаточно осведомлен о работе кружка и не читал дипломные сочинения кружковцев), а, напротив, помогают научной подготовке именно историков-архивистов, овладению навыками архивоведческой и археографической культуры. Эти навыки как бы синтезируются, обогащаются теснейшей взаимосвязью с собственно источниковедческими. И, быть может, потому-то, особенно в последние годы, некоторые молодые люди начинают более интенсивно участвовать в кружковых начинаниях, имея уже диплом об окончании института и непосредственно приобщившись к каждодневному труду в архивах, рукописных отделах библиотек, музеях (Валерий Седельников, Антонина Кононова, Сергей Шумихин, Сергей Малышкин, Григорий Кашляк, Александр Донской и другие). Среди тех, кто прошел «школу кружка», и некоторые видные работники Главархива СССР, ВНИИДАД, Главархива УССР, центральных государственных и партийных архивов в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик, преподаватели архивных кафедр факультета архивного дела МГИАИ и факультета государственного делопроизводства (помимо названных прежде — Татьяна Вячеславовна Кузнецова, Валерий Сергеевич Мингалев — бывший староста кружка, Станислав Павлович Бутько, Геннадий Иванович Королев, перешедший недавно на работу в МГИАИ Сергей Васильевич Чирков — также бывший староста кружка), руководители архивной практики во многих университетах и пединститутах (Александр Амосов, Сергей Филимонов, Дмитрий Карев, Илья Альтман и другие).

Вот эта специфика работы кружковцев, постоянная опора в научных поисках на архивные материалы и архивоведческие приемы их изучения позволили поставить вопрос о новых направлениях исследований на стыках нескольких специальных исторических наук и предложить соответствующие комплексы тем и методик. Ведется достаточно многообразная и базирующаяся преимущественно на архивных фондах исследовательская работа в области историографии источниковедения и других специальных исторических дисциплин, источниковедения историографии⁵, исторического краеведения (Валерий Туманов, отвечая на кружковую анкету, особо отметил то, что кружок не просто «прививал интерес к научной работе», а «развил ее краеведческую направленность»). Занялись разработкой вопросов источниковедения истории архивного дела, источниковедения археографии, в частности «практической археографии» XVI–XVII вв. (работы Александра Амосова, Валерия Гальцова, Бориса Морозова и других, основанные на изучении древних архивных описей), журнальной археографии начала XIX в. (работа Виталия Афиани). Предприняты попытки реконструкции по личным фондам архивов периодических исторических изданий (работы Андрея Зайцева, Михаила Шумейко), изучения истории преподавания специальных исторических дисциплин (работы Виктора Муравьева, Сергея Чиркова, Владимира Галахова, Валерия Середы и других). Это же позволило в организованной по почину Археографической комиссии АН СССР работе по подготовке Каталога личных фондов историков широко использовать результаты научных изысканий кружковцев. Для некоторых из них студенческие годы стали не прологом профессии, а уже вступлением в ее сферу.

Характерно для кружковой работы не только то, что ее результаты должны помочь разработке проблем, интересующих «большую науку», но и то, что сама эта деятельность соответствует форме, привычной для «большой науки»: создается, если употребить современную научную терминологию, как бы своеобразная «игровая ситуация». Это способствует серьезному овладению секретами «ремесла историка», профессиональными навыками археографа и архивиста, даже библиографа (не случайно ветераны кружка известны как научные редакторы и библиографы). Высоко ценятся умение правильно излагать и научно анализировать чужие взгляды и обоснованно критиковать их, умение «вопрошать» и корректно вести дискуссию. Научная добросовестность и воспитанность считаются качествами, как бы обязательно присущими тем, кого признают кружковцами, и особенно тем, кого почитают как хранителей традиций кружка. Особое внимание обращают на систему выписок из источников и правила цитирования, на оформление научного аппарата и библиографических данных. Если театр, как говорят, начинается с вешалки, то ведь первое впечатление от научной работы, от диссертации во многом определяется культурой оформления научного аппарата. Манера докладов и ответов на вопросы (а их бывает обычно очень много), характер обсуждения и его протоколирования тоже такие, как на научных заседаниях, даже конференциях, с особой ролью разговоров в «кулуарах» (но, придерживаясь вузовских обычаев, только во время перерыва, а не в момент заседаний, когда допустим лишь обмен записками). Вследствие этого кружок стал для многих школой формирования и исследовательского мастерства, и работы в научном коллективе.

К студенческим докладам (даже младшекурсников) подходят обычно как к попыткам самостоятельного исследования (ветераны кружка учитывают при этом, естественно, возможности, предопределенные уровнем подготовки и возрастом докладчика), и наиболее интересными для присутствующих оказывались не раз ответы на вопросы, позволяющие докладчику «раскрыться». Предметом обсуждения становятся и доклады, основанные не на учебно-плановой работе (доклад в семинаре, курсовая), а подготовленные дополнительно по теме, самостоятельно избранной студентом или подсказанной ему преподавателем, а также сообщения (и, соответственно, рефераты на эти труды), вопросы, поднимаемые на научных конференциях, в которых участвовали кружковцы или их научные руководители. Свежая, из первых рук информация о таких конференциях, в том числе зарубежных (после рассказа Артемия Владимировича Арциховского о X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г.), стала тоже кружковой традицией.

Традиционная форма деятельности кружка — встречи с его гостями: лекции и беседы видных ученых (начиная с академиков Николая Михайловича Дружинина и Бориса Александровича Рыбакова), опытных архивистов, обсуждение научных трудов в присутствии авторов, сопровождающееся ответами их на вопросы кружковцев. При этом всегда заметен особый интерес к методике исследования: стараются не просто впитать новые факты и выяснить, «что», «как», «почему», «когда» происходило, но и понять, каким образом узнано, почему именно так истолковано и оценено, каковы перспективы дальнейшего исследования. Это воспитывает восприимчивость к новому, умение наблюдать движение мысли, даже эстетическое восприятие процесса мышления и форм его внешнего выражения.

Много полезного извлекли для себя кружковцы, когда их знакомили с методами использования электронно-вычислительной техники в исторических исследованиях (Иван Дмитриевич Ковальченко, Владимир Зиновьевич Дробижев), с результатами исследований и собирательской деятельности сотрудников архивов (Наталья Борисовна Волкова, Юрий Николаевич Амиантов и другие), с приемами работы исследователей с архивными документами и редкими изданиями (Марк Самойлович Волин, Константин Николаевич Тарновский, Юрий Павлович Шарпов с материалами ленинианы, Николай Николаевич Розов, Виктор Иванович Буганов, Вадим Иванович Корецкий, Борис Григорьевич Литвак и другие с памятниками XI–XIX вв.), с методикой выявления и собирания документальных памятников в среде их бытования (еще в 1959 г. участники возглавляемой Александром Ильичом Клибановым экспедиции по изучению современного сектантства, среди которых была и Галина Лялина — ранее староста кружка, а теперь известный специалист по истории религиозного сознания); в недавние годы Ирина Васильевна Поздеева, Николай Николаевич Покровский, Натан Яковлевич Эйдельман, писавший об одной из своих встреч с кружковцами⁶. Взволнованный разговор возник при обсуждении в присутствии авторов новых их книг, имеющих непосредственное отношение к повседневной деятельности историков-архивистов, — книг Мариэтты Омаровны Чудаковой «Беседы об архивах» и Михаила Тимофеевича Белявского «Работа в музеях по историческим памятникам при изучении истории СССР». Мы глубоко признательны гостям за то, что они сочли возможным встретиться с кружком.

Хочется думать, что такие встречи интересны и самим гостям*. Некоторые из них неоднократно встречались с нами: в первое десятилетие кружка Михаил Михайлович Герасимов и Иракий Луарсабович Андроников. Не раз выступал в кружковой аудитории Валентин Лаврентьевич Янин. Он зачастую первым и знакомил нас со своими соображениями о результатах летних археологических раскопок в Новгороде; слушали мы и его замечательную лекцию о граммофонной пластинке как историческом источнике.

Кружок в присутствии редакторов и авторов (Владимира Евгеньевича Иллерицкого и Ивана Архиповича Кудрявцева, Ивана Дмитриевича Ковальченко и Анатолия Васильевича Муравьева, Моисея Наумовича Черноморского и др.) серьезно обсуждал учебные пособия по историографии и источниковедению (что нашло отклик на страницах печати). Ознакомление с восприятием этих книг непосредственными «потребителями», теми, кому они прямо адресованы, думается, было небесполезным для авторов их. В присутствии представителей редакции и авторов обсуждались материалы дискуссии по проблемам источниковедения истории КПСС в журнале «Вопросы истории КПСС» в 1962–1963 гг.

Приятно сознавать, что в роли своеобразных «гостей» выступают уже и ветераны кружка, печатные труды которых особенно заинтересовали кружковцев. Мы обсуждали книги (или доклады, тесно взаимосвязанные с их содержанием) Сергея Каштанова и Льва Дьяконицына, Галины Тарле и Владимира Кабузана, Юрия Рыбакова (бывшего старостой кружка) и Льва Рошала, Галины Лялиной и Николая Митрофанова, Наталии Лебедевой (бывшей также ранее старостой кружка) и Веры Кулешовой, Владимира Кабанова и Мансура Мухамеджанова, Евгения Рашковского (тоже бывшего старостой кружка), Сергея Филимонова и других, многие статьи кружковцев. Выступлениями ветеранов кружка открываются подчас и годовые «сезоны» его — так, Сергей Каштанов поделился впечатлениями о Международном конгрессе по дипломатике в Париже, где он представлял советскую науку (в сентябре 1978 г.), а бывший староста кружка Игорь Сергеевич Фесуненко, ныне политический обозреватель Центрального телевидения и Всесоюзного радио, рассказал об источниковой базе работы журналиста-международника (сентябрь 1979 г.).

Не следует думать, что история кружка — это непрерывный путь восхождения. Были не только подъемы, но и спады — год или даже годы слабого притока свежих студенческих сил, когда выступавшие с докладом студенты-«варяги», т.е. мало связанные с кружком, не склонны были включаться в кружковую каждодневность, налагающую на кружковцев и определенные обязательства, или когда не находилось среди студентов «лидеров» — обычно они разделяют между собой обязанности старост и секретарей или, напротив, выступают в роли «баламутов», тоже полезной (если человек умен, непосредствен и добр) для проверки и обновления традиций. В такие времена кружок держался энтузиазмом и преданностью старожилов как кружку, так и друг другу.

* Знаменитый медиевист Александра Дмитриевна Люблинская писала 12 января 1980 г. (незадолго до внезапной кончины) из Ленинграда: «...сообщение об обсуждении моей статьи в кружке очень меня заинтересовало. Мне страсть как хочется присутствовать! Как бы это устроить?»

Кружок как тип научной общности — это все-таки прежде всего студенческий коллектив. И можно сформулировать наблюдение: подъемы, как правило, имели место тогда, когда находилась группа однокурсников, достаточно энергичных, близких между собой (иногда даже соседей по общежитию) и со схожими научными запросами. Такие студенты становились затем основой спецсеминаров на IV курсе. Они приобретали авторитет и у младших кружковцев — «новоприходцев», и у ветеранов кружка. Обычно они не порывали связи с кружком и по окончании института (хотя посещали его заседания уже избирательно). Работая в других городах, во время приездов в Москву кружковцы такого типа оказывались и в «теремке», где не только участвовали в прениях, но нередко выступали с докладами.

Характерная черта работы в кружке — необходимость преодолевать трудности, познавать и развивать свои силы. А в молодости часто больше привлекают препятствия, чем накатанный, давно испытанный путь. Нелегко выдержать многочасовые заседания, начинающиеся после занятий и кончающиеся тогда, когда уже нет надежды хорошо выспаться перед следующим рабочим днем; нелегко находиться все это время в атмосфере известного интеллектуального напряжения; нелегко сразу найти общий язык, не говоря уж о том, чтоб сравняться младшим, начинающим кружковцам с его ветеранами — прежде всего не хватает знаний, навыков и опыта интеллектуального труда, умения спорить и терпения выслушать возражения. И многие кружковцы нередко первоначально больше слушают или ограничиваются вопросами и не сразу активно приобщаются к обсуждению. Нелегко и писать диплом у руководителя кружка — а среди кружковцев обычны и мои дипломники, — ибо такой диплом требует сочетания собственно источниковедческой (или собственно исторической) работы с архивоведческой и археографической. Нелегко и руководить такими дипломниками (и потому у меня обычно немного дипломников); но дипломные сочинения их не раз становились основой для выступлений на научных конференциях (как Константина Новохатского на Первой Всесоюзной конференции по историографии в Смоленске) и даже для диссертации. Нелегко и подготовить доклад, заслуживающий интересного для автора и для присутствующих кружкового разговора.

Однако кружок — это не люди исключительных способностей или тяги исключительно к науке. Это люди разных способностей (хотя среди них некоторые и выделяются ярким дарованием) и разного темперамента. Но все они любознательны и склонны к творчеству, любят и ценят труд (но — труд с увлечением), обладают даром ученичества и у старших и у сверстников, чувством товарищества и еще, пожалуй... чувством юмора, а следовательно, и некоторой способностью взглянуть на себя со стороны. Быть может, общее у многих кружковцев и то, что к источниковедению в числе прочего их манит возможность реализации не утраченной с детства потребности самому разобраться, познать, из чего что сделано, как действует. И потому очень удачно, на мой взгляд, статью о кружке в газете «Московский комсомолец» за 1975 г. озаглавили «Из первых рук».

Как правило, кружковец — это общественно-активная личность. И активность выражается не только или даже не столько в традиционно-учебной сфере (а учатся кружковцы хорошо; да иначе и трудно было бы выдержать такую регулярную дополнительную нагрузку). Они деятельные общественники — члены ко-

митета и бюро ВЛКСМ (и нынешние старосты кружка Ленинский стипендиат Владимир Козлов — секретарь, Владимир Коровайников — член Комитета ВЛКСМ института, оба — члены партии), комиссары, командиры и бригадиры студенческих стройотрядов (ну, и рядовые, конечно, тоже), участники художественной самодеятельности (начиная с Сизова — хорошо памятного первым кружковцам прелестного Бальзамина), художники и фотографы, поэты и музыканты, люди, увлеченные техникой, — «мастера золотые руки», спортсмены и умелые повара. Словом, это люди, интересы которых отнюдь не ограничиваются только наукой и способности и добросовестность которых проявляются при самых типических жизненных обстоятельствах. И успешная, как правило, особо отмеченная служба в армии по окончании МГИАИ — тому одно из доказательств.

Необычно в кружке едва ли не уникальное совмещение людей разного возраста, а теперь уже и разных поколений — нынешних студентов (причем не только дневного, но и вечернего — таких как Владимир (Петрович) Козлов, Симон Илизаров, потом окончившие дневное отделение, Николай Ходаковский, Михаил Белогуров, Валентин Морозов и др.; заочного отделения ФАД и даже ФГД) и выпускников института, тех, кого принято называть «стариками»; к иным из них студенты обращаются уже только по имени и отчеству.

«Старики» — хранители кружковых традиций, и в то же время кружковые среды для них не только прошлое, но и настоящее. И потому-то заседает кружок только в вечерние часы (чтоб могли прийти сюда после работы и ветераны). В обсуждении студенческих докладов всегда принимают участие и «старики». По сей день приходят они на кружковый огонек в «теремке» с его ставшей такой привычной надписью «Добро, братие, есть почитание книжное», у изображения памятника Ивану Федорову-первопечатнику. Приходят и самые постоянные кружковцы — выпускник 1954 г. Сергей Каштанов и выпускник 1963 г. Иосиф Беленький (круг волнующих их научных интересов сохранил свойственную студенческой юности широту, которая не стала помехой дальнейшей исследовательской специализации), и не прерывавшие связь с кружком выпускники других годов. Особенно много, естественно, выпускников 1970-х гг., для которых кружок — как бы своеобразный клуб. Их объединяет ощущение содержательности своего труда, убеждение в достоинстве избранной ими профессиональной деятельности. (Как пишет в своей анкете Дмитрий Карев, бывший староста кружка, один из последних дипломников профессора А.А. Зимины, кружок — «средоточие духовного общения людей, хотя и различных по строю мысли и чувств, но единых в своих интересах и в своей любви к... истории».) Выработавшаяся привычка кружковых встреч отвечает их внутренним потребностям и склонностям. Им интересно и творить вместе, и быть друг с другом.

Это предопределяет микроклимат «кружкового бытия» (выражение из анкеты Николая Митрофанова), особую нравственную атмосферу в кружке. Там не терпят ни претенциозных болтунов-верхоглядов, желающих словесной бравадой или наукообразными трюизмами обратить на себя внимание, ни догматически узкомыслящих людей. Не попадают в сферу кружка и те, кто пытается стать кружковцем из-за деляческих или престижных соображений, — им не ужиться с кружком.

У кружковцев высоко развиты уважение к коллективу, к его интересам, требовательность друг к другу; естественная раскованность соседствует со строгим са-

моконтролем. Культивируются высокие представления о благородстве кружковых традиций, преданности кружку. (И недаром в кружковом юморе — и в стихах и в прозе — постоянны эпитеты рыцарских романов и ассоциации с духом мушкетерства д'Артаньяна и его друзей.)

Это отразилось в ответах на вопрос юбилейных анкет о впечатлениях о кружке, где нередко в полумемуарной, а то и в афористической форме изложены представления не только о путях и значении профессиональной научной подготовки, но и о «нравственной доминанте» человека (выражение Сергея Чиркова). (Игорь Курукин пишет в анкете об «уроках человеческой и научной этики»; слово «этика» во многих анкетах кружковцев.) Талант человеческого общения, умение понять и поддержать ценятся обычно не меньше, чем яркие способности к оригинальному ассоциативному или стройно логическому мышлению. К человеку, сосредоточенному только на своей мысли (пусть даже незаурядной), на своей работе, а значит, на самом себе, относятся настороженно, с недоверием даже. Одаренная натура — это человек, наделенный душевной щедростью (а следовательно, и щедростью мысли). И это отрадно, ибо я убежден в том, что только люди, добросовестные в жизни, могут быть добросовестными в науке — таким обычно чуждо видение явлений в угоду заранее облюбованной или подсказанной схеме.

В кружке, говоря словами из анкеты Владимира Петухова, «атмосфера дружеского равноправия». Конечно, степень подготовленности участников кружка неодинакова, разнятся даже их научный лексикон, пределы ассоциативного поля. Но атмосфера доброжелательности, взаимного уважения, признания естественности иных мнений (не согласных с твоим), которую неизменно поддерживают здесь старшекурсники и особенно ветераны кружка, способствует тому, что младшие довольно скоро входят в русло обычной кружковой жизни, хотя молодежь первоначально и побаивается «бородачей»-ветеранов. (Да и те, увлекшись, иногда все-таки забывают о том, что первые шаги в науке обычно еще неловкие шаги и опыт приходит с годами, а столь необходимая в науке интуиция — качество не только врожденное, но и в определенной мере выстраданное, вырабатывающееся в процессе труда и познания.) При обсуждении же трудов ветеранов характерна «беспощадность», воспринимаемая, — что тонко отметил Алексей Курносов, — «как одно из важнейших проявлений уважения к сделанному мною или другими». И кружковцы стремятся к тому, чтобы удалось обсудить на заседании дипломные сочинения, доклады, подготовленные для конференций, главы диссертаций. Придирчиво оценивая доклад, кружковцы щедро делятся со своими товарищами соображениями методического порядка и свежими мыслями, мелочно не дорожа «авторским правом» и не обижаясь тогда, когда находят развитие этих мыслей в дальнейших трудах своих коллег, безвозмездно делятся указаниями на сведения источников (в том числе архивных) и литературы (и не зря так часты ссылки в трудах кружковцев на устно сформулированные суждения их сверстников). Такая своеобразная предзащита оказывается очень полезной и для диссертанта, и для его коллег, тоже пишущих диссертации, и для научных руководителей. Более того, старшие товарищи, пожалуй, только здесь обретают возможность проверить в аудитории, непосредственно воспринимающей (и пока еще и непосредственно выражающей свое отношение), те или иные научные положения, исследовательские приемы.

Одно из действенных средств привлечения в кружок молодежи — добровольность занятий в нем. В кружке не существует регламентированных обязанностей, непринужденная обстановка, нет правил обязательного посещения. Студенты приходят на те заседания, которые ближе по тематике или методике к тому, чем занимаешься, о чем сам думаешь (ну и, конечно, на доклады особенно близких друзей). Приходят и долго заседают, потому что интересно, потому что хочется видеть товарищей по увлечению, послушать, подумать, «испытать» — цитирую ответ на анкету Галины Присенко — радость «соучастия», «радость творчества» (слова Генриха Головкина). Взаимообщение становится взаимообогащением — и руководителя кружка, и ветеранов его, и начинающих «кружковое бытие». В кружке закрепляются личные дружеские связи на годы и десятилетия (это подчеркивается в ответах на многие анкеты) — связи по интересам, миропониманию, отношению к людям. «Кружковая» дружба — крепкая дружба. С. Каштанов, связанный с кружком все годы, так сформулировал свои впечатления (в 1975 г.): «Кружок — школа доброжелательности, требовательности в науке, средство постоянного расширения кругозора, источник надежды “стариков” на вечную молодость, верность дружбе, традициям, новизне, путь к взаимопониманию поколений...»

Наш кружок — не «кружок Шмидта», как иногда говорят и пишут. Это прежде всего коллектив и коллективный наставник. Кружок — результат коллективного творчества. Проявление этого коллективного творчества — творчества научного руководителя и других преподавателей, ветеранов кружка разных поколений, нынешних студентов-кружковцев постоянно; и кружковцы это понимают и чувствуют, дорожат этим. Человек большой доброй души и тонкой приметливо-умной мысли, покойный Евгений Степанович Сизов, наш любимый Женечка (бывший вторым старостой кружка), еще в 1975 г. ответил на вопрос анкеты: «Впечатления бывают от чего-то привнесенного извне, а то, что совместно вынашивалось, рождалось, создавалось коллективно и было тем, без чего нельзя, — навсегда остается любимым детищем». «Совместно», «коллективно», «детище»! Вот так ощущают свой кружок, свое участие в нем.

Это чувствуется и вне стен «теремка» — нашего обычного места заседаний — на представительных конференциях (и во время заседаний, и в кулуарах), в местах «гнездовой» кружковцев — в Археографической комиссии, Институте истории СССР, в архивах (особенно в ЦГАЛИ и в ЦГАДА), не говоря уже об атмосфере поездок (на экскурсиях, в поездах). «Кружковец» для них как бы пожизненное звание, его носят выпускники института с гордостью, оно служит связующей нитью между бывшими историками-архивистами» — написано в недавней статье в «Комсомольской правде» (25 апреля 1980 г.). И эти слова Киры Николаевны Лавровой, не раз писавшей о кружке, побывавшей на многих его заседаниях и беседовавшей со многими кружковцами (как и Савва Тимофеевич Морозов, писавший о кружке в «Известиях»), знакомившейся с ответами кружковцев на юбилейные анкеты, мы прочитали с особым чувством.

Жизнедеятельность кружка в значительной степени определяется и внутренней потребностью научного руководителя. Руководство кружком требует не только навыков и усилий, но и особого психологического настроения. Мне уже приходилось писать об этом⁷. Могу лишь снова сказать, что общение с кружком и круж-

ковцами дает мне очень много и как человеку, и как педагогу, и как исследователю. В общении с заинтересованной аудиторией я учусь уча, познаю здесь радость первооткрытия и людей и мыслей, тепло дружбы и уже много лет в своем сознании не отделяю себя от кружка.

Но написать книгу о кружке типа учебного пособия я бы не смог. Воспоминания о деятельности кружка, о людях кружка, о наших взаимоотношениях, пожалуй, еще могли бы получиться. Обобщающего (и в то же время глубоко личного) характера наблюдения и выводы о формах работы кружка и сфере его воздействия, о том, что дает кружок его участникам и научному руководителю, о путях определения значимости деятельности кружка в более широком плане можно было бы еще попытаться сделать. Но учебное пособие, т.е. нечто, содержащее определенный набор рекомендаций, вряд ли удалось бы создать. Ибо в нашем кружке необычно для вуза совмещение людей разновозрастных, а своеобразие человеческих отношений не ограничивается рамками учебного процесса или внепрограммного дополнения к нему. Нет и не было в кружке и укладываемого в определенный заранее предначертанный формуляр подхода к явлениям, хотя и выработались уже своя знаковая система и шкала оценок. Так много импровизационного, непреднамеренного, хотя подчас и предполагаемого. В кружке муза истории Клио — не только муза науки (как сейчас принято), но и муза искусства. И это сочетание элементов науки и искусства — тоже привлекательная черта, как для входящих впервые в «теремок», так и для ветеранов кружка.

Ритуал заседаний выработан, и ему следуют теперь уже не без педантизма (игра в такой ставший уже привычным педантизм даже нравится!). Но существо самого «детства», начиная с доклада и многочисленных вопросов и кончая выступлением С.М. Каштанова и заключительным словом научного руководителя, всякий раз внове. Это нашло отражение в названиях газетных напоминаний о кружке 25 апреля 1980 г. в канун его юбилейного заседания. Если слова «Преданья старины глубокой» (в «Вечерней Москве») могут относиться уже не столько к тематике кружка, где значительное место занимает и изучение источников по новой и новейшей истории нашей страны, а к возрасту нашего кружка, который на пять-десять лет старше нынешних его старост, то другое название, «Вступление» (в «Комсомольской правде»), характеризует молодость кружка, обычное для его деятельности приобщение к новому. Это ощущение способствует обретению «второго дыхания» и к концу традиционно длительных заседаний кружка и сейчас, на пороге четвертого десятилетия кружковой жизни.

¹ См.: Из истории студенческого научного общества МГИАИ // Труды МГИАИ. М., 1957. Т. 10. С. 412; Рослова А.С. 25 лет работы Московского государственного историко-архивного института // Там же. М., 1958. Т. 11. С. 44–245; Козлов В.Ф. Материалы заседания Ученого совета МГИАИ памяти профессора П.П. Смирнова // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1980 год. М., 1981. С. 243–247; Преображенский А.А. Творческий путь Николая Владимировича Устюгова // Города феодальной России. М., 1966. С. 20–21; Он же. Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 119.

² См.: Каштанов С., Шингарева Е. Кружок источниковедения истории СССР // Труды МГИАИ. М., 1981. Т. 16; Каштанов С.М. Кружку источниковедения 30 лет // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 119.

³ Библиографию литературы о кружке см.: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 199–200.

⁴ *Мараш Я.Н.* Студенческий научно-исследовательский кружок. Минск, 1976. С. 7–8, 32–33.

⁵ Подробнее см.: *Шмидт С.О.* Опыт работы со студентами по проблематике источниковедения историографии // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 170–181.

⁶ *Эйдельман Н.Я.* Вьеварум. М., 1975. С. 153.

⁷ *Шмидт С.О.* Вовлекая в творчество // Вестник высшей школы. 1975. № 4. С. 43. [См.: Литература о кружке источниковедения // Мир источниковедения: Сб. в честь 75-летия С.О. Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 387–390.]

К ЮБИЛЕЮ СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО КРУЖКА ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА*

Вот мы и дожили до 30-летия кружка, до широкого признания его. Поздравляю. Мы все очень рады тому, что все вместе в этом зале, что смогли встретиться и увидеть друг друга, поговорить друг с другом; юбилей — прекрасный повод для такой желанной всеми встречи, для воспоминаний, для комментариев к дорогим фотографиям.

И мы все от души благодарим ректора, руководителей МГИАИ, обеспечивших нам эту возможность. Мы особенно благодарны за то, что руководство МГИАИ принимает все меры для издания в связи с 30-летием кружка ротапринтного сборника трудов начинающих ученых. Это — добрая традиция нашего института. Сборники были изданы в связи с 10-летием кружка (16-й том Трудов МГИАИ) и к 20-летию (два выпуска книжек ротапринтным способом). В этом уже подготовленном и отредактированном ветеранами кружка сборнике — точнее в его ротапринтных выпусках — предполагается опубликовать не только небольшие работы студентов и выпускников МГИАИ (не защитивших еще диссертации), но и перечень диссертаций, защищенных кружковцами, материалы по истории кружка (в их основе доклады на сегодняшнем заседании и материалы, связанные с нынешним юбилеем) и библиографические данные о литературе о кружке. А такой литературы уже немало, не считая телепередачи 5 декабря 1970 г. и радиопередачи 7 апреля 1980 г. по первой программе и затем повторявшейся по московской радиосети. Это — и статьи в Трудах МГИАИ, в периодических изданиях — «Вопросы истории», «История СССР», «Советские архивы», «Вестник высшей школы», «Ар-

* Доклад стал основой статьи «Наш кружок», впервые напечатанной в кн.: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 137–157. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 504–919.]

Впервые опубликовано: Кружку источниковедения — пятьдесят лет: 1950–2000 [: Сб.]. М., 2000. С. 50–64 (под назв. «Вступительное слово С.О. Шмидта на заседании, посвященном 30-летию кружка (в актовом зале МГИАИ, 26 апреля 1980 г.)»).

географический ежегодник», «Русский язык в школе», «Огонек», в газетах (дважды в 1973 г. и в 1980 г. в «Комсомольской правде», «Известиях», «Московском комсомольце», «Вечерней Москве» (и не один раз, последний раз в пятницу 25 апреля)), хроникальные заметки в журналах и газетах.

Начало кружка — видимо, полулегендарное. Обычно для утверждения о начале чего-то, давно возникшего, ищут документальные подтверждения (ну, вроде первого упоминания в летописи); это-то и позволяет обосновать право на юбилей со всеми сопутствующими ему приятными обстоятельствами. Для нас таким датирующим источником является изобразительный — первая «историческая» фотография заседания кружка 13 апреля 1950 г. Вообще-то мы начали впервые собираться немного ранее, так сказать, культурный слой у нас еще древнее, и начали собираться, когда в МГИАИ уже были хорошие традиции работы научных студенческих кружков. Действовал знаменитый кружок отечественной истории периода феодализма. Душой его был в 1940-е гг. Павел Петрович Смирнов, скончавшийся в 1947 г., и доклад о материалах заседания Ученого совета МГИАИ памяти Смирнова, где рассказывали и об этом кружке, делал этой зимой у нас на кружке нынешний староста, открывавший наше собрание Ленинский стипендиат Владимир Козлов. Зимой 1949/50 г. уже успешно действовал также замечательный кружок, руководимый Николаем Владимировичем Устюговым, из которого вышло много видных ученых — сотрудников Академии наук и архивов, преподавателей вузов. Руководили кружковой работой и на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Александр Игнатьевич Андреев и Лев Владимирович Черепнин, к тому времени уже покинувшие МГИАИ*. Активисты этого кружка стояли у исто-

* После выступления С.О. Шмидта на юбилейном заседании кружка в апреле 1995 г., где он повторил данные своей статьи 1985 г. «Наш кружок»¹, Светлана Арамовна Левина написала письмо С.О. Шмидту, отметив «неточности» в изложении фактов начальной истории кружка. Приводятся отрывки данного письма от 18 апреля: «1. О руководителе кружка историковедения. Руководителем кружка-предшественника Вашего — был Л.В. Черепнин, а не А.И. Андреев и Л.В. Черепнин, как Вы сказали. В 1946 г. на заседании кафедры вспомогательных исторических дисциплин было поручено руководство кружком Л.В. и до самого ухода из института в 1949 г. он выполнял это поручение². А.И. присутствовал всего на нескольких заседаниях; не будучи руководителем кружка, В.К. Яцунский к работе кружка отношения не имел, а А.А. Зимин, насколько я помню, лишь единожды присутствовал на заседании.

Кроме меня, из людей Вам хорошо знакомых, в кружке Л.В. работали Т.Г. Липкина и В.А. Черных³. Кстати, у В.А. имеется дневник, где есть записи о заседаниях кружка.

2. О создании кружка С.О. Шмидта. После ухода из института в 1949 г. Л.В. Черепнина кружок прекратил существование. На кафедре вспомогательных исторических дисциплин не было преподавателя, который хотел бы и мог возглавить кружок. Идея возложить руководство кружком на Вас, тогда очень молодого преподавателя, к тому же работавшего на кафедре истории СССР, а не вспомогательных исторических дисциплин, принадлежит мне. Вначале я заручилась Вашим согласием, а затем повела продолжительные переговоры с В.В. Максаковым, тогда возглавлявшим НСО, и В.И. Самойловым, руководителем кафедры вспомогательных исторических дисциплин⁴. Их тоже смущал Ваш молодой возраст и небольшой преподавательский стаж. В конечном итоге их согласие было получено. С тех пор прошло более 45 лет, и я горжусь, что не ошиблась, предложив Вас руководителем кружка.

В кружке Л.В. я вначале выполняла обязанности секретаря, но очень вскоре на меня были возложены функции старосты. В Вашем же кружке я была недолго первой старостой (в 1951 г. я закончила институт)».

ков нашего — и именем такого активиста, Светланы Левиной, начинается список старост нашего кружка. Организация нового кружка отвечала и потребностям молодежи в таких формах научного творчества и творческого общения, и представлениям об этом молодого научного руководителя, еще накануне войны бывшего среди инициаторов организации студенческих научных обществ в МГУ (об этом можно узнать из книги «Московский университет в Великой Отечественной войне» (М., 1975. С. 15), где упоминается об образовании на истфаке оргбюро по созданию Научного студенческого общества).

Весной 1950 г. готовились отметить 20-летие нашего института. Это было время, когда ректором был очень душевный человек Анна Сергеевна Рослова, — «золотой век» в истории МГИАИ. Решено было фотографировать для предстоящей выставки лекции, семинары, кружки и т.д. И оказалось так, что на фотографии заседания нашего кружка в небольшой аудитории, где ныне музей МГИАИ, изображен момент, когда немногие слушатели, среди которых Сева (ныне Всеволод Васильевич) Цаплин — теперешний директор ЦГАНХ, и два преподавателя — Ирина Александровна Миронова и я, слушаем доклад о Курбском первокурсницы Ванды Белецкой — ныне известной журналистки, члена редколлегии журнала «Огонек». А на другой фотографии мой семинар по отечественной истории на 1-м курсе. Занятия проходили там, где теперь раздевалка. Это была лекционная аудитория, и на кафедре — вероятно, впервые в жизни — читает свой первый студенческий доклад об Афанасии Никитине Сергей Каштанов, вскоре ставший верным членом нашего кружка и его гордостью. Вот это — зафиксированные изобразительные моменты начальной истории кружка источниковедения и связанных с ним семинаров (из IV группы того курса сформировался основной костяк молодого научного кружка; там занимался и Лев Дьяконицын). Так апрель стали признавать месяцем нашего рождения. И это приятно и, пожалуй, знаменательно: апрель — это месяц весны, месяц, когда отмечается День науки. А для большинства кружковцев представление о начале дней науки в их жизни — это кружок.

Как поется в песне, «с небольшого ручейка начинается река». А теперь — полный зал людей, чувствующих себя связанными с кружком, и мы видим здесь не только москвичей, но и тех, кто работают в Ленинграде, Киеве, Минске, Симферополе, Калининграде, Волгограде, Куйбышеве, Туле, Калининне, Владимире. Регулярные многочасовые, а иногда и многолюдные кружковые «среды». Около пятисот заседаний с докладами кружковцев, обсуждения многих опубликованных научных трудов, часто в присутствии их авторов, десятки встреч с «интересными людьми» нашей науки. Труды в изданиях МГИАИ, Главархива, Академии наук, вузов. Три докторских и более 50 кандидатских диссертаций; десятки книг, сотни, тысячи статей, написанных кружковцами по окончании института. Участие во многих конференциях, и не только студенческих или молодых ученых, но и во Всесоюзных и региональных по определенной тематике — особенно в области архивоведческих наук, специальных исторических дисциплин, историографии. Уже в I Всесоюзной конференции по историографии в Смоленске участвовали несколько кружковцев; только три сообщения на конференции делали люди, еще не отягощенные ученой степенью, — все наши кружковцы, а на основе одного из этих сообщений — К. Новохатского — была дипломная работа, и мой доклад на конференции был по-

священ опыту изучения вопросов источниковедения историографии в МГИАИ, т.е. в значительной мере опыту работы нашего кружка. На научные труды кружковцев обращают внимание во многих исследованиях, диссертациях — ссылки на первые печатные труды М. Макарова по теории источниковедения или И. Фесуненко о кинодокументах как источниках стали почти обязательны, не говоря уже о давней статье Каштанова и Курносова в «Историческом архиве». Обнаруживают интерес к деятельности кружка и научно-исследовательские учреждения, архивы, вузы, крупные ученые.

Но, конечно, 30 лет — это время не только приобретений, но и утрат. Ушли из жизни много сделавшие для кружка и кружковцев Виктор Корнельевич Яцунский — научный руководитель виднейших кружковцев первых поколений (В. Белецкой, И. Фесуненко, В. Кабузана, Ю. Рыбакова), Александр Цезаревич Мерзон — научный руководитель «хозяйки», секретаря небольшого тогда еще кружка первого десятилетия Ирины Покровской. Ушли из жизни и много помогавшие кружку, постоянно сотрудничавшие с нами, хотя сами руководили работой других научных студенческих кружков Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн и Иван Архипович Кудрявцев, наши студентки Валентина Астахова, запечатленная на фотографии первой экскурсии кружка (в Муранове), и Галина Асина. А недавно мы лишились Александра Александровича Зимина — не только высокоталантливого и образованнейшего исследователя и педагога, научного руководителя многих кружковцев, но и деятельного участника работы кружка, его заседаний, в том числе юбилейных, и поездок, и нашего любимого Женечки, Евгения Степановича Сизова — второго старосты кружка, бывшего в конце жизни главным хранителем музеев Московского Кремля, оставившего ценные труды по истории Кремля и русского летописания. Они с нами. И если мы вместе, то и они вместе с нами. Мы глубоко сочувствуем Розе Васильевне Сизовой и Наталии Александровне Козловой, присутствующим на нашем заседании, и понимаем и чувствуем тяжесть их потери. Предлагаю почтить светлую память ушедших от нас близких людей вставанием. *(Все встают.)*

Наш юбилей, дорогой для немногих, кто собрался здесь, и еще для одного-двух десятков человек, это — и малый показатель того, что происходило и происходит в нашей стране, в мире. И это тем более заметно, так как именно в эти дни отмечаются действительно великие всенародного значения юбилеи — 110-летие со дня рождения Ленина и 35-летие Победы над фашистской Германией. Если бы не осуществлялись столь успешно ленинские замыслы величайших социальных и культурных преобразований, нашедшие отражение и в конкретной области организации архивного дела, изучения истории и распространения исторических знаний, в приобщении к культуре, к высшему образованию многих и многих людей, ближайшие предки которых всю жизнь оставались неграмотными, если бы не было тридцати пяти лет мирной жизни после величайшей военной победы, которой человечество в первую очередь обязано советским людям, шедшим путем, предначертанным Лениным, не было бы и возможности для 30-летней непрерывной деятельности нашего кружка, в значительной степени постоянного состава, и к тому же мужского состава. Такой кружок мог работать, жить только в условиях мирной жизни.

Кружков научных в вузах множество; и наш не первый и не старейший студенческий научный кружок даже в МГИАИ. Чем же объясняется такой интерес к кружку ученых, журналистов, общественности? Дело не только в солидном возрасте кружка, хотя он и уникален — вряд ли можно назвать еще студенческие научные кружки гуманитарного профиля, где все заседания (т.е. около пятисот) за столько лет проходили при участии и, как правило, с заключительным словом одного и того же научного руководителя. Дело не только в очевидных научных результатах деятельности кружка и творчества его участников по окончании института. Есть, видимо, нечто особенное, побуждающее публиковать статьи о кружке в популярнейших изданиях. И тут обращают на себя внимание не только названия статей («Разведчики старины», «Из первых рук», «Голоса минувшего», «Архивны юноши толпою...»), но и названия газетных рубрик, где помещены эти статьи: «Человек среди людей», «Человек и его работа», «Самообразование — ускорение века»!

Своеобразие кружка в широте его тематики и многообразии научной методики. Это — не расширенный научный или научно-методический семинар, не занятия какой-то определенной темой, имеющей, соответственно, рамки во времени: «обосновать», «начать», «проверить», «завершить», т.е. «ответить на поставленный вопрос». Главная тема — сама методика научного поиска (а ей нет конца и края!), совершенствование этой методики. А оно осуществляется, реализуется чаще всего на стыках наук, при сочетании традиций и новаторского эксперимента. Это обуславливает сочетание тем и конкретно-источниковедческих, или конкретно-архивоведческих, и теоретических, конкретно-историографических, даже конкретно-исторических.

Обеспечить это можно было только благодаря участию не одного, а нескольких преподавателей в руководстве кружковыми темами, и даже во многих заседаниях кружка, т.е. специалистов по изучению материалов разной тематики и различными методами. Один бы преподаватель не смог осилить столь многообразную тематику и такой комплекс методик. И мы все очень обязаны преподавателям кафедры вспомогательных исторических дисциплин, а также и других кафедр, за деятельное соучастие в работе нашего кружка. Кроме названных уже преподавателей, работе с кружковцами отдавали свои силы Евгений Алексеевич Луцкий, Софья Иосифовна Якубовская, Елена Ивановна Каменцева, Моисей Наумович Черноморский, по-прежнему помогает кружку Ирина Александровна Миронова, особенно тесно связана с кружком в последнее десятилетие Ольга Михайловна Медушевская. Помогали кружковцам, участвовали в его работе и преподаватели иных кафедр — в прежнее время Людмила Марковна Зак, Владимир Евгеньевич Иллерицкий, Елена Викторовна Чистякова, ныне Александр Давыдович Степанский и другие преподаватели кафедры истории государственных учреждений и иных кафедр. Отраднo, что среди руководителей студенческих работ бывшие деятельные участники кружка в свои студенческие годы, а ныне преподаватели МГИАИ Евгения Платоновна Маматова, Борис Семенович Илизаров, Евгений Васильевич Старостин, Виктор Александрович Муравьев. Все более входят в практику совместные заседания с кружками, руководимыми другими преподавателями — Аркадием Ивановичем Комиссаренко, Дорой Михайловной Эпштейн, Борисом Семеновичем Илизаровым, особенно Натальей Ивановной Басовской — с КИДИС у нас устойчивое и плодотворное содружество.

Кружок по-прежнему сохраняет наименование кружка источниковедения, но тематика его работы шире и в то же время приспособлена именно к историко-архивному образованию. Архивист вообще всегда историк, так и написано в дипломе окончивших наш институт — «историк-архивист», для того чтобы стать архивариусом-делопроизводителем, достаточно было бы кончить соответствующий техникум (и в такого типа техникуме или техникумах действительно ощущается нужда). Но настоящий архивист не просто историк, он еще и источниковед. Ибо именно источники источают историческую информацию, и выявить, систематизировать, описать, а тем более опубликовать документальные памятники, т.е. те классы исторических источников, которые призван охранять и использовать историк-архивист, можно только при соответствующей источниковедческой подготовке. Работы кружковцев (особенно на IV и V курсах) основаны, как правило, на выявлении и изучении прежде всего архивных материалов, связаны с описанием таких материалов, подготовкой их публикаций (во всяком случае, работы, написанные под моим научным руководством), тесно увязаны с тематикой архивоведческой и археографической практики студентов. Эти работы — и тематика их и форма исполнения (дипломные работы обычно включают специальные разделы: обзор архивных материалов или даже целых фондов, публикация части таких материалов в приложении) не противостоят в какой-то мере тематике работ архивоведческих кафедр (как полагают иногда те, кто мало осведомлен о работе кружка и не читал дипломные сочинения кружковцев), а, напротив, помогают научной подготовке именно историков-архивистов, овладению навыками архивоведческой и археографической работы. Эти навыки как бы синтезируются, обогащаются теснейшей взаимосвязью с собственно источниковедческими. И, быть может, потому-то — особенно в последние годы — некоторые начинают более интенсивно работать в кружке, имея уже в кармане диплом об окончании института, непосредственно приобщившись к каждодневному труду в хранилищах-архивах, отделах рукописей. Вряд ли случайно и то, что «школу кружка» прошли некоторые видные работники Главархива СССР, ВНИИДАД, Главархива УССР, центральных государственных и партийных архивов.

Вот эта специфика направленности работы кружковцев, постоянная опора в научных поисках на архивные материалы и архивоведческие приемы их изучения позволили поставить вопрос о новых направлениях исследовательской работы, новых разделах (или подразделах) нашей исторической науки на стыках нескольких специальных исторических наук и предложить соответствующие комплексы тем и методик. Началась достаточно многообразная и базирующаяся прежде всего на архивных фондах работа в области источниковедения историографии, источниковедения археографии, источниковедения истории архивного дела, историографии источниковедения и других специальных исторических (или историко-филологических) научных дисциплин. Это же позволило в организованной по почину Археографической комиссии АН СССР работе по подготовке Каталога личных фондов историков широко использовать результаты научных изысканий кружковцев.

Характерно для кружковой работы то, что едва ли не с самого начала она велась в форме, привычной для «большой науки»: оформление сочинений такое же,

как в исследовательских работах (обращение особого внимания не только на характер изложения чужих взглядов и приемы критики их, но и на оформление научного аппарата, систему цитирования, выписок из источников и т.п.), манера докладов и ответов на вопросы, характер обсуждения и его протоколирования как на научных заседаниях, даже конференциях, с особой ролью разговоров в «кулуарах» (но — придерживаясь вузовской системы — только во время перерыва, а не в момент самих заседаний). И, соответственно, все чаще стали выносятся на обсуждения не только доклады по тематике студенческих работ (которые при этом обсуждались, так сказать, с исследовательским подходом), но и самостоятельные, т.е. дополнительные темы студентов, а затем главы диссертаций аспирантов, сообщения выпускников института. Реферировались и обсуждались учебные труды (и, соответственно, студенческие рефераты на эти труды), вопросы, поднимаемые на научных конференциях, в которых участвовали кружковцы или их научные руководители. Информация о таких конференциях и научных командировках, в том числе зарубежных, стала традицией кружка. Традиционной формой работы кружка стали и встречи с «гостями» кружка — лекции или беседы видных ученых, обсуждение книг и статей в присутствии авторов, сопровождающиеся ответами ученых на вопросы кружковцев. При этом всегда обнаруживался особый интерес к методике исследования: старались не просто впитать новые факты и выяснить, «что», «как», «почему» и «когда» происходило? но и каким образом узнано? почему именно так истолковано и оценено? какова степень достоверности тех или иных суждений? и каковы перспективы дальнейшего исследования? Это воспитывает восприимчивость к новому, здоровую любознательность, живой интерес к наблюдению над ходом, развитием мысли, даже наслаждение самим процессом мышления, разнообразием его форм и выражений. И хочется думать, что такие встречи с «гостями» интересны и полезны даже не только кружковцам, но и самим «гостям». И мы все глубоко признательны им и обрадованы тем, что сегодня в день нашего кружкового праздника среди нас Константин Николаевич Тарновский и Валентин Лаврентьевич Янин — наш частый гость, который зачастую нас первыми знакомит с результатами летних новгородских раскопок. И приятно сознавать, что в роли своеобразных «гостей», даже таких, выступлениями которых открываются очередные годовые «сезоны» работы кружка в сентябре, выступают и бывшие студенты-кружковцы. Так, нынешний сезон открылся выступлением нашего бывшего старосты кружка, а ныне политического обозревателя телевидения Игоря Сергеевича Фесуненко об источниковой базе работы журналиста-международника. Один из сезонов открылся сообщением нашего верного кружковца Сергея Михайловича Каштанова о Международном конгрессе по дипломатике в Париже, где он представлял советскую науку.

Характерная черта работы в кружке — трудность, точнее, необходимость преодолеть трудности, познавать и развивать свои силы. А в молодости всегда больше привлекают препятствия, чем накатанный, давно испытанный путь. Нелегко выдержать многочасовые заседания, начинающиеся после рабочего дня и кончающиеся тогда, когда уже нет надежды хорошо выспаться перед следующим рабочим днем; нелегко находиться все это время в атмосфере известного интеллектуально-го напряжения; нелегко сразу найти общий язык, не говоря уже о том, что срав-

няться младшим, начинающим кружковцам с его ветеранами — прежде всего не хватает знаний, навыков и опыта интеллектуального труда, умения спорить и терпения слушать возражения. И часть кружковцев нередко первоначально больше слушают или ограничиваются вопросами и не сразу активно приобщаются к обсуждению. Нелегко и писать диплом у руководителя кружка — а среди кружковцев обычно и мои дипломники, ибо такой диплом требует сочетания собственно источниковедческой (или собственно исторической) работы с архивоведческой и археографической (тогда как можно ограничиться лишь одной из форм такой работы и тоже получить высокую оценку). Нелегко, замечу, и руководить такими дипломниками. У меня редко когда бывает пять дипломников, чаще 1–2, а то и ни одного. Много — около десяти или даже более дипломников — обычно имеют преподаватели, менее других уделяющие внимание их работе, и тогда наблюдается как бы обратная пропорция: количество дипломников переходит в их качество (неважное качество).

В то же время кружок — это не люди исключительной тяги к науке или исключительных способностей, не «избранная рада» при Шмидте (она оказалась бы столь же недолговечной, только, естественно, без трагического финала). Это — обычные люди, разных способностей, но склонные к творчеству, трудолюбивые, любознательные, с чувством товарищества, плеча друга. Как правило, это — не традиционные «академисты», а активисты-общественники (и в нынешнем старостате двое заместителей секретаря комитета ВЛКСМ института — Володя Козлов и Коровайников), комиссары, командиры и бригадиры студенческих стройотрядов (ну, и рядовые, конечно, тоже), участники художественной самодеятельности (начиная с Сизова — незабвенного прелестного Бальзамина), художники, поэты и музыканты, люди, увлеченные техникой, — «мастера золотые руки», спортсмены и умелые повара. Словом, обычные люди в обществе обычных же людей! И успешная, т.е. особо отмеченная, служба в армии (до кружка или по окончании МГИАИ) тому одно из доказательств.

Необычно в кружке другое — едва ли не уникальное совмещение в нем людей разного возраста, даже теперь уже разных поколений, ибо старейшие ветераны кружка — ровесники родителей нынешних студентов-кружковцев или даже выпускников МГИАИ. Это — сообщество любящих не столько себя в науке, а науку в себе, преданных творчеству, испытывающих потребность и радость человеческого общения. Им интересно и творить, и быть друг с другом.

Это предопределяет особую нравственную атмосферу в кружке, сохраненную наиболее крепко в душе и памяти тех, кто отвечал на вопрос юбилейной, традиционной анкеты кружка к его 20-, 25-, 30-летию: «Ваши впечатления о кружке?» Атмосфера эта выталкивает как бы из сферы кружка тех, кто пытается примазаться туда ради карьеристских целей, скажем, получения рекомендации в аспирантуру или скорейшей защиты диссертации под чьим-нибудь покровительством, престижных соображений, претенциозных болтунов, желающих обратить на себя внимание. И ныне, когда возрастное различие между молодыми кружковцами и научным руководителем все возрастает и естественная прежде при взаимной близости возраста близость не только образа мышления, но и в какой-то мере образа жизни все более утрачивается, тем более что научный руководитель каждодневны-

ми общественными связями связан теперь не с вузом, а с академическим коллективом, кружковцы уже сами как бы оберегают и руководителя и кружок от подобных людей, желающих использовать кружок, его репутацию в личных целях. Им не ужиться с кружком. И кружковцами среди защитивших диссертации признают не всех тех, кто когда-либо даже сравнительно регулярно посещал кружок, а лишь тех, кто сохраняет связи с кружком, с кружковцами, с научным руководителем кружка. Этическое начало для кружковца не менее важно, чем научный уровень творчества. Только люди, добросовестные в жизни, могут быть добросовестными и в науке. В кружке существует, я бы даже сказал, культивируется атмосфера доброжелательства, взаимного уважения, хотя молодежь спервоначала и побаивается «бородачей»-ветеранов, да и те, увлекшись, иногда забывают, что первые шаги в науке — это обычно еще детские шаги и опыт в науке приходит с годами. Столь необходимая в науке интуиция — качество не только врожденное, но и в определенной мере, даже в большей степени вырабатывающееся в процессе труда и познания. В кружке не существует нормативных обязанностей, нет обязательности посещений (даже студентами) — приходят на те заседания, которые ближе по тематике или методике к тому, чем сам занимаешься, о чем сам думаешь. Приходят и долго заседают, потому что интересно, потому что хочется видеть друзей по увлечению, послушать, подумать. Каждый имеет право высказаться, не согласиться, не признать убедительным мнение старших кружковцев, даже научного руководителя. Люди приходят, чтобы думать — вслух или про себя — сообща. Взаимообщение становится взаимообогащением — и руководителя кружка, и его ветеранов, и начинающих «кружковую жизнь». В кружке закрепляются личные дружеские связи на годы и десятилетия, связи по интересам, миропониманию, отношению к людям — особая «кружковая» дружба, крепкая дружба.

Наш кружок — не «кружок Шмидта», хотя такое название в основе своей и правильно. Это — результат коллективного творчества; и постоянное проявление этого коллективного творчества — творчества научного руководителя и других преподавателей, ветеранов кружка разных поколений, нынешних студентов-кружковцев. И кружковцы это понимают и чувствуют и дорожат этим, ощущая, уже ныне, это кружковой традицией. Человек большой доброй души и тонкой приметливо-умной мысли, Женя Сизов так ответил на вопрос анкеты в 1975 г.: «Впечатления бывают от чего-то привнесенного извне, а то, что совместно вынашивалось, рождалось, создавалось коллективно и было тем, без чего нельзя — навсегда остается любимым детищем». «Совместно», «коллективно», «детище»! Вот как ощущают кружок, свое участие в нем преданные ему кружковцы!

И это ощущение обнаруживается вне стен «теремка» — нашего обычного места заседаний — на представительных научных конференциях (во время заседаний и в кулуарах), в Археографической комиссии, в Институте истории СССР, в архивах (не говоря уже об атмосфере поездок — в поездах, например). Так сказать, на всех кружковцах есть особый отпечаток.

О кружке немало пишут и его участники (прежде всего в анкетах), и ученые, и журналисты, ссылаются на его опыт и в специальном учебном пособии профессора Мараша «Студенческий научно-исследовательский кружок», выпущенном издательством «Вышэйшая школа» в Минске в 1976 г. (профессор Мараш успешно уже

25 лет руководит историко-краеведческим кружком Гродненского пединститута). Но я бы такую книгу написать не сумел. Воспоминания о деятельности кружка, о кружковцах, пожалуй бы, еще получились; обобщающего характера наблюдения о формах работы кружка, о том, что он дает его участникам и особенно научному руководителю, может быть, и удалось бы как-то запечатлеть, даже сформулировать некоторые выводы. Но — учебное пособие, т.е. нечто, содержащее определенный набор рекомендаций, вряд ли удалось бы создать. Ибо в кружке нет, так сказать, укладывающегося в определенный формуляр подхода к явлениям, хотя и выработались уже, видимо, своя знаковая система и шкала оценок. Там много импровизационного, непреднамеренного, хотя подчас и предполагаемого. В кружке муза истории Клио скорее муза не только науки, какой она ныне стала, но и искусства, и это сочетание элементов науки и искусства тоже привлекательная черта как для ветеранов, так и для входящих впервые в «теремок».

В этом выражается в известной степени и молодость кружка. Если ритуал заседаний выработан и ему следуют теперь уже не без педантизма (игра в такой ставший привычным педантизм даже нравится!), то существо самого «действия», начиная с доклада и кончая заключительным словом научного руководителя, всякий раз внове. И это нашло отражение в названиях последних газетных известий о кружке — в «Вечерней Москве» и в «Комсомольской правде». Если слова «Преданья старины глубокой» могут относиться уже не столько к тематике кружка, где преобладает ныне интерес к источникам по Новой и Новейшей истории нашей страны и к современной методике исследования, а к возрасту самого кружка, который на пять-десять лет старше нынешних его старост, то другое название, «Вступление», характеризует молодость кружка, обычное для его деятельности ощущение приобщения к новому, вступления в новую научную жизнь. И это-то ощущение особенно много дает, способствует приобретению «второго дыхания» и к концу его длительных заседаний, и вообще, и мне как постоянному его руководителю, и — увы! — тоже уже не молодеющим — его ветеранам во главе с Сергеем Михайловичем Каштановым.

Наше заседание, как на юбилеях «действующих», пишущих еще ученых, — поначалу — ученое заседание. Будут заслушаны небольшие доклады по истории кружка, содержащие в определенной степени обзор источников по его истории, прежде всего ответов на кружковые юбилейные анкеты, обзор того, что сделано кружковцами в стенах им родного института и по окончании его*. Материалов много — помимо названного, это и протоколы заседаний, газеты кружковые, то, что написано и напечатано о кружке. Словом, тема стала «диссертательной». Ну а затем вместо обычных вопросов и обсуждения сообщений будем слушать приветствия и устные мемуары.

Подготовить это заседание — и написать доклады, и перепечатать анкеты, и сделать стенгазеты и значки, убрать актовЫй зал, собрать здесь всех сегодня было, конечно, не просто. И мы должны быть признательны за все это ректору, руково-

* В программе заседания были еще доклады: А.А. Амосова, С.А. Морозова и С.В. Чиркова «Научная деятельность кружка источниковедения истории СССР», В.Ф. Козлова и Е.Ю. Наумова «Кружок источниковедения истории СССР в 1975–1980 гг.» и С.М. Каштанова «Тридцать лет спустя».

дителям ректората, партбюро, комитета ВЛКСМ института. Из наших же кружковцев особенно потрудились, помимо докладчиков, имена которых указаны в пригласительном билете, Мингалев, Шумейко, Новохатский, Володя Козлов, а также Татьяна Кузнецова и Борис Илизаров, Старостин, Митрофанов и Фесуненко, Афиани, Туманов, Валентин Морозов, Мякушев, Курукин, Князьков, Шумихин, Коровайников, Шохин, Виктор Наумов, Осечинская. Поблагодарим же их и приступим к осуществлению программы заседания.

¹ См.: Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 408. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 504–519.]

² Левина С.А. Мой учитель // Феодализм в России: Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 33–36.

³ Липкина Тамара Григорьевна, Черных Вадим Алексеевич.

⁴ Максаков Владимир Васильевич — профессор, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела; Самойлов Василий Иванович — доцент, после освобождения от работы А.И. Андреева заведовал кафедрой в 1949–1952 гг.

СЛОВО О ПОЛЬЗЕ КРАЕВЕДЕНИЯ

В наши дни под краеведением чаще всего понимают и сферу научной и просветительской работы, и общественную деятельность, причем такую, к которой причастны отнюдь не только ученые-специалисты, но и значительно более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей.

Круг интересов краеведа — прошлое и настоящее какого-либо «края», определенной местности: от деревни, малого города, даже улицы, фабрики, усадьбы, храма, учебного заведения и т.д. до крупного региона во всем многообразии тем.

Изначальный смысл слова «краеведение» подразумевает не просто знания о чем-то, но и путь к овладению ими и распространение их. Методика краеведения опирается на междисциплинарные научные связи и учитывает выводы и научных теорий, и первичных наблюдений обычной житейской практики. Это метод познания от частного к общему, от простого к сложному, выявления особенного и общего. Интерес к тому, что ближе всего, — основа интереса ко всему остальному; это помогает понять общие представления о мире и обществе, о взаимосвязях — явлений и времен. Следовательно, краеведение — это школа познания и методики мышления (освоения взаимосвязи аналитического и синтетического методов), школа воспитания культурой, а основа культуры — память: потому можно особо говорить о «воспитании историей», и школа становления и закрепления представлений о взаимосвязи природы и общества, о взаимосвязи в природе, о взаимосвязи наук. Поэтому очень важно и полезно вовлечение в краеведение молодежи еще в школьные годы.

Впервые опубликовано: Учитель. 1997. № 2. С. 13–15 (под рубрикой «Разговор с молодым читателем»).

Краеведческое (или краеведное, как обычно писали в 1920-х гг.) знание комплексное: историческое (шире — историко-культурное, даже историко-литературное, историко-экономическое) и географическое одновременно. И поэтому особенно существенно для формирования первичных и — главное — конкретных, доступных пониманию представлений об истории и культуре, о взаимодействии людей и окружающей среды.

Постепенно с закреплением многообразных форм краеведческой деятельности определились особые отрасли краеведения (историческое, литературное, географическое и др.) и сферы краеведческой деятельности (например, школьное краеведение). Но при этом основными задачами краеведа остаются: просветительская, научная, памятникоохранительная.

Научный подход к краеведению — не только обращение в такой работе к современным научным методам, но и представление о том, что краеведение является частным по отношению к более общему, познаваемому этим путем во всем многообразии и специфике — региональной (регион — часть территории, отличающейся от других областей совокупностью относительно устойчивых особенностей — экономико-географических, культурно-исторических, национальных и др.) и локальной (т.е. местной, свойственной данному месту, не выходящей за определенные пределы).

Однако не следует ограничивать краеведение областью научных знаний и их применения. Это — и область искусства и литературы, приемы ремесла и реставрации памятников, забота о сохранении памятников культуры и природы.

Краеведение убеждает в необходимости обращения к опыту прошлого и в то же время облегчает творческое общение людей разных поколений, разного уровня образования и специальной подготовки (научной или художественной, в области ремесла).

Краеведение возбуждает интерес и воспитывает уважение к истокам нашим, к родной земле, ее природным особенностям и преданиям, к исконным занятиям предков. Его воздействие велико и на разум наш, и на душу. В этом-то главный смысл слов Пушкина о любви к отеческим гробам и к родному пепелищу: «в них сердце обретает пищу!» Подлинное краеведение — всегда краелюбие.

И, наконец, краеведение — не только познание края, а история краеведения — не только изучение данных о путях такого познания в прошлом. Но это всегда и способ освоения и сохранения исторического опыта. Более того — это отбор, а зачастую и совершенствование того, что выдержало испытание временем, проверку практикой поколений — в быту, природопользовании, сельском хозяйстве и промыслах, материальной и духовной культуре и, конечно же, в сфере нравственности.

Поэтому-то краеведение помогает определить способ переустройства настоящего, выделить конкретные направления движения в будущее, предостерегает от механического бездумного распространения на все территории и сообщества общих умозрительных понятий о модели будущего и о способах его построения.

Условие плодотворного развития краеведения, привлечение внимания к нему в обществе — демократичность системы его организации, обеспечение возможности проявления самостоятельности. Преследование наиболее инициативных, самостоятельно мыслящих и широко образованных краеведов на рубеже 1920-х и

1930-х гг., в зловещий год «великого перелома», попытка насильственного массового привлечения к краеведению по признаку социального происхождения привели лишь к спаду краеведческого движения и к дискредитации краеведной работы в общественном мнении. Администрирование в краеведении противопоказано, так же как и жесткое навязывание тематики или форм организации работы.

Однако условием успеха работы, в которой участвуют в той или иной мере немало лиц, является и координация их деятельности, ясное представление о ее программе и возможностях и путях ее осуществления. В век науки о науке необходимо стараться овладеть современной научной методикой, строго придерживаться апробированных практикой приемов: скажем, реставрации памятников или способов записи воспоминаний (с использованием современных технических средств), так же как и принятых в музеях и архивах правил фиксирования находок и описания музейных предметов, документальных памятников.

Объединение усилий разных краеведных обществ и научно-методическая организация их работы, совместные конференции и семинары, обмен изданиями — давняя добрая традиция краеведения. Образование в 1990 г. Союза краеведов России (СКР) — в русле этой традиции отечественной культуры, нашей общественной жизни.

Важнейшие задачи Союза краеведов России — помочь координации краеведческой деятельности и обеспечить ее научно-методический уровень. С этой целью разработана комплексная долговременная программа СКР, одобренная и принятая как основная краеведческая программа Российского фонда культуры его президентом. Программа эта и ее подпрограммы (целевые программы) отражают многообразие краеведческой деятельности, тематических направлений. Программы предусматривают участие в их осуществлении самых широких слоев краеведов — от ученых до школьников. Предусматривается также возможность одновременного участия в работе по другим программам — и общего, и местного характера, междоудомственным. И важно установить линии «стыковки» подобных программ, а они различны в разных регионах.

Местные программы могут обретать и всероссийское значение, как, например, «Тульский металл». Такими могут стать и программы, на первый взгляд кажущиеся порожденными юбилейными обстоятельствами: «850-летие Москвы», «500-летие московской улицы Арбат» или «350-летие Российского флота» (Воронеж). Тематика подобных программ затрагивает не только местных жителей или любителей местной истории, а опыт их осуществления может быть полезным для многих, отдающих силы души другим программам.

Краеведческие программы и проекты можно успешно осуществлять, лишь объединяя усилия разных общественных организаций и государственных органов — отделений Российского фонда культуры и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Географического и Педагогического обществ, советов ветеранов труда и войны, Российской академии наук и Российской академии образования, научных учреждений, вузов и средних школ и, конечно же, библиотек, музеев, архивов. Велико значение — особенно в наши дни материального неблагополучия — деятельности благотворителей (их теперь на иностранный манер называют спонсорами). С помощью благотворителей, а нередко и по их инициативе, восстанавлива-

ются памятники истории и культуры, издаются краеведческого профиля издания (даже типа альманахов и журналов), поддерживаются народные промыслы, молодые дарования — музыканты, художники, изобретатели. Только объединенными усилиями, целенаправленными действиями можно сохранить и восстановить то, что выражало и отражает ныне особые черты истории, культуры, природы «краев» нашей родной земли.

Особенно заметен вклад в развитие краеведения Российского фонда культуры, поддерживающего наши начинания и материально. Без этой щедрой помощи Союз краеведов России не смог бы организовать свою работу.

Степень развития краеведения, отношение к деятельности краеведов местных «властей» — всегда показатель уровня развития культуры и общественной жизни края. *Сейчас общественная атмосфера в России становится такой, что краеведение снова обретает себя и как форма взаимосвязей с большой наукой, и как общественное движение. Наступает возвращение краеведения.*

РОЛЬ ФОНДА КУЛЬТУРЫ ОПРЕДЕЛЯЛАСЬ СОЮЗОМ Д.С. ЛИХАЧЕВА И Р.М. ГОРБАЧЕВОЙ

С Раисой Максимовной я познакомился лично только с организацией Фонда культуры. Но, конечно, благодаря СМИ имел уже представление о ее внешнем облике и манере держаться и знал о первых впечатлениях Дмитрия Сергеевича Лихачева от общения с ней.

Сначала поведение Раисы Максимовны я мог наблюдать как член Правления Фонда культуры на достаточно многолюдных заседаниях, глядя из зала на сцену, где находились члены президиума. Она держалась тактично, никак не показывая особенность своего положения, хотя, конечно, не могла не заметить, что в моменты ее нечастых выступлений, даже реплик, наступала тишина внимания и выступавшие вслед за нею иногда ссылались на ее только что произнесенные слова, ссылались иногда и не к месту. Существенно было то, что она заинтересованно прислушивалась к тому, что говорили другие. У нее не было покровительственного тона, нередко обидного для других, и — что еще существеннее — не было дежурных фраз, общих слов, вопросы или замечания всегда носили деловой характер. Не позволяла она себе и разговаривать с другими в то время, когда выступали с трибуны. Видимо, такое умение держаться и искреннее внимание к обсуждаемым вопросам импонировали Лихачеву и облегчали председательствование Г.В. Мясникову, которому Дмитрий Сергеевич нередко передавал полномочия ведущего заседания.

Впервые опубликовано: Раиса: Воспоминания, дневники, интервью, статьи, письма, телеграммы. М., 2001. С. 108–112. *Переиздано:* Наше наследие. 2001. № 59/60. С. 60–61 (под назв. «Просвещение — главный путь»).

Когда я стал членом президиума Фонда, то начал общаться уже с Раисой Максимовной на его деловых заседаниях и совместно участвовать в обсуждениях. Раиса Максимовна была активной участницей таких обсуждений, проявляла интерес даже к детальным вопросам и обращала внимание на формулировки решений, была деловита. Видимо, даже прилагала усилия к тому, чтобы не выглядеть дамой-патронессой в дни открытых заседаний с приглашением и представителей с мест, и прессы. Садилась она за общий стол: во главе стола оставались лишь Лихачев с Мясниковым, а во время обеда, который для членов президиума организовывали в комнате на втором этаже, садилась не обязательно рядом с академиком и участвовала в общих разговорах. Она не пыталась использовать привилегированное личное положение, навязывая свое мнение. Помнится, Раиса Максимовна склонна была к организации музея — выставочного зала с ориентацией на произведения, кажется, обязательно из всех национальных регионов, и как будто могла рассчитывать на поддержку Мясникова. Но некоторые активные члены президиума придерживались иного мнения о назначении выставочного зала. Выяснив это, обсуждение вопроса решили продолжить на следующем заседании. Но когда и в этот раз часть присутствовавших с ее предложениями не согласилась, она не стала настаивать. И во время последующего обеда не было никаких симптомов ущемленного самолюбия, недовольства. Члены президиума и позднее позволяли себе вольномыслие, полагая это столь же допустимым, скажем, как на заседаниях руководимого Лихачевым в Пушкинском Доме Отдела древнерусской литературы, где, случалось, руководитель Отдела, почитаемый как ученый и любимый как человек, иногда оставался со своими суждениями в меньшинстве.

Обладая незаурядной наблюдательностью и тактом, первая дама государства не только проявляла деликатность, но, думается, осваивала и непривычную ей ранее манеру общения: как всякий преподаватель средней и высшей школы, она выработала привычку повторять особенно важную мысль — теми же или схожими словами, оттачивая и уточняя формулировку. А Лихачев и некоторые другие члены президиума улавливали главное с первого же захода. Убедившись в этом, Раиса Максимовна перестала следовать такому обычаю и стала говорить быстрее, отказавшись также от едва ли не обязательного для преподавателя чуть замедленного темпа речи.

Дмитрий Сергеевич, никогда не занимавший должности выше заведующего сектором академического института или председателя академической же редколлегии и академического научно-проблемного совета, не освоил в свое время клише бюрократического делопроизводства и идеологические штампы допустимых решений и формулировок и простодушно склонен был следовать здравому смыслу, опирающемуся на обычную житейскую мудрость, а то еще и на нравственные нормы многовековой давности. И это явно импонировало и некоторым более молодым членам президиума из среды ученых, деятелей искусства. Чувствовалось, как воспитанная в сугубо партийно-советских традициях заседаний парткомов и профкомов, Раиса Максимовна первоначально с некоторым недоумением воспринимала иной раз рассуждения и рекомендации почтенного академика-идеалиста. Но, поразмыслив по существу и убедившись (прежде всего благодаря своей женской интуиции) в бескорыстной направленности его намерений, а как правило, и в практической мудрости предложений, не только не останавливала его, но все в

большей мере поддерживала и сам стиль подобного руководства (тем более что многоопытный Георг Васильевич Мясников знал, как в конечной редакции устранить формулировки, вызывающие особое недоумение).

Следует особо отметить общественное значение союза в руководстве Фондом культуры Раисы Максимовны и Дмитрия Сергеевича. Для людей, сформировавшихся в понятиях о советском менталитете, допускавшем лишь единомыслие и обязательное следование установкам свыше, идеи Лихачева не оказались бы столь результативными для развития и общественного сознания, и культуры, если бы не было у него взаимопонимания с Раисой Максимовной, ее поддержки — тем более что широко известно было, даже самым опасливым и несамостоятельным, о ее личном авторитете в высших сферах, о редкостной духовной близости четы Горбачевых. Роль Фонда культуры и в России, и за ее рубежами в основном определялась союзом Лихачева и Горбачевой.

Нужно было обладать особой тонкостью душевной, дальновидностью и в то же время смелостью, способностью противостоять стандартам, чтобы доверить именно Лихачеву руководство Фондом культуры. И пригласить его не для украшения Фонда импозантным и всем заметным архитектурным излишеством, а доверить именно практическое руководство, обеспечить реальное право вмешиваться во все дела и формулировать в СМИ свои намерения и свое понимание способов использования и обогащения культурного наследия. Ведь незадолго до того Лихачев был опальным — в дни грандиозного празднования юбилея Академии наук в середине 1970-х гг. он, едва ли не единственный из академиков, не был удостоен награждения орденом. Благодаря публичному — по телевидению — выступлению в защиту памятников и природы Ленинграда и его окрестностей он стал к тому же и невыездным, хотя признавался за рубежом самым выдающимся советским ученым-гуманитарием, больше, чем кто-либо другой, имел званий члена иностранных академий и степеней доктора зарубежных университетов. Ранее в партийных органах это считали знаком небезопасной для официальной идеологии, особой близости чужим для нас взглядам, что и использовалось против ученого.

Раиса Максимовна уловила, что великий ученый-исследователь и мастер слова, напротив, особенно ценен тем, что мыслит в рамках не партийного догматизма, а в широкой сфере проблематики и нравственных ценностей мировой культуры, и, конечно, почувствовала, как велико личное обаяние Лихачева как человека, как притягательно для многих общение с ним — и в нашей стране, и за ее рубежами, и пожилых, и молодых. Поняла она и то, что этот убежденный интернационалист является прежде всего патриотом своей страны, отечественной культуры и стремится к тому, чтобы во всем мире получили представление о величии и особенностях нашей культуры, оценили ее, причем не только в великих творениях гениев, но и в обычных ее проявлениях. Она могла убедиться в том, что именно Лихачев в большей мере, чем кто-либо из наших даже очень знаменитых современников, является продолжателем линии развития общественного сознания, восходящей еще к Новикову и Карамзину, Жуковскому и Пушкину, когда придается особое значение нравственным традициям и сохраняется вера в то, что просвещение — главный путь и к совершенству отдельной личности, и к переустройству мира. Думается, что это казалось притягательным Раисе Максимовне в образе мысли и поведении Лихачева. Поверила

она и в его добрые намерения, а он поверил ей. И во многом именно благодаря ей (притом что во взаимоотношениях у них не всегда было полное взаимопонимание) получил возможность на старости лет столь часто и эффективно публично обращаться к обществу, пытаться воспитывать его в желанном ему духе, на практике реализовать многие свои пожелания, воздействовать даже на чиновничий аппарат.

Благодаря ее поддержке удалось так скоро и широко осуществить сближение с зарубежной диаспорой, а затем и получить в дар от эмигрантов и их потомков сохраненные памятники нашей истории и культуры, создать Дом-музей Марины Цветаевой, передав туда на хранение полученные документальные памятники. Конечно, передавали, доверяя известному и уважаемому за рубежом личному авторитету Лихачева, его имени, и особенно ценили его личное участие в самом акте передач на Родину нашего наследия и публикации об этом в журнале того же названия. Но, несомненно, учитывали и то, что соучастие в такой деятельности Фонда культуры Раисы Максимовны обеспечивает уверенность в будущем этих дорогих реликвий. А такая деятельность в ту пору существенно способствовала повороту в сознании многих — российской культуре возвратили то, что создано было в эмиграции, вернули отечественной истории многие славные имена, теперь они уже и в программах обучения в средней школе. Лично Раиса Максимовна много содействовала столь интенсивно развивавшейся деятельности по поддержке юных талантов — ныне акция «Новые имена» получила уже всемирное признание. Поддерживала она и возникновение самостоятельных программ Фонда культуры, в том числе по развитию краеведения, возглавляемую мною, а при новом руководстве Фонда лишенной возможности дальнейшей деятельности. Она способствовала творческой работе президиума Фонда, созданию атмосферы живого обмена мнениями. Ныне, с ликвидацией президиума Фонда, этого уже нет. Исторические явления оценивают и по тому значению, которое они имели для современников (и соответственно по восприятию их современниками), и по тому, каково было их влияние на будущее. Полагаю, что с годами положительные последствия сделанного Фондом культуры в лихачевские времена и роль в этом Раисы Максимовны Горбачевой будут восприниматься все с большей очевидностью.

ВЫСТАВКА В МУЗЕЕ А.С. ПУШКИНА «ПУШКИН. МОСКВА. 1826»

Эта книга не первая в издательской программе Правительства Москвы, обеспечившей выход в свет книг о посвященных Александру Сергеевичу Пушкину выставках, подготовленных сотрудниками Государственного музея А.С. Пушкина в Москве или с их участием. Значительное число изданий этой программы Прави-

Впервые опубликовано (с сокращениями): Первое сентября. История. 2009. № 19 (под назв. «Пушкин в Москве — Москва Пушкина: К выходу в свет книги “Пушкин. Москва. 1826 год”»). Полный вариант публикуется впервые.

тельства Москвы поступает в школьные библиотеки. Перед вами книга-выставка, вернее сказать, альбом, дающий представление о музейной экспозиции, ее важнейших экспонатах и текстовых пояснениях к ним.

В наши дни, когда существеннейшей частью информации и о прошлом и о настоящем становится воспринимаемое с телеэкрана, т.е. прежде всего визуально, издание книг подобного типа особенно важно — они могут быть использованы и для обучения юных и многим обогащают людей и старших поколений. Необходимо они и тем, кто занят научными изысканиями: ведь это позволяет не только зрительно ознакомиться с разного типа историческими источниками — вещественными, изобразительными, письменными (а историческим источником можно признать все то, что источает информацию, полезную для изучающего историю и культуру), но и извлечь сведения об этих исторических источниках: когда? где? кем созданы? в каких хранилищах находятся? впервые ли воспроизведены в издании? и др. Музейные экспозиции помогают составить более конкретное и многообразное представление о прошлом и — что особенно важно — понять, на основании каких данных формируется такое знание, и тем самым расширить возможности самостоятельного извлечения информации и из других исторических источников.

На выставке в память событий 180-летней давности нам представили уникальную возможность увидеть подлинные автографы Пушкина и его современников, Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца (на выставке много внимания уделено пушкинской трагедии «Борис Годунов»), прижизненные портреты поэта и лиц его окружения, книги XVI–XIX вв., документы этого времени и множество интересных изображений и предметов. Многие из них не только обогащают информацией, но и вызывают живые эмоции: иконы, слюдяное оконце, ключ от города Углича, старопечатные книги, альбом Голицыной, в который рукою Пушкина вписаны стихи, портрет Хомутовой, той самой, которая сохранила для нас рассказ поэта о разговоре с императором 8 сентября 1826 г.

К оценке явлений прошлого мы подходим обычно с двумя критериями: стараемся выяснить, каково было восприятие их современниками и какое реальное значение их было в жизни той поры, а также пытаемся определить их значение для последующих эпох и особенности их восприятия уже нашими современниками и, соответственно, ищем объяснение тому, почему и как изменялись эти оценки.

Пушкин — одно из немногих явлений в отечественной и мировой культуре, когда с годами возрастает осознание значимости творчества его и для современников, и для потомков. Возникает и понимание того, что в процессе исторического развития гениальная личность творца культуры оказывается в перспективе дальнейшего хода истории зачастую более значимой, чем его современники, стоявшие у вершин власти, и лица, признававшиеся тогда вершителями судеб, формирующими господствовавшую идеологию. И неслучайно, когда исчезли из обихода науки наименования «александровская эпоха», «николаевская эпоха» для обозначения первой трети XIX столетия, это время нередко именуют «пушкинская эпоха»; и многие ученые интересуются лицами, занимавшими тогда видное положение в обществе, лишь потому, что они в той или иной мере причастны к биографии их великого современника нечиновного Пушкина.

Сейчас, оценивая события 1826 г. в Москве на основе осмысления накопленных знаний и о том, что происходило в тот именно год, и о том, что оказалось особо значимым для последующего времени, понимаем, что самым важным событием стало для нас не коронование Николая I, а прибытие в город ссыльного Пушкина. У поэта появилась возможность непосредственного общения с большим кругом интеллигенции той поры, восторженно воспринимавшими его творчество, состоялось знакомство с ним более молодых литераторов. В результате произошло признание его — после кончины в мае 1826 г. великого писателя и историка Н.М. Карамзина — первым среди российских литераторов.

Прощение опального поэта, необычно долгая для царских приемов беседа с ним нового императора, публично произнесенная Николаем I в расчете на быстрое распространение фразы о разговоре «с самым умным человеком в России» — это умело придуманный эффектный акт в режиссуре коронационных торжеств, особенно приметный после недавней расправы с декабристами, среди которых, как всем было известно, находились и близкие друзья Пушкина, и уж несомненно пропагандисты его ранних антиправительственных сочинений.

Государственно-политическая обстановка и навязанный ею образ поведения и мир творчества Пушкина при всех взаимосвязях их — разные сферы. Пушкин в жизни и в возможностях публичного выражения своих суждений был, конечно, зависим от власть предержащих, но свободен и в замыслах, и в общественных и вкусовых пристрастиях.

И выставка в самой стилистике композиции показывает различие этих сфер — в залах, посвященных жизни и творчеству Пушкина и лицам близкого ему круга, ощущается интимность (и при демонстрации памятников рубежа XVI и XVII вв., побуждавших Пушкина к творчеству в период создания им «Бориса Годунова», тоже). А там, где рассказывается о коронации и пребывании в Москве царской фамилии, — императорская пышность и официозность, даже портреты парадные в рост.

Тема выставки — этапные месяцы в биографии Пушкина. Именно тогда общество признало его первым поэтом России; это поняли и во властных структурах; видимо, и сам он уже это осознал. Знаменитый и уже пятидесятивосьмилетний И.А. Крылов, не первый год почитаемый как классик нашей литературы, стал все меньше внимания уделять сочинительству. Близкий друг Пушкина В.А. Жуковский, которому предложили стать наставником цесаревича (будущего Александра II), полностью отдался в то время подготовке к педагогической деятельности. Пушкин представлялся естественным наследником и продолжателем карамзинского направления в развитии и художественной литературы, и русского литературного языка. И сам Пушкин так считал — посвящение «Бориса Годунова» «драгоценной для россиян памяти» Карамзина — не только «благодарение» историографу, но и признание величия Карамзина как писателя: ведь и через десять лет Пушкин утверждал, сравнивая (в прозаическом отрывке «Рославлев») развитие литературы в России с развитием ее «во Франции, Англии и Германии», что в прозе мы имеем только «Историю» Карамзина.

Не все в творческой биографии Пушкина можно отразить приемами музейного показа. Экспозиционеры обязаны были придерживаться четкой хронологии

при отборе материала, относящегося к творчеству Пушкина: ограничить себя в демонстрации того, что предшествовало созданному в Михайловском и с чем знакомил Пушкин в Москве осенью 1826 г. (или явилось следствием московских впечатлений тех месяцев в написанном позднее). Но и то, что удалось сделать, существенно помогает не только познанию восприятия Пушкиным Москвы и Москвой Пушкина в 1826 г., но и более углубленному пониманию творчества Пушкина и в другое время.

Пушкин покинул город его рождения мальчиком, приехал снова через пятнадцать лет уже двадцатисемилетним. Совершенно очевидно, как памятьлив и зорок был гениальный мальчик и как обогащались первичные впечатления о Москве с возмужанием его мысли, возрастающей образованностью, и как дорогой и все более исторически значимой становилась его память о Москве, особенно в контексте размышлений о событиях Отечественной войны. Это явно ощущается в прославившем лицеиста стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» — там ярко, емко и с великой горечью утраты запечатлено виденное мальчиком в близких к месту жительства семьи Пушкиных кварталах Москвы, спаленное позднее в пожаре 1812 г. Запомнившееся в детстве отражено в изображении Москвы и в «Борисе Годунове», написанном уже по прочтении «Истории государства Российского» Карамзина. Это убеждает в том, что поэта Пушкина сформировало уже московское детство, а в Лицее он осознал масштабность своих творческих возможностей, свое право отдаться поэтической деятельности.

В лицейские годы Пушкин стал воспринимать Москву в большей мере в контексте событий ее истории начала XIX в. и предшествовавших веков. Такое представление закреплялось в его сознании и многообразной литературой того времени. В стихотворении «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.» такие слова о судьбе Наполеона: «...Меч огненный блеснул за дымною Москвою! / Звезда губителя потухла в вечной мгле, / И пламенный венец померкнул на челе!»

Несомненно воздействие на ожидавшееся ощущение новой встречи с Москвой написанного особо почитаемыми им Жуковским и Карамзиным. Жуковский в поэтическом послании матери новорожденного великого князя Александра Николаевича (в будущем его воспитанника) в 1818 г. восторженно писал о «красоте воскреснувшей Москвы» («Бесчисленны церквей ее главы, / Как алтари, зажженные востоком»), о «Москве преображенной». Карамзин составил для любознательной вдовствующей императрицы Марии Федоровны (матери императоров Александра I и Николая I Павловичей) и ее ближайшего окружения в 1817 г., накануне переезда императорского двора на несколько месяцев в Москву, «Записку о московских достопамятностях». Там дается блистательный по стилю краткий обзор главного в истории Москвы и характеристика ее памятников истории и культуры и современного образа и значения Москвы в истории России: «Москва будет всегда истинною столицею России», «Кто был в Москве, знает Россию».

Пушкин не раз подчеркивал воздействие на сочинение им драмы «Борис Годунов» «Истории» Карамзина. Думается, что в восприятии Москвы и особенно ее внешнего облика и памятников, понимании места Москвы в прошлом и настоящем России в середине 1820-х гг. велико воздействие тоже Карамзина, и прежде всего его «Записки о московских достопамятностях».

Вероятно, столь эмоционально переданные впечатления об открывавшейся взору Москве в седьмой главе «Евгения Онегина» и признание в постоянных думках о Москве и лапидарное определение значения Москвы для россиян («Как часто в горестной разлуке, / В моей блуждающей судьбе, / Москва, я думал о тебе! / Москва... Как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нем отозвалось!») воспроизводят ощущения Пушкина утром 8 сентября 1826 г. и амальгаму этих переживаний с размышлениями о Москве и ее исторической роли.

У едущего в Москву в сопровождении фельдъегеря Пушкина совмещались ожидания нового приобщения к первооткрытиям детства, надежда на возвращение в широкую общественную среду и в то же время оставались неясными перспективы отношений и с этой средой, и с новой высшей властью.

В Москву в 1826 г. приехал Пушкин, мало похожий на покинувшего ее юнца. Он был уже основательно знаком с внешним обликом и образом жизни Петербурга с окрестностями, и юга России, и Псковской губернии. Судя по поэтическому посланию «Всеволожскому» (1819 г.), представления жившего тогда в императорской столице Пушкина о «мирной Москве», ее «пестроте», «старинной роскоши» были близки к грибоедовским — оба уроженцы Москвы, из одного аристократического круга. Общение их началось с лета 1817 г., и Пушкин сразу же оценил «светлый ум и дарования» своего тезки и, вероятно, говорил с ним и о Москве их детства. К 1826 г. Пушкин приобрел уже немалый по сравнению с 1819 г. житейский опыт, — в «Борисе Годунове», очень высоко ценимом самим автором, обнаруживаются и глубокомысленные рассуждения моралиста и политолога (если пользоваться современной терминологией), ставшего государственным по своим общественно-политическим убеждениям. Пушкин увидел Москву, где после испепелившего ее пожара 1812 г. особенно изменились наиболее знакомые ему места («исчезли здания вельможей... чертоги пали богачей») между Кремлем и Садовыми. Как отмечал Н.П. Анциферов — культуролог и графовец, исследовавший литературный образ Петербурга и Москвы, сменились архитектурная и смысловая доминанты, и плановость, утвердившаяся при реконструкции ансамбля Театральной площади, отменила округлые московские формы, и это не могло не броситься в глаза Пушкину.

Пушкин появился снова в Москве в необычной для московской жизни экстраординарной ситуации. В городе происходили коронационные торжества, которым было отдано все внимание москвичей, — «порфиноносная вдова» (как охарактеризует позднее Пушкин Москву в «Медном всаднике») именно в такое время в наибольшей мере ощущала себя средоточием традиций российской государственности и многовековой славы. Тогда в Москве находился двор, а следовательно, и круг ранее знакомых Пушкину лиц, отношение к которым он выразил в 1823 г. в первой главе «Евгения Онегина», характеризуя «условий света бремя». Перед Пушкиным предстала, конечно, и грибоедовская Москва (а с комедией «Горе от ума» он получил возможность ознакомиться еще в январе 1825 г.). Но и общество молодых аристократов-интеллектуалов, не похожих ни на петербургских интеллектуалов с их склонностью к чиновной карьере, с которыми поэт сходил на собраниях группы «Арзамас», ни на составлявших общество «Зеленая лампа» с их увлечением не только историко-политическими проблемами, но и наслаждениями молодости.

Именно тогда, после ареста декабристов и кончины Карамзина, центр умственной жизни российской общественности переместился из Петербурга в Москву, где Пушкин знакомится с молодыми высокообразованными аристократами, склонными к философским размышлениям и литературно-издательским занятиям. И для Пушкина оказалось чрезвычайно важным убедиться в том, с каким уважением и восхищением воспринимает эта молодежь и недавно созданную драму «Борис Годунов», и стихотворения, написанные ранее, как дорожат сближением с ним. У ставших сразу близкими ему молодых москвичей наибольший интерес вызывало его творчество и возможность умственного общения с блистательным собеседником и образованным глубоким мыслителем. Для лиц же так называемого высшего света — и приехавших из Петербурга и знатных москвичей — важнее было то, что Пушкин обласкан царем, и его мадригал или хотя бы автограф станет лучшим украшением альбома владелицы, а присутствие на рауте у кого-либо будет темой светской хроники.

Эта книга-выставка становится не только источником нашего познания пушкинской эпохи, прежде всего культуры и общественного сознания того времени, но и памятником общественно-исторического сознания и нашего времени, и в особенности музейной и издательской культуры наших дней.

В последние десятилетия в широко известных музеях, постоянная экспозиция которых неизменно привлекает посетителей, все чаще выделяют площади и для сравнительно недолговременных выставок разнообразной и более конкретной тематики. Такие выставки, вызывающие все больший интерес и у специалистов, и у широкой публики, дают возможность демонстрировать и то, что находится в запасниках этого музея, — следовательно, расширяют представления и о музейном собрании, и о научной работе сотрудников музея. На выставках все чаще объединяют в экспозиции памятники культуры, хранящиеся в различных хранилищах в других музеях, архивах, библиотеках, — тем самым расширяется круг знаний о привлеченных к участию в выставках других хранилищах и о возможностях ознакомления с источниковой базой изучения того или иного явления прошлого (или даже совокупности таких явлений).

Данную выставку допустимо рассматривать и в плане истории выставочной деятельности в Москве — ведь это значимый факт и музейной культуры. И небезлюбопытно отметить, что первая выставка, посвященная Пушкину, была подготовлена недалеко от здания Музея А.С. Пушкина, на той же улице Пречистенка, в доме 32, где была тогда Поливановская гимназия — первая частная мужская гимназия в Москве. Там собирали все материалы для выставки, которую намерены были разместить и разместили в здании Дворянского собрания в дни торжественных заседаний в связи с открытием в Москве в июне 1880 г. памятника Пушкину на Тверском бульваре. Педагог-просветитель Л.И. Поливанов был одним из самых главных инициаторов и организаторов Пушкинского праздника. Удалось собрать рукописи и издания, произведения изобразительного искусства и мемориальные предметы — и это зафиксировано было в сводной описи и нашло отражение в иллюстрированном альбоме, вышедшем в 1882 г. Та выставка была едва ли ни первым в России опытом тематической выставки находящегося в разных собраниях и преимущественно у частных лиц.

Издаваемые каталоги выставок обычно вызывают интерес преимущественно у ученых специалистов. Такого же типа издание, как это, предназначено для просвещения гораздо большего числа читателей. Тема «Пушкин» — изначально одна из главных в Издательской программе Правительства Москвы. Но такое издание — вклад в развитие не только пушкиноведения, но и москвоведения и музееведения.

В книге много важного и ранее не воспроизводившегося для интересующихся историей Москвы и историей России пушкинской эпохи — о внешнем облике послепожарной Москвы, о лицах царской фамилии и их окружении, об обиходе знати (праздничном и обычном), о мастерстве создателей памятников материальной культуры, о мемориальных предметах, связанных с биографией известных лиц, воспроизведены и автографы таких лиц и т.д. и т.п. Издание осуществлено ОАО «Московские учебники и картолитография». Там вышли в свет и многие книги Издательской программы Правительства Москвы.

Городская экспертная комиссия книгоиздания (председателем которой доверено быть мне и где заместитель директора Государственного музея А.С. Пушкина по науке академик Российской академии образования Н.И. Михайлова возглавляет работу по изданию литературы о Пушкине и о классиках русской литературы) намерена и впредь делать достоянием широкой общественности книги, сохраняющие надолго память о наиболее значимых выставках, подготовленных музеями Москвы, обогащающих наши знания о Москве и москвичах.

К ВЫХОДУ ПЕРВОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА «НАУЧНАЯ КНИГА»*

Создание в издательстве «Наука» журнала «Научная книга» знаменательно. В канун 275-летия основания Российской академии наук можно и должно размышлять о пройденном российской наукой пути и определяющей роли Академии наук в этом развитии, в канун новых столетия и тысячелетия все в большей мере думаем о перспективах грядущего, о том, что окажется ценным из наследия культуры и людям будущего. И это налагает на историка особую ответственность — ведь задача его не только выявить черты прошлого и взаимосвязь его с настоящим (определяющим и самый подход к прошлому), но и сохранять память о прошлом. И следует в век все более совершенствующихся технологических возможностей информации облегчить потомкам освоение того, что нам представляется особенно важным и дорогим в этом многообразном наследии.

Начал свои размышления о журнале с такого замечания потому, что хочется видеть журнал «Научная книга» и источником информации для современников о

* Статья написана по предложению редакции журнала, но напечатаны были только выдержки из статьи в виде приветствия-напутствия в первом номере издания.

сегодняшнем дне науки, о том, что может быть использовано и в прикладных целях, и в то же время памятником культуры нашей эпохи, содержащим данные, ценные и даже обязательные для тех, кто склонен будет заняться после нас изучением культуры рубежа XX и XXI вв.

Полагаю, что первоначально содержание журнала можно было бы ограничить тем, что относится непосредственно к деятельности Российской академии наук. Учитывая, конечно, при этом, что многое из того, что делается РАН в науке, издавна осуществляется не только в системе учреждений РАН, но и совместно с другими учреждениями (и нашей страны и зарубежными), и РАН (особенно научно-проблемные советы) выступает организатором и руководителем разного типа научных конференций (международных, всероссийских, региональных), изданий и других начинаний. И, конечно, подразумевая под Академией наук не только систему ее учреждений, но и удостоенных избрания академиками и членами-корреспондентами РАН: их имена — олицетворение творческого потенциала Академии наук, ее вклада в отечественную и мировую науку.

Это предопределяет и подбор публикуемых в журнале материалов и саму стилистику издания. «Итоги и перспективы развития академической науки» — тематика и «Вестника РАН», и журналов, издающихся отделениями РАН. Задача нового журнала — показать, как это отражается в издательской деятельности РАН, в развитии книжного дела. А это — особая, важная и традиционная для Академии наук сфера научной и культурно-просветительской деятельности. Академии наук мы особенно обязаны достижениями в развитии книжной культуры, и прежде всего, конечно, культуры научных изданий. И, пожалуй, потому стоило бы предусмотреть в журнале и один раздел о прошлом — с материалами по истории издательской деятельности Академии наук (начиная с XVIII в.).

Думается, что в журнале должна быть оптимально полная информация обо всех книгах, издаваемых РАН, включая сборники статей и тезисов конференций, проводимых РАН (или с ее участием). Это — необязательно аннотации, тем более оглавления, но непременно отсылки к тем изданиям, где можно извлечь подобную информацию. (Так, к примеру, в «Археографических ежегодниках» печатают оглавления сборников статей и материалов научных конференций, организованных Археографической комиссией или при ее участии, словом, всех изданий, где имеется гриф Археографической комиссии РАН.) Естественно можно ожидать появление многообразных по форме материалов-статей (включая обзорные), рецензий, бесед-интервью, хроникальных сообщений о сделанном в той или иной сфере науки (и широкого плана, и по сравнительно «узкой» специализации), в том или ином подразделении РАН, отдельными видными учеными и руководимыми ими коллективами.

Аудиторией, к которой обращается новый журнал, станут и книгоиздатели, полиграфисты; и следует предусмотреть печатание материалов, вызывающих у них и научно-профессиональный интерес. И потому в откликах на издания нельзя будет ограничиваться оценкой лишь их содержания, но отмечать и оформление издания, редакторские и полиграфические новации, указывать и на издательские огрехи. Так, Институт российской истории РАН может гордиться тем, что в самые последние годы (несмотря на экономические трудности) становится все интенсивнее

и многообразнее его издательская деятельность, на выставках трудов сотрудников постоянно видим новые поступления, и радуется, что среди этих книг много написанных молодыми исследователями. Однако выходят книги и без именных указателей, как насыщенная и архивными данными монография Л.А. Сидоровой «Оттепель в исторической науке», изданная в 1997 г. Это затрудняет читателя, замедляя его работу (экономить на удобствах получения информации недопустимо!).

Для меня создание такого нового журнала — и личная радость, так как и я, и мои ученики (да и мои родители тоже!) многим обязаны издательству Академии наук, и хочется, чтобы побольше знали о научно-издательской деятельности РАН, а получаемая информация стала побудителем дальнейшей научной работы. Первая моя исследовательского типа статья о Челобитном приказе была напечатана в издании Академии наук, в «Известиях Отделения истории и философии», в 1950 г.; причем я — тогда молодой кандидат наук — не был еще академическим сотрудником (перешел в Академию наук на основную работу лишь в конце 1956 г.). Здесь напечатаны мои книги о России XVI в., множество статей, документальных публикаций, сейчас готовится к печати книга избранных статей «Россия Ивана Грозного» (две другие книги избранных работ «Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии» и «Археография. Архивоведение. Памятниковедение» вышли в 1997 г. в издательстве Российского государственного гуманитарного университета, где — в Историко-архивном институте — преподаю почти пятьдесят лет, с начала 1949 г.). Здесь с основания журнала «История СССР» (теперь он имеет название «Отечественная история») был в 1957–1960 гг. заместителем главного редактора и смог приобщиться к культуре издательского дела, к опыту работы его подвижников А.И. Назарова, Н.Е. Брусиловского, А.М. Самсонова, Е.С. Лихтенштейна, О.К. Дрейера и рад тому, что заложенным тогда традициям стараются следовать нынешние руководители издательства. В издательстве «Наука» вышел в 1969 г. под моей редакцией сборник статей «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», во многом определивший перспективы развития отрасли знания, находящейся на стыке исторической и других наук. Однако изданию подготовленного вскоре второго сборника в трапезниковском Отделе науки ЦК КПСС воспрепятствовали.

Понятно, что именно издательству «Наука» обязаны мы реализацией начинаний Археографической комиссии РАН, председателем которой являюсь с 1968 г. С 1958 г. издаются «Археографические ежегодники». Начиная с ежегодника за 1968 год на титульном листе читаем: «Основан в 1957 г. академиком М.Н. Тихомировым». В ежегодниках четыре раздела: «Статьи и сообщения»; «Обзоры, описания, библиография»; «Публикации»; «Хроника». С ежегодника за 1968 год еще раздел «Тихомировские чтения» (материалы ежегодных научных заседаний в память основателя и первого председателя Комиссии, посвященных либо его творчеству, либо актуальным проблемам археографии, архивоведения, источниковедения, памятниковедения). Ежегодник за 1997 год, подготовленный к 850-летию Москвы, полностью посвящен этой проблематике. Осуществить в краткие сроки заранее не запланированное в таком объеме издание (его объем — 64 учетно-издательских листа — значительно превышает обычный) можно было только благодаря высокой квалификации и самоотверженности сотрудников редакции «Наука-история»

Л.М. Кузнецовой и Н.Л. Петровой и действенной поддержке директора издательства В.И. Васильева, сумевшего организовать помощь и других редакций («Наука-культура», «Наука-экономика, философия, право») в издании рукописи, представленной в издательство только весной 1997 г. Презентация изданной при финансовой поддержке Правительства Москвы и коммерческого банка «Мост-банк» книги в суперобложке состоялась на книжной ярмарке в сентябре 1997 г. Книга отмечена и наградами, и откликами в печати. Хочется отметить и то, что авторы дали свои материалы на такую выигрышную в предъюбилейные месяцы тему в безгонорарное издание, и поблагодарить руководство издательства, обеспечившее их получением десяти оттисков.

В ежегодниках авторами выступают и самые известные маститые ученые-академики (причем подчас и с непривычной для их читателя тематикой, как крупнейший археолог и знаток Древней Руси академик В.Л. Янин со статьей «Старая граммофонная пластинка как объект источниковедения»), и начинающие (аспиранты, даже студенты), сотрудники архивов, библиотек, музеев, преподаватели вузов и нашей страны, и зарубежных. Но преобладают все-таки среди авторов сотрудники РАН. Традиция привлечения авторами научной молодежи была заложена еще М.Н.Тихомировым: уже в первой книге ежегодника за 1957 год он предоставил более пяти печатных листов для публикации списка грамот XVI в. аспиранту С.М. Каштанову — ныне член-корреспондент РАН Каштанов является членом редколлегии ежегодника. В основе многих статей — материалы дипломных работ научно перспективных студентов (особенно Историко-архивного института); и эти публикации стали для них началом пути в большую науку.

В ежегодниках особое внимание уделяется научному наследию историков — печатаются статьи об историках, их неопубликованные труды, документы, интересные для изучения их биографии, обзоры личных фондов. Это связано и с большой работой, ведущейся Археографической комиссией совместно со всеми хранилищами страны по подготовке Каталога личных фондов отечественных историков. Аннотированный каталог о фондах историков XVIII в. практически уже готов к печати. Издательству «Наука» мы обязаны и изданием шести книг избранных трудов академика М.Н. Тихомирова (там напечатаны и непубликовавшиеся работы, и большую помощь в их подготовке к печати оказали сотрудники Архива РАН), и книги председателя Ленинградского отделения Комиссии, патриарха нашей археографии С.Н. Валка «Избранные труды по археографии. Научное наследие» (вышла в С.-Петербурге в 1991 г.). Сейчас, благодаря гранту, полученному от Российского гуманитарного научного фонда, подготовлен (в основном усилиями Н.А. Долдобановой, сорок лет уже являющейся душой нашей редакции) Указатель изданий Археографической комиссии за 1958–1997 гг. Там расписаны материалы и «Археографических ежегодников», и издающихся с 1968 г. в Петербурге ежегодников «Вспомогательные исторические дисциплины», и других изданий.

В 1984 г. издали первую книгу осуществляемого еще по почину М.Н. Тихомирова монументального справочного издания «Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР» со сведениями о рукописях (и их фрагментах) X–XIII вв. Там сопровождаемое многими указателями описание рукописей не только отечественного происхождения, но и южно-славянских. Издание вызвало

широкий международный отклик. Это — результат совместной работы коллектива сотрудников Археографической комиссии и координационной деятельности ее как научно-проблемного совета РАН с десятками хранилищ памятников письменности. В завершающей стадии работа по подготовке к печати двух книг о рукописях XIV в. Впереди книги о рукописях XV и XVI вв. Это — многолетний труд. Издание рассчитано на продолжение и в следующем столетии. Хочется думать, что все книги этого многотомного издания на века, будут готовиться к печати высококвалифицированным коллективом издательства «Наука».

К 20-ЛЕТИЮ «МОСКОВСКОГО ЖУРНАЛА»

Начавший выходить с 1991 г. «Московский журнал» успешно старается следовать просветительским традициям Николая Михайловича Карамзина, основавшего двести лет назад журнал того же названия. Приверженность именно карамзинским традициям подчеркивается и подзаголовком издания — «История государства Российского», и помещением портрета великого писателя и историка на титульном листе. Традиция Карамзина — это не стремление придерживаться его общественно-политических воззрений и приемов информации читателей. Всем очевидно, что за два столетия произошли огромные изменения и в нашем общественно-политическом сознании, и в наших литературных пристрастиях, и в уровне наших научных знаний, и в представлениях о прошлом России, и в культурном кругозоре читателя, и в его понятиях об инструментарию передачи и усвоения информации.

В наши дни карамзинская традиция — это образ действий, убеждения в первенствующей роли просвещения и науки в развитии общественного сознания и нравственности, особой значимости приобщения к корневым основам отечественной истории и культуры, воспринимаемым как существенная часть сферы культуры мировой; в издательско-редакционной деятельности — продуманное и поддерживаемое читателями новаторство. Нынешний «Московский журнал» — явственно современное издание и по принципам подхода к тематике публикуемых материалов, и по научно-литературной стилистике, и по внешнему оформлению. Привлекательны уважительная, сдержанная тональность изложения без навязчивой политизированности, источниковедческая основательность суждений, желание ознакомить читателя (посредством как текста, так и иллюстраций) с новым, малоизвестным, возвратить память о забытом, тем более несправедливо отринутым.

Тематика разнообразна и широка, особое внимание — к явлениям новейшей истории. Много уникальных сведений и о Москве и других местностях России, о содеянном россиянами и на родине, и за рубежами ее. Причем редакция отнюдь не ограничивается исключительно выдающимися государственно-политическими

событиями отечественной истории, широко известными памятниками культуры и творчеством их создателей. В период пробуждения во всем мире преобладающего внимания к познанию повседневности, локальной истории, микроистории журнал, существенно обогащая наши представления об этом, вводит в культурный оборот новые достойные имена, действительно способствует развитию нашего краеведения, помогает преподаванию не только гуманитарных наук и искусствоведения, но и педагогической работе в области значительно более обширной проблематики. Статьи, отклики на издания и выставки, особенно документальные публикации рассчитаны и на широкий круг интересующихся прошлым нашей отчизны и состоянием ознакомления с этим сегодня, и на ученых специалистов (о чем свидетельствуют и ссылки на напечатанное в журнале в научных изданиях). И в то же время нет перегруженности наукообразием, удачно и заманчиво выглядят заголовки разделов, уместно и сосредоточение в отдельных номерах на определенной тематике. Это — несомненно, свидетельство заботы о читателе и высокой издательской культуры.

Поздравляя с двадцатилетием, от души желаю «Московскому журналу» долголетия, а сотрудникам его редакции — радости новых творческих свершений.

К ЮБИЛЕЮ ГАЗЕТЫ «ТВЕРСКАЯ, 13»

В газете умело совмещается разносторонняя информация о деловой жизни Москвы (включая официальные и справочные материалы), обиходе москвичей и о будущем столицы в ближайшие и последующие годы. В то же время неизменно уделяется много внимания и прошлому Москвы, юбилейным датам, московским историко-культурным традициям. Существенно и то, что достаточно подробно освещается и особо значимое в общественно-культурной жизни столицы и регулярно знакомят с новой литературой о Москве и москвичах; особо признателен за информацию о новинках Издательской программы Правительства Москвы.

Приятно отметить, что постоянно совершенствуются приемы внешнего оформления, и редакция газеты Правительства Москвы, сохраняя достоинство, удерживается от публикации заманчивого для любителей скандальных новостей и подробностей личной жизни известных людей.

Как историк, убежден в том, что впоследствии ваша газета станет значимым источником познания каждодневной жизни нашей эпохи и восприятия событий ее современниками.

Поздравляя с юбилеем подвижников журналистики, желаю вам дальнейших творческих свершений.

ЗАМЫСЛЫ ПОЖИЛОГО АРБАТЦА-МОСКВОВЕДА*

Нынешняя конференция сама по себе уже показатель осуществления замыслов пожилого москвича-москвоведа. Понятно, что собраться в здании Правительства Москвы на конференцию, приуроченную к юбилею ученого, историка, педагога и общественного деятеля, можно только потому, что москвоведению и дальнейшим перспективам его развития придадут теперь особое значение и московские власти, и широкая общественность. 80-летие ученого — это повод и продемонстрировать уважение к такого рода занятиям и возможность публично отчитаться за сделанное в Москве в этих сферах науки, культуры, общественной жизни за время, прошедшее после отпразднованного со всемирным торжеством юбилея Москвы в 1997 г. Или, говоря языком моей юности, подвести некоторые итоги пятилетки москвоведения.

Глубоко растроган тем, что Правительство Москвы нашло возможным столь неожиданно для меня отметить мой юбилей и в такой официальной форме, и, конечно, особенно благодарен выступившим инициаторами в этом деле. Для меня — уроженца Москвы, историка Москвы, патриота Москвы — именно такой праздник имеет, конечно, особое значение. Сердечная благодарность и обещание быть достойным такого отношения.

Конечно, в день рождения говорят и пишут о юбиляре с изрядным преувеличением в оценках и обилием набора высокопарных выражений — ведь, говоря добрые слова о другом, и сам кажешься и добрее и лучше. В мои почтенные годы приобрел уже многодесятилетний опыт публичных выступлений — и в печати, и устных — юбилейного жанра, и сам грешен в подобном сладкоречии, а следовательно, понимаю, что к чему. Но тем не менее не могу не выразить глубокой душевной признательности всем выступавшим и собравшимся здесь. И радуюсь тому, что здесь и мои сверстники, и ученики, и коллеги по научной, преподавательской работе и общественной деятельности. И что сегодня ощущался дух не официальности, а сердечности. С годами все больше ценишь именно доброту и душевность. Человек проявляет себя именно как живой высший индивидуум, как собственно человек, когда думает и заботится не только о самом себе. Меня очень растрогали и теплые напоминания о прошлом — иногда уже очень далеко, — и пожелания на будущее. И конечно, особое удовлетворение от того, что еще востре-

* В основе статьи — выступление на научно-практической конференции «Пять лет развития москвоведения. Проблемы и перспективы» 15 апреля 2002 г. (в здании Правительства Москвы). Конференция была организована издательским центром «Москвоведение» при участии Археографической комиссии РАН и Историко-архивного института РГГУ и под патронатом Правительства Москвы и приурочена к чествованию С.О. Шмидта в связи с 80-летием.

Впервые опубликовано: Пять лет развития программы «Москвоведение» (материалы научно-практической конференции 15 апреля 2002 г.). М., 2003. С. 42–66 (под назв. «Замыслы пожилого москвича-москвоведа и пути их реализации: “Большая московская энциклопедия”; “Арбат — визитная карточка истории и культуры Москвы”»).

бован, сохраняю работоспособность и даже склонность к творческим замыслам. Атмосфера сегодняшнего дня только стимулирует такой жизненный настрой.

А потому, пользуясь правом юбиляра высказать в такой день и заветные мысли, решил в столь широкой — и душевно близкой мне и в то же время и официальной — аудитории сказать о дорогой нам всем Москве и проблемах сохранения и воспитания исторической памяти и поделиться замыслами, до завершающего осуществления которых людям моего поколения вряд ли дожить, но очень хочется убедиться в приступе к реализации этих начинаний. О чем пойдет речь, ясно уже из заголовка, данного в программе конференции моему выступлению.

Большая московская энциклопедия

Распоряжение мэра г. Москвы Ю.М. Лужкова от 1 ноября 2000 г. (№ 1151-РМ) «Об издании “Московской энциклопедии”» начинается словами: «В целях более глубокого освещения исторических событий, связанных с Москвой, полноценного отображения происходящих изменений в экономической, социально-культурной жизни и в облике города за последние годы согласиться с предложением Археографической комиссии Российской академии наук об организации подготовки и выпуска в свет “Московской энциклопедии” в двух томах».

Далее: о подготовке и электронной мультимедиа-версии, об образовании редакционного совета во главе с Ю.М. Лужковым, при заместителях председателя В.М. Платонове, В.П. Шанцеве, С.О. Шмидте, утверждении главным редактором С.О. Шмидта и включении издания энциклопедии решением Московского городского совета книгоиздания в городскую программу.

Знаменательному для нас Распоряжению мэра предшествовали обстоятельства, знание которых, возможно, окажется позднее небезынтересным для историка. Однотомная энциклопедия «Москва», существенно отличающаяся в лучшую сторону от однотомного справочника «Москва» 1980 г., была издана под моей редакцией в самом конце юбилейного 1997 г. Подготовку ее начали летом 1994 г., и естественно, что в книге отражены в основном данные лишь на 1995 г. Следовательно, там не могло быть учтено сделанное в канун юбилея и в юбилейные дни — прежде всего перемены во внешнем облике города. Не могли использовать и богатейшую новую информацию о прошлом и настоящем Москвы и о москвичах в многообразной литературе, вышедшей в связи с юбилеем. Все более обнаруживается и неполнота словника, и недостаточность информации из-за жесткой необходимости уложиться в один том. К тому же работа по подготовке материалов издания замедлялась из-за временного сокращения притока кредитов, а когда выделили их, то при условии завершения работы в краткие сроки не успевали уже внести необходимую (даже редакторскую) правку в корректуру и исправить выявляющиеся неточности и сумели лишь малое из пропущенного включить в небольшой раздел «Дополнение» (сетования по этому поводу звучат уже в моих статьях и интервью 1998 г.).

После рецензий, отмечавших с благодарностью большой вклад энциклопедии «Москва» в москвоведение, но в то же время и немало досадных пропусков, все в большей мере ощущается потребность нового издания, однако существенно по-

полненного и уже в двух книгах. Тем более что интерес к москвоведению не ослабевает, ибо это — отнюдь не только юбилейная тематика: продолжают и многообразные исследования, издается разнотемная популярная литература, москвоведение ныне в программе школьного обучения. И желательно, чтобы это в большей мере становилось и «семейным» знанием. Стоило бы подумать об организации лекций (естественно, бесплатных!) о москвоведении для родителей, бабушек и дедушек (особенно недавно поселившихся в Москве) в школах, и прежде всего тех, где трудятся учителя — подвижники москвоведения.

Идея издания «Московской энциклопедии» в двух книгах встретила понимание у Юрия Михайловича Лужкова в разговоре моем с ним на заседании Государственной комиссии по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина 18 февраля 1999 г., что нашло отражение в пространном плане мероприятий Московского правительства на рубеже тысячелетий. О желательности начать уже сейчас подготовку такого издания говорил на заседании Правительства Москвы 16 ноября 1999 г., посвященном обсуждению этого плана, и был энергично поддержан мэром. После включения этого издания в утвержденный Правительством Москвы план мероприятий состоялась большая беседа с корреспондентом газеты «Вечерняя Москва» (см.: *Никольская О.* Москве одного тома мало // *Вечерняя Москва.* 2000. 29 февр.) и стали готовить проект Распоряжения и договор с издательством.

Причем изначально было решено, что подготовка издания будет вестись на базе не издательства «Большая российская энциклопедия», а московского издательства АО «Московские учебники и Картолитография», обеспечившего уже до того осуществление и издательской учебной программы по москвоведению, и выход в свет многих изданий Мэрии Москвы на высоком уровне полиграфической культуры.

Существенную помощь в реализации проекта оказывал и оказывает Александр Ильич Музыкантский. Вместе с ним мы беседовали 4 сентября 2000 г. с Ю.М. Лужковым, поддержавшим идею тематического разделения издания «Московской энциклопедии» (далее — МЭ) на две книги — «Лица Москвы» (далее — «Лица») и «Образ Москвы в прошлом и настоящем» (далее — «Образ»), выход в свет сначала тома «Лица Москвы» и способствовавшим получению срочных кредитов на издание.

Словом «энциклопедия» (с греческого языка) означают не только «круг знаний», но и обучение всему, относящемуся к этому кругу знаний. Это и систематизированный свод знаний в форме словаря. Различают энциклопедии универсальные (т.е. по всем отраслям знаний) и отраслевые (т.е. по отдельным отраслям знаний — историческая, медицинская и т.д.). Наша МЭ — как бы совмещенный вариант: отраслевая, поскольку только относящаяся к Москве, но и универсальная, ибо в ней должно быть все о Москве. И в то же время это «краткая энциклопедия», где о многом, но в сжатой форме, с единообразными системами и сокращений слов, и отсылок к другим статьям. Однако, по возможности, с библиографическими данными.

Приступая к подготовке МЭ, опираемся, конечно, на опыт подготовки других справочных изданий (и не только словарного типа). И прежде всего на опыт подготовки энциклопедий издательством «Большая советская энциклопедия», позд-

нее ставшим научным издательством «Большая российская энциклопедия», — энциклопедий универсальных и отраслевых, пространных и кратких. И важен опыт не только достижений, но и недоработок.

Особо примечателен при поставленных нами задачах опыт подготовки одно-томников 1980 г. и 1997 г. («Москва. Энциклопедия»; далее — ЭМ). В книге 1980 г. около 5000 статей, из них около 1000 — о лицах (главным образом об их жизни и деятельности в Москве). В книге 1997 г. — более 4000 статей. Но, как отмечают составители, это «совершенно новое справочно-энциклопедическое издание», ибо книга 1980 г. акцентировала внимание на периоде советской власти, а в книге 1997 г. «по возможности равномерно освещены все периоды истории», но при этом избран «историко-культурологический подход» и отказались от «статей о ныне живущих деятелях, сколь бы ни был велик их вклад в жизнь современного города».

Планируемое издание существенно расширено по сравнению с предыдущими и в объеме (в два раза, и в двух книгах), и по числу статей (номинаций) и во многом отличается принципом подачи материала (преобладание совсем небольших, нарочито справочного типа статей, сопровождаемых кратчайшей библиографией). Поэтому предложено и иное название: вместо прежнего в обоих названиях («Москва. Энциклопедия») — «Московская энциклопедия».

Планируемое издание существенно отличается от других энциклопедических справочников, особенно отраслевых энциклопедий, по своей типологии. Это издание прежде всего справочное, а не оценочное (и в выборе статей, и в их содержании), и по возможности полное (и в отборе статей, и в обязательности определенных элементов информации — о лицах: время пребывания в Москве, места жительства, место захоронения; об учреждениях и общественных объединениях: адреса и их изменение, изменение названий; в отдельных случаях перечни руководителей с датами их деятельности).

Возвращаясь к обстоятельствам, побудившим к созданию именно такого проекта МЭ, т.е. нового типа и большей полноты энциклопедии о Москве.

За последние годы (что подчеркнуто в Распоряжении мэра г. Москвы) в Москве появилось много нового: и во внешнем облике города (новые эстакады, мосты, здания, станции метро), и в организации жизни, в сфере культуры (реконструирован Музей А.С. Пушкина, открыт Музей литературы Серебряного века в доме В.Я. Брюсова), появились новые памятники (Достоевскому, Чехову, Рахманинову, Гризодубовой и др.), новые театры, музеи, общественные объединения, научные и учебные центры, периодические издания и т.д. и т.п.; заметно преобразился и центр Москвы, и другие районы города.

Особенно важно то, что существенно обогатилась литература о Москве и москвичах, в том числе многообразными справочными изданиями. Поводами для выхода в свет многих из них были юбилеи: Москвы (в 1997 г.), Пушкина (в 1999 г.), Дня Победы (в 2000 г.). Изданы академическая «История Москвы» в трех томах, книги о многих местностях, зданиях, памятниках Москвы, справочные издания (в том числе и библиографические) разного объема и различной информационной насыщенности, и широкого профиля книга «Москва сто лет назад. Справочник по истории городского управления» (подготовленный Мосгорархивом), и специально о

высших чиновниках, видных деятелях самоуправления, предпринимателях, архитекторах, москвоведах, коллекционерах, труды по топонимике, исторической и физической географии, ценная серия изданий, подготовленных Центром исследования городского управления и самоуправления, и разнообразные документальные публикации, подготовленные Мосгорархивом, издания других архивов, музеев, библиотек, иллюстрированные и аннотированные каталоги выставок. Вышло в свет много учебных пособий, научно-популярных изданий, картографических материалов, воспроизведений памятников изобразительного искусства, фотографий, кинокадров. Немало ранее неизвестного напечатано в научных и других журналах, альманахах, ежегодниках. Интересен для ученого и газетный материал. И потому в вышедшем к юбилею Москвы «Археографическом ежегоднике за 1997 год» (большого объема, чем остальные книги этого продолжающегося издания), посвященном только московской тематике, сочли важным поместить и статью «Юбилей российской столицы в “Градских вестях”» с обзором напечатанного в этой еженедельной вкладке в газете «Вечерняя Москва»¹. Автор ее Н.Н. Митрофанов является ныне заместителем главного редактора МЭ, как и директор издательского центра «Москвоведение» В.Ф. Козлов — заведующий кафедрой региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета и председатель Московского краеведческого общества.

В этой связи все более чувствуются пропуски в словнике ЭМ 1997 г. Они — результат и изначально недостаточной организованности в работе, отсутствия должного контакта с коллективом специалистов, затем и спешки, когда невозможно было уже исправить замеченные огрехи (даже большинство моих замечаний — зеленым — как главного редактора осталось неучтенным) и пополнить текст новыми номинациями.

В издании ЭМ 1997 г. нет важнейших промышленных предприятий (одна из рецензий имела заголовок «Все о купцах Лепешкиных и ничего об автозаводе Лихачева»), имен лиц, нашедших отражение на картах Москвы (Кропоткина, М.В. Фрунзе, Луначарского, Семашко и др.), видных священнослужителей (даже митрополитов XIX в., Макария (Булгакова), Иннокентия), деятелей культуры, попадающих во все однотомные краткие словари универсального типа (историка М.М. Богословского, филолога Д.Н. Ушакова и др.). Из первых семи Героев Советского Союза почему-то опущены двое (впоследствии едва ли не самые известные — М.В. Водопьянов и Н.П. Каманин), из трех женщин — первых Героев Советского Союза — нет командира летного экипажа В.С. Гризодубовой. Нет статей и о людях широко известных в повседневной жизни (опять-таки попавших в подготовленный тем же издательством «Всемирный библиографический словарь») — портнихе-модельере Н.П. Ламановой, педагоге рубежа веков Д.И. Тихомирове; нет статей о Т.Д. Лысенко (как бы ни относиться к его деятельности и ее последствиям), первых женщинах-академиках: физиологе Л.С. Штерн, историках А.М. Панкратовой и М.В. Нечкиной, писавших немало и о прошлом Москвы, и т.д.

Частично это произошло потому, что я, как главный редактор, не сумел настоять на том, чтобы был разработан словник по тематическому признаку, а не формально по алфавиту — тогда сразу бы выявились и пропуски (и отдельных номинаций, и групп их), и неравномерность в распределении печатных знаков по разде-

лам и между отдельными номинациями в разделе (так, введя сведения о коммерсантах, высших чиновниках, коллекционерах, архитектурных особенностях храмов, репертуаре театров и отдельных актеров, иногда допускали слишком подробное изложение). Выявить лакуны при расположении слов словника лишь в алфавитном порядке (маршал Конев, скульптор Коненков, врач Кончаловский, живописец Кончаловский, архитектор Федор Конь и т.д.) крайне трудно, ибо не помнишь, какие имеются в списке другие военачальники, скульпторы, врачи и т.д.

В обоих прежних изданиях недостаточно выявлены место и роль Москвы в истории и культуре нашей страны, всемирной истории, в истории мировой культуры. Почти ничего нельзя узнать о всемирного значения интернациональных и все-российских форумах в Москве — в сферах науки, искусства и литературы, спорта, государственно-политической истории, о многообразных международных связях Москвы и других стран и городов.

Большее внимание к этому предусматривает статьи о таких форумах (международных, всесоюзных, всероссийских), выставках, матчах, конкурсах, о пребывании в Москве известных немосквичей (по месту жительства, рождению). Возможно, и о произведших впечатление фактах пребывания московских коллективов или отдельных москвичей за рубежом, отмечая это в соответствующих статьях, посвященных таким коллективам и лицам.

В томе МЭ «Образ» задумали поместить материал и об отражении событий мировой истории и культуры — о наиболее выдающихся фигурах мировой культуры (Шекспир, Бетховен, Дарвин и т.д.) и событиях истории в общественной жизни Москвы и, конечно, на карте Москвы.

В томе «Образ» предполагаются вначале общего характера очерки: Природные условия, Население, Исторический очерк (краткий, включающий данные и о культуре и экономике. и современные статистические данные).

В каждом томе намерены поместить статьи библиографического плана (в полтора-два листа) с обзором справочной и библиографической литературы, аннотированным указателем важнейших изданий. В томе «Лица» будет статья «Лица Москвы в библиографических справочниках», в томе «Образ» — «Образ Москвы в библиографических справочниках и обобщающего типа изданиях». Достаточно пространственные справочно-библиографические данные будут при статьях «Москвоведение», «Топонимика Москвы» и др.

Составление такого типа энциклопедии, да еще с большой библиографической насыщенностью, не имеет аналогов в предшествовавших разновидностях кратких энциклопедий. Значительная часть материалов не может быть подготовлена на основе прежних изданий и компилятивным способом. Тут требуется первичная самостоятельная и авторская работа и работа библиографа. И торопиться нельзя. Следует предусмотреть и институт научных консультантов (и, соответственно, средства на оплату их труда), и серьезное коллективное рассмотрение словников по разделам специалистами по данной тематике.

В обеих книгах (в книге «Лица» и в книге «Образ») будет и совпадающий материал. Это маленькая статья (лучше за подписью Мэра) «Москва на рубеже столетий (или тысячелетий?)», карты в лист территорий современных Москвы и Московской области, исторической Москвы (рост территорий: Кремль, Китай-город,

Белый город и до наших дней); полицейские части Москвы накануне 1917 г.; разделение Москвы на районы после 1917 г.; все округа современной Москвы (карта каждого на отдельном листе, причем Центральный округ на двух листах) — указание на квадраты карт будет во многих статьях обеих книг. Основные сокращения, аббревиатуры.

О лицах, которым установлен памятник или памятные доски, могут быть статьи в обеих книгах. В книге «Лица» указание места доски или памятника и времени установки в статье, посвященной данному лицу (о досках обычно сразу после адреса, особенно если несколько досок). О памятнике, имеющем художественное значение, — в особой статье в книге «Образ» с указанием и скульпторов, архитекторов, художественных особенностей, с отсылками в томе «Лица» к статьям о том, кому поставлен памятник, о создателях его. В томе «Образ» предполагаются статьи: «Доски памятные» и «Доски охранные» с указанием (в алфавитном порядке) всех досок, их местонахождения, даты установки. То же и о досках на памятниках архитектуры и старины.

Принципы отбора номинаций

В книгу «Лица» включаются статьи о тех, кто оставил своей деятельностью заметный след в истории (и особенно в истории Москвы) или имел большую прижизненную известность по результатам работы или благодаря занимаемому официальному положению.

Все лица, кому установлены памятники и памятные доски.

Все лица, чьи имена отражены ныне (или были отражены ранее) в названиях местностей, учреждений, общественных объединений, конкурсов, матчей, научных форумов и т.д. (Если это — немосквичи или даже иностранцы, то дать номинацию с отсылкой к книге «Образ».)

Все лица, занимавшие определенное должностное положение: великие князья (а иногда и великие княгини), цари, императоры, митрополиты, патриархи, губернаторы, городские головы, председатели Моссовета и Мособлисполкома, мэры, первые секретари горкома и обкома коммунистической партии, президенты «больших» академий и т.д. Это не означает необходимость пространной статьи, так как перечни таких лиц будут с указанием обеих дат их деятельности в перечнях при статьях об их «должностных» номинациях. Такие перечни будут и при статьях соответствующей тематики: предводители дворянства, секретари горкома и обкома ВЛКСМ, ректоры университета. Надо подумать, указывать ли в перечневом порядке вице-губернаторов, вторых (или иных) секретарей горкомов и обкомов, командующих военными округами и т.д.

Все лица, получившие отдельную статью в таких изданиях, как «Всемирный биографический энциклопедический словарь», «Новый энциклопедический словарь», энциклопедический словарь «Отечество», следуя при этом принципу отбора номинации ЭМ 1997 г., — только умершие. (Имена здравствующих будут в статьях тома «Образ», особенно в перечнях должностных лиц и статьях, посвященных сфере культуры, спорта.) Москвичи, которым посвящены сборники статей (юбилейные или в память), с отсылками к таким изданиям.

Стоит подумать, отбирая номинации, чем руководствоваться при ознакомлении с отраслевыми энциклопедиями — все ли москвичи, о которых статьи в Педагогической, Медицинской и других энциклопедиях, в словаре «Русские писатели. 1800–1917» и других? Вероятно, стоит, следуя формальному признаку, дать статьи обо всех действительных членах Академии наук (может быть, и главных государственных отраслевых академий?), удостоенных звания «народного СССР» (артистах, художниках, архитекторах и др., как быть с «народными Российской Федерации»: все или по выбору?).

Видные москвоведы (включая работников архивов, музеев, библиотек). Авторы мемуаров, записок о Москве, писем о Москве и москвичах (включая немосквичей, даже иностранцев).

Важно отметить москвичей, известных в повседневной жизни (врачи, учителя, герои труда, спортсмены, популярные журналисты, даже юридивые и т.д.). Это требует индивидуального подхода и во многом предопределено имеющейся литературой (особенно современным интересом к данной личности).

Знаменитые немосквичи (и россияне, и из ближнего и дальнего зарубежья), побывавшие в Москве (с указанием, прежде всего, на даты и повод пребывания), включая и государственных деятелей, и деятелей культуры (гастролеров тоже).

На заседании редколлегии МЭ 12 апреля сего года сборник имен тома МЭ «Лица» был в принципе одобрен членами редколлегии. Они знакомились с перечнями имен в рубриках, их более 60, соответствующих профилю их специальных интересов. Когда ответственный секретарь редколлегии С.Ю. Шокарев и два наших сотрудника свели все имена вместе, получилось около 6500 номинаций.

В книге «Образ» Москва должна восприниматься и как огромный город с его многообразием функций и особенностями развития, и как столица государства, и как центр края (губернии, области).

Очевидно, должны быть сведения об учреждениях и общегосударственного и московского масштабов, по крайней мере, с XV в.: и о Боярской думе, земских соборах, приказах с их перечислениями и датами возникновения, и о XVIII–XIX вв., и о советских годах: с указаниями и районного деления (с датами существования районов, об их границах, изменении названий и т.д.), о наркоматах (причем и о союзных, и о союзно-республиканских, и о республиканских с указаниями адресов, времени существования, может быть, фамилий наркомов и дат их пребывания в этой должности). То же о министерствах и министрах.

Должны быть сведения о наименованиях всех местностей и изменениях этих наименований, а также границ. Здесь же, возможно, следует приводить данные о лицах, давших свои имена этим местностям, если эти лица сейчас уже мало известны (а в томе «Лица» в соответствующей номинации ограничиться отсылкой к тому «Образ»).

Вероятно, полезно в номинации «Партсъезды» (далее раскрыть наименования в разное время — РКП(б), ВКП(б), КПСС) указать даты всех партсъездов. Но, быть может, и конгрессов Коминтерна, съездов колхозников, писателей и т.п.? Как быть с международными, всесоюзными, всероссийскими конгрессами (конференциями) в сфере культуры — давать ли список (с тематическими подразделениями и выделением в отдельную номинацию особо значительных)?

Вероятно, необходимы перечни наименований (с указанием места расположения, дат и выделением особым шрифтом того, о чем и отдельная статья) всех высших учебных заведений, музеев, театров, частных гимназий (на 1917 г.), особо выделяя храмы и кладбища (в том числе уничтоженные).

В ЭМ 1997 г. в Приложении — «Научно-исследовательские и проектные институты». Быть может, вводить такие данные в основной текст, но не с выборочной (т.е. полученной, как отмечено на странице 954) информацией, а обязательной?

Как быть с данными о заводах и фабриках, телефонных станциях, больницах, средних школах, стадионах и т.д.? Указывать ли общее число на 2000 г., появление первых из них, наиболее известные, давать ли адреса, не приводить ли эти данные в статьях об административных округах (ранее о районах, полицейских частях)?

И самому небольшому коллективу энтузиастов-сотрудников редакции МЭ не все еще ясно. И требуется привлечение внимания не только членов редколлегии, но и более широкого круга заинтересованных лиц. Но при всех вариантах следует исходить из допустимого листаж, ибо именно листаж обеих книг предопределяет и возможное число номинаций, и допустимый объем статей.

Все это требует квалифицированного (и, видимо, достаточно широкого) обсуждения и действенной помощи правительственных учреждений, обладающих соответствующей осведомленностью.

Чтобы не задерживать выполнение задания Правительства Москвы, уже сейчас идет отбор статей энциклопедий «Москва», вышедших ранее, достойных включения в МЭ. Часть их, особенно в издании ЭМ 1997 г. (о природном наследии, многих местностях, станциях метро, зданиях, учреждениях, в меньшей мере о лицах), нуждается лишь в дополнительном библиографическом оснащении. Это наблюдение относится и к значительной части иллюстративного материала.

Полагаем возможным начать работу над обеими книгами МЭ, но первоначально сосредоточиться на книге «Лица Москвы» и издать ее как первый том МЭ. Для тома «Лица» написано и заказано уже немало статей по рекомендации членов редколлегии и, как правило, визируемых ими перед передачей сотрудникам редакции.

МЭ — из тех кратких энциклопедических изданий, которые благодаря своей тематике обычно регулярно переиздаются в обновленном виде, так как интерес к содержащейся в них информации сохраняется и у вступающих в жизнь поколений. И долг наш изначально подготовить издание так, чтобы подновления были не исправлением ошибок и устранением неточностей или пополнением упущенного, а информацией, порожденной новым временем — изменением в «образе» Москвы (новые строения, учреждения, общества, издания и прочее; новое в «биографии» ранее существовавшего в Москве), а также — увы! — уходом из жизни москвичей, достойных помещения о них статьи в МЭ. Ну и, конечно, отражением изменений в наших представлениях о прошлом и настоящем Москвы, с освоением нового в москвоведческой литературе, что должно быть отмечено и в библиографии — пристатейной и общей для всей книги.

Убежден в том, что «Московская энциклопедия» — из долговечных изданий, которые востребованы не только в Москве, но и во всей России и за рубежом ее. Такие справочные издания должны быть в библиотеках всех учебных заведений

Москвы. Издание наше должно восприниматься и как показательный памятник научной и общественной жизни Москвы на рубеже столетий, также развития культуры энциклопедического дела и научного уровня москвоведения (тем самым, и как образец справочно-обобщающего типа изданий краеведческой тематики).

А для меня создание «Московской энциклопедии» — это долг и уроженца, и историка Москвы, и сына основателя «Большой советской энциклопедии» и первого ее главного редактора. Хотелось бы, чтобы хватило умения и сил использовать опыт, накопленный нашими отечественными «энциклопедистами» за более чем 75 лет, при осуществлении и этого замысла.

Все изложенное выше — в основном сокращенный вариант текста, представленного для ознакомления членам редколлегии МЭ на первом ее заседании 31 января 2001 г. В этих направлениях велась и ведется работа небольшого коллектива сотрудников редакции, консультируемых членами редколлегии.

И сейчас уже выявилось, что работа оказалась более трудоемкой и требующей больше времени, чем нам первоначально казалось. Становится очевидно и то, что много важных (и к тому же впервые вводимых в научный обиход) сведений приходится не включать в публикуемые в МЭ материалы, так как объем и книги в целом, и допустимый для отдельных статей жестко ограничивает наши возможности.

Постепенно образуется банк достаточно ценных данных, которые могут и не дойти до потенциального потребителя, поскольку авторы не всегда имеют возможность использовать эту информацию (подчас и уникальную) в других изданиях. Массив подобной информации увеличивается буквально на глазах с завершением изданий обобщающего или справочного типа, инспирированных подготовкой к юбилею 850-летия Москвы, и в результате открытия для широкого читателя архивных и печатных материалов, долгое время остававшихся недоступными (а тут и вся литература российской эмиграции, где интересное и о Москве и москвичах).

Особенно много новой информации, и в то же время оснащенной ссылками на архивные и печатные материалы, в новаторских по тематике (а зачастую и по приемам исполнения) изданиях Мосгорархива, в серии книг, подготовленных при содействии Московской городской думы, в изданиях о московских памятниках архитектуры и дизайна, в энциклопедического типа книгах, вышедших в издательстве «Большая российская энциклопедия» (хочется думать, что новое руководство издательства прислушается к голосам и ученых, и широкой общественности и осуществит ранее задуманный план изданий — особенно важно завершение уникального по богатству информации многотомного биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917»), в книгах с биографиями деятелей науки и просвещения Москвы. Книги этой серии готовятся в Институте истории естествознания и техники Российской академии наук, но напечатаны в АО «Московские учебники», где очень широк спектр изданий литературы, важной для работы и по подготовке МЭ, — и о природном и культурном наследии Москвы, о современной Москве — ее общественно-политической жизни, развитии духовной и материальной культуры, спорта. Я приобщен к подготовке исключительно важных для москвоведов справочно-библиографических изданий — аннотированной библиографии мемуаров о Москве и москвичах (такая работа ведется в Российской государственной

библиотеке) и сводной библиографии литературы о Москве (этим заняты сотрудники Всероссийской книжной палаты). Понятно, как обогатится крутозор москвоведов после выхода в свет этих книг!

Накапливающийся опыт подготовки изданий о прошлом и настоящем Москвы, энциклопедического типа и иных, и неослабевающий интерес к такой проблематике читающей публики, причем и специалистов в разных сферах знаний, и учащихся, и так называемого широкого читателя, убеждают в том, что наступает пора обеспечить подготовку уже и «Большой московской энциклопедии» в нескольких томах, насыщенной обильной и разнообразной информацией.

Первый вариант ее по численности номинаций должен превосходить первый вариант двухтомной МЭ в несколько раз, включая данные и о ныне здравствующих видных москвичах, и материал лучше распределить по традиционному алфавитному признаку, т.е. вместе и попеременно и о лицах и обо всем остальном. Главным критерием при подготовке такого солидного издания должна быть полнота информации и о прошлом (начиная с известного лишь по археологическим раскопкам), и о настоящем в жизни общества, и о природных условиях и их изменениях. Следовательно, обо всех улицах (бывших и нынешних), речках, правительственных учреждениях, театрах, журналах, ректорах высших учебных заведений и ответственных редакторах газет, фабриках и заводах, спортивных обществах, музеях и т.д. и т.п. По существу, такое издание сможет рассматриваться и как Московский биографический словарь.

Аналогов подобному изданию в нашей стране не было. При подготовке его тот материал, который оседает в банке данных нашей двухтомной МЭ, может рассматриваться лишь как первооснова. Совершенствованию подлежит и методика выявления и обработки подобной информации. Необходимо объединение усилий лиц, причастных к работе не одного учреждения, и хранилищ памятников истории и культуры (т.е. архивов, библиотек, музеев), и научных учреждений, и общественных объединений, и вузов. Энтузиасты и радители такого дела имеются. Но условием подлинно результативной работы по определенному плану и с использованием современной технологической методики должно быть создание коллектива штатных сотрудников во главе с квалифицированными специалистами, авторитет которых способствовал бы привлечению к работе и многих добровольных помощников. А это требует рассмотрения предложения на самом высоком для Москвы уровне и, при поддержке этой идеи, включения достаточно долгосрочной работы в программу деятельности, контролируемой и руководимой Правительством Москвы.

Конечной датой реализации замысла мог бы стать 2010 г., когда Москва могла бы продемонстрировать такое издание на Всемирной выставке, особенно если согласится с нашим предложением об организации Выставки именно в Москве.

Но с результатами работы следовало бы знакомиться прежде и привлечь к ним внимание достаточно широкой общественности. Полагаю, что в случае поддержки идеи создания Института «Московская энциклопедия» там должно бы создать подразделения по тематическому или тематически-хронологическому признаку, поручив их сотрудникам готовить том (или тома) материалов соответствующей тематики: местности Москвы — наименования, история; памятники и памятные

места; флора и фауна; храмы (или храмы и кладбища); медицина (т.е. лечебные заведения и медики); театр; спорт; заводы и фабрики; музеи и т.д. и т.п. И эти книги — подборки статей энциклопедического профиля (конечно, уже и с библиографией, и с использованием принятой системы сокращений обычных слов и аббревиатур) — выпустить в свет достаточным тиражом. (И лишь после учета замечаний и дополнений соответствующих специалистов переносить эти материалы в тома «Большой московской энциклопедии».)

Таким образом, изданию широкопрофильной, универсального типа много-томной энциклопедии будет предшествовать издание и нескольких отраслевых московских энциклопедий. Это существенно бы облегчило на будущее и труд специалистов соответствующего профиля, и могло бы стать опорой при подготовке многообразных изданий — учебных и популярных.

Издание «Большой московской энциклопедии» помогло бы и осознанию роли Москвы и москвичей в отечественной и всемирной истории, в развитии культуры, и само бы воспринималось как всемирного значения памятник научной и книжной культуры Москвы начала новых столетий и тысячелетий.

Мечта пожилого москвича и москвоведа, чтобы наш замысел двухтомной «Московской энциклопедии» способствовал осуществлению и этого, гораздо более грандиозного и трудоемкого, издания. И ту двухтомную энциклопедию, подготовке которой сейчас отдаем свои силы, стали бы называть уже «Кратким московским энциклопедическим словарем», который при переиздании пополнялся бы в первую очередь данными, почерпнутыми из томов «Большой московской энциклопедии».

Арбат — визитная карточка истории и культуры Москвы

Понятно, что с возрастом возвращаюсь все чаще мыслью к родному для меня Арбату, к своей «малой родине». Ныне становится все в большей мере общепринятым представление об Арбате как историко-мемориальном центре города, символе преемственности историко-культурных традиций. Арбат воспринимается приезжими как улица знаковая в истории культуры Москвы, а следовательно, и России. Особенно после столь широко отмеченного в 1993 г. юбилея — 500-летия первого упоминания наименования «Арбат» в летописи. В обращении к участникам торжественного вечера, посвященного 500-летию Арбата, подписанном Президентом Российской Федерации, такое определение: «Сегодняшний Арбат — первая пешеходная улица Москвы, историко-мемориальный центр города. Сохранив свое историческое имя, он символизирует преемственность и развитие русской культуры, возвращение утраченных ценностей».

Теперь юбилей Арбата рассматривается и оценивается как преддверие празднования 850-летия Москвы в 1997 г. Юбилейный комитет возглавлял сам мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков; заместителями его были Александр Ильич Музыкантский, вынесший на своих плечах основной груз предъюбилейных и юбилейных дел, и я, разрабатывавший историко-культурную программу. Там мы ближе познакомились, хотя я, как и другие москвичи, особенно жители Центрального административного округа, был уже по-хорошему наслышан о его деятельности, и потому очень приятно, что Александр Ильич председательствует на этом юбилей-

ном для меня заседании. Это не только высокая честь, но и согревает душу. Работа юбилейного Арбатского комитета явилась и школой освоения творческой деловитости главы Правительства Москвы — без его заинтересованной благожелательной поддержки и строгих требований своевременного выполнения ранее принятых решений подготовка арбатского юбилея не была бы столь успешной. Сумели опереться и на славную традицию российского предпринимательства — попечительства социально-культурным начинаниям. Хочется, чтобы это оставалось характерной чертой арбатского бытия и в дальнейшем.

Для меня привлечение к подготовке юбилея Арбата явилось и заметным стимулом научного творчества. Я был тогда уже семидесятилетним ученым, первое издание книги с указателем печатных трудов которого вышло еще в 1987 г., — там нет в исследовательском репертуаре работ об Арбате: только информация об участии в обсуждении вопросов о судьбе Арбата и о Новом Арбате. А теперь, наряду с многими беседами — интервью и устными выступлениями перед широкой аудиторией, стал готовить и научные труды, и лекционные курсы об Арбате и арбатцах в истории и культуре Москвы и России, и историко-краеведческий альманах «Арбатский архив». И, пожалуй, даже хорошо, что смог подойти к такой проблематике, опираясь уже на опыт накопленных знаний и методических приемов, и потому в плане не узколокальном, собственно краеведческом, а в более широком историко-культурном контексте. Вероятно, именно это побудило к попыткам проявить себя и в мемуарном жанре — для историка моего возраста, проживающего всю жизнь в районе Арбата, к тому же в квартире, где и родился, прошлое и настоящее Арбата и Приарбатья не может оставаться лишь темой науки. Это — и близкие люди, и свое былое, и думы о нем. И потому выработанная опытом объективность научного подхода к явлениям как бы амальгамируется с пристрастной субъективностью, с особо запечатленным в памяти души. И естественно, что в журнальных и газетных интервью, особенно приуроченных к моим юбилейным датам в 1997 г. и ныне в 2002 г., — обычно и об Арбате в моей жизни, и о моей боли — тревоге о восприятии нынешнего Арбата.

Теперь очевидно и то, что юбилей Арбата оказался демонстрацией и существенных уже изменений в общественном сознании россиян и особенно в их отношении к культурному наследию. Это был едва ли не первый после революции 1917 г. праздник историко-культурного профиля без обязательного прежде политико-идеологического налета; и российское культурное наследие оценивалось не только в современных государственных границах и в рамках господствующей там идеологии, а в собственно планетарном пространстве. Говорили и писали об Арбате всех россиян — и тех, кто оказался в эмиграции тоже; а для творчества некоторых из них именно Арбат — символ сохраняющейся в душе Москвы, России. Писатель Борис Зайцев (и девяностолетним возвращавшийся любовно к арбатской своей молодости) в очерке 1922 г. «Улица Св. Николая», где обрисован прежде всего «дворянско-интеллигентско-литературный Арбат», характеризует судьбу Арбата, показывает изменение лика России. То же наблюдаем в творчестве Марины Цветаевой. Культура российской диаспоры, пожалуй, впервые воспринималась как составная часть многообразного российского культурного наследия и один из показателей его мирового значения.

Юбилею Пушкина в 1937 г., казалось бы, сплотившему все ветви российской эмиграции, противостоял торжественный советский юбилей, когда Пушкин официально провозглашался предтечей наших социокультурных преобразований, и именно граждане Советского Союза представлялись его истинными наследниками (и действительно, в СССР, благодаря обращению к многообразному архивному наследию, осуществлена была наиболее результативная работа по изучению жизни и творчества Пушкина). Юбилей же Арбата буквально совпал по времени с международной конференцией с участием эмигрантов и их потомков «Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е годы», и мой доклад там имел название «Арбат в культуре российского зарубежья». Таким образом, юбилей Арбата явился в определенном плане предтечей не только юбилея Москвы 1997 г., но и пушкинского юбилея 1999 г. Мне, как члену Государственной комиссии по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина, это было явственно ощутимо на международных конференциях, заседаниях и выставках, и у нас, и за рубежом.

Когда произносят «Арбат», то издавна подразумевают не одну лишь улицу с таким названием длиной менее километра между Арбатской и Смоленской площадями, но и соседние улицы с переулочьем. Это вся местность от улицы Остоженки до Тверской, между нынешним кольцом бульваров от храма Христа Спасителя до Пушкинской площади и существовавшими еще незадолго до Великой Отечественной войны бульварами Zubовским, Смоленским и Новинским. Арбат — улица срединная в этой местности и — главное — единственная из улиц ее, сохраняющая свое неизменное название уже более 500 лет, дала наименование всему этому историко-культурному ареалу. Так воспринимался он классиками русской художественной литературы XIX в.; в начале прошлого столетия уроженец Арбата Андрей Белый ввел в обиход речи слово «арбатцы», а к исходу столетия утвердилось перенятое из произведений Булата Окуджавы понятие «арбатство».

Наше нынешнее представление об Арбате и зарождении «арбатства» относится ко времени рубежа XVIII–XIX вв., когда особенно заметна стала социокультурная общность, показательная для местности, где преобладали дома-усадебные дворян, а со второй половины XIX в. оказалось средоточие московской интеллигенции; потому-то именно здесь особенно много мемориальных музеев и досок.

Арбат и Приарбатье, и не только переулки, но и улицы — до начала XX в. оставались районом частной жизни, причем сравнительно обеспеченных слоев населения. П.И. Бартенев писал в основанном им журнале «Русский архив», что там «по преимуществу живут люди, принадлежащие к достаточному и образованному сословию» (1893. № 11. С. 395). Не было фабрик, больших торговых центров, даже учреждений заметного значения. Но зато невиданное более в Москве число церквей и небольших переулков, частных учебных заведений и лечебниц, А рядом совсем близко и главные «казенные» здания Москвы — Кремль и дом генерал-губернатора, дома собраний дворянского и купеческого, офицерского, Английский клуб, университет и главная библиотека, театры, консерватория, музеи, рестораны, центры торговли (Охотный ряд, торговые ряды у Красной площади, магазины Петровки и Кузнецкого моста, Смоленские рынки — один из них сеной и лошадей на месте у нынешнего высотного здания Министерства иностранных дел). Недалеко

были и клиники. В XIX в. Приарбатъе сравнивали с аристократическим Сен-Жерменским предместьем в Париже; с конца XIX в. возводят особняки в стиле модерн и богатые коммерсанты. Не случайно именно здесь, с переездом правительства в Москву в 1918 г., оказалось так много зданий посольств.

Арбат и Приарбатъе — и заповедное поле русской художественной литературы: там поселяли героев и романов Тургенева, и «Войны и мира» Л. Толстого, и сочиненного ранее того времени. А после 1917 г. — произведений и советских писателей, и писателей-эмигрантов. Можно даже так выразиться о хронологии Арбата: 500 лет в истории, 200 лет в литературе. Это и нечто особенное («В старых переулках за Арбатом совсем особый город», — замечал И. Бунин, а Б. Пастернак говорил о «мире Пречистенки и Арбата»), и воплощение собственно московского: знаменитый жанровый пейзаж В.Д. Поленова 1870-х гг. с изображением уцелевшего доныне храма Спаса на Песках называется «Московский дворик», а действие фильма 1960-х гг. «Я шагаю по Москве» происходит по другую сторону улицы Арбат, в Кривоарбатском переулке. В литературе, изобразительном и киноискусстве Арбат в широком понимании этого социотопографического явления становится как бы типологическим образом культуры московской повседневности и в то же время отражением происходящего в общественной жизни всей России (назовем широко известные у нас и за рубежом произведения послевоенных лет «Дети Арбата» А. Рыбакова и стихотворения-песни Б. Окуджавы).

Но при всем этом мысли и ощущения москвичей, и особенно любознательность приезжающих в Москву, сосредотачиваются, прежде всего, на самой улице Арбат. И для очень многих внешний облик и образ жизни нынешней улицы Арбат (или, как ее стали называть, «Старый Арбат» — в отличие от застроенного по однотипным зарубежным стандартам Нового Арбата) формируют первое впечатление о том, что признают знаком (или даже символом) современной московской культуры и московских культурных традиций.

Библиограф В.М. Мешков стал собирать сведения о стихотворениях об Арбате или с упоминанием этого наименования. Выявились стихи и многих вовсе малоизвестных авторов, но и знаменитых (даже немосквичей — от Некрасова до Ахматовой). Материал, готовившийся для второго выпуска альманаха «Арбатский архив», частично напечатан в номерах газеты «Арбатские вести», а теперь уже набралось его для своеобразной антологии более чем из 450 стихотворений, выходящей отдельной книгой «Легенда “Арбат”: библиографическая энциклопедия». Это явственный показатель и распространенного представления об Арбате как о местности, наименование которой как бы воплощает Москву в целом. В массовых песнях слова: «За нами Россия, Москва и Арбат»; в современном фольклоре женитьбу на москвичке обозначают словами: «Жениться окнами на Арбат». П. Антокольский еще в 1960-х гг. сравнивал Арбат с Пикадилли. С конца 1980-х гг., особенно после 1993 г., сравнение Арбата с Бродвеем, Монмартром — в стихах авторов и неодинаковой стилистической и общественной ориентации (Е. Бунимовича, С. Куняева, Н. Мирошниченко и др.). Название «Арбат» дают магазинам, торговым точкам (в Москве у площади Гагарина, в ГУМе). О пешеходных улицах в других российских городах (особенно если там еще и интересные достопамятности) говорят: «Это — наш Арбат».

Считается, что, побывав в Москве, должны обязательно полюбоваться Кремлем и его окрестностями и повидать Арбат. Кремль — это традиция величия российской державности и высокий образец градостроительного и изобразительного искусства. На Арбате же ожидают знакомства с историко-культурными традициями московской повседневности.

Ссылаются при этом и на недавнее ощущение Арбата самими москвичами. Оно хорошо передано в словах Дмитрия Сергеевича Лихачева. Наш великий и образованнейший старший современник, повидавший многое и в нашей стране, и за рубежами ее, знаток написанного и сказанного об этом, в бытность руководителем Фонда культуры предпочитал останавливаться в гостинице в Плотниковом переулке, получившей сейчас название «Арбат», и мы не раз гуляли по переулкам Приарбатья. Когда ему послал первый номер газеты «На Арбате» (это — орган управы «Арбат», издающийся теперь как «Арбатские вести»), сразу в письме от 30 марта 1995 г. пришел отклик: «Очень тронула и газета “На Арбате” — в Петербурге любят Невский, гордятся им, но без той нежности, которую всегда ощущаешь у москвичей по отношению к Арбату. Невский слишком официален...» Увы, сейчас, т.е. по прошествии всего семи лет, москвичи не говорят уже с нежностью о сегодняшнем Арбате. Это сохраняется лишь в ностальгических ощущениях старожилов — и если у меня достанет времени и сил на подготовку книги об Арбате и «арбатстве», то в заголовке (или подзаголовке) ее будут слова Булата Окуджавы: «Когда еще Арбат существовал».

Арбат ныне оставляет во многом малоприятное впечатление (о чем не раз писали и в газетах центральных, и московских), и главное — неправильное представление о Москве в целом. По сегодняшнему Арбату многие судят о сегодняшней Москве, не имея возможности увидеть и оценить происходящие на наших глазах изменения внешнего облика города и его жизненного тона. Убеждаюсь в этом и слыша разговоры групп иностранцев, обсуждающих то, что они встретили на Арбате. Тем более что немало из них совершают тур по программе, где и Москва, и Петербург. И если Арбат прежде не отличался запоминающимися зданиями особой красоты, то теперь он утратил и признаки улицы культурного наследия. И вычитанное об Арбате — в разительном противоречии с тем, что можно сегодня увидеть. Вот это-то меня особенно тревожит — и как московского старожила, и как историка-московеда, и как патриота Москвы. Это — моя боль!

Несомненно, что улица Арбат в последнее время, точнее даже в недавние месяцы, приняла более благопристойный вид — выглядит чище, упорядоченными, а иногда даже и красивыми стали места торговли; и забота о внешнем облике улицы и управы «Арбат», и Центрального административного округа г. Москвы заметна старожилам. Оповестили нас в печати и о принятых Правительством Москвы решениях о дальнейшем развитии и реконструкции Арбата. Однако Арбат никак не напоминает улицу преемственности культурных традиций, тем более историко-мемориальную местность.

Арбат совершенно не дает представление об образе жизни собственно москвичей. Да и местных жителей и вообще москвичей там почти и не встретишь, улица заполнена приезжими. Бросается в глаза полное отсутствие детей школьного возраста. Точнее, до 15–16 лет. Стайки же старшеклассников, гнездящиеся у так на-

зываемой стены Цоя на углу Кривоарбатского переулка, отличаются малопривлекательной спецификой. Не встретишь и родителей с колясками. Почти нет и пожилых людей — в магазинах цены из наиболее высоких в Москве; магазины и лавочки с необходимыми промтоварами (такими как электрические лампочки, нитки, иголки) исчезли, присесть негде. Многие годы Арбат был средоточием магазинов книжных (особенно букинистических), репродукций, писчебумажных товаров. Некоторые из них остались, но там теперь преобладает антиквариат, а букинистические издания — по ценам, не доступным по-настоящему читающей публике.

Арбат — улица гуляющих приезжих и обслуживающих их — товарами, песнями, рисованием портретов или иными известными способами, что особенно заметно в вечерние часы. А на уличных прилавках в основном «экзотика» «русская» или «советская» — как в стихах В. Кострова: «Пусть купят заграничные разини / там самовар, ну, лапти, — / вот и вся», завершающихся двустушием: «Но потешать историей России, / мне кажется, и стыдно и нельзя!»

Вот такой обидный образ повседневной московской культуры возникает у гостей нашего города. Возрастающий уважительный интерес к нашей российской культуре остается неудовлетворенным. Между тем именно это в последнее десятилетие особенно привлекает зарубежную интеллигенцию. Прежде особенно интересовал феномен социально-политических преобразований, обеспечивших и необычайные, и пугающие достижения в области военно-промышленного комплекса. И потому модной, дававшей к тому же немалый доход становилась специализация «советолог». Теперь стремление овладеть такой проблематикой резко ослабевает. Но зато развивается потребность изучения особенностей истории нашей культуры, и не только в сфере ее высших проявлений: в парижском университете Сорбонна, например, в 2000 г. организовали международную научную конференцию «Краеведение в России. 1890–1990 гг.: истоки, проблемы, возрождение» с приглашением и москвичей, и специалистов из других мест. Широко было отмечено в 2001 г. 125-летие Тургеневской библиотеки в Париже: на Международном коллоквиуме «Париж и русская эмиграция: культура в изгнании, культура изгнания» делегацию Правительства Москвы возглавлял М.Л. Щербаченко, а мой доклад «Возвращение культуры российской диаспоры в современную культуру России» был на пленарном заседании. Пушкинские торжества 1999 г. (сопровождаящиеся открытием памятников, конференциями, выставками) имели место во многих городах всех континентов. И если осуществится намерение построить небольшие гостиницы для иностранцев в арбатских переулках, то поселившихся в таких сравнительно недорогих отелях лиц интеллигентских профессий будут интересовать прежде всего подлинные культурные традиции Москвы и России, воплощением которых их приучили считать «Арбат».

Улица Арбат в последние десятилетия закрепила в широких общественных представлениях как неотъемлемая составная образа Москвы, даже как визитная карточка нашего города. И мы сами постарались в свое время создать такой имидж, т.е. целенаправленно формируемый образ, признанный оказать эмоционально-психологическое воздействие в целях популяризации и рекламы этого явления (нарочно привожу определение понятия «имидж» в Большом энциклопеди-

ческом словаре). Это уже данность. И следует постараться, чтобы знакомство с Арбатом вызывало высокие представления о культуре Москвы и России и в прошлом, и настоящем. Образ же нынешнего Арбата этому никак не способствует. Во имя престижа Москвы должно попытаться облагородить его, сделать достойным нашего великого города. Арбат должен выглядеть как улица культуры и исторической памяти Москвы.

Полагаю, что этим без отлагательств должны заняться и в Правительстве Москвы, и руководители Центрального административного округа, и в Московской городской думе. Убежден в том, что это встретит поддержку в управе «Арбат» и у арбатской общественности. И именно для последующего обсуждения и намерен поделиться некоторыми своими соображениями. При этом исхожу из того, чтобы мои пожелания не требовали, в случае их осуществления, ни больших затрат, ни изменений в плане реконструкции архитектурного облика Москвы.

Можно обойтись и без возведения зданий на Арбате. Хотя очень желательно было бы восстановить колокольню храма Николы Явленного на углу Серебряного переулка — большая улица, да еще с такой долгой историей, не может быть без храма. Арбат называли улицей святого Николая по храмам на улице и вблизи нее; но в начале 1930-х гг. все это снесли; однако место церкви Николы Явленного осталось не застроенным большими домами. Именно эта колокольня на изгибе улицы, о которой с трепетной любовью вспоминали писатели-эмигранты, создавала впечатление о холмистости местности, и в период, когда не было еще многоэтажных зданий, видимо, и породила предание, будто наименование «Арбат» произошло от слова «горбат». Храм же новодел может и не быть повторением прежнего. Хорошо бы, конечно, восстановить ампирный особняк с колоннами, выступавший на тротуар близ этой церкви и погибший в ночь бомбежки Москвы 22 июля 1941 г. Конечно, здание теперь следовало бы отодвинуть к линии основных домов. В этом доме, владельцы которого были (прямо или косвенно) связаны с Пушкиным, находился в течение десятилетий знаменитый портрет Пушкина работы Тропинина. Там удобно было бы открыть Музей истории Арбата, если не удастся приспособить для него оригинальной архитектуры деревянный дом № 36 по Староконюшенному переулку (почти у самого Арбата), где можно было бы иметь экспозицию и по истории семей жителей самого дома, построивших особняк Пороховщиковых (а это и коммерсанты, и изобретатели, и актеры) и князя С.Н. Трубецкого — первого выборного (в 1905 г.) ректора Московского университета. Ведь Арбат с переулочьем — это до начала XVIII в. и средоточие ремесленников (что отразилось в названиях переулков). Арбат — и улица-воин: по этой дороге шли нападавшие на Москву и покидали город пытавшиеся покорить его. А в сталинское время — это и зона особого охранительного режима. История улицы Арбат многогранна и не сводится к культурным традициям.

Изменять должно не внешний образ Арбата, а добиваться того, чтобы на Арбат тянулись москвичи, чтобы улица стала привлекательной для молодежи, студентов и школьников, для лиц интеллигентских профессий, чтобы появились притягательная для них специфика торговли и культурно-образовательные центры.

На Арбате знаменитый Театр имени Вахтангова, напротив возник Театр имени Р. Симонова. Надо думать, вскоре откроется Музыкальный центр П.Я. Слободки-

на, но это все для вечерней жизни. Дневной Арбат не вызывает интерес тех категорий москвичей, о которых только что упоминал. Вероятно, следует вернуть улице свойственную ей более столетия специфику улицы книжной, писчебумажной, нотной торговли. Чтобы именно здесь был бы магазин, где сосредоточены издания и репродукции, посвященные прошлому и настоящему Москвы (и как хорошо было бы, если б и в Москве, как в Париже, можно было бы купить воспроизведения пастельных видов Москвы!), а также магазин старой уцененной научной и учебной книги, где можно было бы приобрести и разрозненные тома энциклопедических справочников, продолжающихся научных изданий, собраний сочинений. Хорошо бы и открыть лавку современных журналов (или даже газет), причем не только московских, с читальным залом. Именно на Арбате могли бы быть сосредоточены небольшие развалы — «ящики» букинистов (предлагающих и изобразительный материал), как на набережной Сены в центре Парижа. Это сразу бы изменило облик арбатской «публики».

Особенно важно, чтобы на Арбате был бы музей, привлекающий и взрослых, и обязательный для школьной программы. И для него уже имеется здание, доселе не использовавшееся в таком плане. Это единственный во всем этом районе образец барских палат дворцового типа — остаток Арбата эпохи действия «Войны и мира». Это дом № 37, особняк конца XVIII в., восстановленный после пожара 1812 г., интересный и своими владельцами (великая актриса Е. Семенова, ставшая уже княгиней Гагариной, мемуарист Д.Н. Свербеев, близкий к декабристам внук Екатерины Великой граф В.А. Бобринский — все они из пушкинского окружения) и, главное, с сохранившимся дизайном, великолепным внутренним двором и подвалами, столь необходимыми для музейного здания. Там более ста лет размещаются судебные учреждения — сейчас Московский окружной военный суд. Во дворе и трехэтажное здание казарм, которое легко можно было бы приспособить и для служебных помещений сотрудников, и для запасников музея. Во дворе можно бы построить и соответствующий современной технологии выставочный зал или зал для заседаний. После уничтожения сооруженной во второй половине XX в. стены, скрывающей то, что делалось в этом учреждении особого назначения, обнаружилось бы великолепное здание, украшающее Арбат и возвращающее память к великим традициям нашей культуры. Если удалось бы добиться размещения Московского военного суда в другом здании, сюда можно было бы перевести один из больших музеев, расположенных сейчас в церковных зданиях, — Государственный Литературный музей или Музей истории Москвы. У Литературного музея близко и его филиалы: в Сивцевом Вражке — по литературе XIX в. и Дом-музей Герцена, на Молчановке — Музей Лермонтова, в Трубниковском переулке — Музей литературы послереволюционной поры, в Денежном переулке — квартира Луначарского с архивом музея.

Но, пожалуй, правильнее было бы предоставить это помещение Музею истории Москвы — это бы во многом объясняло, почему Арбат признают историко-мемориальной зоной города, обеспечило бы постоянное присутствие на Арбате школьной молодежи и их учителей. Да и здание само могло бы рассматриваться как экспонат московской истории. Ведь наиболее ценное по истории допетровской эпохи сосредоточено в Музее Оружейной палаты и в Кремле, в Историческом му-

зее и в музеях в пределах Китай-города, а археологические находки — в подземелье Манежной площади. А это был бы музей московской повседневной истории XVIII–XX вв. — многообразнейшие экспонаты именно такой тематики сосредоточены в нынешнем здании Музея, точнее, запрятаны в большинстве своем в запасниках, о богатстве которых можем судить лишь по выставкам, периодически организуемым сотрудниками Музея, несмотря на малую площадь и неудобства имеющих сейчас помещений.

Чтобы Арбат еще в большей мере ощущался улицей исторической памяти, и особенно истории русской литературы (напомним, что там существуют уже музей-квартиры Пушкина и Андрея Белого и намерены создать Центр Булата Окуджавы), хорошо было бы установить на стенах арбатских домов больше памятных досок «историческим лицам», родившимся или достаточно долго проживавшим здесь (так, хочется думать, что наконец появится доска в память писателя Юрия Казакова, который жил в доме № 30, тем более что в 2002 г. и 75-летие со дня рождения его, и 10-летие со дня кончины), и особо оформить на стенах перечни лиц из арбатских домов, имена которых попали хотя бы в «Московскую энциклопедию». При этом можно теперь опереться на информацию в книгах И.И. Левина, писателя, много способствовавшего возбуждению интереса к приближающемуся юбилею Арбата, «Арбат — один километр России» и моей однофамилицы архитектора О.Р. Шмидт «Арбат. Путеводитель».

Конечно, когда речь идет об Арбате, имеем в виду и ближайшие дома приарбатских переулков, где могут быть размещены и небольшие магазины (особенно для повседневных нужд местных жителей), и небольшие кафе, воссоздающие ту атмосферу уюта, о которой узнаем и из произведений художественной литературы, и из мемуаров.

Думается, что предлагаемая мною программа рассчитана не на один год. Но если последовательно действовать в таком направлении, то уже через несколько лет знакомство с Арбатом станет реально ощутимой демонстрацией преемственности и развития нашей культуры. Москва ведь и одна из великих культурных столиц мира. А Арбат, улица и даже большей территории местность, — названия, неотделимые от представления о Москве. Арбат должен быть и школой познания прошлого и настоящего нашего города, и достойным воплощением исторической памяти и культуры Москвы.

¹ См. также: *Митрофанов Н.Н.* Московский энциклопедизм не должен зависеть от юбилеев (Новый век — новый вызов москвоведению, полагает С.О. Шмидт) // *Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту.* М., 2000. С. 357–359.

ШКОЛА ИМЕНИ ТАНЕЕВА В СИСТЕМЕ МУЗЕЙНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО КОМПЛЕКСА АРБАТА

Юбилейные концерты учащихся Детской музыкальной школы им. С.И. Танеева, проходившие в Большом зале Консерватории, воспринимались и старым и малым как праздник. Они были также демонстрацией полезнейших творческих взаимосвязей прославившейся уже музыкальной школы Москвы и главной консерватории России. Для меня, озабоченного сохранением представления об Арбате и Приарбате как о средоточии традиций московской интеллигенции, существенно и то, что Центр Танеева, способствуя расширению кругозора юных музыкантов, поможет их знакомству с этими дорогими мне с детства традициями. И потому полагаю важным при планировании музейной экспозиции в Центре не ограничиваться лишь тем, что демонстрирует вклад великого композитора, пианиста и педагога в развитие музыкальной культуры и свидетельствует о выборе многими выдающимися композиторами и музыкантами-исполнителями именно Приарбатя местом своего проживания. Важно показать, что Танеев принадлежал к кругу выдающихся ученых, писателей, юристов, художников, для которых к тому же всегда оставался примером высоконравственного жизненного поведения.

Он — деятельный участник торжеств в дни открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 г. Особенно тесно связано имя Танеева с именами его друга физика Столетова и близких ему профессоров Московского университета — физика Умова, антрополога и географа Анучина, биолога Тимирязева, социолога и историка Максима Ковалевского, юриста Муромцева и его супруги певицы Климентовой. Танеев был желанным гостем в доме Льва Николаевича Толстого, дружил с художником Владимиром Маковским.

В том же доме жил и старший брат музыканта, Владимир Иванович Танеев — известный в России и за рубежом видный общественный деятель и социолог, а также адвокат, славившийся неподкупностью, а еще — главный устроитель так называемых «академических обедов» в ресторане «Эрмитаж» в конце 1870-х гг. (происходивших в первое воскресенье каждого месяца). Обеды эти — по выражению Тимирязева — были «собирательным центром» общественной жизни ученых и писателей Москвы. Владимир Иванович собрал огромную библиотеку разноязычных изданий, ставшую в послереволюционные годы основой той библиотеки, из которой вырос нынешний Институт научной информатики по общественным наукам — ИНИОН РАН.

Сергей Иванович Танеев был убежденным пропагандистом творчества своего учителя Чайковского — именно он познакомил публику с теперь столь знаменитым Первым концертом Чайковского для фортепиано с оркестром в концертном исполнении. При первом прослушивании начальной части оперы «Евгений Онегин» Танеев исполнял на фортепиано новую музыку Чайковского — на квартире

основателя и первого директора Московской консерватории Николая Рубинштейна, считавшего Танеева лучшим пианистом-виртуозом среди своих учеников. Именно Чайковский позднее настаивал на том, чтобы Танеев занял пост директора Консерватории. Танеев-педагог воспитал плеяду выдающихся композиторов (Глиэр, Метнер, Рахманинов, Скрябин и другие) и пианистов (среди них Гольденвейзер и Игумнов); классика грузинской музыки Палиашвили. Все они часто бывали у гостеприимного Танеева, где распорядком жизни ведала любимая няня и комнаты были до потолка заставлены шкапами с нотами и книгами. В этом доме, а затем и в доме № 2 по Малому Власьевскому переулку (куда переселился Танеев после переезда брата в имение под Клином) радушно принимали и петербургских композиторов Бородина, Римского-Корсакова, Глазунова.

Экспозиция музейного типа в Центре Танеева могла бы, таким образом, давать понятие и о многосторонней культуре, и о моральных основах жизни передовой московской «профессуры» конца XIX – начала XX вв. Это убеждало бы и в том, как дорожили эти люди приобщением к музыке, как велика была роль музыки в их жизни. Очень важно было бы к двойному юбилею великого русского композитора и педагога Сергея Ивановича Танеева обеспечить возможность такого ремонта и музеефикации исторического ансамбля, чтобы он стал центром музыкальной культуры Приарбатья и всей Москвы, равным по значению и влиянию литературным центрам в Домах-музеях А.С. Пушкина, А.И. Герцена, Л.Н. Толстого, М.Н. Цветаевой. Но если Дом-музей А.Н. Скрябина по другую сторону Арбата является прежде всего концертным залом и выполняет, помимо музыкально-мемориальной, еще и концертную функцию, то в Центре Танеева могла бы формироваться школа широкого общекультурного воспитания юных музыкантов и получили бы развитие мастер-классы выдающихся педагогов скрипичного мастерства, например под руководством Г.С. Турчаниновой, мастер-классы фортепианного искусства, возглавляемые И.И. Юдович, и мастер-классы прочих достойных педагогов, которыми богата школа имени Танеева.

ФЕДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Очень приятно, что именно мне доверили первому выступить с пожеланиями в день возрождения Федоровских чтений. Прежде всего, раз я нахожусь в конференц-зале типографии «Наука», считаю своим долгом, как почтенный уже по стажу сотрудник Академии наук, поблагодарить издательство «Наука», работников и самого издательства, и типографии. Совсем недавно Археографическая комиссия подготовила четыре тома трудов знаменитого историка академика С.Ф. Платонова. В первый том включены его сочинения, еще три тома содержат переписку ис-

торика. Это — уникальный источник по истории общественной жизни и исторической науки. Сотрудники издательства, в частности замечательные редакторы Н.Л. Петрова и Л.М. Кузнецова, за короткое время смогли это подготовить, показав высокий класс профессионализма. Поэтому я прежде всего хотел бы поблагодарить тех, кто нас сюда пригласил, — гостеприимный коллектив Академиздатцентра «Наука» РАН.

Естественно, что в каждый новый год, а тем более на рубеже столетий и тысячелетий, мы думаем о том, что было сделано, что нам нужно взять с собой в будущее. Сейчас мы находимся на рубеже столетий и тысячелетий. Последнее десятилетие было чрезвычайно сложным, переломным, многое изменившим в жизни граждан бывшего Советского Союза. Сегодня мы отбираем то, что нужно оставить из культуры прошлого века и принести тем, кто будет вслед за нами трудиться в третьем тысячелетии.

У нас сейчас принято говорить о том, на сколько процентов в год выросла наша экономика, хотя это порой не заметно, но считается признаком прогресса. Думаю, то, что произошло сегодня, — возрождение Федоровских чтений — является не столь масштабным событием, но признаком установления, утверждения цивилизационных основ развития нашей культуры. Федоровские чтения были в прошлом событием объединяющим. Они объединяли людей разных поколений, разных положений, с научными степенями и без. Среди них были и старые, знаменитые, как А.А. Сидоров, уже становившийся на глазах знаменитым Е.Л. Немировский и те, кто стали такими известными уже после Федоровских чтений, как И.В. Поздеева и Ю.А. Лабынцев, продолжающие научные традиции в настоящее время. Федоровские чтения объединяли научные учреждения Академии наук и вузы, они объединяли все книгохранилища (библиотеки, архивы и музеи), они объединяли республики СССР, провинцию и столицу. Поэтому это было явление не только истории книжной культуры, но и нашей общественной жизни в целом. И мы можем сегодня это возродить.

Кое-что порушено окончательно, например, Отдел рукописей Библиотеки Академии наук, но Федоровские чтения возродить можно, и столь важное дело не может нас всех не радовать. Это свидетельство продолжающейся, несмотря ни на что, плодотворной работы в области книговедения и истории старопечатной книги. Подвижники не только не вымерли, но воспитывают новые кадры. А поскольку это не высоко оплачиваемая работа, то воспитывают подвижников-энтузиастов, которые с интересом, а значит, и с все расширяющейся эрудицией, занимаются своим делом. Более того, эта заинтересованность реализуется по-прежнему совместными усилиями специалистов России, Белоруссии и Украины, потому что это наше общее старопечатное наследие. Все эти страны входили в культурное пространство древнерусской культуры и древнерусской письменности, главными очагами которых были Киев и Великий Новгород. Общемировой тенденцией является одновременная интеграция не только в экономическом плане, как введение евро, но и в культурном плане. Молодое поколение еще доживет до момента, когда при сохранении культурных особенностей местности, бережном отношении к культурному вкладу аборигенов будет развиваться тенденция обобщения культурных представлений и знаний.

Вторая тема, о которой хочется сказать, — это сохраняющаяся и лидирующая роль нашей Российской академии наук в развитии отечественной науки. Особенно мне хочется подчеркнуть роль научных советов РАН, задача которых состоит в координации работы в тех или иных областях знания. Недавно было заседание Научного совета РАН «История мировой культуры», прошедшее под председательством академика Ю.А. Рыжова. На нем был заслушан очень интересный доклад В.И. Васильева, который убедил собравшихся, что изучение истории книжной культуры снова становится одним из главных направлений в деятельности Научного совета в целом. Оно имеет интегрирующее значение. Присутствующие здесь воспринимают книжную культуру как часть гуманитарной традиции. Но книжная культура — это традиция, объединяющая направления и гуманитарных, и негуманитарных наук. Издательство «Наука», а сначала типография Академии наук, прославились именно тем, что издавали сочинения и гуманитариев, и негуманитариев.

Темы, связанные с деятельностью Ивана Федорова и его учеников, характерны для всех Федоровских чтений. Сейчас благодаря Е.Л. Немировскому появилась очень емкая статья в энциклопедии «Книга», где указаны основные темы всех прошедших с 1973 г. Федоровских чтений. В их центре всегда была фигура первопечатника, история старопечатной книги. Но обращались и к другим широким проблемам — «читатель и книга», «историография и книговедение», к которым нам нужно вернуться. Особо отмечались юбилейные даты — превращение Румянцевского музея в главную публичную библиотеку и другие. Думаю, что тем, кто будет готовить следующие Федоровские чтения, необходимо уделить особое внимание проблемам историографии и источниковедения книжной культуры, помочь обобщению важных наблюдений книговедов Москвы, Петербурга, провинциальных культурных центров в последнее десятилетие.

Прежние сборники «Федоровские чтения» уже стали для нас источниками по истории развития науки о книжной культуре. Новое поколение должно их изучать. Если подвести итоги развития нашей книжной культуры, то это одна из тех немногих сфер культуры, которая принципиально не пострадала, и традиция не утрачена. Книголюбы и книговеды остались в нашей стране, они продолжают работать, с их достижениями считается и мировая наука.

И хорошо, что избрана не одна, а две главные темы для сегодняшней конференции, ибо — повторяю — Федоровские чтения всегда отличались многообразием проблематики. Хорошо и то, что успели издать сборник статей. Радует то, что в форуме участвует много провинциальных специалистов, много статей по истории провинции. Это тоже показательно для нашего времени. Сейчас в среде ученых пересматривается взгляд на роль провинции не только в социокультурной, но и государственно-политической жизни еще в давние времена. Это понимают и за рубежом: так, международная конференция в Вене в июне 2003 г. была посвящена проблемам региональной истории допетровской России. И у нас, и за рубежом все большее внимание уделяют истории российской провинции в XIX–XX вв. В последние годы значение провинции в жизни страны, несомненно, растет. Здесь присутствуют представители провинции, я не могу не поблагодарить их за помощь, содействие, творческое соучастие в издании каталогов Археографической комиссии: Каталога славяно-русских рукописных книг, вторая часть которого вышла в

начале этого года, и Каталога личных архивных фондов отечественных историков. Мы просим сообщать нам новые дополнительные данные, которые мы сможем использовать при продолжении реализации этих проектов. В Археографической комиссии произошли изменения, буквально на следующий день после достижения 80-летия я просил освободить меня от руководства. Мне хотелось, чтобы этот пост занял тот, кого я видел продолжателем общего дела, — член-корреспондент РАН С.М. Каштанов. Теперь я почетный председатель Археографической комиссии, а Каштанов будет руководителем и главным редактором каталога древних рукописей. Но все остальные издания остаются под моей редакцией, поэтому я персонально заинтересован в получении такого рода информации.

Конечно, мы воспитаны таким образом, чтобы обращать внимание на разные юбилеи. Но обозрение сделанного после отмечаемой даты действительно помогает оценить свершенное. И юбилеи, к которым приурочены наши Федоровские чтения, дают возможность понять, что сделано в области изучения и старопечатания, и книжного дела Академии наук. И еще важная юбилейная тема этого года — 300-летие Санкт-Петербурга. А Академия наук возникла именно там. Мне представляется неосновательной тенденция противопоставления Москвы и Санкт-Петербурга. «Порфироносная вдова» — многозначашее определение Пушкиным Москвы — счастье русской культуры. В России с XVIII в. были две культурные столицы. В русской культуре было не противостояние, а состязание этих столиц, что чрезвычайно способствовало ее развитию, многообразию.

Сейчас издательство «Наука» стало флагманом развития издательского дела в России. В.И. Васильева в этом году избрали президентом Ассоциации книгоиздателей, он стал человеком года. Это объясняется не только тем, что он крупный ученый, но и уважением, которое испытывают все к научной и производственной деятельности издательства «Наука». В наше время научная книга сохраняет свое значение. Мы с вами переживаем очень тяжелый период. Веками воспитывалось понятие о том, что книга — это источник знаний. Это убеждение двух или трех ныне здравствующих поколений. В то же время изменение современной технологии восприятия, телевизионная эра, когда визуальное первоначальное восприятие приравнивается к тому, что мы раньше постигали в письменном слове, очень многое меняет. Теперь читать стали меньше, причем во всем мире. В конце декабря прошлого года был трагический разговор с гениальным мальчиком, победителем многих олимпиад. Он сказал, что в среде его сверстников читать не модно, не принято. Современные богатые люди заказывают дизайнерам виллы без книжных шкафов. Происходит нечто, меняющее роль книги в жизни. Это очень отражается и на психике, потому что чтение должно быть вдумчивым, развивает интеллект. Телевидение уменьшает самостоятельность выбора. В научной жизни такое произойти пока не может, потому что она может развиваться, только отталкиваясь от накопленного ранее, продолжая, противопоставляя, развивая.

Издание научной книги поддерживает развитие культуры книги как таковой. Наше издательство «Наука» совершенно издает серию «Литературные памятники», собрания сочинений классиков литературы. Вспоминаю с грустью слова одного француза, я писал об этом, который в ответ на вопрос, «что он считает главным событием столетия?», сказал: «Потерю лошади». Лошадь тысячелетиями была дру-

гом человека, воспитывала отношение к живому существу. А сейчас мы столкнулись с проблемой утраты книги, которая является другом и спутником человека. Надеюсь, что я, как и большинство из вас, не доживу до времени ее исчезновения. И тем более мне кажется благородным, гуманистически важным продолжение занятий по истории книжной культуры, даже если это станет такой же редкой профессией, как изучение античности или ориенталистика.

Очень рад приветствовать всех вас, заинтересованно собравшихся здесь. Считаю необходимым поблагодарить Комиссию по истории книжной культуры и комплексному изучению книги и Научный центр исследований истории книжной культуры при Академиздатцентре «Наука» РАН за то, что они сумели организовать такую конференцию, а также издательство «Наука», сумевшее продемонстрировать высокий уровень современного книгоиздательского дела, выпустив сборник статей к ее началу. Хочу пожелать, чтобы нынешние Федоровские чтения стали прологом к дальнейшей деятельности по изучению истории книжной культуры. Мы видим в зале достаточно много молодых людей, а это является залогом удачного продолжения дела, начатого сегодня.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к изданию 2007 г.	3
От редакции	4
Прошлое Москвы	
Основатель Москвы Юрий Долгорукий	7
Рецензия на первый том издания «История Москвы в шести томах»	9
В начальный год Московского царства	15
Памятные даты начала Московского царства	24
Митрополит Московский Макарий и государственные преобразования России в середине XVI в.	33
К факсимильному изданию Лицевого летописного свода	36
Судебники и формирование системы делопроизводства в Российском государстве	43
Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв.	48
Предисловие	48
Правительственные учреждения Российского государства	50
Система приказного делопроизводства	54
Система хранения и описания документов	59
Виды и разновидности приказной документации	63
Судебно-следственные материалы	76
Документальные материалы о военной и придворной службе	78
Документация внешних сношений Российского государства	83
Документы внешних сношений и развитие культуры Руси допетровского времени	93
«Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства XVI–XVII столетий	103
Московский Кремль в культуре России	144

Первое издание «Слова о полку Игореве» в развитии культуры России	152
Московское детство Пушкина	165
Московские церкви в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина	180
«Архивны юноши толпою...»	185
Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 года	214
«Ницца — рай...». О культурных взаимосвязях между Лазурным берегом Франции и Россией	248
Арбат в истории и культуре России	253
Цветаевы в культуре Арбата	343
Два Арбата Марины Цветаевой	346
Арбат Бориса Зайцева	347
Арбат в культуре российского зарубежья	349
Булат Окуджава и «арбатство»	357
90-летие знаменитой московской школы	370
Приемы в Кремле в честь полярников	373

Москвоведение и очаги его развития

Роль москвоведения в развитии отечественного краеведения	393
Роль музеев Москвы в сохранении и изучении историко-культурного наследия ..	402
Музеи Московского Кремля и изучение истории России XV–XVI веков	416
Культурная миссия музея	417
Исторический музей и его сотрудники в науке и просвещении России	420
Забелинские традиции Исторического музея	431
«Горки Ленинские» и краеведческое движение Подмосковья	435
Архивы Москвы: прошлое и настоящее	437
Мосгорархив и годовщина битвы под Москвой	440
50 лет деятельности Археографической комиссии	443
К истории возрождения научных контактов России с Афоном	450
Слова признательности (К юбилею Института славяноведения Академии наук)	458
Московский университет 1960–1990-х годов и развитие археографической культуры России	462
Архив Российской академии наук и развитие архивоведения: прошлое, настоящее, будущее	470
Десятилетия содружества Историко-архивного института и Археографической комиссии	478
Краеведение в Историко-архивном институте	489
Профессора Историко-архивного института и развитие исторической географии	491

Наш кружок	504
К юбилею студенческого научного кружка Историко-архивного института	519
Слово о пользе краеведения	529
Роль Фонда культуры определялась союзом Д.С. Лихачева и Р.М. Горбачевой ..	532
Выставка в Музее А.С. Пушкина «Пушкин. Москва. 1826»	535
К выходу первого номера журнала «Научная книга»	541
К 20-летию «Московского журнала»	545
К юбилею газеты «Тверская, 13»	546
Замыслы пожилого арбатца-москвоведа	547
Школа имени Танеева в системе музейно-просветительского комплекса Арбата ..	567
Федоровские чтения — возрождение традиции	568

Научно-популярное издание

Шмидт Сигурд Оттович

История Москвы и проблемы москвоведения

Книга 1

Редактор *Т. Толстова*
Художник *К. Журавлев*
Корректор *Н. Самбу*
Верстка *П. Сандомирского*

Подписано в печать 01.12.2013
Формат 70х100/16. Тираж 1000 экз.
Заказ № 2755

ООО «Книжница»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6, кв. 65.
Тел.: (495) 629-04-82
E-mail: gpred@mail.ru

Сайт издательства: www.gp-net.ru
Сайт книжного магазина: www.kmrz.ru

ISBN 978-5-903081-33-2

9 785903 081332

Отпечатано в ППП «Тилография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6

Уроженец и выдающийся знаток Москвы Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013) — видный российский историк, организатор науки, педагог, общественный деятель, академик РАО, советник РАН, заслуженный профессор РГГУ, главный редактор «Московской энциклопедии», автор монографий, многих сотен статей, документальных публикаций, интервью.

Настоящее издание избранных трудов ученого в двух книгах объединяет свыше ста работ 1947–2012 гг. научного, научно-популярного, публицистического, биографического и мемуарно-автобиографического жанров по государственно-политической и социокультурной истории Москвы, историографии, проблемам развития краеведения и москвоведения.

В первую книгу вошли работы, посвященные Москве со времен основания города до наших дней, архивам, музеям, научным учреждениям и обществам Москвы, историографии москвоведения, различным сторонам культурной и общественной жизни столицы. Особая тема — Арбат, малая родина автора.

